This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 720.2

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

BOUGHT WITH

THE GIFT OF

WILLIAM AMORY GARDNER

OF BOSTON

(H. U. 1384)

Received 13 July, 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1886

Digitized by Google

СѢВЕРНОРУССКІЯ

НАРОДОПРАВСТВА

ВО ВРЕМЕНА УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАГО УКЛАДА

(ИСТОРІЯ НОВГОРОДА, ПСКОВА И ВЯТКИ).

Томъ I.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1886

Digitized by Google

Slav 720.2

JUL 13 1898
LIBRARY.
Gardner fund.

(1249)

Digitized by Google

НОВГОРОДЪ—ПСКОВЪ—ВЯТКА.

(Лекціи, читанныя въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1860—1861 гг.).

Злыя поклепы и лихія дѣла, и у вѣчьи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хощемъ: сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны.

(Псковск. Лѣт. I. 287).

Novagardia gentem quoqae humanissimam ac honestam habebat: sed quae nunc, procul dubio peste Moscovitica, quam eo commeantes Mosci secum invexerunt, corruptissima est.

(Herberst. edit. Starcz. 51).

Pro cultioribus atque adeo hamanioribus Plescoviensium moribus, corruptiores in omnibus fere Moscoviensium mores sunt introducti.

(Herberst. edit. Starcz. 52).

Digitized by Google

Digitized by Google

ИСТОЧНИКИ,

ПОСОБІЯ И СОЧИНЕНІЯ, СЛУЖИВШІЯ ДЛЯ СООБРАЖЕНІЯ.

---

1. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданіе археографической коммиссіи, т. III (Новгородская первая, вторая и третья лѣтописи). Т. IV (Новгородская четвертая и Псковская первая). Т. V (Псковская вторая и Софійская лѣтопись). Т. VI (Софійская). Т. VII (Воскресенская лѣтопись). Т. IX (Никоновская). Т. I. (Лаврентьевскій и Троицкій списки). Т. II, (Ипатьевскій списокъ).

2. Русская лѣтопись по Никоновскому списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1789, въ восьми томахъ.

3. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ четырехъ томахъ (преимущественно томъ I, гдѣ помѣщены договорныя грамоты Великаго Новгорода).

4. Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи археографическою экспедиціею, въ четырехъ томахъ (преимущественно томъ I).

5. Акты историческіе, собранные и изданные археографическою коммиссіею въ пяти томахъ (преимущественно томъ I).

6. Дополненія къ актамъ историческимъ, изданныя археографическою коммиссіею въ девяти томахъ (преимущественно томъ I).

Digitized by Google

7. Акты Западной Россіи, въ пяти томахъ (преимущественно томъ I).

8. Акты юридическіе, изданные археографическою коммиссіею. Спб. 1838.

9. Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Спб. 1851.

10. Памятники Россійской словесности XII вѣка. М. 1821.

11. Bunge, Liev-, Ehst- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Registern, Reval, 1852—1854, 1862.

12. Codex diplomaticus lubecensis, въ четырехъ частяхъ. Lübeck und Oldenburg. 1843—1858.

13. Sartorius, Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse, въ двухъ частяхъ; вторая часть изъ подлинныхъ актовъ. Hansisches Urkundenbuch und Urkunden-Verzeichnisse bis zum Jahr 1370. Hamburg. 1830.

14. Новгородскія писцовыя книги, изданныя археографическою коммиссіею. Спб. 1859—1861.

15. Писцовая Новгородская книга (Врем. Общ. Ист. и Др. VI).

16. Переписная окладная книга Вотской пятины (Врем. XII).

17. Родословная книга (Врем. Общ. Ист. и Древн., т. X).

18. Родословная книга (Др. Русск. Вивліоѳики, т. IX).

19. Русскія достопамятности. М., т. I, 1815, т. II, 1843, т. III, 1844.

20. Псковская судная грамота, изд. Мурзакевича. Одесса.

21. Памятники старинной Русской литературы, изд. граф. Кушелевымъ-Безбородко, т. I, II и III подъ редакціею Н. Костомарова, т. III, подъ редакціею А. Пыпина. Спб. 1860—1862.

22. Памятники древне-русской письменности, помѣщенные въ разныхъ книжкахъ, изд. въ журналѣ Православный Собесѣдникъ (1855—1862).

23. Духовный Вѣстникъ, изд. въ Харьковѣ, 1862 (Разные древніе памятники).

24. Napierský, Scriptores rerum livonicarum, въ четырехъ частяхъ. 1848—1853 (преимущ. въ 1 ч. лѣтопись Генрика и въ 4. Дитлеба фонъ-Альнпеке).

Digitized by Google

25. Schirren, Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands, vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken. St.-Pbg. 1860.

26. Gilbert de Lannoy. Voyages et ambassades 1399—1450. Mons. 1850.

27. Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI collegit et ad veterum editionum fidem edidit Adalbertus de Starczewski. Berolini et Petropoli. MDCCCXLI.

28. Behrmann, die Skra von Nougarden, d. i. Die Handels, Gerichts und Polizey Ordnung des Deutschen Handels-Hofes zu Nowgorod in uralten Zeiten, ins jetzige Deutsche übertragen, nebst einer einleitenden Vorerinnung einer Vergleichung derselben mit dem Lübschen Recht und erläuternden Anmerkungen. Copenhagen, 1828.

29. Неволина, О пятинахъ Новгородскихъ (Зап. И. Р. Г. Общ. VIII).

30. Грѣшнаго инока Іосифа сказаніе о новоявившейся ереси новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ Алексѣя Протопопа и Дениса, Осипа и Ѳедора Курицына и инѣхъ, иже также мудрствующихъ. 1491 г. (Др. Русск. Вивл. XIV).

31. Просвѣтитель или обличеніе ереси жидовствующихъ. Твореніе преподобнаго отца нашего Іосифа игумена Волоцкаго (Правосл. Собесѣдн. 1855, №№ 3—4. 1856, №№ 1—4.

32. Rafn, Antiquités Russes. 2 vol. Copenhagen. 1850—1851.

33. Тихонравова, Лѣтописи русской литературы и древности. М. 1859—1860 (Разные древніе и народные памятники).

34. Древнія Русскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. М. 1818.

35. Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ. 2 части. М. 1861—1862.

36. Студитскаго, Пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній. Спб. 1851.

37. Сельскія свадьбы Архангельской губерніи (Москвит. 1853. XIII, XIV).

38. Древности Россійскаго государства, изданныя по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая Павловича. М. Рисовано академикомъ Ѳ. Солнцевымъ, 6 тетр., преим. тетрадь 1-я.

Digitized by Google

39. Татищева, Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, пять томовъ. 1768, 1773, 1774, 1784 и 1848.

40. Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, томы I—VI включительно, изданіе первое.

41. Соловьева (Сергѣя), Исторія Россіи, томы I—V включительно. М. 1857—1858.

42. Долгорукова (Петра), Россійская Родословная книга въ 4 частяхъ. Спб. 1856.

43. Хронологическія таблицы Хавскаго. Спб. 1848.

44. Куницына, Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. Спб. 1843.

45. Энгельмана, Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской судной грамотѣ. Спб. 1855.

46. Устрялова (Ѳедора), Изслѣдованіе Псковской судной грамоты. Спб. 1855.

47. Соловьева (Сергѣя), Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. М. 1845.

48. Славянскаго, Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ. Спб. 1847.

49. Андреевскаго, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. Спб. 1855.

50. Лавровскаго (Петра), О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. Спб. 1852.

51. Опытъ о посадникахъ новгородскихъ. М. 1821.

52. Вельтмана, О Господинѣ Великомъ Новгородѣ. М. 1838.

53. Макарія архимандрита, Описаніе новгородскаго архіерейскаго дома. Спб. 1857.

54. Riesenkampf, Der Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiljewitsch III. im Jahre 1494. Dorpat. 1854.

55. Hermann (Ernst), Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches (über die Verbindung Nowgorods mit Wisby und der Deutschen mit den Russen. Leipzig). 1843.

56. Исторія княжества Псковскаго, 4 ч. Кіевъ. 1831.

57. Бочкова, Историко-статистическіе очерки Псковской губерніи. Псковъ. 1862.

Digitized by Google

58. Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. М. 1808.

59. Макарія архимандрита, Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ. М. 1860.

60. Графа М. Толстого, Святыни и древности Великаго Новгорода. М. 1862.

61. Графа М. Толстого, Святыни и древности Пскова. М. 1861.

62. Красова, О мѣстоположеніи древняго Новгорода. Новг. 1851.

63. Муравьева (Николая), Историческое изслѣдованіе о древностяхъ Новгорода. Спб. 1828.

64. Графа М. Толстого, Указатель Новгорода. М. 1862.

65. Метафраста Григорія, Описаніе Софійскаго Новгородскаго каѳедральнаго Собора. Новг. 1849.

66. Аполлоса, Описаніе Новгородскаго Софійскаго Собора. М. 1847.

67. Соловьева, протоіерея, Описаніе Новгородскаго Софійскаго Собора. Спб. 1858.

68. Куприянова, Разборъ сочиненія Красова о мѣстоположеніи древняго Новгорода (Москвит. 1851, XXIII).

69. Куприянова, Крестные ходы и мѣстные праздники и церковные обряды древняго Новгорода. Новг. 1859.

70. Павлова (Андрея), Историческое описаніе святыни новгородской. 1848, вт. изд. 1848.

71. Вихрова, Новгородскія святыя мѣста. Новг. 1860.

72. Adelung, Die Korsunischen Thüren in der Kathedral-Kirche zur Heiligen Sophia in Nowgorod. Berlin. 1823.

73. Еще о Корсунскихъ вратахъ Софійскаго Собора (Отеч. Зап. 1825).

74. Князева, Историко-статистическое описаніе псковскаго каѳедральнаго Троицкаго Собора. М. 1858.

75. Иваницкаго, Изслѣдованіе о времени основанія Пскова. Псковъ. 1856.

76. Князева, Указатель достопамятностей Пскова. М. 1858.

77. Куприянова, Письма изъ Новгорода къ Погодину (Москвит. 1851. IX, XXII. 1853. VIII, X, XI и XII).

78. Новгородскія письма (Отеч. Зап. 1826. Ч. XXVIII).

Digitized by Google

79. Воспоминанія и наблюденія во Псковѣ (Отеч. Зап. 1830. Ч. XLIII).

80. Погодина, Слѣды Глаголическихъ буквъ въ Новгородѣ въ концѣ XI в. (1843 Москвит. VII).

81. Куприянова, Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Соф. Библіотеки. Спб. 1857.

82. Невоструева, Описаніе евангелія, писаннаго для Новг. князя Мстислава Владимировича (Изв. Акад. т. IX).

83. Описаніе Спасохутынскаго монастыря (Зап. Арх. Общ. т. IX).

84. Макарія архимандрита, Описаніе Новгородскаго общежительнаго первокласснаго Юрьева монастыря. Спб. 1862.

85. Герасима Гойдукова, Краткое описаніе Новгородскаго третьекласснаго мужескаго Клопскаго монастыря. Спб. 1815.

86. Описаніе Антоніева монастыря. Спб. 1830.

87. Александра игумена, Краткая лѣтопись о монастырѣ преподобнаго Саввы, иже надъ Вишерою рѣкою. Спб. 1849.

88. Валаамскій монастырь. Спб. 1847, 1856.

89. Историческое описаніе Корельскаго монастыря. 1862.

90. Историческое изображеніе о началѣ Коневской обители. Спб. 1822.

90. Острова Коневецъ и Валаамъ. Спб. 1852.

91. Иліодора, Историко-статистическое описаніе Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Тверь. 1861.

92. Монастырь дѣвичій Воскресенскій въ Торжкѣ. Тверь. 1851.

93. Староладожскій Никольскій монастырь. Спб. 1862.

94. Историческое описаніе Тихвинскаго монастыря. Спб. 1859.

95. Досиѳея архимандрита, Лѣтописецъ Соловецкій, на четыре столѣтія отъ основанія Соловецкаго монастыря до настоящаго времени, то есть съ 1429 до 1831. М. 1833.

96. Антоніевъ Краснохолмскій монастырь (Моск. Вѣд. 1852. № 117).

97. Досиѳея архимандр., Географическое, историческое и статистическое описаніе ставропигіальнаго первокласснаго Соловецкаго монастыря и другихъ подвѣдомственныхъ сей обители монастырей, штатовъ, приходскихъ церквей и подворьевъ. М. 1836, 1853.

Digitized by Google

98. Макарія архимандрита Соловецкаго, Описаніе Соловецкаго ставропигіальнаго первокласснаго монастыря. М. 1821.

99. Іосифа іеромонаха, Описаніе Спасо-Елеазаровскаго монастыря. Спб. 1862.

100. Описаніе Іоанно-Предтечинскаго Псковскаго монастыря. 1821.

101. Описаніе монастырей Іоанно-Богословскаго, Крыпецкаго и Рождество-Богородицкаго Снѣтогорскаго. Дерптъ. 1820.

102. Повѣсть о началѣ и основаніи Псково-печерскаго монастыря, взятая отъ древнихъ лѣтописцевъ. Псковъ. 1849.

103. Описаніе Псковскаго печерскаго монастыря. Дерптъ. 1832.

104. Псково-Печерскій монастырь. Спб. 1860.

105. Ратшина, Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и замѣчательныхъ церквахъ въ Россіи. М. 1852.

106. Описаніе монастырей, въ Россіи находящихся. М. 1822.

107. Историческое описаніе находящихся въ Россіи епархій, монастырей, церквей, съ показаніемъ начала и построенія оныхъ. Спб. 1819.

108. Историческое описаніе соборныхъ и приходскихъ церквей въ Россіи по алфавиту. М. 1828.

109. Свѣдѣнія о существующихъ въ Россіи лаврахъ и монастыряхъ. М. 1850.

110. Муравьева (Андрея), Путешествія ко св. мѣстамъ русскимъ. Спб. 1836.

111. Куприянова, Матеріалы для исторіи и географіи новгородской области (Вѣстн. Геогр. Общ. 1852. VI).

112. Куприянова, Письмо изъ Новгорода о разныхъ древностяхъ, найденныхъ преимущественно въ Демьянскомъ уѣздѣ (Москвитян. 1853, XX).

113. Крестинина, Историческія начатки о Двинскомъ народѣ. Спб. 1784.

114. Куприянова, Старая Руса (Москвит. 1859. XVII).

115. Лѣтопись древняго славяно-русскаго города Изборска (Отеч. Зап. Свиньина, 1825 г. № 60).

Digitized by Google

116. Мясникова, Историческое описаніе Ваги и города Шенкурска (Отеч. Зап. 1829. XXXVIII, XXXIX, XL).

117. О Бѣжецкомъ уѣздѣ (Москвит. 1853. XVI).

118. Савваитова, Дорожныя замѣтки изъ Вологды до Устюга (Москвит. 1842. XI).

119. Пермскій Сборникъ. М. 1860.

120. Максимова, Годъ на сѣверѣ. Спб. 1860.

121. Пушкарева, Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ, статистическомъ отношеніяхъ (кн. I. Новг. губ., кн. II. Арханг. губ., кн. III. Олонецк. губ., кн. IV. Волог. губ.). Спб. 1844—46.

122. Макарія Архим., Памятники древности въ Пермской губерніи (Зап. Арх. Общ. VII).

123. Sjögrén, über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanlands. St.-Pbg. 1850.

124. Sjögrén, über die ältesten Wohnsitze der Jemen. St.-Pbg. (изъ Записк. Акад.).

125. Sjögrén, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. St.-Pbg. 1857.

126. Castrén, Ueber die Ursitze des finnischen Volkes. St.-Pbg. 1850.

127. Koeppen, Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St.-Petersburgischen Gouvernements. St.-Pbg. 1849.

128. Кеппена, Водь въ С.-Петербургской губ. Спб. 1861.

129. Латкина, Дневникъ во время путешествія на Печору (З. Геогр. О. VII).

130. Schrenk, Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands. Dorpat. 1848—1854.

131. Georgi, Beschreibung aller Nationen des Russischen Reiches, etc. St.-Pbg. 1776.

132. Schiefner, Die Lieder der Woten. St.-Pbg. 1856.

133. Schiefner, Einige Bemerkungen zu den Liedern der Woten. St.-Pbg. 1858.

134. О финнахъ, соч. Сума. (Чт. 1847, № 9).

135. Шренка, Областныя выраженія Русскаго языка Архангельской губерніи (Зап. Геогр. Общ. IV).

Digitized by Google

136. Абрамова, Описаніе Березовскаго края (Зап. Геогр. Общ. XII).

137. Глинки, О древностяхъ Тверской Кореліи. Спб. 1836.

138. Шевырева, Поѣздка въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь. Спб. 1850.

139. Михайлова, Замѣтки о Зырянахъ (Москв. 1849. XVI. 1851. IX, X).

140. Нравы и обычаи Вотяковъ (Москв. 1851. XXI).

141. Бѣляева, Географическія свѣдѣнія на Руси (Зап. Геогр. Общ. 61).

142. Щекатова, Словарь географическій Россійскаго государства. 6 томовъ. М. 1807.

143. Калачова, о Кормчей (Чт. 1847. № 3).

144. Калачова, Изслѣдованіе о Русской Правдѣ. М. 1847.

145. Погодина, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. 7 томовъ. М. 1846—1856.

146. Бѣляева, Русь въ первыя столѣтія послѣ прибытія Рюрика въ Новгородъ (Врем. V).

147. Бѣляева, Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. (Врем. VII).

148. Бѣляева, Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій (Врем. II).

149. Евгенія митрополита, Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви. II т. М. 1827.

150. Древнѣйшія путешествія иностранцевъ по Россіи. (Чт. 1848. № 1).

151. Adelung, Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. St.-Pbg. und Leipzig. 1846.

152. Lehrberg, Untersuchungen zur Erklärung der älteren Geschichte Russlands. St.-Pbg. 1816.

153. Hipping, Bemerkungen über einen in den Russischen Chroniken erwähnten Kriegzug der Russen nach Finnland. St.-Pbg. 1820.

154. Kunik, kritische Bemerkungen zu den Rafnischen Antiquités Russes. St.-Pbg. 1844—1850.

155. Schlözer, Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771.

Digitized by Google

156. Krug's Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. St.-Pbg. 1848.

157. Kunik, Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. St.-Pbg. 1844—1845.

158. Kunik, Historisch-ethnographische Bemerkungen zu einigen Stellen der Krugischen Forschungen. St.-Pbg. 1848.

159. Kunik, Analectes historiques ou choix des matériaux pour servir à la connaissance des sources de l'histoire Russe. St.-Pbg. 1844. 1850. 1851.

160. Буслаева, Историческіе очерки Русской народной словесности и искусства. Спб. 1861.

161. Krug's Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. St.-Pbg. 1810.

162. Chaudoir, Aperçu sur les monnaies russes. 2 т. St.-Pbg. 1836. 1831.

163. Сонцова, Деньги и пулы. М. 1860.

164. Бѣляева, Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси (Чт. 1846, 3).

165. Черткова, Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. М. 1834 (къ нему прибавленія I. М. 1837. II. 1832. III. 1842).

166. Куника, О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владимировича. Спб. 1860.

167. Казанскаго, Изслѣдованіе о древней русской монетной системѣ XIII, XIV и XV в. (З. Арх. Общ. V).

168. Кене, Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вв. (Зап. Арх. Общ. IV).

169. Шуберта, Псковскія монеты (Чт. 1843—4).

170. Труды коммиссіи, высочайше учрежденной при Императорскомъ Университетѣ св. Владимира для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа. Смѣсь. Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Кіевъ. 1853.

171. Муравьева, Житія святыхъ россійской церкви, также иверскихъ и славянскихъ и мѣстно чтимыхъ поборниковъ благочестія. Спб. 12 томовъ. 1858.

172. Макарія, епископа винницкаго, Исторія Русской церкви. Спб. 1857. III части.

Digitized by Google

173. Филарета, епископа харьковскаго, Исторія Русской церкви. 6 част. М. 1857 (преимущ. I, II и III ч.).

174. Филарета, епископа харьковскаго, Обзоръ духовной русской литературы. Харьк. 1859.

175. Соловьева (Сергѣя), Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси (Чт. И. Общ. ист. и древ. 1847).

176. Филарета, еп. рижскаго (потомъ харьковскаго), Богослуженіе Русской церкви до монгольскаго владычества (Чт. V).

177. Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи (Прав. Собесѣдн. 1858. Апр.).

178. Амвросія, Исторія Россійской іерархіи. М. 1807—1815.

179. Іоаннова, Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ. 1-е изд. 1795. 2-е 1831. 3-е. Спб. 1855.

180. О ложно-духовномъ Христіанствѣ въ древней церкви. (Правосл. Собесѣдн. 1856. I—IV. 1857. I).

181. Руднева, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ. М. 1838.

182. Napiersky, Monumenta Livoniæ antiquæ. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liev-, Ehst-und Kurlands dienen. Riga, Dorpat und Leipzig, 1835—1847.

183. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Ehst- und Kurlands. 6. B. Riga 1747—1853.

184. Engelmans, Chronologische Forschungen auf dem Gebiete der russischen und lifländischen Geschichte des XIII und XIV Jahrhunderts. 1860.

185. Scarin, Dissertatio historica de Sancto Henrico Fennorum Apostolo. Abo. 1737.

186. Bilmark, Dissertatio academica de commerciis veterum Rossorum. Above. 1770.

187. Hillner, Die Lieven an der Nordküste von Kurland. St.-Pbg. 1846.

188. Rein, Dissertatio academica de gente Sumorum in annalibus russicis commemorata. Above. MDCCCXXVII.

189. Rein, De loco qua arma Tavastis illaturus appulerit Birgerus Dux. Helsingforsiæ. 1833.

190. Rein, Disquisitio chronologica annorum quo verbum crucis

Digitized by Google

contra Carelis praedicari jusserit ecclesiæ catholicæ pontifex. 1836.

191. Porthan. Sylloge monumentorum ad illustrandam historiam Fennicam pertinentium. Above, 1802—1804.

192. Willebrand, Hansische Chronick aus beglaubigten Nachrichten. Lübeck, 1748.

193. Schlözer, Die Hansa und der deutsche Ritter-Orden in den Ostseeländern. 1853.

194. Schlözer, Verfall und Untergang der Hansa und des deutschen Ordens in den Ostseeländern 1853.

195. Meier, Dissertatio historica de civitatibus hanseaticis cum in generetum de nonnullis præcipue livonicis. Riga. MDCLXXIV.

196. Napiersky, Jndex corporis historico-diplomaticus Livoniæ et Curoniæ, 1833. 1835.

197. Schirren. Verzeichniss lievländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Chroniken und Bibliotheken. Dorpat. 1861.

198. Arndt, der Lievländischen Chronik erster Theil unter seinen ersten Bischöfen, welcher die alte Geschichte der Russen, Deutschen, Schweden, Dänen, Esthen, Lieven, Letten, Littauer, Curen nnd Semgallen erläutert (1747—1753).

199. Kelch, Liefländische Historia. Reval. 1695.

200. Kronika Wiganda-Marborga. Poznań. 1842.

201. Bunge, Archiv für die Geschichte Liev-, Ehst- und Kurlands. 1847—1859.

202. Napiersky, Die Gräber der Lieven. 1851.

203. Bähr, die Gräber der Lieven. Dresden, 1850.

204. Kruse, Necrolivonica oder Alterthümer Liev-, Ehst-und Kurlands. Dorpat. 1842.

205. Parrot, Versuch einer Entwickelung der Sprache, Abstammung und Geschichte, Mythologie und bürgerlichen Verhältnisse der Lieven, Lätten, Ehsten, mit Hinblick auf einige benachbarte Ostseevölker, Stuttgardt. 1828.

206. Kreuzwald, Der Ehsten abergläubische Gebräuche, Weisen und Gewohnheiten, von Johann Wolfgang Böcler. St.-Pbg. 1854.

207. Richter, Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostsee-Provinzen. Riga. 1858.

Digitized by Google

208. Rutenberg, Geschichte der Ostsee-Provinzen Liev-, Ehst- und Kurland von der ältesten Zeit bis zum Untergang ihrer Selbständigkeit. Riga. 1859.

209. Rasmussen, De orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio avo. Hauniæ. MDCCCXXV.

210. Rein, Specimen historicum de vetere Carelia ante occupationem Svecorum. Above. 1825.

211. Dalin, Geschichte des Reiches Schweden, aus dem Schwedischen übersetzt. 1756—1763.

212. Geijer's Geschichte Schwedens, übersetzt von Löffler. 1852.

213. Annales Ecclesiastici auctore Cæsare Baronio. Lucæ MDCCXXXVIII—MDCCXLII. (19 томовъ).

214. Annales ecclesiastici ab anno MCXCVIII ubi desinit cardinalus Baronius, auctore Odorico Rainaldo. Lucæ. MDCCXLVII —MDCCLVI.

215. Pertz, Monumenta Germaniæ historica. Hannoverae 1836—1859 (17 томовъ).

Наконецъ, при составленіи этого сочиненія, я пользовался рукописями, хранящимися въ Публичной Библіотекѣ, въ бывшемъ Румянцовскомъ Музеѣ, въ библіотекахъ Троицко-Сергіевской Лавры, Московской Духовной Академіи, и находящейся при ней библіотекѣ Волоколамскаго монастыря, въ библіотекахъ Новгородскаго Софійскаго Собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, находящихся при Санктпетербургской духовной академіи, за что приношу ихъ начальствамъ благодарность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю долгомъ принести особенную признательность гг. библіотекарямъ Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкову, В. И. Собольщикову, гг. Гену и Бергхольцу, профессорамъ: Московской Духовной Академіи А. В. Горскому и Санктпетербургской И. В. Чельцову, за оказанное мнѣ содѣйствіе указаніемъ и доставленіемъ рукописей и книгъ,— учителямъ новгородской гимназіи И. К. Купріянову и Н. К. Отто, профессору псковской семинаріи А. С. Князеву и С. М. Бочкову за пособія, оказанныя при осмотрѣ новгородскихъ и псковскихъ мѣстностей и древностей.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОТНОШЕНІЯ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА КЪ ПРОЧИМЪ ЗЕМЛЯМЪ РУССКИМЪ И КО КНЯЖЕСКОМУ РОДУ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

СКАЗОЧНЫЯ ПРЕДАНІЯ О ПОСЕЛЕНІИ СЛАВЯНЪ ВЪ ПРИИЛЬМЕНСКОМЪ КРАѢ.

Русско-славянскій народъ раздѣляется на двѣ вѣтви, различаемыя, въ отношеніи къ рѣчи, по двумъ главнымъ признакамъ: одна перемѣняетъ *о* въ *а*—тамъ, гдѣ надъ этимъ звукомъ нѣтъ ударенія и *ѣ* произноситъ какъ мягкое *е*; другая—сохраняетъ коренной звукъ *о* и произноситъ *ѣ* какъ мягкое *и*. Къ первой принадлежатъ бѣлоруссы и великоруссы, ко второй—малороссіяне или южноруссы и новгородцы. Затѣмъ существуетъ множество второстепенныхъ особенностей рѣчи, составляющихъ мѣстныя нарѣчія и поднарѣчія. Это раздѣленіе русско-славянскаго племени на двѣ вѣтви сообразно съ тою двойственностію славянскаго поселенія на русскомъ материкѣ, которая открывается изъ нашей первоначальной лѣтописи. Одни славяне помѣщаются въ группѣ пришедшихъ съ Дуная вслѣдствіе нашествія на ихъ отечество волоховъ (италіянцевъ-римлянъ); другіе, какъ напримѣръ: кривичи, радимичи и вятичи не принадлежатъ къ этой колоніи. На протяженіи Сѣверной Руси эта двойственность рѣзко выказывается. Бѣлоруссы безъ сомнѣнія есть прежніе потомки кривичей; великоруссы, какъ показываетъ отно-

Digitized by Google

сительная близость ихъ нарѣчія съ бѣлорусскимъ, имѣютъ также кривскую основу, но по историческимъ обстоятельствамъ обособились и сформировались въ настоящемъ видѣ, со всѣми своими этнографическими отдѣлами чрезъ смѣшеніе съ вятичами, южноруссами и новгородцами при болѣе или менѣе (въ разныхъ мѣстностяхъ) подмѣси финскаго, финско-турецкаго, татарско-турецкаго и монгольскаго племенъ. Новгородцы, принадлежа первоначально къ вѣтви славянъ, пришедшихъ съ Дуная, утвердившись на берегахъ Волхова и Ильменя, распространили оттуда свою колонизацію, преимущественно на сѣверъ и востокъ, отчасти на югъ и на западъ, и, соприкасаясь съ бѣлорусскимъ и великорусскимъ элементами, внесли въ нихъ свои особенности, произвели смѣшанные переходные типы, гдѣ признаки, составляющіе характеръ той и другой вѣтви, сливаются и переплетаются между собою, а столкнувшись съ сѣверными финскими племенами, поглощали ихъ въ свою славянскую народность.

Во многихъ нашихъ хронографахъ XVI и XVII вѣковъ записана сказка, которую едвали мы имѣемъ право оставить въ полномъ пренебреженіи, хотя въ ней дѣйствительно есть явныя нелѣпости. Эта сказка носитъ названіе: «О исторіи еже ѡт начала рускія земли и созданіи Новагорода». Въ ней разсказывается, что потомки Аѳета—Скифъ и Заръ-данъ, отлучившись отъ прочей братіи, поселились на берегахъ Эвксипонта; потомки ихъ тамъ обитали долгое время, пока между ними не возникло междоусобіе; тогда часть ихъ, подъ предводительствомъ Словена и Руса, рѣшилась оставить свое мѣстопребываніе, и пошли они искать себѣ новаго отечества. Двигаясь на неизвѣстный имъ сѣверъ, они дошли, наконецъ, до озера, которое побѣлорусски называлось Мойско, откуда вытекала рѣка, носившая на томъ же языкѣ древнихъ тамошнихъ туземцевъ названіе *Мутная*. Пришельцы начали гадать, и вол-

Digitized by Google

шебная наука указала имъ, что именно здѣсь слѣдуетъ имъ основаться на жительство. Тутъ, при истокѣ рѣки, поставили они городъ и поселились. Озеро переименовали, по имени дочери Словена, въ Ильмерь, а рѣку по имени сына словенова Волхва—Волховь. Потомъ они переименовали другія мѣстности по именамъ членовъ семейства своихъ предводителей: рѣку, впадающую въ озеро Ильмень, назвали Шелонью—по имени жены словеновой, Шелони; именемъ меньшого сына словенова, Волховца, назвали оборотный протокъ, текущій изъ великой рѣки Волхова и обратно впадающій въ нее; сынъ Волховца, Жилотугъ, утонулъ въ другомъ такомъ же протокѣ,—и въ память его оставили за протокомъ его имя. Другой братъ словеновъ, Русь, помѣстился у солянаго колодца и основалъ городъ, названный по его имени—Руса; одной изъ рѣкъ, текущихъ въ этихъ мѣстахъ, онъ сообщилъ имя жены своей—Порусіи, а другой—имя своей сестры—Полисты. О Волхвѣ разсказывается слѣдующая исторія:

«Волхвъ бѣ и бѣсоугодникъ и чародѣй лютъ, и бысть бѣсовскими оухищреніи мечты творя многи, преобразуяся во образѣ лютаго звѣря коркодила и залегаше въ той рѣцѣ Волховѣ путь водный, и не поклоняющихся ему, овѣхъ пожираше, овѣхъ же испротерваше и утопляя. Народи тогда невѣгласи сущи богомъ того окаяннаго нарицаху, сыномъ грома его или Перуна нарекоша; бѣлорусскимъ же языкомъ громъ Перунъ именуется. Постави же онъ окаянный чародѣй, таковыхъ ради мечтаній и собиранія бѣсовскаго, градокъ малъ на мѣстѣ нѣкоемъ зовомомъ Перыня, идѣже кумиръ Перунъ стояше, и баснословятъ о семъ Волхвѣ невѣгласи, глаголютъ въ бога его окаяннаго претворяющася, наше же христіанское истинное слово съ неложнымъ истязаніемъ о томъ много видѣ о семъ окаяннѣмъ чародѣи Волхвѣ, яко злѣ разбіенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣцѣ Волховѣ, изверженъ на

Digitized by Google

брегъ противъ волховскаго градца, иже нынѣ зовется Перыня, и со многимъ плачемъ ту отъ невѣгласовъ погребенъ бысть окаянный съ великою тризною и могилу ссыпаше надъ нимъ велми высоку, якоже обычай есть поганымъ, и по трехъ убо днѣхъ окаяннаго того тризнища просѣдеся земля и пожре мерзкое тѣло коркодилово и могила его просыпася съ нимъ купно во дно адово, идѣже и донынѣ, якоже повѣдаютъ, знакъ ямы тоя не наполнится». Преемники Словена и Руса въ многихъ поколѣніяхъ княжили надъ окрестною страною и распространили предѣлы своихъ владѣній на сѣверѣ до Ледовитаго моря, овладѣли берегами Печоры, Выми, перешли за высокія горы въ страну, гдѣ водятся соболи, воевали даже до египетскихъ странъ [1]). Потомъ край при-ильменскій постигла моровая язва, и жители, спасаясь отъ гибели, разбѣжались: одни поселились на Бѣломъ озерѣ, другіе на Темномъ и прозвались Весь [2]). Тогда опустѣли Словенскъ и Руса на многія лѣта. Но потомъ, когда на славянъ напали угры-бѣлые и повоевали ихъ и разметали ихъ грады и довели Славянскую Землю до окончательнаго запустѣнія, услышали славяне про земли прадѣдовъ своихъ,

---

[1]) Сынове ихъ и внуци княжаху по колѣномъ своимъ и налѣзоша себѣ славы вѣчныя и богатства многа мечемъ своимъ и лукомъ, обладаша же и сѣверными странами и по всему морю даже до предѣлъ Ледовитаго моря и окрестъ желтоводныхъ и зеленоводныхъ водъ и по великимъ рѣкамъ Печерѣ и Выми и за непроходимыми высокими горами въ странѣ рекомой Скиръ по велицей рѣцѣ Оби до устія Бѣловодныя рѣки, еяже вода бѣла аки млеко: тамо бо звѣри родятся рекоміи соболь. Хождаху же и на египетскія страны, воеваху со многою храбростью, показующе въ елиньскихъ и варьварскихъ странахъ: великій страхъ тогда отъ нихъ належаше".

[2]) „Оставшіи же людіе изыдоша изъ градовъ въ дальныя страны, овіи на Бѣлыя воды, иже нынѣ зовется Бѣлое езеро; овіи же на езеро Темное и нарекошася Весь. Иные же по разнымъ и нарекошася различными наименованіями".

Digitized by Google

что лежатъ онѣ въ запустѣніи, и отправились туда. Снова завоевали они берега Ильменя и поставили себѣ городъ и уже не на прежнемъ, а на новомъ мѣстѣ, выше стараго, и назвали его Великій-Новгородъ. «Градъ же поставиша отъ стараго Словенска близь къ Волхову рѣки, яко поприще и болѣ, и нарекоша его Новградъ-Великій». Они избрали себѣ князя-старѣйшину, именемъ Гостомысла, возобновили Русу и другіе города на прежнихъ мѣстахъ, а сынъ Гостомысловъ, Словенъ, отошелъ отъ родителя своего въ Чудь и поставилъ городъ надъ рѣкою на урочищѣ, называемомъ *Ходнице*, и назвалъ его Славенскомъ; прокняживъ въ немъ три года, онъ умеръ; сынъ его проименовалъ по имени своему этотъ городъ Изборскомъ. Этотъ новый князь славянскаго населенія въ Чудской Землѣ умеръ отъ укушенія змѣи.

Гостомыслъ достигъ глубокой старости. Онъ чувствовалъ, что приближается смерть. Мудрый мужъ былъ сѣдъ нетолько волосами, но и умомъ: онъ созвалъ къ себѣ славенскихъ *властелей* и извѣщалъ, что скоро его не будетъ на свѣтѣ, изъявлялъ опасеніе, что послѣ него настанетъ мятежъ и неурядица, и совѣтовалъ избрать себѣ князей изъ Прусской Земли, съ береговъ Варяжскаго моря. Гостомыслъ скончался и честно проводили его въ могилу на Волотовомъ полѣ.

Не тотчасъ исполнили новгородцы гостомыслово завѣщаніе, пока не произошло дѣйствительно междоусобія. Земля полянъ, Кіевъ, имѣла первенство надъ другими славянскими народами въ Россіи. Племянники князя кіевскаго, Кія, Оскольдъ и Диръ, повелѣвали древлянами и кривичами, посягали и на славянъ новгородскихъ. Это произвело въ самомъ Новгородѣ раздоры, волненія и усобицы. Они заставили новгородцевъ, кривичей, Мерю, Весь и Чудь (т.-е. изборскихъ славянъ, поселенныхъ въ Чудской Землѣ) призвать съ варяжскаго поморія

Digitized by Google

изъ Прусской Земли князя Рюрика съ двумя братьями его».

Въ этой сказкѣ слѣдуетъ отличать книжные вымыслы грамотѣя, писавшаго ее подъ вліяніемъ тогдашней учености, отъ народныхъ сказаній, которыми онъ воспользовался, и которыя отчасти сохранились въ изустныхъ мѣстныхъ преданіяхъ. Поселенцы на берегахъ Ильменя и Волхова представляются пришельцами съ юга, но сказка не говоритъ, что страна эта прежде была пуста: напротивъ, сказаніе о томъ, что Волхвъ превращался въ змія и залегалъ пути, показываетъ, что народное воображеніе представляетъ край уже заселеннымъ, прежде чѣмъ пришли поселенцы съ юга, ибо залегать путь можно было тогда только, когда по этому пути было людское движеніе и сообщеніе. Между насельниками, которыхъ на сѣверѣ нашли пришельцы съ юга, сказаніе признаетъ славянъ. Рѣка, переименованная пришельцами въ Волховъ, прежде называлась славянскимъ именемъ Мутная. Эти славяне изображаются бѣлоруссами, т.-е. кривичами, ибо названіе Перуна сказаніе признаетъ бѣлорусскимъ. Такимъ образомъ, по смыслу этого сказанія, край при-ильменскій издревле населяли славяне отрасли бѣлоруссовъ, т.-е. кривичей, а потомъ съ юга подвинулись къ нимъ другіе единоплеменники, иная отрасль славянскаго племени [1]).

[1]) Разсказъ о Волхвѣ по своему колориту безспорно народный. Змѣй, залегающій путь — обыкновенный образъ древнихъ сказокъ, сродный всѣмъ народамъ. Профессоръ Буслаевъ очень остроумно и справедливо нашелъ этого Волхва славянскаго въ древней эпической пѣснѣ о Волхѣ Всеславичѣ; Всеславъ и Славенъ—созвучныя, легко замѣняемыя взаимно формы, могли въ преданіи смѣшиваться. Дѣйствительно, въ пѣснѣ о Волхѣ Всеславичѣ онъ представляется сыномъ дѣвицы Марѳы Всеславьевны и лютаго змія; здѣсь является вѣрованіе что духи въ видѣ змѣевъ прилетаютъ къ женщинамъ—вѣрованіе зашедшее въ повѣсть о Петрѣ и Февроніи и сохранившееся до сихъ поръ между народными суевѣріями объ огненныхъ зміяхъ. Это вѣ-

Digitized by Google

Обращаясь къ нарѣчію новгородскаго края, можно удостовѣриться, что сказка въ основѣ своей не лишена исторической дѣйствительности. Несмотря на этнографическія потрясенія, испытанныя новгородскимъ краемъ, все еще можно видѣть и теперь, что здѣсь существовало нарѣчіе славянскаго корня южнаго происхожденія, приближающееся къ южно-русскому и отчасти къ словацкому, но имѣющее много своихъ самобытныхъ признаковъ, и во всякомъ случаѣ дававшее народу, употреблявшему его, колоритъ, не сходный съ бѣлорусскимъ и восточно-русскимъ населеніями. Возстановить это нарѣчіе по современнымъ

рованіе соединено съ понятіемъ о полубогахъ, исполинахъ, рожденныхъ отъ земныхъ матерей и отцовъ нечеловѣческаго происхожденія. Такимъ образомъ пѣсня о Волхѣ Всеславичѣ пополняетъ промежутокъ въ сказкѣ: этотъ Волховъ или Волхъ принадлежитъ къ области исполиновъ, о которыхъ сохранилось у насъ преданіе, какъ о существахъ необыкновенныхъ, хотя и въ человѣческомъ образѣ, составлявшихъ переходъ отъ боговъ къ человѣку; преданія эти связывались съ исторіею мѣстности: на это указываетъ и мѣстность Волотова. Имя это происходитъ отъ Волотъ, исполинъ, великанъ. Что Волхъ Всеславичъ и сказочный Волхвъ одно и то же лицо, показываютъ и обстоятельства жизни лица и характеръ его: Волхъ Всеславичъ въ пѣснѣ, какъ сказочный Волхвъ, мечты творитъ, и между прочимъ Волхвъ сказочный превращается въ змія, а Волхъ пѣсенный обертывается соколомъ, волкомъ, туромъ—золотые рога; въ пѣснѣ онъ сынъ змія, въ сказкѣ превращается въ змія, въ сказкѣ онъ наученъ отъ бѣсовъ всякимъ хитростямъ, въ пѣснѣ онъ также научается такой мудрости превращеній. Въ сказкѣ онъ залегаетъ пути къ рѣкѣ „и не поклоняющихся ему овѣхъ пожираше, овѣхъ же испротерзяше и оутопляя“. Въ пѣснѣ онъ побѣждаетъ индѣйское царство. Какъ мнѣ кажется, соотвѣтствующаго этой побѣдѣ надъ индѣйскимъ царствомъ надобно искать въ сказкѣ именно въ томъ, что тамъ разсказывается не о немъ самомъ, а о его преемникахъ—именно, что они ходили къ морю и покорили отдаленныя страны: Печору, Вымь, Обь. Самая странная путаница въ географіи (египетскія и елиньскія страны), показываетъ сходство съ такою же путаницею въ пѣснѣ объ индѣйскомъ царствѣ.

Digitized by Google

оттѣнкамъ и по древнимъ остаткамъ изъ древнихъ актовъ и лѣтописей невозможно, во-первыхъ, потому, что въ послѣдніе четыре вѣка потомки древнихъ новгородцевъ сильно смѣшались съ наплывомъ восточно-русскаго племени; во-вторыхъ, что вліяніе такъ называемой цивилизаціи, распространяющее въ сельскомъ народѣ городскую рѣчь и городскую манеру выраженія, парализировало правильность формъ древняго нарѣчія. Тѣмъ не менѣе въ разныхъ деревняхъ новгородскаго края, между прочимъ, особенно въ Поозерьѣ (на правомъ побережьѣ Ильменя), въ ладожскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ олонецкой и отчасти архангельской губерній можно еще уловить слѣды прежняго нарѣчія, которымъ говорили новгородцы. Это—произношеніе *ѣ* какъ *и*, подобно южноруссамъ, неизмѣняемость *о* въ *а*, отличающая вообще сѣверный говоръ отъ московскаго и кривичскаго, отсѣченія: послѣднихъ гласныхъ въ прилагательныхъ и причастіяхъ, окончанія *тъ* въ правильномъ наклоненіи глаголовъ не только въ единственномъ числѣ, но и въ множественномъ, измѣненія *е* въ *о* въ нѣкоторыхъ словахъ сходно съ южнорусскимъ (напр. чоловикъ, жона, чотыри) измѣненіе *е* въ *у* въ нѣкоторыхъ односложныхъ и двухсложныхъ, напр. *суль* вм. *соль*, *горузно* вм. *грозно* (форма почти вышедшая изъ употребленія въ бо́льшей части словъ). Своеобразное сходство винительнаго съ именительнымъ и во множественно́мъ числѣ творительнаго съ дательнымъ, замѣна звука *л* звукомъ *в* въ прошедшихъ глаголахъ (*ходивъ* вм. *ходилъ*—форма также угасающая и не повсемѣстная); замѣненіе однихъ слоговъ другими въ нѣкоторыхъ многосложныхъ словахъ (напр. *намастирь* вм. *монастырь*); *що* вм. *что*, *якъ* вм. *какъ*; измѣненія многихъ ударе́ній своеобразнымъ способомъ; *ч* вм. *ц* и *ц* вм. *ч* (форма также не повсемѣстная) и множество словъ, не употребляемыхъ въ великорусскомъ нарѣчіи, часто такихъ, которыя встрѣ-

Digitized by Google

чаются въ южнорусскомъ, а часто исключительно мѣстныхъ.

По цѣлой Новгородской волости была не одна только пришлая съ юга народность ильменскихъ славянъ, — постоянно оставался съ нею вмѣстѣ кривскій элементъ. Это ощутительно и теперь, ибо на берегахъ Шелони видны признаки бѣлорусскаго нарѣчія. Псковъ со своею областью представляетъ уже основу кривскую или бѣлорусскую, съ примѣсью новгородскаго элемента. Нарѣчіе древней Псковской области сохранило слѣды общіе, свойственные бѣлорусскому нарѣчію. Это дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ извѣстіе, указываемое преданіемъ, что въ земляхъ Новгорода и Пскова, до поселенія въ нихъ пришельцевъ съ юга, уже находились славяне поколѣнія кривичей, и давали мѣстностямъ прозвища своимъ языкомъ, называемымъ въ повѣсти—бѣлорусскимъ.

Такимъ образомъ я осмѣливаюсь находить въ сказкѣ тотъ историческій элементъ, что въ землю, гдѣ впослѣдствіи образовалась земля Великаго Новгорода и Пскова среди аборигеновъ—Чуди, проникли первоначально кривичи, потомъ съ юга, вслѣдствіе народныхъ потрясеній, двинулась воинственная колонія другой вѣтви славянъ, близкой, а всего вѣроятнѣе единой съ тою, изъ которой образовался нынѣшній южнорусскій и малороссійскій народъ. Эта колонія стала въ новомъ своемъ отечествѣ господствующею, такъ что бѣлорусскіе поселенцы или смѣшивались съ нею, или выступали прочь. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же началось и подчиненіе Чуди, а на раннее отношеніе къ ней указываетъ самое слово Волхвъ, которое есть чудское völho и оттуда занесено во всю Россію съ сѣвера чрезъ посредство ильменскихъ славянъ. Оставленіе за ильменскими поселенцами имени славянъ, въ отличіе отъ кривичей, указываетъ, что сѣверные народы славянскаго племени называли вообще такимъ именемъ живущихъ на

Digitized by Google

югѣ своихъ соплеменниковъ, а потому за пришельцами оставили это генетическое имя.

Что касается до прозвищъ мѣстностей именами живыхъ лицъ, то этому факту по его основѣ нельзя отказать въ народности. Мы встрѣчаемъ и въ Кіевской Руси подобное: тамъ по именамъ братьевъ Кія, Щека и Хорева названы урочища, а именемъ сестры ихъ—рѣка Лыбедь. О рѣкѣ Дунаѣ сохранился миѳъ, что въ эту рѣку превратился человѣкъ. Названія мѣстностей по именамъ лицъ особенно свойственны народному славянскому эпосу, какъ и другимъ народамъ. Но очевидно, не всѣ извѣстія, находящіяся въ сказкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ сказка до насъ дошла, взяты съ народнаго голоса; нѣкоторые отзываются явными натяжками и неловкимъ составленіемъ. Напр. Порусія или Малый Волховецъ: такія имена народъ едва ли создастъ, ибо слово Порусія указываетъ непосредственно на мѣстность; также и эпитетъ Малый очевидно принадлежитъ уже понятію о рѣкѣ, безотносительно къ какому бы то ни было миѳу. Что касается до проименованія Волхова отъ имени Волхва, то это несомнѣнно взято изъ древняго народнаго преданія. Преданія объ этомъ Волхвѣ, о его чародѣйствахъ, о залеганіи пути по рѣкѣ, о его смерти и о наименованіи рѣки его именемъ, до сихъ поръ живутъ въ народной памяти. Народъ знаетъ, что рѣка Волховъ называлась прежде Мутною, а Ильмень-озеро—Мойско-озеро. Названіе протока Жилотугъ, хотя, сколько извѣстно, не оставило до настоящаго времени какого-нибудь преданія, но оно вѣроятно также соединялось съ угасшимъ миѳомъ; потому что это названіе, очевидно, по своему значенію, человѣческое и только съ человѣческаго имени могло быть перенесено на мѣстность. Остальныя всѣ несомнѣнно выдуманы книжникомъ, который дополнилъ ими короткую народную номенклатуру преданій, вѣроятно уже и тогда потерявшихъ свою опредѣлительность.

Digitized by Google

Извѣстіе о моровой язвѣ, отъ которой люди бѣжали и населили Бѣлоозеро и Весь, имѣетъ историческое основаніе. Вѣроятно, въ памяти народа оставалось какое-то темное воспоминаніе о страшномъ бѣдствіи, заставившемъ поселенцевъ подвинуться на востокъ. Это преданіе нѣсколько поясняетъ намъ и то, какимъ образомъ впослѣдствіи Весь была участницею въ призваніи варяговъ; ибо этотъ фактъ кажется возможенъ тогда только, когда въ этой странѣ утвердилось уже славянское народонаселеніе. Сказка говоритъ, что послѣ этой свирѣпой моровой язвы край надолго опустѣлъ, города обезлюдѣли, и потомъ снова уже совершился второй приливъ славянскаго народонаселенія, которое пришло туда по сознанію, что это была нѣкогда земля предковъ. Далѣе у книжника все перепутано. Уже по второмъ заселеніи края, пришли на поселенцевъ угры-бѣлые и повоевали ихъ до конца, и послѣ того сдѣлалось еще третье переселеніе. Авторъ отнесъ сказаніе объ уграхъ-бѣлыхъ къ сѣверу, тогда какъ оно относится положительно къ югу. Въ этотъ разъ, по сказанію, пришли уже не одни славяне, но привели съ собой и болгаръ и другихъ инородцевъ, и населили землю, и поставили городъ, но уже не на мѣстѣ прежняго Словенска, а ниже, на Волховѣ, и назвали его Новымъ-Городомъ. Отбрасывая форму выраженія у автора, украсившаго народное преданіе книжною мудростью, останется то, что въ Новгородѣ пребывало воспоминаніе о бѣдствіи, изгнавшемъ нѣкогда народонаселеніе изъ края (голодъ и язва—одно изъ явленій обычныхъ и впослѣдствіи), и потомъ о приливѣ въ этотъ край народонаселенія вновь и объ основаніи новаго города вмѣсто прежняго. Безъ сомнѣнія, либо край былъ опустошенъ не до такой степени, чтобъ въ немъ не оставалось никакихъ слѣдовъ прежняго населенія,—либо же опустѣніе его было недолговременно, когда новое заселеніе произошло по свѣжимъ преданіямъ о прежнемъ жительствѣ.

Digitized by Google

II.

ПРИЗВАНІЕ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Изъ лѣтописи, за которою усвоено названіе Несторовой, мы видимъ, что въ глубокой древности существовало преданіе, что новгородскіе славяне и жители прилежащихъ къ нимъ странъ, покорены были варягами и обложены данью, но скоро покоренные народы соединились и изгнали поработителей за море. Вслѣдъ затѣмъ между ними произошли несогласія и они, не въ силахъ будучи сами между собою уладиться, призвали къ себѣ для управленія князей, отъ другихъ варяговъ [1]). Это событіе, чрезвычайно важное для нашей исторіи, означено въ лѣтописи неясно и по своей короткости представляетъ множество недоразумѣній и поводовъ ко всевозможнѣйшимъ догадкамъ, доставляющимъ широкое поле воображенію, ко

[1]) „Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягамъ къ Руси—сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмяне, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чудь, Словени и Кривичи и Вся: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами“. И избрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь и придоша: старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣ-озерѣ, а третій Изборстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская Земля Ноугородци; ти суть людье ноугородци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни. По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло-озеро. И по тѣмъ городомъ суть находницы Варязи, а первіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣ-озерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.“

Digitized by Google

торое тѣмъ необузданнѣе можетъ увлекаться, чѣмъ менѣе доступенъ знанію быть такого отдаленнаго отъ насъ времени. Для насъ здѣсь важны три вопроса: кто призвалъ князей, кто были призванные и для чего они призваны?

Народы, обложенные отъ варяговъ данью, изгнавшіе ихъ и призвавшіе потомъ другихъ варяговъ, были новгородскіе славяне, кривичи, Меря и Чудь. Уже потому, что они вмѣстѣ дѣлали одно общее дѣло, видно, что между ними существовала тогда связь. Связь эта должна была исходить: во-первыхъ, изъ племеннаго родства и древней колонизаціи славянъ на финскомъ сѣверѣ, и во-вторыхъ, изъ временныхъ обстоятельствъ, побудившихъ эти народы къ взаимной дѣятельности.

Многое заставляетъ подозрѣвать, что въ IX-мъ вѣкѣ и Весь и Меря, народы финскаго происхожденія, участвовали вмѣстѣ съ славянами-новгородцами и кривичами въ призваніи русскихъ князей только по имени; въ самомъ же дѣлѣ, на нихъ уже тогда легла власть славянъ. Несомнѣнно то, что въ ихъ земляхъ жили славяне: это показываютъ названія городовъ, которые были главами этихъ земель: Бѣлоозеро и Ростовъ—названія славянскія; конечно, еслибъ тамъ не было славянъ, этихъ названій не существовало бы. Да и построены они были славянами: въ тѣ времена городъ продолжалъ называться такимъ именемъ, какимъ прозванъ былъ сначала, даже и тогда, когда переходилъ во власть иного народа. Если же въ земляхъ Веси и Мери города носили славянскія названія, были построены славянами, и во времена призванія князей ими населены, то ужъ, безъ сомнѣнія, эти славяне были господствующимъ народомъ надъ финскими народами, точно также, какъ славяне играютъ ту же роль въ продолженіи вѣковъ до нашего времени, живучи вообще между племенемъ чудскимъ; и эти-то славяне собственно призвали князей, да и къ самому призванію, между другими пово-

Digitized by Google

дами, вѣроятно побуждала ихъ необходимость удержанія въ повиновеніи подвластныхъ инородцевъ. Доказательствомъ ранняго распространенія славянскаго племени въ этихъ странахъ служитъ скорое образованіе тамъ отдѣльныхъ княжествъ,—явное присутствіе многочисленнаго славянскаго народонаселенія, равно и то, что въ ростовско-суздальскомъ краѣ туземная народность исчезла рано. Образованіе русскаго княжества было бы невозможно въ странѣ, обитаемой исключительно чудскимъ или какимъ бы то ни было чуждымъ народонаселеніемъ, безъ достаточной славянской колонизаціи, которая бы составляла силу, господствующую до такой степени, что край потерялъ бы уже свой первообразный этнографическій характеръ; и дѣйствительно, тамъ, гдѣ славянская колонизація была незначительна, удалена отъ сплошной славянской народности, тамъ не могли утвердиться княжества и земли не получали значенія самобытности въ русской удѣльной федераціи,—такъ, отдаленная Тмутаракань скоро выбыла изъ области русскихъ земель; новгородско-чудскія области постоянно находились подъ властью Новгорода и, слѣдовательно, подъ господствомъ славянскаго элемента,—однако княжества и земельной автономіи тамъ не образовалось, между тѣмъ какъ Псковъ, съ его сплошнымъ славянскимъ населеніемъ, составлявшій прежде съ своей областью часть Новгородской страны, скоро показалъ начала самобытности. Чудскіе народы, какъ скоро между ними не было достаточно славянскаго элемента, управлялись сами собою и держались въ повиновеніи славянамъ страхомъ пришествія вооруженной силы и образовавшеюся впослѣдствіи времени привычкою платить дань. Весь, Меря и сопредѣльная послѣдней Мурома, появившись на первой страницѣ нашихъ лѣтописей, почти не показываютъ потомъ самобытнаго существованія. Еслибъ эти народцы не были издревле слишкомъ подавлены русско-славянскимъ населеніемъ, то

Digitized by Google

гдѣ-нибудь и какъ-нибудь проявили бы противодѣйствіе, и, конечно лѣтописцы хотя бы вкратцѣ намекнули объ этомъ. Какъ въ землѣ Веси (Бѣлозерской), такъ и Мери (Ростовской) вѣроятно, славянскіе колонисты были новгородской отрасли; что касается до первой, то нарѣчіе, господствующее тамъ въ народѣ до сихъ поръ, сохраняетъ яркія особенности новгородскаго, даже въ болѣе своеобразномъ видѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь; между тѣмъ этотъ край въ послѣдующія времена не принадлежалъ къ Землѣ Великаго Новгорода.

То же дѣлалось и съ Чудью. Чудью назывались финскіе народы, жившіе около Чудскаго озера, и далѣе въ Ливоніи. Подъ Чудью, участвующей въ призваніи князей, разумѣется часть этой страны, прилегавшая къ Чудскому озеру и къ Пскову, и уже подвластная славянамъ; Изборскъ былъ ея главнымъ городомъ, какъ надъ Весью — Бѣлоозеро, надъ Мерею—Ростовъ. Если бы Чудь эта была та, которая жила позападнѣе, въ Ливоніи, то прибывшіе князья утвердили бы тамъ свою власть; напротивъ, мы видимъ, что славянскій элементъ, господствуя въ Псковской и Полоцкой Земляхъ, подвигался впослѣдствіи уже въ Чудскую Землю на западъ, какъ въ страну, еще имъ не занятую, и мало-по-малу захватывалъ тамъ перевѣсъ, пока не столкнулся съ нѣмецкими пришельцами. Не слѣдуетъ соблазняться тѣмъ, что лѣтописецъ называетъ чудскія племена, когда говоритъ о призваніи союзниками варяжскихъ князей. Извѣстно, что географическія названія переживаютъ не только независимость народовъ, которые сообщили эти имена своей родинѣ, но даже самое существованіе тѣхъ народовъ. Весь, Меря и находившаяся подъ господствомъ Изборска Чудь, были покорны славянамъ, слѣдовательно, составляли съ ними въ географическомъ отношеніи — цѣлое. И въ наше время Сибирь—слово не русское, а если бы пришлось сказать: «Сибирь этого хочетъ»,

Digitized by Google

то разумѣлось бы при этомъ выраженіи русское населеніе, а не туземные народы, уступившіе первенство въ своей землѣ пришлому славянскому элементу: то же можно бы сказать объ Астрахани или о Крымѣ, — названія татарскія, и татары живутъ въ краяхъ, которые носятъ эти названія до сихъ поръ, а самобытности татары не имѣютъ, и древнее географическое имя ихъ земли сдѣлалось достояніемъ другого народа, одержавшаго верхъ и господство. Призывавшіе Варяговъ-Русь народы были всѣ наголо́ славяне; этимъ отстраняются неразрѣшимые вопросы: какъ могли появляться въ союзѣ разноязычныя племена, тогда какъ впослѣдствіи мы не видимъ отношеній равноправности между ними; напротивъ, одно постоянно играетъ роль господствующаго, а другое находится или въ зависимости, или въ безуспѣшномъ сопротивленіи.

Связь съ Новгородомъ славянскихъ племенъ, поселившихся между Весью, Мерею и Чудью, была, напротивъ, тѣмъ естественнѣе и тѣмъ необходимѣе, что каждая изъ славянскихъ колоній должна была держаться противъ чудскихъ племенъ, живучи въ иноплеменномъ краю.

Чуждое завоеваніе должно было укрѣпить эту связь; одни и тѣ же побѣдители поработили всѣ народы, противъ однихъ и тѣхъ же нужно было бороться. По совершеніи дѣла освобожденія, сознаніе необходимости дѣйствовать вмѣстѣ не могло ослабѣть уже и потому, что освобожденные народы не были внѣ опасности; скандинавы-варяги уже давно дѣлали набѣги на сѣверъ русскаго материка; подчиненіе ими народовъ въ половинѣ IX-го вѣка было однимъ изъ многихъ подобныхъ фактовъ, только вѣроятно однимъ изъ рѣзкихъ и чувствительныхъ, когда онъ могъ вызвать сильное противодѣйствіе со стороны покоренныхъ народовъ. Варяги-побѣдители могли снова нагрянуть и только усильной и дружною защитою народовъ можно было удержать отъ нихъ на будущее время неза-

Digitized by Google

висимость, какъ возможно было ее пріобрѣсть. Но кольскоро взаимность родственныхъ народовъ, до сихъ поръ выразившаяся совмѣстною защитою отъ чужихъ, довелась до формы постояннаго политическаго союза, тутъ возникли сложные вопросы, которые не могли порѣшиться разомъ, на которые могла дать отвѣтъ только въ теченіе долгаго времени историческая разработка общественной жизни. За этими вопросами неизбѣжно послѣдовали недоразумѣнія и столкновенія, междоусобія и смуты. Ничего не могло быть естественнѣе. У народовъ съ простыми первобытными пріемами общественной жизни, взаимныя связи, прежде чѣмъ примутъ опредѣленныя и прочныя формы, вызываютъ индивидуальныя и мѣстныя страсти, внутреннее противодѣйствіе связи, и въ этой борьбѣ необходимо бываетъ прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ, чтобъ удержать связь, которой важность чувствуется для существованія каждой изъ частей въ особенности. Такъ, славяне русскаго материка, нуждаясь въ поддержаніи своего союза, обратились къ внѣшней силѣ и призвали княжескій родъ изъ Варяговъ-Руси.

Кромѣ славянскихъ колонистовъ въ земляхъ Веси, Мери и Чуди, съ новгородцами участвовали въ призваніи князей—кривичи. Какіе именно кривичи вошли въ союзъ, призывавшій варяго-руссовъ, съ точностью опредѣлить трудно; лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ тотчасъ же посадилъ своихъ мужей въ Полтескѣ: слѣдовательно въ этотъ союзъ входили полочане, жители береговъ Двины и Полоти, которыхъ главнымъ городомъ, центромъ окольныхъ селъ и деревень, былъ Полоцкъ. Лѣтописецъ, исчисляя народы, призвавшіе князей, не помѣщаетъ полочанъ, но вѣроятно, они у него разумѣются подъ именемъ кривичей; потому что хотя полочане были вѣтвь пришлыхъ славянъ, отличная отъ кривичей, которыхъ лѣтопись не помѣщаетъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная поселенцевъ, но посе-

Digitized by Google

лившись между кривичами, полочане смѣшались съ ними и потерялись въ массѣ превосходившаго ихъ числомъ родственнаго племени, а потому здѣсь уже скрываются подъ общимъ географическимъ названіемъ той земли, гдѣ жили. Въ этомъ смыслѣ лѣтописецъ, разсказывая о пришествіи варяговъ, говоритъ, что въ Полотскѣ жили кривичи. Но очень можетъ быть, что участвовали въ союзѣ и другія вѣтви обширнаго славянскаго племени, извѣстнаго подъ именемъ кривичей. Очень можетъ быть, что и смольнянъ также должно считать съ полочанами въ числѣ этихъ кривичей, вступившими въ союзъ, потому что смольняне впослѣдствіи какъ-то слишкомъ скоро и легко покорились Олегу. Наконецъ, лѣтопись хотя не говоритъ прямо, описывая фактъ призванія, но впослѣдствіи даетъ поводъ думать, что кіевскіе славяне—поляне также здѣсь участвовали. Это видно изъ того, что когда Олегъ явился съ малолѣтнимъ Игоремъ и убилъ Аскольда и Дира, то сдѣлалъ это не какъ завоеватель, а какъ возстановитель нарушеннаго права. Онъ обличалъ Аскольда и Дира тѣмъ, что они не князья и не княжескаго рода и указалъ на Игоря, назвавъ его настоящимъ княземъ. Кіевляне покорились ему добровольно, безъ сопротивленія. Очевидно, смыслъ этого событія тотъ, что кіевляне приняли Аскольда и Дира не за тѣхъ, чѣмъ они были, а за князей и не противились ихъ казни, когда узнали, что они не князья. Слѣдовательно, они еще прежде имѣли понятіе о томъ, что имъ надобно повиноваться князьямъ, которые должны придти къ нимъ съ сѣвера; но это могло быть тогда только, когда кіевляне сами прежде изъявляли желаніе управляться варяжскими князьями и участвовали въ призывѣ ихъ вмѣстѣ съ новгородцами, кривичами и другими союзниками.

Теперь взглянемъ, кѣмъ могли быть призванные князья. Лѣтопись говоритъ о варягахъ.

Digitized by Google

Варяги есть составленное по-славянски скандинавское слово Vaeringiar; а у скандинавовъ это слово есть переводъ греческаго слова φοίδερατοί, что̀ значитъ союзники, или точнѣе, по смыслу, присяжные воины; этимъ именемъ назывались составленныя изъ иноземцевъ наемныя дружины, служившія у римскимъ, потомъ у византійскихъ императоровъ. Съ IX-го вѣка начали въ Византійской Имперіи появляться въ рядахъ этихъ служилыхъ иноземцевъ скандинавы или норманны, и перевели на свой языкъ греческое слово φοίδερατοί словомъ Vaeringiar. Оно въ скандинавскихъ былинахъ (сагахъ) появляется подъ 1040 годомъ, по поводу разсказа о пребываніи въ Греціи норвежскаго принца Гаральда Гардраде. Эти варяги проходили изъ своего отечества черезъ Россію водянымъ путемъ, по Днѣпру и Двинѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи [1]).

Русскіе, ознакомившись съ жителями прибалтійскаго прибрежья, въ лицѣ проходившихъ черезъ свои земли варяговъ, стали обращать это имя вообще на страны, откуда являлись къ нимъ эти проходимцы. Подъ варягами разу-

---

[1]) „Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, внити въ Ильмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вътечеть въ озеро великое Нево, того озера внидеть устье въ море варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса и потечетъ на полъдне, а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье и внидеть въ море варяжское, изъ того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалиское. Тѣмже изъ Руси можетъ ити въ Болгары и Хвалисы, на въстокъ доити въ жребій Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ вътечеть въ Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же, училъ святый Онъдрѣй, братъ Петровъ". (Полн. Соб. Рус. Лѣт. I. 3).

Digitized by Google

мѣли не одинъ какой-нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ при морѣ, которое у русскихъ получило названіе Варяжскаго отъ служилыхъ иноземцевъ, проходившихъ чрезъ земли русскихъ славянъ. Такъ какъ Балтійское море было главнѣйшимъ путемъ сообщенія съ западной Европой, Новгорода и прилежащихъ къ нему сѣверо-русскихъ странъ, то скоро значеніе *варяжскаго* стало еще обширнѣе: римско-католическая вѣра называлась «варяжскою», католическая церковь носила названіе «варяжской божницы», и римско-католическаго священника звали «варяжскій попъ» [1]). Широкое значеніе слова «варягъ» въ нашей лѣтописи, относится къ древнимъ временамъ сообразно съ тѣмъ значеніемъ, какое это слово имѣло въ эпоху составленія лѣтописи. Когда лѣтописецъ, разсказывая о событіяхъ IX-го вѣка, упоминаетъ о варягахъ, то значитъ, что онъ употребляетъ то названіе, какое существовало въ то время, когда онъ жилъ самъ, а не то, которое было въ тѣ времена, когда описываемыя имъ событія совершались. Въ договорахъ Олега и Игоря, заключенныхъ прежде и дошедшихъ къ лѣтописцу цѣликомъ, нѣтъ слова «варяги», да и быть его не могло, потому что люди, составлявшіе этотъ договоръ, не были варягами (Vaeringiar). Впослѣдствіи поморье варяжское не ограничивалось одними жилищами скандинавовъ; такъ и въ Волынской Лѣтописи къ поморью варяжскому причисляются страны славянскія, напримѣръ: «она бо бѣ рода князей сербскихъ, съ Кашубъ, отъ поморія варяжскаго» [2]). Читая разсказъ писателя конца XI-го и начала XII вѣка о варягахъ, не слѣдуетъ думать, чтобы народы, о которыхъ идетъ рѣчь въ IX вѣкѣ, дѣйствительно назывались варягами, а слово «варягъ» лучше переводить намъ для себя

---

[1]) Новгор. лѣт. I. 35.—Отвѣты Изяславу преподобнаго Ѳеодосія.
[2]) Полн. Соб. Рус. Лѣт. II, 227.

Digitized by Google

выраженіемъ: обитатели береговъ Варяжскаго моря т. е. прибалтійцы.

Слово «варягъ» въ XI, XII и XIII вѣкахъ, значило въ нѣкоторомъ смыслѣ то же, что теперь слово «нѣмецъ» у простолюдиновъ, означающее вообще западнаго европейца, или «черкесъ» въ смыслѣ жителя кавказскихъ горъ, хотя подъ этими именами могутъ скрываться разноплеменные народы. Варяговъ, по извѣстіямъ лѣтописцевъ, было много родовъ: одни назывались Русь, другіе Свое, третьи Урмяне, четвертые Гъте. Можетъ быть въ головѣ лѣтописца ихъ было и больше, да онъ не счелъ нужнымъ здѣсь всѣхъ пересчитывать, потому что привелъ ихъ единственно для того, чтобъ отличить отъ другихъ варяговъ тѣхъ изъ нихъ, которые назывались Русь, чтобы читающій зналъ, что Русь не Свое, не Урмяне, не Англяне, не Готы и не что другое еще, а Русь. Варяги, изгнанные изъ русскаго материка и Варяги-Русь были не одни и тѣ же: на это прямо указываетъ лѣтопись, приписываемая Нестору, словомъ Русь, которое она придаетъ единственно варягамъ, призваннымъ въ отличіе отъ другихъ, и словомъ *другіи*, которымъ она отличаетъ отъ Варяговъ-Руси—группу другихъ варяговъ, т. е. прибалтійскихъ народовъ. Варягъ—слово географическое, но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ оно приняло этнографическое значеніе; такъ какъ большинство жителей прибалтійскаго края принадлежитъ къ скандинавскому племени, то слово варяги, безъ обозначенія, какіе именно варяги, нерѣдко принималось въ смыслѣ однихъ скандинавскихъ народовъ, и потому лѣтописецъ, упоминая о Варягахъ-Руси, указываетъ тотчасъ же на отличіе отъ другихъ, имѣющихъ съ ними одно географическое названіе. Это ощутительно высказывается еще въ извѣстіи о томъ, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ: тогда у Олега были въ войскѣ варяги, но они наравнѣ съ другими народами прозвались Русью («бѣша у него Варязи

Digitized by Google

и Словени и прочи прозвашася Русью»). Слѣдовательно, въ войскѣ Олега лѣтописецъ разумѣетъ такихъ варяговъ, которые прежде не назывались Русью.

Варяги, изгнанные народами Сѣверной Руси, были скандинавы, и именно шведы. И прежде, какъ это видно изъ ихъ преданій, они дѣлали набѣги на русскій материкъ и овладѣвали Гольмгардомъ, называя такимъ образомъ Новгородъ и впослѣдствіи, по случаю отношеній ихъ къ Новгороду, то дружественныхъ, то непріязненныхъ. Есть въ скандинавскихъ сагахъ извѣстіе объ оставленіи шведами сѣверо-западной Россіи, которое подходитъ именно къ половинѣ IX-го вѣка, къ тому времени, когда, по нашей лѣтописи, совершилось изгнаніе варяговъ за море. Это мѣсто въ сагѣ Олафа святаго. Въ концѣ X-го или въ началѣ XI-го вѣка старецъ Торгній разсказываетъ, что дѣдъ его вспоминалъ о королѣ Эрикѣ, сынѣ Эдмунда, который, будучи уже во цвѣтѣ лѣтъ, собравши большія силы, овладѣлъ Финляндіею, Карелією, Эстоніею, Курляндіею и другими многими странами, на востокъ лежащими, и оставилъ по себѣ память въ высокихъ насыпяхъ и другихъ памятникахъ [1]).

[1]) „Thorgnius locutus est: Aliud est nunc regum Svioniae ingenium, atque olim fuit. Thorgnius, avus meus paternus, recordatus est memoriam Eiriki Edmundi filii, regis Upsaliensis, et hoc de eo retulit, solitum fuisse, dum in viridissimo esset flore aetatis, evocatis quavis aestate copiis expeditionem in varias terras facere, et Finniam, Kirialos, Estoniam, Curlandiam multasque partes orientis subegisse, et etiamnum cernere licet terrenas illas arces aliaque amplissima monumenta, quae facienda curavit".

Въ другомъ изданіи (Снорро Стурлезона):

„...Subjecisse Finlandiam, Kyrialam (Kareliam), Esthoniam atque Curlandiam nec non plures latae ad orientem regiones, ubi etiamnum cernere licet ungestas ex cespite aggeres aliaque fortiter ibi et praeclare ab eo gestarum rerum monumenta"... (См. Antiquités Russes, I 316. Extrait de la Heimskingla. Изд. Снорро Стурлезона: Saga a Olafi Hinom Helga, 104).

Digitized by Google

Около того же времени разсказывается въ житіи св. Ансхарія, писанномъ Ринбертомъ, жившимъ въ половинѣ IX-го вѣка, что скандинавы потеряли власть свою надъ Корами (curones, Корсь нашихъ лѣтописцевъ), народомъ литовскаго племени [1]). Этотъ писатель указываетъ, что изгнаніе скандинавовъ совершилось взаимнымъ усиліемъ нѣсколькихъ народовъ, соединившихся для изгнанія чужеземцевъ [2]). Свидѣтельство Ринберта также совпадаетъ съ извѣстіемъ нашей лѣтописи объ изгнаніи варяговъ и дополняетъ послѣднее тѣмъ, что сообщаетъ о взаимнодѣйствіи народовъ литовскаго племени въ общемъ дѣлѣ освобожденія сѣверо-западной Россіи.

Варяговъ, призванныхъ послѣ изгнанія для управленія, лѣтописецъ отличаетъ народнымъ прозваніемъ *Русь*, а потому ихъ нужно искать въ томъ народѣ, который носилъ названіе Русь. Мы находимъ дѣйствительно это названіе на берегу Балтійскаго (Варяжскаго) моря, при устьѣ Нѣмана, которое и до сихъ поръ сохранило названіе Русъ, а правый берегъ его называется на мѣстѣ рускимъ. Какъ далеко въ глубокой древности простиралось это названіе въ географическомъ объемѣ, невозможно опредѣлить; но есть свидѣтельства, указывающія на существованіе названія Руси въ смыслѣ страны на побережьѣ Нѣмана. Такъ въ XIV-мъ вѣкѣ историкъ Тевтонскаго Ордена, Петръ дюисбургскій, помѣщаетъ страну Руссію на побережьѣ Нѣмана, при его устьѣ [3]). У Адама бременскаго, историка

[1]) „Gens enim quaedam longe ab eis (отъ Норманновъ шведскихъ) posita vocata Chori Sueonum principatui olim subjecta fuerat, sed jam tunc diu erat, quod rebellando eis subjici dedignabuntur". (Acta Sanctor. Februar., I. Vita sanct. Anschar. c. XIII).

[2]) „Populi itaque, ibi manentes, cognito eorum adventu conglobati in unum, coepere viriliter resistere et sua defendere, dataque sibi victoria..." etc.

[3]) Terra Pruschiae pro terminis suis, intra quos constituta est, habet Wiselam, mare Salsum, Memelam, terram Ruschiae, ducatum Maso-

Digitized by Google

XI-го вѣка, Пруссія, называемая имъ Самбія, представляется граничащею съ страною Руссіею. Точно также у Титмара Пруссія граничитъ съ Руссіею [1]). Въ жизнеописаніи св. Бруно, составленномъ его товарищемъ Вибертомъ [2]), описывается его страданіе и смерть, происходившія въ Пруссіи, и то же самое разсказывается въ житіи св. Ромуальда, и страна, гдѣ случилось событіе, называется Руссіею, а король этого края, Нетимеръ, замучившій св. Бруно и его сподвижниковъ, называется королемъ русскимъ [3]). Въ XVI-мъ вѣкѣ при-нѣманская страна называлась *Русью*, какъ это видно изъ одной приписки къ житію свят. Антонія сійскаго, гдѣ писатель называетъ себя русиномъ отъ племени варяжскаго, изъ Руси [4]), которая называется этимъ именемъ по рѣкѣ Руси. Что за нижнею частію Нѣмана названіе Русь принадлежитъ глубокой древности, указываетъ и названіе Пруссія, сокращеніе слова Порусія, т. е. страна, лежащая по рѣкѣ Русѣ. Географическое названіе землѣ этой дано славянами.

Многія имена пришельцевъ, сохранившіяся въ догово-

---

wiae et ducatum Bobrinensem. Memela est fluens aqua, descendens de regno Russiae circa castrum et civitatem Memelburg intrans mare ipsam Ruschiam, Lethowiam et Curoniam dividens etiam a Pruschia“ (стр. 68).

[1]) „Ad Pruciam pergens steriles hos agros semine divino studuit fecundare, sed spinis pulalantibus horrida non potuit facile molliri. Tunc in confinio praedictae regionis et Rusciae cum praedicaret, primo ab incolis prohibetur et plus evangelizans capitur, deinde que amore Christi, qui aecclesiae caput est, 16 kalend. Martii mitis ut agnus decollatur, etc“. (Pertz. V, 834).

[2]) Pertz, VI. 579.

[3]) Cumque ad regem Russorum vir venerabilis pervenisset etc. Pertz VI. 851.

[4]) „Отъ племени варяжска, родомъ Русина, близъ восточныя страны, межъ предѣлъ словеньскихъ, варяжскихъ и агорянскихъ, иже нарицается Русь, по рѣкѣ Русѣ“.

Digitized by Google

рахъ Олега и Игоря, представляютъ сходство съ собственными именами людей и мѣстностей литовскаго міра, и нѣкоторыя изъ нихъ по складу обличаютъ происхожденіе отъ литовскаго корня [1]).

Немаловажнымъ подтвержденіемъ вѣроятности происхожденія призванныхъ варяговъ изъ прусско-литовскаго міра служитъ существованіе части Прусской улицы въ Новгородѣ и этнографическаго названія ея обитателей—пруссы. Впродолженіе многихъ вѣковъ эта часть города заселена была боярскими фамиліями, и сохраняла аристократическій характеръ, такъ что не одинъ разъ во время народныхъ усобицъ, черные люди, составлявшіе въ Новгородѣ демократическую стихію, ополчались на эту часть города съ неистовствомъ, отличающимъ подобныя боренія народныхъ партій. Между тѣмъ въ древней нашей лѣтописи указывается, что пришельцы-варяги, переселившись съ призванными князьями, сдѣлались жителями Новгорода (Ти соуть людье ноугородци отъ рода варяжска).

---

[1]) Олегъ, Ольга—рѣка Олегъ, урочище Олька, имена лицъ—Ольгердъ, Ольгимунтъ; Алданъ—имя Альдона; Ятвягъ—имя литовскаго князя; Утинъ—имя литовскаго князя, Туки—имя лица Туки, названія мѣстностей: Туки, Туканы; Гуды—имя лица Гудулъ, названія мѣстностей: Гуделе, Гудишки, Гудулишки, Гудайце, Гудели, Гудучишки, Гудунъ; Войковъ—имя Войко; Бернъ—имя лица Бернатъ, фамилія Бернатовичъ, мѣстности: Бернате, Бернатовъ; Кары—имена Каріатъ, Карейва, Каресва, мѣстности: Каріонъ, озеро Кайры; Веремудъ—имя Вермутъ; Сфирка—имя Свирка, названія мѣстностей: Свирка, Свирки, Каршевъ—имя Карши, названія мѣстностей: Каршево, Каршева; Рогнѣдь—Рагнитъ городъ; Карнъ — фамилія Карновичъ, имена мѣстностей: Карны, Карвовичи; Моны,—названія мѣстностей: Моны, Монейцы; Слуды—названіе мѣстности Слудока (такая же мѣстность близъ Новгорода—Слудки); Карлъ—названіе мѣстности Карлы; Глѣбъ—названіе нѣсколькихъ мѣстностей съ тѣмъ же именемъ въ Жмуди; Шихбернъ—мѣстности Шиксне, Шихле, Шиксти; Якунъ—мѣстности: Яку, Якенъ; Иггивладъ—названіе мѣстности Иггауде; Стеггистонъ — названія мѣстностей: Стегвиле, Стегенъ.

Digitized by Google

Это извѣстіе побуждаетъ насъ, въ теченіе послѣдующей исторіи Новгорода, искать слѣдовъ такихъ чужеплеменныхъ пришельцевъ и мы не находимъ ничего, кромѣ пруссъ въ этомъ родѣ, и притомъ съ аристократическимъ характеромъ, чего неизбѣжно слѣдовало ожидать, потому что тѣ, которые пришли какъ совѣтники и помощники лицъ, призванныхъ для управленія, должны были передать потомству своему сознаніе важности происхожденія. Наконецъ побуждаетъ къ признанію призванныхъ варяговъ литовскимъ племенемъ и древнее преданіе, существовавшее уже издавна и записанное во многихъ хронографахъ XVI и XVII вѣковъ, что они пришли изъ Пруссъ. Это было убѣжденіе нашихъ предковъ, и ему неоткуда было явиться иначе, какъ перейти отъ прежнихъ поколѣній. Во всякомъ случаѣ, хотя вопросъ, откуда именно пришли первые призванные князья остается неразрѣшеннымъ, но изъ всѣхъ гипотезъ, какія существовали по этому предмету, гипотеза о ихъ прусско-литовскомъ происхожденіи, имѣющая на своей сторонѣ старинное преданіе, намъ кажется вѣроятнѣе всѣхъ другихъ.

Цѣль призванія князей выражается словами, которыя лѣтописецъ заставляетъ произносить призывающихъ: «пріидите княжить и володѣть нами по праву». Союзники сознали, что не могутъ поладить и установить между собою порядокъ. Очевидно, что для водворенія лада должно было имъ представляться прежде всего средство — поручить кому-нибудь власть. Но какъ скоро получающій власть будетъ принадлежать къ одному какому-нибудь изъ союзныхъ народовъ, другіе будутъ недовольны этимъ предпочтеніемъ, и тотъ народъ, откуда будетъ правитель, возьметъ верхъ надъ другими. У нихъ, по извѣстію лѣтописи, и безъ того возставалъ родъ на родъ. Тотъ, кому дадутъ власть, будетъ возвышать свой родъ на счетъ другихъ; тѣ роды, которые были прежде во враждѣ, еще

Digitized by Google

сильнѣе начнутъ противодѣйствовать: усобицы и смуты не прекратятся отъ этого, а еще усилятся. И вотъ, сознавая необходимость союза, собрались въ Новгородѣ люди изъ союзныхъ народовъ и порѣшили для управленія и установленія порядка призвать лица изъ такого народа, который не участвовалъ въ ихъ домашнихъ распряхъ. Всѣ они сами не составляютъ одного только народа, но нѣсколько союзныхъ народовъ; сообразно съ этимъ они призываютъ не одного правителя, а трехъ братьевъ, да еще съ ихъ родомъ (родными); какъ народы союзные связаны между собой сознательно родственностію племени, такъ и князья, пришедши къ нимъ, могутъ править каждый въ одномъ изъ народовъ, но будутъ связаны между собой сознательно единствомъ рода. Славянскіе народы призывали тогда себѣ князей на основаніи такого общечеловѣческаго обычая, по которому спорящія между собою стороны отдаютъ свой споръ на обсужденіе постороннимъ лицамъ, наблюдая, чтобъ эти лица совершенно были непричастны всему что́ подавало поводъ имъ самимъ ко взаимной враждѣ. Это третейскій судъ, столь обычный въ русскомъ народѣ во всѣ времена. Князья были третьи въ дѣлѣ домашнихъ неурядицъ союзныхъ народовъ, и съ этимъ значеніемъ оставались они въ послѣдующей русской исторіи; несмотря на различныя уклоненія отъ такого значенія, происходившія отъ стеченія обстоятельствъ, преимущественно внѣшнихъ, оставались они все тѣмъ же, т. е. третьими до тѣхъ поръ, пока наконецъ историческая судьба не вызвала новыхъ требованій, съ которыми уже несовмѣстимъ былъ старинный порядокъ. Призывавшіе князей народы не отдавались имъ безусловно, но приглашали ихъ «княжить и володѣти по праву». Прежняя автономія народной независимости и народнаго самоуправленія, выразившаяся понятіемъ о землѣ, не уничтожилась отъ этого призыва. Оно было и естественно: этихъ чужихъ правителей и су-

Digitized by Google

дей призывали свободные, призывали какъ внѣшнюю силу для опредѣленныхъ заранѣе цѣлей; могли призывать и не призывать ихъ, не бывъ обязаны ничѣмъ въ отношеніи ихъ; сами давали имъ то, что хотѣли дать и требовали того, что имъ было нужно отъ нихъ, а не принимали того, что тѣмъ угодно было дать. Отсюда и возникло то двоевластіе, то существованіе одна о-бокъ другой двухъ верховныхъ политическихъ силъ — земской или вѣчевой, и княжеской, чѣмъ такъ отличается древняя исторія Руси вообще и Великаго Новгорода въ особенности.

Но если призванныхъ князей съ ихъ родомъ приглашали какъ установителей порядка, то невольно рождается вопросъ: какимъ же образомъ приглашали людей изъ чужого племени, не умѣвшихъ говорить на туземномъ нарѣчіи, не знавшихъ обычаевъ того края, куда они приходили? По нашему мнѣнію вопросъ этотъ, часто вовсе оставляемый въ многоразличныхъ размышленіяхъ надъ фактомъ призванія варяговъ, долженъ былъ бы обращать гораздо больше на себя вниманія. И поэтому мы позволимъ себѣ остановиться на извѣстной Татищеву Іоакимовской Лѣтописи, въ которую, точно также какъ и въ наши хронографы, зашли народныя преданія, изуродованныя книжною мудростію грамотѣевъ. Тамъ разсказывается, что изгнаніемъ варяговъ руководилъ старѣйшина или князь новгородскій Гостомыслъ. Сыновья его были убиты въ сраженіи, оставались у него три замужнія дочери. Волхвы предрекли ему, что боги даруютъ его потомству наслѣдіе. Гостомыслъ былъ старъ — не повѣрилъ этому, потому что не надѣялся имѣть дѣтей, но отправилъ пословъ въ Зимеголу спросить тамошнихъ вѣщуновъ; и тѣ предрекли ему то же. Недоумѣвалъ Гостомыслъ и грустилъ. Однажды снится ему сонъ, будто изъ утробы средней дочери его Умилы, выростаетъ огромное плодовитое дерево, осѣняетъ великій градъ, а люди всей земли его на-

Digitized by Google

сыщаются отъ плодовъ этого дерева. Вѣщуны истолковали ему этотъ сонъ такъ: «отъ сыновъ ея (Умилы) имать наслѣдити ему землю, и земля угобзится княженіемъ его». Умила была замужемъ за русскимъ княземъ, и у нея было трое сыновей: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; этихъ-то сыновей русской матери и призвали сѣверные народы русскаго материка [1]).

Въ какомъ бы переиначенномъ видѣ ни дошли до насъ эти сказанія, но въ нихъ мерцаетъ историческая основа, прокатившаяся черезъ народныя преданія: очень вѣроятно, что Гостомыслъ отправлялъ пословъ къ вѣщунамъ въ Зимеголу, т. е. въ Литовскій край, который съ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ въ понятіяхъ нашего народа представлялся мѣстомъ колдуновъ и гадателей. Очень вѣроятно, что князей призвали именно потому, что они были сыновья матери славянки, могли быть знакомы съ славянскимъ языкомъ и славянскими обычаями и вообще по крови были нечужіе славянскому міру, но въ то же время были совсѣмъ чужды туземнымъ распрямъ и недоразумѣніямъ и, слѣдовательно, имѣли качества третейскихъ судей.

Въ дѣлѣ призванія варяжскихъ князей Новгородъ занималъ первенствующую роль. Онъ руководилъ союзомъ; въ лицѣ своего Гостомысла, онъ первый далъ голосъ о призваніи княжескаго рода; въ Новгородѣ водворяется главный князь, а въ другихъ мѣстахъ его братья и мужи. Новгородъ—центръ образующейся федеративной русской державы. Но это великое значеніе скоро исчезаетъ. Новгородъ какъ-будто ускользаетъ изъ исторіи на долгое время, потомъ является уже не съ прежнимъ первенствомъ въ Русской Землѣ. При Олегѣ онъ уже находится въ какомъ-то неясномъ состояніи данничества варягамъ, если принимать на вѣру короткое извѣстіе лѣтописца объ уста-

[1]) Татищ. 1. 34.

Digitized by Google

новленіи Олегомъ годичной дани варягамъ — 300 гривенъ *мира дѣля* [1]). Вѣроятно, эти варяги были норманны изъза моря, которымъ новгородцы согласились платить за то, чтобъ они ихъ не трогали. Подобные платежи случались и впослѣдствіи: во всей новгородской исторіи обычная черта, что Новгородъ для своего спокойствія отплачивается серебромъ отъ притязаній великихъ князей и литовскихъ государей. Платежъ установленъ Олегомъ, когда онъ собирался покинуть Новгородъ навсегда. Это было какъбудто обезпеченіе, какое могъ дать ему князь, исполняя ту обязанность, для которой князья призваны: охранять страну отъ угрожающихъ ей поработителей. Олегъ какъ будто составилъ съ норманнами компромиссъ отъ Новгорода. Норманны не должны безпокоить новгородцевъ, а послѣдніе будутъ имъ платить. Устроивая это, Олегъ какъ-бы расквитался съ Новгородомъ и потомъ уже имѣлъ право его покинуть. Въ походѣ его на югъ, въ ряду удальцовъ изъ другихъ племенъ и народовъ, участвовали новгородцы, называемые у лѣтописца своимъ мѣстнымъ именемъ Словене; тѣ, которые ушли съ Олегомъ, остались въ Кіевской Землѣ. Съ тѣхъ поръ наша лѣтопись, занимаясь почти исключительно югомъ, упускаетъ изъ вида сѣверъ. Только по отрывочнымъ чертамъ можно видѣть, что связь съ нимъ Кіева и кіевскихъ князей не прерывалась. Такъ въ 903 г. Олегъ женилъ питомца своего Игоря на Ольгѣ, дѣвицѣ родомъ изъ сѣвернаго края, изъ Пскова. Въ 947 году эта Ольга, будучи уже самоправною княгинею, ѣздила по Новгород-

---

[1]) Толкованіе Соловьева, будто *мира дѣля* значитъ ради мірского порядка (общественнаго, отъ слова міръ — община), едва ли можно принять. Слово миръ употребляется чрезвычайно часто въ лѣтописяхъ, и всегда—въ смыслѣ „*рах*“: *докончиша миръ*, *далъ миръ*, *на миру* (въ мирное время). Нѣтъ основанія думать, чтобы въ одномъ только этомъ мѣстѣ это слово употреблено было въ особомъ значеніи, такомъ, въ какомъ не является никогда.

Digitized by Google

ской Землѣ и установляла погосты и дани по Мстѣ и Лугѣ. Это извѣстіе, неясное само по себѣ, показываетъ, что Новгородъ признавалъ ея власть наравнѣ съ Кіевомъ. Но въ 970 году новгородцы являются къ Святославу уже какъ независимые и просятъ себѣ въ князья одного изъ его сыновей, прибавляя, что если никто изъ нихъ не пойдетъ къ нимъ княжить, то они найдутъ себѣ въ другомъ мѣстѣ князя. Изъ этого видно, что Новгородъ сознавалъ и сохранялъ свою древнюю автономію и если желалъ оставаться въ союзѣ съ русскими землями, скрѣпленными единствомъ властвующаго рода, то не иначе, какъ удерживая за собою право располагать собою иначе, когда найдетъ это нужнымъ. На ихъ просьбу о князѣ, Святославъ отвѣчалъ: «Хорошо, коли кто пойдетъ къ вамъ». Такой отвѣтъ указываетъ, что въ то время княженіе въ Новгородѣ не представляло большихъ надеждъ для князя. Двое сыновей Святослава въ самомъ дѣлѣ отказались отъ такой чести. Новгородцы выбрали себѣ меньшого, Владимира, рожденнаго отъ ключницы Малуши, племянника по матери Добрыни, славнаго въ народной поэзіи богатыря героическаго вѣка. Съ этихъ поръ начинается непрерывное соединеніе Новгорода съ Кіевомъ. Владиміръ, сдѣлавшись новгородскимъ княземъ, утвердилъ въ немъ свою власть съ помощію чужеземцевъ, а потомъ подчинилъ его Кіеву. По нѣкоторымъ чертамъ, сохранившимся въ нашихъ лѣтописяхъ и скандинавскихъ сагахъ, видно, что Новгородъ въ это время не имѣлъ постоянныхъ сношеній съ норманнами. По сказанію олафовой саги, въ Новгородъ прибылъ гонимый Олафъ къ Владимиру, и мать Владимира предрекла на праздникѣ, называемомъ въ сагѣ «Іолою» (равнозначительно Колядѣ), о прибытіи славнаго героя съ сѣвера. Сага не болѣе какъ преданіе отдаленнаго времени, перешедшее къ потомкамъ и записанное уже поздно; пря-

Digitized by Google

мымъ источникомъ къ разъясненію темныхъ фактовъ сага не можетъ служить; однако изъ того, что говоритъ сага, видно, что въ послѣдующихъ вѣкахъ оставалось воспоминаніе о связи Скандинавіи съ Новгородомъ въ X-мъ вѣкѣ. Между дѣтьми Святослава сдѣлалось междоусобіе. Ярополкъ кіевскій убилъ брата Олега. Какъ только Владиміръ услышалъ объ этомъ убійствѣ, тотчасъ убѣжалъ изъ Новгорода за море искать помощи у шведовъ. На новгородцевъ онъ, вѣроятно, не надѣялся; и дѣйствительно, какъ только онъ отправился за море, Ярополкъ прислалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ, и новгородцы приняли ихъ безъ сопротивленія. Новгородцы могли быть или слишкомъ слабы, или же не полюбили Владиміра и добровольно признали своимъ княземъ его брата и соперника. Вѣрнѣе послѣднее, потому что Владиміръ только съ помощію чужеземцевъ побѣдилъ Ярополка. Впослѣдствіи же, когда Ярославъ добывалъ Кіева, новгородцы имѣли настолько силы, чтобъ оказанная ими помощь могла заслужить особую благодарность отъ князя. Теперь варяги, помогавшіе Владиміру, требовали себѣ воздаянія за помощь князю. Когда Кіевъ перешелъ въ руки Владиміра, варяги, съ которыми онъ добывалъ отцовскую столицу, сказали: «Это нашъ городъ! Мы взяли его. Давайте намъ окупу по двѣ гривны съ человѣка!» О новгородцахъ нѣтъ и помину. Если въ Кіевѣ могли такъ отзываться норманны, то въ Новгородѣ они должны были поступать еще произвольнѣе. Вѣроятно Новгородъ,—безропотно признавшій власть Ярополка въ то время, какъ Владиміръ былъ за моремъ — былъ покоренъ послѣднимъ съ помощію варяговъ, и во все время своего княженія Владиміръ обращался съ нимъ какъ съ землею, завоеванною оружіемъ.

Digitized by Google

III.

КРЕЩЕНІЕ НОВГОРОДА. — НОВГОРОДЪ ПОДЪ ВЛАСТІЮ КІЕВА.—ВОЗВРАЩЕНІЕ ЕГО НЕЗАВИСИМОСТИ.

Русская Земля приняла св. крещеніе. Изъ Кіева христіанство разливалось по славянскимъ землямъ русскаго союза. Оно явилось и въ Новгородѣ. Въ Никоновскомъ спискѣ Сильвестровской Лѣтописи разсказывается коротко, что въ 990 году самъ Михаилъ, первый русскій митрополитъ, прибылъ въ Новгородъ съ епископами, данными ему въ числѣ шести отъ патріарха, съ Добрынею, Володимировымъ дядею, да съ Анастасомъ, грекомъ, предателемъ Корсуня. Проходя по землямъ, они сокрушали идоловъ, многихъ людей окрестили, воздвигли церкви, поставили священниковъ по городамъ и селамъ. Лѣтопись ничего не говоритъ о сопротивленіи со стороны язычниковъ. «Была— выражается она — тишина велія отвсюду» [1]). Но, какъ видно, это была только первая посадка христіанства и принялась довольно плохо. Язычество было слишкомъ сильно на сѣверѣ; принятіе христіанства не предуготовилось предварительнымъ свободнымъ распространеніемъ новой вѣры, какъ это было въ Кіевѣ, при долговременныхъ его сношеніяхъ съ Греціею.

Въ 992 году при Михаиловомъ преемникѣ, митрополитѣ Леонтіѣ, епископъ Іоаннъ, назначенный въ Новгородъ, пришедши туда, долженъ былъ еще разъ сокрушать идоловъ и разорять требища [2]). Объ этой второй проповѣди христіанства въ Новгородѣ сохранился въ такъ называвшейся Іоакимовской Лѣтописи разсказъ очень правдоподобный и вѣроятно основанный на вѣковыхъ мѣстныхъ преданіяхъ, какъ и многое въ этомъ повѣствовательномъ

[1]) П. С. Л. IX, стр. 64.
[2]) П. С. Л. IX, стр. 65,

Digitized by Google

отрывкѣ, не лишающее его историческаго значенія, при всемъ томъ, что въ немъ довольно искаженій. Вообще, по извѣстію этой лѣтописи, тогдашнее крещеніе русскаго міра происходило не такъ добровольно и умильно, какъ можно заключить по разсказамъ Сильвестровой Лѣтописи. Вмѣстѣ съ мирными пастырями-учителями словеснаго стада, ходили въ другомъ родѣ проповѣдники: Добрыня, дядя Володимировъ, да Путята, Володимировъ тысячскій, а съ ними была ратная сила. Гдѣ не довлѣли пастырскія увѣщанія, тамъ употреблялись болѣе плотскія средства. Такимъ образомъ они крестили въ разныхъ земляхъ славяно-русскаго міра народъ, гдѣ сотнями, гдѣ тысячами—какъ гдѣ случится. Невѣрные люди и скорбѣли, и роптали, да нечего было дѣлать: не смѣли сопротивляться ратной силѣ. Первоначально войско проповѣдниковъ было конечно изъ Кіева, но потомъ въ каждой землѣ вербовали въ него новокрещенцевъ и такимъ образомъ увеличивалась сила. Пріобрѣвъ страхомъ въ одномъ мѣстѣ новыхъ христіанъ, апостолы изъ нихъ же добывали орудія на страхъ другимъ мѣстамъ. Тогда легко было возбуждать воинственныя страсти и набирать охотниковъ воевать другихъ: иные могли креститься только для того, чтобъ ихъ взяли въ войско; легко было при этомъ пользоваться старыми соперничествами и предразсудками, господствовавшими между однѣми и другими землями и мѣстами: находились вѣроятно такіе, которые радовались случаю припомнить старину сосѣдямъ; наконецъ, удалое честолюбіе легко щекоталось и возбуждалось вообще желаніемъ дать почувствовать другимъ свою силу и заставить другихъ дѣлать по своему, а не по ихнему. Такъ, Добрыня и Путята, бывши съ епископами въ Ростовѣ, набрали въ свое войско новокрещенныхъ ростовцевъ и пошли къ Новгороду. Пока войско, проходя отъ Кіева по разнымъ землямъ, дошло наконецъ до отдаленнаго Новгорода, оно, конечно, усили-

Digitized by Google

лось до самой высокой степени, и Новгороду суждено было у себя встрѣтить болѣе гостей, чѣмъ другія земли. До того новгородцы-язычники показывали терпимость къ христіанамъ; по крайней мѣрѣ существовала въ Новгородѣ христіанская церковь Преображенія, построенная вѣрно въ приходъ митрополита Михаила; жили спокойно среди язычниковъ новопринявшіе крещеніе ихъ соотечественники. Но когда услышали язычники, что къ нимъ идетъ ратная сила съ тѣмъ, чтобъ уничтожить боговъ—ихъ прадѣдовскую святыню, то составили вѣче и приговорили не впускать приходящихъ въ городъ и не выдавать боговъ. Лѣвая сторона города по теченію Волхова держалась упорнѣе старой вѣры, притомъ же была укрѣплена. Проповѣдники съ войскомъ пришли прежде на правую (Торговую) сторону и увидали, что мостъ разобранъ и противъ нихъ на берегу выставлены каменометныя орудія, называемыя пороки: туча каменьевъ грозила имъ, какъ только они покусятся силою переходить на другой берегъ. Стали они крестить людей на правой сторонѣ, и въ теченіе двухъ дней окрестили ихъ нѣсколько сотъ, только вообще замѣтили, что слово крестное представляется невѣрнымъ безумiемъ и обманомъ. На лѣвой сторонѣ старшій жрецъ Богумилъ, прозванный за свое сладкорѣчіе «Соловей», возбуждалъ народъ стоять за вѣру предковъ. Тысячскій Угоняй ѣздилъ по городу и кричалъ: «лучше намъ помереть, чѣмъ отдать на поруганіе нашихъ боговъ». Тогда тысячскій Володимировъ, Путята, мужъ храбрый и смышленый, ночью переправился съ пятью стами ростовцевъ на другой берегъ. Новгородцы ошибкою приняли ихъ за своихъ и впустили въ городъ. Ростовцы схватили Угоняя въ его дворѣ, схватили нѣсколько другихъ такихъ же коноводовъ (передникъ мужей). Путята отправилъ ихъ тотчасъ на правый берегъ къ Добрынѣ. Разнеслось объ этомъ по городу. Народъ разсвирѣпѣлъ и тутъ-то возбудилась въ немъ неи-

Digitized by Google

стовая ненависть къ христіанству; разметали церковь Преображенія, ограбили и разорили домы христіанъ. Тогда, вѣроятно, убили жену Добрыни, разорили его домъ, перебили нѣкоторыхъ изъ его родни; хотя Іоакимовская Лѣтопись говоритъ объ этомъ прежде чѣмъ о переправѣ Путяты на лѣвый берегъ, но такъ какъ разореніе церкви и христіанскихъ домовъ послѣдовало уже какъ слѣдствіе народнаго раздраженія, возбужденнаго этою ночною переправою и нападеніемъ на Угоняя, то вѣроятно и поступокъ съ семьею и съ домомъ Добрыни долженъ былъ произойти въ эти часы всеобщаго народнаго волненія. Странно, однако, что Добрыня, зная хорошо духъ новгородскій, оставилъ жену свою и родныхъ въ Новгородѣ, когда собирался туда идти и когда ожидалъ, что его могутъ встрѣтить какъ непріятеля: въ такомъ случаѣ онъ заранѣе бы распорядился удалить ихъ въ болѣе безопасное мѣсто. Въ то же время до пяти тысячъ новгородцевъ вступили въ жестокую сѣчу съ Путятою и ростовцами; тогда Добрыня, пользуясь темнотою ночи, переправился на другой берегъ и зажегъ дома на берегу. Сдѣлалось всеобщее смятеніе, многіе бросились тушить пожаръ, а знатные люди, бояре, послали къ Добрынѣ просить мира. Добрыня приказалъ самъ спасать городъ и перестать грабить. Расправа пошла надъ богами: деревянныхъ идоловъ сожгли, каменныхъ побросали въ рѣку. Мужчины и женщины, старые и малые, съ воплемъ и плачемъ умоляли пощадить боговъ и не поругаться надъ ними. «Что вы безумные ихъ жалѣете,—говорилъ имъ Добрыня:—что это за боги, что сами оборониться не умѣютъ! Какой пользы отъ нихъ ожидать!» Конечно, беззащитность боговъ должна была произвести на массу вліяніе, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, когда народъ, видя безсиліе своихъ идоловъ, начиналъ въ нихъ сомнѣваться; но, по извѣстію повѣствователя, новгородцы все-таки не хотѣли крестить-

Digitized by Google

ся. Понятно, что насиліе должно было оскорблять вольный духъ ильменскихъ славянъ, хотя не разъ поражаемый, но еще не сломленный и не задушенный ни долговременнымъ гнетомъ, ни чуждымъ нравственнымъ вліяніемъ. Новгородцы шли въ воду только по крайней неволѣ; не хотѣвшихъ тащили воины въ Волховъ: мужчинъ крестили выше, а женщинъ ниже моста; и многіе, чтобъ остаться некрещенными, прибѣгали къ хитрости и увѣряли, что они уже крещены. По этому проповѣдники надѣвали всѣмъ крещеннымъ на шею крестики. Повиновались новгородцы,—некуда было дѣться; омылись въ водѣ, крестики надѣли, но въ душѣ надолго оставались по крайней мѣрѣ не христіанами, если не совсѣмъ язычниками. Въ воспоминаніе насильственнаго крещенія, послѣ того, долго упрекали новгородцевъ, и съ насмѣшкою говорили имъ: «Путята васъ крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ» [1]).

О Перунѣ, главномъ идолѣ, сохранилось въ послѣдующихъ вѣкахъ такое преданіе. Когда его сбросили съ моста, вступилъ въ него бѣсъ и началъ идолъ кричать: «О горе, охъ, мнѣ! Достался я въ немилостивыя руки». Плывя подъ большой мостъ, онъ бросилъ на мостъ палку и сказалъ: «поминайте меня этимъ, новгородскія дѣти!» Запрещено было перенимать его. Несчастный божокъ приплылъ къ берегу у Пидьбы (на устьѣ рѣки Пидьбы, впадающей въ Волховъ съ лѣвой стороны, ниже Новгорода). Пидьбянинъ вышелъ на рѣку, собираясь на лодкѣ везти въ городъ горшки на продажу: видитъ Перуна; ударилъ его шестомъ и сказалъ: «Довольно ты, Перунище, поѣлъ-попилъ, плыви теперь прочь».

Сказаніе о насильственномъ крещеніи Новгорода, по Іоакимовской Лѣтописи, подтверждаетъ то, что въ этотъ

[1]) Татищ. I, 38—40.

Digitized by Google

періодъ времени Новгородъ находился въ качествѣ покоренной земли подъ такими условіями, которыя не позволяли новгородцамъ показать свою самобытность. Избранный добровольно новгородцами, Владимиръ покорилъ его себѣ съ помощью варяговъ-норманновъ, а потомъ, ставши кіевскимъ княземъ, удерживалъ надъ нимъ свою власть; такимъ образомъ Новгородъ чрезъ него подпалъ подъ власть Кіева, сталъ какъ-бы пригородомъ послѣдняго. Когда печенѣги стали сильно налегать на Кіевскую Землю, Владимиръ въ 997 году отправился въ Новгородъ набирать воиновъ (по верховнѣ воѣ). Новгородцы должны были проливать кровь вдали отъ родины на защиту далекой земли [1]). Новгородцы обязаны были платить кіевскому князю двѣ тысячи гривенъ въ годъ, и еще тысячу гривенъ давали на гридней княжескихъ, то есть на гарнизонъ, державшій городъ въ повиновеніи. Сыну кіевскаго князя, Ярославу, поручено было управленіе. Но, обращаясь съ Новгородомъ какъ съ покореннымъ краемъ, кіевскій князь не уничтожилъ внутренняго самоуправленія города, потому что въ Новгородѣ были посадники, которые собирали дань и давали поставленному надъ ними князю. Неизвѣстно, въ какихъ условіяхъ находилась тогда власть князя къ правамъ посадника; судя по вышеприведенному извѣтію, послѣдній служилъ какъ-бы посредникомъ между властію князей и народомъ. Скандинавскія саги не даромъ описываютъ Ярослава любостяжательнымъ и скупымъ. Собирая съ Новгорода уроки, онъ не отсылалъ ихъ своему отцу, и старикъ долженъ былъ собираться въ походъ противъ сына, чтобъ удержать Новгородскій край въ зависимости отъ Кіева. Но какъ только Ярославъ услышалъ, что отецъ хочетъ идти на него, то убѣжалъ къ варягамъ за море такъ же точно, какъ сдѣлалъ его отецъ, когда

[1]) Лаврент. Сп., стр. 55.

Digitized by Google

ему угрожалъ братъ Ярополкъ. Дѣло возстанія Ярослава противъ отца было совсѣмъ не народнымъ новгородскимъ дѣломъ: Новгороду не легче было оттого, что Ярославъ не платилъ отцу, а себѣ оставлялъ то, что собиралъ съ новгородцевъ. Новгородцы, какъ видно, не дали ему помощи на отца; оттого онъ и бѣжалъ за море. Прибывшіе съ нимъ потомъ изъ-за моря въ Новгородъ варяги обращались съ жителями своевольно и насиловали новгородскихъ женъ. Чужеземное насиліе вывело новгородцевъ изъ терпѣнія; до сихъ поръ ихъ порабощеніе ограничивалось платежомъ князю дани; теперь же чужеземцы, приведенные княземъ, посягали на ихъ домашнія права: составился заговоръ,—перебили варяговъ. Лѣтописецъ съ точностью указываетъ на самое мѣсто, гдѣ произошло это убійство,—во дворѣ Поромони; Поромоня былъ, вѣроятно, одинъ изъ зачинщиковъ заговора. Ярославъ вышелъ за городъ въ Ракомъ (на правомъ берегу Ильменя) и послалъ къ новгородцамъ сказать: «Уже мнѣ не воскресить побитыхъ». Онъ приглашалъ зачинщиковъ къ себѣ, вѣроятно, на мировую. Обольщенные его словами, они явились и были всѣ изрублены. Но въ ту же ночь пришло извѣстіе, что Святополкъ перебилъ братьевъ. Тогда Ярославъ самъ явился на вѣче въ полѣ, просилъ прощенія у новгородцевъ. Новгородцы отвѣчали: «Если, князь, наша братья изрублена, то мы можемъ постоять за тебя»! Соловьевъ справедливо объясняетъ согласіе новгородцевъ тѣмъ, что, вѣроятно, Ярославъ успѣлъ соединить свое дѣло съ дѣломъ Новгорода и предоставилъ новгородцамъ возможность освободиться отъ дани, которую платили они кіевскому князю. Святополкъ, овладѣвши Кіевомъ, уже потому самому имѣлъ притязаніе на Новгородъ: при Владимирѣ Новгородъ подчинялся Кіеву, — такъ должно было оставаться и при Святополкѣ, который сталъ преемникомъ Владимира. Новгородъ, принимая сторону Ярослава, въ

Digitized by Google

случаѣ успѣха его, могъ возвратить себѣ полную независимость. Лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ собралъ варяговъ тысячу, а прочихъ сорокъ тысячъ.

Что касается до варяговъ, то вѣроятно новгородцы перебили только тѣхъ изъ нихъ, кого считали особенно виновными; и дѣйствительно, всего варяжскаго отряда они перебить не могли, когда это избіеніе происходило въ одномъ частномъ дворѣ, гдѣ могло помѣститься только ограниченное количество. Относительно числа *прочихъ* 40,000, едва ли можно принимать его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно показано въ лѣтописи: довольно будетъ, если заключить по немъ, что число поступившихъ въ ряды Ярослава новгородцевъ было велико. Какъ бы то ни было, новгородцы приняли усердно сторону Ярослава потому, что видѣли возможность своего освобожденія отъ Кіева и съ помощію ихъ ополченія Ярославъ выигралъ войну. Замѣчательно, что во время этой войны проявилось притязаніе не князя, но кіевлянъ на власть надъ новгородцами. Когда дошло дѣло до битвы, кіевляне, бывшіе у Святополка, задирали новгородцевъ, называли ихъ плотниками, и грозили обратить ихъ на постройку своихъ хоромъ. Кіевляне смотрѣли на новгородцевъ какъ на слугъ своихъ, а не только какъ на данниковъ своего князя: *а вы плотницы сущи! а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ*! Эти плотники, эти подданные Кіева, въ свою очередь сдѣлались господами. Святополкъ былъ разбитъ; Кіевъ завоеванъ. Ярославъ раздавалъ всѣмъ новгородцамъ по 10-ти гривенъ каждому: то было право побѣдителей, право завоевателей.

Побѣдитель недолго спокойно усидѣлъ въ Кіевѣ. Святополкъ привелъ Болеслава. Произошла новая битва — битва съ ляхами въ 1018 году, на берегу Буга. У Ярослава были кромѣ Руси, т. е. полянъ, наемные варяги и словене, т. е. новгородцы, тѣ вѣроятно, которые остались

Digitized by Google

у него служить на югѣ. Ярославъ былъ жестоко разбитъ, и только съ четырьмя мужами убѣжалъ въ Новгородъ. Не надѣялся онъ и тамъ удержаться и хотѣлъ бѣжать за море, но тутъ новгородцы, подъ руководствомъ Коснятина, Добрынина сына (хотя не новгородца по предкамъ, но сжившагося съ Новгородомъ и вѣроятно тамъ увидѣвшаго свѣтъ), остановили Ярослава, сожгли приготовленныя лодки и изъявили готовность сами помогать Ярославу. Сдѣлали складчину отъ старостъ по 10-ти гривенъ, отъ бояръ по 18-ти гривенъ, а отъ мужа по 4 куны [1]). Однако силы новгородцевъ были не такъ важны, какъ ихъ готовность. Осмотрѣвшись, увидали, что приходилось приглашать наемниковъ,—и поѣхали за море за варягами. Оно было естественно: послѣднее пораженіе должно было обезсилить новгородскую военную силу, да и прежняя побѣда не далась даромъ. Новгородцы поставлены были въ такое положеніе, что необходимо должны были изъ всѣхъ силъ тянуть, чтобъ помочь своему князю. Побѣда Святополка грозила имъ совершеннымъ порабощеніемъ. Уже теперь не довольствовался бы великій кіевскій князь возвращеніемъ прежняго подданства: теперь присоединилось бы мщеніе за прежнее пораженіе; дѣло Святополка было уже и прежде дѣломъ Кіева: теперь оскорбленное самолюбіе кіевлянъ подвергло бы освободившихся подданныхъ той неволѣ, какая всегда ожидаетъ неудачно возмутившихся рабовъ. Новгородцы необходимо должны были стоять дружно за Ярослава, чтобъ себя самихъ спасать. Побѣда при рѣкѣ Альтѣ въ 1019 году утвердила навсегда свободу Новгорода. Новгородцы въ другой разъ и уже навсегда доставили Ярославу великое княженіе въ Кіевѣ. Съ этихъ поръ зависимость отъ

[1]) Здѣсь вѣроятно, мужъ не означалъ княжескаго дружинника, ибо невозможно, чтобы приближенный къ князю платилъ такъ мало въ сравненіи съ боярами, когда очень было естественно, что въ княжеской дружинѣ находились бояре, т. е. люди знатные, богатые.

Digitized by Google

Кіева, возникшая въ княженіе Владимира, поддержанная связью князя съ скандинавскими государями, прекратилась. По Софійскому Временнику, Ярославъ, наградивши новгородцевъ деньгами въ такомъ же размѣрѣ, какой по Новгородской Лѣтописи представилъ Ярославъ новгородцамъ послѣ первой своей побѣды надъ Святополкомъ, далъ имъ «Правду» и «Уставъ»—грамоту [1]).

IV.

ЗНАЧЕНІЕ ЯРОСЛАВОВОЙ ГРАМОТЫ. — НОВГОРОДЪ ДО БОРЬБЫ МОНОМАХОВИЧЕЙ СЪ ОЛЬГОВИЧАМИ.

До насъ не дошла эта грамота, и содержаніе ея въ подробности опредѣлить невозможно; но о смыслѣ ея мы судить и заключать можемъ. Въ общемъ значеніи, эта грамота давала, или лучше сказать возвращала Новугороду старинную независимость—право самоуправленія и самосуда, освобождала Новгородъ отъ дани, которую онъ платилъ великому князю кіевскому, и предоставляла Новгороду съ его землею собственную автономію. Мы имѣемъ много грамотъ новгородскихъ съ половины XIII-го вѣка до конца XV-го,—каждая заключаетъ въ себѣ больше или меньше, въ главныхъ чертахъ, повтореніе предыдущей: онѣ ссылаются на грамоту Ярослава, какъ на свой первообразъ. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ дѣйствительности этой первообразной грамоты. Прошло послѣ Ярослава много вѣковъ; Новгородъ, охраняя свою независимость и гражданскую свободу, постоянно указывалъ на Ярославовы грамоты, какъ на свою древнюю великую хартію. Имя Ярослава было всегда священнымъ въ Нов-

[1]) С. Вр. I. 134. Списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ.

Digitized by Google

городѣ. Мѣсто, гдѣ собиралось нѣче, мѣсто, съ которымъ поэтому соединялось значеніе новгородской свободы, называлось Ярославовымъ Дворомъ или Дворищемъ. Новгородъ, низведенный предъ тѣмъ на степень кіевскаго пригорода, опять сталъ старѣйшимъ, самобытнымъ городомъ, главою земли своей. Только Ладога со своимъ округомъ дана была въ управленіе шведу Рагнгвальду; но по смерти его снова присоединена къ Новгородской Землѣ.

Для русской исторіи останется навсегда незамѣнимою потерею та краткость извѣстій, которою отличаются наши лѣтописныя повѣствованія о новгородскихъ дѣлахъ XI и XII вѣковъ. Лѣтопись становится нѣсколько пространнѣе противъ прежняго только со времени 1134 года, именно со Всеволода Мстиславича, но принимаетъ тонъ болѣе непрерывнаго и пространнаго разсказа только съ XIII вѣка. Эта неполнота послужила поводомъ къ различнымъ предположеніямъ и теоріямъ. Существовало мнѣніе, что Новгородъ, съ самаго основанія русской федеративной державы, стоялъ особнякомъ отъ всей остальной Руси, и сохранялъ право свободнаго избранія князя и самоуправленія, которое было ему одному присущимъ, и не было достояніемъ другихъ земель. Это совпадало съ тѣмъ предположеніемъ, что Новгородъ самъ призвалъ князей, а южныя земли были покорены, слѣдовательно и находились въ отношеніяхъ менѣе благопріятныхъ къ власти. Но если Новгородъ былъ первымъ, призвавшимъ князей и вначалѣ находился, поэтому, въ отношеніяхъ къ власти болѣе независимыхъ чѣмъ Кіевъ, Черниговъ и вообще Южная Русь, то, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что послѣ того какъ сдѣлался въ немъ княземъ Владимиръ, онъ попадаетъ въ такую зависимость, которая ставитъ его къ власти на низшую степень, чѣмъ земли иныя, хотя были покоренныя; даже въ послѣдующее время, уже послѣ Ярослава, когда и несомнѣнно онъ освободился отъ этой за-

Digitized by Google

висимости, остались слѣды отношенія къ Кіеву, которые не показываютъ какого-нибудь исключительнаго преимущества Новгорода въ правахъ предъ другими землями. По воззрѣнію тѣхъ временъ, городъ, бывшій главою земли и, слѣдовательно, старѣйшимъ, управлялся княземъ; Новгородъ же послѣ Ярослава управлялся посадникомъ, посланнымъ изъ Кіева, Остромиромъ. Мы же знаемъ, что посадниками управлялись только пригороды, и послать посадника вмѣсто князя было унизительно для города. Такимъ образомъ, если принимать, что Новгородъ составлялъ исключеніе въ ряду другихъ замель, то въ этомъ отношеніи исключеніе было не преимущество. Но главное, чѣмъ можно возразить противъ мнѣнія объ исключительности Новгорода по какому-то древнему праву, это то, что вездѣ, во всей Руси, видны однѣ и тѣ же начала, тѣ же вѣча, то же участіе народа въ выборѣ князей; только разныя обстоятельства въ разныхъ земляхъ то благопріятствовали проявленіямъ народной свободы, то препятствовали ей. Наслѣдственный принципъ не поглощался нигдѣ выборнымъ вполнѣ. Нигдѣ послѣдній не уничтожался совершенно; но зато и въ самомъ Новгородѣ, при вольномъ избраніи князей, при видимомъ торжествѣ выборнаго начала, не забывалось наслѣдственное. Не только новгородцы считали обычаемъ, чтобъ князь, избранный ими, былъ изъ Рюрикова дома, но обращали вниманіе и на его ближайшую генеалогію, и охотно принимали такихъ князей, съ отцами которыхъ были въ хорошихъ отношеніяхъ, или которыхъ отцы у нихъ правили. Нерѣдко бывало, что сынъ княжилъ въ Новгородѣ, гдѣ прежде княжилъ отецъ. Они любили Мстислава Мономаховича и принимали дѣтей его; любили Мстислава-Храбраго, и съ энтузіазмомъ стали обороняться подъ знаменемъ сына его, Мстислава Удалого. Неоднократно проявлялось въ Новгородѣ предпочтеніе одной какой-нибудь линіи князей предъ другими: такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ въ XII-мъ вѣкѣ видна любовь къ потомству Мстислава, сына Мономаха. Въ XIII-мъ вѣкѣ избраніе князей сосредоточивается около линіи Ярослава Всеволодовича, и преимущественно около дѣтей Александра Невскаго. Въ XIV-мъ вѣкѣ Новгородъ постоянно склоняется къ московскимъ князьямъ. Ни въ обычаѣ, ни въ правѣ Новгорода не было совершеннаго изъятія наслѣдственности въ выборѣ князей; а если выборное начало часто брало верхъ надъ нимъ, то случалось то же въ Кіевѣ, и въ Полоцкѣ, и вездѣ, какъ скоро представлялся къ этому случай или нужда. Новгородъ въ этомъ отношеніи не былъ исключеніемъ. Мы не знаемъ настолько подробностей внутренняго быта иныхъ земель, чтобы судить, въ какой степени Новгородъ проявилъ себя особеннымъ отъ другихъ по развитію выборнаго права.

Другое мнѣніе было обратное, противоположное этому. Такъ какъ со времени Всеволода Мстиславича является осязательно право Новгорода выбирать и изгонять князей, то нѣкоторые историки и признавали, что только съ этого времени, при благопріятной для Новгорода враждебности князей между собою, выработалось право свободнаго избранія и самоуправленія. Соловьевъ полагаетъ, что грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ льготъ, а не обнимали собою администраціи; что Новгородъ продолжалъ зависѣть тѣсно отъ великаго князя кіевскаго, и зависимость эта выказывается тѣмъ, что въ Новгородъ князья посылались, а не избирались; что даже самые посадники присылались изъ Кіева. Но Суздальская лѣтопись, не расположенная къ новгородскимъ патріотическимъ стремленіямъ, говоря о событіяхъ XII-го вѣка, сознается, что новгородцы издавна, отъ временъ древнихъ князей, имѣли свободныя права [1]). Это одно мѣсто не дозволяетъ намъ

[1]) Издавна суть свобожени прадѣды князь (Лавр. сп. 154).

Digitized by Google

въ событіяхъ призванія князей искать какого-нибудь древняго права, стѣснительнаго для выборнаго начала. Собственно мы мало знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ былъ Новгородъ къ князьямъ до Всеволода Мстиславича; но ничто не даетъ намъ права заключать, что онъ не держался на тѣхъ же основаніяхъ свободы, какія мы встрѣчаемъ въ его отношеніяхъ къ князьямъ впослѣдствіи,—въ XIII и XIV вѣкахъ,—на основаніи грамотъ, которыхъ первообразомъ служитъ грамота Ярослава, существовавшая еще въ XI-мъ вѣкѣ. Видно только, что сначала Ярославъ правилъ самъ и Кіевомъ и Новгородомъ, и посѣщалъ послѣдній; такъ въ 1036 г. посадилъ онъ тамъ сына своего Владимира. Отсюда возникъ обычай, что старшій сынъ великаго князя былъ посылаемъ въ Новгородъ; Владиміръ былъ старшій сынъ. По смерти его въ 1052 г. былъ княземъ Изяславъ Ярославичъ, старшій сынъ. Достойно замѣчанія, что, будучи княземъ новгородскимъ, Владиміръ не постоянно жилъ въ Новгородѣ: воевавши съ новгородцами Емь въ 1042 году, въ слѣдующемъ онъ уже былъ не въ Новгородѣ, но занимался дѣломъ не имѣвшимъ отношенія къ Новгороду, именно—походомъ на Грецію; а въ 1045 г. опять былъ въ Новгородѣ, гдѣ заложилъ тогда св. Софію. Слѣдовательно, постоянное присутствіе князя не считалось тогда необходимымъ: управленіе Новгорода и безъ него шло своимъ путемъ. Изяславъ, бывшій княземъ новгородскимъ, когда сдѣлался княземъ кіевскимъ, не послалъ въ Новгородъ князя, а посадилъ Остромира посадника. Если принимать во вниманіе, что въ городахъ старѣйшихъ были князья, а въ пригородахъ посадники, то въ этомъ посольствѣ посадника можно видѣть *какъ-бы* униженіе Новгорода и стѣсненіе правъ его. Но и въ послѣдующія времена мы видимъ также, что въ Новгородѣ были, вмѣсто князей, намѣстники, отчего однакожъ Новгородъ не терялъ ни своего значенія, ни своей независи-

Digitized by Google

мости: это означало только, что Новгородъ признавалъ своимъ княземъ того, кто былъ вмѣстѣ и великимъ. Великій же могъ послать туда или сына, или намѣстника-посадника. Послѣ, когда Изяслава прогналъ Святославъ, Новгородъ призналъ власть новаго кіевскаго князя въ 1069 году; и въ Новгородѣ сталъ послѣ княземъ сынъ его, Глѣбъ, убитый въ Заволочьѣ въ 1079 году. Но достойно замѣчанія, что Глѣбъ оставался новгородскимъ княземъ и послѣ 1076 года, когда, по смерти отца его Святослава, великимъ кіевскимъ княземъ сталъ опять Изяславъ Ярославичъ. Очевидно, въ поставленіи княземъ Глѣба не играло роль слѣпое повиновеніе какому-то праву подчиненія Кіеву и преемничества старшихъ сыновей кіевскаго князя, а участвовало и свободное признаніе. Только по смерти Глѣба сдѣлался княземъ новгородскимъ сынъ кіевскаго князя Изяслава, Святополкъ; но остается подъ сомнѣніемъ: дѣйствительно ли онъ признанъ княземъ потому, что былъ старшій сынъ кіевскаго князя? По Лаврентьевскому списку Глѣбъ убитъ былъ въ 6586 г. весною; на мѣсто его поступилъ тотчасъ же Святополкъ; въ тотъ же годъ, въ октябрѣ, убитъ Изяславъ кіевскій князь, отецъ Святополка. Новгородская лѣтопись указываетъ, напротивъ, смерть Изяслава прежде смерти Глѣбовой, именно въ 6586, а Глѣбову въ 6587 году [1]). Софійскій Временникъ смерть обоихъ князей переноситъ въ 6587 годъ, но смерть Изяслава указываетъ раньше Глѣбовой [2]). Если послѣдній порядокъ событій справедливѣе, то Святополкъ поступилъ въ Новгородъ уже послѣ смерти отца и, слѣдовательно, не такъ какъ старшій сынъ кіевскаго князя. Когда кіевскимъ княземъ былъ Всеволодъ, Святополкъ продолжалъ, однако, нѣсколько лѣтъ быть княземъ новгородскимъ, и только въ 1087 г. переселился въ Туровъ. Ясно, что на

[1]) Новг. 1, 3.

[2]) Соф. I. 148.

Digitized by Google

княженіе старшихъ сыновей кіевскаго князя въ Новгородѣ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на что-то обязательное для Новгорода. Это были случаи, которые поддерживались тѣмъ, что Новгородъ сознавалъ свое старѣйшинство, послѣ Кіева, въ ряду русскихъ земель и потому находилъ умѣстнымъ, чтобы, сообразно такому своему достоинству, и княземъ у него былъ старшій сынъ старѣйшаго надъ всѣми князьями русскихъ земель. Отъ временъ Ярослава до конца XI-го вѣка не видно участія Новгорода въ поставленіи у себя князей; но не слѣдуетъ забывать, что извѣстія о Новгородѣ, вообще относящіяся къ этому періоду времени, слишкомъ кратки, и мы не знаемъ подробностей, которыя бы могли указать намъ на вліяніе народнаго начала и разъяснить степень его участія въ этомъ вопросѣ. Но въ послѣдніе годы XI-го вѣка Новгородъ ярко заявилъ это участіе. Неизвѣстно, кто былъ княземъ въ Новгородѣ послѣ ухода Святополка въ Туровъ, въ 1087 году. Этотъ уходъ не понравился тогда новгородцамъ. Въ однихъ источникахъ [1]) указывается на посаженіе Мстислава въ Новгородѣ какъ на фактъ, непосредственно слѣдовавшій за уходомъ Святополка; но, по другимъ лѣтописямъ [2]), первое призваніе Мстислава было въ 1095 г. изъ Ростовской Земли. Какъ бы то ни было, въ 1095 г. новгородцы являются съ самобытнымъ правомъ выбирать князя. Предъ тѣмъ князья совѣтомъ назначили въ Новгородъ князя Давида смоленскаго. Но едва Давидъ поѣхалъ въ Новгородъ, какъ новгородцы сказали ему: «Не ходи къ намъ; воротись и сиди въ Смоленскѣ!» Они избрали своимъ княземъ Мстислава, сына Мономаха, бывшаго прежде въ Ростовѣ.

Съ этихъ поръ въ лѣтописяхъ уже постоянно видно, что Новгородъ избираетъ себѣ своихъ князей; но неизвѣстно,

---

[1]) Карамзинъ, т. II, примѣч. 163.

[2]) П. С. І. 98. Соф. Врем. І. 150.

Digitized by Google

и ничто не даетъ намъ повода сомнѣваться, чтобъ то же право имъ не было сознаваемо и прежде. Дѣйствительно, случаи, что старшіе сыновья великихъ князей кіевскихъ были князьями новгородскими, побуждали самихъ князей пытаться обратить ихъ въ правный обычай. Въ 1102 г. Святополкъ и Владиміръ составили между собою рядъ, чтобы Мстислава взять изъ Новгорода и посадить во Владимирѣ-Волынскомъ, а Новгородъ дать сыну Святополка. Мстиславъ, по приказанію отца, прибылъ въ Кіевъ. Но тогда новгородцы, пріѣхавшіе съ нимъ, говорили отъ лица всего Новгорода такія рѣчи: «Насъ прислали къ тебѣ и сказали такъ: «Не хотимъ Святополка, ни сына его,— если у него двѣ головы, то посылай его. Мстислава далъ намъ Всеволодъ; мы вскормили себѣ князя, а ты ушелъ отъ насъ» [1]). Святополкъ сколько съ ними ни бился, сколько ни спорилъ, но ничего не могъ сдѣлать, и долженъ былъ уступить; Мстиславъ отправился снова въ Новгородъ. Такимъ образомъ, несправедливо, чтобъ событія, случившіяся при Всеволодѣ Мстиславичѣ, произвели коренной переворотъ въ политическомъ порядкѣ Новагорода. Мстиславъ пробылъ княземъ до 1117 года. Когда его взяли въ Кіевъ, приготовляя къ великому княженію, въ Новгородъ былъ посланъ сынъ Мстислава, Всеволодъ. Тогда произошло какое-то смятеніе, котораго подробности ускользнули отъ лѣтописцевъ. Въ слѣдующемъ году Владиміръ-Мономахъ, со Мстиславомъ, призвавши новгородскихъ бояръ въ Кіевъ, привели ихъ къ крестному цѣлованію, а нѣкоторыхъ заточили въ тюрьму. Это были тѣ, которые грабили какихъ-то Даньслава и Ноздрьчю; въ томъ числѣ былъ сотскій Ставръ, къ которому, быть можетъ, относится старая пѣсня о боярынѣ Ставрѣ Годиновичѣ. На этотъ фактъ нельзя смотрѣть какъ на доказывающій недостатокъ той свободы,

[1]) Полн. Собр. Лѣт. т. I, стр. 117.

Digitized by Google

какая является впослѣдствіи, потому что и послѣ случались примѣры, когда князья дѣйствовали, повидимому, самовластно, сажали въ тюрьмы, ссылали и смѣняли; но въ самомъ дѣлѣ они позволяли себѣ это потому, что опирались на сильную партію въ народѣ. И здѣсь, какъ видно, Владимиръ и Мстиславъ расправились съ такими, которые составляли немногочисленную партію, имѣвшую противъ себя большинство. Поступокъ Мономаха не легъ тяжелымъ воспоминаніемъ на новгородцевъ; впослѣдствіи, имена Мономаха и Мстислава для нихъ были любезны. Такъ же точно по извѣстію, что въ 1120 г. пришелъ какой-то Борисъ посадничать въ Новгородѣ, нельзя дѣлать заключенія, что въ это время посадникъ поставлялся въ Новгородъ безъ воли гражданъ. Мы не знаемъ, что это за Борисъ; можетъ быть онъ былъ и новгородецъ, и призванъ вѣчемъ къ своей должности изъ временнаго жительства въ Кіевѣ, а можетъ быть это княжескій намѣстникъ. Точно также неизвѣстно, кто былъ Данилъ, пришедшій изъ Кіева посадничать въ Новгородъ въ 1129 году [1]). Находя, что въ концѣ XI вѣка новгородцы уже смѣло проявляли сознаніе права избирать князей, изгонять ихъ и составлять самоуправное тѣло, не видимъ поводовъ думать, чтобъ и ранѣе этого времени то же сознаніе не существовало въ такой же силѣ. Возвращенная Ярославомъ, посредствомъ грамотъ, Новгороду независимость не была подавлена съ тѣхъ поръ. Несомнѣнно, что Новгородъ, при сознаніи самобытности, сознавалъ однако единство съ остальною Русью, и такъ какъ политическое единство Россіи было въ то время крѣпче, чѣмъ впослѣдствіи, когда уже его ослабили частыя междоусобія князей и областныхъ племенъ, то Новгородъ выражалъ это сознаніе бо́льшимъ своимъ примыканіемъ къ Кіеву, какъ къ центру. Великій

[1]) Новг. Л. I. 5.

Digitized by Google

князь для Новгорода былъ верховный глава, установитель ряда; онъ долженствовалъ имъ быть для всей Земли Русской. Это понятіе оставалось неизмѣнно втеченіи послѣдующихъ столѣтій. Какъ при Изяславѣ Ярославичѣ новгородцы сознавали эту верховность въ кіевскомъ князѣ, такъ впослѣдствіи—во владимирскихъ, и наконецъ въ московскихъ князьяхъ. Это сознаніе шло рядомъ съ сознаніемъ областного права и своей гражданской и политической свободы. Какъ при Святополкѣ новгородцы предлагали кіевскому князю послать къ нимъ сына, если у него двѣ головы, какъ скоро они сами хотѣли не этого, а другого князя,—такъ, впослѣдствіи, они готовы были съ оружіемъ отстаивать всякія превышенія, по ихъ понятію, власти со стороны великихъ князей, когда послѣдніе жили во Владимирѣ и Москвѣ. Въ основѣ всего этого не лежитъ что-нибудь совершенно исключительное, принадлежащее одному только Новгороду и совершенно чуждое другимъ землямъ. Федеративное или удѣльно-вѣчевое начало проникало жизнь и другихъ земель; только въ Новгородѣ оно проявилось осязательнѣе. И этому были причиною слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, географическое положеніе страны становило Новгородъ внѣ тѣхъ потрясеній, какія испытывали другія русскія земли, какъ напр., южныя. Новгородъ былъ отдаленъ отъ кочевья дикихъ ордъ тюркскаго племени, которыхъ сосѣдство было столь гибельно для южной и средней Руси. Если бы даже половцамъ пришла непреодолимая охота разорить Новгородъ, если бы половецкія орды рѣшились пуститься въ такое далекое пространство, то Новгородъ находился за дремучими лѣсами и болотами; путь къ нему до крайности былъ неудобенъ, сообщеніе производилось водою, а орды ходили только по степямъ. Инородцы чудскаго племени, окружавшіе Новгородъ, не отличались предпріимчивостію: они только защищали себя, да и защититься не могли,

Digitized by Google

и—рано или поздно—уступали нравственной и физической силѣ славянскихъ поселенцевъ. Такимъ образомъ, изгнанные изъ Новгорода князья не имѣли возможности возвращать себѣ власть при посредствѣ чужеземныхъ силъ, какъ это дѣлалось часто на югѣ. Новгородская Земля не была проходная, какъ напримѣръ Кіевская, Черниговская, Волынская, Смоленская, и потому не могла сдѣлаться поприщемъ перекрестнаго столкновенія интересовъ князей и племенъ. Новгородъ стоялъ вдали, такъ-сказать, въ углу; за нимъ кончался русскій міръ. Новгородъ, въ земляхъ къ сѣверу, востоку и западу отъ него, естественно былъ господинъ: ни въ какой другой русской землѣ не могло образоваться побужденія посягать на эти отдаленныя страны. Тогда какъ другія земли, соприкасаясь между собою въ неясности границъ, имѣли поводы ко взаимному столкновенію, Новгородъ со своими владѣніями самою природою поставленъ былъ въ такое положеніе, котораго законность выказывалась для всѣхъ сама собою, болѣе чѣмъ въ другихъ краяхъ русскаго міра. Новгородъ расширялъ свои владѣнія на три стороны: къ сѣверу, востоку и западу, и не встрѣчалъ соперничества съ другими русскими землями; въ то же время увеличеніе владѣній приносило ему богатства; самыя эти богатства доставать и пользоваться ими первоначально, могли только новгородцы: эти богатства состояли въ мѣхахъ и добывались въ такихъ краяхъ, куда проникать, по мѣсту жительства, удобнѣе было новгородцамъ, чѣмъ другимъ. Вмѣстѣ съ этимъ Новгородъ, находясь недалеко отъ Балтійскаго моря и овладѣвъ его берегами, естественно долженъ былъ стать главнымъ пунктомъ торговаго сообщенія всего русскаго міра съ Балтійскимъ моремъ и чрезъ то съ Европою. Центры другихъ земель, какъ напримѣръ Полоцкъ и Смоленскъ, принимали участіе въ балтійской торговлѣ, но по своему положенію должны были занимать второстепенное мѣсто, потому что

Digitized by Google

Новгородъ былъ ближе къ морю, стоялъ на самомъ удобномъ пути и владѣлъ этимъ путемъ вплоть до моря. Между тѣмъ, пока эти выгоды постепенно не установились, самъ по себѣ новгородскій край не представлялъ приманки для князей и ихъ дружинниковъ въ тѣ времена, когда русская жизнь имѣла еще тяготѣніе къ югу. Властью въ Новгородѣ стали дорожить уже тогда, когда великіе князья нашли себѣ другое удобное помѣщеніе на сѣверо-востокѣ, а не на югѣ. Тогда только князья смотрѣли на княженіе въ Новгородѣ, какъ на что-нибудь достойное домогательства. Въ XI и даже XII вѣкѣ новгородцы обвиняли князей, зачѣмъ они уходили отъ нихъ. Когда Мстислава хотѣли отъ нихъ взять, они предъявляли свои права на него, говоря, что они вскормили себѣ князя: видно, что въ тѣ времена новгородцы дорожили княземъ, какъ-скоро находили такого, который былъ имъ по нраву.

Много должно было способствовать образованію особаго характера новгородской жизни и этнографическое родство Новгорода съ Южной Русью. Отрывокъ племени, очень близкаго къ южно-русскому, а можетъ быть и того же самаго, заброшенный въ незапамятныя времена на отдаленный сѣверъ, долженъ былъ невольно склоняться народною симпатіею къ Кіеву, гдѣ новгородцы находили въ обитателяхъ сходство и въ языкѣ, и въ нравахъ, когда между тѣмъ окружавшіе ихъ славяне представляли, въ этомъ отношеніи, черты болѣе отличныя. Даромъ что временное подчиненіе и подданство Кіеву въ концѣ X и началѣ XI вѣка произвело нѣкоторую враждебность во взаимномъ воззрѣніи Руси и Новгорода: — дружелюбный характеръ возобновился, когда побѣды новгородцевъ, посаженіе ими въ Кіевѣ государя, сбили высокомѣріе побѣдителей,—когда кіевляне не имѣли уже права называть ихъ въ насмѣшку «плотниками», которыхъ они, ихъ господа, заставятъ строить себѣ хоромы. Этнографическое родство новгородцевъ съ

Digitized by Google

южно-руссами необходимо должно было участвовать въ этомъ тяготѣніи Новгорода къ югу,—къ Кіеву: оно проявляется въ первые вѣка нашей удѣльно-вѣчевой исторіи рѣзко и оригинально. Край отдаленный, разрѣзанный другими землями, вмѣщалъ народные элементы иные, чѣмъ въ этихъ близкихъ земляхъ, сходные съ тѣми, которые господствовали вдалекѣ. Самая эта даль поддерживала симпатію. Новгородъ оставался въ крѣпкой связи съ Южной Русью и только тогда сталъ примыкать къ восточному центру, когда, съ одной стороны, южный край опустѣлъ, упалъ силами и потерялъ свое значеніе, а съ другой — выгоды быть въ связи съ восточнымъ краемъ преодолѣли прежнее народное нерасположеніе. Но если этнографическое свойство съ Южной Русью поддерживало народную и политическую связь Новгорода съ нею, то, съ другой стороны, этнографическое различіе съ племенемъ восточно-русскимъ, безъ сомнѣнія, способствовало стремленію удерживать свою областную самобытность, когда обстоятельства клонили Новгородъ къ Восточной Руси. Такимъ образомъ, первое, въ болѣе древнія времена, не дало Новгороду совершенно отложиться отъ русскаго міра, укрѣпляло сознаніе единства со всею Русскою державою, со всею группою земель, находившихся подъ первенствомъ Кіева; второе, въ послѣдующія времена, не давало Новгороду скоро слиться съ остальнымъ русскимъ міромъ и побуждало противодѣйствовать возникавшему единодержавію. Наконецъ, рядъ историческихъ событій способствовалъ самобытному складу новгородскаго быта. Низведенный на степень кіевскаго пригорода, Новгородъ оказалъ важное пособіе Ярославу, получилъ отъ него грамоты, которыя сдѣлались фундаментальнымъ историческимъ преимуществомъ,—какъ въ воспоминаніи новгородцевъ, такъ и въ сознаніи князей. Князья помнили, что Великій Новгородъ оказалъ услугу ихъ прадѣду, ихъ общему родоначальнику; Новгородъ ука-

Digitized by Google

зывалъ князьямъ на свои грамоты какъ на право, полученное имъ отъ общаго родоначальника княжескаго дома. Безъ сомнѣнія, сами по себѣ эти грамоты, безъ изложенныхъ выше условій, были бы скоро попраны и забыты; но когда положеніе, въ какомъ находился Новгородъ, помогало сохраненію ихъ силы, когда нарушать ихъ было не легко, да не рѣдко и не представлялось въ этомъ необходимости,—при такомъ положеніи дѣлъ грамоты эти получали великое значеніе, и мало-по-малу стали обычаемъ, почтенною дѣдовскою маститою древностію, которую нарушать было бы нравственнымъ проступкомъ. Новгородъ имѣлъ то же, что̀ другія земли; но это общее достояніе освящено у него было особымъ образомъ. Такихъ обстоятельствъ не случалось въ другихъ земляхъ. Впослѣдствіи, когда начались междоусобія Ольговичей съ Мономаховичами, а вслѣдъ за тѣмъ—дома Юріева съ Мстиславичами и ихъ потомками, и вмѣстѣ земель восточно-русской и южно-русской,—Новгородъ, до того времени державшійся связи съ Кіевомъ, часто находился въ недоумѣніи, къ какой сторонѣ пристать; и онъ долженъ былъ сообразоваться съ своими выгодами. Частая перемѣна великихъ князей, неясность правъ на великокняженіе, способствовали большему утвержденію областной автономіи въ противоположность единству, связуемому властью великаго князя.

Въ ряду событій новгородской исторіи XI-го вѣка, обращаетъ на себя вниманіе нападеніе двухъ князей полоцкихъ—въ 1020 г. Брячислава и въ 1066 г. и 1069 Всеслава. Во всѣхъ трехъ случаяхъ набѣги сопровождались грабежомъ и плѣненіемъ. Въ первый разъ, хотя Брячиславъ успѣлъ взять Новгородъ и погналъ изъ него много плѣнниковъ, но былъ потомъ разбитъ. Всеславъ въ 1066 году взялъ Новгородъ и ограбилъ его; въ 1069 г. напалъ опять и—былъ отбитъ княземъ Глѣбомъ. Этотъ Всеславъ былъ отпущенъ «Бога дѣля»—говоритъ лѣтописецъ.

Digitized by Google

V.

НОВГОРОДЪ ВЪ ЭПОХУ КНЯЖЕСКИХЪ МЕЖДОУСОБІЙ.— ОПОЛЧЕНІЕ АНДРЕЯ. — ЧУДО ЗНАМЕНСКОЙ ИКОНЫ БОГОРОДИЦЫ. — ПОКУШЕНІЯ КНЯЗЕЙ СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ.—ВСЕВОЛОДЪ.—ЯРОСЛАВЪ.

Возникшія въ Южной Руси распри Мономаховичей и Ольговичей измѣнили спокойное отношеніе Новгорода къ великому княженію въ Кіевѣ. Общая буря междоусобій не миновала и Новгорода. По привязанности къ памяти Мстислава, такъ долго бывшаго княземъ новгородцевъ, они ладили съ сыномъ его, Всеволодомъ, пока живъ былъ отецъ; но по смерти его Всеволодъ прельстился призывомъ преемника Мстиславова, Ярополка, и переѣхалъ въ Переяславль, надѣясь стать современемъ великимъ княземъ. Ему не удалось удержаться въ Переяславлѣ: Юрій суздальскій и братъ его Андрей, прогнали Всеволода, и онъ опять явился въ Новгородѣ. — «А помнишь-ли» — говорили ему новгородцы:—ты обѣщался у насъ и умереть; зачѣмъ же насъ оставилъ?» Призвали ладожанъ и псковичей на общее вѣче и прогнали Всеволода. Но вскорѣ, какъ только удовлетворена была досада, стало новгородцамъ жаль привычнаго князя. Одумались новгородцы и послали ворочать его. Всеволода нагнали въ Устьяхъ. Онъ возвратился. Но примиреніе было недолговременное. Поднялось междоусобіе въ Русской Землѣ. Новгородцы, по сочувствію къ памяти Мстислава и Мономаха, готовы были держаться стороны Мономаховичей; но явился къ Всеволоду братъ его, Изяславъ, началъ побуждать Новгородъ противъ суздальскаго князя; а у него уже тогда началась съ нимъ та вражда, что впослѣдствіи такъ громко разразилась въ Южной Руси бурными переворотами. Этотъ князь, получивъ послѣ Всеволода Переяславль, такъ же какъ и Все-

Digitized by Google

володъ, по происканъ Юрія, лишился его. Юрій требовалъ уступить его дядѣ—Вячеславу; Изяславъ уступилъ, и получилъ вмѣсто Переяславля Туровъ, прежній удѣлъ Вячеслава; но Юрій выгналъ Вячеслава изъ Переяславля, а Вячеславъ, въ свою очередь, выгналъ Изяслава изъ Турова, своего прежняго удѣла. Всему виною былъ суздальскій князь. Изяславъ, прибывши въ Новгородъ, сталъ подвигать новгородцевъ на войну противъ Суздальской Земли и на союзъ съ Ольговичами, противъ которыхъ недавно раздѣлялъ общую вражду своего племени. Лѣтопись выставляетъ, что Всеволодъ, братъ его, убѣдилъ новгородцевъ помочь своему брату. Оба князя представили новгородцамъ честолюбивыя надежды насчетъ Ростова и Суздаля. Въ житіи Всеволода говорится, что новгородцы домогались овладѣть этимъ краемъ и вспомнили, будто нѣкогда онъ принадлежалъ Новгороду, а Всеволодъ, напротивъ, ихъ отговаривалъ. Кажется, могло быть и то, и другое. Было два похода; первый предпринятъ былъ весною въ 1134 г. Вмѣстѣ съ Изяславомъ дошли до Волги, и, ничего не сдѣлавши, воротились назадъ. Изяславъ ушелъ въ Русь, примирился съ великимъ княземъ Ярополкомъ, и получилъ Владимиръ-на-Волыни. Такимъ образомъ, династическая причина къ войнѣ прекратилась. Но зимою предпринятъ былъ походъ уже съ завоевательною цѣлью, и, какъ кажется, этотъ походъ былъ тотъ, который, по извѣстію житія, былъ предпринятъ отъ Великаго Новгорода, въ противность желанію князя. Въ походъ пошли не только новгородцы, но и жители пригородовъ, Ладоги и Пскова. Тогда-то, вмѣстѣ съ княземъ Всеволодомъ, уговаривалъ новгородцевъ не ходить въ походъ митрополитъ Михаилъ, нарочно для того пріѣхавшій въ Новгородъ. Новгородцы не послушали ихъ, князя противъ воли заставили идти на войну, задержали митрополита и отпустили уже тогда, когда потеряли сраженіе. Произошла

Digitized by Google

битва на Ждановой горѣ; по извѣстію ростовско-суздальскихъ лѣтописей, новгородцы были разбиты. Новгородскій лѣтописецъ не скрываетъ проигрыша своихъ, но говоритъ объ этомъ глухо, и утѣшается тѣмъ, что и суздальцевъ пало много. Несомнѣнно, что походъ былъ неудаченъ для новгородцевъ [1]). Это событіе пробудило вновь неудовольствіе гражданъ на своего князя. Между тѣмъ, на югѣ вражда между Ольговичами и Мономаховичами разгоралась. Новгородцы не знали куда пристать; они сначала, въ 1135 г., явились въ качествѣ примирительныхъ судей, и отправили посольство примирять враговъ. Но дѣло оказалось невозможнымъ: обѣ враждебныя стороны не желали мира, а та и другая равно хотѣли притянуть на свою сторону Новгородъ. Тогда и въ самомъ Новгородѣ образовались тѣ же партіи, какъ въ Южной Руси; представители той и другой думали выигрывать чрезъ перемѣну князей у себя. Партія Ольговичей взяла верхъ: въ маѣ 1136 г. Всеволода предали суду вѣча. Его обвинили въ томъ, что онъ не заботился о смердахъ, которые находились на попеченіи князя-правителя, — убѣжалъ съ поля прежде всѣхъ, во время войны съ суздальцами; ему ставили въ вину, что онъ колеблется, не знаетъ, куда пристать; вспомнили и то, что онъ покидалъ Новгородъ для Переяславля. Всеволодъ хотѣлъ удалиться; новгородцы послали звать другого князя Святослава Ольговича, а его не пускали отъ себя.— «Постой,—говорили ему: — ты посиди у насъ, пока придетъ другой князь». Въ іюнѣ, прибылъ къ нимъ Святославъ Ольговичъ, и тогда Всеволода прогнали. Онъ ушелъ во Псковъ. Сторонниковъ у Всеволода было много въ Новѣгородѣ; самъ посадникъ Коснятинъ Микуличъ держался его стороны и убѣжалъ къ нему

---

[1]) Новг. I. 6.—Лавр. Спис. 132.—Соф. I. 156—157.—Никоновск. II. С. Л. т. IX. 158—159.

Digitized by Google

изъ Новгорода съ другими единомышленниками. Партія эта, собравшись во Псковѣ, склонила къ себѣ псковичей и побуждала Всеволода добывать оружіемъ утраченное княженіе. Въ Новгородѣ сторонники (милостьници) его покушались-было застрѣлить изъ лука Святослава Ольговича, но покушеніе не удалось [1]). Ожесточенная сторона Ольговичей въ Новгородѣ предала грабежу домы и имущества бѣжавшихъ; всѣхъ, кого только подозрѣвали въ расположеніи къ Всеволоду, обложили пенею, и на этотъ сборъ ополчались противъ Пскова. Псковичи и новгородскіе бѣглецы вооружились за Всеволода. Непріязненныя стороны сошлись у Дубровны. Но битвы не было. Псковичи подѣлали засѣки на лѣсномъ пути, и новгородцамъ трудно было вести наступательную войну. Лѣтописецъ говоритъ, что обѣ стороны сказали: «Не станемъ проливать крови, братья; пусть Богъ управитъ насъ своимъ промысломъ». Вслѣдъ за тѣмъ, умеръ Всеволодъ. Вѣроятно, въ то время какъ непріязненныя войска спорили изъ-за него и готовы были сцѣпиться между собою, князь уже находился при смерти во Псковѣ, и это побудило ихъ оставить битву, когда не за кого было биться. Однако, и совершенный миръ не состоялся. Псковичи, похоронивши Всеволода, призвали брата его, Святополка. Два сѣверные города русскаго міра—Новгородъ и Псковъ, дѣлались представителями двухъ враждебныхъ южныхъ княжескихъ партій: Новгородъ сталъ за Ольговичей, Псковъ за Мономаховичей. Вдругъ, въ самомъ Новгородѣ, дѣло повернулось иначе. Партія Мономаховичей взяла верхъ; неудовольствіе противъ Всеволода угасло съ его смертію; память отца и дѣда опять воскресла. Тогда же на самомъ югѣ взяли верхъ Мономаховичи: черниговцы не потянули за своимъ княземъ, и этотъ князь, Всеволодъ, глава Ольговичей, долженъ былъ пре-

[1]) Новг. I, 7.

Digitized by Google

кратить войну съ Ярополкомъ кіевскимъ. Это событіе отразилось въ Новгородѣ благопріятно для стороны Мономаховичей. Сторону эту усилило то, что ни изъ Кіева, ни изъ Суздаля не пропускали въ Новгородъ хлѣба, когда Новгородъ принялъ князя, враждебнаго и сторонѣ кіевской и суздальской. Новгородцы, въ 1138 г. апрѣля 17, схватили своего князя Святослава Ольговича, заточили въ монастырь съ семействомъ, а потомъ изгнали. Вмѣсто его призвали князя изъ Суздальской Земли — сына Юрія суздальскаго, Ростислава.

Къ суздальской вѣтви русскаго міра была уже давняя международная непріязнь у новгородцевъ. Князья, призываемые въ Новгородъ, пріѣзжали не одни, а съ дружиною, и суздальскіе князья, такимъ образомъ избранные новгородцами, наводили въ Новгородъ толпу народа, нелюбимаго новгородцами. Въ Кіевѣ, между тѣмъ, произошелъ переворотъ въ пользу Ольговичей. По смерти Ярополка, Кіевомъ овладѣлъ черниговскій князь Всеволодъ, представитель Ольговичей. Юрій звалъ новгородцевъ противъ Ольговичей; новгородцы не согласились, потому что воевать съ суздальцами, которыхъ не любили, противъ кіевлянъ, съ которыми сознавали близкое родство, было не въ обычаѣ. Ростиславъ замѣтилъ, что партія Ольговичей подымаетъ голову, и бѣжалъ. Новгородцы опять позвали Святослава Ольговича; но этотъ князь, испытавшій, какъ непрочно сидѣть въ Новгородѣ, медлилъ прибытіемъ и не прежде явился, какъ къ концу 1139 года, а посаженъ на столѣ 25-го декабря. Мѣсяца черезъ два, новгородцы не взлюбили Святослава; Всеволодъ кіевскій интриговалъ противъ брата и послалъ въ Новгородъ своихъ приближенныхъ — настроивать новгородцевъ, чтобъ они просили себѣ въ князья его сына. Интрига пошла удачно. Новгородцы отправили въ Кіевъ посольство просить у великаго князя сына; между тѣмъ, прежнему князю своему Святославу ве-

Digitized by Google

лѣли оставаться у себя, пока придетъ другой. Святославу показалось это оскорбительно; притомъ онъ и побаивался: онъ видѣлъ, что его не жалуютъ, и потому поспѣшилъ улизнуть изъ города прежде срока. Но въ то время, когда послы новгородскіе находились въ Кіевѣ и упрашивали Всеволода дать Новгороду сына, въ самомъ Новгородѣ сдѣлалась новая смута. Партія, благопріятствовавшая Мономаховичамъ, взяла верхъ; уже не хотѣли ни брата, ни сына кіевскаго князя. За Святославомъ послали погоню; Святославъ убѣжалъ отъ погони; поймали на дорогѣ бѣжавшаго за нимъ вслѣдъ посадника Якуна съ товарищами, привезли его въ Новгородъ на вѣче, отколотили, обнажили, какъ мать родила, и сбросили съ моста. Онъ не утонулъ, приплылъ какъ-то къ берегу. Послѣ того, новгородцы уже не топили его въ другой разъ и не били, а удовольствовались тѣмъ, что взяли съ него тысячу гривенъ, и съ брата его сто гривенъ; взяли подобную пеню съ другихъ его единомышленниковъ, а его самого заточили въ Чуди. Потомъ — возвратили въ отечество бѣжавшихъ къ Юрію приверженцевъ Мономаховичей, и одному изъ нихъ, Судилѣ, дали посадничество. Послѣ такого переворота, ко Всеволоду въ Кіевъ отправилось новое посольство съ такимъ предложеніемъ: «Мы не хотимъ ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, а хотимъ племени Володимирова!» Передъ тѣмъ, какъ прибыло ко Всеволоду это посольство, Всеволодъ съ честію отпустилъ отъ себя въ Новгородъ обратно прежнее новгородское посольство, приходившее звать его сына. Такъ какъ предложеніе новаго посольства не понравилось Всеволоду, то онъ послалъ погоню за прежнимъ посольствомъ и воротилъ его назадъ; потомъ задержалъ въ Кіевѣ всѣхъ новгородскихъ купцовъ, а южнорусскимъ купцамъ не велѣлъ ѣздить въ Новгородъ. Такъ прошла зима; она была тяжела для Новгорода, неполучавшаго по этому случаю продовольствія съ юга. Стали

Digitized by Google

въ Новгородѣ стараться, какъ бы обѣ стороны примирить такъ, чтобъ и кіевскаго князя больше не раздражать, и Новгородъ получилъ бы себѣ князя изъ Мономаховичей по своей волѣ. Отправили еще одно, третье, посольство въ Кіевъ просить шурина Всеволодова — Святополка Мстиславича, брата умершаго Всеволода во Псковѣ, того самаго, котораго псковичи уже хотѣли поставить княземъ. Но кіевскій князь не хотѣлъ потакать новгородской волѣ, а задумалъ поставить на своемъ. Онъ не пустилъ Святополка въ Новгородъ, и далъ ему въ удѣлъ Берестье. «Не ходите въ Новгородъ—говорилъ онъ подручнымъ князьямъ: — пусть себѣ сидятъ на своей волѣ безъ князя; гдѣ хотятъ—тамъ пускай себѣ ищутъ князя!» Новгородцы оставались безъ князя девять мѣсяцевъ. По понятіямъ вѣка, казалось невозможнымъ сидѣть безъ князя; особенно это было неудобно въ то время: тутъ партіи волновали городъ, тамъ продовольствія не пускали; да вдобавокъ первое новгородское посольство задержано было въ Кіевѣ подъ стражею: а въ немъ былъ и епископъ, и знатные бояре, и купцы. Новгородцы все таки не сдались. Получивъ отказъ Всеволода, они, подъ вліяніемъ посадника Судилы, призвали къ себѣ изъ Суздальской Земли опять Ростислава Юрьевича [1]). Тутъ великій князь увидѣлъ, что не переломитъ ихъ упорства, и чтобы, по-крайней-мѣрѣ, не потерять своего первенства надъ Новгородомъ, на сколько ему давалъ его самъ Новгородъ, послалъ имъ Святополка [2]). Жалкаго Ростислава, два раза служившаго подставою для иныхъ князей, опять прогнали. Это неуваженіе было оскорбительно какъ для суздальскаго князя, такъ и для Суздальской Земли.

---

[1]) Прибылъ въ Новгородъ 26 ноября 1141 г.

[2]) Прибылъ въ Новгородъ 19 апрѣля 1142 г.

Digitized by Google

Во время борьбы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами, а потомъ съ Юріемъ суздальскимъ, новгородцы постоянно держались стороны перваго. Въ 1148 году они удалили Святополка, которымъ были недовольны *злобы его ради*, и пригласили сына Изяславова, Ярослава [1]). До какой степени новгородцы любили тогдашняго великаго князя и вообще были привязаны къ линіи Мстислава, Мономахова сына, показываетъ пріемъ, оказанный Изяславу, когда онъ, вслѣдъ за сыномъ, и самъ прибылъ въ Новгородъ. По тогдашнимъ почетнымъ обычаямъ, новгородцы выслали къ нему отборную встрѣчу за три «днища», а за одно «днище» цѣлый городъ выступилъ встрѣтить его. Князь прежде всего сдѣлалъ для новгородцевъ обѣдъ — пиръ на весь міръ: приглашены были всѣ — отъ мала до велика. Потомъ онъ приказалъ звонить на вѣче, явился предъ народомъ и говорилъ: «Ради васъ я оставилъ Русскую Землю; вы прислали ко мнѣ жаловаться, что васъ обижаетъ дядя мой, Юрій. Гадайте, братья, какъ съ нимъ справиться: или миръ съ нимъ взять или идти на него ратью?» Новгородцы кричали: «Ты нашъ князь!.. ты нашъ Володимиръ, нашъ Мстиславъ! Рады съ тобою — и за тебя, и за свои обиды! Всѣ пойдемъ; хоть бы и дьякъ, и гуменцо ему пострижено, такъ и тотъ пойдетъ воевать, а кто уже поставленъ, тотъ пусть Бога молитъ». Такое одушевленіе осталось безъ послѣдствій. Новгородцы пошли на войну на Волгу, опустошили край около Ярославля и воротились съ плѣнниками. Тѣмъ дѣло и кончилось [2]). Подъ конецъ жизни Изяслововой, новгородцы не поладили съ его сыномъ, — съ тѣмъ самымъ, съ которымъ такъ восторженно привѣтствовали посѣщавшаго ихъ отца, прогнали его, и взяли брата Изяславова, Ростислава [3]).

[1]) Прибылъ осенью 1148 г.

[2]) Ипат. спис. 40.

[3]) Прибылъ въ Новгородъ 17 апрѣля 1154.

Digitized by Google

Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, суздальская партія, прежде уже пустившая въ Новгородѣ корень, то одерживала верхъ, то падала. Какъ край торговый, Великій Новгородъ не могъ не испытывать на себѣ вліянія переворотовъ, происходившихъ на югѣ. Когда Изяславъ умеръ [1]), Ростиславъ ушелъ изъ Новагорода попытаться захватить великое княженіе въ Кіевѣ и оставилъ новгородцамъ сына Давида. Попытка Ростиславу не удалась. Княземъ кіевскимъ сдѣлался Юрій суздальскій и новгородцы прогнали Давида, избрали княземъ себѣ Юріева сына, Мстислава [2]), а потомъ опять пристали къ сторонѣ Мстиславичей, взяли себѣ княземъ сына Ростиславова [3]), изгоняли его, замѣняли внукомъ суздальскаго князя [4]) и опять призывали [5]); а когда въ Кіевѣ, въ 1167 году, сдѣлался великимъ княземъ Мстиславъ Изяславичъ, въ Новгородѣ прогнали Ростиславова сына и призвали Мстиславова, Романа. Но прежній князь имѣлъ тамъ много своихъ приверженцевъ. Такимъ образомъ, дошло до кровопролитнаго междоусобія. Изгнанный князь, Святославъ, при помощи братій, хотѣлъ охранить свое право: то былъ первый случай, когда изгнанный князь дорожилъ своею властью въ Новгородѣ. Въ досадѣ оскорбленнаго самолюбія, онъ даже соединился съ суздальцами. Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ долженъ былъ отстаивать себя безъ князя и не прежде какъ въ апрѣлѣ 1168 г. прибылъ туда приглашенный сынъ Мстислава Изяславича, Романъ. Братья оскорбленнаго Святослава Ростиславича продолжали воевать новгородскія земли.

---

[1]) Ноября 14, 1154 г.

[2]) Января 30, 1155 г.

[3]) Святослава. Другого князя, брата его, Давида, бывшаго прежде въ Новгородѣ, посадили въ Новомъ-Торгу 1157 года.

[4]) Мстиславомъ Ростиславичемъ. Прибылъ въ Новгородъ 21 іюня, 1160 года.

[5]) Прибылъ снова въ Новгородъ 28 сентября, 1161 года.

Digitized by Google

На ихъ сторонѣ былъ сильный суздальскій князь Андрей, раздраженный противъ Новгорода за то, что, во время борьбы его съ южно-русскими князьями, Новгородъ держался стороны послѣднихъ. Этой сторонѣ пришлось проиграть. Уничтоживъ силу и первенство Кіева, Андрей хотѣлъ покорить и Новгородъ, и сначала покусился на важнѣйшій источникъ новгородской силы—Двинскую Землю. Тамъ явилась партія недовольныхъ новгородскимъ правленіемъ и приняла сторону Андрея. Отрядъ новгородцевъ, подъ начальствомъ Даньслава Лазутинича, отправился въ Заволочье для усмиренія провинціи и для собранія дани, и столкнулся съ суздальскими войсками, посланными для завоеванія земли. Произошла битва. Богъ пособилъ новгородцамъ — говоритъ лѣтописецъ и повѣствуетъ, что новгородцевъ было 400, суздальцевъ 7,000, и разбили новгородцы суздальцевъ; послѣднихъ убито 1,300, а новгородцы потеряли только пятнадцать человѣкъ [1]). Это сказаніе имѣетъ важность какъ образчикъ воззрѣнія самихъ новгородцевъ на свои побѣды, а не какъ извѣстіе съ фактическою достовѣрностію. Побѣдители покусились на владѣнія суздальскія и начали собирать дань на суздальскихъ смердахъ по сосѣдству съ новгородскими колоніями. Раздраженный Андрей составилъ сильную коалицію изъ подручныхъ князей съ ополченіями ихъ земель и послалъ на Новгородъ. Кромѣ многочисленнаго ополченія суздальскаго, на Новгородъ двинулись смольняне со своими князьями, Романомъ и Мстиславомъ, братьями обиженнаго Святослава, недавно помогавшими ему въ войнѣ съ Новгородомъ; двинулись муромцы съ своими князьями, и полочане, легко поднятые на Новгородъ по какой-то давней непріязни къ Новгороду. Эти войска вступили въ Новгородскую область,—запылали новгородскія села; враги

[1]) Новг. I, 14.

Digitized by Google

убивали жителей и загоняли въ плѣнъ, и такъ достигли до Новгорода.

Въ сборное воскресенье 22-го февраля 1169 г. ополченіе подступило къ городу. Враги съ высокомѣріемъ дѣлили между собою по жребію улицы Новгорода и женъ и дѣтей новгородскихъ. Граждане отбивались три дня, и стали изнемогать. Въ ночь передъ четвертымъ днемъ — гласитъ преданіе — архіепископъ Іоаннъ молился передъ образомъ Спасителя, и услышалъ гласъ отъ иконы: «иди на Ильину улицу въ церковь Спаса и тамъ возьми икону Пресвятыя Богородицы и вознеси ее на забрало, и она спасетъ Новгородъ!» Утромъ святитель созвалъ соборъ и объявилъ о такомъ видѣніи. Духовенство отправилось торжественною процессіею въ указанную церковь. По повелѣнію владыки, протодіаконъ хотѣлъ взять икону, но икона не двинулась съ мѣста. Только послѣ усерднаго моленія, святитель могъ взять ее своими руками, въ сопровожденіи новгородцевъ отправился на стѣну у Загороднаго конца, между Добрыниной и Прусской улицами, и вознесъ икону на забрало, подъ дождемъ стрѣлъ. Икона обращается назадъ; изъ глазъ ея потекли слезы и упали на фелонь архіепископа. Тогда на суздальцевъ напало одурѣніе; они стали стрѣлять другъ въ друга и пришли въ безпорядокъ. Ободренные новгородцы ударили на нихъ и нанесли имъ совершенное пораженіе. Враги Великаго Новгорода бѣжали безъ оглядки; множество непоспѣвавшихъ унести ноги попадалось въ плѣнъ; и было такъ много плѣнниковъ, что новгородцы продавали ихъ по двѣ ногаты за голову. Все поле вокругъ города—говоритъ древнее сказаніе—было покрыто трупами и громады убитыхъ лежали по дебрямъ и болотамъ. Союзники суздальцевъ, увидя такое пораженіе, оставили осаду и удалились. Это происходило 25-го февраля, въ среду. Въ такомъ видѣ перешло это событіе на воспоминаніе потомства. Какъ бы

Digitized by Google

оно ни происходило въ самомъ дѣлѣ, важность его для исторіи остается въ томъ нравственномъ вліяніи, съ какимъ оно впечатлѣлось въ народномъ воззрѣніи. Въ этомъ отношеніи день 25 февраля 1169 года составляетъ одну изъ тѣхъ многозначительныхъ, рѣзко блистающихъ своимъ свѣтомъ эпохъ, которыя возвышаютъ народное чувство, уясняютъ для народа его самосознаніе, укрѣпляютъ народную волю, способствуютъ развитію его силъ, и въ годины искушеній предохраняютъ отъ паденія. Легенда эта, въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, гораздо позже приняла церковное значеніе, и не прежде какъ въ XIV вѣкѣ построена была церковь Знаменія и была туда перенесена икона, до того времени стоявшая въ церкви Спаса. Но это уже показываетъ, какъ крѣпка была память объ этомъ событіи въ народѣ, когда такъ долго оно сохраняло свою свѣжесть. Видно, что, переходя изъ устъ въ уста, это преданіе поддерживало, при каждой новой борьбѣ съ Восточной Русью, нравственную силу народа, вмѣстѣ съ другими воспоминаніями. Въ народъ внѣдрилось сознаніе, что чудодѣйственная Божія сила защищаетъ Новгородъ.

Борьба съ Суздальскимъ краемъ въ исторіи Новгорода имѣетъ глубокое, историческое и этнографическое основаніе. Нѣкогда, въ эпоху сѣдой, отдаленной древности, когда еще славянская колонія только что начала поглощать въ себя финскую народную стихію въ Суздальско-Ростовской Землѣ, Новгородъ былъ главою этой страны. Ростовъ находился въ союзѣ, призвавшемъ русскихъ князей, на челѣ котораго былъ Великій Новгородъ. Въ послѣдующія времена, когда части русскаго міра соединились подъ перевѣсомъ Руси кіевской, и самъ Новгородъ долженъ былъ подчиниться этой власти,—Ростовско-Суздальская Земля, дѣлаясь особымъ удѣломъ въ распредѣленіи земель по княжескому роду, отпала отъ этой древней связи съ Новго-

Digitized by Google

родомъ. Новгородъ помнилъ старину, и это воспоминаніе, какъ сказано выше, возбудило въ новгородцахъ охоту покорить свое старое достояніе,—охоту, столь неудачно расрѣшившуюся Ждановской битвой. Суздальцы не играли чисто-страдательной роли въ этомъ дѣлѣ: кромѣ княжескихъ интересовъ, были еще съ ихъ стороны и народные, противодѣйствовавшіе стремленіямъ Великаго Новгорода; и въ этой землѣ, какъ въ другихъ краяхъ, вѣчевое участіе народа не было устранено, и побужденія князей совпадали съ побужденіями народными, когда шло дѣло о политическомъ значеніи земли въ русскомъ удѣльно-вѣчевомъ союзѣ. Ростовско-Суздальская Земля также непріязненно смотрѣла на Новгородъ. Взаимная народная вражда этихъ земель выказывается многими чертами ихъ распрь и, между-прочимъ, въ событіи разбитія суздальцевъ подъ стѣнами Новагорода. Самое описаніе этого событія въ Новгородской и въ Суздальской Лѣтописяхъ различно, и это различіе указываетъ на то-же взаимное нерасположеніе. Тогда какъ Новгородская лѣтопись изображаетъ полное героическое торжество Новгорода, въ Суздальской разсказывается о чудесахъ, но совсѣмъ въ обратномъ значеніи. Проигрышъ суздальцевъ ослабляется изъ національной гордости; выставляется бѣдствіе, постигшее Новгородскую область отъ разоренія союзными войсками, и, наконецъ, прилагается философское размышленіе о томъ, что Новгородъ наказанъ отъ Бога за его высокомѣріе и за грѣхи посредствомъ князя Андрея. Лѣтописецъ-суздалецъ не знаетъ о чудѣ, совершившемся на забралѣ Загороднаго конца; но до него доходило, что въ трехъ новгородскихъ церквахъ, на трехъ иконахъ плакала Пресвятая Богородица; то были, однако, не слезы сочувствія къ правотѣ дѣла новгородцевъ, а слезы милосердія къ грѣшникамъ, по божественной милости щадящей ихъ при всѣхъ ихъ преступленіяхъ, за которыя они достойны были,

Digitized by Google

по правосудію, сугубой кары. Какъ ни казалась, однако, свирѣпою вражда непріязненныхъ земель, но она была все-таки удѣльная, домашняя; какъ ни жестоки были проявленія взаимной непріязни, враги не переставали видѣть одинъ въ другомъ соотечественниковъ. Новгородъ готовъ былъ признать первенство суздальскаго или владимирскаго князя, когда его принуждали къ этому обстоятельства. Новгородъ только остерегался, чтобъ суздалецъ или владимирецъ не нарушилъ его свободы; послѣдніе съ своей стороны старались обвинить Новгородъ, когда возникли съ нимъ недоразумѣнія, но не отрицали права Новгорода вообще на свою областную самостоятельность. Только это равновѣсіе понятій объ областной независимости и о государственномъ единствѣ цѣлой Руси объясняетъ то безпрестанное колебаніе, съ какимъ Новгородъ тѣ велъ ожесточенную войну съ суздальцами, тѣ легко подчинялся первенству тамошнихъ князей.

Не далѣе какъ на слѣдующій годъ, послѣ блестящаго успѣха новгородцевъ, измѣнились отношенія Новгорода къ Андрею. Когда вся Русь склонилась подъ его великокняжескимъ первенствомъ, Новгородъ не получалъ ни откуда хлѣба; стала дороговизна, гибельная для края, гдѣ, по безпечности, не думали о запасахъ и не насиловали природу, чтобъ дополнить искусственнымъ усиліемъ труда ея малую производительность. Это заставило новгородцевъ покориться. Храбраго князя Романа, который защищалъ Новгородъ, прогнали; отправили къ Андрею посольство, предлагали мировую не иначе, однако, какъ на всей волѣ своей. Въ 1171 году приняли княземъ Андреева сына, Юрія.

Новгородъ все-таки выигралъ. Безъ 25-го февраля 1169 года, этотъ же князь могъ явиться отъ отца, великаго князя, какъ намѣстникъ въ покоренную землю, а теперь онъ является призванный на вольныхъ условіяхъ.

Послѣ трагической кончины Андрея, Новгородъ про-

Digitized by Google

гналъ его сына, и нѣсколько лѣтъ потомъ принималъ къ себѣ, одного за другимъ, князей изъ Южной Руси и поддерживалъ еще разъ Южную Русь противъ притязаній владѣтелей суздальско-ростовскаго края. Между князьями, посѣщавшими одинъ за другимъ Новгородъ, выказывается своимъ значеніемъ Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Въ эпоху Андреева ополченія на Новгородъ, этотъ князь со смольнянами былъ въ числѣ враговъ новгородскихъ. Но то было мгновенное увлеченіе. Новгородцы не помянули стараго, послѣ того, какъ этотъ князь нѣсколько разъ заявлялъ себя врагомъ Андрея и Суздальской Земли. Въ 1179 году Новгородъ пригласилъ его, зная, что онъ — говоритъ лѣтописецъ — всегда на великія дѣла порывался. Памятна была его славная защита Вышгорода противъ покушеній Андрея. Мстиславъ не хотѣлъ-было покидать Смоленскую Землю и разставаться съ своею братіею, но братья и мужи уговорили его. Новгородъ принялъ его съ честію. Епископъ, духовенство съ крестами, весь народъ, встрѣчали его съ торжествомъ и посадили его у св. Софіи. Явившись на вѣче, онъ говорилъ: «Обидятъ васъ поганые —воззримъ на Бога и на помощь Пресвятой Богородицы, и освободимъ Новгородскую Землю отъ поганыхъ.» Это значило, что Чудь, на которую давно претендовали новгородцы, отложилась тогда отъ Великаго Новгорода. Мстиславъ — говоритъ лѣтописецъ [1]), собралъ до двадцати тысячъ новгородцевъ, повоевалъ землю Чудскую, подчинилъ ее Новгороду, и готовился идти войною на Полоцкъ, чтобъ отомстить за древніе набѣги Брячислава и Всеслава; но тутъ схватила его болѣзнь, силы его упали. Онъ угасъ въ Новгородѣ 14 іюня 1180 г., пробывши тамъ очень мало времени, но подавши много несбывшихся надеждъ. Когда его хоронили, новгородцы—по словамъ лѣтописи,—такъ его

---

[1]. Ипат. Спис. 120.

Digitized by Google

оплакивали: «вотъ уже, господинъ князь, мы не можемъ поѣхать съ тобою въ чужую землю порабощать поганыхъ Новгородской области; дѣдъ твой Мстиславъ освободилъ насъ отъ всѣхъ обидъ; а ты, господинъ нашъ, поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего». Его храбрость, его презрѣніе къ смерти, при этомъ его набожность и щедрость, располагали къ нему и духовныхъ, и мірянъ. Послѣ смерти, его причислили къ лику святыхъ. Самое его короткое пребываніе въ Новгородѣ способствовало тому, что о немъ сохранилась такая свѣтлая, невозмутимая память.

Находясь въ постоянной непріязни ко князю Всеволоду, представителю Суздальской Земли, Новгородъ преодолѣлъ нерасположеніе къ Ольговичамъ. Когда одинъ изъ ихъ рода, Святославъ Всеволодовичъ, овладѣлъ Кіевомъ, Новгородъ, сохраняя связь съ Южной Русью, призналъ его первенство, принялъ его сына и велъ разорительную войну со Всеволодомъ суздальскимъ. Тогда новгородцы опустошили побережье Волги; но Всеволодъ, послѣ пятинедѣльной осады въ 1181 г., взялъ новгородскій пригородъ Новый-Торгъ, сжегъ его и жителей всѣхъ увелъ въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и одинъ изъ сыновей его соперника — Святослава Всеволодовича. Замѣчательно, что при этомъ погромѣ Торжка, составлявшіе дружину князя были озлоблены противъ Новгорода болѣе чѣмъ онъ самъ. Безчестіе, за которое могъ бы обвинять новгородцевъ князь, ложилось на дружину; новоторжцы покорялись и предлагали ему дань; дружина сопротивлялась: «Мы не цѣловать ихъ пріѣхали,—говорили дружинники — они, княже, богови лжуть и тобѣ [1]). И тогда-то Новый-Торгъ былъ взятъ и разоренъ съ неистовствомъ. Вотъ примѣръ, когда князь, повидимому ополчаясь за свои личные интересы, въ самомъ-дѣлѣ былъ орудіемъ и народныхъ побужденій.

[1]) Лавр. Сп. 163.

Digitized by Google

Это событіе заставило новгородцевъ помириться съ суздальскимъ княземъ. Уладили дѣло такъ, чтобы сохранить миръ съ Всеволодомъ, но не принимать князя изъ Суздальской Земли. Въ 1181 г. изгнали сына Святослава Всеволодовича, и взяли Всеволодова свояка, Ярослава Владимировича; онъ былъ внукъ Мстислава Великаго, любимаго памятью народною. И вотъ, примирившись со Всеволодомъ, Новгородъ, въ династическомъ вопросѣ, удержалъ прежнее свое сочувствіе къ роду Мстислава. Но противныя другъ другу партіи волновали городъ; одни, руководясь выгодами и избѣгая разореній, какія край терпѣлъ во время размолвки съ Суздальскою Землею, клонились къ миру со Всеволодомъ и готовы были признать его право давать князя Новгороду, лишь бы только съ неприкосновенностію своего внутренняго самоуправленія; другіе упорно стояли за связь съ Южной Русью, за старину и за вражду съ Суздальскою Землею и съ суздальскими князьями. Въ 1184 г. южно-русская партія одолѣла,—Ярослава прогнали. Но въ 1187 г. суздальская партія превозмогла. Ярослава Владимировича снова призвали. Въ 1195 г. Всеволодъ потребовалъ, чтобъ Новгородъ помогалъ военною силою противъ Ольговичей. Новгородцы пошли неохотно. Самъ Ярославъ, кажется, не очень пылко принимался за это дѣло. Тогда суздальская партія сблизилась тѣснѣе со Всеволодомъ, хотѣла призвать его сына, но противная партія на этотъ разъ перевысила. Вѣче, подъ вліяніемъ этой партіи, положило: *вси князи въ свободу гдѣ собѣ любо, туже собѣ князя поимаютъ*. Новгородцы вспомнили, что всѣ князья равны для Новгорода: не существуетъ никакого права за тѣмъ или за другимъ, кромѣ добровольнаго народнаго выбора; и теперь они облекали въ легальную форму то, что существовало издавна на дѣлѣ. Ярослава прогнали и пригласили врага Всеволодова—молодого князя черниговскаго, изъ Ольговичей. Ярославъ Владимировичъ

Digitized by Google

въ 1196 г. ушелъ въ Новый-Торгъ и утвердился тамъ. Всеволодъ принялъ его сторону. Новоторжцы стали за Ярослава. Онъ овладѣлъ волостью Новаго-Торга, собиралъ дань по Мстѣ, а Всеволодъ приказалъ ловить новгородцевъ, разъѣзжавшихъ по его волости. Это опять дало силу суздальской партіи въ Новгородѣ, потому что въ ней состояли богатые торговцы, которые разорялись при враждѣ съ Суздальскою Землею. Новый-Торгъ былъ важнымъ мѣстомъ для ихъ выгодъ. Надобно было избавиться отъ такихъ неудобствъ. Опять призвали съ честію Ярослава. Но въ 1199 г. Ярославъ опять не ужился въ Новгородѣ и уѣхалъ. Суздальская партія пошла такъ далеко, что просила у Всеволода сына его и признавала суздальскаго князя какъ-бы наслѣдственнымъ владѣтелемъ Новгорода. На челѣ этой партіи была фамилія Мирошки (Мирошкина чадь). Явились новгородскіе послы ко Всеволоду и говорили: «Ты, господинъ, великій князь, Всеволодъ Юрьевичъ! Просимъ у тебя сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новгородъ». [1]) Быть можетъ, это извѣстіе, записанное въ Суздальской лѣтописи, не вполнѣ справедливо;—едва-ли точно такъ отзывались новгородцы: потому что этимъ уничтожалось бы прежнее недавнее постановленіе новгородскаго вѣча, признававшее, какъ выше сказано, всѣхъ князей равными по отношенію Новгорода и оставлявшее за народомъ право избирать князя по желанію — безусловно. Вѣроятно, Суздальская лѣтопись, — какъ это часто случается въ ней, въ описаніи споровъ съ Новгородомъ,—изъ мѣстнаго патріотизма освѣщаетъ фактъ свѣтомъ, исключительно благопріятнымъ для своей земли. Всеволодъ далъ имъ сына, Святослава. Въ 1205 г. [2]) Всеволодъ перемѣнилъ князя и далъ новгородцамъ другого

[1]) Лавр. Сп., 175.

[2]) Новг. Л. I. 29.

Digitized by Google

сына, старшаго, по имени Константина. Лѣтописецъ разсказываетъ, что когда Всеволодъ отправлялъ въ Новгородъ Константина, то, вручая ему крестъ и мечъ, какъ знаки его посвященія въ принимаемое званіе, говорилъ: «Сыну мой Константине! на тебѣ Богъ положилъ старѣйшинство въ братьи своей, а Новгородъ Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской Земли». Великій князь ставилъ въ соотношеніе старѣйшинство князей между собою со старѣйшинствомъ городовъ, и казалось хотѣлъ, по старымъ примѣрамъ, утвердить и узаконить обычай, чтобъ старѣйшій сынъ великаго князя былъ княземъ въ Новѣгородѣ. Въ то же время онъ льстилъ новгородцамъ, называя ихъ городъ старѣйшимъ въ Русской Землѣ. Требуя для себя, какъ для великаго князя, права назначенія сыновей князьями въ Новгородъ, онъ признавалъ его самоуправленіе и самосудность. Когда новгородцы (1208—1209 г.) помогли ему въ Рязанской Землѣ, онъ сказалъ отъ имени своего великокняжескаго достоинства ко всему Великому Новгороду: «Кто вамъ добръ, того любите, а злыхъ казните.» Онъ подтвердилъ ему всѣ уставы прежнихъ князей; онъ казался хранителемъ свободы и правъ вольной земли; и тутъ-то Новгородъ опутался въ его политику. Вслѣдъ за тѣмъ вывелъ онъ старѣйшаго сына своего изъ Новгорода и далъ новгородцамъ другого—Святослава, бывшаго уже разъ въ Новѣгородѣ. Такимъ образомъ, этотъ князь прибылъ въ Новгородъ уже не по сочетанію понятій о старѣйшинствѣ Новгорода со старѣйшинствомъ назначаемаго туда князя, какъ прибылъ Константинъ, а по произволу великаго князя. Всеволодъ самъ нарушалъ то, что̀ недавно выставлялъ какъ законное основаніе; онъ постепенно велъ къ тому, чтобъ назначать въ Новгородъ такого князя, какого ему угодно, и такимъ образомъ подчинить своей власти вольный край. Новгородъ тогда сильно волновался; партіи захватывали одна у другой власть и

Digitized by Google

спѣшили пользоваться короткимъ временемъ господства, чтобы пріобрѣсть выгоды на счетъ другихъ; но въ свою очередь скоро теряли все пріобрѣтенное, уступая силѣ противниковъ. Самая фамилія Мирошкина, поддерживавшая суздальскую сторону, пала, несмотря на то, что въ Новгородѣ княжилъ сынъ великаго князя. Отозвались посаднику Дмитру налоги, которыми онъ обременялъ народъ для поживы своей семьи; разграбили и сожгли дворы богачей, державшихся суздальской партіи. За эту народную расправу Всеволодъ приказывалъ, въ своей волости, задерживать новгородскихъ купцовъ и конфисковать ихъ товары.

Вдругъ, на слѣдующій 1210 г., является Новугороду защитникъ. То былъ Мстиславъ, торопецкій князь, по прозвищу Удалый, сынъ Мстислава, по прозвищу Храбраго, погребеннаго у св. Софіи въ Новѣгородѣ. Не видно, чтобъ его звали: онъ самъ добровольно явился на выручку Великаго Новгорода. Зимою нежданно напалъ онъ на Торжокъ, схватилъ дворянъ Святослава Всеволодовича и торжковскаго посадника, сторонника суздальской партіи, и заковалъ ихъ. Послѣ того, онъ послалъ въ Новгородъ такое привѣтствіе:

«Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и всѣмъ новгородцамъ; пришелъ есмь къ вамъ, слышавъ насилье отъ князей, и жаль мнѣ своей отчины!»

Тогда для Новгорода настало время такого одушевленія, какое, проникая массу народа, заставляетъ умолкать духъ партій, мелкія распри, корыстныя побужденія, — соединяетъ умы и чувства, опредѣляетъ стремленія и подвигаетъ къ общему дѣлу. Князя Святослава, сына Всеволодова, и его дворянъ взяли подъ стражу на владычнемъ дворѣ и послали ко Мстиславу съ честною рѣчью: «Поиди, княже, на столъ».

Мстиславъ явился, и съ честью посаженъ на столѣ.

Digitized by Google

эти обстоятельства также побуждали Мстислава оставить тогда Новгородъ. Въ 1215 г. онъ явился на вѣче, поклонился вольному Великому Новгороду и сказалъ: «У меня есть дѣла на Руси (суть ми орудія въ Руси), а вы вольны въ князьяхъ.» Онъ уѣхалъ.

И едва только уѣхалъ онъ, какъ суздальская партія, послѣ многихъ преній на вѣчѣ, опять захватила господство. Замѣтно, что при этомъ играли большую роль торговые интересы. Новгородъ вошелъ уже въ широкую торговую дѣятельность съ Западомъ; черезъ руки его проходили западные товары въ русскіе края. Кіевская Русь, изнуренная междоусобіями и иноплеменными нашествіями, годъ отъ году упадала; напротивъ, сѣверо-восточная населялась, процвѣтала обиліемъ и зажиточностію. Новгородскіе торговцы находили туда удобный сбытъ товаровъ. Съ другой стороны, Новгородскій край постоянно нуждался въ подвозѣ хлѣба. Этотъ подвозъ былъ скуднѣе изъ Южной Руси; тамъ земледѣліе упало отъ безпрестанныхъ раззореній края, и необходимый Новгороду хлѣбъ сталъ доставляться изъ Восточной Руси. Сообщеніе съ Восточною Русью было и ближе, и легче: для него служила хорошимъ путемъ Волга съ своими притоками. Эти матеріальныя выгоды преодолѣвали и древнее народное нерасположеніе къ суздальскому народу и древнюю родственную связь съ Южной Русью, связь, неизбѣжно ослабѣвшую отъ водворенія въ Южной Руси разныхъ иноплеменниковъ, какъ это случилось въ этой странѣ разомъ съ ея политическимъ и общественнымъ упадкомъ. По отходѣ Мстислава, въ тотъ же 1215 г., рѣшено просить княземъ въ Новгородъ сына Всеволодова, Ярослава. Звать его послали посадника, тысячскаго и десять старѣйшихъ купцовъ. Участіе купцовъ въ посольствѣ показываетъ, что торговые интересы руководили этимъ выборомъ. Ярославъ пріѣхалъ; его встрѣчали съ торжествомъ; самъ архіепископъ, сторонникъ

Digitized by Google

Мстислава, долженъ былъ поневолѣ выходить къ нему на эту почетную встрѣчу.

Тотчасъ же волненія вспыхнули снова. Ярославъ захватилъ своихъ недоброжелателей (Якуна Зуболомиця и Ѳому Доброщаниця, новоторжскаго посадника), и въ оковахъ отправилъ въ Тверь; потомъ, по наущенію князя, вѣче, гдѣ брала верхъ его партія, разграбило тысячскаго Якуна; князь арестовалъ его сына. Противная партія въ отместку преслѣдовала его сторонниковъ; дошло дѣло до убійства: прусы (жители Прусской улицы) убили Овстрата и сына его Луготу, приверженцевъ Ярослава [1]). Ярославъ огорчился этимъ и уѣхалъ изъ Новгорода въ Торжокъ. Онъ взялъ съ собой бояръ и, одаривъ ихъ, отпустилъ снова въ Новгородъ, вѣроятно, чтобъ имѣть тамъ сторонниковъ. Въ Новгородѣ на Городищѣ оставленъ имъ намѣстникомъ Хоть Григоровичъ. Самъ князь Ярославъ утвердился въ Торжкѣ, и задумалъ сдѣлать этотъ пригородъ главнымъ городомъ, средоточіемъ власти надъ всею Новгородскою Землею, изъ Торжка сдѣлать Новгородъ. Изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ мѣстъ замѣтно, что Торжокъ еще прежде, возвышаясь, сталъ уже соперничать съ Великимъ Новгородомъ. Эта новгородская колонія возникла съ торговыми цѣлями, какъ показываетъ ея названіе — Новый-Торгъ. Счастливое положеніе сдѣлало его посредствующитъ мѣстомъ торговаго обращенія Новгорода съ Восточной Русью. По мѣрѣ того, какъ новгородская торговля находила себѣ пути на юго-востокъ, Торжокъ богатѣлъ. Многіе изъ новгородскихъ торговцевъ, побуждаемые выгодами, переселились туда; мало-по-малу образовались тамъ самобытные интересы, отличные отъ новгородскихъ; и потому, по мѣрѣ того, какъ Торжокъ возвышался, зависимость отъ Новгорода становилась ему затруднительною. Она на него на-

[1]) Новг. Л. I, 33.

Digitized by Google

влекала и внѣшнія опасности. Торжокъ стоялъ на границѣ Новгородской Земли и долженъ былъ испытывать всякаго рода мщеніе, приготовленное извнѣ Великому Новгороду. За природными средствами обороны до Новгорода самого добраться было трудно, до Новаго-Торга легко, и Новый-Торгъ расплачивался за Новгородъ. Такъ Всеволодъ въ 1181 г., враждуя съ Новгородомъ, взялъ Новый-Торгъ и разорилъ. Князья новгородскіе, будучи креатурами суздальскихъ князей, не поладивъ съ Новгородомъ, пользовались положеніемъ Новаго-Торга, уходили туда и тамъ находили себѣ упоръ, чтобъ оттуда вредить Новгороду. Такъ Ярославъ Володимировичъ поступилъ въ 1196 году. Такъ и теперь поступалъ Ярославъ Всеволодовичъ. Выгоды быть съ Суздальскою Землею въ мирѣ и невыгоды, неизбѣжныя при ссорѣ съ нею, располагали новоторжцевъ принимать сторону князя, неполадившаго съ Новгородомъ, коль скоро этотъ князь находился подъ покровительствомъ князей Суздальской Земли. Черезъ Торжокъ лежала большая торговая дорога. Князь, утвердившись въ Торжкѣ, овладѣвалъ ею и пресѣкалъ торговое сообщеніе съ Новгородомъ. Самъ Торжокъ, какъ и всѣ пригороды, находясь подъ властію Великаго Новгорода, составлялъ по себѣ средоточіе области, которая тянула непосредственно къ нему, —и такимъ образомъ князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, дѣлался владѣтелемъ всей Новоторжской области, а господствуя надъ нею, отнималъ у Новгорода значительную часть его владѣній. Кромѣ того, въ такихъ обстоятельствахъ, князь имѣлъ еще и ту выгоду, что Новоторжская область граничила съ краемъ, которымъ правили суздальскіе князья. Князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, могъ свободно получать свѣжія военныя силы для непріязненныхъ дѣйствій противъ Новгорода. Какъ въ Суздальской Землѣ, Владимиръ—пригородъ, взялъ перевѣсъ надъ старѣйшими городами—Суздалемъ и Ростовомъ, такъ Ярославъ хотѣлъ теперь

Digitized by Google

такую же роль дать новгородскому пригороду, Торжку, въ Новгородской Землѣ. Обстоятельства, казалось, помогали ему. Морозъ побилъ хлѣбъ; сдѣлалась дороговизна: Ярославъ не пускалъ черезъ Торжокъ ни одного воза съ хлѣбомъ; начался голодъ. Его размѣры стали особенно ужасны въ сѣверо-западной странѣ Новгородской Земли (въ Води). Новгородцы посылали звать князя; князь не приходилъ и не отпустилъ посланниковъ. Новгородцы послали къ нему еще разъ, съ послѣднею рѣчью: «Иди въ свою отчину ко св. Софіи, а не пойдешь, такъ скажи». Ярославъ не приходилъ въ Новгородъ и не отвѣчалъ ничего Новгороду, и опять, какъ прежде, не отпустилъ посланныхъ, да вдобавокъ приказалъ задерживать новгородскихъ гостей и оставлять ихъ въ Торжкѣ. И были,—говоритъ лѣтописецъ, —тогда въ Новгородѣ печаль и вопль.

VI.

ПОДВИГИ МСТИСЛАВА-УДАЛОГО.

Оставалась надежда на Мстислава. Новгородцы обратились къ нему. Неизвѣстно, гдѣ застали его. 11-го февраля 1216 г. онъ явился въ Новгородъ, и тотчасъ заковалъ намѣстника Ярославова и его дворянъ. Онъ пріѣхалъ на Ярославовъ дворъ, на вѣче, цѣловалъ крестъ и сказалъ: «Либо возвращу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову повалю за Новгородъ»!. — «На жизнь и на смерть съ тобою!», отвѣчали новгородцы.

Мстиславъ отправилъ къ Ярославу посломъ священника Юрія изъ церкви Іоанна на Торжищѣ. Ярославъ уже слышалъ о томъ, что Мстиславъ идетъ выручать Новгородъ и послалъ сто человѣкъ природныхъ новгородцевъ, своихъ сторонниковъ, — не допускать Мстислава до Новгорода.

Digitized by Google

Прибытіе посла отъ Мстислава показало Ярославу, что замыселъ его не удался. — «Сыну!—говорилъ этотъ посолъ отъ имени своего князя:—отпусти мужей моихъ и гостей, удались изъ Новаго-Торга и возьми со мною любовь». Ярославъ отпустилъ священника безъ мира и приказалъ засѣкать дороги и загораживать путь по рѣкѣ Тверцѣ. Тутъ пришло къ нему извѣстіе, что отрядъ новгородцевъ, посланный имъ съ тѣмъ, чтобы не допустить Мстислава до Новгорода и, если можно, поймать его, самъ передался Мстиславу. Въ досадѣ Ярославъ собралъ за городомъ Торжкомъ новгородцевъ, которыхъ подозрѣвалъ въ нерасположенности къ себѣ; приказалъ своей дружинѣ перековать ихъ, и отправилъ по разнымъ городамъ. Ихъ имущества и лошади были розданы Ярославовымъ дворянамъ. Число такихъ узниковъ лѣтописецъ простираетъ до двухъ тысячъ. Число это, вѣроятно, преувеличено, какъ вообще числа въ нашихъ лѣтописяхъ являются въ преувеличенномъ видѣ.

Пришла вѣсть объ этомъ въ Новгородъ. Мстиславъ велѣлъ звонить на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, явился посреди новгородцевъ и сказалъ:

«Пойдемте, братья! поищемъ мужей своихъ, вашу братью; возвратимъ волость вашу. Да не будетъ Новый-Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ—Торжкомъ; но гдѣ святая Софія, тутъ Новгородъ. И въ многомъ Богъ и въ маломъ Богъ, и правда!»

Мстиславъ былъ не одинъ съ новгородцами. По его призыву, стали на помощь Великому Новгороду псковичи съ княземъ Владимиромъ, братомъ Мстислава; двинулись и смольняне съ княземъ Володимиромъ Рюриковичемъ. На счастье Новгороду, въ самой Суздальской Землѣ происходилъ тогда раздоръ между дѣтьми умершаго Всеволода — Константиномъ и Юріемъ; послѣдній былъ меньшимъ братомъ; вопреки обычаю старѣйшинства, по волѣ

Digitized by Google

отца, онъ сѣлъ во Владимирѣ старѣйшимъ княземъ надъ всею Суздальскою Землею. Мстиславъ объявилъ, что идетъ не только искать управы съ Ярославомъ, но и установлять рядъ въ Суздальской Землѣ, какъ недавно, по волѣ своей и Великаго Новгорода, установилъ рядъ въ Южной Руси.

Новгородское ополченіе выступило въ походъ 1-го марта 1216 г. и черезъ два дня нѣсколько знатныхъ особъ убѣжало къ Ярославу. Эти люди присягали недавно Мстиславу, и потому лѣтописецъ называетъ ихъ крестопреступниками; они постарались забрать съ собою и свои семьи, которымъ безъ того могло быть худо отъ народнаго негодованія. Новгородцы взяли Зубцовъ и стали на Волгѣ. Тутъ къ нимъ присоединились смольняне. Мстиславъ послалъ отъ себя, отъ союзныхъ князей и отъ всего Великаго Новагорода предлагать Ярославу миръ и управу.

Ярославъ отвѣчалъ: «Не хочу мира! идите, когда пришли». Между тѣмъ, его люди работали засѣки по рѣкѣ Тверцѣ.

Новгородцы, услышавъ гордый отвѣтъ, кричали:—«Къ Торжку! къ Торжку!»

«Нѣтъ,—отвѣчалъ имъ Мстиславъ:—коли пойдемъ на Торжокъ, то опустошимъ Новгородскую волость; пойдемте лучше на Тверь, въ зажитье».

Ополченіе двинулось къ Твери; стали жечь и грабить. Это заставило Ярослава выйти изъ Торжка къ Твери. Новгородцы, преданные ему, въ числѣ сотни человѣкъ, отправлены были въ переднюю сторожу. Мстиславъ провѣдалъ объ этомъ и послалъ противъ нихъ своихъ новгородцевъ подъ начальствомъ Яруна. Мстиславовы новгородцы разсѣяли Ярославовыхъ.

Послѣ того, Мстиславъ отправилъ смоленскаго боярина Явольда со смольнянами и псковичами къ Константину

Digitized by Google

ростовскому и приказалъ опустошать край по Волгѣ, а самъ съ новгородцами шелъ на саняхъ по льду. На этомъ пути они сожгли городки Шесну и Дубну; псковичи и смольняне взяли городокъ Коснятинъ; все Поволжье страдало отъ огня. Константинъ ростовскій послалъ къ союзникамъ бояръ и отрядъ ратниковъ. «Князь Константинъ кланяется вамъ и радуется вашему приходу; вотъ вамъ въ помощь пять сотъ мужей ратныхъ; а ко мнѣ пришлите моего шурина Всеволода,»—говорили посланные отъ своего князя. Новгородцы отправили къ нему его шурина Всеволода и продолжали идти по Волгѣ. Но скоро ледъ сталъ таять; они побросали сани, сѣли на лошадей и поѣхали къ Переяславлю; разнесся слухъ, что Ярославъ тамъ. 9-го апрѣля у Городища, на рѣкѣ Сарѣ, пришли къ нимъ ростовцы съ княземъ Константиномъ. Союзники отрядили псковичей къ Ростову, а сами всѣмъ ополченіемъ подошли къ Переяславлю. Ярослава тамъ не было. Взятый въ плѣнъ подъ городомъ человѣкъ сказалъ, что Ярославъ ушелъ къ брату Юрію во Владимиръ, и тамъ готовится большое ополченіе.

Въ самомъ дѣлѣ, вступленіе новгородскаго ополченія въ Суздальскую Землю всѣхъ распшевелило, все на дыбы поставило. Вся сила Суздальской Земли вооружалась; изъ селъ погнали земледѣльцевъ; кто конный, кто пѣшій, кто съ оружіемъ, кто съ простой дубиной — шли оборонять свой край. Пристали къ нимъ муромцы и городчане; были между ними бродники,—сбродныя шайки степей Восточной Руси, первообразъ казаковъ; многочисленное ополченіе стало на рѣкѣ Гзѣ. «Сыны на отцовъ, отцы на дѣтей, братья на братьевъ, рабы на господъ поднялись!» — говоритъ лѣтописецъ. Этими словами онъ намекаетъ на то, что въ ополченіи суздальскомъ были новоторжцы и даже новгородцы, а съ ополченіемъ Новгорода и его союзни-

Digitized by Google

ковъ ростовцы выступали подъ стягомъ князя Константина [1]).

Мстиславъ съ новгородцами и Володимиръ со псковичами стояли близъ Юрьева, а Константинъ съ ростовцами на рѣкѣ Липицѣ, когда завидѣли они полки суздальскіе, стоявшіе на берегахъ рѣки Гзы. Мстиславъ послалъ къ Юрію новгородскаго сотскаго, Ларіона.

«Кланяемся тебѣ — говорилъ онъ отъ лица Мстислава и Великаго Новгорода:—съ тобой нѣтъ намъ обиды. Обидѣлъ насъ Ярославъ».

— «Мы одинъ братъ съ Ярославомъ», — отвѣчалъ Юрій.

Посолъ обратился къ Ярославу.

«Отпусти нашихъ новгородскихъ мужей и новоторжцевъ; отдай назадъ новгородскія волости, что ты занялъ—Волокъ; возьми съ нами миръ и цѣлуй намъ крестъ, и не станемъ проливать крови».

— «Не хочу мира,—отвѣчалъ Ярославъ:—у меня есть мужи! далеко вы зашли, а вышли—какъ рыбы—на сухо!»

Этотъ гордый тонъ показывалъ, что Ярославъ считалъ заранѣе дѣло новгородцевъ проиграннымъ въ срединѣ Суздальской Земли: Ярославъ надѣялся на ожесточеніе народа и готовность къ отпору.

Мстиславъ послалъ еще разъ посольство къ Юрію.

«Князь Юрій!' (была теперь такова посольская рѣчь):—Мы пришли не кровь проливать, а управиться между собою. Мы единое племя; дай старѣйшинство брату своему Константину и посади его во Владимирѣ, а вамъ вся Суздальская Земля».

— «Отвѣчай братьямъ моимъ, Мстиславу и Владимиру—сказалъ Юрій:—если отецъ нашъ не управилъ насъ съ Константиномъ, то какъ же вы хотите управить? Дѣ-

---

[1]) Новг. Л. I. 34.

Digitized by Google

лайте то, зачѣмъ пришли; а брату Константину такъ скажите: когда насъ одолѣешь, тогда вся земля тебѣ!».

Князья суздальскіе учредили пиръ и вмѣстѣ совѣтъ. Нѣкоторые изъ старыхъ бояръ смущались тѣмъ, что противники требуютъ дѣйствительно того, что, по понятіямъ освященнымъ старыми обычаями, считалось справедливымъ. Они говорили своимъ князьямъ:

«Лучше бы вамъ, господа, сотворить миръ съ братіею и положить старѣйшинство на Константинѣ, а не уповать на силу; у васъ много полковъ... а если правда будетъ за ними?»

Другіе, младоумные,—какъ называетъ ихъ лѣтописецъ,—были не такого мнѣнія; между ними отличался одинъ, по имени Андрей Станиславовичъ; онъ говорилъ:

— «Не бывало никогда того, ни при нашихъ прадѣдахъ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ въ Суздальскую Землю со ратью и вышелъ изъ нея цѣлъ!».

Послѣдній совѣтъ понравился больше. Въ войскѣ Юрія развѣвалось семнадцать, у Ярослава—тринадцать стяговъ; у перваго гремѣло сорокъ трубъ и сорокъ бубенъ; у другого шестьдесятъ тѣхъ и другихъ: это придавало и охоты, и надежды; суздальцы показывали негодованіе и жажду мести.

— «Сѣдлами закидаемъ новгородцевъ!»—кричали они.

Князья говорили имъ такую ободрительную рѣчь:

«Вотъ примемъ товаръ въ руки. Вамъ будутъ и брони, и кони, и платья, а человѣка живаго кто возьметъ, тотъ самъ будетъ убитъ! Всѣхъ бейте—никому пощады не давайте! Хоть и золотое оплечье на комъ увидишь,—убей; не оставимъ живаго никого! А кто изъ полку убѣжитъ, и того, кого мы поймаемъ, вѣшать или распинать!»

Они послали въ станъ противниковъ, вызывали на бой и указывали для этого мѣсто у Липицъ. Война эта имѣла

Digitized by Google

видъ судебнаго поединка, гдѣ спорныя стороны повѣряли рѣшеніе своего дѣла суду Божію; сходились на бой на опредѣленное заранѣе мѣсто и въ уставленное время, а до боя не боялись ни засады, ни нападенія. Союзники получили вызовъ вечеромъ и дали знать тотчасъ Константину и ростовцамъ. Союзники опасались, какъ кажется, чтобы Константинъ не покинулъ некстати общаго дѣла; съ обѣихъ сторонъ еще разъ утвердили союзъ крестнымъ цѣлованіемъ.

Пошли къ Липицѣ уже ночью. Суздальскіе полки также потянулись въ походъ. Всю ночь непріязненныя войска шли такъ близко другъ отъ друга, что суздальцы могли слышать, какъ ихъ противники играли на трубахъ, били въ бубны и кричали. На суздальцевъ,—если вѣрить лѣтописи, — напалъ переполохъ, когда вмѣстѣ съ трубною игрою раздался дружный крикъ ихъ непріятелей. Князья хотѣли-было бѣжать и за малымъ остановились.

Новгородцы и союзники дошли до Липицы. Стало разсвѣтать. Враговъ, сдѣлавшихъ вызовъ, тамъ не было; а имъ бы первымъ, какъ вызвавшимъ, слѣдовало стать на мѣстѣ боя. Вмѣсто того, чтобъ остановиться на полѣ, которое сами выбрали и указали противникамъ, суздальцы перешли лѣсъ, и стали по другой его сторонѣ. Новгородцы и ихъ союзники должны были въ свою очередь пройти черезъ лѣсъ, и очутились на горѣ, называемой Юрьевой; внизу, въ крутомъ оврагѣ, среди зарослей протекалъ ручей, по имени Тунегъ, а на другой сторонѣ оврага была гора, называемая Авдова: тамъ стояло суздальское ополченіе. Внизу суздальцы успѣли уже набить кольевъ и заплести плетень.

Враждебныя полчища созерцали другъ друга при утреннемъ весеннемъ солнцѣ. Битва не начиналась. Въ обоихъ войскахъ играли на трубахъ: заохочивали ратниковъ къ предстоявшей борьбѣ. Мстиславъ сохранялъ видъ, что

Digitized by Google

вышелъ на брань только по крайней необходимости; что упрямство суздальскихъ князей всему виною, а не драчливость его; еще третій разъ отправилъ онъ къ соперникамъ посольство; и говорило оно такія рѣчи:

«Дайте миръ; а не дадите мира, то сойдите отсюда,— мѣсто здѣсь не для битвы: вы сами звали на Липицы; тамъ ровное поле; зачѣмъ же сами стали не тамъ? Либо вы отступите подалѣе—на ровное мѣсто, и мы къ вамъ перейдемъ, либо мы отступимъ на Липицы, а вы къ намъ придете!».

Юрій съ гордостью отвѣчалъ:—«Мира не принимаю; вы прошли черезъ нашу землю,—такъ развѣ не перейдете черезъ эту заросль? Ступайте, ступайте черезъ болота и черезъ дебри: свиньямъ обычно ходить по дебрямъ и корнямъ, и въ грязяхъ валяться!».

Послѣ такого отвѣта, Мстиславъ вызвалъ охотниковъ— удалую молодежь, и пустилъ открывать битву. Молодцы спустились въ оврагъ; съ противоположной горы также соскочили въ оврагъ суздальскіе молодцы; началась схватка. Бились очень усердно,—говоритъ современникъ,—къ тому же тогда сдѣлалось очень холодно. Такъ день прошелъ. Войско Мстислава досадовало, что враги уклоняются отъ боя.

«Пойдемте,—стали говорить тогда въ станѣ:—пойдемте къ Владимиру: враги услышатъ, такъ поневолѣ пойдутъ на бой!»

Такъ и рѣшили. Рано утромъ, на другой день, войска стали сниматься. Суздальцы замѣтили въ непріятельскомъ станѣ суету, и закричали: «Они бѣгутъ! бѣгутъ!» Толпы суздальцевъ стали сходить съ горы, думая ударить новгородцамъ и ихъ союзникамъ въ тылъ.

Тутъ ростовскій князь сказалъ Мстиславу:

— «Когда мы пойдемъ мимо ихъ, они насъ въ тылъ возьмутъ; а люди мои не дерзки на бой: разойдутся въ города!»

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, тогда только что прибылъ изъ Ростова Владимиръ псковскій и извѣщалъ, что ростовцы, какъ увидѣли, что ихъ городъ оставленъ безъ ратныхъ людей, то стали безпокоиться, чтобъ непріятели не напали на нихъ и не сожгли города. Ростовцы въ отрядѣ князя Константина роптали. Отдаляться отъ Ростова, не одержавши побѣды, казалось опасно. Тогда Мстиславъ, выѣхавъ съ князьями передъ войско, громко кричалъ:

«Братья! гора намъ не можетъ помочь; гора и не побѣдитъ насъ. Воззрите на силу честнаго креста и на правду! пойдемте къ нимъ!»

Одушевленные его словами, союзные князья поскакали по своимъ полкамъ, и устанавливали ратныхъ въ боевой порядокъ. Суздальцы увидѣли, что противники ихъ остановились, и сами стали устанавливаться.

Сталъ Володимиръ смоленскій со смольнянами съ края, въ срединѣ новгородцы съ Мстиславомъ и псковичи съ своимъ княземъ, а на другомъ краѣ ростовцы съ Константиномъ. У него были славные витязи: Александръ Поповичъ со слугою своимъ Торопомъ, Добрыня Резаничъ по прозванію Золотой Поясъ, да Нефедій Дикунъ. Напротивъ псковичей, на другой горѣ, стоялъ Ярославъ съ своими полками: въ ряду ихъ были и бѣжавшіе новгородцы, и новоторжцы; съ ними стояли муромцы, бродники и городчане; противъ новгородцевъ въ срединѣ стояла вся Суздальская Земля, съ княземъ владимирскимъ, а противъ Константина и ростовцевъ—его меньшая братія.

Мстиславъ, проѣхавъ передъ рядами новгородцевъ и псковичей, говорилъ:

«Братья! мы вошли въ землю сильную; воззримъ же на Бога и станемъ крѣпко; не озирайтесь назадъ: побѣжавши, не уйдемъ; забудемъ, братія, и женъ, и дѣтей, и дома свои; идите на бой—какъ кто хочетъ: кто на конѣ, кто пѣшій!»

Digitized by Google

На коняхъ трудно было сражаться, потому что надобно было сходить въ оврагъ, а потомъ лѣзть на гору.

«Мы на коняхъ не поѣдемъ, — сказали новгородцы: — мы на коняхъ не хотимъ умирать; мы пойдемъ пѣшіе, какъ отцы наши бились на Колокшѣ».

Въ порывѣ удальства, они сбросили съ себя и сапоги, и верхнее платье, и босые бросились съ крикомъ. Ихъ примѣру послѣдовали и смольняне.

Съ противной горы первые сбѣжали пѣшкомъ Ярославовы люди. Смольняне прибавили шагу и опередили новгородцевъ; за ними прибѣжали новгородцы; предводитель ихъ, Иворъ Михайловичъ, поѣхалъ верхомъ, чтобы его видѣли ратные, но конь подъ нимъ споткнулся, Иворъ упалъ въ заросли. Новгородцы, въ пылу военной охоты, опередили его, сцѣпились съ непріятелемъ въ оврагѣ, начали вырывать у суздальцевъ изъ рукъ дубины и топоры; потомъ подоспѣли къ нимъ смольняне; но съ противной горы спустились еще свѣжія силы. Закипѣла схватка; Мстиславъ увидѣлъ, что молодцы зашли далеко; удалой князь закричалъ своимъ:

«Не дай Богъ выдавать добрыхъ людей!»

Тогда всѣ полки съ крикомъ дружно бросились внизъ, перескочили черезъ оврагъ, быстро вскочили на гору, единодушно ударили на суздальское ополченіе. Суздальцы попятились, побѣжали и Юрій, и Ярославъ, и муромскіе князья. Но то была хитрость. Они покинули свои коши, съ надеждою, что новгородцы и ихъ союзники начнутъ грабить обозъ, и тутъ можно будетъ оборотиться и ударить на нихъ. Мстиславъ догадался въ чемъ дѣло.

«Братья! — закричалъ онъ: — не пристойте корысти, а пристойте бою! А не то—они обратятся на насъ и изомнутъ насъ».

Рать повиновалась. Бросились вслѣдъ за врагами. Самъ Мстиславъ трижды проѣхалъ сквозь полки Юрьевы и Яро-

Digitized by Google

славовы, поражая ратниковъ топоромъ, который у него висѣлъ на рукѣ, привязанный паворозкою. Вдругъ, не узнавъ удалого князя, налетѣлъ на него Александръ Поповичъ ростовскій, силенъ и славенъ богатырь, и готовился онъ разсѣчь его мечемъ, но удалой князь закричалъ: «Я князь Мстиславъ!»—Князь, не дерзай—говоритъ ему богатырь:— а стой, да смотри! Когда ты—голова—убитъ будешь, куда дѣться другимъ!» Суздальцы увидѣли, что хитрости ихъ не удаются; новгородцы не останавливались надъ кошами и преслѣдовали суздальцевъ. Главное суздальское войско побѣжало; обратился по слѣдамъ его и Ярославъ къ своимъ кошамъ, и все пошло въ разсыпную. Тогда много пало ихъ подъ ударами топоровъ новгородскихъ и смоленскихъ; много ихъ утонуло во время побѣга; пятьдесятъ человѣкъ въ плѣнъ попалось. Лѣтописецъ [1]) насчитываетъ убитыхъ 9,233, а новгородцевъ только 5 чел. Счеты баснословные, какъ въ бо́льшей части чиселъ, приводимыхъ лѣтописцами. Въ Никоновской Лѣтописи поставлено число убитыхъ 17,200, а новгородцевъ и ихъ союзниковъ — 550. Между новгородцами погибъ тогда славный богатырь Іевъ Поповичъ со слугою своимъ Несторомъ; Мстиславъ оплакивалъ ихъ. Несомнѣнно, что суздальцы были тогда разбиты на-голову. Побѣда эта произошла 21-го апрѣля въ четвертокъ второй недѣли послѣ Пасхи.

Бѣглецы скрывались каждый въ своемъ городѣ: кто бѣжалъ въ Переяславль, кто въ Суздаль, кто въ Юрьевъ. Князь Юрій прибѣжалъ во Владимиръ, въ полдень. Въ городѣ оставались,—говоритъ лѣтописецъ,—одни попы, чернецы, женщины и дѣти, — все народъ невоинственный: какъ они увидѣли бѣгущихъ, то сначала обрадовались, думали, что это возвращаются побѣдители. Но какъ только вбѣжали владимирцы въ свой городъ, тотчасъ закричали:

---

[1]) Воскрес. Сп. П. С. Л. VII, стр. 123.

Digitized by Google

«Твердите городъ!» И тогда вмѣсто веселья сдѣлался плачъ. Усилился этотъ плачъ ввечеру, когда сходились съ несчастнаго побоища раненые воины, и всю ночь потомъ сходились они въ городъ.

На другое утро князь собралъ вѣче.

«Братья володимирцы, — говорилъ онъ имъ: — затворимся въ городѣ, станемъ отъ нихъ отбиваться!»

— «Съ кѣмъ затворимся, княже Юріе?—возразили ему:— братья наша избита; другіе въ плѣнъ взяты, да и тѣ, что́ прибѣжали съ бою, безъ оружія; съ кѣмъ станемъ на бой»?

«Я все это знаю,—сказалъ Юрій:—прошу васъ только не выдавайте меня ни Константину, моему брату, ни Мстиславу; лучше я самъ по своей волѣ выйду изъ города».

Володимирцы обѣщали. Союзники цѣлый день простояли на побоищѣ и уже на другой день отправились ко Владимиру. Они подошли къ нему въ воскресенье 24-го апрѣля и объѣхали его кругомъ.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ загорѣлся княжескій дворъ. Новгородцы представляли, что наступаетъ удобный случай взять городъ; но Мстиславъ не пустилъ ихъ на приступъ. Во вторникъ ночью, часу въ десятомъ, опять сдѣлался пожаръ. Горѣло до разсвѣта. Смольняне просились идти на приступъ. Князь ихъ, Владимиръ, не дозволилъ. Лѣтописецъ не говоритъ, что́ было причиною этихъ пожаровъ: были-ли это случайные пожары, или зажигательства внутри въ пользу осаждающихъ, или же пожаръ произошелъ отъ метанія огня черезъ стѣну. Послѣ этого послѣдняго пожара, князь Юрій прислалъ къ союзникамъ съ челобитьемъ:

«Потерпите сегодня,—завтра я выйду изъ города».

Утромъ князь Юрій вышелъ съ сыновьями въ непріятельскій лагерь и, поклонившись Мстиславу и смоленскому князю, сказалъ:

Digitized by Google

«Кланяюсь, братія! а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ!»

Мстиславъ съ товарищами разсудили такъ:

Князю Константину слѣдуетъ вступить во Владиміръ, а Юрію вѣдать Городецъ. Сейчасъ изготовили ладьи и посады, сѣли въ нихъ дружины княжескія и люди. Одна ладья ожидала Юрія съ его женой. Юрій въ послѣдній разъ помолился въ церкви Богородицы и плакалъ у отеческаго гроба.

— «Суди Богъ,—сказалъ онъ,—брату моему Ярославу; это онъ довелъ меня до сего!»

И онъ сѣлъ въ ладью съ княгинею. Отправился съ нимъ и владыка. И потянулась за князьями вереница судовъ съ изгнанниками на новоселье. Сборы ихъ, видно, были невелики.

Между тѣмъ, гонецъ бѣжалъ извѣщать Константина ростовскаго и звать его на столъ. Константина ожидала торжественная встрѣча: священническій чинъ со крестами; бояре и люди должны были выказывать радость; Константинъ одарилъ ихъ щедро. По обряду посадили его на столѣ, и всѣ владимирцы цѣловали крестъ новому князю.

Упрямый и жестокій Ярославъ съ побоища убѣжалъ въ Переяславль и въ первомъ порывѣ досады приказалъ перековать всѣхъ новгородцевъ и смольнянъ, какихъ можно было найти въ городѣ по торговымъ и другимъ дѣламъ, и засадилъ однихъ въ погреба, другихъ въ тѣсныя и душныя избы. По извѣстію лѣтописца, полтораста человѣкъ задохлось: число, быть можетъ, преувеличенное, какъ и число убитыхъ. 29-го апрѣля союзники пошли на него въ Переяславль. Вмѣстѣ съ ними отправился съ своимъ полкомъ и Константинъ. Не допуская враговъ до города, Ярославъ, 3-го мая, вышелъ самъ изъ Переяславля и добровольно явился къ брату своему Константину.

Digitized by Google

— «Я въ твоей волѣ,—сказалъ онъ: — но не выдавай меня Мстиславу».

Въ среду, на другой день, прибылъ Мстиславъ до того мѣста, куда впередъ дошелъ Константинъ. Онъ согласился примириться, но потребовалъ, чтобы дочь его, жена Ярослава, пріѣхала къ нему, и чтобы всѣ задержанные новгородцы, которые еще не успѣли задохнуться отъ духоты, были выпущены на свободу и доставлены къ нему. Ярославъ долженъ былъ исполнить требованія побѣдителя. Мстиславъ не отпустилъ своей дочери къ мужу и, наказавъ его презрѣніемъ, уѣхалъ.

Эта побѣдоносная война утвердила за Новгородомъ то великое нравственное значеніе, которое уже прежде доставлено было ему Мстиславомъ. Прежде новгородцы установили рядъ въ Южной Руси, рѣшали споры южныхъ князей и судьбу правленія ихъ областей; теперь они распоряжались судьбою Суздальскаго края и принуждали признать приговоръ, изреченный ихъ выборнымъ княземъ надъ вопросомъ о правѣ на княженіе, претендовавшее быть главою русской удѣльной федераціи; вмѣстѣ съ тѣмъ эта война показала, что новгородцы умѣютъ заставить уважать неприкосновенность и цѣльность своей областной самостоятельности.

Мстиславъ недолго оставался въ Новгородѣ. Въ 1218 г. онъ снова и уже навсегда попрощался съ нимъ. Созвавъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, удалой князь сказалъ вольнымъ дѣтямъ Великаго Новагорода:

«Кланяюсь святой Софіи, и гробу отца моего, и вамъ! Хочу поискать Галича и васъ не забуду! Дай Богъ лечь близъ отца моего у святыя Софіи!»

Онъ уѣхалъ въ Галичъ; и не привелъ его Богъ ни увидѣть Новгорода, ни костямъ его лечь подъ сводами св. Софіи.

Digitized by Google

VII.

НОВГОРОДЪ ПОСЛѢ МСТИСЛАВА УДАЛО́ГО ДО ТАТАРЪ.

Сначала, послѣ Мстислава, новгородцы призывали его двоюродныхъ племянниковъ, сыновей Мстислава Романовича — Святослава, потомъ Всеволода. Когда Всеволодъ имъ не полюбился, они сказали ему: «иди куда хочешь»; и въ 1222 году, опять обратились къ суздальскому князю Юрію и пригласили сына его, Всеволода, но не иначе, какъ во всемъ на всей волѣ новгородской. Всеволодъ съ ними не ужился и убѣжалъ прочь. Партія суздальская такъ усилилась, что подъ ея вліяніемъ Новгородъ призвалъ снова того самаго Ярослава, который отличился такими свирѣпствами надъ новгородцами, противъ котораго ратовалъ Мстиславъ за новгородскую вольность: до такой степени матеріяльныя выгоды дружелюбнаго сношенія съ Суздальскою Землею преодолѣвали всякія антипатіи. Характеръ новгородцевъ отличался живостію и измѣнчивостію; притомъ же и по степени тогдашней развитости нельзя смотрѣть на партіи какъ на что-нибудь твердое, прочное, основанное на зрѣлыхъ убѣжденіяхъ; минутныя побужденія брали верхъ надъ всякимъ разсчитаннымъ планомъ; тѣ же лица, которыя стояли во главѣ одной партіи, легко могли быть поколеблены обстоятельствами и перейти къ противной сторонѣ, а потомъ снова пристать къ прежней. Несомнѣнно, однако, что время Мстислава не прошло даромъ и суздальскіе князья навсегда получили убѣжденіе, что новгородская вольность не можетъ и не должна быть нарушена. Въ 1223 году Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ и въ тотъ же годъ удалился въ Переяславль. На слѣдующій годъ новгородцы пригласили опять Всеволода Юрьевича; но, видно, порядокъ дѣлъ въ Новгородѣ былъ не подъ-стать привычкамъ, укоренившимся у князей въ Суздальской Землѣ. Всеволодъ убѣжалъ отъ новгородцевъ въ

Digitized by Google

слѣдующемъ же году. Новгородцы требовали его назадъ, а отецъ его, Юрій, занялъ Торжокъ. Готова была, повидимому, возобновиться прежняя исторія; но на этотъ разъ обошлось безъ кровопролитія; Юрій требовалъ выдачи нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ считалъ виновниками бѣгства сына [1]). Новгородцы не только отказали, но собрали всю волость свою и начали дѣлать около города остротъ. А ко Всеволоду послали сказать: «Кланяемся тебѣ, княже, а братіи своей не выдаемъ, а ты крови не проливай; паки ли твой мечъ и наши головы!» Начали новгородцы дѣлать укрѣпленія по пути, ставить сторожи, собирались умереть за св. Софію, и Юрій, видя, что съ Новгородомъ воевать не легко, уступилъ.

Новгородцы, въ 1225 году, пригласили къ себѣ княземъ Михаила черниговскаго, шурина Юрьева, съ согласія послѣдняго. Михаилъ въ томъ же году и разстался съ Новгородомъ.—«Не хочу у васъ княжить,—сказалъ онъ:—иду къ себѣ въ Черниговъ, а вы пускайте гостей своихъ ко мнѣ: пусть земля моя будетъ такъ же какъ и ваша (*а яко земля ваша, тако земля моя*)». Новгородцы послали опять за Ярославомъ. Въ 1228 году, по поводу распри со Псковомъ, возникли несогласія у Новгорода съ этимъ княземъ; но Ярославъ не могъ уже проявить своего неудовольствія ничѣмъ, кромѣ того, что ушелъ въ свой Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двоихъ сыновей. Молодые князья, по случаю (въ 1229 году) междоусобія и убійствъ въ городѣ, убѣжали, а новгородцы позвали снова Михаила черниговскаго. И тотъ, прибывъ въ Новгородъ, цѣловалъ крестъ по всей волѣ новгородской. Въ залогъ взаимной пріязни князя съ Новгородомъ, новгородцы об-

[1]) Рече посломъ: выдайте ми Якова Иванковица, Никифора Тудоровица, Иванка Тимошкиница, Сдилу Савиница, Вячка Иваца, Радка. Не выдадите ли? а я поилъ есмь конѣ Тверью, а еще Волховомъ напою». Новг. I, 41.

Digitized by Google

ложили пеню приверженцевъ Ярослава въ городѣ и на Городищѣ. Они должны были платить на постройку большого моста:—за то ихъ не грабили, какъ обыкновенно поступали со сторонниками изгнаннаго князя, принявши новаго. Въ 1230 году Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ на время, оставивъ въ Новгородѣ сына; но вслѣдъ за тѣмъ произошли междоусобія; сына Михаилова изгнали, и призвали снова Ярослава. Тогда былъ самый бурный и самый несчастный годъ для Новгорода: его волости были поражены страшнымъ голодомъ. Это-то кажется и было причиною, что опять обратились къ Суздальской Землѣ. Пришедши въ Новгородъ, князь цѣловалъ святую Богородицу на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, то есть на всей волѣ новгородской. На этотъ разъ князь Ярославъ пробылъ княземъ новгородскимъ до 1235 г., когда ушелъ въ Кіевъ, а новгородцамъ оставилъ сына своего Александра, славнаго впослѣдствіи Невскаго героя, который и оставался княземъ новгородскимъ до самаго 1252 года, когда сдѣлался великимъ княземъ.

VIII.

Новгородъ въ эпоху татарскаго владычества надъ русью. — защита свободы противъ покушеній твери и москвы.

Со времени татарскаго опустошенія, Новгородъ прекращаетъ свою древнюю связь съ Южною Русью. Постепенно ослабленная междоусобіями и иноплеменными нашествіями, она окончательно была добита татарами, выступила изъ русской федераціи, и начала идти инымъ путемъ по колеѣ исторической жизни. Новгородъ удержался членомъ федераціи, сплотившейся подъ верховнымъ владычествомъ татаръ. По мѣрѣ болѣе тѣснаго сближенія,

Digitized by Google

образовался обычай, перешедшій какъ бы въ законъ, что новгородскимъ княземъ долженъ быть тотъ, кто называется великимъ.

Первый примѣръ этому былъ съ Александромъ Невскимъ. Когда Александръ въ 1252 году получилъ княжество владимирское, то оставилъ въ Новгородѣ сына своего, Василія, уже не въ качествѣ особаго новгородскаго князя, а какъ своего намѣстника. Въ 1255 году новгородцы прогнали Василія, а взяли брата Александрова—Ярослава; но Александръ поднялъ на нихъ рать не какъ старѣйшій князь за обиду подручника-князя, какъ бывало дѣлали прежде суздальскіе князья, а какъ лицо, сознававшее собственно за собою достоинство новгородскаго правителя. Онъ потребовалъ сверженія тогдашняго посадника, лица ему противнаго, и въѣхалъ въ Новгородъ, какъ князь новгородскій. Онъ ходилъ съ новгородцами на шведовъ и на Чудь, предводительствуя ихъ ополченіемъ, что составляло обязанность мѣстнаго князя и опять уѣхалъ изъ города, оставивъ въ немъ сына, Василія, своимъ подручникомъ.

Въ 1257 г. Александръ прибылъ въ Новгородъ дѣлать перепись. Новгородцы воспротивились и увлекли къ сопротивленію князя Василія. Александръ разгнѣвался на сына, принудилъ его бѣжать, и казнилъ противниковъ своего велѣнія. Все это дѣлалъ онъ какъ князь новгородскій. Вообще Александръ, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, дозволялъ себѣ обращаться съ новгородцами такъ деспотически, какъ бы не могъ дозволить того другой князь. Съ одной стороны, Александръ оказалъ слишкомъ много услугъ Новгороду,—онъ обезопасилъ его отъ покушеній западныхъ иноплеменниковъ: чрезъ это онъ внушалъ къ себѣ такое уваженіе, какимъ не могъ пользоваться иной князь на его мѣстѣ; съ другой, на сторонѣ его была ужасающая татарская сила, грозившая Новгороду опустоше-

Digitized by Google

ніемъ и порабощеніемъ: въ случаѣ упорства, Александръ могъ позвать ее. Новгородъ не былъ покоренъ татарами, какъ другія русскія земли. Батыево полчище только зацѣпило Новгородскую Землю во время своей опустошительной прогулки въ Руси въ 1238 г. Одному Торжку суждено было подвергнуться пожару и всеобщему истребленію жителей. Путь къ самому Новгороду не по силамъ былъ татарамъ. Однако, состоявши въ связи съ покоренной татарами Русью, Новгородъ не могъ совершенно избѣгнуть необходимости хотя немного хлебнуть изъ той горькой чаши, которую поднесла судьба русскому міру. Новгородъ долженъ былъ войти въ систему подчиненныхъ ханамъ русскихъ странъ и участвовать въ платежѣ выхода побѣдителямъ. Новгородъ не противился этому платежу: онъ не терялъ сознанія принадлежности своей къ русскому міру, и потому долженъ былъ отправлять повинность, которая касалась всѣхъ русскихъ земель вмѣстѣ. Притомъ Новгородъ не былъ столько силенъ, чтобы отважиться раздразнить противъ себя могущество завоевателей. Этотъ платежъ выхода привязывалъ его къ особѣ великаго князя, который былъ посредникомъ между ханомъ и князьями и русскимъ народомъ всѣхъ подчиненныхъ земель. Александръ, до конца жизни (въ 1262 году), не переставалъ имѣть непосредственное вліяніе на управленіе Новгорода, и когда самъ не былъ въ Новгородѣ, то оставлялъ тамъ подручникомъ другого сына, Димитрія. Новгородцы, по его приказанію, ходили въ походы; онъ посылалъ имъ и другихъ подручныхъ князей на помощь съ войскомъ.

По смерти Александра, новгородцы прогнали его сына, Димитрія, и нарекли себѣ княземъ Александрова брата, Ярослава; но онъ не переставалъ считаться новгородскимъ княземъ и тогда, когда въ свою очередь сталъ великимъ княземъ. Крѣпкая власть Александра не могла передаться преемственно другимъ князьямъ: она зависѣла отъ лич-

Digitized by Google

ности Александра. Заключая договоръ съ Ярославомъ, новгородцы припомнили ему, что прежній князь дѣлалъ насилія Новгороду, но того впередъ не должно быть. Въ самомъ дѣлѣ обращеніе князя съ Новгородомъ и Новгорода съ княземъ въ это время носитъ признаки равенства. Ярославъ, говоря съ новгородцами, выражался о князьяхъ такъ: «Братія мои и ваши». Въ 1269 году Новгородъ не поладилъ съ княземъ за то, что онъ употреблялъ во зло право охоты около города, держалъ много ястребовъ, соколовъ и собакъ, выводилъ изъ города иноземцевъ и дѣлалъ поборы:—вѣче судило его и изгнало. Напрасно Ярославъ хотѣлъ примириться съ вѣчемъ и присылалъ сына своего Святослава.—«Простите мнѣ этотъ разъ,—говорилъ онъ черезъ сына:—впередъ не буду такъ поступать; цѣлую крестъ на всей волѣ вашей». Новгородцы закричали:—«Мы не хотимъ тебя! Ступай отъ насъ добромъ, а не то прогонимъ тебя, хоть тебѣ и не хочется идти отъ насъ [1])!». Изгнанникъ обратился къ татарамъ, и одинъ измѣнникъ новгородскаго дѣла хлопоталъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ навесть на Новгородъ иноплеменную силу. Князь Василій Ярославичъ защитилъ тогда Новгородъ передъ ханомъ. Когда Ярославу не удалось овладѣть Новгородомъ съ помощью татаръ, онъ прибылъ въ Русу, въ 1270 г., и началъ переговариваться съ новгородцами: предложилъ миръ, уступалъ Новгороду во всемъ, представлялъ за себя порукою всѣхъ князей. Новгородцы не сдавались на его слова: Новгородъ начиналъ сознавать, что онъ можетъ оставаться безъ князя; одинъ изъ пословъ новгородскихъ, Лазарь Моисеевичъ, сказалъ Ярославу: «У насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда, и святая Софія; а тебя не хочемъ [2])». Вся новгородская волость, псковичи,

---

[1]) Никоновск. III. 50.

[2]) Новгор. Лѣт. I, 62.

Digitized by Google

ладожане, корелы, ижора, вожане, отъ мала до велика собрались оборонять права Великаго Новгорода. Насилу примирилъ споривши стороны митрополитъ. «Мнѣ,—говорилъ онъ,—поручилъ Богъ архіепископство въ Русской Землѣ; вамъ слушать Бога и меня; не проливайте крови, а Ярославъ своей злобы отрекается. Всякой винѣ и всякому грѣху есть покаяніе и прощеніе. Ярославъ кается и проситъ прощенія и впередъ не будетъ такимъ, какъ былъ. Я ручаюсь за него; хоть вы и крестъ противъ него цѣловали,—я приму епитимію и отвѣчаю предъ Богомъ». Тогда новгородцы согласились на миръ и Ярославъ цѣловалъ крестъ на всей волѣ новгородской. Такимъ образомъ, оставаясь великимъ княземъ, онъ удерживалъ княжескую власть въ Новгородѣ; но такъ какъ онъ не жилъ тамъ постоянно, то имѣлъ вмѣсто себя намѣстника на Городищѣ, и съ этихъ поръ началъ входить обычай, сдѣлавшійся впослѣдствіи какъ бы постояннымъ закономъ, что отъ князя великаго, считавшагося дѣйствительнымъ новгородскимъ, живетъ на Городищѣ его намѣстникъ. Между тѣмъ, тогда же вошло въ обычай, кромѣ великаго князя, имѣть въ Новгородѣ еще князей, которые приходили по условію, получали отъ новгородцевъ въ кормленье волости и предводительствовали новгородскими войсками, но не были посажены на столѣ и не считались князьями въ томъ смыслѣ, какъ прежде. Уже при Ярославѣ является такой князь, Юрій Александровичъ; онъ жилъ въ Новгородѣ, воевалъ подъ новгородскимъ знаменемъ, а княземъ новгородскимъ считался Ярославъ. Порабощеніе татарское возвышало значеніе великаго князя, мало-по-малу сообщало ему значеніе государя всей Русской Земли, и низводило князей съ прежняго значенія по ихъ породѣ. Впослѣдствіи, такихъ прихожихъ случайныхъ князей, помимо великаго князя, являлось въ Новгородѣ по нѣскольку разомъ: они и

Digitized by Google

приходили и уходили безъ значенія правителей, какъ частные люди.

Послѣ смерти Ярослава, въ 1272 году, возникъ споръ между Василіемъ Ярославичемъ костромскимъ и Димитріемъ Александровичемъ переяславскимъ за великое княженіе, и Новгородъ подвергался борьбѣ партій, не зная, кого принять, какъ нѣкогда во время борьбы Мономаховичей и Ольговичей; только теперь подобные споры улаживались скорѣе ханскими приговорами, и Новгородъ призналъ Василія, потому что онъ сдѣланъ въ Ордѣ великимъ княземъ. Этотъ князь хотѣлъ во что бы то ни стало быть княземъ въ Новгородѣ; новгородцы сначала сопротивлялись и послали Димитрія Александровича противъ него въ Торжокъ, который Василій захватилъ. Но когда потомъ сообразили, что сопротивляться трудно, когда на сторонѣ Василія татары, то отступились отъ Димитрія. «Отвсюду намъ горе,— говорили тогда новгородцы:—тутъ князь владимирскій великій, тутъ князь тверской, а тутъ ханскіе баскаки съ войскомъ татарскимъ» [1]). Новгородцы сами послали челобитье къ Василію, просить его въ Новгородъ. Онъ пріѣхалъ и былъ принятъ съ поклономъ и честію. Точно также и послѣ смерти его, въ 1276 году, въ эпоху распрей между братьями, сыновьями Александра, Димитріемъ и Андреемъ, Новгородъ склонялся на сторону того, кто дѣлался великимъ княземъ. Сначала признанъ былъ Димитрій; потомъ, когда Андрей навелъ татаръ и началъ добывать себѣ княженіе варварскимъ разоренiемъ Суздальско-Ростовскаго края и верхняго Поволжья, новгородцы, видя, что онъ беретъ верхъ, отступились отъ Димитрія, на котораго уже имѣли неудовольствіе, и признали Андрея. Но, въ 1283 году, Димитрій воспользовался междоусобіями въ Ордѣ, и нашелъ себѣ сильнаго союзника въ Ногаѣ, который распоряжался

[1]) Никон. Л. III, 57.

Digitized by Google

тогда ханами Золотой-Орды, и новгородцы должны были снова признать Димитрія; а въ 1293 году, Андрей, въ свою очередь, склонилъ на свою сторону того же самаго Ногая,— и новгородцы признали Андрея. Не видя у себя постояннаго князя, Новгородъ привыкъ къ управленію безъ князя и могъ безъ него обходиться, а признавалъ его уже какъ бы по необходимости; такъ что князь для Новгорода пересталъ имѣть значеніе свободно-избраннаго правителя—необходимое выраженіе существеннаго учрежденія,—а сталъ уже какимъ-то внѣшнимъ бременемъ, тяготѣющимъ надъ Новгородскимъ краемъ.

Въ Новгородѣ не ослаблялось чувство единства народнаго съ другими землями; голосъ Церкви напоминалъ новгородцамъ о духовномъ братствѣ съ русскимъ міромъ, и кромѣ того внѣдрялъ въ умы монархическія понятія, препятствовавшія новгородцамъ совершенно отрѣшиться отъ идеи имѣть надъ собою одно верховное лицо; необходимость торговыхъ сношеній съ остальною Русью, которыя прекращались въ случаѣ вражды, страхъ за свои Двинскія волости, къ которымъ подбирались великіе князья, и наконецъ страхъ татаръ, съ помощію которыхъ князья могли бы искать власти надъ отпавшимъ Новгородомъ,— всѣ эти обстоятельства разомъ не дозволяли Новгороду дать перевѣсъ своей областной самостоятельности предъ федеративною связью съ остальною Русью, и потому Новгородъ признавалъ сильнѣйшаго. Въ Новгородѣ была борьба двоевластія: съ одной стороны, народоправленіе, выражавшееся формою вѣча, сознаніе государственной цѣльности Новгородской Земли; съ другой — великій князь; признавалась его власть, а между тѣмъ принимались всевозможнѣйшія мѣры, чтобъ эту власть ограничить и допустить ей какъ можно меньше вмѣшательства въ дѣла республики. Свободное избраніе не руководило болѣе новгородцами, какъ прежде: тотъ, кого утверждали татары, становился

Digitized by Google

по праву верховнымъ главою Новгорода. Выборъ между нѣсколькими лицами могъ имѣть мѣсто тогда только, когда неизвѣстно было, кого утвердятъ въ Ордѣ, или когда нельзя было сразу понять, кого утвердили; но какъ скоро становилось ясно, что княземъ нареченъ такой-то, рѣчи о выборѣ не было—утвержденный признавался. Прежніе выборные князья выражали собою внутреннюю институцію Великаго Новгорода, были высшими сановниками въ управленіи края; теперь же великій князь сталъ какъ-бы чужеземнымъ государемъ, пріобрѣтавшимъ какое-то право на Новгородъ. Великій Новгородъ былъ очевидно въ положеніи страны полузавоеванной, которая не утратила вовсе независимости, но достаточно испытала могущество завоевателей. Оно такъ и было. Остальная Русь была завоевана, — сдѣлалась собственностью побѣдителей. Татарскіе ханы были ея безусловными господами, а великіе князья ихъ довѣренными, — такъ-сказать господскими приказчиками. Новгородъ до татаръ составлялъ часть завоеванной ими удѣльной федераціи. Хотя самъ Новгородъ съ своей областью и не былъ завоеванъ, но связанный древними узами съ завоеванными землями, долженъ былъ или оторваться отъ этой связи, или подчиниться до нѣкоторой степени участи тѣхъ странъ, съ которыми прежде составлялъ одинъ союзъ. Чтобы оторваться отъ нихъ совершенно, онъ не имѣлъ ни нравственныхъ задатковъ, ни физической силы, и такъ, ему скорѣе приходилось подчиниться одной съ ними участи. Но чтобъ раздѣлять эту участь во всѣхъ отношеніяхъ наравнѣ съ другими землями, надобно потерпѣть наравнѣ съ ними одинаковое завоеваніе. Новгородъ имѣлъ то преимущество, что, какъ мы сказали, не былъ завоеванъ, и потому завоеватели не могли положить на него тѣхъ условій, какимъ подчинились другія земли. Но если Новгородъ не былъ завоеванъ, то всегда могъ быть завоеваннымъ, какъ только побѣдители рѣшатся для этого

Digitized by Google

на усилія. Новгородъ зналъ это и опасался вызывать противъ себя усилія завоевательнаго могущества. Отъ этого онъ не достигъ полной отдѣльной независимости, но сохранилъ стихіи областной самостоятельности гораздо болѣе, чѣмъ другія земли. Этому способствовало и то, что Новгородъ, предъ татарскимъ завоеваніемъ, поставленъ былъ эпохою Мстислава Удало́го въ выгодное положеніе нравственной силы и значенія. Чтобъ удержать священныя для него стихіи старины, Новгородъ долженъ былъ по-неволѣ извиливаться и приставать къ сильнѣйшему, чтобы не навлечь на себя страшной бури, которая бы могла въ конецъ сломить его свободу. Его подчиненность состояла въ томъ, что онъ учавствовалъ въ платежѣ татарской дани и признавалъ верховную власть того, кто былъ великимъ княземъ, то есть посредника между татарами и Русью, довѣреннаго татарскихъ хановъ, и въ то же время безпрестанно долженъ былъ защищать свои права отъ ихъ притязаній. При такомъ порядкѣ вещей, очевидно, Новгородъ долженъ былъ долго стоять почти въ одномъ положеніи въ своемъ политическомъ развитіи, пока приказчики не успѣли уничтожить своихъ хозяевъ и въ свою очередь не сдѣлались хозяевами.

Съ 1304 года возникла вражда между тверскимъ и московскимъ князьями, и Новгородъ, въ продолженіи этой вражды, склонялся на сторону того, кто выигрывалъ передъ ханомъ; а какъ выигрышъ оставался на сторонѣ московской, то это и привязало Новгородъ къ московскимъ князьямъ, и повело впослѣдствіи къ уничтоженію его областной самостоятельности и древней вѣчевой свободы. Когда, въ 1305 году, тверской князь Михаилъ Ярославичъ былъ великимъ княземъ, Новгородъ призналъ надъ собою его первенство; живучи въ Твери, онъ считался и новгородскимъ княземъ [1]); когда же, въ 1312 году, воз-

[1]) Нѣсколько договорныхъ грамотъ съ ними показываютъ, что

Digitized by Google

никло снова неудовольствіе съ Новгородомъ, онъ легко принудилъ Новгородъ къ миру, занявъ Торжокъ и прекративъ ввозъ хлѣба въ Новгородъ, безъ чего Новгородскій край не могъ существовать. Новгородцы помирились съ Михаиломъ; но потомъ увидѣли, что Юрій московскій беретъ верхъ надъ Михаиломъ у хана, и тотчасъ выгнали Михаиловыхъ намѣстниковъ, и приняли отъ Юрія намѣстниками двухъ его братьевъ — Ѳедора и Аѳанасія. Имъ на этотъ разъ пришлось ошибиться. Михаилъ тверской вошелъ въ милость у хана, и въ 1315 г. собрался съ татарами наказывать новгородцевъ. Новгородъ, слѣдуя уклончивой политикѣ и готовый признать надъ собою какого угодно великаго князя, лишь бы ему оставляли то, чѣмъ онъ дорожилъ, — приходилъ къ энергической рѣши-

---

отношенія къ великимъ князьямъ составляли рядъ столкновеній, которыя нелегко было уладить. Такъ, напримѣръ, новгородцы жаловались на то, что тверской князь и бояре покупали въ новгородской области села и заводили слободы, и тѣмъ самымъ вмѣшивались во внутреннее управленіе новгородскихъ волостей; ибо эти села тогда принадлежали не Новгороду и не новгородцамъ, а владѣльцамъ, выходившимъ изъ новгородскаго управленія. Сверхъ того, поставленные намѣстники навлекали на себя жалобы Великаго Новгорода. Одинъ изъ нихъ, которому порученъ былъ Псковъ, Ѳедоръ Михайловичъ, убѣжалъ отъ непріятеля и сверхъ того самовольно бралъ поборы по новгородскимъ селамъ. Новгородъ требовалъ его удалить. Другой, Борисъ Константиновичъ, которому была поручена Корела, такъ дурно управлялъ ею, что разогналъ жителей, и сверхъ того пріобрѣталъ имѣнія въ новгородской волости. Новгородцы требовали, вмѣстѣ съ его удаленіемъ, возврата купленныхъ имѣній, предлагая впрочемъ ему ту сумму, какую онъ заплатилъ. Это показываетъ, какъ важна была подобная покупка имѣній и какъ боялись ея новгородцы (Собран. Госуд. Грамотъ, томъ I, стр. 14). Понятно, что въ отношеніяхъ къ великокняжеской власти, — выражалась ли она непосредственно самимъ княземъ, или посредствомъ его намѣстниковъ, — для Новгорода было что-то очень тягостное, отъ чего новгородцы хотѣли всѣми силами обезопаситься, не имѣя средствъ избавиться вовсе.

Digitized by Google

мости, когда посягали отнять у него то, послѣ чего терять было нечего. Сначала онъ удалилъ отъ себя князей; заключили миръ; но Михаилъ противъ договора задержалъ въ плѣну князя Аѳанасія и новгородскихъ бояръ, началъ брать контрибуцію съ новоторожцевъ, и потомъ двинулся на Новгородъ съ русскими и съ татарскими войсками. Тогда вольный городъ энергически рѣшился обороняться. Собрались за-одно съ Новгородомъ его пригороды: Ладога, Руса; и Псковъ сталъ за него. Въ 1316 г., зимою, Михаилъ пошелъ на Новгородъ съ своими и съ татарами. Не мужество людское, а географическое положеніе спасло на этотъ разъ новгородскую свободу. Войско Михаила заблудилось въ лѣсахъ и болотахъ. Пришлось имъ ѣсть конскую падаль, да жевать голенища и ремни [1]). Михаилъ отступилъ, но послѣ первой неудачи готовилъ новыя силы; новгородцы предлагали миръ; тверской князь слышать о немъ не хотѣлъ. Но тутъ Юрій московскій женился на татарской княжнѣ, сестрѣ ханской, и въ 1318 г. шелъ на тверского князя—съ нимъ были данныя ханомъ татарскія силы, подъ начальствомъ Кавгадыя. Тогда Михаилъ помирился съ новгородцами: послѣдніе заключили съ нимъ договоръ, потому что не знали еще объ успѣхахъ Юрія въ Ордѣ. Юрій напалъ на Михаила подъ Тверью, былъ разбитъ имъ и потерялъ свою молодую жену, которая взята была въ плѣнъ и умерла, а самъ бѣжалъ въ Новгородъ: тамъ приняли его съ радостію и стали помогать ему усердно. Псковъ сталъ также за него. Хотя Юрій былъ разбитъ, но можно было предвидѣть, что въ концѣ концовъ не онъ останется въ проигрышѣ послѣ родства съ ханомъ. Такъ и случилось. Михаилъ былъ позванъ въ Орду и тамъ въ 1319 г. казненъ по подозрѣнію въ убійствѣ ханской сестры, жены Юрія. Самъ Юрій сдѣ-

[1]) Ник. Л. III. 111.

Digitized by Google

лался великимъ княземъ, и остался въ хорошихъ отношеніяхъ съ новгородцами [1]). Даже и тогда, когда въ 1323 году сынъ Михаила, Димитрій, заплативъ въ Ордѣ выходъ, получилъ великое княженіе, новгородцы остались вѣрны Юрію. Татары двоили между тверскимъ и московскимъ князьями; новгородцы не знали еще, кто одержитъ верхъ, но, руководствуясь своего рода инстинктомъ, считали сильнѣйшимъ Юрія. Опасаясь тверского князя, который не только опирался на татаръ, но искалъ союза съ Литвою, новгородцы заключили оборонительный союзъ съ Орденомъ [2]). Два года (1323-й и 1324-й) Юрій находился въ Новгородѣ, служилъ ему усердно на войнѣ, окончилъ выгодно дѣло со шведами, упрочилъ новгородскую власть въ Заволочьѣ и отправился въ Орду воротить себѣ великое княженіе; тамъ былъ онъ убитъ Димитріемъ тверскимъ, мстителемъ за отца своего. Тѣмъ не менѣе, въ 1325-мъ году, великое княженіе досталось брату Димитрія, тверскому князю Александру Михайловичу. Новгороду это не могло не быть опасно; и Новгородъ сталъ тогда сближаться съ возраставшею Литовскою державою, чтобъ имѣть опору противъ притязаній великокняжеской власти, попавшейся въ руки непріязненной фамиліи: литовскіе князьки являлись въ Новгородъ [3]). Но на счастье его, въ 1327 году, въ Твери вспыхнуло возстаніе противъ татаръ: тверичи перебили недобрыхъ гостей. Московскій князь Иванъ Даниловичъ воспользовался этимъ, и выхлопоталъ себѣ великое княженіе. Александръ, преслѣдуемый сильнымъ соперникомъ и татарами, бѣжалъ во Псковъ. Новгородцы не показали тѣни сочувствія къ изгнаннику, а способствовали успѣхамъ Ивана Даниловича. Когда по-

---

[1]) Н. I, 72; Соф. Л. I, 206—207; Ник. Л. III, 110—115.

[2]) Bunge, II. Heft. 2. 142.

[3]) Новг. Л. I. 74.

Digitized by Google

слѣдній въ 1328 году поѣхалъ въ Орду, Новгородъ отправилъ съ нимъ своихъ пословъ ходатайствовать за него передъ ханомъ. Эти послы повезли новгородское серебро для раздачи татарскимъ вельможамъ, чтобъ купить на него великое княженіе московскому князю. Утвердившись въ своемъ достоинствѣ съ помощію Новгорода, Иванъ Даниловичъ пріѣхалъ туда въ сопровожденіи подручныхъ князей, вмѣстѣ съ митрополитомъ Ѳеогностомъ, который изъ Новгорода посылалъ на псковичей проклятіе за участіе къ гонимому Александру. Новгородъ вмѣстѣ съ московскимъ княземъ преслѣдовалъ изгнанника.

Съ этихъ поръ, до самаго паденія своей областной независимости, Новгородъ признавалъ надъ собою великокняжеское первенство московскихъ князей, получавшихъ это достоинство одинъ за другимъ отъ хановъ. Московскіе князья возвышались при содѣйствіи Новгорода; съ ихъ возвышеніемъ падалъ удѣльный порядокъ; и Новгородъ, вмѣсто благодарности, скоро долженъ былъ отстаивать свою свободу отъ ихъ притязаній.

Едва только Иванъ Даниловичъ утвердился на великомъ княженіи, какъ тотчасъ же возникло у него неудовольствіе съ Новгородомъ. Онъ потребовалъ серебра закамскаго, — дани, собираемой Новгородомъ съ Закамской Земли. Новгородцы отказали; Иванъ Даниловичъ захватилъ Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ. Въ Новгородѣ вѣче раздѣлилось на двѣ партіи; одна склонялась къ миру и уступкамъ великому князю; другая готова была искать въ возраставшей Литовской державѣ опоры противъ самовластія московскаго князя, такъ не признательно забывавшаго недавнее содѣйствіе къ своему возвышенію. Новгородъ очутился уже между двухъ государственныхъ стремленій у сосѣдей. Въ 1331 году, когда владыка Василій ѣздилъ на Волынь поставляться въ свой санъ отъ митрополита Ѳеогноста, Гедиминъ, покровитель князя Але-

Digitized by Google

ксандра тверскаго, нашедшаго пріютъ во Псковѣ, въ угодность псковичамъ, которые тогда домогались себѣ особаго владыки, задержалъ новгородскаго владыку и не иначе его отпустилъ, какъ получивъ отъ провожавшихъ его новгородскихъ бояръ обѣщаніе принять въ Новгородъ на кормленіе одного изъ сыновей его, Наримунта. Такъ разсказываютъ нѣкоторые лѣтописцы [1]). Послѣ того, упорство Ивана Даниловича расположило Новгородъ къ тому, чтобъ угодить Гедимину. Въ 1332 году, зимою, Иванъ Даниловичъ усѣлся въ Торжкѣ и поживлялся съ новгородскихъ волостей. Новгородъ послалъ къ нему архимандрита Лаврентія съ двумя боярами: они звали князя въ Новгородъ; князь не поѣхалъ. Новгородцы еще разъ попытались заключить мировую: самъ владыка поѣхалъ къ Ивану, который оставилъ Торжокъ и находился тогда въ Переяславлѣ. Владыка и сопровождавшіе его бояре отъ имени Великаго Новгорода предлагали ему пять сотъ рублей, съ тѣмъ, чтобъ онъ отказался отъ захваченныхъ на Новгородской Землѣ слободъ. Иванъ ихъ не послушался. Тогда негодованіе противъ московскаго князя овладѣло сильно Новгородомъ. Призванъ былъ Наримунтъ-Глѣбъ, Гедиминовъ сынъ, въ октябрѣ 1333 года. Его посадили на столѣ Ярославовомъ, какъ нѣкогда сажали выбранныхъ князей. Весь Новгородъ присягалъ ему, какъ одинъ человѣкъ. Это событіе воскресило въ новгородской памяти былыя времена предковъ. Новоизбранному князю дали въ кормленье, въ отчину и дѣдину, и съ правомъ это кормленье передать потомкамъ, Ладогу, Орѣховскій городъ, Корельскій городъ съ Корельскою Землею, и половину Копорья. По смыслу нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, эта отдача пригородовъ была невольная, вслѣдствіе вынужденнаго Гедиминомъ согласія въ то время, когда онъ задержалъ

[1]) Новг. Л. IV, 52; П. С. Л. т. VII, 203.

Digitized by Google

владыку. Новгородская Лѣтопись [1]), напротивъ, говоритъ, что Наримунтъ прислалъ въ Новгородъ посольство, изъявлялъ желаніе поклониться св. Софіи, и новгородцы по этому поводу пригласили его. Очень можетъ быть, что сначала новгородцы, ѣхавшіе съ владыкою, по-неволѣ согласились, сообразно желанію Гедимина, на такой пріемъ его сына, а впослѣдствіи, когда Иванъ Даниловичъ началъ тѣснить Новгородъ, съ охотою приняли литовскаго князя, находя въ союзѣ съ Литвою опору противъ Москвы и самой Орды.

Но князь Наримунтъ-Глѣбъ не имѣлъ на столько ни энергіи, ни достоинства, чтобы привязать къ себѣ Новгородъ; а велико-русская партія ожила снова, какъ только оказалось, что призванный князь не удовлетворялъ народнымъ ожиданіямъ. На слѣдующій годъ, узнавши, что Иванъ Даниловичъ, ѣздившій тогда въ Орду, воротился, Новгородъ послалъ къ нему посломъ Варѳоломея Юрьевича; на этотъ разъ Иванъ принялъ посольство съ любовью и прибылъ по приглашенію новгородцевъ въ Новгородъ на столъ, февраля 16-го 1335 года. Тогда ли удалился Наримунтъ, или же оставался въ Новгородской Землѣ, и если оставался, то какой роли держался—неизвѣстно. Но тотчасъ послѣ посѣщенія Иваномъ Новгорода, произошли набѣги литовцевъ на новгородскую волость. Иванъ Даниловичъ отражалъ эти набѣги въ качествѣ охранителя Новгородской Земли. Могли быть эти набѣги дѣломъ своевольныхъ литовцевъ, но могла быть эта рать и отправлена Гедиминомъ въ отмщеніе за то, что Новгородъ опять поладилъ съ Москвою. Скоро, однако, именно въ 1337 году, московскій князь опять поссорился съ Новгородомъ и послалъ рать свою въ Заволочье. Ему хотѣлось получить дань изъ-за Камы. Наримунта-Глѣба не

[1]) Новг. Л. I, 77.

Digitized by Google

было въ Новгородской Землѣ. Новгородцы звали его изъ Литвы, какъ своего кормленника; но, видно, ему не понравился ни новгородскій хлѣбъ, ни новгородское обращеніе, — онъ не поѣхалъ снова въ Новгородъ и вызвалъ сына своего, Александра, изъ Орѣшка, гдѣ онъ сидѣлъ вмѣсто отца, на стражѣ края отъ шведовъ. Вѣроятно, недавнее мирное сношеніе съ московскимъ княземъ оскорбило литвина; онъ уже не довѣрялъ договорамъ съ Новгородомъ. Новгородцы раздѣлались безъ его помощи—разбили и прогнали москвитянъ изъ Заволочья.

Ссора съ московскимъ княземъ не прекратилась. Въ 1339 году новгородцы привезли ему обыкновенный ханскій выходъ; московскій князь потребовалъ отъ Новгорода двойного выхода, т.-е. двойной дани, ссылаясь на запросъ царя Узбека. «Изначала — отвѣчалъ ему Великій Новгородъ,—не бывало того: по старой пошлинѣ новгородской и по грамотамъ прадѣда твоего, Ярослава Володимировича». Иванъ вывелъ намѣстниковъ своихъ съ Городища и объявилъ войну. Но смерть постигла его въ 1340 году.

Когда, послѣ смерти его, нѣсколько князей явились соискателями великокняжескаго достоинства, Новгородъ не мѣшался въ эти споры, и князь Симеонъ Ивановичъ получилъ это достоинство безъ содѣйствія новгородцевъ. Тотчасъ началъ онъ зацѣплять новгородскую вольность и, воспользовавшись тѣмъ, что въ Торжкѣ была партія, противная зависимости Торжка отъ Новгорода, онъ занялъ торжковскую волость, и послалъ собирать съ черныхъ людей дань.

Новгородцы послали туда войско, перехватили присланныхъ Симеономъ черноборцевъ, то есть, собирателей дани, и великокняжескаго намѣстника. Но народъ въ Торжкѣ и торжковской волости былъ нерасположенъ къ новгородскому правленію и страшился разореній, которыя онъ по-

Digitized by Google

несъ бы отъ московскихъ войскъ, если бы держался Новгорода; чернь взбунтовалась, разграбила и прогнала своихъ бояръ, преданныхъ Новгороду. Та же участь постигла и новгородцевъ, временно проживавшихъ въ Торжкѣ. Народъ расположенъ былъ лучше покориться великому князю и платить ему дань, чѣмъ подвергать свои головы мщенію. Симеонъ, пользуясь этимъ, явился въ Торжокъ съ полками Московской Земли, тверскихъ, и суздальскихъ, и разныхъ князей. Подъ опекою хановъ, Москва уже становилась центромъ русскаго міра; ея князь въ первый разъ писался великимъ княземъ всея Руси, и другіе князья поневолѣ должны были идти съ московскими полками на Новгородъ.

Новгородъ отправилъ къ нему владыку Василія, тысячскаго Авраама съ нѣкоторыми изъ своихъ бояръ, чтобъ уладить споръ, а между тѣмъ приготовлялся къ отпору. Но трудно было ему охранять свои права надъ Торжкомъ, когда туземные жители, зная, что до Новгорода отъ Москвы далеко, а къ нимъ близко, давали сами все потребное для москвичей. Новгородскіе послы примирились съ великимъ княземъ и порѣшили дать ему тысячу рублей съ новоторжской области и черный боръ по Новгородской Землѣ [1]). Во всемъ прочемъ положено оставаться на прежнихъ основаніяхъ, и Симеонъ оставлялъ представителями своей верховной власти своихъ намѣстниковъ на Городищѣ.

Въ 1346 году, зимою, самъ Симеонъ посѣтилъ Новгородъ и пробылъ въ немъ три недѣли. Неизвѣстно, что собственно составляло причину этого посѣщенія; но вслѣдъ затѣмъ, лѣтомъ, Новгородъ поссорился съ великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ. По сказанію нашихъ лѣтописей [2]), Ольгердъ съ братомъ своимъ Кестутомъ явился

---

[1]) Ник. Л. IV, 173.

[2]) Новг. Л. I, 83.—Никоновск. т. III. 183.

Digitized by Google

въ новгородскихъ предѣлахъ на устьѣ рѣки Шпаги, впадающей въ Шелонь и послалъ сказать новгородцамъ:—«Я хочу съ вами раздѣлаться: меня лаялъ вашъ посадникъ Евстафій Дворянинцевъ: назвалъ меня псомъ!» Послѣ этого объявленія, Ольгердъ разослалъ свои отряды разорять новгородскія волости по рѣкѣ Шелони и Лугѣ. Нѣсколько мѣстъ разорили литовцы; съ Порхова Ольгердъ взялъ окупу 300 новгородскихъ рублей. Новгородцы ополченіемъ вышли-было противъ него на Лугу, но безъ битвы повернули назадъ и, прибѣжавши въ Новгородъ, ударили въ вѣчевой колоколъ и призвали на судъ Евстафія Дворянинцева.—«Ты надѣлалъ войны!—кричали ему:—ты лаялъ короля, а черезъ тебя теперь взяли волости наши!». Его убили на вѣчѣ. Это было опрометчивое и самовольное дѣло толпы, прибѣжавшей изъ Луги. Имъ показалось гораздо справедливѣе пожертвовать тѣмъ, кого обвинялъ Ольгердъ, чѣмъ за его неосторожность жертвовать своею жизнію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только дали знать Ольгерду, что тотъ, кто оскорбилъ его дерзкимъ словомъ, уже казненъ, Ольгердъ выступилъ изъ новгородскихъ предѣловъ. Очень можетъ быть, что этотъ походъ соотносится съ дѣломъ брата Ольгердова, Явнуты. Явнута посаженъ былъ отцомъ Гедиминомъ въ Вильнѣ. Ольгердъ съ братомъ Кестутомъ прогналъ его, прогнавши разомъ и Наримунта изъ Пинска. Наримунтъ бѣжалъ въ Орду; Явнута — въ Смоленскъ, а потомъ въ Москву, гдѣ крестился. Очень можетъ быть, что, во время пребыванія Симеона въ Новгородѣ, новгородскій посадникъ выразился такъ дурно объ Ольгердѣ отъ участія къ Явнутѣ, и Ольгердъ своимъ походомъ заранѣе хотѣлъ отбить у новгородцевъ всякую попытку содѣйствовать его изгнанному брату.

По смерти Симеона, въ 1353 году, новгородцы, испытавъ уже на себѣ невыгоду допускать велико-княжеское достоинство оставаться въ рукахъ московскаго князя, хло-

Digitized by Google

потали съ своей стороны въ Ордѣ, чтобы это достоинство дано было на этотъ разъ не московскому, а суздальскому князю. Но татарскій дворъ теперь не послушалъ ихъ и назначилъ великимъ княземъ снова московскаго князя, брата Симеонова, Іоанна. Съ 1353 года, новгородцы находились съ нимъ въ разладѣ полтора года [1]), и послѣ, какъ видно, до самой его смерти въ 1360 г., не подчинялись его власти. Послѣ него, въ 1361 году, они признали Димитрія Константиновича суздальскаго, когда тотъ получилъ великое княженіе, приняли его намѣстниковъ и дали ему судъ, то есть, судныя пошлины.

Когда, послѣ ссоры съ Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ, суздальскій князь уступилъ послѣднему великокняжеское достоинство, Новгородъ, питая уже недовѣріе и непріязнь къ Москвѣ, сопротивлялся и Димитрію. Въ 1366 году Димитрій хотѣлъ смирять новгородцевъ оружіемъ; онъ изъявилъ притязаніе и зато, что новгородская молодежь грабила купцовъ по Волгѣ, и задержалъ шедшаго съ Двины новгородца Василія Даниловича съ сыномъ и Прокофья Кіева [2]). Однако обстоятельства заставили новгородцевъ и московскаго князя сблизиться между собою на время. Обоимъ угрожали два сильные врага: литовскій князь Ольгердъ и князь тверской, Ольгердовъ родственникъ. Новгородъ заключилъ оборонительный союзъ съ московскимъ великимъ княземъ. Обѣ стороны обязались помогать другъ другу. Еще прежде Новгородъ и Тверь находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Преданія укрѣпляли эту непріязнь. Выше было показано, какъ Новгородъ былъ недружелюбенъ къ прежнимъ тверскимъ князьямъ: вражда съ ними и сблизила его первоначально съ Москвою. Теперь между Тверью и Новгородомъ возникли поземель-

---

[1]) Новг. Л. I, 86.

[2]) Новг. Л. IV, 66; Новг. Л. I, 88.

Digitized by Google

ные споры. Нѣкоторые землевладѣльцы новгородской волости продавали свои имѣнія тверичамъ. Тверской князь, считая себя господиномъ надъ тверскими боярами, показывалъ притязанія и на самыя земли, которыя были куплены этими боярами въ чертѣ новгородской волости. Новгородъ же почиталъ эти земли неприкосновенною своею собственностью. Къ этому присоединился споръ за Торжокъ [1]). Призвавши на помощь Кестута съ литовскими полками, Михаилъ занялъ Торжокъ съ прилежащею волостью и посадилъ въ Торжкѣ своихъ намѣстниковъ. Устроивши свое управленіе въ завоеванной землѣ, тверской князь отпустилъ союзниковъ и вывелъ свои ратныя силы изъ торжковскаго края. Тогда новгородскіе бояре пріѣхали въ Торжокъ и составили съ новоторжцами думу. Новоторжцы цѣловали крестъ не отступать отъ Великаго Новгорода и стоять за-одно противъ тверскаго князя. Михаиловыхъ намѣстниковъ выгнали; тверскихъ гостей, случившихся въ Торжкѣ, ограбили, нѣкоторыхъ убили и принялись дѣятельно укрѣплять городъ,—это случилось передъ заговѣнами на Петровъ постъ, въ 1372 г. Чрезъ нѣсколько дней, мая 31, въ понедѣльникъ, явился Михаилъ Александровичъ подъ Торжкомъ съ тверскимъ ополченіемъ. — «Выдайте мнѣ тѣхъ, которые побили и ограбили моихъ тверичей—требовалъ онъ отъ новоторжцевъ:—да примите вновь моихъ намѣстниковъ; я болѣе ничего отъ васъ не хочу!» Михаилъ далъ имъ срока на думу отъ утра до полудня. Въ Торжкѣ была тогда безладица и мятежъ; но противъ тверского князя на этотъ разъ всѣ были ожесточены равно. Пословъ тверскихъ приняли съ высокоумiемъ, говоритъ лѣтописецъ. И въ тотъ же день бояре новгород-

[1]) Михаилъ тверской претендовалъ на этотъ городъ можетъ быть потому, что предки его владѣли землями, дѣйствительно нѣкогда тянувшимися къ Торжку, какъ, напр., Зубцовымъ, и передали ему по преемничеству.

Digitized by Google

скіе, пріѣхавшіе поддерживать новоторжцевъ, хвастаясь своимъ мужествомъ, первые выѣхали въ поле и другимъ путь показывали; за ними высыпали граждане: на первомъ же суймѣ (схваткѣ) главный воевода Александръ Абакумовичъ палъ костью за святого Спаса и за обиду новгородскую. За нимъ другіе отважные мужи положили головы, а прочіе новгородцы поворотили сейчасъ же назадъ и, не заѣзжая въ Торжокъ, поскакали прямо въ Новгородъ. Новоторжцы потеряли духъ, попятились назадъ; тверичи ударили имъ въ тылъ; въ это время другіе зажгли посадъ съ конца; на бѣду Торжку поднялась буря; пожаръ пошелъ разгуливать по городу съ быстротою; некуда было спасаться новоторжцамъ. Мужчины, женщины, дѣти гибли безвыходно въ пламени; другіе бросились въ церковь св. Спаса и тамъ задохлись; иные кинулись въ Тверцу, а тѣ, которые избѣгли пламени и воды, попадались непріятелю. Тверичи свирѣпствовали безъ милосердія; обирали до-нага и женъ, и дѣвицъ, и чернецовъ, и черницъ: иныя отъ срамоты бросались въ воду. Ограбили и церкви, и все, что въ нихъ было укрыто отъ огня, меча и нашествія иноплеменныхъ. Остатки разореннаго народа погнали въ плѣнъ. Никогда — разсуждаетъ лѣтописецъ — не бывало Торжку такого зла и отъ поганыхъ; наметали тогда пять скудельницъ убитыхъ и сожженныхъ труповъ, а иныхъ нельзя было похоронить, потому что до тла сгорѣли или на дно рѣки пошли, другіе же безъ вѣсти забѣжали [1]).

Разоренная, такимъ образомъ, торжковская область досталась тверскому князю. Это-то насильственное завоеваніе болѣе всего сблизило тогда Новгородъ съ соперникомъ тверского князя — Димитріемъ, и въ 1375-мъ году Новгородъ усердно помогалъ ему противъ Михаила: много подручныхъ князей явилось тогда съ московскимъ великимъ

[1]) Новг. Л. I, 89. IV. 67; Соф. I, 232; Ник. IV, 35.

Digitized by Google

княземъ подъ Тверью, но никакое ополченіе не шло съ такою охотою, какъ новгородское. Новгородцы, — говоритъ современникъ,—пришли *туда скрежаща зубами на Тверичь за свою обиду еже бѣ на нихъ*. Взятые во время войны тверскимъ княземъ въ плѣнъ новгородцы и новоторжцы были засажены въ тюрьму въ Твери. Имъ удалось подкопаться изъ погреба и убѣжать изъ неволи [1]). Они должны были теперь побуждать своихъ единоземцевъ къ мщенію. Дѣятельное участіе Великаго Новгорода болѣе всего побудило Михаила искать мира съ великимъ княземъ. Онъ зналъ, что иначе новгородцы сдѣлаютъ съ Тверью то, что онъ дѣлалъ съ Торжкомъ. Новгородцы заранѣе это показывали, потому что разоряли окрестную страну неистовымъ образомъ. Итакъ тверской князь помирился съ Димитріемъ на всей его волѣ: онъ долженъ былъ помириться также и съ новгородцами на всей ихъ волѣ. Мирное докончанье было подписано 3 сентября [2]). Михаилъ отказался отъ Торжка и всей его волости, обѣщался возвратить Великому Новгороду всѣ земли, купленныя своими подданными, и предоставилъ послѣднимъ вѣдаться судомъ съ тѣми новгородцами, у которыхъ они ихъ купили, а если бы, за давностью времени, уже не нашлось продавцовъ, Новгородъ долженъ былъ покупщикамъ отдать куны за купленныя ими у новгородцевъ имѣнія; но, во всякомъ случаѣ, эти земли отходили къ Великому Новгороду безусловно. Михаилъ обязался отпустить безъ выкупа всѣхъ плѣнниковъ, новгородцевъ и новоторжцевъ, и возвратить товары, захваченные у новгородскихъ гостей до взятія Торжка [3]).

Новгородъ обезсиливалъ такимъ образомъ, вмѣстѣ съ московскими князьями, Тверь, которая стояла ближайшимъ

---

[1]) Ник. Л. IV, 37.
[2]) Новг. IV, 71.
[3]) Собр. Госуд. Гр. I, 22.

Digitized by Google

опоромъ противъ московскаго самовластія; Новгородъ тѣмъ самымъ болѣе и болѣе способствовалъ возвышенію Москвы; и послѣ взаимнаго торжества надъ Тверью, черезъ одиннадцать лѣтъ, онъ испыталъ на себѣ отъ Москвы такую же непріязнь, какую вмѣстѣ съ Москвою оказывалъ Твери. Московскій князь собралъ на Новгородъ еще болѣе ратей подручныхъ князей, чѣмъ на Тверь. Лѣтописецъ говоритъ, что причиною размолвки былъ гнѣвъ московскаго государя на новгородцевъ за то, что, еще во время тверского похода, когда ратная сила новгородская осаждала вмѣстѣ съ москвичами Тверь, новгородскіе молодцы-ушкуйники плавали по Волгѣ и разоряли города. Это былъ только благовидный предлогъ, чтобъ вооружить другія земли противъ Новгорода и возбудить въ нихъ желаніе мести за неправое дѣло. Главное неудовольствіе Димитрія на Новгородъ было за то, что новгородцы не платили ему даней съ самого того времени, какъ онъ вступилъ въ великокняжеское достоинство. Димитрію хотѣлось взять съ Новгорода такъ же, какъ удалось взять его дѣду. Въ особенности же въ то время для Московской Земли нужны были деньги: Москва расплатилась не дешево за Куликовскую побѣду, одержанную надъ татарами въ 1380 году. Черезъ два года, въ 1382 году, Тохтамышъ превратилъ ее въ пепелъ, и татарскіе отряды, разсѣявшись по Московкой и Суздальской Землямъ, опустошали ту и другую; а въ заключеніе всего— разоренныя великокняжескія земли обложены были въ наказанье отъ хана данью съ деревни по полтинѣ [1]). Великому князю казалось справедливымъ, чтобъ и Новгородъ участвовалъ въ раздѣлѣ общей тягости.

Въ 1384 году, Димитрій послалъ сборщиковъ собирать черный боръ по новгородской волости. Главные бояре, завѣдывавшіе этимъ порученіемъ, пріѣхали на Городище и

[1]) Карам. V, прим. 104.

Digitized by Google

разослали по волости сборщиковъ. Новгородскіе бояре, по приговору вѣча, отправились на Городище доказывать прибывшимъ москвичамъ, что Новгородъ не долженъ платить этой дани. Обсужденіе этого вопроса довело тотчасъ же до открытой ссоры, такъ что московскіе бояре убѣжали съ Городища.

Сверхъ того, Димитрій Донской имѣлъ и еще причину досадовать на новгородцевъ: въ 1383 г., новгородцы пригласили къ себѣ на кормленье снова литовскаго князя, Патрикія, Наримунтова сына, и дали ему сначала то же, что нѣкогда было дано его отцу, а потомъ, въ 1384 году, когда жители отданнаго края стали недовольны управленіемъ князя, перемѣнили данный удѣлъ на Ладогу и Русу. Это призваніе князя изъ литовской фамиліи должно было казаться оппозиціею противъ московской власти.

Наконецъ, къ несогласію съ великимъ княземъ присоединилось несогласіе съ митрополитомъ, державшимъ всегда сторону князя той земли, гдѣ жилъ. Новгородъ настаивалъ, чтобъ владыка новгородскій имѣлъ независимость суда и не относился къ митрополиту. Всѣ эти причины вмѣстѣ довели до открытой войны.

Новгородскія молодечества въ послѣдніе годы возбудили злобу противъ Новгорода въ другихъ земляхъ Руси, и легко было подвинуть ихъ на Новгородъ: жители тѣхъ земель, которыя, назадъ тому одиннадцать лѣтъ, посѣщали новгородскіе ушкуйники, были особенно ожесточены; свѣжо еще было горе, понесенное отъ новгородцевъ, а управы искать было негдѣ. Иные, бывшіе прежде предводителями ушкуйническихъ шаекъ, дѣлались современемъ правительственными лицами въ Новгородѣ, да и при всякомъ правительствѣ, власть въ Новгородѣ не была на столько сильна, чтобъ подчинить себѣ личный произволъ. Очень можетъ быть, что и послѣ того времени, когда происходили разбои, которые теперь выставлялись поводомъ къ войнѣ, нов-

Digitized by Google

городскіе молодцы повторяли въ мѣньшемъ размѣрѣ обычныя своевольства, и негодованіе противъ Новгорода такимъ образомъ не ослабѣвало отъ времени, а поддерживалось: потому-то Димитрій, кромѣ полковъ подручныхъ ему городовъ Московской Земли (Можайска, Серпухова, Ржева, Боровска, Дмитровска), подвинулъ ополченія городовъ приволжскихъ, и вообще прирѣчныхъ, открытыхъ со своими землями для новгородскихъ ушкуйниковъ и, слѣдовательно, питавшихъ къ нимъ злобу: Галича, Мологи, Костромы, Городца, Углича, Ярославля, Нижняго-Новгорода, Бѣлозерска, Устюга, Мурома; присланы были полки: изъ Юрьева, Владимира, Суздаля, Ростова, Мещеры и Стародуба. Самые новгородскіе пригороды — Вологда, Бѣжецкій-Верхъ, Волокъ-Ламскій и Торжокъ, пошли противъ своей метрополіи; богатые новоторжцы были за Новгородъ, зато малые стали въ ополченіе великаго князя. Торжсковской и Волоколамской Землямъ выпадало либо идти противъ своего старѣйшины—Новгорода, либо принять на себя военное разореніе за Новгородъ. Видно, управленіе новгородское не такъ было справедливо, чтобъ воодушевить народъ за себя; а положеніе Торжковской Земли на дорогѣ, посреди враждебныхъ странъ, давно уже пріучило ее склоняться къ низовской сторонѣ, какъ только дѣло доходило до войны. Иначе Новгородъ, обыкновенно, не успѣетъ послать туда войско для обороны, прежде чѣмъ враждебные сосѣди успѣютъ выказать свою злобу къ Новгороду опустошеніями торжковскаго края. Такъ-то великій князь воспользовался теперь и старыми, и свѣжими причинами нерасположенія русскихъ земель къ Новгороду, какъ воспользовался давнею враждою Новгорода съ Тверью, чтобы, съ помощью Новгорода, наказать Тверскую Землю, которая упорно противодѣйствовала Москвѣ.

Сосредоточенности управленія въ Новгородѣ было очень мало; нельзя было на-скоро набрать хорошихъ военныхъ

Digitized by Google

силъ, чтобы противостать находившей грозѣ. Новгородъ счелъ удобнѣе отдѣлаться деньгами, зная привычную склонность къ прибытку московскихъ князей. Владыка Алексѣй поѣхалъ къ Димитрію и предложилъ ему отъ Новгорода 8,000 рублей. Великій князь отказалъ. Быть можетъ ему неловко было предъ союзниками, начавъ дѣло, такъ скоро помириться. А можетъ быть онъ хотѣлъ въ наличности денегъ; у Новгорода же ихъ не было. Новгородцы стали готовиться къ оборонѣ; устроили около города острогъ. Призванный ими князь литовской породы оказался плохимъ защитникомъ. Кромѣ его, у Новгорода еще были князья; но ополченіе, выставленное Новгородомъ подъ начальствомъ этихъ князей, вышло за городъ къ протоку Жилотугу на юго-восточную сторону, и услышавъ вѣсть, что союзники близко, ушло назадъ. 10-го января 1386 года пронеслась вѣсть, что враги подходятъ къ Жилотугу. Тутъ пріѣхалъ въ Новгородъ владыка; онъ, возвратился изъ Москвы, извѣщалъ, что великій князь не даетъ мира и сообщилъ, что войско на Новгородъ собрано великое. Новгородцы въ отчаяніи начали сожигать всѣ загородныя строенія; такимъ образомъ, кромѣ боярскихъ и купеческихъ дворовъ, сгорѣло двадцать четыре монастыря [1]). Много было убытковъ Великому Новгороду,—замѣчаетъ лѣтописецъ [2]). Еще болѣе усилился страхъ, когда вокругъ стали являться отряды непріятельскихъ силъ; запылали новгородскія волости; прибѣгали въ городъ поселяне, извѣщали, что враги грабятъ имущество, сожигаютъ жилища, гонятъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Новгородцы послали отряды на вывѣды, а отряды воротились безъ вѣстей; видѣли новгородцы, что враги подлѣ города, и не знали, когда и съ какой стороны думаютъ напасть. Наконецъ,

---

[1]) Соф. I, 241.

[2]) Воскр. Л., П. С. Р. Л. VIII, 50.

Digitized by Google

они досконально узнали, что великій князь стоитъ у Понедѣлья.

Тогда Новгородъ послалъ къ нему архимандрита, по имени Давида, семь поповъ и пять человѣкъ житыхъ людей, съ каждаго городского конца по человѣку. Никоновская Лѣтопись, напротивъ, говоритъ, что посадникъ Якуновичъ отправилъ ко князю владыку, и святитель Алексій наконецъ преклонилъ великаго князя къ миру кроткими словесами, и обѣщалъ отъ лица Великаго Новагорода наказать виновныхъ въ разбояхъ по Волгѣ [1]). На этотъ разъ великій князь согласился на миръ. Новгородъ обязался дать Димитрію восемь тысячъ рублей. Три тысячи рублей наличными взяты были съ палаты св. Софіи а остальные пять тысячъ положено взыскать съ заволочанъ, потому что преимущественно изъ Заволочья ходили молодцы разбойничать на Волгу.

Димитрій долженъ быть согласиться на мировую сдѣлку. Отчаяніе, съ какимъ новгородцы сожгли свои монастыри и загородныя хоромы, показывало, что Новгородъ не уступитъ легко своей свободы, и, доведенный до крайности, будетъ защищаться съ ожесточеніемъ. Время было зимнее и ненастное; снѣгу не было, одна гололедица; пути были дурны; все кругомъ сожжено; не была пріюта для ратныхъ; продовольствія тоже трудно было достать. Отважиться на долговременную осаду казалось невозможнымъ. Итакъ, вотъ другой разъ въ своей исторіи Великій Новгородъ увидалъ подъ своими стѣнами союзные полки русскихъ земель подъ знаменемъ великаго князя. Первый разъ ему помогло чудо Пресвятыя Богородицы; черезъ двѣсти лѣтъ повторилось то же, но не повторилось чудо, — пришлось выгораживать себя земными средствами. Сколько первое событіе могло возвысить народный духъ, на столько послѣднее могло способствовать его упадку.

[1]) Ник. Лѣт. IV, 150.

Digitized by Google

Отдѣлываясь отъ великаго князя московскаго деньгами, Новгородъ долженъ былъ упорно держаться своей старины, чтобъ какъ-нибудь сохранить то, что̀ еще можно было удержать. Зависимость отъ власти великаго князя ограничивалась покамѣстъ только дачею денегъ. Великокняжескіе намѣстники доставляли великому князю пошлины съ судовъ и опредѣленные дары; обязательнаго суда и предводительства они не имѣли. Въ Новгородѣ одни за другими появлялись князья то Рюрикова, то Гедиминова дома; получали по условію кормленье и теряли его по волѣ вѣча. Послѣ Патрикія, не умѣвшаго оборонять Новгорода и потому уѣхавшаго прочь, явился, въ 1389 году, литовскій князь Симеонъ Ольгердовичъ и пробылъ до 1392 года [1]); начальствовалъ новгородскими ополченіями въ распряхъ со Псковомъ и въ войнахъ съ нѣмцами. Были разомъ въ то же время иные князья. Романъ Юрьевичъ нѣсколько разъ появлялся въ Новгородѣ въ разные годы и былъ убитъ при Шелони, въ 1398 году [2]). Въ 1393 году, прибылъ въ Новгородъ бѣлозерскій князь Константинъ [3]). Упоминаются подъ 1399 годомъ бывшіе въ Новгородѣ и во время нашествія Димитрія, Василій и Иванъ Ѳедоровичи, князья, называемые копорскими, потому что имъ Копорье дано было для кормленья [4]). Въ 1397 году смоленскій князь Василій Ивановичъ, а за нимъ, въ томъ же году, послѣ долгой разлуки съ Новгородомъ, Патрикій искалъ тамъ убѣжища [5]). Новгородъ сталъ притономъ разныхъ князей, приходившихъ туда послѣ какихъ-нибудь неудовольствій въ своемъ краѣ. Новгородъ принималъ всѣхъ, давалъ нѣкоторымъ пригороды

[1]) Соф. I, 245.
[2]) Воскр. Л. П. С. Л. VIII, 72.
[3]) Новг. I, 96.
[4]) Соф. Л. I, 246.
[5]) Новг. I, 98.

Digitized by Google

для управленія и кормленья, а они обязывались защищать новгородскіе предѣлы.

При Димитріевомъ преемникѣ, Василіѣ Димитріевичѣ, Великій Новгородъ опять вошелъ въ распри съ великимъ княземъ. Заплативши по необходимости наложенную на него Димитріемъ сумму, Новгородъ не считалъ себя обязаннымъ повторять такіе платежи: то была пеня за совершенныя новгородскими подданными преступленія; такъ это дѣло понимать можно было согласно самому поводу къ войнѣ, объявленному Димитріемъ. Но московскій князь требовалъ чернаго бора, и считалъ взятое Димитріемъ — постояннымъ налогомъ, который Новгородъ долженъ будетъ платить каждому великому князю. Съ этимъ вмѣстѣ Василій Димитріевичъ заступался за своего митрополита, которому новгородцы рѣшительно не хотѣли давать права на святительскій судъ надъ своею Церковью. И отъ того, и отъ другого отрекался Великій Новгородъ. Въ 1393 году началась война. Злополучный Торжокъ, со своею волостью, опять подвергся печальной участи житья-бытья на большой дорогѣ. Москвичи напали на него; въ Торжкѣ по прежнему были двѣ партіи: одна новгородская, стоявшая за принадлежность къ метрополіи, другая, склонная, ради избѣжанія раззоренія, пристать къ Москвѣ. Одинъ изъ представителей послѣдней, по имени Максимъ, былъ убитъ въ городѣ. Великій князь двинулъ сильную рать на Торжокъ. Городъ былъ взятъ; начальниковъ противной партіи привезли въ Москву и тамъ казнили различными казнями. Разомъ занятъ былъ Волокъ-Ламскій: другой отрядъ захватилъ Вологду; третій—Бѣжецкій-Верхъ. Новгородцы съ своей стороны послали войско на востокъ взять города Кличенъ и Устюжну, а другое ополченіе пошло на Двину и, соединившись съ двинскимъ ополченіемъ, напало на Устюгъ. Этотъ богатый торговый городъ, признававшій власть великаго князя, былъ разграбленъ и сожженъ. По-

Digitized by Google

бѣдители набрали много церковнаго богатства и серебра. Разорены были окрестности, которыя тянули къ городу: людей погнали по Двинѣ внизъ. Казалось, новгородцы въ этой войнѣ не оставались въ проигрышѣ; однако, въ томъ же году осенью заключили миръ. Новгородская лѣтопись говоритъ о немъ глухо; но въ лѣтописныхъ редакціяхъ Софійской и Воскресенской говорится, что великій князь отправилъ въ Новгородъ своихъ пословъ, и тѣ взяли съ Новгорода обѣщаніе платить черный боръ, а митрополиту дали новгородцы 350 рублей за благословеніе и крестное цѣлованіе [1]). Событіе это остается неразъясненнымъ, потому что митрополитъ и въ 1395 году находился еще въ спорѣ за свои права.

Въ 1397 году опять возникло размирье. Московское самовластіе брало шагъ за шагомъ верхъ надъ самобытностью русскихъ земель. Уже Нижній-Новгородъ и Суздальская Земля окончательно присоединены были къ Московской державѣ. Всѣми способами подходилъ московскій великій князь, чтобъ подчинить себѣ Великій Новгородъ. Породнившись съ Витовтомъ, великій князь потребовалъ было, чтобъ новгородцы объявили войну крестоносцамъ, съ которыми литовскій великій князь былъ во враждѣ. Великій Новгородъ на своемъ вѣчѣ отвѣчалъ великокняжескому послу: — «Намъ, князь, съ тобою одинъ миръ, а съ великимъ княземъ Витовтомъ другой, а съ нѣмцами иной!» [2]). Но въ тотъ же годъ, когда такой твердый отвѣтъ напомнилъ московскому властителю, что Великій Новгородъ дорожитъ независимостью своихъ дѣйствій, въ Двинской Землѣ устроивался подрывъ цѣльности его волости. Въ этой далекой странѣ, какъ и въ Торжкѣ, существо-

[1]) Новг. Л. I, 96; Соф. I, 245 — 246; Воскр. П. С. Л. т. VIII, 63—64; Никон. IV, 253; Карамз. V, примѣч. 149.

[2]) Княже Василій! съ тобою свой миръ, и съ Витовтомъ инъ, и съ нѣмцами инъ (Новг. Л. IV, 102).

Digitized by Google

вала партія, недовольная новгородскимъ управленіемъ и готовая промѣнять его на великокняжеское. Великій князь воспользовался этимъ и послалъ туда своихъ бояръ, Андрея Албердовича съ товарищами, поджигать двинянъ къ отторженію отъ Новгорода. Нашлись недовольные Новгородомъ двинскіе бояре. Вѣрно, вмѣшательства Новгорода въ дѣла Двинской Земли и обязанность колоній въ отношеніи своей столицы были таковы, что великому князю легко было обѣщаніемъ льготъ склонить ихъ къ переходу на свою сторону. Они искусились. Изъ Уставной Грамоты, данной тогда великимъ княземъ Двинской Землѣ, видно, что онъ предоставлялъ двинянамъ выгоду безпошлинно торговать по всѣмъ подвластнымъ ему землямъ [1]). Въ то же время московскій князь занялъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Вѣжецкій-Верхъ, Вологду, съ ихъ волостями, и посадилъ своихъ намѣстниковъ въ этихъ городахъ. Вездѣ онъ могъ найти благопріятелей, потому что вездѣ кстати давалъ льготы и обѣщанія. Новгородскіе воеводы на Двинѣ—Иванъ и Кононъ [2]), обязанные блюсти колоніи, получили отъ великаго князя себѣ въ собственность новгородскія имѣнія; другіе двинскіе бояре также пріобрѣли для себя земли, отнятыя у преданныхъ Великому Новгороду владѣльцевъ. То же дѣлалось и въ другихъ волостяхъ: отнимали земли у вѣрныхъ и отдавали измѣнникамъ въ награду. Митрополитъ, съ своей стороны, предъявлялъ право верховнаго управленія по церковнымъ дѣламъ и требовалъ новгородскаго владыку къ себѣ на судъ о святительскихъ дѣлахъ. Чтобъ отвратить грозящую бурю, архіепископъ новгородскій Іоаннъ, не раздражая митрополита, отправился къ нему; вмѣстѣ съ нимъ поѣхали отъ Великаго Новгорода выборные послы: Богданъ Абакумо-

[1]) А. Арх. Эксп. I, 9.
[2]) Новг. Л. I. 99.

Digitized by Google

вичъ, Кириллъ Димитріевичъ, съ житыми людьми отъ концовъ. Владыка явился къ великому князю, возложилъ на него святительское благословеніе и говорилъ: «Господине сыну, князь великій! пріими мое благословеніе и доброе слово, и новгородское челобитье: отложи нелюбье свое на вольныхъ мужей твоихъ, новгородцевъ; прими ихъ по старинѣ, дабы при твоемъ княженіи не учинилось между христіанами кровопролитія; отступись отъ Заволочья, Торжка, Волока, Вологды, Бѣжецкаго-Верха, взятыхъ тобою противно крестному цѣлованію; пусть все пойдетъ къ Великому Новгороду по старинѣ; отложи общій судъ на порубежьѣ: это все не по старинѣ».

Великій князь не принялъ ни благословенія, ни просьбъ. Митрополитъ Кипріянъ не хотѣлъ вести дѣла далѣе своихъ церковныхъ нуждъ, и не упорствовалъ во враждѣ къ Новгороду, ради княжескихъ притязаній: онъ благословилъ владыку и пословъ новгородскихъ. Когда владыка воротился домой, и на вѣчѣ извѣстилъ, какъ кончилось его посольство, новгородцы говорили:

«Господине отче, не можемъ терпѣть такого насилія отъ своего князя великаго Василія Димитріевича; онъ отнимаетъ у св. Софіи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину; хотимъ поискать пригородовъ и волостей св. Софіи, своей отчины и дѣдины».

Они всѣ цѣловали крестъ *за одинъ братъ* сопротивляться притязаніямъ великаго князя. Посадники, бояре, дѣти боярскіе, житые люди, купецкіе дѣти, всѣ способные носить оружіе, вооружились, снарядились въ походъ. Они собрались на вѣче и въ одинъ голосъ говорили владыкѣ: «Благослови, господине отче-владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей: либо возвратимъ свою отчину къ св. Софіи и Великому Новгороду, либо сложимъ головы за св. Софію и за господина своего Великаго Новгорода.

Digitized by Google

Владыка благословилъ ихъ, и отпуская военную силу, сказалъ: — «Подите, поищите пригородовъ и волостей св. Софіи, своей отчины и дѣдины!».

Въ 1398 г. новгородское ополченіе двинулось въ Заволочье въ числѣ 3,000 подъ начальствомъ Тимоѳея Юрьевича, Юрія Димитріевича и Василія Синча. Слышно было, что измѣнники сосредоточились въ городѣ Орлецѣ [1]). На пути явился къ воеводамъ волостель владычнаго имѣнія, по имени Исаія, и говорилъ:—«Господа воеводы новгородскіе! Бояринъ великаго князя, Андрей, съ Иваномъ Никитинымъ, да съ двинянами, наѣхали на волость св. Софіи на Вель, на самый Великій День, повоевали волость св. Софіи, побрали окупъ на головахъ; отъ великаго князя пріѣхалъ на Двину воеводою князь Ѳеодоръ, блюдетъ городъ, судитъ и беретъ пошлины по новгородскимъ волостямъ. Двинскіе воеводы Иванъ и Кононъ, да ихъ друзья, побрали себѣ волости Великаго Новгорода и новогородскихъ бояръ и раздѣлили между собою». — «Братья! — говорили новгородскіе воеводы:—лучше намъ умереть за св. Софію, чѣмъ быть въ обидѣ отъ великаго князя».

Они повернули на великокняжескую бѣлозерскую волость, разсѣялись отрядами, грабили, жгли, брали на щитъ поселенія; сожгли Старый Бѣлозерскій городокъ и приступили къ Новому; но оттуда вышли князья бѣлозерскіе, подручники великаго князя московскаго, и отдались на милость побѣдителямъ. Они отдѣлались тѣмъ, что заплатили шестьдесятъ рублей окупу. Новгородцы захватили кубенскія волости, повоевали окрестности Вологды, подошли къ Устюгу, и, послѣ четырехнедѣльной осады, взяли его, а потомъ отправились къ Орлецу, главиому притону измѣнниковъ. Уже противъ стѣнъ этого города были уст-

[1]) Въ двадцати верстахъ отъ нынѣшнихъ Холмогоръ.

Digitized by Google

роены пороки; уже новгородцы собирались идти на приступъ. Двиняне сообразили, что имъ не будетъ помилованія, если новгородцы возьмутъ городъ приступомъ, и заранѣе рѣшились сдаться; вышли на встрѣчу, били челомъ и выдали измѣнниковъ-бояръ. Нѣкоторыхъ воеводы казнили тутъ же; главнѣйшихъ (Ивана, Конона, Герасима, Анфала, Родіона, Ивана) заковали, чтобъ представить на вѣчевой судъ. Князь Ѳеодоръ ростовскій отдалъ всѣ судныя пошлины, какія успѣлъ собрать въ короткое время своего управленія Двинскою Землею въ званіи намѣстника великаго князя, — этимъ онъ купилъ себѣ жизнь; захваченные гости московскіе должны были заплатить за себя окупъ; наконецъ, всѣ двиняне вообще, даромъ что покорились, обложены были въ наказаніе за свое отпаденіе отъ Новгорода — налогомъ въ 4,000 рублей и сверхъ того доставили ополченію три тысячи лошадей.

Уничтоживъ укрѣпленія Орлеца, новгородская рать возвратилась въ Новгородъ уже зимою; и тутъ узнали они, что еще осенью заключенъ миръ съ великимъ княземъ по старинѣ. По благословенію владыки, который старался о прекращеніи войны, архимандритъ Парѳеній и посадникъ Осипъ Захарьевичъ, да тысячскій Ананія Константиновичъ, да житые люди Григорій и Давидъ ѣздили къ великому князю. Услышавъ, вѣроятно, что новгородцы успѣвали въ Двинской Землѣ, Василій Димитріевичъ согласился отказаться и отъ Двины, и отъ другихъ захваченныхъ городовъ: Торжка, Вологды, Волока и Бѣжецкаго-Верха, гдѣ онъ уже посадилъ своихъ намѣстниковъ [1]).

Объ этой войнѣ сохранилось такое легендарное преданіе. Новгородцы, войдя въ Заволочье, подошли къ Устюгу, и требовали съ него копейщины, т.-е. окупу за то, чтобъ не быть взятыми на копье. Устюжане не дали; новгородцы

[1]) Новг. Л. I, 98-99-100; Новг. IV, 103; Соф. I, 250; Ник. IV, 273-277.

Digitized by Google

взяли и сожгли посады; самый городъ оставили—никакъ не удавалось его взять. Въ досадѣ, новгородцы ограбили на посадѣ соборную церковь и взяли чудотворную икону Одигитріи устюжской. Ее внесли въ насадъ; хотѣли отчалить: никакою силою нельзя было насадъ отодвинуть отъ берега. Одинъ старый новгородецъ, Ляпунъ, сказалъ: — «Полоняникъ несвязанный не идетъ въ чужую землю». Онъ обвязалъ икону убрусомъ. Тогда насадъ двинулся. Гнѣвъ Божій поразилъ за то новгородцевъ. Многіе изъ нихъ, на дорогѣ, были поражены коркотою; начало имъ корчить руки и ноги, и ломать хребты; а на тѣхъ, которые благополучно дошли до Новгорода, напала слѣпота. Тогда владыка повелѣлъ имъ отвезть назадъ икону и всѣ украшенія, что на ней были. Для этого, послѣ замиренія, въ 1399 году, отправлены были отъ Великаго Новгорода гости; повезли икону; съ ними поѣхали мастера; владыка проводилъ святыню до самой Ладоги; новгородцы не только возвратили все ограбленное на прежнее мѣсто, а еще поставили въ память въ Устюгѣ деревянную церковь во имя Успенія Богородицы.

Въ 1401 году опять вспыхнулъ раздоръ съ великимъ княземъ и митрополитомъ. Владыка Іоаннъ, послѣ примиренія, оставался въ прежней неподсудности московскому митрополиту. Кипріянъ потребовалъ его къ себѣ, подъ предлогомъ поговорить объ общихъ святительскихъ дѣлахъ и задержалъ въ наказаніи и смиреніи. Великій князь сильно гнѣвался на владыку за то, что онъ благословлялъ новгородцевъ, когда они пошли на Двину. Владыку посадили въ Чудовъ монастырь; тамъ онъ пробылъ два года съ половиною, никакъ не поддаваясь на уступки, защищая независимость новгородской Церкви. Вражда, такимъ образомъ, сама собою чрезъ этотъ поступокъ открылась. Великій князь опять послалъ войско захватить Торжокъ. Въ Заволочьѣ явились опять ему пособники.

Digitized by Google

Когда новгородскіе воеводы, въ 1398 г. усмиривши Двинскую Землю, возвращались домой и везли съ собою на судъ зачинщиковъ измѣны, одинъ изъ послѣднихъ, Анфалъ, какъ-то успѣлъ дать тягу. За нимъ тогда же послали погоню. Анфалу помогли устюжане. Быстро явилась у него дружина. Погоня вступила съ нимъ въ битву при Сухонѣ, прогнала устюжанъ, но не поймала Анфала. Этотъ Анфалъ теперь получилъ покровительство великаго князя. Ему прислано въ Заволочье войско; къ нему прибѣжалъ бывшій его товарищъ Герасимъ, котораго воеводы, въ 1398 году, успѣли благополучно довезти до Новгорода; но тамъ онъ и другой преступникъ, Родіонъ, такъ успѣли разжалобить новгородцевъ, что имъ даровали жизнь, съ тѣмъ, что они будутъ жить вѣчно въ монастырѣ; и такъ они избавились участи другихъ своихъ товарищей, которыхъ побросали съ моста въ Волховъ. Теперь эти-то два лица стали волновать Заволочье въ пользу великаго князя, разоряли имѣнія, хватали въ плѣнъ землевладѣльцевъ, преданныхъ Новгороду, и огнемъ принуждали двинянъ покориться великому князю. Недолго, однако, они себя такъ показывали; новогородское ополченіе разбило ихъ шайку и освободило захваченныхъ ими въ плѣнъ. Въ Торжкѣ дѣло кончилось тѣмъ, что посланные великимъ княземъ бояре, съ тремя стами ратныхъ, схватили двухъ значительныхъ людей, особенно нерасположенныхъ къ великому князю, и въ слѣдующемъ же году ихъ выпустили. Въ 1404 году владыка былъ отпущенъ митрополитомъ, и вражда прекратилась сама собою [1]).

Великій князь, принужденный два раза уступить Новгороду, не пропускалъ, однако, случая дѣлать новыя покушенія на Заволочье. Въ 1417 году, въ Вяткѣ собралась вольная шайка, покровительствуемая великимъ княземъ;

---

[1]) Соф. I, 250; Ник. IV, 302—303; Нов. IV, 103.

Digitized by Google

княжій бояринъ руководилъ ею; пристали къ ней новгородскіе бѣглецы, устюжане и вятчане собрались по ихъ зову, изъ охоты къ грабежу. Эта шайка напала на Заволочскую Землю, сожгла города Емцу и Холмогоры, брала въ плѣнъ преданныхъ Новгороду землевладѣльцевъ; однако скоро новогородскій отрядъ разсѣялъ ее, отнялъ плѣнныхъ, и въ свою очередь заволочане въ отмщеніе ограбили Устюгъ [1]). До рѣшительной войны съ великимъ княземъ не дошло.

Во все продолженіе княженія Василія Димитріевича, новгородцы держали себя осторожно и не довѣряли великому князю. Въ то же время въ Новгородѣ одинъ за другимъ продолжали являться разные князья; Новгородъ давалъ имъ пригороды и отнималъ, и вообще соблюдалъ относительно этихъ пришельцевъ безпристрастіе: находясь въ мирѣ съ однимъ, принималъ въ то же время враговъ его. Такъ, въ 1404 году, принятъ былъ врагъ литовскаго дома Юрій смоленскій [2]), а въ 1407 году призванъ и надѣленъ пригородами, знакомый намъ Симеонъ Ольгердовичъ [3]). Доброе отношеніе къ послѣднему не принудило Новгородъ нарушить гостепріимство въ отношеніи Юрія смоленскаго, а послѣ бѣгства его—въ отношеніи сына его Ѳеодора. Также точно принятіе Симеона не обязало Новгородъ къ союзу съ Витовтомъ, котораго подручникомъ былъ Симеонъ. Напрасно также Витовтъ, предпринимая вмѣстѣ съ Польшею войну противъ Ордена, домогался отъ новгородцевъ, чтобъ и они съ своей стороны объявили войну крестоносцамъ; онъ ссылался на договоръ заключенный между Новгородомъ и Литвою. Новгородъ отвѣчалъ посламъ его, Немиру и Зиновію Братошичу, такъ: «Не

---

[1]) Новг. I, 107.
[2]) Новг. I, 102.
[3]) Новг. IV, 109.

Digitized by Google

можетъ Новгородъ того учинить; мы какъ съ литовскимъ княземъ, такъ и съ нѣмцами, мирны».

Въ 1412 году Симеонъ долженъ былъ оставить Новгородъ, потому что, въ угоду ему, не хотѣли изгнать Ѳеодора, сына Юрія Святославича смоленскаго. Въ томъ же году Витовтъ и Ягелло разомъ объявили себя въ непріязни къ Новгороду, вскинули ему разметныя грамоты и грозили войною. «Вы свое слово забыли — говорилъ имъ Витовтъ чрезъ пословъ—какъ изымались быть съ нами за одно, вы тогда лгали; и неправда великая показалась отъ васъ. Ваши люди лаютъ насъ и безчествуютъ, называютъ насъ погаными и невѣрными: а мы христіане и ненавидимъ поганство: а пуще всего—за чѣмъ приняли и держите у себя врага нашего Юрія смоленскаго?» Симеонъ Ольгердовичъ послалъ тогда сказать новгородцамъ: «Вы меня держали хлѣбокормленіемъ, и то было добро; я зато трудился и кровь проливалъ за васъ; а теперь нельзя мнѣ быть врознь съ братіею моею Ягелломъ и Витовтомъ; съ ними я одинъ человѣкъ, и крестное цѣлованіе съ меня долой.» Чтобы избавиться отъ бѣды, нужно было только прогнать Ѳеодора, сына Юрія; Новгородъ не сдѣлалъ этого и рѣшился лучше на неравную борьбу, чѣмъ нарушить гостепріимство [1]).

Соединенныя силы Польши и Литвы уже дали себя почувствовать Ордену. Трудно пришлось бы Новгороду, еслибъ эти силы обратились на него. Самъ несчастный князь-изгнанникъ, Ѳеодоръ Юрьевичъ, добровольно выручилъ новгородцевъ: «Братья мои и друзья, новгородцы! —сказалъ онъ на вѣчѣ:—вы меня держали въ мое безвременье и кормили меня: Богъ вамъ воздастъ за это. Теперь поднимается изъ-за меня брань и кровопролитіе! Не вступайте за меня съ Витовтомъ въ нелюбье. Отпустите

[1]) Новг. Л. I, 105; IV, 114.

Digitized by Google

меня туда, куда мнѣ Богъ путь укажетъ». И онъ уѣхалъ изъ Новгорода съ плачемъ. И миновала Новгородъ на то время опасность [1]). Но въ 1428 году Новгородъ испыталъ покушеніе со стороны Литвы. Подобно какъ нѣкогда Ольгердъ придрался къ нему за то, что его обругали «псомъ», Витовтъ, всю жизнь стремившійся къ образованію независимаго литовско-русскаго государства, думавшій одно покорить, другое подчинить, прикрывалъ свои политическіе замыслы на Новгородъ предлогомъ, что его новгородцы обругали измѣнникомъ и бражникомъ. Онъ вошелъ въ Новгородскую Землю съ войскомъ и осадилъ Порховъ. Лѣтописцы наши передали этотъ походъ въ эпическихъ образахъ. «Было—говорятъ они [2]),—у Витовта много пушекъ, тюфяковъ и пищалей; однимъ словомъ огнестрѣльное оружіе у него было, а оно въ то время по своей новизнѣ наводило ужасъ. Какой-то хитрецъ мастеръ нѣмчинъ Микола изготовилъ страшной величины пушку и далъ ей названіе—галка. Каждый день везли ее на сорока коняхъ съ утра до обѣда, на сорока другихъ съ обѣда до полудня, на сорока иныхъ съ полудня до вечера. Литовская рать подошла къ Порхову. Каменныя стѣны его были толсты; возвышалась крѣпкая стрѣльница; въ срединѣ поднимался изъ-за стѣны храмъ св. Николы. «Не только разобью стрѣльницу—сказалъ нѣмецъ-мастеръ—и каменнаго Миколу въ городѣ зашибу». Микола какъ выстрѣлилъ изъ своей галки, такъ и стрѣльницу вышибъ изъ основанія, и зубцы на стѣнѣ посбивалъ, и у св. Николы переднюю и заднюю стѣну прошибъ; а священникъ у св. Николы въ это время служилъ обѣдню и цѣлъ онъ остался, а ядро, какъ дошло до алтаря,—обратилось назадъ и нѣмчина Миколу за его похвальбу розорвало такъ, что ни тѣла, ни

---

[1]) Новг. Л. IV, 114; Никон. V, 46—47.

[2]) Ник. V, 95.

Digitized by Google

костей его не нашли; только и осталось отъ него, что кусокъ его кабота». Нѣтъ нужды объяснять, что эта легенда выдумана уже значительно позже событія. На самомъ дѣлѣ Витовтъ такъ прижалъ Порховъ, что порховичи стали просить мира. Вышли къ литовскому великому князю посадникъ Григорій Кириловичъ Посахно, да Исаакъ Борецкій, и предложили окупъ. Витовтъ разсудилъ, что взять деньги безъ большихъ трудовъ и безъ потерь—недурно, и согласился на пять тысячъ рублей. Но за эти деньги онъ пощадилъ одинъ только Порховъ и считалъ себя въ правѣ разорять другія новгородскія земли, а потому и готовился идти далѣе, поближе къ Новгороду, какъ вдругъ пріѣзжаютъ въ его лагерь подъ Порховымъ архіепископъ Евфимій съ новгородскими послами. Они просили мира. Витовтъ потребовалъ съ нихъ еще пять тысячъ рублей. Новгородцы согласились. Что касается до плѣнныхъ, то литовцы не отпускали ихъ безъ выкупа: Витовтъ, взявши десять тысячъ, не считалъ себя обязаннымъ отпускать ихъ за эти деньги, которыя платились собственно за то, чтобы впередъ не разорять Новгородской Земли. Владыка заплатилъ еще тысячу рублей за плѣнныхъ. «Вотъ это вамъ, новгородцы, зато,—сказалъ Витовтъ:—чтобъ не называли меня измѣнникомъ, да бражникомъ». Чтобъ выплатить, по уговору, Витовту всѣ деньги, Новгородъ принужденъ былъ назначить по всей своей волости поголовный налогъ по рублю съ десяти человѣкъ [1]).

Новгородъ продолжалъ принимать разныхъ князей. Въ 1419 году, онъ не побоялся дать убѣжище опальному брату великаго князя, Константину, который жилъ тамъ два года, до тѣхъ поръ, пока не помирился съ братомъ [2]).

По смерти великаго князя Василія Димитріевича, въ

---

[1]) Новг. Л. I, 110; IV, 121; Ник. V, 95.

[2]) Новг. Л. I, 109; IV. 119.

Digitized by Google

1425 году, домашнія распри между князьями московскаго дома препятствовали московскому самовластію энергически вести подкопъ подъ независимость Великаго Новгорода. Новгородъ не оставлялъ прежняго безпристрастія, давалъ убѣжище лицамъ всякой проигравшей стороны. Въ 1434 году великій князь, низложенный съ престола, долженъ былъ искать пріюта,—онъ нашелъ его въ Новгородѣ; но послѣ, въ томъ же году, Новгородъ принялъ врага великаго князя, Василія Косого. За это гостепріимство Косой заплатилъ Новгороду тѣмъ, что, возвращаясь оттуда съ своею дружиною, ограбилъ Бѣжецкій-Верхъ и побережье Мсты [1]). Великій князь, получивъ княженіе, согласился заключить съ Новгородомъ вѣчный миръ, отступился отъ всѣхъ давнихъ отцовскихъ и дѣдовскихъ притязаній, а новгородцы отступились княжщины, т. е. доходовъ, которые издавна отдавали великому князю [2]). Съ обѣихъ сторонъ выслали людей для точнаго размежеванія границъ. Но великій князь, по обычаю предковъ, не сохранилъ мира [3]); въ 1437 году, новгородцы добровольно дали ему черный боръ по торжковской волости [4]); а онъ все-таки, въ 1441 году началъ войну. Поводомъ къ ней было, кажется, то, что новгородцы, не вмѣшиваясь въ княжескія усобицы, допустили смертельному врагу Василія Васильевича, Шемякѣ, пробраться къ Бѣжецкому-Верху; а когда онъ просилъ позволенія пріѣхать въ Новгородъ, вѣче отвѣчало:—«Хочешь, пріѣзжай къ намъ и мы тебѣ рады; не хочешь, ступай туда, гдѣ тебѣ любо» [5]).

---

[1]) Никон. Лѣт. V, стр. 117—118.

[2]) А. И. I, 486.

[3]) Новг. I, 112. Не посла ни кого жъ въ отчины новгородскія къ Новгородцамъ, ни гдѣ ни отведе ни своея очистьи, исправленіемъ не учини.—Ник. V, 122.

[4]) Новг. Лѣт. I, 112; Акт. Арх. Эксп. I, 24.

[5]) Карамз. т. V, пр. 312; Ник. V, 157.

Digitized by Google

За это-то, кажется, возверг Василій,—как говоритъ лѣтописецъ,—на Великій Новгородъ нелюбіе и прислалъ складную грамоту [1]). Дѣло кончилось разоренiемъ въ пограничныхъ областяхъ. Великій князь дошелъ до новгородскаго города Демана, и тутъ архіепископъ Евѳимій, съ боярами и житыми людьми, заключилъ съ нимъ миръ. Великій Новгородъ заплатилъ 8,000 рублей [2]). Когда, въ 1446 году, великій князь былъ ослѣпленъ, Новгородъ заключилъ съ его преемникомъ, Димитріемъ Шемякою, крестоцѣловальный союзъ на всей старинѣ. Скоро, однако, Шемяка лишился своей власти; Василій, хотя слѣпой, опять сѣлъ на столъ. Шемяка опять нашелъ пріютъ въ Новгородѣ. Онъ поселилъ тамъ свое семейство, а самъ дѣлалъ нападенія на владѣнія великаго князя. Напрасно митрополитъ увѣщевалъ новгородцевъ не раздражать великаго князя и не приказывалъ имъ съ Шемякою ни пить, ни ѣсть. Новгородскій владыка отвѣчалъ, что въ Новгородѣ старый обычай ведется: всѣ князья, кто бы ни былъ, пріѣзжали къ св. Софіи; всѣхъ дружелюбно принимали, всѣмъ оказывали честь по силѣ, а митрополиты не посылали никогда за это укорительныхъ грамотъ [3]). Шемяка оставался въ Новгородѣ до смерти, случившейся въ 1453 году, и погребенъ въ Юрьевомъ монастырѣ.

И дѣйствительно, Новгородъ давалъ всѣмъ князьямъ равный пріютъ, безъ разбора. Въ 1434 году [4]), пріѣхалъ туда сынъ Симеона Ольгердовича, Юрій, пожилъ въ Новгородѣ и уѣхалъ въ Москву. Въ 1444 году, прибылъ къ новгородцамъ Иванъ Владимировичъ, также литовскаго дома. Въ 1446 году Юрій изъ Москвы снова переселился

[1]) Новг. I, 114; IV, 122.

[2]) Новг. I, 113; Псковск. I, 211. Вмѣсто 8000 р. въ Псков. Л. 2000; Воскр. П. С. Л. VIII, 111; Ник. V, 153.

[3]) А. А. Э. I, 465.

[4]) Новг. Л., I, 111.

Digitized by Google

въ Новгородъ. Прибылъ въ Новгородъ и потомокъ потерявшихъ свои удѣлы суздальскихъ князей, Василій Гребенка, коренной врагъ великаго князя. И его дружелюбно приняли новгородцы. Не всегда поручали князьямъ города, а давали имъ «хлѣбъ въ кормленье по волости» [1]).

Въ 1456 г. великій князь объявилъ войну Новгороду. Кромѣ того, что его оскорбляло покровительство, оказываемое его врагамъ, новгородцы не заплатили ему дани, слѣдуемой по деманскому миру. Московское самовластіе огорчалось тѣмъ, что Новгородъ на вѣчахъ составлялъ грамоты безъ участія великаго князя, или его намѣстниковъ, и политическія сношенія, всѣ постановленія исходили отъ одного вѣча. Возникли еще поземельныя недоразумѣнія, подобныя тѣмъ, какія въ XIV-мъ вѣкѣ довели Новгородъ до войны съ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ и до союза съ Димитріемъ Донскимъ: новгородцы покупали себѣ земли въ Ростовской и Бѣлозерской Земляхъ и, въ силу владѣнія, эти земли стали тянуть къ Великому Новгороду. Это обстоятельство естественно было непріятно московской политикѣ, старавшейся, напротивъ, чтобъ все тянуло къ Москвѣ, сосредоточивалось около нея, а не отходило отъ ней прочь. На рубежахъ областей происходили взаимные грабежи и драки, которые остались неразобранными и возбуждали вражду земель. Такъ, еще въ 1445 году, люди великаго князя разоряли принадлежащія Великому Новгороду земли и села около Бѣжецкаго-Верха, Заборовья и Торжка. Зная вражду республики къ Москвѣ, уже литовскій великій князь Казимиръ предлагалъ новгородцамъ свою помощь; но въ то время ненависть къ московскому самовластію въ Новгородѣ не дошла еще до рѣшимости искать покровительства у государя латинской

[1]) Новг. Л. IV, 123; Карамз. т. V, 534, прим. 313—314.

Digitized by Google

вѣры [1]). Военныя дѣйствія, какъ всегда водилось, опять начались съ Торжка, зимою въ февралѣ, и великій князь занялъ своими войсками Новоторжскую Землю, обложилъ жителей данью, деньгами и хлѣбомъ. Московскіе воеводы, князь Стрига и Ѳедоръ Басенокъ, проникли въ глубину Новгородской Земли и дошли до Русы. Новгородцами предводительствовалъ князь суздальскій, Василій. Ополченіе ихъ вышло противъ непріятеля въ числѣ 5000, но не знало, какъ далеко проникли москвичи въ новгородскую волость, и внезапно наткнулось подъ Русою на сильное войско. Тогда былъ большой снѣгъ. Новгородцы были на лошадяхъ; московскіе воеводы велѣли стрѣлять по лошадямъ; и этотъ оборотъ удался: многіе, лишившись лошадей, завязли въ снѣгу; новгородцы потеряли строй и были разбиты, и князь Василій ушелъ съ поля битвы. Это пораженіе заставило Новгородъ помириться съ великимъ княземъ. Владыка, со старыми посадниками, старыми тысячскими и житыми людьми отъ пяти концовъ, отправился къ великому князю, стоявшему уже въ Яжелбицахъ. Великій князь принялъ благословеніе владыки Евфимія и челобитье Великаго Новгорода, и тамъ былъ заключенъ миръ на условіяхъ, невыгодныхъ для Новагорода. Великій Новгородъ заплатилъ великому князю 8,500 рублей, обѣщался доплатить что̀ осталось недоплаченнымъ отъ деманскаго мира. Всѣ земли, пріобрѣтенныя новгородцами въ краю, тянувшемъ къ областямъ великаго князя, возвращались. Новгородъ обѣщалъ давать великому князю по прежнимъ обычаямъ черный боръ, виры въ пользу князя, дары отъ волостей и всѣ пошлины по старинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлено, чтобъ не быть болѣе *печатныхъ* грамотамъ и употреблялась бы княжеская печать. Эти условія поражали новгородскую свободу и пригото-

[1]) Новг. Л. IV, 123.

Digitized by Google

вляли ея паденіе при наслѣдникѣ великаго князя. Съ обѣихъ сторонъ постановлено: возвратить завоеванное и взятое въ плѣнъ [1]).

Великій князь Василій Васильевичъ внушилъ къ себѣ глубокую злобу въ новгородцахъ. Они должны были ненавидѣть его, особенно вспоминая, что этотъ князь нѣкогда въ несчастіи былъ принятъ Новгородомъ, получилъ въ немъ прибѣжище, и когда возвратилъ потерянную власть, то два раза угрожалъ Великому Новгороду и дѣлалъ ему вредъ. Неудивительно послѣ того, что въ 1460-мъ году, когда онъ посѣтилъ Новгородъ, негодованіе при видѣ его возросло до того, что составился заговоръ убить его вмѣстѣ съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ и ненавистнымъ для Новгорода воеводою Басенкомъ, побѣдившимъ новгородскія войска подъ Русою. Владыка Іона, узнавъ объ этомъ, едва уговорилъ заговорщиковъ оставить злобное намѣреніе, и представилъ, что пользы для Новгорода отъ того не будетъ; у Василія остается еще сынъ, Иванъ; его на ту пору не было въ Новгородѣ,—онъ сдѣлается мстителемъ за отца и за братьевъ [2]). Это удержало новгородцевъ.

До такого положенія дошли отношенія Новгорода къ князьямъ, предъ вступленіемъ на престолъ великаго князя Іоанна Васильевича, при которомъ московское самовластіе одолѣло его свободу.

IX.

Права князей.

Древнѣйшія извѣстія, при скудости своей, не содержатъ подробностей, которыя бы представили намъ картину положенія князей встарину. Нельзя полагать, чтобъ ихъ

[1]) Карамзинъ V, прим. 361; Воскр. Полн. Собр. Лѣт. т. VIII, 146—147; Ник. V, 281—283; Акт. Арх. Эксп. I, 42, 45; Новг. IV, 132.

[2]) 2 Соф. врем. стр. 182.

Digitized by Google

права и обязанности были строго опредѣляемы; свободное право избранія, возможность выбрать изъ многихъ кого угодно, и изгнать, когда нужно, дѣлали ненужными строгія правила. Съ половины XIII-го вѣка послѣ татарскаго завоеванія, когда уже, какъ выше замѣчено, великій князь сдѣлался неизмѣннымъ новгородскимъ княземъ и княжеское достоинство, вмѣсто внутренней институціи, стало внѣшнею силою, являются договоры, опредѣляющіе отношенія къ власти, явно показывающіе, что Новгородъ боится князей и хочетъ, сколько возможно, оградить себя отъ ихъ произвола. Договоры эти представляютъ ту замѣчательную черту, что всѣ между собою сходны, даже въ выраженіяхъ, и очевидно составлялись по одной канвѣ. Ихъ отмѣны касаются только подробностей, истекающихъ изъ временныхъ обстоятельствъ. Въ этихъ договорахъ ссылаются всегда на старину, и въ самомъ раннемъ изъ нихъ, 1265-го года, говорится: *тако княже, господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, отъ твоихъ и нашихъ*; слѣдовательно, тѣ правила, какія содержалъ этотъ договоръ, существовали и прежде въ обычаяхъ. Дѣйствительно, въ лѣтописи подъ 1218-мъ годомъ, при извѣстіи о цѣлованіи креста княземъ и обѣщаніи хранить обязательства, постановленныя при его вступленіи, есть выраженіе: *ты намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа нелишити* [1]). Выраженіе это является во всѣхъ послѣдующихъ грамотахъ. Это заставляетъ предполагать, что условія съ князьями, встрѣчаемыя въ договорахъ XIII, XIV и XV вѣковъ, существовали и ранѣе. Подъ 1222 годомъ говорится, что великій князь суздальскій Юрій Всеволодовичъ далъ въ Новгородъ на княженіе сына Всеволода «на всей волѣ новгородской» [2]). Подъ 1228 годомъ, когда дѣло идетъ о при-

[1]) Новг. I, 37.
[2]) Новг. IV, 27.

Digitized by Google

зывѣ суздальскаго князя Ярослава, говорится, что новгородцы звали его «на всей волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ» [1]); то-же повторяется, по поводу призыва черниговскаго князя Михаила, 1229 года [2]). О грамотахъ Ярославовыхъ существовало постоянное убѣжденіе, что онѣ служили юридическою основою связи Великаго Новгорода съ князьями; остается предположить, что смыслъ послѣдующихъ договоровъ имѣетъ основаніе свое въ этой древней великой хартіи свободы Великаго Новгорода. Въ этой грамотѣ, вѣроятно, было общее основаніе свободнаго избранія князей.

До татарскаго ига князь, по народному понятію, былъ лицо необходимое. Главное его значеніе было—предводительство войскомъ, и въ этомъ заключается сознаніе необходимости княжескаго достоинства. Князь происходилъ изъ особаго рода, несвязаннаго съ туземцами, поставленнаго выше другихъ родовъ по значенію, — рода, призваннаго для установленія ряда, призваннаго такъ, какъ вообще неладившія стороны призываютъ въ судьи третьяго, чужого, на безпристрастіе котораго могутъ болѣе надѣяться, именно потому, что этотъ третій стоитъ внѣ условій, которыя побуждали бы его пріятствовать одной изъ враждующихъ сторонъ. Только съ такимъ значеніемъ, предводитель ополченія могъ сохранить необходимую на войнѣ дисциплину и заставить всѣхъ, составляющихъ войско, повиноваться; а этого несравненно труднѣе достигнуть полководцу, происходящему изъ среды той же массы, которою онъ предводительствуетъ. Оттого-то и замѣчаютъ лѣтописцы, что въ войскѣ бываетъ безпорядокъ, когда въ немъ нѣтъ князя, а боярина не всѣ слушаютъ. Народное понятіе отдавало княжескому роду право миротворить,

---

[1]) Новг. I, 44.

[2]) Новг. I, 44.

Digitized by Google

уставлять рядъ, охранять безопасность земства, а потому князь, ставшій на челѣ войска, казался уже самою судьбой, по своему рожденію, назначеннымъ къ этому. Въ Новѣгородѣ главное достоинство князя состояло въ предводительствѣ войскомъ; и въ тѣ времена, когда уже не чувствовалась потребность въ князѣ по управленію гражданскими дѣлами, Новгородъ все-еще признавалъ за лицомъ княжескаго происхожденія право и какъ-бы способность быть предводителемъ новгородскаго войска. Съ этими-то понятіями Новгородъ въ XIV и XV вѣкахъ призывалъ себѣ князей на кормленье въ качествѣ военачальниковъ и охранителей пограничныхъ краевъ. Внѣшнія сношенія вообще производились отъ имени князя и вмѣстѣ отъ имени Великаго Новгорода [1]). Такъ имя Юрія въ 1323 г. стоитъ въ договорѣ Новгорода со шведами. Впослѣдствіи, однако, договоры заключались и безъ имени князя. Въ концѣ XIII вѣка, когда значеніе новгородскаго князя утвердилось за великимъ княземъ, договоры писались еще отъ имени князя и Новгорода вмѣстѣ; но князь участвовалъ здѣсь больше по имени. Въ 1292 г. прибыли въ Новгородъ нѣмецкіе послы, по поводу разграбленія нѣмецкаго двора. Переговоры происходили разомъ и съ велико-княжескими боярами на Городищѣ, и въ самомъ Новгородѣ съ новгородскими мужами: тысячскимъ и двумя боярами. Свои доводы подкрѣпляли новгородцы прежнимъ договоромъ съ нѣмцами, который былъ заключенъ отъ лица великаго князя и Великаго Новгорода вмѣстѣ. Но когда, послѣ того, великій князь былъ расположенъ уступить нѣмцамъ и признать законность требуемаго ими вознагражденія за убытки, понесенные нѣмецкими купцами, новгородцы отрицали ее, и великій князь ничего не могъ сдѣлать. Шесть разъ—говорили нѣмецкимъ посламъ его

[1]) Antiq. Russes. t. II, p. 490.

Digitized by Google

бояре—великій князь посылалъ къ новгородцамъ дать ему отвѣтъ, наконецъ лично просилъ ихъ, и все было напрасно; великій князь сознавалъ свое безправіе въ этомъ случаѣ и только хотѣлъ оправдать себя передъ нѣмцами. «Воздайте имъ тѣмъ, что они вамъ надѣлали»,—былъ послѣдній совѣтъ, данный нѣмецкимъ посламъ велико-княжескими боярами [1]).

Въ древнія времена виды общественной дѣятельности не были строго разграничены и раздѣлены; князь, будучи предводителемъ ополченія и защитникомъ земли извнѣ, былъ вмѣстѣ и правителемъ, т.-е. защитникомъ ея внутри. Князь поражалъ враговъ; но каждый нарушитель порядка и спокойствія земства былъ также врагъ; и потому, охраняя земство отъ внѣшнихъ враговъ, естественно было его участіе въ охраненіи того же земства и отъ враговъ внутреннихъ. И тамъ, и здѣсь, онъ, какъ лицо третье, непринадлежащее къ земству, но призванное имъ, не могъ дѣйствовать самобытно безъ воли и участія вѣча. Въ дѣлахъ внѣшнихъ онъ предводительствовалъ войскомъ по распоряженію вѣча, шелъ на войну, рѣшенную вѣчемъ, клалъ свое имя на договорѣ, составленномъ и обсужденномъ на вѣчѣ; такъ точно и въ дѣлахъ внутреннихъ онъ дѣйствовалъ въ границахъ, очерченныхъ вѣчемъ. Ему предоставляли судъ, но вмѣстѣ съ посадникомъ, происходившимъ изъ земства и служившимъ полнымъ выраженіемъ земской воли. Собственно въ судѣ доля князя была не обсужденіе дѣла—на то были выборные судьи,—а оправленіе оправданнаго и казнь виновнаго (а князь казнитъ), т.-е. именно то, что непосредственно принадлежитъ внутреннему охраненію земства. Оттого половина виръ и судныхъ пошлинъ, взыскиваемыхъ съ виновной стороны, шла князю; этотъ платежъ былъ казнь.

---

[1]) Bunge, I, Heft. 7, 683.

Digitized by Google

Призваніе и пріемъ князя имѣли до нѣкоторой степени подобіе усыновленія земствомъ. Князь былъ чужое лицо, входившее въ новгородскую семью съ извѣстными условіями, которыя ему семья имѣла право предложить. Князь долженъ былъ цѣловать крестъ Новгороду, а Новгородъ цѣловалъ крестъ ему. Это взаимное цѣлованіе служило залогомъ ихъ взаимнаго согласія. Не было въ этомъ ничего принудительнаго. Князь могъ уйти изъ Новгорода,— только долженъ былъ явиться на вѣче и сложить съ себя цѣлованье.

Изъ договоровъ, оставшихся до нашего времени, видно, что князь былъ поставленъ, сколько возможно, внѣ связей съ жизнью Новгорода. Вся волость считалась достояніемъ святой Софіи и Великаго Новгорода. Князь не могъ пріобрѣтать въ Новгородской Землѣ имѣній, ни покупкою, ни принятіемъ въ даръ; не могъ брать закладниковъ, слѣдовательно, совершать сдѣлокъ; это правило распространялось и на его родню, и на его дружинниковъ. Ему дозволялось торговать въ Новгородѣ, но не иначе какъ чрезъ посредство природныхъ новгородцевъ; слѣдовательно, это дозволеніе ограничивалось правомъ пускать капиталъ въ оборотъ. Безъ участія посадниковъ, избираемыхъ вѣчемъ, князь не имѣлъ права назначать правителей въ краю, подчиненномъ Великому Новгороду; отдавать въ кормленье принадлежащую Новгороду землю, давать кому бы то ни было, о чемъ бы то ни было грамотъ, нарушать прежде состоявшіяся грамоты; не могъ производить суда безъ участія посадника, лишать волостей, раздавать ихъ въ собственность, наказывать безъ суда, и вообще безъ воли вѣча и безъ участія посадника дѣлать какія бы то ни было распоряженія. Все это простиралось также и на его чиновниковъ [1]). Князь даже не жилъ въ Новгородѣ, но

[1]) А ряду въ Новгородской волости, тобѣ княже и твоимъ судьямъ не посужати, ни самосудовъ замышляти.

Digitized by Google

на Городищѣ; тамъ съ нимъ пребывала его дружина: то мѣсто было навсегда отведено для князя и его дружины. Такъ, впослѣдствіи, когда званіе новгородскаго князя усвоилось за великими князьями, на Городищѣ жили ихъ намѣстники. Судъ ихъ касался такихъ дѣлъ, когда въ спорномъ дѣлѣ одна сторона не принадлежала къ составу новгородскаго гражданства; а по старому общерусскому обычаю, гдѣ истцы были между собою разныхъ земель или вѣдомствъ, судъ всегда былъ смѣсный, т.-е. были два судьи, каждый отъ того вѣдомства, къ которому принадлежалъ одинъ изъ тяжущихся; сверхъ того, участіе намѣстника во всякомъ судѣ опредѣлялось правомъ—брать извѣстныя пошлины, составлявшія доходъ князя. Лишенный права на недвижимыя имѣнія, князь имѣлъ указанные Новгородомъ подвижные доходы. Они состояли во-первыхъ, въ судныхъ пошлинахъ, которыми князь дѣлился съ посадниками. Эти пошлины платились на судѣ виновною стороною; въ числѣ ихъ была вира, платимая за уголовныя преступленія; для сбора пошлинъ по волостямъ высылались проѣзжіе судьи, по обычаю, каждогодно о Петровѣ днѣ; во-вторыхъ, князю давались доходы съ нѣкоторыхъ мѣстъ Новгородской Земли, и для этого онъ могъ посылать туда для сбора своихъ тіуновъ. Но эти доходы были не произвольны, а полагались заранѣе. Такими краями, опредѣленными для княжескихъ доходовъ, были—половина Волока-Ламскаго и часть въ Торжкѣ. Впрочемъ, точное неизмѣнное указаніе этихъ мѣстъ не было обязательствомъ. Великій Новгородъ могъ назначать и другія мѣста, какъ это показывается тѣмъ, что литовскимъ князьямъ, приходившимъ въ Новгородъ, назначали другія волости на кормленье. Изстари, какъ показываетъ грамота Всеволода Іоанну на Опокахъ, предоставлялись князю доходы съ торговли, плата съ вѣса. Наконецъ, существовалъ особый налогъ въ пользу князя, называемый «даръ

Digitized by Google

съ волостей». Объ этой вѣтви княжескихъ доходовъ говорится въ договорахъ глухо: «*Когда, княже, поѣдешь въ Новгородъ, тогда даръ тобѣ имѣти, а коли, княже, поѣдешь изъ Новгорода, то даръ не надобъ.*» Изъ этого можно заключить, что даръ не былъ какой-нибудь постоянный налогъ, а давался князю только при вступленіи его на княженіе или при посѣщеніи имъ Новгорода. Великій Новгородъ предоставлялъ своимъ князьямъ право охоты въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ извѣстное время; такъ напримѣръ, въ Русу ѣздить могли на третью зиму, а въ Ладогу—на третье лѣто для звѣроловства; имъ давали въ пользованіе рыболовли, также въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, и право медоваренія, съ такими же ограниченіями: *а въ Ладогу тобѣ слати осетрьника и медовары*; *а ѣздить тобѣ, княже, въ Ладогу на третье лѣто* [1]).

Въ послѣдніе вѣка великіе князья вымогали съ Новгородской волости черный сборъ. Это не былъ постоянный доходъ или налогъ годовой, но брался однажды во всякое великое княженіе, и притомъ почти всегда силою. Новгородцы соглашались на него тогда только, когда не могли отвязаться отъ притязаній на него великаго князя.

X.

ПАДЕНІЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДЫ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

Политика московскихъ великихъ князей, переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, давно подтачивала самостоятельность Великаго Новгорода. Болѣе чѣмъ полтора вѣка Новгородъ терпѣлъ безпрестанныя вымогательства денегъ, захваты областей, разоренія новгородскихъ волостей въ случаяхъ,

[1]) Собр. Гос. Гр. I, 3, 8.

Digitized by Google

когда Новгородъ не хотѣлъ платить. Но ничто, кажется, прежде такъ не озлобляло новгородцевъ противъ Москвы, какъ поступки послѣдняго московскаго государя.

Послѣдняя война съ Василіемъ привела къ стѣснительному договору, требовавшему прекращенія вѣчеваго дѣлопроизводства,—драгоцѣннѣйшаго достоянія свободы; безъ него вѣче оставалось бы незначительною формою, имѣло смыслъ только сходки подданныхъ, которые могутъ говорить о своихъ дѣлахъ столько, сколько позволено господиномъ. Новгородъ имѣлъ предъ глазами печальную судьбу Суздальской Земли: ея князья, лишенные своихъ правъ, скитались и искали у новгородцевъ убѣжища. Ясно было, что московскіе князья скоро приведутъ и вольный городъ, со всѣми подвластными ему землями, къ такому же порабощенію. Заговоръ на жизнь Василья Васильевича, въ 1460 году, достаточно показываетъ, какъ созрѣла и переполнилась въ Новгородѣ давняя ненависть.

Теперь на московскомъ престолѣ усѣлся государь съ деспотическими наклонностями своихъ предковъ, но съ умомъ гораздо обширнѣйшимъ и потому чрезвычайно осторожный; онъ не только вначалѣ не дѣлалъ ничего крутого, рѣшительнаго, напротивъ, казалось, готовъ былъ сохранять тотъ порядокъ вещей, какой застало его вступленіе на столъ. Тверь и Рязань оставлены съ ихъ видимою независимостію. Московскій государь удовольствовался только тѣмъ, что владѣтели этихъ странъ дѣлались ему послушными; всѣ силы земель ихъ находились въ его распоряженіи, и во всякое время Москва могла стереть наружный образъ, оставшійся отъ ихъ прежней самостоятельности; да при такихъ отношеніяхъ доходило до того, что самый этотъ образъ, содержа въ себѣ мало дѣйствительнаго, уже не побуждалъ жителей земель имъ дорожить. Для Новгорода опасность была уже одинаково велика, какъ и тогда, когда бы эти земли находились въ непосредственной

Digitized by Google

власти Москвы: туземные князья хотя и управляли своими землями, но безропотно вели своихъ людей на того, на кого идти прикажетъ московскій государь. Великій Новгородъ не исполнялъ условій стѣснительнаго договора съ Василіемъ Темнымъ, какъ и прежде всегда дѣлалось, что договоры эти оставались только на бумагѣ; Новгородъ давалъ ихъ, когда не было силы не дать, и оставлялъ безъ дѣйствія; отсюда возникалъ поводъ къ новымъ войнамъ. Такъ катилась исторія его отношеній къ великимъ князьямъ. Между тѣмъ, по старой памяти, недовольство Москвою обращало въ Новгородѣ желаніе и надежды къ Литвѣ. Намѣреніе сойтись съ Литвою уже проявлялось и при Василіи Темномъ; и тогда, по словамъ житія Михаила Клопскаго, бояре со старѣйшинами думали, что свобода Новгорода будетъ тверда, если онъ соединится съ Литвою. Въ этомъ краю было много привлекательнаго для Новгорода. Подъ властію короля Казимира соединилась значительная часть русскаго міра. Русскіе города не теряли основъ своего прежняго порядка; не видно было стремленій подавить самобытность русскихъ земель, поступившихъ въ составъ Литовской державы: если и допускались измѣненія, то онѣ не только не стѣсняли свободы, но способствовали ея расширенію; грамота Казимира возводила свободныхъ людей и собственниковъ земель до полной независимости. Это было приманчиво для новгородскихъ бояръ-землевладѣтелей. Подъ верховной властью короля Казимира можно было надѣяться каждому получить отъ короля грамоту на неприкосновенность своего владѣнія и сдѣлаться полнымъ, спокойнымъ его обладателемъ и господиномъ поселянъ, живущихъ въ этихъ владѣніяхъ. Приманчиво было соединеніе съ Литвой и для торговаго класса, потому что привилегіи, которыя давалъ Казимиръ городамъ, сообщали широкій размѣръ и правамъ торговаго сословія и оборотамъ ихъ занятій. Недавній примѣръ подданства Прус-

Digitized by Google

сіи (гдѣ города и въ городахъ торговый классъ искали спокойствія въ добровольномъ соединеніи съ Польшею и Литвою), долженъ былъ ободрять Великій Новгородъ. Черный народъ менѣе всего могъ, въ дѣйствительности, выиграть отъ такого соединенія; но масса не вглядывается въ будущее; простой народъ не терпѣлъ Москвы: долговременно было враждебное отношеніе къ ней Новгорода. Одно только могло наводить недовѣріе и боязнь: это вѣсти о попыткахъ католиковъ распространить папизмъ между православными; но если такія вѣсти доходили до Новгорода, то доходили туда и другія, противоположныя и утѣшительныя,—что подданные греческой вѣры пользуются равными правами съ подданными римской; что въ государствѣ Литовско-Русскомъ господствуетъ полная юридическая свобода вѣроисповѣданій. Самыя вѣсти объ измѣнѣ православію литовскаго митрополита Григорія и западнорусскихъ духовныхъ, соединялись съ увѣщаніями митрополита московскаго, котораго не любили въ Новгородѣ, въ которомъ видѣли орудіе московскаго покушенія на новгородскую свободу. Если монахи въ Новгородѣ и толковали объ отступничествѣ Литвы, то были и такіе, которые видѣли въ этихъ толкахъ не болѣе какъ московскую хитрость. Выгоды, представляемыя соединеніемъ съ Литвою, располагали не вѣрить этимъ толкамъ.

Ясно было, что Великій Новгородъ не въ силахъ оградить своей свободы самъ собою. Еще великій князь московскій молчалъ, но, молча, укрѣплялся и готовился задушить ее въ удобное время. Надобно было что-нибудь избрать: или пожертвовать старыми предубѣжденіями, — неловкостью быть подъ верховною властію католическаго короля, заглушить недовѣріе и боязнь за неприкосновенность греческой вѣры и, за то, сохранить древнюю свободу; или же, ради необщенія съ католиками, потерять свободу и свое народное существованіе. Та же партія,

Digitized by Google

которая въ XIV-мъ вѣкѣ призывала литовскихъ князей, партія, чуявшая для Новгорода опасность на востокѣ и искавшая противъ нея опоры и союза на западѣ, существовала постоянно, съ разными видоизмѣненіями, дѣйствуя то слабѣе, то сильнѣе. Теперь было отъ чего ей поднять голову.

На челѣ партіи, ненавидѣвшей московское самовластіе, явилась женщина—Марѳа Борецкая, вдова бывшаго нѣкогда посадника, Исаака Борецкаго, мать двухъ взрослыхъ сыновей, Димитрія и Ѳеодора. Достойно замѣчанія, что въ послѣдніе годы новгородской независимости выступила не одна Марѳа; были еще кромѣ ея женщины, не чуждыя политическихъ дѣлъ; такъ, въ числѣ лицъ, преслѣдуемыхъ московскимъ самовластіемъ, является Настасья Григоровичева, какъ должно думать,—жена Степана Григоровича, одного изъ пословъ къ Казимиру. Скудость извѣстій о подробностяхъ тогдашняго состоянія общества не даетъ намъ средствъ разъяснить участіе женскаго пола въ политической сферѣ. Личность самой Марѳы остается блѣдною, по недостатку свѣдѣній. Несомнѣнно только, что эта женщина была душою свободной партіи, собиравшей послѣднія силы Великаго Новгорода, чтобъ охранить его отъ покушенія Москвы. Велерѣчивый московскій повѣствователь о послѣднихъ дняхъ независимости Новгорода, расточая Марѳѣ всевозможнѣйшіе бранные эпитеты, указываетъ на нее, какъ на главнѣйшую руководительницу литовской партіи и признаетъ ея личное вліяніе на весь Великій Новгородъ. Чтобы больше очернить ее, онъ внушаетъ ей намѣреніе выйти замужъ за князя Михаила Олельковича и властвовать съ нимъ въ Новгородѣ, подъ верховнымъ покровительствомъ короля Казимира. Это, вѣроятно, басня, потому что Марѳа была уже не въ такихъ лѣтахъ, когда можно было думать о замужствѣ. Ничто изъ тогдашнихъ событій, ни отношенія ея къ упомяну-

Digitized by Google

тому князю, не указываютъ на подобное; да сверхъ того, полемическій тонъ сказанія лишаетъ его довѣрія въ этомъ случаѣ.

Семья Борецкихъ была богата и вліятельна: она не принадлежала къ кругу аристократовъ, стоявшихъ въ оппозиціи съ чернымъ народомъ. Напротивъ, Марѳа, умѣвшая соединить около себя нѣсколько знатныхъ и богатыхъ фамилій, умѣла расположить къ своей сторонѣ и черный народъ. Это доказывается тѣмъ, что въ послѣдніе дни предсмертныхъ для Великаго Новгорода смутъ и усобицъ, многіе бояре стали на сторонѣ великаго князя, а съ Борецкими оставался черный народъ [1]). На Софійской сторонѣ между Розважею и Борковою улицами на Побережьѣ, въ Неревскомъ концѣ, былъ у Марѳы красивый и богатый дворъ, названный лѣтописцемъ «чуднымъ». Тамъ у ней собирались люди, готовые стоять за свободу и независимость отечества. Изъ главныхъ лицъ этой патріотической партіи были: сынъ Марѳы, Димитрій, фамилія Селезневыхъ, фамиліи Арбузеевыхъ, Аѳанасьевыхъ, Григоровичевыхъ, Немиръ и другіе. Владыка Іона готовился умирать. Пріятелемъ Марѳина общества былъ ключникъ его Пименъ; его готовили въ преемники Іонѣ, и онъ заранѣе изъявлялъ намѣреніе принять посвященіе отъ литовскаго митрополита. Это было дѣло самое важное: необходимо было осуществить давнее стремленіе новгородской Церкви — отрѣшиться отъ власти митрополита, очевидно покровительствовавшаго своимъ первосвятительскимъ достоинствомъ самовластнымъ московскимъ намѣреніямъ.

Пока народъ пріучался къ мысли о союзѣ съ Казиміромъ, пока старались расшевелить въ немъ завѣтныя чувства независимости и народной самобытности, ненависть къ московскому владычеству начала проявляться рядомъ

---

[1]) Пск. II, 38.

Digitized by Google

поступковъ, оскорбительныхъ для великаго князя. Новгородское вѣче не только продолжало управляться самобытно: оно объявило, что великій князь не имѣетъ никакой собственности, ни въ землѣ, ни въ водѣ; не хотѣло платить никакой дани, и привело весь Новгородъ ко крестному цѣлованію на имя св. Софіи и Господина Великаго Новгорода, безъ великаго князя. На Городищѣ жили по прежнему намѣстники и дворяне великаго князя. Начались споры съ москвичами; большое вѣче жаловалось на оскорбленія новгородцамъ отъ великокняжескихъ дворянъ и отправило къ намѣстникамъ требовать виновныхъ. Намѣстники отказали. Тогда новгородцы съ вѣча отправились вооруженною силою на Городище; нѣсколько людей въ дракѣ было убито. Новгородцы захватили двухъ какихъ-то князей и еще нѣсколькихъ великокняжескихъ дворянъ, притащили ихъ на вѣче и наказывали. Великій князь, услышавъ объ этомъ, слѣдовалъ своему хитрому нраву, и послалъ въ Новгородъ пословъ не съ угрозами, а съ миролюбивыми представленіями. «Исправьтесь, люди новгородскіе,—говорили послы:—помните, что Новгородъ отчина великаго князя; не творите никакого лиха, живите по старинѣ. Государь ждетъ отъ васъ чистаго исправленія и праваго челобитья». Такой кроткій тонъ, можно подумать, нарочно избранъ для того, чтобъ новгородцы возгордились еще болѣе,—подумали, что можно теперь противиться, и стали бы отважнѣе. Новгородцы обругали великокняжескихъ пословъ; вѣче рѣшительно въ глаза имъ твердило, что «Новгородъ не отчина великаго князя, а самъ-себѣ господинъ, и долженъ управляться независимо самъ собою». Это повторялось нѣсколько разъ; а послѣ такихъ рѣзкихъ отвѣтовъ, въ 1470 г., литовская партія отправила къ Казимиру звать на кормленіе князя Михаила Олельковича, брата кіевскаго князя Симеона, ревнителя православія, возстановителя Печерской обители. Благочестивая

Digitized by Google

репутація князей Олельковичей должна была успокоивать тѣхъ, которые соблазнялись при мысли, что Новгородъ получитъ себѣ князя отъ руки государя латинской вѣры.

1470-й годъ склонялся къ концу.Ославъ звать кіевскаго князя, Великій Новгородъ отправилъ въ Москву посадника Василія Ананьина для объясненія съ великимъ княземъ. Въ чемъ состояло это объясненіе — лѣтописцы не говорятъ, ограничиваясь общимъ выраженіемъ: «о дѣлахъ своихъ земскихъ новгородскихъ». Эта неясность и краткость извѣстія не дозволяетъ намъ судить о томъ, въ какія отношенія Великій Новгородъ хотѣлъ себя поставить въ то время къ великому князю; но, конечно, объясненія, съ которыми пріѣхалъ въ Москву новгородскій посолъ, не были пріятны московскому правительству. Боярамъ великаго князя поручено было переговорить съ нимъ. «Какъ же это—сказали бояре,—ты пріѣхалъ отъ Великаго Новгорода посольство править великому князю о своихъ земскихъ новгородскихъ дѣлахъ, а о грубости и неисправленьи новгородскомъ ни одного слова покорнаго не правишь!» Василій отвѣчалъ: «Великій Новгородъ не мнѣ это приказывалъ; мнѣ то не наказано». Бояре замѣтили ему, что государю станетъ вельми грубно; однако, когда передали государю эти рѣчи, Іоаннъ приказалъ, спокойно и кротко, дать чрезъ посла Великому Новгороду такой отвѣтъ: «Моя отчина, Великій Новгородъ, люди новгородскіе! Исправьтесь и сознайтесь; не вступайтесь въ земли и воды мои, великаго князя; держите имя мое, великаго князя, честно и грозно, по старинѣ; ко мнѣ, великому князю, посылайте бить челомъ по докончанью; а я буду жаловать свою отчину и держать по старинѣ.» Не было въ словахъ великаго князя никакой угрозы.

Іоаннъ не былъ человѣкъ горячаго характера, — приходить въ изступленіе и досаду было не въ его натурѣ; онъ все сносилъ спокойно, не гнѣвался; онъ дѣлалъ

Digitized by Google

свое дѣло хладнокровно и шелъ вѣрно къ своей цѣли. Когда ему указывали на униженіе великокняжескаго достоинства, онъ спокойно отвѣчалъ: «Часто волны бьютъ о камни, но въ пѣну разсыпаются, и ничего не сдѣлаютъ, а какъ будто въ посмѣяніе исчезаютъ; такъ будетъ и съ людьми этими—новгородцами; Господь смиритъ ихъ».

Ананьинъ повезъ отвѣтъ отъ московскаго государя, самый кроткій, только мимоходомъ замѣтили ему въ Москвѣ бояре, что государю стало не въ-терпежъ *(не въ истерпъ)*, и онъ не хочетъ больше сносить такой досады и непокорства. Не показывая новгородцамъ вида, что хочетъ усмирять ихъ оружіемъ, Іоаннъ, однако, послалъ ко псковичамъ приготовлять ихъ къ вооруженію на Новгородъ въ крайнемъ случаѣ, еслибъ Новгородъ принудилъ его взяться за оружіе. Тогда Псковъ находился въ несогласіи съ Великимъ Новгородомъ уже много лѣтъ. Главная причина несогласія, кромѣ другихъ, было желаніе Пскова учредить у себя особую епархію и отдѣлиться отъ непріятнаго для нихъ начальства новгородскаго владыки. Тогда новгородскаго владыку Іону столько же во Псковѣ не любили и укоряли въ корыстолюбіи, сколько въ Новгородѣ уважали за благочестіе и святую жизнь. Назадъ тому шесть лѣтъ новгородцы такъ озлобились на псковичей, что просили великаго князя послать своего воеводу для усмиренія псковичей, нехотѣвшихъ признавать правъ новгородскаго владыки. Въ тотъ самый (1470) годъ, когда неудовольствіе Новгорода съ великимъ княземъ обѣщало кровавую развязку, въ Новгородѣ задержали псковскихъ гостей, ограбили ихъ имущество и самихъ засадили въ порубъ въ оковахъ. Псковъ хлопоталъ о возвращеніи имъ свободы чрезъ посредство великаго князя: задержанныхъ псковичей выпустили, а имущества ихъ еще не возвратили. Такъ, накопившееся прежде нерасположеніе къ Новгороду у псковичей было поддерживаемо свѣжими причинами къ

Digitized by Google

распрямъ. И тутъ, кстати, въ половинѣ ноября 1470 года явился посолъ отъ великаго князя — бояринъ Селиванъ, уже по прежнимъ сношеніямъ, знакомый псковичамъ. Пришедши на вѣче, онъ сталъ поднимать Псковъ на Великій Новгородъ и говорилъ: «Великій князь велѣлъ вамъ сказать: если Великій Новгородъ не добьетъ мнѣ челомъ о моихъ старинахъ, тогда пусть отчина моя—Псковъ послужитъ мнѣ, великому князю, на Великій Новгородъ за мои старины». Вѣче выслушало его объясненія и, послѣ преній, разсудило такъ, что Псковъ долженъ стать посредникомъ между Новгородомъ и великимъ княземъ; псковичи признавали, по доказательствамъ, представленнымъ посломъ, что Новгородъ дѣйствительно погрѣшаетъ противъ старины, и рѣшились отправить пословъ въ Новгородъ, съ тѣмъ, чтобъ эти послы, вмѣстѣ съ новгородскими, отправились къ великому князю бить челомъ и просить прощенія. Выбраны были два человѣка: одинъ Никита Насоновъ, другой сотскій Димитрій Патрикѣевичъ. Эти послы на новгородскомъ вѣчѣ говорили такъ: «Извѣщаемъ васъ, Великій Новгородъ, что великій князь, нашъ господинъ, поднимается на васъ; онъ хочетъ отъ васъ, своей отчизны, челобитья себѣ; мы за васъ, свою братію, рады слать къ великому князю своего посла вмѣстѣ съ вашимъ и бить челомъ за васъ по миродокончанной съ вами грамотѣ; дайте посламъ нашимъ путь по своей вотчинѣ къ великому князю».

Такая готовность къ покорному предстательству за Новгородъ предъ московскимъ государемъ не понравилась новгородцамъ, когда у нихъ созрѣло уже намѣреніе рѣшительно сопротивляться и отложиться отъ власти московской. Вѣче не дало опасной грамоты на проѣздъ по своей волости къ великому князю, а дало посламъ опасную грамоту на возвращеніе назадъ во Псковъ, и отправило вслѣдъ за ними въ Псковъ посла, владычнаго стольника Родіона,

Digitized by Google

съ такимъ объясненіемъ: «Великій Новгородъ велѣлъ всему Пскову повѣстить, что онъ не хочетъ вашего посла поднимать къ великому князю, и также не хочетъ ему бить челомъ. А васъ проситъ стать съ нами за-одно противъ великаго князя по нашему съ вами миродокончанью». Безъ сомнѣнія, новгородскій посолъ тогда представилъ Пскову причины, которыя побуждаютъ Великій Новгородъ отложиться, и убѣждалъ Псковъ, какъ меньшаго брата и союзника, соединиться съ Новгородомъ и единомышленно утвердить взаимную свободу. Чтобъ расположить къ себѣ псковичей, новгородцы дали этому же послу уполномочіе—уладить со Псковомъ прежнее несогласіе о задержанныхъ людяхъ въ Новгородѣ. Псковичи, чтобы вытребовать отъ Новгорода свое, не сказали послу наотрѣзъ ничего и подали надежду, не давши никакого обѣщанія. Отвѣтъ ихъ вѣча былъ таковъ: «Когда великій князь пришлетъ вамъ возметную грамоту, вы явите намъ; а мы тогда подумаемъ и отвѣтимъ вамъ». Посолъ заплатилъ 45 рублей въ вознагражденіе потерявшихъ свои имущества въ Новгородѣ. Но Псковъ не думалъ и тогда искренно помогать Новгороду въ рѣшительной борьбѣ съ великимъ княземъ. Псковъ не терпѣлъ такъ часто, какъ Новгородъ, насилій отъ Москвы. Псковъ не свыкся, подобно Новгороду, съ ненавистью къ Москвѣ; притомъ же сосѣдніе нѣмцы безпрестанно безпокоили его земли; много разъ Псковъ просилъ пособія у Великаго Новгорода, но не получалъ его, и напротивъ, много разъ получалъ помощь отъ великаго князя. И безполезно Новгородъ переговаривался со Псковомъ, пытаясь сдѣлать его участникомъ отложенія.

Но вотъ, въ самомъ Новгородѣ произошла перемѣна. Владыка Іона скончался 5 ноября 1470 г. — Приходилось выбирать новаго владыку. Дѣло отложенія много зависѣло отъ того, кого выберутъ; надобно было, чтобы новоизбранный владыка преодолѣлъ старое предубѣжденіе къ литов-

Digitized by Google

ской сторонѣ и рѣшился принять посвященіе отъ кіевскаго митрополита. Поставленіе отъ московскаго митрополита никакъ не совмѣщалось съ расторженіемъ связи съ Москвой. Такимъ владыкою могъ быть ключникъ Пименъ, любимецъ Марѳы. «Меня хоть и въ Кіевъ пошлютъ на посвященіе, такъ я пойду», говорилъ онъ. Но стариннаго обычая нарушить было невозможно, особенно въ церковномъ дѣлѣ. Владыка выбирался не иначе, какъ по жребію изъ трехъ. Единственно, что могла сдѣлать Марѳа для Пимена,—это постараться, чтобы въ числѣ трехъ кандидатовъ было его имя. Она этого достигла. 15-го ноября собралось вѣче на Софійскомъ дворѣ. Положили на престолъ три жребія: первый былъ Пимена, второй Варсонофія, духовника покойнаго Іоны, третій Ѳеофила — протодіакона. Народъ въ ожиданіи толпился около св. Софіи; по окончаніи литургіи начали выносить изъ церкви жребіи;—вынесли Варсонофіевъ, вынесли Пименовъ,—остался на престолѣ Ѳеофиловъ. Ѳеофилъ долженъ былъ сдѣлаться владыкою. Инокъ, чуждый, можетъ быть, волненій политическихъ, ужаснулся мысли просить поставленія отъ Григорія. Увѣщанія московскихъ митрополитовъ, неоднократно посылаемыя предъ тѣмъ одно за другимъ въ Новгородъ, внушили новгородскимъ духовнымъ, что Григорій, называющій себя митрополитомъ, есть волкъ, а не пастырь; что онъ преемникъ и послѣдователь отступника Исидора, слуга поганаго папы и латинскаго короля, врага и гонителя русской вѣры. Московская митрополія имѣла для духовенства святость старины; сами патріархи константинопольскіе, отъ которыхъ столько вѣковъ зависѣла русская Церковь, приказывали уже не разъ новгородскимъ владыкамъ признавать надъ собою его благословеніе. Притомъ же дѣло церковное, казалось, могло совершаться своимъ путемъ, независимо отъ политическаго. Духовенство, а за нимъ и многіе граждане рѣшили, что новоизбранному

Digitized by Google

владыкѣ ни отъ кого нельзя принять поставленія, кромѣ какъ отъ московскаго митрополита, по старинѣ. Противники московскаго владычества старались противодѣйствовать, и распространяли въ простомъ народѣ мысль о возможности отставить новоизбраннаго, когда онъ хочетъ ѣхать въ Москву, и вмѣсто его назначить Пимена. Говорятъ, что Пименъ, при жизни старика Іоны, завѣдуя софійскою казною, похищалъ изъ ней часть и отдавалъ Марѳѣ, а Марѳа, чрезъ своихъ пособниковъ, раздавала черни, чтобъ та требовала Пимена. Продѣлка не удалась. Трудно было подорвать обычай выбора; Ѳеофилъ, избранный по жребію, представлялся народному понятію указаннымъ самимъ Богомъ. Узнали объ искательствѣ Пимена, и бѣдный раздѣлался за него не дешево: его подвергли розыску, — отобрали у него казну и взяли у самого 1,000 рублей. Вліяніе Марѳы и ея партіи временно должно было уменьшиться. Послали въ Москву Никиту Ларіоновича просить у великаго князя опасной грамоты, чтобы владыка съ нею могъ ѣхать къ митрополиту для поставленія. Не дали намека на политическія отношенія, какъ будто бы между Великимъ Новгородомъ и великимъ княземъ все идетъ согласно и не было никакой размолвки. Іоаннъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ принялъ тотъ же тонъ, какой показывалъ и прежде, не сдѣлалъ намека на отношенія свои къ Новгороду и отвѣчалъ: «Отчина моя Великій Новгородъ прислалъ ко мнѣ бить челомъ о томъ, что послѣ того какъ Богъ взялъ отца ихъ и нашего богомольца, архіепископа Іону, новгородцы избрали себѣ, по своему обычаю, по жеребьямъ Ѳеофила; и я, великій князь, ихъ жалую и велю нареченному Ѳеофилу прибыть въ Москву ко мнѣ и къ отцу своему, митрополиту Филиппу, для поставленія на архіепископство Великаго Новгорода и Пскова, безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ бывало при отцѣ моемъ Василіѣ, и при дѣдѣ, и при прадѣдѣ, и при

Digitized by Google

всѣхъ прежде-бывшихъ великихъ князьяхъ,—ихъ же родъ есть володимирскихъ, и Новагорода Великаго, и всея Русіи».

Никита Ларіоновъ, возвратившись изъ Москвы, нашелъ въ Новгородѣ дѣла въ другомъ положеніи. Патріоты снова одержали верхъ. Партія богатыхъ и знатныхъ фамилій наклонялась къ примиренію; но Марѳа и ея соумышленники возбудили черный народъ, гдѣ раздачею денегъ, гдѣ убѣжденіями и ненавистью къ знатнымъ, издавна вооружавшимъ противъ себя бѣдныхъ и простыхъ. «Худые мужики — вѣчники, — какъ называетъ ихъ московскій лѣтописецъ, — прибѣгали толпами на вѣче, звонили въ колоколъ, сбѣгался народъ; всколебались, — говоритъ лѣтопись, — всѣ новгородцы словно пьяные». Настроенные Марѳою мужики кричали: «Не хотимъ великаго князя московскаго! Мы не отчина его! Мы вольные люди — Великій Новгородъ! Московскій князь чинитъ надъ нами великія обиды и неправды! Отдаемся королю польскому и великому князю Казимиру! Зачѣмъ послали въ Москву просить опасной грамоты владыкѣ? Пусть владыка ѣдетъ на поставленіе къ митрополиту Григорію въ Кіевъ!» Тогда люди степенные, старые, бывшіе посадники и тысячскіе, и вообще богатые, говорили: «Нельзя, братья, этому быть, какъ вы говорите, чтобъ намъ даться за короля Казимира и поставить себѣ архіепископа отъ его митрополита, латинина. Изъ начала мы отчина великихъ князей, отъ перваго великаго князя Рюрика, котораго Земля наша избрала изъ варягъ себѣ княземъ. Правнукъ его, Владимиръ, крестился и крестилъ всю Землю Русскую и нашу Словенскую-Ильмерскую и Весскую, т. е. Бѣловерскую, и Кривскую, и Муромскую, и Вятичей, и проч.; и до нынѣшняго господина нашего, великаго князя Ивана Васильевича, мы не бывали за латиною, и не ставливали себѣ архіепископа отъ нихъ. Какъ теперь вы хотите, чтобъ мы поставили

Digitized by Google

себѣ владыку отъ Григорія, а Григорій ученикъ Исидора латинина? Къ Москвѣ хотимъ!—кричали зажиточные. Къ Москвѣ, по старинѣ, къ митрополиту Филиппу въ православіе!»

Противники не поддавались на такія убѣжденья, проклинали Москву, величали вольность Великаго Новгорода, и кричали: «За короля хотимъ! мы — вольные люди, и наша братья, Русь, подъ королемъ—вольные люди! Пусть Казимиръ охраняетъ Великій Новгородъ!» Началась перебранка; наконецъ, вѣчники начали кидать въ противную сторону каменьями. Такія собранія повторялись нѣсколько дней, и, наконецъ, сторонники мира съ Москвою не смѣли показаться. Ѳеофилъ видѣлъ, что ему не сдобровать; у него недоставало твердости воли; онъ самъ не могъ себѣ уяснить: будетъ или не будетъ противно православію посвятиться отъ Григорія. Онъ просилъ уволить его отъ предстоящаго сана; новгородцы, считая избраніе его указаніемъ Божіимъ, не дозволяли. Его убѣждали, что православіе отъ этого не пострадаетъ; уже былъ одинъ примѣръ, когда владыка Евфимій поставленъ митрополитомъ не московскимъ, а литовскимъ, Герасимомъ. Со страхомъ недовѣрія склонился владыка на литовскую партію. Къ успокоенію владыки и народа, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ князь Михаилъ Олельковичъ, прибывшій въ Новгородъ 8-го ноября, чрезъ два дня по смерти Іоны. Дружина его состояла изъ кіевлянъ, съ которыми новгородцы сходились снова послѣ столькихъ вѣковъ разлуки; родственныя черты народности должны были поражать новгородцевъ и располагать къ нимъ; это были православные: они должны были увѣрить новгородцевъ собственнымъ примѣромъ, что во владѣніяхъ великаго князя литовскаго православный народъ пользуется невозмутимымъ правомъ свободы совѣсти; что пастыри ихъ вовсе не латины; что наговоры на нихъ исходятъ изъ Москвы, которая силится отклонить Нов-

Digitized by Google

городъ отъ связи съ Литвою для того, чтобы задушить его свободу. Не забыли, вѣроятно, кіевляне объяснить новгородцамъ и то, что въ это же самое время, когда Новгородъ искалъ спасенія у Казимира, другіе народы также добровольно отдавались ему: чехи избрали сына его на престолъ, и венгерцы готовились изгнать своего короля Матѳія и принять другого Казимирова сына. Видно, что съ Польшей и Литвой хорошо было жить, когда народы свободные, самобытные, добровольно вступаютъ съ ними въ связь. Наконецъ, къ союзу съ Казимиромъ побуждала и опасность войны. «Видите-ли, какъ поступаетъ съ Новгородомъ великій князь,»—говорили приверженцы литовской партіи:—даетъ опасъ владыкѣ ѣхать къ Москвѣ, и разомъ поднимаетъ на насъ Псковъ и хочетъ идти на насъ войною.»

При всѣхъ этихъ благопріятствующихъ обстоятельствахъ, вѣче составило договорную грамоту съ королемъ Казимиромъ. Она была составлена по образцу древнихъ договорныхъ грамотъ Великаго Новгорода съ своими князьями, и отличалась отъ прежнихъ только нѣкоторыми подробностями; такъ напримѣръ: нѣтъ правила объ охотѣ и рыбной ловлѣ, и о медовареніи для князя; не упоминается о дарѣ своему новому господину, который давался прежнимъ князьямъ; не говорится о мытахъ торговыхъ, о которыхъ условливались въ прежнихъ грамотахъ; отношенія опредѣляются общимъ выраженіемъ: «посламъ и гостямъ путь чистъ по Литовской Землѣ и по Новгородской». Новгородъ обезпечиваетъ свободу своей религіи и Церкви. Предоставлялось королю право держать намѣстника на Городищѣ, но съ тѣмъ, чтобъ намѣстникъ былъ вѣры греческой; при немъ могъ быть тіунъ и дворецкій, и дружина,—въ этой дружинѣ не должно быть болѣе пятидесяти человѣкъ. Королю не дозволялось строить костеловъ въ Новгородской Землѣ. Ничего не говорится объ отноше-

Digitized by Google

ніяхъ владыки къ литовскому митрополиту; напротивъ, сдѣланъ оговоръ: «а гдѣ будетъ намъ Великому Новгороду любо въ своемъ православномъ христіанствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей волѣ». Такимъ образомъ, оставлялась возможность ставить владыку и у московскаго митрополита, и у восточныхъ патріарховъ. Церковь новгородская пріобрѣтала ту независимость, какой домогалась давно, стараясь отложиться отъ зависимости московскому митрополиту. Предметъ, которымъ подробно занимается грамота,—судное дѣло и доходы, предоставляемые новому господину. Судъ остается на прежнихъ основаніяхъ: намѣстнику Казимира предоставлялся судъ съ посадникомъ на владычнемъ дворѣ, не вступаясь въ суды тысячскаго и владыки и въ монастырскіе суды. Доходъ въ волостяхъ составляли: за проѣзжій судъ пошлины, собираемыя по разнымъ пригородамъ извѣстною суммою, разною въ различныхъ пригородахъ. Новгородъ предоставлялъ Казимиру часть Волоцкой и Новоторжской волостей, гдѣ издстари князья держали своихъ тіуновъ, и, сверхъ того, также особый поборъ подъ именемъ черной куны въ волостяхъ порубежныхъ Литвѣ: Ржевѣ, Великихъ-Лукахъ, Холмовскомъ погостѣ и также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Молвотицахъ, Жабнѣ, Моревѣ, Лопатицахъ, Буицахъ) опредѣленное число куницами, бѣлками и рублями. Вообще изъ этого договора видно, какъ мало развивались въ Новгородѣ политическія понятія, когда, вступая въ новую сферу политическаго существованія, онъ не могъ ничѣмъ болѣе обезпечить свою самостоятельность, какъ только прежними условіями. Казиміръ обязывался помогать Новгороду противъ московскаго князя, а Новгородъ обѣщалъ однажды собрать черный боръ со всей Новгородской волости въ благодарность.

Съ этимъ договоромъ поѣхали къ Казиміру: сынъ Марѳы, Димитрій, Аѳанасій Астафьевичъ, бывшій посад-

Digitized by Google

никъ, и отъ всѣхъ пяти концовъ по одному житому человѣку [1]).

Дошло извѣстіе о такомъ поворотѣ дѣла до Ивана Васильевича. Онъ не измѣнилъ своему хладнокровному спокойствію и наружной кротости, не пришелъ въ ярость, но отправилъ въ Новгородъ пословъ съ ласковыми убѣжденіями; онъ не грозилъ даже войною. Онъ напоминалъ Новгороду, что отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, отъ Рюрика до сего дня, Новгородъ зналъ одинъ княжескій родъ. «Вы не были ни за какимъ королемъ—говорилъ посолъ отъ имени великаго князя—и за великимъ княземъ литовскимъ вы не были, какъ и Земля ваша стала; а нынѣ отъ христіанства отступаете къ латинству, черезъ крестное цѣлованіе; а я, князь великій, не чиню надъ вами никакого насилія, не налагаю на васъ никакихъ тягостей выше того, что было при отцѣ моемъ, великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ, при дѣдѣ же и при прадѣдѣ, и при всѣхъ великихъ князьяхъ рода нашего; но еще хочу жаловать васъ, свою отчину.» Вмѣстѣ съ ласковымъ и кроткимъ словомъ великаго князя, прочитана была на вѣчѣ увѣщательная грамота Филиппа. Въ ней излагалось все послѣднее дѣло Новгорода съ великимъ княземъ, вспоминались два посольства новгородскія, восхвалялись справедливость и милосердіе великаго князя, потомъ говорилось: «Нынѣ, сыны мои, дошло до моего слуха, и очень удивляюсь я тому, что въ ваши сердца входятъ неподобныя мысли; вы оставляете жалованье великаго князя, господина и сына моего; отступаете отъ своего господина, отчича и дѣдича, отъ христіанскаго господаря русскаго; забываете свою старину и обычаи, и приступаете къ чужому латинскому государю-

---

[1]) Памфилъ Селифонтовичъ, Кирило Ивановичъ, Якимъ Яковличъ, Яковъ Зиновьевичъ, Степанъ Григорьевичъ (Акт. Геогр. Арх. Эксп. I, 62).

Digitized by Google

королю;—недобрые люди возмущаютъ васъ, говорятъ: великій князь поднимаетъ на васъ Псковъ и хочетъ на васъ войной идти. Это, дѣти, врагъ-діаволъ вкладываетъ неподобное въ сердца человѣка, нехотя роду человѣческому добра, а желая ему погибели. Господинъ мой и сынъ, князь великій, посылалъ своего посла во Псковъ, не чая вашего челобитья, а какъ вы послали съ челобитьемъ, такъ съ того часу и жалованье господина великаго князя пошло, и впередъ по вашему челобитью и исправленію жалованье вамъ будетъ. Не соблазняйтесь же, дѣти; помните, дѣти, апостольское слово: братіе, бога бойтеся, а князя чтите,—Божій бо слуга есть. Разумѣйте, дѣти: царствующій градъ Константинополь и церкви Божіи непоколебимо стояли, пока благочестіе въ немъ сіяло какъ солнце. А какъ оставилъ истину, да соединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною, да подписался папѣ золота ради, такъ и скончалъ безгодно свой животъ патріархъ, и Царьградъ впалъ въ руки поганыхъ турокъ. А вы развѣ не чаете Божія гнѣва? Сколько лѣтъ ваши пращуры и прапращуры, и прадѣды, и дѣды, и отцы старины держались и неотступно великихъ русскихъ государей; а вы на концѣ послѣдняго времени, когда бы надобно душу спасать въ православіи, все оставя, да за латинскаго государя закладываетесь. Развѣ не знаете божественнаго писанія, какъ святыми отцами заповѣдано, чтобъ съ латиной не имѣть общенія? Я знаю, что вы горазды сами божественное писаніе разумѣть, а такъ дѣлаете!»

Люди степенные, богатые, бояре, расчуствовались отъ этихъ увѣщаній. «Не надобно преступать крестнаго цѣлованія»—стали говорить они. Но Марѳа Борецкая и ея дѣти и приверженцы—говоритъ московскій лѣтописецъ—не хотѣли слышать этихъ рѣчей: они уже подготовили партію чернаго народа. Словно скоты—говоритъ тотъ же враж-

Digitized by Google

дебный лѣтописецъ [1])—смерды, убійцы, шильники, мужики безъ-именитые, разума неимѣющіе, умѣющіе только кричать да рычать, какъ безсловесныя животныя, пересилили ихъ. Звонили въ колокола, кричали, вопили: «Мы не отчина московскаго князя! Великій Новгородъ—вольная отъ вѣка Земля! Великій Новгородъ самъ себѣ государь! Хотимъ за короля Казимира!»

И послы великокняжескіе возвратились со срамомъ.

Уже тогда Новгородъ такъ далеко зашелъ, что воротаться было невозможно; послы уже отправились къ Казимиру, а, можетъ быть, въ то время и воротились назадъ съ успѣшнымъ окончаніемъ дѣла; примириться съ великимъ княземъ значило навести на себя гнѣвъ и войну отъ Казимира; а между тѣмъ, не было покойнаго ручательства, чтобъ московскій государь не продолжалъ дѣла своихъ отцовъ и не уничтожилъ окончательно новгородскую свободу.

Прежнее терпѣніе и спокойствіе Ивана Васильевича не измѣнилось и при новыхъ непріятныхъ вѣстяхъ. Онъ съ видимымъ соболѣзнованіемъ пригласилъ мать свою, митрополита Филиппа и бояръ, и говорилъ, что противъ его воли вынужденъ исполнить мысль свою надъ новгородцами. Чтобъ придать еще болѣе вида своей справедливости, великій князь разослалъ звать свою братію, всѣхъ епископовъ и бояръ на совѣтъ. Онъ не спѣшилъ войною, показывалъ видъ, что желаетъ, чтобъ дѣло обошлось безъ войны,—чтобъ новгородцы одумались; что онъ ничего отъ нихъ не требуетъ, кромѣ старины, и послалъ еще въ концѣ марта посла—Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ такими же, какъ и прежде, кроткими увѣщаніями. «Не отступай, моя отчина, отъ православія» — говорилъ отъ имени великаго князя Товарковъ: — изгоните изъ сердца своего лихую

---

[1]) Ник. Л. VI. 20.

Digitized by Google

мысль; не приставайте къ латинству; исправьтесь и бейте мнѣ челомъ, а я буду васъ жаловать и въ старинѣ держать» [1]). Съ своей стороны, и митрополитъ послалъ еще одно увѣщаніе, въ духѣ прежняго. Въ немъ, между прочимъ, было сказано:

«Многое лютое и неутолимое предстоитъ въ такомъ начинаніи, чтобъ, оставивши новый законъ благочестія и спасенной заповѣди живаго Бога, приступить къ латинству; всѣ прельщенныя души взыщутся отъ рукн Господа Вседержителя на тѣхъ богоотступникахъ, начинающихъ вводить богоотметную ересь древнихъ еретиковъ каруловыхъ въ великое благочестіе вашихъ земель даже до онаго Формоса, послѣдовавшаго имъ, папы римскаго, ереси, въ которой до сихъ поръ пребываетъ латинь и всѣ ихъ папы римскіе четверовластно держа святую Троицу, глаголюще не токмо отъ отца Духъ святый исходящь, но и отъ Сына, Духа, яко раболѣпна Духа Святаго глаголютъ и опрѣсночная служатъ, и субботу хранятъ, и постятся въ нюю, яко жидови, и водою кропятся по вся дни, тѣмъ же обычаемъ жидовскимъ». Обращаясь къ духовенству новгородскому, митрополитъ говорилъ: «А ты, сыну Ѳеофиле, нареченный во владычество, и вы, архимандриты и честнѣйшіе игумены, и всѣхъ семи соборовъ священники! Накажите своихъ дѣтей духовныхъ отъ велика до мала, укрѣпляйте ихъ въ вѣрѣ православія, берегучи единородныхъ и безсмертныхъ ихъ душъ отъ сѣтей ловца, многословнаго змія діавола, яко да не ввалятъ въ стромины покровенныхъ оныхъ глубокихъ ямъ бѣсовскихъ, ни увязнутъ въ сѣтяхъ лукаваго прельщеніемъ латинскихъ ересей... А вы, старые посадники новгородскіе и тысячскіе, и бояре, и купцы, старшіе младыхъ понакажите, и вщините лихихъ отъ злаго начинанія, чтобъ не было латинамъ по-

[1]) Соф. I, 8.

Digitized by Google

хвалы на вѣру православныхъ людей» [1]). Эти увѣщанія, казалось, пришли кстати. Призванный изъ Литвы князь Михайло Олельковичъ уѣхалъ изъ Новгорода 15-го марта. Передъ тѣмъ умеръ братъ его, князь кіевскій Симеонъ, и Казимиръ посягалъ уничтожить кіевское княженіе и поставить въ Кіевѣ воеводу. Князь Михаилъ поспѣшилъ въ Кіевъ—удерживать свое наслѣдіе, и надѣялся заступить мѣсто брата. Въ свое четырехмѣсячное пребываніе онъ вовсе не расположилъ къ себѣ новгородцевъ; много было отъ его дружины непріятностей; дорого стоило Новгороду содержаніе такихъ гостей: надобно было всѣмъ доставлять кормъ и давать подарки; и всѣмъ они были недовольны; наконецъ, уходя изъ Новгорода, они шли по новгородской волости какъ непріятели; въ Русѣ силою брали оброки, грабили и дѣлали насилія по новгородскимъ селамъ вплоть до самаго рубежа. Такимъ образомъ, помощь, ожидаемая отъ короля, едва-ли въ то время могла представляться новгородцамъ въ привлекательномъ видѣ. Однако, партія Борецкихъ успѣла еще разъ пересилить противную. Вѣроятно, король, отправляя пословъ назадъ, надавалъ имъ много лестныхъ обѣщаній.

Тогда уже Іоаннъ приступилъ къ рѣшительному дѣлу.

Съѣхались въ Москву епископы, бояре, воеводы. Великій князь извѣстилъ ихъ, что съ прискорбіемъ долженъ идти на Новгородъ ратью. Новгородцы измѣнили, и нѣтъ въ нихъ никакой правды, — ни во что̀ считаютъ московскую власть. «Не знаю только,—говорилъ великій князь, —идти ли теперь, или подождать зимы; теперь наступаетъ время лѣтнее, а земля у нихъ многоводная—большія озера, великія рѣки, непроходимыя болота; прежніе великіе князья въ такое время на нихъ не ходили; а кто ходилъ, тотъ много людей потерялъ». Но оскорбленіе отъ Новгорода ка-

[1]) Акт. Ист. I. 510, 517.

Digitized by Google

салось не одного князя; его братья, его бояре чувствовали его на себѣ; вмѣстѣ съ непріязнью къ великому князю соединилась давняя къ Новгороду непріязнь Восточной и Сѣверной Руси. Новгородцы, вѣчники, крамольники—возбуждали негодованіе въ покорныхъ властямъ москвичахъ и вообще великоруссахъ, у которыхъ уже угасли тогда древнія вѣчевыя начала подъ татарскимъ игомъ. «Нельзя ожидать—говорили ему,—не дадимъ королю собраться на помощь новгородцамъ.» И такъ, рѣшили идти немедленно, и князь одного посла отправилъ въ Новгородъ съ розметною грамотою, объявляющею войну, а другого во Псковъ.

На Троицыной недѣлѣ, въ пятокъ, прибылъ во Псковъ дьякъ московскій, по имени Яковъ; разсказалъ всѣ новгородскія неправды противъ великаго князя; извѣщалъ, что князь въ понедѣльникъ на будущей недѣлѣ отошлетъ свои розметныя грамоты въ Новгородъ, и потребовалъ, чтобъ и Псковъ также послалъ отъ себя въ своихъ розметныхъ грамотахъ объявленіе войны Великому Новгороду.

«Великій князь — говорилъ посолъ — приказалъ вамъ сказать:—что у васъ съ Новгородомъ миръ и крестное цѣлованье, то я буду предъ Богомъ въ томъ грѣхѣ, а вы крестную грамоту отвергните.»—«Когда услышимъ—отвѣчали псковичи,—что великій князь вступилъ въ Новгородскую Землю, и мы вступимъ туда ратью».

И послали подвойскаго Савву съ розметными грамотами въ Великій Новгородъ [1]).

Въ это время явился посолъ и отъ Новгорода — приглашать псковичей противъ великаго князя. Но способъ посольства оскорбилъ псковичей, уже настроенныхъ противъ Новгорода. Присланъ былъ не бояринъ, а подвойскій, безъ обычнаго поклона, безъ челобитья, не какъ къ равному себѣ меньшому брату, а какъ къ своему прино-

[1]) Псков. Л. I, 239, II, 36.

Digitized by Google

роду,—съ однимъ вопросомъ: «врекаетесь ли пособить намъ противъ великаго князя?» Псковичи думали такъ и сякъ—и рѣшились воевать противъ Новгорода.

Уже таинственное ожиданіе чего-то грознаго смущало новгородское населеніе. Не задолго передъ тѣмъ посѣщалъ Великій Новгородъ преподобный Зосима, соловецкій отшельникъ. Онъ приходилъ жаловаться на боярскихъ людей, которые не дозволяютъ инокамъ его обители ловить рыбу и ходатайствовалъ, чтобъ монастырю подарили островъ во владѣніе. Марѳа Борецкая, имѣвшая тогда вліяніе на дѣла, была противъ отдачи острова обители. Когда Зосима, хлопоча по своему дѣлу, явился-было къ ней, она не пустила его къ себѣ. Тогда преподобный, обратившись къ ея дому, сказалъ:—«Придутъ дни, когда живущіе въ дворѣ семъ не оставятъ въ немъ слѣдовъ своихъ, и затворятся двери дома сего, и дворъ ихъ будетъ пустъ». Однако, по ходатайству владыки и духовенства, вѣче согласилось на просьбу Зосимы,—подарило островъ монастырю и дало Зосимѣ грамоту на владѣніе отъ всего Великаго Новгорода. Тогда и Марѳа одумалась,—не стала больше противиться и пригласила преподобнаго къ себѣ на пиръ. Зосима не помянулъ ея прежней суровости и пришелъ. Марѳа съ почестьми приняла его и посадила за столомъ на почетное мѣсто. Вдругъ, посреди пира, преподобный задрожалъ, устремилъ глаза, исполненные ужаса, на сидѣвшихъ за столомъ бояръ и заплакалъ, но не сказалъ ничего. До конца пира онъ ничего не ѣлъ, ничего не говорилъ и былъ печаленъ.—«Чего ты ужаснулся, сидя за столомъ? Что ты видѣлъ, и отчего заплакалъ?» спросилъ его потомъ благочестивый Памфилъ, одинъ изъ бояръ, послѣ и самъ удалившійся изъ разореннаго отечества въ Соловецкую обитель.—«Я видѣлъ—сказалъ Зосима—бояръ, что сидѣли за столомъ: на нихъ головъ не было!» Это были тѣ самые четыре боярина, которымъ потомъ московскій великій князь отру-

Digitized by Google

билъ головы въ Русѣ. Новгородецъ происхожденіемъ и душою, преподобный Зосима заранѣе плакалъ о грядущей судьбѣ своего отечества, предвидя пророческимъ даромъ, что скоро падетъ сила его, затмится слава его и дѣти его пойдутъ умирать невольниками на чужой землѣ.

Предзнаменованія слѣдовали одно за другимъ. Буря сломила крестъ на св. Софіи; на гробахъ двухъ новгородскихъ архіепископовъ, почивающихъ въ мартиріевской паперти у св. Софіи, увидѣли кровь; у хутынскаго Спаса зазвонили сами собою колокола; въ женскомъ монастырѣ Евфиміи въ церкви на иконѣ Богородицы изъ очей покатились слезы, какъ струя; замѣтили слезы и на иконѣ св. Николы Чудотворца въ Никитиной улицѣ; а на Ѳедоровой улицѣ полилась вода съ вѣтвей и съ вершины тополцевъ (ветлъ) и это были какъ-будто слезы [1]).

Что-то зловѣщее носилось надъ Великимъ Новгородомъ.

31-го мая 1471 года, великій князь отрядилъ рать свою подъ начальствомъ Василія Ѳедоровича Образца и Бориса Матвѣевича Тютчева на Двину, чтобъ захватить главнѣйшія новгородскія колоніи. Къ великокняжескому ополченію долженъ былъ пристать подручникъ московскаго государя—устюжскій князь Василій Ѳедоровичъ. Подожгли тогда на новгородцевъ и Вятку, гдѣ тлилась давняя непріязнь къ бывшей метрополіи, и вятчане послали свое ополченіе. Пристала къ великому князю и Вологда, пригородъ новгородскій. Давно уже недовольна была она управленіемъ Великаго Новгорода. Какъ Торжокъ, она имѣла всегда партію, готовую перейти на сторону великаго князя, особенно когда въ распрѣ съ Новгородомъ счастіе склонялось не къ послѣднему. Новгородцы отправили защищать

---

[1] Новг. Л. III, 241; I, 127.

Digitized by Google

Заволочье потомка низложенныхъ суздальскихъ князей—Василія Шуйскаго-Гребенку.

Черезъ шесть дней послѣ первой рати, іюня 6-го, отправилась изъ Москвы другая рать, въ двѣнадцать тысячъ. Предводительствовали князь Данило Дмитріевичъ Холмскій, да бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ. Они должны были идти къ Русѣ, оттуда обойти Ильмень и стать позади Новгорода [1]). Снова, черезъ шесть дней послѣ того, іюня 13-го, отправленъ былъ третій отрядъ, подъ начальствомъ князя Василія Ивановича Оболенскаго-Стриги; много было въ немъ русскихъ ратниковъ; къ нимъ придали еще и татаръ, подручныхъ великому князю татарскихъ царевичей Даньяровъ. Этотъ отрядъ посланъ на Волочокъ, и долженъ былъ пройти побережье рѣки Мсты. Всѣмъ дано приказаніе—жечь безъ пощады новгородскіе пригороды и селенія: положить пусту землю, черезъ которую будетъ лежать путь,—убивать безъ разбора и состраданія и малыхъ, и старыхъ, и загонять въ плѣнъ людей. Во Псковъ былъ посланъ приказъ выходить въ новгородскую волость. Другой посолъ отправился къ тверскому князю требовать, чтобъ тверская рать была послана къ Торжку на соединеніе съ главною ратью московскою. Такимъ образомъ, передовые отряды должны были опустошить Новгородскую Землю, прежде чѣмъ главное войско пойдетъ за ними къ центру этой земли, къ Великому Новгороду.

Великій князь отправилъ отряды одинъ за другимъ, а потомъ и самъ съ своими родственниками и подручными князьями сталъ собираться. Управлять Москвою оставилъ онъ своего сына Ивана и брата Андрея; съ нимъ должны были идти другіе братья — Юрій и Борисъ, двоюродный братъ Михаилъ Андреевичъ, много служебныхъ князей, переставшихъ уже дорожить своею независимостію въ теп-

[1]) Соф. II, 191.

Digitized by Google

ломъ углу подъ московскимъ крыломъ, бояре, и воеводы, и дѣти боярскіе, и татары касимовскіе съ ихъ царемъ Даніаномъ Касимовичемъ и татары мещерскіе: иноплеменные поселенцы Русской Земли, они платили теперь вѣрною службою московскому самовластію за раболѣпство ханамъ предковъ московскаго государя. Сборнымъ мѣстомъ былъ назначенъ Волокъ-Ламскій.

Наступилъ день отъѣзда изъ Москвы. Иванъ Васильевичъ съ обыкновеннымъ невозмутимо-спокойнымъ и благочестивымъ лицомъ посѣщалъ одинъ за другимъ московскіе кремлевскіе соборы и молился усердно образу Владимирской Богородицы въ Успенской церкви, молился передъ гробами московскихъ святителей, митрополитовъ, благословлявшихъ всегда его предковъ на пораженіе удѣльной свободы; молился онъ въ церкви архистратига Михаила, — прося предводителя силъ безплотныхъ невидимо помогать ему; просилъ заступленія святыхъ, ознаменовавшихъ свое земное житіе воинскою храбростію: Димитрія Селунскаго, Георгія Храбраго, всегда покровительствующихъ воинамъ въ браняхъ; припадалъ къ гробамъ прародителей, начиная отъ Ивана Калиты до отца своего, Василія. Всѣ они воевали противъ Новгорода. Теперь ихъ потомокъ шелъ кончить дѣло, котораго не суждено было окончить дѣдамъ. «О, прародители мои! — восклицалъ Иванъ:—о, великіе князья Владимира, Новгорода и всея Руси! Если вы духомъ и далеко отстоите, то молитвами помогите мнѣ на отступниковъ православія державы вашей!» Потомъ онъ посѣщалъ монастыри, вездѣ прикладывался къ святынѣ, принималъ благословеніе и раздавалъ обильную милостыню. Окончивши путешествіе по церквамъ, великій князь Иванъ принялъ торжественно благословеніе на брань отъ митрополита Филиппа и всего освященнаго собора. И благословилъ его митрополитъ Филиппъ на брань на противники, какъ благословлялъ Самуилъ Давида на

Digitized by Google

Голіаѳа—говоритъ московскій лѣтописецъ. Московское духовенство одушевляло ратныхъ толкованіемъ, что—предстоитъ намъ брань святая за православную вѣру. Какъ Димитрій Ивановичъ — говоритъ одинъ изъ духовныхъ того времени, котораго слова вошли въ лѣтопись [1]),—шелъ на безбожнаго Мамая и на богомерзское воинство татарское, такъ и нашъ благовѣрный великій князь Иванъ идетъ на этихъ отступниковъ,—дѣла ихъ хуже невѣрныхъ: невѣрные изначала незнали Бога, ни отъ кого не научились православію и держались всегда своего перваго языческаго идолопоклоненія; а эти—пятьсотъ лѣтъ были въ крещеніи, а теперь, на скончаніи седьмой тысящи, захотѣли отступить къ латинству. И такъ, нашъ великій князь идетъ не яко на христіанъ, но яко на иноязычниковъ и на отступниковъ православія.

Великій князь былъ вѣренъ своему нраву: онъ взялъ съ собою архіепископскаго дьяка Степана Бородатаго—«умѣвшаго воротити русскими лѣтописцы». «Когда придутъ новгородскіе послы,—говорилъ ему Иванъ—ты имъ помяни давнія неправды новгородцевъ; припомни имъ все, какъ они въ прежнія времена измѣняли князьямъ, отцамъ нашимъ, и дѣдамъ, и прадѣдамъ».

24-го іюня прибылъ великій князь въ Волокъ, 29-го въ Торжокъ. На Волокѣ сошлись съ нимъ его братья съ своими ополченіями; въ Торжкѣ—ратная сила Тверской Земли. Великій князь понималъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и не думалъ о генеральной битвѣ,—онъ собралъ своихъ братьевъ и воеводъ, и сказалъ имъ: «Ступайте каждый съ своими силами; ступайте разными дорогами къ Великому Новгороду; жгите, убивайте, въ плѣнъ людей загоняйте». И они пошли исполнять повелѣніе своего властителя — разными дорогами.

---

[1]) Ник: Л. VI, 24.

Digitized by Google

И въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ, также собирались на ратное дѣло. И тамъ, какъ въ Москвѣ, молились со слезами своей народной святынѣ,—просили помощи у Знаменской Богоматери, древле сохранившей Новгородъ отъ такой же рати, посланной предкомъ великаго князя; призывали заступничество архіепископа Іоанна, своими молитвами низведшаго на Новгородскую Землю благодать побѣды; поклонялись предъ гробами владыкъ, благословлявшихъ народъ на защиту святыни народной свободы. Но за то въ Новгородѣ не переставали волненія. Одни шли съ жаромъ на брань; другіе колебались; иные соглашались, и потомъ охота отпадала у нихъ. Новгородское населеніе отвыкло отъ воинственности; ярые противники Москвы принуждены были подгонять палками и кулаками на войну непривычныхъ плотниковъ, гончаровъ, перевозчиковъ; были и такіе, которые за упорство полетѣли съ моста въ Волховъ. Сельскій народъ вооружался машинально по приказанію города, также какъ въ Московскомъ Государствѣ машинально сельскій народъ долженъ былъ исполнять волю Ивана Васильевича. Владыка Ѳеофилъ двоился, мучился совѣстію: то готовъ былъ принести повинную великому князю-самодержцу, то пробуждалось въ немъ патріотическое чувство свободнаго новгородца. У владыки былъ свой конный отрядъ—стягъ; владыка отправилъ его на войну, но далъ приказаніе—уклоняться отъ битвы съ войсками великаго князя. «Псковичи встрѣтятся, такъ бейтесь», — сказалъ владыка. На псковичей злоба была преемственная отъ прежнихъ владыкъ за стремленіе Пскова отпасть отъ новгородской епархіи. Сначала Новгородъ отправилъ передовое ополченіе къ Русѣ на судахъ по Ильменю; потомъ собиралось идти также на судахъ другое—главное, котораго число простираютъ лѣтописцы до тридцати тысячъ.

Передовой отрядъ Даніила Холмскаго прошелъ безпре-

Digitized by Google

пятственно до Русы. Вездѣ, куда только проходили москвичи, они сожигали до тла жилища, истребляли хлѣбъ; кого хотѣли—убивали, кого хотѣли—брали въ плѣнъ; дѣлали неудержимыя неистовства надъ народомъ. «Видимая была благодать Божія надъ Иваномъ Васильичемъ—говорили москвичи:—Земля Новгородская обыкновенно лѣтомъ наводняется, такъ что никакой рати пройти невозможно, и они,—окаянные измѣнники, — жили себѣ безопасно отъ войны отъ весны и до зимы: не чаяли они себѣ нашествія; а тутъ, на пагубу ихъ Новгородской Землѣ, ни капли дождя не было все лѣто—съ мая до сентября; жары были постоянные; болота высохли, и рать московская всюду гонялась за жителями и карала ихъ за неправду. Такъ-то Богъ смирялъ ихъ крѣпкую руку благочестивому князю, государю нашему, Русскія Земли» [1]).

23-го іюня московское войско дошло до Русы, разорило ее и пожгло. Тогда новгородскій передовой отрядъ высадился съ судовъ на берегу Ильменя у Коростыня. Новгородцы, ставши на твердую землю, думали неожиданно напасть на москвичей, но вмѣсто того на нихъ нечаянно напали. Сторожи великаго князя, отправленные Холмскимъ заранѣе къ берегу, увидали новгородское войско и дали знать воеводѣ; и московское войско поспѣшно двинулось навстрѣчу новгородцамъ. Пѣшая новгородская рать шла впередъ, конная позади. Москвичи ударили на пѣхоту; новгородцы стали изнемогать и кричали, чтобъ конные подоспѣли. Но конный отрядъ, владычный — не поспѣшилъ: «Владыка,—говорили конные,—не велѣлъ намъ идти на княжій полкъ, а послалъ насъ только на псковичей». И москвичи разбили новгородцевъ: пятьсотъ ихъ пало на мѣстѣ, другіе убѣжали. Москвичи ихъ ловили и приводили къ своимъ воеводамъ. Воеводы приказывали отрѣзывать плѣн-

[1]) Соф. II, 10.

Digitized by Google

никамъ носы и губы, и въ такомъ видѣ отпускали на свободу. Говорили имъ москвичи: «Покажитесь теперь своимъ!». По военному обычаю, ратники стягивали доспѣхи съ убитыхъ и плѣнныхъ. «Не берите себѣ,—говорили начальники,—измѣнничьихъ доспѣховъ: у насъ и своихъ доспѣховъ много, и мы всѣмъ довольны». И москвичи бросали добычу въ воду; а что могло горѣть, то сожигали. Неизвѣстно, куда ушли конные владычняго стяга, не хотѣвшіе выручать изъ бѣды свою пѣшую братью въ битвѣ, однако, досталось тогда не одной новгородской пѣхотѣ, но и конницѣ. Съ побоища воеводы отправили во Псковъ боярина Зиновьева съ тремя стами взятыхъ въ добычу лошадей, — распродать ихъ во Псковѣ: показать псковичамъ плоды побѣды и заохотить ихъ самихъ къ скорѣйшему выходу на войну. Эти лошади были очень дурны: ихъ назвалъ лѣтописецъ «шкабатами и клячами». Псковичи отвели боярину и его отряду подворье; и была великая «истора» отъ него и отъ ста человѣкъ его отряда. Псковъ собирался на войну, *рубили* по старинѣ, то есть набирали военную силу; бояринъ торопилъ псковичей, и нѣсколько дней сряду кричалъ имъ: «Поспѣшайте, садитесь на коней со мною скорѣе; наши уже и Русу пожгли и государь въ Петровъ день въ Торжкѣ станетъ» [1]). Псковичи собирались медленно: должно думать, въ Псковѣ тогда не совсѣмъ было единодушно, — вѣрно были и такіе, что не хотѣли идти вовсе; еще больше было такихъ, которые не хотѣли выступить, прежде чѣмъ не вступитъ въ новгородскія волости вся великокняжеская сила: боялись, чтобы новгородцы, свободные еще отъ нападенія съ московской стороны, не уничтожили псковичей, собравъ на нихъ всю свою силу. Хотя бояринъ еще до Петрова дня понуждалъ къ походу, но пришло десятое іюля, а ско-

[1]) Пск. Л. I, 240.

Digitized by Google

вичи еще не выходили; и въ этотъ день явился другой бояринъ отъ великаго князя, вмѣстѣ со псковскими послами, отправленными прежде къ великому князю съ изъявленіемъ готовности. Этотъ новый посолъ—Коробьинъ извѣстилъ псковичей, что великій князь еще въ Петровъ день стоялъ въ Торжкѣ; тогда только псковичи рѣшились идти и 12-го іюля выступили подъ предводительствомъ Василія, сына своего князя Ѳедора Юрьевича, и тринадцати посадниковъ.

Война открылась тѣмъ, что начали жечь новгородскія села. Пограничный новгородскій пригородъ ко Пскову былъ Вышгородъ (ниже Порхова). Услышавъ, что псковичи жгутъ новгородскія поселенія, вышгородцы сдѣлали набѣгъ на псковскія села въ Навережской губѣ. Такъ другъ другу творили они взаимныя пакости. 15-го іюля псковское войско привалило къ Вышгороду; ратной силы въ городкѣ вѣрно было мало: отряды, которые пошли пустошить псковскія села, еще не вернулись. Псковичи стали сильно тѣснить новгородцевъ огненными примѣтами; въ городкѣ не было воды; дымъ безпокоилъ осажденныхъ, переваливаясь черезъ стѣну; мучилъ ихъ зной, томила жажда; они защищались храбро, стрѣляли въ псковичей мѣтко и убили одного изъ предводителей — посадника, а другимъ ловко раздробляли камнями головы; но на другой день утромъ, изнемогая отъ нужды, вышли изъ городского забрала съ крестами, и воевода ихъ, Ефремъ Киприяновъ, кричалъ осаждающимъ: «Псковичи, посадники, а весь Псковъ! повѣстую вамъ съ челобитьемъ и съ плачемъ: какая ни есть вамъ обида, вѣдаютъ про то государь и вашъ и нашъ князь великій, да Великій Новгородъ; а вы надъ нами учините милосердіе; мы же вамъ животворящій крестъ цѣлуемъ». И псковичи посовѣтовались между собою и оказали милосердіе; вышгородцы отпустили плѣнниковъ; псковичи отошли отъ города и стали опять

Digitized by Google

жечь новгородскія села вправо и влѣво, по однимъ извѣстіямъ верстъ на пятьдесятъ отъ границы, по другимъ— верстъ на двадцать [1]).

Новгородцы, отпущенные въ Новгородъ Холмскимъ безъ носовъ и губъ, на однихъ навели страхъ, на другихъ ожесточеніе и охоту къ мщенію. Сначала взялъ верхъ страхъ; стали говорить о мирѣ, роптали на патріотовъ; владыка потакалъ такому говору. Послали къ великому князю Луку Клементьева — просить опасу для пословъ; но приказали гонцу показывать видъ, какъ будто не знаютъ ничего о пораженіи подъ Коростынемъ, чтобы представить великому князю, будто не отъ нужды хотятъ мириться. Но когда Лука уѣхалъ, люди партіи литовской ободрили народъ и взяли верхъ.

«Одной побѣдой все дѣло перемѣнится»; — говорили они. Надежда была на помощь отъ Казимира, и послали къ нему гонца, съ просьбою прислать скорѣе войско на выручку Новгорода, а между тѣмъ, отправили противъ враговъ ополченіе. По извѣстіямъ московскихъ лѣтописцевъ, число отправленныхъ простиралось по однимъ до 30,000, по другимъ до 40,000, по третьимъ до 20,000, и всего вѣроятнѣе, что въ этомъ войскѣ было до 12,000, число, показанное впослѣдствіи убитыми. А по общей замашкѣ лѣтописцевъ прибавлять, можно подозрѣвать, что и меньшее преувеличено. Это войско предположили отправить двумя путями: половину на коняхъ вдоль Шелони, а другую половину — на судахъ. Положили ударить прежде на псковичей. До Новгорода, конечно, доходили извѣстія, какъ медленно выходили псковичи,—съ ними легче было сладить; всякая побѣда, хоть бы и надъ псковичами, ободрила бы новгородцевъ, — внушила бы имъ надежду; дружнѣе тогда взялись бы всѣ за дѣло ратное. И потому, оставивъ

[1]) Пск. II, 36; Пск. I, 241.

Digitized by Google

на время москвичей, думали обратить и самое посольство Луки въ свою пользу,—протянуть время переговорами и задержать Іоанна, пока расправятся со псковичами; а тамъ Новгородъ съ силами соберется; и побѣда придастъ духу; тѣмъ временемъ отъ литовскаго великаго князя помощь приспѣетъ. И войско новгородское обогнуло западный берегъ озера, дошло до Шелони и слѣдовало по ея лѣвому берегу на псковичей. Но москвичи вѣрнѣе и скорѣе получали вѣсти изъ Новгорода, чѣмъ новгородцы о москвичахъ: въ Новгородѣ были благопріятели Москвы; они-то дали знать сторожамъ, оставленнымъ близъ Коростыня, а сторожи сообщили Холмскому. Князь Холмскій поспѣшилъ со своимъ войскомъ прямо на встрѣчу новгородцамъ, чтобы не дать времени пристать къ нимъ той рати, которая шла на судахъ сзади. Лѣтописцы, увеличивая новгородское войско отъ 20,000 до 40,000, умѣньшаютъ московское до 5,000.

13-го іюля въ субботу, не доходя до селеній Мусцы и Сольцы, новгородцы увидѣли на другомъ берегу рѣки московское войско. Нѣсколько времени враги шли по одному направленію: эти на лѣвомъ, тѣ на правомъ берегу Шелони. Москвичи дошли до маленькой рѣчки Дрянь, впадающей въ Шелонь, и перебрели ее. Уже темнѣло. Москвичи остановились. Новгородскіе задиралы отпускали къ нимъ черезъ рѣку ругательства и похвалки. «Окаянные, какъ псы, лаяли износя хульныя словеса на самого великаго князя» — говоритъ московскій лѣтописецъ [1]). Въ московскомъ станѣ однихъ раздражали и сердили такія привѣтствія, а другіе стали призадумываться о томъ, что новгородцевъ гораздо больше, чѣмъ москвичей. «Братіе,— ободрялъ Холмскій воевода: — намъ теперь мѣра послужить великому князю, своему государю, и биться съ ни-

[1]) Соф. II, 192.

Digitized by Google

ми за государеву правду — хоть бы ихъ триста тысячъ было. Богъ и Пречистая Богородица вѣдаютъ, что правда вашего государя передъ нами!»

На другой день рано утромъ, въ воскресенье, московскіе воеводы поставили войско въ боевой порядокъ; заохочивали воиновъ къ бою — припоминали лукавство и измѣну новгородцевъ передъ государемъ. Холмскій выѣхалъ передъ войско; всѣ сняли шлемы, всѣ стали молиться. Холмскій говорилъ громко:

«Господи, Іисусе Христе, Боже, пособившій кроткому Давиду побѣдить иноплеменника Голіаѳа и Гедеону съ тремя стами одолѣть множество иноплеменныхъ! Пособи, Господи, и намъ, недостойнымъ рабамъ Твоимъ, надъ сими новыми отступниками и измѣнниками, восхотѣвшими покорить православную вѣру христіанскую и приложить къ латинской ереси, и поработить латинскому королю и митрополиту, и поминать имена враговъ твоихъ, Господи, въ Твоей соборной церкви!».

И всѣ проникались мыслію, что идутъ противъ нечестивыхъ отступниковъ за вѣру и за государя, его же противники противятся Богу. Всѣ были единодушны; всѣ послушно готовились исполнять волю старѣйшаго.

Въ новгородскомъ войскѣ, напротивъ, поднялось несогласіе большихъ съ меньшими, — то несогласіе, которое сотни лѣтъ волновало новгородскія улицы, и теперь оно не заснуло и въ полѣ, въ великія минуты, когда рѣшалась судьба ихъ Земли. Большіе посылали меньшихъ впередъ; меньшіе кричали: «Я чоловикъ молодый, испротерялся доспихомъ и конемъ, ступайте вы впередъ, большіе!». Съ такимъ духомъ стояли новгородцы въ боевомъ порядкѣ. Враги поглядывали нѣсколько времени другъ на друга черезъ рѣку, и вдругъ, по приказанію Холмскаго, вся рать московская крикнула свой ясакъ: «Москва!» и бросилась съ высокаго берега въ Шелонь. «Господа и братья!

Digitized by Google

—кричали воеводы:—лучше намъ здѣсь положить свои головы за государя своего, великаго князя, чѣмъ со срамомъ возвращаться!». Дивное дѣло, — замѣчаютъ лѣтописцы: — въ этомъ мѣстѣ, какъ новгородцы сами послѣ говорили, броду не было, но москвичи, не спрашиваясь броду, бросились въ воду, и ни одинъ конь не споткнулся съ высокаго берега, и никто не потерялся въ глубинѣ водной. Крикнули и новгородцы: «Св. Софія и Великій Новгородъ!». И ударилась Москва съ Великимъ Новгородомъ. Новгородцы стали прогонять москвичей за Шелонь, какъ вдругъ нежданно сзади бросились на новгородцевъ татары, всегда ловко умѣвшіе устраивать засады и показываться въ тылу непріятеля [1]). Москвичи ободрились; Холмскій приказалъ стрѣлять не въ людей, а въ лошадей; кони, взятые отъ работъ, непріученные къ войнѣ, поднялись на дыбы; всадники, неумѣвшіе владѣть конями, падали съ нихъ стремглавъ; когда они въ бѣшенствѣ несли ихъ назадъ, — не умѣли удержать и повернуть; — народъ былъ непривычный къ бою: кто взятъ отъ кожевеннаго чана, кто отъ горшечной печи; отродясь не сидѣли на лошади, смерти ратной не видали, грому и треску оружія не слыхали, пороху не нюхали. Все столпилось, смѣшалось: передніе ударились на заднихъ, одни падали, другіе на нихъ летѣли съ конями и въ свою очередь были сбиты товарищами; бросились всѣ въ разсыпную; метали оружіе, щиты, скидали съ себя доспѣхи. Песчаный грунтъ берега не давалъ имъ скоро бѣжать; москвичи догоняли ихъ и поражали сзади копьями и сулицами. Татары ловили ихъ арканами. Шелонское побережье устлалось трупами. Безоружные и раненые бѣжали, какъ безумные. Господь ослѣпи ихъ, — говоритъ современникъ, — поглощенна бысть мудрость ихъ; бѣжали въ лѣса, бѣжали въ болота; раненые

[1]) Новг. Л. IV, 128.

Digitized by Google

заползали въ чащи и тамъ истекали кровью; тѣ вязли въ тинѣ; болѣе счастливые, у кого кони были пошибче, лѣтѣли безъ оглядки до тѣхъ поръ, пока кони подъ ними не падали и не испускали духъ; а нѣкоторыхъ кони донесли до Новгорода, да они со страха не узнали его и бѣжали мимо его, дальше, пока не падали съ издохшими конями: все еще раздавался у нихъ въ ушахъ страшный ясакъ — «Москва!». Московскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что двѣнадцать тысячъ новгородцевъ поражено было на этомъ бою. Взяты были и начальники ихъ; взяли тысячу шесть сотъ плѣнниковъ; достались побѣдителямъ и знамена съ изображеніемъ святыхъ, и договорная грамота съ Казимиромъ: ее, вѣрно, начальники побоялись оставить въ непостоянномъ Новгородѣ; и даже тотъ писарь, который писалъ ее, достался въ руки Холмскаго. Цѣлый день на двѣнадцать верстъ гонялись за остальными москвичи, и сами выбились изъ силъ, изрубливая и закалывая бѣгущихъ. — «Что значитъ, — спросилъ Холмскій плѣнныхъ воеводъ, — что вы съ такимъ множествомъ не постояли противъ насъ?» — «Мы какъ увидѣли, — отвѣчали воеводы, — иные полки съ желтыми знаменами, какъ услышали людской говоръ и страшный конскій топотъ,—на насъ ужасъ напалъ, и страхъ насъ объялъ, и трепетъ насъ пронялъ!». Воеводы новгородскіе, конечно, разумѣли татаръ, появившихся неожиданно изъ засады; но москвичи дали этому отвѣту такой смыслъ, будто новгородцамъ представилось страшное видѣніе, — по устроенію Божію, въ кару за ихъ измѣну. Ставши гордо посреди убитыхъ и умиравшихъ, затрубили москвичи побѣду, и съ веселіемъ прикладывались къ образамъ, нарисованнымъ на новгородскихъ знаменахъ, взятыхъ съ боя. Въ упоеніи торжества, воеводы дали обѣтъ воздвигнуть въ Москвѣ храмъ Христова Воскресенія въ память этой побѣды.

Рать судовая доходила на помощь, но уже не пошла

Digitized by Google

на бой,—помогать было некому. Теперь уже москвичамъ опасаться было нечего; воеводы отправили отряды—жечь новгородскія волости и истреблять людей. Рати пошли на западъ и опустошали неистово Новгородскую волость вплоть до рѣки Наровы, отдѣлявшей ее отъ земель Ливонскаго Ордена. Въ другую сторону, къ великому князю, посланъ былъ нѣкто Замятня, извѣстить, что помогъ Богъ Москвѣ и силы новгородскія сокрушены.

Великій князь стоялъ тогда въ Яжелбицахъ съ братьями и со всѣмъ главнымъ войскомъ. 18-го іюля пріѣхалъ Замятня. Великая радость исполнила тогда все московское войско. Иванъ Васильевичъ, въ знакъ благодарности небу, далъ тотчасъ же обѣтъ—построить церковь въ Москвѣ во имя апостола Акилы: въ день этого святого совершилась такая блистательная побѣда. Къ довершенію удовольствія, явились псковскіе послы и извѣстили, что псковичи вошли въ Новгородскую волость, въ угоду государю—истребляютъ села, бьютъ людей и, запирая въ избахъ, житьемъ сожигаютъ.

Снявшись съ лагеря, государь московскій отправился въ Русу, и тамъ Холмскій съ товарищами своими привелъ къ нему связанныхъ новгородскихъ воеводъ.—«Вы,—говорилъ имъ Иванъ,—отступили свѣта благочестія и приложились къ латинству, отдавали отчину мою и самихъ себя латинскому государю». Договорная грамота съ Казимиромъ была въ рукахъ московскаго князя, на уличеніе новгородцевъ. Тутъ-то вѣрно пригодился Степанъ Бородатый; здѣсь онъ всего приличнѣе могъ показать свои археологическія свѣдѣнія. Прочитавъ плѣнникамъ нравоученія въ красивыхъ выраженіяхъ, съ приправою изъ духовныхъ словъ, Иванъ приказалъ четырехъ изъ нихъ казнить смертію, а остальныхъ большихъ людей, человѣкъ пятьдесятъ, въ оковахъ отослать въ Москву. 24 іюля въ разоренной Русѣ на площади отрубили голову сыну Марѳы Борецкой,

Digitized by Google

Димитрію, Василью Селезневу-Губѣ, Кипріану Арбузьеву [1]) и архіепископскому чашнику Іереміи Сухощеку. Это были самые горячіе сторонники Литвы [2]).

Вопль родныхъ погибшихъ на Шелони разносился по Новгороду. Марѳа Борецкая, несмотря на собственное материнское горе, ободряла народъ, и ея приверженцы, думая еще держаться, начали жечь посады и монастыри, чтобъ не дать врагамъ пристанища на время осады: надѣялись, что тѣмъ временемъ подоспѣетъ литовская помощь на выручку. Ставили сторожей; день и ночь должны были они стоять на стѣнахъ и высматривать непріятеля. Но московская партія въ Новгородѣ дѣлала свое. Кто-то Упадышъ заколотилъ 5 пушекъ (по нѣкоторымъ спискамъ 50), поставленныхъ на стѣнахъ. Его казнили съ единомышленниками. «Лучше бы тебѣ, Упадышъ, не быть въ утробѣ матерней, чѣмъ наречься предателемъ Новагорода!». восклицаетъ лѣтописецъ [3]). Скоро послѣдняя и единственная надежда на спасеніе пропала для Новгорода. Посолъ, отправленный къ Казимиру, возвратился въ Новгородъ. Ливонцы не пропустили его къ королю: ливонцы, какъ нѣмцы, не питали дружескихъ чувствъ къ славянскому Новгороду; нѣкоторые, однако, задумывались: не помочь ли въ самомъ дѣлѣ новгородцамъ, чтобъ не дать усилиться Москвѣ; другіе совѣтовали не мѣшаться въ чужое дѣло. Магистръ ливонскій написалъ объ этомъ къ тевтонскому, но между тѣмъ посла не пустили далѣе. Недоброжелательствуя Москвѣ болѣе чѣмъ Новгороду, ливонцы, однако, болѣе чѣмъ Москвы, боялись усиленія союза польско-литовскаго и, такимъ образомъ, сами того не зная, стали

[1]) Иначе Арзубьеву.

[2]) Новг. IV, 127—128; Псковск. Л. I, 241—242; II, 36; Соф. Л. I; П. С. Л. т. VI, 10—12; Соф. Л. II, 192—193; Воскрес. П. С. Л. т. VIII, 164—165; Никоновск. VI, 27—30.

[3]) Новг. Л. IV. 129.

Digitized by Google

полезными союзниками московскаго самовластія, — допустили Москвѣ покорять и порабощать сосѣдей и приготовляли своему потомству черезъ столѣтіе ту же судьбу, какая въ ихъ глазахъ постигала Великій Новгородъ.

Надежды на Литву не было. Московская рать шла къ городу. Отважиться выдерживать осаду было чрезвычайно трудно. Тутъ Упадышъ пушки заколотилъ, а еще и голодъ угрожалъ. Въ городъ набѣжало множество народа изъ селъ, укрываясь отъ непріятеля. Недоставало ржаного хлѣба; пшеничный былъ, да очень дорогъ, доступенъ только богатымъ; вотъ по вѣковому обычаю поднимались бѣдные на богатыхъ, житники на пшеничниковъ; начались смуты и нестроенія. Тѣ, которые прежде, по наущенію Марѳы и ея приверженцевъ, такъ усердно прославляли вольность Великаго Новгорода и Казимира, теперь ударили въ вѣчевой колоколъ съ иною цѣлью. «Что, гдѣ вашъ Казимиръ?—кричали они:—гдѣ? Вотъ до чего довели васъ прелестники, обманщики!». И когда прежніе ихъ противники, московцы, явились, то не каменьями ихъ встрѣтили, —со слезами у нихъ прощенія просили. «Не слушались мы васъ, большихъ умныхъ людей,—говорили они:—себѣ на бѣду, а послушались безумцевъ, что и сами пропали, и насъ на горе подвели: теперь будемъ уже васъ во всемъ слушать. Спасайте Новгородъ: идите бить челомъ великому князю, чтобъ насъ помиловалъ!» — «Вотъ то-то братцы,—отвѣчали имъ сторонники Москвы,—еслибъ вы бабъ не слушали и зла не начинали, такъ и бѣды-бъ такой не сложилось; но добро и то, что хоть теперь грѣхъ и безуміе свое познали; мы не можемъ за дѣло сами взяться, а поплемъ отъ нареченнаго владыки просить у великаго князя опаса: если дастъ опасъ,—значитъ смирится и не погубитъ своей отчины до конца!». Всѣ пошли толпою на Софійскій дворъ. Владыка сталъ научать ихъ и ободрять, и взялся быть ходатаемъ; онъ собрался въ

Digitized by Google

путь; съ нимъ пошли священники отъ семи новгородскихъ соборовъ, старые посадники и тысячскіе, и пять житыхъ отъ пяти концовъ. Повезли дары: нельзя было являться съ пустыми руками къ москвичамъ.

Великій князь изъ Русы 27-го іюля прибылъ на берегъ Ильменя, и сталъ между Коростынемъ и берегомъ (вѣрно устьемъ Шелони). Онъ готовился идти на Новгородъ— уничтожить его, еслибъ Новгородъ упорствовалъ, но не расположенъ былъ отвергать покорности; тогда это было не въ видахъ его. Притомъ же митрополитъ Филиппъ написалъ къ нему посланіе, и въ немъ увѣщевалъ простить новгородцевъ, если они принесутъ повинную [1]). Къ стану его пристало судно; изъ него вышелъ нареченный владыка и послы. Они не смѣли явиться прямо предъ лицо великаго князя: уже тогда возникла въ порядкѣ московскаго самодержавія чиновная лѣстница и придворная обрядность; прежде новгородцы явились къ боярамъ и поднесли поминки; принявшіе ихъ бояре доложили братьямъ великаго князя; явились новгородцы передъ князьями, и также поднесли поминки; а братья доложили великому князю и вмѣстѣ съ боярами упрашивали его сжалиться и допустить къ своимъ очамъ просящихъ пощады и милости. Послѣ этихъ обрядовъ позволено было посламъ войти въ шатеръ великаго князя. Увидѣвъ грознаго побѣдителя, новгородцы поклонились до земли, и владыка произнесъ:

«Господинъ великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, милостивый! Господа ради, помилуй виновныхъ предъ тобою людей Великаго Новгорода, своей отчины! Покажи, господине, свое жалованье; смилуйся надъ своей отчиною; уложи гнѣвъ и уйми мечъ; угаси огнь на землѣ и не порушай старины земли твоей; дай свѣта видѣть бе-

---

[1]) Акты Ист. I, 518.

Digitized by Google

зотвѣтнымъ людямъ твоимъ; пожалуй, смилуйся, какъ Богъ положитъ тебѣ на сердце!».

Владыка прервалъ эту рѣчь слезами; новгородцы стояли съ плаксивыми минами и поникшими головами.

Тогда братья великаго князя стали просить о помилованіи новгородцевъ.

За ними великокняжескіе бояре повторили ту же просьбу, кланяясь своему повелителю.

Видѣлъ великій князь—говоритъ лѣтописецъ—печалованіе и челобитье братіи своей, и своей отчины, и бояръ многихъ и князей; вспомнилъ грамоту отца своего, митрополита, полученную имъ на пути: какъ истинный пастырь стада и учитель, онъ просилъ его—смиловаться надъ Великимъ Новгородомъ, если будетъ бить челомъ, и напоминалъ слова Господни. Иванъ объявилъ новгородцамъ свое милосердіе. «Отдаю,—сказалъ онъ,—нелюбье свое; унимаю мечъ и грозу въ земли и отпускаю полонъ новгородскій безъ окупа; а что залоги старые и пошлины, о всемъ томъ укрѣпимся твердымъ цѣлованьемъ по старинѣ» [1]).

Составлены были двѣ договорныя грамоты; по нимъ Новгородъ отрекался отъ союза съ литовскимъ великимъ княземъ Казимиромъ, обязывался не принимать враговъ и всѣхъ лиходѣевъ великаго князя (поименованы сынъ Шемяки Иванъ можайскій и Василій Ярославичъ боровскій), не ставиться владыкѣ на достоинство нигдѣ, кромѣ Москвы, и ни у кого, кромѣ московскаго митрополита; объявлялся *погребъ* всему, что происходило во время минувшей войны съ обѣихъ сторонъ; а новгородцы обязались не мстить никоею хитростію и не держать нелюбья къ новоторжцамъ и вообще къ пригородамъ Новгородской Земли, изъ которыхъ жители принимали сторону великаго

[1]) Соф. Л. I, 14.

Digitized by Google

князя. За тѣмъ все прочее было повтореніемъ прежнихъ грамотъ. Великій князь оправдывалъ на дѣлѣ свое обыкновенное увѣреніе, что онъ ничего не хочетъ болѣе, какъ только хранить старину. Онъ сложилъ цѣлованіе съ тѣхъ жителей новгородской волости, которые, во время войны, этимъ цѣлованіемъ признали свою непосредственную принадлежность господству его, и обратилъ ихъ въ прежнюю зависимость. Великій Новгородъ, съ своей стороны, согласно договору съ отцомъ великаго князя, отступался отъ ростовскихъ и бѣлозерскихъ земель, пріобрѣтенныхъ новгородцами. Согласно договору съ Василіемъ Темнымъ, этотъ новый договоръ уничтожалъ также вѣчныя грамоты — должна была употребляться великокняжеская печать. Ненавистный Новгороду черный боръ положено давать тогда, когда окажется нужнымъ (доведется). Договоръ заключенъ Новгородомъ не съ однимъ великимъ княземъ, но вмѣстѣ и съ сыномъ его, и такимъ образомъ утверждалось наслѣдственное господство московскаго рода надъ Великимъ Новгородомъ въ нисходящей линіи. Великій Новгородъ обязался заплатить великому князю, по опредѣленнымъ срокамъ 15½ тысячъ деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ: на Рождество Богородицы полтретьи тысячи (двѣ съ половиною), на Крещеніе 3,000, на Великій день 5,000 и на Успенье 5,000. Новгородцы должны были эту сумму заплатить (*добить*) за *новгородскую проступку*. Это называлось *копейное*, т.-е. пеня, налагаемая побѣдителемъ. Иванъ, по милости, скинулъ одну тысячу. Хотя въ договорныхъ грамотахъ и поставлялось, что всѣ земли новгородскія отдаются великимъ княземъ назадъ, однако положено было, что Новгородъ уступаетъ великому князю нѣсколько сѣверо-восточныхъ земель, и новгородцы составили на вѣчѣ грамоту къ старостамъ [1]) этихъ земель,

[1]) На Пинегу, на Кевролу, на Чаколу, и на Перьмскія, и на Пильи горы, и на Немьюгу, и на Пинешку, и на Выю, и на Суру на Поганую.

Digitized by Google

извѣщая, что признаютъ ихъ собственностію великаго князя [1]) и слагаютъ съ нихъ новгородское цѣлованіе [2]). Въ заключеніе великій князь примирилъ псковичей съ новгородцами и поставилъ, чтобъ все между ними осталось по старинѣ, по прежнимъ миродокончаннымъ грамотамъ. Однако докончанье было болѣе въ пользу псковичей, чѣмъ новгородцевъ [3]). Послѣ договора, великій князь угостилъ, въ знакъ мировой, нареченнаго владыку и новгородскихъ пословъ и отпустилъ дружелюбно въ Новгородъ вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ Ѳедоромъ Давидовичемъ. Послѣдній долженъ былъ привести къ присягѣ на сохраненіе договора весь Новгородъ, отъ мала до велика. Когда великій князь узналъ, что присяга дана и получилъ часть копейнаго, то двинулся съ войскомъ въ обратный путь [4]).

Въ Москвѣ воцарилась радость побѣждающей народности; Москва гордилась торжествомъ своего великаго князя, какъ своимъ собственнымъ; Новгородъ поклонился не только лицу государя, но всей Москвѣ; московская сила показала свой перевѣсъ надъ соперникомъ. На послѣдней стоянкѣ предъ столицею встрѣтили великаго князя его сынъ и братъ, оставленные тамъ въ качествѣ правителей. За семь верстъ предъ Москвою пестрѣла толпа народная; раздавались радостные привѣты; праздновали старые и малые, и славные, и неславные. Когда Иванъ вошелъ въ городъ, митрополитъ Филиппъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами и хоругвями, шелъ съ Каменнаго моста до площаднаго колодца, и благословлялъ и привѣтствовалъ воителя вѣры, карателя отступниковъ, хранителя правды, правосуднаго и милосердаго государя!

---

[1]) Земли осподы великихъ князей.

[2]) А то крестное цѣлованіе Новгороду съ васъ доловъ.

[3]) Взялъ съ Новгородцы выше перваго, какъ Псковичи хотѣли.

[4]) Собр. Госуд. Гр. I, 26, 30; Акт. Арх. Эксп. I, 65, 69, 72 — 75; Карамз. VI, прим. 66.

Digitized by Google

Слава великому князю!—восклицали москвичи:—побѣдилъ супостатовъ, непокорныхъ привелъ въ свою волю, пріобрѣлъ корысть и славу!

Новгородъ, въ довершеніе своихъ неудачъ, получилъ извѣстіе, что и на Двинѣ дѣло защиты старой свободы окончилось такъ же плачевно, какъ и на берегахъ Шелони. Слуга Великаго Новгорода, изгнанникъ стола суздальскаго, князь Василій, пришедшій на Двину съ новгородцами и корелами, собралъ ополченіе изъ двинянъ и заволочанъ, и поплылъ на судахъ на встрѣчу воеводамъ, когда они вступали съ московскимъ войскомъ и съ союзниками. 27-го іюля, въ тотъ самый день, когда побѣдитель Иванъ прибылъ на устье Шелони, сошлись непріятели и начали ожесточенную сѣчу. Бились на судахъ; вышли изъ судовъ; стали на берегу биться пѣшіе, — не только бились обычнымъ боемъ, но, за руки взявши другъ друга, рѣзались. Москвичи порывались схватить двинское знамя, убили трехъ знаменщиковъ. Знамя три раза переходило изъ рукъ одного знаменщика въ руки другого, и наконецъ досталось московскимъ рукамъ. Уже солнце закатывалось; двиняне утомились,—потеря знамени придала имъ унынія; и пустились они бѣжать, потерявши послѣднія силы; а москвичи погнались за ними. Самъ князь Шуйскій бросился храбро на враговъ, но былъ пронзенъ стрѣлою: его схватили, посадили въ лодку и еле жива увезли въ Холмогоры. Войско его разсѣялось. Москвичи брали двинскіе городки одинъ за другимъ, жгли селенія, убивали жителей. Двинская Земля подверглась тому же жребію, какъ и пространство отъ Торжка до Ильменя.

Такъ же расправлялись съ поселянами береговъ Мстырѣки тѣ, которые были отправлены туда великимъ княземъ для разгрома. Вся волость новгородская была опустошена; хлѣбъ на поляхъ сожженъ или вытравленъ лошадьми; хлѣбъ въ стогахъ и амбарахъ сожженъ вмѣстѣ съ селъ

Digitized by Google

скими строеніями; недобитые поселяне, потерявши имущества, спасали жизнь въ болотахъ и лѣсахъ, и множество ихъ потомъ умирало съ голоду, отъ всеобщей скудости; и къ пущей тягости Великій Новгородъ долженъ былъ платить великому князю копейное; а это копейное приходилось добыть отъ труда этихъ разоренныхъ, лишенныхъ пристанища, одежды, скота, утвари, орудій — поселянъ, оплакивающихъ своихъ кровныхъ, умерщвленныхъ или сожженныхъ живьемъ ратниками,—своихъ младенцевъ, избитыхъ о пни или брошенныхъ въ пылающія избы, — своихъ женъ, изнасилованныхъ, поруганныхъ и замученныхъ,—свою горькую судьбу, доставшуюся въ удѣлъ бѣдному труженнику — страдать за какой-то Великій Новгородъ, который хотѣлъ свободно жить на счетъ трудовъ его, —въ угоду великому князю, домогавшемуся овладѣть этими трудами, чтобъ отдать ихъ другимъ господамъ,—своимъ слугамъ! Участь Новгородской Земли была не отрадна въ исторіи: много терпѣла эта страна, бѣдно надѣленная природою, и отъ голода, и отъ мора, и отъ огня, и отъ нашествія непріятелей; но такой бѣды, — по замѣчанію современныхъ лѣтописцевъ, — не было на нихъ отъ вѣка, какъ и земля ихъ стала. Московскіе философы утѣшались тѣмъ, что все это совершилось отъ ихъ же людей—измѣнниковъ, за ихъ отступленіе къ латинству, и людская кровь, и вся земская бѣда будетъ взыскана на нихъ отъ Господа Вседержителя, а пострадавшіе получатъ награду въ будущемъ вѣкѣ!

Говорится въ народѣ, что одна бѣда приводитъ за собою другія. Такъ послѣ ухода непріятеля, надъ новгородскими поселянами самая природа дополнила бѣдствіе, нанесенное москвичами. Народъ изъ Русы и съ Ильменскаго побережья, спасавшійся въ городѣ, отправился отыскивать родныя пепелища, на судахъ, съ женами, съ дѣтьми, и скотомъ; нѣкоторые купили себѣ и готовые хоромы и

Digitized by Google

погнали по водѣ. Много судовъ повезло изгнанниковъ; вдругъ сдѣлалась буря съ вихремъ и грозою, вздулись волны и разорвали врозь вереницу судовъ. Они разнеслись по бурному озеру. Разлученные другъ отъ друга не въ силахъ были подать взаимной помощи; напрасенъ былъ крикъ и вопль; всѣ суда,—говоритъ лѣтописецъ, — были опрокинуты и поплыли по водамъ пустые: погибло тогда до 7000 душъ. А все это Господь наказывалъ ихъ за лукавыя мысли злурадыхъ человѣкъ, — за ихъ отступленіе къ латинству,—прибавляетъ тутъ же лѣтописецъ, не давая себѣ отчета, въ какой степени виноваты были жители Русы въ отступленіи къ латинству [1]).

На другой годъ Ѳеофилъ отправился въ Москву и былъ тамъ поставленъ: церковная независимость Новгорода исчезла, какъ и гражданская. Иванъ обезсилилъ вольный городъ, парализировалъ его силы; но, вѣрный своей системѣ—не ломить насильно вѣкового зданія, а подкопавъ его основаніе, оставлять падать и разрушаться, и въ свое время уничтожить легкимъ прикосновеніемъ, — Іоаннъ не трогалъ новгородской старины, ожидая, когда судорожныя движенія пораженной жизни вызовутъ его нанести ей послѣдніе удары. Онъ милостиво отпустилъ даже плѣнниковъ, которыхъ изъ Русы послалъ окованными въ Москву.

Партія патріотовъ не умерла. Нѣсколько лѣтъ придавленная противною, она опять взяла верхъ; масса народа группировалась около ея представителей; новгородскимъ посадникомъ былъ выбранъ одинъ изъ заклятыхъ враговъ московскаго самовластія — Василій Ананьинъ. Ему подобные патріоты заняли должности. Они не могли не питать

---

[1]) Соф. Л. I, П. С. Л. VI, 15.

Digitized by Google

злобы къ своимъ противникамъ въ Новгородѣ; плачевный исходъ борьбы 1471 года они приписывали ихъ измѣнѣ, двоедушію и трусости. Начались ссоры, драки, безладица. Аѳанасьевы, Селезневы, сынъ Марѳы Борецкой—Ѳедоръ, староста Ѳедоровской улицы Панфилъ, ѣздившій къ Казимиру, и другіе главные представители бывшей литовской партіи сдѣлали набѣгъ на Славкову и Никитину улицу, приколотили нѣкоторыхъ изъ своихъ противниковъ и ограбили ихъ достояніе. То же сдѣлалось съ боярами Полинарьиными. Буйство, неурядица, произволъ личной свободы и прежде составляли характеръ новгородской жизни; теперь неистовство политическихъ страстей доводило до высшей степени эти обычныя качества. Люди московской партіи не могли нигдѣ себѣ найти управы: терпѣли насилія, поруганія и обратились къ великому князю—просить защиты. Этого и нужно было Ивану. Въ 1475 г. съ своими боярами онъ отправился въ Новгородъ и, доѣхавши до Волока, встрѣченъ былъ новыми жалобниками: они описывали ему свое тяжелое положеніе и просили суда и защиты. Великій князь, не выставляя на видъ своихъ намѣреній, объявилъ, что ѣдетъ въ Новгородъ съ миромъ, какъ будто для посѣщенія своей отчины, — въ гости къ новгородцамъ. Зажиточные люди засуетились: надобно было принимать гостя, учреждать ему пиры и дарить его. По старымъ обычаямъ, князю, какъ и владыкѣ, и вообще почетному лицу, дѣлалась встрѣча. Ѳеофилъ, степенный посадникъ, тысячскій, нѣсколько бояръ и житыхъ людей отправились привѣтствовать гостя; съ ними былъ и неудачный защитникъ Заволочья — кормленый князь Василій Шуйскій-Гребенка,—послѣдній княжескаго происхожденія слуга Великаго Новгорода. Новгородцы поклонились великому князю за девяносто верстъ отъ Новгорода, на рѣкѣ Холовѣ. Владыка привезъ ему въ подарокъ двѣ бочки вина, всѣ другіе по мѣху вина. Иванъ обошелся съ ними

Digitized by Google

ласково, устроилъ имъ походный пиръ и отпустилъ съ честію. Не смотря на то, что въ числѣ пирующихъ были Ананьинъ и Аѳанасьевъ, на которыхъ великій князь уже сильно гнѣвался, онъ не далъ имъ замѣтить ни малѣйшаго нерасположенія. Новгородцы воротились довольные. Въ Плошкинѣ, за двадцать пять верстъ отъ Новгорода, была ему другая встрѣча: явились старые посадники и бояре, и староста городищенскій; первые поднесли ему по мѣху вина, староста отъ всѣхъ городищанъ бочку вина, 25 яблокъ и блюдо винныхъ ягодъ.

21-го ноября пріѣхалъ московскій государь на Городище. 22-го ноября онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ владыку, князя Шуйскаго, степеннаго посадника, тысячскаго и нѣсколько знатныхъ людей. Тутъ, какъ будто въ укоръ новгородскому правительству, явились толпою просители изъ разныхъ мѣстъ Новгородской Земли. Одни просили приставовъ оберегать ихъ отъ московскихъ воиновъ, а другіе жаловались на свое управленіе. Земля эта,— говоритъ лѣтописецъ [1]),—долго въ своей волѣ пребывала, великихъ князей не слушала; отъ того и зла много было въ этой землѣ — убійства, грабежи, кто кого насилилъ, тотъ того и разорялъ. 23-го Иванъ поѣхалъ въ городъ. Княжескій пріѣздъ изстари былъ праздникомъ; такъ казалось и теперь: владыка, съ игуменами монастырей, съ протоіереями соборовъ и со множествомъ духовенства, вышелъ встрѣчать его въ священныхъ одеждахъ; за духовными шли стройно чиновники, за ними толпился народъ. Великій князь приложился къ образамъ; напутствуемый благословеніемъ владыки, поѣхалъ прямо къ св. Софіи; тамъ въ глазахъ народа кланялся иконамъ и гробамъ, и слушалъ обѣдню, стоя на устроенномъ для него мѣстѣ. Окончилась обѣдня. Ѳеофилъ пригласилъ гостя на пиръ. Иванъ ка-

[1]) Соф. Л. II, 202.

Digitized by Google

зался очень веселъ; послѣ дружескихъ разговоровъ съ новгородскими боярами и въ видимо-хорошемъ расположеніи духа, онъ уѣхалъ на Городище; владыка ѣхалъ за нимъ съ виномъ: по обычаю, слѣдовало гостя провожать съ виномъ и выпить съ нимъ, прощаясь, у мѣста его жительства.

Черезъ день послѣ того, 25-го ноября, пріѣхалъ къ Ивану владыка съ нѣкоторыми значительными людьми,—въ ихъ числѣ съ Василіемъ Казимиромъ, бывшимъ прежде въ плѣну у Іоанна. Неизвѣстно, призваны ли они были, или сами явились. Вдругъ являются челобитчики изъ Славковой и Никитиной улицъ просить суда. Ивану прежде извѣстно было это дѣло, но онъ не показалъ этого: выслушалъ внимательно, далъ своихъ приставовъ—звать къ суду обвиняемыхъ; а потомъ обратясь ко владыкѣ и новгородцамъ, сказалъ: «И ты бы, мой богомолецъ, и вы, посадники нашей отчины, сказали бы Великому Новгороду, чтобъ дать своихъ приставовъ на этихъ насильниковъ, на которыхъ я далъ моихъ. Я хочу разсмотрѣть это дѣло; и ты, богомолецъ, и вы, посадники, у меня тогда будьте: мнѣ хочется дать обиженнымъ управу. Бояре, —сказалъ онъ, обращаясь къ двумъ изъ своихъ бояръ:—идите къ отчинѣ моей, Великому Новгороду, чтобъ далъ приставовъ на обидящихъ братій своихъ!». Срокъ былъ назначенъ на другой день 26-го числа, въ воскресенье.

Въ этотъ день на Городищѣ явились двѣ толпы съ двухъ сторонъ; въ одной стояли истцы, въ другой—отвѣтчики. Въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ степенный посадникъ. Иванъ разспросилъ, выслушалъ и сказалъ, что онъ жалобниковъ оправляетъ, а тѣхъ, которые дѣлали наѣзды, грабили и били,—обвиняетъ. Новгородцы съ владыкою, стоявшіе близъ князя въ качествѣ соучастниковъ суда, были въ сущности простыми зрителями. Отвѣтчиковъ великій князь приговорилъ къ уплатѣ требуемаго

Digitized by Google

иска, котораго показано было на сумму полторы тысячи рублей, и приказалъ дѣтямъ боярскимъ взять нѣсколько лицъ подъ стражу, въ томъ числѣ степеннаго посадника и Мареина сына. Ѳеофилъ вызывался взять ихъ на крѣпкія поруки въ уплатѣ требуемой суммы. Тутъ, взглянувши значительно на Аѳанасьева, великій князь сказалъ:—«Ты пойманъ и въ томъ, что мыслилъ Новугороду отъ меня, великаго князя, отдаться за короля!»

Разошлись новгородцы.

Но на третій день послѣ того услышалъ владыка, что великій князь не думаетъ ограничиться только взысканіемъ денегъ, а хочетъ казнить виновныхъ за грабежи, побои и убійства въ дракѣ. Ѳеофилъ съ посадниками отправился къ нему и сталъ просить помилованія отъ лица всего Новагорода.

Великій князь отвѣчалъ: «Извѣстно тебѣ, богомольцу нашему, и всему Великому Новугороду, нашей отчинѣ, сколько отъ этихъ бояръ чинилось лиха и прежде, а нынче, что ни есть лиха въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ чинится; какъ же мнѣ ихъ за то лихо жаловать!» И онъ отправилъ въ оковахъ въ Москву Василія Ананьина, Ѳедора Борецкаго, Ивана Аѳанасьева съ сыномъ Алферіемъ, Богдана Есипова, Лошинскаго. Тогда владыка сталъ просить за другихъ. Такъ какъ послѣднихъ Иванъ Васильевичъ не считалъ главными своими непріятелями, то сказалъ, что прощаетъ ихъ, только съ тѣмъ, чтобъ они загладили свою вину. Вслѣдъ за тѣмъ великій князь принималъ другія жалобы на бояръ, и защищалъ обидимыхъ. Великій князь дѣйствовалъ съ большимъ разсчетомъ. Онъ ущѣпился за давнюю непріязнь черни къ боярамъ; онъ этимъ показался защитникомъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, слабыхъ противъ сильныхъ, и оставлялъ къ себѣ расположеніе.

Но усобицы въ Новгородѣ были такого свойства, что

Digitized by Google

когда сами бояре ссорились между собою, то искали опоры въ черномъ народѣ; а черный народъ вооружался противъ бояръ, и въ то же время примыкалъ къ другимъ боярамъ. Такъ вращались политическія партіи, и одна противъ другой подбирала пособниковъ себѣ изъ черни, выставляла противниковъ утѣснителями, а себя охранителями чернаго народа. Великій князь зналъ, что враждебная ему партія успѣла привлечь на свою сторону толпу, и обидчиками народа явились въ глазахъ народа бояре московской стороны; надобно было представить народу, что обидчики его есть именно бояре противники великаго князя, которые не только народъ на дурное увлекаютъ, но и обижаютъ: потому-то онъ придалъ суду надъ своими врагами такой характеръ, какъ будто онъ судилъ ихъ какъ враговъ и утѣснителей народа.

Послѣ суда начались угощенія. Богатые новгородцы одинъ за другимъ устроивали у себя пиры и приглашали великаго князя. Послѣ каждаго такого пира слѣдовали подарки Ивану: обыкновенно ему дарили корабленники,— португальскія золотыя монеты съ изображеніемъ корабля, бывшія тогда въ ходу: ихъ давали по тридцати или по двадцати штукъ; дарили сукна поставами, рыбьи зубы, бывшіе тогда роскошью, золотые ковши, кубки, лисицъ, соболей, нѣкоторые дарили бочки вина. Такъ прошелъ декабрь и январь. Иванъ Васильевичъ отличался наслѣдственными хозяйственными наклонностями московскихъ государей—собирать все возможное къ себѣ въ домъ. Гостя слѣдовало дарить: такъ было въ обычаяхъ. Даже тѣ, которые не успѣли учредить пировъ и покормить его, приносили на Городище подарки; не только житые люди, купцы, но и *молодые* (черные) люди, приходившіе съ челобитьемъ, приносили дары. Съ своей стороны и великій князь жаловалъ—кому камку, кому ковшъ, кому одежду, смотря по достоинству. Его свита также принимала по-

Digitized by Google

дарки, требовала ихъ, когда медлили давать, и даже сама грабила. Расположившись по селеніямъ и монастырямъ, во множествѣ окружающимъ Новгородъ, люди великаго князя—говоритъ лѣтописецъ—причиняли большія насилія жителямъ посадовъ по обѣимъ сторонамъ Великаго Новгорода. Нагрузивши свои повозки добромъ всякаго рода, великій князь попрощался дружелюбно съ новгородцами 26 января. Владыка, князь Василій Шуйскій и нѣсколько знатныхъ особъ провожали его до перваго стана, и въ послѣдній разъ подарили ему на дорогу вина, а великій князь сдѣлалъ для нихъ прощальный обѣдъ и далъ имъ прощальные подарки. Всѣмъ этимъ великій князь показывалъ, что онъ держитъ Великій Новгородъ по старинѣ и посѣщаетъ его, какъ посѣщали изстари князья. Но разница была та, что тогда пріемы дѣлались по волѣ, а теперь—по неволѣ. Въ послѣднихъ числахъ марта 1476 г. Новгородъ отправилъ въ Москву посольство, просить отпуска задержанныхъ. На челѣ посольства былъ владыка. Великій князь принялъ ихъ ласково, угощалъ пирами—и не отпустилъ изъ задержанныхъ никого.

Самое важнѣйшее дѣло его былъ—судъ. Великій князь ухватился за эту вѣтвь самобытности Новгорода и притомъ такъ, что казалось не онъ самъ начиналъ, а новгородцы ему подаютъ право къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ и стѣсненіямъ ихъ свободы. Онъ разсчиталъ, что, послѣ суда на Городищѣ, придутъ судиться къ нему и въ Москву.

Издавна одно изъ важнѣйшихъ правъ новгородской свободы было то, что новгородца нельзя было судить въ чужой землѣ, на низу. Новгородецъ—вольный человѣкъ, подлежалъ только своему суду. Теперь нарушалось это право, и поводъ къ нарушенію давали сами новгородцы. Одинъ изъ бывшихъ посадниковъ, Василій Никифоровичъ Пенковъ, поѣхалъ въ Москву судиться съ Иваномъ Кузьминымъ. По ихъ примѣру отправились въ Москву

Digitized by Google

за тѣмъ же и другіе: житые люди, вдовы и поселяне. Это было подъ руку и боярамъ, и житымъ московской партіи, которые, по злобѣ своихъ противниковъ, не могли найти управы на новгородскомъ судѣ; кстати было это и черному народу: великій князь выказывалъ себя его защитникомъ противъ знатныхъ и богатыхъ. Великій князь хорошо пользовался слабыми сторонами новгородской жизни и употреблялъ для своихъ видовъ эту давнюю вражду сословій. Изъ Москвы отправляли приставовъ за отвѣтчиками. Въ числѣ послѣднихъ былъ нѣкто Захарія Овиновъ, также изъ бывшихъ посадниковъ; призванный сначала отвѣтчикомъ, онъ для своего оправданія сталъ самъ истцомъ на другихъ. Въ Москвѣ принуждали тѣхъ, которые искали тамъ управы, произносить присягу государю; а эта присяга имѣла такой смыслъ, что тѣ, которые ее давали, признавали надъ собою непосредственную власть великаго князя, — по выраженію того времени, — задавались за государя.

27-го февраля 1477 г. между такими челобитчиками пріѣхали въ Москву подвойскій Назаръ, да дьякъ вѣча Захаръ. Въ Москвѣ разумѣли ихъ послами отъ владыки и всего Великаго Новгорода. Вмѣсто того, чтобъ великаго князя и его сына, котораго имя поставлено въ договорѣ вмѣстѣ съ отцовскимъ въ значеніи соправителя, назвать господами, они назвали ихъ государями. Съ утвержденіемъ самодержавнаго начала получили важное значеніе титулы, которые впослѣдствіи играли такую значительную роль въ нашей государственной исторіи, и не одинъ разъ служили предлогомъ къ войнамъ. Великій князь тотчасъ придрался къ этому, и на вопросъ о титулѣ завязалъ рѣшительное дѣло о судьбѣ Великаго Новгорода. Онъ отправилъ въ Новгородъ пословъ, бояръ своихъ—Ѳедора Давидовича, Ивана Тучкова и дьяка Василія Далматова, — нарочно по этому вопросу.

Digitized by Google

Ставши на вѣчѣ, послы сказали: «Великій князь велѣлъ спросить Новгородъ: какого государства онъ хочетъ?».

Вѣче заволновалось.—«Мы не хотимъ никакого государства!»—кричали новгородцы.

«Но Великій Новгородъ, — сказали послы, — посылалъ къ великому князю отъ владыки и отъ всѣхъ людей Великаго Новгорода пословъ своихъ, Назара и Захара, бить челомъ о государствѣ, и послы назвали великаго князя—государемъ».

«Вѣче никогда не посылало!—кричали новгородцы:—вѣче никогда не называло великаго князя—государемъ! Отъ вѣка не было того, какъ и земля наша стала, чтобы какого-нибудь князя мы называли государемъ! Мы всякаго своего князя называли господиномъ, а не государемъ. А что великому князю сказывали, будто мы посылали, такъ это ложь!».

Остается темнымъ, участвовалъ ли Ѳеофилъ въ этой продѣлкѣ; скорѣе надобно предположить, что нѣтъ, и его имя принято было противъ его воли. Кажется, все это сложилось само собою—отъ суда. Такъ какъ приходившіе судиться произносили присягу, въ которой именовали великаго князя государемъ, то кружокъ бояръ, хотѣвшій возвыситься чрезъ угоду великому князю, замѣтивъ, что ему особенно нравится такой титулъ, задумалъ эту продѣлку. Новгородскіе послы остались въ Москвѣ; иначе имъ было бы худо, еслибъ они воротились въ Новгородъ. Великокняжескихъ пословъ попросили объяснить, какая же перемѣна будетъ, когда Новгородъ назоветъ великаго князя государемъ, вмѣсто господина? Тѣ сказали: «Коли вы его назвали государемъ, значитъ—вы за него задались, и слѣдуетъ быть суду его въ Великомъ Новгородѣ, и по всѣмъ улицамъ сидѣть его тіунамъ, и Ярославово дворище великому князю отдать, и въ суды его не вступаться!».

Digitized by Google

Новгородцы пришли въ негодованіе; ясно было, что добираются до послѣднихъ правъ ихъ самобытности. Народъ кричалъ: «Какъ смѣли ходить въ Москву судиться и присягать великому князю, какъ государю!... Этого отъ вѣка не дѣлалось; и въ докончаньи сказано, чтобъ новгородца не судить на низу, а судить въ Новгородѣ! Давайте сюда тѣхъ, кто ѣздилъ судиться!».

31-го мая притащили на вѣче Василія Никифорова Пенкова и Захара Овинова.

«Перевѣтникъ!»—кричали новгородцы на Василія:—«Ты былъ у великаго князя, и цѣловалъ ему на насъ крестъ!»

«Я былъ у великаго князя—сказалъ Василій:—и цѣловалъ ему крестъ въ томъ, что служить мнѣ великому государю правдою и добра хотѣть; а не на государя моего Великій Новгородъ и не на васъ, свою господу и братію!»

Прижали Захара; и Захаръ доказывалъ на Василія, что тотъ цѣловалъ крестъ на Новгородъ.

Форма присяги, употребительная въ Москвѣ, до уничтоженія вѣча, не была извѣстна въ Новгородѣ. Она отзывалась большимъ раболѣпствомъ, непривычнымъ для вольныхъ людей, какими считали и называли себя новгородцы. Присягнувшій по-московски долженъ былъ, въ случаѣ нужды, дѣйствовать противъ Новгорода и доносить великому князю о всякомъ сопротивленіи ему или недоброжелательствѣ.

Новгородцы убили каменьями Василія.

Не спасло и Захара болѣе искреннее сознаніе. Убили и его. Убили и брата его, Кузьму. Псковская Лѣтопись говоритъ, что тогда изрубили топорами въ куски и Василія Ананьина; если здѣсь не ошибка, и имя Ананьина не поставлено случайно вмѣсто кого-то иного, то вѣрно этотъ плѣнникъ былъ освобожденъ Иваномъ съ условіемъ присягнуть ему, какъ государю, и не имѣлъ духа отказаться

Digitized by Google

отъ такой свободы. Тогда нѣкоторые изъ бояръ, благопріятелей Москвы, увидѣли надъ собой бѣду и бѣжали изъ Новгорода. Ихъ обласкали, наградили въ Москвѣ. Ихъ примѣру послѣдовали другіе; бѣглецы разсказывали, что Новгородъ взбунтовался, хочетъ опять Казимира, и подстрекали великаго князя наказать войною непокорную отчину.

Великокняжескихъ пословъ продержали въ Новгородѣ шесть недѣль и потомъ дали имъ такой отвѣтъ:

«Бьемъ челомъ господамъ своимъ великимъ князьямъ, а государями ихъ не зовемъ; судъ вашимъ намѣстникамъ по старинѣ, на Городищѣ; а у насъ суда вашего княжескаго не будетъ, и тіунамъ вашимъ у насъ не быть; дворища Ярославова не дадимъ вамъ. Какъ мы съ вами на Коростынѣ миръ кончили и крестъ цѣловали, такъ на томъ докончаніи и хотимъ съ вами жить; а съ тѣми, что поступали безъ нашего вѣдома, ты, государь, самъ развѣдайся: какъ хочешь, такъ ихъ и казни; но и мы тоже, гдѣ котораго поймаемъ, тамъ и казнимъ; а вамъ, своимъ господамъ, бьемъ челомъ, чтобъ держали насъ по старинѣ, по крестному цѣлованью».

Такъ какъ лѣто въ этотъ годъ не было такое сухое, какъ въ 1471 году, то Иванъ Васильевичъ ожидалъ осени. Наконецъ приблизился октябрь. Великій князь созвалъ совѣтъ, пригласилъ митрополита, архіереевъ, братьевъ своихъ и воеводъ, по прежнему, въ Москву; принималъ видъ соболѣзнованія,—едва отъ слезъ удерживался и объявлялъ, что Великій Новгородъ снова отступилъ отъ крестнаго цѣлованія, измѣняетъ православной вѣрѣ, отдается латинскому государю. Всѣ признали, что слѣдуетъ идти войною на вѣроломныхъ отступниковъ. По прежнему, великій князь, приготовляясь въ походъ, совершалъ молебствія въ главныхъ московскихъ церквахъ, поклонялся мощамъ святителей, гробамъ прародителей, ѣздилъ по монас-

Digitized by Google

тырямъ, раздавалъ милостыню, путешествовалъ къ Троицѣ, чтобъ испросить у св. Сергія ту помощь, которую нѣкогда чудотворецъ даровалъ Донскому; потомъ великій князь послалъ двухъ гонцовъ въ подручныя земли: одного въ Тверь, другого во Псковъ; 30-го сентября отправилъ Новгороду складную грамоту, и 9-го октября двинулся самъ изъ Москвы въ Торжокъ.

Ополченіе шло по Новгородской Землѣ, какъ и прежде, разными дорогами. Самъ великій князь слѣдовалъ изъ Торжка на Волочокъ; съ нимъ шли: володимирцы, переяславцы, костромичи, суздальцы, юрьевцы, тверскіе полки; изъ Торжка на Деманъ пошли съ княземъ Андреемъ: ростовцы, ярославцы, угличане и тѣ бѣжичане, которые волею и неволею измѣняли Великому Новгороду и служили великому князю; на востокъ между Деманомъ и Яжелбицами шли полки южныхъ частей Московскаго государства: калужане, серпуховцы, алексинцы, рузане; съ ними были и отпавшіе отъ Новгорода новоторжцы и волочане. Другіе отряды были распущены на всѣ стороны по новгородской волости; отъ Заволочья до Наровы,—нѣмецкой границы и до литовскаго рубежа разсыпались ратные люди, жгли, убивали, полонили. Въ строгомъ смыслѣ нельзя назвать этого войною,—войска не встрѣчали сопротивленія: били безоружныхъ, безотвѣтныхъ, безропотныхъ. На дорогѣ къ великому князю являлись новгородскіе бояре бить челомъ и служить противъ своего отечества. Такъ великій князь достигъ Ильменя и остановился на правомъ берегу озера въ Сытинскомъ погостѣ. Здѣсь явился къ нему владыка съ новгородцами просить мира.

«Господинъ великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси!—говорилъ владыка:—Я, богомолецъ твой, и архимандриты, и игумены, и всѣ священники седми соборовъ новгородскихъ, бьемъ тебѣ челомъ. Мечъ твой ходитъ по Новгородской Землѣ; кровь христіанская льется. Смилуйся

Digitized by Google

надъ своею отчиною: уйми мечъ, угаси огонь. Отпусти въ Великій Новгородъ бояръ, которыхъ ты свелъ на Москву въ первый твой пріѣздъ».

За владыкою, приносившимъ свое челобитье отъ духовенства, говорили о томъ же міряне отъ лица всѣхъ сословій Великаго Новгорода, людей вольныхъ, и просили чтобъ великій князь поручилъ своимъ боярамъ переговорить съ ними.

Великій князь пригласилъ ихъ обѣдать и назначилъ бояръ для переговоровъ. И на этихъ переговорахъ новгородцы просили прекращенія войны и отпуска задержанныхъ въ Москвѣ бояръ. Одинъ изъ пословъ, Лука Ѳедоровъ, предложилъ, чтобъ великій князь ѣздилъ въ Новгородъ только на четвертый годъ судить такія дѣла, которыя не могли рѣшить намѣстникъ съ посадникомъ, и бралъ бы за то тысячу рублей. Послѣдній пріѣздъ великаго князя былъ такъ тяжелъ, что новгородцы хотѣли оградить себя положительными правилами на время подобныхъ посѣщеній. Житые люди жаловались, что проживающіе на Городищѣ люди великаго князя (—мукобряне, отъ словъ мука и брать, т.-е. получающіе муку въ продовольствіе) позываютъ новгородцевъ на судъ въ Городище, и просили возстановленія древняго права, чтобъ тяжбы между новгородцами и княжескими людьми рѣшались смѣснымъ судомъ посадника съ намѣстникомъ.

Когда бояре доложили великому князю, онъ велѣлъ дать новгородцамъ такой отвѣтъ:

«Вы сами знаете, что присылали къ намъ, великимъ князьямъ, отъ нашей отчины подвойскаго Назара, да вѣчнаго дьяка Захара, и они назвали насъ государями. По вашей присылкѣ и челобитью, мы отправили ко владыкѣ и ко всему Великому Новгороду своихъ пословъ, и велѣли спросить: какого государства вы хотите въ Великомъ Новгородѣ? Вы заперлись и сказали, будто пословъ къ

Digitized by Google

намъ не присылали, и на насъ, великихъ государей, взвалили, будто мы надъ вами чинимъ насилье, и ложь положили на насъ, своихъ государей. Много и другихъ неисправленій чинится отъ васъ; но мы все ждали вашего обращенія, а вы явились еще лукавнѣйшими. За это мы болѣе не возмогли терпѣть и положили идти на васъ ратью, по Господнему словеси: «аще согрѣшитъ братъ твой, шедъ, обличи его предъ собою и тѣмъ единомъ, и аще послушаетъ тебе, пріобрѣлъ еси брата твоего; аще же не послушаетъ тебе, поими съ собою два или трехъ свидѣтелей, при устахъ бо дву или тріехъ да станетъ всякъ глаголъ; аще же и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь Церкви; аще и о Церкви нерадѣти начнетъ, буди ти якоже язычникъ и мытарь». Вотъ—мы такъ и поступили: посылали къ вамъ, своей отчинѣ: престаните отъ злобъ вашихъ; а вы не захотѣли и вмѣнились намъ яко чужи. И мы, положа упованіе на Господа Бога и Пречистую Его Матерь, и на святыхъ, и на молитвы прародителей своихъ, пошли на васъ за ваше неисправленіе».

Другой бояринъ говорилъ посламъ, отъ имени великаго князя:

«На тѣхъ бояръ, о которыхъ вы просите, весь Великій Новгородъ билъ челомъ; отъ нихъ дѣлалось много зла и Великому Новгороду, и волостямъ его: наѣзды, грабежи, отнятіе животовъ людскихъ, пролитіе христіанской крови. Да не ты ли, Лука Исаковъ, былъ тогда истцомъ на нихъ, и не ты ли, Григорій Кипріановъ, приходилъ на нихъ жаловаться отъ Никитской улицы? Я, великій князь, и такъ по просьбѣ владычней и вашей помиловалъ ихъ и не казнилъ; а вы нынче и тѣхъ виновныхъ вставливаете въ ваши рѣчи! Не по пригожу вы бьете челомъ, и какъ мнѣ васъ жаловать?».

Видно было, что отводъ въ чужую землю такъ оскорбилъ новгородцевъ, что прежніе враги задержанныхъ бо-

Digitized by Google

яръ теперь, ради народныхъ правъ, стали за нихъ ходатаями.

Въ заключеніе великокняжескіе бояре прибавили:

«А захочетъ Великій Новгородъ бить челомъ, то онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ!»

Въ этихъ словахъ скрывалось что-то загадочное и зловѣщее; неизвѣстно, до какой степени поняли ихъ смыслъ новгородцы.

Они ушли безъ успѣха.

А между тѣмъ, великій князь приказалъ своимъ отрядамъ захватить поскорѣе окологородные монастыри, пока новгородцы ихъ не сожгли, и самъ 27-го января переѣхалъ въ саняхъ чрезъ Ильмень и сталъ въ селѣ Лошинскаго (за три версты отъ Новгорода, близъ Юрьева монастыря). Лошинскаго держали въ Москвѣ: село его дѣлалось конфискованнымъ. Отряды русскіе, одинъ за другимъ, начали захватывать монастыри. Сначала овладѣли линіей монастырей и селъ, опоясывавшихъ Новгородъ съ Софійской стороны. Воеводы заняли Юрьевъ, Аркажъ, Пантелеймоновъ, Мостищенскій, и такъ войско расположилось до самой рѣки Пидьбы; Торговая сторона оставалась нѣсколько дней незахваченною; только на Лисичьей-Горкѣ сталъ князь верейскій. Народъ изъ селъ бѣжалъ въ Новгородъ, и скоро городъ переполнился населеніемъ. Новгородцы старались возить туда запасы.

Посадники и житые отъ пяти концовъ явились опять съ челобитьемъ — прекратить войну; но великій князь приказалъ имъ отвѣчать то же, что́ и прежде: «Зачѣмъ они отпираются отъ того, съ чѣмъ пріѣзжали послы, и не объявили, какого государства они хотятъ: они возложили на него ложь. А восхощетъ,—присовокупили бояре,—великимъ князьямъ Великій Новгородъ бить челомъ, вы сами знаете, какъ бить челомъ». Великій князь еще разъ вынуждалъ Новгородъ—самому просить уничтоженія своей самобыт-

Digitized by Google

ности и свободы. Въ первыхъ числахъ декабря отряды появлялись гуще и гуще, захватили Городище, Сковородку, Ковалевъ, Волотово и, наконецъ, Деревяницу. 3-го декабря всѣ войска были въ сборѣ подъ городомъ, и Новгородъ былъ замкнутъ со всѣхъ сторонъ. Псковичи пришли поздно: они все отговаривались пожаромъ и только послѣ двукратнаго приказанія должны были идти.

Въ Новгородѣ безпрестанно происходили волненія. Посольство отправлялось отъ одной партіи; другая хотѣла защищаться до послѣдней капли крови; построили стѣну черезъ Волховъ; укрѣпляли острогъ. Но владыка и умѣренная партія рѣшились успокоить великаго князя и взвести на себя вину, въ которой, быть можетъ, изъ нихъ никто не былъ виноватъ.

5-го декабря явились они снова въ станѣ великаго князя и сказали: «Мы винимся въ томъ, что посылали Назара, да Захара и передъ послами великаго князя запирались».

«А коли вы,—отвѣчалъ великій князь черезъ бояръ, — владыка и вся отчина моя Великій Новгородъ, предъ нами, великими князьями, виноватыми сказались, и сами на себя теперь свидѣтельствуете, и спрашиваете: какого государства мы хотимъ (хотя тѣ и не спрашивали), то мы хотимъ такого государства въ нашей отчинѣ Великомъ Новгородѣ, какъ у насъ въ Москвѣ».

Новгородцы уѣхали совѣтоваться съ вѣчемъ, и 7-го декабря снова прибыли уже въ сопровожденіи пяти человѣкъ отъ черныхъ людей. Они думали предложеніемъ новаго источника доходовъ смягчить великаго князя, зная по опыту его любовь къ пріобрѣтенію, и одинъ изъ посадниковъ, Ѳеофилактъ, предложилъ: пусть бы великій князь бралъ на каждый годъ съ сохи по полугривнѣ, держалъ бы намѣстниковъ своихъ и въ пригородахъ, какъ въ Новгородѣ, только, чтобъ судъ былъ по старинѣ, не было вы-

Digitized by Google

вода изъ Новгородской Земли, и на службу въ Низовскую Землю новгородцевъ не посылали. А мы рады,—говорили они,—боронить тѣ рубежи, что сошлись съ новгородскими землями; да чтобъ великій князь въ боярскія вотчины не вступался».

Великій князь чрезъ своихъ бояръ далъ имъ такой отвѣтъ: «Я сказалъ вамъ, что хотимъ такого государства, какое въ нашей Низовской Землѣ, на Москвѣ; а вы нынче сами мнѣ указываете и чините урокъ нашему государству, такъ что же это за государство?».

— «Мы не учиняемъ урока государства своимъ государямъ, великимъ князьямъ,—отвѣчали новгородцы;—но Великій Новгородъ низовской пошлины (обычая) не знаетъ: какъ наши государи великіе князи держатъ тамъ въ Низовской Землѣ свое государство?

Тогда великій князь заговорилъ черезъ бояръ прямымъ языкомъ и ясно сказалъ, чего онъ хочетъ:

— «Вы мнѣ бьете челомъ, чтобъ я вамъ явилъ, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ; такъ знайте, что наше государство таково: вѣчу и колоколу въ Новѣгородѣ не быть, какъ въ нашей вотчинѣ того нѣтъ; посаднику не быть; государство свое намъ держать, какъ слѣдуетъ великимъ князьямъ, какъ держимъ мы свое государство въ нашей Низовской Землѣ; и земли великихъ князей, что за вами, отдать намъ, чтобъ это наше было. А что вы бьете челомъ мнѣ, великому князю, чтобъ не было вывода изъ Новгородской Земли, и чтобъ мнѣ не вступаться въ боярскія земли, такъ мы тѣмъ жалуемъ свою отчину; и судъ будетъ по старинѣ въ Новгородѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ.

Владыка съ послами отправился въ Новгородъ.

Послѣ того шесть тяжелыхъ дней прошло въ борьбѣ Новгорода съ самимъ собою. Бояръ-землевладѣльцевъ обнадеживало обѣщаніе великаго князя, что если Великій

Digitized by Google

Новгородъ, по его хотѣнію, откажется отъ вѣча и вѣчевого порядка, то, по крайней мѣрѣ, имѣнія останутся за ними, и ихъ самихъ оставятъ на мѣстѣ; напротивъ, казалось ясно, что когда они станутъ упрямиться и стоять за вѣче, колоколъ и посадника, то вѣча, колокола и посадника у нихъ все-таки не будетъ, да сверхъ того, отнимутъ у нихъ вотчины, и самихъ зашлютъ далеко. Одни соблазнялись примѣромъ своей братьи: тѣ, что передались Іоанну на дорогѣ, когда онъ шелъ къ Новгороду, и тѣ, что перебѣжали къ нему изъ Новгорода послѣ, приняты имъ ласково. Другіе готовы были теперь согласиться на все, лишь бы остаться самимъ въ своей землѣ, и надѣялись со временемъ дѣло поправить. И они рѣшились пожертвовать самобытностію Великаго Новгорода, когда уже невозможно было удержать ее. Они пытались сохранить хоть то, что̀ казалось еще возможнымъ сохранить.

Владыка съ прежними послами поѣхалъ въ станъ и объявилъ, что Новгородъ согласенъ отложить и вѣче, и колоколъ, и посадника, лишь бы государь не вступался въ боярскія земли, оставилъ судъ по старинѣ, да чтобъ не было ни позвовъ къ суду, ни выводовъ людей изъ Новгородской Земли въ другую. Великій князь повторилъ прежде данное обѣщаніе. Все казалось улаженнымъ. По своимъ старымъ понятіямъ послы думали, что теперь остается писать договоръ и съ обѣихъ сторонъ цѣловать крестъ. «Бьемъ челомъ—сказали они боярамъ,—чтобъ великій государь далъ крѣпость своей отчинѣ Великому Новгороду и поцѣловалъ крестъ». Бояре пошли съ этимъ къ великому князю и, воротившись къ посламъ, сказали, что великій князь цѣловать креста не будетъ. Новгородцы просили, чтобъ въ такомъ случаѣ государевы бояре поцѣловали за него крестъ. Бояре, доложивши объ этомъ великому князю, воротились снова къ посламъ съ такимъ отвѣтомъ: «и боярамъ великій князь цѣловать креста не велитъ».

Digitized by Google

Дико и непривычно казалось новгородцамъ обѣщать безъ крестнаго цѣлованія; этого они не слыхали и въ толкъ не могли взять. Казалось имъ, что ктожъ нибудь да долженъ цѣловать крестъ. «Такъ пусть намѣстникъ, который будетъ оставленъ въ Великомъ Новгородѣ, крестъ цѣлуетъ», —сказали они. Бояре передали имъ на это отвѣтъ великаго князя, что «цѣловать креста не будетъ и намѣстникъ». Посламъ оставалось ѣхать въ городъ и передать вѣчу то, что́ услышали; они, по обычаю, просили отпуска и опасной грамоты для проѣзда назадъ. Но великій князь не далъ имъ грамоты и не объяснилъ имъ причины, почему не даетъ. По неволѣ они должны были оставаться въ станѣ. Тамъ пробыли они до конца декабря.

Иванъ Васильевичъ домогался еще кое-чего и хотѣлъ довести новгородцевъ, чтобъ они догадались и предложили сами. Онъ зналъ, что хоть они и согласились разстаться съ вѣчемъ, да не всѣ, и тѣ, которые второпяхъ дали согсіе, еще не свыклись съ этой мыслью. Московскій способъ — волочить дѣло — дѣйствовалъ убійственнѣе, чѣмъ всякое непріязненное нападеніе. Напротивъ, тогда городъ былъ укрѣпленъ твердо, и еслибъ москвичи сдѣлали нападеніе, то новгородцы воодушевились бы мыслію о защитѣ своей гражданской святыни,—отчаяніе придало бы имъ и духа, и отваги, и Новгородъ, хотя бы все-таки и достался Москвѣ, да не легко. Московскій государь понималъ это и предпочелъ томить городъ. Новгородцы, не зная, что́ съ ними затѣваютъ, дѣлали и такія, и инакія соображенія и догадки: задумавъ одно, переходили къ другому, третьему, и ума не прибирали; а между тѣмъ, положеніе города день-ото-дня становилось печальнѣе: кругомъ переняты были всѣ пути,—ни входу, ни выходу; запасы истощились, начался голодъ; отъ тѣсноты и голода явились болѣзни, и наконецъ открылся моръ. Чѣмъ больше было мнѣній и толковъ, тѣмъ больше несогласія и раздоровъ; одни винили

Digitized by Google

другихъ; тѣ кричали: «Идемъ биться!.. умремъ за св. Софію!». Другіе кричали: «Остается намъ задаться великому князю!». Чернь возстала на бояръ, бояре на чернь; тамъ плачъ, рыданіе, голодная смерть; тутъ ссоры, драки, убійства; и колебались они,—говоритъ лѣтописецъ,—какъ пьяные. Было полное разложеніе всякаго гражданскаго порядка. Тогда князь Василій Шуйскій увидѣлъ, что Великій Новгородъ окончательно погибъ и ему уже нечего въ немъ дѣлать. 28-го декабря князь явился на вѣче, отблагодарилъ за хлѣбъ за соль, сложилъ съ себя цѣлованіе Великому Новгороду и объявилъ, что идетъ бить челомъ великому князю. Новгородцы не могли его остановить; не смѣли,—говоритъ лѣтописецъ,—ничего ему и сдѣлать, боясь великаго князя. Сложивъ съ себя цѣлованіе, два дня онъ еще пробылъ въ Великомъ Новгородѣ, и 30-го декабря поѣхалъ въ московскій станъ и отдался московскому государю. Иванъ принялъ дружелюбно послѣдняго кормленаго князя новгородскаго и даже одарилъ его.

Наканунѣ этого дня великій князь узналъ уже, что Шуйскій отказался служить Великому Новгороду; онъ понялъ, что Новгородъ доведенъ уже до того положенія, когда пришла пора заговорить съ задержанными послами. Ихъ призвали, по ихъ же просьбѣ, къ великому князю на глаза.

— «Вы мнѣ били челомъ,—сказалъ онъ,—чтобъ я отложилъ гнѣвъ свой, не выводилъ бы людей изъ Новгородской Земли, не вступался въ отчины и имущества людскія; чтобъ судъ былъ по старинѣ и чтобъ васъ не наряжать на службу въ Низовскія земли. Я всѣмъ этимъ жалую свою отчину Великій Новгородъ».

Послы поклонились. Иванъ болѣе ничего не говорилъ. Послы должны были выходить отъ него въ прежнемъ недоумѣніи; то, что теперь имъ сказано, они слышали въ третій разъ;—ничего новаго имъ не сказано, и отпуска не

Digitized by Google

объявлено. Новгородцы не понимали, для чего ихъ еще держать и чего еще вымогаютъ.

Но какъ только они вышли отъ великаго князя, бояре сказали имъ:

— «Князь великій велѣлъ вамъ вотъ что сказать: чтобъ наша отчина, Великій Новгородъ, далъ намъ волости и села; намъ, великимъ государямъ, нельзя безъ того держать свое государство на своей отчинѣ въ Великомъ Новгородѣ».

— «Мы скажемъ объ этомъ Великому Новгороду», отвѣчали новгородцы.

Ихъ отпустили. Должно думать, и странно, и ужасно показалось это Великому Новгороду: обѣщали не вступаться въ вотчины, а требуютъ ихъ разомъ!

1-го января явились послы опять въ станъ московскій, и сказали: «Великій Новгородъ даетъ Великіе Луки и Ржеву Пустую на литовской границѣ». Быть можетъ, здѣсь было не безъ хитрости. Новгородцы давали волости по близости къ Литвѣ, чтобъ скорѣе поссорить Москву съ Литвою и тогда потомъ самимъ пристать къ Литвѣ. Великій князь ие взялъ этихъ волостей и не сказалъ чего онъ хочетъ, предоставляя Новгороду назначить добровольно.

Послы были отпущены.

Издавна завидовали бояре богатству владычнихъ и монастырскихъ имѣній; теперь бояре разсудили, что если ужъ нужно какими-нибудь вотчинами отдѣлываться, то лучше церковными, а не своими. Опять владыка съ тѣми же послами 4-го января прибылъ въ станъ и сказалъ, что Великій Новгородъ даетъ ему десять волостей церковныхъ [1]), и сверхъ того всѣ волости, какъ владычнія и монастырскія, такъ и боярскія, и всѣхъ новгородцевъ вообще, въ Торжковской Землѣ.

[1]) Владычнихъ 4, Юрьевскаго монастыря 2, Деманскаго 1, Антоніевскаго 1, Тубасъ волость 1.

Digitized by Google

Великій князь отвѣчалъ, что онъ не беретъ этого.

«Такъ пусть же,—сказали послы боярамъ, говорившимъ съ ними отъ имени великаго князя,—государь самъ смыслитъ, какъ ему свою отчину жаловать и сколько волостей взять; а отчина его Великій Новгородъ покладается на Бога и на него».

Бояре пошли ко князю и воротились съ такимъ отвѣтомъ: «Государь велѣлъ сказать: — взять мнѣ половину всѣхъ волостей владычнихъ и монастырскихъ во всей землѣ, а новоторжскія всѣ,—чьи бы-то ни были».

Послы ушли въ Новгородъ и 6-го января пришли съ согласіемъ, но просили, чтобъ государь пожаловалъ бѣдные монастыри—не отнималъ у нихъ земель, а ограничивался бы шестью богатыми монастырями [1]). Великій князь согласился. «Пусть идутъ въ городъ,—сказалъ онъ своимъ боярамъ,—и напишутъ на списокъ половину владычнихъ и монастырскихъ волостей,—только чтобъ не таили ничего; а что утаятъ,— та земля великихъ князей».

На другой день владыка съ послами принесли списокъ. Уже Новгородъ былъ безропотенъ; голодъ дошелъ до ужасныхъ размѣровъ; моръ усиливался; чего бы ни потребовалъ побѣдитель,—побѣжденный на все согласится напередъ. Но по разсчету великаго князя слѣдовало его еще помучить и дать памяти. Послы надѣялись, что все уже окончено, и владыка сказалъ боярамъ: «Пусть государь пожалуетъ отчину свою, чтобъ христіанство до конца не гибло; тѣснота, и голодъ, и моръ въ городѣ».

Но бояре не слишкомъ разжалобились, и сказали: «Князь великій велѣлъ вамъ сказать: вы явили дань со всѣхъ волостей новгородскихъ съ сохи по полугривнѣ, по семи денегъ; а какая ваша соха?».

---

[1]) У Юрьева, Антоньева, Благовѣщенскаго, Аркажа, у Никольскаго въ Неревскомъ концѣ и у Михайловскаго на Сковордкѣ.

Digitized by Google

«Наша соха,—отвѣчали послы, — три обжи; а обжа у насъ одинъ человѣкъ, когда ореть на одной лошади; какъ на трехъ лошадяхъ орешь, то соха».

«Такъ князь великій,—сказали бояре,—захотѣлъ взять не съ сохи а съ обжи по полугривнѣ».

Владыка началъ говорить: «Бьемъ челомъ великому государю: смилуйся, государь, имать дань съ сохи съ трехъ обжей по полугривнѣ и брать одинъ разъ въ годъ».

Доложили великому князю. Иванъ Васильевичъ оказалъ милость,—согласился, только съ тѣмъ, чтобъ брать эту дань со всѣхъ, безо льготы: со всякаго, кто землю ореть, и съ ключниковъ, и со старостъ, и съ одерноватыхъ.

Тогда владыка и послы сказали: «Бьемъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ—не велѣлъ посылать въ новгородскія волости писцовъ своихъ и даньщиковъ: это, господине, будетъ христіанамъ тяжко; пусть положится государь на новгородскую душу; сами скажутъ, сколько у кого сохъ будетъ, да сами собою дань собравши и отдадутъ по крестному цѣлованію, безъ хитрости, тому, кому великій князь прикажетъ въ Новгородѣ; а кто утаитъ хоть одну обжу, и уличимъ его, мы скажемъ про то своимъ государямъ великимъ князьямъ и великіе государи его казнятъ».

Великій князь сказалъ на это: «Жалую свою отчину; пусть сами дань собираютъ, и отдаютъ кому у нихъ будетъ велѣно брать, а писарей и даньщиковъ къ нимъ не будутъ посылать».

Послы задержаны были на одинъ день. 10-го января бояре дали имъ списокъ, по которому Новгородъ долженъ былъ произнести присягу. Этотъ списокъ слѣдовало прочитать новгородцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь приказалъ очистить для него Ярославово дворище. Послы поѣхали въ городъ вмѣстѣ съ московскимъ подъячимъ Одинцомъ, который везъ форму присяги. Форма была списана; къ этому списку новгородскій владыка долженъ былъ прило-

Digitized by Google

жить руку и свою печать, да сверхъ того отъ пяти концовъ по печати.

Форма присяги была прочтена у владыки въ палатѣ. Ее слушали конечно немногіе,—сколько могло помѣститься въ палатѣ. Когда сказали новгородцамъ, что государь велитъ очистить Ярославово дворище, тутъ воскресло невольно воспоминаніе всего прошедшаго; ужасно казалось отдавать эту святыню. Новгородцы не могли противиться, но сказали съ грустію: «Тотъ дворъ въ волѣ нашихъ государей великихъ князей: хотятъ его взяти,—все передъ Богомъ и передъ ними, а можетъ быть захотятъ въ Околоткѣ взять мѣсто равное тому двору, и то въ ихъ волѣ».

13-го января явился въ станъ Ивана владыка; съ нимъ были уже не только прежніе послы, но многіе посадники, бояре, житые и купцы, и показали запись, подписанную владыкою и утвержденную печатьми пяти концовъ. Бояре сказали имъ: «что псковичи послужили великому князю по крестному цѣлованію, за то вы имъ не должны никакою хитростью мстить, не вступаться во псковскія земли и воды и не дѣлать имъ обидъ; а какъ будутъ у васъ съ ними дѣла о земляхъ и водахъ, то о томъ новгородскіе намѣстники великихъ князей будутъ ссылаться съ намѣстниками псковскими, и будетъ у васъ судъ и управа на обѣ стороны. Вы также не должны мстить никакою хитростію и тѣмъ новгородскимъ боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и боярынямъ, что служатъ великому князю. А на Двинѣ и на Заволочьѣ, что ни есть пригородовъ, такъ всѣ двиняне и заволочане сложатъ новгородское цѣлованіе и будутъ цѣловать крестъ на имя великихъ князей».

Новгородцамъ оставалось безмолвно согласиться, и они цѣловали крестъ по записи.

Послѣ крестной присяги они сказали: «Бьемъ челомъ вамъ, бояре, чтобъ вы печаловались у государя, отдалъ бы онъ намъ нелюбье и сердце свое сложилъ, и слово свое

Digitized by Google

изрекъ бы намъ отъ устъ своихъ въ слухъ всѣмъ по прежнему жалованью».

Бояре передали эту просьбу государю, и великій князь позвалъ ихъ къ себѣ. Онъ объявилъ имъ то же, что́ сказалъ владыкѣ и посламъ объ имѣніяхъ и судахъ и прибавилъ: «Дастъ Богъ и впередъ тебя, своего богомольца, владыку, и всю отчину свою Великій Новгородъ будемъ жаловать».

Великій князь промедлилъ еще день. Въ четвергъ 15-го января поѣхалъ въ Новгородъ отъ его имени князь Иванъ Юрьевичъ въ сопровожденіи другихъ князей и бояръ [1]).

Новгородцы созваны были на Софійскій дворъ. Въ палатѣ были владыки, духовенство и бояре; за ними толпы вошли въ палату; другіе стояли на открытомъ воздухѣ. Князь Иванъ Юрьевичъ говорилъ: «Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи, государь нашъ, тебѣ, своему богомольцу, владыцѣ и своей отчинѣ — Великому Новгороду, глаголетъ такъ: ты, нашъ богомолецъ, Ѳеофилъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и вся наша отчина, Великій Новгородъ, били челомъ нашей братьи о томъ, чтобъ я пожаловалъ — смиловался и нелюбіе сердца сложилъ; я, князь великій, ради своей братьи жалую свою отчину и отлагаю нелюбіе. Ты, богомолецъ нашъ, архіепископъ, и отчина наша, написали грамоту, на чемъ добили намъ челомъ и цѣловали крестъ; — пусть теперь всѣ люди новгородскіе, моя отчина, цѣлуютъ крестъ по той грамотѣ и оказываютъ намъ должное; а мы васъ, свою отчину, и впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ».

Началась присяга. Бояре приводили ко кресту бояръ и житыхъ людей, стоявшихъ на Софійскомъ дворѣ, а дѣ-

[1]) Ѳедора Даниловича, да князя Ивана Стриги, да Борисовичевъ Ивана и Семена, бывшихъ въ Новгородѣ прежде послами отъ великаго князя съ вопросомъ о государствѣ, да Василья, да Ивана.

Digitized by Google

тей боярскихъ и московскихъ дьяковъ разослали по всѣмъ пяти концамъ приводить къ присягѣ народъ. Тогда присягали всѣ люди, и жены боярскія, и вдовы, и люди боярскіе. Присяга давалась отъ каждаго лица особо, и каждый поставленъ былъ ею въ непосредственное подданство великому князю. Это уже не была присяга на храненіе договора, заключеннаго на взаимныхъ условіяхъ, а присяга подданнаго, предававшагося въ безусловное повиновеніе государю, принадлежавшаго лично его особѣ, обязаннаго исполнять всѣ его приказанія безотносительно ко всякимъ условіямъ своего общества. Въ присягѣ, между прочимъ, обѣщался каждый—всякое слово, какое услышитъ отъ своего брата новгородца, доброе или худое о великомъ князѣ, сказывать великимъ государямъ. Князья отобрали во владычней палатѣ грамоту, заключенную новгородцами между собою за шестидесятью восмью печатьми. Наконецъ, послѣ окончанія присяги, москвичи отправились на Ярославово дворище, сняли вѣчевой колоколъ и повезли въ московскій станъ. Плакали сильно новгородцы по своей волѣ,—говоритъ лѣтопись, — и не смѣли сказать ничего. Вслѣдъ за этимъ многіе новгородскіе бояре и дѣти боярскіе сами били челомъ въ службу государя и произносили особую, служебную, присягу.

Наконецъ Новгородъ отворился, но уже не прежній Великій Новгородъ! Владыка испросилъ у великаго князя опасную грамату и приставовъ — проводить поселянъ въ ихъ волости и села; и голодные, чахлые, стали расходиться въ свои разоренныя жилища. Все время, когда Новгородъ находился въ осадѣ, великокняжескія войска продолжали разорять волости: и была, — говоритъ лѣтописецъ,—эта война еще пагубнѣе прошлой: тогда, по крайней мѣрѣ, было лѣто и жители прятались въ лѣсахъ; теперь негдѣ было спрятаться; ратные люди пожгли ихъ жилища, хлѣбъ, истребляли скотъ, и толпы народа уми-

Digitized by Google

рали въ пустыняхъ отъ мороза и голода. Только собакамъ, волкамъ, да хищнымъ птицамъ была тогда пожива! Новгородская область обезлюдѣла. Иванъ, какъ видно, съ задуманнымъ заранѣе планомъ, хотѣлъ истребить враждебную Москвѣ народность, преслѣдуя свой политическій планъ — соединить Русь въ одно крѣпкое государственное тѣло.

Еще мѣсяцъ пробылъ Иванъ подъ Новгородомъ. Лишенные старинной свободы, новгородцы должны были, какъ-бы въ благодарность своему государю, подносить ему поминки. Самъ великій князь не прежде какъ 29 января посѣтилъ Новгородъ и то не надолго: онъ отслушалъ обѣдню у святой Софіи и тотчасъ уѣхалъ въ свой станъ; онъ боялся мора, который продолжалъ свирѣпствовать: отъ множества умирающихъ не успѣвали копать особыхъ могилъ; складывали по два, по три трупа въ одну могилу, а далѣе уже по десяти.

Пожертвовавъ свободою, бояре думали, что, по крайней мѣрѣ, сохранятъ свои имущества и останутся на мѣстѣ; но скоро оказалось, что Иванъ не слишкомъ цѣнилъ обѣщаніе, на которое не даромъ хотѣлъ присягать. Перваго февраля схватили купеческаго старосту Марка Панфильева и увели въ станъ. На другой день, 2-го числа, схватили Марѳу Борецкую и внука ея. Сынъ ея, отецъ этого внука, уже умеръ въ заточеніи въ Муромѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, чрезъ нѣсколько дней, схватили другихъ новгородцевъ, стоявшихъ прежде во главѣ патріотической партіи: Арзубьева, Ивана Савелкова, Іакинфа съ сыномъ и Юрія Репехова. Всѣхъ ихъ, оковавши, повезли въ Москву, а ихъ имущества отписали на государя. Такъ достался Ивану и тотъ *чюдный* дворъ Марѳы посадницы, гдѣ собирались патріоты и разсуждали о томъ, какъ имъ противостоять московскому самовластію. Въ Новгородѣ оставлены четыре намѣстника: два должны были жить на

Digitized by Google

Торговой сторонѣ на Ярославовомъ дворищѣ; два — на Софійской, въ архіепископскомъ дворѣ. Такимъ образомъ, ихъ управленіе замѣняло древнее вѣче, собиравшееся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ теперь указано жить.

Получивъ отъ владыки послѣдніе подарки изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, великій князь 17-го февраля выѣхалъ изъ Великаго Новгорода. До перваго стана должны были провожать его владыка, и бояре, и житые; побѣдитель здѣсь покормилъ ихъ и одарилъ. Такъ, наконецъ, разстался онъ съ Новгородомъ, и пріѣхалъ въ Москву 5-го марта при всеобщемъ торжествѣ московскаго народа. За нимъ, какъ трофей побѣдителя, везли вѣчевой колоколъ, — символъ древней общественной жизни удѣльно-вѣчевого порядка, пораженнаго торжествовавшимъ единодержавіемъ. «И привезенъ бысть,—говоритъ лѣтописецъ,—и вознесли его на колокольницу на площади, съ прочими колоколы звонити.»

Новгородская катастрофа этимъ не кончилась. Раздоры, прежде выражавшіеся палочными и кулачными боями на улицахъ, сейчасъ же нашли себѣ новую дорожку—доносы. Новгородцы московской партіи донесли на своихъ соотчичей, что составляется заговоръ: хотятъ отложиться отъ Москвы и призывать снова Казимира.

Новгородъ оставался на душѣ у Казимира.

Онъ обѣщалъ помощь. Литовцы денегъ ему не давали; онъ обратился съ просьбою объ деньгахъ къ папѣ, а между тѣмъ, послалъ къ хану Большой Орды подвигать его на московскаго государя, бывшаго его данника. Была надежда новгородцамъ даже на помощь внутри великаго княженія: братья великаго князя — Андрей и Борисъ, вмѣстѣ съ братомъ воевавшіе Новгородъ, стали недовольны; они сами испытывали тягость московскаго самовластія. «Мы, — говорили они между собою, — вмѣстѣ съ нашимъ

Digitized by Google

братомъ воевали Великій Новгородъ, а онъ взялъ его себѣ весь и намъ не далъ изъ него части». Они переговаривались съ заговорщиками и изъявили согласіе дѣйствовать заедино. Но государь въ концѣ 1479 г. узналъ объ этомъ впору. Утаивая настоящее намѣреніе, онъ распустилъ слухъ, будто идетъ на нѣмцевъ. Даже сынъ его не зналъ отцовскаго замысла, и долженъ былъ собирать войско будто на нѣмцевъ. Весною онъ отправилъ заставы, чтобы новгородцы не узнали о числѣ его войска. Однако въ Новгородѣ все узнали, прогнали намѣстниковъ и приготовились къ оборонѣ. Была надежда, что татары отвлекутъ великаго князя отъ сѣвера и заставятъ обратиться назадъ; а между тѣмъ, Казимиръ успѣетъ прислать вспомогательное литовско-русское войско на выручку. Представлялся, повидимому, удобный случай возвратить утраченное. Возобновленъ вѣчевой порядокъ. Избрали посадника, тысячскаго. Стали укрѣплять острогъ. Великій князь, достигши Бронницъ, узналъ, что Новгородъ взбунтовался явно. У него была только тысяча человѣкъ; надобно было подождать; и онъ сидѣлъ двѣ недѣли, пока прибыло войско. Новгородцы не успѣли сжечь посадовъ; ихъ опять захватили, какъ въ прошлогоднюю войну. Иноземный художникъ Аристотель управлялъ артиллеріей; онъ поставилъ противъ Новгорода пушки; — его пушкари искусно и мѣтко палили; а въ Великомъ Новгородѣ возникали по прежнему несогласія; многіе, прежде приставшіе, повидимому, къ мятежу, теперь бѣжали къ великому князю. Патріотамъ невозможно было управлять обороною; безпрестанно грозила измѣна. Послали просить опаса для переговоровъ. Но времена тѣ прошли, когда можно было вести переговоры. Великій князь, указавши на себя, сказалъ: «Я вамъ опасъ; я опасъ невиннымъ; я государь вашъ; отворяйте ворота; войду, — никого невиннаго не оскорблю!».

Digitized by Google

Тогда ворота отворились; архіепископъ съ духовенствомъ вышли впередъ со крестами; съ ними ихъ новый посадникъ, новый тысячскій, старосты пяти концовъ, бояре и множество народа: всѣ пали ницъ и вопили о пощадѣ и прощеніи. Иванъ сказалъ: «Я, вашъ государь, даю всѣмъ невиннымъ въ этомъ злѣ миръ; ничего не бойтесь». И спокойнымъ шагомъ шелъ онъ къ св. Софіи, помолился тамъ, а потомъ помѣстился въ домѣ новоизбраннаго посадника Ефима Медвѣдева,—не гостемъ, а полнымъ хозяиномъ этого дома.

У Ивана былъ уже списокъ главныхъ заговорщиковъ, сообщенный ему предателями. По этому списку онъ велѣлъ схватить пятьдесятъ человѣкъ. Ихъ начали пытать. Въ мукахъ они стали говорить на другихъ и указали, что и владыка Ѳеофилъ былъ въ согласіи. Московскій государь не долго разбиралъ дѣйствительность вины владыки: 19-го января, по его приказанію, архіепископа схватили, безъ церковнаго суда, отвезли въ Москву и заточили въ Чудовомъ монастырѣ. Его имѣніе, состоявшее во множествѣ жемчуга, золота, серебра, камней, взялъ московскій великій князь себѣ. Обвиненныхъ казнили. Предъ смертью многіе вопили, что они въ безпамятствѣ, подъ пытками, наговорили напраслину; но на это не обратили вниманія. Схватили еще болѣе ста человѣкъ и начали пытать. И эти подъ муками наговорили на себя; и этихъ казнили. Все имѣніе казненныхъ взято было въ пользу государя. Вслѣдъ за тѣмъ, по подозрѣнію въ нерасположеніи къ московской власти, болѣе тысячи семей купеческихъ и дѣтей боярскихъ выслали изъ Новгорода и поселили въ Переяславлѣ, Владимирѣ, Юрьевѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Костромѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Все ихъ имѣніе было взято въ пользу государя. Чрезъ нѣсколько дней московское войско погнало болѣе семи тысячъ семействъ въ Московщину, зимою, по морозу, не давъ имъ собраться, не позволивъ

Digitized by Google

ничего взять съ собою; ихъ домы, ихъ недвижимое и движимое имущество — все сдѣлалось достояніемъ великаго князя. Послѣ такой расправы, уѣхалъ Иванъ, февраля 3-го, услыхавши, что идетъ на него ханъ Золотой Орды.

Многіе изъ сосланныхъ умерли на дорогѣ; оставшихся разселили по разнымъ городамъ, посадамъ и селамъ Московской Земли; дѣтямъ боярскимъ давали помѣстья на Низу, а вмѣсто ихъ въ Новгородскую Землю посылали для поселенія москвичей. Такъ и вмѣсто купцовъ, сосланныхъ въ Московщину, въ Новгородъ отправили новыхъ купцовъ изъ Московщины.

Этимъ не кончилась расправа. Въ 1484 г. великій князь посѣтилъ Новгородъ и пробылъ въ немъ девять недѣль. Онъ жилъ тогда въ самомъ городѣ—въ Славенскомъ концѣ. Тогда онъ приказалъ похватать бояръ и боярынь Великаго Новгорода, имѣвшихъ имѣнія въ Новгородской Землѣ; нѣкоторыхъ, по подозрѣнію, заточилъ въ тюрьму; другимъ подавалъ помѣстья въ южныхъ и приволжскихъ краяхъ. Въ то время,—по замѣчанію лѣтописца,—схвачена и разграблена была богатая Настасья Григоровичева, у которой нѣкогда пировалъ великій князь, когда пріѣзжалъ въ Новгородъ. Въ 1487 г., по доносу Якова Захарьича, намѣстника, Иванъ вывелъ изъ Новгорода пятьдесятъ семей лучшихъ гостей и перевелъ ихъ во Владимиръ. Въ слѣдующемъ году ненавистный для новгородцевъ намѣстникъ открылъ заговоръ — будто бы хотѣли убить его; многихъ тогда же намѣстникъ перерубилъ и перевѣшалъ; а Иванъ приказалъ выселить еще болѣе семи тысячъ житыхъ людей въ Москву и разселилъ ихъ по разнымъ городамъ и селамъ. Имѣнія владычнія и боярскія были раздаваемы московскимъ дѣтямъ боярскимъ. Въ слѣдующемъ году Иванъ перевелъ всѣхъ остальныхъ житыхъ людей (хозяевъ) въ Нижній-Новгородъ, а многихъ изъ нихъ приказалъ умертвить въ Москвѣ: они жаловались на намѣ-

Digitized by Google

стниковъ, а имъ поставили это въ вину, выводя изъ того, что они хотѣли убить намѣстника.

Такъ добилъ московскій государь Новгородъ, и почти стеръ съ земли отдѣльную сѣверную народность. Большая часть народа по волостямъ была выгублена во время двухъ опустошительныхъ походовъ. Весь городъ былъ выселенъ. Мѣсто изгнанныхъ старожиловъ заняли новые поселенцы изъ Московской и Низовой Земли. Владѣльцы земель, которые не погибли во время опустошенія, были также почти всѣ выселены; другіе убѣжали въ Литву. Остатки прежней народности въ сельскомъ классѣ смѣшались съ новою, наплывшею къ нимъ, московскою:—неудивительно послѣ этого, что Новгородъ, какъ кажется, скоро примирился съ своей судьбою, и забылъ о своей старинѣ. Потомство вольныхъ людей, разселенное въ чужихъ земляхъ, не имѣло корней для воспоминаній о старинѣ и должно было по необходимости распуститься въ массѣ преобладающей московской народности; а потомство новосельцевъ въ новгородской волости и въ самомъ городѣ не имѣло ничего общаго съ прежнею стариною. Вотъ почему и теперь напрасно бы мы искали на мѣстѣ памяти о древней областной независимости и свободѣ. Отъ старины осталась только земля; но старую душу нельзя было вложить въ чуждое ей новое тѣло.

Уничтоживъ самобытность гражданскую, Иванъ поразилъ также и церковную. Злополучный Ѳеофилъ, добрякъ и простякъ, котораго судьба некстати бросила въ политическій водоворотъ, долженъ былъ въ угожденіе побѣдителю подписать добровольное отреченіе отъ своего достоинства. «Познаваю,—написалъ онъ,— убожество моего ума и великое смятеніе моего неразумія».

Вмѣсто него, по волѣ великаго князя, митрополитъ Геронтій поставилъ новгородскимъ владыкою московскаго протопопа Симеона, переименованнаго при посвященіи въ

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВЯТКА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЯТКА.

Вслѣдъ за пораженіемъ новгородской свободы, Іоаннъ раздѣлался и съ Вяткой, новгородской старой колоніею, управлявшеюся независимо отъ Новгорода. Нѣтъ ничего въ русской исторіи темнѣе судьбы Вятки и земли ея. Начало этой колоніи лѣтописецъ Вятской Земли [1]) относитъ къ 1174 (6682) г. и нѣсколько противорѣчитъ самъ себѣ: въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что жители новгородскіе отправились въ путь самовольно и отдѣлились отъ Великаго Новгорода, а въ другомъ,—что они отправились съ согласія Великаго Новгорода. Вѣроятнѣе первое, потому что эта колонія не признавала власти Новгорода, нѣсколько разъ являлась враждебною Новгороду, никогда не бывала съ нимъ во взаимнодѣйствіи и испытывала противъ себя—по сказанію той же мѣстной лѣтописи—злобу своей метрополіи. Впослѣдствіи, къ происхожденію вятской колоніи, приплели старинную греческую басню объ основаніи Тарента, которая, будучи занесена къ намъ, примѣнялась не къ одной Вяткѣ. Говорили, будто новгородцы отправились на войну и оставили дома своихъ женъ съ рабами. Во время ихъ семилѣтняго отсутствія, рабы воспользовались правами мужей и прижили съ новгородскими женами дѣтей. Опа-

[1]) Рук. Публ. Библ. № 103.

Digitized by Google

саясь мщенія мужей, жены бѣжали изъ Новгорода съ своими любовниками и незаконными дѣтьми: эти-то бѣглецы, будто бы, основали Вятку. Такъ какъ основаніе Вятки относятъ къ той эпохѣ, когда, послѣ упорнаго сопротивленія суздальцамъ и пораженія Андреева ополченія, Новгородъ примирился съ Андреемъ, то, быть можетъ, выходцы изъ Новгорода въ это время состояли изъ заклятыхъ враговъ суздальской партіи и не хотѣли оставаться въ отечествѣ, когда въ немъ дѣла обратились противно ихъ сочувствіямъ. По извѣстію упомянутаго лѣтописца, колонисты поплыли на судахъ по Волгѣ, дошли до Камы, тамъ поставили городокъ и намѣревались здѣсь оставаться. Но тутъ услышали они, что далѣе на востокъ живутъ вотяки въ землѣ привольной, богатой и укрытой лѣсами. На Камѣ жить было не безопасно, потому что большая рѣка —большой путь; на нихъ станутъ нападать то тѣ, то другіе; притомъ и новгородцы знаютъ этотъ путь и станутъ требовать подчиненія. Часть колонистовъ осталась въ новопостроенномъ городкѣ, другая отправилась далѣе по Камѣ. Они вошли въ рѣку Чепецъ и начали жечь и разорять вотяцкія жилища, укрѣпленныя земляными валами. Вотяки были народъ мало воинственный, пришли въ страхъ отъ нападенія неожиданныхъ гостей и разбѣгались. По рѣкѣ Чепцу новгородцы вошли въ рѣку Вятку и, проплывъ по ней пять верстъ, увидѣли на высокой горѣ Болванскій городокъ. Взять его было трудно. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ усилій, новгородцы положили себѣ зарокъ —не пить, не ѣсть, пока не завоюютъ городка. Случился день Бориса и Глѣба. Новгородцы стали призывать на помощь этихъ святыхъ. Святые помогли имъ. Они взяли Болванскій городокъ; множество вотяковъ было побито, остальные разбѣжались: русскіе построили здѣсь церковь Бориса и Глѣба и назвали городокъ Никулицынъ.

Тѣ, которые остались прежде на Камѣ, узнали, что ихъ

Digitized by Google

братья нашли себѣ лучше пріютъ, бросили свой городокъ и поплыли по Камѣ, а потомъ по рѣкѣ Вяткѣ. Они напали на черемисскій городокъ Каршаровъ. Услыхавъ, что святые Борисъ и Глѣбъ помогли ихъ соотечественникамъ при взятіи Болванскаго городка, стали и они призывать этихъ святыхъ. И имъ помогли святые Борисъ и Глѣбъ, — въ угоду русскимъ напустили на черемисовъ видѣніе: тѣмъ представилось, будто на нихъ нападаетъ многочисленное войско; тогда одни изъ нихъ пустились въ разсыпную, а другіе безъ боя отворили побѣдителямъ ворота. Завоевавши Каршаровъ, новгородцы переименовали его въ Котельничъ и послали партіи развѣдывать: нельзя ли чего еще завоевать. Между тѣмъ, и тѣ, что утвердились въ Болванскомъ городкѣ, послали партіи на провѣдъ: какія есть подалѣе земли; хотѣлось имъ найти удобное мѣсто, гдѣ бы построить еще городъ. При устьѣ рѣки Хлыновицы, на высокой горѣ, мѣсто имъ понравилось, и они заложили городъ, и назвали его Хлыновъ — это нынѣшняя Вятка. Преданіе осталось, будто рѣка Хлыновица названа такъ новгородцами оттого, что они на этомъ мѣстѣ услышали крикъ дикихъ птицъ: хлы! хлы!

Основаніе Хлынова не обошлось безъ чудесъ. Когда новгородцы стали строить городъ, то увидали деревья, чудодѣйственно приготовленныя невидимою силою и приплывшія къ мѣсту построенія города. Состроивъ дѣтинецъ, новопоселенцы поставили въ немъ церковь Воздвиженія Честнаго Креста. Этотъ городокъ съ сѣверо-запада и юга опоясанъ былъ глубокимъ рвомъ, а съ востока защищался крутымъ берегомъ и рѣкою Вяткою; вмѣсто городской стѣны служили жилища, плотно поставленныя одно близь другого задними стѣнами на внѣшнюю сторону. Мѣсто было удобное; такой крѣпости было на первый разъ достаточно противъ туземцевъ. Въ срединѣ городка вырыли колодезь, поставили земскую избу для управленія и винокурню.

Digitized by Google

Такъ основался Хлыновъ. Жители его прозвались вятчане, по имени рѣки, носившей туземное названіе Вятки, и вся земля, занятая новопоселенцами, названа была Вятскою Землею. Населеніе Вятскаго края возрастало, какъ естественнымъ путемъ, такъ и приливомъ новыхъ пришельцевъ изъ Устюга, изъ Новгорода, и изъ другихъ странъ; недовольные ходомъ дѣлъ въ отечествѣ не рѣдко убѣгали въ Вятскую Землю. Такъ около Хлынова образовался посадъ, который былъ обнесенъ деревянными стѣнами съ башнями; дремучіе лѣса защищали его. Мало-по-малу стали возникать селенія и погосты. Лѣтопись кратко упоминаетъ о томъ, что переселенцы терпѣли набѣги отъ вотяковъ и черемисъ, которые, конечно, смотрѣли непріязненно на новыхъ обитателей своего отечества, а потомъ отъ татаръ Ногайской и Золотой Орды, появившихся на берегахъ Волги и Камы. Поэтому всѣ русскія поселенія были укрѣплены; неоднократно русскіе выдерживали нападенія и отбивали враговъ: ихъ подвиги оставались въ народной памяти съ героическимъ блескомъ. Въ воспоминаніе объ нихъ вятчане устроили торжественные ходы и праздники. Такимъ образомъ, на память одной жестокой битвы съ вотяками и черемисами, было установлено каждогодно носить изъ Волковскаго погоста близь Никулицына образъ великомученика Георгія въ Хлыновъ и встрѣчать его торжественно со свѣчами и желѣзными стрѣлами, которыя означали оружіе побѣжденныхъ враговъ. Другой ходъ былъ изъ Никулицына съ образомъ Бориса и Глѣба,—въ память взятія Болванскаго городка. Третій—съ чудотворнымъ образомъ Николая. Черемисы препятствовали разселенію русскихъ. Однажды, толпа поселенцевъ, хотѣвшихъ основаться въ земляхъ нынѣшняго яренскаго уѣзда, подверглась ихъ нападенію. Русскіе бѣжали отъ нихъ и въ бѣгствѣ покинули образъ Николая чудотворца. Много времени спустя послѣ этого событія, въ 1383 году, какой-то поселя-

Digitized by Google

нинъ зачиналъ поселеніе близь той горы, гдѣ покинутъ былъ образъ и выбралъ себѣ мѣсто для усадьбы на берегу ручья. Однажды отправился онъ въ лѣсъ за деревомъ, и увидалъ свѣтъ: онъ окружалъ образъ; по этому признаку поселянинъ нашелъ образъ и поставилъ у себя въ новоотстроенной избѣ. Около него стали селиться другіе; заводилось и умножалось поселеніе. Тогда образъ оказался цѣлебнымъ и чудотворнымъ, и въ избу поселянина стали стекаться богомольцы. Вѣсть объ этомъ дошла до хлыновскаго духовенства: оно стало помышлять, какъ бы пріобрѣсть такое сокровище для города. Жители деревни долго ни за что́ не уступали образа; едва городскіе жители упросили ихъ уладить дѣло такъ, чтобъ изъ Хлынова каждогодно совершать крестный ходъ въ эту деревню и приносить туда образъ. Такимъ образомъ, установленъ былъ каждогодный ходъ въ эту деревню, построенную на берегу рѣки Великой.

Внутреннее устройство Вятки намъ неизвѣстно въ подробностяхъ. Вѣрно только то, что вятчане управлялись сами собою, вѣчемъ—по образцу новгородскому. Лѣтописецъ говоритъ о нихъ: «И тако Новгородци начаша общежительствовати, самовластвующе правами и обладаемы своими жители, и нравы свои отеческіе и законы, и обычаи новгородскіе имѣяху.» Хлыновъ былъ главный городъ всей земли; подъ его первенствомъ были пригороды, изъ которыхъ извѣстны, какъ существовавшіе во времена независимости, Котельничъ, Никулицынъ, Орловъ, Слободской. По новгородскому обычаю устроены были погосты, къ которымъ тянули деревни. Несмотря на сходство въ нравахъ съ новгородцами,—по извѣстію вятскаго лѣтописца, —вражда господствовала между Новгородомъ и Вяткою. Новгородъ, считая Вятку своимъ поселеніемъ, домогался отъ ней такой же зависимости, какъ отъ двинскихъ колоній. Вятчане ни за что не хотѣли ему подчиняться и платить

Digitized by Google

дани. Тогда новгородцы давали отъ себя князьямъ отказныя и предавали вятчанъ на произволъ то тѣхъ, то другихъ князей; а князья всѣ вообще не любили Вятки, почитали вятчанъ самовольниками и съ своей стороны препятствовали имъ сойтись и помириться съ новгородцами. Вятка—одна изъ всѣхъ русскихъ земель, управлялась безъ князей; одна сохраняла чистое народоправство, и не нуждалась въ княжеской власти. Природа помогала ей защищаться и отъ метрополіи, и отъ князей; трудно было провести къ ней войско сквозь непроходимые лѣса; однимъ вятчанамъ были извѣстны пути въ своемъ отечествѣ. Зато и вятчане не сидѣли въ покоѣ. Тамъ больше чѣмъ гдѣнибудь распространено было ушкуйничество. Постоянно нерасположенные къ Новгороду, вятчане однако не чуждались новгородскихъ ушкуйниковъ, разгуливавшихъ на востокѣ безъ воли Великаго Новаго города, и наполняли ихъ шайки. Въ Вяткѣ былъ гостепріимный пріютъ удальцамъ; тамъ происходили сборы на удалые выправы. Только однажды, въ 1449 г., они съ ушкуйниками не поладили и разбили ихъ. Плавая въ судахъ по Камѣ и по Волгѣ, вятчане грабили гостей бесерменскихъ и нападали на татарскія жилища. За это-то въ отмщеніе, въ 1391 году, по повелѣнію хана Тохтамыша, татарскій царевичъ Бекбутъ напалъ съ ордою на Вятку; много было побитыхъ, много въ полонъ захвачено. Вѣчные враги Новгорода, вятчане помогали великимъ князьямъ противъ него: такъ въ 1417 году, вмѣстѣ съ новгородскими бѣглецами и измѣнниками, они опустошали Двинскую Землю [1]). Съ Устюгомъ они жили во враждѣ; въ 1436 и 1438 г. они разоряли Устюгъ, сожгли городъ Гледенъ и разогнали жителей по лѣсамъ. Когда уже московское самовластіе начало и до нихъ добираться, они упрямо оборонялись противъ него:

---

[1]) Новг. Л. I, 107.

Digitized by Google

такимъ образомъ мы видимъ ихъ сторонниками Василія Косого и Шемяки, возстававшихъ противъ Василія. Послѣ укрощенія князей, Василій отправилъ войско на Вятку, въ 1456 году, подъ предводительствомъ князя Ряполовскаго и Горбатаго, но они, дошедши до самаго Хлынова, ничего не сдѣлали: вятчане подкупили ихъ посулами [1]). Архангельскій лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ какого-то Григорія Перхушкова [2]). На слѣдующій годъ отправлено снова войско подъ главнымъ начальствомъ князя Патрикѣева: на этотъ разъ москвичи взяли два вятскихъ города, Орловъ и Котельничъ. Вятка покорилась и признала надъ собою власть великаго князя [3]). Но это признаніе было только на словахъ. Она продолжала управляться сама собою. Въ 1468 г. вятчане заключили союзъ съ казанскимъ царемъ Ибрагимомъ и не хотѣли помогать москвичамъ и соединеннымъ съ ними русскимъ силамъ противъ татаръ [4]). Они—то отговаривались, что царь казанскій обязалъ ихъ не стоять ни за кого, то не отвѣчали на приглашенія. Видно было, что Москва внушала имъ такую ненависть, что они не поддались искушенію—воевать своихъ непримиримыхъ враговъ, татаръ, которые издавна безпрестанно грабили и разоряли ихъ гдѣ только могли. Но въ 1471 году они пошли за великаго князя противъ другихъ своихъ враговъ и братьевъ—новгородцевъ; ихъ ополченіе воевало противъ двинянъ [5]). Въ тотъ же годъ другое ополченіе совершило блистательный ушкуйническій набѣгъ на понизовье Волги: оно напало врасплохъ на Сарай, взяло и ограбило его. Татары спохватились, пустились по Волгѣ впередъ, чтобъ загородить имъ путь: вся Волга была

[1]) Львова лѣтоп. II, 353.
[2]) Карамз. т. V, пр. 367.
[3]) Львова лѣтоп. II, 354.
[4]) Воскр. П. С. Л. VIII, 155—156.
[5]) Воскрес. П. С. Л. VIII, 155—166.

Digitized by Google

перенята ихъ судами; но вятчане пробились сквозь нихъ. Хотѣли-было перенять ихъ подъ Казанью, но и тамъ пробились они и благополучно ушли въ свою землю съ добычею [1]).

Участвуя въ пораженіи Новгорода, Вятка приготовила гибель и себѣ. Новгородъ палъ, а Вятка напрасно думала оставаться съ своей независимостью, съ своимъ народоправствомъ и съ своею удалою вольницею. По давнишней враждѣ своей къ Устюгу, вятчане въ 1486 году пошли воевать на этотъ городъ; ограбили три устюжскихъ волости, а потомъ подплыли подъ городокъ устюжскій, Осиновецъ; но тутъ ушли отъ нихъ воеводы и они обратились назадъ. Эти самовольные походы дали право московскому государю укорять ихъ въ разбойничествѣ. Когда потомъ войска великаго князя отправились въ походъ противъ казанцевъ, вятчане рѣшительно объявили себя независимыми и прогнали великокняжескаго намѣстника, къ нимъ посланнаго. Иванъ Васильевичъ, вѣрный своей политикѣ—казаться правымъ—дѣйствовать прежде всего убѣжденіями и нравоученіями, и повидимому прибѣгать къ уничтоженію стараго свободнаго порядка, какъ-бы въ крайнемъ случаѣ, приказалъ митрополиту Геронтію написать къ нимъ увѣщательныя посланія. Такихъ посланій дошло до насъ два: одно къ вятчанамъ всѣмъ вообще, другое къ вятскому духовенству [2]). Посланіе къ вятчанамъ обращено къ воеводамъ, атаманамъ и ко всему вятскому людству. «Вы—писалъ митрополитъ—только-что зоветесь христіанами, а дѣлаете злыя дѣла: обидите святую соборную апостольскую церковь, русскую митрополію, разоряете церковные законы, грубите своему государю великому князю, пристаете къ его недругомъ, соединяетесь съ

---

[1]). Воскр. П. С. Лѣт. т. VIII, 168.

[2]) А. И. I, 141—142.

Digitized by Google

погаными, воюете его отчину, губите христіанъ убійствомъ, полономъ и грабежемъ, разоряете церкви, похищаете изъ нихъ кузнь (металлическія вещи), книги и свѣчи, да еще и челомъ не бьете государю за свою грубость.» Онъ грозилъ имъ, въ случаѣ непослушанія, приказать священникамъ затворить всѣ церкви и выдти прочь изъ Вятской Земли, и на всю землю посылалъ проклятіе. Въ посланіи къ священникамъ митрополитъ изъявляетъ сомнѣнія, дѣйствительно ли они настоящія духовныя лица. «Мы не знаемъ—пишетъ онъ,—какъ васъ называть; не знаемъ отъ кого вы получили поставленіе и рукоположеніе». Дѣйствительно, не имѣя своихъ владыкъ, неизвѣстно откуда Вятка получала священнослужителей. Вѣроятно туда приходили изъ разныхъ мѣстъ духовныя лица; и свои вятчане отправлялись посвящаться въ разныхъ мѣстахъ. Понятно, что при такомъ составѣ, тамъ господствовало чрезвычайное уклоненіе отъ церковнаго порядка. Митрополитъ укорялъ ихъ, что ихъ духовные дѣти, вятчане, не наблюдаютъ церковныхъ правилъ о бракахъ, женятся, будучи въ родствѣ и сватовствѣ, иные совокупляются четвертымъ, пятымъ, шестымъ, седьмымъ бракомъ. Видно, что вятскіе священники не хотѣли знать никакого святителя, потому что митрополитъ грозитъ наложить на нихъ тягость церковную, выражаясь такъ: «если вы, зовущіеся священниками, игуменами, попами, діаконами и черноризцами, не познаете своего святителя.....»

Эти посланія, какъ слѣдовало ждать, не имѣли успѣха. Великій князь послалъ на Вятку рать подъ предводительствомъ Шестака-Кутузова. Но этотъ воевода поладилъ съ вятчанами. Они какъ-то оправдали себя, и онъ воротился, не сдѣлавъ имъ зла. Иванъ Васильевичъ двинулъ на нихъ въ 1489 году другое сильное войско, подъ главнымъ предводительствомъ князя Данилы Щени и Григорія Морозова; съ ними пошли тверичи, вологжане, устюжане, двиняне,

Digitized by Google

вóжане, каргопольцы, бѣлозерцы, жители береговъ Выми и Сысолы: Иванъ умышленно составилъ это ополченіе преимущественно изъ сѣверныхъ сосѣдей вятчанъ, которые были ихъ давніе враги, терпѣли отъ нихъ много разъ набѣги и разоренія и теперь съ охотою шли отомщать своимъ извѣчнымъ нѣдругамъ. Даже татаръ казанскихъ послалъ московскій государь на Вятскую Землю—мстить за всю старую злобу. Войска было,—по сказанію архангельскаго лѣтописца,—шестьдесятъ четыре тысячи; эта страшная сила прошла опустошительной грозою по Вятской Землѣ и 16-го августа явилась подъ Хлыновымъ. Вятчане—такъ смѣло презиравшіе могущество московскаго государя, рѣшаясь не покоряться тому, кто уже подчинилъ себѣ Новгородъ,—конечно не ожидали, чтобы столько гостей, да еще такихъ старыхъ знакомыхъ гостей, явилось у нихъ подъ стѣнами. Сопротивляться было невозможно. Они выслали воеводамъ поминки съ Исупомъ Глазатымъ: это средство прежде удавалось; но теперь воеводы поминки приняли, а вятчанамъ дали опасъ только до другого дня. На другой день вышли изъ города большіе люди, поклонились воеводамъ и сказали: «Покоряемся на всей волѣ великаго князя, и дань даемъ и службу». Воеводы отвѣчали: «Цѣлуйте крестъ за великаго князя и выдайте вашихъ измѣнниковъ и коромольниковъ: Ивана Оникіева, Пахомія Лазорева, да Палку Богодайщикова». Вятчане сказали на это: «Дайте намъ сроку до завтрего».—«Даемъ», —отвѣчали воеводы и отпустили ихъ.

Вятчане поняли, что отъ нихъ не удовольствуются ни данью, ни службою; задаться за великаго князя, цѣловать крестъ за него—значило лишиться своей воли, своего народоправленія, своихъ вѣковыхъ обычаевъ. Вмѣсто того, чтобъ явиться на другой день и дать отвѣтъ, прошло два дня; воеводы терпѣли, наконецъ на третій день вятчане дали отказъ. Тогда воеводы приказали каждому пятиде-

Digitized by Google

сятку ратниковъ тащить двѣ сажени плетня и приставить къ стѣнамъ, а другимъ приказали нести смолу и берестъ. Вскарабкавшись на плетни, они бросали черезъ стѣны огненные приметы. Тогда вятчане отворили ворота, ударили челомъ и выдали троихъ требуемыхъ зачинщиковъ. Воеводы приказали ихъ тотчасъ же заковать и отдать устюжанамъ—ихъ врагамъ, подъ наблюденіе. У воеводъ уже было заранѣе приказаніе, что́ имъ дѣлать. 1-го сентября они развели Вятку—по сказанію одного лѣтописца [1]),—всю, а по извѣстіямъ другихъ, только большихъ людей. Ихъ повели въ Московщину. Великій князь приказалъ ихъ разселить въ Боровскѣ, Алексинѣ, Кременцѣ, и дать имъ помѣстья; торговыхъ людей поселилъ въ Дмитровѣ, а коноводовъ приказалъ высѣчь кнутомъ, а потомъ повѣсить [2]). Вмѣстѣ съ плѣнными вятчанами привели и Арскихъ, т.-е. вотяцкихъ князей Вятской Земли; но Иванъ Васильичъ не счелъ ихъ опасными и отпустилъ въ свою землю.

---

[1]) Карамз. т. IV, примѣч. 312, стр. 407.

[2]) См. Соф. Врем. П. С. Л. IV, 238.—Воскрес. лѣтоп. П. С. Л. VIII, 218;—Новг. IV, 157;—Никон. IV, 124;—Татищ. V, 107;—Карамз. VI, прим. 312; св. на Архан. лѣтоп.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОТНОШЕНІЯ ПСКОВА КЪ НОВГОРОДУ, КНЯЗЬЯМЪ И ЗЕМЛЯМЪ РУССКИМЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

ДРЕВНОСТЬ ПСКОВА.—XII, XIII И XIV ВѢКА.—ВСЕВОЛОДЪ-ГАВРІИЛЪ.—ДОВМОНТЪ.—КОЛЕБАНІЕ МЕЖДУ ЛИТВОЮ И НОВГОРОДОМЪ.

Начало Пскова неизвѣстно. Древнее названіе его было Плесковъ или Пльсковъ. Названіе Псковъ, конечно, сокращеніе предъидущаго, въ древней Новгородской Лѣтописи является въ половинѣ XIV-го вѣка, мѣшается съ названіемъ Плесковъ и, наконецъ, замѣняетъ его. Псковскія лѣтописи, которыя достигаютъ формы самобытнаго и подробнаго повѣствованія только въ XIV вѣкѣ, предпочитаютъ послѣднее вездѣ. Лѣтописи, не говоря о времени основанія этого города, даютъ знать, что онъ существовалъ во времена св. Ольги, которая была родомъ изъ Пскова. Въ глубокой древности, вѣроятно, онъ былъ пригородъ Новгорода, между народонаселеніемъ кривичской вѣтви славянъ и вмѣстѣ съ Изборскомъ временно составлялъ удѣлъ Трувора, а потомъ продолжалъ быть частію новгородской волости. Неизвѣстность судьбы сѣвернаго края вообще послѣ отхода Олега на югъ лишаетъ насъ возможности объяснить, въ какомъ положеніи онъ находился, будучи новгородскимъ пригородомъ. Въ XI-мъ вѣкѣ о немъ нѣтъ почти помина. Въ XII, считаясь пригородомъ

Digitized by Google

Новгородской Земли, онъ уже выдается съ бо̀льшими зачатками самобытности, чѣмъ другіе города, подчиненные Новгороду. Нѣтъ сомнѣнія, что преданіе о происхожденіи изъ этого города Ольги, святой княгини, память которой была постоянно священною для русскаго міра, придавало ея родинѣ особое достоинство и воспитывало въ духѣ жителей Пскова стремленіе къ самостоятельности до извѣстной степени. Въ 1132 году, при изгнаніи князя Всеволода, псковичи вмѣстѣ съ ладожанами дѣйствуютъ съ новгородцами, какъ правные члены одного государственнаго тѣла. Мирославъ, поставленный въ то время въ Псковѣ, играетъ важную роль въ новгородскихъ дѣлахъ, потому что въ 1135 г. онъ ѣздилъ мирить кіевлянъ съ черниговцами [1]).

Въ дѣлѣ Всеволода-Гавріила Псковъ призналъ князя, изгнаннаго новгородцами, и, сколько извѣстно, явился въ первый разъ подъ управленіемъ особаго отъ Новгорода князя. Это должно было городу придать видъ самостоятельной удѣльной земли въ русской федераціи. Впрочемъ, тутъ еще не видно было намѣренія отторгнуться отъ Новгорода. Псковичи дѣйствовали за одно съ новгородскими благопріятелями Всеволоду: лѣтописецъ повѣствуетъ, что Всеволодъ Мстиславичъ явился во Псковъ для того, чтобъ княжить не въ одномъ Псковѣ, но и въ Новгородѣ. Партія, благопріятствовавшая Всеволоду, состоявшая изъ бояръ, ограбленная противною въ Новгородѣ, бѣжала во Псковъ. Такимъ образомъ, въ этой распрѣ, когда Всеволодъ сдѣлался княземъ во Псковѣ, все-таки наблюдался между Новгородомъ и Псковомъ общій интересъ съ обѣихъ сторонъ. Псковичи побороли за князя, какъ сограждане одного и того же Новгорода.

По смерти Всеволода, псковичи, противъ воли большинства новгородцевъ, хотѣли поставить въ Землѣ Новгород-

---

[1]) Новг. I, 37.

Digitized by Google

ской и Псковской княземъ Всеволодова брата, Святополка, но вскорѣ заключили миръ съ новгородцами. Неизвѣстны условія этого мира; должно быть, онъ былъ выгоденъ для псковичей, потому что долго послѣ того не видно вражды между городами; а она бы вспыхнула, если бы псковичи находились въ невыгодномъ для себя соединеніи съ Новгородомъ.

Случайная смерть Всеволода во Псковѣ и святость, возложенная на него духовенствомъ за его благочестіе и благорасположеніе къ духовнымъ, придали еще болѣе важности Пскову. Всеволодъ, получивъ значеніе святого, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ создателемъ главной церкви св. Троицы во Псковѣ; Всеволодъ сталъ первымъ мѣстнымъ патрономъ Пскова и притомъ въ укоръ Новгороду: составилась легенда, что новгородцы, раскаявшись въ своей несправедливости противъ этого князя, хотѣли взять къ себѣ его тѣло, но никакъ не могли сдвинуть его съ мѣста. Св. Всеволодъ, въ знакъ примиренія съ Новгородомъ, даровалъ новгородцамъ одинъ только свой ноготь, а все тѣло осталось во Псковѣ. Псковъ, хотя продолжалъ оставаться въ связи съ Новгородомъ тѣснѣе другихъ русскихъ земель, хотя все еще считался новгородскимъ пригородомъ, но уже съ тѣхъ поръ имѣлъ достаточно признаковъ и самобытности, преимущественно предъ другими новгородскими пригородами: ни въ какомъ другомъ пригородѣ не было такихъ священныхъ воспоминаній, возвышавшихъ мѣстное значеніе города и подвластной ему земли.

Въ XII-мъ вѣкѣ псковичи постоянно являются съ новгородцами въ союзѣ; такъ они помогаютъ вмѣстѣ съ ними Изяславу Мстиславичу; когда Андрей озлобился на Новгородъ, псковичи стояли за послѣдній, и вмѣстѣ съ новгородцами, въ 1169 г., ходили на полочанъ [1]). Они имѣли

[1]) Новг. I, 14.

Digitized by Google

своихъ князей, но зависимыхъ отъ Новгорода. Такъ, въ 1177 — 1178 г., Мстиславъ Ростиславичъ посадилъ во Псковѣ племянника своего, Бориса; и когда сотскіе псковскіе не хотѣли его имѣть княземъ, то Мстиславъ взялъ ихъ подъ стражу и утвердился съ людьми [1]). Въ концѣ XII-го вѣка псковичи были передовою силою Новгородской Земли въ борьбѣ съ Чудью и Литвою. Такъ, въ 1190 г., псковичи отразили напоръ Поморской Чуди [2]), а въ 1191 г. Ярославъ новгородскій ходилъ вмѣстѣ съ ними и съ новгородцами на Медвѣжью-Голову [3]). Въ началѣ XIII вѣка во Псковѣ были свои особые князья, но все еще подъ рукою Новгорода; такимъ образомъ, при Мстиславѣ-Удаломъ былъ во Псковѣ князь Владимиръ; тутъ не было какой-нибудь особой привилегіи Пскова, потому что то же могло быть и въ другихъ новгородскихъ пригородахъ; и дѣйствительно, въ 1210 г. этого Владимира плесковскаго новгородскій князь назначилъ въ Луки [4]). Но признавая первенство Новгорода, Псковъ уже считалъ себя вправѣ распоряжаться внутреннею своею судьбою такъ же свободно, какъ и Новгородъ собою: тотъ же князь Владимиръ опять сдѣлался псковскимъ княземъ и былъ изгнанъ псковитянами въ 1213 г. На слѣдующій годъ во Псковѣ появился иной князь, Всеволодъ Борисовичъ [5]); въ 1216 г. опять Владимиръ [6]): псковичи съ нимъ вмѣстѣ участвовали нераздѣльно съ новгородцами въ борьбѣ противъ суздальцевъ. Когда Мстиславъ ушелъ на югъ, Владимиръ былъ во Псковѣ и подъ его начальствомъ псковичи воевали противъ Чуди,—новгородцы составляли съ ними одно вѣче по

---

[1]) Ипат. Спис. 120.
[2]) Новг. I, 20.
[3]) Ibidem.
[4]) Н. I, 30.
[5]) Н. I, 32.
[6]) Н. I, 34.

Digitized by Google

военному дѣлу [1]). О князѣ ихъ Владимирѣ мы знаемъ изъ хроники Генриха, что онъ (вѣроятно, выгнанный псковичами), подружился съ нѣмцами, получилъ въ Ливоніи фогство, но потомъ помирился съ псковичами и воевалъ противъ рыцарей. Замѣчательное проявленіе самодѣятельности Пскова выказывается въ дѣлѣ 1228 г., когда Ярославъ съ новгородцами отправлялся противъ нѣмцевъ, начавшихъ уже свое опустошительное крещеніе Чуди. Новгородцы, нападая на Ливонію, ограничились тѣмъ, что, подступая къ городу, спѣшили схватить, что было возможно, а потомъ и удалялись. За эти походы нѣмцы отмстили на псковичахъ, какъ на ближайшихъ сосѣдяхъ; это побудило псковичей заключить съ Ригою отдѣльный миръ и выложить (исключить) новгородцевъ. Тогда Ярославъ отправился ко Пскову; но псковичи не пустили его: въ городѣ распространилась вѣсть, что онъ хочетъ переловить вящшихъ мужей,—коноводовъ противной себѣ партіи. Ярославъ жаловался въ Новгородѣ на вѣчѣ; говорилъ, что онъ ѣздилъ во Псковъ вовсе не для того, чтобы творить тамъ расправу, а везъ въ коробьяхъ псковичамъ дары—паволоки и овощи. Уладившись съ новгородцами, онъ послалъ во Псковъ посломъ какого-то Мишу и просилъ, чтобы псковичи отправились вмѣстѣ съ нимъ на нѣмцевъ и выдали противниковъ. Псковичи уперлись и отвѣчали, что эти нападенія выгодны только для новгородцевъ, когда они берутъ себѣ окупъ, а псковичи за нихъ претерпѣваютъ бѣду, и недавно за то ихъ братію побили на озерѣ. «Вы—говорили они—раздираете миръ, и на насъ злое задумали. Такъ и мы противъ васъ со св. Богородицею и съ поклономъ: или насъ перебейте и женъ и дѣтей возьмите себѣ». Готова была вспыхнуть междоусобная война. Псковичи уже заключили союзъ съ нѣмцами и подвигали противъ новгородцевъ

[1]) Н. I, 35.

Digitized by Google

Чудь, Лотыголу, Либь (Ливовъ), выгнали изъ города всѣхъ, кого подозрѣвали въ благопріятствѣ къ новгородскому князю. Но обошлось безъ войны. Новгородцы сказали своему князю: «Безъ своей братьи, псковичей, мы не пойдемъ на Ригу». Послѣ такого рѣшительнаго отказа Ярославъ долженъ былъ уйти изъ Новгорода.

Псковъ игралъ тогда важную роль въ политическихъ дѣлахъ Новгорода, все еще составляя съ нимъ какъ-бы одно цѣлое: это былъ какъ-бы одинъ городъ, раздѣленный на двѣ половины, отстоявшія одна отъ другой слишкомъ на 200 верстъ. Изъ послѣдующихъ извѣстій, которыя, однако, не противорѣчатъ ничему прежнему, видно, что связь Новгорода со Псковомъ изображалась въ образѣ родственнаго союза: такъ Псковъ именовался меньшимъ братомъ Новгорода.

Въ 1232 г. Ярославъ, возвратившись въ Новгородъ, въ другой разъ вошелъ во вражду со псковичами. Когда одна новгородская партія его призывала, другая была противъ него и нашла себѣ опору въ Псковѣ. Споръ, однако, скоро уладился; псковичи помирились, признали Ярослава княземъ и потребовали отъ него особаго подручника. Онъ имъ далъ шурина своего, Юрія [1]), и псковичи выгнали противниковъ Ярославовыхъ. Въ этомъ дѣлѣ видно то же равенство и связь съ Новгородомъ, какъ и прежде, но также и желаніе имѣть свое самостоятельное управленіе. Въ половинѣ XIII-го вѣка усилились нѣмцы въ Ливоніи. Ихъ вражда съ Новгородомъ приняла теперь широкій размѣръ; противъ Новгорода ополчились шведы. Побѣды Александра спасли Новгородъ; но Псковъ, по своему положенію на границѣ Ливоніи, былъ поставленъ подъ ближайшіе удары непріятеля, набиравшаго силы. Во Псковѣ нашлись измѣнники, которые, должно думать, были вмѣстѣ поборниками

[1]) Новг. Л. I, 88.

Digitized by Google

зарождавшагося стремленія оторваться отъ Новгорода. На челѣ ихъ былъ сынъ Владимира — Ярославъ, нѣмецкими писателяли называемый князь на Герцикѣ (на Городищѣ). Онъ подружился съ нѣмцами, и завоевалъ вмѣстѣ съ ними Изборскъ. Псковичи сразились и были разбиты; партія, благопріятствовавшая нѣмцамъ, сдала городъ въ 1240 г., и какой-то Твердило Ивановичъ сдѣлался правителемъ отъ руки нѣмцевъ. Вся Псковская область со своими городами была завоевана. Но тѣ псковичи, которые не хотѣли подлегать чужеземному владычеству, бѣжали съ женами и дѣтьми въ Новгородъ. Нѣмцы разсадили въ покоренной странѣ своихъ фогтовъ (тіуновъ), ворвались въ Водь. Псковской Земли имъ было не довольно; они думали овладѣть и всею Новгородскою. Тутъ остановилъ ихъ герой Новгорода, Александръ. Въ 1242 г. Александръ одержалъ надъ нѣмцами побѣду на Чудскомъ озерѣ. Псковъ былъ уступленъ со всѣми завоеванными областями и снова соединенъ съ Новгородомъ, какъ его меньшій братъ.

Испытанное на короткое время чужое завоеваніе придало ему силу и энергію въ неизбѣжной въ грядущемъ борьбѣ съ нѣмцами. Пскову угрожало безпрестанно враждебное сосѣдство; Псковъ живо чувствовалъ потребность самоуправленія для свободной дѣятельности своихъ оборонительныхъ силъ; но таже опасность удерживала его, не менѣе другихъ обстоятельствъ, все еще въ связи съ Новгородомъ, ради взаимной защиты. Въ 1266 г., послѣ кровавыхъ переворотовъ, случившихся въ Литвѣ, когда былъ убитъ Миндовгъ, прибѣжалъ во Псковъ князь Довмонтъ. Воскресенскій Списокъ говоритъ, что онъ былъ сынъ Миндовга и братъ знаменитаго Воишелга. Но чуть-ли это не былъ самъ убійца Миндовговъ, котораго также звали Довмонтъ или Даумантъ. Это правдоподобнѣе и потому, что псковской Довмонтъ ушелъ во Псковъ не тогда, какъ Миндовгъ былъ убитъ, а когда Воишелгъ, оставя свой мо-

Digitized by Google

настырь, началъ мстить за убитаго отца и преслѣдовать его враговъ [1]). Тогда прибѣжало во Псковъ до трехъ сотъ литвиновъ,—всѣ они были крещены во Псковѣ, гдѣ былъ тогда князь по имени Святославъ. Новгородская Лѣтопись прибавляетъ, что новгородцы хотѣли ихъ перебить; но князь Ярославъ не допустилъ. Остается подъ сомнѣніемъ, о какихъ литвинахъ идетъ здѣсь рѣчь: о тѣхъ-ли, которые прибѣжали во Псковъ, и Ярославъ дѣйствовалъ здѣсь на правѣ первенства Новгорода надъ Псковомъ, или же кромѣ тѣхъ, которые пришли во Псковъ, приходили еще другіе въ Новгородъ, и рѣчь идетъ о послѣднихъ. Довмонтъ принялъ крещеніе и нареченъ Тимоѳеемъ. Увидѣвши въ немъ богатырскую натуру, псковичи провозгласили его княземъ. Со свойственною своему племени переродчивостію, Довмонтъ сдѣлался совершенно русскимъ душою и породнился съ Рюриковымъ домомъ, женившись на дочери сына Александра Невскаго, Димитрія. Его тридцатипятилѣтнее княженіе было героическимъ періодомъ псковской исторіи, временемъ удалыхъ подвиговъ и блестящихъ побѣдъ. Народъ любилъ его. Онъ былъ храбръ и имѣлъ даръ воодушевлять подвластную толпу, кстати и въ пору, и словомъ, и примѣромъ. Довмонтъ остановилъ побѣдительный наплывъ нѣмецкаго племени; удержалъ Псковъ отъ набѣговъ на него своихъ прежнихъ соплеменниковъ—литовцевъ, и остался въ памяти народа святымъ мужемъ, чудотворцемъ и покровителемъ Пскова. Трудно представить себѣ личность, которая-бы такъ удовлетворяла нравственному взгляду своего времени, какъ этотъ литовскій пришелецъ. Самое его таинственное происхожденіе, приходъ изъ чуждой земли, его довѣрчивая преданность новому отечеству,—все придавало этому лицу особое достоинство въ глазахъ современниковъ и потомковъ. «Этотъ

[1]) Псков. I, 180; Новг. I, 40.

Digitized by Google

князь—говоритъ лѣтопись—не одною храбростію былъ надѣленъ отъ Бога, но и боголюбіемъ, былъ привѣтливъ, украшалъ церкви, любилъ и кормилъ поповъ и монаховъ, честно проводилъ праздники, давалъ милостыню сиротамъ и вдовицамъ. Съ его поры Псковъ уже твердо созналъ свою самостоятельность. Довмонтъ, по своему времени, былъ столь же умный политикъ, какъ храбрый воинъ и благочестивый мужъ. Возбуждая псковичей противъ внѣшнихъ враговъ, онъ старался поддерживать съ Новгородомъ связь и дружелюбный союзъ. При немъ Новгородъ жилъ въ ладу со Псковомъ. Новгородскій князь Ярославъ раздосадовался-было на псковичей за то, что они избрали свободно князя изъ чуждаго племени; за это Ярославъ хотѣлъ идти войною на Псковъ; новгородцы не допустили его до этого. Впрочемъ, степень власти Довмонта въ Псковѣ во все время его княженія не вполнѣ извѣстна; въ Новгородской Лѣтописи говорится, что въ 1270 г., когда князь Ярославъ уѣхалъ въ Орду, то оставилъ въ Новгородѣ Андрея Воротиславича, а плесковичамъ далъ князя Аигуста. Кто былъ этотъ князь литовскаго происхожденія и зачѣмъ онъ явился во Псковѣ, неизвѣстно. Но, кажется, что въ то время, когда во Псковѣ былъ Довмонтъ, Новгородъ имѣлъ право посылать туда еще (кромѣ его) князей въ качествѣ подручниковъ своего князя. Во всякомъ случаѣ, при жизни Довмонта, Псковъ, образуя отдѣльную землю и особое управленіе, составлялъ, однако, съ Новгородомъ федеративное тѣло на болѣе тѣсныхъ основаніяхъ, чѣмъ съ прочими русскими землями.

Когда два брата, сыновья Невскаго, Димитрій и Андрей, поссорились между собою, и Новгородъ принялъ сторону сильнѣйшаго изъ соперниковъ, Андрея, покровительствуемаго ханомъ, Псковъ не побоялся принять къ себѣ Димитрія Александровича, тестя Довмонтова. Но эта размолвка съ Новгородомъ была непродолжительна и не по-

Digitized by Google

вела къ дальнѣйшей враждѣ. Псковъ слишкомъ часто былъ обезпокоиваемъ сосѣдствомъ нѣмцевъ, не могъ оставаться безъ князя, и при связи съ Новгородомъ довольствовался однимъ княземъ: Новгородъ самъ это понималъ. Когда Юрій, будучи новгородскимъ княземъ, въ 1321 году, поѣхалъ-было въ Орду, его ограбили на дорогѣ тверичи; онъ убѣжалъ во Псковъ [1]). Псковичи, по увѣренію Псковской Лѣтописи [2]), оказали ему честь отъ всего сердца. Но у нихъ тогда былъ призванный изъ Литвы князь Давидъ, да еще другой князь Евстафій, котораго они посадили въ Изборскъ. Юрій пріѣхалъ во Псковъ осенью 1322 г. и жилъ во Псковѣ до февраля 1323 года. Князя Давида не было тогда во Псковѣ; когда онъ воротился, у Юрія, по извѣстію Новгородской Лѣтописи, ограбили товаръ — и Юрій ушелъ въ Новгородъ. Поступки Пскова казались признакомъ расторженія связи съ Новгородомъ. Призывая литовскихъ князей, псковичи какъ будто дѣлались подручниками Гедимина; и въ самомъ дѣлѣ, этотъ государь, создавая себѣ державу изъ русскихъ земель, считалъ и Псковъ подвластнымъ своему господству [3]). Что касается до самого Пскова, то онъ не считалъ себя черезъ это во враждѣ съ Новгородомъ, и обращался къ Новгороду съ просьбою помогать ему въ войнѣ съ Ливоніею. Но тогда ни Новгородъ, ни князь новгородскій, Юрій, не помогли ему [4]). Этого мало. Новгородъ, еще прежде прибытія своего князя изъ Пскова, въ январѣ 1293 г. заключилъ съ рыцарями —врагами Пскова—оборонительный союзъ. У новгородцевъ у самихъ было тогда много враговъ: и шведы, только-что помирившись съ Ливоніею, нападали на Ловать, и устю-

---

[1]) Новг. I, 73.
[2]) Пск. I, 184.
[3]) Bunge II, H. 2. 151.
[4]) Пск. 1, 185.

Digitized by Google

жане грабили новгородцевъ, отправлявшихся въ Югру. Псковичи, предоставленные самимъ себѣ, отразили враговъ собственными силами. Это обстоятельство было препятствіемъ дальнѣйшему расторженію съ Новгородомъ.

Черезъ четыре года послѣ того явился во Псковѣ изгнанникъ, Александръ тверской, бѣжавшій туда отъ преслѣдованія хана и подручника его, московскаго князя. Псковъ принялъ его. Новгородцы были тогда на сторонѣ послѣдняго по давней непріязни къ сосѣдственнымъ тверскимъ князьямъ: новгородцы должны были видѣть въ этомъ поступкѣ противодѣйствіе не только князю, котораго тогда признавали своимъ, но и Великому Новгороду. Они требовали выгнать Александра; иначе грозили идти на Псковъ со всею областью Новгородскою отъ Бѣло-озера, и отъ Заволочья, и отъ Корелы. Послы отъ князей, противниковъ Александра, Лука Протасьевъ съ товарищами и послы отъ Новгорода, владыка Моисей, тысячскій Авраамъ и посадникъ Ѳедоръ, требовали, чтобъ князь ѣхалъ въ Орду самъ. Александръ готовъ былъ ѣхать за вся христіаны—говоритъ лѣтописецъ. Но псковичи сказали ему: «не ѣзди, господине, въ Орду,—что-бы ни было съ тобою, —умремъ, господине, всѣ съ тобою въ одномъ мѣстѣ». Князь московскій, вѣроятно, догадался, что если станутъ добывать Александра оружіемъ, то псковичи призовутъ на помощь Литву и потому намолвилъ митрополита Ѳеогноста: митрополитъ наложилъ на Псковъ отлученіе и проклятіе. Владыка Моисей, кажется, раздѣлялъ тоже негодованіе на псковичей, потому что только впослѣдствіи, когда псковичи уступили, онъ послалъ имъ свое благословеніе. Проклятіе подѣйствовало на псковичей и на Александра. «Братья мои, друзья мои!—сказалъ онъ на вѣчѣ:— «да не будетъ проклятія и отлученія надъ вами изъ-за меня! Уѣду изъ города вашего прочь; да не будетъ цѣлованія вашего на мнѣ, ни моего на васъ; цѣлуйте только

Digitized by Google

крестъ, что не выдадите княгини моей». Псковичи цѣловали ему крестъ и онъ уѣхалъ въ Литву. Псковичи дали знать чрезъ посадника Селогу и другихъ пословъ московскому князю Ивану и соединеннымъ князьямъ, что Александра нѣтъ болѣе во Псковѣ. Послы застали Ивана у Опочки; онъ шелъ на Псковъ, но медленно, — «не хотя псковичей разгнѣвити».—«Тебѣ, господину своему князю великому—говорили послы — весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика, и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и вдовицы, и жены, и малыя дѣти». Услыша, что соперника нѣтъ болѣе въ Псковѣ, Иванъ заключилъ со псковичами миръ по старинѣ—по отчинѣ и дѣдинѣ, т.-е. призналъ вольность Пскова, а митрополитъ Ѳеогностъ и владыка новгородскій благословили псковичей [1]).

Но неудовольствіе осталось. Мысль объ отдѣленіи отъ Новгорода не исчезала. Черезъ полтора года Александръ явился снова во Псковѣ, и псковичи приняли себѣ его княземъ отъ руки великаго князя Гедимина; они, какъ будто, признавали надъ собою старѣйшинство послѣдняго, какъ будто отдѣляясь черезъ то и отъ Новгорода, и отъ всей русской федераціи, которая связывалась особою великаго князя Восточной Руси. Политика Гедимина хотѣла оторвать совершенно Псковъ отъ старшаго брата. Псковъ былъ зависимъ отъ новгородскаго владыки. Гединиъ, по согласію съ Александромъ и псковичами, отправилъ на Волынь къ находившемуся тамъ тогда митрополиту какого-то Арсенія, нареченнаго въ особые владыки Пскову. Такое покушеніе было тѣмъ законнѣе, что, въ то самое время, владыка Моисей, котораго признавали псковичи, удалился со владычества и избранъ Василій; пока еще послѣдній не былъ посвященъ, псковичи законно могли домогаться учрежденія особой епархіи, не соглашаясь признать владыкою того,

[1]) Пск. Л. I, 185—186.

Digitized by Google

кто еще не имѣлъ для нихъ этого достоинства. Но это не удалось. Митрополитъ отказался посвятить его. Недовольный такимъ поступкомъ, лѣтописецъ новгородецъ размышляетъ по этому случаю: «Богъ и святая Софія низлагаетъ всегда высокомыслящихъ, потому что псковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новгороду, посадили себѣ князя Александра отъ литовскія руки». При всемъ неудовольствіи новгородцевъ на псковичей, несогласія съ Иваномъ, возникшія у новгородцевъ, были причиною, что Александръ сидѣлъ во Псковѣ на княженіи десять лѣтъ. Самъ Новгородъ, враждуя съ Москвою, поставилъ себя въ дружественныя отношенія съ Гедиминомъ; въ 1333 г. новгородцы приняли къ себѣ княземъ его сына Наримунта. Въ 1335 г. новгородцы помирились съ Иваномъ и готовились идти войною на Псковъ, но отложили походъ до другого времени. Въ 1337 г. новгородцы хотя были опять не въ ладу съ Иваномъ, но со Псковомъ не помирились. Князь тверской, жившій во Псковѣ, будучи врагомъ московскаго князя, не былъ другомъ Новгороду. Притомъ же владыка Василій отправился во Псковъ, думая собрать тамъ свой подъѣздъ, но псковичи, все еще домогаясь отдѣльнаго церковнаго управленія, не дали ему, и владыка Василій проклялъ ихъ [1]). Но тогда князь Александръ Михайловичъ, бывшій столько времени предлогомъ къ враждебнымъ зацѣпкамъ ко Пскову и со стороны Новгорода и со стороны московскихъ князей, самъ рѣшился оставить Псковъ навсегда, идти въ Орду и просить возвращенія своего отеческаго достоянія. «Все равно,—такъ разсуждалъ онъ: — если я останусь здѣсь, то дѣти мои будутъ лишены наслѣдія въ Русской Землѣ». Еще въ 1336 г. онъ отправилъ сына Ѳеодора развѣдать, будетъ ли онъ милостиво принятъ ханомъ. Когда сынъ прислалъ къ нему благопріятное

[1]) Новг. Л. I, 77.

Digitized by Google

извѣстіе, онъ уѣхалъ изъ Пскова. Сначала ханъ отдалъ ему отцовское наслѣдіе, а потомъ, по проискамъ заклятаго врага, Ивана московскаго, его опять позвали въ Орду и тамъ умертвили, вмѣстѣ съ сыномъ.

Послѣ него явился во Псковѣ княземъ Александръ Всеволодовичъ (1341—1342 года.) Подъ тотъ часъ возникла у псковичей ссора съ нѣмцами. Князь Александръ Всеволодовичъ разсорился со псковичами и уѣхалъ отъ нихъ. Псковичи обратились къ Новгороду, съ просьбою подать имъ помощь противъ нѣмцевъ и прислать къ нимъ намѣстника:—имъ пришлось такъ круто, что за помощь, которую имъ окажутъ, они соглашались стать въ непосредственное подчиненіе къ Новгороду. Дѣло не состоялось. Новгородская и Псковская Лѣтописи расходятся между собою въ извѣстіяхъ объ этомъ событіи. Псковская говоритъ, что новгородцы не дали псковичамъ ни помочи, ни намѣстника, и потому псковичи, оставленные самимъ себѣ, рѣшились на дѣло, которое имѣло видъ отторженія отъ союза съ Новгородомъ [1]). Напротивъ, Новгородская Лѣтопись говоритъ, что новгородцы, получивъ просьбу отъ псковичей, которые тогда называли Новгородъ господою своею, попечатали обчины (казенныя имущества), составили ополченіе и поспѣшно отправились, какъ вдругъ на дорогѣ близъ Мелетова встрѣчаютъ ихъ послы ото Пскова и извѣщаютъ, что нѣтъ нужды новгородцамъ идти къ нимъ на помощь: рать нѣмецкая только ставитъ городъ на границѣ и притомъ на своей землѣ, а не на Псковской. Новгородцы хотѣли-было продолжать путь, вѣрно для того, чтобъ во всякомъ случаѣ исполнить предложеніе псковичей о вводѣ у нихъ намѣстника; однако псковскіе послы упросили ихъ воротиться: послѣ открылось, что псковичи отверглись и Новгорода, и великаго князя. Псковъ приз-

[1]) Псковск. Л. I, 186.

Digitized by Google

налъ надъ собою власть Ольгерда [1]). Но, по увѣренію Псковской Лѣтописи, псковичи поступили такъ именно потому, что новгородцы не помогали имъ. Послы ихъ явились къ Ольгерду въ Витебскъ и говорили: «Братья наши Новгородцы насъ покинули — не помогаютъ намъ; помоги намъ, господине, въ это время [2]). Соображая это разнорѣчіе лѣтописцевъ, кажется, вѣрнѣе всего, что въ Псковѣ дѣйствовали и боролись между собою двѣ партіи: одна находила необходимымъ возобновить древнюю связь Пскова со старшимъ братомъ и вообще тѣснѣе держаться союза съ русскими княжествами; другая—мѣстно-національная, искала спасенія областному отечеству въ конечномъ отдѣленіи отъ Новгорода: покровительство Литвы, входившей въ то время въ силу, казалось этой послѣдней партіи выгоднымъ для Пскова; притомъ Ольгердъ наслѣдовалъ отъ предковъ вражду противъ нѣмцевъ; дѣйствуя съ такимъ сильнымъ покровителемъ, можно было обезопасить себя отъ враговъ, которые, иначе, не давали Пскову покоя и очевидно высматривали только случая, чтобъ овладѣть имъ. Не дождавшись Ольгерда, псковичи должны были воевать съ нѣмцами, одни. Имъ посчастливилось на нѣсколькихъ стычкахъ. Ольгердъ прислалъ во Псковъ своего воеводу—Юрья Витовтовича, а потомъ въ 1341 г. прибылъ и самъ съ сыномъ, нареченнымъ Андреемъ, и братомъ Кестутіемъ. Но пользы отъ этого оказалось псковичамъ мало. Юрій Витовтовичъ, отправленный Ольгердомъ напередъ, наткнулся на нѣмцевъ, былъ разбитъ и заперся въ Изборскѣ. Изборяне, осажденные нѣмцами, умоляли о помощи; а Ольгердъ, находясь во Псковѣ, послалъ имъ благоразумное наставленіе, которое, по Никоновской Лѣтописи [3]), гласило такъ: «Сидите въ го-

[1]) Новг. Л I, 81.
[2]) Пск. Л. I, 187.
[3]) Щ, 177.

Digitized by Google

родѣ и ни за что̀ не сдавайтесь; бейтесь съ ними; если у васъ не будетъ крамолы, они ничего не успѣютъ; а мнѣ съ моею силой нельзя идти на ихъ великую силу: много мертвыхъ будетъ, а за кѣмъ верхъ останется—неизвѣстно. Если Божіею милостію и нашъ верхъ будетъ, да много погибнетъ воиновъ,—какая изъ этого польза? А вы сидите въ городѣ, да усердствуйте: они ничего не сдѣлаютъ»! И дѣйствительно, нѣмцы постояли дней десять подъ Изборскомъ и ушли. А между тѣмъ, самого Ольгерда псковичи убѣждали креститься. По сказанію Псковской Лѣтописи [1]), онъ просто не хотѣлъ; а Никоновская лѣтопись говоритъ, что онъ сказалъ: «Я уже крещенъ и христіанинъ; нельзя два раза креститься». Во всякомъ случаѣ дѣло кончилось тѣмъ, что Ольгердъ оставилъ во Псковѣ сына своего Андрея: этотъ юноша пріѣхалъ съ отцомъ некрещенный, только съ молитвеннымъ именемъ, и крестился въ церкви св. Троицы [2]). Вслѣдъ за тѣмъ новокрещенецъ уѣхалъ изъ Пскова, и думалъ управлять имъ чрезъ своихъ намѣстниковъ. Псковичи увидали тогда, что отъ союза съ Литвою нѣтъ проку и помощи. Послали сказать Андрею, жившему въ Полоцкѣ, что если онъ самъ оставилъ Псковъ и не живетъ въ немъ, а управляетъ имъ черезъ намѣстниковъ, такъ и они его вовсе не хотятъ. Ольгердъ за это переловилъ въ своей землѣ псковскихъ купцовъ и взялъ съ нихъ окупъ; а сынъ его, которому псковичи отказали въ княженіи у себя, сдѣлалъ нападеніе на Вороночскую волость Псковской Земли [3]). Тогда псковичи, наживъ себѣ, вмѣсто союзниковъ, враговъ, обратились къ Новгороду. Другого исхода не было. Въ 1347 г. заключенъ съ Новгородомъ договоръ. Новгородъ признавалъ Псковъ младшимъ братомъ; Новгородъ не могъ

[1]) Пск. Л. I, 188.
[2]) Пск. Л. I, 188; Ник. Л. III, 178.
[3]) Пск. I, 190.

Digitized by Google

назначать во Псковъ посадниковъ, не могъ позывать псковичей на судъ, ни чрезъ подвойскихъ, ни чрезъ извѣстниковъ, ни чрезъ бирючей; владыка долженъ былъ поручить свой церковный судъ только природному псковичу. Это едва ли было новостью: скорѣе то было подтвержденіемъ прежнихъ отношеній. Изъ хода обстоятельствъ не видно, чтобы Псковъ находился до того въ строгой зависимости отъ Новгорода, отъ которой освобождаетъ его этотъ договоръ [1]).

Печальное сосѣдство съ нѣмцами препятствовало Пскову утвердиться вполнѣ самостоятельно; онъ долженъ былъ примкнуть куда-нибудь,—либо къ Новгороду, либо къ Литвѣ, либо къ Москвѣ. Союзъ съ Новгородомъ не удовлетворялъ псковичей: въ 1369 г. случилось, что новгородцы, прославши помощь псковичамъ противъ нѣмцевъ, не пособили имъ этимъ; но лѣтописецъ, такъ выражаясь, противорѣчитъ нѣсколько себѣ, указывая, однако, что нѣмцы отступили отъ Изборска, услыша, что новгородцы пришли на помощь псковичамъ [2]). Ссоры съ Новгородомъ безпрестанно возобновлялись, но не доходило до войны. Въ 1390 году возникла рагоза (распря) между городами. Въ Сольцѣ обѣ стороны помирились между собою [3]). Но что-то непріязненное между ними оставалось. На слѣдующій годъ нѣмцы заключили мирный договоръ съ Новгородомъ и Псковомъ особо. Въ 1393—1394 г., послѣ того какъ Василій Димитріевичъ нападалъ на новгородскія волости и новгородцы должны были уступить, между псковичами и новгородцами нерасположеніе опять-было готовилось перейти въ явную вражду: покончивши дѣло съ Василіемъ, новгородцы собирались воевать своихъ мень-

---

[1]) Новг. Л. IV, 59.

[2]) Псковск. Л. I. 192.

[3]) Псковск. Л. I, 195.

Digitized by Google

шихъ братій, дошли до Пскова, но не могли ничего сдѣлать и, послѣ недѣльной стоянки, побросали свои стѣнобитные снаряды и ушли [1]). Во время недоразумѣній новгородскихъ владыкъ съ митрополитомъ, Псковъ, какъ будто на зло Новгороду, оказывалъ митрополиту хорошія отношенія. Когда Кипріанъ посѣтилъ Новгородъ, псковичи прислали къ нему пословъ своихъ. Митрополитъ уѣхалъ отъ новгородцевъ съ дурнымъ расположеніемъ ко владыкѣ, —Пскову же, напротивъ, и его пригородамъ послалъ свое святительское благословеніе. Окончательное примиреніе съ Новгородомъ наступило въ 1397 г.; тогда прибыли въ Новгородъ псковскіе послы и просили владыку благословить псковичей. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что псковичи просили, чтобъ «Господинъ Великій Новгородъ имъ нелюбье отдалъ» [2]). Въ Псковской Лѣтописи такого выраженія нѣтъ. Съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ, — Новгородъ за себя и за свои пригороды и волости; Псковъ — за себя и за свои пригороды и волости [3]). Условія этого мира въ подробностяхъ неизвѣстны; неизвѣстны равно и поводы къ ссорѣ, которая окончена этимъ миромъ.

Во второй половинѣ XIV вѣка были во Псковѣ разные князья, призванные одни за другими. Они уже не имѣли прежняго принципальнаго значенія власти надъ всею Псковскою Землею, а были только «кормленьщиками»; ихъ было по нѣскольку разомъ: имъ давали въ кормленье разные пригороды. Невозможно опредѣлить порядокъ ихъ преемничества между собою. Въ 1354 г. встрѣчаемъ князя Евстафія, умершаго въ 1360; при жизни его былъ другой князь, Василій Будиволна, прибывшій во Псковъ въ 1357 году. [4]). Подъ 1368 г. упоминается князь Александръ, подъ

[1]) Новг. Л. IV. 100.
[2]) Новг. Л, I, 97.
[3]) Пск. Л. I, 193.
[4]) Пск. Л. I, 191.

Digitized by Google

1375 г. князь Матѳій [1]). При заключеніи договора съ Новгородомъ въ 1397 году во Псковѣ было двое князей, Иванъ Андреевичъ и Григорій Евстафіевичъ. Послѣдній былъ на челѣ посольства, отправленнаго въ Новгородъ [2]).

II.

XV-Й ВѢКЪ.

ПСКОВЪ ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ МОСКОВСКИХЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Въ 1401 г. Псковъ принялъ къ себѣ князя въ качествѣ намѣстника великаго князя московскаго, и съ тѣхъ поръ вошло въ постоянный обычай, что псковскіе князья получали утвержденіе отъ великаго князя. Псковъ признавалъ надъ собою верховное первенство послѣдняго. Впрочемъ, вѣковое право избранія этимъ еще не подрывалось. Псковичи избирали себѣ князей и потомъ просили великаго князя утвердить выборъ; по своей волѣ удаляли ихъ, приглашали другихъ, возвращали прежнихъ, и каждый разъ обращались къ великому князю за утвержденіемъ своего выбора. Просьба Пскова всегда удовлетворялась, и потому не происходило недоразумѣній. Такъ дѣлалось до половины XV-го вѣка. Такъ въ 1401 г. псковичи приняли въ качествѣ великокняжескаго намѣстника князя Данила Александровича; въ 1407 г. прогнали его,— пригласили вмѣсто его Константина, меньшого брата великаго князя московскаго [3]), а на слѣдующій годъ опять призвали Данила Александровича; послѣ смерти его, въ 1410 г.

---

[1]) Пск. Л. I, 193.
[2]) Пск. Л. I, 195.
[3]) Псковск. Л. I, 198.

Digitized by Google

избрали и попросили у великаго князя Александра Ѳедоровича; на слѣдующій годъ не поладили съ нимъ, — пригласили опять Константина, который былъ у нихъ въ 1407 г. [1]). Въ 1414 г. онъ удалился въ Москву. Псковичи приняли княземъ Андрея Александровича ростовскаго; на слѣдующій годъ его прогнали, испросили у великаго князя Ѳедора Александровича. Въ 1420 г. онъ постригся и уѣхалъ въ Москву [2]). Въ 1422 г. явился во Псковѣ опять Александръ Ѳедоровичъ, также отъ руки великаго князя. Въ 1423 г. онъ уѣхалъ изо Пскова; вмѣсто него прибылъ туда княземъ отъ руки великаго князя Ѳедоръ Патрикѣевичъ, внукъ Наримунта. Но въ 1425 г. онъ убоялся морового повѣтрія и уѣхалъ изъ Пскова, а въ 1428 г. явился во Псковѣ опять Александръ Ѳедоровичъ тоже отъ руки великаго князя [3]). Этотъ князь въ 1434 г. уѣхалъ въ Москву со всею своею челядью; псковичи, по своему выбору, получили, съ утвержденія великаго князя, сына бывшаго своего князя Даніила, Володимира Даніиловича [4]). Въ 1439 году псковичи его выгнали и приняли Ольгердова правнука, Александра Ивановича. Въ 1442 г., послѣ постриженія и смерти его, былъ у нихъ князь по имени Александръ Васильевичъ [5]). Эти князья назывались собственно псковскими князьями, имѣли принципальное значеніе надъ Псковомъ и его землею, и были подручниками великаго князя московскаго. Кромѣ ихъ, Псковъ принималъ разныхъ князей и давалъ имъ кормленья; они являлись и уходили одинъ за другимъ. Такъ въ 1401 г., когда княземъ псковскимъ былъ Данило Александровичъ, на кормленьи у псковичей былъ князь

[1]) Псковск. Л. I. 200.
[2]) Псковск. Л. II, 22—23.
[3]) Псковск. Л. II, 26; Псковск. Л. I, 205.
[4]) Псковск. Л. I, 208.
[5]) Псковск. Л. I, 212.

Digitized by Google

Григорій Евстафіевичъ [1]). Въ 1431 г., при князѣ Александрѣ Ѳедоровичѣ, упоминается при заложеніи города на Гдовѣ, князь Димитрій Александровичъ, сынъ его, вѣроятно, получившій пригородъ этотъ въ кормленье. Въ 1436 и 1437 были въ Псковѣ недолго (около полугода, не болѣе) литовскіе князья—Иванъ Баба и Иванъ Андреевичъ; оба, пожившіи во Псковѣ, уѣхали въ Москву [2]). Великіе князья московскіе не вмѣшивались въ дѣла вольнаго города, не дѣлали никакихъ притязаній, потому что Псковъ и его волость не представляли такихъ приманокъ, какъ Новгородъ. Московская политика должна была находить выгоднымъ ласкать свободу Пскова, потому что въ немъ находила противодѣйственную силу Новгороду, отдѣляла Псковъ отъ Новгорода и тѣмъ ослабляла послѣдній. И въ самомъ дѣлѣ, какъ возрастало доброе отношеніе къ Москвѣ, такъ съ тѣмъ вмѣстѣ развивалось и непріязненное отношеніе къ Великому Новгороду.

Витовтъ литовскій, преслѣдуя наслѣдованное отъ предковъ стремленіе къ овладѣнію Русью, не оставлялъ и Псковъ. Въ 1406 г., безъ объявленія войны Пскову, а пославши разметныя грамоты Великому Новгороду, онъ напалъ на псковскіе пригороды. Онъ считалъ Псковъ нераздѣльно связаннымъ съ Новгородомъ и потому своимъ врагомъ, какъ скоро самъ находился во враждѣ съ Новгородомъ. 5-го февраля Витовтъ неожиданно подступилъ къ псковскому пригороду Коложе и взялъ его. Литовцы повоевали всю Коложскую волость и погнали въ плѣнъ одиннадцать тысячъ народа обоего пола и всякаго возраста. Отъ Коложе рать литовская подошла къ Вороночу, на рѣкѣ Сороти, стояла подъ этимъ городомъ два дня и не взяла его. Уходя изъ-подъ города, литвины съ досады наметали

---

[1]) Псковск. Л. I, 195.

[2]) Псковск. Л. I. 210.

Digitized by Google

двѣ лодки мертвыхъ дѣтей. Какъ и Псковъ сталъ на свѣтѣ, такой пакости не бывало—говоритъ лѣтописецъ [1]). Такимъ образомъ, союзъ съ Новгородомъ навлекалъ на Псковъ опасность, а новгородцы не подавали ему помощи. Напротивъ, въ слѣдующемъ 1407 году, помирившись съ Витовтомъ, они пригласили себѣ княземъ Лугвенія Ольгердовича, Витовтова подручника. Все это—говоритъ лѣтописецъ Пскова—дѣлалось наперекоръ Пскову; новгородцы дружились съ его врагами—съ Литвою и нѣмцами, но не помогли псковичамъ ни дѣломъ, ни словомъ, и псковичи должны были положить все упованіе на св. Троицу, да на великаго князя московскаго. Тяжело имъ приходилось обороняться отъ литовцевъ и нѣмцевъ разомъ. Новгородъ не оказывалъ имъ пособія и находился въ мирѣ съ ихъ непріятелями; напротивъ, московскій великій князь велъ съ ними вмѣстѣ за-одно войну противъ своего тестя Витовта, и, помирившись съ нимъ на Угрѣ, въ 1409 г. устроилъ миръ между Витовтомъ и Псковомъ. Въ слѣдующіе годы Псковъ находился не въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, хотя до открытой войны дѣло не доходило. Такъ было до 1417 г.; тогда заключенъ былъ съ Новгородомъ миръ [2]). Въ 1426 г. возникла у Пскова опять война съ Литвою. Какой предлогъ войнѣ поставилъ тогда Витовтъ — неизвѣстно. На Петровъ день объявилъ онъ войну Пскову; 1-го августа, въ понедѣльникъ, явился онъ подъ городомъ Опочкою, построеннымъ недавно вмѣсто разореннаго литовцами Коложе. Съ Витовтомъ были не только литовцы, но поляки, и чехи, и волохи, и толпы татаръ. Святой Спасъ помогалъ опочанамъ, — говоритъ лѣтопись [3]). Непріятели стояли подъ Опочкою два

---

[1]) Псков. Л. I, 197.
[2]) Пск. Л. I, 202.
[3]) Пск. I, 203.

Digitized by Google

дня и двѣ ночи. Опочане притаились въ своемъ маленькомъ городкѣ за валомъ, такъ что осаждающимъ казалось, что городокъ пустъ. Черезъ ровъ, окружающій валъ, былъ мостъ на веревкахъ, а подъ мостомъ были натыканы острые колья. Татары, не подозрѣвая хитрости, бросились на мостъ; тогда веревки подрѣзали и они попадали въ ровъ на колья. Немедленно за тѣмъ опочане бросились изъ города и нахватали плѣнниковъ. Тогда заплатили они равнымъ звѣрствомъ за тѣхъ мертвыхъ дѣтей подъ Вороночемъ, которыя возбудили ужасъ лѣтописца - современника. Они отрѣзывали татарамъ дѣтородныя части и вставляли имъ въ ротъ, а съ ляховъ, чеховъ, и волоховъ сдирали кожи и ободранныхъ показывали на валу непріятелю [1]). Витовтъ не взялъ Опочки и двинулся къ Вороночу. Онъ пришелъ туда 5-го августа и стоялъ подъ городомъ три недѣли; пороки били непрестанно въ городъ; городъ не сдавался, благодаря крѣпкому мѣстоположенію и высокому валу, хотя вороначанамъ,—по замѣчанію лѣтописца—было очень тяжело. Посадники, начальствовавшіе городомъ, успѣли дать знать псковичамъ: «Господа псковичи!—писали они—помогите намъ и гадайте о насъ; намъ очень пристужно». Псковичи прислали Витовту челобитную о мирѣ. Витовтъ сначала не хотѣлъ и слушать, а потомъ согласился. Лѣтописецъ приписываетъ такую перемѣну въ литовскомъ князѣ ночной грозѣ. Громъ былъ таковъ, что Витовтъ, ухватясь за шатерный столбъ, кричалъ: «Господи, помилуй!» Ему чудилось, что земля пожретъ его, и онъ на дно адово снидетъ,—говоритъ лѣтописецъ [2]). Въ самомъ же дѣлѣ, были причины и болѣе обыкновенныя, склонившія его къ миру: отрядамъ, посланнымъ изъ литовскаго войска разорять Псковскую Землю

[1]) Ник. Л. V, 93.
[2]) Ник. Л. V, 95.

Digitized by Google

не слишкомъ посчастливилось. Подъ Котельномъ литовскій отрядъ напалъ на небольшой псковской отрядъ. По увѣренію Псковской Лѣтописи, литовцевъ и татаръ было семь тысячъ, а псковичей четыреста человѣкъ. Это, конечно, невѣроятно. Хотя убито было семнадцать, и взято въ плѣнъ тринадцать человѣкъ псковичей, но весь псковской отрядъ успѣлъ уйти въ Котельно, а литовцевъ и татаръ легло много. Еще удачнѣе поразили островичи (изъ пригорода Острова) литовскую рать въ лѣсу, а другой отрядъ подъ пригородомъ Вревомъ разсѣяли вревичи. Все показывало Витовту, что если дѣло пойдетъ на завоеваніе Псковской Земли, то у псковичей хватитъ мужества на защиту своей вольности. Между тѣмъ, псковичи предлагали ему тысячу рублей, если онъ выйдетъ изъ Псковской Земли [1]). Сверхъ того, пріѣхалъ къ нему посолъ отъ его внука, великаго московскаго князя и просилъ пощадить Псковскую Землю, которую называлъ отчиною великихъ князей [2]). Витовтъ согласился взять тысячу рублей и вышелъ изъ псковскихъ предѣловъ. Деньги были отданы ему въ слѣдующемъ году, и тогда-же возвращены захваченные на войнѣ плѣнные; Витовтъ, принявъ отъ Пскова своихъ плѣнниковъ, не отпустилъ псковскихъ иначе, какъ взявши за нихъ со Пскова еще полпятаста рублей окупа (четыреста пятьдесятъ рублей) [3]). По извѣстію Псковской Лѣтописи, псковичи тогда умоляли новгородцевъ подать имъ помощь. Новгородъ отправилъ къ Витовту посла своего Александра Игнатьевича; но этотъ Александръ Игнатьевичъ шелъ съ войскомъ псковскаго непріятеля, былъ свидѣтелемъ ратныхъ дѣлъ и уѣхалъ въ Новгородъ, не учинивъ добра ничто-же, а только хуже зла надѣлалъ. Напро-

---

[1]) Псковск. Л. I, 204.
[2]) Ник. Л. V. 95.
[3]) Пск. Л. I, 205.

Digitized by Google

тивъ, и на этотъ разъ болѣе помогъ псковичамъ великій князь московскій: только при посредствѣ посла его, псковичи купили себѣ миръ за тысячу рублей. Не обращали на Псковъ вниманія новгородцы и въ 1427—28 гг., когда произошла распря съ нѣмцами, и Псковъ долженъ былъ собственными силами отдѣлываться и мириться. Также и псковичи не оказывали помощи новгородцамъ, когда въ 1428 году Витовтъ явился подъ новгородскимъ пригородомъ Порховомъ, и новгородцы должны были покупать себѣ миръ за пять тысячъ рублей. Псковичи говорили новгородцамъ: «Вы намъ не помогали, и мы вамъ помогать не станемъ, да еще у насъ съ Витовтомъ договоръ такой, чтобъ вамъ не пособлять» [1]). Псковъ опять послѣ того находился съ Новгородомъ нѣсколько лѣтъ въ ссорѣ. Это видно изъ того, что въ 1432 г. посолъ изъ Пскова ѣздилъ въ Новгородъ предлагать миръ, однако новгородцы не приняли псковскаго челобитья; не доходило впрочемъ и до войны; не было—по выраженію лѣтописца—ни мира, ни розратья [2]). И въ 1433 году ѣздили послы отъ Пскова въ Новгородъ и не помирились съ Новгородомъ. Удачнѣе было посольство въ слѣдующемъ 1434 г. Тогда—говоритъ лѣтописецъ—помиловалъ Богъ и св. Софія и владычне благословеніе [3]). Великій Новгородъ принялъ челобитье, и миръ состоялся по старинѣ. Только миръ этотъ былъ опять-таки непродолжителенъ. Пріѣхалъ владыка Евфимій во Псковъ требовать суда и управы: насильственные поступки съ духовными довели до ссоры между пскокичами и «софьянами» — многочисленною дружиною, съ которою ѣздилъ владыка. Евфимій уѣхалъ съ гнѣвомъ. Такимъ образомъ, старое неудовольствіе возобновилось. Въ 1441 году представился случай, когда оно разразилось открытою враждою.

[1]) Пск. Л. II, 26.
[2]) Пск. Л. I, 206.
[3]) Пск. Л. I, 205.

Digitized by Google

Великій князь потребовалъ отъ псковичей помощи себѣ противъ Новгорода. Князь псковской Александръ и посадники отослали Новгороду мирную грамоту и отказали цѣлованіе. Какую роль играла при этомъ масса псковскаго народа—неизвѣстно; въ лѣтописи приписывается объявленіе войны князю и посадникамъ, а не говорится *о всемъ Псковѣ*, какъ-бы этого можно было ожидать, если бы народъ объявилъ эту войну единогласно. Очень можетъ быть, что существовало и несогласіе на эту войну; только въ то время не могла противодѣйствовать ей та партія, которая вскорѣ, какъ увидимъ, дала другой оборотъ отношеніямъ къ Новгороду. До сихъ поръ неудовольствія между двумя городами ограничивались болѣе взаимными упреками, нерасположеніемъ и неохотою помогать другъ другу; но почти не доходило до кровавыхъ послѣдствій. На этотъ разъ псковичи, объявивъ Новгороду рѣшительную войну, опустошали пограничную новгородскую волость верстъ на триста въ длину и верстъ на пятьдесятъ въ ширину, отъ литовскаго рубежа до нѣмецкаго [1]). Псковское оружіе рѣшало споръ великаго князя съ Новгородомъ въ пользу московскаго единодержавія. Новгородцы поспѣшили заключить деманскій договоръ и купить себѣ миръ деньгами. Это обстоятельство должно было расположить московскую политику къ тому, чтобъ дорожить союзомъ со Псковомъ: ей нуженъ былъ этотъ союзъ противъ Новгорода.

Скоро, однако, хотя на время, показалась во Псковѣ партія, которая видѣла въ будущемъ опасность для древней свободы своей земли въ союзѣ съ Москвою, а спасеніе и крѣпость — въ дружной связи съ Новгородомъ, во взаимномъ содѣйствіи къ защитѣ обоюдной независимости. Въ 1448 г. принятъ княземъ потомокъ суздальскихъ князей (правнукъ Димитрія Константиновича нижегородскаго)

[1]) Иск. Л. II, 21. Иск. Л. I, 219.

Digitized by Google

Василій Васильевичъ; онъ находился въ родовой непріязни къ московскому дому. Не видно, чтобы псковичи просили его утвержденія отъ великаго князя [1]). Тогда-то Псковъ сблизился дружески съ Новгородомъ. Оба города заключили миръ съ нѣмцами, тогда какъ прежде давно уже псковичи воевали и мирились съ нѣмцами безъ участія новгородцевъ. Въ 1450 г., владыка прибылъ во Псковъ и былъ встрѣченъ съ большими почестями и радушіемъ. Онъ служилъ въ соборной церкви св. Троицы, пѣлъ многолѣтіе живущимъ подъ покровомъ (окрестъ) св. Софіи и св. Троицы и поминалъ положившихъ свои головы за эти Божіи домы. Все показывало видъ согласія и искренняго братства двухъ городовъ. Во всѣхъ концахъ Пскова владыку дарили; не было уже обычнаго ропота на поборы: съ честью отъѣхалъ онъ за рубежъ Псковской Земли, провожаемый своею псковскою паствою [2]). То же повторилось и въ 1453 г. [3]). Въ 1455 г. князь Василій уѣхалъ въ Новгородъ, а Псковъ пригласилъ къ себѣ княземъ правнука Ольгердова, Александра Черторизскаго, также недоброжелателя московской политики, проживавшаго у новгородцевъ на кормленьѣ, въ Русѣ. Еще не успѣлъ этотъ князь пріѣхать, какъ вначалѣ 1456 года вспыхнула новая война московскаго князя съ Новгородомъ. Тогда псковичи увидали на своемъ вѣчѣ новгородскаго подвойскаго Есифа: «Братья! — говорилъ онъ—мужи псковичи! Братъ Великій Новгородъ вамъ кланяется! Помогайте намъ противъ великаго князя; правьте крестное цѣлованіе!» И псковичи — говоритъ ихъ лѣтописецъ [4])—не припомнили тогда древнихъ лѣтъ, когда Новгородъ не помогалъ Пскову въ нуждѣ. Псковское ополченіе подъ предводительствомъ своихъ посадниковъ вышло

[1]) Пск. Л. I, 213. Пск. Л. II, 31.
[2]) Пск. Л. I, 214.
[3]) Пск. Л. II, 31.
[4]) Пск. Л. I, 216.

Digitized by Google

на помощь новгородцамъ. Упорной войны не было. Владыка Евфимій съ новгородскими и псковскими послами поѣхалъ къ великому князю и уладилъ дѣло платежомъ. Псковичи участвовали въ платежѣ осьми съ половиною тысячъ рублей. Послѣ того владыка снова прибылъ во Псковъ и принятъ былъ съ прежнею радостью и съ прежними подарками.

Но дружное и взаимное содѣйствіе Новгороду не могло быть прочно. Послѣднее сопротивленіе великому князю принесло Пскову одинъ вредъ: Псковъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Новгородомъ платить окупъ, тогда какъ прежде никогда не бывало, чтобы Псковъ платилъ великому князю. Теперь это случилось именно отъ союза съ Новгородомъ. Угрожали Пскову нѣмцы; распри съ ними не прекращались. Помощь отъ сильнаго московскаго великаго князя казалась нужною. Въ 1460 году прибылъ великій князь Василій въ Новгородъ. Партія, желавшая съ нимъ союза, взяла тогда во Псковѣ верхъ:—отправлены были изо Пскова въ Новгородъ послы къ великому князю съ подарками 50-ю рублями. «Мы пріобижены отъ поганыхъ Нѣмцевъ и водою, и землею, и головами—говорили псковскіе послы — и церкви Божіи пожжены отъ поганыхъ Нѣмецъ на миру и на крестномъ цѣлованіи; бьемъ челомъ, чтобъ нашему князю псковскому Александру Васильевичу Черторизскому быть отъ тебя, великаго князя, у насъ намѣстникомъ». Великій князь отвѣчалъ: «Я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганыхъ, какъ дѣлали и отцы наши, и дѣды, и великіе князья; а что вы мнѣ извѣщаете объ Александрѣ Черторизскомъ, и о томъ я васъ, свою отчину, жалую: пусть только поцѣлуетъ князь Александръ животворящій крестъ, ко мнѣ, великому князю, и къ моимъ дѣтямъ, что ему зла на насъ не хотѣть, не мыслить— тогда онъ будетъ вамъ князь, а отъ меня намѣстникъ». Когда привезли Черторизскому этотъ отвѣтъ, онъ явился

Digitized by Google

на вѣче и сказалъ: «Не стану я цѣловать креста московскому князю: не слуга я великому князю; а если такъ, то пусть не будетъ вашего цѣлованія на мнѣ, а моего на васъ! Прощайте псковичи!.. я болѣе вамъ не князь! Когда начнутъ вороны псковичей-соколовъ хватать, тогда и меня, Черторизскаго, вспомянете!» Напрасно псковичи упрашивали его остаться; онъ не принялъ челобитья псковичей, собралъ своихъ триста человѣкъ кованой (въ панцыряхъ) рати и уѣхалъ въ Литву [1]).

По удаленіи Черторизскаго, Псковъ вошелъ въ прежнее отношеніе къ великому князю и получалъ отъ него князей въ значеніи великокняжескихъ намѣстниковъ. Но разъ отъ разу отношенія эти становились для Пскова зависимостію. Тотчасъ по отъѣздѣ Черторизскаго прибылъ отъ великаго князя сынъ его, Юрій, съ боярами во Псковъ. Псковичи приняли его съ честію, посадили на столъ въ церкви св. Троицы, но послали просить у великаго князя другого сына, Ивана Васильевича. Кажется, что псковичи перемѣнили одного брата на другого единственно для того, чтобъ удержать свое старое право избранія: Юрій пріѣхалъ во Псковъ неизбранный. Уступая желанію великаго князя, чтобъ во Псковѣ былъ намѣстникомъ его сынъ, они по крайней мѣрѣ изъ сыновей его хотѣли указать себѣ князя сами, а не принимать назначеннаго безъ спроса о ихъ желаніи. Такъ псковскимъ княземъ сдѣлался въ 1460 г. Иванъ Васильевичъ, тотъ самый, который впослѣдствіи, ставши великимъ, нанесъ ударъ вѣчевой свободѣ въ Сѣверной Руси. Въ слѣдующемъ году онъ отправился къ родителю вмѣстѣ съ посольствомъ отъ Пскова—просить защиты противъ враговъ нѣмцевъ, чтобы великій князь печаловался своею отчиною, и не оставлялъ мужей своихъ псковичей, «добровольныхъ людей». Псковичи хотѣли этимъ титуломъ

[1]) Пск. Л. I, 219.

Digitized by Google

напомнить, что если они и подчиняются великому князю, то по своей доброй волѣ, а не по нуждѣ.

Въ 1462 г, псковскòй князь по смерти отца сдѣлался великимъ, а во Псковъ на его прежнее мѣсто посланъ Владиміръ Андреевичъ,—не по псковскому прошенію и не по старинѣ [1]),—замѣчаетъ лѣтописецъ. Явно Москва начинала затрогивать право псковичей получать себѣ князя не иначе, какъ по собственному избранію. Псковичи проглотили это неуваженіе къ своей старинѣ въ первый разъ, и посадили на столъ непризваннаго князя честно; не могли однако забыть они, что онъ у нихъ сѣлъ не такъ, какъ слѣдовало—и черезъ полтора года изгнали его. «Ты пріѣхалъ не по псковской старинѣ, — было ему сказано: — Псковичами не званъ и на народъ не благъ». Вслѣдъ за нимъ отправлено посольство къ великому князю о томъ, чтобъ назначалъ князей по псковской старинѣ, который князь Пскову любъ. Имени князя, котораго бы они хотѣли, не указывалось; повидимому, самое тогдашнее посольство было не о князѣ, а о сохраненіи права. Ивану Васильевичу очень не понравилась такая выходка; онъ три дня не допускалъ къ себѣ на глаза пословъ, и велѣлъ имъ сказать, что дивится такому посольству; но въ то же время разсчелъ, что Псковъ ему нуженъ противъ Новгорода, и не слѣдуетъ, пока, раздражать псковичей черезъчуръ. Призвавъ пословъ къ себѣ, онъ сказалъ имъ: «Жалую отчину мою Псковъ, добровольныхъ людей, по старинѣ, и дамъ вамъ такого князя, какого сами захотите. Явите Пскову: пусть скажетъ Псковъ, какого князя хочетъ; я того имъ и дамъ; пришлите ко мнѣ грамоту съ своимъ бояриномъ».

Послы воротились, и вѣче избрало Ивана Александровича, князя звенигородскаго, Иванова подручника. Вели-

---

[1]) Пск. Л. I. 222.

Digitized by Google

кій князь утвердилъ выборъ. Псковичи посадили новаго князя у св. Троицы. Въ 1466 г. онъ уѣхалъ добровольно [1]). Псковичи, какъ видно, послѣ того уже и сами между собою не поладили въ выборѣ князя; посольство ихъ отправилось въ Москву съ именами двухъ кандидатовъ: Ивана Стриги и Ѳедора Юрьевича. Отъ великаго князя зависѣло послать имъ того или другого. Онъ далъ имъ Ѳедора Юрьевича. Первый разъ въ исторіи Пскова случилось подобное, и этотъ случай, естественно, самъ собою велъ къ бо́льшей подчиненности великому князю. Князь Ѳедоръ былъ во Псковѣ и тогда, когда Псковъ помогалъ великому князю въ войнѣ противъ Великаго Новгорода, въ 1471 году.

Непріятныя отношенія къ Новгороду скоплялись годъ отъ году. Въ 1463 г. псковичи воевали съ нѣмцами: новгородцы не хотѣли помогать псковичамъ, сколько тѣ ни просили. Умеръ Евфимій, умѣвшій нѣсколько ладить съ Псковомъ; преемникъ его Іона былъ нетерпимъ псковичами. Въ 1464 г. псковичи начали у великаго князя хлопотать объ отдѣльномъ владыкѣ;—ихъ домогательства не удались, но озлобили новгородцевъ: послѣдніе побуждали великаго князя послать во Псковъ войско усмирять псковичей. Великій князь сдержалъ тогда вражду двухъ городовъ, не потакая ни тому, ни другому. Новгородъ, защищая права своего архіепископа, роптalъ, что псковичи отнимаютъ церковныя имущества, въ противность священнымъ правиламъ. Псковъ упрекалъ своего старшаго брата за то, что онъ покидаетъ меньшаго въ бѣдѣ, и не помогаетъ противъ нѣмцевъ. «Мы,—говорили псковичи,—съ новгородцами за одно постановили съ нѣмцами перемирье; сталобыть, когда нѣмцы не додержали его, такъ новгородцы за одно со псковичами должны сѣсть на коня и воевать

[1]) Пск. Л. I, 230.

Digitized by Google

противъ нѣмцевъ; а вы, новгородцы, не только-что не хотите знать, что есть наше перемирье, а еще съ нѣмцами соединяетесь, чтобъ вамъ съ нѣмцами за одно стать противъ насъ псковичей, свою братью молодшую обижаете!» На жалобы новгородцевъ, что Псковъ захватилъ владычнія земли, псковскіе послы оправдывали въ этомъ своихъ именно тѣмъ, что новгородцы не помогаютъ псковичамъ въ войнахъ противъ нѣмцевъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, псковскіе послы сказали: «Вотъ вамъ, братья, наша старѣйшая, и воды, и земли владычнія и всѣ оброки съ земель по старинѣ; а что мы два лѣта собирали хлѣбъ съ этихъ земель и въ водахъ рыбу ловили, такъ мы тѣмъ кормили силу великаго князя; а мы должны были призывать ее къ себѣ, потому что вы намъ не помогали на Нѣмцевъ». Много было о томъ истомы,—замѣчаетъ лѣтописецъ:—наконецъ обѣ стороны цѣловали крестъ и присягнули быть во единомъ братствѣ; и владыка благословилъ тѣхъ и другихъ [1]).

Въ 1469 году духовенство Пскова покусилось-было отложиться отъ владыки и управляться само собою. Покушеніе не удалось: митрополитъ не одобрилъ его. Владыка Іона преслѣдовалъ своихъ недоброжелателей и требовалъ особаго побора отъ священниковъ. Это озлобило псковичей противъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ противъ новгородцевъ, всегда державшихъ сторону своего владыки. Тогда присоединились другія причины неудовольствій: въ Новгородѣ задержали псковскихъ купцовъ и ихъ товары. Въ такихъ отношеніяхъ находился Псковъ, съ одной стороны, къ великому князю, съ другой,—къ Новгороду, когда великій князь подвигнулъ псковичей на войну противъ Новгорода въ 1471 году.

Какъ только Иванъ Васильевичъ сладилъ съ Новгоро-

[1]) Псковск. Л. I. 229.

Digitized by Google

домъ, тотчасъ и псковичи начали сильнѣе чувствовать на себѣ его тяжелую руку. Начались тогда же стѣсненія вѣчевыхъ правъ, предвозвѣщавшія, что рано или поздно Псковъ долженъ будетъ совсѣмъ разстаться съ своею стариною. До тѣхъ поръ, хотя великіе князья и утверждали избранныхъ псковичами князей, но псковичи считали себя въ правѣ изгнать своего князя и выбрать другого: такъ дѣлалось; и великіе князья, не вступая въ разбирательство,— какъ и почему,—утверждали того, кого городъ вновь избиралъ. Теперь Иванъ Васильевичъ самъ предупредилъ псковичей и объявилъ ихъ посламъ, что если у нихъ князь станетъ чинить насилье, или вообще псковичи за что-нибудь будутъ недовольны своимъ княземъ пусть не безчествуютъ его сами; пусть принесутъ на него жалобу великому князю, а великій князь пожалуетъ свою отчину. Такъ и случилось въ 1472 году. Псковичи поѣхали въ Москву жаловаться на своего князя Ѳедора Юрьевича и просить себѣ другого—Ивана Стригу. Великій князь не далъ имъ желаемаго князя, и приказалъ, чтобы псковичи указали на другого. Псковичи тогда представили имена двухъ кандидатовъ: Ивана Бабича и Ярослава, брата князя Стриги. Великій князь утвердилъ послѣдняго. Уже эти князья начали считать себя независящими отъ Пскова, подобно прежнимъ князьямъ, а уполномоченными того, кто претендовалъ на верховную власть надо Псковомъ: они дозволяли себѣ оскорбительныя своевольства, возбуждавшія всеобщую досаду.

Между тѣмъ, псковичи до рѣшенія дѣла, пока ихъ послы были въ Москвѣ съ жалобою на князя Ѳедора, не смѣли сами прогнать этого ненавистнаго для нихъ князя, какъ поступили бы ихъ дѣды и отцы въ такомъ случаѣ. Этотъ князь, видя, что его уже черезъ-чуръ не терпятъ, рѣшился уѣхать самъ, и не смотря на свою злобу къ нему, псковичи должны были, почитая въ немъ великокняже-

Digitized by Google

скаго намѣстника, провожать его съ почестью, надѣлили его хлѣбомъ, вологою и медомъ. Князь этотъ не заплатилъ такою же вѣжливостію Пскову; напротивъ, какъ только переѣхалъ за рубежъ, — ограбилъ посадниковъ, и сотскихъ, и подвойскихъ, провожавшихъ его, и отпустилъ ихъ чуть не нагими домой. Желая угодить великому князю, Псковъ оказалъ самый радушный пріемъ невѣстѣ великаго князя, Софіи Палеологъ, проѣзжавшей съ своею свитою въ 1473 году. Но на слѣдующій же годъ Псковъ еще разъ испыталъ, какъ страшно, хотя и необходимо, покровительство сильной Москвы. Завязалась у Пскова война съ нѣмцами. Государь прислалъ ратную силу; Новгородъ, уже подручный ему, поневолѣ долженъ былъ прислать свои вспомогательныя силы; нѣмцы должны были просить мира; оборона для Пскова отъ великаго князя была дѣйствительна. Вслѣдъ за тѣмъ въ Москву поѣхалъ посломъ Григорій Умылъ-Бородка, бить челомъ на жалованьи и печаловаться, то есть благодарить великаго князя. Этотъ посолъ, воротившись назадъ, привезъ соотечественникамъ нелюбье и гнѣвъ великаго князя. Великій князь былъ недоволенъ тѣмъ, что послы, которые прежде пріѣзжали просить у него вспомогательной силы, не были большіе послы. Это, какъ видно, у московскаго государя былъ только предлогъ. Ему хотѣлось безпрестанно придираться то къ тому, то къ другому; такой путь былъ выбранъ, чтобъ, мало по-малу, обратить псковичей изъ добровольныхъ въ недобровольныхъ. Самъ псковскій князь, а съ нимъ три посадника, да нѣсколько посадничьихъ дѣтей и бояръ, поѣхали въ Москву и повезли великому князю поминка сто рублей. Великій князь не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза и не принялъ поминка, даже не указалъ имъ подворья: они простояли пять дней въ полѣ и воротились ни съ чѣмъ. Лѣтомъ Псковъ отрядилъ опять посольство и отправилъ съ нимъ великому князю уже не сто, а сто

Digitized by Google

пятьдесятъ рублей поминка. Великій князь на этотъ разъ принялъ посольство, и далъ такой отвѣтъ: «Я радъ свою отчину держать въ устроеніи; положите предо мною пошлинныя грамоты прежнихъ великихъ князей». Это значило: начинался пересмотръ свободныхъ правъ вольнаго города.

Возвратившись изъ посольства, намѣстникъ князь Ярославъ Васильевичъ, конечно ободренный великимъ княземъ, сталъ превышать свою власть и судъ въ противность прежнимъ обычаямъ, удвоилъ судныя пошлины, а именно: ѣзду на ссылку, т.-е. ѣзду по свидѣтельству истца или отвѣтчика вдвое; его намѣстники сбирали по пригородамъ княжую продажу и намѣстничьи деньги [1]). Псковъ отрядилъ двухъ посадниковъ съ грамотами, которыя требовалъ великій князь, и вмѣстѣ послалъ жалобу на Ярослава. Великій князь пересмотрѣлъ грамоты и сказалъ: «Эти грамоты не великихъ князей; вы исполняйте то, чего у васъ проситъ князь Ярославъ». Но, видно, требованія Ярослава казались нестерпимы. Опять псковичи послали просить великаго князя удалить его. На этотъ разъ великій князь задержалъ пословъ и сказалъ: «О всѣхъ управахъ я пошлю своего посла къ вамъ, въ свою отчину».

Послѣ этого великій князь отправился въ Новгородъ. Узнавъ, что онъ тамъ, псковичи снарядили къ нему еще разъ посольство: четырехъ посадниковъ, и по два человѣка бояръ съ каждаго конца. Они поднесли Ивану Васильевичу поминка пятьдесятъ рублей и били челомъ, чтобъ великій князь держалъ свою отчину Псковъ по старинѣ. Великій князь, принявъ поминки, сказалъ:—«Коли у меня здѣсь будетъ князь Ярославъ, тогда я васъ отпущу». Послы дожидались въ Новгородѣ три недѣли; на-

---

[1]) Княжая продажа имати обоя и намѣстничьи деньги (Пск. Л. I, 250); въ другомъ спискѣ вмѣсто обоя—отъ боя.

Digitized by Google

конецъ, прибылъ требуемый князь и привезъ отъ Пскова, а не отъ себя, двадцать рублей. Противъ обвиненій на него онъ сталъ обвинять псковичей и жаловаться на посадниковъ и на весь Псковъ. Тогда великій князь отвѣчалъ псковскимъ посламъ такъ: — «Я отпускаю васъ теперь; а съ княземъ Ярославомъ пріѣдутъ мои послы разсудить васъ въ срочные дни». Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, 1-го января 1476 г., возвратился во Псковъ Ярославъ, а съ нимъ пріѣхали великокняжескіе послы, которые должны были разбирать дѣло. Судъ рѣшенъ былъ заранѣе въ разсчетѣ великаго князя; онъ считалъ нужнымъ укротить псковскую вольность, и потому непремѣнно оправдать своего намѣстника. Послы говорили на вѣчѣ: «Въ чемъ вы преступили предъ княземъ Ярославомъ, добейте ему челомъ, давайте ему, что онъ потребуетъ: намѣстничью деньгу, двойную ѣзду, княжія продажи намѣстникамъ его по городамъ, нивные суды по старинѣ, судить всякія копныя дѣла [1]), изгородное прясло (работы по городу), коневыя валища; а если вы не учините этого, то знайте: вашъ государь, великій князь, прислалъ насъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ, чтобъ мы въ пять дней съѣздили сюда и назадъ воротились». Посадники, проигравъ свое дѣло, дали отъ имени всего Пскова князю Ярославу на вѣчѣ 130 рублей, какъ бы пени, и сверхъ того обѣщались великому князю исполнять все, что приказано князю и его намѣстникамъ по пригородамъ.

5-го января Ярославъ опять отправился къ великому князю съ его послами; Псковъ также послалъ своихъ пословъ просить, чтобъ великій князь содержалъ свою от-

[1]) Копы—народныя собранія съ цѣлію суда, извѣстныя во всей Западной и Южной Руси. Вѣроятно, такой смыслъ имѣетъ и здѣсь выраженіе „копныя дѣла“. Московская политика, уничтожая древнюю свободу, хотѣла подчинять великокняжескому намѣстнику это свободное учрежденіе.

Digitized by Google

чину по старинѣ. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ: —«За то, что вы обѣщаете мнѣ и вашему князю, я тѣмъ жалую мою отчину и хочу васъ держать по старинѣ; а кого къ вамъ ни пришлю о своихъ дѣлахъ, вы того и слушайте, и вѣрьте ему, какъ мнѣ, великому князю, или моей грамотѣ». Съ такимъ отвѣтомъ возвратились послы домой.

Такимъ образомъ, московскій государь подтверждалъ, что онъ будетъ держать Псковъ по старинѣ, и въ то же время съ каждымъ шагомъ надламывалъ эту старину. При пересмотрѣ грамотъ, онъ признавалъ дѣйствительность только такихъ грамотъ, которыя были даны великими князьями,—слѣдовательно уничтожалъ важность мѣстныхъ постановленій; заставилъ Псковъ противъ его воли отбывать въ пользу мѣстнаго князя такіе поборы, которыхъ не было прежде; оправданіемъ своего намѣстника показалъ, что мѣстный князь можетъ быть не удаленъ, вопреки желанію Пскова, даже и съ докладомъ великому князю, тогда какъ въ старину не былъ необходимъ самый докладъ, а вольный городъ самъ собою могъ удалять князя; наконецъ послѣднимъ приказаніемъ—вѣрить словамъ всякаго, кого онъ пришлетъ безъ грамоты, онъ подрывалъ значеніе самобытнаго государственнаго тѣла и хотѣлъ подчинить Псковъ условіямъ владѣльческаго имѣнія, гдѣ хозяинъ можетъ дѣлать распоряженія по своему произволу безо всякихъ правилъ, заранѣе начертанныхъ, когда захочетъ и какъ захочетъ. Ярославъ ободрился, началъ мстить своимъ противникамъ, дѣлать разныя вымогательства и насилія; намѣстники его по пригородамъ и волостямъ вели себя необузданно и притѣсняли народъ; въ противность старымъ правамъ—никого не брать подъ стражу безъ суда, они хватали людей единственно за то, что князю или его намѣстнику въ пригородѣ показалось грубымъ какое-нибудь слово. Псковичи не вытерпѣли и еще разъ послали къ великому князю съ жалобою на князя Ярослава и

Digitized by Google

умоляли, чтобъ великій князь далъ вмѣсто его Пскову другого князя. Но каждое посольство, какъ будто, должно было служить московскому государю предлогомъ къ еще бо̀льшему стѣсненію и уменьшенію свободныхъ правъ города. Великій князь отвѣчалъ:—«Я пошлю въ мою отчину, Псковъ, творить судъ не по старинамъ, какъ мои прародители держали свою отчину, Псковъ, а по моимъ засыльнымъ грамотамъ». Тутъ явно показывалось, что великій князь хочетъ уничтожить всякое право, освящаемое стариною, и вмѣсто него, поставить господствующимъ началомъ управленія и суда свою личную волю.

Но когда псковскія посольства одно за другимъ ѣздили въ Москву, во Псковѣ, 2-го сентября 1477 г., на княжемъ дворѣ сдѣлалась ссора между псковичами и княжедворцами или шестниками, какъ назывались они въ Новгородской и Псковской Земляхъ. Псковичъ везъ на торгъ продавать капусту изъ своего огорода мимо княжаго двора; одинъ шестникъ схватилъ у него наручіе (качанъ) капусты и сталъ кормить княжескаго барана. Псковичи, увидавши это, приняли такой поступокъ за оскорбленіе ихъ правъ, прицѣпились къ шестнику; за шестника заступились его товарищи [1]). Псковичи были вытѣснены изъ княжескаго двора; шестники погнались за ними; свалка началась на площади на торгу; выскочилъ самъ князь въ панцырѣ, съ лукомъ, началъ стрѣлять и заохочивать своихъ къ стрѣльбѣ. Онъ былъ пьянъ въ то время. «И пошли шестники на весь міръ,—говоритъ лѣтописецъ:—они стрѣляли изъ луковъ, кололись ножами, а псковичи, застигнутые въ расплохъ, отбивались каменьями». Но разнеслась объ этомъ вѣсть по всему городу; посадники, бояре, житейскіе люди бросились со всѣхъ концовъ города на торгъ на выручку своихъ съ оружіемъ; люди благоразумные старались раз-

[1]) Пск. Л. II, 37.

Digitized by Google

гонять обѣ стороны. Тутъ шестники увидѣли, что имъ можетъ не на шутку достаться, когда выведутъ псковичей изъ терпѣнія, и скрылись въ своемъ княжескомъ дворѣ. Много псковичей было тогда ранено и избито; кому въ ротъ, кому въ глазъ, кому въ спину или въ ногу досталось; нѣкоторые тутъ же и духъ испустили. Цѣлую ночь послѣ того псковичи стояли на торгу во всемъ оружіи; шестники хвалились, что они зажгутъ городъ и начнутъ бить псковичей подъ тревогу [1]).

Это событіе вывело наконецъ Псковъ изъ терпѣнія. На другой день послѣ такого побоища, утромъ, собралось вѣче; не смотря на то, что великій князь не дозволялъ псковичамъ ни въ какомъ случаѣ безъ воли своей прогонять изо Пскова князей-намѣстниковъ, рѣшили: князю Ярославу тотчасъ же отречься отъ княженія, а псковичамъ выпроводить его изъ города; между тѣмъ, отправить въ Москву посольство съ извѣстіемъ объ этомъ. 5-го сентября посольство поѣхало въ Москву; Ярослава высылали, но онъ уперся: сказалъ, что не пойдетъ, а будетъ дожидаться рѣшенія великаго князя во Псковѣ. Псковичи не смѣли выгнать его силою. Онъ, съ своей стороны, послалъ къ великому князю жалобу на Псковъ; описывалъ псковичей своевольниками, упрекалъ ихъ, что они освободили тѣхъ, которыхъ онъ и его намѣстники по своему судебному приговору заковали.

Между тѣмъ, по прежнему посольству псковичей съ жалобою на Ярослава, 20-го сентября, пріѣхали во Псковъ великокняжескіе послы—два боярина и дьякъ. Они принесли такой отвѣтъ отъ московскаго государя: — «Вы, псковичи, жаловались на князя Ярослава, что онъ и его намѣстники творятъ насиліе по пригородамъ и волостямъ, и берутъ людей безъ суда; но вы не жаловались на него

[1]) Пск. Л. I, 253.

Digitized by Google

въ этомъ, когда великій князь былъ въ Новгородѣ».—«Мы боялись худшаго себѣ—сказали на вѣчѣ (большей упалки)». —«А князь Ярославъ,—возразили имъ,—и тогда на Псковъ жаловался, и прежде того жаловался, и теперь опять жалуется». Въ заключеніе послы высказали такое рѣшеніе великаго князя:—«Отдайте винныхъ, что были по суду закованы въ пригородахъ; а если того не исправите, то я, князь великій, моля Бога и Пречистую Богородицу, хотимъ это исправить, а князя Ярослава, я, великій князь, осаживаю въ Псковѣ на столѣ». Бояре прожили двѣ недѣли во Псковѣ и домогались исправы: требовали, чтобы псковичи выдали головою князю и его намѣстникамъ тѣхъ лицъ, которыхъ они заковали, а псковичи освободили. Тогда псковичи старались уладить дѣло и смягчить поминками московскихъ бояръ, уполномоченныхъ великаго князя. Никогда,—говоритъ современный лѣтописецъ,—во Псковѣ не было такихъ пословъ; ничѣмъ ихъ нельзя было задобрить; въ двѣ недѣли Псковъ заплатилъ рублей 80, а они брали дары, и все-таки держали сторону ненавистнаго князя. Псковичи вышли изъ терпѣнія, и вѣче дало такой рѣшительный отвѣтъ:—«Мы не можемъ, бояре, выдавать головою невинныхъ людей; такъ не дѣлалось по старому обычаю при прежнихъ господаряхъ; вы намъ насильно сажаете князя Ярослава; мы не можемъ съ нимъ ужиться, —онъ творитъ надъ нами насилія; мы пошлемъ пословъ объ этомъ бить челомъ нашимъ господарямъ, чтобы оставили насъ при старинахъ». Бояре уѣхали съ неудовольствіемъ; псковичи еще на дорогу дали имъ денежныя поминки, но одинъ изъ бояръ не принялъ; за то, какъ только эти послы доѣхали до рубежа, то отняли у провожатыхъ и деньги, и платье, и лошадей, и самихъ поколотили [1]).

Вслѣдъ за великокняжескими послами отправились снова

---

[1]) Пск. Л. I, 254.

Digitized by Google

псковскіе послы къ великому князю съ челобитьемъ. Отправились 1-го октября; воротились во Псковъ не ранѣе какъ 8-го января. Не зная долгое время о ихъ судьбѣ, псковичи безпокоились за нихъ, и потому-то лѣтописецъ, говоря о ихъ возвращеніи, выразился, что они воротились живы и здоровы, какъ будто намекая на то, что современники ожидали противнаго. Послы разсказали, какъ, не заставши великаго князя въ Москвѣ, поѣхали они во Владимиръ: тамъ былъ великій князь. Иванъ Васильевичъ не позвалъ ихъ къ себѣ; три дня пробыли они во Владимирѣ; наконецъ, велѣно было имъ ѣхать въ Москву и тамъ дожидаться. Въ Москвѣ ждали они четыре недѣли; наконецъ, великій князь пріѣхалъ, позвалъ ихъ къ себѣ, выслушалъ и, когда они представили челобитье отъ Пскова, чтобъ великій князь держалъ свою отчину по старинѣ, великій князь сказалъ:—«Наша отчина, Псковъ, находила на дворъ нашего намѣстника, своего князя Ярослава Васильевича; этимъ она уже выступила изъ старины; она сама старину нарушила, а не я, князь великій». Съ тѣмъ послы и поѣхали прочь. Ясно было, что великому князю не нравилось болѣе толковать о старинѣ; ему не хотѣлось вовсе оставлять во Псковѣ старину. Великій князь сдѣлалъ свое дѣло; князь-намѣстникъ, вопреки желанію Пскова, остался во Псковѣ по волѣ великаго князя. Но великій князь еще не хотѣлъ до конца раздражать и унижать псковичей; — ему еще они были нужны; онъ тогда собирался кончить съ Новгородомъ; ему довольно было и того, что желаніе псковичей не исполняется, когда великій князь того не хочетъ; но держать долѣе князя Ярослава во Псковѣ не было нужды. Иванъ Васильевичъ понималъ хорошо, что Ярославъ и его намѣстники зазнаются и поступаютъ несправедливо; онъ опредѣлилъ ихъ вывести, но не тогда, когда псковичи ихъ выгоняли, а тогда, когда псковичи принуждены будутъ, по волѣ великаго князя, повиноваться

Digitized by Google

имъ противъ своего желанія; чтобъ такимъ образомъ избавленіе свое отъ ненавистныхъ намѣстниковъ псковичи почитали милостію великаго князя, а не какимъ-нибудь долгомъ по старинѣ. Притомъ же въ видахъ Ивана Васильевича было, чтобъ и намѣстники его не слишкомъ зазнавались и помнили, что они зависятъ отъ произвола государя. Иванъ Васильевичъ продержалъ Ярослава послѣ свиданія со псковскими послами еще около двухъ мѣсяцевъ, и неожиданно, 12-го февраля 1477 года, прислалъ ему грамоту: въ ней приказывалось ему выѣхать изъ Пскова съ княгинею и дѣтьми въ Москву и не оставлять во Псковѣ никого изъ своихъ. 23-го февраля князь Ярославъ явился на вѣче, сложилъ, по обычаю, крестное цѣлованіе и поѣхалъ. Псковъ, чествуя великокняжескаго намѣстника, несмотря на все несогласіе съ нимъ, далъ ему почетныхъ провожатыхъ, и на всѣ станы впередъ повезли ему и его дружинѣ кормъ и напитки. Но его дружина по дорогѣ нарочно дѣлала разныя безчинства и оскорбленія жителямъ и, наконецъ, разставаясь съ Землею, которою онъ правилъ четыре года и четыре дня, самъ князь ограбилъ приставовъ и, взявъ изъ числа провожатыхъ восемнадцать человѣкъ, приказалъ ихъ заковать и повезъ съ собою въ Москву. Вслѣдъ за нимъ потомъ отправились въ Москву псковскіе послы просить новаго князя; они по прежнему указывали на двухъ: на Василія изъ Новгорода, и на князя Ивана Володимировича. Для умилостивленія великаго князя повезли ему поминка сто рублей. Великій князь принялъ поминокъ, обращался ласково съ послами, отпустилъ съ честію и сказалъ, что о псковскихъ дѣлахъ пришлетъ онъ своихъ бояръ. О князѣ не было и помина. Въ мартѣ были послы псковскіе въ Москвѣ, а обѣщанное посольство не являлось ни въ апрѣлѣ, ни въ маѣ. Только іюня 7-го пріѣхали двое гонцовъ изъ Москвы. Псковичи, вѣроятно, надѣялись узнать, кого назначитъ имъ великій

Digitized by Google

князь въ намѣстники; но посолъ этотъ не говорилъ о намѣстникѣ, а извѣстилъ, что великій князь поднимаетъ Псковъ на Великій Новгородъ и требуетъ, чтобы псковичи послали въ Новгородъ свои розметныя грамоты, и сами садились бы на коней. Даромъ что великій князь еще прежде приказалъ вѣрить словеснымъ своимъ приказаніямъ, сообщаемымъ чрезъ посыльныхъ; однако, все еще какъ-то странно казалось псковичамъ приступить къ такому важному дѣлу, какъ объявленіе войны, безъ приказаній болѣе положительныхъ. Псковъ отвѣчалъ:—«Мы сами хотимъ услышать это отъ своихъ государей. Пусть они скажутъ намъ то своими устами». Іюля 21-го они отправили своихъ пословъ въ Москву. Нѣсколько ранѣе псковскій гонецъ Богданъ поѣхалъ въ Новгородъ.—«Насъ,—говорилъ этотъ гонецъ новгородцамъ,—великій князь подымаетъ на Великій Новгородъ; извѣщаемъ васъ объ этомъ по крестному цѣлованію; но если вамъ будетъ какое дѣло до великаго князя, мы рады за васъ отправить къ нему пословъ и бить челомъ». Новгородцы отвѣчали этому гонцу, что пришлетъ Великій Новгородъ своему молодшему брату Пскову пословъ.

Во Псковъ явился изъ Новгорода посолъ Иванъ Поклончеевъ и говорилъ:—«Псковичи! поцѣлуйте крестъ сейчасъ на нашемъ пригожствѣ, опроче коростынскаго докончанья. Мы тогда явимъ все вамъ по нашему послѣднему крестному цѣлованію; а когда вы намъ этого не сдѣлаете, такъ мы не хотимъ отъ васъ никакого пригожества до великихъ князей,—ни челобитья вашего, ни пословъ».

27-го августа прибыли обратно псковскіе послы, отправленные въ Москву, и привезли извѣстіе, что пріѣдутъ скоро послы великаго князя. Между тѣмъ, изъ Новгорода выбирались тогда купцы съ товарами и разные жители съ своими имуществами во Псковъ; нѣкоторые остались тамъ; другіе уѣзжали въ Литву. Псковичи не имѣли теперь про-

Digitized by Google

тивъ Новгорода прежней злобы, удовлетворенной черезъчуръ несчастіями Новгорода. Поступки великаго князя со Псковомъ показывали уже слишкомъ явно, до чего хочетъ великій князь московскій довести оба города. Только страхъ и неизвѣстность удерживали Псковъ отъ союза съ Новгородомъ въ эту эпоху. Выигрышъ Новгорода казался тогда уже очень сомнительнымъ. Его ополченіе было сокрушено въ предъидущую войну; показалась очевидно слабость его военныхъ силъ; его волость была опустошена и не могла еще оправиться. Напротивъ, силы великаго князя были огромны. Соединить свою судьбу съ Новгородомъ въ то время должно было казаться ужаснымъ и безразсуднымъ всякому, кто сталъ бы размышлять объ этомъ безъ увлеченія.

Сентября 15-го пріѣхалъ во Псковъ посолъ, дьякъ Григорій Волнинъ, первый разъ въ іюнѣ уже посѣщавшій Псковъ. Снова началъ онъ поднимать Псковъ на Новгородъ, и двѣ недѣли трубилъ псковичамъ, чтобъ они посылали скорѣе взметную грамоту и выступали въ походъ. — «У насъ нѣтъ князя»—говорили псковичи.—«Я вамъ приставленъ воеводою отъ великаго князя,—сказалъ онъ:—сейчасъ садитесь на коней; а гдѣ великаго князя найдемъ, онъ дастъ вамъ тамъ намѣстника и князя».

Псковичи не ранѣе какъ 30-го сентября отправили въ Новгородъ свои взметныя (или розметныя) грамоты. Но тутъ опять пріѣхалъ изъ Новгорода гонецъ, подвойскій Панкратъ, убѣждать псковичей дѣйствовать заодно съ Новгородомъ. Онъ просилъ, чтобы Псковъ отправилъ вмѣстѣ съ новгородскими послами своихъ къ великому князю. Дьякъ Волнинъ схватилъ-было этого новгородскаго гонца, но псковичи упросили его не трогать посла и отпустили его въ Новгородъ. Дьякъ по прежнему неотвязно требовалъ, чтобы псковичи выступили. Псковичи медлили. «Мы пошлемъ еще разъ гонца своего къ великому князю,—го-

Digitized by Google

ворили они: —пусть онъ намъ самъ повелитъ и дастъ намъ князя; а князь, какъ пріѣдетъ къ намъ и поцѣлуетъ крестъ, тогда онъ съ нами и сядетъ на коня, и мы съ нимъ сядемъ; а до тѣхъ поръ не хотимъ». Тутъ 10-го октября случился сильный пожаръ въ городѣ. Это несчастіе дало поводъ отдѣлываться отъ непріятной обязанности идти въ походъ. Псковичи послали къ великому князю посольство, извѣщали, что Псковъ разоренъ пожаромъ, и просили освободить ихъ отъ войны. Но великій князь задержалъ пословъ и увелъ съ собою въ походъ, а во Псковъ отправилъ княземъ Василія, изъ Шуйскихъ. 16-го ноября прибылъ онъ во Псковъ. Девять мѣсяцевъ великій князь оставлялъ Псковъ безъ князя, наконецъ, прислалъ его, но не по старинѣ, не по избранію и желанію псковичей, а по своей волѣ. Онъ показывалъ псковичамъ и теперь, что уже права для нихъ нѣтъ, что все зависитъ отъ воли московскаго государя: захочетъ онъ — вовсе не пришлетъ имъ князя; захочетъ—пришлетъ не по ихъ желанію, а того, кого ему будетъ угодно. 19-го ноября этотъ князь былъ посаженъ на столъ, въ домѣ Живоначальной Троицы. Надъ нимъ совершенъ обрядъ, также какъ совершался надъ вольноизбранными князьями въ старину. Вмѣстѣ съ княземъ прибылъ во Псковъ великокняжескій воевода Василій Дятлевъ, и потребовалъ, чтобъ псковичи шли немедленно. Отговорка пожаромъ не была принята въ уваженіе. Псковичи оповѣстили своимъ пригородамъ, чтобъ немедленно выходили [1]).

Ополченіе Псковской Земли дѣйствовало съ меньшей энергіей, чѣмъ въ прежнюю войну. Нельзя было не сознавать, что, добивая Новгородъ, псковичи готовили ту же участь и своей Землѣ впослѣдствіи. Главное ихъ участіе въ послѣдней катастрофѣ Новгорода состояло въ томъ, что

[1]) Пск. Л. I, 256—259.

Digitized by Google

они подвозили запасы для осаднаго войска, стоявшаго около Новгорода — хлѣбъ, муку, рыбу, медъ, и псковскіе купцы продавали разные товары въ Ивановомъ войскѣ.

III.

ПАДЕНІЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДЫ ПСКОВА.

Новгородъ палъ. Псковъ получилъ отъ великаго князя позолоченный кубокъ.—«Смотрите же, псковичи, — говорилъ посолъ великаго князя, правя поклонъ Пскову вмѣстѣ съ кубкомъ:—я, князь великій, хочу васъ, свою отчину, держать въ старинѣ; и вы, наша отчина, слово свое держите честно надъ собою и наше себѣ жалованье. Чтобъ вы это знали и помнили!» Вслѣдъ за тѣмъ безостановочно продолжалось дѣло постепеннаго уничтоженія свободы Пскова.

Думая, что за услуги, оказанныя Псковомъ великому князю подъ Новгородомъ, можно теперь высказать великому князю тѣ непріятности, какія Псковъ терпѣлъ отъ великокняжескаго произвола, замѣнявшаго старину, псковичи отправили пословъ въ Москву, и жаловались, что послы московскіе, ѣдучи по дорогѣ, обижаютъ людей, у проѣзжихъ отнимаютъ лошадей и имущества, грабятъ по станамъ и на подворьѣ въ городѣ, требуютъ грубо отъ Пскова поминковъ не по силѣ; и что имъ Псковъ даетъ,— они того не принимаютъ, и дѣлаютъ разныя оскорбленія людямъ. Но великій князь взглянулъ грозно на эту просьбу, подивился и гораздо больше повѣрилъ своимъ боярамъ.

Новыя нападенія нѣмцевъ, опустошенія Псковской Земли требовали помощи великаго князя; войска его явились оборонять Псковскую Землю, но сами дозволяли себѣ всякія безчинства. Въ 1480 г. нѣмцы напали на Псковскую Землю. Князь псковскій Василій былъ пьяница и гуляка, и не годился ни къ управленію, ни къ войску.

Digitized by Google

Услышавъ, что въ Великихъ-Лукахъ находятся братья великаго князя, Андрей и Борисъ, нѣкоторые, въ отчаяніи отъ нѣмцевъ, пригласили ихъ. Они набрали уже 10,000 дружины. Но когда князья пріѣхали, Псковъ ужасно переполошился: эти князья были въ ссорѣ съ великимъ княземъ. «Мы пойдемъ,—сказали князья,—боронить васъ; а женъ и дѣтей оставимъ у васъ». Псковичи начали толковать между собою и рѣшили, что нельзя принимать ихъ.—«Господари, великіе князья, — сказали они имъ:— мы хотимъ вѣрны быть старѣйшему брату вашему, Ивану Васильевичу; а вы себѣ думайте о своемъ и о нашемъ добрѣ, чтобъ нашему граду въ конецъ не погибнуть».— «Вѣдь кто врага царскаго сохранитъ, тотъ врагъ царю,— говорили грамотѣи, — такъ и эти князья, хотя великому князю и братья, но супостаты». Тогда князья разсердились, считая, конечно, поруганіемъ себѣ, что ихъ же пригласили, а потомъ прогоняютъ. Выѣхавши изъ Пскова, распустили они свою рать; и начала эта сбродная толпа безчинствовать. Только,—говоритъ лѣтописецъ,—не жгли и не убивали, потому что никто имъ не противился; за то перебили много скота, осквернили женщинъ и дѣвицъ, грабили не только людскія имущества, но и Божіе домы. Хуже нѣмцевъ показались они Пскову.

Въ 1483 году князя Василія уже не было; на мѣсто его явился новый—Ярославъ Владимировичъ.

Въ 1484—1485 г. Иванъ Васильевичъ имѣлъ случай наложить руку и на внутренній порядокъ Пскова. Князь Ярославъ съ посадниками составили грамоту, какъ кажется опредѣлявшую работы смердовъ. Грамота эта не представлена была вѣчу. Когда объ этомъ узнали, то партія черныхъ людей взволновалась; у нѣкоторыхъ посадниковъ порубили дворы; одного посадника, Гаврила, убили на вѣчѣ; убили также одного смерда, а трехъ смердовъ посадили въ погребъ. Другіе посадники убѣжали въ Москву.

Digitized by Google

Тогда вѣче написало на убѣжавшихъ «мертвую» грамоту, т.-е. осуждавшую ихъ на смерть. Ихъ «закликали», т.-е. вѣче объявило ихъ на судѣ народномъ преступниками. Посадники отправились къ великому князю съ посольствомъ,—просить, чтобъ великій князь содержалъ Псковъ въ старинѣ, и привезли изъ Москвы приказаніе,—откликать посадниковъ, отпечатать грамоты, и просить прощенія у князя Ярослава. Черные люди взволновались, кричали:—«Этого великій князь не говорилъ!.. Это выдумали тѣ посадники, которые, убѣгая народнаго суда, ушли въ Москву!» За недѣлю до праздника Рождества Христова отправили еще посольство, поѣхали въ Москву четыре посадника и десять бояръ изъ концовъ. Когда великій князь узналъ, что ничего не сдѣлано изъ того, что прежде приказано:—смерды не выпущены, посадники не откликаны, князю Ярославу челомъ не добили,—то разсердился и приказалъ черезъ бояръ своихъ псковскимъ посламъ дать такой же отвѣтъ, какой данъ былъ прежнему посольству. Послы возвратились во Псковъ, стали править свое посольство на вѣчѣ. Черные люди взволновались. «Они,—кричали они противъ пословъ,—согласились съ тѣми посадниками, что убѣжали на Москву и норовятъ имъ!» Началась сумятица: посадники, бояре и житые люди хотѣли исполнить приказаніе великаго князя и стращали себя и другихъ великокняжескою казнію. Черные люди кричали:—«Мы во всемъ правы; не погубитъ насъ князь великій, а вамъ не вѣримъ: князю Ярославу намъ не за что бить челомъ!» Послѣ продолжительныхъ споровъ и ссоръ, черные люди отправили посольство въ Москву уже собственно только отъ себя, отъ своего сословія. Поѣхало двое пословъ: одинъ изъ Полонища, другой изъ Запсковья (вѣроятно, эти части города наиболѣе были населены «черными», иначе «молодыми» людьми). Черные люди изъявляли готовность творить волю великаго князя, если узнаютъ

Digitized by Google

ее, и извѣщали, что вслѣдъ за посланными будутъ и большіе послы. Этихъ пословъ не допустили до Москвы тверскіе разбойники, убили ихъ на дорогѣ. Другое посольство, состоявшее изъ четырехъ посадниковъ и по боярину отъ каждаго конца, отправилось послѣ. Въ Москвѣ они получили такой отвѣтъ отъ лица великаго князя:—«Если моя отчина, Псковъ, исправитъ мое слово и начнетъ потомъ мнѣ бить челомъ о своей нечести, то я буду васъ миловать по пригожаю». Послѣ этого псковичамъ оставалось уступить. Они отпечатали мертвыя грамоты на посадниковъ и выпустили изъ тюрьмы смердовъ (Стехна, Сырня и Лежня), отпечатали дворы и имущества обвиненныхъ и, сдѣлавши все по желанію великаго князя, отправили пословъ бить челомъ и просить прощенія. Великій князь отдалъ Пскову свое нелюбіе и сказалъ, что хочетъ, чтобы Псковъ жилъ по старинѣ. Бѣглые посадники воротились въ отечество. Это дѣло о смердахъ и о мертвыхъ грамотахъ тянулось два года и стоило Пскову до 1000 рублей [1]).

Но въ тотъ же годъ опять принесена была жалоба на князя Ярослава и на его намѣстниковъ; изо всѣхъ пригородовъ и волостей стекались во Псковъ обиженные и доставляли псковскому вѣчу и посадникамъ жалобы на тѣхъ намѣстниковъ, которыхъ Ярославъ разсадилъ по Псковской Землѣ. Жалобъ оказалось такое множество, что— по словамъ псковскаго лѣтописца — счесть ихъ было невозможно. По этимъ жалобамъ составлены были *обидныя* грамоты, и отправлено посольство: въ немъ было двое посадниковъ, нѣсколько бояръ и по два человѣка изъ каждаго пригорода, взятыхъ изъ числа тѣхъ, которые жаловались на несправедливости Ярославовыхъ намѣстниковъ [2]). Сюда присоединилось еще такое дѣло. Какой-то попъ въ

---

[1]) Пск. Л. II, 43—45.

[2]) Пск. Л. II, 45.

Digitized by Google

Наровской губѣ отъискалъ старую грамоту, гдѣ было сказано, какія повинности должны отправлять наровскіе смерды, что́ платить князю и Пскову, и какія урочныя работы слѣдовало имъ отправлять. Эти правила пришли уже въ забвеніе. Священникъ выводилъ ихъ опять на свѣтъ. Естественно, смердамъ не могли они полюбиться. Когда священникъ сталъ читать эту грамоту—одинъ смердъ вырвалъ ее у него изъ рукъ и утаилъ. Вѣсть объ этомъ произвела повсюду ропотъ. Псковичи обвиняли смердовъ за то, что они умышленно припрятывали правила, обязывавшія ихъ къ работамъ и уклонялись отъ своихъ повинностей. Смерда, который у священника вырвалъ грамоту, посадили подъ стражу. Послы предъ великимъ княземъ и объ этомъ дѣлѣ упомянули, сказали, что смердъ находится на *крѣпости*. Спрашивали, что̀ съ нимъ дѣлать.—«Вы мнѣ опять о смердахъ,—сказалъ князь:—давно-ли я вамъ за это вины отдалъ, а вы снова за то же? Я не принимаю отъ васъ жалобъ на князя вашего, а пошлю бояръ и прикажу имъ сдѣлать управу».

Смерть развязала дѣло о князѣ. Сдѣлался моръ, и этотъ князь умеръ вмѣстѣ съ женою и сыномъ [1]).

Преемникъ его, Симеонъ Романовичъ, въ 1489 г. назначенъ княземъ безъ воли Пскова, и Псковъ долженъ былъ принять его съ честію и посадить на княженіе у св. Троицы. Въ 1491 г. его смѣнилъ князь Василій Ѳедоровичъ, также назначенный великимъ княземъ. По смерти его въ 1496 г. новый князь, Александръ Владимировичъ ростовскій, также назначенъ былъ безъ участія вѣча и посаженъ съ обрядами древности. Въ 1499 г. является въ Псковъ посолъ отъ великаго князя и извѣщаетъ, что великій князь отдалъ Новгородъ и Псковъ сыну своему Василію. Эта новость поразила псковичей; они послали бить челомъ, чтобъ

[1]) Псковс. Л. I, 267.

Digitized by Google

государь держалъ свою отчину по старинѣ и чтобъ Псковъ зналъ одного московскаго великаго князя.—«Развѣ я не воленъ кому хочу отдать свою отчину?»—сказалъ великій князь и засадилъ пословъ. Для Пскова это было только испытаніе. Когда псковичи смирились, великій князь оставилъ Псковъ въ прежнемъ положеніи. И опять назначались туда князья-намѣстники по волѣ великаго князя. Такъ было и до смерти великаго князя. Послѣ Александра Владимировича былъ тамъ княземъ Иванъ Ивановичъ суздальскій (1501 г.); въ 1503 г. смѣнилъ его князь Димитрій Владимировичъ ростовскій; а преемникъ Ивана великій князь Василій въ 1507 году назначилъ вмѣсто него князя Петра Васильевича. Въ 1508 году назначилъ Василій Ивановичъ намѣстникомъ во Псковѣ князя Ивана Михаиловича Оболенскаго. Присланные противъ воли народа, эти намѣстники и ихъ довѣренные по пригородамъ дѣлали разныя насилія, грабили жителей, подстрекали ябедниковъ подавать на зажиточныхъ людей доносы, присвоивали себѣ самовольно право суда, вопреки вѣковѣчнымъ мѣстнымъ обычаямъ, обвиняли невинныхъ, чтобы съ нихъ за то сорвать что можно; при требованіяхъ разныхъ повинностей обращались съ жителями грубо и несправедливо. Даже и тѣ, которые были не столько дерзки и нахальны, не могли вообще ладить со псковичами; не могли псковичи освоиться съ привычками пришлецовъ, и съ грустію вспоминали то время, когда за малое нарушеніе свободы Пскова и Земли его выборный князь со всею дружиною своею подвергался изгнанію. Почти на каждаго изъ намѣстниковъ подавались просьбы, чтобъ государь вывелъ его изъ Пскова. Послѣдній князь былъ особенно ненавистенъ. Можно подозрѣвать, что онъ чѣмъ-нибудь прежде заявилъ себя, и Василій Ивановичъ, зная его качества, послалъ его нарочно во Псковъ именно для того, чтобъ онъ не ужился со псковичами, чтобы псковичи вышли изъ терпѣнія, вы-

Digitized by Google

разили бы свою досаду какимъ нибудь смѣлымъ поступкомъ и тѣмъ дали бы великому князю предлогъ доконать сразу гражданскую свободу Пскова. Когда онъ пріѣхалъ въ городъ, не встрѣтили его священники съ крестами; онъ самъ не далъ о себѣ знать заранѣе, какъ обыкновенно случалось, и остановился на загородномъ дворѣ. Псковичи нашли его тамъ и пригласили на торгъ, а оттуда уже ввели къ св. Троицѣ; тамъ, скрѣпя сердце, посадили они его по древнему обычаю на княженіе — отъ этого его прозвали «найдёномъ». Съ первыхъ дней не взлюбили его:—«онъ былъ лютъ до людей»—говоритъ современникъ. Онъ дѣлалъ притязанія самъ судить и управлять безъ воли вѣча; разсылалъ по пригородамъ своихъ намѣстниковъ, которые для своей наживы дѣлали притѣсненія жителямъ. Вскорѣ по своемъ пріѣздѣ во Псковъ, онъ отправилъ на псковичей доносъ:—«Вью челомъ великому государю»—писалъ онъ:—«псковичи держатъ меня нечестно,—не такъ какъ прежде держали и чтили намѣстниковъ великаго князя; не по прежнему исполняютъ государевы дѣла, вступаются въ суды, оброки, пошлины и всякіе доходы, и мои люди терпятъ отъ нихъ безчестіе и насиліе». Великій князь отправилъ бояръ своихъ во Псковъ съ нравоученіемъ. «Велитъ государь сказать вамъ, посадники и бояре, и вся отчина, чтобъ вы держали имя государское честно и дѣла дѣлали также, какъ было при прежнихъ намѣстникахъ, не вступались бы въ пошлины и доходы княжескіе».

23-го сентября 1509 года великій князь отправился въ Новгородъ. Съ нимъ поѣхали: братъ его Андрей, зять царевичъ Петръ Ѳедоровичъ, отпущенный изъ неволи крымскій царевичъ Абдулъ-Летифъ, коломенскій епископъ Мартирій, который долженъ былъ исполнять временно въ Новгородѣ служеніе владыки, котораго тамъ въ то время не было; взятъ былъ изъ Москвы симоновскій архимандритъ;

Digitized by Google

поѣхали съ великимъ княземъ бояре и значительный отрядъ войска, дѣтей боярскихъ. Василій ѣхалъ медленно. То было вмѣстѣ и походъ и торжественный поѣздъ. Великій князь прибылъ въ октябрѣ, и переселенцы, освоившіеся, за тридцать лѣтъ, въ дворахъ изгнанниковъ новгородцевъ, съ холопьею радостію встрѣчали своего государя; и все должно было казаться исполненнымъ радости въ печальномъ Новгородѣ, незадолго предъ тѣмъ пострадавшемъ отъ сильнаго пожара. Псковичи, услышавъ, что великій князь идетъ въ Новгородъ съ многочисленною свитою, стали побаиваться. Они послали къ нему пословъ.

Чтобы подладиться къ строгому властелину и угодить ему, въ своей челобитной, псковичи сначала излили чувства благодарности и собственной вѣрности въ такихъ выраженіяхъ:

«Посадники, степенные и старые, дѣти посадничьи, бояре, купцы, житые люди и весь Псковъ, отчина твоя, государь, бьетъ тебѣ челомъ зато, что ты, государь, жалуешь насъ, свою отчину, Псковъ,—держишь въ старинѣ, и обороняешь ото всѣхъ земель, какъ и прежніе государи, твои прародители, насъ жаловали, и отецъ твой, Иванъ Васильевичъ держалъ насъ въ старинѣ. И мы, государь, сколько Богъ намъ дастъ силы — ради служить тебѣ, также какъ служили вѣрно отцу твоему и прародителямъ твоимъ». Вмѣстѣ съ благодарностію, эта челобитная давала великому князю чувствовать, что псковичи дорожатъ своею стариною.

Послѣ этихъ увѣреній слѣдовала просьба:—«Бьетъ челомъ тебѣ, государь, твоя отчина, и жалуется на твоего намѣстника, князя Ивана Михайловича: и онъ, и его люди творятъ надъ нами насилія и обиды. Смилуйся, государь, оборони насъ отъ него и отъ людей его».

На эту челобитную велѣно было боярамъ дать такой отвѣтъ:

Digitized by Google

«Мы — говорили бояре отъ лица государя — и нынѣ, какъ и прежде, хотимъ жаловать нашу отчину, Псковъ — держать въ старинѣ и оборонять отвсюду, какъ намъ Богъ поможетъ; а что вы били челомъ намъ на нашего намѣстника, князя Ивана Михайловича и его людей, будто онъ сидитъ не по старинѣ и дѣлаетъ вамъ насильства, такъ и намѣстникъ нашъ, князь Иванъ Михайловичъ, прислалъ къ намъ бить челомъ, что ему отъ васъ творится безчестіе, что вы вступаетесь въ суды и пошлины его и людей его, и поступаете не такъ, какъ при прежнихъ нашихъ намѣстникахъ бывало. И такъ вы, наша отчина, держите имя наше честно и грозно, по старинѣ, чтите намѣстника нашего и не вступайтесь въ его судъ и пошлины. А я вамъ посылаю во Псковъ своего окольничаго—Петра Васильевича Великого, да дьяка Третьяка Далматова, и велю имъ выслушать и намѣстника, и васъ: чтобъ вы передъ ними управились съ нашимъ намѣстникомъ».

Посланные во Псковъ примирители никакъ не могли помирить враждебныя стороны, и, возвратившись въ Новгородъ, доносили, что не учинили управы между намѣстника и псковичей. Вмѣстѣ съ ними пріѣхали въ Новгородъ снова псковскіе посадники и били челомъ, чтобъ государь свелъ отъ нихъ князя, Ивана Михайловича:—«Намъ нельзя съ нимъ прожить»—говорили они.

Бояре, отъ лица великаго князя изложивъ передъ псковичами все дѣло, дали имъ отвѣтъ такого содержанія:

— «Такъ какъ нашъ окольничій Петръ Васильевичъ Великой и дьякъ Третьякъ Далматовъ не учинили управы между вами и намѣстникомъ нашимъ, княземъ Иваномъ Михайловичемъ,—и мы, жалуя свою отчину, Псковъ, велимъ намѣстнику своему князю Ивану быть у себя въ Новгородѣ; а наша отчина Псковъ пусть пришлетъ къ намъ обидныхъ людей; и мы, выслушавъ разомъ и намѣстника, и обидныхъ людей, учинимъ вамъ напередъ управу, какъ

Digitized by Google

будетъ пригоже; а не выслушавши при себѣ и псковичей и намѣстника, намъ нельзя свести намѣстника съ нашей отчины. Но когда мы сами увидимъ, что на него будетъ много челобитчиковъ, тогда и обвинимъ его передъ вами».

Казалось, дѣло велось такъ, какъ только требовала справедливость. Приказано было явиться къ великому князю на судъ, съ одной стороны намѣстнику, съ другой всѣмъ тѣмъ, которые имъ недовольны и могутъ противъ него что-нибудь сказать.

Во Псковѣ посадники и бояре, ненавидѣвшіе намѣстника, ухватились за это и разсчитали, что чѣмъ больше будетъ жалобъ на него, тѣмъ больше надежды, что великій князь избавитъ отъ него псковичей; самъ великій князь обѣщалъ его обвинить, когда увидитъ, что имъ точно недовольны многіе. Они оповѣстили по пригородамъ, чтобы собирались всѣ, кто только можетъ пожаловаться въ чемъ-нибудь на намѣстника и на его людей. «Кто только отъ кого-нибудь изъ нихъ былъ обиженъ, всякъ, не разсуждая, каковъ человѣкъ, поѣзжай къ великому князю и бей челомъ на князя-намѣстника»—писали они. Этимъ воспользовались не одни тѣ, которые хотѣли смѣны намѣстника; нашлись и такіе, что увидали случай представить свои частныя тяжбы на разсмотрѣніе великаго князя. Такъ, одинъ изъ старыхъ посадниковъ, Леонтій, пріѣхалъ въ Новгородъ жаловаться на другого посадника Юрья Копыла; другіе, жившіе на рубежѣ, пріѣхали съ жалобою на новгородскихъ помѣщиковъ, переведенныхъ въ опустѣлую, послѣ паденія Новгорода, Землю Новгородскую; иные — люди черные, наѣхали жаловаться на знатныхъ и богатыхъ. Этихъ послѣднихъ особенно и нужно было великому князю. Великій князь говорилъ, что все еще на князя жалобъ недостаточно, а пусть съѣзжаются людей поболѣе. Челобитныя подавались и принимались. Суда и рѣшенія никому не давали. Посадникъ Юрій Копыла, какъ видно, по-

Digitized by Google

приказанію великаго князя, писалъ во Псковъ: «Пусть ѣдутъ жалобники говорить противъ князя Ивана, а то вся Земля останется виновата».

Тогда еще болѣе народу отправилось въ Новгородъ; въ томъ числѣ девять посадниковъ и купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. День-ото-дня челобитныхъ набиралось болѣе и болѣе; но князь все еще не выслушивалъ никого и говорилъ: «Копитесь, копитесь, жалобники: придетъ Крещенье Господне; тогда я вамъ всѣмъ дамъ управу». Псковичи дожидали Крещенія, надѣясь получить управу.

Прибылъ, между тѣмъ, и намѣстникъ къ отвѣту; и великій князь не заставилъ его ожидать Крещенія, а выслушалъ его оправданія прежде разбирательства жалобъ, принесенныхъ на него.—«Мнѣ—говорилъ намѣстникъ—было великое безчестіе отъ псковичей: они вступались въ мои суды и пошлины, держали меня не такъ, какъ прежнихъ намѣстниковъ; сверхъ того, отъ посадниковъ и бояръ дѣлаются большія обиды и оскорбленія ихъ же братьи, псковичамъ, черному и бѣдному народу: богачи бѣдняковъ утѣсняютъ; а что хуже всего, псковичи презираютъ государево имя и причиняютъ государю безчестіе своимъ непослушаніемъ». Такимъ образомъ, великій князь отъ намѣстника все выслушалъ и всему повѣрилъ, а псковичи въ простотѣ сердца ожидали Крещенія.

Пришло Крещеніе. Всѣмъ псковичамъ велѣно было идти на водоосвященіе; самъ великій князь пошелъ на Волховъ съ боярами. Послѣ обряда процессія отправилась къ св. Софіи. Тогда великокняжескіе бояре крикнули псковичамъ:

«Посадники псковскіе, и бояре, и всѣ псковичи жалобные люди! Государь велѣлъ вамъ собраться на владычный дворъ; всѣ приходите; бойтесь государевой казни, — если не придете; сегодня государь хочетъ вамъ всѣмъ дать управу».

Digitized by Google

Всѣ пошли по приказанію. Посадники, бояре, купцы, вошли во владычную палату; люди молодшіе (простые) стали толпою на дворѣ. Въ палатѣ были московскіе бояре и со вниманіемъ поглядывали на входящихъ; когда уже псковичи перестали входить, они спросили: «Сполна-ли всѣ собрались?».

Всѣ отвѣчали, что всѣ уже собрались. Тогда провозгласили:—«Поиманы есте Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руссіи». Это значило, по тогдашнему образу юридическаго выраженія, что ихъ арестовали. Въ то же время дворъ былъ затворенъ; и стали переписывать поименно всѣхъ стоявшихъ на дворѣ молодшихъ людей.

Когда перепись окончили, то, по приказанію великаго князя, всѣхъ ихъ развели по улицамъ и отдали домохозяевамъ содержать и беречь. Неизвѣстно, въ тотъ ли самый день или на другой арестованные псковичи начали бить челомъ боярамъ такъ:

«Познаемъ вину свою и бьемъ челомъ государю, чтобъ онъ пожаловалъ насъ, своихъ холопей, и весь Псковъ, какъ ему Богъ извѣститъ!».

Слово «холопъ» въ первый разъ дано себѣ псковичами. Это, естественно, понравилось государю; ему было видно, что они понимали, что сопротивляться нельзя, а слѣдовательно, можно было все съ ними сдѣлать безъ труда. Пять бояръ и два дьяка, получивъ отъ великаго князя приказаніе, вошли къ задержаннымъ и сказали:

«Государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всея Руссіи и великій князь, велѣлъ вамъ, своимъ слугамъ, сказать: прародители наши, великіе князья, и отецъ нашъ, и мы, держали отчину свою, Псковъ, въ своемъ жалованьи въ старинѣ до сихъ поръ, и берегли отвсюду; а вы, наша отчина, Псковъ, имя наше держали честно и грозно, по старинѣ, и оказывали честь своимъ князьямъ,

Digitized by Google

нашимъ намѣстникамъ. А нынѣ вы, отчина наша, Псковъ, наше имя и нашихъ намѣстниковъ держите не такъ какъ прежде; и къ намъ пришли жалобники: на посадниковъ, и на земскихъ судей бьютъ челомъ, что отъ нихъ нѣтъ управы и дѣлаютъ они большое раззореніе. За это слѣдуетъ на васъ, свою отчину, положить великую опалу; но великій государь кажетъ вамъ милость и жалованье, если только вы сотворите волю государеву: свѣсить прочь вѣчевой колоколъ и больше вѣчамъ не быть, а быть во Псковѣ двумъ намѣстникамъ; и по пригородамъ псковскимъ также будутъ намѣстники. А какъ во Псковѣ и по пригородамъ будутъ судить намѣстники, государь самъ прибудетъ въ Псковъ поклонитьсяи Жвоначальной Троицѣ, и всему тому учинитъ указъ. Если вы познаете государево жалованье и по его волѣ будете этимъ довольны, то государь васъ жалуетъ вашимъ достояніемъ и не будетъ вступаться въ земли ваши. А если вы не познаете государева жалованья и не учините его воли, то государь будетъ свое дѣло дѣлать, какъ ему Богъ поможетъ; и кровь христіанская взыщется на тѣхъ, которые государево жалованье презираютъ и воли его не творятъ!»

Со слезами выслушали псковичи свой приговоръ, и, поклонившись, отвѣчали:

«Мы всѣ здѣсь головами на томъ государевомъ жалованьѣ. Бьемъ челомъ государю за то, что отлагаетъ казнь свою надъ нами, своими холопами, и отдаетъ опалу свою отчинѣ своей, Пскову, чтобъ кровь христіанская не проливалась! Отчина государева отъ прародителей его, государей русскихъ, и при отцѣ его, и при немъ, государѣ нашемъ, была неотступна и неизмѣнна ни въ чемъ до сихъ поръ, и нынѣ, и напередъ такъ останется. Вѣдаетъ Богъ, да государь: въ какомъ жалованьи похочетъ онъ учинить свою отчину».

Digitized by Google

Бояре пересказали эту рѣчь великому князю и, по приказанію его, принесли такое рѣшеніе псковичамъ:

«Государь великій князь приговорилъ-было своимъ боярамъ послать на Псковскую Землю рать; но теперь вы бьете челомъ за себя и за нашу отчину, Псковъ,—отдаете государево жалованье въ его волю; поэтому государь говоритъ вамъ: дайте намъ крѣпкое слово за себя и за нашу отчину и за всю Псковскую Землю, что Псковъ, отчина наша, пожелаетъ нашего жалованья и учинитъ волю нашу во всемъ томъ, о чемъ бояре наши вамъ говорили; а государь пошлетъ съ этимъ своимъ жалованьемъ во Псковъ дьяка Третьяка Далматова; да и вы сами не хотите ли отъ себя послать отсюда о томъ же къ нашей отчинѣ, Пскову, къ своимъ пріятелямъ, которые у васъ тамъ есть, чтобъ они хотѣли нашего жалованья и учинили во всемъ нашу волю?».

Невольники на все согласились и порѣшили послать во Псковъ съ своею грамотою одного изъ между себя, купца Онисима Манухина. Тогда бояре приказали имъ цѣловать крестъ на вѣрность государю. Принесена была крестоцѣловальная запись, и псковичи по ней передъ боярами и дьяками великаго князя произнесли клятвенное обѣщаніе слушать своего государя, хотѣть ему добра во всемъ, безъ единой хитрости, не мыслить и не думать лиха ни великому князю, ни его княгинѣ, ни его дѣтямъ, ни его землямъ и пребывать неотступно отъ своего государя до конца живота своего. По окончаніи присяги, бояре сказали имъ, что великій князь велитъ имъ быть у него и бить челомъ. Великій князь принялъ ихъ ласково и пригласилъ на обѣдъ. Потомъ ихъ отпустили на свои квартиры, къ своимъ семействамъ, съ которыми они пріѣхали, и велѣно имъ оставаться въ городѣ до рѣшенія дѣла.

Во Псковѣ псковичи тотчасъ же узнали, что сдѣлалось съ ихъ братіею въ Новгородѣ. Псковскóй купецъ Филиппъ

Digitized by Google

Поповичъ на Крещеніе ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ и, доѣзжая до Веряжи, услышалъ о задержаніи псковичей, оставилъ свой товаръ на мѣстѣ и погналъ назадъ порожнемъ. Достигши Пскова, онъ кричалъ по улицамъ:—«Князь великій переловилъ нашихъ въ Новгородѣ!» Тогда, —говоритъ лѣтописецъ,—напалъ на весь Псковъ страхъ и трепетъ, и печаль: и горла у псковичей пересохли, и уста слѣпились; много разъ нѣмцы подходили къ городу, а такой скорби не было, какъ въ то время. Зазвонили на вѣче; сбѣжались толпы. Нѣкоторые смѣльчаки кричали: «Ставьте щитъ противъ государя! Запремся въ городѣ!» Но другіе возражали: «Вѣдь наши братья, посадники и бояре, и всѣ луччіе люди у него!» Иные припоминали крестное цѣлованіе, убѣждали, что нельзя поднимать рукъ на своего государя. Среди всеобщаго недоумѣнія и волненія, пріѣзжаетъ Онисимъ Манухинъ съ грамотою отъ задержанныхъ въ Новгородѣ псковичей. Въ грамотѣ своей они извѣщали весь Псковъ, чего государь отъ нихъ потребовалъ. «И мы,—говорили они,—подумавши между собою сколько насъ ни есть здѣсь, посадниковъ и бояръ, и всѣхъ псковичей, дали государю крѣпкое слово за себя и за всю Псковскую Землю; потому что мы, государева отчина, всѣ какъ одинъ человѣкъ до сихъ поръ». Предупреждая, что вслѣдъ затѣмъ пріѣдетъ съ государевымъ требованіемъ дьякъ Третьякъ Далматовъ, они просили согласія всего Пскова въ такихъ словахъ:—«Господа и братія наши! Посадники, и всѣ псковичи, и вся Земля Псковская! Похотите, вмѣстѣ съ нами, государева жалованья и учините его волю;—мы за себя и за васъ дали своими душами крѣпкое слово своему государю, и вы не учините съ нами розни; а если не сотворите государевой воли во всемъ по его хотѣнію, то будетъ вамъ вѣдомо, что государь нашъ съ яростію и съ гнѣвомъ пойдетъ на свою отчину, Псковъ, дѣлать свое дѣло съ великимъ и много-

Digitized by Google

народнымъ воинствомъ, и пошлетъ воеводъ своихъ со многими людьми; и прольется христіанская кровь; и наши головы погибнутъ; и то будетъ на васъ за то, что не захотѣли государева жалованья и не учинили его воли. Государь учинилъ и сроки дьяку Третьяку Далматову въ 10-й день генваря. Господа и братья! сдѣлайте же это великое дѣло и не задержите государева посланника. Потщитеся, пока царевъ гнѣвъ еще не пришелъ съ яростію на Землю. Здравствуйте!»

Псковское вѣче, выслушавъ это посланіе, отправило въ Новгородъ гонца, сотскаго Евстафія, съ такимъ челобитьемъ:

«Весь Псковъ отъ мала до велика бьетъ челомъ тебѣ, государю, чтобы ты, государь нашъ, великій князь Василій Ивановичъ, пожаловалъ свою старинную отчину; а мы, сироты твои, прежде сего и нынѣ отъ тебя не отступали и не противны тебѣ, государь; Богъ воленъ и ты съ своею отчиною и съ нами, твоими людишками».

Псковичи думали этою покорностію смягчить великаго князя; приходила имъ слабая надежда, авось онъ смилуется, сжалится, увидитъ, что Псковъ не думаетъ противиться; всему покоренъ, что государь прикажетъ. И государь, можетъ быть, сдѣлаетъ угодное своей отчинѣ: оставитъ во Псковѣ старинный порядокъ.

Наконецъ, пріѣхалъ дьякъ Третьякъ Далматовъ. 12-го января въ субботу зазвонили на вѣче. Передъ тѣмъ дьякъ сказалъ, что государь хочетъ оставить ихъ въ старинѣ, и у псковичей отлегло на сердцѣ; они приходили съ радостію на вѣче, думая, что, наконецъ, покорность смягчила великаго князя, что государю хотѣлось только испытать своихъ псковичей. Дьякъ взошелъ на ступени возвышеннаго мѣста, стоявшаго на вѣчѣ, и сказалъ ласково:

«Поклонъ всему Пскову отъ великаго князя. Велитъ вамъ великій князь сказать: если вы, отчина моя, посад-

Digitized by Google

ники и всѣ псковичи, хотите прожить въ старинѣ, то учините мои двѣ воли: чтобъ у васъ вѣчья не было и вы бы колоколъ вѣчевой сняли; да чтобъ въ городѣ были два намѣстника и на пригородахъ намѣстники. Тогда вы въ старинѣ проживете. А только тѣхъ двухъ воль вы не сотворите, то будетъ съ вами, какъ государю Богъ на сердце положитъ; есть у него много силы готовой; и станется кровопролитіе надъ тѣмъ, кто не сотворитъ государевой воли. Государь нашъ князь великій хочетъ побывать на поклонѣ къ святой Троицѣ во Псковъ».

Сказавши эту рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени возвышеннаго мѣста, съ котораго говорилъ ее.

Псковичи потупили головы и долго не могли дать отвѣта; они услышали то, чего не ждали: Третьякъ, пріѣхавши, увѣрялъ, что великій князь передумалъ и хочетъ оставить Псковъ по старинѣ. Вся толпа стояла въ изумленіи; потомъ начались вопли. «Не плакалъ тогда,—говоритъ лѣтописецъ—развѣ грудной младенецъ при сосцахъ матернихъ!» Третьякъ съ приказнымъ хладнокровіемъ ожидалъ отвѣта. Наконецъ, нѣкоторые смышленые отозвались:—«Посолъ государевъ! подожди до утра; мы себѣ подумаемъ и потомъ тебѣ все скажемъ».

Дьякъ отвѣчалъ, что онъ ждетъ утромъ отвѣта.

На утро 13-го января, въ воскресенье, на разсвѣтѣ, зазвонили въ вѣчевой колоколъ и уже въ послѣдній разъ! Третьякъ взошелъ на вѣче.

Тогда посадникъ отъ имени всѣхъ псковичей, стоявшихъ съ потупленными головами, сказалъ:

«Посолъ государевъ! у насъ въ лѣтописцахъ записано такъ: съ прадѣдомъ и дѣдомъ и отцомъ великаго князя и со всѣми великими князьями было у насъ положено крестное цѣлованіе: намъ, псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто будетъ въ Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ, а намъ жить по старинѣ въ

Digitized by Google

доброй воли. А если мы, псковичи, отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или къ Нѣмцамъ, или сами собою станемъ жить, безъ государя, то падетъ на насъ гнѣвъ Божій, гладъ, огонь, потопъ и нашествіе невѣрныхъ; а если государь нашъ великій князь этого же крестнаго цѣлованія не станетъ хранить и насъ не будетъ держать въ старинѣ, то и на него тотъ же обѣтъ, который на насъ. Теперь Богъ и государь воленъ въ своей отчинѣ, надъ городомъ Псковомъ и надъ нашимъ колоколомъ: мы прежняго крестнаго цѣлованія не хотимъ измѣнять и навлекать на себя кровопролитія; мы не поднимемъ рукъ на своего государя и не станемъ запираться въ городѣ; если государь нашъ хочетъ помолиться Живоначальной Троицѣ и побывать въ своей вотчинѣ,—мы рады всѣмъ сердцемъ и тому, что не погубилъ насъ до конца!».

На эту рѣчь не могъ отвѣчать Третьякъ Далматовъ и приказалъ спустить вѣчевой колоколъ, висѣвшій на башнѣ стѣны, близъ Живоначальной Троицы. Колоколъ сняли. Всѣ псковичи горько плакали по своей волѣ. «Какъ зѣницы не упали со слезами! Какъ сердце не урвалось отъ горести!—восклицаетъ лѣтописецъ. Колоколъ повезли на Снѣтогорское подворье и оттуда отправили въ Новгородъ къ государю. За нимъ поѣхалъ дьякъ, и 15-го января докладывалъ государю объ успѣхѣ своего дѣла.

Великій князь отправилъ впередъ партію бояръ для приведенія всѣхъ псковичей ко крестному цѣлованію, а за нею самъ двинулся во Псковъ, по обѣщанію, данному псковичамъ, поклониться Живоначальной Троицѣ и учинить управу. Псковичи были безропотны и не показали ни малѣйшей охоты сопротивляться; но великій князь шелъ посѣтить городъ съ вооруженною силою, какъ на войну. Самъ онъ шелъ по одной прямой отъ Новгорода дорогѣ; по другимъ двумъ дорогамъ, вправо и влѣво, слѣдовали тѣ ратныя силы, которыми предводительствовалъ

Digitized by Google

великій князь; другіе полки шли съ воеводами. Можетъ быть великій князь не довѣрялъ такому кроткому послушанію и подозрѣвалъ, что псковичи могутъ одуматься и начнутъ защищаться. Между тѣмъ посланы были передовые во Псковъ, съ приказаніемъ, чтобы приготовили для великаго князя дворъ; чтобы всѣ хозяева отдали свои дома въ Среднемъ городѣ государевымъ боярамъ и людямъ, а сами бы перебрались въ Большой городъ. Псковичи оставались себѣ вѣрны. Какъ только великій князь переступилъ рубежъ Новгородской Земли и пріѣхалъ въ Загряжье, первое псковское селеніе, бывшіе посадники и бояре встрѣчали его съ поклономъ. На другой день духовенство хотѣло встрѣчать его за городомъ, но пріѣхалъ коломенскій владыка и сказалъ, что государь не велитъ духовнымъ выходить за городъ на встрѣчу. Священники съ владыкою во всемъ облаченіи, съ крестами и хоругвями стали въ городѣ на Торгу; народъ выходилъ за городъ. За двѣ версты отъ Пскова толпы встрѣтили Василія и поклонились ему до земли.

Великій князь ѣхалъ верхомъ; онъ спросилъ ихъ о здоровьѣ.

— «Ты бы, государь нашъ, князь великій, здоровъ былъ»! крикнули псковичи.

Сопровождаемый народомъ, въѣхалъ великій князь въ городъ прямо на Торгъ, къ тому мѣсту, гдѣ стояло духовенство и слѣзъ съ коня. Первенствующими лицами между духовенствомъ были москвичи—коломенскій епископъ и симоновскій архимандритъ. Великій князь поклонился святынѣ и вошелъ въ ворота Дѣтинца прямо къ Живоначальной Троицѣ.

Отслужили молебенъ и пропѣли многолѣтіе великому князю. Москвичъ-владыка, знаменуя великаго князя крестомъ, воскликнулъ:

«Богъ тебя благословляетъ, Псковъ вземши!».

Digitized by Google

Псковичи оскорбились за невниманіе къ ихъ покорности и сказали со слезами:

— «Богъ воленъ, да государь; а мы изстари были отчина отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ вашихъ!».

Прошло два дня. Великій князь обѣдалъ и бесѣдовалъ съ своими духовными и съ своими боярами, да воеводами. Псковичей не звали и не обращались къ нимъ. Но въ воскресенье, 27-го января, утромъ, кликали государевы люди кличъ по городу, чтобъ всѣ псковичи: и лучшіе, и середніе, и молодшіе люди, всѣ шли на дворъ къ великому князю слушать его управу. Когда народъ сошелся къ назначенному мѣсту по приказанію, бояре сказали, что псковскіе посадники, бояре, купцы и знатные люди должны идти въ большую гридню и тамъ слушать, что̀ имъ скажутъ, а остальной весь народъ пусть стоитъ на дворѣ. Государь сидѣлъ съ боярами въ другой избѣ, называемой середней. Оттуда онъ поручилъ нѣсколькимъ боярамъ [1]) передать свою волю лучшимъ людямъ, собравшимся въ большой гриднѣ, а другимъ боярамъ приказалъ говорить народу, стоявшему на дворѣ. Бояре, появившись въ гриднѣ, произнесли такую рѣчь лучшимъ людямъ псковичамъ:

«Государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всея Русіи и великій князь, велѣлъ вамъ говорить: какъ прежде я пожаловалъ васъ, мою отчину, Псковъ, такъ и теперь жалую, не вступаюсь въ имущества и достоянія ваши, и впередъ хочу жаловать васъ; но здѣсь въ нашей отчинѣ, во Псковѣ, быть вамъ не пригоже, для того, что прежде были многія жалобы на ваши неправды, безпорядки, обиды и оскорбленія и разоренія людямъ: я васъ жалую

---

[1]) Именно: князю Александру Владимировичу, Григорію Ѳедоровичу, стольнику Ив. Андреевичу, окольничему князя Петру Великому, казначею Дмитрію Владимировичу и дьяку Третьяку Далматову. Мисюрѣ Мунехину, Ивану Телешеву, Лукѣ Семенову....

Digitized by Google

нынѣ своимъ жалованьемъ въ Московской Землѣ; и вамъ теперь же ѣхать въ Москву, съ женами и дѣтьми!».

Псковичи отвѣчали:

«Прародителямъ его, государямъ, и ему, государю, мы всегда были неизмѣнны и неотступны до сихъ поръ; и нынѣ мы положились на Бога и на своего государя и царя во всей его волѣ; какъ онъ хочетъ, такъ насъ и пожалуетъ! Вѣдаютъ Богъ, да государь!».

Другіе бояре, которые были высланы къ простому народу, стоявшему на дворѣ, говорили:

«Тѣмъ псковичамъ, что̀ отобраны въ избѣ, я, великій князь, не велю быть во Псковѣ, а посылаю ихъ въ Московскую Землю; это дѣлается потому, что я жалую васъ, свою отчину, Псковъ, для того, что прежде на нихъ бивали челомъ мелкіе люди, псковичи: что отъ нихъ чинятся насилія и обиды; а васъ, какъ я пожаловалъ уже свою отчину, Псковъ, такъ и впередъ тѣмъ же хочу жаловать; развода не бойтесь; только тѣхъ посадниковъ и псковичей, что въ избѣ отобраны, велѣлъ я вывести; но и тѣхъ въ Московской Землѣ я пожалую своимъ жалованьемъ, какъ будетъ пригоже; а вы живите въ нашей отчинѣ, Псковѣ, и слушайтесь тѣхъ бояръ и псковскихъ намѣстниковъ, которыхъ я пожалую намѣстничествомъ въ своей отчинѣ».

Простой народъ плакалъ; раздался такой отвѣтъ:

«Мы челомъ бьемъ за его жалованье и рады слушать во всемъ государева намѣстника!».

Простой народъ разошелся по домамъ съ унылыми лицами. Тѣ, которые собрались въ гриднѣ, уже не увидали своихъ домовъ. Когда сообщили великому князю отвѣтъ ихъ, явились по его приказанію къ нимъ въ избу дьяки и дѣти боярскіе; первые сдѣлали имъ перепись и отдали послѣднимъ; дѣти боярскіе имѣли порученіе везти ихъ въ Москву каждаго по росписи, кому кого назначено. Ихъ

Digitized by Google

женамъ и дѣтямъ велѣно сбираться и быть готовыми на другой же день. Такимъ образомъ они могли взять только самое необходимое, и должны были покинуть въ прежнемъ отечествѣ не только дворы и домы, лишившись на нихъ права, но и большую часть движимаго имущества. 28-го января все уже было готово. Триста семействъ потянулись на саняхъ къ московской дорогѣ, подъ стражею, въ сопровожденіи вооруженныхъ дѣтей боярскихъ. Съ ними отправлены были также жены и дѣти тѣхъ псковичей, которыхъ задержали въ Новгородѣ. Князь Михайло Даниловичъ Щенятевъ начальствовалъ этимъ поѣздомъ.

И остальныхъ псковичей не оставили безъ передвиженія; хотя ихъ не выслали тогда въ Московщину, но великій князь не велѣлъ жить ни одному изъ нихъ ни въ Кромѣ, ни въ Середнемъ городѣ, и велѣлъ всѣхъ вывести въ Застѣнье, въ Большой городъ. Великій князь прожилъ во Псковѣ мѣсяцъ и установилъ въ немъ московскую управу. Онъ поручилъ управленіе Пскова и Псковской Земли двумъ намѣстникамъ [1]) и при нихъ двумъ дьякамъ, опредѣлилъ воеводъ, начальствующихъ военною силою, городничихъ, которые надзирали за городскими укрѣпленіями, устроилъ во Псковѣ тысячу московскихъ дѣтей боярскихъ, пищальниковъ и воротниковъ, а сверхъ того пять сотъ новгородскихъ (т.-е. москвичей же, но переведенныхъ прежде въ Новгородъ) пищальниковъ. Судъ производился намѣстниками и ихъ тіунами, т.-е. довѣренными, а дѣлопроизводство лежало на дьякахъ; какъ охранители правды, поставлены были двѣнадцать человѣкъ москвичей и двѣ-

[1]) А на отчинѣ своей пожаловалъ князь великій намѣстничествомъ боярина своего князя Григорія Ѳедоровича Морозова, да конюшаго своего Ивана Ондреевича Челяднина, да въ Псковѣ же велѣлъ быть дьяку Мисюрѣ Мунехину вѣдать приказныя дѣла, а въ ямскихъ дѣлѣхъ велѣлъ быти Ондрею Никифорову, сыну Волосатаго, писати ему полные данные грамоты и докладные.

Digitized by Google

надцать псковичей, которые должны были сидѣть въ Судѣ [1]).

До тѣхъ поръ во Псковѣ была вольная торговля и таможенныхъ пошлинъ не существовало; теперь великій князь приказалъ прибыть изъ Москвы гостямъ и дождался ихъ во Псковѣ; эти купцы (гости), москвичи, установили тамгу по оцѣнкѣ торговыхъ предметовъ, какъ было въ Москвѣ. Во всѣ десять псковскихъ пригородовъ посланы были намѣстники изъ Московщины съ москвичами. Чтобы смѣшать народонаселеніе, намѣсто выведенныхъ изъ Середняго города, по приказанію великаго князя, пріѣхало множество семей изъ Московщины. Такимъ образомъ, паденіе свободы Пскова было тяжко не только для псковичей, но и для москвичей, которые должны были, по приказанію государя, оставлять свои жилища и ѣхать въ чужую сторону. Деревни и земли псковскихъ бояръ розданы московскимъ боярамъ, чтобъ во Псковской Землѣ пресѣчь историческую непрерывность со стариною. Для истребленія вѣчевыхъ воспоминаній, великій князь приказалъ перевести торгъ отъ Довмонтовой стѣны, гдѣ онъ былъ прежде, за Середній городъ, противъ Лужскихъ воротъ [2]); въ заключеніе, чтобъ оставить потомству память объ уничтоженіи вольности въ Псковѣ, заложилъ онъ церковь во имя св. Ксеніи, [3]) потому что въ день, посвященный этой святой (24 января), онъ вошелъ во Псковъ. На второй недѣлѣ поста, въ понедѣльникъ, выѣхалъ онъ изъ Пскова, съ великою побѣдою, безъ крови, — по выраженію псковскаго лѣтописца.

---

[1]) Пск. Л. I, 287—288.

[2]) Противу Лужскихъ воротъ за рвомъ, на Юшковѣ огородѣ Носохина, да на Григорьевѣ посадниковѣ садникѣ Кротова.

[3]) На Пустой улицѣ въ Ермолкинѣ садникѣ Хлѣбниковѣ, а потому та улица Пустая слыла, что межъ огородовъ, а дворовъ на ней не было.

Digitized by Google

Управленіе и судъ оставленныхъ во Псковѣ москвичей казались невыносимы для псковичей. На судъ смотрѣли судьи только какъ на доходную статью и не разбирали средствъ увеличивать свои доходы. Подстрекали ябедниковъ подавать челобитныя на богатыхъ псковичей; призывали послѣднихъ къ суду, брали съ нихъ взятки и посулы, и разоряли. Такимъ образомъ, добро, нажитое торговлею и промыслами въ прежнія времена независимости, теперь переходило въ руки московскихъ дьяковъ. Государь оставилъ имъ свою уставную грамоту; но по этой грамотѣ никто изъ судей не думалъ поступать. Вообще какъ правители, такъ и служилые обращались съ псковичами какъ съ безгласными невольниками; когда псковича отдавали по суду на поруки, то брали съ него болѣе, чѣмъ сколько было указано въ уставной грамотѣ; псковичъ жаловался, — за то псковича били, а иногда убивали до смерти. Все сходило съ рукъ москвичамъ. На обиду отъ москвича негдѣ было псковичу найти управы; на судѣ москвичъ всегда будетъ оправданъ, а псковича оберутъ, да еще и накажутъ. У московскихъ судей,—говоритъ лѣтописецъ, — правда улетала на небо, а кривда одна оставалась на судѣ [1]). Чего не додѣлалъ Василій, чтобъ судьба Пскова была похожа на судьбу Новгорода при Иванѣ Васильичѣ, то доканчивали его намѣстники и дьяки. Псковичи, спасаясь отъ оскорбленій, бросали свои домы и имущества и убѣгали въ чужія земли. Многіе ушли въ монастыри и постриглись. Въ одинъ годъ большая часть дворовъ опустѣла. Прежде во Псковѣ проживало много инородцевъ; теперь не осталось ни одного! Торговля и промышленность упали и подъ покровительствомъ московскихъ начальниковъ перешли исключительно въ руки поселенцевъ москвичей. Только эти переселенцы казались

[1]) Пск. Л. I, 287.

Digitized by Google

нѣсколько зажиточными. Оставшіеся во Псковѣ прежніе жители пришли въ нищету и скоро подъ гнетомъ нужды и московскаго порядка по-неволѣ забыли старину свою и сдѣлались холопами. Уже современникъ этихъ роковыхъ событій, Герберштейнъ, замѣтилъ, что прежніе гуманные и общительные нравы псковичей стали замѣняться испорченными, московскими. Исчезла прежняя искренность, добродушіе, простота, чѣмъ отличались псковичи, когда въ торговыхъ сдѣлкахъ своихъ не прибѣгали къ многословію съ цѣлію надуть покупателя, а достаточно было одного слова псковича для объясненія дѣла [1]). Нельзя бороться съ исторіей. «Некуда было дѣться,—говоритъ лѣтописецъ [2]), —земля подъ нами не разступится, а вверхъ не взлетѣть!» [3]).

---

[1]) Unde factum, ut pro cultioribus atque adeo humanioribus Plescoviencium moribus corruptiores in omnibus fere rebus Moscoviensium mores sint introducti. Tanta enim in contractibus Ploscoviensium erat integritas, candor et simplicitas, ut omni verbositate in fraudem emptoris omissa, uno tantum ve bo res ipsas indicarent (Herberst. edit Starczewski. 52).

[2]) Псков. Л. I, 288.

[3]) Вотъ какую краснорѣчивую и полную глубокаго смысла панихиду по свободному Пскову отправила мѣстная лѣтопись:

„О славнѣйшій граде Псковѣ великій! Почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: „како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо на мя многокрылный орелъ исполнь крылѣ львовыхъ ногтей и взятъ отъ мене три кедра Ливанова, и красоту мою и богатество и чада моя восхити; Богу попустившу за грѣхи наша, и землю пусту сотвориша и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметаша, а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры наша въ поруганіе даша. А иные во градѣ мнози постригахуся въ черньцы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града во иные грады. Нынѣ же се,

Digitized by Google

братіе, видяще, убоимся прещенія сего страшнаго, припадемъ ко Господу своему, исповѣдающеся грѣховъ своихъ, да не внидемъ въ болшій гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни горши первой; а еще ждетъ нашего покаянія и обращенія; а мы не покаяхомся, но на болшій грѣхъ превратихомся, на злыя поклепы и лихія дѣла и у вѣчьи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хощемъ: сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны (Псковск. Л. I, 287).

Подробности о паденіи Пскова взяты, между прочимъ, изъ неизданнаго повѣствованія, хранящагося въ рукописи Румянцовскаго Музея.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

БОРЬБА СЪ ТЕВТОНСКИМЪ ПЛЕМЕНЕМЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

БОРЬБА СЪ ТЕВТОНСКИМЪ ПЛЕМЕНЕМЪ.

По географическому положенію и по теченію историческихъ обстоятельствъ, новгородскія и псковскія земли подвергались непрерывному ряду столкновеній съ нѣмецкимъ племенемъ. Новгороду и Пскову суждено было отстаивать на сѣверѣ славянскій міръ отъ властолюбивыхъ вѣковыхъ покушеній. Въ то время какъ ганзейскій торговый союзъ успѣлъ обратить торговую дѣятельность Новгорода исключительно въ свою пользу, съ одной стороны шведы, съ другой—ливонскіе рыцари покушались оружіемъ лишить русскую стихію самобытности. Борьба съ нѣмецкимъ племенемъ какъ будто завѣщана была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака доисторическихъ временъ на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ. Въ IX вѣкѣ, какъ мы видѣли, Новгородъ подпалъ подъ власть шведовъ: чуждое завоеваніе пробудило спящія силы сѣверныхъ народовъ. Изгнавши пришельцевъ, эти народы почувствовали необходимость сплотиться тѣснѣе; положено было начало государственному тѣлу, долженствовавшему современемъ достигнуть огромнаго размѣра. Но чрезъ это скандинавы не перестали налегать на Новгородъ. Олегъ установилъ между Новгородомъ и ими компромиссъ: новгородцы откупались отъ ихъ покушеній на свою независимость платежемъ

Digitized by Google

каждогодной дани. Князья въ своихъ междоусобіяхъ призывали ихъ сами. Владимиръ съ помощью скандинавскихъ варяговъ побѣдилъ Ярополка. Его бѣгство за море показываетъ, что онъ не надѣялся на самихъ новгородцевъ; и дѣйствительно, едва только онъ убѣжалъ, какъ соперникъ его и братъ безпрепятственно посадилъ своихъ посадниковъ въ Новгородѣ. Не можетъ быть, чтобъ шведы, помогавшіе Владимиру, тогда же не дали знать себя новгородцамъ. Дѣйствительно, князь русскій покупалъ свою власть на счетъ порабощенія народа. Это видно изъ того, какъ варяги смотрѣли на ту помощь, какую оказывали Владимиру. Когда съ варягами онъ завоевалъ Кіевъ, его союзники говорили: «это нашъ городъ, мы его взяли; мы хотимъ взять на его жителяхъ окупъ по двѣ гривны съ человѣка». Успѣвъ отправить часть ихъ въ Грецію, Владиміръ иначе, однако, не могъ отъ нихъ отвязаться, какъ только давши важнѣйшимъ изъ нихъ лицамъ грады для управленія. Эти черты ясно показываютъ, что норманны, вмѣшиваясь въ междоусобія русскаго міра, пускали въ него свои корни. Хотя въ Новгородѣ посадникомъ поставленъ былъ не пришлецъ, а дядя Владимира, Добрыня, однако, преданіе о томъ, что Новгородъ продолжалъ платить и при Владимирѣ, ради мира, 300 гривенъ варягамъ, показываетъ, что этотъ край не могъ освободиться совершенно отъ вліянія этихъ чужеземцевъ. Яснѣе видимъ мы слѣды этого тяготѣнія норманства на жизнь Новгорода во время Ярослава. Видно, что норманны служили этому князю наемнымъ войскомъ, поддерживали его власть противъ покушеній древней свободы прорваться наружу. Новгородъ былъ обложенъ даньми; его мірская свобода была въ это время подавлена. Оружіемъ для князя служили норманны. Въ 1015 году произошло противъ нихъ возстаніе. Лѣтописецъ говоритъ, что варяговъ было много у Ярослава; они готовились идти на Владимира, а между тѣмъ, распо-

Digitized by Google

ложившись въ Новгородѣ, смотрѣли на жителей, какъ на порабощенныхъ себѣ—творили насилія новгородцамъ и ихъ женамъ. Тогда новгородцы составили заговоръ и перебили пришельцевъ. Какъ Ярославъ мстилъ за убитыхъ, какъ потомъ помирился съ новгородцами, — разсказано было прежде. Это столкновеніе съ варягами-норманнами было на этотъ разъ послѣднимъ. Ярославъ усѣлся въ Кіевѣ, возвратилъ Новгороду его древнюю свободу: съ тѣхъ поръ Новгородъ пересталъ платить и свою заморскую дань, установленную Олегомъ. Скандинавы начали терять свои силы во внутреннихъ междоусобіяхъ и выпустили изъ рукъ сѣверно-русскій край. Только Ладога была отдана Ярославомъ въ пожизненное владѣніе ярлу Рагнвальду, какъ вѣно за шведскую княжну Ингигерду, на которой Ярославъ женился. Быть можетъ, эта отдача Ладоги и была замѣною тѣхъ трехъ сотъ гривенъ, которыя платили новгородцы. Впослѣдствіи и Ладога возвращена была Новгороду, какъ его пригородъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что внутреннія раздоры въ Швеціи отвлекли ея удальцовъ отъ варяжства и отъ русскаго міра, Новгородъ, между тѣмъ, окрѣпъ самъ и въ XII-мъ вѣкѣ подчинилъ себѣ южную Финляндію. Это повлекло его снова въ непріязненныя столкновенія со шведами. Въ 1143 году, южные финны, выбиваясь отъ покушеній Новгорода на власть надъ ними,—нашли себѣ союзниковъ въ шведахъ, распространявшихъ тогда христіанство въ Финляндіи. Сначала Емь напала на Ладожскій край; ладожане отбили это нападеніе; затѣмъ явился шведскій король съ епископомъ въ шестидесяти ладьяхъ. Этотъ походъ имъ не удался; они только напали на новгородскихъ гостей, плывшихъ изъ южнаго Варяжья. Въ 1164 г. шведская флотилія подступила снова подъ Ладогу; и это покушеніе тоже не удалось и окончилось въ пользу русскихъ. Ладожане храбро выдержали нападеніе, а между тѣмъ, дали

Digitized by Google

знать новгородцамъ. Послѣдніе съ своимъ княземъ Святославомъ напали неожиданно на шведовъ и разбили ихъ на-голову, такъ-что изъ 55-ти шнекъ успѣло уйти только двѣнадцать, и изъ тѣхъ многія убѣжали съ пробоинами; остальныхъ сорокъ три шнеки были взяты; кромѣ попавшихся въ плѣнъ, много шведовъ погибло въ битвѣ [1]).

Но это были сами по себѣ незначительные предвѣстники гораздо важнѣйшей борьбы съ нѣмецкимъ племенемъ; ей приходилось разыграться тогда, какъ тевтонскіе рыцари, въ началѣ XIII вѣка, поселились въ Ливоніи, и систематически начали крестить и истреблять чудскія и литовскія племена. Еще въ половинѣ XII вѣка бременскіе купцы основали первое поселеніе на устьѣ Двины и съ тѣхъ поръ мало-по-малу на западѣ стали обращать вниманіе на Остзейскій край. По предложенію бременскаго архіепископа, папа Александръ III назначилъ туда миссіонеромъ Мейнгарда, провозглашеннаго первымъ мѣстнымъ епископомъ. Онъ успѣшно выпросилъ право поселенія нѣмцамъ у полоцкаго князя, считавшаго себя верховнымъ правителемъ береговъ Двины. Но Чудь уже съ перваго раза встрѣтила негостепріимно пришельцевъ. Епископъ Альбертъ основалъ Ригу и увидѣлъ, что этотъ народъ невозможно просвѣтить свѣтомъ евангелія безъ военной силы, и по его ходатайству учрежденъ былъ папою, въ 1202 году, Орденъ рыцарей Меча, вѣтвь Тевтонскаго Ордена. Онъ состоялъ изъ нѣмцевъ;—его цѣль была распространеніе вѣры и, вмѣстѣ съ нею, нѣмецкой народности. Пришельцы неизбѣжно должны были столкнуться съ русскими. Часть чудскихъ народовъ была уже подвластна Новгороду; Летигола (Латыши) по Двинѣ признавала надъ собою господство Полоцка. Въ Латышской Землѣ сидѣли русскіе князьки, подъ верховною властью полоцкаго князя. Нѣмцы обманули

[1]) Новг. Л. I, 13.

Digitized by Google

тогдашняго полоцкаго князя, по имени Владимира; по ихъ просьбѣ онъ дозволилъ имъ безпрепятственно основаться въ Ливоніи и проповѣдывать вѣру, но они вскорѣ же показали, что вѣра у нихъ — предлогъ, а подъ этимъ предлогомъ скрываются властолюбивыя намѣренія. Проповѣдь пошла путемъ насилія и порабощенія. Ливы возстали на защиту отечества. Владимиръ полоцкій въ 1207 году принялъ ихъ сторону и осадилъ Ригу, но долженъ былъ снять осаду, когда русскіе узнали, что къ нѣмцамъ прибываетъ на помощь морская сила датчанъ. Вслѣдъ за тѣмъ два князя, удѣльно правившіе въ Латышской Землѣ, потеряли свои владѣнія. Первый былъ въ Кукеноисѣ, Вячко, данникъ полоцкаго князя: предательски схваченный нѣмцами, онъ долженъ былъ признать надъ собою верховную власть епископа, а потомъ покусился освободиться отъ зависимости, но былъ остановленъ нѣмцами, въ отчаяніи сжегъ свой городъ и убѣжалъ. Другой, Всеволодъ, кажется, братъ Вячка, основался въ городѣ, называемомъ у нѣмецкихъ историковъ Герсеке (вѣроятно Городище). Женатый на литовской княжнѣ, онъ сдѣлался открытымъ сторонникомъ непокорныхъ язычниковъ и сталъ на челѣ ихъ. «Это былъ заклятый врагъ латинской вѣры и христіанства», говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ современникъ [1]). Начальствуя литовцами, онъ сдѣлался тогда страшилищемъ не только для нѣмцевъ, но и для латышей, даже для самихъ русскихъ,—никого не щадилъ воюючи. Въ 1209 году епископъ Альбертъ, собравши все войско и вооруживъ латышей, взялъ мѣстопребываніе этого князя; въ плѣнъ попалась жена его — литовская княжна. Тогда Всеволодъ притворно просилъ мира. Епископъ согласился отдать ему княгиню, если онъ присягнетъ не дѣлать болѣе вреда Церкви латинской, отдастъ все княжество въ лену

[1]) Henr. XIII, 135.

Digitized by Google

церкви св. Маріи, получитъ его обратно уже какъ вассальное владѣніе отъ епископа и станетъ вѣрнымъ слугою нѣмцевъ. Всеволодъ согласился и присягнулъ въ Ригѣ. Епископъ Альбертъ далъ ему грамоту, которою утверждалъ его права на владѣніе [1]). Эти мѣры, разумѣется, могли только болѣе раздражать русскихъ и приготовлять въ будущности усиленіе вражды ихъ съ нѣмцами. Нѣмцы, между тѣмъ, расправляясь уже съ мелкими князьями, чувствовали, что еще не окрѣпли до того, чтобы такъ же расправиться съ полоцкимъ княземъ и держались съ нимъ миролюбивой политики. Въ 1210 году епископъ заключилъ съ нимъ союзъ, по которому обѣщалъ платить извѣстную дань полоцкому князю, а полоцкій князь, довольный этимъ, позволилъ свободно распространять латинское христіанство въ Ливоніи [2]).

Послѣ того, какъ пришельцы столкнулись съ Полоцкомъ, послѣдовало столкновеніе и съ Великимъ Новгородомъ. Ливонскій край, называемый Угеноисъ—страна, прилегавшая къ Чудскому озеру, гдѣ находился Юрьевъ (Дерптъ), издавна считалась подвластною Новгороду; но туземцы много разъ пытались освободиться отъ этой зависимости. Когда нѣмцы стали энергичнѣе совершать свое дѣло крещенія Чуди въ латинскую вѣру, новгородцы, какъ видно, до того времени мало обращавшіе вниманія на апостольство, теперь съ княземъ своимъ Мстиславомъ Удалымъ явились въ Угеноисъ съ требованіемъ не только дани, но и крещенія. Мстиславъ осадилъ Медвѣжью-Голову (Оденпе), тогдашній главный пунктъ національной защиты у Ливовъ. Стѣсненные впродолженіи восьми дней, ливы сдались, заплатили новгородцамъ 40 гривенъ и дали обѣщаніе креститься. Новгородъ обѣщалъ прислать своихъ свя-

---

[1]) Bunge, Band Heft. I, 20.

[2]) Henr. 148.

Digitized by Google

щенниковъ [1]). Вмѣстѣ съ новгородцами за одно дѣйствовали и псковичи, съ княземъ своимъ Владимиромъ. Новгородцы совершенно удовольствовались такою покорностью, какую оказали имъ ливы въ Оденпе и по прежнему своему обычаю не установляли никакого своего управленія въ инородномъ краѣ; какъ въ томъ же году явились подъ Оденпе нѣмцы, завоевали городъ, разграбили и стали крестить въ латинство край, который новгородцы признавали давно уже своимъ и гдѣ недавно готовились распространять православіе. Вслѣдъ затѣмъ нѣмцы начали крестовый походъ по всей Ливоніи и, опустошая города и села, заставляли креститься и сожигали жилища тѣхъ, которые отказывались. Новгородъ, оскорбленный поступкомъ въ Оденпе, отправилъ въ Чудскую страну пятнадцать тысячъ новгородцевъ и псковичей подъ начальствомъ князя Всеволода Борисовича, того самаго, который недавно такъ неудачно раздѣлывался съ нѣмцами въ Герсекѣ; съ ними были торопчане съ княземъ своимъ Давидомъ, братомъ Владимира псковского. Мстиславъ Удалой прошелъ провинціи Вагію, Герву, потомъ вступилъ въ край, называемый по-русски Чудь-Ерева, а у нѣмецкихъ писателей Jerven. Нѣмцы не встрѣчались ему. Онъ вошелъ въ Гаррію, лежащую по берегу моря, въ Эстляндіи, около нынѣшняго Ревеля. Нѣмцы, услышавъ, что русскіе идутъ противъ нихъ, ушли въ Ригу. Мстиславъ осадилъ чудскую крѣпость, называемую у Генриха Варболе [2]) а у новгородскаго лѣтописца Воробіинъ (переводъ Варболе) [3]). Туземцы поклонились и обѣщались давать дань. Много плѣнниковъ привели съ собою побѣдители. Тѣмъ и кончился тогда походъ новгородцевъ въ 1214 году. Но ободренные приходомъ новгородцевъ въ Ливонію,

[1]) Henr. 138.
[2]) Henr. 162.
[3]) Новг. Л. I, 32.

Digitized by Google

ливы и эсты подняли сильное возстаніе противъ нѣмцевъ и перебили нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Это событіе вѣроятно способствовало усиленію взаимной непріязни русскихъ и нѣмцевъ. Владимиръ, псковскій князь, отдалъ сестру за Теодориха, брата епископа Альберта. За это псковичи его выгнали. Онъ убѣжалъ въ Ливонію, получилъ въ управленіе фогство въ Латышской Землѣ и способствовалъ нѣмцамъ къ покоренію туземцевъ [1]). Ливы и эсты были между двухъ огней; они не терпѣли ни русскихъ, ни нѣмцевъ; первые правда не крестили ихъ [2]), за то обирали; вторые принуждали поклоняться кресту, угрожая огнемъ и мечомъ, въ случаѣ непокорства. Туземцы не въ силахъ были сами сладить съ иноплеменниками, не знали куда пристать, искали помощи то у тѣхъ, то у другихъ, то противъ того, то противъ другого; разумѣется, черезъ это они содѣйствовали собственной гибели.

Стѣсненные пришельцами, туземцы вопили о помощи и защитѣ къ слабому полоцкому князю. Владимиръ какъ-бы очнулся. «Ливонцы мои подданные,—говорилъ онъ:—въ моей власти ихъ крестить и оставить некрещенными». Альбертъ предложилъ полоцкому князю свиданіе. Владимиръ псковскій вызвался быть посредникомъ. Какъ ни объяснялъ епископъ силу словесъ Христовыхъ: «идите, научайте вся языцы, крестяще ихъ», какъ ни льстилъ полоцкому князю, увѣряя, что нѣмцы повелѣваютъ туземцамъ воздавать кесарево кесареви, т.-е. давать дань полоцкому князю, однако не уговорилъ Владимира. Тотъ потребовалъ, чтобы нѣмцы

---

[1]) Scilicet urbem Antinam Zeessowe et alias ad fidem conversas deinde praestito nobis hominio et fidei sacramento praedictam urbem cum terra et bonis attinentibus a manu nostra solempniter cum tribus vexillis in beneficio recepit (Henr. 165. 176).

[2]) Est enim consuetudo Regum Ruthenorum quamcumque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subjicere sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subjugare (Henr. 166).

Digitized by Google

перестали насильно крестить туземцевъ. Вѣроятно, на этотъ разъ полоцкаго князя подстрекали русскіе духовные, которымъ было завидно видѣть успѣхъ проповѣдниковъ латинства. Владимиръ кликнулъ кличъ къ язычникамъ. Рыцари пошли противъ нихъ; но Владимиръ псковскій, все-еще вѣрный союзникъ пришельцевъ, уладилъ тутъ дѣло; онъ отправился къ полоцкому князю и убѣдилъ его оставить предпріятіе, представивъ, что этимъ поступкомъ полоцкій князь раздражитъ нѣмцевъ до крайности; а у нихъ сила велика и еще увеличится, и война можетъ имѣть неблагопріятныя для русскихъ послѣдствія. Нѣмецкій лѣтописецъ-современникъ [1]) увѣряетъ, что полоцкій князь не только заключилъ миръ, не только явился къ епископу съ сыновнимъ уваженіемъ, но отказался отъ дани, которую обязаны были нѣмцы платить ему по прежнему договору за уступленное имъ право проповѣдывать въ Ливоніи, да еще обѣщался всегда имъ помогать. Фактъ самъ по себѣ почти невѣроятный и темный, безъ подробностей, которыя отъ насъ укрылись. Но какъ бы то ни было, скоро самъ Владимиръ псковскій, котораго услугамъ приписывается такой неожиданный поворотъ дѣла съ полоцкимъ княземъ, поссорился съ нѣмцами за то, что его упрекали въ несправедливости суда надъ жителями, отданными въ его управленіе: онъ думалъ только о сборѣ своихъ доходовъ, судилъ несправедливо и лицепріятно, помогалъ богатымъ и разорялъ бѣдныхъ. Онъ ушелъ въ Русь со всею семьею и въ 1217 г., когда Мстиславъ Удалый отлучился въ Кіевъ, явился съ новгородцами врагомъ нѣмцевъ. Новгородцы хотѣли отнять Оденпе, попавшееся въ руки нѣмцевъ. Новгородцы удачно завоевали Оденпе. «Тогда,—говоритъ лѣтописецъ,—Владиміръ разослалъ партію псковичей и новгородцевъ грабить и разорять

[1]) Henr. 168.

Digitized by Google

тѣ чудскія селенія, которыя приняли латинство, отпавши отъ православной вѣры, принятой прежде. Послѣдніе призвали въ помощь противъ новгородцевъ рыцарей и когда новгородцы со псковичами и съ посадникомъ своимъ Твердиславомъ были въ полѣ, вдругъ ударили на нихъ нѣмцы. Новгородцы однако не были разбиты: они отняли до 700 коней, убили двухъ воеводъ, третьяго взяли живьемъ и ушли здоровы [1]).

Ободренный этими успѣхами соотечественниковъ, Владимиръ полоцкій опять пробудился. Ливы уже стали склоняться передъ своею судьбою, и многіе волею-неволею, какъ и враги ихъ, латыши, вступали въ ополченіе противъ русскихъ по волѣ нѣмцевъ; но эсты призывали полоцкаго князя освободить ихъ отъ нѣмцевъ, указывая на возможность овладѣть Ригою, а сами вызывались отбивать ливовъ и латышей и запереть дюнаминдскую гавань [2]). Владимиръ призывалъ къ ополченію русскихъ и литовцевъ противъ латинства, но смерть, по сказанію нѣмецкихъ историковъ, поразила его скоропостижно въ ту самую минуту, какъ онъ, готовясь идти въ походъ противъ рыцарей, садился въ лодку. Его войско разсѣялось [3]).

Владимиръ псковской продолжалъ дѣло войны съ нѣмцами и возбуждалъ эстовъ. Съ своей стороны, нѣмцы видѣли противъ себя уже важный заговоръ русскихъ; собирали подати, ополчали туземцевъ; населеніе Ливоніи раздѣлилось: новокрещенцы были за нѣмцевъ, язычники искали освобожденія въ помощи русскихъ. Нѣмцы укрѣпили Оденпе и засѣли въ немъ; а между тѣмъ, въ концѣ 1217 и началѣ 1218 г., шайка туземцевъ, латышей и ливовъ, настроенная нѣмцами, подъ предводительствомъ нѣмецкихъ ватажковъ, пустилась дѣлать пакости по новгородской

[1]) Новг. Л. I, 35. Псков. Л. I, 177.

[2]) Henr. 199.

[3]) Henr. 200.

Digitized by Google

волости. Имъ помогало то, что жители не ожидали бѣды. Пришли святки; поселяне пили — гуляли; а враги наскакивали врасплохъ на веселыя села,—истребляли ихъ; много перебили и народа, и скота, и лошадей; много увели плѣнниковъ, особенно женщинъ [1]). Новгородцы выслали войско; агенты ихъ бѣгали по Эстонской Землѣ, заохочивая туземцевъ къ сверженію нѣмецкаго ига,—призывали собираться въ русское ополченіе. Народное чувство поднялось. Прибывали въ новгородское войско не только язычники изъ Гарріи, Саккалы, острова Эзеля, спѣшившіе сразиться за спасеніе своихъ боговъ, но и христіане православные, и даже принявшіе латинство — съ надеждою прогнать иноплеменниковъ и доставить отечеству независимость. Войско русское простиралось,—по сказанію лѣтописца,—до 20-ти тысячъ. Предводительствовалъ имъ князь Владимиръ. Это ополченіе осадило Оденпе и держало въ осадѣ городъ семнадцать дней, а въ то самое время отряды русскихъ расходились по краю, истребляли и брали въ плѣнъ всѣхъ, кто отзывался за нѣмца. Самъ магистръ ордена, Волквинъ, съ братомъ епископа, зятемъ Владимира псковскаго, пошли на выручку осажденному городу. Но русскія силы были значительнѣе нѣмецкихъ; нѣмцы сразились, потеряли нѣсколько человѣкъ рыцарей, должны были отступить, и заперлись въ городѣ. Но тамъ уже свирѣпствовалъ голодъ. Нѣмцы принуждены были питаться лошадьми, которыя падали отъ недостатка корма, по выраженію лѣтописца, отгрызая другъ у друга хвосты. Но и въ русскомъ лагерѣ также сдѣлался недостатокъ съѣстного. И потому на третій день, послѣ того, какъ магистръ заперся въ Оденпе, оба непріятеля вступили въ переговоры. Нѣмцы сдали городъ и выговорили себѣ спокойный возвратъ. Братъ епископа Теодорихъ, зять Владимира, по извѣстію лѣтописца, пригла-

[1]) Henr. 204.

Digitized by Google

шенъ имъ во Псковъ для утвержденія мира, но новгородцы увели его, какъ плѣнника [1]). Побѣда эта возбудила эстовъ къ возстанію: составилось ополченіе; отправили просить помощи у новгородцевъ и псковичей. Новгородцы обѣщали немедленно прислать имъ свѣжаго войска, а Владимиръ побуждалъ туземцевъ сопротивляться нѣмцамъ всѣми силами, пока подоспѣютъ русскіе; и дѣйствительно, эсты разныхъ провинцій стекались въ ополченіе подъ начальство Ламбита, старѣйшины въ Саккалѣ, вѣтви эстонскаго народа, но не дождались русскихъ. Нѣмцы, — съ помощію латышей, которыхъ старою ненавистью къ эстамъ и ливамъ они продолжали пользоваться,—разбили на-голову эстонское ополченіе, напрасно ожидавшее русскихъ. Туземцы покорились [2]). Но скоро явились русскіе агенты, извѣщали, что Владимиръ съ новгородцами вступаетъ въ Ливонію. Опять поднялись усмиренные. Нѣмцы призывали изъ-за границы новыхъ воиновъ креста. Датскій король тоже прислалъ войско, ибо Данія успѣла захватить часть Гарріи, гдѣ также вспыхнуло тогда возстаніе. Епископъ Альбертъ обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто пойдетъ воевать противъ язычниковъ и ихъ помощниковъ русскихъ [3]). Рыцари двинулись въ Гаррію къ Ревелю, чтобъ утушить мятежъ, и близъ Феллина поймали новгородскихъ или псковскихъ эмиссаровъ, возстановлявшихъ народъ. На разспросы нѣмцевъ, тѣ сказали, что Владимиръ со псковичами и новгородцы со Всеволодомъ Мстиславичемъ вступили въ Уггеноисъ. Это заставило нѣмцевъ поворотить направо, навстрѣчу русскимъ. Они встрѣтились съ ними тогда, когда русскіе перешли черезъ рѣку Эмайокки. Туземцамъ Ливоніи приходилось драться между собою; съ русскими были эсты, съ нѣмцами ливы и латыши. Въ

[1]) Henr. 205.
[2]) Henr. 210.
[3]) Henr. 218.

Digitized by Google

войскѣ нѣмецкомъ туземцы сражались пѣшіе, нѣмцы верхами. Русскіе не успѣли установиться въ боевой порядокъ, были сбиты и отступали; нѣмцы отняли стягъ новгородскаго князя, преслѣдовали русскихъ, но не могли догнать, потому что туземцы, составлявшіе значительную часть нѣмецкаго войска, были, какъ сказано, пѣшіе. Псковичи и новгородцы достигли какой-то небольшой рѣки, переправились черезъ нее и тамъ устроились опять. Владиміръ возбуждалъ храбрость уговорами; били въ бубны, играли на трубахъ. Нѣмцы дошли до рѣки, цѣлый день стояли, какъ будто размышляя, что́ и какъ имъ дѣлать, покушались-было пуститься черезъ рѣку, да новгородцы и псковичи, хорошіе стрѣлки, мѣтко попадали въ нихъ, какъ только тѣ приближались къ рѣкѣ. Латыши и ливы стали расходиться. Когда уже остались только одни рыцари, которыхъ число лѣтописецъ уменьшаетъ до двухъ сотъ, прибавляя, что даже изъ этихъ сто уклонились отъ битвы [1]), тогда Владиміръ приказалъ русскимъ переходить; но и незначительнаго числа стерегущихъ переправу нѣмцевъ было достаточно, чтобъ не пропустить русскихъ: такъ были нѣмцы храбры,—по увѣренію ихъ историка. Русскихъ же, если вѣрить тому же лѣтописцу, погибло до 500 человѣкъ; и русскіе, ничего не сдѣлавши, отступили восвояси. Между тѣмъ, не знавшіе о такомъ отступленіи взбунтованные эсты бродили партіями и разоряли церкви, убивали христіанъ, сожигали хлѣбъ на поляхъ и особенно жестоко истязали духовныхъ. Сынъ Владиміра, Ярославъ, съ другимъ отрядомъ новгородцевъ и псковичей, направился къ Кеси (Вендену). Этотъ отрядъ не зналъ, какъ видно, объ отступленіи Владиміра. Посражавшись день цѣлый съ рыцарями подъ Кесью, Ярославъ отошелъ, перешелъ Гойву (Аа) и подвигался на соединеніе съ отцомъ, а на пути

[1]) Henr. 222.

Digitized by Google

наносилъ опустошенія Идумейской провинціи, истребляя все христіанское и нѣмецкое. Нѣмцы погнались за нимъ, въ Тренденѣ собрали ополченіе и преслѣдовали русскихъ до рѣки Рауны. Ярославъ, догадываясь, что нѣмцы оставили Кесь безъ сильной защиты, опять быстро перешелъ черезъ Гойву и опять подошелъ къ Кеси: а между тѣмъ, къ нему собирались толпы гаррійцевъ и эзельцевъ. Но Ярославъ ошибся,—нѣмцы не оставили Кеси; изъ города они искусно поражали русскихъ метательными камнями, а русскіе въ этомъ родѣ войны не отличались. Ярославъ долженъ былъ оставить осаду и предлагалъ миръ. Нѣмцы не согласились: нѣмцы знали, что русскіе принуждены будутъ во всякомъ случаѣ выступать изъ Ливоніи, какъ только услышатъ, что толпа латышей уже пустилась опустошать Псковскую область. Дѣйствительно, какъ только Ярославъ отступилъ отъ Кеси, къ нему дошла вѣсть, что Псковъ въ опасности, и онъ поспѣшно оставилъ Ливонію [1]). Изъ нашихъ лѣтописей мы видимъ, что въ этой осадѣ былъ и новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ; новгородцы стояли подъ городомъ двѣ недѣли, не взяли города, но ушли здоровы [2]). Неизвѣстно, былъ ли то одинъ и тотъ же походъ, описываемый Генрихомъ, или можетъ быть Новгородская Лѣтопись разсказываетъ о другой осадѣ той же Кеси, особо отъ той, которая предпринята Ярославомъ; а можетъ быть, Генрихъ приписалъ два похода одному и тому же лицу, такъ что первый приступъ принадлежитъ Ярославу послѣ того, какъ Ярославъ покинулъ осаду и ушелъ за Гойву. Во всякомъ случаѣ русскіе не помогли дѣлу несчастныхъ эстовъ, которыхъ сами же взбунтовали. Латыши изъ Кукеноиса, подъ начальствомъ Мелюке и Варгриббе, подобравъ къ себѣ другихъ латышей, предан-

[1]) Henr. 224.

[2]) Новг. Л. I, 34.

Digitized by Google

ныхъ рыцарямъ, опустошали окрестности Пскова, сожигали поля и деревни, убивали мужчинъ, а женщинъ уводили въ плѣнъ. Тогда, въ отместку, псковичи ворвались въ Латышскую Землю и заплатили латышамъ тѣмъ же [1]).

Нѣмецкій лѣтописецъ говоритъ, что послѣ того псковичи заключили съ нѣмцами миръ подъ Оденпе. Но Великій Новгородъ продолжалъ поддерживать язычниковъ; и въ 1222 г. опять явилось его ополченіе въ Ливоніи. Начальствовалъ князь Всеволодъ Юрьевичъ; на помощь новгородцамъ прислалъ суздальскій князь, отецъ Всеволода, другого сына, Святослава; вдобавокъ Новгородъ заключилъ союзъ съ Литвою, условившись стоять взаимно противъ общихъ враговъ [2]). Нѣмецкій лѣтописецъ говоритъ, что русскихъ тогда было тысячъ двѣнадцать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскіе тогда имѣли, съ своей стороны, религіозное побужденіе воевать противъ нѣмцевъ. Нѣмцы, насильно обращая къ христіанству язычниковъ, точно также приневоливали принимать католичество крещеныхъ въ православную вѣру туземцевъ; этого мало, они насиловали и тѣхъ коренныхъ русскихъ поселенцевъ, которые водворились прежде въ Ливоніи. Папа Гонорій въ 1222 г. повелѣвалъ ливонскимъ судьямъ преслѣдовать русскихъ, которые, живучи въ Ливоніи, оказывали пренебреженіе къ латинскому обряду и увлекали къ своей вѣрѣ чудскихъ неофитовъ. Это привлеченіе къ православію изъ недавно принятаго католичества случалось особенно тогда, когда представлялась охота нарушить брачный союзъ [3]). Тогда неофиты обращались въ православіе и смѣло расторгали свои браки, полагая, что эти браки стали недѣйствительны, какъ скоро принята другая вѣра. Папа обязывалъ ливонскихъ судей прину-

[1]) Henr. 234.

[2]) Новг. Л. I, 138; Henr. 260.

[3]) Contracta inter neophytas matrimonia dissolventes (Bunge, B.1. H. 1. 39).

Digitized by Google

ждать силою самихъ русскихъ поселенцевъ подчиниться римской Церкви. Такимъ образомъ, Новгородъ и Псковъ возбуждены были противъ нѣмцевъ и оскорбленіемъ своей религіи. Русскіе опустошали Латышскую Землю, истребляли принявшія латинскую вѣру поселенія, свирѣпствовали двѣ недѣли и такимъ образомъ подступили подъ Кесь (Пертуевъ, Венденъ). Нѣмцы, видя ихъ многочисленность, сожгли сами близь-лежавшій посадъ и заперлись въ замкѣ. Новгородцы не стали брать замка приступомъ, а повернули въ сторону и продолжали жечь селенія, церкви и хлѣбные запасы принявшихъ католичество. Тутъ съ ними соединились литовцы и — по выраженію лѣтописца — добавляли то зло, котораго не успѣли надѣлать русскіе. Будучи язычниками, литовцы воевали особенно съ большимъ звѣрствомъ и безчеловѣчіемъ. Войска союзниковъ, разбившись на отряды, повредили сами себѣ; нѣсколько такихъ отрядовъ захвачено нѣмцами врасплохъ: по своей малочисленности они не могли устоять и были разбиты. Распространился слухъ, что нѣмцы готовятъ новыя силы. Это заставило союзниковъ повернуть въ Угеноисъ, и потомъ поворотиться въ отечество. Литвины ушли во Псковскую Землю, и пробывши тамъ мѣсяцъ, возвращались домой; но на дорогѣ, при переправѣ черезъ Двину, нѣмцы и латыши напали на нихъ и потрепали. Лѣтописецъ говоритъ, что, какъ-бы въ наказаніе за свирѣпство надъ христіанами, князь новгородскій впослѣдствіи погибъ отъ татаръ. Дѣйствительно, этотъ князь былъ тотъ самый, который погибъ во Владимирѣ-на-Клязьмѣ, во время разрушенія этого города Батыевымъ полчищемъ.

Въ отмщеніе за опустошительный походъ, латыши сдѣлали нападеніе на новгородскія земли, сожигали деревни, убивали и уводили въ плѣнъ жителей, и даже недалеко отъ Новгорода ограбили церковь, забрали съ собой иконы. колокола и церковныя украшенія. Такъ, съ обѣихъ сто-

Digitized by Google

ронъ, вражда выражалась взаимными нападеніями и разореніями. Въ Лѣтописи Новгородской [1]) это ополченіе названо *Литвою;* видно, что опустошеніе это происходило не такъ близко отъ Новгорода, а именно недалеко Торопца. Преемникъ Всеволода, неужившагося съ новгородцами, Ярославъ, погнался за ними и не догналъ. Враждебные поступки требовали тоже вознагражденія. Ярославъ въ 1223 году съ новгородцами ворвался опять въ Ливонію. Каждое такое появленіе русскихъ поддерживало духъ вражды къ нѣмцамъ въ эстонскомъ народонаселеніи; теперь явленіе ихъ было желаннымъ какъ нельзя болѣе. Въ это время эзельцы, самые упорные язычники, расправились съ датчанами, истребили до основанія замки, построенные пришельцами, и умерщвляли ихъ самихъ безъ изъятія. Во всѣхъ углахъ Эстонской Земли закипѣла свирѣпая вражда; вооружились партіи туземцевъ, строили и починяли укрѣпленія, учились сражаться, терзали нѣмецкихъ фогтовъ и священниковъ, не щадили никакой нѣмецкой души, гдѣ только ее ни встрѣчали. Живымъ разрѣзывали внутренности, вынимали сердца, жарили на огнѣ и ѣли, думая, что черезъ это сами исполнятся мужества въ войнѣ съ нѣмцами, а тѣла замученныхъ бросали собакамъ. Омерзѣніе язычниковъ къ христіанству было такъ велико, что они совершали въ домахъ своихъ языческій обрядъ омовенія, думая, что этимъ смываютъ съ себя слѣды крещенія; вырывали трупы и кости умершихъ и очищали ихъ языческими обрядами и заклинаньями отъ принятаго христіанства. Партіи быстро пересылались одна съ другою, посылали въ Новгородъ пословъ за послами, отдавались во власть Новгорода безусловно, лишь бы избавиться отъ нѣмцевъ и ихъ насильственнаго крещенія. На эти призывы новгородскіе удальцы явились въ Дерптѣ, Феллинѣ, Сак-

[1]) Новг. Л. I, 39.

Digitized by Google

калѣ, повсюду, гдѣ собирались и вооружались туземцы, и предводительствовали ими. Войско, составленное изъ эзельцевъ, уроженцевъ провинціи Еревы и Виры, осаждали Ревель, но были прогнаны. Въ такомъ напряженномъ состояніи была Эстляндія, когда явился туда Ярославъ съ новгородцами въ 1223 году.

Вся провинція Уггеноисъ прислала ему дары и признала надъ собою власть Великаго Новгорода. Туземцы отдавали новгородцамъ связанныхъ плѣнниковъ, нѣмецкихъ рыцарей, купцовъ и вообще всѣхъ нѣмцевъ, какихъ только ловили въ своей землѣ. Князь объявилъ Уггеноисъ, по прежнему, новгородскою волостью. Въ Юрьевѣ новгородцы объявили своимъ подручникомъ князя Вячеслава или Вячка, того самаго, котораго нѣкогда нѣмцы выгнали изъ Кукеноиса. Оденпе также признало власть Новгорода. Новгородцы дошли до Пнисаде. Въ это время явились къ Ярославу послы отъ эзельцевъ и просили прежде взять Ревель, выгнать датчанъ изъ Гарріи и потомъ уже идти противъ нѣмцевъ. Между тѣмъ, провинція Саккала была утишена нѣмцами, и туземцы, не дождавшись русскихъ, покорились волѣ побѣдителей; новгородскіе эмиссары, волновавшіе народъ, были повѣшены нѣмцами у Вилеенде (Феллинъ). Ярославъ, услышавъ о ихъ смерти и о трусости саккальцевъ, въ отмщеніе началъ поступать по-непріятельски съ Саккалою; и тѣ,—говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ,—которые убѣжали отъ мщенія нѣмцевъ, и спаслись отъ болѣзни, свирѣпствовавшей въ странѣ, теперь погибли отъ русскихъ, какъ скоро не успѣвали отъ нихъ спрятаться въ лѣсахъ. Жители Еревы, Виры и Варболы (Воробіина города), вмѣстѣ съ эзельцами пристали къ новгородцамъ. Это ополченіе приступило къ ревельскому замку. Четыре недѣли союзники осаждали его и не могли взять, ибо датчане не допускали ихъ къ стѣнамъ, отбивая и поражая метательными камнями. Новгородцамъ надоѣло вести

Digitized by Google

долѣе осаду; они удовольствовались тѣмъ, что выжгли и ограбили окрестную страну и ушли во свояси, оставя туземцевъ мщенію побѣдителей [1]). Нѣмцы ворвались въ Ереву, истребляли и стараго, и малаго, и навели такой ужасъ, что еревцы обѣщали вѣчное послушаніе. Вслѣдъ за тѣмъ, дѣйствуя вмѣстѣ съ датчанами, нѣмцы усмирили Гаррію и разрушили укрѣпленія, недавно построенныя туземцами и русскими.

Послѣ того нѣмцы обратились на Угеноисъ. Князь Вячко, принявши отъ Великаго Новгорода въ управленіе край, утвердился въ Юрьевѣ, началъ показывать притязанія на всю Ливонію и посылалъ отряды требовать дани отъ сосѣднихъ краевъ. Въ случаѣ отказа онъ угрожалъ войною. Послѣ пасхи 1224 г. нѣмцы подошли къ Юрьеву, но не могли его на этотъ разъ взять, и довольствовались опустошеніемъ окрестностей. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли новыя военныя силы изъ Германіи; произведенъ былъ новый раздѣлъ Ливоніи: Юрьевъ съ Угеноисомъ по этому раздѣлу достался епископу Герману, брату рижскаго епископа Альберта. Новый владѣтель утвердился въ Оденпе; ему покорялись тѣ изъ туземцевъ, которые испытали въ короткое время, что покровительство новгородцевъ мало чѣмъ бываетъ лучше нѣмецкаго владычества. Зато, съ другой стороны, около Вячка въ Юрьевѣ столпились бѣглецы изо всей Эстоніи, всѣ, которые въ прошедшемъ возмущеніи слишкомъ звѣрски свирѣпствовали противъ нѣмцевъ и не могли надѣяться отъ нихъ пощады. Епископъ послалъ къ Вячку ласковое посольство; онъ не отнималъ у него Юрьева, а только просилъ, чтобы князь выслалъ отъ себя прочь возмутителей, оскорбившихъ и поругавшихъ таинство крещенія, отступниковъ Христовой вѣры, убійцъ своихъ господъ, разбойниковъ, терзавшихъ

[1]) Henr. 278.

Digitized by Google

собственныхъ единоземцевъ за то, что они приняли Христову вѣру. Должно быть Вячко и прежде, до полученія права на Юрьевъ отъ руки Великаго Новгорода, получилъ его отъ нѣмцевъ въ качествѣ подручника рыцарей, ибо нѣмецкій лѣтописецъ, выставляя его злодѣянія, говоритъ, что онъ перебилъ тѣхъ вѣрныхъ ему людей, которыхъ дали ему рижане для защиты отъ нападенія литовцевъ. Какъ бы то ни было, только Вячко не поддался на мирныя предложенія, потому что ожидалъ помощи отъ Новгорода и надѣялся на русскихъ стрѣлковъ и на военные запасы. Рижскій епископъ собралъ рыцарей и пилигримовъ, пришедшихъ изъ Германіи и купцовъ, созвалъ въ ополченіе крещеныхъ ливовъ и эстовъ. Оба епископа — рижскій и новоназначенный дерптскій, отправились въ походъ, достигли Юрьева; 15 августа, въ день Успенія Богородицы, нѣмцы разбили шатры вокругъ всего города. Городъ былъ опоясанъ рвомъ. Нѣмцы въ восемь дней построили огромную деревянную башню, высотою вравнѣ состѣнами замка, и прикатили ее ко рву. Потомъ они принялись засыпать ровъ. Работа шла неусыпно и днемъ и ночью. Свѣжіе воины немедленно перемѣняли усталыхъ. На другой день ровъ былъ почти засыпанъ; башню подкатили подъ самыя стѣны. Тогда нѣмцы послали къ Вячку еще разъ мирное предложеніе. Они требовали, чтобъ онъ выступилъ изъ Юрьева, и обѣщали ему свободный выходъ оттуда. Вячко надѣялся на выручку отъ новгородцевъ и упорствовалъ. Нѣмцы открыли приступъ, бросали въ городъ раскаленное желѣзо и горшки съ огнемъ, чтобъ произвесть пожаръ; съ обѣихъ сторонъ метали другъ въ друга каменьями и пускали стрѣлы: такъ прошло нѣсколько дней. Чтобъ самимъ не заснуть, нѣмцы вокругъ города производили нарочно шумъ: ливы и латыши также ударяли мечами въ щиты, нѣмцы колотили въ литавры, дудили на дудкахъ и трубахъ. Русскіе въ городѣ съ своей

Digitized by Google

стороны кричали и играли на своихъ инструментахъ. Такъ прошло нѣсколько дней. Осада стала надоѣдать нѣмцамъ. Тогда одинъ изъ рыцарей, предводитель пилигримовъ, сказалъ: «Много замковъ мы пограбили, а все милость оказывали злодѣямъ; оттого они и не боятся насъ. Теперь дадимъ обѣтъ: кто взойдетъ первый на стѣну, тому окажемъ почесть, и подаримъ ему лучшихъ лошадей и значительнѣйшихъ плѣнниковъ; а вѣроломнаго князя повѣсимъ на высокомъ деревѣ.» Они дали такой обѣтъ Богу и Богородицѣ. На другой день эсты сдѣлали вылазку изъ тайнаго отверстія въ стѣнѣ, выкатили оттуда колеса, наполненныя горючимъ матеріаломъ на башню, и чуть было не зажгли ее; но нѣмцы потушили начавшійся пожаръ. Вслѣдъ за тѣмъ началась ожесточенная битва; посреди схватки братъ епископа, Іоаннъ ф. Аппельдернъ, первый взошелъ на стѣну съ огнемъ въ рукахъ. За нимъ, воодушевленные его смѣлымъ примѣромъ, полѣзли одинъ за другимъ; воины подсаживали своихъ товарищей, а подсаженные въ свою очередь подавали руки оставшимся и помогали взбираться наверхъ. Дорога была проложена; все ополченіе, не только нѣмцевъ, но и ливовъ, и латышей ринулось черезъ стѣну въ городъ. Началась рѣзня; не щадили ни старыхъ, ни малыхъ; когда одни расправлялись съ русскими, другіе окружили замокъ и не дозволяли никому спастись изъ него бѣгствомъ. Такъ погибло ихъ двѣсти и въ томъ числѣ Вячко. Остался въ живыхъ одинъ только человѣкъ, суздалецъ родомъ; рыцари оставили его въ живыхъ нарочно, и послали извѣстить новгородцевъ о томъ, что случилось въ Юрьевѣ. Новгородцы были уже на пути недалеко Пскова, но получивъ извѣстіе о печальной гибели Вячка, воротились назадъ [1]). Вслѣдъ за взятіемъ Юрьева, въ Новгородской Лѣтописи [2]) упоминается о новомъ на-

[1]) Henr. 289; Новг. Л. I, 39.

[2]) Новг. Л. I, 39.

Digitized by Google

бѣгѣ Литвы; такъ какъ изъ прежнихъ извѣстій видно, что новгородскія лѣтописи Литвою называли тогда латышей, то и здѣсь, кажется, слѣдуетъ разумѣть этихъ послѣднихъ. Очень естественно, что, по прежнему обычаю, послѣ побѣды надъ русскими въ Юрьевѣ, латыши отправились въ Новгородскую Землю надѣлать непріятелю пакостей. Они напали на Русу, и притомъ неожиданно. Русскій посадникъ Ѳедоръ выѣхалъ на нихъ; но латыши сбили съ коней всадниковъ, отняли лошадей и разогнали разбитыхъ воиновъ по лѣсу. Вѣроятно слѣдуетъ разумѣть латышей и въ 1225 году [1]), когда, по извѣстію Новгородской Лѣтописи, вооруженный отрядъ ихъ, подъ именемъ Литвы, дошелъ до Торжка и сильно опустошилъ окрестности этого города: тогда погибло много купцовъ, ѣздившихъ съ товарами. Князь Ярославъ отправился противъ враговъ съ своими дворянами, да съ новоторжцами; къ нимъ присоединились торопчане съ своимъ княземъ; на Усвятѣ догнали враговъ возвращавшихся съ награбленною добычею и съ толпою плѣнниковъ. Сраженіе кончилось удачно для русскихъ; плѣнники были отняты. До двухъ тысячъ враговъ легло на мѣстѣ; прочіе разбѣжались, но торопчане потеряли тогда своего князя Давида.

Рядъ неудачныхъ обстоятельствъ въ войнѣ съ нѣмцами, бѣдствія, какія терпѣлъ новгородскій край отъ безпрестанныхъ набѣговъ, располагалъ новгородцевъ прекратить войну. И такъ, вмѣстѣ со псковичами, въ концѣ 1225 г., они послали въ Ригу пословъ для заключенія постояннаго мира съ нѣмцами. Въ это время случился въ Ригѣ папскій легатъ. Какъ легатъ, такъ и нѣмцы съ радостію приняли предложеніе Новгорода и Пскова, освобождавшее ихъ отъ враговъ, которые препятствовали дѣлу

---

[1]) Новг. Л. I. 42.

Digitized by Google

обращенія туземцевъ Ливоніи и служили какъ-бы горючимъ матеріаломъ упорству послѣднихъ [1]).

Но миръ былъ непроченъ. Въ 1228 г. опять-было стали возникать непріязненныя отношенія. Не дошло до войны. Эта война до сихъ поръ ограничивалась безплодными набѣгами; новгородскій край отплачивался за нее разореніемъ своихъ волостей, плѣномъ своихъ жителей, обѣдненіемъ края: — неудивительно, что она надоѣдала массѣ народа; она могла быть только привлекательною для воинственной княжеской дружины, да для толпы удальцовъ, всегда готовыхъ стать подъ военный стягъ, идти куда бы то ни было, лишь бы пограбить и помѣряться удалью. Такимъ скучно было оставаться безъ войны. Послѣ заключенія мира князь Ярославъ ходилъ въ Финляндію (на Емь) и за это въ отплату Емь въ Ладогѣ нахватала плѣнниковъ. Теперь удальцы захотѣли опять идти на нѣмцевъ. Вѣроятно и со стороны чудскихъ язычниковъ были опять моленія о помощи противъ завоевателей; но видно, что въ Новгородѣ уже не нашлось столько охотниковъ, какъ прежде, потому что князь привелъ тогда войско изъ Переяславля. Тогда псковичи, услышавъ, что затѣвается опять вражда съ нѣмцами—отправили въ Ригу посольство и заключили съ нѣмцами особый миръ, выгородившій новгородцевъ. «То мы, а то новгородцы»—говорили ихъ послы:—«мы не хотимъ воевать съ вами; но зато, если новгородцы пойдутъ на насъ, то вы помогайте намъ». Въ знакъ согласія они оставили въ Ригѣ сорокъ человѣкъ заложниковъ союза. Узнавъ о такомъ отпаденіи Пскова, князь порывался идти на Псковъ. «Княже — отвѣчали псковичи послу его:—мы кланяемся тебѣ и брату Новгороду, а на Ригу не идемъ; не мы ли съ Новгородомъ разомъ взяли миръ въ Ригѣ? Вы ходили къ Колывани (Ре-

[1]) Henr. 296.

Digitized by Google

велю), только собрали сребро, а города не взяли и правды не устроили; и къ Кеси ходили, и къ Медвѣжьей-Головѣ, и нигдѣ ничего не довели до конца; а за это нашу братью перебили на озерѣ, другихъ въ плѣнъ забрали; мы не пойдемъ; и если вы пойдете противъ насъ самихъ, то и мы съ Святою Богородицею: хотя перебейте насъ всѣхъ, а женъ и дѣтей себѣ заберите, а мы не пойдемъ!» Новгородцы разсудили, что псковичи вообще правы; къ тому же въ то время былъ неурожай и дороговизна увеличилась; цѣны поднялись еще болѣе, какъ только разошлась молва о предпринимаемой войнѣ. Новгородцы отказались идти съ княземъ и разрывать миръ съ нѣмцами, и князь отпустилъ набранные полки [1]).

Въ слѣдующемъ году опять повторяется нашествіе Литвы по нашимъ лѣтописямъ, а какъ мы уже видѣли, что подъ Литвою разумѣли латышей, то и здѣсь, вѣроятно, было продолженіе прежней вражды; нападеніе было сдѣлано на окрестности озера Селигера,—они воевали Мореву и Любни [2]). Такимъ образомъ опять былъ поводъ къ разрыву, уже не со стороны русскихъ. Но такой поводъ представился еще важнѣе въ 1232 году. Враждебная князю Ярославу новгородская партія нашла себѣ пріютъ во Псковѣ, но потомъ псковичи помирились съ княземъ и прогнали отъ себя его недруговъ. На челѣ этихъ недруговъ былъ бывшій новгородскій тысячскій, Борисъ. Псковичи показали «Борисовой чади» путь, то есть прогнали его родичей и приверженцевъ. Изгнанники убѣжали въ Оденпе и тамъ призывали нѣмцевъ на помощь противъ соотечественниковъ. Вмѣстѣ съ ними былъ сынъ Владимира псковского, тогда уже вѣрно умершаго, Ярославъ, рѣшившійся подражать раннимъ, а не позднимъ поступ-

[1]) Новг. Л. I, 43; Псков. Л. I, 178.
[2]) Новг. Л. I, 45.

Digitized by Google

камъ своего отца. Съ помощію нѣмцевъ они захватили Изборскъ; но псковичи тотчасъ явились подъ взятымъ городомъ, обступили его и достали въ плѣнъ князя Ярослава и всѣхъ нѣмцевъ, кто не успѣлъ убѣжать. Они послали тогда къ новгородскому князю Ярославу извѣстіе. Ярославъ приказалъ плѣнниковъ заковать и отправить въ Переяславль-Залѣсскій. Въ отмщеніе за то нѣмцы поймали какого-то новгородца Кирила Синкиница и засадили въ тюрьму. Тогда Великій Новгородъ, считая этотъ поступокъ нарушеніемъ мира, объявилъ войну, а князь Ярославъ отправился къ Юрьеву и, по обычаю, разослалъ отряды по окрестностямъ въ зажитіе, то есть на грабежъ. На рѣкѣ Омовжѣ произошло сраженіе. Нѣмцы потеряли много своихъ и предложили миръ (поклонишася князю). Схваченный Кирило былъ выпущенъ. Это происходило въ великій постъ 1234 г. Не смотря однако на возобновленный миръ, едва только Ярославъ воротился съ новгородцами (изъ которыхъ не убыло во время похода ни одного человѣка), какъ услышали, что подъ Русою опять появилась Литва. На этотъ разъ тамъ произошла незначительная стычка, стоившая четырехъ человѣкъ Русѣ. Послѣ того враги, ограбивъ монастырь Св. Спаса и убивъ четырехъ чернецовъ, пошли на Клинъ. Ярославъ погнался за ними и разбилъ ихъ на-голову въ Торопецкой волости [1]). Объ этомъ походѣ нельзя сказать положительно, что Литва, здѣсь упоминаемая—были также латыши, какъ и прежде, потому что лѣтописецъ называетъ ее *безбожною* Литвою: но также послѣднее выраженіе не даетъ права непремѣнно видѣть здѣсь литовцевъ-язычниковъ, потому что тогда лѣтописецъ могъ такимъ образомъ называть новокрещеныхъ католиковъ.

Миръ не могъ состояться на долго. Тевтонизмъ, поку-

[1]) Новг. Л. I, 49.

Digitized by Google

сившись на дѣло порабощенія литовскихъ и чудскихъ племенъ, встрѣтилъ на полстолѣтіе себѣ препятствіе въ сѣверномъ славянствѣ Новгорода и Пскова. Славянство не удержало оспариваемой у него власти надъ ливонскими инородцами;—славянство должно было уступить; тевтонизмъ не могъ сразу забыть того. Какъ скоро онъ почувствовалъ свою силу надъ врагомъ, явилось убѣжденіе, что и славяно-русскія общины отданы ему судьбою, какъ латыши, ливы и эсты.

Властолюбивые замыслы обратились на Сѣверную Русь послѣ уступки нѣмцамъ Ливоніи. Возникла мысль, что призваніемъ ливонскихъ крестоносцевъ было не только крестить язычниковъ, но и обратить къ истинной вѣрѣ русскихъ. Русскіе представлялись на Западѣ врагами св. отца и римско-католической Церкви, даже самаго христіанства, потому что заступались за непокорныхъ язычниковъ, возбуждали ихъ къ отступничеству. Съ другой стороны Орденъ въ то время потерялъ Гаррію съ Ревелемъ и Вирландію, уступивъ эти земли датскому королю Вольдемару, по рѣшенію папы. Папа предоставлялъ рыцарямъ вознаградить себя другими землями на востокѣ; и вотъ они обратились на славянъ. Покушеніе овладѣть Новгородомъ и Псковомъ должно было возникнуть еще и потому, что рыцари сознавали за собою призваніе крестить чудскихъ язычниковъ вообще, а не въ одной Ливоніи; а имъ извѣстно было, что владѣнія Новгорода и, вѣроятно, отчасти еще Пскова, были заселены чудскими племенами, погруженными въ язычество. Если имъ удалось отнять у Новгорода Ливонскую Чудь, то естественно было желать отнять у того же Новгорода и Водь, да наконецъ, и самихъ славянъ, которые, какъ сказано выше, въ ихъ глазахъ были почтѣ тѣ же язычники, — покорить духовной власти св. отца и поработить себѣ матеріально. Въ то же время ихъ побуждало начать завоеваніе славянъ и то, что

Digitized by Google

Орденъ Меченосцевъ въ то время соединился съ Нѣмецкимъ и, слѣдовательно, силы крестоносцевъ были удвоены.

Первый дерптскій епископъ Германъ смотрѣлъ враждебно на псковичей, какъ и послѣдніе на него. Германъ разсчитывалъ, что русскимъ должно быть прискорбно, что Юрьевъ, принадлежавшій русскому міру, отнятъ у него, и при удобномъ случаѣ они покусятся возвратить его; поэтому лучше предупредить ихъ и покорить нѣмцамъ самихъ русскихъ по сосѣдству. Онъ кликнулъ кличъ; собрались къ нему рыцари; стеклись къ нему и люди датскаго короля; недавно поселившіеся въ Гарріи нѣмцы бросились въ Изборскъ и взяли его штурмомъ. Князь Ярославъ Володимировичъ тогда былъ въ нѣмецкихъ рядахъ и предательски велъ иноплеменниковъ на свое отечество. Никого не оставили въ покоѣ изъ русскихъ — говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ-современникъ:—кто только прибѣгалъ къ защитѣ, тотъ былъ убиваемъ, или взятъ въ плѣнъ, и по всей землѣ распространились вопли.

Псковичи смѣло пошли на рыцарей и вступили въ битву. «Псковичи—это народъ свирѣпый»!—говоритъ древній нѣмецкій историкъ:—«у нихъ вооруженіе блестящее, а шлемы сіяютъ какъ стекло. Сошлись нѣмцы съ псковичами; нѣмцы пробили ряды псковичей. Псковичи были поражены: восемьсотъ человѣкъ легло на мѣстѣ, а остальные бѣжали, отчаянно пришпоривая и прихлестывая своихъ лошадей, и вокругъ лѣсъ гремѣлъ стонами и проклятіями» [1]). Рыцари, одержавъ побѣду, двинулись ко Пскову: быстрота помогла имъ. Русскіе были измучены подъ Изборскомъ и не успѣли еще отдохнуть, какъ уже нѣмцы разбили свои шатры въ виду Пскова и сожгли неукрѣпленный посадъ близъ города. Много было у нихъ

[1]) Reimschron. v. Alnp. 84.

Digitized by Google

пришельцевъ изъ Германіи; много датчанъ: всѣ поглядывали на Псковъ, надѣясь получить свой удѣлъ въ завоеванной землѣ. Начались переговоры. Альнпеке говоритъ, что они такъ были ведены, что король псковичей (князь) Герполтъ (?) добровольно передалъ Псковъ во владѣніе Ордена. Псковская Лѣтопись говоритъ, что въ самомъ Псковѣ были измѣнники, передавшіе нѣмцамъ городъ. Главнымъ былъ посадникъ Твердило Ивановичъ. Псковъ былъ сданъ и достался Ордену со всею своею землею.

Упоенные побѣдою, нѣмцы, усѣвшись во Псковѣ, тотчасъ же стали замышлять покореніе Новгорода. Псковская партія Твердилы давала имъ совѣтъ, и уже начались набѣги на Новгородскую волость. Между тѣмъ, поднялась на Новгородъ съ другой стороны туча. Возбуждая противъ русскихъ крестоносцевъ, папа возбуждалъ противъ нихъ шведовъ. Папская булла поручала шведамъ начать крестовый походъ на Новгородъ, на мятежниковъ, непокорныхъ власти намѣстника Христова, на союзниковъ язычества и враговъ христіанства. Какъ ливонскіе пришельцы ненавидѣли новгородцевъ за то, что они принимали сторону язычниковъ и оспаривали у нѣмцевъ владѣніе Ливонскою Землею, такъ шведы стояли съ Новгородомъ во враждебномъ отношеніи за Финляндію: Новгородъ мѣшалъ шведамъ распространять католичество между Емью и Корелою. Въ 1239 году папа Гонорій призывалъ крестоносцевъ соединиться со шведами и обратить оружіе на русскихъ, чтобъ не допустить ихъ болѣе препятствовать крещенію Финляндіи [1]).

Тогда управлялъ дѣлами Швеціи, вмѣсто больного короля Эрика Эриксона, Биргеръ; онъ предводительствовалъ войскомъ, составленнымъ изъ шведовъ, норвежцевъ и подвластныхъ финновъ. Нѣсколько духовныхъ сановниковъ,

---

[1]) Bunge, B. I; H. 2. 164.

Digitized by Google

епископовъ съ своими вассалами, придавали вполнѣ этому ополченію значеніе священной брани за вѣру. Шведы шли не за тѣмъ, чтобъ сдѣлать нападеніе и пограбить пограничный край, а съ тѣмъ, чтобы покорить Новгородъ со всѣми его обширными землями. Биргеръ прислалъ въ Новгородъ ко князю Александру объявленіе войны, надменное и грозное: «Я пришелъ, — говорилъ онъ черезъ посла,—посѣтить твою землю; если можешь сопротивляться мнѣ, то знай, что я уже въ твоей землѣ». Со стороны новгородцевъ война тоже приняла священный характеръ. Дѣло шло о защитѣ православія, на которое разомъ посягали враги: шведы, нѣмцы, датчане, соединенные благословеніемъ папы. Александръ Ярославичъ молился въ св. Софіи. Владыка Спиридонъ благословилъ его и его воиновъ на святую брань. Въ его ополченіи, составленномъ изъ новгородцевъ, были ратники и изъ другихъ земель русскихъ: были охотники изъ Полоцка; были пришедшіе съ княземъ изъ Суздальской волости отца его Ярослава. Въ Ладогѣ пристали къ нимъ ладожане, подручники Великаго Новгорода. Шведы уже вошли въ Неву и бросили якори на устьѣ Ижоры. Вѣроятно, это былъ роздыхъ: они намѣревались плыть черезъ озеро и достигнуть Ладоги врасплохъ. Прежде всего ее слѣдовало взять, а потомъ вступить въ Волховъ и идти на Великій Новгородъ. Но не знали они того, что въ Новгородѣ уже знали о нихъ. Александръ предупредилъ ихъ, и 15 іюля на память Кирика и Улиты,—о чемъ счелъ нужнымъ замѣтить лѣтописецъ, — приблизился къ Ижорѣ. У новгородцевъ былъ обычай, что, при впаденіи Невы въ море, ставилась приморская стража изъ окрестныхъ туземныхъ жителей Водской Земли; надзирать за такимъ важнымъ дѣломъ довѣрялось преимущественно крещенымъ туземцамъ. Начальство надъ такой приморской стражею тогда поручено было какому-то вожанину, который на своемъ природномъ на-

Digitized by Google

рѣчіи носилъ имя Пелгусій, а во св. крещеніи именовался Филиппъ. Это былъ мужъ очень благочестивый: живя среди своихъ единоземцевъ, еще массою погруженныхъ въ идолопоклонство, Пелгусій былъ такъ набоженъ и богоугоденъ, что по средамъ и пятницамъ ничего не ѣлъ, а потому сдѣлался способнымъ видѣть видѣнія. Когда шведы явились, онъ шелъ къ Александру извѣстить о ихъ прибытіи и разсказалъ ему какъ стали шведы. «Мнѣ было видѣніе,—сказалъ онъ, — когда я еще стоялъ на вскрай моря; только что стало восходить солнце, услышалъ я шумъ страшный по морю и увидѣлъ одинъ насадъ; посреди насада стояли святые братья Борисъ и Глѣбъ; одежда на нихъ была вся красная, а руки держали они на плечахъ; на краю ихъ ладьи сидѣли гребцы и работали веслами, ихъ одѣвала мгла и нельзя было различить лика ихъ; но я услышалъ, какъ сказалъ Борисъ-мученикъ брату своему св. Глѣбу: «брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!». И я слышалъ гласъ Бориса и Глѣба; и мнѣ стало страшно, такъ что я трепеталъ; и насадъ отошелъ изъ глазъ у меня». — «Не говори же этого никому другому», отвѣчалъ ему Александръ.

Шведы не ждали непріятелей и расположились спокойно на отдыхъ; ихъ шнеки стояли у берега; раскинуты были на побережьѣ шатры ихъ. Неизвѣстно, какъ новгородцы дошли до нихъ на другой берегъ рѣки: приплыли ли они туда отчасти въ ладьяхъ, или ранѣе переправились на другой берегъ; лѣтописецъ говоритъ, что вообще имъ было неудобно. Извѣстіе о лошадяхъ при описаніи сраженія показываетъ, что у новгородцевъ была тогда конница, но были и пѣшіе, а потому вѣроятно пѣшіе плыли въ ладьяхъ, а конница шла по берегу, сообразно съ ходомъ лодокъ. Часовъ въ одиннадцать утра новгородцы нежданно появились передъ шведскимъ лагеремъ,

Digitized by Google

бросились на непріятелей и начали ихъ рубить топорами и мечами, прежде чѣмъ тѣ успѣвали брать оружіе. Это было не сраженіе, а скорѣе богатырская схватка, — тутъ была возможность показаться личной удали и мужеству. Лѣтописецъ слышалъ отъ самого князя Александра о подробностяхъ этого дня; онъ передаетъ имена тѣхъ молодцовъ, которые тогда особенно отличились. Славную память оставилъ по себѣ Гаврило Олексичъ: увидѣлъ онъ, что шведы, всполошенные неожиданнымъ нападеніемъ, уводили подъ руки знатнаго юношу: то былъ сынъ Биргера; Гаврило наѣхалъ прямо на берегъ на шведскую шнеку; доски еще не успѣли прибрать, что брошена была со шнеки на берегъ. По этой доскѣ бросился Гаврило на своемъ конѣ на шнеку проворно; тутъ обратились на него шведы и столкнули въ воду съ конемъ; но Гаврило поправился, изъ воды выскочилъ, по берегу поскакалъ, налетѣлъ на воеводу Спиридона, схватился съ нимъ и убилъ его. Тутъ же положилъ голову и одинъ изъ епископовъ шведскихъ. Другой новгородецъ, Миша, съ своею пѣшею дружиною, наскочилъ на три корабля и потопилъ ихъ. Остался въ памяти потомковъ Сбыславъ Якуновичъ: съ однимъ топоромъ, отважный молодецъ бросился на непріятеля; и много людей пало подъ топоромъ его, и всѣ дивились силѣ и храбрости его. Лѣтописецъ сохранилъ имя Якова Полочанина, княжескаго ловчаго. Князь хвалитъ его потомъ за то, что мужествовалъ онъ крѣпко съ мечомъ. Со славою пѣшій слуга Ратимиръ положилъ голову отъ многихъ ранъ, которыя ему задали шведы, обступивъ его. Новгородецъ Савва былъ не изъ лучшихъ, а изъ молодшихъ людей, а славу стяжалъ вѣчную. Онъ бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди шведскаго лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ золотоверхій.

Digitized by Google

Самъ Александръ нагналъ предводителя Биргера и хватилъ его мечомъ по лицу: «возложилъ ему печать на лицо»—говоритъ повѣствователь. Неожиданность явленія новгородцевъ нагнала столбнякъ на шведовъ. Въ слѣдующую же ночь, закопавши трупы мертвыхъ, другихъ мертвецовъ, которые были познатнѣе забравши съ собою, они поплыли внизъ по Невѣ. Такая блистательная побѣда обошлась новгородцамъ чрезвычайно дешево: у нихъ легло всего человѣкъ двадцать. Можетъ быть иной былъ бы исходъ дѣла, еслибы шведы были предувѣдомлены, что на нихъ нападутъ, а то на нихъ напали врасплохъ и оттого посчастливилось новгородцамъ [1]).

Едва только прибылъ Александръ съ своего славнаго поля битвы въ Новгородъ, какъ разсорился съ новгородцами и ушелъ отъ нихъ. Вслѣдъ за тѣмъ новгородцы послали просить у отца Александрова, Ярослава, другого сына, Андрея, въ князья себѣ. Вдругъ новая туча наступила съ другой стороны. Изгнанники псковичи, не хотя подлегать власти нѣмцевъ, толпами являлись въ Новгородъ, съ женами и дѣтьми, и вопили о помощи. И въ то же время нѣмцы, утвердившись во Псковѣ, затѣвали покорить и Новгородъ; стекались къ нимъ изъ Европы новыя силы и передовые отряды пустились разорять новгородскія волости. Рыцари послали ополченіе латышей, ливовъ и эстовъ на Водскую страну. Вожане, испуганные разореніями, сдавались и переходили отъ страха къ побѣдителямъ. Такимъ образомъ взяли новгородскій пригородъ Лугу; шайки летали въ разныя стороны и достигали тридцати верстъ отъ Новгорода; убивали новгородскихъ гостей, ѣздившихъ съ товарами. Копорье — тогда еще только новгородскій погостъ—было взято: нѣмцы сдѣлали въ немъ мѣсто опоры для власти надъ Водскою

[1]) Соф. Л. I, 179.

Digitized by Google

страною и построили укрѣпленіе. Вожане должны были неволею становиться въ ряды побѣдителей; тѣ, которые не хотѣли—разбѣжались въ лѣса и умирали съ голода. Нѣмцы забирали лошадей, скотъ; «не на чѣмъ было орать по селамъ»,—говоритъ лѣтопись [1]). Рыцари считали уже пріобрѣтеннымъ своимъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы, Корелію; отдавали эти страны католичеству и папа присудилъ ихъ церковной юрисдикціи эзельскаго епископа. 13-го апрѣля 1241 г. этотъ епископъ, по имени Генрихъ, заключилъ съ рыцарями договоръ: себѣ бралъ десятину отъ десятины со всѣхъ произведеній, а имъ отдавалъ все прочее, рыбныя ловли, управленіе и всѣ вообще мірскіе доходы [2]).

Въ такихъ обстоятельствахъ Новгородъ опять приглашалъ Александра. Александръ не перечился. Дѣло было общерусское.

Въ 1241 году собрались ополченіемъ новгородцы и ладожане; вооружена была по призыву Великаго Новгорода Корела и Ижора. Александръ отправился на Копорье и счастливо отнялъ его у нѣмцевъ. Городъ, построенный

---

[1]) Новг. Л. I, 43.

[2]) Notum ergo facimus tam posteris quam praesentibus, quod fratres domus L. Mariae Theutin Livonia nobiscum concordaverunt, cum a sede apostolica postularent, iurisdictionem nostram extendi, ad terras inter Estoniam, iam conversam et Rutiam, in terris, videlicet Watlande, Nouwe Ingriae et Carelae, de quibus spes erat conversionis ad fidem Christi cum iam occupatae essent a praedicti fratribus per quoddam castrum, multorum de ipsis terris consensu sub hac forma compositionis ut videlicet nos in spiritualibus in terris illis providentes, decimam decimae perciperimus in omnigenis proventibus exceptis, variis pelliculis, ipsis autem fratribus omne reliqum cederemus emolumentum, tam in iure patronatus ecclesiarum, quam piscationibus advocatiis et ceteris imperialibus (temporalibus?) pro eo quod ipsis incumbebat labor, expensa et periculum in barbarorum subiugatione (Bunge, Band III, Heft. 1, 34).

Digitized by Google

нѣмцами, былъ уничтоженъ до основанія: одни изъ нѣмцевъ погибли тогда въ сѣчѣ; другіе отведены были плѣнниками въ Новгородъ. Александръ нѣкоторыхъ пожаловалъ и отпустилъ, потому что онъ былъ,—по выраженію лѣтописца,—милостивъ паче мѣры. Не такъ милостиво поступилъ онъ съ вожанами и Чудью, подданными Великаго Новгорода, принявшими сторону нѣмцевъ, можетъ быть болѣе изъ крайней необходимости, чѣмъ изъ непріязни къ Новгороду. Александръ велѣлъ ихъ вѣшать. Послѣ того надобно было освободить Псковъ. Александръ призвалъ на помощь низовцевъ съ братомъ Ардреемъ и въ 1242 году двинулся ко Пскову. Городъ былъ освобожденъ. Два нѣмца, намѣстники Пскова, въ оковахъ отправлены въ Новгородъ. Александръ сѣлъ во Псковѣ; впередъ въ Нѣмецкую Землю были посланы отряды за вѣстями. Александръ ожидалъ новой войны; она должна была послѣдовать отъ нѣмцевъ. И дѣйствительно, скоро онъ услышалъ, что нѣмецкая сила напала на посланные въ Нѣмецкую Землю отряды, разбила ихъ и идетъ на Псковъ. Мейстеръ Валкъ и епископы шли съ увѣренностію, что дѣло поправится на ихъ сторону. Нѣмецкое ополченіе шло по льду по Чудскому озеру, съ цѣлью дойти до Пскова льдомъ. Но Александръ провѣдалъ путь непріятелей, и самъ выступилъ изъ Пскова по льду, съ новгородцами и псковичами. Александръ уставилъ свое войско въ боевой порядокъ на озерѣ, у скалы Вороній Камень, на Узмени, при поворотѣ изъ Псковскаго озера въ Чудское. Мѣсто это названо такъ потому, что тамъ дѣйствительно постоянно кружатся вороны. Нѣмцы двинулись на русскихъ. По способу тогдашней тактики, Александръ поставилъ свое войско свиньею: такъ называлось построеніе треугольникомъ, образовавшимъ острый конецъ, обращенный къ непріятелю. Увидя приближающихся враговъ, Александръ поднялъ руки вверхъ, и гром-

Digitized by Google

ко предъ всѣмъ войскомъ своимъ говорилъ: «Суди мнѣ, Боже, и разсуди споръ мой съ этимъ велерѣчивымъ народомъ; помоги мнѣ, Господи, какъ Ты помогалъ прародителю моему, Ярославу, противъ окаяннаго Святополка!» Была тогда суббота пятой недѣли великаго поста, день 5-го апрѣля. Солнце только что восходило. Когда нѣмцы приблизились, Александръ стремительно двинулъ свою свинью рыломъ на непріятеля, и нѣмецкій строй былъ разрѣзанъ. Тогда,—говоритъ лѣтописецъ, передающій разсказъ свой словами очевидца, сообщавшаго о славномъ дѣлѣ извѣстіе:—«тогда поднялся трескъ отъ ломки копій и звукъ отъ мечнаго сѣченія. Казалось, двинулось замерзлое море, и великая сталась сѣча нѣмцамъ и Чуди съ нами, и льду не видно было: все покрылось кровію». Разорванные, потерявшіе строй, нѣмцы бѣжали; русскіе съ торжествомъ гнались за ними семь верстъ по льду, до Суболическаго берега. Лѣтописецъ насчитываетъ побитыхъ нѣмцевъ пятьсотъ человѣкъ, а о Чуди говоритъ, что ее пропало безчисленное множество; иные въ водѣ потонули: тогда уже въ весеннее время ледъ былъ не крѣпокъ; а изъ тѣхъ, которые убѣжали, многіе были съ ранами, и умирали отъ ранъ. Пятьдесятъ нѣмцевъ взято живьемъ. А идучи, — замѣчаетъ лѣтописецъ, — они говорили: «мы руками возьмемъ князя Александра». Самовидецъ, передававшій лѣтописцу разсказъ объ этомъ замѣчательномъ событіи, говоритъ: «я видѣлъ полки Божіи на воздусѣ; они приходили на помощь князю Александру Ярославичу; и они-то обратили ратнымъ плещи и избивали ихъ, гоня по воздуху; и некуда было бѣжать врагамъ. Александръ побѣдилъ силою Божіею, святой Софіи и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». Эта побѣда воскресила-было на время языческую ревность Финляндіи. Таваста возмутилась; но русскіе, занятые другимъ дѣломъ, упустили изъ виду Финляндію, и шведы принялись крестить финновъ

Digitized by Google

еще дѣятельнѣе. Биргеръ для укрощенія края построилъ крѣпость Тавастгусъ [1]).

Съ торжествомъ возвращался Александръ во Псковъ, освобожденный имъ отъ иноплеменной власти. Близъ коня его вели знатныхъ рыцарей; за нимъ гнали толпу простыхъ плѣнниковъ. Когда богатырь приближался къ городу, навстрѣчу ему вышло духовенство, и весь народъ издавалъ радостные крики и торжественныя пѣсни, восклицая: «Богъ, пособившій Давиду на иноплеменниковъ, освободилъ нашъ городъ Псковъ отъ иноязычниковъ рукою великаго князя Александра Ярославича». Въ Новгородѣ, куда Александръ повезъ своихъ плѣнниковъ, взятыхъ на ледяномъ побоищѣ, его ожидали такія же почести, такая же слава. «Прославилось,—говорили тогда, сообразно тогдашнимъ географическимъ свѣдѣніямъ,—имя великаго князя Александра Ярославича, отъ моря Варяжскаго, до моря Понтесскаго и до моря Хупожскаго, и до страны Тиверійскія, и до горъ Араратскихъ, а объ ту страну Варяжскихъ горъ, и Аравитскихъ, даже до Рима великаго; имя его стало извѣстнымъ тьмамъ темъ и тысячамъ тысячъ людей» [2]).

Пораженные нѣсколько разъ, нѣмцы прислали въ Новгородъ посольство и отступились отъ всего, на что покушались—отъ Пскова, Води, Луги и Латыголы, отпускали всѣхъ захваченныхъ новгородскихъ и псковскихъ плѣнниковъ и взамѣнъ просили отпустить нѣмецкихъ. Великій Новгородъ согласился на миръ, и миръ былъ заключенъ. Этотъ миръ отрѣзывалъ нѣмецкому племени путь ко владычеству надъ славянами на сѣверѣ, отнималъ у него часть сѣвернаго финскаго народонаселенія и связалъ ее со славянскимъ міромъ, тогда какъ другой суждено было под-

---

[1]) Дал. 167.

[2]) Соф. Врем. I, 181. Новг. Л. I, 54.

Digitized by Google

пасть подъ власть нѣмцевъ. Не такъ, однако, усмирились легко латыши: еще нѣсколько партій ихъ, подъ прежнимъ у русскихъ названіемъ Литвы, вторгалось въ новгородскіе предѣлы. Александръ выходилъ противъ нихъ и побѣдилъ семь такихъ отрядовъ; убили у нихъ воеводъ; иныхъ взяли въ плѣнъ. Новгородцы, раздраженные за опустошенія, которыя они дѣлали, привязывали ихъ къ лошадинымъ хвостамъ, и такъ тащили за собою [1]). Но славная побѣда Александра не прекратила вражды ни съ нѣмцами, ни со шведами. Она продолжалась во все время существованія независимости Новгорода и Пскова. Въ 1251 году нѣмцы сдѣлали новое покушеніе на Псковъ, но были отбиты. За то, въ отместку, новгородцы съ Корелою опустошили земли за Нарвой [2]). Католическая пропаганда продолжала отрывать отъ православія Водь, Ижору, Корелу; изъ числа жителей, новообращенные тянули сами къ шведамъ и нѣмцамъ. Въ 1255 г. папа Александръ IV-й, вмѣсто эзельскаго епископа подчинилъ новгородскія страны рижскому архіепископу, и поручилъ ему назначить вмѣсто себя суффрагана [3]). Шведы, распространяя крещеніе въ Финляндіи, переходили за ея предѣлы и покушались обращать Корелу въ новгородскихъ земляхъ. Въ 1256 г. они, подъ начальствомъ Дидмана, стали строить городъ на берегу Наровы. Очевидно было покушеніе на новгородское достояніе. Новгородъ сталъ готовиться къ войнѣ. Но на этотъ разъ шведы не рѣшились воевать, и, не кончивши постройки, ушли. Въ отмщеніе за это новгородцы съ Александромъ прогулялись по Финляндіи [4]). Завоеваніе Руси татарами дало папской власти благовидный предлогъ, подстрекать крестоносцевъ на дальнѣйшія попытки покоренія

[1]) Соф. Врем. I, 181. Новг. Л. I, 55—56.
[2]) Карам. III, прим. 91. Новг. Л. I, 56.
[3]) Bunge, B. III, H. I, 55.
[4]) Новг. Л. I, 56.

Digitized by Google

русскаго міра. Въ 1260 году папа Александръ IV-й побуждалъ рыцарей всѣхъ католическихъ Орденовъ отбивать Русь у татаръ, объявилъ ее заранѣе собственностью св. Петра на вѣчныя времена, дарилъ рыцарямъ съ условіемъ искоренять проклятый греческій расколъ, и присоединить Русь къ римской Церкви [1]). Понятно, что такія увѣщанія должны были разжигать рыцарскую пропаганду и приводить къ ненависти и нескончаемой враждѣ.

Въ 1262 году новгородцы подъ предводительствомъ своего князя Дмитрія Александровича, въ союзѣ съ полочанами, у которыхъ княжилъ тогда Товтивалъ, и съ Литвою, подступили подъ Юрьевъ. Нѣмцы, овладѣвши этимъ городомъ, укрѣпили его; однако, Новгородская Лѣтопись говоритъ, что не смотря на такую крѣпость, городъ былъ взятъ [2]). Много людей было истреблено; другіе сгорѣли во время пожара; третьи попались въ плѣнъ. Нѣмецкій лѣтописецъ [3]) повѣствуетъ, что русскіе взяли новый посадъ и сожгли его, и, послышавъ о приближеніи мейстера, поспѣшно удалились. Во всякомъ случаѣ, отъ этого успѣшнаго дѣла новгородцы не получили никакого существеннаго пріобрѣтенія: — древній ихъ городъ былъ возстановленъ епископомъ, заселенъ нѣмцами, и снова принадлежалъ къ ихъ ливонскому владѣнію, а не возвратился къ Новгороду.

Крестоносцы дѣлали безпрестанныя нападенія на Псковъ въ XIII вѣкѣ. Тогда-то прославился въ битвахъ съ ними Довмонтъ. Какъ видно, возникло у нихъ намѣреніе снова покорить своему владычеству этотъ городъ съ его землею. Не могли нѣмцы забыть, что онъ уже былъ нѣкогда въ ихъ рукахъ: рыцари съ своими ополченіями нѣсколько разъ подходили ко Пскову, но Довмонтъ отражалъ ихъ и раз-

[1]) Bunge, B. I, H. IV, 442.
[2]) Новг. Л. I. 57.
[3]) Russow, 20.

Digitized by Google

бивалъ. Война принимала значеніе закоренѣлой религіозной международной вражды. Псковичи смотрѣли на этихъ враждебныхъ сосѣдей, какъ на покушающихся ниспровергнуть св. Троицу, перебить мужей сильныхъ и поработить народъ. Приготовляясь къ брани, Довмонтъ въ церкви св. Троицы положилъ мечъ свой на алтарѣ, а игуменъ Исидоръ имъ препоясалъ его. Въ 1269 году нѣмцы стояли десять дней подъ Псковомъ, и были отбиты. Новгородцы дѣйствовали со псковичами за одно, и хотя не участвовали въ битвѣ, но приближеніе ихъ напугало нѣмцевъ такъ, что они поспѣшно сняли осаду, перебрались за рѣку и заключили миръ, отступившись отъ Наровы [1]). Съ тѣхъ поръ новгородцы уже не участвовали въ войнахъ Пскова съ нѣмцами. Псковъ подвергался опасности по Новгородской въ 1298, и по Псковской Лѣтописи въ 1299 г. Этотъ походъ вызванъ былъ нападеніемъ псковичей на дерптское епископство въ началѣ 1299 года; дерптскій епископъ жаловался, что русскіе огнемъ и мечомъ опустошили значительную часть его діецезіи [2]). Тогда сильное нѣмецкое ополченіе наскочило на Завеличье, разорило два монастыря — Спасскій и Снѣтогорскій, и осадило Псковъ. Посадъ около города былъ сожженъ, остался въ цѣлости одинъ Дѣтинецъ со святыней Троицы. Довмонтъ сразился съ нѣмцами у Петра и Павла и побѣдилъ; командоръ, приводившій ополченіе, возвратился съ раною на головѣ; много было захвачено въ плѣнъ и отправлено къ великому князю Андрею. Это былъ предсмертный подвигъ славнаго литвина, уже тогда одряхлѣвшаго отъ лѣтъ.

Съ конца XIII вѣка возникла между Новгородомъ и Швеціею война. Прежнія враждебныя отношенія были предвѣстниками этой войны. Шведы, подчинивши фин-

---

[1]) Новг. Л. I, 61.

[2]) Bunge III. 25 100.

Digitized by Google

ляндскую Емь, теперь уже рѣшительно покушались на Корелу, бывшую издавна подъ властью Новгорода; страна между Ладожскимъ озеромъ и моремъ сдѣлалась спорною между шведами и новгородцами. Шведы хотѣли въ ней утвердиться и строили укрѣпленія, пункты опоры для владѣнія. Вмѣстѣ съ этимъ должно было возникнуть шведское населеніе посреди корельской народности и вытѣснять русскую. Шведы и норвежцы жаловались, что русскіе и ихъ подручники, корелы, нападаютъ на католиковъ, живущихъ по границѣ, жгутъ ихъ жилища, разрушаютъ церкви, хватаютъ людей въ неволю. Жалоба ихъ обращена была къ св. отцу. По этой просьбѣ папа проповѣдывалъ крестовый походъ противъ русскихъ и жертвовалъ на содержаніе крестовой рати шестилѣтній сборъ, слѣдуемой папскому престолу со Швеціи и Норвегіи десятины [1]). Папскія воззванія, передаваемыя народу посредствомъ духовенства, возбуждали шведовъ, а духовные въ то время имѣли въ Швеціи большую силу. Правитель Торкель Кнутсонъ съ епископомъ Петромъ Вессерасомъ вошелъ въ Корелію и сталъ ревностно крестить жителей. Разумѣется, новгородцы должны были противиться такимъ покушеніямъ не только ради удержанія власти надъ Корелою, но и ради собственной цѣлости. Шведы старались въ Новгородской Землѣ строить городки, которые были бы точками опоры для власти надъ туземцами; новгородцы пытались разорять эти городки. Въ 1293 году Торкель Кнутсонъ построилъ Выборгъ. Въ 1295 году шведы поставили городокъ въ Корелiи: новгородцы осадили его, голодомъ принудили гарнизонъ къ сдачѣ и разорили городокъ. Комендантъ Сигелакке былъ убитъ [2]). Съ своей стороны, новгородцы возвели укрѣпленія въ Копорьѣ. Въ 1299 году шведы поста-

[1]) Baronii Annal. XXIV, стр. 321.

[2]) Dalin Hist. 249.

Digitized by Google

вили городокъ на устьѣ Охты и назвали его Вѣнецъ-Земли (Ляндскроне). Этотъ городокъ показался особенно ненавистнымъ для новгородцевъ, потому что стоялъ посреди ихъ водянаго пути, слѣдовательно, во всякое время могъ стѣснять ихъ торговлю. Городокъ былъ построенъ съ цѣлью католической пропаганды; даже строили его мастера, присланные отъ папы, въ числѣ ихъ были священники, занимавшіеся и ремеслами. На другой годъ новгородцы подошли къ нему, рѣшившись во что́ бы то ни стало уничтожить его. Тогда оказалось, что городокъ построенъ дурно — изъ сырого кирпича: въ одинъ годъ погнили въ немъ запасы. Новгородцы, окруживъ его, начали метать въ него огонь и произвели пожаръ внутри, а потомъ стали брать стѣны приступомъ. Городокъ былъ взятъ; новгородцы всѣхъ безъ пощады били; только нѣсколько храбрецовъ спасли себѣ жизнь: они забрались въ погребъ; новгородцы никакъ не могли оттуда ихъ вытащить; шведы защищались отчаянно, мѣтко поражали наступавшихъ на нихъ, и, наконецъ, вытребовали себѣ условіе выдти безопасно. Такъ они спасли себѣ жизнь. Новгородцы дали имъ слово и сдержали. Храбрецы ушли въ виду побѣдителей [1]). Для укрѣпленія Корелы, новгородцы въ 1310 году построили въ Корелiи городокъ на устьѣ рѣки Узервы, впадающей въ Ладожское озеро. На слѣдующій 1311 годъ рать новгородскихъ удальцовъ отправилась походомъ въ Финляндію: они переплыли море, опустошили емскія села на берегахъ рѣки Купецкой [2]), потомъ вошли въ рѣку Черную [3]), до-

---

[1]) Dal. Hist. 254.

[2]) У Карамзина т. IV, прим. 214. Кюмень рѣка, по другимъ заливъ Поно; см. Соловьева т. III, прим. 398.

[3]) По Карамзину ibid. Кумо; по другимъ (см. Соловьева) ibid. Нокія.

Digitized by Google

шли до города Ваная [1]). Городъ Ваная стоялъ на высокой скалѣ; взять его не могли, но за то, по извѣстію русскаго лѣтописца, шведы предложили тогда миръ. Новгородцы опустошили окрестности этого города, потомъ они перебрались въ рѣку Кавгалу [2]), а потомъ въ рѣку Перну [3]), и снова вышли въ море, а моремъ приплыли въ Неву и домой.

За этотъ опустошительный набѣгъ шведы отплатили тѣмъ, что напали на Ладогу и сожгли ее въ 1313 году. Потомъ успѣли произвести раздвоеніе между Корелою, явились въ этомъ народѣ враги новгородской власти и склонили народъ отдаться шведамъ. Корельскій городокъ былъ взятъ шведами при помощи туземцевъ; но скоро другіе единоземцы снова сдали его новгородцамъ. Шведы препятствовали торговлѣ и нападали на берега Ладожскаго и Онежскаго озеръ, убивали кущовъ, плававшихъ тамъ ради торговыхъ дѣлъ. Въ 1321 г. опять было сдѣлано покушеніе на Корельскій городъ и неудачно. Новгородцы въ свою очередь въ слѣдующемъ году напали на Выборгъ, и тоже не взяли его, хотя и стояли подъ нимъ цѣлый мѣсяцъ, только перевѣшали шведовъ, попадавшихся имъ въ плѣнъ [4]). Въ противодѣйствіе Выборгу, построенному шведами, новгородцы построили въ 1323 году городъ на Орѣховомъ островѣ на истокѣ Невы [5]). Утомившись съ обѣихъ сторонъ драками, обѣ воюющія стороны заключили миръ въ томъ же 1323 году, назвавъ

---

[1]) У Карамзина ссыл. на Бюшинга Erdebeschreib. 1. 634. Біорнеборъ, стоявшій прежде выше того мѣста, гдѣ находится теперь, на мѣстѣ, называемомъ Ванакила.

[2]) Принимаютъ ее за рѣку Борго, отдѣляющую нынѣшнюю Кюмегородскую губ. отъ Тавастгусской.

[3]) Въ Кюменогородской губерніи, гдѣ нынѣ мѣстечко Перно

[4]) Новг. Л. I. 72.

[5]) Новг. Л. I. 73.

Digitized by Google

его вѣчнымъ. Новгородцы уступали Швеціи Западную Корелу, провинціи Саволаксъ, Яскисъ и Аурепе (послѣдняя въ окрестностяхъ Выборга, отъ озера того же имени). Любечанамъ и готландцамъ предоставлялась свобода плаванія и торговли, какъ по Невѣ въ новгородскихъ предѣлахъ, такъ и въ заливѣ, съ правомъ заходить въ Выборгъ и тамъ торговать. Чтобы не раздражать однимъ другихъ, положено, какъ съ той, такъ съ другой стороны, не строить крѣпостей въ Кореліи, бѣглыхъ же выдавать съ обѣихъ сторонъ. Шведы не должны покупать земель и водъ ни у новгородцевъ, ни у Корелы, остающейся за Новгородомъ [1]). Въ этой войнѣ замѣшана была и Норвегія, тогда соединенная съ Швеціею по случаю перехода по наслѣдству къ королю Магнусу, по матери внуку послѣдняго норвежскаго короля. Правитель Норвегіи, Ерлингъ Вадкунсонъ, узнавъ, что, во время военныхъ дѣйствій со Швеціею, новгородцы разорили принадлежащій ему домъ въ Біорне, испросилъ у папы грамоту на крестовый походъ противъ Новгорода. Когда новгородцы помирились со Швеціею, то заключили особый мирный договоръ и съ Норвегіею, по которому постановлено отдать другъ другу то, что̀ захвачено, и оставаться въ прежнемъ взаимномъ положеніи [2]). Вражда однако не успокоилась совершенно этимъ миромъ. Шведы не переставали думать о расширеніи границъ и о подчиненіи себѣ Корелы. Новгородцы, предвидѣвъ, что война должна возобновиться, старались обезопасить границы и въ 1333 году пограничныя земли отдали съ этою цѣлію въ кормленье князю Наримунту, чтобы имѣть тамъ организованную защиту [3]). Дѣйствительно, въ 1337 году опять вспыхнула война. Между Корелою сдѣлалось междоусобіе. Часть Корелы

[1]) Antiquités Russ. II, 491.

[2]) Dal. 317.

[3]) Новг. Л. I. 77.

Digitized by Google

приняла шведскую сторону. На этотъ разъ война ограничилась тѣмъ, что новгородцы разоряли корелъ, принявшихъ шведскую власть, а шведы съ своею Корелою разоряли обонежскихъ корелъ, оставшихся подъ властію Великаго Новгорода, и сожгли посадъ въ Ладогѣ. На слѣдующій годъ опять заключили миръ. Шведское правительство нарушеніе прежняго мира приписало своевольному поступку своего воеводы Стена. Новый миръ заключенъ въ Людовлѣ [1]).

Можно себѣ представить безвыходное положеніе Корелы, которая, благополучно проживая впродолженіи вѣковъ съ своими идолами, теперь была осуждена сдѣлаться мишенью двухъ враждебныхъ народностей, которыя мало того что требовали отъ нея дани и послушанія, еще принуждали принимать новую вѣру. Принимали корелы православіе—навлекали гоненіе отъ шведовъ; принимали католичество — подвергались гоненію отъ новгородцевъ.

Черезъ восемь лѣтъ опять вспыхнула едва притихшая вражда. Еще въ 1344 году Климентъ VI издалъ буллу, въ которой уговаривалъ шведовъ принять оружіе и объявить крестовый походъ противъ русскихъ, враговъ апостольской столицы и покровителей язычества [2]). Король Магнусъ, ограниченный и капризный, то сластолюбивый, то набожный до ханжества, воспылалъ до такой степени апостольскою ревностью къ этой войнѣ, что перешелъ даже за предѣлы угодности духовенству. Онъ посягнулъ обратить на расходы для этой войны подать, собираемую для папы и отсылаемую въ Авиньонъ. Противъ этого тогда вооружилось духовенство. Самъ Геннингъ, епископъ въ Або, примасъ

---

[1]) Карамз. т. IV, Пр. 255. Договоръ Новгородцевъ съ Норвегіею и Швеціею см. Antiquités Russ. t. II, и въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1837 года, ч. 23.

[2]) Dal. I, 365.

Digitized by Google

Финляндіи, лицо, которое, по своему положенію, болѣе другихъ должно было сочувствовать такому предпріятію, былъ противъ него. Къ довершенію всего, сестра короля, Бригитта, которая еще при жизни, за свою святость, чрезвычайно уважалась, предсказывала неуспѣхъ предполагаемаго крестоваго похода. Магнусъ отправилъ пословъ своихъ въ Новгородъ, съ оригинальнымъ требованіемъ: «Высылайте на съѣздъ своихъ философовъ, а я пошлю своихъ»—говорили послы именемъ короля:—«пусть они поговорятъ о вѣрѣ, а я хочу узнать, чья вѣра лучше, и если ваша вѣра лучше, я пойду въ вашу вѣру, а коли наша вѣра будетъ лучше, то вы пойдете въ нашу вѣру, и будемъ всѣ за единъ человѣкъ; а не пойдете въ единство съ нами, то я хочу идти на васъ со всею своею силою». Владыка Моисей съ посадникомъ и тысячскимъ и со всѣми новгородцами, обсудивши на вѣчѣ такое предложеніе, отвѣчали: «Коли хочешь узнать чья вѣра лучше, наша или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху; мы отъ грековъ приняли правовѣрную вѣру, а съ тобою не будемъ препираться о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая-нибудь обида — пошлемъ къ тебѣ на съѣздъ». Новгородъ отправилъ на съѣздъ тысячскаго своего и нѣсколько бояръ въ Орѣховецъ; но потомъ пришла вѣсть, что Магнусъ, задержавъ пословъ, идетъ на Новгородъ съ военною силою. Послали къ нему боярина Кузьму Твердиславича для объясненія. «У меня нѣтъ на васъ жалобы,—сказалъ Магнусъ:—нѣтъ отъ васъ мнѣ никакой обиды; а я хочу, чтобы вы пошли въ мою вѣру; а не пойдете — иду на васъ со всею силою!» Шведы, вступивъ въ Ижорскую Землю, стали перекрещивать насильно Ижору и поступать по-непріятельски съ тѣми, которые упорствовали. Наконецъ, подошли къ Орѣховцу. Сначала новгородцы мужественно отразили нападеніе. Онцифоръ Лукинъ съ 400 новгородцевъ 24 іюля 1348 года разбилъ 500 шведовъ на

Digitized by Google

Жабчѣ полѣ [1]); но потомъ, когда князь Симеонъ, котораго новгородцы призывали на помощь, ушелъ назадъ, Магнусъ 6-го августа взялъ городъ и установилъ тамъ свой гарнизонъ. Всѣмъ, кто попадался въ плѣнъ, предложено было или креститься въ католическую вѣру, или же погибать. Нѣкоторые были изрублены за то, что не хотѣли креститься, будучи язычниками, или же принимать католичество изъ греческой вѣры; не столь твердые крестились—имъ даровали жизнь и отпустили ихъ на волю съ тѣмъ, чтобы они убѣждали своихъ единоземцевъ поступить такъ же, какъ они поступили. Но эти насильно крещенные, какъ только вырвались отъ шведовъ, тотчасъ отрекались отъ католичества; вмѣсто того, чтобъ склонять земляковъ въ пользу шведовъ, возбуждали ихъ противъ короля-фанатика и сами шли сражаться противъ шведовъ. Думали шведы, что счастіе имъ рѣшительно служитъ, и потому не боялись раздѣлить своего войска на отряды и отправить для крещенія вожанъ и Ижоры по Водской Землѣ. Этимъ воспользовались новгородцы, разсѣяли ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, потомъ напали на флотъ, стоявшій близъ Ладоги. Во флотѣ было тогда дурно: свирѣпствовали болѣзни, не доставало припасовъ, а Магнусъ роздалъ значительныя военныя должности прибывшимъ изъ разныхъ сторонъ Европы крестовымъ иноземцамъ, и этимъ раздражилъ своихъ шведовъ; наконецъ, самое духовенство было нерасположено къ нему и къ его крестовому походу. Все это охлаждало мужество въ шведахъ и способствовало успѣху новгородцевъ. Новгородцы одержали побѣду; нѣсколько судовъ было потоплено; самъ король съ остаткомъ убѣжалъ, и увезъ съ собой тысячскаго Авраама, прибывшаго къ нему посломъ отъ Новгорода, съ одиннадцатью человѣкъ. Новгородцы осадили Орѣхо-

[1]) Новг. Л. IV, 58.

Digitized by Google

вецъ и стояли подъ нимъ съ Успеньева дня всю осень и зиму до 24-февраля 1349 года. Въ новгородскомъ войскѣ были и псковичи, но, не дождавшись конца осады, ушли прочь. Шведы смѣялись, стоя на стѣнахъ Орѣховца, когда псковичи, уѣзжая изъ новгородскаго стана, били въ бубны и играли на трубахъ и посвистѣляхъ. Новгородская Лѣтопись обвиняетъ ихъ кругомъ, тѣмъ болѣе, что Новгородъ далъ имъ тогда право навсегда не посылать къ нимъ посадниковъ и не позывать на судъ въ Новгородъ. Но изъ Псковской Лѣтописи видно, что въ то время ливонскіе нѣмцы напали на псковскіе предѣлы и причиною такого отхода псковичей изъ-подъ Орѣховца была важная необходимость защищать собственную землю. Дѣло окончилось счастливо и безъ псковичей. 24 февраля удалось новгородцамъ своими приметами произвести пожаръ; Орѣховецъ былъ взятъ; шведы были частію изрублены, частію взяты въ плѣнъ и съ торжествомъ приведены въ Новгородъ [1]).

Въ 1350 г. новгородцы подступили къ Выборгу и хотя города не взяли, но пожгли и опустошили окрестности и потѣшались тѣмъ, что изрубили много шведовъ съ женами и дѣтьми, а другихъ привели плѣнными [2]).

Желая выгородить себя, съ одной стороны, передъ папою, съ другой, передъ народомъ, Магнусъ извѣщалъ всѣхъ, что онъ отступилъ по причинѣ морового повѣтрія, отъ недостатка въ людяхъ и просилъ папу объявить повсемѣстный походъ противъ русскихъ; увѣрялъ, что корелы молятъ о спасеніи, потому что русскіе принуждаютъ ихъ отрекаться отъ христіанства и подвергаютъ мукамъ, рубятъ мечами, вѣшаютъ на деревьяхъ, травятъ собаками. Папа писалъ объ этомъ къ упсальскому архіепис-

[1]) Dalin, 380. Ссылка на Messen. Scand. Illust. III, p. 13. Geiers Geschichte Schwedens.—Новг. I. 84. IV. 58—59. Псковская Л. I, 189.

[2]) Новг. Л. IV, 58. 59. 85.

Digitized by Google

копу, побуждая его подвигать шведовъ на священную брань съ русскими и объявлялъ прощеніе грѣховъ, наравнѣ съ тѣми, которые отправляются воевать въ Палестину [1]). Но это не помогло Магнусу. По возвращеніи съ несчастнаго похода, духовенство наложило на него интердикцію за растрату суммъ, принадлежащихъ Церкви, и, наконецъ, государственные чины низложили его съ престола. Съ новгородцами заключенъ былъ миръ въ Юрьевѣ, слѣдовательно, при посредствѣ Ливонскаго Ордена, который, принимая участіе въ выгодахъ, получаемыхъ Европою отъ торговли съ Новгородомъ, приходилъ уже къ тому убѣжденію, что гораздо выгоднѣе жить съ Новгородомъ въ мирѣ, чѣмъ воевать. Миръ установленъ на томъ, что рѣка Сестра должна быть границею между новгородскими и шведскими владѣніями. Новгороду уступлена была часть Корелiи, Ескисъ, Еграпа и Малый Саволаксъ [2]). Римскому двору этотъ миръ былъ совсѣмъ не по вкусу; папа возбуждалъ шведовъ къ крестовому походу. Но времена крестовыхъ походовъ проходили, и судьба вѣрныхъ еще давнимъ преданіямъ пылкихъ натуръ, подобныхъ Магнусу, приближала ихъ къ типу ламанскаго рыцаря.

Рыцарскій характеръ короля Магнуса въ глазахъ новгородцевъ придалъ воспоминанію объ этой войнѣ поэтическій колоритъ и произвелъ легенду о Магнусовомъ рукописаніи, о которой скажется въ своемъ мѣстѣ. Непріязненныя отношенія со шведами впослѣдствіи принимали

---

[1]) Nos enim attendentes, quod tanto gratior est defensio fidei quanto caeteris virtutibus animae fides debet praetiosior reputari, de omnipotentis Dei misericordia et beatorum S. Petri et Pauli Apostolorum ejus authoritate confisi illam ob id assumentibus signam crucis concedimus veniam peccatorum et ipsos ea volumus immunitate gaudere, quam habituri essent si in terrae sanctae subsidium personaliter se transferrent. II. id. Martiis anno IX (Baronii Annal. XXV, 548).

[2]) Dalin. I, 380.

Digitized by Google

характеръ отрывочныхъ нападеній, которыя были больше плодомъ частнаго удальства, чѣмъ государственныхъ интересовъ. Такъ въ 1392 году, разбойники-нѣмцы (вѣрнѣе шведы) напали на берегахъ Невы на села и ихъ разорили [1]). Также и война въ 1411 году [2]) не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій и ограничилась только взаимнымъ нападеніемъ на предѣлы. Это были частные набѣги или пограничныя недоразумѣнія.

Псковъ, въ отношеніи нѣмецкихъ своихъ сосѣдей, принималъ на себя совсѣмъ другую роль, чѣмъ Новгородъ. Новгородъ, уже послѣ Александра Невскаго, уклонялся отъ вражды съ Орденомъ. Псковъ въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ велъ съ нимъ нескончаемую войну. Въ 1323 году, нѣмцы перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ; псковичи сдѣлали нападеніе на Ливонію и прошли даже до Колывани (Ревеля); вѣрно это была война не съ рыцарями, а съ датчанами. Слѣдствіемъ этого былъ приходъ нѣмцевъ и ливовъ; восемнадцать дней осаждали городъ и отошли, опустошивши окрестности. Въ это время пострадали села; враги забирали скотъ и уводили въ плѣнъ самыхъ людей; но потомъ псковичи догнали ихъ и отняли захваченныхъ людей и скотъ. Рѣка Великая была еще для Пскова иногда заповѣднымъ предѣломъ. Послѣ этого похода послѣдовало заключеніе мира [3]). Новгородцы не только не оказывали псковичамъ помощи, но еще въ томъ же году заключили съ Орденомъ оборонительный союзъ — взаимно дѣйствовать противъ всѣхъ враговъ и даже противъ Пскова. Въ то время они боялись союза врага ихъ, тверского князя, съ Литвою, а Псковъ считали опаснымъ потому, что Псковъ пригласилъ къ себѣ литовскаго князя [4]). Въ

[1]) Новг. Л. I, 96.
[2]) Новг. Л. I, 104.
[3]) Псков. Л. I, 185.
[4]) Новг. Л. I, 96.

Digitized by Google

1341 году [1]) опять вспыхнула вражда: нѣмцы убили псковскихъ пословъ въ Латышской Землѣ. Псковичи тотчасъ собрались ратью и опустошили часть Латышской Земли. Ожидая себѣ мести отъ нѣмцевъ, они обратились къ Новгороду, но не получили помощи. Послали пословъ къ Ольгерду. Надѣясь на помощь могучаго литовскаго государя, псковичи ворвались въ Ливонію и повоевали нѣмецкія села по обѣимъ берегамъ рѣки Омовжи. Непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ происходили потомъ по берегамъ Наровы. Ольгердъ, какъ уже было прежде сказано, мало помогъ псковичамъ; войско, оставленное имъ въ 1343 г. съ княземъ Иваномъ, было разбито. Вслѣдъ за тѣмъ ужасное возмущеніе эстовъ противъ нѣмцевъ удержало Орденъ отъ дальнѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствій. Но за то снова въ 1348 году, когда псковичи въ качествѣ всегдашнихъ союзниковъ и младшихъ братьевъ помогали новгородцамъ противъ шведовъ у Орѣховца-города, нѣмцы, зная, что силы военной нѣтъ вовсе или мало во Псковѣ, сдѣлали неожиданное нападеніе и опустошили села около Пскова и Острова; потомъ хотѣли утвердить городъ на Наровѣ, но псковичи его разорили. Неизвѣстно, гдѣ былъ заключенъ послѣ того миръ, — должно быть въ Юрьевѣ, гдѣ примирились новгородцы со шведами; тутъ вѣроятно установленъ миръ и Ордена со Псковомъ. Этотъ миръ опять былъ нарушенъ въ 1362 году тѣмъ, что нѣмцы перебили псковскихъ купцовъ, а псковичи арестовали у себя нѣмецкихъ купцовъ и побрали съ нихъ виры за убытки своихъ торговцевъ. Новгородцы были тутъ примирителями: они послали по боярину изъ концовъ въ Юрьевъ; тамъ послы уладили дѣло нѣмцевъ со псковичами. Обѣ стороны отпустили задержанныхъ купцовъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ опять вспыхнуло несогласіе: въ 1366 году нѣмцы

[1]) Новг. Л. I, 104.

Digitized by Google

не пропускали въ русскія земли товару. Великій князь Димитрій хотѣлъ примирить обѣ стороны, готовыя снова броситься одна на другую, и послалъ въ Юрьевъ посредникомъ какого-то Никиту. Ничего не сдѣлавши, Никита воротился во Псковъ и за нимъ по слѣдамъ явилась нѣмецкая рать и сожгла посадъ на Запсковьѣ. Псковичи сдѣлали набѣгъ до Новгородка (Нейгаузена); зато нѣмцы напали на Изборскъ, а потомъ подошли подо Псковъ и стояли три дня. Тогда новгородцы рѣшились помогать псковичамъ и ходили съ ними къ Нейгаузену, но вслѣдъ за тѣмъ оставили ихъ. Псковичи сами продолжали войну, взяли нѣмецкій городъ Кирьипигу и сожгли его (Киремпе, въ Дерптскомъ уѣздѣ).

Со времени избіенія купцовъ съ 1362 по 1371 годъ, Псковъ былъ въ военномъ положеніи и много страдала тогда Псковская волость, — тутъ болѣзни, а тутъ бѣды ратныя [1]). Псковская область терпѣла въ то же время отъ литовцевъ. Новгородцы помогали псковичамъ лѣниво, но все-таки были вмѣстѣ съ ними во враждѣ противъ нѣмцевъ. Въ 1371 году они заключили съ нѣмцами миръ подъ Новгородкомъ [2]).

До 1405 года не упоминается о враждѣ съ нѣмцами. Но въ этотъ годъ, находясь въ непріязни съ Литвою, нѣмцы сдѣлали нападеніе на Полоцкую Землю и тамъ, между прочимъ, на озерѣ Пещердѣ (Нещердѣ) побили псковскихъ купцовъ. Въ отмщеніе за то псковичи ходили къ Нейгаузену, но, по извѣстію лѣтописца, только собственное жито потерли. Непріязнь началась; надобно было продолжать ее. Псковичи сдѣлали набѣгъ на Кирьипигу, имѣли довольно удачную стычку и пришедши домой ожидали, что нѣмцы заплатятъ имъ тѣмъ же и умоляли о помощи Нов-

[1]) Пск. Л. I, 193.
[2]) Новг. Л. I, 89.

Digitized by Google

городъ; а Новгородъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло и заводить войну. Тогда Псковъ обратился къ великому князю Василію Димитріевичу. Отъ него прибылъ князь Константинъ, братъ его. Подъ предводительствомъ его въ 1408 г., псковичи ходили за Нарову къ нѣмецкому городу Порху и одержали побѣду. Вслѣдъ за тѣмъ явился самъ мейстеръ съ рыцарями, и съ помощію литовскихъ войскъ приходилъ ко пригороду Велью, а потомъ весною 1409 г. къ самому Пскову. Нѣмцы въ эти два похода не взяли ни Пскова, ни Велья, но опустошили окрестности этихъ городовъ, также какъ дѣлали псковичи передъ тѣмъ въ Ливоніи. Въ 1410 году съѣхались псковскіе и нѣмецкіе уполномоченные въ Изборскъ и заключили миръ на старомъ положеніи вещей [1]). Въ 1427 году, по извѣстію лѣтописца, нѣмцы убили семь человѣкъ опоцкихъ бортниковъ и пожгли селенія около Опочки, а чухны, принадлежавшіе нѣмцамъ, косили псковское сѣно, и псковичи поймавъ ихъ повѣсили. За это готова была вспыхнуть война, но дѣло какъ-то уладилось. Въ 1436 году былъ новый поводъ къ ссорѣ. Нѣмцы захватили псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. За это псковичи посадили въ погребъ двадцать-четырехъ нѣмецкихъ купцовъ и побрали у нихъ товаръ [2]). Въ 1444 году, за то, что нѣмецкіе чухны напали на Псковскую Землю, псковичи повѣсили ихъ семь человѣкъ, ѣздили подъ Нейгаузенъ и потоптали хлѣбъ [3]). Въ этотъ годъ уже возникали сильныя недоразумѣнія, готовыя разразиться войною, но дѣло было снова улажено, однако не совершенно, такъ что обѣ стороны, съѣхавшись въ Ригѣ, могли установить миръ только на десять лѣтъ;—значитъ были съ обѣихъ сторонъ притязанія, которыя остались неразрѣшенными. Въ 1448

[1]) Псков. Л. I, 201.
[2]) Псков. Л. I, 210.
[3]) Псков. Л. I, 212.

Digitized by Google

году возникла распря у нѣмцевъ съ новгородцами; въ эту распрю вмѣшались и псковичи; главнымъ поводомъ съ ихъ стороны было то, что нѣмцы, впродолженіи многихъ лѣтъ, присвоивали себѣ угодья, которыя Псковъ считалъ своею принадлежностію. Тогда на сторонѣ рыцарей и дерптскаго епископа были шведы. Новгородскимъ войскомъ начальствовалъ князь Черторизскій, только что предъ тѣмъ оставившій Псковъ; этотъ литвинъ столько же не любилъ нѣмцевъ, какъ и московскаго государя и съ какой-то любовію служилъ дѣлу двухъ сѣверныхъ республикъ. Сраженіе, происшедшее на берегу Наровы, было выиграно новгородцами. Святая Софія — по выраженію современника,—помогла имъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ миръ, заключенный на рѣкѣ Наровѣ. На съѣздѣ были посадники и бояре, какъ Великаго Новгорода, такъ и Пскова. Миръ заключенъ былъ на двадцать пять лѣтъ и по прежнему договору слѣдовало возвратить Пскову угодья, отнятыя юрьевскими нѣмцами [1]).

Еще не истекъ срокъ двадцатипятилѣтняго перемирія, какъ въ 1459 году опять возникла вражда. Нѣмцы наскочили на урочище Озолицу, принадлежавшее св. Троицѣ, и сожгли церковь св. Михаила и въ ней убѣжавшихъ девять человѣкъ людей. За это псковскій князь Александръ Черторизскій отправился со псковичами въ насадахъ и ладьяхъ на мѣсто, гдѣ произошла обида, и, сдѣлавши досмотръ, началъ жечь людей, мужчинъ и женщинъ, отмщая за своихъ. Нѣмцы отправились на своихъ шнекахъ и ладьяхъ за Нарову, въ Березовскую волость и сожгли сорокъ два двора; они бы сожгли и людей, но люди ушли [2]). Орденъ обратился къ Новгороду съ жалобою на Псковъ. Новгородцы прислали своихъ пословъ, а Псковъ выбралъ

---

[1]) Псков. Л. I, 214.

[2]) Псков. Л. I, 218.

Digitized by Google

бояръ изо всѣхъ концовъ и отправилъ на мѣсто преступленія. Но нѣмцы не явились на срокъ для суда, и новгородцы, принимавшіе здѣсь значеніе третейскихъ судей, воротились домой. Тогда непримиримый врагъ нѣмцевъ, Черторизскій, собралъ своихъ псковичей, вступилъ въ Нѣмецкую Землю и на семьдесятъ верстъ кругомъ опустошалъ ее. Псковичи сожигали до тла села и церкви, грабили имущества и привели во Псковъ много плѣнниковъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ одинъ священникъ. Это, по понятіямъ псковичей, была правда—вознагражденіе за сожженіе Березовской волости, которое нѣмцы дѣлали тоже въ отплату за разореніе отъ псковичей; такимъ образомъ, долженъ былъ наступить нескончаемый рядъ разбоевъ и зажигательствъ съ обѣихъ сторонъ. Но зная, что это не обойдется имъ даромъ и что нѣмцы не пропустятъ своего, а придутъ къ нимъ отблагодарить за послѣднее посѣщеніе, псковичи обратились съ просьбою о помощи къ великому московскому князю. Тогда-то Черторизскій ушелъ изо Пскова, не желая быть подручникомъ великаго князя, который только съ этимъ условіемъ соглашался оказать содѣйствіе псковичамъ. Уходъ Черторизскаго, вѣроятно, подѣйствовалъ на нѣмцевъ, которыхъ злоба противъ Пскова соединялась съ ненавистью къ Черторизскому за взаимную его вражду къ нѣмцамъ. Нѣмцы послали въ Новгородъ судью просить принять посредство. Тогда великій князь съ Новгородомъ приняли на себя третейскую обязанность. Князь предложилъ перемиріе на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы впередъ до этого срока, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, составлявшемъ предметъ спора, ловили рыбу и псковичи и юрьевцы, каждый на своемъ берегу. Перемиріе заключено въ Новгородѣ. Съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ судьи псковскіе, и потомъ послали въ Юрьевъ къ епископу и въ Ригу къ архіепископу пословъ съ договорными грамотами; цѣловалъ крестъ епископъ и ратманы

Digitized by Google

дерптскіе. Тогда нѣмцы отдали иконы, награбленныя въ церквахъ, и имущества; а вслѣдъ за тѣмъ нѣмцы прибыли во Псковъ и побрали своихъ плѣнныхъ и ихъ имущества; не могли, разумѣется, воротить сожженныхъ людей. Псковъ заплатилъ за этотъ судъ великому князю 50 руб., потому что за судъ всегда платилось [1]).

Не прошло уреченныхъ пяти лѣтъ, какъ опять возникла ссора: нѣмцы въ Юрьевѣ засадили въ погребъ посла псковскаго, да гостя псковскаго, а псковичи во Псковѣ засадили въ погребъ нѣмецкаго гостя. За это нѣмцы напали на псковскіе исады (рыболовство) и подошли къ Новому Городку, потомъ напали на село Колпино близъ озера, зажгли церковь и разоряли исады. Псковичи напали на нихъ въ этомъ мѣстѣ и прогнали, потомъ въ свою очередь вошли въ Нѣмецкую Землю и надѣлали пакостей, а вслѣдъ за тѣмъ изъ Изборска отправились молодцы и пожгли нѣмецкія волости. Потомъ послы нѣмецкіе прибыли во Псковъ и заключили перемиріе на девять лѣтъ; съ обѣихъ сторонъ написали грамоты и приложили печати [2]).

По истеченіи девятилѣтняго срока, съ обѣихъ сторонъ заговорили о мирѣ, и послали просить судьею между собою великаго князя; тотъ прислалъ своего довѣреннаго, но мейстеръ не пріѣхалъ на съѣздъ, отговариваясь неимѣніемъ времени; это показало псковичамъ, что мейстеръ хочетъ войны, и когда потомъ прибыли послы изъ Ливоніи во Псковъ, ихъ задержали, требуя уплаты тѣмъ, которые предъ тѣмъ жаловались на обиды, понесенныя отъ нѣмцевъ. Орденъ принужденъ былъ выкупить своихъ пословъ за 75 рублей. Въ числѣ неудовольствій Пскова на Орденъ было и то, что нѣмцы продавали во Псковскую Землю медъ и пиво, котораго производство вѣрно было обложено пошлинами во Псковской Землѣ.

[1]) Псков. Л. I, 220—221.

[2]) Псков. Л. I, 222—226.

Digitized by Google

Въ 1473 году съѣхались съ обѣихъ сторонъ уполномоченные, но не довели дѣла до конца. Мейстеръ рѣшительно, наконецъ, сказалъ, что Орденъ не продолжаетъ перемирія. Псковъ обратился тогда къ великому князю, съ просьбою постоять противъ нѣмцевъ за домъ св. Троицы, какъ стояли его прародители. Великій князь прислалъ на помощь огромную силу, подъ начальствомъ двадцати двухъ подручныхъ ему князей; верховное предводительство вручено было Даніилѣ Холмскому. Но мейстеръ прислалъ мирное предложеніе, въ которомъ, между прочимъ, обѣщалъ прекратить ввозъ пива и меда въ Псковскую Землю. Псковъ согласился; составлена была мирная договорная грамота, и посолъ, какъ представитель предлагающей стороны, первый поцѣловалъ крестъ; съ нимъ, когда онъ уѣхалъ обратно, отправились въ Ригу послы: одинъ отъ великокняжескаго воеводы, т. е. отъ стороны великаго князя, а два отъ Пскова. Тамъ передъ ними мейстеръ цѣловалъ крестъ и приложилъ свои печати къ грамотамъ, составленнымъ во Псковѣ, а потомъ псковскіе послы цѣловали крестъ за Псковъ и за всѣ пригороды. Вслѣдъ за отъѣздомъ мирныхъ пословъ, прибылъ во Псковъ посолъ отъ дерптскаго епископа и отъ города Дерпта и заключилъ особый мирный договоръ [1]).

Въ 1480 году опять возникло несогласіе: въ Дерптѣ арестовали псковскихъ купцовъ; за это псковичи посадили въ погребъ нѣмецкихъ купцовъ. Отмщая за то, нѣмцы сдѣлали набѣгъ на пригородъ Вышгородокъ, сожгли стѣну и церковь, перебили людей, не исключая и малыхъ дѣтей, причемъ пострадали до пятидесяти человѣкъ нѣмцевъ, бывшихъ въ этомъ пригородѣ. Потомъ напали на пригородъ Гдовъ и опустошили земли около него. Эти набѣги были такъ быстры, что псковичи не поспѣвали на вы-

[1]) Псков. I, 249.

Digitized by Google

ручку своихъ отъ непріятеля. Псковичи пошли въ Нѣмецкую Землю къ Юрьеву, жгли окрестности, убивали жителей, а множество нѣмцевъ и Чуди повели въ плѣнъ. За это въ свою очередь нѣмцы со своею Чудью поплыли на псковскія селенія, жгли ихъ безъ разбора, такъ что во Псковѣ видѣнъ былъ огонь и дымъ горѣвшихъ селеній. Псковичи вышли войскомъ. Нѣмцы избѣжали сраженія и, продолжая свои разоренія, подошли къ городу Кобылѣ, стоящему на берегу озера, сожгли его вмѣстѣ съ церковью, и въ ней погубили всѣхъ укрывшихся, и старыхъ, и малыхъ, не давая выскочить изъ пламени, а тѣ, которые тамъ не были, попадали въ плѣнъ. Окрестности селенія были сожжены, люди побиты или отведены въ плѣнъ. 16 августа 1480 года самъ мейстеръ подступилъ къ Изборску, но не могъ его взять, а 20 августа подступилъ ко Пскову; въ то же время изъ Дерпта прибыла другая сила на судахъ. Псковичи сами сожгли Завеличье, чтобъ не дать врагамъ притона въ домахъ. Расположившись на Завеличьѣ, нѣмцы со своихъ лодокъ (шнекъ) начали стрѣлять по двумъ болѣе слабымъ пунктамъ, по Запсковью и Полонищу, минуя Средній городъ, гдѣ стѣны были выше. Перейти же въ бродъ было трудно, ибо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это возможно, поставлена была военная сила, собранная изъ псковскихъ пригородовъ. Особенно нѣмцы покушались на Запсковье. Собрали оставшіяся отъ пожара на Завеличьѣ бревна, жерди, солому, наклали въ учаны, полили смолою и, воспользовавшись вѣтромъ, дувшимъ прямо на Запсковье, зажгли и бросали такіе снаряды въ посадъ. Тогда распространился во Псковѣ страхъ; жители пустились-было бѣжать; самъ князь Василій Шуйскій, намѣстникъ Пскова, приказалъ уже себѣ сѣдлать лошадей, но посадники остановили его и упросили. Въ это время какой-то псковичъ сказалъ посаднику: «Мнѣ было во снѣ видѣніе—явился мнѣ благовѣрный князь Довмонтъ и ска-

Digitized by Google

залъ: возьмите одѣяніе съ моего гроба и обойдите трижды съ крестами городъ; молитесь Богу и ничего не бойтесь». [1]). Псковичи исполнили это священнодѣйствіе, съ одѣяніемъ Довмонта обошли трижды вокругъ Крома. Послѣ этого нѣмцы сдѣлали сильное нападеніе, стрѣляли изъ пушекъ, пускали разомъ и стрѣлы, и изъ пищалей пули, и силились пристать къ берегу въ логу между св. Лазаря и св. Спаса; но псковичи бросились на нихъ: кто съ камнями, кто съ топорами и мечами, захватили одну шнеку, многихъ нѣмцевъ потопили, другихъ изрубили. Тогда нѣмцы рѣшились уйти и покидали много своихъ шнекъ. И такъ они, — по выраженію лѣтописи, — убѣжали со срамомъ, послѣ пятидневнаго неудачнаго приступа; тѣмъ не менѣе псковская волость жестоко пострадала отъ этого нашествія и опустошеній. На бѣду Пскову тамъ былъ князь Василій, невоинственный, грубый, пьяный, ненавидимый народомъ грабитель. Въ слѣдующемъ году (1481) прибыли, по просьбѣ псковичей, двое братьевъ великаго князя и вмѣсто того, чтобы идти за Псковъ, сами ограбили псковскія волости и уѣхали прочь. Наконецъ, прибыли присланные отъ великаго князя воеводы съ московскою воинскою силою (Иванъ Булгакъ и Ярославъ Оболенскій) и съ новгородцами: Новгородъ уже тогда подчинялся московскому владычеству и состоялъ въ вѣдѣніи великокняжескихъ намѣстниковъ, предводительствовавшихъ въ этомъ походѣ войсками. Вмѣстѣ со псковскимъ ополченіемъ это войско ворвалось въ Ливонію. Произошло опустошеніе, которое своимъ варварствомъ превосходитъ, кажется, прежде бывшія; нѣмецкій современникъ разсказываетъ, что въ это время русскіе съ особеннымъ остервенѣніемъ истязали жителей нѣмцевъ и чухонъ: насиловали женщинъ и дѣвицъ, ругались надъ страдальцами, отрѣзывали имъ уши, носы,

[1]) Псков. II. 40.

Digitized by Google

обрубливали руки и ноги, и для потѣхи дѣлали надъ мужскими и женскими трупами безстыдныя поруганія, разрѣзывали беременныхъ женщинъ и ѣли плодъ ихъ, заставляли людей вырывать собственными руками у себя внутренности и вѣшали такихъ страдальцевъ на дерево [1]). Псковская вторая лѣтопись [2]) говоритъ, что русскіе, разсѣявшись тремя дорогами, выжгли и разорили всю Землю Нѣмецкую, отъ Юрьева до самой Риги. Нѣмецкая Земля была вся, по выраженію лѣтописца, не въ опасѣ. Нѣмцы себѣ пиво варили, и ничего не боялись; зима была сурова, снѣгъ человѣку по пазуху; поэтому, когда русскіе сожигали села, то жители, если и успѣвали спасаться отъ меча и отъ огня, то замерзали, или погибали отъ голода. Два города, называемые у псковскаго лѣтописца Вельядъ и Каркусъ, а у нѣмецкаго [3]) Феллинъ и Тарвастъ, были сожжены до тла со всѣми прилежащими къ нимъ поселеніями. Отдали,—говоритъ псковскій лѣтописецъ,—нѣмцамъ вдвадцатеро, если не больше; говорятъ, какъ и Псковъ сталъ на свѣтѣ, такъ не бывало [4]). Согласно съ этимъ говоритъ и нѣмецкій историкъ. Русскіе въ Лифляндіи поступали еще свирѣпѣе, чѣмъ рыцари въ Россіи; ни при одномъ мейстерѣ не было такой бѣды въ Ливоніи, какъ при тогдашнемъ Бернгардѣ фонъ деръ Борхѣ [5]). Взятіе двухъ городовъ надѣлило псковичей такимъ множествомъ золота, серебра и всякаго добра, что едва могли вывезти. Вся эта трагедія разъигрывалась въ Ливоніи въ февралѣ и мартѣ 1481 года, и продолжалась четыре недѣли.

---

[1]) Карамз. VI, прим. 258.

[2]) Псков. II, 41. Iunckfrawen und trauwen beshemten ere Borste abesneten und den Mennen in de Munde stissen, den Mennen ere gemechte berobten und den weibes personen in de Munde hynghen.

[3]) Balth. Russow стр. 31.

[4]) Псков. II, 41.

[5]) Russ. 31.

Digitized by Google

Когда воротилось войско во Псковъ, въ городъ пришло извѣстіе, что мейстеръ отправилъ своихъ уполномоченныхъ въ Новгородъ съ мирнымъ предложеніемъ. Псковичи отправили пословъ отъ себя, и тамъ заключено было перемиріе на десять лѣтъ, на прежнихъ основаніяхъ.

Послѣдняя война, которую Псковъ долженъ былъ вести съ нѣмцами еще до паденія независимости, имѣла корень уже въ недоразумѣніяхъ между Орденомъ и великимъ княземъ московскимъ, а Псковъ долженъ былъ участвовать въ этой войнѣ уже только изъ повиновенія Москвѣ. Причины этой войны, очень важной по послѣдствіямъ въ будущемъ, для Ливонскаго Ордена были такія: нѣмцы огорчились за то, что Иванъ Васильевичъ въ 1494 году закрылъ нѣмецкую контору въ Новгородѣ и ограбилъ, по своему обыкновенію, нѣмецкихъ купцовъ; а Иванъ Васильевичъ былъ недоволенъ нѣмцами за то, что въ Ревелѣ казнили двухъ русскихъ, одного за фальшивую монету, а другого за противоестественный грѣхъ. Когда сожигали послѣдняго, то нѣмцы сказали, что еслибъ самъ великій князь московскій такъ у нихъ въ землѣ поступилъ, то они-бъ и его казнили такъ же. Это донесли Ивану Васильевичу. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что онъ, услышавъ объ этомъ, пришелъ въ такое неистовство, что изломалъ палку, которую держалъ въ рукахъ, и, обратившись къ небу, призывалъ на нѣмцевъ небесное мщеніе. Если это дѣйствительно дѣлалъ Иванъ Васильевичъ, то, конечно, считалъ нужнымъ показаться раздражительнымъ, потому что онъ умѣлъ собою владѣть.

Псковичи должны были участвовать въ этой войнѣ, и доставили съ десяти сохъ по одному конному человѣку на войну. Нѣмцы тайно начали вредить Пскову, и въ 1496 г. какой-то чухна произвелъ пожаръ на Крому у Кутняго костра; пойманный сознался, что его подучили нѣмцы, обѣщавъ за то плату. Его сожгли живого. Псковичи выбира-

Digitized by Google

лись на войну, какъ кажется, неохотно, потому что когда нѣмцы взяли Иванъ-городъ, то псковичи подвигались только ко Гдову, и воротились назадъ въ добромъ здоровьи, не участвовавши въ битвахъ. На слѣдующій годъ великому князю пришлось посылать снова посольство — поднимать Псковъ.

До 1501 года, однако, торговыя и мирныя сношенія ливонценъ со Псковомъ не прекращались. Въ этотъ годъ рѣшительную и жестокую вражду открыли нѣмцы. Не объявивъ войны собственно Пскову, нѣмцы арестовали двадцать пять купеческихъ учановъ съ товарами, а съ ними полтораста человѣкъ людей. Послѣ нѣсколькихъ требованій о возвращеніи задержанныхъ, псковичи обратились къ великому князю, и во Псковъ явилось войско подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Шуйскаго съ новгородскими помѣщиками, да полкъ тверичей подъ начальствомъ князя Данила Пенки. Псковичи снарядили войско изо всѣхъ своихъ пригородовъ, которые должны были каждый прислать свою рать во Псковъ. Нѣмцы начали разорять псковскія земли. Псковичамъ было тогда двойное разореніе, потому что и защитники ихъ москвичи также обращались съ ними довольно недружелюбно. Въ августѣ 1501 г. русскіе двинулись въ походъ, съ намѣреніемъ надѣлать разореній въ Нѣмецкой Землѣ; но еще не выступивъ изъ своей, наткнулись на сильное орденское войско подъ начальствомъ самаго мейстера Плеттенберга. Тогда произошла кровавая и печальная для русскихъ битва на рѣкѣ Сириць, 27 августа, въ десяти верстахъ за Изборскомъ. Битву эту открыли псковичи и они же первые побѣжали, когда нѣмцы ударили на нихъ изъ пушекъ и пищалей и убили посадника Ивана Теншина. За ними побѣжали и москвичи, не стерпѣвши нѣмецкаго огнестрѣльнаго оружія. Послѣ этой несчастной битвы, нѣмцы свободно ворвались во Псковскую Землю и опустошили ее. Изборскъ отстоялъ себя отъ

Digitized by Google

нѣмецкихъ пушекъ. Нѣмцы пошли подъ Островъ. Псковичи не помогли ему; нѣмцы пробили стѣну и пустили огненныя стрѣлы, а псковскіе воеводы издали только смотрѣли. Въ ночь съ 7 на 8 сентября взятъ былъ Островъ и преданъ огню. Люди были отведены въ плѣнъ, другіе преданы огню и мечу; плѣнили домъ святого Николы. Разоривши Островъ, нѣмцы повернули назадъ. Изъ Изборска ударили-было на нихъ въ тылъ и неудачно: нѣмцы разбили изборянъ и взяли въ плѣнъ 130 человѣкъ. Послѣ этого похода псковичи отправились въ октябрѣ въ Ливонію; на помощь имъ присланы московскія войска подъ предводительствомъ князя Александра Оболенскаго. Псковичи свирѣпо отмщали за разореніе Острова и его волости. Они опустошили цѣлую Дерптскую Землю, половину рижскаго епископства, округи городовъ: Маріенбурга, Трикаты, Эрмиса, Тарваста, Феллина, Лаиса, Оберпалена, Вирланда и Алентакена и обращались съ женщинами и дѣтьми, какъ не обращаются ни турки, ни какіе нибудь другіе варвары. Такого варварства не слыхано — говоритъ нѣмецкій историкъ [1]). Тогда Ливонія потеряла до 40,000 человѣкъ. Русскіе совершили этотъ походъ съ чрезвычайною быстротою, прежде чѣмъ рыцари могли собраться. Но не вышелъ изъ Ливоніи назадъ предводитель князь Оболенскій: онъ былъ убитъ въ стычкѣ подъ городкомъ Гельметомъ, хотя самая эта стычка кончилась въ пользу русскихъ. Нѣмцы были разбиты; москвичи и татары били ихъ какъ свиней—шестоперами, говоритъ Псковская лѣтопись [2]).

Въ отмщеніе за это разореніе, нѣмцы въ мартѣ 1502 г. вошли снова въ псковскую волость и достигли пригорода Краснаго на рѣкѣ Сини. Окрестности были опустошены, но городъ не подвергся участи Острова. Красногородцы

---

[1]) Hiarn. 190.

[2]) Псков. Л. I, 275.

Digitized by Google

въ виду непріятельскаго войска дали обѣтъ, за свое спасеніе, построить церковь св. Пятницы, и св. Пятница спасла городокъ: нѣмцамъ вообразилось, что на горѣ отъ часовни св. Георгія идетъ на нихъ великая сила; и напалъ на нихъ страхъ и трепетъ, и всѣ побѣжали. Красногородцы приписывали свое спасеніе заступничеству св. Пятницы и построили церковь во имя ея [1]). Но это нападеніе было только предварительнымъ. Въ томъ же году 2-го сентября самъ мейстеръ съ сильною ратью подошелъ къ Изборску и началъ приступъ. Изборскъ въ другой разъ отстоялъ себя. Нѣмцы, услышавъ, что московскія войска заходятъ имъ въ тылъ, отступили, и послѣ неудачнаго приступа къ Изборску пошли ко Пскову. Они достигли Завеличья ночью 6-го числа. Установивши пушки и направивши ихъ на Псковъ, начали ливонцы усердно палить по городу, направляя выстрѣлы особенно на дѣтинецъ и на св. Троицу. Кромъ нѣсколько пострадалъ; но дѣтинецъ и св. Троица остались невредимыми. Псковичи дѣлали на нихъ вылазки на Завеличье, и удачно съ ними бились. Простоявши день, нѣмцы разочли, что трудно брать городъ черезъ рѣку, и пошли къ броду, который находился въ Выбутѣ; но тамъ собрались псковичи, слѣдившіе за путемъ непріятеля. На переправѣ псковичи бились съ нѣмцами, но не могли ихъ удержать; нѣмцы перешли въ бродъ черезъ Великую, и пошли къ Полонищу. Эта часть города была передъ тѣмъ только обведена деревянною стѣною, по приказанію князя Ивана Горбатаго, великокняжескаго намѣстника. За стѣною были еще посады; псковичи, не успѣвши огородить, сожгли ихъ. Нѣмцы два дня простояли около Полонища, и ничего не сдѣлали. Они отошли. Тогда псковичи, дождавшись московскаго войска, которое шло отъ Изборска подъ начальствомъ князя Данилы Щени и князя Василія

[1]) Псков. Л. I. 27б.

Digitized by Google

Васильевича Шуйскаго, погнались за ними. Они догнали ихъ въ Озеровахъ на могильникѣ. Здѣсь 13-го сентября произошла битва, описанная кратко во Псковской лѣтописи, и подробно у нѣмецкихъ историковъ. Псковская лѣтопись называетъ ее не великою. Нѣмцы славились ею, какъ побѣдою. Послѣдніе преувеличивали московско-псковскую силу до 90,000, и говорили, будто москвичи хвалились взять въ плѣнъ все орденское войско и погнать его въ Москву какъ скотъ. Псковская лѣтопись разсказываетъ, что рыцари, ожидая русскихъ, поставили свой кошъ особо отъ войска, и говорили: если Русь ударитъ на кошъ, мы выйдемъ изо Псковской Земли, а если на насъ, то намъ придется здѣсь положить свои головы. Русскіе бросились не на войска, а на кошъ, и, прельщаясь добычею, стали грабить; да не подѣлившись, москвичи со псковичами завздорили и стали драться между собою. Мейстеръ воспользовался этимъ, ударилъ на русскихъ, и пробилъ ихъ ряды. Они побѣжали, но потомъ снова сомкнулись, и въ свою очередь ударили на нѣмецкую пѣхоту, и убили до четырехъ сотъ человѣкъ [1]). Но это не обратило сраженія въ пользу русскихъ. Мейстеръ поправился снова, ударилъ на русскихъ и заставилъ отступить. Онъ не преслѣдовалъ

---

[1]) Герберштейнъ, а за нимъ и нѣмецкіе историки (Russow 34. Hiarn. 191) приписываютъ эту потерю измѣнѣ одного изъ рыцарей; это былъ Лука Гаммерштейнъ, побочный сынъ княжескаго брауншвейгскаго дома. Орденскій знаменоносецъ Конрадъ Шварцъ, раненый, не могъ держать знамени, и кричалъ, чтобы кто-нибудь изъ храбрыхъ рыцарей, достойныхъ держать это знамя, заступилъ его. Гаммерштейнъ хотѣлъ-было взять знамя. Шварцъ не далъ ему. Въ досадѣ Гаммерштейнъ отрубилъ Шварцу руку; Шварцъ хватилъ знамя въ другую; Гаммерштейнъ отнялъ знамя, и перебѣжалъ къ русскимъ, вѣроятно, страшась наказанія за убійство знаменоносца, сдѣланное, можетъ быть, только въ припадкѣ оскорбленнаго самолюбія.

Digitized by Google

ихъ [1]). Лѣтопись Псковская [2]) говоритъ, что тогда псковичи не слушали своего князя, потому что не терпѣли его; онъ имъ напоминалъ, чтобы они держались строя, а они прятались въ кустахъ, да бранили его, и придавали ему насмѣшливыя прозвища, называя *опремомъ* и *кормихномъ*. А напрасно, по замѣчанію лѣтописца: еслибъ этотъ князь не догадался построить деревянную стѣну около Полонища и Бродей, то все бы дымомъ пошло до самой старой стѣны. Это была послѣдняя битва вольнаго Пскова съ своими вѣчными врагами. Мейстеръ удалился въ Ливонію, и отправилъ пословъ въ Москву; тамъ заключено было пятидесятилѣтнее перемиріе. Этотъ трактатъ не дошелъ до насъ; а въ немъ было какое-то условіе о платежѣ отъ дерптскаго епископства Пскову: черезъ пятьдесятъ лѣтъ царь Иванъ Грозный понималъ этотъ платежъ данью, и подъ этимъ предлогомъ заварилъ сумятицу, въ которой погибъ Орденъ.

Покончивъ съ независимостью Пскова, Москва приняла на себя какъ-бы долгъ покончить и съ Ливоніею. Москва задушила Псковъ — и Москва же отмстила за него тѣмъ, которые нѣкогда хотѣли, да не успѣли его задушить.

---

[1]) Hiarn. 190.

[2]) Псков. 1. 276.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ИНОРОДЦЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИНОРОДЦЫ.

Инородцы, входившіе въ предѣлы Новгородской Земли и имѣвшіе съ ними столкновенія, были: Водь, Чудь, Емь, Корела, Заволочьская Чудь, Печора, Югра, Пермь.

Страна на сѣверо-востокъ отъ Новгорода до моря, составляющая нынѣшнюю петербургскую губернію, называвшаяся Водскою Землею, впослѣдствіи Водскою Пятиною, была издавна населена финскими племенами. Славяне были тамъ только властители и гости. Въ древности обитали здѣсь два родственныя племени—Водь и Ижора. Во времена отдаленныя, которыя совершенно ускользаютъ отъ историческихъ изслѣдованій, Водь была уже подчинена Новгороду. Нѣтъ примѣра, чтобъ она являлась съ элементами особности или со стремленіями къ независимости; нигдѣ не видно, чтобы Водь когда-нибудь возставала противъ Новгорода и нуждалась въ укрощеніи, а потому какъ народъ,— она рѣдко упоминается. Еслибъ остатки этого народа не существовали до сихъ поръ, то слова въ лѣтописяхъ—*Водь, Вожане*, можно бы принимать не въ смыслѣ народа съ своеобразными этнографическими признаками, а вообще за обитателей страны въ географическомъ значеніи. Подъ 1069 годомъ, по поводу нападенія полоцкаго князя Всеслава, лѣтописецъ говоритъ, что тогда была великая сѣча (сѣця) Вожанамъ, и

Digitized by Google

пало ихъ безчисленное множество. Такимъ образомъ видно, что они составляли ополченіе новгородское; но здѣсь можно понимать и жителей Води славянскаго племени, новгородцевъ, поселившихся въ Водской провинціи. Въ 1149 году о Води упоминается по случаю нападенія на нее Еми: тогда новгородцы вмѣстѣ съ Водью воевали противъ Еми и отбивали ее. Подъ 1215 г., по случаю страшнаго голода, терзавшаго Новгородскую страну, лѣтопись говоритъ, что вожане тогда перемерли, а остатокъ ихъ разошелся [1]). Подъ 1240—1241 г. говорится о покореніи нѣмцами Води вмѣстѣ съ Чудью;—эта страна скоро была возвращена, и нѣкоторые вожане за преданность нѣмцамъ были повѣшены. Вожане нѣсколько разъ являются въ новгородскомъ ополченіи на службѣ Великому Новгороду вмѣстѣ съ другими подвластными инородцами, напр. въ 1270 году, противъ князя Ярослава въ походѣ до Голина, въ 1319 г. на защитѣ Новгородской Земли противъ тверского князя [2]). Въ 1348 г. они подверглись ратному нашествію шведовъ [3]).

Ижоряне, жившіе на берегахъ Невы, также какъ и Водь, постоянно были въ зависимости отъ Новгорода и составляли ополченіе новгородскихъ силъ. Такъ въ 1241 году, вмѣстѣ съ Корелою, они помогали Александру отвоевать Водскую Землю отъ нѣмцевъ. Въ 1270 году, вмѣстѣ съ вожанами и жителями другихъ новгородскихъ волостей, они были въ походѣ противъ князя Ярослава. Въ 1292 г. они отбивали нападенія шведовъ. Въ 1316 г. они воевали въ новгородскомъ ополченіи противъ Михаила. Въ 1348 году на этотъ народъ напалъ Магнусъ, король шведскій, и началъ его насильно крестить въ католиче-

---

[1]) Новг. I. 33.
[2]) Новг. I. 41.
[3]) Новг. IV. 58.

Digitized by Google

скую вѣру [1]), но пораженіе, понесенное шведскими войсками, освободило ижорянъ отъ этого насилія. Какъ Водь, Ижора всегда оставалась въ повиновеніи у Новгорода и не было случая, чтобъ нужно было укрощать этотъ народъ оружіемъ. Водь и Ижора, древніе обитатели страны, хотя были народы финскаго племени, но различныхъ вѣтвей. Ижора принадлежала къ корельской вѣтви, Водь же составляла особую вѣтвь. До сихъ поръ удерживаютъ свое имя слабые остатки ижорскаго народа; остатокъ Води существуетъ въ нарвскомъ уѣздѣ и почти угасаетъ. Слово Водь или Воть, по толкованію знатоковъ финскихъ народностей, есть финское: Ватья-Лайсетъ и происходитъ отъ слова Ваддя—по фински Водая, что̀ значитъ болотистая земля. Какъ Водь, такъ и Ижора приняли православное вѣроисповѣданіе, но христіанство распространялось между ними медленно: новгородцы мало заботились объ этомъ; и потому-то даже въ XVI вѣкѣ жители Водской Земли, по имени христіане, совершали языческіе обычаи предковъ. Кромѣ этихъ двухъ племенъ, населившихъ сѣверо-западную часть Новгородской Земли, вѣроятно еще во время независимости Новгорода были здѣсь и другія двѣ финскія народности, существующія въ наше время въ петербургской губерніи—Савакотъ и Ауралайсетъ.

Емь—племя нынѣшней южной Финляндіи, въ древнѣйшія времена находилась съ Новгородомъ въ столкновеніяхъ и отчасти была подчинена ему: краткость и неясность извѣстій не допускаютъ придти къ какому-нибудь положительному взгляду. Первое извѣстіе объ отношеніяхъ Новгорода къ Еми встрѣчается въ 1040 г., когда князь Владимиръ, сынъ Ярослава кіевскаго, ходилъ съ новгородцами на Емь, но въ какую сторону былъ направленъ этотъ походъ—неизвѣстно; равнымъ образомъ неизвѣст-

[1]) Новг. I. 84.

Digitized by Google

но, было ли это первое покушеніе подчинить Емь платежу дани, или же то было укрощеніе непокорныхъ, и Емь уже прежде была подвластна Новгороду. До 1123 года нѣтъ болѣе извѣстій о Еми; въ этотъ годъ,—по сказанію лѣтописи,—князь Всеволодъ ходилъ съ новгородцами на Емь и побѣдилъ ее, но тогда новгородцы претерпѣли большія лишенія, перенесли голодъ: хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что его покупали по ногатѣ. Въ 1142 году уже не новгородцы совершали походъ на Емь, но Емь напала на Новгородскую Землю — въ окрестностяхъ Ладоги; ладожане побѣдили ее, убивъ до 400 человѣкъ въ сраженіи. Это нападеніе Еми состояло въ связи съ шведскимъ, потому что въ то же время шведскій князь съ епископомъ приходилъ на Новгородскую Землю въ шестидесяти судахъ, называемыхъ шнеками; съ этихъ поръ столкновенія съ Емью повели къ враждѣ новгородцевъ съ шведами. Причиною было то, что новгородцы подчинили себѣ южную Финляндію и собирали тамъ дань, но потомъ вступили въ Финляндію шведы, начали крестить Емь въ католическую вѣру и вслѣдъ за тѣмъ хотѣли подчинить этотъ народъ своей власти. Такимъ образомъ шведы и новгородцы встрѣтились на одномъ пути и должны были статься соперниками. Объ этомъ нѣтъ прямыхъ указаній въ русскихъ лѣтописяхъ, но есть краткія и темныя въ шведскихъ [1]). Но изъ самыхъ отрывочныхъ лѣтописныхъ

---

[1]) Въ Хроникѣ, изданной Неттельбладтомъ въ его „Шведской Библіотекѣ“ 1728 г., стр. 97. Въ рифмованной Хроникѣ Мессенія, изд. 1774 г. въ Або. Въ шведской рифмованной Хроникѣ, на которую ссылается Скаринъ въ своемъ сочиненіи: Da Sancto Henriko finnorum Apostolo. Изъ этихъ хроникъ видно, что шведы отняли южную Финляндію у новгородцевъ. Ученый Лербергъ находитъ, что съ половины XII вѣка шведы вступили въ южную Финляндію съ крестоносною цѣлью и цѣлое столѣтіе край находился въ обоюдной зависимости отъ новгородцевъ и шведовъ разомъ. Это было тѣмъ возмож-

Digitized by Google

русскихъ сказаній можно видѣть, что ожесточенная вражда Новгорода со шведами возникла именно за владѣніе этимъ народомъ. Видно, что Емь не принимала новгородскую власть такъ мирно и безмолвно, какъ другіе народы финскаго происхожденія; охотнѣе она склонялась къ шведамъ, и, сопротивляясь покушеніямъ новгородцевъ, нападала иногда со шведами, иногда сама по себѣ на новгородскіе предѣлы. Напротивъ, одноплеменная ей Корела, вмѣстѣ съ другими финскими инородцами, подвластными Новгороду, боролись съ Емью за Новгородъ. Такъ послѣ нападенія Еми на Ладогу, на другой годъ 1143, Корела, въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, ходила на Емь. Въ 1149 г. Емь напала на Водь, но новгородцы вмѣстѣ съ вожанами отбили ихъ. Въ 1164 г. Емь, вмѣстѣ со шведами, нападала на Ладогу. Въ 1186 и 1191 годахъ новгородцы сдѣлали два похода на Емь въ страну этого народа. Въ первый изъ этихъ годовъ новгородскіе удальцы, подъ предводительствомъ какого-то Вышаты Васильевица, ходили на Емь и воротились здоровы [1]). Второй походъ предпринятъ былъ новгородцами вмѣстѣ съ Корелою: вошли въ Емьскую Землю, изсѣкли скотъ, сожгли хлѣбъ и воротились здоровы [2]). Въ 1227 г. князь Ярославъ съ новгородцами нападалъ на Емь, повоевалъ всю землю и привелъ плѣнниковъ безъ числа [3]). Приводъ плѣнниковъ, поселенныхъ

нѣе, что въ тѣ времена власть надъ такими полудикими народами ограничивалась собраніемъ дани посредствомъ внезапныхъ набѣговъ, безъ правильнаго разложенія дани на дворы или земли. Что русскіе собирали тамъ издавна дань и вообще простирали свою силу и власть на этотъ край, видно изъ того, что до сихъ поръ въ южной Финляндіи дань называется русскимъ испорченнымъ словомъ апракка, т.-е. оброкъ, и сверхъ того въ языкъ вошло много русскихъ словъ.

[1]) Новг. I. 19.

[2]) Новг. I. 20.

[3]) Новг. I. 42.

Digitized by Google

въ Новгородской Землѣ и безъ сомнѣнія оставившихъ по себѣ потомство, вносилъ эту новую народную стихію въ пестрое народонаселеніе Новгородской Земли; но въ слѣдующій годъ, въ отмщеніе за этотъ походъ, Емь въ августѣ явилась подъ Ладогой. Изъ Ладоги дали тотчасъ знать въ Новгородъ, но прежде чѣмъ новгородцы поспѣли въ Ладогу съ своимъ княземъ Ярославомъ, посадникъ ладожскій, узнавши, что Емь разоряетъ поселенія около Озера (на Исадѣхъ и Олоньѣ), бросился на нее и напалъ ночью. Емь стала просить мира; посадникъ Володиславъ не давалъ ей мира; тогда они умертвили плѣнниковъ, которыхъ успѣли наловить, конечно, изъ корелъ, и убѣжали въ лѣсъ. Ижоряне и Корела преслѣдовали ихъ и всѣхъ перебили; а было ихъ тогда до двухъ тысячъ. Это было послѣднее дѣло собственно съ Емью. Отсюда начинается за Емь борьба со шведами.

Какъ покушенія новгородцевъ на власть надъ Емью привели ихъ къ борьбѣ со шведами, такъ съ другой стороны покушенія владѣть Чудью (Ливоніею) привели ихъ къ борьбѣ съ нѣмцами.

Подъ Чудью въ лѣтописяхъ вездѣ слѣдуетъ разумѣть ливовъ и эстовъ, жителей нынѣшней Лифляндіи и Эстляндіи. Связь этой страны съ новгородскими славянами теряется въ доисторическихъ временахъ. Призваніе варяжскихъ князей представляется дѣломъ Чуди, какъ и славянъ. Мы выше уже объяснили, что по нашему мнѣнію здѣсь слѣдуетъ разумѣть не собственно самостоятельную Чудь но Чудскую страну, уже управляемую славянами. Размѣщеніе призванныхъ князей и мужей (вѣроятно принадлежавшихъ къ ихъ роду, съ которымъ они были призваны) указываетъ отчасти, гдѣ надобно искать этой Чуди. Это собственно страна Изборская на западъ отъ Пскова, принадлежавшая впослѣдствіи всегда къ Псковской Землѣ и населенная Чудью, которой остатки, исповѣдующіе пра-

Digitized by Google

вославіе, существуютъ до сихъ поръ подъ именемъ полувѣрцевъ. Дальнѣйшее на западъ пространство еще не подлегало русскому міру. Не прежде какъ въ 1029 г. Ярославъ шагнулъ далѣе. Онъ покорилъ землю, называемую Угеноисъ и построилъ на рѣкѣ Эммайокки — названной впослѣдствіи Эмбахомъ,—городъ Юрьевъ въ свое крестное имя. Съ тѣхъ поръ началъ входить туда славянскій элементъ, потому что въ городѣ должна была жить дружина, собиравшая съ туземцевъ дань и державшая въ повиновеніи окрестный край. Ярославъ не сдѣлалъ тамъ особаго удѣла, потому-что земли, гдѣ славянское населеніе было малочисленно, не организовались особыми удѣлами: онъ присоединилъ новопокоренную страну къ Новгородской Землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ безсознательно завѣщалъ Новгороду въ будущемъ выносить на своихъ плечахъ тяжелую и безполезную борьбу за это пріобрѣтеніе.

Въ теченіи XI вѣка, по краткости лѣтописныхъ извѣстій, мы ничего не знаемъ болѣе о Чуди, — не упоминается о ней, кромѣ разсказа о кудесникѣ, котораго видѣлъ новгородецъ, пришедшій въ Чудскую Землю [1]).

---

[1]) Видно, что страна эта и народность финская и въ то время уже славились волшебниками, какъ впослѣдствіи. Новгородецъ пришелъ къ кудеснику для гаданія (волхвованія); кудесникъ сталъ призывать бѣсовъ и вдругъ упалъ безъ чувствъ. „Боги не смѣютъ придти,—сказалъ онъ,—на тебѣ есть что-то такое, чего они боятся". Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ надѣтъ крестъ, снялъ его и вынесъ изъ избы. Тогда кудесникъ свободно сталъ призывать духовъ. Бѣсы начали *метать* кудесникомъ, а потомъ дали отвѣтъ, котораго хотѣлъ новгородецъ. „Боги наши боятся знамени небеснаго Бога," — сказалъ послѣ того кудесникъ.—„А каковы ваши боги и гдѣ живутъ"?—„Боги наши въ безднѣ живутъ—черные, крылатые, съ хвостами и подъ небо всходятъ, повинуясь вашимъ богамъ; потому что ваши боги на небесахъ, и если кто изъ вашихъ людей умретъ, того несутъ на небо, а когда кто изъ нашихъ умираетъ, того несутъ въ бездну" (Соф. Врем. I. 145).

Digitized by Google

Достаточно уже изъ этого, что связь съ Чудью не прерывалась. Въ началѣ XII вѣка Чудь является въ непріязни къ Новгороду,—отказывается платить дань, и князь Мстиславъ, сынъ Мономаха, нѣсколько разъ принужденъ былъ ходить на нее съ войскомъ и усмирять. Первый походъ былъ въ 1111 г. на Очелу: какъ видно онъ не подчинилъ тогда Чуди, потому что въ 1113 г. отправился съ войскомъ снова и побѣдилъ ее на Бору, а въ 1116 году снова ходилъ на Чудь и взялъ городъ Медвѣжью-Голову (Оденпе). Этотъ городъ находится въ землѣ Уггеноисъ, слѣдовательно здѣсь рѣчь идетъ о той же Чуди, которую подчинилъ Новгороду еще Ярославъ. Въ 1130 и 1131 годахъ опять пришлось новгородцамъ воевать съ Чудью: князь Всеволодъ Мстиславичъ сожигалъ жилища непокорнаго народа и приводилъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Но эти походы не укротили покоренныхъ, а еще болѣе ихъ ожесточили. Юрьевъ, властвовавшій надъ покоренною страною, не устоялъ и попалъ въ ихъ руки; въ 1133 г. новгородцы, подъ предводительствомъ того же князя, возвратили его Новгороду. Съ тѣхъ поръ лѣтъ до сорока Чудь принадлежала Новгороду невозбранно, и служила иногда мѣстомъ ссылки: такъ въ 1141 г. посадникъ Якунъ былъ сосланъ въ Чудь. Въ 1176 году вспыхнуло возстаніе. Уже не новгородцы ходили удерживать Чудь въ повиновеніи, а сама Чудь сдѣлала нападеніе на Псковъ, еще не вышедшій вполнѣ изъ значенія новгородскаго пригорода. Лѣтопись выражается, что тогда напала на Псковъ вся Чудь; это значило,—какъ объясняютъ послѣдующія событія, — что возстанія въ Уггеноисѣ вызвали на борьбу съ русскими другихъ чудскихъ единоземцевъ, подалѣе на сѣверо-западъ и западъ. Нападеніе было отбито. Черезъ два года князь Мстиславъ Ростиславичъ пожегъ Чудскую Землю и погналъ Чудь къ морю. Племенное родство съ обитателями Уггеноиса привело жителей Приморской Гар-

Digitized by Google

ріи къ враждѣ съ русскими. Въ 1190 году Поморская Чудь опять явилась къ Пскову по озеру на своихъ лодкахъ, которымъ лѣтописи даютъ названіе шнекъ. Они были отбиты [1])—ни одинъ живой не ушелъ. Но это нашествіе было предпринято вслѣдствіе успѣха возстанія въ самой Чудской Землѣ. Чудь снова захватила русскіе города, выстроенные въ ихъ землѣ: Юрьевъ и Оденпе. Въ 1192 году новгородцы со псковичами завоевали ихъ обратно.

Начало XIII вѣка было роковою эпохою прибытія крестоносцевъ. Они пришли въ то время, когда туземцы съ возрастающею энергіею отстаивали свою независимость отъ Великаго Новгорода. Новые завоеватели стали отнимать ихъ у старыхъ,—и наступательная борьба русскихъ съ туземцами Ливоніи перешла, въ свою очередь, въ оборонительную противъ пришлаго могучаго врага.

Въ иныхъ отношеніяхъ къ Великому Новгороду были корелы, многочисленное финское племя, жившее вокругъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ. Когда Чудь и Емь оказывали сопротивленіе новгородской власти, корелы были дѣятельными союзниками Новгорода, и отбивали нападеніе шведовъ. Первый разъ упоминается о Корелѣ въ половинѣ XII вѣка по случаю ополченія за Изяслава Мстиславича. Нельзя изъ этого выводить,—какъ дѣлаетъ ученый Шегренъ,—что новгородцы до того времени не имѣли съ Корелой сношеній. Скудость нашихъ лѣтописныхъ извѣстій не даетъ повода дѣлать заключеній о томъ, что не было на самомъ дѣлѣ того, о чемъ онѣ умалчиваютъ. Изъ этихъ извѣстій видно, что тогда уже Корела входила въ составъ новгородской волости. Новгородцы очень часто воевали Емь вмѣстѣ съ Корелою. Кажется, между этими двумя вѣтвями сѣверо-финскаго племени господствовала давняя непріязнь и вражда и этимъ-то воспользовались

[1]) Новг. Л. I, 20.

Digitized by Google

новгородцы; корелы, ради взаимныхъ враговъ, пристали къ Новгороду. Въ 1228 году, также по случаю нашествія Еми, корелы содѣйствовали истребленію нападавшихъ на новгородскіе предѣлы. Въ 1241 году корелы вмѣстѣ съ ижорянами въ новгородскомъ ополченіи воевали противъ нѣмцевъ. Въ 1253 году, по поводу войны съ нѣмцами, Корела творила зло нѣмецкимъ волостямъ. Въ 1268 году князь Ярославъ хотѣлъ было идти съ оружіемъ на Корелу неизвѣстно по какой причинѣ, но новгородцы не допустили его. Въ 1270 году Корела вмѣстѣ съ Ижорою и вожанами участвовала во всеобщемъ ополченіи новгородской волости противъ князя Ярослава. Въ 1292 году Корела вмѣстѣ съ Ижорою отбила шведскій отрядъ. Въ 1314 году шведы, противъ которыхъ до тѣхъ поръ держались корелы, успѣли составить въ этомъ народѣ для себя партію. Нѣсколько предателей перебили русскихъ, находившихся въ корельскомъ городкѣ (нынѣшній Кексгольмъ), обладавшемъ Корельскою страною и сдали городъ шведамъ. Но партія, противная Новгороду, была не велика; какъ только новгородцы подошли къ Корельску — всѣ корелы покорились имъ; измѣнники не успѣли убѣжать: корелы выдали новгородцамъ и шведовъ, которые засѣли въ ихъ городкѣ въ качествѣ правителей. Въ первой половинѣ XIV вѣка часть Корелы покорена была шведами и, въ отличіе отъ оставшейся подъ владѣніемъ новгородскимъ, называлась Корелой Нѣмецкой. Это раздвоеніе зависимости было пагубно для народа, потому что новгородцы смотрѣли на Корелу подчиненную шведамъ, какъ на своихъ враговъ; точно также относились шведы къ той Корелѣ, которая осталась за Новгородомъ. Орудіемъ же взаимной вражды была, и съ той и съ другой стороны, сама Корела. Такъ въ 1338 г. корелы, по наущенію шведовъ, побили русскихъ, жившихъ въ Корелѣ и убѣжали къ шведамъ въ шведскій корельскій городъ; потомъ шведы съ своею Корелою воевали

Digitized by Google

Корелу Обонежскую, находившуюся подъ властію Новгорода; а новгородцы съ своею Корелою воевали Корелу Городецкую, принадлежавшую шведамъ и жившую около Выборга. И такъ народъ корельскій, разъединенный между шведами и новгородцами, подавалъ поводъ ко враждѣ тѣхъ и другихъ между собою, и самъ не зналъ, куда ему пристать,—велъ междоусобную войну въ угодность сильнымъ чужеземцамъ, которые разорвали его и спорили за него, какъ за добычу. Въ 1339 году, новгородцы помирились съ шведами, и новгородскіе послы докончили миръ по старымъ грамотамъ и положили, чтобъ шведы рубили и вѣшали у себя Корелу, перебѣгавшую къ нимъ изъ новгородскихъ предѣловъ, а новгородцы то же будутъ дѣлать съ бѣглецами изъ Шведской Корелы, не исключая тѣхъ, которые крещены въ русскую вѣру [1]). По мѣрѣ того, какъ угасала между Новгородомъ и Швеціей вражда, возбужденная вопросомъ о владѣніи сѣверными финскими народами, извѣстія о Корелѣ дѣлаются рѣже и рѣже. Мало-по-малу край, называемый Обонежье, сталъ заселяться русскимъ элементомъ, но онъ долго былъ незначителенъ: масса народа всего Обонежья была корельская.

Заволочьемъ называлась сѣверная страна, прилегавшая къ морю, по рѣкѣ Двинѣ и ея притокамъ. Шегренъ толковалъ, что это слово надобно принимать не въ значеніи пространства между двумя водяными путями, а въ значеніи пустого пространства земли вообще, то же что наволокъ. Но кажется, что слово «заволочье» естественно образовалось въ смыслѣ страны не за однимъ волокомъ, а за нѣсколькими волоками разомъ, напр., между Онѣгою и Бѣлымъ озеромъ и Вожемъ озеромъ, между Бѣлымъ Озеромъ и Кубенскимъ, между Сизмою, впадаю-

[1]) Новг. I. 79.

Digitized by Google

щею въ Шексну, и Вологдою. Первоначально Заволочье имѣло неопредѣленное значеніе края, простирающагося на сѣверо-востокъ. Впослѣдствіи названіе это получило болѣе точности, такъ что отъ Заволочья стали отличать дальнія земли: Печору, Терскій берегъ, Пермь и Югру, а Заволочьемъ называли собственно берега Онѣги и Двины. Край этотъ, богатый пушными звѣрями, былъ населенъ финскимъ племенемъ, носившимъ у новгородцевъ названіе Заволочьская Чудь, и мало-по-малу былъ заселенъ новгородскими выходцами, устроившими на берегахъ рѣкъ, служившихъ путями сообщенія, свои колоніи. Къ сожалѣнію, недостаточность извѣстій не даетъ намъ возможности знать, какъ совершалось это заселеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣненія между туземцами, которые отчасти переродились въ русскихъ, отчасти были истреблены или вытѣснены. Уже при Ярославѣ новгородцы проникли въ эти страны, какъ показываетъ извѣстіе о походѣ Глѣба къ Желѣзнымъ Вратамъ въ 1032 году. По изысканіямъ ученаго финнолога Шегрена, Желѣзныя-Врата находились въ 80-ти верстахъ отъ Устьсысольска, въ селеніи Водса, гдѣ можно видѣть большой холмъ, называемый по-зырянски Кариль (т.-е. Холмъ города). Преданіе придаетъ этой мѣстности названіе Желѣзныхъ-Вратъ, такъ что, по этимъ соображеніямъ, выходитъ, что подъ именемъ Желѣзныхъ-Вратъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи, слѣдуетъ разумѣть главный городъ этой земли. Народъ, населявшій Заволочьскій край, сопротивлялся покушеніямъ новгородцевъ утвердить свою власть въ ихъ землѣ. Сперва власть эта ограничивалась только случайными сборами даней съ туземцевъ. Подобные сборы были не безопасны, —какъ это показываетъ трагическая судьба князя Глѣба, который въ 1079 году, отправившись въ Заволочье съ новгородцами, былъ убитъ Заволочьской Чудью. Въ половинѣ XII вѣка власть новгородская въ этой землѣ со-

Digitized by Google

стояла все еще только въ сборѣ даней; но уже богатства, получаемыя тамъ новгородцами, возбуждали у ихъ сосѣдей покушенія проникнуть туда же, въ ущербъ новгородцамъ. Такъ въ 1169 году на посланную для собиранія въ Заволочьѣ дани новгородскую дружину напали суздальцы, но были разбиты [1]). Въ XIV-мъ вѣкѣ уже существовали на Двинѣ новгородскія колоніи и край былъ раздѣленъ на погосты. Подъ 1342 годомъ [2]) мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Лука Варѳоломеевъ, собравши холоповъ-сбоевъ, поставилъ на Двинѣ городокъ Орлецъ, собралъ емчанъ, жителей уже прежде существовавшаго на Двинѣ новгородскаго городка Емца и началъ брать на щитъ погосты въ Заволочьской Землѣ. Заволочане убили его. По всѣмъ вѣроятіямъ, погосты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были населены туземцами, а не славянскими колонистами. Хотя походъ Луки былъ предпринятъ безъ благословенія владыки и безъ воли новгородскаго вѣча, но чернь въ Новгородѣ сочувствовала ему. Едва-ли можно допустить, чтобъ Лука нашелъ себѣ сочувствіе въ новгородцахъ, еслибъ онъ началъ разорять новгородскіе погосты; напротивъ, очень естественно, что толпа черни почла позволительнымъ ограбить и разорить чужеродцевъ, особенно нехристей; а съ другой стороны, люди, болѣе знакомые съ государственными понятіями, считали этотъ поступокъ такимъ же преступленіемъ, какъ еслибъ разореніе постигло и православныхъ русскихъ. Въ концѣ XIV вѣка Заволочье было уже значительно заселено новгородцами и имѣло своихъ бояръ, которые, бывъ удалены отъ новгорода, до того усвоили своебытные независимые интересы мѣстности, что пытались отложиться отъ метрополіи. Остается совершенно темнымъ вопросъ: участвовалъ ли

[1]) Новг. Л. I, 14.

[2]) Новг. Л. I, 82.

Digitized by Google

и какъ участвовалъ туземный народъ—Заволочьская Чудь —въ этой попыткѣ къ отложенію, возбужденной продѣлками московской политики. Но этотъ народъ противодѣйствовалъ внѣдренію русскаго элемента и погибъ, вѣроятно, отъ борьбы съ нимъ. До сихъ поръ въ мѣстныхъ преданіяхъ сѣвернаго края сохранились темныя воспоминанія о томъ, что жилъ какой-то народъ Чудь, воевалъ съ русскими и былъ истребленъ. Въ разныхъ мѣстахъ показываютъ высокія могилы, гдѣ лежатъ грудами тѣла павшихъ въ этой борьбѣ. Въ настоящее время, по свидѣтельству финнологовъ, остатки этого многочисленнаго племени уцѣлѣли въ небольшомъ количествѣ, отрывками, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ и въ пограничѣ Лодейнопольскаго, въ Тихвинскомъ на берегу р. Ойяти, въ Петрозаводскомъ вдоль западнаго берега Онежскаго озера и по рѣкѣ Квинѣ, встрѣчаются они при переходѣ въ Олонецкую Корелію, а въ Олонецкомъ уѣздѣ въ волости Лоянской. Количество ихъ такъ не велико, что обоего пола можно насчитать съ небольшимъ двѣ тысячи. Они называются Людинъ-Кели (т.-е. Языкъ-Людей). Языкъ ихъ, — по изслѣдованію Шегрена,—есть переходъ отъ южно-финляндскаго или Ямалайсетъ къ корельскому; это народъ однородный съ Емью; изъ этого однородства выходитъ, что Емь, прежде чѣмъ пришла въ южную Финляндію, обитала нѣкогда на сѣверо-востокѣ. Заволочьская Чудь есть древній остатокъ того же народа, не перешедшій въ Финляндію и оставшійся на прежнемъ жительствѣ. Языкъ теперешнихъ потомковъ Заволочьской Чуди представляетъ близкое сходство съ Емью, но удерживаетъ первородные старѣйшіе признаки.

За Бѣлымъ моремъ принадлежалъ Новгороду Терскій берегъ, называемый въ договорныхъ грамотахъ, гдѣ перечисляются новгородскія волости: Тре или Теръ — иногда Тиръ — иногда Тигръ. Онъ былъ населенъ лопарями, на-

Digitized by Google

зываемыми тогда Лопь. Новгородцы брали тамъ дани уже въ началѣ XII вѣка, — какъ показываетъ названіе терскаго данника, встрѣчаемое подъ 1216 г. [1]).

Дальнѣйшій сѣверо-востокъ былъ населенъ разными племенами финскими, у новгородцевъ подъ названіями Печоры, Перми и Югры. Главныя обитатели нынѣшней вологодской и пермской губерній были пермяки и зыряне, принадлежащіе къ одной фамиліи. По изслѣдованіямъ финнологовъ, эти два народа первоначально жили по Камѣ, что доказывается ихъ туземнымъ названіемъ Кама-Морть или Кама-Ясъ,—такъ называютъ себя равно и пермяки, и зыряне. Въ глубокой древности они подвинулись на сѣверъ, вѣроятно вслѣдствіе какихъ нибудь переворотовъ, и разселились по рѣкамъ Вычегдѣ, Сысолѣ, Вошкѣ, Ишмѣ, Пишмѣ, Зильмѣ, Печорѣ. Въ глубокой древности Пермскій край былъ извѣстенъ скандинавамъ и въ путешествіи Отера называется Біармосъ — испорченное названіе Пермь, Перемь. Въ нашей Лѣтописи, въ перечисленіи народовъ, обитавшихъ на русскомъ материкѣ, онъ названъ Пермь. Шегренъ думаетъ, что подъ этимъ названіемъ разумѣлись собственно пермяки, а другая сѣверная вѣтвь ихъ, зыряне, означены въ лѣтописи названіемъ Печора. Первоначальная лѣтопись, перечисляя народы, помѣщаетъ Пермь и Печору въ числѣ народовъ, платившихъ дань русскимъ. Подъ 1092 годомъ Печора явно указывается народомъ, дающимъ Новгороду дань. Въ XIII вѣкѣ, именно въ 1269 году, изъ новгородскихъ договоровъ несомнѣнно видно, что Пермь считалась въ числѣ новгородскихъ волостей; но какъ далеко простиралось новгородское владѣніе Пермью на югъ—неизвѣстно. Вѣрно, однако, что въ XIV вѣкѣ было у новгородцевъ плаваніе по Камѣ, потому что князь Юрій, ѣдучи изъ Заволочья въ Орду, спустился внизъ по

[1]) Новг. Л. VI, 24.

Digitized by Google

Камѣ [1]). Извѣстія о способѣ владѣнія Новгорода этою отдаленною землею до того скудны, что нѣтъ возможности вывести что нибудь точное. Кажется, что оно ограничивалось собраніемъ дани посредствомъ даньщиковъ, которые посылались Новгородомъ. Они ходили по странѣ вооруженными отрядами и брали у туземцевъ что могли взять, соображаясь съ тѣмъ, что предположено въ Новгородѣ. Своебытность Перми не нарушалась новгородцами: Пермь управлялась своими князьями до послѣднихъ временъ; именно въ 1463 году говорится о епископѣ Іонѣ, крестившемъ одного изъ пермскихъ князей. При самомъ паденіи Новгорода, Пермь управлялась туземнымъ княземъ. Новгородскихъ поселеній, сколько извѣстно, тамъ не было. Въ продоженіи вѣковъ, ограничиваясь сборомъ дани съ Перми, новгородцы не заботились о распространеніи тамъ христіанской вѣры. Пермяки спокойно поклонялись идолу—Золотой Бабѣ, солнцу, водѣ, каменьямъ, деревьямъ, быкамъ, козламъ и вѣрили своимъ колдунамъ (шаманамъ), которые отгадывали будущее, подавали совѣты при начинаніи дѣла и умилостивляли боговъ въ несчастіи. Только въ концѣ XIV вѣка св. Стефанъ проповѣдалъ христіанство между пермяками, изобрѣлъ для пермскаго языка азбуку и перевелъ на него евангеліе.

Самый крайній предѣлъ новгородскихъ владѣній, переходящій уже границы Европы, была Югра. Положеніе этого полуночнаго края, не ясно указываемаго въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, было предметомъ споровъ между учеными. Георги полагалъ, что подъ этимъ именемъ надобно разумѣть страну отъ Бѣлаго моря до Урала; Шлецеръ — на Вычегдѣ; Миллеръ и Фишеръ—на Печорѣ. Лербергъ объяснилъ ея положеніе, сопоставивъ лѣтописное извѣстіе съ описаніемъ похода отправленнаго для покоренія страны рус-

[1]) Новг. Л. I, 73.

Digitized by Google

скаго войска въ XV вѣкѣ. Согласно этому объясненію, принятому между прочимъ Кастреномъ и Клапротомъ, Югра была земля за предѣлами Уральскаго хребта въ приблизительно указываемыхъ границахъ по обѣимъ сторонахъ Оби и Нижняго-Иртыша,—къ сѣверу до самоѣдскихъ границъ, — къ востоку до рѣкъ Надима, Гана и Ваха. Впрочемъ, быть можетъ невсегда подъ именемъ Югры слѣдуетъ понимать этотъ отдаленный уголъ; при той неопредѣленности, какая господствовала въ древности въ географическихъ понятіяхъ, возможно, если бы подъ Югрою разумѣли и ближайшія земли. Въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, новгородцы проникли въ Заволочье и, подвигаясь все далѣе на востокъ, собирали уже дань съ Печоры и достигали Югры. Въ 1092 г. лѣтописцу разсказывалъ новгородецъ Гюрата Роговичъ диковинки про Югру. Отроки Роговича изъ Печоры, которая уже платила Новгороду дань, ходили въ Югру. «Югра языкъ нѣмъ и сидитъ съ Самоѣдью въ полуночныхъ странахъ. Зайдя луку моря, разсказывали Югры русскимъ, есть горы подъ небеса высотою, и въ этихъ горахъ слышанъ шумъ и крикъ: люди живутъ въ срединѣ горы, силятся освободиться, просѣкли изъ горы маленькое оконце и выглядываютъ оттуда, и кричатъ; но разобрать ихъ языка нельзя: они только знаками указываютъ на желѣзо, и просятъ его, и сами даютъ за ножи и топоры звѣриныя шкуры». Этотъ миѳъ указываетъ, что въ этихъ отдаленныхъ странахъ полуночи производилась мѣновая торговля съ остяками и вогуличами: новгородцы получали отъ нихъ мѣха, а имъ давали оружіе. Подъ 1114 г. лѣтописецъ разсказываетъ, что ему говорили въ Ладогѣ, будто въ Югрѣ съ неба изъ тучи выпадаютъ бѣлки и олени, и расходятся по Землѣ. Здѣсь также миѳическое изображеніе богатства звѣринаго края. Такой сказочный образъ выраженія о Югрѣ возникъ оттого, что страна была мало извѣстна, и путь къ ней былъ далекъ и опа-

Digitized by Google

сенъ. Для собранія дани, новгородцы посылали въ свои дальнія волости ватаги даньщиковъ. Нѣсколько такихъ ватагъ, подъ начальствомъ своихъ ватамановъ, ходили по странѣ и собирали съ жителей звѣриныя шкуры и дорогіе металлы. Странствовать было небезопасно; и дѣйствительно, упоминаются въ лѣтописяхъ случаи, когда новгородскіе даньщики погибали отъ туземныхъ народовъ. Такъ въ 1184 г. были избиты заволочьскіе, печорскіе и югорскіе даньщики: югорскіе не дошли до Югры и положили головы въ Печорѣ. Погибшихъ насчитано до ста. Въ 1193 г. новгородцы послали въ Югру отрядъ съ воеводою Ядреемъ. Югорцы противились, и когда новгородцы взяли у нихъ городъ и приступили къ другому, то югорцы прислали сказать такъ: «мы копимъ серебро и соболей и узорочья; не губите своихъ смердовъ и своей дани!» Новгородцы повѣрили; воевода съ двѣнадцатью человѣкъ лучшихъ людей вошелъ въ городъ; всѣхъ ихъ тамъ перебили. Оставшіеся за городомъ въ полѣ, не дождавшись возвращенія своихъ изъ города, послали туда тридцать человѣкъ освѣдомиться. И тѣхъ побили. Послали за тѣмъ еще 50 человѣкъ. Одинъ изъ послѣднихъ, по имени Савка, желая спасти себѣ жизнь, совѣтовалъ югорскому князю убить Якова Прокшинича, который вѣрно былъ главнымъ изъ посланныхъ пятидесяти. Югорскій князь послушалъ совѣта Савки: убилъ Якова Прокшинича, а потомъ убилъ и самого Савку. Новгородцы уже шесть недѣль стояли подъ городомъ, но потомъ югорцы сдѣлали вылазку и перебили новгородцевъ. Ускользнуло только восемьдесятъ человѣкъ, но и о тѣхъ не было ни слуха, ни вѣсти цѣлую зиму.

Извѣстіе о томъ, что югорцы давали новгородцамъ дань серебромъ, золотомъ и узорочьями, помѣщенное въ лѣтописи, подтверждаетъ предположеніе, что въ Сибири, на берегахъ Енисея и далѣе, въ древности производились

Digitized by Google

горные промыслы, и тамошніе жители отправляли серебро и золото на промѣнъ Перми и Югрѣ, а отъ послѣднихъ получали эти предметы новгородцы. По изслѣдованіямъ финнологовъ, сѣверо-восточные финскіе народы: Пермь, Печора (зыряне) и Югра съ древнѣйшихъ временъ вели значительную торговлю, и это-то привлекало къ нимъ, черезъ Сѣверное море, скандинавскихъ богатырей, которые ѣздили туда то для торговли, то для разбоя. Изъ миѳологическихъ описаній югорскихъ горъ въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 1096 годомъ, Кастренъ хочетъ видѣть символическое изображеніе торговаго пути, по которому пермяки и зыряне производили торговлю съ Югрою по рѣкамъ Сысвѣ и Вогулкѣ. Путь этотъ шелъ черезъ Уральскій хребетъ. Кромѣ его, былъ еще другой путь, проложенный пермяками и зырянами и называемый у остятяковъ — зырянскимъ путемъ. Это были два «югорскіе» пути, то есть пути въ Сибирь; кромѣ ихъ черезъ Пермь лежалъ путь восточный, отъ Каспійскаго моря по Волгѣ и Камѣ, а потомъ по Двинѣ и Печорѣ до Ледовитаго моря. По этому-то пути плылъ изъ Заволочья князь Юрій, когда отправлялся въ Орду. Города Болгары на Волгѣ, Чердынь на рѣкѣ Колвѣ въ Перми и Холмогоры въ Заволочьѣ, были торговыми пунктами. Товары приходили по этому пути изъ Персіи, Бухаріи, Арменіи, Аравіи и—по мнѣнію нѣкоторыхъ — изъ Индіи. Этотъ торговый путь былъ очень древенъ и ему обязана Пермь извѣстностію въ скандинавскихъ памятникахъ, подъ именемъ Біарміи, своими богатствами. Пермяки и зыряне вымѣнивали на мѣха восточные товары и въ древности снабжали ими скандинавскихъ викинговъ. Новгородцы, проложивъ себѣ дорогу въ Пермь и подчинивъ эту страну власти Великаго Новгорода, овладѣли и древнею торговлею края. Кромѣ Чердыни, въ XV вѣкѣ въ Перми были города: Уросъ въ Нижней Перми, Искоръ въ Верхней Перми. Но какъ

Digitized by Google

Пермь, такъ и Югра, до конца новгородской независимости, оставались съ своею народностью, и московская власть, подчинивши себѣ Новгородъ, покоряла эти страны, считавшіяся новгородскими волостями, какъ краи независимые. Пермь была завоевана въ 1472 году, на другой годъ послѣ Коростынскаго мира. Завоевателемъ былъ воевода князь Ѳедоръ Пестрый. Хотя по Коростынскому договору Пермь оставлена была во владѣніи Великаго Новгорода, но Иванъ московскій не считалъ этотъ договоръ такимъ, который, заключивши, слѣдуетъ соблюдать: онъ не боялся новгородцевъ и былъ увѣренъ въ ихъ безсиліи, а потому нашелъ удобный случай отнять у Новгорода отдаленную страну. Пермью управлялъ тогда, подъ верховною властію Новгорода, туземный крещеный князь Михаилъ. Въ Перми оскорбили какого-то московскаго купца. Иванъ, какъ будто въ наказаніе, заступаясь за своего подданнаго, отправилъ туда войско. Князь Ѳедоръ Пестрый прибылъ на устье Черной и оттуда повелъ войско на плотахъ. Вскорѣ онъ нашелъ удобнымъ раздѣлить его и на себя взялъ завоеваніе Верхней Перми, а другой отрядъ, подъ начальствомъ Гаврилы Нелидова, отправилъ въ Нижнюю Пермь. Оба отлично повели дѣло. Гаврило опустошилъ пермскія поселенія на пути, по которому шелъ; князь Пестрый же, доходя до Искора, встрѣтилъ туземное ополченіе. Произошло сраженіе — москвичи одолѣли. Предводитель пермяковъ, воевода Качаимъ, взятъ въ плѣнъ. Пестрый взялъ съ бою городъ Искоръ и плѣнилъ пермскихъ воеводъ Бурмата и Мичкина. Еще одинъ пермскій воевода, по имени Зыранъ, пришелъ къ московскому военачальнику по опасу; но не смотря на это, съ нимъ обращались какъ съ плѣнникомъ. По взятіи Искора, Пестрый пошелъ на соединеніе съ Нелидовымъ и сошелся съ нимъ на устьѣ рѣки Почки, впадающей въ Колву. Здѣсь москвичи заложили городокъ, назвали его по име-

Digitized by Google

ни рѣки, на устьѣ которой онъ былъ построенъ—Почкою. Вся Пермская Земля была покорена власти великаго князя. Князь Михаилъ достался въ руки побѣдителей и былъ отправленъ въ Москву вмѣстѣ съ другими воеводами. Какъ образчикъ богатства края, воевода послалъ великому князю въ подарокъ шестнадцать сороковъ соболей, 29 съ половиною поставовъ сукна, соболью шубу, панцырь и двѣ булатныхъ сабли [1]).

Югра досталась Москвѣ уже послѣ совершеннаго паденія Новгорода. Въ 1483 году великій князь Иванъ Васильевичъ отправилъ князя Ѳедора Курбскаго-Чернаго и Солтыка-Травина съ устюжскими полками; къ нимъ присоединились рати пермяковъ, потому что пермяки издавна жили во враждѣ съ сосѣдями своими вогуличами. Вогульскій князь Асыка невадолго передъ тѣмъ опустошалъ звѣрски Пермскій край. Сынъ Асыки, Юшманъ, наслѣдовалъ послѣ отца родовую непріязнь къ Перми. Этотъ Юшманъ вышелъ со своими вогуличами на устьѣ Пельши и былъ разбитъ. Побѣдители спустились по рѣкѣ Тавдѣ до Тюмени, потомъ поплыли по Иртышу, вошли въ Обь и тамъ взяли въ плѣнъ другого югорскаго князя Молдана. Плѣнникъ отправленъ въ Москву. На слѣдующій годъ другіе князья, называемые кодскіе, сами прибыли въ Москву, били челомъ, приносили покорность, просили возвратить плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ 1485 году югорскіе князьки, изъ которыхъ два — вымскіе князья, были христіане (Ѳеодоръ и Петръ), присягнули быть въ повиновеніи у великаго князя, какъ прежде предки ихъ признавали надъ собою господство Великаго Новгорода. Присяга происходила на устьѣ Выми и обрядъ ея состоялъ въ томъ, что присягавшіе передъ московскими воеводами пили воду изъ золота. Посредникомъ и свидѣтелемъ по-

[1]) Никон. Лѣт. VI, 45.

Digitized by Google

корности ихъ былъ тогда пермскій владыка Филофей. Но московскій великій князь не довольствовался такою зависимостью и поступилъ съ Югрою сообразно своей обычной политикѣ—уничтожать самобытную жизнь подвластныхъ земель. Въ 1499 г. отправились снова воеводы князь Петръ Ѳедоровичъ Ушатый, князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій и Василій Ивановичъ Заболоцкій-Бражникъ съ вологжанами, двинянами и важанами (жителями береговъ рѣки Ваги) по разнымъ рѣкамъ, переходя волоками сухія пространства между ними, добрались до Печоры, а потомъ съ величайшими затрудненіями зимнимъ путемъ перешли гору Камень, т.-е. Уральскій хребетъ. Русскіе удивлялись высотѣ горъ, привыкши отъ рожденія проводить жизнь на равнинахъ и болотахъ: «а Камени въ оболокахъ не видать»—говоритъ современное повѣствованіе объ этомъ походѣ [1])—«коли вѣтрено ино оболоки раздираетъ». «Я,—говорилъ Курбскій впослѣдствіи Герберштейну,—семнадцать дней поднимался на эти горы, а все-таки не дошелъ до самой вершины, которая зовется Столпъ» [2]). Когда перешли русскіе Камень, близъ городка Ляпина въ Обдорской Землѣ, явились къ московскимъ предводителямъ туземные князьки, сидя на саняхъ, запряженныхъ оленями, и предлагали, по обычаю, миръ и подданство; но воеводы не съ тѣмъ пришли туда, чтобы оставлять независимымъ подчиненный народъ,—они взяли въ плѣнъ князьковъ и пошли по Югорской Землѣ истреблять жилища и жителей. Такимъ образомъ разорено было сорокъ городковъ, пятьдесятъ князей взято въ плѣнъ и отправлено въ Москву; а вогуличи и остяки вымаливали себѣ жизнь, обѣщая быть въ вѣчномъ холопствѣ московскомъ. Такъ покорена была Югра. Дивныя вещи разсказывали

---

[1]) Карамз. VI, Примѣч. 461. 462.

[2]) Herberst. 57.

Digitized by Google

тогда въ Московской Землѣ объ этомъ отдаленномъ таинственномъ краѣ, объ этомъ сказочномъ Лукоморьѣ. Тамошніе люди, какъ настанетъ Юрьевъ осенній день, засыпаютъ мертвецкимъ сномъ и спятъ до Юрьева весенняго дня, а тогда оживаютъ. Съ ними ведутъ торговлю народы: Грустинцы и Серпентовцы — торговлю чудную: нигдѣ такъ не торгуютъ. Готовясь спать или, лучше сказать, замирать, югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары; во время сна приходятъ купцы изъ земли названныхъ выше народовъ, берутъ товары, а на мѣсто ихъ свои кладутъ; случается, что, проснувшись, югорцы, бываютъ недовольны мѣною: отсюда у нихъ съ сосѣдями споры и войны случаются. Край Югорскій неизмѣримо богатъ. Золота и дорогихъ камней много. Есть тамъ у язычниковъ идолъ, называется — Золотая Баба: изображаетъ женщину съ младенцемъ-сыномъ; а близъ ней еще ребенокъ: этого внукомъ зовутъ. Подлѣ Золотой Бабы кладутъ такіе инструменты, которые безпрестанно издаютъ звукъ [1]).

Югорскій походъ 1499 года былъ началомъ походовъ, которые совершали русскіе удальцы въ теченіи двухъ вѣковъ, подвигаясь все далѣе и далѣе къ востоку, открывая и подчиняя бѣлому царю московскому новыя землицы съ новыми народами, пока наконецъ московско-русская держава не очутилась на берегахъ Восточнаго океана.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

---

[1]) Herberst. 56.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отношенія Великаго Новгорода къ прочимъ землямъ русскимъ и ко княжескому роду.

I. Сказочныя преданія о поселеніи славянъ въ при-ильменскомъ краѣ 3
II. Призваніе варяжскихъ князей 14
III. Крещеніе Новгорода.—Новгородъ подъ властію Кіева.—Возвращеніе его независимости 35
IV. Значеніе Ярославовой грамоты.—Новгородъ до борьбы Мономаховичей съ Ольговичами 44
V. Новгородъ въ эпоху княжескихъ междоусобій.—Ополченіе Андрея.—Чудо Знаменской иконы Богородицы.—Покушенія князей Суздальской Земли.—Всеволодъ.—Ярославъ. 58
VI. Подвиги Мстислава Удалóго 83
VII. Новгородъ послѣ Мстислава Удалóго до татаръ. 97
VIII. Новгородъ въ эпоху татарскаго владычества надъ Русью.—Защита свободы противъ покушеній Твери и Москвы. . 99
IX. Права князей 143
X. Паденіе независимости и свободы Великаго Новгорода . 150

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вятка 233

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношенія Пскова къ Новгороду, князьямъ и землямъ русскимъ.

стр.

I. Древность Пскова.—XII, XIII и XIV вѣка.—Всеволодъ-Гавріилъ.—Довмонтъ.—Колебаніе между Литвою и Новгородомъ 247

II. XV-й вѣкъ.—Псковъ подъ покровительствомъ московскихъ великихъ князей 265

III. Паденіе независимости и свободы Пскова 292

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Борьба съ тевтонскимъ племенемъ 321

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Инородцы 389

Digitized by Google

ОШИБКИ и ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ:

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Читать*
66	31	1157	1158
98	31	Якова	Якима
161	13	Варсанофія	Варсонофія
181	26	Ефремъ	Есифъ
228	33	92	42
248	33	37	7
250	8	1191	1192
259	33	77	78
263	33	195	194
264	33	193	195
266	13	1428	1429
—	30	200	201
268	21	1417	1418
271	34	205	208
272	33	21	29
—	—	219	211
295	8	своей	моей
334	33	34	37
335	32	138	38
355	21	43	53
357	12	1251	1253
—	14	Нарвой	Наровой
—	32	56	55
367	34	58, 59. 85	58, 59; Новг. I, 85
370	33	104	81; IV, 55; Иск. I, 186
390	17	1319	1316
—	32	41	71
399	31	Онѣгою	Онегою
400	6	Онѣги	Онеги
403	33	VI	IV

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1886

Digitized by Google

СѢВЕРНОРУССКІЯ

НАРОДОПРАВСТВА

ВО ВРЕМЕНА УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАГО УКЛАДА

(ИСТОРІЯ НОВГОРОДА, ПСКОВА И ВЯТКИ).

Томъ II.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1886

Digitized by Google

1287

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОПИСАНІЕ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА И ПСКОВА.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ.

Городъ Великій Новгородъ, расположенный по теченію рѣки Волхова въ двухъ верстахъ отъ его истока изъ озера Ильменя, раздѣлялся на двѣ половины или стороны: Торговую на восточномъ и Софійскую на западномъ берегу Волхова. Первая также имѣла названіе Купецкой, потому что тамъ сосредоточивалась торговля; вторая называлась еще Владычнею, ибо тамъ жилъ новгородскій владыка.

Центромъ города былъ Дѣтинецъ или собственно *градъ*, на Софійской сторонѣ. Это было просторное мѣсто, обнесенное стѣною съ башнями и воротами. Внутри находилась патрональная церковь св. Софіи премудрости Божіей и дворъ владыки. Кромѣ того, было тамъ еще нѣсколько церквей, судебная изба и дворы, построенные улицами, какъ это показываетъ существованіе Бискупией (епископской) улицы. Дѣтинецъ новгородскій былъ обширнѣйшій между подобными срединными укрѣпленіями русскихъ городовъ. Неизвѣстно, съ какого времени стѣны Дѣтинца стали каменныя и равнымъ образомъ неизвѣстно, съ какого времени онѣ стали каменныя на всемъ протяженіи и до какихъ поръ были частью каменныя, а частью деревянныя. Въ лѣтописяхъ говорится о заложеніи каменнаго

Digitized by Google

города въ 1302. [1]). Но въ третьей лѣтописи новгородской [2]) первое построеніе каменныхъ стѣнъ Дѣтинца приписывается Ярославу и относится къ 1044 г., послѣ того какъ этотъ князь ходилъ на войну. Послѣднее извѣстіе не лишено вѣроятности. Въ началѣ XII вѣка уже пригородъ Ладога былъ обведенъ каменною стѣною [3]); естественно допустить, что главный городъ не лишенъ былъ такихъ укрѣпленій, какія имѣлъ пригородъ, и, слѣдовательно, построенныя въ началѣ XIV-го вѣка каменныя стѣны не были первыми на своемъ мѣстѣ. Послѣ 1302 г. два раза говорится о построеніи каменнаго города Дѣтинца. Подъ 1333 годомъ говорится, что владыка Василій сдѣлалъ каменный городъ въ два лѣта, а подъ 1400 опять упоминается о заложеніи Дѣтинца отъ церкви Бориса и Глѣба. Можетъ быть, это были перестройки и поправки. Въ 1334 г. надъ всею стѣною сдѣлана была кровля. На воротахъ, въ каменныхъ башняхъ устроивались церкви. Такъ, архіепископъ Іоаннъ въ 1182 г. поставилъ на однихъ изъ воротъ Дѣтинца церковь Богоявленія; въ 1296 г. владыка Климентъ соорудилъ на другихъ воротахъ каменную церковь Богоявленія; въ слѣдующемъ 1297 г. была построена церковь Преображенія на воротахъ, откуда былъ въѣздъ въ Людинъ конецъ, на югъ; въ 1305 построена церковь Василія на Прусскихъ воротахъ, на западъ [4]). Обычай строить на воротахъ церкви, совпадалъ съ понятіемъ о важности и святынѣ города. Городъ — мѣсто защиты противъ враговъ, долженъ быть всегда готовъ на отраженіе нападеній и нуждался въ Божіей помощи. Церкви на входахъ какъ бы осѣняли его небесной благодатью. Городъ былъ мѣстопребываніемъ владыки и духовнаго управленія всей Нов-

[1]) Новг. Л. I, 68.
[2]) Новг. III. 211.
[3]) Новг. I. 4.
[4]) Новг. Л. I, стр. 18, 66, 68.

Digitized by Google

городской Земли; городъ былъ глава земли; его первоначальное значеніе было то, что въ немъ должны укрываться жители въ случаѣ непріятельскаго нашествія; городъ былъ мѣсто верховнаго суда и храненія казны Великаго Новгорода; все это вмѣстѣ придавало особенную важность и требовало помощи и благословенія свыше Дѣтинцу, называемому часто просто городомъ.

За предѣлами Дѣтинца простирался городъ Новгородъ—городъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, раздѣленный на концы. На Софійской сторонѣ полукружіемъ около Дѣтинца располагались три конца: на югъ Людинъ конецъ или Гончарскій, на западъ Загородный конецъ, а на сѣверъ Неревскій. Ближайшая часть города къ Дѣтинцу называлась — Околотокъ. На Торговой сторонѣ было два конца: на югъ Славенскій, на сѣверъ Плотницкій. Названія концовъ указываютъ нѣсколько на древнюю исторію города. Такъ, Славенскій, вѣроятно, былъ древнимъ мѣстомъ поселенія славянъ ильменскихъ. Названія Гончарскій и Плотницкій указываютъ на древнія занятія жителей гончарнымъ и плотничнымъ ремеслами. Другое названіе Гончарскаго конца—Людинъ, должно, повидимому, происходить отъ сословія людей, или людиновъ, въ противоположность боярамъ и княжеской дружинѣ. Въ дѣтинцахъ или градахъ русскихъ обыкновенно помѣщались князья, бояре земли и дружины—военная сила; у стѣнъ града располагался посадъ, гдѣ жили невходившіе въ число бояръ и дружины, и носившіе общее названіе людей или людиновъ. Такъ должно быть и въ Новгородѣ; и Людинъ конецъ былъ посадомъ, въ древности примыкавшимъ къ Дѣтинцу. Названіе Загороднаго конца показываетъ, что эта часть вошла въ составъ Новгорода позже остальныхъ и нѣкогда существовала, не составляя отдѣлъ города. Съ точностью опредѣлить, когда именно случилось это включеніе, нельзя; быть можетъ въ 1116 г., когда лѣтопись сообщаетъ извѣ-

Digitized by Google

стіе, что князь Мстиславъ распространилъ предѣлы Новгорода. Названіе Неревскаго конца не ясно; созвучіе его съ названіемъ рѣки Наровы побуждало предполагать, не былъ ли онъ поселенъ первоначально выходцами съ береговъ этой рѣки; но это предположеніе не имѣетъ достаточныхъ основаній. Нѣкоторыя названія улицъ также указываютъ на ихъ древнее историческое значеніе. Такъ Волосова улица въ Людинѣ концѣ напоминаетъ древнее божество Волоса, которому, вѣроятно, здѣсь въ языческія времена происходило поклоненіе и гдѣ впослѣдствіи поставили церковь св. Власія, по созвучію имени этого святого съ именемъ языческаго божества. Варяжская, иначе Варецкая, улица, въ Славенскомъ концѣ, названа такъ отъ близости Варяжскаго (Нѣмецкаго) двора, отъ построенной на ней римско-католической церкви и, вѣроятно, оттого, что тамъ жили иноземцы, которыхъ въ Новгородѣ называли общимъ именемъ варяговъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ Прусская улица въ Загородномъ концѣ, простиравшаяся отъ Прусскихъ воротъ Дѣтинца до Прусскихъ воротъ во внѣшнемъ валѣ. Эта улица была мѣстомъ жительства бояръ, стояла какъ-то особнякомъ въ исторіи города и нерѣдко на нее обращалась вражда черни изо всего города. Названіе *Прусы*, которое давалось постоянно обитателямъ этой улицы, само собою указываетъ на ихъ первоначальное происхожденіе. Тамъ-то, вѣроятно, поселились первые пришельцы прусско-варяжскаго племени, явившіеся вмѣстѣ съ князьями, и къ нимъ-то должны относиться слова лѣтописца о новгородцахъ изъ рода варяжскаго, принесшихъ въ Новгородъ названіе Руси (отъ Варягъ бо прозвашася Русью). Ихъ потомки, ославянившись, продолжали, однакожъ, долго сознавать свое особое происхожденіе, носить племенное названіе своихъ предковъ, составлять, въ извѣстной степени, самобытную корпорацію въ отношеніи другихъ частей города, и, по предковской

Digitized by Google

памяти, проявлять аристократическія наклонности, вызывавшія естественно столкновенія съ массою прочаго населенія.

Федеративный духъ, слагавшій русскія земли на правахъ самобытности каждой изъ земель въ связи съ другими, отпечатлѣлся рѣзкими чертами на составѣ Великаго Новгорода. Каждый конецъ въ Новгородѣ, какъ каждая земля въ удѣльновѣчевой федераціи, составлялъ самъ по себѣ цѣлое; жители назывались *кончане*: одинъ другого считалъ ближе, чѣмъ жителя сосѣдняго конца; въ общественныхъ дѣлахъ, касавшихся всего Новгорода, каждый конецъ выражалъ себя своей корпораціей, во время переговоровъ съ чужеземцами, посылалъ отъ себя депутатовъ; слѣдовательно въ дѣлахъ, касавшихся всего Новгорода, изъявлялъ свое участіе какъ часть, сознающая свое отдѣльное существованіе; внутри имѣлъ свое управленіе, свое дѣлопроизводство, свои собранія. Не только конецъ, но и улица, составляя часть конца, имѣла значеніе самобытной корпораціи, такъ, какъ въ русскихъ земляхъ—волости, на которыя дѣлились земли. Жители улицы носили названіе *уличане*, имѣли свое управленіе, выбирали своихъ улицкихъ старостъ и являлись въ общественныхъ дѣлахъ какъ члены сознательно признаваемаго общества. Такимъ образомъ, нѣсколько улицъ, будучи каждая въ отношеніи къ другимъ до извѣстной степени самобытнымъ тѣломъ, всѣ вмѣстѣ составляли конецъ, а всѣ вмѣстѣ концы—составляли Великій Новгородъ. За неимѣніемъ источниковъ, мы не можемъ себѣ разъяснить, въ какомъ отношеніи было дѣленіе по улицамъ къ дѣленію по сотнямъ.

Торговая сторона, будучи, какъ показываетъ ея названіе, мѣстомъ торговли, въ то же время была мѣстомъ народоправленія. Въ Славенскомъ концѣ былъ Торгъ—средоточіе торговыхъ оборотовъ, и въ немъ же мѣсто, называемое Ярославовымъ дворищемъ (т.-е. мѣстомъ, гдѣ

Digitized by Google

нѣкогда существовалъ Ярославовъ дворъ). Здѣсь въ разныя времена построено было значительное количество церквей, и между ними стояла вѣчевая башня со ступенями: на ней висѣлъ вѣчевой колоколъ, созывавшій народъ для совѣщанія. Здѣсь собиралось вѣче на широкомъ майданѣ вплоть до берега. Въ окрестностяхъ этого мѣста были торговые дворы: нѣмецкій, готскій и плесковскій. Такимъ образомъ Славенскій конецъ, будучи гнѣздомъ славянскаго элемента въ Новгородѣ, былъ до послѣднихъ дней центромъ вѣчевой и торговой жизни. Изъ Славенскаго конца отъ вѣча шелъ черезъ Волховъ, прямо въ Людинъ конецъ, мостъ, уставленный разными торговыми помѣщеніями.

Весь этотъ городъ изъ пяти концовъ былъ окруженъ земляннымъ валомъ, а за нимъ рвомъ. Извѣстіе о копаніи рва около Софійской стороны встрѣчается въ лѣтописи подъ 1372 годомъ, когда Новгородъ, послѣ разоренія Торжка тверичами, опасался нашествія тверской силы. Нельзя думать, чтобъ это былъ первый ровъ: вѣроятно, онъ былъ въ это время только возобновленъ, а существовалъ ранѣе. Въ 1383 г., когда боялись Димитрія Донскаго, расширили этотъ валъ болѣе чѣмъ на три сажени [1]). Видно, что новгородцы мало заботились о постоянной поддержкѣ своихъ укрѣпленій и обращали на нихъ вниманіе тогда только, когда имъ угрожало что-нибудь. По линіи вала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы были каменныя башни или костры. Въ 1391-мъ году на обѣихъ сторонахъ,—на Торговой и на Софійской, были поставлены каменные костры при окончаніи каждой улицы, то есть въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ улицы доходили до вала [2]). Конечно, въ кострахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, должны были на-

---

[1]) Новг. Л. I, 90; Н. III, 232.

[2]) Н. I, 98. Н. III, 233.

Digitized by Google

ходиться ворота для выхода въ поле. По всей линіи сверху вала поставленъ былъ деревянный частоколъ, называемый острогомъ. Внѣшняя сторона вала была во многихъ мѣстахъ, отдѣляясь отъ вала, окаймлена натуральными протоками. За Неревскимъ концомъ протекалъ у самаго вала ручей Гзень; онъ поворачивалъ къ востоку и впадалъ въ Волховъ. За Людинымъ концомъ было Жидическое озеро или плесо. Торговая сторона была окаймлена канавою или рѣчкою Копанью; на южной сторонѣ за Славенскимъ концомъ протекалъ ручей Жилотугъ, сливавшійся съ другимъ протокомъ, Малымъ Волховцемъ. Этотъ послѣдній въ значительномъ отдаленіи отъ вала (на $1^1/_2$ в.) протекая изъ Волхова въ Волховъ же, окружалъ всю Торговую сторону и служилъ ей защитою. Ближе къ валу, за Плотницкимъ концомъ, протекала рѣчка Витка. Сверхъ этихъ ручьевъ и протоковъ, Ѳедоровскій ручей протекалъ посреди Торговой стороны въ Плотницкомъ концѣ, а можетъ быть въ древности служилъ ему межею съ Славенскимъ. Ручьи Гзень, Витка, Ѳедоровскій, Копань, теперь значительные только въ половодье, прежде были многоводны. Защищенная природою, Торговая сторона менѣе нуждалась въ искусственныхъ средствахъ, когда не имѣла ихъ, по крайней мѣрѣ, до XIV вѣка. Въ 1335 году часть Славенскаго конца [1]) была обнесена каменною стѣною отъ Ильи до св. Павла. Въ 1386 году Торговая сторона была окопана валомъ; быть можетъ это была уже поправка прежняго вала.

Валъ, огибавшій Новгородъ на обѣихъ сторонахъ Волхова, не составлялъ послѣдней границы городскихъ построекъ. За валомъ, на значительное пространство во всѣ стороны, простирались посады, прилегавшіе къ монастырямъ, построеннымъ около Новгорода въ большомъ коли-

[1]) Новг. Л. I, 77.

Digitized by Google

чествѣ. Они считались не въ Новгородской Землѣ, а въ самомъ Новгородѣ. Опредѣлить съ точностію черту этого собственно городскаго пространства—невозможно; но приблизительно можно предположить, что состоящимъ въ городѣ считалось пространство на Торговой сторонѣ отъ Николы Липенскаго до Хутыня, а на Софійской отъ Перыня до Пидбы. На западъ Мостище, а на востокъ Ковалево были крайними посадами. Нельзя также съ точностію опредѣлить, гдѣ и какъ расположены были эти посады. Окрестности Новгорода болотисты и въ сильные разливы покрываются водою, исключая высокихъ мѣстъ, гдѣ построены монастыри, а иногда вода достигаетъ до самыхъ ихъ стѣнъ. Вѣроятно, посады строились отрывками на этихъ болѣе удобныхъ мѣстахъ, но можетъ быть существовали они и тамъ, гдѣ теперь трудно предположить строенія, потому что во многихъ такихъ мѣстахъ находятъ деревянныя трубы колодцевъ и бревна, свидѣтельствующія о жильѣ. Быть можетъ древніе новгородцы предохраняли себя отъ затопленія, ставя свои избы на столпахъ, какъ это дѣлается и теперь въ разныхъ мѣстахъ старой Новгородской Земли, и что, между прочимъ, можно видѣть въ Соснинскомъ погостѣ близъ Волховской станціи желѣзной николаевской дороги.

Надобно принять во вниманіе и то, что въ древности, когда кругомъ были огромные лѣса, подгородная почва была не такъ болотиста какъ теперь. Такъ подъ 1255 г., говорится, что новгородцы выстроили полкъ за Рождествомъ Христовымъ въ полѣ; это мѣсто (т.-е. за кладбищенскою церковью) стало-быть тогда было сухо, а теперь оно болотисто. Съ нѣкоторыхъ сторонъ городъ продолжался непрерывно за валомъ. Такъ за валомъ у Неревскаго конца былъ посадъ Звѣринцы. За Людинымъ и Загородными концами слѣдовали сплошныя поселенія, расположенныя улицами, какъ это видно изъ извѣстія о ихъ

Digitized by Google

сожженіи въ 1386 году. На Торговой сторонѣ за Плотницкимъ концомъ, къ сѣверу, шло непрерывное поселеніе вплоть до Антоніева монастыря. Вправо отъ него былъ большой посадъ, принявшій въ XV вѣкѣ уже названіе конца—Никольскій конецъ. На той же Торговой сторонѣ были посады за валомъ у Воскресенія на Красномъ полѣ и у Рождества. Далѣе—гдѣ только былъ монастырь, тамъ и посадъ. Въ 1386 г. ихъ сожжено было около города двадцать четыре. Можно съ достовѣрностію искать главнѣйшихъ посадовъ—на Софійской сторонѣ: въ Ракомъ, въ Коломцахъ, около монастырей Перыня, Юрьева, Аркажа. Пантелеймонова, Благовѣщенскаго, Воскресенскаго, Петра и Павла, Николы Мостищенскаго, Колмовскаго. На Торговой сторонѣ—на Липнѣ, на Городищѣ, въ Нередицахъ, близъ монастырей: Ситицкаго, Лятскаго, Кириловскаго, Ковалевскаго, на Волотовѣ, на Лисьей горкѣ, въ Деревяницахъ и около Хутынскаго.

Эти посады (изъ нихъ нѣкоторые по неудобству мѣстности могли ограничиваться нѣсколькими избами), съ дворами, разсѣянными тамъ-и-сямъ, съ огородами и садами при дворахъ, придавали Новгороду видъ огромнѣйшаго города, котораго части были въ разныхъ направленіяхъ разрѣзаны между собою пустыми мѣстами, протоками, рощами, а во время сильной весенней половоди, казались выходящими изъ широкаго озера.

II.

ПСКОВЪ.

Городъ Псковъ расположенъ на берегу двухъ рѣкъ, Великой и Псковы, впадающей въ Великую въ самомъ городѣ. Ядро города находилось на холмѣ, надъ рѣкою Великою, гдѣ заложенъ былъ Дѣтинецъ, потомъ городъ

Digitized by Google

распространился, и то, что было за Дѣтинцемъ, называлось Кромъ, т.-е. внѣшній, кромѣшній городъ. Многіе полагаютъ, что Дѣтинецъ и Кромъ—одно и то же, но это несправедливо, потому что въ лѣтописяхъ они явно различаются [1]). Такимъ образомъ, городъ, состоя изъ Дѣтинца и Крома, заключался въ углу, образуемомъ Псковою и Великою, а какъ далеко простирался на противоположную сторону—неизвѣстно. Собственно Дѣтинецъ былъ малъ; въ немъ находилась патрональная церковь Живоначальной Троицы. Первая каменная плитяная стѣна, чрезвычайно толстая, была построена Домонтомъ, и теперь еще носитъ его имя. Городъ распространился на востокъ и на югъ постепенно; въ 1309 году загородныя поселенія за предѣлами Крома сдѣлались городомъ: Борисъ посадникъ сдѣлалъ плитяную стѣну отъ Великой рѣки до Псковы рѣки [2]). За предѣлами этой стѣны разселялся на востокъ посадъ, называемый Полонище; неизвѣстно, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ городъ. Подъ 1465 годомъ находится извѣстіе, что эта часть города была обведена на-скоро только деревянною стѣною [3]). Когда заселился городъ на другой сторонѣ Псковы, неизвѣстно. Въ 1266 г. также существовалъ посадъ, а въ 1383 г. является тамъ церковь Космы и Даміана. Запсковское населеніе соединялось съ городомъ посредствомъ моста, называемаго Смердьимъ, у окончанія Крома [4]), близъ церкви св. Кирилла. Запсковье не было укрѣплено такъ крѣпко, какъ средина города, потому что уже въ 1464 году около всего Запсковья заложили *деревянную* стѣну [5]). Нѣсколько разъ упоминается о построеніи мостовъ между Запсковьемъ и Среднимъ городомъ —

[1]) Псков. Л. I, стр. 276.
[2]) Псков. I, 184.
[3]) Псков. I, 229.
[4]) Псков. I, 222.
[5]) Псков. I, 228.

Digitized by Google

именно въ 1388, въ 1435, въ 1456 годахъ [1]). Долго рѣка Пскова служила границею собственно города: вдоль ея, на лѣвой сторонѣ, прямо противъ Запсковья шла стѣна, сначала дубовая, а потомъ, въ 1375 г. плитяная [2]). За предѣлами Дѣтинца, въ Крому было мѣсто торговли, такъ называемое Торговище, которое было въ 1308 г. вымощено [3]). Въ 1377 г. тамъ были поставлены два каменныхъ костра [4]). Тамъ собиралось большое вѣче у подножія башни на Домонтовой стѣнѣ близъ св. Троицы, гдѣ висѣлъ вѣчевой колоколъ. Укрѣпленія Пскова нѣсколько разъ прибавлялись и поправлялись. Такъ, въ 1401 году прибавили каменную стѣну къ старой стѣнѣ надъ Великою рѣкою, а въ 1402 г. провели плитяную стѣну по линіи всего города, примыкающей къ рѣкѣ. Въ 1406 г. сдѣлали толще и выше стѣну около Псковы. Всѣ стѣны Пскова были усѣяны каменными выступами, называемыми персями и кострами: послѣдніе были плитяныя башни на прясланхъ, т.-е. на продольной линіи стѣны и на персяхъ, т.-е. выступахъ изъ продольной линіи. Въ кострахъ или подъ ними въ стѣнѣ дѣлались ворота. Костры и ворота имѣли свои особыя названія (Кутній костеръ, Глухой костеръ, костеръ на Власьевой Горкѣ, костеръ Кутекрома, Старый костеръ, костеръ на Персяхъ, костеръ на Незнановѣ горѣ; — ворота Великія, Малыя, Лужскія, Кумины, Сысоевы, Смердьи, Гремячія). Стѣна была сверху покрыта кровлею, подъ которою, вѣроятно, можно было ходить по стѣнамъ, а въ самыхъ бокахъ стѣны дѣлались по мѣстамъ церкви, разныя кладовыя и погреба.

На другой сторонѣ рѣки Великой былъ посадъ, называемый Завеличье. Онъ существовалъ, вѣроятно, еще въ

[1]) Псков. I, 194, 209, 217.
[2]) Псков. I, 193.
[3]) Псков. I, 184.
[4]) Псков. I, 193.

Digitized by Google

XII вѣкѣ, ибо тогда былъ уже построенъ Спасо-Мирожскій монастырь; при Довмонтѣ о немъ уже упоминается по случаю нападенія нѣмцевъ [1]). Подъ 1348 годомъ упоминается о существованіи жилыхъ домовъ (хорѣмъ) на Завеличьѣ [2]). Впослѣдствіи, эта часть Пскова имѣла важное значеніе: тамъ стоялъ нѣмецкій дворъ, и было средоточіе иноземной торговли.

Весь Псковъ, какъ и Новгородъ, раздѣлялся на концы, имѣвшіе также значеніе автономическое: каждый пользовался своимъ управленіемъ, и цѣлый Псковъ изображалъ собою соединеніе концовъ. Когда отправляли посольство, то брали бояръ отъ концовъ. Изъ нихъ упоминается по названіямъ о шести: Торговый конецъ, Половинскій конецъ, Опоцкій конецъ, Городецкій конецъ, Острыя-Лавицы конецъ, [3]) Богоявленскій конецъ на Запсковьи [4]). Но, вѣроятно, ихъ было десять: подъ 1485 г. упоминается о посылкѣ изъ концовъ десяти бояръ [5]). Такъ какъ мы знаемъ что ихъ было болѣе пяти, то слѣдовательно, не могло быть посылано по два боярина отъ конца, слѣдовательно, въ это время ихъ было послано по одному, и такъ концовъ было десять. Кромѣ концовъ существовало названіе Лавицы, означавшее также части города: Половина Лавица, Куклина Лавица, Жабья Лавица на Запсковьи, Боркова Лавица, Ропата Лавица въ Опоцкомъ концѣ [6]). Что такое лавица—это требуетъ археологическаго изслѣдованія.

---

[1]) Псков. Л. I, 182.
[2]) Псков. I, 190.
[3]) Псков. I. 217, 218.
[4]) Псков. II, 32.
[5]) Псков. Л. II. 43.
[6]) Псков. I, 214, 215, 218.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И НРАВЫ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА И ПСКОВА.

Digitized by Google

дищѣ. Названіе огнищанъ является только въ ранніе вѣка, и уже послѣ XII вѣка не упоминается. Погодинъ считаетъ это названіе однозначительнымъ со словомъ житые люди, и полагаетъ, что огнищанами назывались хозяева дворовъ, т.-е. люди, имѣющіе свой очагъ, свое огнище. Но правдоподобнѣе кажется другое объясненіе, — именно то, что огнищане значитъ то же, что и княжескіе дворяне. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что употребленное въ одной статьѣ «Русской Правды» слово огнищанинъ, въ другой соотвѣтствующей и равнозначительной — замѣнено словомъ: княжь-мужъ [1]), а равно и тѣмъ, что въ той же «Русской Правдѣ» объ огнищанахъ говорится заурядъ съ должностными лицами при княжескомъ дворѣ [2]); наконецъ, въ пользу такого толкованія, говоритъ и то, что вира за убійство огнищанина положена самая высокая — 80 гривенъ; слѣдовательно онъ принадлежалъ, по юридическимъ понятіямъ, къ высшему сословію, какимъ должны быть составлявшіе княжескую дружину и дворъ. Слово огнищане, по всему видно, происходитъ отъ слова огнище; но тутъ разумѣлось не собственное огнище хозяина, а огнище княжеское, княжескій дворъ. Огнищане и гриди (приспѣшники, литовское greitis) посылались въ пригороды для защиты ихъ, какъ военное сословіе. Такъ, въ 1234 году, въ Русѣ являются огнищане вмѣстѣ съ гридьбою [3]). Вся остальная масса княжескихъ слугъ носила въ Новгородѣ

---

[1]) См. Калачова, Текстъ „Русской Правды“, стр. 3—5. По Академическому Списку читается: Аще оубьютъ огнищанина въ обидо, то платити зань 80 гривенъ оубійцы (18). По Троицкому Списку: Аще кто оубиеть княжа мужа въ разбои и головника не ищють, то вирвную платити въ чьеи верви голова лежить то 80 гривенъ (2).

[2]) Въ статьѣ 18-й Академическаго Списка, вслѣдъ за огнищаниномъ говорится: а въ подъѣздномъ княжи 80 гривенъ. Въ статьѣ 32-й того же Списка: а въ огнищанинѣ и въ тивуницѣ и въ мечницѣ...

[3]) Н. IV. 120.

Digitized by Google

и Псковѣ названіе шестники, иначе сестники. Это названіе давалось и вообще русскимъ иноземцамъ, проживавшимъ въ Новгородѣ и Псковѣ [1]).

За исключеніемъ этихъ сословныхъ названій, которыя принадлежали исключительно княжеской дружинѣ, всѣ прочія составляли новгородскій и псковской народъ. И въ Новгородѣ, какъ въ остальныхъ земляхъ Руси, важное значеніе имѣло владѣніе землею; здѣсь также стоитъ на первомъ планѣ сословіе бояръ, т.-е. землевладѣльцевъ. Кто владѣетъ поземельною собственностью, тотъ естественно есть прямой участникъ управленія всею землею. Отъ этого землевладѣлецъ пріобрѣталъ преимущество предъ тѣми, кто не былъ поземельнымъ собственникомъ. Землевладѣніе само по себѣ имѣетъ то свойство, что способствуетъ развитію родоваго аристократическаго начала. Отецъ передаетъ землю сыну: постоянство владѣнія въ одномъ и томъ же родѣ подкрѣпляетъ и поддерживаетъ въ этомъ родѣ сознаніе своего достоинства; землевладѣніе порождаетъ власть надъ рабочими; въ какихъ бы правахъ и отношеніяхъ ни находился рабочій къ землевладѣльцу, онъ всегда ниже послѣдняго, всегда отъ него зависитъ. Привычка властвованія, понятіе о превосходствѣ своего происхожденія, укореняется въ дѣтяхъ и внукахъ. Поддержкѣ значенія боярскихъ семействъ въ Новгородѣ должны были способствовать брачныя связи съ князьями Рюрикова дома. Если съ одной стороны князья, роднясь съ семьями, стоявшими по правамъ заурядъ со всею массою народа, ослабляли понятіе объ исключительномъ превосходствѣ и чистотѣ своего рода, и тѣмъ самымъ не могли удержать за собою того царственнаго значенія, которое бы ставило всѣхъ принадлежащихъ къ ихъ роду выше обыкновенныхъ смертныхъ, то, съ другой, боярскія семьи, породнившись съ княжескими,

[1]) Пск. I, 251.

Digitized by Google

должны были пріобрѣтать особое значеніе въ народномъ понятіи; такъ должно было быть, пока, въ глазахъ народа, княжескій родъ не потерялъ своего исключительнаго права доставлять изъ себя верховныхъ правителей народу. По мѣрѣ неизбѣжнаго вліянія землевладѣльцевъ на общественныя дѣла, достоинство боярское, не отрываясь отъ значенія землевладѣльцевъ, соединилось съ понятіемъ вліянія на дѣла; а потому бояринъ былъ вообще тотъ, кто, независимо отъ своего поземельнаго владѣнія, по уму, по ловкости и умѣнью становился въ кружкѣ народныхъ совѣтниковъ и правителей. Должностное лицо, по своей обязанности, пользуясь уваженіемъ народа, уже принадлежало къ боярскому сословію. Значеніе въ народѣ не пріобрѣталось исключительно по родовому землевладѣнію; земля въ Новгородскомъ краѣ не была главнымъ источникомъ экономическихъ силъ, и не могла доставить сама по себѣ средствъ къ возвышенію. Богатство, а вмѣстѣ съ нимъ, при умѣ, и значеніе, пріобрѣтались и торговлею, и промыслами; и такъ, въ кружокъ бояръ, людей вліятельныхъ, поступали разбогатѣвшіе купцы; да и такіе бояре, которые были по происхожденію богатыми землевладѣльцами, занимались торговлей; средствомъ къ обогащенію и возвышенію служила также война: легко могъ подыматься и становиться въ ряду вліятельныхъ людей человѣкъ военный, пріобрѣтавшій храбростію славу и добычу. Такія лица дѣлались боярами, но все-таки, пріобрѣтая землю въ собственность, боярство безъ имѣній было невозможно; потому что еслибъ человѣкъ безземельный достигъ вліянія и значенія, то Великій Новгородъ подарилъ бы ему землю: по тогдашнимъ понятіямъ, тотъ, кто владѣлъ большимъ размѣромъ поземельной собственности въ какой-нибудь русской землѣ, тѣмъ самымъ имѣлъ болѣе права участвовать въ дѣлахъ этой земли. Въ такомъ смыслѣ вліятельныхъ и богатыхъ гражданъ-землевладѣльцевъ, боя-

Digitized by Google

ре составляли, вмѣстѣ съ старыми посадниками, совѣтъ, около двухъ важнѣйшихъ правительственныхъ лицъ—посадника и тысячскаго. Иноземцы, имѣвшіе дѣла съ Новгородомъ, называютъ ихъ господами (Herren). Какъ составлялся этотъ совѣтъ бояръ — мы не имѣемъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бояре эти отправлялись для заключенія договоровъ, призванія князей, рядились съ князьями отъ всего Новгорода, начальствовали войсками, распоряжались постройкою городовъ. Изъ бояръ выбирали также посадниковъ и тысячскихъ. Оттого можно замѣтить, что достоинства эти доставались дѣтямъ и внукамъ тѣхъ, которые были облечены ими. Какъ землевладѣльцы и вмѣстѣ богатые и вліятельные люди, существовали особые мѣстные бояре во всѣхъ краяхъ Новгородской Земли. Были бояре ладожскіе, водскіе, рускіе (изъ Русы), новоторжскіе, лужскіе (изъ Луги), ижорскіе, двинскіе. По своимъ правамъ они не выходили изъ сословія бояръ Великаго Новгорода; вообще богатые бояре, владѣвшіе землями разомъ въ нѣсколькихъ земляхъ новгородскихъ, принадлежали тѣмъ самымъ въ одно и то же время къ разрядамъ различныхъ мѣстныхъ бояръ. Но случалось, что тѣ, которые имѣли земли въ одномъ только краю и притомъ отдаленномъ, и постоянно проживали въ этомъ краю, отстранялись отъ дѣлъ всего Великаго Новгорода, и держались за свои мѣстные интересы, которые, не сходясь по чему-нибудь съ требованіями, заявляемыми въ Новгородѣ, доводили ихъ наконецъ до столкновенія съ новгородскимъ правительствомъ.

Изъ боярскаго сословія стали выдѣляться впередъ лица, которыя прежде имѣли должности посадскихъ и тысячскихъ, и оставили ихъ. Въ древности этого отличія не существовало: избранный посадникъ терялъ свою должность тогда только, когда оказывался недостойнымъ; если же умѣлъ угодить народу, то оставался въ ней до смерти; но мало-помалу вошло въ обычай, что посадники и тысячскіе пере-

Digitized by Google

мѣнялись часто и за смѣненными посадниками удерживалось названіе ихъ должностей, съ прибавленіемъ эпитета — старый: старые посадники, старые тысячскіе, а часто и безъ этого эпитета. Вѣроятно это дѣлалось съ желаніемъ оставить при смѣненныхъ посадникахъ честь, во свидѣтельство того, что они смѣнены не по винамъ своимъ. Первый разъ о нѣсколькихъ посадникахъ упоминается при договорной грамотѣ 1317 года, гдѣ приложено одиннадцать печатей, изъ которыхъ четыре посадничьихъ, а три тысячскихъ [1]). Потомъ въ 1372 году упоминаются носящіе титулъ посадника, кромѣ степеннаго, о которомъ тамъ же говорится [2]). По мѣрѣ того, какъ выборы посадниковъ степенныхъ стали чаще, носившихъ званіе посадниковъ становилось больше. Къ нимъ, безъ сомнѣнія, причислялись и тѣ, которые посадничали въ пригородахъ и сложили свое званіе. Такимъ образомъ составилось какъ-бы сословіе посадниковъ. Ни изъ чего не видно, чтобы они въ сущности отличались отъ бояръ какими-нибудь правами; продолжая принадлежать къ боярскому сословію, они образовали въ немъ какъ-бы почетный классъ, и въ грамотахъ, при исчисленіи сословій новгородскихъ [3]), упоминаются прежде бояре. Имъ, какъ людямъ болѣе другихъ опытнымъ, поручали тѣ обязанности, которыя обыкновенно давались боярамъ. Такъ, напримѣръ, было въ обычаѣ для заключенія договоровъ посылать по пяти человѣкъ бояръ, и по пяти человѣкъ житыхъ отъ каждаго

---

[1]) Собр. Госуд. Гр. I, 17.

[2]) Въ грамотѣ договорной Димитрія Ивановича А. Э. I. 4.

[3]) Напр. Господину посаднику Великаго Новгорода, степенному Ивану Лукичу и старымъ посадникамъ, господину тысячскому Великаго Новагорода и старымъ тысячскимъ Трифону Юрьевичю, и старымъ тысячскимъ и бояромъ, и житымъ людемъ, и купцемъ, и чернымъ людемъ, и всему господину, Государю Великому-Новугороду. А. Э. I, 47.

Digitized by Google

конца города: въ такихъ случаяхъ изъ бояръ выбирали преимущественно старыхъ посадниковъ [1]), а иногда старыхъ тысячскихъ, вмѣстѣ со старыми посадниками [2]).

Лица, которыхъ умъ и обстоятельства выдвигали на первый планъ, и которымъ народъ поручалъ управленіе, передавали своимъ дѣтямъ дань уваженія, какимъ сами пользовались. Таковы были по духу народа и времени понятія о родственной чести. Сынъ посадника сознавалъ свое происхожденіе и гордился имъ. Такимъ образомъ, возникъ какъ-бы особый классъ въ народной массѣ—дѣтей посадничьихъ и тысячскихъ. Пользуясь уваженіемъ массы къ своимъ родителямъ, они смѣлѣе говорили съ народомъ, смѣлѣе изъявляли свои домогательства. Названіе—сынъ посадничій показываетъ, что народъ признавалъ такое лицо достойнымъ особой чести именно по его происхожденію отъ лица, занимавшаго должность. Это уваженіе, конечно, содѣйствовало тому, что сыновья посадничьи и сыновья тысячскихъ являются предводителями войска, и встрѣчаются въ числѣ бояръ, на челѣ значительныхъ посольствъ [3]).

Какъ отъ посадниковъ возникъ особый классъ сыновей посадничьихъ, такъ отъ бояръ возникъ особый классъ дѣтей боярскихъ. Со званіемъ боярина соединялось, какъ мы сказали, владѣніе землею, богатство и вліяніе на управленіе. Если бы родовое начало не подрывалось въ народѣ другими, противными понятіями, то боярство сдѣлалось бы званіемъ наслѣдственнымъ и оставалось бы только въ извѣстныхъ родахъ. Но родовое начало не достигло въ народныхъ понятіяхъ такого значенія. Масса всего народа, въ томъ числѣ и чернаго, имѣла верховную власть; зна-

---

[1]) А. Э. I, 66.
[2]) А. Э. I, 42. 43.
[3]) Нов. Л., I, 75.

Digitized by Google

ченіе боярства зависѣло отъ ней: бояринъ былъ бояриномъ—пока народу было угодно; поэтому, въ смыслѣ человѣка вліятельнаго, боярство могло и не переходить на потомство, если народъ этого не захочетъ; могло оно не переходить и по владѣнію землею, то есть, можно было владѣть землею и не быть бояриномъ, хотя бы предки и находились въ числѣ бояръ; можно было, наконецъ, происходя отъ предковъ боярскаго званія, не владѣть вовсе землею. Хотя первоначально бояринъ означалъ владѣльца земли, но по мѣрѣ того, какъ другія отрасли, а не одно владѣніе землею, становились источникомъ богатства, а вмѣстѣ съ нимъ и вліянія, и силы, неизбѣжно стало, что владѣлецъ земли былъ бояриномъ тогда только, когда его владѣніе было значительно и велико; или же, когда оно было только дополнительнымъ, а не главнымъ признакомъ силы и значенія. Новгородцы любили дѣлиться, какъ это показываютъ ихъ старыя духовныя [1]). Съ развѣтвленіемъ боярскихъ родовъ, при дѣлежѣ имѣній, всѣ члены боярскаго рода не могли въ равной степени быть богатыми; потомки владѣльцевъ многоземельныхъ и доходныхъ имѣній дѣлились съ небогатыми собственниками, сами лично не пріобрѣтали для себя иными путями вліянія и силы, а слѣдовательно, не могли быть боярами. Наконецъ, такъ какъ вліяніе на дѣла зависѣло отъ народа, то случалось, что бояре, при матеріальныхъ средствахъ, теряли это вліяніе, и потому уже никакъ не могли передать дѣтямъ своего почета. Такимъ образомъ, отъ разныхъ причинъ, дѣти и потомки бояръ не могли быть боярами, т.-е. богатыми и вліятельными;—родовая честь ихъ ограничивалась сознаніемъ, что они происходятъ отъ тѣхъ, которые были боярами. Примиреніе родового начала съ началомъ личной свободы и правомъ верховной власти за народною массою—

[1]) Акт. Юрид. 273.

Digitized by Google

произвело сословіе дѣтей боярскихъ. Это уже не были только дѣти бояръ-родителей, но и внуки, и правнуки ихъ во всѣхъ развѣтвленіяхъ носили такое названіе. Эти дѣти боярскіе были незначительные землевладѣльцы, помѣщики, и составляли обыкновенно новгородское военное ополченіе. Первый разъ являются дѣти боярскіе подъ 1259-мъ годомъ [1]) и затѣмъ въ 1364 [2]); съ тѣхъ поръ ими это попадается чаще и чаще, и почти всегда въ служебныхъ отношеніяхъ. Если сопоставить то положеніе, въ какомъ являются дѣти боярскіе впослѣдствіи, по всей Русской Землѣ, именно какъ помѣщики, владѣющіе землею съ обязанностію служить за надѣленный имъ участокъ,— съ тѣмъ положеніемъ, какое они занимали въ Новгородѣ ранѣе, то кажется правдоподобнымъ, что въ Великомъ Новгородѣ раздавали этимъ дѣтямъ боярскимъ земли съ такою же обязанностію, какъ это дѣлалось въ прочихъ краяхъ Руси. По крайней мѣрѣ, когда Иванъ III-й завоевалъ Новгородъ, то нашелъ въ Землѣ Новгородской дѣтей боярскихъ—владѣльцевъ новгородскихъ земель, которыхъ переселилъ въ Московію, а оттуда вывелъ въ Новгородскую волость такихъ же, взамѣнъ выведенныхъ [3]). Извѣстно, что Новгородъ отдавалъ князьямъ свои земли въ кормленье, т.-е. въ управленіе и пользованіе, съ оставленіемъ за собою полнаго права собственности. Слово кормленіе встрѣчается первый разъ въ XIV-мъ вѣкѣ, а самый фактъ въ XIII-мъ. Это побуждаетъ предполагать, что задолго до паденія новгородской независимости, такимъ же образомъ, раздавались земли не однимъ князьямъ.

Торговый классъ обозначается въ Новгородѣ сословнымъ названіемъ купцовъ. Это не было сословіе въ томъ

---

[1]) Новг. Л. I, 57.
[2]) Новг. IV, 65.
[3]) Татищ. V, 80.

Digitized by Google

значеніи, какъ мы привыкли понимать это слово, т.-е. съ особыми гражданскими правами. Въ Новгородѣ это было занятіе, доступное по праву для всѣхъ. Изъ массы торговцевъ по достоинству, которое измѣрялось въ глазахъ народа богатствомъ и широтою торговыхъ оборотовъ, выдѣлялись гости, или добрые купцы. Кромѣ новгородскихъ купцовъ, были мѣстные, жившіе въ пригородахъ и волостяхъ: напр. обонежскіе, рускіе, ладожскіе. Въ самомъ городѣ они различались по предметамъ ихъ торговли, напр. купцы-прасолы—торгующіе съѣстнымъ, купцы-сукопники, и пр. Торговля, важнѣйшее занятіе Новгорода, естественно дѣлала купцовъ вліятельными, значительными людьми. И они являются участниками государственныхъ дѣлъ, напр. при заключеніи договора съ нѣмцами въ Изборскѣ, въ 1391 году. Иногда они участвовали въ сраженіяхъ [1]). Купцы въ Новгородѣ раздѣлялись на сотни, во Псковѣ на ряды, и выбирали между собою старостъ для управленія своими торговыми дѣлами.

Житыми людьми назывались собственно тѣ, которые имѣли свои дворы и осѣдлость въ городѣ въ концахъ. Боринъ и купецъ могли не имѣть своего двора въ Новгородѣ и быть участниками новгородскаго гражданства,— первый какъ землевладѣлецъ и человѣкъ, пріобрѣвшій вліяніе, второй — какъ торговецъ въ Новгородской Землѣ; и тотъ и другой могли имѣть осѣдлость не въ Новгородѣ, а гдѣ-нибудь въ пригородѣ, или въ волости. Здѣсь представляется недоразумѣніе, неразрѣшаемое при нашихъ свѣдѣніяхъ: были-ли въ числѣ житыхъ людей бояре, имѣвшіе дома въ Новгородѣ, или тутъ были только разные мастера и ремесленники-хозяева и вообще такіе домовладѣльцы, которые не могли считаться ни между боярами, ни между купцами,—кажется, было послѣднее. Житые, отдѣльно отъ

[1]) Новг. Л. I, 71.

Digitized by Google

бояръ и купцовъ, какъ сословіе, являются въ политическихъ дѣлахъ, депутаціяхъ, договорахъ, когда отъ каждаго конца частей города посылались депутаты, и говорилось, что они посылаются отъ житыхъ людей. Нѣтъ указаній на то, назывались-ли житыми людьми тѣ хозяева, которые имѣли свои дома въ пригородахъ.

Затѣмъ, вся масса остального свободнаго населенія носила названіе—черныхъ людей. Они не были отнюдь какимъ-нибудь заключеннымъ въ себѣ сословіемъ. Къ чернымъ людямъ принадлежалъ не тотъ, кто обязанъ былъ къ этому какими-нибудь правами рожденія. Прежде богатый купецъ, когда имущество его погибало отъ пожара или отъ военной невзгоды, дѣлаясь по-неволѣ поденщикомъ, поступалъ тѣмъ самымъ въ массу черныхъ людей. Равнымъ образомъ, при счастіи и ловкости, бѣдный поденщикъ не лишенъ былъ права возвышаться и быть житымъ человѣкомъ и даже бояриномъ. Къ чернымъ людямъ собственно въ Новгородѣ должны были принадлежать ремесленники-не-хозяева, не имѣвшіе своихъ домовъ и хозяйствъ и служившіе хозяевамъ изъ платы. Таковы были рабочіе—плотники: ремесло древнее; оно всегда поддерживалось частыми пожарами, послѣ которыхъ надобно было возобновлять постройки. Значительное количество построекъ каменныхъ церквей, должно было образовать классъ каменьщиковъ. Дѣйствительно, о каменьщикахъ мы находимъ упоминаніе подъ 1433 г., когда новгородскіе каменьщики работали, вмѣстѣ съ нѣмецкими, церковь [1]). Даже въ позднѣйшее время, въ московскій періодъ русской исторіи, Новгородъ славился своими каменьщиками; ремесло это преемственно перешло къ московскимъ поселенцамъ, замѣнившимъ старое населеніе. Распространено было издавна въ Новгородѣ гончарное ремесло, какъ это показываетъ

[1]) Новг. Л. IV, 121.

Digitized by Google

названіе Гончарскаго конца. Вѣроятно, этого рода произведенія служили для сбыта въ другія русскія земли. Частыя войны, необходимость каждому носить оружіе — должны были образовать классъ кузнецовъ и слесарей; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Новгородѣ занимались дѣланіемъ металлическихъ сосудовъ (котельники 1216 г.). Были серебренныхъ дѣлъ мастера—ливцы; обычай окладывать иконы, щеголять серебренными сосудами, поддерживалъ это ремесло. Такого рода мастера дѣлали и монеты. Множество церквей, набожность, требовавшая въ каждомъ домѣ икону, образовали классъ иконниковъ; впослѣдствіи въ Москву они прибывали изъ Новгорода. Изъ другого рода ремесленниковъ упоминаются опонишники—мастера одеждъ и разныхъ покрововъ; кожевники, обрабатывавшіе туземныя кожи для отсылки за границу. Изъ промысловъ очень былъ распространенъ рыболовный; имъ занято было много рукъ въ Новгородѣ, на Волховѣ и на Ильменѣ (рыбники). Городъ лежитъ близъ рѣки; въ окрестностяхъ многоводіе; отъ того образовался многочисленный классъ лодочниковъ и перевозчиковъ. Число ихъ должно было увеличиваться весною, когда сообщеніе съ посадами и монастырями могло совершаться только водою. Хозяева лодокъ нанимали порученниковъ или наймитовъ, принадлежавшихъ къ чернымъ людямъ. Послѣдній разрядъ чернаго народа были работники или наймиты, служившіе у богатыхъ и неимѣвшіе опредѣленнаго труда. Должно думать, что въ старомъ Новгородѣ существовали какія-нибудь правила, для того, чтобы извѣстное лицо помѣщаемо было въ томъ или другомъ разрядѣ, и дѣлались переписи—иначе бы не могло существовать и отдѣловъ.

Земледѣльческое населеніе носило общее названіе сельнянъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли свои собственные участки и назывались земцы или своеземцы. Другіе жили на земляхъ Великаго Новгорода, платя поземельную дань

Digitized by Google

Новгороду или его кормленникамъ; другіе — на владычнихъ и церковныхъ, третьи на боярскихъ или вообще на земляхъ частныхъ собственниковъ, которыми быть могли житые люди, купцы, дѣти боярскіе. Эти, не имѣющіе собственной земли, носили общее названіе—*смерды*. Они были свободные люди, и имѣли право, по условіямъ, жить на чужихъ земляхъ, оставлять ихъ и переходить къ другимъ землевладѣльцамъ; но по извѣстіямъ, сохраненнымъ нѣкоторыми благочестивыми отцами въ поученіяхъ, часто терпѣли насилія отъ сильныхъ и богатыхъ. Въ XV-мъ вѣкѣ ихъ состояніе сдѣлалось гораздо зависимѣе, такъ что въ договорѣ съ Казимиромъ [1]) постановлено не принимать вѣры жалобамъ смердовъ наравнѣ съ рабами. Ихъ отношенія къ владѣльцамъ состояли иногда въ платѣ, чаще въ уступкѣ имъ части натуральныхъ произведеній за трудъ, смотря по условіямъ времени и мѣстности. Въ однихъ мѣстахъ, какъ напр., во псковскихъ волостяхъ они назывались изорники, т. е. нанимавшіе землю у владѣльца и платившіе за нее *покруту* (условіе); въ нѣкоторыхъ новгородскихъ краяхъ они назывались поземщики, и платили за земли *поземъ*; въ другихъ они были половники, т. е. получавшіе половину произведеній; эта форма была самая обыкновенная; въ другихъ мѣстахъ — третники, дававшіе треть собираемыхъ произведеній, и четники, дававшіе четверть собраннаго количества. Также точно владѣвшіе огородами давали ихъ рабочимъ на такихъ же условіяхъ, а промышленники тѣмъ же способомъ отдавали свои рыбныя ловли. Отказъ со стороны владѣльца земледѣльцу во псковской судной грамотѣ называется *отрокъ*. Въ этомъ памятникѣ постановляется правиломъ, чтобъ отрокъ давался разъ въ годъ — на Филиппово заговѣнье; это совпадаетъ съ Юрьевымъ днемъ, принятымъ во всей Руси въ древности

[1]) Ак. Арх. Эксп. I, 64.

Digitized by Google

для перехода земледѣльцевъ отъ одного владѣльца земли къ другому. Но былъ еще обычай у бояръ отдавать свои земли и угодья въ кормленье другимъ, такъ точно, какъ и Великій Новгородъ, не лишаясь права собственности надъ своими землями, отдавалъ ихъ въ кормленье. Кормленнику передавались грамоты на владѣніе; но онъ не имѣлъ права отчуждать имѣнія самовольно. Во владычнихъ и монастырскихъ имѣніяхъ управляли поставленные отъ властей заказчики, подъѣздники, или посельскіе; въ имѣніяхъ боярскихъ, если самъ хозяинъ не занимался управленіемъ на мѣстѣ,—были посельскіе или ключники: обязанностью ихъ былъ сборъ доходовъ владѣльца. Эти посельскіе и ключники пользовались, собственно для себя, особымъ установленнымъ доходомъ, называемымъ ключничьимъ доходомъ. Вообще доходы получались деньгами и произведеніями: иногда же тѣмъ и другимъ. Иногда часть дохода платилась деньгами, другая часть хлѣбомъ, который считался коробьями, а третья часть разными другими предметами хозяйства; это называлось мелкимъ доходомъ: къ нему относилось опредѣленное количество сыра, масла, въ ставцахъ льна, считаемаго пятками и горстями, яицъ—сотнями и десятками. Во Псковской Землѣ существовали подсусѣдники, вѣроятно также люди, которые по положенію своему примыкали къ богатому человѣку и составляли что-то среднее между вольнымъ и рабомъ, потому что въ отношеніи къ нимъ господинъ назывался государемъ.

Самый послѣдній классъ, отличный отъ всѣхъ предъидущихъ по правамъ, были холопы или рабы. Они были чужды всѣхъ правъ. Начиная отъ ранней, извѣстной намъ, договорной грамоты 1270 года [1]), до позднѣйшей съ Казимиромъ, постоянное желаніе новгородскаго правитель-

[1]) Собр. Госуд. Гр. I, 3.

Digitized by Google

ства было держать ихъ въ безусловной зависимости отъ господъ. Холопъ не могъ найти управы на господина; въ договорныхъ грамотахъ съ князьями писалось: *а холопъ имъ роба начнетъ водити на господу, тому вѣры не яти.* Они лишены были права свидѣтельствовать на судѣ противъ свободнаго человѣка, но могли быть свидѣтелями противъ своего брата-холопа. Холопы въ землѣ Великаго Новгорода были владычніе, монастырскіе, боярскіе, житейскіе (житыхъ людей), купецкіе; они назывались одерноватыми людьми, и актъ, по которому господинъ владѣлъ холопомъ, назывался одерноватою грамотою. Холопъ или самъ на себя давалъ одерноватую грамоту, или былъ продаваемъ прежнимъ господиномъ. Число этихъ одерноватыхъ людей увеличивалось тогда, какъ Великій Новгородъ постигало какое-нибудь народное бѣдствіе, наприм. пожаръ, или голодъ; пришедши въ нищету, изъ-за куска хлѣба бѣдняки отдавали себя въ рабство, а иногда родители такимъ образомъ продавали своихъ дѣтей [1]). Бракъ не влекъ за собою поступленія въ рабство. Въ духовной XIV вѣка [2]) завѣщатель пересчитываетъ своихъ рабовъ, указываетъ о нѣкоторыхъ, что они сами въ числѣ одерноватой челяди, но жены ихъ и дочери свободны; изъ этого видно, что рабство не простиралось также на дѣтей того пола, къ которому принадлежитъ свободное лицо, состоящее въ бракѣ съ несвободнымъ. Отъ одерноватыхъ отличались закладники, которые поступали во временное порабощеніе за занятыя деньги: — они служили вмѣсто росту. Это то же, что впослѣдствіи въ Московщинѣ называлось — кабальные; хотя неизвѣстно, въ подобномъ ли образѣ жизни находились они въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ. Въ бѣдственныя времена многіе шли въ закладники за князей, и

[1]) Новг. Л. I, 47.

[2]) А. Ю., стр. 428—430.

Digitized by Google

Великій Новгородъ старался не допускать этого, и въ договорахъ своихъ поставлялъ, что ни князь, ни его бояре не имѣютъ права брать закладниковъ въ Новгородской Землѣ [1]). Число закладниковъ увеличивалось во время войнъ съ московскими великими князьями, вообще съ Восточною Русью; тогда бѣдные люди, чтобъ избѣжать разоренія, спѣшили признавать власть сильныхъ непріятелей, и закладывались за нихъ. Церковь всегда неблаговолила къ рабству. Еще въ XII-мъ вѣкѣ въ «Вопросахъ Кирика» іеромонахъ спрашивалъ у владыки: «что, если пустить на свободу?»

— Здѣсь нѣтъ такого обычая,—отвѣчалъ владыка:—а хорошо и чужого человѣка выкупить, чтобъ и другіе поучались [2]). Слѣдовательно съ одной стороны рабство не одобрялось Церковью, съ другой—народъ неудобно поддавался ея поученіямъ. Объ этомъ неблаговоленіи къ рабству — въ тѣхъ же «Вопросахъ» встрѣчается, что самое душегубство, совершенное рабомъ, не вмѣняется въ грѣхъ; и если господинъ билъ паробка своего за воровство, то это не препятствуетъ даже къ поставленію во священники послѣдняго. Но христіанскія понятія, укрѣпившись въ народѣ, смягчили его нравы впослѣдствіи; и въ Новгородской Землѣ, какъ вообще на Руси, существовалъ благочестивый обычай—передъ смертію отпускать всѣхъ рабовъ своихъ [3]).

II.

вѣче.

Вся автономія Великаго Новгорода опиралась на вѣчѣ,—народномъ собраніи. По старымъ русскимъ понятіямъ, вѣче,

[1]) Собр. Госуд. гр. I, 20.

[2]) А лѣпше иного человѣка выкупити, абыся и другая на томъ казнила. Пам. Р. Словесн. 187.

[3]) Ак. Юр. 430.

Digitized by Google

въ обширномъ значеніи, не было чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, юридическимъ; подъ этимъ названіемъ вообще разумѣлось народное сходбище; и потому вѣчемъ называлось и такое сходбище, которое, съ нашей точки зрѣнія, можетъ назваться законнымъ, то есть правосознательное собраніе народа, разсуждающаго о своихъ дѣлахъ, и такое, которое выдѣляется изъ прочей массы народа, кружокъ, иногда и въ противорѣчіи съ общею волею народа—мятежный скопъ. Такъ въ Кіевской лѣтописи, подъ 1169-мъ годомъ записано, что новгородцы начали вѣча дѣяти по дворамъ тайно на князя своего [1]). Въ Новгородской лѣтописи названъ вѣчемъ—заговоръ недовольнаго кружка черни противъ архимандрита Есипа [2]). Въ этомъ смыслѣ и сходбище военной рати на полѣ войны также называлось вѣче [3]). Когда случались разноголосицы въ Новгородѣ, и разомъ возникали противныя другъ другу собранія народа, каждое изъ нихъ, равнымъ образомъ, называлось вѣче. Такъ въ 1342 году составилось два сборища, враждебныя одно другому,—одно на Ярославовомъ дворѣ, другое на Софійскомъ, и оба назывались вѣчами [4]). То же въ 1384 году, по поводу спора о князѣ Патрикіѣ: одно вѣче собралось, по обычаю, на Ярославовомъ дворѣ, другое—на Софійской сторонѣ [5]); то же повторилось по поводу посадника Есипа Захарьина въ 1388 году, когда Софійская сторона была противъ посадника, а Торговая за него [6]). При такой неопредѣленности значенія вѣча, не мудрено, что тогда, какъ

---

[1]) Пол. Собр. Лѣт. II, 97.

[2]) Наваженіемъ діаволимъ сташа простаа чадь на архимандрита Есипа, и сътвориша вѣче. (Новг. I, 78.)

[3]) Подъ 1228 годомъ говорится: стоявъше въ Невѣ нѣколико днiи, створиша вѣче, и хотѣша убити Судимира (Новг. Л. I, 42).

[4]) Новг. Л. I. 82.

[5]) Новг. Л. I, 93.

[6]) Новг. Л. I. 94.

Digitized by Google

единодержавный порядокъ сталъ брать верхъ, понятіе о вѣчѣ переходило въ понятіе о мятежѣ, и слово: вѣчники,— въ Москвѣ стало значить то же, что—буяны, разбойники. Но при неопредѣленности общаго значенія слова вѣче, существовало однако въ Новгородѣ, отдѣльно отъ всякаго вѣча, большое вѣче, т.-е. полное законное собраніе, и оно-то юридически составляло верхъ законной власти и правленія Великаго Новгорода. Къ сожалѣнію, подробностей, относящихся къ его существованію, такъ мало, что многіе важнѣйшіе вопросы остаются пока неразрѣшенными. Право собранія большого вѣча представляетъ ту же неопредѣленность. Это право не принадлежало только сановникамъ, облеченнымъ властью или правительственною обязанностью. Созвать вѣче,—значило представить дѣло на обсужденіе народа, и потому всякій, кто считалъ себя въ правѣ говорить предъ народомъ, могъ и созвать вѣче. Ударъ въ вѣчевой колоколъ былъ знакомъ, что есть требованіе народнаго голоса. Случалось, созывалъ вѣче князь; но это не по какому-нибудь особенно признанному за нимъ праву, а потому, что князь, какъ правитель, естественно, имѣетъ и поводы, и необходимость говорить съ народомъ. Вѣроятно, вѣча собирались и посадниками, которые, будучи предводителями, находились въ необходимости совѣтоваться съ народомъ. Неизвѣстно, существовали ли какія-нибудь правила, чтобы не допускать неправильныхъ созывовъ вѣча; могли не существовать вовсе; предполагалось, что съ такимъ дѣломъ шутить было опасно, и слѣдовательно всякій побоялся бы безпокоить напрасно весь народъ. Случалось, однако, что смѣльчаки, надѣясь на подобранную заранѣе партію, созывали вѣче и, поддерживаемые своими сторонниками, проводили свои планы—низвергали власти, устанавливали иныя [1]). Такихъ называли

[1]) Новг. Л. I, 76.

Digitized by Google

коромольниками. Такимъ-то образомъ созывались вѣча тогда, когда возставшая толпа, по наущенію умѣвшихъ ее возбудить, ниспровергала власти, и преслѣдовала партіи, къ которымъ была нерасположена.

Вѣче устанавливало приговоры по управленію, договоры съ князьями и съ иностранными землями, объявляло войны, заключало миръ, призывало князей, избирало владыкъ; дѣлало распоряженія о сборѣ войска и охраненіи страны; уступало въ собственность или въ кормленье земли; опредѣляло торговыя права и качество монеты; иногда ставило міромъ церкви и монастыри; установляло правила и законы: было такимъ образомъ законодательною властью, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлось судебною, особенно въ дѣлахъ, касающихся нарушенія общественныхъ правъ. Относительно права участія на вѣчѣ и порядка собранія, нѣтъ такихъ подробныхъ свѣдѣній, которыя бы могли дать объ этомъ ясное понятіе. Всѣ граждане, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, такъ и черные люди, имѣли право быть на вѣчѣ дѣятельными членами. Цензовъ не существовало. Но только ли одни новгородцы—жители города, или всей Новгородской Земли могли участвовать на вѣчѣ,— не вполнѣ извѣстно; изъ классовъ народныхъ, упоминаемыхъ въ грамотахъ, видно, что тамъ участвовали посадники, бояре, купцы, житые и черные люди. Оставляемъ въ сторонѣ посадниковъ: они могли участвовать потому, что были прежде сановниками — тутъ ясно само собою. Бояре-землевладѣльцы были, сами собою, уже представители не города, а всей земли; бояринъ могъ жить въ своемъ имѣніи гдѣ-нибудь на Води, или на Двинѣ, и пріѣхать оттуда подавать голосъ на вѣчѣ. Отходъ изъ Новгорода въ Новгородскую Землю не лишалъ права гражданства: мы видимъ примѣръ, что отошедши на Вагу, Онисифоръ Лукичъ былъ послѣ воеводою и посадникомъ [1]).

[1]) Новг. Л. I, 82, 84, 85.

Digitized by Google

Жившіе на Двинѣ, въ отдаленной землѣ, бояре, назывались все-таки новгородцами, и были между ними дѣти посадниковъ, сохранявшіе это наименованіе [1]). Точно также и купцы составляли классъ по занятію, а не по мѣсту жительства, и, слѣдовательно, могли проживать не въ Новгородѣ, а въ пригородѣ, и также подавать голосъ; такъ точно мы и встрѣчаемъ купцовъ, называемыхъ новгородцами, но которые проживали въ Торжкѣ и въ Русѣ,—потому что тамъ строили церкви. Житые люди участвовали на вѣчѣ какъ жители концовъ, потому что при отправкѣ посольствъ обыкновенно выбирались житые люди отъ концовъ (хотя впрочемъ есть примѣры, что и бояре отъ концовъ выбирались). Что касается до черныхъ людей, то участіе ихъ несомнѣнно; но какъ оно совершалось, неизвѣстно: тѣ ли участвовали, кто былъ въ городѣ, или изъ волостей присылали какъ-нибудь выборныхъ. Неизвѣстно, въ какой степени, и когда, и какъ участвовали въ новгородскомъ вѣчѣ пригороды и волости. Есть указанія, что, вмѣстѣ съ новгородцами, участвовали въ рѣшеніи дѣлъ и пригородные жители; напр. когда Всеволода изгоняли, то призывали псковичей и ладожанъ [2]). Въ 1270 г. совокупилась въ Новгородѣ—говоритъ лѣтописецъ—вся новгородская волость: ладожане, корела, ижора, вожане, плесковичи [3]). Когда пригорожане были недовольны княземъ Патрикіемъ, то сошлись въ Новгородѣ и подняли за себя половину города [4]). Эти неясныя указанія не позволяютъ сдѣлать заключенія, что пригороды постоянно участвовали на вѣчѣ корпоративно; но несомнѣнно, что жившіе въ пригородахъ могли участвовать какъ новгородцы, а не какъ пригорожане. Неизвѣстно, былъ ли какой-нибудь способъ

[1]) Новг. .I., I. 107.
[2]) Новг. I, 7.
[3]) Новг. I, 62.
[4]) Новг. I, 93.

Digitized by Google

повѣрки приходившихъ на вѣче, для предупрежденія прихода тѣхъ, которые права на это не имѣли. Едва ли былъ. Мѣсто отправленія собраній на воздухѣ и способъ сзыва звономъ колокола заставляютъ предполагать неудобство къ этому; притомъ же, когда вѣча собираемы были частными людьми, тамъ уже не могло быть повѣрки. И такъ, естественно, что масса рѣшала дѣло. Неизвѣстно, былъ ли какой способъ сбора голосовъ или дѣло рѣшалось par acclamation. Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча во Псковѣ, возвышеніе, куда вели ступени, служило трибуною. Съ него говорили къ народу. Оно находилось у вѣчевой башни; въ ней помѣщалась вѣчевая изба—т.-е. канцелярія вѣча. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту: для этого существовала должность вѣчнаго дьяка (секретаря). Къ грамотѣ прикладывалась печать.

Печати были свинцовыя и привѣшивались къ грамотамъ снурками. Едва ли существовали постоянно одинакія печати для вѣча. На договорной грамотѣ съ тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ, XV вѣка, двѣ печати: на одной надпись: *печать новгородская*, а на оборотной сторонѣ, изображеніе животнаго, похожаго на лошадь; на другой печати надпись: *печать Великаю Новагорода*, а на оборотной сторонѣ ея, изображеніе животнаго, которое, какъ кажется, хотѣли изобразить львомъ. На разныхъ грамотахъ по нѣсколько печатей разныхъ: иногда владычняя, иногда посадниковъ и тысячскихъ. На грамотѣ 1317 г. число печатей простирается до одиннадцати. Въ старину грамоты писались съ именемъ того князя, который на ту пору княжилъ въ Новгородѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Новгородъ призналъ надъ собою верховное первенство великаго князя, вѣчевыя грамоты писались безъ имени князя—отъ имени степеннаго посадника, тысячскаго, бояръ, житыхъ и черныхъ людей и всего Великаго Новагорода.

Digitized by Google

а иногда съ приписью въ началѣ благословенія владыки. Выше было разсказано, какъ великіе князья въ XII-мъ вѣкѣ претендовали за такое отсутствіе своего имени въ грамотахъ. Независимо отъ большого вѣча, каждый конецъ долженъ былъ имѣть свое частное вѣче: это видно изъ того, что концы писали свои грамоты, имѣли свои печати, въ случаѣ недоразумѣнія переговаривались другъ съ другомъ: это было бы невозможно безъ собраній. Обыкновенно большое вѣче сбиралось на Торговой сторонѣ, на Ярославовомъ дворищѣ,—но также, на Софійской у св. Софіи, особенно когда дѣло шло объ избраніи владыки, или вообще о дѣлахъ церковныхъ; часто предъ такимъ вѣчемъ собиралось предварительное вѣче на Ярославовомъ дворищѣ [1]). Должно быть, вѣчевой звонъ имѣлъ что-нибудь особое, почему можно было узнать его среди множества колоколовъ: колоколъ висѣлъ на Ярославовомъ дворѣ, на башнѣ; когда вѣче собиралось на Софійскомъ дворѣ, Дѣтинцѣ, созывали вѣче звономъ софійскаго большого колокола.

Во Псковѣ большое вѣче имѣло тѣ же основанія, какъ и новгородское. Оно собиралось въ Кому близъ Дѣтинца. Вѣчевой колоколъ висѣлъ на башнѣ у св. Троицы.

III.

должностныя лица.

Кромѣ князя, два лица были главными административными распорядителями въ Новгородѣ: посадникъ и тысячскій; ихъ имена стоятъ впереди въ грамотахъ; они представляли въ себѣ собирательную и исполнительную силу Великаго Новгорода. Слово посадникъ извѣстно было во

[1]) Новг. Л. I, 93—94, 105—106.

Digitized by Google

всей Русской Землѣ, и не составляло исключительнаго достоянія Великаго Новгорода. Въ другихъ земляхъ посадникъ является лицомъ, имѣющимъ значеніе княжескаго намѣстника: случалось, что князь, принимая городъ и край подъ свою власть, удерживалъ его за собою тѣмъ, что сажалъ тамъ посадника. Такъ Владимиръ-Мономахъ сажалъ своихъ посадниковъ по Дунаю. Въ городѣ Владимирѣ-на-Волыни, Святополкъ, захватившій этотъ городъ отъ князя Давида Игоревича, посадилъ своего посадника Василя. Когда Мстиславъ Изяславичъ занялъ Торческъ, то посадилъ тамъ посадника. Слово посадъ на южно-русскомъ языкѣ означаетъ возведеніе въ санъ, дарованіе власти. Такъ въ южно-русскихъ свадебныхъ церемоніяхъ, которыя носятъ живой образецъ удѣльнаго склада, новобрачный съ невѣстою, въ знакъ почести, и сажается на *посадъ*. Слово посадникъ на югѣ и на сѣверѣ могло имѣть различное происхожденіе; на сѣверѣ оно, быть можетъ, находится въ тѣснѣйшей связи съ названіемъ посадъ, означавшимъ вообще жилое мѣсто. Въ Новгородѣ и Псковѣ, — не такъ какъ на югѣ —посадникъ былъ правитель, выбранный народомъ, а не назначенный княземъ: здѣсь слово посадникъ могло означать лицо, управлявшее посадомъ. Тогда быть можетъ, подъ тѣми посадниками, о которыхъ говорится, что ихъ отправлялъ кіевскій князь въ Новгородъ, скорѣе слѣдуетъ разумѣть намѣстниковъ—посадниковъ въ южно-русскомъ значеніи, а не въ сѣверно-русскомъ. Но посадники новгородскіе существовали независимо отъ тѣхъ, которыхъ южныя лѣтописи именовали посадниками. Такъ Ярославъ князь былъ въ Новгородѣ [1]) и въ его пребываніе лично находился тамъ посадникъ; тогда какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ посадникъ означалъ

---

[1]) П. Соб. Р. Л. I, 56

Digitized by Google

во Псковѣ упоминается разомъ о пяти, въ 1431—о многихъ посадникахъ разомъ, когда въ то же время былъ одинъ главный—Юрій Тимоѳеевичъ. При заключеніи мира, при отправкѣ посольствъ—вездѣ дѣятелями посадники, но главный или степенный существуетъ особо отъ нихъ. Такъ въ 1434 году посадникъ Селиверстъ Леонтьевичъ ѣздилъ заключать миръ съ Новгородомъ, а когда пріѣхали новгородцы во Псковъ, для окончательнаго постановленія, тамъ былъ главный или степенный посадникъ Иванъ Сидоровичъ [1]). Трудно рѣшить, упоминаемые, кромѣ степеннаго лица, носившими званіе посадники всѣ ли были старые посадники, или же быть можетъ между ними разумѣлись нѣкоторые посадники пригородовъ, или же, кромѣ посадника степеннаго и посадниковъ въ пригородахъ, существовали еще должности съ названіемъ посадниковъ. Несомнѣнно только, что во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, бывшій разъ степеннымъ посадникомъ, по сложеніи съ себя этой должности, продолжалъ носить званіе посадника. Такъ бывшій степеннымъ посадникомъ въ 1402 году, Ефремъ, называется посадникомъ и въ 1407, хотя степеннымъ былъ въ то время иной [2]). Носившіе званіе посадниковъ занимались разными общественными дѣлами, напр., въ 1418 году, изъ числа упомянутыхъ въ 1416 г. пяти посадниковъ, одинъ занимается устройствомъ мостовой во Псковѣ, а другой со своею дружиною получилъ порученіе заключить договоръ съ новгородцами [3]). Тамъ, гдѣ происходитъ дѣло, касающееся цѣлаго Пскова, или же производится цѣлымъ Псковомъ, всегда упоминается одинъ посадникъ, напр., въ 1442 г. по дѣлу о построеніи церкви всѣмъ Псковомъ, упоминается вмѣстѣ съ княземъ

[1]) Пск. I, 208—209.
[2]) Пск. Л. I, 199.
[3]) Пск. I, 202.

Digitized by Google

одинъ степенный посадникъ Юрій Тимоѳеевичъ [1]). Въ 1450 году, хотя говорится разомъ о нѣсколькихъ посадникахъ, встрѣчавшихъ владыку Евфимія вмѣстѣ съ боярами, но для означенія времени, когда случилось это самое событіе, упоминается одинъ посадникъ съ прибавленіемъ эпитета—степенный: «при князѣ псковскомъ Васильи Васильевичѣ и при посадникѣ степенномъ Ѳедорѣ Патрикѣевичѣ». Въ 1453 году, также по поводу пріѣзда владыки, упоминается одинъ только степенный посадникъ. То же въ 1462 и въ 1463 годахъ; но въ 1464 году является въ первый разъ двое посадниковъ въ такихъ случаяхъ, когда прежде слѣдовало быть одному, какъ представителю всего Пскова на вѣчѣ, именно: цѣловали крестъ на вѣчѣ два посадника: Максимъ Ларіоновичъ и Игнатій Логиновичъ, съ сотскими [2]); а въ слѣдующемъ 1465 году упоминаются уже два посадника, съ названіемъ степенныхъ (князь псковскій Иванъ Александровичъ и посадники степенные — Леонтій Макарьевичъ и Тимоѳей Васильевичъ [3]). Посадники степенные стали часто перемѣняться во Псковѣ съ XV-го вѣка. Въ XIV-мъ мы напротивъ встрѣчаемъ одного посадника въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ посадникъ Селога былъ въ этой должности въ 1327, въ 1330 и умеръ въ званіи посадника въ 1338 году [4]). Захарій Костроминичъ былъ посадникомъ въ 1395 году и пребывалъ въ этой должности до 1401 года, когда скончался [5]). Послѣ его смерти посадники стали перемѣняться чаще, но, должно быть, раньше его, т.-е. прежде 1395 года, посадники мѣнялись не по винѣ, а входило въ обычай недолго оставлять ихъ въ

[1]) Пск. I, 212.
[2]) Пск. I, 226.
[3]) Пск. I, 229.
[4]) Пск. Л. I, 186.
[5]) Пск. I. 194—195.

Digitized by Google

должности, потому что при жизни и при посадничествѣ Захаріи упоминаются лица со званіемъ посадниковъ. Нерѣдко въ лѣтописи трудно бываетъ и добраться, какой изъ упоминаемыхъ разомъ нѣсколькихъ посадниковъ былъ степенный.

Случалось, что одно и то же лицо было посадникомъ нѣсколько разъ, напримѣръ: въ 1442 году былъ степеннымъ посадникомъ Юрій Тимоѳеевичъ; въ 1450 году былъ степеннымъ посадникомъ Ѳедоръ Патрикѣевичъ, а въ 1453 г. снова степеннымъ былъ Юрій Тимоѳеевичъ. Въ 1462 г. былъ степеннымъ посадникомъ Максимъ Ларіоновичъ, но онъ, вѣроятно, былъ уже разъ прежде въ этой должности; потому что въ 1456 г. отправился въ помощь Новгороду съ войскомъ и названъ посадникомъ [1]). Въ одинъ и тотъ же годъ смѣнялись и опять возводились въ должность степеннаго посадника однѣ и тѣ же лица. Такъ въ 1462 г. былъ степеннымъ посадникомъ Максимъ Ларіоновичъ, потомъ является Зиновій Михайловичъ, а осенью того же года опять Максимъ Ларіоновичъ [2]). Онъ былъ недолго, ибо въ слѣдующемъ году степеннымъ былъ Ѳедоръ Никифоровичъ, а за нимъ въ томъ же году явился Зиновій Михайловичъ, бывшій посадникомъ въ предшествовавшемъ году.

Вмѣстѣ со степеннымъ посадникомъ въ Новгородѣ обыкновенно выбирался и степенный тысячскій, хотя это, кажется, не было закономъ. Впослѣдствіи, когда и тысячскихъ стали выбирать часто, прежніе тысячскіе удерживали свое названіе, и оно, также какъ и названіе посадниковъ, обратилось въ значеніе сословія: и бывшіе прежде тысячскими, назывались старыми тысячскими [3]). Находясь въ своей должности, посадники и тысячскіе полу-

[1]) Пск. I, 216, 221.
[2]) Пск. I, 221—222.
[3]) А. И. I, 130.

Digitized by Google

чали содержаніе съ особыхъ сборовъ, назначенныхъ съ нѣкоторыхъ волостей. Такъ подъ 1411 годомъ, встрѣчается жалоба Терпиловскаго погоста крестьянъ на посадника и тысячскаго вѣчу,—что они стали съ нихъ брать поборы не по старинѣ; и вѣче дало жалобникамъ грамоту, чтобъ съ нихъ брать по старинѣ. Этотъ поборъ назывался *поралье посаднице и тысячскаго* [1]). Изъ этой грамоты видно, что Терпиловскій погостъ платитъ по 40 бѣлъ, четыре сѣва муки и 10 хлѣбовъ, и этотъ налогъ былъ неизмѣненъ по закону.

Вмѣстѣ съ владыкою, верховнымъ правителемъ церковныхъ дѣлъ и начальникомъ духовенства, степенные посадникъ и тысячскій составляли троичность государственнаго представительства Великаго Новгорода. Когда великій князь Иванъ Даниловичъ хотѣлъ оказать честь Великому Новгороду, то выразилъ это тѣмъ, что сдѣлалъ пиръ для этихъ трехъ представителей его правительства.

Выше мы замѣтили, что около посадника и тысячскаго бояре, а между ними преимущественно старые посадники и тысячскіе составляли правительственный совѣтъ. Вѣроятно, они-то назывались во Псковѣ дружиною посадниковъ [2]).

Кромѣ политическаго представительства народной власти, которое выражалось во внѣшнихъ сношеніяхъ, посадникъ и тысячскій, нерѣдко въ соучастіи съ владыкою, закладывали города, завѣдывали финансами, распредѣляли начальства по волостямъ, имѣли надъ ними наблюденіе и отправляли судъ. Во Псковской судной грамотѣ указывается, что посадникъ, точно какъ и князь, не могъ отмѣнять распоряженій своего предшественника. Это про-

---

[1]) А. И. I, 26.

[2]) Пск. I, 195.

Digitized by Google

стиралось вообще на рѣшенныя дѣла и правыя грамоты [1]). Пользуясь своимъ правомъ, посадникъ не могъ вести тяжбы за другого: это распространялось не только на степеннаго, но и на всякаго, носившаго званіе посадника [2]). Нерѣдко посадники упоминаются на войнѣ, какъ предводители, но, кажется, надобно разумѣть въ такой должности старыхъ посадниковъ. Необходимо было присутствіе посадника въ городѣ, и если въ самомъ-дѣлѣ степенные посадники ходили на войну, то вѣче должно было выбирать другого или поручать кому-нибудь эту должность въ его отсутствіе. Она и поручалась, вѣроятно, въ такомъ случаѣ, старымъ посадникамъ. Точно также и на судѣ, вѣроятно, были посадники старые, ибо изъ судной грамоты видно, что не одинъ, а нѣсколько лицъ, носившихъ званіе посадниковъ, занимались потомъ судомъ [3]).

Степенный посадникъ имѣлъ свою печать, которою утверждалъ грамоты и дѣла, производимыя въ его управленіе. Старые посадники, будучи судьями и исполняя разныя служебныя порученія, считались въ общественныхъ должностяхъ, были какъ-бы помощниками степеннаго и раздѣляли ихъ трудъ. Изо Псковской судной грамоты видно, что, во Псковѣ, степенный посадникъ, оставляя должность, долженъ былъ оканчивать послѣ того тѣ судныя дѣла, которыя были ими начаты во время исправленія должности [4]). Въ этомъ правилѣ заключается поводъ удерживать званіе посадника тому, кто переставъ

---

[1]) А иному насѣдъ его судовъ не пересужати... а князю и посаднику правыхъ грамотъ не посужати.

[2]) А посаднику всякому за друга ему не тягаться, прочъ своего орудіа.

[3]) А *кой* посадникъ, не кончавъ того суда, уѣдетъ прочъ изъ города.

[4]) А который посадникъ слѣзетъ степени своей и су орудіа и судове самому управлнвати, а иному насѣдъ его судовъ не пересуживати.

Digitized by Google

быть степеннымъ. Въ чемъ состояла должность тысячскаго и отличіе ея отъ должности посадника—опредѣлить трудно, потому что во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются извѣстія о первомъ санѣ, упоминается и о послѣднемъ. Онъ участвуетъ въ заключеніи договоровъ, во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ дѣлахъ общественныхъ, предводительствуетъ войскомъ: въ послѣднемъ случаѣ, быть можетъ, надобно разумѣть старыхъ тысячскихъ [1]). По нѣкоторымъ чертамъ, сохранившимся въ старыхъ памятникахъ, можно заключить, что тысячскій имѣлъ спеціальное назначеніе завѣдывать преимущественно простымъ или чернымъ народомъ. Такъ въ грамотѣ Всеволода церкви Іоанна-на-Опокахъ говорится, что князь поставилъ святому Ивану отъ житыхъ людей старостъ, а отъ черныхъ тысячскаго. Судъ у тысячскаго былъ особый, чѣмъ у посадника; и когда при судѣ посадника былъ намѣстникъ великаго князя, въ судъ тысячскаго послѣдній не мѣшался. Очень можетъ быть, что это произошло отъ того, что намѣстникъ княжій присутствовалъ на судѣ для собранія части судныхъ пошлинъ, слѣдуемой князю; а такъ какъ тысячскій судилъ черный народъ, то чернь, какъ бѣдная масса, была освобождена отъ пошлинъ. Во Псковѣ тысячскаго не было. Псковъ былъ прежде пригородомъ Новгорода, а въ пригородахъ нигдѣ не встрѣчается тысячскій. Во Псковѣ по старинѣ и осталось. Слово тысячскій, конечно, соединяется съ числовымъ дѣленіемъ у славянъ вообще; тысяча изображаетъ не только строго это число, но неопредѣленно самое большое количество и дѣлится на сотни, изображающія меньшія и также неопредѣленныя количества. Въ договорной грамотѣ съ Ярославомъ Ярославичемъ въ 1265 г. посылается поклонъ отъ посадника, тысячскаго и всѣхъ сотскихъ [2]). Во многихъ договорныхъ грамотахъ неодно-

[1]) Новг. Л. I, 65, 74, 84, 86.

[2]) Соб. Гос. Грам. I, 32.

Digitized by Google

кратно употребляется выраженіе: «а купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ въ свой погостъ»; изъ этого, повидимому, можно было бы заключить, что дѣленіе по сотнямъ принадлежало собственно торговому классу: купцы были раздѣлены по сотнямъ, и, слѣдовательно, имѣли своихъ сотскихъ. Но и другіе классы также раздѣлены были на сотни. Въ 1398 году въ грамотѣ Двинской Землѣ отъ Василія Дмитріевича говорится объ одномъ сотскомъ на всю Землю [1]). Въ 1230 году имущество осужденныхъ вѣчемъ было раздѣлено *по стомъ* [2]); нельзя предполагать, чтобъ здѣсь участвовали одни купцы. Въ XV вѣкѣ упоминаются сотскіе въ каждомъ селѣ (въ грамотѣ съ Казимиромъ 1471 г. [3]). Встарину сотскіе были почетные люди и отправлялись послами; напримѣръ, къ великому князю Всеволоду въ 1195 году отправлены были посадникъ и сотскій [4]).

Во Псковѣ сотскіе являются представителями Пскова во внѣшнихъ дѣлахъ и замѣняютъ тысячскаго; такъ, напримѣръ, въ 1464 году при заключеніи мира съ нѣмцами цѣловали крестъ во Псковѣ степенный посадникъ и сотскіе [5]). Кажется, что названіе «сотскіе» имѣло два значенія: обширное и тѣсное; въ первомъ — мы встрѣчаемъ одного сотскаго на всю волость; на Двинѣ сотскій равнялся въ своей землѣ тому, что значилъ тысячскій для всего Новгородскаго края. Сотскіе въ тѣсномъ значеніи, какъ въ городѣ, такъ и въ селахъ, какъ кажется, завѣдывали порядкомъ. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи, уже по уничтоженіи свободы, сотскіе, вмѣстѣ съ подчиненными имъ пятидесятскими и десятскими, наблюдали за порядкомъ, лови-

[1]) Арх. Эксп. I, 8.
[2]) Новг. Лѣт. I, 46.
[3]) А. Э. I, 62.
[4]) Новг. I, 23.
[5]) Пск. .I. I. 226.

Digitized by Google

ли воровъ и разбойниковъ и предавали суду. Вѣроятно и прежде сотскіе въ селахъ имѣли такое же значеніе; изъ договорной грамоты Новгорода съ Иваномъ Васильевичемъ видно, что сотскіе не могли судить [1]). Во Псковской судной грамотѣ сотскіе производили обыски по дѣламъ, относящимся къ бою, грабежу и къ поземельнымъ спорамъ о границахъ: все это полицейскія обязанности. Неизвѣстно, существовали ли пятидесятскіе и десятскіе,—можетъ быть и пятидесятскіе были; но вѣроятнѣе всего можно предположить существованіе десятскихъ, потому что извстари — гдѣ были сотскіе, тамъ и десятскіе, напримѣръ, въ Кіевѣ въ началѣ XII вѣка; раздѣленіе по дворамъ на сотни и на десятки, которое извѣстно какъ повсемѣстное въ XVI вѣкѣ, должно быть древнее.

Кромѣ сотскихъ существовали старосты. Учрежденіе старостъ чрезвычайно древнее,—еще подъ 1016 годомъ упоминаются старосты, ходившіе съ Ярославомъ на Святополка; о нихъ говорится вмѣстѣ съ смердами и это заставляетъ предполагать, что то были сельскіе начальники. Въ 1228 году говорится о Душильцѣ, старостѣ липнинскомъ, котораго хотѣли убить новгородцы [2]). Липна былъ одинъ изъ подгородныхъ посадовъ, слѣдовательно, подгородные посады управлялись старостами. Вездѣ по волостямъ были старосты, какъ это видно на Двинѣ, изъ грамоты Андрея Александровича (1294—1304 г.). Въ переговорахъ послѣдняго великаго князя Ивана Васильевича съ Новгородомъ, великій князь требовалъ дани съ земледѣльцевъ и поименовалъ въ томъ числѣ старостъ. Старосты, вездѣ по общему русскимъ понятію, были хозяйственными начальниками. Такъ, въ церкви Іоанна-на-Опокахъ уставлены были старосты отъ житыхъ людей. Въ Новгородѣ были пя-

[1]) А. А. Э. I, 69.

[2]) Новг. Л. I, 44.

Digitized by Google

тиконецкіе старосты, т. е. отъ концовъ; по числу послѣднихъ ихъ было пять; они, между прочимъ, завѣдывали торговыми мѣрами. Надъ улицами были свои улицкіе старосты, и въ другихъ частяхъ города;—напр. въ XII-мъ вѣкѣ упоминаются *побережскіе* (въ грам. Всеволода Іоанну-на-Опокахъ) старосты. Во Псковѣ купцы дѣлились по рядамъ и каждый рядъ имѣлъ своего старосту. Во псковскихъ пригородахъ, селахъ и волостяхъ—вездѣ были старосты. Равнымъ образомъ, были старосты въ губахъ—пограничныхъ волостяхъ — и назывались «губскими старостами». Старосты въ волостяхъ завѣдывали разверсткою повинностей и всякими сборами и хозяйственными расходами; отъ этого существовало выраженіе «къ старостѣ тянути», означавшее подлежаніе государственнымъ повинностямъ. Вообще, при всякомъ предпріятіи, при всякомъ соединеніи лицъ съ одной цѣлію, выбирался староста. Администрація старостъ должна быть другая, чѣмъ сотскихъ, потому что въ судной грамотѣ говорится: «а будетъ навадка отъ конца, или отъ улицы, или отъ старосты, или отъ ряду [1]). Изъ этого видно, что раздѣленіе на сотни было особое отъ раздѣленія на концы и улицы, которыми завѣдывали старосты, а также отъ раздѣленія на ряды.

Подвойскій исправлялъ разнаго рода порученія; неоднократно является онъ гонцомъ съ объявленіемъ воли вѣча. Подвойскіе звали къ суду; какъ въ городѣ подвойскіе, такъ въ волостяхъ исправляли эту должность «позовники» [2]). Встрѣчается еще названіе «извѣтники»; судя по имени, можетъ быть это были доносчики по преступленіямъ, какъ это существовало у южныхъ славянъ. Для размежеванія земель, въ случаѣ спора, посылались «межники». Чиновники, извѣщавшіе народъ о распоряженіяхъ,

[1]) А. Арх. Экс. I, 72.

[2]) А. Арх. Эксп. I, 68.

Digitized by Google

созывавшіе на войну, назывались «биричи»: они исправляли вообще должность созывщиковъ, посыльщиковъ, а также брали подъ стражу. Биричи были какъ въ городѣ, такъ и въ волостяхъ, и побуждали къ исполненію повинностей [1]). Приставы были общее названіе лицъ, которымъ власти поручали какое-нибудь судебное или распорядительное дѣйствіе. Такимъ образомъ, если нужно было послать въ домъ привести къ крестному цѣлованію женщину, то посланные для этого назывались «приставами». Выборные судьи на судѣ княжескаго тіуна назывались «приставами». Если тяжущіеся были недовольны судьями, или докладчиками, то брали отъ вѣча лицъ, которымъ поручалось повѣрить ихъ дѣйствія, — и эти лица назывались приставами [2]). Во Псковской судной грамотѣ, напр., «приставами» называются тѣ, которымъ отъ князя и посадника поручалось по чьей-либо жалобѣ дѣлать гдѣ-нибудь обыскъ, по поводу подозрѣнія въ воровствѣ; когда владѣлецъ жаловался на изорника, который сбѣжалъ у него съ земли, не покончивъ съ нимъ счетовъ, то бралъ у князя и посадниковъ «приставовъ», которые распоряжались, при старостахъ и сторонніхъ людяхъ, продажею имущества бѣжавшаго; равнымъ образомъ «приставы» посылались для осмотра имущества умершаго безъ потомства изорника. Вообще, во всякаго рода дѣлахъ, когда надобно было посылать куда-нибудь, посланный назывался «приставомъ». Даньщики были чиновники, отправлявшіеся для собранія дани въ провинціи, неустроенныя еще по славяно-русскому образцу и населенныя инородцами, платившими дань Великому Новгороду. Предводители военной рати назывались вообще воеводами [3]); это имя не означало постоян-

[1]) А. А. Э. I, 1.
[2]) А. А. Э. I, 69—72.
[3]) Новг. Л. IV, 65.

Digitized by Google

наго, опредѣленнаго званія или сана, а значило военачальника вообще. Впрочемъ, когда предводительствовалъ начальникъ съ высшимъ саномъ, напримѣръ, тысячскій, то другіе предводители, начальствовавшіе отрядами, назывались воеводами [1]).

IV.

ПРИГОРОДЫ И ВОЛОСТИ.

Отношеніе пригородовъ къ метрополіи и вообще способъ ихъ управленія, представляютъ неясныя стороны. Мало знаемъ объ этомъ, и можно дѣлать заключенія только по общимъ чертамъ. Новгородъ, въ отношеніи пригородовъ, былъ господинъ; его княженіе называлось *столъ*. Вмѣстѣ съ пригородами онъ составлялъ единое политическое тѣло, и потому, заключая договоръ, новгородцы цѣловали крестъ разомъ за Великій Новгородъ и за всѣ его пригороды [2]). Въ пригородахъ были посадники. Въ лѣтописяхъ они упоминаются, при случаяхъ, въ городахъ: Русѣ, Ладогѣ, Новомъ-Торгу, Порховѣ; на Двинѣ было разомъ нѣсколько посадниковъ. Вѣроятно, они были въ каждомъ пригородѣ, управляли или охраняли его отъ непріятеля [3]). Встрѣчаются извѣстія, когда видно, что они назначались изъ новгородцевъ и притомъ изъ бывшихъ въ Новгородѣ посадниковъ; напр., Нѣжата, лишенный посадницкой должности въ Новгородѣ въ 1161 году, былъ въ 1164 году посадникомъ въ Ладогѣ [4]). Очень можетъ быть, что въ тѣхъ мѣстахъ нашихъ лѣтописей, гдѣ упо-

[1]) Новг. Л. I, 84.
[2]) Пск. Л. I, 209.
[3]) Новг. Л. I, 39.
[4]) Новг. Л. I, 13.

Digitized by Google

минаются посадники явно не степенные, разумѣлись, кромѣ старыхъ, и такіе, которые, бывъ прежде на должности въ Новгородѣ, поступили потомъ куда-нибудь посадниками въ пригородъ, а объ нихъ говорится подъ общимъ именемъ новгородскихъ; на это наводитъ нѣсколько то, что, подъ 1443 годомъ, нѣкто Иванъ Васильевичъ, державшій посадничество русское (въ Русѣ), названъ новгородскимъ посадникомъ [1]). Этими назначеніями посадниковъ изъ Новгорода, пригороды не всегда были довольны, коль скоро въ пригородѣ пробуждалось стремленіе управляться самобытно; такъ въ Торжкѣ не приняли посадника, присланнаго изъ Новгорода [2]). Во псковскихъ пригородахъ, по образцу псковскому, были также посадники въ каждомъ. Такъ въ 1426 году, когда Витовтъ подступилъ къ псковскому пригороду Вороночу, въ этомъ пригородѣ начальствовали и просили помощи у псковичей два посадника [3]). Пригороды имѣли свои народные классы подъ тѣми же названіями, какъ и въ Новгородѣ, наприм., бояре новоторжскіе, купцы ладожскіе, купцы русскіе. Пригороды были главнымъ центромъ управленія приписной къ нимъ территоріи, называвшейся волостью пригорода, напримѣръ, Новоторжская волость, Лужская волость, Корельская волость—(состоявшая подъ управленіемъ Корельскаго города), Вороночская волость (во Псковской Землѣ). Пригороды имѣли свой торгъ, свое торговое мѣсто, и свою патрональную церковь. Такъ Новый-Торгъ состоялъ подъ покровительствомъ Св. Спаса, Порховъ подъ покровительствомъ святого Николы, Руса подъ покровительствомъ святого Преображенія. Какъ въ Великомъ Новгородѣ, такъ и въ его пригородѣ былъ свой дѣтинецъ или крѣпость,

---

[1]) Новг. Л. IV, 122.

[2]) Новг. Л. I, 45.

[3]) Пск. Л. I, 204.

Digitized by Google

собственно городъ. Постройкой его завѣдывалъ Великій Новгородъ, а пригородъ, съ своей стороны, высылалъ людей для поддержки укрѣпленій въ Новгородѣ. За предѣлами дѣтинца или города, въ пригородѣ распространялся посадъ, который также былъ огороженъ, но вообще хуже города; такъ въ 1338 году нѣмцы успѣли взять ладожскій посадъ, но города не взяли [1]). Въ пригородахъ должны были быть непремѣнно и свои вѣча. Извѣстія лѣтописныя, вообще очень скудныя во всемъ, что касается до пригородовъ и до волостей, упоминаютъ о вѣчѣ одинъ только разъ въ Торжкѣ [2]), и то въ смутное время; но о существованіи вѣчъ въ пригородахъ надобно предполагать, во-первыхъ, потому, что во Псковѣ они существовали въ древнія времена, когда еще Псковъ не достигъ послѣдующей независимости отъ Новгорода; во-вторыхъ, потому, что учрежденіе вѣчъ было общее не только по пригородамъ, но и по селамъ; въ-третьихъ, потому, что въ лѣтописяхъ встрѣчаются такія событія, когда пригороды распоряжались своими дѣлами въ значеніи мѣстнаго общества, составляющаго корпорацію. Такъ напр., порховичи могли сами покончить съ Витовтомъ дѣло и заплатить ему 5,000 р. серебра за себя [3]). Эта сдѣлка съ Витовтомъ невозможна была безъ народнаго собранія, которое должно было и согласиться на такую сумму, и разложить ее между своими членами. Такъ же точно жители городовъ, отданныхъ въ кормленье князю Патрикію Наримунтовичу, являлись на большое вѣче въ Новгородъ жаловаться на князя. Чтобъ сойтись въ Новгородѣ, надлежало прежде собираться въ пригородахъ, и, слѣдовательно, такое дѣло не могло обойтись безъ народныхъ сходокъ по пригородамъ; сверхъ того,

---

[1]) Новг. Л. I, 78.
[2]) Новг. Л. I, 80.
[3]) Ник. Л. VI, 121.

Digitized by Google

какъ скоро изъ нѣсколькихъ пригородовъ сошлись разомъ въ Новгородъ, то значитъ, эти мѣстныя сходки или вѣча сносились между собою. Случай, когда Порховъ заплатилъ Витовту окупъ собственно за себя, независимо отъ того, что́ заплатилъ тому же князю Великій Новгородъ, указываетъ, что пригороды имѣли свою казну. Изъ этой-то казны, собранной съ волости, тянувшей къ пригороду, слѣдовала извѣстная доля въ новгородскую казну: то была обязанность пригородовъ и волостей ихъ; въ 1436 году Великія-Луки и Ржева не стали-было давать дани, и за то новгородцы ходили на эти волости ратью [1]) и воевали Ржевскую волость, какъ непріятельскую землю; тогда пожгли всѣ ржевскія села до самаго псковского рубежа. Вмѣстѣ съ новгородцами, для укрощенія Ржевы, ходили ополченія Русы и Порхова. Въ этой печальной судьбѣ пригородовъ съ ихъ волостями, видно, что вѣча должны были существовать въ ихъ обычаяхъ. Конечно, поступокъ новгородцевъ былъ вслѣдствіе открытаго сопротивленія и отказа въ платежѣ, что́ должно было произойти только при существованіи вѣча; оттого новгородцы, признавая возмущеніе двухъ пригородовъ дѣломъ общимъ, мірскимъ, и казнили весь міръ [2]). Во Псковской Землѣ, въ пригородахъ, также должны были собираться вѣча. Это можно видѣть въ примѣрѣ изъ событія въ 1341 году, когда псковичи обращались къ островичамъ съ предложеніемъ: хотятъ ли они ѣхать на войну? Островичи согласились *(яшася)* и назначили срокъ и мѣсто, гдѣ имъ сойтись со псковичами [3]). Безъ общаго совѣщанія или вѣча въ Островѣ невозможно было такое рѣшеніе.

---

[1]) Пск. Л. I, 210; II, 29.

[2]) Новг. Л. I. 111. Въ Новг. Лѣтописи это событіе отнесено къ 1435 году. О Великихъ-Лукахъ не говорится вовсе.

[3]) Пск. Л. I, 187.

Digitized by Google

Въ 1347 — 1348, Новгородъ называетъ право Пскова управляться самобытно своимъ жалованьемъ: это право состояло въ томъ, что Новгородъ не назначалъ туда своихъ посадниковъ, не звалъ къ суду, слѣдовательно, въ другихъ пригородахъ посадники были назначенные и верховный судъ въ Новгородѣ. Такъ было и во Псковской Землѣ: пригороды не имѣли права казнить смертію по своему суду безъ позволенія Пскова; такъ въ 1477 году опочане казнили безъ позволенія Пскова конокрада, и за это Псковъ наложилъ на Опочку въ наказаніе сто рублей, т. е. виру [1]). Какъ пригороды, такъ и волости во Псковской Землѣ, въ случаѣ какихъ-нибудь важныхъ предпріятій, обращались за позволеніемъ къ Пскову. Такъ напримѣръ, въ 1476 г. слобожане Кокшинской волости просили у Пскова позволенія построить городъ на рѣкѣ Лодѣ и Псковъ далъ имъ на то грамоту [2]). Въ случаѣ войны, пригороды обязаны были являться съ своими ополченіями по распоряженію большого вѣча; но ополченіе ихъ составляло отдѣльную часть общей всеземельной рати. Оттого встрѣчаются выраженія: ладожане, рушане, новоторжцы въ смыслѣ отдѣловъ войска на войнѣ. Во Псковской Землѣ вѣче приказывало, чрезъ посадниковъ, собраться ополченіямъ пригородовъ въ извѣстное мѣсто, и они являлись каждое со знаменемъ (стягомъ) своимъ во всемъ собственномъ вооруженіи [3]). Такимъ образомъ, сборъ рати и содержаніе лежало уже на попеченіи пригородовъ, управлявшихъ тянувшими къ нимъ волостями.

Не одинъ разъ повторяются примѣры въ новгородской исторіи, что Великій Новгородъ отдавалъ свои пригороды въ кормленье призваннымъ князьямъ. Это мы видимъ еще

---

[1]) Псков. Л. I, 254.
[2]) Псков. Л. I, 252.
[3]) Псков. Л. I, 259.

Digitized by Google

въ XII вѣкѣ. Когда изъ Володимерской Земли прибѣжали въ Новгородъ изгнанники князья Мстиславъ и Ярополкъ, то перваго посадили на столѣ, втораго въ Новомъ-Торгу, а Ярослава, своего бывшаго князя, на Волокѣ-Ламскомъ [1]). Князь на пригородѣ былъ въ отношеніи къ пригороду на такомъ же правѣ, какъ князь въ Новгородѣ къ Новгороду: не получалъ пригорода во владѣніе, не былъ въ немъ государемъ, а получалъ извѣстные доходы и обязывался защищать свой пригородъ въ случаѣ войны; и обыкновенно пригороды, какъ укрѣпленныя мѣста, строились въ такихъ пунктахъ, гдѣ можно было ожидать непріятеля. Оттого-то пригороды были по бо́льшей части близко къ границамъ. Помѣщеніе особаго князя въ пригородѣ значило, что Новгородъ считаетъ необходимымъ усилить средства защиты пригорода и окружающей его волости. Если въ пригородѣ появился такимъ образомъ князь, то ничто не устанавливало на будущее время какого-нибудь права или даже обычая непремѣнно держать тамъ и впослѣдствіи князя. Тѣмъ менѣе этотъ князь имѣлъ бы на пригородъ право долѣе того времени, на какое ему уступлено управленіе. Такъ, тотъ же Ярополкъ, о которомъ сказано выше, переведенъ въ Новгородъ, и Новый-Торгъ остался безъ князя. Но послѣ, въ 1245 году [2]), въ Новомъ-Торгу явился опять князь (Ярославъ Володимировичъ); чрезъ то пригородъ не пріобрѣталъ никакой особой самостоятельности и князь не получалъ надъ нимъ никакого личнаго права. Примѣры такой отдачи городовъ въ кормленья повторяются. Въ 1333 году [3]) Наримунту отдали Ладогу, Орѣховъ, Корельскій городъ и половину Копорья—страны пограничныя. Волости эти были отданы притомъ

---

[1]) Новг. Л. 1, 17.
[2]) Новг. Л. I, 54.
[3]) Новг. Л. I, 77.

Digitized by Google

наслѣдственно, но онѣ чрезъ то не уходили изъ-подъ власти Новгорода. Въ 1383 году сыну Наримунта, Патрикію, отданы были въ кормленье тѣ же города, кромѣ Ладоги, а потомъ отняты и даны Руса и Ладога [1]). Власть князя въ пригородахъ, отданныхъ на кормленье, не могла расшириться до того, чтобъ сдѣлаться для него правомъ, независящимъ отъ воли Новгорода. Это доказывается тѣмъ, что когда княземъ Патрикіемъ Наримунтовичемъ стали жители пригородовъ недовольны, то явились въ Новгородъ и подняли весь городъ, и большое вѣче присудило князю другіе города; а потомъ вѣче совсѣмъ изгнало его, когда онъ оказался негоднымъ къ охраненію ввѣреннаго ему края. Тѣ же пригороды, два раза бывшіе въ кормленьи, первый разъ у Наримунта, другой у его сына, поступили въ третій разъ Симеону Ольгердовичу [2]). Самая щедрая раздача пригородовъ была въ 1404 году послѣднему князю смоленскому, Юрью: Новгородъ далъ ему тринадцать пригородовъ за крестное цѣлованіе съ его стороны (Русу, Ладогу, Орѣховъ, Тиверскій, Корельскій, Копорье, Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Порховъ, Вышгородъ, Высокое, Кошкинъ и Городецъ [3]). Все это значило только, что Великій Новгородъ принималъ его къ себѣ на службу и поручалъ ему свои волости въ управленіе и защиту, по тогдашнимъ правамъ и обычаямъ, съ тѣми доходами, которые шли въ пользу князя, какъ бы въ вознагражденіе за труды по управленію и охраненію ввѣреннаго ему края.

Слово волость вообще означало подвластную (волость —власть) кому бы то ни было территорію. Въ обширномъ смыслѣ вся Новгородская Земля была волостью Великаго Новгорода; пригородъ, куда по управленію тянула окрест-

---

[1]) Новг. Л. I, 93.

[2]) Соф. Л. I, 243.

[3]) Новг. Л. IV, 107.

Digitized by Google

ная территорія, имѣлъ свою волость, которая, въ свою очередь, распадалась на нѣсколько волостей, какъ это показываетъ выраженіе: «а се волости Новгородскіе: Волокъ со всѣми волостями» и т. п., встрѣчаемое часто въ договорахъ. Точно то же и въ лѣтописяхъ: напр. Волокъ-Ламскій съ волостьми, Торжокъ съ волостьми [1]). Въ тѣсномъ смыслѣ волостью называлось соединеніе поселеній, принадлежащихъ къ одному владѣнію. Въ этомъ смыслѣ различались волости новгородскія, т.-е. принадлежащія Великому Новгороду—казенныя, по теперешнему образу выраженія,—волости боярскія, волости св. Софіи,—т.-е. владычнія, — волости монастырскія и волости княжескія — иначе князчина, т.-е. такія, съ которыхъ доходы слѣдовали князю [2]). Въ такомъ смыслѣ погосты заключали въ себѣ волости. Въ перечисленіи волостей въ смыслѣ частей Новгородской Земли въ договорахъ не соблюдается полнота; то-есть о многихъ не упоминается, вѣроятно потому, что на нихъ не было никакихъ притязаній, а упоминаются только тѣ, на которыя великіе князья ихъ оказывали. Во Псковской Землѣ кромѣ волостей существовали губы, на оконечностяхъ всей области. Край по озеру назывался Пецкая губа, по Наровѣ—Наровская губа. Въ новгородскихъ владѣніяхъ встрѣчается слово губа тоже на границахъ, напримѣръ, въ Новоторжской области Спасская губа.

Обширнѣйшія и болѣе точныя единицы дѣленія новгородской территоріи были земли, о которыхъ понятія образовались не какими-нибудь правительственными распоряженіями, а естественнымъ путемъ соображенія съ географическими и этнографическими особностями. Позднѣйшее раздѣленіе на пятины, сообразно пяти концамъ города, не

---

[1]) Новг. Л. I, 98.

[2]) Новг. Л. I, 99.

Digitized by Google

существовало во времена независимости; по крайней мѣрѣ нигдѣ не встрѣчается названія пятинъ; но тѣ самыя территоріи, которыя составляли послѣ пятины, назывались такими собственными именами, изъ которыхъ потомъ образовались для пятинъ прилагательныя, напр. Водь, вм. Водская пятина; Шелонь, вм. Шелонская пятина и проч. Во Псковской Землѣ отношенія пригородовъ къ городу дѣйствительно представляли какую-то сообразность и какъ-бы зависимость отъ концовъ города. Въ 1468 г. «весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси концы коему же концу къ старымъ пригородомъ новыя жеребьемъ дѣлили» [1]). Изъ этого неяснаго извѣстія видно только, что во Псковѣ конецъ города имѣлъ у себя въ завѣдываніи,—неизвѣстно въ какихъ отношеніяхъ и до какой степени — псковскіе пригороды. Въ новгородскомъ управленіи ничего такого не встрѣчается. Правда, въ житіи Саввы Вишерскаго разсказывается, что за полученіемъ права на землю, гдѣ онъ основалъ монастырь, онъ обращался въ Славенскій конецъ на вѣче; изъ этого заключали, что земля, которой просилъ Савва, принадлежала къ Славенскому концу, состоя въ той пятинѣ, которая находилась въ завѣдываніи этого конца. Но это мѣсто имѣетъ, очевидно, тотъ смыслъ, что Савва обратился къ большому вѣчу, управлявшему всѣмъ достояніемъ Великаго Новагорода; а это вѣче, дѣйствительно, собиралось на Ярославовомъ Дворищѣ, находившемся въ Славенскомъ концѣ. Мы встрѣчаемъ не пятины, а земли. На западъ отъ Новгорода Водь,—между рѣкою Волховомъ и моремъ; неизвѣстно, включалось ли въ Водскую Землю все пространство до границъ Новгородской Земли, именно до р. Плюсы, отдѣлявшей ее отъ Псковской, и до Наровы, гдѣ она граничила съ Ливоніею;—или Водь доходила только до Луги, какъ впослѣдствіи Водская пятина. Часть этой земли

---

[1]) Псков. Л. I. 231.

Digitized by Google

по р. Ижорѣ и по Невѣ называлась Ижорою. Здѣсь были пригороды укрѣпленные: Ладога на р. Волховѣ, невдалекѣ отъ его устья, городъ, котораго основаніе теряется въ баснословной древности: каменный городъ въ немъ построенъ на горѣ, въ 1116 г. Павломъ, ладожскимъ посадникомъ [1]); Орѣшекъ, построенный въ 1323 году на Орѣховомъ островѣ при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера; Копорье на холмѣ, надъ рѣкою Копоркою. Въ 1240 году нѣмцы, овладѣвши Водью, построили городъ на погостѣ этого имени, съ тѣмъ, что онъ долженъ быть центромъ управленія надъ всею Водью; новгородцы разорили его; въ 1280 г. князь Димитрій Александровичъ построилъ тамъ снова каменный городъ; въ 1282 г. новгородцы, поссорясь съ нимъ, разорили этотъ городъ, а въ 1297 году построили опять. Ямъ и Луга на рѣкѣ Лугѣ,—первый ниже послѣдняго на правомъ, а послѣдній на лѣвомъ берегу (каменныя стѣны города построены въ 1384 году). На сѣверъ отъ Невы была Корельская Земля, отдѣлявшаяся отъ Шведской Финляндіи рѣкою Сестрою: здѣсь на берегу Ладожскаго озера, при впаденіи рѣки Узервы, существовалъ новгородскій пригородъ Корельскъ, центръ новгородскаго управленія

---

[1]) Въ настоящее время остались отъ него чрезвычайно толстыя, сверху поврежденныя, стѣны изъ плиты съ четырьмя башнями. Пространство по внутренней каймѣ стѣнъ 530 шаговъ. Вся твердыня имѣетъ овальный видъ. Съ противоположной Волхову стороны она окаймлена рѣкою Ладожкою, тутъ же впадающею въ Волховъ. Въ стѣнѣ были сдѣланы потайные ходы, идущіе внизъ подъ землею. Неизвѣстно, на какое пространство тянутся эти подземелья и въ какихъ направленіяхъ; народное повѣрье ведетъ ихъ подъ Волховъ. У подошвы каменной твердыни съ юга былъ посадъ, укрѣпленный земляными насыпями, которыхъ остатки существуютъ. Вокругъ Ладоги, по обѣимъ сторонамъ ея, по берегу Волхова, равнымъ образомъ и на противоположномъ берегу, множество кургановъ, безъ сомнѣнія надгробныхъ памятниковъ языческихъ временъ, — они придаютъ самому городу и его окрестности оригинальный видъ.

Digitized by Google

надъ Корельскою Землею. Въ 1310 г. новгородцы построили тамъ новый городъ, разметавши прежній за ветхостью. За Невою, по близости къ шведской границѣ, находился пригородъ Тиверскій. На юго-западъ отъ Новгорода была Шелонская Земля, по обѣимъ сторонамъ рѣки Шелони. Здѣсь были пригороды: Шелонь на устьѣ Пшаги (не Мшаги ли?); Порховъ, гдѣ въ 1387 году построены каменныя стѣны, которыхъ остатки существуютъ и теперь; Высокой, выше Порхова; за Шелонью былъ пригородъ Вышгородъ близъ границы со Псковскою Землею; здѣсь Новгородская Земля, гранича къ западу со Псковскою, огибая вдавшуюся отъ послѣдней Навережскую губу, ниспускалась на югъ и, на близкой со Псковскою линіи, граничила въ древности съ Полоцкою Землею, а потомъ съ Литовскою, когда Полоцкая вошла въ составъ послѣдней: это была Ржевская волость съ пригородомъ Ржевою при озерахъ Поццо, Аршо и Рессо, при истокѣ рѣки Великой; пригородъ былъ окруженъ земляною насыпью до 400 саж. въ окружности. За нимъ слѣдовала литовская граница: Заволочье было уже за границей. Кромѣ этихъ пригородовъ, имѣвшихъ свои волости, по рѣкѣ Шелони были еще укрѣпленныя мѣста, остроги или городки въ XIII вѣкѣ, для защиты отъ литовцевъ, построенные Александромъ Невскимъ въ 1239 году. Такъ во Псковской лѣтописи Опока на Шелони называется городомъ. Между Шелонью, впадающею въ западный уголъ Ильмень-озера и Ловатью, впадающею въ то же озеро, на юговосточной его сторонѣ, протекаютъ отъ юга къ сѣверу впадающія въ Ловать рѣки Рѣдья и Полиста, обѣ изъ озеръ того же названія; при соединеніи рѣкъ Полисты и Порусіи стоялъ городъ Руса, къ которому принадлежалъ край, омываемый этими рѣками. Его основаніе теряется въ доисторическихъ временахъ. О построеніи въ немъ деревяннаго укрѣпленія упоминается подъ 1201 годомъ. На западѣ отъ ней былъ

Digitized by Google

пригородъ Городецъ, а у самаго озера—селеніе Коростынь, знаменитое по несчастному миру, предуготовившему паденіе Новгорода; на востокъ по теченію рѣки Ловати лежали пригороды—на правой сторонѣ этой рѣки Курскъ, выше его Холмъ и еще выше Великія-Луки по близости къ литовскимъ границамъ. Великолуцкая волость граничила къ западу со Ржевскою, а съ востока съ Торопецкою волостью Смоленской Земли, съ юга съ Невельскими и Усвятскими волостьми Великаго Литовскаго Княжества—въ древности Кривской Полоцкой Земли. На востокъ отъ Ловати была Дерева или Деревская Земля, заключавшая пространство между Ловатью и Мстою, изрѣзанное множествомъ рѣчекъ и протоковъ. Верхняя часть ея болотиста и неплодородна, но южная гориста и относительно плодородна, какъ и берега рѣкъ, впадающихъ въ Ловать слѣва. На берегу рѣки Явони, впадающей въ Полу, которая сливается съ Ловатью, стоялъ пригородъ Демань; на югъ простиралась Дерева до верховьевъ Волги, вытекающей изъ озера Селигера или Серегера, которое все находилось во владѣніи новгородскомъ: юго-восточная часть ея называлась Заборовье. Ниже ея простиралась Торжковская или Новоторжская волость, тянувшая къ пригороду Торжку или Новому-Торгу. Этотъ пригородъ, вмѣстѣ съ Русою и Ладогою, составлялъ три важнѣйшихъ города въ Новгородской Землѣ послѣ столицы, какъ по населенію, такъ и по торговлѣ. На югъ отъ Новоторжской Земли былъ пригородъ Волокъ-Ламскій съ своими волостьми. Остается неизвѣстнымъ, былъ ли онъ связанъ съ Новоторжскою волостью полосою принадлежащей Новгороду земли черезъ нынѣшній старицкій уѣздъ, или лежалъ оазисомъ среди чужихъ владѣній. Земля Новгородская оканчивалась съ юга, какъ надобно думать, рѣкою Тмою, текущею на востокъ, и рѣкою Кошею, текущею на западъ въ верховье Волги. Вѣроятно, упоминаемый въ лѣтописяхъ пригородъ

Digitized by Google

Кошкинъ былъ на послѣдней рѣкѣ. Отъ рѣки Тмы (вѣроятно отъ ея поворота на югъ) граница новгородская шла до верхней части рѣки Медвѣдицы, потомъ на востокъ Медвѣдицею; а потомъ рѣкою Березаемъ на сѣверъ до Мологи, верховьемъ Мологи, до впаденія въ нее Мелечи, далѣе Мелечею до ея верховьевъ, потомъ Званою и отъ Званы на сѣверо-западъ до устья Кобожи, а оттуда на сѣверъ до Колпи и до ея вершины. Край, заключающійся между этой восточною границею и Мстою, назывался Бѣжицами или Бѣжицкою Землею. Здѣсь былъ пригородъ Бѣжицкій-Верхъ, стоявшій на окраинѣ новгородскихъ владѣній. Вѣроятно, городокъ Палицъ или Палецъ, упоминаемый въ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ, былъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ; ибо теперь тамъ есть деревня Пальцова, напоминающая названіе древняго городка. Волость Мелеча, упоминаемая въ тѣхъ же договорныхъ грамотахъ, указывается сама собою названіемъ рѣки Мелечи. Отъ верховья рѣки Колпи новгородская граница, раздѣляя Новгородскую волость отъ Бѣлозерской, поднималась вверхъ по верховьямъ рѣкъ: Суды, Кіамы, Вытегры, Кемы, до озера Лача; принадлежащее Новгороду пространство на сѣверозападъ отъ этой границы, начиная отъ самаго Новгорода по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера и кончаясь на востокъ рѣкою Онегою, на западѣ Ладожскимъ озеромъ и выше его рядомъ озеръ (Кучозеро, Линдозеро, Кумчезеро, Сегозеро, Шуезеро), а на сѣверѣ моремъ, называлось Обонежьемъ. Природные жители этого пространства были Корела, въ отличіе отъ западной, называемая Обонежскою, и Чудь, а далѣе на сѣверъ Лопь или лопари. Новгородскія колоніи располагались по рѣкамъ, впадающимъ въ озера—на волокѣ между двумя большими озерами: Ладожскимъ и Онежскимъ, по рѣкамъ: Пашѣ, Ойяти, Свири, Олонцѣ; на другой сторонѣ Онежскаго озера по Вытегрѣ, Водлѣ, Онегѣ. На Водлѣ существовала уже въ

Digitized by Google

XV вѣкѣ Пудога — нынѣшній Пудожь, а на Онегѣ при озерѣ Лачѣ пригородъ Каргополь. За рѣкою Онегою на востокъ до Мезени простиралось Заволочье. Южная граница его шла отъ озера Лача до верховья рѣкъ Вели и Пежмы, впадающихъ въ Вагу; новгородскія поселенія располагались по этимъ рѣкамъ, а также и по ихъ притокамъ Подвигѣ или Подюгѣ и Шоношѣ; по Вагѣ поселенія существовали отъ ея устья до верховьевъ (въ числѣ ихъ Шенкурскъ, Вельскъ, Терминскъ, Паденгскій погостъ), а съ верховьевъ Ваги было сообщеніе съ Сухоною (можетъ быть посредствомъ рѣки Вожболя) и съ Вологдою. Пригородъ Вологда былъ конечнымъ новгородскимъ поселеніемъ важской линіи, которая спускалась къ югу узкою полосою, бывъ окружена въ концѣ съ обѣихъ сторонъ чужими владѣніями. Новгородскія поселенія существовали по обѣимъ сторонамъ правобережныхъ важскихъ притоковъ: Колуя, Терминги и Кокшенги. Погосты и деревни этихъ рѣкъ тянули къ пригороду Емцу, находившемуся при устьѣ рѣки Емцы, впадающей въ Двину. По Емцѣ и по притоку ея Мехренгѣ были новгородскіе погосты и деревни. Они были также на Кодимѣ, впадающей въ Двину и, вѣроятно, на другихъ притокахъ съ лѣвой же стороны Двины, образующихъ волоки съ притоками Ваги. По Двинѣ новгородскіе погосты и селенія шли отъ устья Верхней-Тоймы, сплошь до устья Двины; изъ нихъ, между прочимъ, во времена независимости Новгорода существовали на лѣвой сторонѣ: Нижняя-Тойма, Заостровье, Корбала при впаденіи Ваги, Юмышъ, Моржегоры, Колея, Коскошино, пригородъ Емецъ, Кирьигоры, Чюкчинъ конецъ, Вайгуга, Матигоры, Быстрокурья, Холмогоры, Орлецъ главный городъ надъ Двинскою Землею, Ижемское, Койдокурья, Кехта; на правой сторонѣ: Шестозеро, Хаврыгоры, Пингишъ, Прилуцкое, Челмахта, Хоченема, Чюкчелема, Чиглонимъ; на двинскихъ островахъ: Курь-островъ,

Digitized by Google

Великая-Курья, Ухть-островъ, Кегъ-островъ, Княжь-островъ, Линь-островъ, Лисичь-островъ, Яковлева-Курья, Коневъ-островъ, Соломбала при морѣ; Терпиловъ погостъ; на берегу моря на западъ отъ Двины: Конечный погостъ, Уна и Ненокса; на рѣкѣ Солвѣ Солза; на Пинегѣ, впадающей съ правой стороны въ Двину: Чаколъ, Кегролъ, Чюшола, Юролъ, Пильигоры; на волокѣ Пинемскомъ: Пекернема, Шулонема, Воепала; были поселенія по притокамъ, впадающимъ въ Пинегу: по Выѣ, Пинежкѣ и Немьюгѣ, а также въ небольшомъ количествѣ на рѣкахъ Кулоѣ и Мезенѣ, впадающихъ въ океанъ. Далѣе на востокъ отъ Мезеня была Печорская Земля; на югъ отъ нея, заходя восточнѣе независимой Вятской Земли, Пермская Земля, а на сѣверо-востокъ отъ нея Югра. Тамъ колоній, сколько намъ извѣстно, не было, а туземные народы платили Новгороду дань.

Къ Заволоцкой Землѣ принадлежали и острова на Бѣломъ морѣ, изъ которыхъ значительнѣйшими были Соловецкій и Анзерскій, а за Бѣлымъ моремъ принадлежалъ къ новгородскимъ землямъ Терскій берегъ, называемый въ то время Тре, Терь и Тиръ.

Окраинныя новгородскія волости по какимъ-то старинным обычаямъ состояли въ черезполосицѣ съ сосѣдями. Отсюда-то и возникли притязанія на нихъ великихъ князей, которыя вводили Новгородъ въ войны съ ними и довели его, между прочими другими причинами, до паденія. Еще въ 1133 году давалась дань великимъ князьямъ съ Печоры [1]). Пермская Закамская страна давала Новгороду дань, подъ именемъ — закамскаго серебра. Въ 1332 году великій князь Иванъ Даниловичъ претендовалъ на выдѣлъ себѣ изъ этой дани [2]). Изъ грамотъ, относящихся къ кон-

[1]) Карамз. Т. II, пр. 171.

[2]) Новг. Л. I, 76.

Digitized by Google

цу XIII и началу XIV вѣка, видно, что великіе князья имѣли право посылать въ сѣверные приморскіе края, принадлежащіе Новгороду, ватаги для поимки птицъ, а жители обязаны были давать имъ кормъ и подводы [1]). Это, вѣроятно, была древняя уступка отъ Новгорода великимъ князьямъ — верховнымъ правителямъ всѣхъ земель русскихъ. Волокъ-Ламскій, а потомъ и Торжокъ платили половину своихъ доходовъ, слѣдуемыхъ въ новгородскую казну, великимъ князьямъ, а другую половину Новгороду. Такъ велось съ глубокой старины, что Новгородъ вознаграждалъ своихъ князей частью доходовъ съ извѣстныхъ окраинныхъ волостей. Съ усиленіемъ московскихъ великихъ князей, эти древніе обычаи подавали имъ поводъ покушаться на бо́льшее подчиненіе окраинныхъ земель и, наконецъ, на оторваніе ихъ отъ Новгорода. Великіе князья претендовали потомъ и на Бѣжецкій-Верхъ. Уже въ XIV вѣкѣ Михаилъ тверской захватилъ Бѣжецкій-Верхъ и посадилъ тамъ намѣстника въ 1370 г., а Димитрій Донской убилъ этого намѣстника [2]). Василій Димитріевичъ отторгнулъ отъ Новгорода разомъ Заволочье, Волокъ-Ламскій, Торжокъ и Бѣжецкій-Верхъ. Хотя онъ долженъ былъ уступить отнятое назадъ Новгороду, но впослѣдствіи, во время распрей князей московскаго дома, въ XV вѣкѣ, эти князья дѣлили между собою окраинныя новгородскія волости, какъ свою собственность. Такъ напримѣръ великій князь отдалъ Бѣжецкій-Верхъ меньшому сыну Юрія [3]). Въ 1449 году тотъ же князь отдалъ тотъ же новгородскій пригородъ Ивану Можайскому [4]), а Димитрій Шемяка въ 1447 г., плѣнивъ Василія, далъ ему въ удѣлъ Вологду [5]). Край Бѣжецкій,

[1]) Ак. Арх. Эксп. I, 1.
[2]) Ник. Л. IV, 30—31.
[3]) Соф. Л. I, 266.
[4]) Соф. Л. I, 269.
[5]) Соф. Л. I, 269.

Digitized by Google

также какъ Новоторжскій и Волоколамскій, подвергался частымъ разореніямъ отъ сосѣдей и Новгородъ не въ силахъ былъ охранить его. Напр. въ 1446 г. Борисъ тверской напалъ на Бѣжецкій-Верхъ и впродолженіи двухъ лѣтъ потомъ разорялъ его волости, повоевавъ ихъ до восьмидесяти [1]). Изъ актовъ, относящихся къ уступкѣ Заволочья Ивану Васильевичу, видно, что въ этой землѣ происходили столкновенія между новгородцами съ одной стороны, и разными князьями и боярами великокняжескихъ земель, съ другой. Земли въ Заволочьѣ занимались и новгородцами и не новгородцами; тамъ происходили безпрестанныя драки; на томъ основаніи, что въ нихъ селились подданные великихъ князей,—великіе князья называли ихъ своими. Не въ силахъ будучи обезопасить свои окраинныя волости и колоніи отъ сильныхъ сосѣдей, уступая великимъ князьямъ извѣстные съ нихъ доходы, новгородцы старались, по крайней мѣрѣ, удержать ихъ въ своемъ управленіи. Сверхъ того, окраинныя волости на границѣ литовской,—Ржевская и Великолуцкая, давали дань и половину судныхъ пошлинъ [2]) литовскимъ великимъ князьямъ, а послѣдніе держали тамъ своихъ тіуновъ. Трудно рѣшить: было ли это слѣдствіе давней черезполосицы со Смоленскою и Полоцкою Землями, вошедшими въ составъ Литовской державы, или же то была ускользнувшая отъ лѣтописцевъ уступка притязаніямъ усилившихся литовскихъ князей и имѣла значеніе платы «мира дѣля», т. е. за то, чтобъ не грабили и не разоряли новгородскихъ владѣній.

Въ волостяхъ сельское народонаселеніе дѣлилось на погосты. Въ договорахъ говорится, что смердъ, бывшій закладникомъ, долженъ отойти въ свой погостъ, а въ другихъ въ свой потугъ; слѣдовательно погостъ и потугъ одно

---

[1]) Новг. Л. IV, 125.

[2]) Акты Зап. Росс. Т. I, 87.

Digitized by Google

и то же. Итакъ погостъ означалъ главное мѣсто, куда тянули, то-есть отбывали свои повинности и считались принадлежащими на опредѣленномъ разстояніи живущіе сельскіе жители-смерды. Туда должны были они доставлять свои налоги, поэтому слово погостъ употреблялось тоже въ смыслѣ дани или платежа налога [1]), — какъ показываетъ выраженіе *погоста не платити*. Тамъ было ихъ управленіе. Туда сходились жители деревень и селъ для разсужденій о своихъ дѣлахъ. Но для поселянъ не было обязанностію непремѣнно пребывать въ одномъ мѣстѣ и тянуть къ такому-то погосту. Каждый имѣлъ право выйти и переселиться изъ одного погоста въ другой, но обязанъ былъ по мѣсту жительства исполнять повинности [2]). Значеніе погостовъ яснѣе, нежели происхожденіе этого слова; несомнѣнно, оно древле-славянское и однозначительно съ чешскимъ названіемъ *погостина*—торговое, большое село. Вѣроятнѣе всего, слово погостъ — однокоренное со словомъ гость и съ глаголомъ гостить,—что значило торговать; ибо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сосредоточивалось управленіе поселянъ, происходила и сельская торговля. Вмѣстѣ съ этимъ погостъ имѣлъ и религіозное значеніе: тамъ былъ приходскій храмъ для окрестныхъ деревень, тянувшихъ къ погосту; — въ древней Руси торговля всегда избирала себѣ дѣятельность около храмовъ или монастырей. Къ погосту принадлежали села, сельца, деревни, починки и выставки.

Названіе село, кажется, имѣло значеніе всякаго земледѣльческаго поселенія вообще; а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ — селомъ, и еще чаще, сельцомъ, называлось имѣніе частнаго владѣльца, гдѣ онъ жилъ самъ или гдѣ имѣлъ усадебное заведеніе. Иногда въ селахъ и сельцахъ были

---

[1]) Собр. Госуд. грам. I, № 144.

[2]) А. И. I, 26

Digitized by Google

церкви, построенныя хозяевами. Деревня было самое обыкновенное названіе: деревни были владычнія, монастырскія, боярскія—принадлежавшія къ боярскимъ селамъ,—поселенныя на земляхъ Великаго Новгорода и своеземцевы, т. е. частныхъ мелкихъ собственниковъ. Онѣ были не велики и состояли по большей части изъ нѣсколькихъ дворовъ; но зато въ мѣстахъ, куда притягивалось народонаселеніе, располагались въ недальнемъ одна отъ другой разстояніи. Деревни не всегда были безъ церквей; случалось, что въ деревнѣ строилась церковь, а она все-таки не переставала называться деревнею [1]). Починокъ былъ только что возникавшее поселеніе; выставка—выселокъ изъ прежняго. Что такое рядокъ—опредѣлить трудно. Неволинъ заключаетъ, что это были поселенія, въ которыхъ избы были построены рядомъ [2]).

Сельняне, люди свободные, управлялись своими вѣчами. Изъ поселеній, тянувшихъ къ одному и тому же погосту, собирались они—преимущественно по воскреснымъ днямъ—къ церкви своего погоста. Собраніе происходило или на открытомъ воздухѣ, или въ избахъ, нарочно для того состроенныхъ при церкви; смотря по количеству собиравшихся, было по одной и по двѣ такихъ избы [3]). Здѣсь выбирали они себѣ старостъ, распоряжались сборомъ, раскладкою и исполненіемъ повинностей, обсуждали свои нужды и творили свой судъ. По отношенію къ отбываемымъ повинностямъ, принято было дѣленіе на сохи; каждая соха заключала три обжи; а обжей называлось то, что

---

[1]) О пят. Новг. IX. стр. 248.

[2]) Тамъ же. Напр. деревня Потерпѣлый рядъ, а въ немъ церковь Покровъ св. Богородицы.

[3]) Да у тѣхъ же церквей на церковныхъ земляхъ двѣ избы большія за трапезы мѣстъ, гдѣ сходятся по воскресеньямъ крестьяне... да на погостѣ изба схожая а сходятся въ ней крестьяне по воскресеньямъ.

Digitized by Google

можетъ выпахать одинъ человѣкъ съ одной лошадью. Повинности разлагались на сохи. Изъ грамоты на черный боръ, данной Василію Васильевичу по новоторжской области, видно, что за соху принимались три лошади, и приравнивались съ нею нѣкоторые промыслы, напримѣръ: чанъ кожевенный, неводъ, лавка, кузница, ренъ (соляное производство), лодка; плугъ принимался за двѣ сохи, а ис половникъ за полсохи вмѣсто сохи.

Одерноватые, какъ люди несвободные, освобождались отъ дани. Освобождались тоже старосты, какъ люди должностные. Какая именно была обычная дань, неизвѣстно; но когда предстояла необходимость, тогда Новгородъ дѣлалъ распоряженіе собрать съ извѣстнаго количества дворовъ извѣстную сумму, напримѣръ, съ десяти дворовъ по рублю; для этого посылались нарочные, которые сбирали эту дань черезъ старостъ; въ имѣніяхъ частной собственности черезъ ключниковъ. Кромѣ платежа налоговъ, жители волостей были обязаны давать кормъ и подводы гонцамъ и подъѣздникамъ, служить въ военной службѣ по разрубкѣ, выходить на работу для постройки укрѣпленій.

Отбываемыя по опредѣленнымъ правиламъ, сосредоточенныя въ опредѣленныхъ пунктахъ, повинности назывались тягломъ, подчиненные имъ — тяглыми людьми; такимъ образомъ, живя по деревнямъ, починкамъ, селамъ, сельняне тянули къ погостамъ и волостямъ, волости къ пригородамъ, наконецъ, всѣ пригороды и волости тянули къ Великому Новгороду. Нѣкоторыя изъ волостей не только Великаго Новгорода, но и монастырскихъ, и можетъ быть боярскихъ, вмѣсто даней, которыя бы слѣдовало брать съ нихъ въ новгородскую казну, тянули тягломъ къ извѣстнымъ концамъ Новгорода [1]). Вѣроятно, такіе-то носили

[1]) А великаго князя оброка на нихъ здѣсь не положено того для, тянуть въ конецъ Неревской.

Digitized by Google

названія кончанскихъ и улицкихъ, которыя встрѣчаются въ судной новгородской грамотѣ 1471 года. Послѣднее названіе — улицкихъ—заставляетъ предполагать, что, кромѣ тянувшихъ къ концамъ, были еще приписанные тяглом къ улицамъ. Во Ржевской волости, гдѣ, какъ было сказано, великому князю литовскому платилась половина дани и судныхъ пошлинъ, Новгородъ отдавалъ свои доходы владыкѣ, монастырямъ и своимъ боярамъ. Дань сбиралась у нихъ больше вещественными произведеніями. Нѣкоторые предметы собирались валовымъ способомъ съ погоста или волости, другіе по жеребьямъ, на которыхъ бывало по нѣскольку хозяевъ на каждомъ, напр. по пяти и по одномъ, и наконецъ, нѣкоторые съ дыма. Для образца, какъ платили съ жеребьевъ — укажемъ на повинности, отправляемыя въ Будкинской и Туровской волостяхъ новгородскому владыкѣ. Съ жеребья (сколько бы ни сидѣло на немъ хозяевъ) давалось три горсти льна, хлѣбъ, полполсти мяса, полбочки жита, и это возили сами крестьяне зимою. Сверхъ того, когда пріѣзжали владычніе подъѣздники, то на нихъ варили пиво. Съ другихъ жеребьевъ брали рыбною ловлею: владыка присылалъ два невода, а третій неводъ великаго князя литовскаго; крестьяне были обязаны кормить людей и лошадей, присланныхъ владыкою. Въ селеніяхъ, гдѣ доходы были уступлены Кирилловскому монастырю, брали валовой доходъ безъ подѣла на жеребья; напр. на Влицахъ и на Цеблѣ, осенью брали 1 рубль, двѣстѣ бѣлокъ, двѣстѣ хлѣбовъ, двѣстѣ окороковъ мяса, двѣстѣ горстей льна; за этимъ ѣздили два раза монастырскіе подъѣздники; и тогда жители обязаны были варить имъ пиво. Сверхъ того, бралось съ нихъ жито; если сами мужики повезутъ въ Новгородъ, то—шестьдесятъ бочекъ, а если не сами, но пріѣдутъ за житомъ посланные изъ Новгорода,—то девяносто бочекъ. Бояре получали обыкновенно пятый снопъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брали съ жеребья по три бѣлки, за-

Digitized by Google

мѣняя ихъ, по удобству, тремя деньгами, да по горсти льна, и сверхъ того, кормъ для подъѣздника. Въ другихъ мѣстахъ брали по сыру съ дыму. Дань великому князю литовскому давалась деньгами [1]).

Въ странахъ, подвластныхъ Новгороду, но заселенныхъ инородцами, повинности подвластныхъ ограничивались дачею мѣховъ. Такъ было въ Перми, Печорѣ и Югрѣ.

Налоги, назначаемые Великимъ Новгородомъ на жителей своихъ волостей, были главнымъ источникомъ новгородской казны. Кромѣ того, доходы его составляли судныя пошлины, виры и торговыя пошлины. Судныя пошлины платили съ каждаго дѣла проигравшіе тяжбу; виры платились общинами съ убитыхъ на ихъ землѣ, когда убійца не найденъ. Для сбора судныхъ пошлинъ и виръ посылались по волостямъ тіуны, которые отбирали ихъ у судей. Половина всѣхъ виръ и судныхъ пошлинъ по Новгородской Землѣ принадлежала князю, а другая Великому Новгороду. О торговыхъ пошлинахъ даетъ слабое и смутное понятіе жалованная грамота Троицкому монастырю (1444—1454 г.). Тамъ исчисляются нѣкоторыя пошлины, отъ которыхъ освобождались монастырскіе торговцы въ видѣ привилегіи: подоральное, подзорное, описчее, подъѣздное, анбарное, т.-е. плата съ анбаровъ и лавокъ въ городахъ и въ торговыхъ мѣстахъ, побережное, помѣрное. Это были болѣе платы за труды, употребленные при разныхъ повѣркахъ торговыхъ оборотовъ.

Псковская Земля заключала въ себѣ полосу между рѣкою Плюсою и озерами Псковскимъ и Чудскимъ, и пространство, составляющее часть нынѣшней псковской губерніи, именно уѣзды: псковскій, островскій, и опочскій; на западъ она простиралась до Нейгаузена и нынѣшней границы лифляндской губерніи. Южный берегъ Псковскаго

[1]) Акты Западн. Росс. 1. 87—92.

Digitized by Google

озера, между рѣками Медою и Великою, принадлежалъ къ ней; на востокъ она доходила до Дубровны и Вышгорода, новгородскихъ поселеній. Граница шла невдалекѣ отъ этихъ мѣстъ прямо съ сѣвера на югъ, а на югѣ она соприкасалась съ Литвою въ предѣлахъ нынѣшней витебской губерніи. Сѣверная часть земли ровна и болотиста, южная же лѣсиста и холмиста. Послѣдняя довольно плодородна, особенно въ урожайные годы и родитъ въ изобиліи хлѣбъ, сѣно, въ особенности ленъ, который издавна воздѣлывали псковичи, точно какъ и теперь. Эта промышленность составляла важнѣйшій источникъ народной экономіи. Земля Псковская имѣла пригороды и волости; къ пригородамъ приписывались волости и носили названія по пригороду: Велейщина, Красногородчина и пр.; но были волости и безъ пригородовъ, напр. Березская волость, Кокшинская волость. Кромѣ волостей, существовали еще губы, подъ которыми, кажется, понимать слѣдуетъ, окрайныя земли, представлявшія собою загибы. Край, сосѣдній съ новгородскою волостью, Порховщиною, называли Навережскою губою; на озерѣ, какъ сказано выше, была Пецкая губа, по Наровѣ — Наровская; упоминается еще Бельская губа. Какъ и въ Новгородской Землѣ, во Псковской селъ большихъ не было; поселенія устраивались небольшими деревнями, тянувшими къ погостамъ, гдѣ были церкви, и при нихъ, вѣроятно, совершались народныя сходки. Совокупность нѣсколькихъ погостовъ съ деревнями составляла волость. Пригородовъ было двѣнадцать; они были размѣщены такъ, что опоясывали границу и явно имѣли своимъ назначеніемъ служить укрѣпленными мѣстами. Они строились на высокихъ мѣстахъ, способныхъ къ защитѣ; укрѣплялись земляными валами, нѣкоторые — каменными стѣнами. Пригороды эти были: Изборскъ [1]) на западъ отъ

[1]) На горѣ Жеравіи построенъ въ XIV в. вмѣсто стараго Изборска. Гора крута съ трехъ сторонъ; но къ сторонѣ нѣмецкой онъ защи-

Digitized by Google

Пскова; Кобылій городокъ у озера; Гдовъ (каменная крѣпость построена была въ немъ въ 1431); на юго-востокъ и на югъ отъ Пскова: Владимирецъ, заложенный въ 1462 г. [1]); Котелна, а вмѣсто нея Выборъ, заложенный въ 1431 году въ Котелинскомъ обрубѣ [2]); Вревъ [3]); Вороночь—въ 16-ти

щался стѣнами и рвомъ. Въ настоящее время отъ него остались толстыя плитяныя стѣны съ шестью башнями, изъ которыхъ одна на углу четвероугольная; прочія круглы, съ узкими окнами. Внизу протекаетъ ручей, называемый Славянскіе-ручьи. На сѣверъ отъ него съ версту городище стараго Изборска съ земляным валомъ на холмѣ, естественно защищенномъ оврагами на западной сторонѣ; среди зарослей, съ горы съ шумомъ скатывается горный ручей въ глубокомъ оврагѣ. Пространство его не велико и менѣе иного помѣщичьяго двора. На углу Городища стоитъ древняя патрональная церковь св. Николы.

[1]) На рѣкѣ Листвицѣ, очень быстрой, на высокомъ мѣстѣ покрытомъ лѣсомъ.

[2]) Близъ едва замѣтной рѣки Выборки. Городище его въ настоящее время обведено валомъ, имѣющимъ до 600 шаговъ въ окружности и до 30 въ вышину. Всходъ на него довольно крутъ. Въ срединѣ, на мѣстѣ прежней патрональной церкви, построена другая, уже новѣйшей архитектуры. Къ этому валу, съ восточной стороны, примыкаетъ земляное закругленіе, обдѣланное изъ натуральнаго холма, и отъ него идетъ холмистая линія, обдѣланная съ обѣихъ сторонъ въ валъ, и, заворачиваясь, соединяется съ натуральною горою. Пространство между этой линіею, превращенною въ валъ, и горою, съ которою онъ связуется, образуя тупой уголъ, называется до сихъ поръ посадомъ, въ воспоминаніе того, что тамъ былъ нѣкогда посадъ, защищенный такимъ образомъ съ одной стороны горою, съ другой продолговатымъ холмомъ, преобразованнымъ въ валъ. Закругленіе, примыкающее къ валу городища, называется Варвара, въ память когда-то стоявшей тамъ церкви св. Варвары. Напротивъ городища, къ югу, холмъ съ удлиненіемъ, обдѣланный также валомъ; кажется, онъ служилъ передовою защитою пригороду и посаду, въ случаѣ нападенія непріятеля. Этотъ холмъ называется Жолчь. На немъ деревянная церковь Воздвиженія.

[3]) Вревское городище занимаетъ небольшой, но высокій холмъ, возвышающійся въ видѣ стола, посреди горъ. Сама природа укрѣп-

Digitized by Google

верстахъ отъ Врева, на лѣвомъ берегу рѣки Сороти [1]); Коложе—уничтоженное великимъ княземъ Витовтомъ въ 1406 году [2]); Опочка, построенная вмѣсто Коложа въ

ляетъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ очень крутъ и въ древности былъ обдѣланъ еще круче. На вершину его вела извилистая дорога. По краямъ этого холма, наверху былъ сдѣланъ валъ, закрывавшій строенія. Вышина холма въ настоящее время 75 шаговъ, вышина вала на холмѣ, какъ можно судить по небольшому его остатку, вышиною до 15 шаговъ. Вся площадь городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину. Около этого городища внизу, раскинувшись, лежалъ Вревскій посадъ и преданіе сохранило память о мѣстѣ церквей (Троицкой, Ильинской, Михайловской). У самой подошвы холма на сѣверо-восточной сторонѣ, по преданію, были лавки; противъ этого мѣста показываютъ впадину, куда будто бы былъ ходъ въ подземелье.

[1]) Нынѣ погостъ близъ села Тригорскаго. Съ рѣки представляются глазамъ три высокихъ живописныхъ холма. На правомъ расположено село Тригорское, на лѣвомъ погостъ съ поселеніями, а на среднемъ—городище древняго пригорода. Это естественный холмъ, обдѣланный въ видѣ вала; искусство дополнило пригородную защиту. Вышина вала до 40 шаговъ, но задняя часть его поднята выше; въ окружности болѣе семисотъ шаговъ. На этомъ холмѣ церковь, кладбище и жилища церковниковъ. Объ этомъ городищѣ сохранились въ народѣ повѣрья: говорятъ, что тамъ сокрыты клады, но трудно ихъ взять, потому что привидѣнія пугаютъ того, кто станетъ ихъ вырывать; а во время пасхальной заутрени слышны подъ землею вой, вопли и звукъ оружія. Посадъ былъ разбросанъ отчасти на близъ лежащемъ холмѣ, гдѣ теперь погостъ, а отчасти внизу на низкомъ мѣстѣ. Въ разстояніи одной съ половиною версты отъ него надъ Соротью искусственная возвышенность — курганъ съ часовней, въ память бывшей тамъ церкви. Вѣроятно, здѣсь было укрѣпленіе, господствовавшее надъ ходомъ по рѣкѣ; въ другомъ мѣстѣ—также возвышеніе на противоположной сторонѣ Сороти.

[2]) Въ 12-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Опочки, на чрезвычайно высокомъ, дикомъ и неприступномъ холмѣ, покрытомъ лѣсомъ. Валъ его, какъ и во Вревѣ, дополняетъ естественное укрѣпленіе. На верху холма, въ окружности имѣющаго до 800 шаговъ, есть старый переломленный каменный крестъ съ надписью, которую разобрать трудно. Въ лѣсной чащѣ яма, гдѣ, какъ думаютъ, былъ ходъ въ подземелье.

Digitized by Google

1414 г. [1]); Красный,—на рѣки Сини, основанный 1464 г. [2]); Велье [3]); Островъ, — названный такъ потому, что замокъ

На мѣстѣ Коложа находили не разъ старинныя вещи, серьги, копья, мѣдные образки, и пр.

[1]) Опочское городище въ самомъ нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ надъ рѣкой Великой, вышиною 40 шаговъ, въ окружности 750. Въ срединѣ площадь его изрыта холмами и ямами, свидѣтельствующими о бывшихъ на ней строеніяхъ. Сохранилась память о томъ, что въ самомъ Городищѣ было четыре церкви: соборная Преображенія, Троицы, Козьмы и Даміана и Сергія.

[2]) Въ 30-ти верстахъ отъ Опочки; городище его, теперь существующее, лежитъ между рѣкою Синею и протокомъ, впадающимъ въ эту рѣку, въ окружности 515 шаговъ, имѣетъ форму неправильнаго параллелограма съ округленными углами, съуживающагося съ одной стороны, гдѣ виднѣ входъ въ укрѣпленіе. Есть двѣ часовни на мѣстѣ двухъ бывшихъ церквей: Преображенія и Богородицы. За укрѣпленіемъ есть надгробный камень со стертой надписью. Объ этой надписи существуетъ преданіе, что кто ее разберетъ, тотъ можетъ достать кладъ, будто бы зарытый на городищѣ.

[3]) Вельское городище, въ 28 верстахъ отъ Опочки, расположено на крутомъ и высокомъ холмѣ, обведенномъ валомъ для большей крутизны. Холмъ лежитъ между трехъ озеръ: съ сѣверной озеро Черное, съ южной озеро Чадо, а за нимъ озеро къ юго-западу Большое. Прямо на западъ, между озерами Чернымъ и Большимъ, гора, служившая передовымъ укрѣпленіемъ. На востокъ посадъ на песчаномъ мѣстѣ. Посреди городища стояла патрональная церковь св. Михаила, на мѣстѣ которой теперь построена деревянная. Вся окружность 879 шаговъ, на западъ валъ съ подошвы холма 78 шаговъ, извнутри валъ, придѣланный сверху натуральнаго холма, 25 шаговъ. На сѣверной и восточной сторонахъ городъ укрѣплялся плитяною стѣною, которая въ началѣ XVIII в. разобрана; изъ кирпичей состроена церковь на посадѣ, гдѣ есть желѣзныя двери, найденныя на городищѣ. Площадь городища покрыта ямами и неровностями; подлѣ церкви большая яма; довольно большой курганъ на западной сторонѣ. Вокругъ городища до сихъ поръ совершается крестный ходъ 8-го іюля. Преданіе говоритъ, что онъ установленъ будто бы въ воспоминаніе побѣды, одержанной когда-то вельянами надъ сосѣдями своими красногородцами. Другой ходъ бываетъ въ память избавленія отъ моровато повѣтрія, когда-то опустошавшаго Велье. Близъ посада на пескѣ

Digitized by Google

или городъ его расположенъ дѣйствительно на островѣ рѣкѣ Великой [1]); Вышгородъ, уничтоженный нѣмцами въ 1480 г. При концѣ независимости Пскова, уже не существовало Котелны и Коложа, Вышгорода и Кобыльяго. Псковскіе пригороды вообще, какъ видно по ихъ настоящимъ остаткамъ, были не велики и могли служить болѣе для убѣжища сосѣднимъ жителямъ, чѣмъ для постояннаго жилья большого народонаселенія. Въ нихъ всегда находилась патрональная церковь, главная надъ всею волостью, и кромѣ ея нѣсколько церквей; тамъ жили посадники, управлявшіе волостью.

V.

ВОЕННАЯ СИЛА.

Войска, исключительно занятаго военнымъ ремесломъ, сколько извѣстно, не было. Каждый новгородецъ и псковичъ былъ воинъ болѣе или менѣе. И купцы появлялись въ битвахъ. Когда Изяславъ Мстиславичъ посѣтилъ Новгородъ, вызываясь охранять его противъ общаго врага суздальскаго князя, новгородцы сказали ему, что пойдутъ всѣ на брань, исключая посвященныхъ въ духовный санъ. Иногда въ войскѣ были только бояре, да купцы, а иногда черные люди становились въ ряды. Наборъ войска опредѣлялся вѣчемъ, и производился въ волостяхъ по сохамъ. Приговоры вѣча отправлялись по пригородамъ, оттуда по

огромныя груды человѣческихъ костей; хотя ихъ не разъ уже прикрывали пескомъ, но вѣтеръ открывалъ ихъ снова, и теперь можно видѣть черепы и кости разныхъ частей человѣческаго тѣла.

[1]) Существуютъ обломки плитяной стѣны съ обломками башенъ; въ одной есть потайные ходы, по срединѣ старая плитяная патрональная церковь св. Николы; на фонарѣ ея надпись вязью гласитъ о ея построеніи.

Digitized by Google

волостямъ, такъ что въ набранномъ ополченіи различались пригорожане и волостные люди [1]). Кромѣ подвластныхъ Новгороду русскихъ жителей, набирались въ ополченіе также и инородцы, напр. Чудь, Корела, Ижора. Смотря по степени опасности и по краю, съ котораго угрожало нападеніе, Великій Новгородъ опредѣлялъ иногда собирать ополченіе только съ нѣкоторыхъ своихъ волостей; напр., когда въ 1240 году шведы напали на Ладогу: ихъ отражали новгородцы и ладожане. Когда въ слѣдующемъ году шведы продолжали нападенія, то собирали силы Корелы и Ижоры [2]). Также въ 1301 году, когда князь Андрей сразился со шведами и разрушилъ построенный ими городокъ, то въ походѣ участвовали новгородцы и ладожане. Въ 1256 году, по поводу нашествія шведовъ, Новгородъ разослалъ собирать войско по всей волости. Въ 1348 году, по поводу войны со шведами, собрана была вся область новгородская [3]). По извѣстіямъ, относящимся къ XV вѣку, во Псковѣ вѣче приговорило собрать съ четырехъ сохъ одного коннаго [4]). Въ случаѣ сопротивленія, непокорные наказывались пенями. Такъ въ 1200 году новгородцы принуждали идти въ походъ ополченіе, собранное на латышей, а когда ратники не хотѣли, то ихъ били и брали съ нихъ куны [5]). Впрочемъ, такіе случаи, вѣроятно, были рѣдки; охота къ брани вообще была въ тотъ вѣкъ у всѣхъ велика, и набиралось войска всегда много; только уже въ XV вѣкѣ воинственность охладѣла, и Новгородъ видимо не могъ собрать на свою защиту такихъ силъ, какъ въ прежніе вѣка. Войско, собранное по сохамъ, называлось «рубленое», «рубленые люди», потому что собирались по

---

[1]) Псков. 1. 224.
[2]) Новг. I, 53.
[3]) Новг. IV, 58.
[4]) Псков. I, 263.
[5]) Новг. I, 25.

Digitized by Google

разрубкѣ, т.-е. по разчисленію. Кромѣ рублёнаго войска были всегда охотники,—охочіе люди, [1]). Изъ имѣній, принадлежавшихъ владыкѣ, собиралась рать, составлявшая особое владычное ополченіе—владычный полкъ. Княжеская дружина составляла также особый отдѣлъ, и называлась дружиною, въ отличіе отъ всей остальной рати, которая называлась—полкъ. Слово полкъ принималось въ обширномъ и болѣе тѣсномъ смыслѣ: въ первомъ оно значило все ополченіе, идущее на войну, за исключеніемъ княжеской дружины; въ послѣднемъ оно значило отдѣлъ войска; такъ ополченія пригородовъ и волостей составляли каждая свой «полкъ», и назывались по мѣстности, гдѣ собраны: ладожане, рушане, новгородцы, двиняне. Войско состояло изъ пѣхоты (пѣшцы) и конницы (коневницы): и та, и другая составляли часто отдѣльныя ополченія, и въ военной позиціи становились на значительное разстояніе одна отъ другой; напр., въ 1270 году, когда новгородцы воевали противъ князя своего Ярослава, то пѣшцы стояли за Жилотугомъ, а коневницы за Городищемъ. Надъ полками начальствовали воеводы, начальникомъ всего ополченія былъ князь. По принятому и усвоенному вѣковыми привычками понятію, онъ былъ нормальный начальникъ войска, хотя случалось, когда не было князя, то начальствовалъ старый посадникъ, или тысячскій, или вообще бояринъ. Въ войскѣ всегда были удалые, отважные молодцы—открывали бой, задирали непріятеля; они назывались «кмети» и «добрые удальцы» [2]). Каждый полкъ имѣлъ свое знамя—стягъ, котораго держался; особый стягъ былъ княжескій, особый владычный, особый у охочихъ людей. Вооруженіе у нихъ было: остроконечные шлемы на головахъ, кожанные щиты и брони; новгородскія брони такъ были тяжелы, что не-

[1]) Псков. I, 192.

[2]) Новг. I. 19. IV. 49.

Digitized by Google

рѣдко мѣшали быстротѣ движенія. Такъ въ 1343 году, въ битвѣ съ нѣмцами, одинъ воинъ, бѣжавшій съ поля сраженія, долженъ былъ обрѣзать себѣ броню [1]). То же было на шелонской битвѣ, гдѣ бѣгущіе новгородцы сбрасывали съ себя тяжелыя брони. Сражались мечами, сѣкирами, палицами, сулицами и стрѣлами. Въ XV-мъ вѣкѣ стали употреблять пушки, но по старой привычкѣ не оставляли стрѣлъ и лука [2]). Для возбужденія охоты къ битвѣ ударяли въ бубны, гудѣли на трубахъ и на свистѣляхъ [3]). Когда приходилось брать укрѣпленное мѣсто, то обступали его кругомъ, и били въ стѣны орудіями, называемыми пороки: это были длинные валы. Ставили туры на колесахъ, такъ что они были въ уровень съ непріятельскими стѣнами, и оттуда бросали черезъ стѣны зажигательные снаряды, которые назывались огненныя приметы. Вообще жечь составляло обычный способъ войны. Добрые молодцы отправлялись въ зажитье по непріятельскимъ селамъ, брали что могли, и сожигали жилища. Коль скоро входили въ непріятельскую землю,—слѣдовало жечь.

При отправленіи въ походъ, новгородцы всегда испрашивали благословеніе владыки и придавали священное значеніе походу. Война предпринималась какъ-бы за св. Софію и ея достояніе, потому что Новгородъ съ его волостью былъ достояніемъ св. Софіи; въ особенности войны съ иновѣрцами имѣли религіозное значеніе. Когда Довмонтъ отправлялся на брань противъ нѣмцевъ, то клалъ мечъ свой предъ алтаремъ, и игуменъ препоясалъ его этимъ мечомъ самъ. Такимъ образомъ воитель получилъ его какъ-бы отъ Церкви. Во время похода за войскомъ шелъ обозъ, называемый «товары». Становясь на стоянку, разставляли стражей, перемѣняя ихъ въ день и въ ночь.

[1]) Новг. I. 82.
[2]) Псков. I. 240—241.
[3]) Новг. IV. 59.

Digitized by Google

Укрѣпленіе собственныхъ городовъ въ Новгородской и Псковской Земляхъ совершалось также посошною службою. Такъ, когда Михаилъ тверской угрожалъ Новгороду, были созваны изъ пригородовъ и волостей люди для работъ: ладожане, рушане, вожане Корела, Ижора; и псковичи помогали [1]). Во время опасности ставились по стѣнамъ и башнямъ караулы. Отражая приступъ, метали на непріятеля каменья [2]). Пригороды имѣли постоянное вооруженіе, готовое въ случаѣ нужды отбивать непріятеля. Такъ въ 1231 году, когда Литва напала на Русу, рушане должны были отражать нападеніе своими силами; въ 1245 и 46-мъ году новоторжцы преслѣдовали нападавшаго на нихъ того же непріятеля [3]). Впрочемъ силы пригородовъ, вообще, были сами по себѣ недостаточны. Такъ въ 1258 году Торжокъ не могъ защищаться противъ литовской рати [4]). Такъ посадникъ ладожскій въ 1313 году не могъ охранить Ладоги отъ шведовъ, и непріятели сожгли Ладогу [5]). Поэтому, въ случаѣ нападенія на пригородъ, пригорожане должны были давать знать въ столицу; а собственныхъ силъ у нихъ едва ставало настолько, чтобы удерживаться до прихода силъ, присланныхъ Новгородомъ.

VI.

СУДЪ.

Говоря о судѣ въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, надобно различать изслѣдованіе дѣла или собственно судъ, называемый теперь этимъ словомъ, и исполненіе суда, что

[1]) Новг. 1. 71.
[2]) Псков. I, 240.
[3]) Новг. I, 54. IV. 37.
[4]) Новг. I, 56.
[5]) Новг. I, 70.

Digitized by Google

тогда называлось судомъ. Тогда проиграть процессъ какой бы то ни было, значило—платить князю и Великому Новгороду; по этому, исполненіемъ приговора завѣдывали посадникъ и (въ древности) князь, или (впослѣдствіи), вмѣсто князя, намѣстникъ великаго князя, (а въ замѣнъ намѣстника тіунъ). Тысячскій имѣлъ свой особый судъ. У посадника и тысячскаго тамъ, гдѣ они не могли быть лично сами, были свои судьи, исполнявшіе за нихъ обязанности на судѣ и собирали пошлины по правиламъ. Что касается до самаго суднаго процесса, то въ Новгородѣ въ основаніи онъ имѣлъ такой порядокъ. Спорящія стороны выбирали себѣ двухъ человѣкъ (а кто въ суду кого посадитъ, тотъ съ тѣмъ и вѣдается); кажется эти лица есть тѣ самыя, которыя ниже того въ той же грамотѣ называются розказчики. Эти розказчики имѣли значеніе примирителей. Они разсматривали споръ и предлагали уладить его какимъ либо способомъ. Когда тяжущіеся на это соглашались — тяжба прекращалась сама собою. То былъ вольный рядъ: ни князь, ни посадникъ, никакіе судьи не могли его пересуживать. Если же розказчики не успѣвали, тогда начинался судъ. Такъ, между прочимъ наблюдалось и въ сношеніяхъ съ нѣмцами: когда нѣмецъ съ новгородцемъ поспоритъ, обѣ стороны должны представить по двое такихъ розказчиковъ съ каждой стороны. Если они не успѣютъ уладить спора [1]), тогда уже начинали разбирать его судебнымъ порядкомъ. Въ верховномъ новгородскомъ судѣ сидѣли лица творившіе судъ [2]), да по боярину и по житому человѣку съ каждаго новгородскаго конца; они назывались докладчики, ихъ было десять человѣкъ. Они руководили судомъ, наблюдали за его правильностію и утверждали приговоръ. Безъ нихъ нельзя было вершить

[1]) Dreyer Specimen Juris lubecensis CLXXVII.

[2]) Въ Новгородѣ вообще судную власть имѣли: посадникъ, тысячскій или ихъ судьи, владычніе судьи и иные судьи. А. А. Э. 1, 71.

Digitized by Google

суда. Въ Новгородѣ докладчики должны были съ судьями собираться три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятокъ для судопроизводства во владычнихъ палатахъ. Вмѣстѣ съ ними при судопроизводствѣ были приставы, которые, также какъ и докладчики, цѣловали крестъ — поступать справедливо. Учрежденіе докладчиковъ извѣстно по памятникамъ съ 1384 года. Тогда, по поводу соприкосновенія церковнаго суда и гражданскаго, установлено было, чтобъ на такомъ смѣсномъ судѣ сидѣли четыре выборные человѣка, два боярина и два житыхъ. Древность этого учрежденія неизвѣстна, но нѣтъ сомнѣнія, что оно велось изстари, съ видоизмѣненіями. Такъ въ XIV-мъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ на судѣ четыре человѣка, а въ XV-мъ столѣтіи десять. Самое учрежденіе, по своему смыслу, имѣетъ связь со стариннымъ обычаемъ, записаннымъ въ одномъ изъ списковъ Русской Правды, что истецъ съ отвѣтчикомъ должны были идти на изводъ передъ двѣнадцать мужей. Это былъ обычай глубокой древности, принадлежавшій всѣмъ славянскимъ народамъ и уступившій вездѣ наплывамъ другихъ началъ. Въ Новгородѣ онъ сохранялся полнѣе, какъ въ странѣ болѣе свободной. Отношеніе ко князьямъ произвело во всемъ организмѣ общественныхъ отправленій двоеначаліе—одна половина принадлежала собственно народу, а другая призывной власти; такъ было и въ судѣ. Но князь, какъ лицо охраняющее, пользуется только половиною дохода судебнаго; самый судъ принадлежитъ народу: представители народной совѣсти — выборные докладчики. Это было то же, что у сербовъ «поротци» и у чеховъ «помощники» и «очистницы». Разница между первыми и послѣдними была та, что первые были самобытные судьи, а вторые подавали мнѣнія, которыми уже суды руководились [1]). Но въ сущности и то, и другое

[1]) Palacki; Dejine ćeske II. 322.

Digitized by Google

исходило изъ одного источника, — понятія о народномъ судопроизводствѣ по совѣсти. «Порота» въ сербскомъ судопроизводствѣ отличалась отъ царскаго суда. Для каждаго дѣла выбирались поротцы и число ихъ было различно, смотря по важности дѣла, для иного выбирали шесть, для другого двѣнадцать, для болѣе важнаго—двадцать четыре поротца. Они должны были присягать въ церкви. Также точно въ Венгріи, гдѣ старые славянскіе обычаи вошли въ положительныя права, въ уголовныхъ дѣлахъ выбирались двѣнадцать мужей для изслѣдованія дѣла; они должны были присягать предъ начатіемъ дѣла. Въ Новгородѣ это общеславянское учрежденіе выразилось двоякимъ образомъ: одни судьи, какъ помощники чешскіе, были выбираемы обѣими сторонами, другіе выбраны были отъ цѣлаго города, какъ блюстители правды во всѣхъ вообще дѣлахъ. Названіе докладчики въ новгородскомъ судопроизводствѣ, кажется, происходитъ не отъ значенія представить, ибо въ судной грамотѣ говорится, что докладчики кончали судъ. Докладчики — «докладывали», добавляли къ суду свое мнѣніе и оно было окончательнымъ приговоромъ. Судьи изслѣдывали дѣло, а докладчики рѣшали его, и судьи должны были приказать дьяку написать протоколъ и прилагали къ нему свои печати. Правой сторонѣ выдавалась судная грамота, по которой правый взыскивалъ свое съ обвиненнаго. Намѣстникъ и посадникъ или ихъ судьи брали пеню по правиламъ и въ этомъ-то состоялъ судъ—то есть наказаніе, исполненіе приговора.

Во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, верховный судъ принадлежалъ вѣчу, какъ надъ городомъ, такъ и надъ всею Псковскою Землею. Отъ него зависѣло оправдать и обвинить тѣхъ, которые къ нему обращались [1]). Оно назначало и отряжало судей для разбирательства погранич-

[1]) Псков. Л. I, 254.

Digitized by Google

ныхъ дѣлъ, служившихъ поводомъ ко враждѣ съ сосѣдями [1]). Кому оно поручитъ судъ по какому-нибудь дѣлу, тотъ и судья. Постоянная высшая судебная инстанція во Псковѣ былъ судъ княжій, пополамъ съ посадничьимъ; на судѣ присутствовали сотскіе. О докладчикахъ или подобныхъ представителяхъ народной совѣсти мы не знаемъ. Только по уничтоженіи вѣча великій князь уставилъ на судѣ двѣнадцать старостъ московскихъ и двѣнадцать псковскихъ — *стеречи правды*. Быть можетъ это не было тогда новымъ учрежденіемъ, а старое: только великій князь далъ въ немъ участіе и москвичамъ. Но въ примѣрѣ княжьяго суда, представляемомъ дошедшею до насъ правою грамотою отъ 1483 года [2]), значатся, кромѣ князя и посадниковъ, одни сотскіе. Если послѣдніе были полицейскими должностными лицами, то, вѣроятно, во Псковѣ понятіе о судѣ смѣшивалось съ понятіемъ объ управленіи: кто былъ облеченъ по выбору правительственною властію, тотъ былъ уже тѣмъ самымъ и представителемъ правды на судѣ. Судъ производился такимъ порядкомъ: спорящія стороны излагали каждая свое дѣло; сначала говорили истцы, потомъ отвѣтчики. Если дѣло подтверждалось письменными доказательствами, то ихъ представляли тутъ же. Если ссылались на свидѣтелей, то звали послѣднихъ на судъ. Если показаніе спорящихъ должно было повѣриться на мѣстѣ, для этого посылались княжескіе бояре и псковскіе сотскіе или приставы. Имъ же или другимъ лицамъ, по совмѣстному распоряженію князя и посадниковъ, поручалось привести въ исполненіе приговоръ суда. Оправданной сторонѣ выдавалась правая грамота съ двумя печатями: одна была княжеская, другая — печать посадниковъ псковскихъ. Дѣлопроизводствомъ занимался дьякъ.

---

[1]) Псков. Л. I, 235.

[2]) А. Ю. 3.

Digitized by Google

т.-е. писалъ правую грамоту, гдѣ излагалась исторія тяжбы и приводились рѣчи тяжущихся. Этотъ судъ происходилъ на сѣняхъ у князя. Псковская судная грамота указываетъ, что судъ непремѣнно долженъ совершаться здѣсь, а никакъ не на вѣчѣ. Но были, кажется, случаи, когда судъ, происходившій на сѣняхъ у князя, былъ въ присутствіи гражданъ и образовалъ малое вѣче, называемое, въ отличіе отъ большого, *вѣчце*. Для этого существовалъ особый колоколъ, меньше большого вѣчевого, висѣвшаго у Живоначальной Троицы, и назывался корсунскимъ [1]). Кромѣ этого княжескаго суда на сѣняхъ были во Псковѣ другіе суды и судьи; объ ихъ устройствѣ и отношеніяхъ мы ничего не можемъ сказать точнаго; но что были такіе судьи, доказывается извѣстіями о лицахъ, носившихъ титулъ судей; напр., подъ 1444 г. говорится о Прокопіи судьѣ, который ѣздилъ въ Ригу и Выборгъ для мирныхъ постановленій [2]).

По новгородскимъ волостямъ судъ производили посадничьи и великокняжескіе тіуны, въ судебныхъ избахъ, называемыхъ одринами; но такимъ же порядкомъ, какъ въ городѣ, выбирались приставы по одному съ каждой стороны. Вѣроятно, существовали вездѣ народные суды по мѣстнымъ обычаямъ, о которыхъ до насъ не дошло подробныхъ извѣстій. Такъ какъ великіе князья безпрестанно жаловались, что новгородцы отнимаютъ у нихъ княжщины —(княжескія статьи дохода), то, вѣроятно, въ большей части случаевъ великокняжескихъ тіуновъ и не было. Тіуны никакъ не были разбиратели дѣла. Даже послѣ паденія независимости, когда по Новгородской Землѣ управляли великокняжескіе намѣстники и ихъ тіуны, кромѣ ихъ были еще судьи, разбиравшіе дѣла,—предъ намѣстникомъ

[1]) Меншой колоколъ въ Корсунского мѣсто, что на сѣни въ него звонили, какъ вѣчье было. Пск. 1. 292.

[2]) Пск. 1. 212.

Digitized by Google

или тіуномъ, который на основаніи производившагося процесса оправлялъ и обвинялъ. Кромѣ судей, на судѣ были судные мужи—цѣловальники, имѣвшіе то значеніе, какъ въ самомъ Новгородѣ докладчики.

При судебномъ разсмотрѣніи дѣлъ, для доказательствъ служили грамоты, улики, послухи, свидѣтели и показанія стороннихъ людей по разспросамъ. Псковская судная грамота показываетъ, что, при спорахъ о правѣ владѣнія, о займахъ, о покражахъ и вообще въ дѣлахъ, касающихся собственности, грамоты служили важнѣйшимъ доказательствомъ. Правая грамота, т.-е. рѣшеніе суда въ пользу одной изъ тяжущихся сторонъ, имѣла юридическую неприкосновенность: ни князь, ни посадникъ не имѣлъ права нарушить ее, лишь бы она сама не была фальшивая. По смыслу этой правой грамоты, тяжущіеся должны были урядиться между собою; могли они, однако, урядиться и не сообразно съ приговоромъ, лишь бы у нихъ послѣдовало обоюдное согласіе: тогда составлялась рядная грамота, и она какъ и правая оканчивала все тяжебное дѣло. Въ ней полагалась пеня, которой подвергался тотъ, кто ее нарушитъ [1]). Улики (долики), т. е. очевидные признаки и свидѣтельство послуховъ (знающихъ обстоятельства дѣла) служили какъ для рѣшенія гражданскихъ исковъ, такъ и при обвиненіи въ преступленіяхъ. Послухъ не могъ ссылаться на другаго (а послуху на послуха не быть); не могъ быть послухомъ въ Новгородѣ псковитянинъ [2]), также одерноватый или холопъ; но позволялось быть послухомъ холопу, когда тяжба велась съ холопомъ (а холопъ на холопа послухъ). Если оба тяжущіеся ссылались на одного послуха, то показаніе послуха рѣшало дѣло какъ-бы голосомъ третейскаго судьи. Въ противномъ случаѣ, если одинъ

[1]) А. Ю. 263. 270.

[2]) Это, кажется, было только временно, по случаю распрей Новгорода со Псковомъ.

Digitized by Google

изъ истцовъ отрицалъ послуха, то могъ вызвать его на судебный поединокъ (поле, Божія правда) или заставить присягнуть (рота). Выгода предоставлялась въ этомъ случаѣ тяжущемуся, ибо вызывалъ онъ, а не послухъ, и если самъ онъ былъ нездоровъ, или старъ, или слишкомъ молодъ противъ послуха, или принадлежалъ къ духовному званію, то имѣлъ право поставить противъ него наймита. Послухъ долженъ былъ выходить на поединокъ самъ лично, а ставить за себя другаго ему не позволялось. Если судились женщины, то присуждалось поле женщинѣ съ женщиною, но ужъ тогда женщина никакъ не могла противъ соперницы назначить наймита. Впрочемъ, псковская грамота дозволяетъ при спорахъ о долгахъ нанимать наймитовъ обѣимъ женщинамъ. Вообще наблюдалось правило, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, чтобъ боецъ шелъ на бойца, а небоецъ на небойца. Поле и присяга (рота) вообще служили средствомъ открытія истины, когда нельзя было ее доискаться юридическимъ путемъ. Полемъ завѣдывали приставы, получавшіе за то опредѣленную плату съ побѣжденнаго. По юридическому значенію поля, оно не должно было оканчиваться убійствомъ. Было достаточно, когда одинъ другого повалитъ на землю; тогда побѣдитель бралъ съ побѣжденнаго свой искъ и сверхъ того снималъ съ него доспѣхъ. Бились чаще всего дубинами; но изъ извѣстій, относящихся къ XVI вѣку, видно, что употреблялись короткіе мечи о двухъ остреяхъ съ отверзтіемъ посреди, куда вкладывалась рука, также топоры; сражающіеся надѣвали на себя кольчуги и латы. Поле присужалось обыкновенно тогда, когда отвѣтчикъ почему либо признавалъ невѣрными письменныя свидѣтельства, представленныя истцомъ, или ихъ недоставало, но были какія-нибудь данныя, не дозволяющія признавать иска совершенно лишеннымъ основанія, или же когда отвѣтчикъ не признавалъ свидѣтельства послуха и съ нимъ вступалъ

Digitized by Google

въ поединокъ. Обыкновенно вызовъ на бой съ истцомъ предоставлялся отвѣтчику, и при этомъ онъ имѣлъ возможность выбирать что нибудь для предложенія: или поле, или крестное цѣлованіе—роту. Если дѣло шло о вещи, то онъ клалъ эту вещь у креста и потому вошло въ обычай выраженіе: у креста положить, т. е. предложить присягу (роту). Рота много разъ была порицаема духовенствомъ. Архіепископъ Іоаннъ II въ началѣ XV вѣка установилъ, вмѣсто цѣлованія креста, въ дѣлахъ о пропажахъ и покражахъ, ходить къ иконѣ св. Исповѣдникъ Гурія, Самона и Авива, которой приписывалась благодать открывать похитителей. Вѣрованіе это возникло послѣ какого-то знаменія, бывшаго 21 декабря 1410 года отъ этой иконы, по поводу похищенныхъ церковныхъ сосудовъ; похитители были обличены предъ этою иконой. У стѣнъ св. Софіи построена была маленькая церковь св. Гурія, Самона и Авива, и тамъ-то, вѣроятно, сходились ротники. Священникъ служилъ литургію на просфорѣ, нарочно для того приготовленной, съ изображеніемъ крестообразно-расположенныхъ четырехъ крестовъ. Три раза:—первый—при входѣ въ церковь, второй—предъ иконою св. Исповѣдникъ, а третій—вынимая частицу изъ просфоры,—читалъ онъ молитву св. исповѣдникамъ, сочиненную архіепископомъ. Кромѣ того, для узнанія истины, двумъ тяжущимся давали съѣсть хлѣбецъ съ написаннымъ на немъ Божіимъ именемъ. Кто съѣдалъ, тотъ тѣмъ показывалъ свою правоту; а кто былъ виновенъ, тотъ не рѣшался съѣсть его; кто же отказывался идти къ хлѣбцу вовсе, того признавали виновнымъ безъ Божія и безъ мірского суда. Архіепископъ учреждалъ такой способъ прибѣганія къ религіи ради открытія преступленій и въ то же время запрещалъ ходить на роту [1]). Въ поземельныхъ спорахъ существо-

[1]) Дух. вѣстникъ 1862, февр. VIII, 33.

Digitized by Google

валъ обычай, приближающійся къ ротѣ: обычай ходить съ иконою по межѣ спорной земли; этотъ обычай былъ равносиленъ полю; истецъ могъ предлагать то или другое. Прошедшій по межѣ съ иконою оправдывался, если только судьи находили возможнымъ допустить это. Во Псковѣ пособники не допускались; каждый долженъ былъ заботиться только о собственномъ дѣлѣ; только за женщину, малолѣтняго, чернеца, черницу, стараго и глухого могли явиться въ судъ пособники. По новгородской судной грамотѣ также запрещается ходить толпою въ судъ въ качествѣ пособниковъ, для предупрежденія *навадки*, но въ каждой тяжбѣ было, какъ сказано, двое розказчиковъ, которые, такимъ образомъ, были пособниками дѣла. Они были отъ конца, или улицы, или сотни, или отъ ряду, куда тяжущіеся принадлежали. Въ Новгородѣ, кромѣ цѣлованія креста въ значеніи роты, истецъ и отвѣтчикъ предъ начатіемъ дѣла должны были цѣловать крестъ. Каждый долженъ былъ цѣловать крестъ самъ за себя; но сынъ за мать, а мужъ за жену могли исполнить крестное цѣлованіе, когда дѣло шло объ имуществѣ, принадлежавшемъ такой особѣ женскаго пола. Сверхъ того, каждый вмѣсто себя могъ послать другого,—«отвѣтчика», т.-е. довѣреннаго. По отрывочности новгородской судной грамоты, невозможно доискаться подробностей, которыми руководились при судѣ.

Замѣчательно, что новгородская судная грамота принимаетъ мѣры, чтобъ дѣло не затягивалось. Нельзя было запутывать тяжбы, примѣшивая къ ней другія дѣла; надлежало окончить одно дѣло, а потомъ уже изслѣдовать другое. Когда рѣчь шла о землѣ и истецъ требовалъ повѣрки на мѣстѣ, то, чтобъ дѣло не затягивалось, выдавалась срочная грамота, опредѣлявшая время по разнымъ пространствамъ: полагалось на сто верстъ три недѣли, и если срокъ протягивался долѣе, то дѣло проигрывалось.

Digitized by Google

Вообще дѣла о земляхъ не должны тянуться долѣе двухъ мѣсяцевъ, а дѣло, которое могло разсмотрѣться внутри города,—не болѣе одного мѣсяца. Если одинъ изъ тяжущихся являлся, другой медлилъ, то послѣдній проигрывалъ дѣло. Съ другой стороны, докладчики, безъ которыхъ не могло производиться дѣло, подвергались штрафу, когда не являлись въ судъ, а если не рѣшали дѣла въ опредѣленное время, то истецъ могъ обратиться къ Великому Новгороду и взять отъ него приставовъ, которые уже судили самыхъ докладчиковъ и при себѣ заставляли рѣшать дѣло. Точно также, если дѣло замедляли судьи, истецъ имѣлъ право брать отъ Великаго Новгорода приставовъ на судей.

По отношенію къ сословіямъ и состояніямъ, юридическія новгородскія понятія соблюдали строгое равенство на судѣ [1]).

Никто не могъ быть арестованъ безъ суда; подлежавшій суду получалъ извѣщеніе и если не являлся, то слѣдовало другое, наконецъ третье; и только послѣ того не являясь, онъ лишался своего иска. Если онъ назначалъ день, когда явится въ судъ, его не безпокоили, но болѣе трехъ дней не могъ онъ медлить. Послѣ выдачи судной грамоты, если обвиненный могъ уладить дѣло мирно съ судьями и приставами, ему давался льготный мѣсяцъ, въ который его не задерживали; онъ имѣлъ возможность безъ принужденія самъ исполнить приговоръ суда или иначе сойтись съ противникомъ; по прошествіи этого мѣсяца, если онъ не исполнилъ присужденія, посылались за нимъ пристава и принуждали. Въ случаѣ, когда онъ уклонялся и хоронился, то подвергался казни всѣмъ Великимъ Новгородомъ.

Нигдѣ не видно употребленія пытки. Не существовало

---

[1]) А судити всѣхъ равно, какъ боярина, такъ житьего, такъ и молодчего человѣка—А. Э. I. 69.

Digitized by Google

тѣлеснаго наказанія, исключая холопу, котораго могъ бить господинъ за вину. Только въ послѣдніе годы независимости Пскова, появился тамъ московскій кнутъ, какъ предвѣстникъ разрушенія стараго свободнаго порядка [1]). Обыкновенно наказаніе состояло въ денежной пенѣ, а за тяжкія преступленія слѣдовала смертная казнь. Въ такомъ случаѣ преступника отдавали истцу, и тотъ собиралъ гражданъ и предавалъ его казни. Уголовныя дѣла противъ личности имѣли значеніе гражданскихъ; начинались тяжбы, и обвиненный отдавался головою обиженному, который могъ съ нимъ поступить по закону, но могъ и простить. Судъ надъ измѣнниками и преступниками, виновными противъ общественнаго спокойствія, принадлежалъ вѣчу: преступника судилъ и казнилъ весь Великій Новгородъ. Судъ и казни общественныя такъ похожи на народныя возстанія, что въ лѣтописныхъ сказаніяхъ не всегда можно рѣшить, гдѣ было возстаніе и гдѣ судъ, и одно отъ другого отличалось только бо́льшимъ или меньшимъ участіемъ всей народной массы въ негодованіи къ осужденнымъ. По старинному понятію было два рода тяжкой народной казни: смертная и погрáбленіе или отдача *на потокъ*; третій родъ казни была ссылка; она встрѣчается въ лѣтописяхъ однажды, надъ Якуномъ, котораго въ 1141 году сослали въ Чудь. Но такъ какъ передъ тѣмъ его ограбили, то быть можетъ ссылка эта была уже обычнымъ послѣдствіемъ отдачи *на потокъ*. Обычная смертная казнь въ Новгородѣ была утопленіе: осужденнаго сбрасывали съ моста. Но сверхъ того, существовалъ также обычай вѣшать; впрочемъ, сколько можно замѣтить, вѣшали только во время походовъ измѣнниковъ; въ Двинской Землѣ вора пойманнаго въ третій разъ въ кражѣ вѣшали [2]), и вообще всякаго вора, хотя бы и въ первый разъ уличеннаго, пят-

[1]) Пск. Л. I, 269, 282.

[2]) А. И. I, 70.

Digitized by Google

нали. Во Псковѣ повѣшеніе было такою же обычною казнью [1]), какъ въ Новгородѣ утопленіе, и нигдѣ не видно, чтобы во Псковѣ топили. Смертная казнь, по Псковской судной грамотѣ, постигала церковнаго вора, всякаго вора, уличеннаго въ воровствѣ трижды, зажигателя и перевѣтника (измѣнника). Сожженію предавали зажигателей и волшебниковъ. Во Псковѣ пойманнаго въ поджогѣ чухну, въ 1496 году, сожгли [2]). Въ Новгородѣ, во время сильныхъ пожаровъ, народъ въ ожесточеніи бросалъ въ огонь подозрительныхъ и часто невинно; это было больше слѣдствіе раздраженія, чѣмъ народный судъ и казнь, тѣмъ болѣе, что тогда же подозрѣваемыхъ въ поджигательствѣ не только жгли, но и топили; слѣдовательно изъ этого нельзя еще заключить, чтобы въ Новгородѣ по суду слѣдовала зажигателямъ такая казнь. Сожженіе за волшебство встрѣчается только одинъ разъ въ Новгородѣ и одинъ разъ во Псковѣ. Въ Новгородѣ въ 1227 году сожгли на Ярославовомъ дворищѣ, слѣдовательно по приговору вѣча, четырехъ волхвовъ [3]), а во Псковѣ въ 1411 году сожгли двѣнадцать вѣщихъ жонокъ [4]). Эти казни, столь обычныя на западѣ, кажется, оттуда перешли къ намъ, однако не вошли въ обычай; и два случая, приводимые въ лѣтописяхъ, вѣроятно, были исключительными, въ особенности въ Новгородѣ: лѣтописецъ, сообщивъ извѣстіе о сожженіи четырехъ волхвовъ, прибавилъ сомнѣніе въ ихъ виновности и неодобреніе этого поступка, и, безъ сомнѣнія, высказалъ тогдашній нравственный взглядъ въ этомъ отношеніи (творяхуть е потворы дѣюще, а то Богъ вѣсть). Во Псковѣ въ послѣдній годъ свободы (1509) казнили сож-

---

[1]) Псков. Л. I, 205.
[2]) Псков. Л. I, 270.
[3]) Новг. Л. I, 42.
[4]) Пск. Л. II, 22.

Digitized by Google

женіемъ за кражу общественной казны [1]). Другаго рода казнь—отдача на потокъ, состояла въ томъ, что народная толпа бросалась на дворъ осужденнаго и расхватывала его имущество, самый дворъ и хоромы разносили, иногда выжигали; его имѣніе конфисковали. Иногда, при этомъ, самого виновнаго убивали, а чаще изгоняли со всѣмъ семействомъ и даже съ роднею, напримѣръ, съ братьями, племянниками и вообще близкими по крови. Иногда отдача на потокъ—разграбленіе постигало семейства тѣхъ, которыхъ уже сбросили съ моста. Такъ въ 1418 году одного боярина свергнули въ воду и потомъ разграбили его домъ [2]). Когда *потокъ* происходилъ юридическимъ образомъ, то раздѣлъ имущества осужденнаго велся правильно, по городовому дѣленію; такъ въ 1230 году ограбили Водовика Семена Борисовича и другихъ бояръ, и раздѣлили ихъ достояніе по сотнямъ [3]). Въ 1209 году разграбленъ былъ дворъ Мирошки и Дмитрія и тогда избытокъ раздѣленъ былъ по *зубу*, по три гривны [4]).

Въ разрядъ имущества, подлежащаго дѣлежу, входили и села, и рабы, и скотъ; все это оцѣнивалось, продавалось и дѣлилось на каждый дворъ, сколько придется. Слово «избытокъ» (избытокъ раздѣлиша) побуждаетъ предполагать, что не вся сумма проданнаго имѣнія дѣлилась: можетъ быть извѣстная часть шла въ новгородскую казну, и также князю. При такомъ всеобщемъ дѣлежѣ и расхватѣ, случалось, схватывали и тайно, какъ объ этомъ и упоминается въ лѣтописи [5]). Такъ, по замѣчанію лѣтописца, одни трудились, другіе входили въ ихъ труды. Остается

---

[1]) Пск. Л. I, 282.

[2]) Новг. Л. I, 107.

[3]) Новг. I, 46.

[4]) Новг. Л. I, 30.

[5]) Ibid. Аще кто потаи похитилъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ, отъ того многи разбогатѣша.

Digitized by Google

неизвѣстнымъ порядокъ такого расхвата имущества осужденныхъ, право участія въ немъ тѣхъ или другихъ гражданъ. Изъ примѣра 1230 г. мы узнаемъ, что имущества эти дѣлили по сотнямъ. Значитъ ли это, что участвовать въ дѣлежѣ могли только тѣ, которые принадлежали къ той сотнѣ, въ которой состоялъ осужденный, и всегда ли такъ соблюдалось, или же расхватанное имущество доставаться могло юридическимъ путемъ жителямъ по концамъ и улицамъ, гдѣ жили виновные—неизвѣстно.

Возможность наживаться на счетъ другихъ была поводомъ къ тому, что въ Новгородѣ постоянно находились «ябедники», возмутители, которые легко подговаривали другихъ, составляли кружокъ изъ черныхъ людей, звонили на вѣче и обвиняли богатыхъ и вліятельныхъ бояръ, то въ перевѣтѣ, то въ неправомъ судѣ и въ насиліяхъ бѣднымъ людямъ. Вообще новгородцы не отличались ни кровожадностію, ни мстительностію: случалось, что осужденный на смерть преступникъ возбуждалъ своими просьбами состраданіе, особенно если уважаемые люди подавали за него голосъ; и осужденнаго освобождали отъ смерти и позволяли вступить ему въ монастырь—душу на покаяніе отпускали. Такъ, одного изъ двинскихъ измѣнниковъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, избавили отъ Волхова, а потомъ такъ слабо стерегли его въ монастырѣ, что онъ могъ оттуда уйти и опять враждебно дѣйствовать противъ Новгорода. Бывало даже, осужденный и ограбленный, случайно ускользнувшій отъ смерти, опять былъ въ чести у народа; такъ случилось съ посадникомъ Якуномъ; онъ не только потерялъ все достояніе, отданное на потокъ, но и самъ былъ брошенъ съ моста и, случайно спасшись отъ смерти, впослѣдствіи былъ посадникомъ. Въ новгородскомъ народѣ была сильная впечатлительность, быстрая воспріимчивость, недостатокъ обдуманности; дѣлали по первому побужденію и послѣ сознавали, что дѣлали не въ-попадъ.

Digitized by Google

Какъ толпа производила иногда свой судъ, можно видѣть изъ примѣра серебрянаго ливца Ѳедора Жеребца, въ 1447 году; его уличили въ неправильномъ приготовленіи рублей, призвали на вѣче, стали поить и допрашивать; онъ оговорилъ восемьнадцать человѣкъ, что они заказывали ему дѣлать рубли не по узаконеннымъ правиламъ; тѣхъ схватили, — однихъ сбросили съ моста, у другихъ ограбили домы [1]). Не видно, чтобы при этомъ было строго изслѣдовано показаніе Ѳедора Жеребца. Тогда—говоритъ лѣтописецъ — весь городъ былъ въ сѣтованіи, а ябедники и посульники радовались: стоило только на кого-нибудь сказать—и тотчасъ предавали того смерти, а имѣніе его, обыкновенно спрятанное въ церкви, разграбляли. И прежде подобное случалось, когда народъ буйствовалъ, не разсуждая, по первому впечатлѣнію. Въ 1316 году, нѣкто Даніилъ Писцовъ былъ убитъ своимъ холопомъ и убійца остался безъ наказанія, объявивъ гражданамъ, что его господинъ держалъ перевѣтъ и благопріятствовалъ враждебному князю [2]). Такимъ образомъ, правило, чтобъ холопу не вѣрить, когда онъ будетъ говорить на господина, правило, которымъ стѣсняли новгородцы своихъ князей, не имѣло приложенія на вѣчѣ; тамъ, напротивъ, низшій и бѣдный скорѣе могъ быть оправданъ въ дѣлѣ съ богатымъ и сильнымъ, по естественной злобѣ толпы къ тѣмъ, которые надъ нею возвышаются. Лѣтописцы нерѣдко указываютъ, что народный судъ постигалъ невинныхъ. Въ 1137 году предавали потоку и разграбленію приверженцевъ Всеволода. Тогда—говоритъ лѣтописецъ—«сягоша и невиноватыхъ» [3]). Въ 1194 году, когда возвратились новгородскіе отряды изъ несчастнаго похода въ Югру, нов-

[1]) Новг. Л. IV, 126.
[2]) Новг. Л. I, 71.
[3]) Новг. Л. I, 8.

Digitized by Google

городцы, раздосадованные неудачею, нѣсколькихъ человѣкъ убили, другихъ обложили денежною пенею; на нихъ взводили, что они погубили свою братью въ походѣ;—но видно, преступленіе не было доказано, потому, что лѣтописецъ прибавляетъ: «а то Богови судити!» [1]). Подъ 1208 годомъ разсказывается о сверженіи съ моста невиннаго Олексы Сбыславича; на другой день, въ обличеніе несправедливости народнаго суда, заплакала Богородица у св. Якова въ Неревскомъ концѣ [2]). Во время пожаровъ, раздраженная толпа, подозрѣвая, что городъ зажигаютъ злодѣи, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, обращала злобу свою на всякаго, кто мало-мальски навлекалъ ея нерасположеніе; напримѣръ, въ 1442 году [3]), послѣ сильнаго пожара, народъ схватилъ нѣкоторыхъ лицъ: однихъ бросалъ въ огонь, другихъ съ мосту въ воду. Какія причины иногда руководили народомъ, можно видѣть изъ примѣра надъ архіепископомъ Арсеніемъ въ 1228 году:—черному народу вообразилось, что изъ за-него стоитъ долго тепло осенью, ибо онъ, какъ говорили, неправильно поступилъ въ архіепископскій санъ, и его выгнали съ безчестіемъ [4]). Подобно тому, во Псковѣ въ 1407 году изгнали князя Данила Александровича по случаю мора; псковичи укоряли его, будто бы изъ за него постигъ ихъ моръ [5]).

Неудивительно, что при такомъ образѣ народнаго суда, лѣтописецъ жалуется на неправосудіе въ новгородскихъ волостяхъ въ XV вѣкѣ [6]). «Тогда — говоритъ онъ, — въ Новгородѣ не было ни правды, ни справедливаго суда; возстали ябедники, устраивали *четы и обѣты* и цѣловали на

---

[1]) Новг. I, 22.
[2]) Новг. Л. I, 30.
[3]) Новг. Л. I, 114; IV, 122.
[4]) Новг. Л. I, 44.
[5]) Псков. Л. I, 198.
[6]) Новг. IV, 126.

Digitized by Google

неправду; и стали грабить по селамъ и на волостяхъ, и по городу; и стали мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ; и по волостямъ было разореніе и частные поборы, крикъ и рыданіе, и вопль, и проклятія людей на нашихъ старѣйшинъ и на нашъ городъ; ибо не было у насъ ни жалости, ни правосудія».

VII.

УСОБИЦЫ.

Въ Новгородѣ безпрестанно происходили раздоры, и молодшіе или черные враждовали со старѣйшими и богатыми. Люди, которые успѣвали возвышаться, тотчасъ возбуждали противъ себя злобу низшихъ. Начальники, уже потому, что облечены были властію, подвергались неудовольствію черныхъ людей. Начало личной свободы было всегда духомъ общественной жизни и взаимныхъ отношеній. Перевѣсъ общинной воли не подавилъ его до конца. Тѣже черные люди, которые злобствовали на богатыхъ и вліятельныхъ, сами же помогали ихъ возвышенію и оказывали имъ честь и повиновеніе, пока послѣдніе не раздражали массы и не наживали себѣ завистниковъ и обиженныхъ мстителей. Народъ озлоблялся противъ бояръ, но никто не думалъ, чтобъ можно было не быть боярамъ. Нехороши бояре; надѣются—другіе будутъ лучше. Бѣдный завидуетъ богачу и когда чувствуетъ отъ него оскорбленіе и презрѣніе, готовъ разграбить его; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что такъ свѣтъ созданъ, чтобы были богатые и бѣдные, и самъ, разумѣется, желаетъ лучше быть богатымъ, чѣмъ бѣднымъ. Уравнивающее начало народной воли не уничтожило и родового начала. Уважалось происхожденіе. Внукъ помнилъ дѣда и народъ признавалъ за

Digitized by Google

нимъ святость этого воспоминанія. Христіанская религія должна была способствовать поддержкѣ чести происхожденія установленіемъ порядка кровно-семейныхъ связей. Византійскія понятія о благородствѣ приравнивались къ древнимъ славянскимъ родовымъ понятіямъ.

О временахъ, болѣе отъ насъ отдаленныхъ, предшествовавшихъ XII вѣку, историческія извѣстія такъ скудны, что не осталось ничего о существованіи въ древности такой же борьбы старѣйшихъ съ молодшими, бояръ съ чернью, какая является впослѣдствіи. Еще меньше можно, по той же скудости источниковъ вообще, даже и въ послѣдующія времена, прослѣдить постепенность этой борьбы, ея видоизмѣненія и поводы къ нимъ. Однако изъ короткихъ, отрывочныхъ извѣстій и смутныхъ преданій старины можно ощупью уловить, и въ эти темныя времена, слѣды той же борьбы, которая рѣзкими чертами является въ послѣдующіе вѣка, о которыхъ извѣстія дошли до насъ полнѣе. Еще до прибытія прусско-варяжскихъ князей, возставалъ родъ на родъ. Когда Перуна низвергли въ воду, онъ бросилъ палку на мостъ и заповѣдалъ новгородцамъ биться между собою. Преданіе это показываетъ, что въ памяти новгородцевъ ихъ раздоры были очень древними. Народъ этимъ какъ-бы хотѣлъ сказать, что, по его понятію, то же и при дѣдахъ дѣлалось, что послѣ. По неяснымъ чертамъ можно видѣть не только вражду равныхъ партій, но и борьбу старѣйшихъ съ меньшими, въ нѣкоторыхъ событіяхъ XI и XII вѣка; напримѣръ въ 1071 году, при князѣ Глѣбѣ, когда явился волхвъ и вызывался перейти Волховъ, черный народъ, долѣе упорствовавшій въ язычествѣ, и, какъ видно, въ то время еще не приладившій своихъ завѣтныхъ чувствъ и понятій ко введенному огнемъ и мечомъ христіанству, пошелъ за волхвомъ и посягалъ даже на епископа. Епископъ, взявъ крестъ и облачившись въ богослужебныя одежды, говорилъ: «Пусть

Digitized by Google

идетъ за волхвомъ—кто вѣруетъ въ него; а кто вѣруетъ кресту,—тотъ за крестомъ пойдетъ». Князь и боляре его пошли за епископомъ, а людіе—то есть народъ—за волхвомъ [1]). Едва-ли въ этомъ мѣстѣ можно разумѣть подъ боларами князя исключительно дружину его, которая пришла съ нимъ съ юга. Иначе, еслибъ подъ словомъ людіе понимать всѣхъ новгородцевъ вообще, то надобно предположить, что христіанство вовсе не имѣло никакой почвы въ странѣ. И потому скорѣе можно толковать это мѣсто такъ, что христіанство было распространено между старѣйшими, а язычество держалось въ массѣ. Такъ вездѣ было, и это конечно должно было способствовать раздвоенію народа, выдѣленію изъ массы лицъ и родовъ, благопріятству со стороны Церкви избраннымъ—въ противорѣчіи съ массою, различію понятій одной части народа отъ другой, сознанію собственнаго преимущества въ тѣхъ, которые принадлежали къ давнимъ христіанскимъ семьямъ. Какъ все извнѣ входящее въ народную жизнь, и христіанство должно было произвести раздвоеніе въ народѣ и возставить понятіе о превосходствѣ тѣхъ, которые приняли новое, предъ тѣми, которые держатся того, что необходимо должно уступить свое мѣсто новому, а само исчезнуть. Поэтому, христіанство, принимаемое, какъ вездѣ, прежде классомъ зажиточнымъ и вліятельнымъ, должно было поддерживать противорѣчіе между жизнью высшихъ и низшихъ слоевъ народа; а черезъ то неизбѣжно поддерживались и начала непріязни между ними.

Въ XII-мъ вѣкѣ, въ междоусобіи, происшедшемъ по поводу князя Всеволода Мстиславича, видимо играла роль та же вражда: тогда ограбили бояръ, пріятелей Всеволода, взяли съ нихъ въ родѣ пени за приверженность къ изгнанному князю 1,500 гривенъ и отдали другому классу—

[1]) Соф. П. С. Л. V, 146.

Digitized by Google

не боярамъ, а купцамъ, устроивать военный походъ; *крутитися на войну*. Какъ въ IX-мъ вѣкѣ Новгородъ призвалъ прусско-варяжскихъ князей для устроенія порядка, сознавая, что у него самого нѣтъ ни ладу, ни складу, такъ и въ половинѣ XII-го вѣка новгородцы понимали, что имъ нуженъ князь именно потому, что у нихъ вѣчная безтолковщина; что князь долженъ творить между ними «рядъ,» и тотъ, который не умѣетъ этого сдѣлать — не годится быть княземъ. Такъ подъ 1154 годомъ хулится одинъ князь,—*зане не створи имъ ряду, нъ болъ раздъра* [1]). Здѣсь какъ нельзя яснѣе выказывается первоначальное понятіе, что князь необходимъ, какъ внѣшняя, правительственная сила надъ внутренней безладицей.

Во множествѣ смутъ, происходившихъ по поводу князей, не видно пружинъ, двигавшихъ партіи, стоявшія за того или иного князя, потому что лѣтописцы скупы на изложеніе побужденій. Но въ нѣкоторыхъ подобныхъ описаніяхъ закрались черты, показывающія, что тутъ не обходилось безъ той же постоянной борьбы классовъ. Изъ смуты, возникшей въ 1418 году, о которой будетъ сказано ниже, видно, что на Софійской сторонѣ, именно въ Загородномъ и Неревскомъ концахъ жили бояре, старѣйшіе, и соперничество Торговой стороны съ Софійскою, которое показывается съ перваго вида, какъ вражда двухъ мѣстностей, часто можетъ объясняться именно этою сословною враждою чернаго народа со старѣйшими. Такъ еще въ 1157 году, по поводу князя Мстислава Юрьевича, Торговая сторона поднялась за князя, а Софійская противъ него [2]). Въ 1218 году сдѣлалась смута изъ за посадника Твердислава. Прусская улица держалась за Твердислава. Четыре конца были противъ него, или же—на

[1]) Новг. Л. I, 11.
[2]) Новг. Л. I, 12.

Digitized by Google

туда, ни сюда. Дѣло началось съ того, что князь Святославъ арестовалъ какого-то Матвѣя Душильцовица. Распространился слухъ, что посадникъ Твердиславъ выдалъ этого человѣка князю, когда по новгородскому праву никто не могъ быть лишенъ свободы безъ обвиненія судомъ. Твердиславъ со своими пруссами пошелъ на битву. Началась драка у городскихъ воротъ; но тутъ разломали нарочно мостъ, вѣроятно для того, чтобъ остановить смятеніе. Толпы плыли въ ладьяхъ на междоусобную битву. Тогда убили нѣсколько пруссъ. Цѣлую недѣлю волновался городъ. Наконецъ открылось, что тутъ было недоразумѣніе. Твердиславъ вовсе не былъ виноватъ, а князь самъ его не любилъ. Воспользовавшись неудовольствіемъ противъ него, князь объявилъ, что смѣнитъ его. «За что?—спрашивали его:—виноватъ ли онъ?» Князь не могъ представить вины и долженъ былъ сказать, что нѣтъ. Это примирило Твердислава съ народомъ. Всѣ почувствовали, что князь нарушаетъ права́ и кричали, что «князь присягалъ безъ вины не отставлять мужей». Твердиславъ отказывался отъ посадничества, говоря: «Вы, братья, вольны въ посадникахъ и князьяхъ» [1]). Народъ оставилъ его на посадничествѣ. Въ 1255 году старѣйшіе или вящшіе, и меньшіе или молодшіе стояли другъ противъ друга открыто враждебно. Сторона меньшихъ или простыхъ была недовольна княземъ Александромъ, изгнала его сына и призвала его брата, Ярослава. Александръ шелъ съ военною силою противъ Новгорода. Вящшіе стали за Александра. Меньшіе вооружились. Тогда — говоритъ лѣтопись — (въ этомъ мѣстѣ вѣроятно попавшаяся подъ руку сторонника народной массы), старшіе составили совѣтъ, какъ бы меньшихъ побить и поставить князя на своей волѣ. Меньшіе собрались на вѣчѣ у св. Николы. Князь Александръ, под-

[1]) Новг. Л. I, 37.

Digitized by Google

держиваемый старѣйшими, потребовалъ выдачи своихъ противниковъ и въ томъ числѣ посадника Ананіи; меньшіе цѣловали Богородицу—стоять за новгородскую правду и за свою отчину. При посредствѣ владыки, дѣла уладились такъ, что любимый чернымъ народомъ посадникъ Ананія лишился должности. Народъ въ этомъ случаѣ уступилъ силѣ: Александръ угрожалъ чужою ратью. Примиренію способствовало и то, что князь Ярославъ, котораго тогда хотѣла чернь, самъ убѣжалъ изъ города. Чернь устояла на своемъ только въ томъ, что Ананія остался безъ преслѣдованія. Посадникомъ сдѣланъ былъ другой, изъ партіи вящшихъ. Но черезъ два года, именно въ 1257 г., чернь взяла свое. Пріѣзжіе татары потребовали дани—десятины и тамги. Новгородцамъ непривычно показалось давать дань. Вящшіе, державшіеся Александра, угождали ему и готовы были покориться ханской власти наравнѣ съ остальнымъ русскимъ міромъ; вѣроятно ихъ располагалъ къ этому страхъ, а иныхъ могли руководить и личные виды, надежды возвыситься черезъ угодничество сильнымъ. Народъ взволновался. Татары, пришедшіе въ Новгородъ съ этимъ предложеніемъ, ушли безуспѣшно. Нелюбимаго посадника Михалка убили. Кто,—говоритъ по этому поводу лѣтописецъ вѣроятно устами тогдашняго народа,—копаетъ яму подъ другими, тотъ самъ впадетъ въ нее. Любимаго посадника Ананію нельзя было только потому избрать, что онъ тогда уже умеръ. Поставили посадникомъ какого-то Михаила Ѳедоровича, перемѣнили тысячскаго, избравши какого-то Жироху и, вѣроятно, убили прежняго; по крайней мѣрѣ, кажется, подъ именемъ убитаго Миши, о смерти котораго говорится вмѣстѣ съ избраніемъ новаго тысячскаго, должно разумѣть прежняго. Князь Василій, сынъ Александра, сначала потакалъ народному упорству; но когда убили начальство, онъ бѣжалъ. Александръ прибылъ въ Новгородъ съ силою, ло-

Digitized by Google

вилъ непокорныхъ, обрѣзывалъ имъ носы, выколупливалъ глаза. На третій годъ послѣ того, въ 1259 году, явились татары, съ согласія Александра, исполнять то, чего не могли прежде сдѣлать въ Новгородѣ—то же исчисленіе, какое производилось въ другихъ мѣстахъ Россіи. Вмѣстѣ съ княземъ они остановились на Городищѣ и послали въ Новгородъ требовать числа (переписи). То былъ знакъ подчиненія хану. Чернь воспротивилась. — «Лучше умереть за св. Софію и за домы церковные!»—кричали простые новгородцы:—«Кто добрый человѣкъ, тотъ за святую Софію и за правую вѣру!». Но вящшіе разсчитали, что Новгородъ не сладитъ съ татарами и съ остальною всею Русскою Землею, которая пойдетъ на него по приказанію татаръ; а сопротивленіе волѣ сильныхъ доведетъ ихъ самихъ до разоренія. Они убѣжали на Городище, и, вмѣстѣ съ татарами, готовились брать Новгородъ приступомъ. Въ черни было больше порыва, чѣмъ разсчета; оставшись безъ бояръ, чернь и смыслъ потеряла, и жаръ ея началъ остывать. Тогда бояре вступили съ народомъ въ переговоры, стали убѣждать и представлять, и убѣдили. Новгородцы размыслили, что сопротивляться трудно и, скрѣпя сердце, согласились. Все то, — говоритъ лѣтописецъ,—надѣлали бояре, «творяще себѣ легко, а меньшимъ зло». Татары поѣхали по улицамъ и переписали жителей [1]).

Народъ не имѣлъ энергіи довести до конца какое-нибудь дѣло безъ бояръ; оттого партія старѣйшихъ и брала верхъ; но черные не переставали выказывать свой протестъ возстаніями и сопротивленіями. Татарская перепись сдѣлалась какъ хотѣли бояре; но черные долго послѣ того не могли забыть этого и долго выказывали свое сопротивленіе и боярамъ, и татарской власти. Въ 1270 году, когда изгнали князя

[1]) Новг. Л. I, 55 – 57.

Digitized by Google

Ярослава, одинъ изъ его пріятелей, отданный на потокъ, жаловался хану въ Ордѣ и доносилъ, что новгородцы не хотятъ платить хану дани и оставаться въ покорности татарамъ; что бояре требовали отъ нихъ дань хану, а чернь за то разграбила ихъ домы и имущества [1]). Въ 1290 году зазвонили разомъ у Софіи и на Ярославовомъ дворищѣ: одного, по имени Самойла Ратьшинича, убили на владычнемъ дворѣ; толпа бросилась на Прусскую улицу, гнѣздо новгородскихъ вящшихъ людей, разграбила тамъ всѣ домы и сожгла всю улицу [2]). Въ 1342-мъ году произошелъ мятежъ, который явно носитъ на себѣ характеръ сословной вражды. Какой-то Лука Варѳоломеевъ, сынъ бывшаго посадника Варѳоломея и внукъ посадника Юрья Мишинича, набравъ себѣ толпу холоповъ-сбоевъ, отправился за Двину и бралъ на щитъ заволочскіе погосты. Тамъ построилъ онъ себѣ городокъ Орлецъ. Заволочане его убили. Какъ видно, предпріятіе его нравилось черни. Онъ былъ ея любимецъ. Когда разнеслась вѣсть, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, чернь кричала, что его тамъ велѣли убить вящшіе, и двухъ изъ нихъ разграбила; они едва спаслись отъ смерти, убѣжавши въ Копорье. Послѣ того сынъ убитаго Луки явился въ Новгородъ и требовалъ мщенія за отца. По его наущенію, новгородцы потребовали къ суду укрывшихся въ Копорье бояръ. Убѣжавши отъ народнаго волненія, они не побоялись потомъ войти въ Новгородъ: у нихъ тамъ были пособники. Обѣ стороны зазвонили вѣче на разныхъ берегахъ Волхова (одни у святой Софіи, другіе на Ярославовомъ дворѣ); начиналась уже междоусобная брань, но владыка съ намѣстникомъ успѣли примирить ихъ и остановить смуту. Въ этомъ неясномъ для насъ событіи видно только, что

---

[1]) Новг. I, 62.

[2]) Новг. I, 65.

Digitized by Google

Лука и его сынъ угодили черному народу, и дѣло ихъ стало дѣломъ партіи простонародной противъ партіи боярской.

Часто бояре, достигая званія посадника, тысячскаго или вообще должности, которая могла имѣть вліяніе на дѣла, наживались на счетъ народа и навлекали народное мщеніе на себя, на свою родню и на весь свой классъ. Въ 1350 году опять Прусская улица испытала почти то же, что испытывала шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Вознегодовалъ народъ на посадника Ѳедора Даниловича, лишилъ его должности; этого было мало, — посадникъ должно быть пріобрѣлъ много выгодъ въ свое посадничество; его изгнали, домъ его разграбили; потомъ предали на потокъ его родню, брата и тоже выгнали изъ Новгорода, наконецъ, перенесли вражду на всю Прусскую улицу—ограбили и разорили ее [1]).

Нигдѣ такъ наглядно не описывается это соперничество и вражда сословій, какъ въ дѣлѣ Степанка и боярина Данила Ивановича въ 1418 году. Нѣкто по имени Степанко схватилъ на улицѣ боярина Данила Ивановича Божина и кричалъ къ народу:—«Господо! пособите ми тако на злодѣа сего!». Видно слова его попали на готовое уже раздраженіе противъ бояръ; безъ большого разбирательства толпа бросилась къ нему, схватила боярина, потащила на вѣче. Тогда одна женщина,—по выраженію лѣтописца, — «отвергши женскую немощь и вземши мужскую крѣпость», выскочила посреди вѣча и начала колотить его съ неистовствомъ, припоминая причиненныя себѣ обиды. Потомъ боярина повели на мостъ и сбросили въ воду. На его счастье какой-то рыбникъ Личко Людинъ (изъ Людина конца), подхватилъ его въ свою лодку. Тогда толпа бросилась на домъ этого рыбника и разгра-

[1]) Новг. Л. I, 85.

Digitized by Google

била его. Народъ въ своихъ побужденіяхъ былъ не очень настойчивъ; дѣло бы тѣмъ и кончилось, да спасшійся отъ смерти Данило поймалъ Степанка и началъ его мучить. Когда разнесся слухъ по улицамъ, что Степанко схваченъ, побѣжала толпа съ крикомъ на Козьмодемьянскую улицу, гдѣ жилъ Данило. Бояринъ ушелъ; но тутъ загорѣлась у народа охота грабить и другихъ бояръ. Меньшіе люди подняли знамя и съ оружіемъ кинулись на Яневу улицу, гдѣ жили бояре, разграбили нѣсколько богатыхъ домовъ; потомъ бросились въ Загородный конецъ, ограбили на Чюдинцевой улицѣ монастырь св. Николы, гдѣ хранились боярскіе пожитки, и достигли наконецъ гнѣзда боярскаго —Прусской улицы: тутъ дали имъ отпоръ. Черный народъ легко могъ составлять толпу на бояръ; и у бояръ были свои толпы вооруженныхъ «паробковъ» изъ того же простого народа,—челядь боярская: эти паробки стали защищать своихъ господъ. Удалые двинулись назадъ на Торговую сторону. Но вслѣдъ затѣмъ распространился на Торговой сторонѣ слухъ, что съ Софійской собираются толпы и хотятъ напасть на Торговую. Ударили во всѣхъ церквахъ въ колокола тревогу. Съ обѣихъ сторонъ вооруженный городъ бросился на мостъ. Началась свалка: «бяше же и губленіе»—повѣствуетъ лѣтопись—«овы отъ стрѣлъ, овы отъ оружіа, бѣша же мертвыи яко на рати, и отъ грозы тоя страшныя и отъ възмущеніа того великого въстрясеся весь градъ и нападе страхъ на обѣ странѣ.» Вотъ тогда владыка Симеонъ созываетъ священниковъ, самъ облачается, и имъ приказываетъ облачиться, велитъ нести кресты и хоругви и образъ св. Богородицы отъ св. Софіи, идетъ самъ на мостъ и, среди разъяренной массы народной, начинаетъ благословлять крестнымъ знаменіемъ на всѣ стороны. Увидѣвъ владыку, старые посадники и тысячскіе подошли къ нему и поклонились. Волненіе стало утихать. Владыка отправляетъ архимандрита Варлаама, своего ду-

Digitized by Google

ховнаго отца, да протодіакона на Ярославовъ дворъ — отдать благословеніе степенному посаднику, и тысячскому, и народу и уговаривать, чтобъ всѣ шли съ миромъ въ свои домы. Волненіе прекратилось [1]). Конечно, къ той же сословной враждѣ слѣдуетъ отнести и возстаніе, случившееся въ 1421 году. Тогда Неревскій и Славенскій концы поднялись за землю какого-то Климентія Ортемьина противъ посадника и бояръ; разграбили ихъ домы, до двадцати человѣкъ убили и своихъ неревлянъ потеряли двухъ человѣкъ [2]). Слѣды подобнаго соперничества старѣйшихъ и молодшихъ видны и въ пригородахъ. Такъ, напримѣръ, въ Торжкѣ въ 1340 году возстала чернь на бояръ; и бояре, ограбленные, бѣжали въ Новгородъ, едва успѣвъ унести душу. Черный народъ не только ограбилъ ихъ имущества, но разнесъ домы и опустошилъ ихъ села [3]).

Нерѣдко этою сословною враждою пользовались сами бояре въ своихъ распряхъ другъ противъ друга; составлялись между ними противныя другъ другу партіи и старались привлечь на свою сторону черный народъ. Тогда въ самой черни дѣлалось раздвоеніе; одни ополчались за тѣхъ, другіе за другихъ бояръ. Это особенно проявлялось въ тѣ времена, когда общественныя бѣдствія поражали народныя массы. Такой примѣръ видимъ мы въ 1230 году въ ссорѣ посадника Водовика со Степаномъ Твердиславичемъ. Оба, какъ ясно видно, были предводителями партій. Паробки посадника напали на одного приверженца Твердиславичева, Иванку Тимошкинича и поколотили его. На другой же день партія, противная посаднику, зазвонила на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, вооружила народъ противъ посадника; собрались охотники и начали грабить

---

[1]) Новг. Л. I, 107—108; Новг. Л. II, 136—137. IV, 117.

[2]) Новг. Л. IV, 120.

[3]) Новг. Л. I, 80.

Digitized by Google

дворъ посадника. Но посадникъ въ свою очередь зазвонилъ на вѣче и поднялъ значительную массу народа противъ Иванка Тимошкинича, Якима Блунковича и Прокши Лапинева. Это были сторонники Твердиславича, подустившіе народъ грабить посадника. Посадникъ такъ хорошо умѣлъ повернуть дѣло, что народъ озлобился на тѣхъ, которые предъ тѣмъ стали-было руководить его. Убили Якимова брата Волоса, сожгли дворъ Прокши; потомъ Иванка сбросили съ моста; другихъ привели къ присягѣ, что они не будутъ мстить. Водовикъ взялъ верхъ, да не надолго. Въ тотъ же самый годъ, въ его отсутствіе ограбили не только его, но его братьевъ, его родню и много дворовъ его пріятелей, бояръ; одного изъ нихъ, Семена Борисовича, убили; въ заключеніе поручили посадничество врагу Водовика, Степану Твердиславичу [1]).

Иногда составлялась партія, «коромольники,» — какъ называетъ лѣтописецъ;—поднимались на посадника и на всѣ власти, низвергали ихъ, грабили и въ свою очередь терпѣли тоже, что другимъ приготовляли. Такъ въ 1332 году, такіе коромольники подняли народъ, отняли посадничество у Ѳедора Ахмыла и дали Захаріи Михайловичу, ограбили села и дворы прежней партіи; но въ тотъ же годъ сверженъ былъ новопоставленный посадникъ [2]). Точно также и въ 1359 году лихіе люди взбунтовали Славенскій конецъ противъ зарѣчанъ, то-есть Софійской стороны, лишили посадничества Андрея Захаринича и дали Сильвестру Леонтьевичу. Зарѣчане бросились на славенцевъ; на Ярославовомъ дворѣ сдѣлалась сѣча; нѣсколькихъ человѣкъ прибили; одного убили до смерти; славенцы прогнали гостей за рѣку. Тогда поднялась вся Софійская сторона мстить свое безчестье. Поднялась Торговая сторона защищать себя.

---

[1]) Новг. Л. I, 46.

[2]) Новг. Л. I, 76.

Digitized by Google

Мостъ разломали. Обѣ стороны стояли вооруженныя на берегу, угрожая одна другой. Между тѣмъ удальцы изъ Софійской стороны бросились на села бояръ и богатыхъ людей, жившихъ въ Славенскомъ концѣ и начали ихъ брать на щитъ. Но владыка Алексій съ архимандритомъ и игуменами вышелъ къ раздраженной толпѣ и возгласилъ: «Дѣти! не доспѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты. Не соступайтесь, дѣти, на бой! Примиритесь!» Убѣжденіе его подѣйствовало. Примирились; посадничество не досталось ни прежнему, ни тому, котораго славенцы поставили, а выбрали новаго [1]). Какъ только какое-нибудь лицо возвышалось и чѣмъ нибудь навлекало на себя нерасположеніе чернаго народа, составлялась шайка и замышляла ему какую нибудь пакость. Такъ напримѣръ, въ 1337 г. «простая чадь», то-есть толпа чернаго народа, озлобилась на архимандрита Есипа, загнала его въ церковь св. Николы и цѣлый день и ночь держала его тамъ. Въ церковь ворваться не смѣли, а онъ выйти боялся [2]).

Вообще междоусобія въ Новгородѣ, или какъ назывались они—«голки,» не представляютъ слишкомъ кровавыхъ картинъ. До кровопролитія не всегда доходили, а если оно и случалось, то ограничивалось смертію нѣсколькихъ человѣкъ. Часто *голка* тѣмъ и кончалась, что соберутся враждебныя стороны и, вооруженныя, погрозятъ другъ другу, побранятся, а потомъ помирятся и разойдутся. Но эти обычаи произвели въ народѣ такіе слои, которые руководились только эгоистическими разсчетами и обращались очень неуважительно съ чужою собственностію. Иногда молодцы собирались для грабежа. Новгородъ принужденъ былъ усмирять ихъ. Въ 1291 году коромольники начали

[1]) Новг. Л. I, 87.
[2]) Новг. Л. I, 78.

Digitized by Google

грабить Торгъ въ Новгородѣ; на другой день вѣче осудило и свергло съ моста двухъ заводчиковъ этого дѣла [1]). Въ 1310 году собрались коромольники, пошли грабить села около города, принадлежавшія зажиточнымъ людямъ [2]). Въ 1314 году то же дѣлалось во Псковѣ: грабили села, дворы и клѣти въ городѣ, но псковичи казнили ихъ до 50 человѣкъ и потомъ стало тихо [3]). Во время пожаровъ часто происходили грабежи и безчинства. Въ 1299 году сдѣлался пожаръ, и злые люди,—какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, придавая имъ это названіе, какъ бы особый терминъ,—пустились грабить не только дома, но и церкви, гдѣ, по обыкновенію, прятались сокровища; они убивали сторожей и расхищали товары. То же происходило въ 1311 году [4]). Вѣроятно бо̀льшая часть опустошительныхъ пожаровъ, которыми такъ часто страдалъ Новгородъ, происходили отъ поджигательствъ съ цѣлію грабить. Во времена дороговизны хлѣба, молодцы грабили села и дворы зажиточныхъ людей, не дозволяя имъ наживаться на счетъ бѣднаго народа, какъ обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ.

Въ городѣ всегда была на-готовѣ толпа такихъ задорныхъ и пьяныхъ забіякъ, которые, какъ итальянскіе bravi, служили сильнымъ, и богатые бояре держали ихъ у себя на жалованьѣ, чтобы ихъ услужливыми руками охранять себя отъ соперниковъ, своей братьи бояръ, и отъ народныхъ волненій. Митрополитъ Іона въ 1448—1458 годахъ писалъ къ новгородцамъ: «Мы узнали, что въ вашемъ православномъ христіанствѣ, въ Великомъ Новгородѣ, въ вотчинѣ моего сына, великаго князя, сотворяется нѣкое бого-

---

[1]) Новг. Л. I, 65.
[2]) Новг. Л. I, 69.
[3]) Новг. Л. I, 71.
[4]) Новг. Л. I, 66. 70.

Digitized by Google

ненавистное и богоотметное дѣло не только отъ простыхъ людей, но отъ честныхъ великихъ людей,—отъ нашихъ духовныхъ дѣтей. Изъ за какой-нибудь малой вещи зачинается гнѣвъ и ярость, и свары, и лжесловія и многонародное сборище съ обѣихъ сторонъ; угождая врагу діаволу, нанимаютъ на такое злое и богоненавистное дѣло сбродней, пьянчивыхъ и кровопрожадныхъ людей, замышляютъ бои и кровопролитія, и губятъ христіанскія души» [1]).

Во Псковѣ лѣтописи не представляютъ намъ подробностей о такихъ междоусобіяхъ, какъ въ Новгородѣ; но изъ краткихъ извѣстій видно, что и тамъ они случались, были и кровопролитія: въ 1385 г. произошли по неизвѣстной для насъ причинѣ драки и убійства (бысть сѣча Псковичемъ промеже себе и много бысть мертвыхъ [2]).

VIII.

УШКУЙНИКИ.

Новгородскіе удальцы, нетерпѣвшіе стѣсненія своего произвола, искали раздолья, простора, подвиговъ за предѣлами Новгородской Земли и, такимъ образомъ, составились въ XIV вѣкѣ разбойничьи шайки, разносившія страхъ на востокѣ нынѣшней Россіи, подъ именемъ ушкуйниковъ (отъ слова ушкуй, означавшаго лодку особой постройки). Войны со шведами пріучили новгородцевъ къ водянымъ набѣгамъ. Такъ въ 1320 году Лука (можетъ быть Варѳоломеевъ, который потомъ съ толпою холоповъ-сбоевъ, разорялъ Заволочье и тамъ погибъ) ходилъ въ ушкуяхъ на Мурманъ (на Норвегію), но былъ разбитъ [3]). Въ 1339 го-

[1]) А. И. I, 91.
[2]) Новг. Л. IV, 91.
[3]) Новг. Л. IV, 49.

Digitized by Google

ду такіе молодцы разоряли Корелу, признававшую власть шведовъ, а въ 1349 г., когда Магнусъ предпринялъ свой крестовый походъ противъ Новгорода, новгородскіе и двинскіе удальцы дѣлали морскіе набѣги на берега Норвегіи (на Мурманъ [1]). Въ 1340 году шайка новгородскихъ людейниковъ сожгла Устюжну и воевала Бѣлозерскую область; однако на нихъ напали и отняли награбленное [2]). Въ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ XIV столѣтія, новгородцы стали отличаться на Волгѣ оттого, что въ то время по Волгѣ и притокамъ ея развилась торговля и было кого грабить. Въ 1360 г. новгородскіе ушкуйники напали на татарскій городъ Жукотинъ, разорили его, набрали тамъ всякаго добра и расположились въ русскихъ поволжскихъ городахъ, особенно въ Костромѣ. Татарскіе князья обратились съ жалобою къ хану, и ханъ Хидырь прислалъ къ русскимъ князьямъ пословъ съ требованіемъ выдать ему новгородскихъ разбойниковъ. По этому поводу князья владимирскій, нижегородскій и ростовскій съѣхались въ Кострому. Нельзя было потакать такому удальству, тѣмъ болѣе, что татары съ христіанами вообще стали поступать такъ же, какъ новгородцы съ татарами: въ возмездіе за Жукотинъ, въ Болгарахъ, другомъ татарскомъ поволжскомъ городѣ, ограбили всѣхъ христіанъ, какіе на ту пору тамъ случились. Князья переловили ушкуйниковъ, бывшихъ на ту пору въ Костромѣ, и выдали ихъ татарамъ [3]). Въ 1365 — 1366 годахъ трое бояръ новгородскихъ: Есипъ Варѳоломеевичъ, Василій Ѳедоровичъ, да Александръ Абакумовичъ набрали себѣ толпу удалыхъ и отправились по Волгѣ. Ихъ было двѣсти ушкуевъ. Они пошли самовольно, безъ новгородскаго слова. Подъ Нижнимъ-Новгородомъ они напали на купцовъ бесерменъ (бухар-

[1]) Новг. Л. IV, 59.
[2]) Новг. Л. I, 79.
[3]) Ник. Л. III, 216.

Digitized by Google

скихъ), ограбили ихъ и многихъ убили. При этомъ, какъ видно, досталось не однимъ бесерменамъ, но и русскимъ купцамъ. Великій князь Димитрій жаловался, что новгородскіе ушкуйники ограбили подъ Новгородомъ его московскихъ гостей. Новгородское вѣче дало такой отвѣтъ: Это ходили молодые люди на Волгу, безъ нашего слова; да они твоихъ купцовъ не грабили, а грабили бесерменъ. За это не сердись на насъ» [1]). Если новгородское вѣче не давало позволенія на такіе походы, то, очевидно, смотрѣло на нихъ сквозь пальцы и, по общимъ понятіямъ того времени, пограбить и побить бесерменъ казалось дозволительно. Такое понятіе должно было возникнуть очень естественно, послѣ того, что претерпѣли Русскія Земли отъ татарскаго своевольства. И дѣйствительно, за свои самовольные разбои новгородскіе ушкуйники не только остались безъ преслѣдованія, а одному изъ ихъ тогдашнихъ предводителей довѣряли государственное дѣло: онъ посланъ былъ для защиты Торжка отъ тверичей. Въ 1369—1370 г. ушкуйники взяли Кострому и Ярославль. Эти набѣги, вѣроятно, состояли въ связи со враждою Новгорода къ тверскому князю, который тогда посадилъ своего намѣстника въ Костромѣ точно также, какъ и въ новгородскомъ пригородѣ Бѣжецкомъ-Верху [2]). Въ 1374 году девяносто ушкуевъ напали на Вятку, ограбили ее, потомъ захватили Болгары, и взяли окупа 300 рублей. Потомъ они раздѣлились на двѣ партіи: одна—изъ 50 ушкуевъ—отправилась на Низъ къ Сараю, а другая—изъ 40 ушкуевъ—пошла вверхъ по Волгѣ, дошла до Обухова, ограбила Засурье и Марквашъ, перешла за Волгу, истребила суда свои, конно прошлась по берегамъ Ветлуги, ограбила села и ушла къ Вяткѣ [3]). Но самый

[1]) Новг. IV. 66. I, 88.
[2]) Ник. IV. 30—31.
[3]) П. С. Л. VIII 21.

Digitized by Google

свирѣпый набѣгъ новгородскихъ ушкуйниковъ на Поволжье происходилъ въ 1375 году, когда новгородцы вмѣстѣ съ московскимъ великимъ княземъ воевали подъ Тверью. Отправилось двѣ тысячи удальцовъ; они плыли въ семидесяти ушкуяхъ; воеводами у нихъ были: одинъ по имени Прокопій, другой по прозвищу Смольнянинъ, вѣроятно такъ названный потому что дѣйствительно былъ пришлецъ изъ Смоленской Земли. Эта шайка состояла не изъ однихъ новгородцевъ, но еще болѣе изъ заволочанъ. Они приплыли рѣкою Костромою на Волгу, къ городу Костромѣ. Костромичи, зная чего можно ожидать отъ такихъ гостей, вышли противъ нихъ съ оружіемъ; было костромичей пять тысячъ; воеводою у нихъ былъ Плещеевъ. Новгородцы сошли на берегъ и какъ только поняли, что костромичи встрѣчаютъ ихъ не добромъ, то раздѣлились на-двое. Одна половина пошла прямо на костромичей, а другая зашла имъ въ тылъ, черезъ кусты можжевельника. Они разомъ ударили на костромичей, —и спереди, и сзади. Воевода Плещеевъ первый оставилъ рать и побѣжалъ въ Кострому: за нимъ и всѣ пустились въ-разсыпную. Новгородцы нѣкоторыхъ въ-догонку убили, другихъ повязали; третьи успѣли скрыться въ лѣсу. Тогда ушкуйники вошли въ беззащитную Кострому, простояли тамъ недѣлю и ограбили ее до конца: они брали все, что имъ попадалось подъ руки; не оставляли даже того, чего не могли брать съ собою; взяли только что было подороже, а все остальное сожгли: такая у нихъ родилась охота истреблять. Въ заключеніе, набрали они сколько хотѣли плѣнниковъ, особенно женскаго пола, и поплыли внизъ по Волгѣ. Они пристали въ Нижнемъ-Новгородѣ, награбили что имъ приглянулось и зажгли городъ. Отсюда они поплыли въ Болгары и тамъ распродали бесерменамъ женщинъ и дѣвицъ, костромскихъ и нижегородскихъ, а потомъ поплыли еще ниже. Встрѣтятъ по пути на судахъ гостей бесерменскихъ—

Digitized by Google

ограбятъ и людей перебьютъ; а встрѣтятъ христіанскихъ купцовъ—только ограбятъ, а самихъ пустятъ живыми. Такъ достигли они Астрахани. Тутъ-то постигло ихъ воздаяніе и за костромичей, и за нижегородцевъ. Какой-то татарскій князь Салчій заманилъ ихъ лестью; и татары всѣхъ ихъ перебили безъ милости, забравши все ихъ имущество, пріобрѣтенное въ русскихъ городахъ [1]). За этотъ-то походъ Димитрій съ князьями и съ ополченіями многихъ русскихъ городовъ подходилъ къ Новгороду. Эти шайки, точно такъ, какъ и шайки Луки Варѳоломеева въ 1340 г., вѣроятно, наполнялись бѣглыми холопами, которые или сами продавались въ рабство для того, чтобы взять деньги съ господина, а потомъ убѣжать отъ него, или, будучи рождены въ рабствѣ, находили себѣ единственный исходъ изъ него въ такихъ странствованіяхъ. Предлогомъ для походовъ такихъ ватагъ, однако, было грабить и разорять бесерменъ и татаръ: это казалось извинительнымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ и понятіямъ; а на русскихъ они озлились за то, что русскіе встрѣчали ихъ недружелюбно. На Кострому они нападали два раза. Очень можетъ быть, что они питали особенную злобу именно къ этому городу за то, что здѣсь перехватали и выдали татарамъ ихъ братію, разорившую Жукотинъ.

Поступокъ Димитрія съ Новгородомъ не искоренилъ совсѣмъ ушкуйничества, хотя новгородское правительство преслѣдовало ушкуйниковъ: такъ въ 1390 г. по миру, заключенному Новгородомъ со Псковомъ, послѣдній обязывался выдавать тѣхъ, кто въ путь ходилъ на Волгу;— вѣроятно гонимые въ Новгородской Землѣ, молодцы думали найти убѣжище во Псковской [2]). Послѣ костромского дѣла нѣсколько разъ еще встрѣчаются въ лѣтописяхъ из-

---

[1]) Новг. IV. 71—72. Ник. IV. 44.

[2]) Воскр. П. С. Л. VIII. 61.

Digitized by Google

вѣстія о набѣгахъ ушкуйниковъ. Въ 1379 году, вятчане ходили въ Арскую Землю и разбили шайку ушкуйниковъ; воевода ихъ Рязанъ, взятый въ плѣнъ, былъ умерщвленъ [1]). Въ 1392 году, шайка, составленная изъ новгородцевъ и устюжанъ, напала рѣкою Вяткою на Жукотинъ и Казань, и грабила гостей на Волгѣ [2]). Въ 1409 г. Анеалъ предпринялъ походъ на Болгары: сто насадовъ шло Камою, сто пятьдесятъ Волгою. Это раздѣленіе шайки погубило ее: татары напали на тотъ отрядъ, который плылъ по Камѣ, и разбили его; самъ Анеалъ былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ тюрьму. Волжскіе насады не поспѣли на помощь камскимъ [3]).

IX.

НОВГОРОДСКІЙ УДАЛЕЦЪ ПО НАРОДНОМУ ВОЗЗРѢНІЮ.

Ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ. Буслаевъ изображается знатнымъ, богатымъ, можетъ быть бояриномъ. Противники его — мужики, слово позднѣйшаго быта, замѣнившее древнее названіе—простая чадь. Старый Буслай жилъ, по выраженію пѣсни, девяносто лѣтъ, то-есть долго, и соблюдалъ миръ съ простою чадью; онъ не перечился — поперекъ слова ей не говаривалъ, ладилъ съ народомъ новгородскимъ; ни со Псковомъ, ни съ Москвою не вздоривалъ; а

---

1) Воскр. П. С. Л. VIII. 34.
2) Воскр. П. С. Л. VIII. 61.
3) Воскр. П. С. Л. VIII. 85.

Digitized by Google

потому-то послѣ его смерти, все житье-бытье его, (дворянское, по выраженію новому, вмѣсто боярское), передалъ онъ въ цѣлости сыну. Народная поэзія не всегда выставляетъ обычныя черты; чаще она увлекается тѣмъ, что́ любитъ, чего желаетъ, чтобы оно всегда было, но что̀ не всегда бываетъ. Положеніе Буслая не было рядовое; бывало вчастую, что богачъ, бояринъ, не долго утѣшается своею знатностію и богатствомъ; только раздразнитъ онъ мужиковъ новгородскихъ, начнутся противъ него заговоры, умыслы; составится на него вѣче; пойдутъ на него въ вооруженіи, расхитятъ животы его и разнесутъ хоромы его. Буслай—примѣрный бояринъ, добрый богачъ; онъ умѣетъ поладить съ чернымъ народомъ; онъ такой бояринъ, какого желаетъ народъ. Старикъ Буслай умеръ, оставилъ молодца сына Буслаевича. Мать стала главою дома. Жена теряется при мужѣ; вдова получаетъ полную независимость и значеніе. Мать отдаетъ сына въ науку. Пѣсня говоритъ чему учился Василій, сынъ Буслая, то-есть чему слѣдовало учиться по тогдашнему понятію: грамотѣ, письму и пѣнію церковному. Всему этому выучился Василій. Пѣніе церковное считалось верхомъ образованности. Пѣсня распространяется объ этомъ достоинствѣ своего героя:

А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василія Буслаева.

Какъ сталъ онъ доходить до возраста юношескаго, стали его обучать и воинскимъ наукамъ; и ощутилъ онъ въ себѣ великую ратную силу, какъ познакомился съ копьемъ вострымъ, воинскою палицею и разрывчатымъ тугимъ лукомъ.

Наслѣдникъ богатства, оставленный подъ слабымъ надзоромъ матери, Василій ищетъ жизни, простора, приволья: хочется ногамъ расходиться, рукамъ размахнуться. И

Digitized by Google

У насъ этотъ союзъ связывалъ древнихъ богатырей сумрачно-героической эпохи Владимира Краснаго Солнышка и почитался до того священнымъ, что богатырь упорный и неустрашимый терялъ духъ, когда увидалъ величайшее въ мірѣ беззаконіе—своего названаго брата, идущаго противъ него съ оружіемъ. Этотъ союзъ существовалъ въ новгородскихъ нравахъ, сохранявшихъ чистоту древнихъ славянскихъ жизненныхъ началъ. Вотъ какъ удалецъ отыскиваетъ себѣ такихъ братьевъ. Василій Буслаевъ ставитъ чанъ вина посреди двора и опускаетъ туда огромную чару, или ковшъ. Его слуги понесли по Новгороду записки:

Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Вался къ Васькѣ на широкой дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное...

Замѣчательно, какъ измѣнялся древній обычай подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія жизни. Прежде названые братья были равны между собою, хотя бы и много ихъ было въ одномъ братствѣ;—все у нихъ было общее: братъ считалъ братнее своимъ имуществомъ; самая жизнь принадлежала брату. Василій въ своихъ запискахъ предлагаетъ свое достояніе тѣмъ, кто придетъ къ нему на братство; но онъ не показываетъ притязанія самому имѣть право считать своимъ достояніемъ имущество названыхъ своихъ братьевъ. Названые братья ниже его по достоинству: они его пособники, его вассалы, его дружина. Онъ надъ ними старшина, онъ ихъ будетъ поить и кормить. Древнее равенство отъ усложненія общественныхъ связей ниспускается до кліентства, хотя еще не дошло до наемничества. Новгородская свобода подорвала первобытное равенство отношеній; но она же не допуститъ до униженія одной стороны предъ другою, такъ какъ она же, хотя и возвышала бояръ въ Новгородѣ, но не допускала черный на-

Digitized by Google

придется встрѣтиться на улицѣ на Рогатицѣ. Но гуляки встрѣчные могли его оставить; они ему чужіе,—это такіе товарищи, что вечеромъ погуляютъ вмѣстѣ, а утромъ въ глаза не узнаютъ. Есть въ народной жизни покрѣпче союзъ. Василій хочетъ подобрать себѣ названыхъ братьевъ, побратенниковъ. Это союзъ на жизнь и на смерть, такой союзъ, что измѣнить ему грѣхъ смертный, все равно что на роту идти не въ правду.

Издавна, еще въ языческія времена, былъ обычай, что богатыри устанавливали между собою названое братство, иначе побратенничество, у южныхъ славянъ побратимство. Одинъ передъ другимъ давалъ клятву быть вмѣстѣ какъ одинъ человѣкъ, другъ другу во всемъ помогать, другъ друга изъ бѣды выручать, жизнью за друга жертвовать, за смерть друга мстить. Подъ вліяніемъ христіанства этотъ обычай получилъ религіозное освященіе. Это исконная принадлежность нравственныхъ понятій всѣхъ народовъ арійскаго племени; до сихъ поръ этотъ обычай сохранился у афгановъ. У древнихъ грековъ онъ является въ дружбѣ Ахилла и Патрокла, Тезея и Пиритоя, Геркулеса и Іола, Ореста и Пилада; на противоположномъ концѣ Европы, у скандинавовъ, онъ называется Foetbroederalag и сопровождался завѣтными символическими обрядами [1]).

---

[1]) Молодцы разсѣкали себѣ ладонь и спускали кровь въ одну ямочку, выкопанную въ землѣ, а потомъ подавали другъ другу руки и произносили обѣтъ братства. Другой обрядъ, еще торжественнѣе, совершался такъ: вырывали изъ земли полосу дерна, иногда же три полосы, такъ, чтобы ихъ края были соединены между собою и ставили ихъ на жерди, такъ высоко, какъ только человѣкъ можетъ достать остріемъ копья. Стоя на колѣняхъ подъ этой землею, витязи призывали боговъ во свидѣтели своей клятвы и обѣщались жить между собою какъ родные братья.

Этотъ союзъ цѣнился у нихъ такъ, что отецъ готовился мстить собственнымъ сыновьямъ, исполняя завѣтъ кроваваго мщенія за убійство названаго брата.

Digitized by Google

Такъ сходились молодцы къ Василію. Пришелъ Костя Новоторженинъ; пришли Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій; пришли потомъ два сына боярскіе, братья родные; пришли мужики Залѣшане;—семь братьевъ Сбродовичи. Всѣхъ надобно было опробовать. Кто выдерживалъ испытаніе, тому Василій говорилъ:

А и будь ты мнѣ названый братъ,
И паче мнѣ брата родимаго!

Но приходившіе охотники не всѣ выдерживали нелегкое испытаніе. Были такіе, что заходили не въ-попадъ, слишкомъ на себя понадѣявшись; ихъ изломаютъ и за ворота выбросятъ.

И прибралъ Василій много-много товарищей;
Набралъ онъ ихъ три дружины въ Новѣградѣ;

и пошелъ Василій со своими названными братьями искать приключеній и случая начать задоръ съ новгородцами — отмстить имъ за то, что они на него жаловались.

Была братчина-Никольщина. Это было обычное увеселеніе на Руси. Братчина носила характеръ правильно организованной общины. Каждый участникъ давалъ отъ себя часть и это называлось ссыпь. Избирали пирового старосту, который долженъ былъ учреждать пиръ и наблюдать порядокъ. Въ-старину, при соблюденіи патріархальныхъ отношеній, ссыпь давалась натурою — съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для напитковъ. Но впослѣдствіи, стали ссыпщики давать свою часть деньгами, а пировой староста распоряжался покупкою. Сумма эта, какъ видно, хотя и опредѣлялась заранѣе, но иной ссыпщикъ могъ дать и больше другихъ, смотря по достатку и по щедрости. Братчина на этотъ разъ отправлялась въ приходѣ св. Николая — вѣрно по

Digitized by Google

поводу храмового праздника. Церковный староста былъ старостою пира. Распорядители братчины не звали Василія; но Василій пришелъ самъ въ братчину со своими побратенниками. Спрашиваетъ: по сколько въ братчинѣ съ брата берется; и самъ даетъ за себя и за товарищей гораздо бо́льшую сумму, чѣмъ платилось вообще; но собственно за свою особу онъ даетъ вдесятеро больше чѣмъ за каждаго товарища: за себя пятьдесятъ рублей, за каждаго названаго брата пять рублей. Здѣсь тоже видна потеря древняго равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратенниковъ.

На Василія была уже тайная злоба. Василій, заплативши больше всѣхъ и притомъ окруженный своею дружиною, сознавалъ свое первенство между всѣми, раздвигалъ братчиковъ, садился на переднее мѣсто, усаживалъ около себя товарищей. Мужики взглянули на него съ-искоса и стали задирать его:

А званому гостю хлѣбъ да соль,
А незваному гостю и мѣста нѣтъ.

Въ этомъ замѣчаніи была уже угроза. Василій отвѣчаетъ имъ такою же двусмысленною угрозою.

Званому гостю много мѣста надо,
Много мѣста надо и честь большая,
А незваному гостю какъ Богъ пришлетъ.

Когда ссыщики поѣли, попили, начались забавы молодецкія, стали молодцы между собою бороться, драться на кулаки и примѣрно сражаться: то были новгородскія забавы; но онѣ нерѣдко переходили въ дѣло серьозное, подъ пьяную руку. «Отъ того боя кулачнаго, — говоритъ пѣсня,—учинилась драка великая». Василій сталъ разнимать драку. Тутъ кто-то изъ мужиковъ, по прежней зло-

Digitized by Google

бѣ, а можетъ быть и невзначай, оплелъ его по-уху. Тогда Василій крикнулъ громкимъ голосомъ:

Гой еси, ты, Костя Новоторженинъ,
И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
Уже Ваську меня бьютъ!

Тутъ бросились къ нему молодцы. Вся толпа выхлынула на улицу. Пошла потѣха. Мужикамъ достается; они кричатъ, ревутъ, а Василій видитъ, что ему везетъ счастіе, разгорячился, крикнулъ на весь міръ:

Гой еси вы, мужики новогородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися,
Со всею дружиною хороброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете, Новымъ городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякой годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью —
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань!

Мужики новгородскіе смекнули въ чемъ дѣло. Василій надѣется на свою дружину и думаетъ, что его противниковъ только и есть, что на братчинѣ; но мужики связаны со всѣмъ Новгородомъ. Такого народа много найдется, что станетъ за нихъ, если дѣло на то пойдетъ. У всѣхъ есть пріятели. Мужики говорятъ ему:

Ай-же ты Васильюшка Буслаевичъ!
Загадываешь загадку великую:
Когда ты, Василій, удалъ е,
Пойдемъ же драться на мостикъ, на Волховскій,
На тою на рѣченьку на Волхову:
Ты со своима съ дружинами хоробрыма, —
А ми будемъ драться всѣмъ народомъ.

Digitized by Google

Василію нельзя было идти на-попятную. И вотъ ударились объ закладъ; написали запись, приложили руки, заложили головы. Въ записи постановлено: «Василію идти на волховскій мостъ. Поставить на мосту три заставы: Василій долженъ перейти черезъ всѣ заставы; если его свалятъ гдѣ-нибудь на мосту, закладъ проигранъ и его тогда казнить; а если онъ пройдетъ всѣ три заставы и собьетъ всѣхъ своихъ противниковъ, тогда ему заплатятъ. Черта чрезвычайно любопытная; она открываетъ для насъ много въ старой дѣйствительности. Такіе заклады, какъ видно, были въ обычаѣ, и этимъ-то, быть можетъ, могли бы объясниться буйства въ Новгородѣ. Историческая основа этого дѣла та, что тогда образовалось двѣ удалыя партіи: одна Васильева, другая противная; одна подъ рукою знатнаго, богатаго боярина; другая изъ толпы черни, молодчихъ людей; и держали они закладъ: чья сторона одолѣетъ въ дракѣ на мосту.

Обѣ стороны составили договоръ и подписались. Запись эта получала юридическій характеръ. Само новгородское правительство ее признало. Матушка, узнавши, что̀ ожидаетъ ея сына, побѣжала къ новгородскому князю хлопотать: нельзя-ли какъ-нибудь пріостановить споръ. Но что̀ тутъ можетъ сдѣлать князь, когда договоръ написанъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ? Князю оставалось только казнить Василія, когда ему противная сторона выдастъ его. И князь отвѣчаетъ матушкѣ:

Тогда прощу, когда голову срублю.

Началась свалка на мосту, — правильная, законная. Храбрая дружина Буслаева одолѣваетъ. Тутъ противники, чтобъ не проиграть окончательно заклада, побѣжали къ матери Василія, принесли ей подарки и стали просить:

Digitized by Google

Матера вдова Амелеа Тимоѳеевна!
Прими у насъ дороги подарочки:
Уйми свое чадо милое!

Старуха естественно склонна къ тишинѣ и спокойствію. Она посылаетъ дѣвушку-чернавушку—взять Васеньку съ побоища и привести къ ней домой. Богатырь, отъ котораго трясется вся улица, покоряется безропотно:

Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Схватила Ваську во бѣлы руки —
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкой дворъ.

Покорность эта въ духѣ тогдашнихъ нравовъ и понятій. Въ семейномъ быту власть матери считалась священнѣе и выше власти отца. Безъ материнскаго благословенія не было удачи въ жизни. Рьяный, неугомонный молодецъ дѣлался ниже травы, тише воды, передъ матерью. Тутъ былъ чистый разсчетъ. Что же, если удалецъ не послушаетъ, какая изъ этого ему корысть?—Материнскаго благословенія не будетъ: и ему удачи не будетъ; и сила его будетъ не въ силу. Оттого и Василій такъ покорно отправился вслѣдъ за дѣвушкой чернавушкой. Мать заперла его. Пѣсня за то называетъ ее неразмышленной:

А и та старуха неразмышлена —
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.

Дѣйствительно, старуха не разсудила, поступивши такъ съ Василіемъ. Закладъ былъ сдѣланъ; договоръ подписанъ. Драка не прекратится отъ того, что Василія нѣтъ на улицѣ. Противники его умышленно разсчитали, что безъ Василія дѣло обратится на ихъ сторону, а потому хитро и

Digitized by Google

постарались отвлечь его отъ боя. Дружина осталась безъ атамана. Противники стали одолѣвать. Тогда пошла дѣвушка-чернавушка къ Волхову; и проходила она мимо побоища, и видѣла, какъ одолѣвали мужики Васильевыхъ побратенниковъ; они подбѣжали къ ней и стали говорить:

Гой еси ты дѣвушка-чернавушка!
Не подай насъ у дѣла ратнаго,
У того часу смертнаго.

Иначе—они просили, чтобъ она освободила Василія. Но мужики-противники, завидя ее, бросились на нее:

И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовое.
Брала коромысло кипарисово;
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ новгородскімъ.

Какъ ни эпиченъ кажется этотъ образъ героини, но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ новгородскихъ женщинахъ была мужественность; въ судѣ, когда дѣло доходило до поля, жонка съ жонкою становилась на бой—дѣло было обычное и законное. Не мудрено, если и дѣвушка-чернавушка изъ Буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ.

И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву:
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
А и спишъ ли Василій или такъ лежишъ?—
Твою дружину хорабрую
Мужики новгородскіе
Всѣхъ прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны.

Дѣвушка-чернавушка освобождаетъ сама Василія. Но можетъ быть и матушка тогда не противилась; матушка

Digitized by Google

должна же была одуматься и разсудить, что если Васильеву дружину побѣдятъ, то доберутся до ея дома и тогда придется ея сынку плохо. Какъ бы то ни было, Василій, освобожденный изъ заключенія, бросается стремглавъ;—не попалъ—говоритъ пѣсня—палицы желѣзной; попалась ему ось телѣжная—обычный образъ для означенія храбрости героя, который такъ силенъ и ловокъ, что и съ такимъ плохимъ оружіемъ можетъ творить чудеса! Выскочилъ Василій, и не достигъ еще моста, гдѣ дружина его, изнемогая, отдавала бока свои подъ мужичьи кулаки и палки... Вдругъ предъ нимъ явленіе—старчище-пилигримище; на плечахъ у него трехсотъ-пудовый колоколъ. [1]) Тѳ его крестовый батюшка. Былъ онъ, какъ видно, когда-то и самъ молодецъ-богатырь, а теперь уже удалился отъ міра и уединился въ Кириловъ монастырь. Мужики упросили его явиться посреди свалки и остановить Василія: они думали, что Василій, увидя предъ собой крестнаго отца и притомъ отшельника, посовѣстится ударить его. Онъ кричитъ ему:

А стой, ты, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь не полетывай!
Изъ Волхова воды не выпити,
Во Новѣградѣ людей не выбити!
Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
Стонмъ мы, молодцы, не хвастаемъ!

Пилигримище даетъ знать, что сторону враговъ его приметъ цѣлый Новгородъ, что ему не сладить съ большою толпою; онъ его предупреждаетъ не раздражать Новгорода. Василій отвѣчаетъ ему:

Ай же ты мой крестовый батюшка!
Тебя ли чортъ несетъ во той поры
На своего на любимаго крестничка?

---

[1]) Первоначально это слово значитъ плащъ или капу, какую носили пилигримы. (Срезневск. Крута Калачья. Изв. И. Арх. Общ. т. IV.)

Digitized by Google

А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся!
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики новогородскими,
Опричь почестнаго монастыря,
Опричь тебя старца пилигримища;
Во задоръ войду—тебя убью!.

Это не только крестный отецъ,—это олицетвореніе церковнаго начала. Это эпическое изображеніе тѣхъ владыкъ, отшельниковъ-угодниковъ, которые не разъ усмиряли волненіе толпы своимъ словомъ и своимъ достоинствомъ. Самое названіе пилигримище подходитъ къ такому объясненію. Пилигримъ-паломникъ, странствователь по святымъ мѣстамъ, былъ встарину лицо исключительно принадлежавшее Церкви, какъ монахъ: паломники были въ большомъ уваженіи въ Новѣгородѣ. Странствовать по святымъ мѣстамъ было до того обычно, что пастырямъ приходилось говорить противъ злоупотребленій такихъ благочестивыхъ путешествій. Очень естественно, что народное творчество изображало обыкновенно въ исторіи новгородскихъ смутъ явленіе духовнаго посредничества въ образѣ старца паломника. Василій, говоря, что онъ держалъ закладъ опричь честного монастыря и старца пилигримища, ясно даетъ знать, что онъ подъ этими двумя приведенными образами разумѣетъ Церковь. Монастыри и паломники пользовались во всеобщемъ мнѣніи изъятіемъ отъ земныхъ дѣлъ и житейскихъ треволненій; ихъ минуютъ страсти и къ нимъ не смѣютъ прикоснуться земные договоры. «Что тебѣ за дѣло—какъ-бы хочетъ сказать паломнику Василій:—мы до тебя не касаемся; мы людей церковныхъ не трогаемъ; не трогай же и насъ грѣшныхъ: мы васъ, церковниковъ, уважаемъ и въ нашихъ спорахъ васъ минуемъ; да и вы не подвертывайтесь намъ подъ руку».

Пилигримище—крестовый батюшка Василія Буслаевича,

Digitized by Google

по народному вѣрованію, лицо, противъ котораго идти все равно, что противъ отца родного. Но удалецъ въ пылу своей отваги ни предъ чѣмъ не долженъ останавливаться: долгъ, связи родства, все ни-почемъ, когда разыграется его широкая удаль молодецкая. Разъярилось богатырское сердце, крикнулъ Василій:

Ай же ты крестовый мой батюшка!
Не далъ я ти яичка о Христовѣ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровѣ дни.

И хватилъ онъ осью желѣзною въ колоколъ. По однимъ варіантамъ онъ убилъ крестоваго батюшку, а по другимъ—пилигримище оказался вовсе существомъ не плотскаго человѣческаго міра. Не даромъ на немъ и колоколъ въ триста пудъ. Василій ударилъ его: старецъ не шевельнулся отъ удара. Тогда Василій глянулъ подъ колоколъ... а у пилигримища во лбу глазъ ужъ вѣку нѣту. Кажется, народная поэзія выразила здѣсь символически совершенное отчужденіе Церкви отъ мірскихъ суетъ. У него нѣтъ глазъ подъ колоколомъ: онъ чуждъ всему, что происходитъ около него; онъ принадлежитъ иному міру—съ нимъ нельзя драться; онъ не дастъ отпора. Пилигримище исчезаетъ какъ привидѣніе, безслѣдно, тотчасъ, какъ только Василій глянулъ подъ колоколъ и увидалъ, что у него нѣтъ глазъ.

Василій доходитъ до моста. Какъ только завидѣли побратенники своего атамана, у нихъ, молодцовъ, думушки прибыло, словно у соколовъ крылья отросли. Молодой Василій идетъ къ нимъ на выручку. Дѣло ихъ вдругъ поправляется. Бой разгорѣлся. Мужики подаются. Драка идетъ до вечера. Мужики побиты, смяты, мира просятъ. Они обращаются съ мировою не къ Василію, а къ его матери. Пѣсня расцвѣчиваетъ это событіе, говоритъ, что они одну чашу поднесли съ золотомъ, другую съ серебромъ;

Digitized by Google

а это только подарокъ—не въ счетъ условія. Три тысячи, что въ закладѣ положены, само собою; эти три тысячи разлагаются на опредѣленныя дани съ цѣлой улицы, такъ что Буслаевъ будетъ получать съ нихъ, какъ будто князь со своего княженія дань. Таково было народное понятіе: кто одолѣлъ, тотъ съ побѣжденнаго беретъ дани и накладываетъ пошлины:

А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
Со хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалешное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ.

Можетъ быть, въ случаѣ такихъ споровъ и закладовъ на то, кто кого побьетъ, проигранный закладъ падалъ на все общество, къ которому принадлежали побѣжденные, такъ что, если такой-то улицы молодцы побиты въ закладѣ, то вся улица платила по разверсткѣ. Такъ и должно было быть тамъ, гдѣ и за сдѣланное убійство, когда убійца не отысканъ, платило все общество, и въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ представительство касалось извѣстной массы людей, соединенныхъ одномѣстностью жительства, или принадлежностію къ одному управленію. Мать приказываетъ прежней-же дѣвушкѣ-чернавушкѣ привести Василія. Дѣвушка застаетъ его еще среди боя, побѣждающаго мужиковъ. Она схватила Василія за руки и провозгласила утѣшительную вѣсть:

Мужики пришли новогородскіе,
Принесли они дорогіе подарочки,
И принесли записи заручныя
Ко твоей сударынѣ-матушкѣ.

Digitized by Google

Бой прекратился. Василій пошелъ съ торжествомъ къ себѣ на дворъ, а за нимъ его удалые вѣрные побратенники. Прежде всего, послѣ трудовъ они выпили по чаркѣ вина и когда хмѣль зашелъ имъ въ голову, они выразили Василію намекъ, чтобы онъ распоясывался — давалъ имъ награду, и честили его такимъ образомъ:

У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уѣдено,
Вкраснѣ хорошо не ухожено,
И цвѣтнаго платья не уношено,
А увѣчье на вѣкъ залѣзено.

Василій повелъ ихъ обѣдать и веселымъ пиромъ окончилось побоище:

И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ властей, — онѣ не вмѣшиваются, не останавливаютъ безпорядка. Это братчина — повольное дѣло. А братчина, по судно-новгородской грамотѣ, сама судитъ какъ судьи. Невольно приходитъ вопросъ: какія же побудительныя причины всей этой кутерьмы? Все здѣсь является плодомъ внезапныхъ увлеченій, порыва страстей; нѣтъ ничего разсчитаннаго. Оно такъ и дѣлалось въ жизни вольнаго города. Здѣсь все безпричинно, какъ и въ разсказахъ лѣтописей, гдѣ также не доберешься, изъ-за чего люди волнуются, за что князей выгоняютъ, другихъ приглашаютъ; сегодня одного возносятъ, завтра того-же грабятъ, съ моста сбрасываютъ, потомъ опять чествтъ. Точно такъ и въ нашей пѣснѣ все покажется непонятнымъ, если начнешь думать, что это совершалось по заданной мѣрѣ, сообразно принятымъ понятіямъ и убѣжденіямъ; но все

Digitized by Google

станетъ понятно, если смотрѣть на эти событія, какъ на слѣдствіе движеній души, раждаемыхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. «Планида набѣжала такая»,—говоритъ и теперь нашъ народъ о событіи, котораго причинъ отыскать трудно, потому что нѣтъ другихъ, кромѣ влеченій нрава и сердца: человѣкъ не знаетъ самъ утромъ, что́ сдѣлаетъ вечеромъ.

Есть другая пѣсня о томъ же Василіѣ. Герой нашъ является съ тѣмъ же безстрашіемъ, съ тою же удалью и отвагою, но уже подъ другими впечатлѣніями, подъ религіознымъ чувствомъ, которое также составляло черту новгородской души. Василій уже пережилъ первую молодость; но онъ еще не старъ; онъ во славѣ и въ чести, — но въ душу ему западаетъ грустная дума. Вспоминаетъ онъ прокаченную буйную молодость; много грѣховъ на душѣ: надобно отмолить; — онъ собирается въ Ерусалимъ. Такое путешествіе было своего рода удалью. Побывать въ далекой странѣ, повидать всякаго дива, поклониться величайшей святынѣ — это приманчиво для пылкой натуры. Василій приплываетъ откуда-то по Ильменю въ Великій Новгородъ. Пѣсня не говоритъ, откуда онъ возвращается, можетъ быть, съ торговаго дѣла, а можетъ быть съ удалого; а, можетъ быть, и отъ Великаго Новгорода въ посылкѣ былъ; а Великому Новгороду такіе молодцы, какъ Буслаевъ, всегда годились. Онъ оставляетъ караульщиковъ у своихъ суденъ, а самъ идетъ къ матушкѣ; за нимъ храбрая дружина. Онъ проситъ материнскаго благословенія идти въ Ерусалимъ. Старуха подозрѣваетъ, что удалой сынъ вмѣсто Ерусалима пойдетъ ушкуйничать на Волгѣ, либо на морѣ Варяжскомъ. Она какъ будто боится, чтобъ Василій обманомъ не взялъ у ней родительскаго благословенія на дурное дѣло, и говоритъ:

Гой еси ты чадо мое милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!

Digitized by Google

Ты коли поѣдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты дитя на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго—
А и не носи Василія сыра земля!

Она даетъ Василію съѣстные запасы и долгомѣрное оружіе. Василій и теперь еще у ней въ зависимости, какъ въ то время, когда бился съ мужиками новгородскими; и оружія молодецъ не смѣетъ взять безъ воли материнской. «Побереги ты, Василій, свою буйну голову» — говоритъ ему на прощаньи мать. И дѣйствительно, Василій ѣдетъ Богу молиться, а не разбойничать: онъ знаетъ, что ему не посчастливится въ удаломъ дѣлѣ, когда матушка заранѣе дала ему свое проклятіе, если онъ пойдетъ на то.

Они плывутъ по Ильменю, а оттуда по волжскому пути. Въ народномъ воображеніи географическія свѣдѣнія очень смутно представлялись. Много судовъ приплывало съ восточной стороны по Ильменю къ Новгороду. А Ерусалимъ гдѣ-то далеко въ восточной сторонѣ. Стало-быть, и въ Ерусалимъ можно достигнуть, поплывши по Ильменю. Наши паломники плывутъ по Волгѣ: путь ея былъ хорошо извѣстенъ новгородцамъ. Встрѣчаютъ они гостей корабельниковъ.

Бесѣдуя съ гостьми, Василій такъ о себѣ говоритъ имъ:

Мое дѣло не охотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти.

Вотъ чѣмъ объясняется страсть къ паломничеству: надобно загладить старые грѣхи! Когда гости сказали ему, что далѣе на своемъ волжскомъ пути онъ встрѣтитъ разбойниковъ, Василій отвѣчаетъ имъ:

Digitized by Google

А не вѣрую я, Василька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А вѣрую въ свой червленый вязъ;
А бѣгите-ка, ребята, прямымъ путемъ.

Василій, какъ видно, и не робокъ, и вмѣстѣ не суевѣренъ. Это достоинство молодца по народному понятію. Народъ хотя поддается вѣрованіямъ, но сознаетъ, что его идеалъ не долженъ бояться ни примѣтъ, ни предзнаменованій, ни сна, ни чоха. Далѣе это еще яснѣе высказывается.

На дорогѣ съ Василіемъ чудная встрѣча: на горѣ Сорочинской лежитъ (символическое старопѣсенное изображеніе) человѣческій черепъ. Полнота жизни непріятно сталкивается съ унылымъ видомъ ея разрушенія. Василій пихнулъ голову съ дороги; и вдругъ голова проговорила человѣческимъ голосомъ:

Гой еси Василій Буслаевичъ!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешь:
Я молодецъ не хуже тебя былъ!
Умѣю я, молодецъ, валятися;
А на той горѣ Сорочинскія,
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова молодецкая,—
И лежать будетъ головѣ Васильевой!

Василій плюнулъ. «Вѣрно въ тебѣ врагъ говоритъ, — сказалъ онъ—духъ нечистый!» Далѣе другое предзнаменовательное видѣніе — камень; на немъ написано: «кто перескочитъ чрезъ него поперекъ — тому ничего не будетъ; а кто перескочитъ вдоль—тотъ сломитъ буйную голову». Молодцы стали скакать поперекъ—вдоль не смѣютъ перескочить. Василію было приходила охота, да не рѣшился! Еще онъ Ерусалима не видалъ, грѣховъ не отмолилъ; рано ему пропадать! Дорога еще жизнь; за гробомъ страшно. Поплыли молодцы далѣе. Встрѣчаютъ удалыхъ атамановъ; въ пѣснѣ они называются казаками. Явно — это

Digitized by Google

ушкуйники, замѣненные въ позднемъ варіантѣ болѣе современнымъ однозначительнымъ именемъ. Они

Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли.

Они были страшны купцамъ, но Василій не боится ихъ. Василія слава далеко пошла. Атаманы знаютъ его по слуху. Не Василій ихъ испугался; они Василія боятся.

Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ;
Не видали страху великаго:
Это де идетъ Василій Буслаевичъ:
Знать де полетка соколиная;
Видѣть де поступка молодецкая!

Они сошлись въ кругъ, честь отдаютъ славному богатырю. Василій спрашиваетъ у нихъ дороги къ Ерусалиму. Атаманы приглашаютъ его хлѣба-соли вкусить. Василій удивилъ ихъ тѣмъ, что выпилъ вина много-много, столько, сколько изъ нихъ никто не можетъ выпить. Атаманы поднесли ему подарковъ, и, по просьбѣ Василія, дали новгородцамъ провожатаго до Ерусалима.

Прибыли новгородцы въ Ерусалимъ. Василій совершаетъ тамъ дѣла благочестія въ томъ видѣ, въ какомъ слѣдовало по нравственнымъ понятіямъ народа:

Служилъ обѣдню за здравіе матушки,
И за себя, Василія Буслаевича,
И обѣдню съ панихидою служилъ,
По родимомъ своемъ батюшкѣ,
И по всему роду своему!

На другой день служилъ обѣдню съ молебномъ:

Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Что съ молоду бито много, граблено.

Послѣдніе стихи показываютъ, что самое религіозное настроеніе поддерживалось удалью. Молодецъ нашалитъ, надѣлаетъ другимъ зла, а потомъ отмаливаетъ грѣхи, въ

Digitized by Google

Ерусалимъ ѣздитъ, церкви строитъ. Въ заключеніе Василій ѣдетъ купаться въ Ерданѣ-рѣкѣ. Тутъ является ему привидѣніе — баба залѣсная. Въ Русской Землѣ, покрытой дремучими лѣсами и болотами, раздѣлявшими жилыя поселенія одно отъ другого, то, что́ было за *лѣсомъ*—представлялось воображенію зловѣщимъ, страшнымъ, таинственнымъ. Громадность лѣсовъ давала противоположной сторонѣ значеніе далекаго, недоступнаго; оно легко облекалось въ образы фантазіи. Отъ этого существо таинственное, привидѣніе, называется «залѣснымъ». Баба залѣсная возвѣщаетъ Василію, что купаться въ Ерданѣ нельзя, потому что тамъ Христосъ крестился. За это Василій голову потеряетъ. Дружина дала отвѣтъ, который уже прежде смѣльчаки выразили:

Нашъ Василій не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ.

Когда молодцы возвращались домой, встрѣтили они атамановъ, съ которыми видѣлись прежде, и Василій извѣстилъ ихъ, что въ Ерусалимѣ и за ихъ грѣхи помолился:

Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за нихъ положилъ,
Служилъ обѣдню съ молебнами за ихъ, молодцовъ.

Атаманы были довольны, что за нихъ помолились Богу для очищенія ихъ грѣховъ, но грѣшить перестать ни чуть не думали. Василій былъ что-то грустенъ. Онъ не сталъ обѣдать у атамановъ. Онъ торопился. Его предчувствіе томило. Молодцы опять проплываютъ мимо горы Сорочинской; опять взошелъ на гору Василій, и опять толкнулъ пусту́ человѣчью голову. Голова снова проговорила ему то же, что и прежде. Василій опять плюнулъ и прочь пошелъ. Далѣе молодцы встрѣтили знакомый камень съ надписью. На этотъ разъ отвага беретъ верхъ. Не утерпѣлъ

Digitized by Google

Василій. Онъ перепрыгнулъ вдоль и, только четверти не доскочивши — убился до смерти. И сбылось предвѣщаніе черепа; сбылось предсказаніе и залѣсной бабы.

Дружина потеряла храбраго предводителя. Противъ судьбы невозможно устоять, но можно убѣжать отъ нея. Таинственное предвѣщаніе остерегало его; но Василій не былъ бы и богатырь, удалецъ, еслибъ онъ послушался предостереженія. То и молодецъ, что ничему не покоряется, ничего не боится—вѣруетъ въ одну свою силу! Хотя погибъ онъ—да славно, честно, до конца сохранилъ свою свободу, свою мочь-силу. Новгородская душа не любитъ закона, связывающаго дѣятельность — это видно во всей общественной жизни. То же выходило и въ явленіяхъ единичныхъ. Какъ не сдѣлать того, что запрещается, хотя бы за это и грозили? Ужъ лучше пропасть, да не послушаться!

Дружина возвратилась въ Новгородъ. Старая матушка узнаетъ о смерти сына: она теперь круглая сирота въ мірѣ. Ей ничего не нужно. Она отдаетъ казну свою изъ глубокихъ подваловъ удалымъ товарищамъ сына: они теперь ей какъ родные; они напоминаютъ ей Василія. И молодцы возговорили ей таково слово:

Спасибо, матушка Амелѳа Тимоѳеевна,
Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцевъ.
Втапоры матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
Подноситъ дѣвушка-чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они сами, поклонилися,
И пошли добры молодцы
Куда кому захотѣлося [1])!

[1]) Конецъ Василія представляетъ сходство съ окончаніемъ исторической пѣсни объ Иванѣ Коновченкѣ, которая и вообще въ своемъ духѣ имѣетъ сходство съ новгородскою думою. И тамъ такъ же точно козаки возвращаются изъ похода и приносятъ вѣсть матери о смерти

Digitized by Google

X.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ.

Частная жизнь, со всѣми особенностями нравовъ, для насъ остается пока неизвѣстна; только незначительныя черты, вообще отрывочныя, наводятъ на нѣкоторыя предположенія. Нельзя приписывать новгородцамъ такую же народность, каковую имѣли извѣстные намъ, по источникамъ домашнимъ и иностраннымъ, московитяне. Во-первыхъ, русская жизнь повсюду измѣнялась съ XV вѣка, и въ XVII явилась выработанною уже подъ вліяніемъ единодержавнаго уклада; во-вторыхъ, Новгородъ представлялъ и прежде, издавна, своеобразный складъ народности. Всѣ принадлежности быта и обращенія были иныя: другія монеты, другіе вѣсы, мѣры, другія понятія, отличные общественные нравы. Необходимо должны были быть своеобразныя явленія частной домашней жизни. Герберштейнъ въ началѣ XVI вѣка отличалъ новгородцевъ отъ московитянъ и, описывая послѣднихъ въ черномъ видѣ, замѣтилъ, что въ Новгородѣ народъ былъ честный и гуманный, но, по его замѣчанію, московская зараза внесла уже въ край другіе, испорченные нравы, ибо Іоаннъ населилъ его другими людьми [1]). Безъ сомнѣнія, было что-то рѣзко выда-

---

ея сына, который, подобно Василію Буслаевичу, погибъ смѣло и безразсудно, пренебрегая предсказаніями осторожности.

Вдова жалібни слова промовляла:
Всіхъ козаківъ на хлібъ-на-сіль зазывала,
Похороны и весільля Ивасеві одбувала,
Полковникові козацького коня даровала,
Старшимъ шаблі, пищалі Ивасеви роздавала!

[1]) Nam capta civitate archiepiscopum, ditiores et potentiores omnes secum Moscoviae abduxerat, inque horum possessiones subditos suos quasi colonias remiserat, gentem quoque humanissimam ac honestam habebat, sed quae nunc, procul dubio peste moscovitica, quam eo commeantes Mosci secum invexerunt, corruptissima est (Rer. Moscov. 51).

Digitized by Google

вавшееся въ нравахъ если такъ поразило путешественника.

О способѣ построекъ и помѣщеній мы имѣемъ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Такъ какъ пространство Новгорода, въ сравненіи съ его населеніемъ, было не велико, то нельзя думать, чтобы дворы были обширны. Исключеніемъ, можетъ быть, была Прусская улица, гдѣ дворы бояръ, вѣроятно, были просторнѣе, потому что были многолюдны и хозяева содержали большія дворни. Улицы въ городѣ имѣли видъ совсѣмъ отличный отъ московскаго, потому что въ 1507 г. великій князь передѣлалъ ихъ по-московски. Улицы были вѣроятно не широки и не прямы: большое скопленіе строеній этого не допускало. Улицы были мощеныя въ Новгородѣ вѣрно деревомъ, а во Псковѣ быть можетъ плитнякомъ, такъ какъ этого матеріала изобильно въ Псковской Землѣ. На нѣкоторыхъ улицахъ въ Новгородѣ садились ветлы (тополцы) [1]). Во Псковѣ 1473 г. около церкви разсадили яблони [2]).

Домы новгородскіе строились деревянные, на подклѣтяхъ, иногда каменныхъ, въ которыхъ были службы и кладовыя. Во Псковѣ, должно быть, каменныхъ зданій было больше, чѣмъ въ Новгородѣ, потому-что изобиліе плитняка вблизи способствовало ихъ построенію [3]).

---

[1]) О посадкѣ этихъ деревъ упоминается въ XV вѣкѣ. Новг. IV. Въ 1469 г. „почаша тополци садити на Славковѣ улици“; въ 1470 году „на Ѳедоровой улицѣ изъ тополи потекло воды много“. Тополцами и теперь называются ветлы въ деревняхъ псковскихъ.

[2]) Пск. I, 247.

[3]) Замѣчательны въ этомъ отношеніи оставшіяся во Псковѣ каменныя зданія старинной постройки, именно, домы, принадлежащіе хозяевамъ Драуе и Леонову, и казенное зданіе подъ провіантскимъ магазиномъ, называемое Поганкины-палаты.

Первый, принадлежащій Драуе, представляетъ собою одноэтажный домъ съ подклѣтью, входящею въ землю; окна съ полукруглыми верхами, окаймленныя съ наружной стороны лѣпными колонками. Въ

Digitized by Google

На дворахъ, кромѣ главнаго жилья, строились свѣтлицы, называемыя одрины, и клѣти для храненія домашняго груза. Вѣроятно, богатые люди хранили лучшее свое добро въ домахъ и въ церквахъ, или церковныхъ подвалахъ.

настоящемъ положеніи одинъ фасадъ этого дома выходитъ въ переулокъ, другой—противоположный—во дворъ; одна боковая сторона на улицу, другая—противоположная—примыкаетъ къ дому Леонова. Входъ со двора полукруглый; около входа украшенія съ колонками, уже обломались. Входъ ведетъ въ широкую комнату, очевидно бывшую сѣньми. По бокамъ входа по окну, а на противоположной сторонѣ два окна. Слѣдовъ печи нѣтъ. Изъ сѣней въ обѣ стороны по комнатѣ. Въ комнатѣ направо по два окна, на противныхъ одна другой сторонахъ; а на той сторонѣ, которая выходитъ на улицу, окна закладены. Въ комнатѣ налѣво изъ сѣней по три окна на противоположныхъ сторонахъ, а третья сторона пристроена къ дому Леонова. Комнаты пространствомъ 14—15 шаговъ въ длину и въ ширину, верхъ сводообразный, съ закругленными тонко выемками надъ окнами. По угламъ свода по желѣзному висячему кольцу. Въ срединѣ свода также одно кольцо. Въ нѣкоторыхъ окнахъ карнизовъ совсѣмъ нѣтъ, такъ что въ окошечной выемкѣ можно стоять, но есть окна съ карнизами, и потому можно предполагать, что въ другихъ—карнизы выломаны послѣ. Въ комнатахъ есть слѣды печей въ-бокъ отъ входа. Входы съ полукруглыми верхами, чрезвычайно толстые—до 15-ти вершковъ; на этомъ пространствѣ сдѣланы впадины съ полками. Остались желѣзные крюки для дверей. Впадины въ сѣняхъ въ углу; между лѣвою дверью и стѣною, выходящею на улицу, потайная впадина со входомъ, который ведетъ въ узкую восходящую галлерею или ходъ въ срединѣ стѣны. Куда ведетъ она, неизвѣстно, но чуть-ли прежде не было надстроено верхняго этажа надъ домомъ, а послѣ онъ снятъ. Подъ домомъ подвалы безъ оконъ.

Домъ Леонова примыкаетъ къ дому Драуе и его стѣны перпендикулярны къ стѣнамъ послѣдняго. Главный входъ былъ со двора, принадлежащаго теперь дому Драуе и уже задѣланъ. Около него были колонны и лѣпныя украшенія; теперь входъ съ противоположной стороны, съ двора Леонова. По каменной лѣстницѣ вы входите въ присѣнокъ, прежде бывшій крыльцомъ съ ажурными арками съ сѣверной и восточной стороны; видны новыя вставки между столбовъ, служившихъ продолженіемъ свода до низа. Входите въ сѣни. На про-

Digitized by Google

При дворахъ разводились огороды и садики. Деревянныя строенія на улицахъ перерывались каменными церквами, которыхъ было множество; около церкви пускалось просторное мѣсто для торговли и также для погребенія. Тамъ

тиволежащей сторонѣ слѣды прежней заложенной двери главнаго входа. Изъ сѣней по обѣ стороны—по широкой (до 14-ти шаговъ) комнатѣ. Въ комнатѣ налѣво съ двухъ сторонъ по три окна, третья примыкаетъ къ дому Драуе; посреди этой стѣны мѣсто для печи, которая, кажется, нагрѣвала равнымъ образомъ и оборотную сторону комнаты въ домѣ Драуе. Надъ окнами закругленныя тонкія выемки отъ свода. По угламъ желѣзныя кольца, а по срединѣ свода одно кольцо. На правой сторонѣ комната съ тремя окнами на каждой изъ трехъ сторонъ. На сторонѣ, гдѣ входъ, по бокамъ отъ входа впадины съ полками. Изъ сѣней, по обоимъ бокамъ заложеннаго главнаго входа, два входа въ стѣну съ дверьми; когда дверь растворяется, то окно, находящееся въ стѣнѣ прямо противъ входа, освѣщаетъ сѣни. Узкая каменная лѣстница ведетъ въ сѣни верхняго этажа, двумя входами по обѣимъ сторонамъ окна, выходящаго на дворъ Драуе. Въ обоихъ входахъ окна освѣщаютъ сѣни, когда двери растворены. Противъ этихъ двухъ входовъ изъ стѣны на противоположной сторонѣ выходъ на верхнее крыльцо подъ навѣсомъ, теперь уже сломаннымъ: тутъ была наружная галлерея, кончавшаяся, вѣроятно, лѣстницей прямо внизъ. По обѣимъ сторонамъ—комнаты очень свѣтлыя, съ тремя окнами на каждой изъ трехъ сторонъ. Между окнами впадины. Вмѣсто сводовъ были потолки. Подъ домомъ подклѣти со сводами. Хотя онѣ входили въ землю, но были жилыя: ихъ освѣщаютъ сверху узкія окна со ступенями, восходящими къ нимъ отъ земли; вышина отъ 4-хъ до 5-ти аршинъ.

Поганкины-палаты поражаютъ своею величиною, когда примемъ во вниманіе, что вообще домашняя жизнь встарину не требовала огромныхъ домовъ для помѣщенія. Это трехстороннее зданіе или, лучше сказать, фасадъ съ боковыми, по краямъ неравными по высотѣ, флигелями. Правая сторона трехъэтажная, а остальная часть лѣвой одноэтажная. Теперь это зданіе занято провіантскимъ магазиномъ; вѣроятно уже въ позднія времена въ правой его сторонѣ прорублена изъ окна дверь во второмъ этажѣ. Старинный входъ во второй этажъ остается въ средней части по каменной лѣстницѣ. Войдя въ сѣни, передъ вами двѣ части средняго этажа по обѣ стороны; захотите по-

Digitized by Google

посреди города около церквей и хоронили мертвых. Такъ какъ у богатыхъ людей были около города дворы и села, то, вѣроятно, все домашнее заведеніе у нихъ было, преимущественно, въ загородныхъ имѣніяхъ, а въ городѣ дворъ стоялъ только для пріѣзда.

вернуть налѣво—вы должны взойти нѣсколько ступеней вверхъ: пройдете три комнаты, одна за другой; потомъ заворачиваете въ четвертую, составляющую заворотъ второго этажа средней стороны, со сводами съ заостренными выемками надъ окнами и со впадинами въ разныхъ мѣстахъ: иныя съ полками вмѣсто шкафовъ, другія въ ростъ человѣка. Возвратившись назадъ и сошедши со ступеней, на которыя всходили, войдете въ другую часть средняго этажа. Проходите двѣ комнаты въ рядъ со сводами. Одна изъ этихъ комнатъ, будучи угольною, равнымъ образомъ составляетъ часть какъ средней, такъ и правой стороны. Она освѣщена съ двухъ сторонъ, прочія съ одной: быть можетъ прежде были окна и на другой. Въ одной комнатѣ окна расположены такъ, что на стѣнѣ ихъ три, но одно выше другихъ, другія два одно подъ другимъ. Верхи оконъ полукруглы. Своды въ однихъ съ выемками, въ другихъ безъ нихъ. Есть желѣзныя кольца и въ одномъ кусокъ желѣзной цѣпи. Входы изъ комнатъ въ комнаты съ закругленными верхами. Какъ во входахъ, такъ и въ окнахъ остались крюки для дверей и оконницъ. Вездѣ въ комнатахъ впадины въ стѣнахъ, иногда съ полками. Стѣны толстыя, плитяныя. Входы между комнатами до 9 четвертей шириною, а въ окнахъ до 7-ми. Нѣкоторыя окна съ желѣзными рѣшетками. Въ третьей комнатѣ два углубленія въ стѣнѣ, изъ которыхъ одно было отхожимъ мѣстомъ. Въ первой комнатѣ видны слѣды того-же въ закоулкѣ, гдѣ продѣлано свѣтлое отверстіе въ стѣнѣ ко входу, ведущему куда-то внизъ. Изъ четвертой комнаты идетъ въ стѣнѣ входъ въ третій этажъ. Тамъ пять комнатъ. Сводовъ нѣтъ, но были потолки, теперь уже несуществующіе: остались только балки, на которыхъ были утверждены доски. Въ верхнемъ этажѣ окна и входы также съ полукруглыми верхами. Комнаты вообще очень свѣтлы, особенно угольная: тамъ стоитъ каменный столбъ, украшенный обводами; онъ проведенъ черезъ средній этажъ внизъ и вѣрно служилъ для поставца. Печей теперь нѣтъ нигдѣ. Внизу подклѣть опускается въ землю, раздѣлена сообразно среднему этажу, также на комнаты, освѣщаемыя каждая однимъ небольшимъ окномъ вверху. Стѣны не обмазаны. Очевидно, эти под-

Digitized by Google

Объ утвари, одеждѣ, пищѣ, извѣстій мало. Домашняя утварь зажиточныхъ людей необходимо должна была быть привозная, европейская, получаемая черезъ нѣмецкую торговлю. На пирахъ пили изъ золоченыхъ кубковъ и оправленныхъ роговъ. Названія одеждъ, которыя мы знаемъ изъ московской жизни, въ Новгородѣ и Псковѣ не были извѣстны вовсе: едва-ли могли быть тамъ въ употребленіи татарскія названія, какъ кафтанъ, армякъ и проч.; потому что татарскіе нравы не проникали въ эти города, жившіе старою славянскою жизнію. Напротивъ, упоминаются одежды древнія. Въ холодъ новгородецъ и псковичъ надѣвалъ шубу, и подпоясывалъ ее поясомъ; въ сырую погоду опашень, верхній плащъ. Другое названіе новгородской одежды было—«мятель», вѣроятно, обыкновенная домашняя, равняющаяся зипуну. Одежды мужскія были суконныя, цвѣтовъ яркихъ, особенно пунцоваго. Для простыхъ одеждъ сукно различное, капелюкъ и орница—шерстяныя матеріи. Богатыя одежды передавались по наслѣдству дѣтямъ отъ отцовъ и матерей [1]). Грудь богатаго новгорода украшалась золотой цѣпочкой; на пальцахъ носили перстни. Женщины носили перстни, а въ ушахъ *колтки* (подвѣски) [2]), на рукахъ браслеты: разныя украшенія женскія назывались, вообще, *крутою*, и составляли необходимость въ приданомъ. Есть въ церкви Николы Качанова въ Новго-

---

клѣти не были обитаемы, но служили кладовыми. Въ подклѣть ведутъ два входа: одинъ на середней, другой на правой сторонѣ; части подклѣти, куда ведутъ различные входы, не имѣютъ между собою сообщенія: быть-можетъ оно было прежде, но завалено. Одноэтажная часть лѣвой стороны заключаетъ двѣ обширныя комнаты и была прежде поварней, какъ это видно по широкимъ отверзтіямъ, особенно по срединѣ, гдѣ, какъ видно ясно съ перваго раза, была большая печь, устроенная такъ, что вокругъ нея можно было ходить.

[1]) Ак. Юрид. 432.

[2]) А. Ю. 432.

Digitized by Google

родѣ вытертый образъ: на немъ изображено молящееся семейство. Образъ этотъ XV-го вѣка [1]). На немъ — нѣсколько мужскихъ и одно женское лицо. На мужскихъ одежда до колѣнъ, съ поперечными нашивками на груди, по обѣимъ сторонамъ передняго разрѣза; одежды эти краснаго и зеленаго цвѣтовъ, штаны черные и зеленые вкладываются въ сапоги. Сапоги у всѣхъ красные, съ высокими голенищами. На плечахъ, сверхъ этой одежды, накинутъ плащъ съ откидными рукавами; плащи черные, у всѣхъ съ отложными красными воротниками. У женщины подобное одѣяніе; только разница та, что одежда доходитъ до ступней, безъ нашивокъ; на головѣ шапочка, повязанная убрусомъ, подвязаннымъ подъ подбородокъ. Новгородцы носили бороды; на головѣ—клокъ волосъ, спускавшійся съ макушки. Изъ нравственно-аскетическихъ поученій стараго времени видно, что щеголи заботились о волосахъ, мазали ихъ пахучими маслами, подстригали на лбу, и заплетали такъ, что дѣлали особаго рода прическу, которую называли кикою, а бороды для красоты подстригали. Все это охуждалось благочестивыми [2]). Дѣвушки носили косы съ лентами. О пищѣ намъ извѣстно, что хлѣбъ употреблялся ржаной, а пшеничный шелъ на калачи; богатые люди употребляли калачи къ столу. Каша была обычное кушанье. Обыкновенно продовольствіе состояло въ мясѣ и рыбѣ: этими предметами означалось вообще обиліе. Лакомствами были овощи и медъ. Напитки, употребительные у новгородцевъ, были: пиво, брага, медъ и вино, доставляемое отъ иноземцевъ. Изъявленіемъ веселости и радушія былъ пиръ, который въ Новгородѣ человѣкъ

[1]) По году (6995) можно считать это семейство изъ переведенныхъ въ Новгородъ послѣ паденія независимости; но изъ надписи видно, что икона была заказана не тѣми, которые на ней изображены (сравн. Макарія Оп. церк. древн. II. 79).

[2]) Кирилло-Бѣлоз. Библ. Сб. Рук. XV-го вѣка.

Digitized by Google

зажиточный считалъ обязанностью дѣлать для множества гостей и тѣмъ поддерживалъ свое значеніе. Въ особенности считалось почетомъ и дѣломъ вѣжливости дѣлать пиръ для уважаемаго гостя. Иноземецъ, заѣхавшій въ Новгородъ, если знакомился съ новгородцами, подавалъ предлогъ къ учрежденію пировъ. Такъ французъ Ляннуа, заѣхавшій въ Новгородъ въ началѣ XV-го вѣка, говоритъ, что ради его давали пиры владыка и посадникъ. Къ сожаленію, этотъ путешественникъ не передалъ намъ подробностей пировъ, на которыхъ былъ самъ, но счелъ нужнымъ замѣтить, что обычаи, наблюдаемые при пирѣ, показались ему странными и непривычными. Когда князь пріѣзжалъ въ Новгородъ, избирался и поставлялся владыка—всегда торжество сопровождалось пиромъ. Князь Изяславъ Мстиславичъ, желая пріобрѣсть расположеніе новгородцевъ, сдѣлалъ пиръ для цѣлаго города. Какъ много значили пиры въ Новгородѣ и какъ легко было, посредствомъ хлѣбосольства, пріобрѣсть расположеніе, показываетъ то, что Борецкіе дѣлали пиры, и черезъ то подбирали себѣ партіи. Такъ и въ пѣснѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ, Ильмень-озеро совѣтуетъ ладить съ новгородцами, почаще ихъ кормить обѣдами. Послѣ пировъ въ обычаѣ было дарить гостей. Исполняя этотъ обычай, и Ивану III-му подносили подарки, когда онъ посѣщалъ Новгородъ, приготовляя ему паденіе. Существовалъ обычай встрѣчать и провожать гостей съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ. Такъ, отпуская своихъ князей, псковичи провожали ихъ до рубежа съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ и вологою [1]). Когда въ 1473-мъ году, въ Изборскѣ, псковичи встрѣчали невѣсту великаго князя Ивана Васильевича, то отрядили шесть насадовъ, въ которые усѣлись посадники и бояре. Какъ только

[1]) Собирательное названіе, означавшее разныя съѣстныя снадобья, получаемыя отъ коровъ: масло, молоко, сметану, творогъ.

Digitized by Google

нареченная невѣста причалила къ берегу, они вышли изъ своихъ насадовъ, налили золоченые кубки и рога медомъ и виномъ и, подошедши къ ней, кланялись и били челомъ. Гостья должна была принять поднесенное въ честь и любовь. Послѣ ея пріѣзда на княжій дворъ, посадникъ и бояре снова оказывали ей почесть поднесеніемъ вина и меда, раздавали тоже напитки и кушанья слугамъ и кормили ея лошадей. Царевна благодарила на хлѣбѣ, соли и вологѣ. Кажется, эти предметы, упоминаемые неоднократно, символизировали гостепріимство. Отпуская ее изъ города, псковичи, посадники и бояре, провожали ее также съ хлѣбомъ, солью, виномъ и медомъ до самаго рубежа. Такъ же псковичи встрѣтили посылаемаго къ нимъ отъ великаго князя для защиты отъ нѣмцевъ князя Даніила Холмскаго [1]),

Это описаніе можетъ служить образчикомъ почетовъ, оказываемыхъ разнымъ гостямъ. Подобное наблюдалось и въ каждомъ домѣ. Почетнаго гостя встрѣчали на дворѣ и провожали съ символическими знаками. Товарищескіе пиры—братчины, имѣли общественное значеніе; это было средство сближенія между собою; это были, такъ-сказать, общественные митинги, гдѣ не только пировали и веселились, но и толковали о дѣлахъ. Братчина имѣла уваженіе въ народномъ мнѣніи, и ей, какъ отдѣльной корпораціи, предоставляли самосудъ и самоуправленіе. Братчины сбирались иногда улицами, т.-е. жители улицы вмѣстѣ учреждали братчину, иногда въ храмовые праздники, и потому говорилось—братчина-никольщина, братчина-покровщина. Участники давали свой удѣлъ въ братчину [2]). При большомъ количествѣ участниковъ, братчины

[1]) Пск. Л. I. 247.

[2]) Мнози совѣщавшіе даютъ злотники кождо отъ себе, яко купять брашна различна, и вино, и творятъ трапезу богату, и собравшеся купно ядятъ и піютъ.

Digitized by Google

отправлялись, вѣроятно, на воздухѣ, особенно въ неслишкомъ холодное время. Иногда на такихъ братчинахъ сходились нетолько мужчины, но и женщины, и послѣ пира начиналась пляска [1]).

Пиры новгородцевъ пріобрѣли значительность въ свое время, и пастыри особенно вооружались противъ нихъ, такъ какъ вообще съ церковнаго взгляда почиталось грѣшнымъ дѣломъ всякое увеселеніе [2]).

Свадьбы совершались обыкновенно зимой, такъ что время зимняго мясоѣда называлось: о свадьбахъ [3]). Свадьба была временемъ домашнихъ пировъ и веселій. Она сопровождалась всегда пирами, которые назывались кашею. Такъ Александръ Невскій, женившись на дочери полоцкаго князя Брячислава, вѣнчался въ среднемъ на пути между Новгородомъ и Полоцкомъ городѣ Торопцѣ; тамъ учредилъ одну кашу, а другую въ Новгородѣ, по своемъ возвращеніи съ новобрачною. Свадебные обряды въ Новгородѣ, вѣроятно, представляли отличія отъ другихъ русскихъ; но они намъ неизвѣстны; а что они были встарину отличны, видно изъ того, что и теперь въ мѣстахъ, гдѣ только потомство новгородской народности сохранилось болѣе, чѣмъ въ дру-

---

[1]) Древняго обычая пріимше человѣцы, еще собратися на нарочитыхъ мѣстахъ, или при церквахъ, въ память святыхъ, мужи и жены сходящеся пиры творять, и опившеся плящуть срамно, и ина нѣкая безобразія творять. (Изъ сборн. XV в. Кириллo Бѣлоз. Библ.).

[2]) Въ грамотѣ Фотія, архипастырь нападаетъ на эти обычаи въ Новгородѣ: „пьянства лишитися лишняго и пировъ, болѣ же егда бываетъ говѣніе.... не токмо творите милостыню, и тако возвращаемся на злая дѣла и на пьянство, и на совокупленіе пиромъ, и на чревообъяденіе“... Священнослужителямъ дается поученіе: „не буди кощунникъ, ни игрецъ, ни пьяница.... ни складовъ пировныхъ творя, но инымъ возбраняй.“

[3]) Псков. 1. 43.

Digitized by Google

гихъ краяхъ, есть важныя отличія отъ свадьбы русской вообще [1]).

Изъ старинныхъ памятниковъ видно, что женщина пользовалась юридическимъ равенствомъ съ мужчиною. Жена могла владѣть своими вотчинами, своимъ имуществомъ, могла пріобрѣтать его и передавать, и вести дѣла отъ себя. Въ случаѣ нужды, женщинѣ, такъ же какъ и мужчинѣ, присуждали поле, и во Псковѣ позволяли нанимать наймитовъ. Равнымъ образомъ приводили женщинъ ко крестному цѣлованію. Изъ извѣстія подъ 1418-мъ годомъ видно, что женщины являлись даже на вѣче, потому что тогда женщина обвиняла боярина Божина. При паденіи независимости Новгорода, Иванъ Васильевичъ приказалъ приводить къ присягѣ на вѣрность не только мужчинъ, но и женщинъ: значитъ за ними признавали самобытную дѣятельность. По псковской судной грамотѣ, по взаимному имуществу, предоставляется равное право какъ мужу, такъ и женѣ; напр. когда мужъ умретъ безъ завѣщанія (безъ рукописанія), то вотчина его остается женѣ до ея смерти если она не пойдетъ замужъ; такъ же точно, по смерти

[1]) Между прочимъ замѣчателенъ обычай, показывающій бо́льшую свободу женскаго пола, чѣмъ въ Московщинѣ. Такимъ образомъ, когда въ старой Московщинѣ, невѣста была закрыта до самаго того времени, когда дѣлалась женою, у новгородцевъ таковъ обычай: женихъ съ своимъ поѣздомъ, „вершниками“ (дружками) и тысячскимъ пріѣзжаютъ къ невѣстѣ; невѣсту выводятъ закрытую; но тысячскій и вершники кричатъ: „Мы не фату пріѣхали смотрѣть, а невѣсту!“ Невѣсту открываютъ. Тогда они спрашиваютъ жениха: люба ли ему невѣста, а невѣсту—любъ ли ей женихъ? И тотъ и другая отвѣчаютъ поклономъ другъ другу, потомъ невѣста подноситъ всѣмъ вина и, наконецъ, чокается съ женихомъ чарками: оба стараются ударить сильно, такъ чтобъ изъ своей чарки вылилось вино въ другую, а кто пересилитъ, тотъ будетъ имѣть первенство, по народной примѣтѣ. Этотъ обычай, не наблюдаемый въ Московщинѣ, намекаетъ на такіе нравы, гдѣ женщина стояла съ достоинствомъ въ понятіи и общественномъ значеніи.

Digitized by Google

жены, мужъ владѣлъ ея вотчиной, пока самъ не вступитъ въ другой бракъ,—и когда мужъ, умирая, назначалъ изъ своего имѣнія часть женѣ, если она послѣ его смерти пойдетъ замужъ. Дѣвушкѣ по завѣщанію оставлялась родительская часть—надѣлокъ; а если родители умерли. то братья считали обязанностью выдать ее замужъ съ надѣлкомъ. Между тѣмъ у Лянnуа есть извѣстіе чрезвычайно странное, будто новгородцы продавали публично женъ своихъ за грины. Авторъ еще и замѣчаетъ несообразность такого поступка съ понятіями, господствующими у западныхъ христіанъ. Это извѣстіе нельзя не признать грубою ошибкою. Новгородцы, какъ христіане, никакъ не могли сохранить такихъ чертъ въ XV вѣкѣ, а еслибъ онѣ были, то, вѣроятно, какъ-нибудь упомянули бы объ этомъ церковные учители, которые часто преслѣдуютъ пороки своего общества. Вѣроятно, Лянnуа видѣлъ продажи рабынь или передачу любовницъ, ибо´нѣкоторые дозволяли себѣ жить невѣнчанными, противъ чего дѣйствительно вооружаются пастыри, хотя въ позднее время [1]). Вообще въ новгородскомъ быту связь родовая должна была сдѣлаться слабѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Руси. Это видно по скопленію бездомовныхъ гулякъ. Эти молодцы были выкидыши изъ родовъ. Семьи неизбѣжно дробились болѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ, что́ соблюдается даже и теперь въ селахъ древняго новгородскаго края. Въ Новгородѣ сильно развитъ былъ духъ артельничества, товарищества,

[1]) Такъ въ одномъ посланіи митрополита Фотія къ новгородцамъ говорится оффиціально священникамъ: „а которіи не по закону живутъ съ женами безъ благословенія поповскаго понялися, тѣмъ епитимія три лѣта, какъ блуднику, да совокупити ихъ, и учите и приводите ихъ къ правиламъ вѣры, дабы съ благословеніемъ съ женами, а не съ благословеніемъ восхотятъ жити, ино ихъ разлучити, аще не послушаютъ, и вы, попы, не принимайте ихъ приношенія и дары имъ не давайте.

Digitized by Google

и это уже служитъ признакомъ слабости родовыхъ связей. Въ товарищества сходились лица, несвязанныя родовыми узами, по крайней мѣрѣ товарищества составлялись не на основаніи родственныхъ, кровныхъ связей, а на условіяхъ взаимной выгоды. Таковы были товарищества купеческія, промышленныя; таковы были и военныя—ушкуйническія. Духъ необузданной свободы, привычка и средства распоряжаться собою по произволу, препятствовали усиленію родоваго деспотизма. Изъ всѣхъ примѣровъ, указывающихъ на связи между собою новгородцевъ, замѣтно, что связи по мѣсту жительства и по способу занятій брали вездѣ верхъ надъ ними. Жители одной улицы составляли между собою корпорацію по мѣсту жительства: нельзя предположить, чтобы тутъ участвовали какія-нибудь родовыя отношенія,—всякій могъ поселиться на улицѣ, перейти въ другую, выйти вонъ изъ Новгорода—всѣмъ была вольная воля. Еще менѣе это возможно въ товариществѣ по способу занятій.

Обычная забава новгородцевъ была, какъ уже былъ случай упомянуть, примѣрная драка палками и борьба. Князья и бояре тѣшились охотою за звѣрьми и птицами. Такъ какъ остатки веселаго язычества долго еще существовали въ жизни, не поддаваясь христіанской строгости, то у народа были свои завѣтныя забавы, напримѣръ, праздникъ Купала, или веселой Радуницы, съ разными играми, плясками и обрядами. Но церковь старалась вывести эти забавы: въ 1357-мъ году новгородцы утвердили между собой крестнымъ цѣлованіемъ «бѣсовскихъ игръ не играти, и бочекъ не бити» [1]). Попадать въ бочки—древняя славянская игра, употребительная до сихъ поръ у Хорутанъ [2]). Подобное описаніе бѣсовскихъ игръ, ясныхъ остат-

[1]) Никон. III, 211.

[2]) О битьѣ бочекъ см.: „Русская Старина“ 1880 г. январь, статья Н. И. Костомарова по поводу книги А. Никитскаго: „Великій Новгородъ. Очеркъ внутренней Исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ“.

Digitized by Google

ковъ язычества, представляетъ посланіе Памфила, игумена Елизарьевой пустыни [1]). Эти забавы сопровождались суевѣріями, исканіями зелій и кладовъ [2]). Порицая такія забавы, Церковь преслѣдовала волхвованіе, состоявшее, какъ остатокъ язычества, въ тѣсной связи съ этими потѣхами.

Народъ тѣшился игрою скомороховъ. Они ходили по городамъ и по селамъ, и представляли разныя сцены, такъ называемыя дѣйства изъ жизни—свойскій зачатокъ драматическаго искусства. Они сопровождали свои представленія пѣснями и музыкою, которая состояла изъ гуслей струнныхъ, сопѣлей, свистѣлей и бубенъ. Въ новгородскомъ краѣ эти странствующіе актеры — веселые молодцы,—кажется, были многочисленнѣе, чѣмъ еще въ другихъ краяхъ, потому что свобода давала просторъ ихъ дѣятельности. Народъ любилъ сценическія представленія. Любовь къ сценизму видна уже изъ того, что въ Новгородѣ ввелись даже въ церковный обиходъ сценическія представленія, которыхъ не видно въ другихъ земляхъ, напр., на праздникъ трехъ отроковъ — сценическое представленіе

---

[1]) Егда бо придетъ самый праздникъ Рождество Предотечево, тогда во святую ту нощь мало не весь градъ возмятется, и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны, и въ сопѣли, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатонинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніе и устнами ихъ непріязненъ кличь; вся скверные бѣсовскіе пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе, ту же есть мужамъ и отрокомъ великое паденіе, ту же есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ воззрѣніе, тако же есть и женамъ мужатымъ осквернение, и дѣвамъ растлѣніе. Что же бысть во градѣхъ и селѣхъ въ годину ту? Сотона красуется... кумирское празднованіе, и проч.

[2]) Исходятъ огавницы мужіе и жены, чаровницы по лугомъ и по болотомъ, и въ пустыни, и въ дубравы ищущи смертныя отравы, отравнаго зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ, ту же и дивія коренія копаютъ на потвореніе мужемъ своимъ. Пск. I, 279.

Digitized by Google

чуда огненной пещи халдейской, отправляемое въ самой церкви во время заутрени. О новгородскихъ скоморохахъ можетъ дать понятіе, хотя слабое, пѣсня о новгородскомъ гостѣ Терентьищѣ, которая, какъ и нѣкоторыя другія, будучи первоначально новгородскаго состава, дошла до насъ не иначе, какъ перешедши черезъ вліяніе послѣдующихъ вѣковъ, усвоенная и передѣланная поколѣніями другой народности, заступившей въ Новгородской Землѣ старую народность.

Богатый гость Терентьище жилъ въ подгородной слободѣ Юрьевской, то-есть около Юрьевскаго монастыря, гдѣ дѣйствительно издавна были дворцы зажиточныхъ людей. Онъ былъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ. Жена у него Авдотья Ивановна—молодая и привѣтливая. Она раскапризничалась, кричитъ что больна,

Расходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
Пустилъ недугъ къ сердцу.

Она требуетъ, чтобы мужъ шолъ искать лекарей, которые не могли быть ничѣмъ другимъ, какъ волхвы. Терентьище —

Онъ жены своей слушался,
И жену-то во любви держалъ.

Взявши деньги, отправился онъ искать волхвовъ, и повстрѣчалъ скомороховъ.

Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи очестливые.

Они взялись вылечить жену Терентьища. По ихъ приказанію, онъ влѣзъ въ мѣшокъ и взялъ дубинку; они понесли его въ его домъ и сказали женѣ, что принесли ей поклонъ отъ Терентьища, что Терентьища они нашли

Digitized by Google

мертваго и его клюютъ вороны. Молодая жена обрадовалась, избавившись отъ постылаго стараго мужа, и приглашаетъ запѣть ей про него пѣсенку. Скоморохи усѣлись на лавкѣ, заиграли на гусельцахъ и запѣли пѣсенку, призывая въ ней мѣшокъ зашевелиться, а Терентьище вылѣзть оттуда. Тогда Терентьище, раздосадованный на жену, выскочилъ изъ мѣшка и выгналъ дубинкою отъ жены изъ-за занавѣса недугъ, который выскочилъ въ окно и чуть головы не сломилъ, а на мѣстѣ оставилъ и платье, и деньги.

Такими-то дѣйствами тѣшили скоморохи свою публику, представляя ей сцены домашней жизни.

XI.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ БѢДСТВІЯ.

И Новгородъ, и Псковъ въ теченіи своей исторіи подвергались физическимъ бѣдствіямъ, потрясавшимъ благосостояніе жителей и нарушавшимъ спокойное теченіе общественной жизни. Очень часто жители этихъ городовъ страдали отъ пожаровъ. Нѣкоторые изъ этихъ пожаровъ, правда, были незначительны и ограничивались сгорѣніемъ двухъ-трехъ дворовъ и одной церкви; но другіе до того были опустошительны, что истребляли значительныя части города, а иногда, какъ случилось однажды во Псковѣ, и весь городъ заразъ. Въ XII-мъ вѣкѣ въ Новгородѣ упоминается о семи пожарахъ: изъ нихъ были четыре на Торговой сторонѣ, три на Софійской, въ Людиномъ и Неревскомъ концахъ разомъ. Изъ нихъ важнѣйшіе въ 1153, 1181, 1194, особенно послѣдній. Онъ замѣчателенъ былъ тѣмъ, что въ разныхъ мѣстахъ этихъ концовъ одинъ разъ за другимъ вспыхивало пламя, невидимо, по выраженію

Digitized by Google

лѣтописца, и люди до того перепугались, что жили нѣсколько времени въ полѣ. Тогда на всю новгородскую волость нашла, такъ сказать, пожарная эпидемія; вслѣдъ за новгородскими пожарами горѣло Городище, горѣла Ладога, горѣла Руса [1]).

Въ XIII вѣкѣ было семь большихъ пожаровъ: изъ нихъ три на Торговой, три на Софійской, одинъ на обѣихъ сторонахъ разомъ [2]). Пожаръ 1290 года произошелъ отъ междоусобія: тогда сожгли Прусскую улицу. Пожаръ 1299 года былъ въ самую пасхальную ночь, — загорѣлось на Варяжской улицѣ; поднялась буря съ вихремъ; и вдругъ загорѣлось совершенно далеко оттуда, въ Неревскомъ концѣ, на Софійской сторонѣ; горѣло на обѣихъ сторонахъ до свѣта; сгорѣло много людей; въ церквахъ много товаровъ погибло; а удалые воспользовались суматохою и общею бѣдою — пустились грабить товары въ церквахъ. Тогда,—говоритъ лѣтописецъ,—вмѣсто праздничной радости, была намъ утромъ скорбь и сѣтованіе. XIV-й вѣкъ былъ особенно изобиленъ пожарами. Записано девятнадцать [3]); изъ нихъ четыре были на обѣихъ сторонахъ разомъ, девять на Торговой, а шесть на Софійской. Нѣкоторые пожары отличаются своею важностію. Въ 1311 году было три пожара въ Неревскомъ концѣ; сгорѣло тогда болѣе сорока церквей; и много сгорѣло добрыхъ домовъ, — говоритъ лѣтопись, — а недобрые люди по обычаю грабили; точно то же повторилось на Торговой сторонѣ; и тамъ окаянные

---

[1]) Эта черта сохранилась до нашего времени въ Россіи, и примѣръ новгородской исторіи указываетъ на глубокую ея древность. Извѣстно, что въ недавнія и близкія къ намъ времена бывали случаи, когда города горѣли безпрестанно, пожары слѣдовали одинъ за другимъ и распространялись полосами.

[2]) 1211, 1217, 1231, 1267, 1275, 1290, 1299.

[3]) 1311, 1326, 1329, 1340, 1342, 1347, 1348, 1368, 1371, 1379, 1384, 1385, 1386, 1390, 1391, 1394, 1396, 1397, 1399 г.

Digitized by Google

человѣцы,— какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, — не боясь Бога, или не жалѣя своей братьи въ бѣдѣ, поспѣшали исхитить чужое добро отъ огня, чтобъ прибрать его въ свои руки. Въ пятомъ десятилѣтіи XIV-го вѣка были четыре сильные пожара. Въ 1340 г. обратилась въ пепелъ значительная часть концовъ Неревскаго и Людина; огонь прошелъ въ Дѣтинецъ; сгорѣли владычныя палаты, огорѣла Софія; такой былъ пожаръ,—говоритъ лѣтописецъ,— что думали мы, вотъ кончина наступаетъ: поднялась буря съ вихремъ; огонь перешелъ на другую сторону чрезъ Волховъ; значительная часть Славенскаго конца сгорѣла; захватилъ огонь и Плотницкій; люди не успѣвали выносить ни изъ церквей, ни изъ домовъ товаровъ и пожитковъ; а кто что и вынесъ на поле, или на огороды, или въ лодки, или въ учаны, — то лихіе люди все пограбили. Молодцы врывались въ церкви, пока не дошелъ туда огонь, и расхватывали товары и церковное имущество. Въ 1342 году повторился сильный пожаръ на Софійской сторонѣ и на жителей напалъ такой паническій страхъ, что они бѣжали изъ города и расположились въ полѣ или на водѣ въ ладьяхъ; такъ продолжалось недѣлю, а лихіе люди, которые не слишкомъ Бога боялись, воровали и грабили. Изъ остальныхъ пожаровъ сильны и опустошительны были пожары въ 1368, 1385, 1391 и 1399 г. Тогда погибали отъ огня и люди; такъ въ 1385 г. вся Торговая сторона сгорѣла и погибло 70 человѣкъ. Въ 1399 г. также сгорѣла большая часть Торговой стороны; много людей погибло отъ огня, много потонуло въ Волховѣ во время смятенія. Такой лютый былъ пожаръ,—говоритъ лѣтописецъ, — что огонь по водѣ ходилъ. Въ XV вѣкѣ упоминается о пожарахъ подъ десятью годами [1]): пять на Торговой, четыре на Софійской сторонѣ города, и одинъ на обѣихъ сторо-

[1]) 1403, 1405, 1406 1407, 1419, 1424, 1432, 1433, 1442, 1471.

Digitized by Google

нахъ разомъ. Пожаръ 1442 года замѣчателенъ тѣмъ, что онъ возобновлялся три раза сряду въ разныхъ мѣстахъ на Торговой сторонѣ и привелъ жителей въ ожесточеніе, такъ что начали хватать разныхъ лицъ, кто только имѣлъ несчастіе не понравиться толпѣ, и бросали въ огонь. Не видно, чтобъ новгородцы принимали какія-нибудь мѣры предупрежденія. Пожары считались Божьимъ наказаніемъ и противъ нихъ можно было защищаться молитвою. Въ 1342 году владыка со игумены и попы замыслилъ постъ; и ходило духовенство по монастырямъ и церквамъ съ крестами; и весь Новгородъ молился Богу и пресвятой Богородицѣ, дабы отвратить отъ себя праведный гнѣвъ небесный.

По Псковской Лѣтописи пожары во Псковѣ исчисляются только въ двухъ столѣтіяхъ XIV и XV. Число пожаровъ чрезвычайно не равномѣрно; такъ въ XIV и XV вѣкахъ упоминается ихъ только три [1]), но всѣ были значительны, такъ что въ 1386 году сгорѣлъ весь городъ. Въ XV вѣкѣ и началѣ XVI, до паденія независимости Пскова, они насчитываются подъ двѣнадцатью годами, [2]); а подъ нѣкоторыми было по два въ годъ; пожары эти вообще были опустошительны, иногда выгоралъ весь городъ.

Моровыя повѣтрія и повальныя болѣзни неоднократно опустошали новгородскій и псковскій край. Теперь трудно отдѣлить тѣ случаи, когда, подъ упоминаемымъ въ лѣтописяхъ словомъ «моръ», слѣдуетъ разумѣть дѣйствительное моровое повѣтріе и когда—такія повальныя болѣзни, которыя не умѣли лѣчить и потому онѣ наносили истребленія. Между множествомъ случаевъ смертности обыкновенно железа служатъ признакомъ болѣзни; можетъ быть,

---

[1]) 1320, 1337, 1386.

[2]) 1426, 1433, 1451, 1458, 1459, 1465, 1466, 1471, 1493, 1496, 1500, 1507.

Digitized by Google

это были повальныя воспаленія горла, отъ чего, при недостаткѣ средствъ, умирали какъ отъ чумы. Въ Новгородѣ сдѣлалось моровое повѣтріе на людей и на скотъ разомъ; отъ скотскаго падежа сдѣлался такой страшный смрадъ, что невозможно было проходить по городу. Но самое ужасное посѣщеніе смертностію народа было въ 1352 году, когда весь сѣверный край Россіи, наравнѣ съ большею частію земного шара, подвергался черной смерти. «Отъ госпожина дня до Великаго дня, — говоритъ лѣтописецъ, —умерло безчисленное множество народа добрыхъ людей, а признаки смерти были таковы: харкнетъ человѣкъ кровью и послѣ трехъ дней умретъ». Этотъ моръ также свирѣпствовалъ и въ Псковѣ, и во всей Россіи. Тогда,—говорятъ лѣтописцы,—мужіе и жены начали бѣжать въ монастыри и сподобляться ангельскому чину; говѣли, причащались; другіе въ домахъ готовились къ исходу души и спѣшили отдавать свои имѣнія на монастыри и церкви, попамъ и нищимъ, кормили убогихъ; тогда и слѣпецъ былъ призрѣваемъ, оный вождь въ царствіе Божіе, даромъ, что, ходя, о стѣну ушибется или въ яму падаетъ..... Многіе рыбныя ловли и клады свои отдавали въ монастыри, чтобъ себѣ достать вѣчную память по писанію. Умирающихъ было такъ много, что попы не успѣвали ихъ хоронить и велѣли привозить мертвыхъ на церковные дворы: въ продолженіи ночи скоплялось въ каждой церкви тѣлъ по тридцати и болѣе, по пяти въ одинъ гробъ клали, и такъ было по всѣмъ церквамъ; и ужъ негдѣ было погребать умершихъ: все около церквей было ископано. Во время вторичной заразы, Новгородъ не подвергался этому бѣдствію; но Псковъ былъ снова опустошенъ въ 1358 г. Въ 1390 году Новгородъ опять посѣтила моровая болѣзнь; признаками ея было опуханіе железъ и смерть послѣ трехъ дней. Въ XV-мъ вѣкѣ упоминаются въ лѣтописяхъ частные случаи повальной смертности, особенно въ Псковской Лѣто-

Digitized by Google

писи. Въ 1417 году свирѣпствовала повальная болѣзнь по всему сѣверному краю: въ Новгородѣ, Ладогѣ, Русѣ, Псковѣ, Порховѣ, Торжкѣ, Дмитровѣ, Твери и по погостамъ: «прежде человѣка словно рогатиною ударитъ—описываютъ современники признаки этой болѣзни, — потомъ явятся железа, станетъ человѣкъ харкать кровію, начнется лихорадка и горячка, и черезъ нѣсколько дней умираетъ болящій. Тогда въ страхѣ начали многіе бросать свои жилища, семьи и бѣжать въ монастыри, ради спасенія души». Во Псковѣ этотъ моръ повторился въ 1420 году, а въ Новгородѣ въ 1423—1424 гг. и для пущаго бѣдствія присоединился къ этому еще и голодъ. И во псковскихъ лѣтописяхъ тѣ же признаки съ пагубными послѣдствіями повальной смертности. Повѣтрія во Псковѣ упоминаются подъ годами: 1425, 1442, 1465, 1466, 1467, 1487, 1506; въ Новгородѣ подъ 1467 [1]). Быть можетъ, это была какая-то повальная болѣзнь, появлявшаяся въ теченіи XV-го вѣка съ безпрестанными рецидивами. Медицинскихъ средствъ не предпринимали, а искали спасенія въ вѣрѣ и молитвѣ. Было обыкновеніе, во время мора, ставить въ одинъ день церковь какому-нибудь святому, которому молились о защитѣ и вѣрили, что это спасаетъ.

Край сѣверный не отличался плодородіемъ; не было предпринимаемо мѣръ на случай неурожаевъ; подвозъ былъ часто затруднителенъ, особенно, когда междоусобныя войны въ Россіи препятствовали торговому обращенію. Отъ этого Новгородская и Псковская страны терпѣли отъ голода всѣ бѣдствія, какія только можетъ воображеніе представить. Цѣны на хлѣбъ возвышались съ быстротою, потому что люди богатые сейчасъ же искали въ общемъ несчастіи себѣ выгодъ, а бѣдняки осуждены были ѣсть березовую кору, мохъ, падаль и умирали тол-

[1]) I. 141.

Digitized by Google

пами отъ болѣзней, происходившихъ отъ такой пищи, и въ отчаяніи изъ-за куска хлѣба закладывались и продавали себя на всегда въ рабство боярамъ; другіе расходились по чужимъ землямъ. Отъ этого, во время бѣдствій, приливъ народонаселенія и естественное размноженіе народа уменьшалось по причинѣ выхода людей въ чужіе краи. Въ XII вѣкѣ извѣстіе о голодѣ встрѣчается подъ 1128 годомъ. Въ 1161 г. отъ засухи лѣтомъ и теплой зимы сдѣлался неурожай, цѣны на хлѣбъ поднялись; и лѣтописецъ восклицаетъ: «О, великое горе было тогда людямъ!» То же случилось въ 1181 году. Въ XIII-мъ вѣкѣ тяжелъ былъ для Новгорода 1215 годъ, во время войны съ суздальцами. Горькими страданіями покупалъ себѣ народъ въ потомствѣ славу, которую далъ ему въ этой войнѣ Мстиславъ-Удалой; сильный морозъ побилъ озими; получить изъ Россіи было невозможно; Ярославъ держалъ Торжокъ въ своихъ рукахъ и не пропускалъ въ Новгородъ ни одного воза съ зерномъ. Кадь ржи дошла до неимовѣрныхъ въ то время цѣнъ: до 10-ти гривенъ; овса кадь продавалась по три гривны; рѣпы—по двѣ гривны; и люди—говоритъ лѣтописецъ—«ѣли сосновую кору, липовый листъ, мохъ, отдавали своихъ дѣтей въ рабство; умирало множество отъ голода: по торгу валялись ихъ трупы и псы не успѣвали ихъ съѣдать». Тогда страшная судьба въ особенности досталась Водской Землѣ: тамъ все почти народонаселеніе вымерло или разбѣжалось. «И разошлась—печально замѣчаетъ лѣтописецъ—волость наша и городъ нашъ [1])». Это-то всеобщее бѣдствіе, должно быть, и послужило новгородцамъ побужденіемъ къ той рѣшимости, какую они тогда показали. Въ 1230 году новгородскій край былъ жестоко пораженъ голодомъ; тогда и во всей Россіи былъ неурожай, исключая Кіева. Въ новгородской волости

[1]) Новг. I. 33.

Digitized by Google

сталась бѣда отъ того, что ранніе морозы (на Воздвиженіе) уничтожили озими, и цѣны на хлѣбъ стали быстро подниматься. Бѣдняки разбѣгались толпами. «И полны были чужіе грады и страны нашихъ братій и сестеръ—говоритъ лѣтописецъ,—а оставшіеся умирали съ голода; и кто не прослезится отъ этого, видя мертвецовъ, валяющихся по улицамъ, и младенцевъ, съѣдаемыхъ псами». Въ одной скудельницѣ на Прусской улицѣ положено было въ ямѣ три тысячи труповъ людей, умершихъ съ голода. Сверхъ того, устроили еще двѣ такія же ямы на Чудинцевой улицѣ и на Колѣнѣ; и тѣ были полны. Пожирали падаль собачью, кошачью; ѣли мохъ, липовую кору, обрѣзывали трупы и пожирали; иные рѣзали свою братью и ѣли; другіе ихъ за то ловили, жгли огнемъ и вѣшали; а смѣльчаки грабили зажиточныхъ людей, гдѣ только чуяли жито. Всѣ были въ неистовствѣ: братъ надъ братомъ не показывалъ жалости, отецъ надъ сыномъ, мать надъ дочерью; сосѣдъ сосѣду не уломитъ куска хлѣба; не было милосердія между нами—говоритъ лѣтописецъ:—печаль, и тоска, и скорбь, и на улицахъ, и въ домахъ; смотрятъ на то, какъ дѣти плачутъ, просятъ хлѣба и умираютъ. Только и спасенія было, что родители, сами себя обрекая на смерть, отдавали дѣтей гостямъ «одерень» (въ рабство), лишь бы ихъ кормили. Во Псковѣ происходило то же: былъ голодъ—говоритъ лѣтописецъ—какого никогда не бывало. Люди умирали на улицахъ и ѣли ихъ собаки, какъ мертвую скотину; а живые, провожая въ могилу умершихъ, плакали кровавыми слезами, завидовали прежде-умершимъ, восклицая: «добро вамъ, что вы умерли, невидавши этого горькаго часа!» Въ 1291 году сдѣлался опять неурожай, и ожесточеніе голоднаго народа побуждало его на грабежи зажиточныхъ торговцевъ [1]). Въ 1298 г. на сѣверѣ

[1]) Новг. I, 65.

Digitized by Google

(тверское извѣстіе) отъ засухи сдѣлалась «нужа велія»,— загорались сами собою лѣса и болота и былъ падежъ на скотъ [1]). Дороговизна постигла псковскую волость въ 1303 году [2]). Въ 1309 году сдѣлался голодъ по всей Русской Землѣ; лѣтописецъ прибавляетъ, что тогда мышь поѣла хлѣбъ [3]). Неурожай былъ на сѣверѣ въ 1314 г. [4]); во Псковѣ тогда еще тяжелѣе было, потому что цѣна зобницы хлѣба простиралась до пяти гривенъ [5]). 1421—1423 гг. три года сряду былъ въ новгородской области голодъ; во псковской, напротивъ, сохранилось много старыхъ годовъ хлѣба, и толпы народа искали тамъ убѣжища; отъ многолюдія возникла и тамъ скудость, и много пришельцевъ погибало голодною смертію во Псковѣ, во псковскихъ пригородахъ и въ волостяхъ [6]). Къ бо́льшему горю Новгородской Земли присоединился къ голоду еще моръ въ 1422 году [7]). Въ 1436 году по причинѣ сильнаго мороза новгородская волость подвергалась недостаткамъ [8]). Подъ 1446 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что впродолженіи десяти лѣтъ въ Новгородѣ и на волости была дороговизна и недостатокъ хлѣба, такъ что цѣна доходила до полтины за два короба и была—говоритъ лѣтописецъ—«христіанамъ скорбь и печаль, и плачь, и рыданіе; на торгу и на улицахъ иные падали и умирали отъ глада, и много убѣжало въ Литву, въ Западную Европу (въ латынство), а нѣкоторые изъ-за хлѣба отдавались бесерменскимъ и жидовскимъ гостямъ» [9]). Наконецъ, въ 1471 году, въ годъ несчастной

[1]) Никон. III, 95.
[2]) Псков. I 183.
[3]) Никон. Л. III, 105.
[4]) Новг. I, 71. Ник. III, 109.
[5]) Псковск. II, 11.
[6]) Пск. II, 24. Пск. I, 202.
[7]) Новг. I, 110.
[8]) Новг. IV, 121.
[9]) Новг. IV, 124.

Digitized by Google

Шелонской битвы, къ удвоенію народнаго бѣдствія въ Новгородѣ, былъ недостатокъ хлѣба и дороговизна.

Причиною неурожаевъ были чаще всего ранніе морозы [1]), побивавшіе озимь; такіе морозы опустошали поля иногда не только осенью, но и середи лѣта [2]). Иногда, напротивъ, отъ теплой и сырой зимы пропадало зерно [3]). Нерѣдко отъ дождливой погоды хлѣбъ вымокалъ [4]), въ другіе годы была засуха (сухмень) и зерно не имѣло нужной влаги; такъ въ 1471 г. неурожай произошелъ отъ засухи и сильныхъ жаровъ, чтб такъ помогло Ивану III въ его войнѣ. Случалось, что причиною неурожаевъ были черви, въ особенности вредные огороднымъ растеніямъ. Памятникомъ послѣдней причины неурожаевъ осталась легенда о св. Варлаамѣ, о его пророчествѣ, сказанномъ архіепископу Антонію.

Многоводіе края было причиною, что иногда наводненія пугали жителей, являлись народнымъ бѣдствіемъ. Независимо отъ вреда, какой наносила сильная мокрота хлѣб-

---

[1]) Въ первой Псковской Лѣтописи подъ 6822 (1314) г.—„изби мразъ всяко жито“; тоже подъ 6943 (1435): „морозъ бысть въ Петрово говѣнье, поби рожь на поли“.

[2]) Псковск. I, 209.—6944 (1436) „мразъ поби обиліе, въ жатву уже, въ всей новгородской области“. (Новг. IV, 121).

[3]) Въ Псковской I-й лѣтописи подъ 6811 (1303) г. „бысть зима тепла, безъ снѣга: и бысть хлѣбъ дорогъ вельми“. То же подъ 6961 (Пск. I, 215).

[4]) Какъ мѣшали произрастанію и уборкѣ хлѣба дожди, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста Псковской Лѣтописи: „*зима была добрѣ снѣжна*“, а веснѣ вода была велика въ рѣкахъ и не памятятъ люди таковой поводи, и мельницъ много терало, а на лѣто было дождливо въ сѣнокосѣ и въ жатву, а рожь жати починали въ Богородицкій постъ поздо, а рожь худа родилася, съ весны были сѣверные вѣтры и мразы и до Петрова говѣнія, а яровой хлѣбъ былъ добръ, да не дали обрѣжати хлѣба и ржи и яра дожжами, ни сѣяти хлѣба ржи, послѣ Успеньева дня Пречистыя да до Воздвиженьяго дня честнаго креста дожди“.

Digitized by Google

ному произрастанію, не разъ встрѣчаются извѣстія, что какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, вода ломала мосты, мельницы, строенія и вообще дѣлала вредъ [1]). Въ 1421 году наводненіе въ Новгородѣ было такъ памятно, что лѣтописецъ, описывая его, говоритъ, что и въ древнія лѣта бывали въ Новгородѣ наводненія и записаны въ лѣтописяхъ, но такого, какое онъ видѣлъ, не находилъ въ старыхъ сказаніяхъ: не только мосты были сломлены, и городской и тѣ, что были около города, но уличные примостки разбились отъ воды, и многія хоромы были ниспровергнуты до основанія; къ этому бѣдствію присоединилась страшная буря; и нѣкоторые жили на верхахъ своихъ домовъ, не смѣя сойти по причинѣ водораазлива; нѣкоторые на лодкахъ къ церкви путешествовали, а другіе по доскамъ переходили; девятнадцать монастырей обступила вода и во многихъ церквахъ нельзя было совершать литургіи. Въ то же время вода вмѣстѣ съ бурею разломала ограды садовъ, искоренила и погубила плодовыя деревья. Къ довершенію страха, внушеннаго народу этимъ явленіемъ, послѣ того случилось одно изъ рѣдкихъ явленій — каменный дождь [2]).

[1]) „Поиде дождь силенъ и потопе иное все въ погребѣхъ, — иное на площадѣхъ (1337 г. Новг. I, 78); бысть вода велика въ Волховѣ якова не бысть была такова николи же, по Велицѣ дни на 3-й недѣли въ среду и снесе великаго мосту 10 городень, (1338. Новг. I, 78); въ 1421 г. бысть вода велика въ Волховѣ и снесе Великій мость и Нередицкой и Жилотужской, а съ Коломець и церковь снесе св. Троицю а въ Щиловѣ и на Соколницѣ и въ Радоковицахъ и Въскресеніи въ Людинѣ концѣ, въ тѣхъ церквахъ только на полатѣхъ пѣли, а по концамъ хоромы и съ животы снесе“ (Новг. I, 109).

[2]) Вшедши туча сильна съ полудни, испущая громъ страшенъ и молнія огненая съ небеси блескающе, яко нѣсть мощно человѣкомъ видѣти, и пришедши ста надъ градомъ, и убо тученосный облокъ на огнено видѣніе преложися, и въ тацихъ же облацѣхъ помышляху людіе всяко огнено быти или пламени пожигаа грѣшники, и убоявшеся людіе отъ страха и ужасошася вопіяху кождо: Господи помилуй! Бысть дождь силенъ, и градъ, убо и каменіе являшеся изъ облока“. Новг. II, 139.

Digitized by Google

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ТОРГОВЛЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

ДРЕВНІЯ ИЗВѢСТІЯ О ТОРГОВЛѢ НОВГОРОДА СЪ ЗАПАДОМЪ. — ГОТЛАНДЪ, ЛЮБЕКЪ, ИНОЗЕМНЫЕ ДВОРЫ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Древнѣйшіе намеки на торговлю на сѣверѣ Россіи сохраняются въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ скандинавскихъ сагъ и средневѣковыхъ лѣтописей. Въ сагѣ Олафа святого говорится о какомъ-то Гудлейкѣ, который отправлялся in regnum Gardorum, по порученію короля Олафа, для покупки шелковыхъ одеждъ [1]), дорогихъ мѣховъ и столовой утвари.

Въ этомъ извѣстіи рисуется и тогдашній образъ веденія торговли, которая была подвержена множеству затрудненій и опасностей на пути. Ѣдучи въ Гарды, этотъ купецъ былъ задержанъ на Готландѣ, а когда онъ возвращался назадъ, напалъ на него Торгётъ, непріятель Олафа, вступилъ съ нимъ въ бой и убилъ его со всею свитою, отнявъ его сокровища. Въ свою очередь явился иной молодецъ, Эйвандъ, убилъ Торгёта, отнялъ сокровища Гудлейковы и потомъ уступилъ ихъ королю Олафу, на деньги

[1]) Gudleikas cum quo contenderet pervenisse multa cimelia regi soliquae emit et sericum quod ornatui regio destinavit et alias vestes electiores et pelles pretiosas et eximiam mensae supellectilem concilavit. (Historia de Olavo Sancto. Scripta Hist. Island. IV. 124—125).

Digitized by Google

котораго онѣ были куплены. Другое сѣверное извѣстіе говоритъ, что Гаральдъ Гаарфагеръ, жившій въ X-мъ вѣкѣ, посылалъ своего довѣреннаго Гаука-Габрока въ Русь покупать товары; онъ прибылъ туда во время ярмарки и накупилъ тамъ золотошвейныхъ тканей для одеждъ, какихъ въ Норвегіи и не видывали. Въ Геймскрингле разсказывается объ одномъ купцѣ, по имени Лодинѣ, ѣздившемъ въ Эстонію для обмѣна товаровъ. Саксонъ Грамматикъ повѣствуетъ, что датскіе купцы во времена Гальфданга, отца Гаральда Гильдетана, плавали въ Русь и приводитъ имя какого-то купца Симунда, изъ торговаго города Сигтуны; разсказываетъ также о сынѣ какого-то шведскаго короля, который на двухъ корабляхъ совершалъ торговыя операціи съ Русью или Греціею. Россію смѣшивали съ Греціею (по мнѣнію Расмуссена ob nominum similitudinem), какъ по географическому положенію въ отношеніи Скандинавіи, такъ и потому, что Россія исповѣдывала греческую вѣру. Въ царствованіе Свента Естритсена, процвѣтала торговля Раскильдіи и тамъ стояло въ гавани много кораблей, ходившихъ въ Россію. Эти извѣстія темны, но указываютъ на древнее торговое значеніе сѣверорусскаго края, черезъ который производились сношенія сѣвера съ югомъ и востокомъ. По замѣчанію Бермана, въ Помераніи находятъ арабскія монеты и точно такія же монеты были находимы около Новгорода [1]). Это указываетъ на древнее торговое значеніе послѣдняго. Во время цвѣтущаго состоянія славянскаго города Юлина, а также Сигдуна и Гатеби на Шлезвигѣ, безъ сомнѣнія, уже были сношенія съ Новгородомъ. Шлезвигъ велъ торговлю съ Русью [2]). При описаніи разворенія Шлезвига упоминается, между прочимъ, о русскихъ товарахъ. Адамъ бременскій

[1]) Berm 34.

[2]) Torph. t. III, pag. 331.

Digitized by Google

(XI-го вѣка) говоритъ о плаваніи изъ Юлина въ Острогардъ русскій. По извѣстію этого писателя, на островахъ Борнгольмѣ и Готландѣ въ его время были порты, куда сходились корабли, ходившіе въ Русь [1]). Хотя трудно опредѣлить съ совершенною точностію, что́ разумѣлось подъ русскимъ Острогардомъ, но то несомнѣнно, что торговля изъ славянскихъ городовъ южнаго балтійскаго побережья направлялась по Балтійскому морю въ сѣверо-восточную Россію. Долженъ былъ существовать съ древняго времени торговый пунктъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи является торговая дѣятельность Новгорода. Древніе славянскіе прибалтійскіе города безспорно вели съ Россіею торговлю, и нѣмецкіе города, возникшіе на южномъ побережьѣ Балтійскаго моря послѣ паденія славянскихъ, преемственно получили отъ нихъ эту торговлю.

О торговлѣ со Скандинавіею во время Ярослава видно изъ того, что когда былъ убитъ другъ его Олафъ, то князь русскій воспретилъ торговлю съ Норвегіею. По мнѣнію Бермана [2]), черезъ Россію скандинавскія земли получали произведенія Востока, напримѣръ, драгоцѣнные камни, азіатскія ткани, арабскіе и персидскіе ковры. На привозъ драгоцѣнныхъ камней указываетъ то, что въ Скандинавіи гробы королей украшались драгоцѣнными камнями. Кромѣ того, Скандинавія получала черезъ Россію греческія произведенія. Послѣ того, какъ нѣмецкіе города возникли и стали населяться, въ XII-мъ вѣкѣ, императоры нѣмецкіе и датскіе короли спорили за право владѣть этими городами, одинъ передъ другимъ старались привлечь на свою сторону жителей и давали имъ привилегіи, обезпечивавшія и покровительствовавшія ихъ торговому значенію. Такъ Фридрихъ I-й далъ привилегію Любеку въ 1189 году;

---

[1]) Rasmussen de oriente commerc. 17.

[2]) Die skra von Nowgorod, стр. 41.

Digitized by Google

Вольдемаръ датскій—тому же городу въ 1202 году и Бремену въ 1220. Эти привилегіи освобождали города отъ налоговъ, гарантировали имъ свободное судопроизводство внутри и неприкосновенность собственности. Въ то же время другіе иноземные государи, по отношенію къ своимъ землямъ, давали привилегіи германскимъ прибалтійскимъ городамъ, напримѣръ англійскіе короли Ричардъ и Іоаннъ Безземельный. Центромъ торговой дѣятельности въ XII вѣкѣ на всемъ балтійскомъ бассейнѣ сталъ на островѣ Готландѣ городъ Висби. Въ значительномъ количествѣ переселялись туда нѣмецкіе промышленники и вступали въ одну корпорацію съ туземцами, готами. Не обходилось безъ кровавыхъ недоразумѣній между нѣмцами и туземцами, какъ это показываетъ примирительный между ними актъ, заключенный въ 1163 году при посредствѣ герцога Генриха Льва [1]). Несмотря на такія столкновенія, взаимныя выгоды были столь важны, что на Висби составился правительственный Совѣтъ Управленія изъ тридцати шести засѣдателей отъ обоихъ народовъ и два фогта—одинъ изъ готовъ, другой изъ нѣмцевъ: они завѣдывали правильнымъ ходомъ торговли. Впрочемъ, въ торговомъ отношеніи нѣмцы и готландцы составляли особыя компаніи [2]). Взаимная корысть сближала нѣмцевъ и готовъ: товарищество готландское возрастало быстро и богато; важнѣйшій источникъ его обогащенія въ XII-мъ вѣкѣ была торговля съ восточною Европою, которой туземнымъ центромъ, за предѣлами германскаго міра, былъ Новгородъ.

Важность и обширность значенія этой торговли доказываются тѣмъ преуспѣяніемъ, какое Готландъ получилъ съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ дѣятельную и постоянную торговлю съ Новгородомъ. Въ XII вѣкѣ новгородцы по-

---

[1]) Sart. II. 5.

[2]) Herm. Beitr. 14.

Digitized by Google

сѣщали Готландъ и проживали тамъ для торговыхъ операцій; и готландцы жили въ Новгородѣ. О многочисленности тѣхъ и другихъ можно судить потому, что на Готландѣ существовала русская церковь, а въ Новгородѣ была варяжская [1]). Готландцы имѣли въ Новгородѣ свою факторію, называвшуюся готскимъ дворомъ. Торговыя сношенія въ XII вѣкѣ не ограничивались у Новгорода Готландомъ и велись также съ южно-балтійскими нѣмецкими городами; новгородцы посѣщали эти города и проживали тамъ: напримѣръ въ Любекѣ, какъ это видно изъ грамоты императора Фридриха, гдѣ, между иноземными торговцами, проживавшими въ Любекѣ, упоминаются и русскіе [2]). Нѣмцы, вступившіе въ готландскую корпорацію, мало-помалу стали брать первенство надъ туземцами и, наконецъ, совершенно ихъ вытѣснили. Разомъ съ этимъ и прибалтійская торговля Новгорода перешла въ руки нѣмцевъ. Уже въ XII-мъ вѣкѣ рядомъ съ готскимъ дворомъ въ Новгородѣ возникъ другой — нѣмецкій; его основали, вѣроятно, нѣмецкіе торговцы Готланда и онъ былъ сначала только какъ-бы отдѣленіемъ готскаго, но состоялъ съ нимъ подъ однимъ главнымъ управленіемъ. Оба двора зависѣли отъ нѣмецко-готской купеческой компаніи въ Висби.

Но въ исходѣ XII-го вѣка, въ системѣ торговыхъ отношеній, совершился переворотъ: въ XIII вѣкѣ безпорядки въ Германіи, вредные для торговли, побудили города для своей безопасности соединиться въ союзы. Такъ образовалась Нѣмецкая Ганза. Городъ Любекъ быстро возвысился и сталъ во главѣ союза. Привилегіи англійскихъ королей, фландрійскихъ владѣтелей и скандинавскихъ государей

[1]) Lehrberg, 268; Sart. 13.

[2]) Rutheni, Gothi, Normanni, et ceteri gentes orientales absque theloneo et absque *gansa*, ad civitatem saepius dictam veniunt et libere recedunt. Sart. II, 9.

Digitized by Google

помогали развитію этого союза. Вмѣстѣ съ этимъ и нѣмецкій торговый дворъ подчинился Любеку [1]). До того времени союзные купцы всѣхъ нѣмецкихъ городовъ имѣли равное право пребывать на новгородскомъ нѣмецкомъ дворѣ, и нѣмецкій дворъ составлялъ какъ-бы маленькую независимую колонію; но въ это время купцы всѣхъ городовъ обязались, что новгородскій нѣмецкій дворъ будетъ о дѣлахъ своихъ относиться въ Любекъ. Причина гегемоніи Любека состояла въ выгодахъ, которыя купцы получали, подчиняясь этому городу. Любекъ получилъ въ разное время отъ скандинавскихъ владѣтелей привилегіи, обезпечивавшія свободное плаваніе и торговлю по Балтійскому морю, даже и въ военное время; напримѣръ, въ 1268 — 1285 г. онъ получалъ привилегіи отъ короля Магнуса, отъ эстонской Агнесы на торговлю съ Эстляндіею, отъ Эрика въ 1287 году, Вольдемара герцога ютландскаго, Эрика и Вольдемара въ 1312 [2]). Впрочемъ, вѣковыя привычки еще долго обращали новгородскую торговлю на Готландъ, и Любекъ долженъ былъ выдержать соперничество съ Висби и на время дѣлать уступки. Такимъ образомъ, управленіе новгородскою факторіею зависѣло равномѣрно отъ Любека и Висби вмѣстѣ, а начальникъ факторіи назначался попеременно—разъ отъ Любека, другой послѣ того отъ Висби. Но Готландъ годъ отъ году упадалъ; Любекъ годъ отъ году возрасталъ въ своемъ значеніи;—подъ его первенствомъ поднимались другіе города, и въ XIV-мъ вѣкѣ, союзъ Ганзы совершенно образовался. Составился *стевенъ* — сеймъ союзныхъ городовъ. Тогда новгородская факторія внутри получила болѣе самостоятельности, а въ важнѣйшихъ случаяхъ стала зависѣть отъ сейма. Ему принадлежало верховное разбирательство спорныхъ дѣлъ, на-

---

[1]) Sart. 177. 185.

[2]) Sartor. стран. 75, 146, 147, 153, 262.

Digitized by Google

значеніе пошлинъ, постановленія о способахъ веденія торговли. Тогда и посольства, и сношенія съ Новгородомъ дѣлались отъ имени Сейма или всего Союза. Участь готландскаго (или готскаго) двора въ XIII-мъ вѣкѣ неизвѣстна; вѣроятно, онъ боролся и соперничалъ съ нѣмецкимъ, пока наконецъ долженъ былъ уступить. Въ XIV-мъ вѣкѣ готскій дворъ уже находится въ подчиненіи у нѣмецкаго. Въ 1351 г. было издано постановленіе, воспрещавшее продажу пива на готскомъ дворѣ,—доказательство, что готскій дворъ находился уже въ полной зависимости отъ Ганзы. Въ 1402 г. готскій дворъ былъ отданъ въ пользованіе нѣмецкому купцу по распоряженію уполномоченаго въ Висби, срокомъ на десять лѣтъ. Такимъ образомъ, готскій или готландскій дворъ былъ уже не особое торговое учрежденіе, а только зданіе, принадлежавшее нѣмецкому двору.

II.

ДОГОВОРЫ СЪ ГАНЗОЮ И ПРАВА НѢМЕЦКИХЪ ТОРГОВЦЕВЪ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Отношенія нѣмецкаго двора и вообще торгующихъ иностранцевъ къ Новгороду опредѣлялись въ договорахъ, заключаемыхъ Новгородомъ съ Ганзою. Существуетъ пять древнихъ такихъ актовъ [1]), изъ которыхъ пространнѣе другихъ излагаютъ правила два;—первый, однако, нѣкоторые ученые считаютъ только однимъ проэктомъ, не утвержденнымъ формально [2]). Ризенкампфъ справедливо

[1]) Ярослава Владимировича 1195 г., Александра Невскаго 1257—1259 г., неизвѣстный, считаемый проэктомъ, договоръ Ярослава Ярославича около 1270 г., договоръ Андрея Александровича около 1301—2 г.

[2]) Главное, на что опирались для подтвержденія этой мысли, было то, что въ этомъ актѣ предоставляются нѣмцамъ такія выгоды, которыя едва-ли возможно допустить со стороны Новгорода; напримѣръ,

Digitized by Google

замѣчаетъ, что если этотъ договоръ дѣйствительно не болѣе какъ проэктъ, то все-таки въ немъ сохраняются обычая, наблюдавшіеся въ древности и составлявшіе обычное право сношеній Новгорода съ Варягами. Черезъ столѣтіе, именно

предоставляется судъ нѣмцамъ надъ новгородцами въ случаѣ тяжбы съ нѣмецкими торговцами; допускаются тѣлесныя наказанія, которыхъ не было въ Новгородѣ. Такого мнѣнія держались Сарторій и Карамзинъ. Другого мнѣнія были Лербергъ и Славянскій, развившій эту мысль въ своемъ сочиненіи: „Историческое обозрѣніе сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ“. Они считали его дѣйствительнымъ договоромъ. Время составленія этого акта также было предметомъ недоразумѣній и разнорѣчій. Славянскій указывалъ на одинъ документъ (въ Codex Lubec), изъ котораго видно, что миръ въ 1270 году заключенъ такой же, какъ нѣкогда во время Вольквина и епископа Альберта, и полагалъ, что договоръ, на который ссылаются здѣсь, какъ на давно происходившій, есть именно этотъ самый. Лербергъ относитъ его къ 1201 году, Славянскій—къ 1229. Первый основывается на извѣстіи Новгородской лѣтописи, что въ тотъ годъ (1201) послѣдовало примиреніе съ варягами, послѣ того, какъ тринадцать лѣтъ предъ тѣмъ варяги были изгнаны изъ Новгорода. Славянскій относилъ составленіе этого документа къ 1229 году на томъ основаніи, что въ этотъ годъ новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ предпринималъ походъ противъ Риги,—псковичи не пошли съ нимъ, оттовариваясь тѣмъ, что они въ мирѣ съ Ригою. Тогда новгородцы отказали своему князю въ содѣйствіи и заключили миръ съ нѣмцами. Ризенкампфъ (Der Deutsche Hof zu Nowgorod. 68.) справедливо замѣчаетъ, что о документѣ этомъ основательно можно сказать только то, что онъ долженъ былъ состояться не ранѣе 1206—1219 годовъ и не позже 1293 года. Въ промежуткѣ первыхъ годовъ княжилъ въ Новгородѣ князь Константинъ, о которомъ говорится въ документѣ какъ о князѣ, ранѣе договора, даровавшемъ нѣмцамъ привилегіи въ Новгородѣ, не позже 1293 года, потому что островъ Берно, упоминаемый въ договорѣ какъ владѣніе новгородское, сдѣлался тогда шведскимъ владѣніемъ. Что же касается до точнаго опредѣленія года, когда этотъ документъ могъ послѣдовать, то Ризенкампфъ приблизительно готовъ принимать 1231 годъ, когда въ Новгородѣ былъ голодъ, а нѣмцы доставляли туда хлѣбъ и сдѣлали, по сознанію туземныхъ лѣтописей, большое благодѣяніе краю. Андреевскій считаетъ его только

Digitized by Google

въ 1371 году, мы видимъ дѣйствительно примѣры, что нѣмецкіе послы сами написали проэктъ для подписи новгородцевъ, но послѣдніе не согласились на него. Такимъ образомъ видно, что встарину было въ обычаѣ у нѣмцевъ составлять договоры, какъ-будто отъ лица Новгорода и потомъ уже предлагать [1]). Второй документъ относится къ 1268—1270 годамъ, заключенъ княземъ Ярославомъ, котораго новгородцы принудили не нарушать правъ нѣмецкихъ купцовъ. Время, указываемое для этого документа, подтверждается тѣмъ, что ливонскій ландмейстеръ Отто фонъ-Роденштейнъ извѣщаетъ любечанъ о счастливомъ исходѣ дѣла, совершеннаго послами ихъ, Генрихомъ Вуллентуномъ, Людольфомъ и Іаковомъ, а эти самыя имена встрѣчаются въ договорѣ.

Нѣмцы старались держаться въ Новгородѣ особою колоніею и составлять отдѣльную корпорацію, которая управлялась собственными правилами. Внутреннія дѣла нѣмецкаго двора ни въ какомъ случаѣ не подлежали разсмотрѣнію и вмѣшательству новгородскаго правительства. Нѣмцы могли свободно пріѣзжать въ Новгородъ и проживать въ своемъ нѣмецкомъ дворѣ на извѣстныхъ для нихъ условіяхъ: Новгороду до этого не было дѣла. Изъ многихъ ганзейскихъ конторъ, находившихся въ разныхъ городахъ Европы, ни одна не была настолько изолирована отъ мѣстнаго общества, какъ новгородская. Тогда какъ въ Лондонѣ и Брюгге встрѣчались случаи, когда торгующіе члены Союза могли обращаться къ посредству мѣстной управы по своимъ дѣламъ, въ новгородской конторѣ такихъ слу-

---

за проэктъ а не за настоящій договоръ, указываетъ на слово postulant, которое можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь нѣмцы только предлагаютъ условія, изложенныя въ документѣ, но судомъ еще не утвержденныя (jura et libertates prescriptas quas hospites mercatores sibi in dominio regis eo nogardensium sibi fieri postulant).

[1]) Bunge, III, 3. 269.

Digitized by Google

чаевъ не представлялось. Новгородскій подвойскій и биричь не смѣли войти въ нѣмецкій дворъ. Если новгородецъ имѣлъ дѣло до нѣмца, онъ долженъ былъ обращаться къ начальству нѣмецкаго двора, выборному альдерману, и только тогда, когда былъ недоволенъ судомъ его, обращался къ своему правительству, но не иначе, какъ къ высшимъ правителямъ, посаднику и тысячскому: второстепенные судьи и правители не могли рѣшать тяжбу новгородца съ нѣмцемъ. Въ такомъ случаѣ судъ производился обыкновенно при посадникѣ или тысячскомъ и при выборныхъ купцахъ, имѣвшихъ значеніе судныхъ мужей, на дворѣ церкви святого Ивана-на-Опокахъ; но установлены были правила, клонившіяся къ предотвращенію невыгоднаго положенія нѣмецкой стороны. Такимъ образомъ, по первому документу, въ тяжебномъ дѣлѣ свидѣтелей должно быть непремѣнно два: одинъ новгородецъ, другой нѣмецъ, и когда ихъ показанія бывали сходны между собою, тогда онѣ считались юридическими доказательствами. Въ случаѣ разногласія, бросали жребій, чье свидѣтельство слѣдуетъ принять за истинное. По второму, слѣдуетъ представить обоимъ одного и того же свидѣтеля, и если не будетъ такого, то дѣло рѣшалось жребіемъ: въ чью пользу жребій выпадетъ, того свидѣтеля показаніе принималось за истинное. Насилія и обиды по новгородскому праву наказывались пенею: за убійство посла, священника и альдермана 20 гривенъ, за простого купца— десять гривенъ серебра. Новгородцы тѣмъ же правомъ пользовались за-границею. За рану платилось полторы гривны, а за рану рабу по первому документу гривна, за ударъ или пощечину по первому документу полгривны, по второму три фердинга. По первому документу, тотъ, кто вламывался въ нѣмецкій дворъ и производилъ въ немъ буйство, платилъ тоже двадцать гривенъ, хотя бы и не сдѣлалъ убійства, и десять гривенъ тогда, когда пустилъ

Digitized by Google

зо дворъ камень или стрѣлу. Во второмъ документѣ за такіе поступки глухо опредѣлено—судить по обычаю (пошлинѣ). Ни новгородецъ за-границею, ни нѣмецкій торговецъ въ Новгородѣ, не могутъ быть арестованы за долги. Арестъ на имущество иноземнаго торговца могъ быть наложенъ только тогда, когда судъ о долгѣ впродолженіи трехъ лѣтъ не могъ дать рѣшенія. Съ другой стороны, для того, чтобы долгъ иноземному торговцу былъ скорѣе выплачиваемъ, постановлено было, что съ задолжавшаго разнымъ лицамъ новгородца прежде всего взыскивался долгъ иноземцу. Торговля была мѣновая или же должна была производиться на металлы, которыхъ достоинство оцѣнивалось и гарантировалось правительственными лицами и утверждалось штемпелемъ. Новгородъ обязывался принимать подъ свою отвѣтственность иноземныхъ купцовъ, коль скоро они достигали острова Котлина, составлявшаго границу Новгородской Земли. Доплывши до Котлина, иноземцы посылали передовыхъ до устья Невы и давали о себѣ знать; тогда Великій Новгородъ высылалъ пристава и отряжалъ купцовъ для принятія гостей,—они провожали ихъ до самаго Новгорода. Иноземцы имѣли право брать новгородскихъ лоцмановъ для провода судовъ отъ устья Невы до Ладоги. Отъ Ладоги по Волхову нанимали другихъ лоцмановъ, которые исключительно занимались проводомъ судовъ черезъ волховскіе пороги (Vorsch). Такъ какъ здѣсь уже морскія суда не годились, то иноземцамъ давали особыя, приспособленныя къ тому суда; они перекладывали на нихъ свои товары и плыли на нихъ по Волхову. Новгородъ ручался за безопасность гостей, но избавлялся отъ всякой отвѣтственности, если они не дали о себѣ знать и не просили содѣйствія новгородскаго правительства. Иноземцамъ на пути по Невѣ предоставлялось право рубить деревья для снастей. Въ случаѣ какой-нибудь покражи, воръ судился въ Ладогѣ,

Digitized by Google

если покража сдѣлалась на Невѣ; а если она сдѣлалась во время пути по Волхову, то—въ Новгородѣ; въ первомъ документѣ значится, что въ такомъ случаѣ воръ отплачивался двумя гривнами, если онъ укралъ на полгривны кунъ; но долженъ быть наказанъ розгами и клейменъ на щекѣ или заплатить десять гривенъ тогда, когда цѣна украденной вещи не выше полгривны; за важнѣйшее воровство казнили смертію.

Достигая Гостинополья, гости подвергались осмотру и облагались легкою пошлиною, но безъ платежа ее. Отъ Гостинополья гости плыли въ Новгородъ и приставали къ берегу въ городѣ, и только здѣсь платили положенную въ Гостинополѣ пошлину, болѣе какъ благодарность за содѣйствіе къ благополучному прибытію судна. Пошлина эта была по гривнѣ съ ладьи; а съ судовъ, нагруженныхъ льномъ, мукою, пшеницею, платили полгривны; суда, нагруженныя однимъ съѣстнымъ, ничего не платили. Съ берега извозчики брали иноземные товары на возы и провозили на нѣмецкій или готскій дворъ. Чтобы избѣгнуть съ одной стороны конкурренціи рабочихъ, съ другой недоразумѣній и жалобъ, установлена была однажды навсегда плата рабочимъ, необходимымъ при провозѣ и выгрузкѣ товаровъ;—постановлено было, что лоцманы, проводившіе суда по Невѣ, получали по пяти марокъ кунъ или одинъ окорокъ, а отъ Ладоги до Новгорода и обратно по три марки кунъ или полъ-окорока [1]). Извозчики, возившіе товары съ суденъ до дворовъ, брали за провозъ до нѣмецкаго двора по 15-ти кунъ, а до готскаго десять кунъ съ каждаго судна, а съ отходящихъ по полгривнѣ кунъ. При отъѣздѣ за границу гости давали одну гривну церкви, называвшейся Fridach—это церковь св. Пятницы,

---

[1]) Dhe schall hebben uor sine spise v marc cunen ofte enen baken: по толкованію Сарторія—окорокъ. Sart. II. 99.

Digitized by Google

построенная компаніею новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ съ иноземцами. Сверхъ того, при продажѣ вѣсовыхъ товаровъ, иноземцы платили вѣсовую пошлину (по двѣ куны отъ капи) [1]). Всѣ эти привилегіи давались новгородцами какъ нѣмцамъ, такъ равно и готландцамъ. Свободная торговля предоставлялась не только въ городѣ, но и по всей Новгородской Землѣ; позволялось торговать и съ инородцами въ Ижорѣ и Корелѣ; но Великій Новгородъ не принималъ на себя отвѣтственности, если бы что-нибудь дурное случилось въ путешествіи съ иноземнымъ торговцемъ. Такъ какъ Новгородъ часто бывалъ тревожимъ войнами и внутренними волненіями, то иноземцы старались оградить себя на этотъ случай. Съ кѣмъ бы ни находился Новгородъ въ войнѣ, проживавшіе въ немъ иноземцы пользовались полнымъ нейтральнымъ положеніемъ. Гости безпрепятственно могли ѣздить, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Въ самомъ городѣ, чтобъ иноземцы случайно не сдѣлались жертвою смутъ, постановлено было, что близъ нѣмецкаго и готландскаго дворовъ не должны собираться молодцы играть на палкахъ — обычная новгородская игра, которая въ нѣмецкомъ документѣ называется (вѣроятно, испорченнымъ словомъ) «велень»; сверхъ того, чтобъ на восемь шаговъ кругомъ, около иноземныхъ дворовъ оставлено было незастроенное мѣсто. Если дворъ, почему-нибудь, оставался пустъ, то онъ повѣрялся владыкѣ, и юрьевскому архимандриту. Впрочемъ, правила, обезпечивавшія иноземцевъ, не всегда соблюдались и не могли соблюдаться строго, особенно, когда Новгородъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями и особенно съ Орденомъ. Кромѣ главнаго воднаго пути, существовали еще другіе, и именно черезъ Псковъ: суда достигали Пер-

[1]) Въ первомъ договорѣ, лоцманы, доводившіе нѣмецкія суда до Рыбацкой слободы, получали по 8 куньихъ мордокъ (VIII capita martarorum) и по два полотенца (вѣрно куски холста).

Digitized by Google

нова или же Нарвы; товары шли по Наровѣ, или перевозились по сухопутью до Эмбаха; ладьи везли по этимъ рѣкамъ товары до озера, а потомъ до Пскова. Въ случаѣ небезопасности воднаго пути, главные товары везли сухопутьемъ черезъ Вирландъ. Кромѣ указанныхъ путей, запрещалось возить товары другими путями; и всякій другой, самовольно избранный путь наказывался какъ контрабанда.

III.

УСТРОЙСТВО НѢМЕЦКАГО ТОРГОВАГО ДВОРА.

Внутренній бытъ и управленіе нѣмецкаго двора опредѣлялись правилами, утвержденными отъ Ганзейскаго Союза. Эти правила назывались «*Скры*» и были прибиты въ нѣмецкомъ дворѣ для всеобщаго и постояннаго свѣдѣнія [1]).

---

[1]) По толкованію историка Ганзы, Сарторія, слово это исландское и означаетъ книгу или доску; однако это слово, кромѣ Новгорода, не упоминалось нигдѣ въ ганзейскихъ факторіяхъ. До насъ дошло три „скры“. Первая относится къ первой половинѣ XIII вѣка и заключаетъ вообще обычное право (die Rechts gewonheiten). Издатель скры, Берманъ (die Scra v. Nowogr. стр. 32), справедливо замѣчаетъ, что существованіе предметовъ, упоминаемыхъ въ первой Скрѣ, какъ напримѣръ: комнаты для жилья, церкви и т. п., указываетъ, что записанное въ ней существовало и прежде и, слѣдовательно, подчинялось какимъ-нибудь обычаямъ. Эти-то обычаи теперь написаны были въ видѣ устава. Нельзя даже относить начало существованія этихъ обычаевъ ко времени возвышенія Любека, къ 1156 г., потому что самый языкъ первой скры носитъ отпечатокъ болѣе отдаленной старины. Въ прежніе вѣка Новгородъ велъ торговлю со славянскими прибалтійскими городами и съ нѣмецкими, процвѣтавшими еще до Любека, а именно: Бардевикомъ, Эртенсбургомъ, Великимъ Мекленбургомъ, Вестфальскимъ Союзомъ; при основаніи Любека, изъ этихъ городовъ а также изъ славянскихъ, перешли туда купцы и принесли свои преж-

Digitized by Google

Духъ корпораціи, общій въ то время въ торговомъ мірѣ, какъ по трудности дѣйствовать единично, такъ и по при-

---

ніе обычаи. Такимъ образомъ, правила, изложенныя въ первой скрѣ, есть сборникъ древнихъ извѣчныхъ обычаевъ, наблюдавшихся въ Новгородѣ у иноземныхъ купцовъ, издавна производившихъ тамъ торговые обороты. Вторая скра возникла въ концѣ XIII-го вѣка, когда уже явился перевѣсъ Любека надъ торговыми нѣмецкими городами. Она пространнѣе первой, но не противорѣчитъ ей, а служитъ дополненіемъ; она вмѣщаетъ въ себѣ все, что заключается въ первой, буквально, но до того мѣста, гдѣ говорится о ежегодномъ храненіи казны въ Висби: тутъ вмѣсто города Висби, которому дается значеніе казнохранилища въ первой скрѣ, во второй стоитъ Любекъ. За нимъ удерживается право рѣшать возникавшіе споры и недоумѣнія въ новгородской факторіи. Вторая скра втрое пространнѣе первой и заключаетъ въ себѣ, кромѣ древнихъ обычаевъ, извлеченія изъ положительнаго Любскаго Права. Третья скра заключаетъ въ себѣ рѣшенія и опредѣленія, начиная съ 1315 года до второй половины XIV-го вѣка (1370 г.), составленныя управленіемъ новгородскаго двора по разнымъ случаямъ. Между тѣмъ тамъ повторяются и прежнія постановленія. Для составленія этой скры въ 1370 году пріѣзжали въ Дерптъ депутаты изъ Любека и Готланда. Тогда нѣмецкій торговый дворъ вступилъ въ подчиненность Союзу, и Висби опять раздѣляло съ Любекомъ свое торговое значеніе. Составленіе новой скры произошло оттого, что на нѣмецкомъ дворѣ прежняя пришла въ ветхость и исписана была непринадлежащими къ дѣлу прибавленіями. Это было въ то время, когда война съ Ливоніею нарушила въ Новгородѣ ходъ торговли, и нѣмецкій дворъ нѣсколько времени оставался пустымъ. Тогда нужно было возобновить торговую дѣятельность. Въ современномъ актѣ, относящемся до этого событія (Bunge, III. 3. 251) говорится, что предъ тѣмъ болѣе двухъ лѣтъ продолжалась война у новгородцевъ съ нѣмцами; церковь св. Петра была заперта, утварь, богослужебныя одежды, книги, все писанное, и въ томъ числѣ скра, были взяты и переданы посламъ Ганзы въ Дерптѣ. Тогда нашли, что въ скрѣ нѣкоторые листы были вырваны и въ самый текстъ вписано много не принадлежащаго къ дѣлу. Положили переписать сызнова скру и постановили, чтобы на будущее время альдерманы берегли ее подъ страхомъ пени 10-ти марокъ серебра; а кто окажется виновнымъ въ вырѣзкѣ изъ нея части или въ самовольной припискѣ въ нее чего-нибудь, тотъ поплатится за это жизнію или имѣніемъ.

Digitized by Google

чинѣ путевыхъ опасностей, требовавшихъ взаимнаго содѣйствія къ ихъ преодолѣнію, составлялъ главную черту нѣмецкой факторіи въ Новгородѣ. Иноземцы прибывали въ Новгородъ артелями или «адмиралтействами», которые имѣли до нѣкоторой степени свою самостоятельность и всѣ вмѣстѣ, по отношенію ко двору или факторіи, составляли цѣлое. Общее раздѣленіе иноземныхъ купцовъ, принадлежавшихъ ко двору, было на лѣтнихъ и зимнихъ, или на водопутныхъ и сухопутныхъ. Сначала эти раздѣленія имѣли различныя права, такъ что водопутные пользовались преимуществами. Сухопутные или зимніе были въ большинствѣ ливонцы, а къ нимъ присоединялись также купцы изъ Пруссіи. Ливонскіе города составляли отдѣльныя отъ Ганзы корпораціи, впослѣдствіи же онѣ соединились съ Ганзою, и въ XIV-мъ вѣкѣ раздѣленіе купцовъ на водопутныхъ и сухопутныхъ исчезаетъ. Вообще Ганзейскій Союзъ не благоволилъ къ сухопутнымъ поѣздкамъ и даже формально запрещалъ ихъ. Такое запрещеніе послѣдовало въ 1344 году [1]). Отличительный характеръ новгородской конторы отъ другихъ, между прочимъ, состоялъ въ томъ, что въ ней не было постоянныхъ торговцевъ-жильцевъ, какъ напримѣръ въ Лондонѣ, Бергенѣ и другихъ европейскихъ городахъ. Новгородскій дворъ только посѣщали. Это было причиною, что его устройство носило подобіе дорожной компаніи и должностныя лица выбирались каждый разъ путешественниками, пріѣзжавшими на время въ Новгородъ. Время пребыванія ихъ было ограничено: лѣтніе жили до послѣдней навигаціи, зимніе до послѣдняго зимняго пути. Кромѣ раздѣленія на водопутныхъ и сухопутныхъ, тѣ и другіе дѣлились на коллегіи или отдѣлы (Ausschüsse) по мѣстамъ ихъ жительствъ, откуда они приходили. Но въ Новгородѣ коллегіи эти означали только мѣстность,

[1]) B. Hans. p. 279.

Digitized by Google

откуда пришли купцы, а не части союза. Купцы собственно составляли отдѣленія только для удобства помѣщенія; въ концѣ XV-го вѣка появились раздѣленія на трети, а потомъ на чети уже по частямъ союза; раздѣленіе это существовало уже прежде въ другихъ конторахъ, а въ новгородской ввелось позже;—когда именно опредѣлить трудно: въ половинѣ XIV-го вѣка (1363 г.) являются трети по поводу допущенія рижанъ и вообще ливонцевъ въ нѣмецкій дворъ; тогда состоялось постановленіе, представлявшее новодопущеннымъ третью часть двора (tertiam partem). Раздѣленіе на чети является уже въ концѣ XV в., но нельзя признавать его возникшимъ только тогда: вѣроятно, это былъ уже прежде того существовавшій обычай.

Всѣ, проживавшіе въ нѣмецкомъ дворѣ, имѣли сословное дѣленіе на мейстеровъ, кнехтовъ и учениковъ. Мейстеры были хозяева; прибывавшіе на ихъ счетъ кнехты,—ихъ приказчики или подручники. Было постановлено, чтобы кнехты не оставляли мейстеровъ, а мейстеры не прогоняли кнехтовъ безъ особыхъ причинъ; но мейстеръ обязанъ былъ своего кнехта отправить назадъ въ отечество, гдѣ его нанялъ. Мейстеры составляли совѣтъ (стевенъ) то въ бо́льшей, то въ меньшей зависимости отъ власти Ганзейскаго Союза. Сначала онъ дѣйствовалъ независимо. Послѣ усиленія Любека онъ подчинился ему. Потомъ Любекъ раздѣлялъ свою власть надъ нимъ съ Висби—новгородская контора зависѣла разомъ отъ двухъ городовъ, а когда Ганзейскій Союзъ совершенно сформировался—отъ цѣлаго собранія. Въ древнія времена стевенъ выбиралъ главнаго чиновника, альдермана двора. Впослѣдствіи, въ концѣ XIII-го вѣка, стевенъ потерялъ это право и альдерманъ назначался отъ Любека и Висби, такъ что тотъ и другой городъ поперемѣнно посылалъ альдермана въ Новгородъ одного за другимъ, а съ половины XIV-го вѣка альдерманъ назначался цѣлымъ союзомъ, и не обра-

Digitized by Google

щалось вниманія, изъ какого города онъ происходилъ. Альдерманъ двора имѣлъ право суда и даже право казнить смертію; былъ блюститель порядка, велъ сношенія съ начальствомъ Ганзейскаго Союза и съ русскими; отпускалъ купцовъ, позволялъ и запрещалъ ввозъ и покупку товаровъ. Онъ совмѣщалъ въ себѣ все управленіе; власть его была почти деспотическая, такъ что остальныя должностныя лица были въ сущности его подручники. Онъ выбиралъ себѣ по желанію изъ мейстеровъ четырехъ ратмановъ, называемыхъ *мудрыми*. Они были его помощники въ дѣлахъ. За альдерманомъ слѣдовали двое должностныхъ лицъ, называемыхъ альдерманы св. Петра, по имени церкви нѣмецкаго двора. Прежде они выбирались стевеномъ, потомъ, во время зависимости конторы отъ Любека и Висби, должности эти давались поперемѣнно лицамъ того и другого города; по сложеніи съ себя должности, они отдавали отчетъ о доходахъ и расходахъ стевену. Такъ постановляется въ 1373 году [1]); позже они назначались альдерманомъ двора. На нихъ лежала экономическая часть и отчасти полицейская, потому что они смотрѣли за соблюденіемъ правилъ. Впослѣдствіи, въ XV-мъ вѣкѣ, должность альдермана двора упразднилась, альдерманы св. Петра сдѣлались главными лицами и были выбираемы по четямъ. Каждая четь отряжала трехъ избирателей; всѣ двѣнадцать выбирали изъ среды себя двухъ альдермановъ. Тогда же сдѣлалось измѣненіе и въ ратманахъ: — вмѣсто четырехъ, альдерманы назначали двухъ и одного писца. Никто не могъ отказываться отъ возлагаемой на него должности подъ пенею десяти марокъ серебра, а второй разъ подъ пенею 50 марокъ и потерею правъ. Кромѣ этихъ чиновниковъ, къ должностнымъ лицамъ принадлежалъ священникъ: подобно альдерманамъ, онъ не былъ постоян-

[1]) Bunge, III. 3. 266.

Digitized by Google

нымъ жильцомъ нѣмецкаго двора, а пріѣзжалъ и уѣзжалъ съ лѣтнею или зимнею компаніею и, во время его пребыванія во дворѣ, другой священникъ не имѣлъ права тамъ находиться. Содержать его должны были гости, которые съ нимъ пріѣзжали. Во время двойнаго господства надъ конторой Любека и Висби, священникъ выбирался на цѣлый годъ поперемѣнно отъ того и другого города. По малограмотности нѣмецкихъ купцовъ, священникъ исправлялъ должность секретаря. Ему представлялось особое жилье, но, впрочемъ, въ этомъ жильѣ висѣли вѣсы для взвѣса денегъ и драгоцѣнныхъ вещей.

Все купечество раздѣлялось на коллегіи или артели. Каждая артель помѣщалась въ особомъ отдѣленіи: онѣ назывались дортсы. Дортсы эти были внутри двора двухъэтажные домы, на подклѣтяхъ. Артель выбирала себѣ фогта, хозяина, завѣдывавшаго всѣмъ механизмомъ обыденной жизни; онъ избиралъ себѣ двухъ помощниковъ-исполнителей, одного изъ хозяевъ, другого изъ кнехтовъ и повѣрялъ сверхъ того и другимъ лицамъ надзоръ за посудою и чистотою помѣщенія. Въ подклѣтяхъ помѣщалась столовая. Въ одномъ изъ зданій была, такъ-называемая, большая комната, гдѣ имѣлъ почетное право помѣщаться альдерманъ. У зимнихъ гостей она служила обыкновенно мѣстомъ провожденія времени, обѣда и вечернихъ бесѣдъ. Пиво служило обыкновеннымъ развлеченіемъ и оно никогда не переводилось, а приготовлялось для двора особымъ пивоваромъ. Ризенкампфъ отличаетъ отъ этой комнаты, служившей для бесѣды—гридницу. Значеніе послѣдней комнаты не ясно, но можетъ быть она была мѣстопребываніемъ служителей. Товары лежали въ клѣтяхъ, которыхъ было четыре. Это было деревянное зданіе, гдѣ помѣщались лавки. Купцу позволялось положить въ клѣть только часть своего товара, потому что громоздкіе товары лежали въ магазинѣ. Верхняя часть этихъ клѣтей занята

Digitized by Google

была преимущественно суконными товарами. Клѣти служили также и для спалень. Кромѣ этихъ зданій, въ нѣмецкомъ дворѣ была больница для ограниченнаго числа больныхъ, пивоварня, баня (въ позднѣйшее время), мельница и церковь, которая служила вмѣстѣ и кладовой. Она была сдѣлана на подвалѣ, — тамъ хранились товары; но нѣкоторые, по тѣснотѣ, были въ самой церкви, такъ что рядомъ съ алтаремъ стояли бочки вина; здѣсь же висѣли вѣсы; по стѣнамъ вѣшали тюки съ товаромъ; только на алтарь не позволено было, подъ пенею марки серебра, класть товаровъ. То, чего нельзя было помѣстить ни въ церкви, ни въ ея подвалѣ, хранилось въ магазинѣ, такъ-называемомъ моркевеговомъ покоѣ, названномъ такъ, вѣроятно, по имени перваго строителя. Каждый тюкъ или бочка должны были носить на себѣ значокъ хозяина, чтобъ не перемѣшать товаровъ по ихъ принадлежности; и тотъ, кто нарушалъ это правило, подвергался пени.

Такимъ образомъ, нѣмецкій дворъ составлялъ кучу отдѣльныхъ строеній, обнесенныхъ толстымъ заборомъ. Ворота вечеромъ на-глухо запирались и тогда спускались по двору большія цѣпныя собаки. Русскій могъ посѣщать нѣмецкій дворъ только днемъ. Караульные ходили день и ночь, смѣняясь въ установленное время, и должны были по очереди являться въ-пору, подъ опасеніемъ наказанія пенею. Попеременно два мейстера должны были вмѣстѣ караулить церковь, которая составляла предметъ особой заботливости, потому что лучшіе и драгоцѣннѣйшіе товары сохранялись тамъ. Этой обязанности подвергались не только тѣ, которые помѣщались во дворѣ, но и тѣ, которые, за недостаткомъ помѣщенія въ немъ, жили на квартирахъ. Нѣмецкій и готландскій дворы составляли собственность общины, вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ они были построены. Сверхъ того, были подъ городомъ пожни, которыя имъ принадлежали. Доходы нѣмецкаго двора со-

Digitized by Google

стояли въ умѣренной пошлинѣ, которою облагалась каждая ввозная статья, въ наемной платѣ за клѣти для товаровъ и за дортсы для помѣщенія, въ конфискованныхъ за нарушеніе правилъ товарахъ, въ пеняхъ и судейскихъ пошлинахъ. Ввозной пошлины платили зимніе гости по одному фердингу со ста марокъ серебра, что составляло $^1/_4$ процента, а лѣтніе—половину этой суммы. Въ этомъ различіи видно, что лѣтніе гости пользовались преимуществами, какъ первоначальные строители и настоящіе хозяева двора. Кто выѣзжалъ со двора путешествовать съ торговою цѣлью продажи товаровъ по новгородской волости, тотъ подвергался, при возвращеніи во дворъ, той же ввозной пошлинѣ, какъ и тогда, когда въ первый разъ являлся во дворъ съ товаромъ. Въ основаніе оцѣнки принималось клятвенное увѣреніе хозяина, подъ надзоромъ альдермановъ св. Петра. Утаенный товаръ конфисковался. Кромѣ ввозной пошлины, существовала еще такъ-называемая королевская:—это была пошлина, которую встарину давали нѣмцы Новгороду, но впослѣдствіи она обратилась въ пользу двора; вѣроятно, Новгородъ, уступилъ ее за годичную плату. Съ каждой пени бралось въ пользу двора часть съ суммы трехъ марокъ серебра, а какъ только сумма доходила до десяти марокъ, то двѣ марки. Не смотря на эти доходы, контора безпрестанно нуждалась въ деньгахъ, затруднялась иногда въ издержкахъ на отправку посольствъ и дѣлала займы у ливонскихъ городовъ, возвышала пошлины, или предлагала городамъ наложить у себя въ пользу русской торговли вѣсовую пошлину; но города не такъ легко соглашались на введеніе у себя новыхъ налоговъ, и самый сборъ ихъ былъ не великъ, потому что купцы удачно обходили его, провозя товары контрабаднымъ путемъ. Нѣмецкая контора въ Новгородѣ была главнымъ правительственнымъ мѣстомъ всей ганзейской торговли съ русскимъ міромъ; другія конторы во Псковѣ и Полоцкѣ

Digitized by Google

зависѣли отъ нея; всякія распоряженія, касающіяся какъ внутренняго устройства дворовъ, такъ и отношеній къ туземцамъ, указывались новгородскою конторою. Только о смоленской конторѣ не упоминается, когда говорится о новгородской и другихъ разомъ; она, казалось, не входила въ кругъ непосредственной подчиненности новгородской конторѣ; но тѣмъ не менѣе, и она, вѣроятно, до нѣкоторой степени, была съ нею связана, потому что, какъ видно изъ договора Мстислава, исключительно относящагося къ Ригѣ, была основана этимъ городомъ; торговля же ливонскихъ городовъ зависѣла впослѣдствіи отъ новгородской конторы.

IV.

ПРЕДМЕТЫ, СПОСОБЫ И ХАРАКТЕРЪ ТОРГОВЛИ СЪ НѢМЦАМИ.

Со всякими льготами и привилегіями и вообще съ гостепріимствомъ Новгорода къ иноземцамъ, вѣковое торговое знакомство не произвело нравственнаго единенія между туземцами и гостями. Духъ корпораціи, свойственный средневѣковой торговлѣ, побуждалъ вести торговлю, имѣя въ виду исключительно выгоды своего общества. Контора запрещала отдѣльнымъ членамъ своей общины вступать съ русскими въ торговое общество и давать имъ въ кредитъ товары и даже деньги. Дѣятельность каждаго лица была связана и ограничена. Торговля должна была происходить съ-вѣдома начальства конторы. Сближеніе съ русскими дозволялось настолько, насколько это могло быть полезно для общества. Такимъ образомъ, контора сознавала необходимость знанія русскаго языка, и держала у себя переводчиковъ; для этой цѣли ихъ съ дѣтства отдавали учиться

Digitized by Google

къ русскимъ людямъ, но запрещалось учиться по-русски совершеннолѣтнимъ, достигшимъ двадцатилѣтняго возраста, — чтобъ не допустить личныхъ сношеній, независимыхъ отъ конторы. Удаляя всякую конкурренцію, община располагала цѣнами товаровъ, какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ по своему желанію и потому продавала нѣмецкіе товары какъ можно дороже, русскіе—какъ можно дешевле. Чтобъ удерживать постоянно дорогія цѣны на свои товары, запрещалось въ разныя времена торговцамъ привозить отдѣльно товаровъ болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы такимъ образомъ не было большого изобилія, которое повлекло бы за собою пониженіе цѣнъ; съ другой стороны, для того, чтобы русскіе товары постоянно оставались на низшей цѣнѣ въ сравненіи съ нѣмецкими, — запрещалось купцу, для покупки ихъ, привозить болѣе 1000 марокъ, подъ опасеніемъ конфискаціи лишняго [1]).

Нѣмцы составляли въ разныя времена правила, какіе товары слѣдуетъ ввозить, какихъ не слѣдуетъ; такъ наприм. въ 1373-мъ году постановлено не ввозить въ Новгородъ обрѣзанныхъ суконъ и краснаго цвѣта тканей (scarlaten), чтобъ довольствовались зелеными (grenen). И кто поступалъ противъ этого правала, тотъ подвергался потерѣ товара, дѣлавшагося достояніемъ св. Петра, и еще пенѣ 10-ти марокъ серебра [2]). Въ 1414 году Орденъ Ливонскій поручалъ не продавать новгородцамъ и псковичамъ лошадей и принуждалъ къ этому города [3]). Корпоративной силѣ способствовало то, что контора вела только оптовую торговлю, а розничная торговля иностранными товарами предоставлялась русскимъ. Покупки сырыхъ товаровъ также производились оптомъ. Тутъ, очевидно, выигрышъ всегда долженъ былъ переходить на сторону нѣм-

[1]) Urk. B. 271. 276. 351.

[2]) Bunge, III, 3. 286.

[3]) Bunge. V, 1. 10.

Digitized by Google

цевъ. У послѣднихъ была община; члены ея покупали по тѣмъ цѣнамъ, какія назначила община; слѣдовательно, покупщикъ былъ какъ бы одинъ, а продавцовъ много. Между нѣмцами не было конкурренціи, между русскими она оставалась. Нѣмцы назначали цѣны русскимъ товарамъ сами; изъ русскихъ всегда были такіе, которые не могли упрямиться и выжидать, а должны были продавать по томъ, по чемъ имъ даютъ, и такимъ образомъ низкія цѣны утверждались. Тѣ, которые хотя бы и не хотѣли продавать своихъ товаровъ по такимъ цѣнамъ, рано или поздно были къ этому принуждены: продать было некому, кромѣ нѣмецкаго двора. А какъ сырые продукты доставлялись купцамъ отъ сельскаго и рабочаго народа, мелкихъ торговцевъ, то богатые купцы должны были давать производителямъ и первоначальнымъ покупателямъ дешево; такимъ образомъ, производительность края вознаграждалась слишкомъ скупо, а покупка чужихъ товаровъ обходилась, въ сравненіи съ своими средствами, слишкомъ дорого. Новгородская торговля была болѣе выгодна для нѣмцевъ, чѣмъ для благоденствія туземнаго края. Итакъ, несмотря на продолжительную торговлю, богатство края не увеличивалось. Новгородская волость служила предметомъ эксплоатаціи для нѣмцевъ. Нѣмцы запрещали своимъ членамъ показывать русскимъ какую-нибудь технику, чтобъ они не переняли чего-нибудь и не пустились сами на фабричное производство: черезъ это ослабилось бы вліяніе иноземцевъ и перевѣсъ иноземныхъ гостей передъ туземцами. Въ торговыхъ сдѣлкахъ господствовало недовѣріе: нѣмцы обвиняли русскихъ въ недобросовѣстности и обманахъ. Такъ, въ 1414 г. жаловался купецъ изъ Брюгге, что новгородецъ, продавъ ему воскъ, наложилъ туда кирпичей для увеличенія вѣса [1]). Когда продавали русскимъ товары, или

[1]) Bunge, V, 1.

Digitized by Google

покупали у нихъ, то сдѣлки происходили при свидѣтеляхъ; русскихъ непремѣнно заставляли при себѣ пересчитать, перемѣрять и повѣрить, и нѣмецъ платилъ русскимъ не иначе, какъ съ большою осторожностію. Удалый духъ новгородцевъ постоянно побуждалъ нѣмцевъ бояться со стороны ихъ нарушенія правъ гостепріимства и насилій. Были примѣры, что нѣмцы постановляли не покупать у русскихъ никакихъ товаровъ, и русскіе жаловались на нихъ за нарушеніе торговаго мира; такъ въ 1375-мъ году жаловались на постановленіе—не покупать у новгородцевъ мѣховъ, которые означены въ актахъ нѣмецкихъ подъ именемъ Trogenitzen und Poppelen [1]), а въ 1376-мъ году толковали о томъ, какъ покупать у новгородцевъ мѣха, называемые Hardink (?). Дерптскій Совѣтъ, въ которомъ шло объ этомъ дѣло, замѣтилъ, чтобъ мѣха эти не были испорчены и худого достоинства [2]). Съ своей стороны, и новгородцы жаловались, что нѣмцы доставляютъ имъ дурные товары. Дѣйствительно, нѣмецкіе купцы, смотря съ-высока и съ пренебреженіемъ на русскихъ, не считали предосудительнымъ сбывать въ Новгородѣ всякую дрянь. Такъ, наприм., около 1300 года возникло недоразумѣніе по поводу привоза полотенъ; самъ альдерманъ нѣмецкаго двора призналъ ихъ дурными, и новгородцы объявили, что если нѣмцы будутъ привозить подобное, то ихъ товары будутъ конфискованы, а самихъ продавцовъ вышлютъ [3]). Въ началѣ XV-го вѣка, сами нѣмецкіе торговцы въ Новгородѣ роптали на нѣмецкіе города, что оттуда доставляютъ имъ плохія и короткія сукна, а новгородцы за то имъ

[1]) Bunge, III, 4. 298.

[2]) Nicht limen noch besceren, noch beplucken, noch blien, noch in binden, noch lappen, noch de hovede, etc. Bunge III. 4, 311.

[3]) Rutheni sic dixerunt, si de caetero talium bonorum vectorem reperiennt de Nogardia, sine suis bonis sit nihilominus ammovendus. Bung. I. H. 8. 768.

Digitized by Google

дают плохой воскъ [1]). Изъ этихъ чертъ видно, что, несмотря на наружное дружественное отношеніе, новгородцы и иноземцы смотрѣли одни на другихъ съ подозрѣніемъ и недоброжелательствомъ. Дѣйствительно, несмотря на привилегіи, какія давались иноземнымъ торговцамъ, ихъ дворы не разъ терпѣли отъ новгородской удали, и доброе согласіе нарушалось, торговыя сношенія прекращались. Въ 1168-мъ году задержали варяговъ въ Новгородской Земѣ; въ 1291-мъ году ограбили нѣмецкій дворъ, и никакъ нельзя было найти виновныхъ, хотя самъ князь хлопоталъ о вознагражденіи нѣмцамъ, и въ заключеніе долженъ былъ сказать, что нѣмцамъ остается заплатить Новгороду тѣмъ-же самымъ [2]).

Съ тѣхъ поръ, какъ епископъ Альбертъ призвалъ въ Ливонію рыцарей и началось покореніе Остзейскаго края, Новгородъ, владѣвшій этимъ краемъ и бравшій съ него дань, вступилъ во враждебное отношеніе съ Орденомъ и черезъ него съ германскимъ населеніемъ. Въ 1229 г. папа Григорій IX-й запрещалъ торговлю съ русскими, какъ съ врагами всего римско-католическаго христіанства, указывая на то, что они препятствовали въ Финляндіи распространенію вѣры, выставлялъ это дѣло оскорбленіемъ всего католичества, и поручалъ рижскому епископу дѣйствовать убѣжденіями и своею церковною властью на купцовъ [3]). Это нарушало мирное теченіе торговыхъ оборотовъ. Во

[1]) Bunge, IV, 4. 378. V. I. 35. 99.

[2]) Mandat rex, quod si viri estis ipsis reddite, quod vobis fecerunt, et vicem rependite, ut bene potestis. Bunge, I, H. 7. 686.

[3]) Cum vero universi fideles reputare debeant, in se ipse fieri, quod in eundem acquisitionis populum committitur a praedictis, qui Dei sunt et fidei catholici inimici, discretioni vestrae per apostolica scripta mandamus, quatenus mercatores de partibus vestris, ne mercimonia, cum illis exerceant, donec desinant persequi de novo conversos ad fidem in terris eisdem, monitione praemissa, per censuram ecclesiasticam, appellatione remota, cogatis. Bunge, 1. III. 20.

Digitized by Google

время борьбы противъ нѣмцевъ Александра Невскаго, торговля прекратилась неизвѣстно на сколько времени, но, вѣроятно, надолго, потому что въ 1257—1259 годахъ составленъ договоръ Александра Невскаго, гдѣ говорится: *что ся учинило тяжи межи Новгородци и межи Нѣмцы и Готи и съ всѣмъ Латинскимъ языкомъ, то все отложихомъ* [1]). Съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ нарушалось согласіе, послѣ чего была потребность новыхъ грамотъ и договоровъ. Это нарушеніе послѣдовало и предъ 1269 — 1270 годами, когда дана грамота Ярославомъ [2]). Въ 1278 г., по просьбѣ архіепископа рижскаго и гермейстера Эрнста, прекращено было сношеніе нѣмецкихъ торговцевъ съ Новгородомъ. Оно было снова возстановлено, но взаимное недовѣріе и зависть выступили и въ 1291 году. Непріязненныя отношенія къ Ордену, часто возобновлявшіяся, дѣйствовали невыгодно на мирный ходъ торговли и неоднократно прекращали дѣятельность новгородской конторы, хотя вообще Великій Новгородъ старался выгородить торговлю. Такъ, въ 1308 году новгородцы заключили договоръ съ Михаиломъ Ярославичемъ обороняться противъ рыцарей, но съ тѣмъ, чтобы торговцы нѣмецкихъ городовъ были изъяты отъ непріязненныхъ дѣйствій. Долгая вражда со шведами, въ концѣ XIII-го и въ началѣ XIV-го вѣковъ, не оставалась безъ вредныхъ послѣдствій для торговли, хотя шведскій король и ограждалъ свободу плаванія привилегіями. Только, по заключеніи мира въ 1323 году, въ слѣдующій годъ была дана грамота, дозволявшая безусловно-свободную торговлю по Невѣ съ правомъ входа и выхода, но тогда Выборгъ владѣлъ уже путемъ невскимъ [3]). Въ 1338 году, по случаю возникшихъ неудо-

[1]) Собр. Гр. № 1.

[2]) Cod. Lubec, 297, 298.

[3]) Id circo vola ut dicti mercatores hujus modi passagium sive transitum in Nogardiam pro libito suae voluntatis exercentes veniendo, mo-

Digitized by Google

вольствій съ Орденомъ за убійство русскаго посла въ Дерптѣ, ганзейскіе уполномоченные дѣйствовали заодно съ новгородскими послами и старались объ удовлетвореніи Новгорода; тогда, по ихъ посредничеству, постановили, чтобы, въ случаѣ убійства, вообще отвѣчали одни виновные лично. Со Псковомъ распри у Ордена были безпрерывны и вмѣстѣ съ тѣмъ прерывалась торговля съ этимъ городомъ. Поэтому постановлено, чтобъ въ случаѣ еслибы возгорѣлась война между Новгородомъ и сосѣдями—кѣмъ бы то ни было: шведами, датчанами, Орденомъ, или рижскимъ, дерптскимъ и эзельскимъ епископствами, — купцы должны имѣть свободную торговлю [1]). Во время войнъ со шведами, король шведскій Биргеръ не загорожалъ, однако, пути европейскимъ торговцамъ. Такимъ образомъ, въ 1303 г. дана была привилегія плавать по Невѣ съ товарами, съ условіемъ не возить въ Новгородъ оружія и вообще желѣза [2]), и въ 1313 [3]), даже безъ включенія этого ограниченія, хотя между шведами и Новгородомъ не было мира. Новгородцы старались, во что бы то ни стало, сохранять миръ съ сосѣдями ради своей торговли, но навлекали на себя жалобы отъ псковичей въ томъ, что не оказываютъ имъ помощи. Были, однако, случаи, когда миролюбивая по-

---

rando et redeundo, tam in aquis, quam in terris, tam in rebus, quam personis pro me et omnibus meis sub castrum viborgensi constitutis et astrictis meis obedire mandatis et aliis omnibus, causa mei facere vel dimittere volentibus, liberi semper permaneant et securi (Bunge, III. 2. 121).

[1]) Weret sake dat de Novgardere ein orloge cregen mit dem koninge van Sweden oder mit des koninges mannen van Danemarke, ofte mit deme stichte van Darbete, ofte mit deme biscope van der Rige, ofte mit dem biscope van Osele, dar ne scal de Dudesche kopman nicht me to donde hebben, he scal einen reinen wech hebben beide to lande und to watere sunder hindernisse (Bunge, II. 4. 312).

[2]) Bunge, III. 2. 106.

[3]) Bunge, III. 2. 118.

Digitized by Google

литика Новгорода уступала требованіямъ союзныхъ обязательствъ со Псковомъ. Новгородъ вступалъ въ открытую войну съ Орденомъ и тогда непріязнь распространялась и на ганзейскихъ торговцевъ по причинѣ союзной связи, въ какой находились съ Ганзою ливонскіе города. Такъ, въ 1362 году арестъ псковскихъ пословъ въ Дерптѣ произвелъ войну, и хотя на слѣдующій, 1363 годъ [1]), выборные отъ концовъ Великаго Новгорода бояре заключили въ Юрьевѣ миръ съ нѣмцами и обѣ стороны дали свободу задержаннымъ купцамъ, но недоразумѣнія между Псковомъ и Ливоніею возобновились и опять втянули Новгородъ во вражду съ нѣмцами. Въ 1366 году Любскій Совѣтъ запретилъ всѣмъ ганзейскимъ городамъ торговать съ русскими и возить къ нимъ соль и мелкую соленую рыбу [2]); однако, Ревелю дано исключеніе: товары, доставляемые въ Ревель, могли отправляться въ Россію, и если комендаторъ и консулы дозволяли, то и въ Ревелѣ можно было продавать товары русскимъ [3]). Понятно, что эти торговыя сношенія раздражали новгородцевъ, и они заступились за Псковъ, который, по обыкновенію, умолялъ ихъ о помощи, когда на него нападали непримиримые враги. Тогда контора была закрыта до заключенія мира въ 1370 году. Весь обиходъ нѣмецкаго двора былъ перенесенъ въ Дерптъ, а ганзейскіе послы, прибывшіе для заключенія мира въ Новгородъ, нашли контору пустою. Несмотря на миръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ, оставалось долго недовѣріе, и въ 1371 году опять произошла размолвка. Послы Ганзы Іоганнъ Шепенштеде и Даніэль фанъ-деръ-Гейде въ Дерптѣ извѣщали ревельскій магистратъ и другія мѣста, чтобъ не допускали никакихъ русскихъ товаровъ, по поводу какого-

[1]) Новг. Л. I, 88.

[2]) Allec—по Дюканжу мелкая рыба, годная для соленія; вѣроятно—килька.

[3]) Bunge, II. 8. 770.

Digitized by Google

то имущества, задержаннаго въ Перновѣ [1]). Въ томъ же году послы ѣздили въ Новгородъ, но не заключили мира. Новгородцы отказались, неизвѣстно почему, подписать проэктъ договора, представленный послами. Заключено было только перемиріе до Иванова дня слѣдующаго года. Въ 1373 году было еще посольство, чтобы уладить недоразумѣнія [2]). Въ 1375 году опять сдѣлалось недоразумѣніе: какого-то новгородскаго купца, называемаго нѣмцами *Oeake*, вѣрно Абакума, задержали въ Дерптѣ. Новгородцы жаловались, что и другихъ ихъ братьевъ нѣмцы задержали и томятъ въ оковахъ. Въ отмщеніе за то, они приставшаго на ладьѣ къ Новгороду нѣмецкаго купца Іоганна фонъ-Брунслаке съ товарищами арестовали и отвели во дворъ Абакумовъ. Нѣмцы просили ходатайства у владыки. Владыка послалъ приставовъ къ посаднику, и посадникъ обѣщалъ собрать бояръ (de Herren), а потомъ далъ отвѣтъ, что нѣмцы освободятся тогда, когда изъ Дерпта выпустятъ Абакума. Изъ письма Дерптскаго Совѣта къ Ревельскому, видно, что тогда въ Дерптѣ было задержано четыре русскихъ купца [3]). Изъ актовъ того времени видно, что поводомъ къ тому былъ споръ этого Абакума съ нѣмцемъ Вробердрункеномъ объ имуществѣ; споръ ихъ уладили, наконецъ, такъ, что русскій, по приговору, заплатилъ 250 монетъ и отпущенъ, а новгородскіе послы при этомъ дали обязательство, что ни Абакумъ, ни другіе не будутъ мстить на купцахъ нѣмецкихъ, живущихъ въ Новгородѣ [4]). Въ 1377 году опять возникло столкновеніе. Новгородцы были ограблены на Эмбахѣ и вслѣдъ затѣмъ задержаны купцы нѣмецкіе въ Новгородѣ. Ревельскій Совѣтъ писалъ въ Новгородъ, что удивляется, какъ новгородцы, умные люди,

[1]) Bunge, III. 3. 259.
[2]) Urkund. Buch. 290, 291. Willebr. 189.
[3]) Bunge, III. 4. 297—299.
[4]) Bunge, III. 4. 311.

Digitized by Google

взыскиваютъ на невинныхъ и представлялъ, что имущества ограбленныхъ найдены и сохранены [1]). Когда, не зная этого, новые купцы прибыли въ Новгородъ, то уже не новгородцы, а нѣмецкая контора присудила ихъ къ пени, и Ревельскій Совѣтъ долженъ былъ ходатайствовать за нихъ передъ Совѣтомъ Любека и Висби, доказывая, что послѣдніе торговцы поѣхали въ Новгородъ еще прежде объясненія новгородскихъ пословъ [2]). Но въ 1386 году опять сдѣлался разрывъ съ Орденомъ; Ганзейскій Союзъ поставленъ былъ въ такое недоумѣніе, что помышлялъ перевесть всю русскую торговлю въ Ливонію. Споры длились до 1391 года. Въ эти пять лѣтъ, хотя не доходило до явной непріязни, но не было, — какъ говоритъ лѣтописецъ,—и крѣпкаго мира [3]). Наконецъ, миръ былъ заключенъ въ Изборскѣ между новгородцами и псковичами съ одной стороны [4]), и Орденомъ и городами Союза—съ другой [5]). Теченіе торговли опять пошло стройно. Но столкновенія не прекратились. Въ слѣдующемъ году прибыло въ Новгородъ нѣмецкое посольство [6]) и жаловалось, что новгородцы отняли у купцовъ дерптскихъ ихъ имущества. Оказалось, что нѣмецкій дворъ былъ новгородцами сожженъ и церковь повреждена. Новгородцы оправдывались тѣмъ, что въ Нарвѣ ограбили ихъ купцовъ, и они за это удовлетворили семерыхъ братьевъ, потерявшихъ тамъ свое

---

[1]) Bunge, III. 4. 331.

[2]) Ibidem, 333.

[3]) Новг. I. 96.

[4]) Посадниками: Василіемъ Ѳедоровичемъ, Богданомъ Абакумовичемъ, Ѳедоромъ Тимоѳеевичемъ, тысячскими: Есипомъ Филелеевичемъ, Василіемъ Борисовичемъ и купцами.

[5]) Послами городовъ Риги, Юрьева, Колывани, Любека, Готланда, и изъ иныхъ городовъ многихъ.

[6]) Изъ Любека Іоганнъ Нибуръ, изъ Готланда Гейнрихъ фонъ-Фландернъ и Годеке Куръ, изъ Риги Тидеманъ фонъ-деръ-Нимбруггенъ, изъ Ревеля Гердъ Витте, изъ Дерпта Витольдъ Книпроде.

Digitized by Google

достояніе. Послѣ споровъ заключили миръ: русскіе приписывали сожженіе двора ворамъ и обѣщались отыскать ихъ и наказать, но не брали на себя отвѣтственности, если не отъищутъ преступниковъ. Такъ же точно и нѣмецкіе послы обѣщались отъискивать и судить разбойниковъ, ограбившихъ и убившихъ на Невѣ купца Моисея съ его сыновьями и компаніею, а если не отъищутъ, то не отвѣчаютъ. Постановили, что если Новгородъ попадетъ въ споръ съ Орденомъ или со Швеціею, или съ епископами, или съ морскими разбойниками,—нѣмецкіе купцы не должны терпѣть отъ этого, — имъ предоставленъ свободный путь по водѣ и по суху черезъ Новгородскую Землю и сюда, и назадъ; равнымъ образомъ, и новгородцы могли свободно ѣздить въ Готландъ и въ Дерптское епископство. Съ обѣихъ сторонъ миръ и союзъ укрѣпили крестнымъ цѣлованіемъ [1]). Въ 1400 году опять возникло какое-то неудовольствіе, которое имѣло вредное вліяніе на торговлю. Споръ произошелъ, какъ кажется, со псковичами у дерптскаго и ревельскаго епископовъ. Въ этотъ споръ вмѣшался, съ одной стороны, Новгородъ, съ другой — Орденъ. Послѣдовало отъ Совѣта епископовъ и отъ городовъ запрещеніе торговать съ русскими и возить въ русскіе города товары, плавать по Невѣ, а также пропускать въ свою землю русскіе товары, подъ страхомъ потери имущества и самой жизни [2]). Въ Новгородѣ были свои причины недоразумѣній по поводу иска одной торговой складчины со внуками бывшаго ревельскаго бургомистра и товарищами его за 400 рублей. Судъ по этому вопросу происходилъ въ Новгородѣ предъ новгородскими судьями, при послахъ нѣмецкихъ, и судъ призналъ выигрышъ за русскими; однако, исполненіе приговора не послѣдовало, и Новгородъ извѣ-

---

[1]) Bunge, III. 7. 190.

[2]) Bunge, IV. 3. 334. Bi live und bi gude.

Digitized by Google

щалъ, что если присужденные не отдадутъ иска, то Новгородъ возьметъ четыреста рублей на нѣмецкихъ купцахъ [1]). Нѣмецкія конторы извѣщали другъ друга, что новгородцы намѣрены сдѣлать нападеніе на земли ливонскія [2]).

Войны однако не было. Недоразумѣнія какъ-то пріостановились въ 1401-мъ году. Новгородскіе послы Кирило Андріановъ, Захаръ Микулинъ, и псковскіе Романъ Сидоровъ, Димитрій (которому нѣмцы даютъ, вѣроятно, испорченную фамилію Sasseteke), и Гаврило Сухловъ (Suchloww), жаловались Ганзѣ, что нѣмцы привозятъ имъ очень короткія сукна (laken), медъ въ самыхъ малыхъ бочкахъ, сладкое вино въ малыхъ сосудахъ и дурного качества, и соль въ малыхъ мѣшкахъ; не принимаютъ отъ нихъ воскъ иначе какъ съ тугою набивкою, и вообще русскіе товары подвергаютъ осмотру и налогамъ (men beschote). Эти просьбы переданы были сейму ливонскихъ городовъ, такъ какъ торговля этими товарами касалась преимущественно ливонцевъ. Въ февралѣ 1402 года, на дерптскомъ сеймѣ союзныхъ ливонскихъ городовъ (Риги, Ревеля, Дерпта, Перновы), по три депутата отъ каждаго, постановили, что о томъ, чтобъ товары доставлялись въ Новгородъ въ надлежащемъ видѣ, они сдѣлаютъ распоряженіе, замѣтивъ однако при этомъ о винѣ, что оно не производится въ ихъ земляхъ, и бочки не дѣлаются у нихъ; а на требованіе новгородцевъ и псковичей относительно досмотра русскихъ товаровъ, сеймъ отвѣчалъ, что это не мѣшаетъ русскимъ, если ихъ товары хороши, и что, вообще, такъ издавна велось [3]). Взаимное нерасположеніе проглядываетъ въ послѣдующихъ торговыхъ отношеніяхъ ливонскихъ городовъ и Новгорода. Въ томъ же 1402-мъ году, въ ноябрѣ, ревель-

[1]) Bunge IV. 3. 343.
[2]) Bunge IV. 3. 346.
[3]) Bunge IV, 4. 391—410.

Digitized by Google

скій магистратъ повторилъ существовавшее прежде запрещеніе торговать съ русскими на кредитъ на три года, исключая тѣхъ, которые торговали съ русскими на сухомъ пути, потому что долги этихъ были необязательны для городовъ; напротивъ, тѣ, которые вели свою торговлю по водѣ, состояли подъ поручительствомъ городовъ. Въ 1417-мъ году опять было клонилось къ разрыву [1]); новгородцы готовы были принять сторону псковичей въ ихъ безпрерывныхъ распряхъ съ Орденомъ, но дѣло обошлось безъ послѣдствій: скоро уладились недоразумѣнія. Черезъ нѣсколько времени опять возникли взаимныя неудовольствія съ Орденомъ; въ 1420-мъ году, съѣхались съ обѣихъ сторонъ, и распря была улажена миромъ въ Нарвѣ [2]). Черезъ два года опять сдѣлалась размолвка. Въ Новгородѣ задержали иноземцевъ, а ганзейцы начали захватывать русскія суда [3]). Вслѣдъ за тѣмъ заключенъ былъ миръ и, Ганза отдала Новгороду захваченныя суда, но потомъ въ 1442-мъ году возникло неудовольствіе съ Орденомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространилось и на иноземныхъ купцовъ новгородской факторіи. Задержали купцовъ въ Новѣгородѣ, снова контора была закрыта, и Ганза поневолѣ должна была, по требованію Ордена, прекратить торговыя сношенія съ Новгородомъ. Такъ было до 1448 года, когда снова заключили миръ. Это была послѣдняя вражда Новгорода съ Орденомъ, въ которую невольно впутывались интересы Ганзы.

Послѣ паденія независимости Новгорода и переселенія его жителей, новгородская торговля упала, контора закрылась. Война, возникшая у Ордена съ Московіею, принявшей сторону Пскова, продолжалась до 1483 года. По ска-

[1]) Ваяша Новгородци съ Нѣмци миръ. Новг., IV., 115. Bunge V, I. 109.

[2]) Новг. Л. I, 109.

[3]) Villebr. II, 206.

Digitized by Google

занію ливонскаго историка Руссова [1]), Иванъ III-й придрался къ тому, что въ Ревелѣ казнили двухъ русскихъ: они были уличены—одинъ въ дѣланіи фальшивой монеты, другой въ содомскомъ грѣхѣ;—послѣдняго сожгли живого. Ганза получила прежнія права; но черезъ одиннадцать лѣтъ наступилъ роковой ударъ вѣковому учрежденію нѣмецкой конторы въ Новгородѣ. Въ 1494-мъ году сорокъ девять купцовъ—членовъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ — были препровождены насильно въ Москву; товары, суммою на 96,500 гривенъ, конфискованы; церковныя утвари и весь дворовый обиходъ взятъ на государя. Уничтожились древнія привилегіи Ганзы, и затворились двери двора нѣмецкаго [2]).

Какъ ни старалась нѣмецкая новгородская контора вытѣснить всякое совмѣстничество другихъ иностранцевъ въ Новгородѣ, но не могла достичь этого вполнѣ. Такъ, въ Новгородъ пріѣзжали фландрійцы и ломбардцы; послѣдніе продавали новгородцамъ произведенія, получаемыя съ Востока. Число ихъ вообще было невелико, потому что контора старалась убить всякую конкурренцію. Были иноземцы, проживавшіе въ Новгородѣ, вѣроятно, по торговымъ дѣламъ, но не зависѣли отъ конторы. Подъ 1270-мъ годомъ новгородцы жаловались на князя за то, что онъ прогоняетъ живущихъ среди ихъ иноземцевъ [3]). Здѣсь едва-ли можно понимать контору, потому что члены конторы посѣщали Новгородъ временно; скорѣе надобно предполагать, что здѣсь разумѣются иноземцы, проживавшіе въ городѣ добровольно.

Поѣздки за-границу новгородцевъ по торговымъ дѣламъ совершались постоянно, но въ раннія времена бо-

[1]) Chronicka, 32.

[2]) Russow, 39; Карамзинъ VI, 249; Hiarn. 188.

[3]) Чему выводишь отъ насъ иноземца, которыи у насъ живутъ? Новг. I, 61.

Digitized by Google

лѣе, чѣмъ въ послѣдующія; потому что съ тѣхъ поръ, какъ образовался Ганзейскій Союзъ, и контора подчинена была строжайшей корпораціи, — всѣ мѣры были предприняты, чтобы торговля въ Новгородѣ была исключительно въ рукахъ конторы. Въ XII-мъ вѣкѣ встрѣчаются извѣстія о поѣздкѣ новгородцевъ за-границу; такъ напримѣръ, въ 1188-мъ году, когда произошла вражда съ нѣмцами—новгородцы не пустили своихъ за море [1]). Уже прежде сказано, что въ грамотѣ императора Фридриха, данной Любеку въ XII-мъ вѣкѣ, въ числѣ посѣщавшихъ этотъ городъ иноземныхъ торговцевъ, упоминаются русскіе. Изъ договоровъ XII-го и XIII-го столѣтій видно, что новгородцы посѣщали Любекъ, Готландъ и разные прибалтійскіе города довольно часто, потому что предупреждаются разныя случайныя столкновенія, которыя могутъ возникнуть только при достаточномъ знакомствѣ со страною, напримѣръ оскорбленіе женщинъ, ссора, сопровождаемая раздраніемъ платья [2]). Указаніе на то, какой судъ долженъ соблюдаться надъ новгородцами въ чужой землѣ, показываетъ, что новгородцы не только на короткое время посѣщали тѣ края, но и проживали тамъ ради своихъ дѣлъ. То же видимъ въ договорѣ Невскаго (1257—1259 г.), гдѣ упоминается о становищѣ новгородскомъ на готскомъ берегу [3]). Эти поѣздки были не безъ опасностей; такъ, въ 1130-мъ году семь ладей новгородскихъ съ товарами погибли отъ бури, а торговцы возвратились домой, хоть здоровые, да голые [4]). Несмотря на взаимное обезпеченіе правъ торговцевъ, возникли недоразумѣнія и оскорбленія торговцамъ: въ 1188 году прибалтійскіе горожане (варяги)

[1]) Новг. Л. I, 20.

[2]) 1185 г. Ярослава Владимировича. Собр. Гр. № 1.

[3]) А новгородцамъ въ становищи на Готскомъ берегу безъ напасти въ старый миръ (Ibidem).

[4]) Новг. Л. I, 6.

Digitized by Google

посадили въ тюрьму (рубэша) новгородцевъ. Въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ о поѣздкахъ новгородцевъ упоминается рѣже, и, должно думать, что контора, стараясь покупать все на мѣстѣ и привозить въ Новгородъ все нужное, предупреждала эти поѣздки, имѣя въ виду эгоистическую цѣль—не допустить новгородцевъ до знакомства съ Европою, чтобы ихъ держать въ зависимости. Но поѣздки эти совсѣмъ не прекращались. Такимъ образомъ, какъ выше сказано, въ 1422-мъ году захвачено было Ганзою нѣсколько новгородскихъ судовъ.

О торговлѣ съ Даніею, Швеціею и Норвегіею сохранились очень скудныя извѣстія; но ясно, что съ этими странами были непосредственныя торговыя сношенія; такъ въ 1134-мъ году новгородцевъ задержали въ Даніи [1]). На торговлю съ Даніею указываетъ договоръ, заключенный въ 1302-мъ году [2]); о торговлѣ съ Швеціею и Норвегіею мы знаемъ изъ договоровъ, заключенныхъ въ XIV-мъ вѣкѣ [3]): тогда новгородцы посѣщали Швецію и Норвегію, а норвежцы торговали на Заволочьѣ. Такъ какъ Заволочье играло важную роль въ этихъ договорахъ, то, видно, древнія разбойническія нападенія скандинавовъ на сѣверныя края нынѣшней Россіи впослѣдствіи получили торговый характеръ.

V.

ТОРГОВЛЯ НОВГОРОДА СЪ РУССКИМИ ЗЕМЛЯМИ. ПРЕДМЕТЫ ТОРГОВЛИ.

Уступая перевѣсъ нѣмцамъ въ торговлѣ съ Западомъ, Новгородъ держалъ въ своихъ рукахъ торговлю съ остальною Россіею. Вездѣ и во всякое время можно было встрѣ-

[1]) Новг., I, 6.
[2]) Новг. Л., I, 68.
[3]) Antiquités Russes, II.

Digitized by Google

тить новгородскихъ гостей: одни направляли свою торговую дѣятельность на сѣверъ въ Корелу, на Онегу, и назывались обонежскими купцами. Другіе ѣздили на Двину и въ Пермь, третьи торговали въ Суздалѣ и Владимірѣ. Въ суздальской странѣ проживали всегда новгородскіе гости, какъ это видно изъ того, что великіе князья Суздальской Земли, во время распрей съ Новгородомъ, задерживали новгородскихъ гостей съ ихъ товарами [1]). Расширяя кругъ торговыхъ занятій на востокъ, новгородцы плавали по Волгѣ, и составляли компанію подъ именемъ низовскихъ гостей. Въ этомъ названіи слѣдуетъ различать новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ на Низу, и тамошнихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ на Сѣверъ. Послѣ паденія Хазарской державы, Поволжье наполняли бродячія орды; но монголы завели тамъ города. Богатства, пріобрѣтенныя грабительствомъ во время опустошительнаго Батыева похода, возбудили въ нихъ потребность цивилизаціи. Новгородскіе купцы нашли исходъ своей дѣятельности,—вели торговлю съ бесерменскими, хивинскими и персидскими купцами. Новгородъ, такимъ образомъ, вошелъ въ соприкосновеніе съ восточнымъ міромъ, и возобновилъ ту древнюю связь, отъ которой не осталось никакихъ памятниковъ, кромѣ рѣдкихъ арабскихъ монетъ въ Новгородской Землѣ. Новгородцы получали восточныя издѣлія, и передавали на Западъ. Нельзя положительно сказать, въ какой степени могли служить новгородцы для передачи западныхъ произведеній на Востокъ и въ Орду, но, кажется, едва ли они могли выдержать соперничество съ итальянскими торговцами, привозившими въ Орду европейскіе товары черезъ Черное море.

Торговля съ Южной Русью производилась издавна и постоянно, до опустѣнія края. Это видно изъ того, что

---

[1]) Новг. Л. I, 31.

Digitized by Google

новгородцы проживали въ Кіевѣ, въ Черниговской области, на Волыни. Въ XII-мъ вѣкѣ, въ Кіевѣ была у нихъ своя особая церковь святаго Михаила. Когда, въ 1225 году, князь черниговскій Михаилъ уходилъ изъ Новгорода, то говорилъ: «Не хочу у васъ княжити, иду къ Чернигову;— гостей ко мнѣ пускайте». О пребываніи новгородцевъ на Волыни упоминается подъ 1288 годомъ [1]). По образованіи Великаго Литовскаго Княжества, новгородцы и псковичи ѣздили съ торговою цѣлію по его владѣніямъ, какъ это видно изъ того, что Ольгердъ, поссорившись съ Новгородомъ, задерживалъ его купцовъ.

Изъ привозимыхъ нѣмецкими купцами товаровъ, болѣе всего въ расходѣ были сукна разныхъ сортовъ, въ томъ числѣ капеляки [2]), которое употреблялось на одежды священниковъ, разныя фландрійскія и англійскія сукна, нидерландскія и вестфальскія полотна. Но, чтобъ поддержать монополію германской промышленности, впослѣдствіи положили не возить въ Новгородъ фландрійскихъ и нидерландскихъ издѣлій, а сбывать преимущественно нѣмецкія. Изъ лучшихъ сортовъ суконъ считались красныя, особенно любимыя русскими. Соль, не смотря на обиліе этого продукта въ Россіи, привозилась иногда изъ-за границы; такъ въ 1402 году новгородцы жаловались, что привозимая нѣмцами соль была не надлежащаго вѣса и качества [3]). Въ большомъ количествѣ привозили вина и пиво, которое продавали оптомъ бочками. Вино было однимъ изъ главныхъ предметовъ и между прочимъ сладкое вино [4]), тѣмъ болѣе, что Новгородъ снабжалъ имъ весь русскій міръ для церковныхъ службъ. Привозили металлическія вещи, напримѣръ, нѣмецкія иголки, и металы въ кускахъ: олово

[1]) П. С. Р. Л. II, 220.
[2]) Urk. B. 286.
[3]) Bunge, IV, 4 393.
[4]) Soten wine. Bunge, IV, 4. 393.

Digitized by Google

изъ Англіи, мѣдь изъ Швеціи, изъ Богеміи желѣзо, свинецъ изъ Испаніи, шелкъ, получаемый черезъ Фландрію, обдѣланную кожу, пергаментъ, котораго расходилось очень большое количество, впослѣдствіи писчую бумагу, стекло, копченое мясо, сушеную рыбу и хлѣбъ, въ случаѣ голода въ Новгородѣ или войнъ съ Восточною Русью, когда нельзя было получать хлѣба изъ плодородныхъ русскихъ странъ. Привозъ металловъ вообще подвергался стѣсненіямъ со стороны сосѣдей. Серебро и золото ввозить не дозволялось, потому что благородные металлы считались преимущественно признаками богатства; желаніе Ганзы было таково, чтобы Новгородъ держать побѣднѣе и принуждать новгородцевъ брать за свои товары не деньгами, а нѣмецкими товарами. Новгородъ этого не понималъ и продавалъ иностранцамъ серебро, получаемое изъ за Камы. Желѣзо и сталь подвергались иногда стѣсненію; такъ Биргеръ, въ 1303 году [1]), находясь во враждѣ съ Новгородомъ, дозволялъ свободное плаваніе по Невѣ къ Новгороду, но съ условіемъ—не возить оружія новгородцамъ.

Изъ товаровъ, которые Новгородъ получалъ изъ внутри материка, первое мѣсто занимаютъ мѣха и шкуры, и этотъ предметъ составлялъ главнѣйшее богатство Новгорода [2]). Въ средніе вѣка мѣха повсемѣстно составляли щегольство нарядовъ и Новгородъ былъ такимъ образомъ поставщикомъ этого товара на цѣлую Европу. Это-то болѣе всего послужило новгородской промышленной предпріимчивости и направляло новгородцевъ къ занятію сѣверо-восточныхъ странъ нынѣшней Россіи. Это же было поводомъ къ движенію

[1]) Bunge, III, 106.

[2]) Въ XIV вѣкѣ, какъ видно изъ актовъ, покупали въ Новгородѣ какіе-то товары, называемые „трогницами“ и „поппелями“ (Bunge, III, 4. 305). Сарторій признаетъ ихъ мѣхами низкаго достоинства (II, 280. Anm. I, S. 287. Anm. 3 und S. 759). Другаго рода мѣха назывались hardinck (Bunge, III, 4. 311).

Digitized by Google

новгородской колонизаціи въ суровыя страны по близости къ Ледовитому морю. Мѣха собольи, лисьи, бобровые, куньи, получались изъ Заволочья, Печоры, Югры и Перьми, двумя способами: посредствомъ государственной дани и покупокъ. Даньщики отправлялись туда отъ правительства, сбирали съ подвластныхъ народцевъ мѣха и доставляли ихъ въ новгородскую казну. Опредѣленная часть дани принадлежала князю, но князь обыкновенно продавалъ свою дань,—причемъ Новгородъ обязывалъ его продавать не иначе, какъ только новгородцу. Вѣроятно, и тѣ дани, которыя собирались для казны Великаго Новгорода, также продавались или давались на откупъ частнымъ людямъ, по общепринятому издавна обычаю въ Россіи. Кромѣ мѣховъ, съ сѣвера получали новгородцы китовое и моржевое сало, морскихъ птицъ, а на берегахъ Ваги производили деготь и поташъ, какъ это видно изъ грамоты князя Андрея [1]). Изъ Перми и Югры, новгородцы получали серебро, которое, вѣроятно, доставалось съ сибирскихъ рудниковъ, обработываемыхъ издавна на берегахъ Енисея, по изысканіямъ Палласа. Большія выгоды отъ добычи мѣховъ должны были побуждать торговцевъ поселяться по близости къ сѣверо-восточнымъ странамъ, и такимъ способомъ образовалось свое мѣстное купечество на Двинѣ въ Заволочьѣ.

Кромѣ этихъ товаровъ вывозными статьями служили кожи, ленъ, конопля и воскъ. Новгородцы и псковичи посылали не только сырыя кожи, но и обдѣланныя: юфть, сколько извѣстно, единственный фабричный товаръ, выпускаемый изъ русскаго міра. Ленъ и конопля составляли важнѣйшій сбытъ Псковской Земли; новгородцы же отчасти получали ихъ изъ своихъ владѣній, особенно изъ Вологды, а также покупали въ Восточной Россіи. Воскъ

[1]) Акт. Арх. Экси. I.

Digitized by Google

и медъ получались изъ странъ приволжскихъ, гдѣ финскіе народы занимались пчеловодствомъ. Воскъ въ большомъ количествѣ отпускался за границу; католическая набожность дѣлала этотъ матеріалъ предметомъ первой необходимости. Но въ началѣ XV вѣка встрѣчаются примѣры, когда медъ получали новгородцы отъ ливонскихъ нѣмцевъ, можетъ быть по поводу какого-нибудь неблагопріятнаго дѣйствія на пчелиный промыселъ въ другихъ мѣстахъ, а можетъ быть находили выгоднымъ перепродавать его ганзейскимъ нѣмцамъ [1]).

Изъ предметовъ торговли, потребляемыхъ собственно внутри Россіи, первое мѣсто занимали хлѣбъ и рыба. Новгородская Земля не могла производить хлѣба достаточно для внутренняго потребленія и получала его изъ болѣе плодородныхъ краевъ Россіи. Это-то и было причиною, что Новгородъ долженъ былъ подчиняться требованіямъ великихъ князей, потому-что не могъ выдержать долгое время прекращенія торговыхъ связей съ остальною Русью. Въ XI, XII и отчасти XIII-мъ вѣкахъ, хлѣбъ получали съ юга, вѣроятно Днѣпромъ, съ Днѣпра шелъ онъ волокомъ до Ловати и, наконецъ, по Ильменю. Когда, вслѣдствіе внутренняго разложенія и, потомъ, послѣ Батыева разоренія, Русь южная опустѣла, Новгородъ получалъ хлѣбъ изъ Владимірской области и изъ Поволжья. Эта торговля должна была въ короткое время обогащать многихъ во время неурожаевъ, когда цѣны подымались вдругъ иногда до чрезвычайности; но зато хлѣбные торговцы легко могли навлечь на себя ожесточеніе народной толпы и въ одинъ день потерять собранное годами состояніе. Какъ хлѣбная торговля могла обогащать торговцевъ, можно видѣть изъ многихъ примѣровъ быстраго увеличенія цѣнъ, напримѣръ, удвоенія въ одинъ годъ:—въ 1187 г., осьмина стоила пол-

[1]) Bunge, IV, 3. 338.

Digitized by Google

гривны, а на другой годъ уже гривну. Такое возвышеніе цѣнъ составляло бѣдствіе простаго народа и открывало дорогу другаго рода торговлѣ: отцы и матери сажали въ ладью дитя свое и продавали гостямъ за хлѣбъ.

Рыбная торговля была значительною вѣтвію въ Новгородѣ. Обычай хранить посты поддерживалъ эту торговлю: купцы нанимали рыболововъ, доставлявшихъ имъ рыбу, и возили ее на продажу въ города. Памятью о значительности рыбной торговли служатъ пѣсни о Садкѣ, богатомъ гостѣ, который свое баснословное богатство пріобрѣлъ рыбными промыслами.

Главнымъ пунктомъ хлѣбной торговли былъ Новый-Торгъ, городъ, стоявшій на границѣ Новгородской Земли съ страною, откуда привозился хлѣбъ: и потому-то онъ сдѣлался между другими пригородами значительнымъ торговымъ мѣстомъ. Новгородскіе торговцы селились въ немъ и вскорѣ образовали тамъ свои мѣстные интересы иногда противные собственно новгородскимъ. Торговая дѣятельность понуждала новгородцевъ селиться и въ другихъ пригородахъ и основывать отдѣльное торговое общество. Такимъ образомъ, въ Русѣ и въ Ладогѣ существовало особое купечество. Уже въ XII-мъ вѣкѣ, въ грамотѣ Всеволода, встрѣчаются деревскіе и бѣжецкіе купцы. Были свои купцы на Онегѣ, въ Корелѣ, въ Вологдѣ и въ Перми, и во всѣхъ краяхъ образовалось торговое сословіе. Въ каждомъ краѣ, какой товаръ производился или удобнѣе получался, тамъ заводились и купцы, добывавшіе этотъ товаръ. Купцы, поселявшіеся въ пригородахъ, въ самомъ Новгородѣ по своей торговлѣ имѣли уже второстепенныя права, чѣмъ настоящіе новгородскіе, но съ преимуществами противъ купцовъ другихъ земель. По грамотѣ Всеволода Гавріила, новоторжане платили пошлинъ болѣе, чѣмъ новгородцы, но менѣе чѣмъ полочане или смольняне.

Digitized by Google

VI.

НОВГОРОДСКОЕ КУПЕЧЕСТВО.—ТОВАРИЩЕСТВА.—ОПАСНОСТИ, ИХЪ ВЫЗЫВАВШІЯ.

Купцы новгородскіе, въ торговомъ отношеніи, составляли компаніи или артели, сообразно или направленію своей торговли, напр., купцы заморскіе, купцы низовскіе, или же по предметамъ торговли, напримѣръ, купцы-прасолы, то есть торгующіе съѣстнымъ товаромъ, купцы-суконники, торгующіе сукнами, рыбные, хлѣбные и пр. Соединяясь между собою въ торговое товарищество, они принимали покровительство какой-нибудь церкви и святаго патрона. Это видно изъ Всеволодовой грамоты [1]), гдѣ указывается до нѣкоторой степени составъ такого товарищества, называвшагося Ивановскимъ, подъ покровительствомъ св. Іоанна на-Опокахъ. Каждый членъ компаніи, вступая въ нее, обязанъ былъ давать вкладъ въ пользу всего товарищества (пятьдесятъ гривенъ серебра) и сверхъ того жертвовать на церковь св. Іоанна 29½ гривенъ серебра. Это дѣлалось одинъ разъ и называлось «вложенье» въ купечество. Купецъ, сдѣлавшись такимъ образомъ членомъ товарищества, назывался, по отношенію къ этому товариществу, «пошлый купецъ» и оставался имъ до смерти;—дѣти его уже сами собою, безъ собственнаго личнаго вклада, были, какъ родители, членами товарищества. Они выбирали изъ среды себя двухъ старостъ для управленія дѣлами торговыми и для торговаго суда. Сверхъ того выбирались трое старостъ отъ житыхъ людей и тысячскій отъ черныхъ (неизвѣстно, былъ ли онъ общій тысячскій или особый для товарищества). Эта компанія имѣла особое значеніе торговли воскомъ и

[1]) Собр. Памятн. 412.

Digitized by Google

освобождалась отъ власти посадника. Впослѣдствіи, торговое значеніе ея расширилось. При церкви св. Ивана-на-Опокахъ производился вѣсъ, и не только воскъ, медъ, но и другіе товары входили въ кругъ торговли ивановскаго купечества: олово, свинецъ, желѣзо, ладанъ, квасцы и даже скотъ, который для продажи въ городѣ пригоняли къ Ивану-на-Опокахъ и тамъ брали за него пошлины. Такъ было еще въ XII-мъ вѣкѣ. Во всей Европѣ въ средніе вѣка были такія товарищества, и самый нѣмецкій дворъ представлялъ такую компанію подъ покровительствомъ святаго Петра. Изъ актовъ, относящихся до сношеній Новгорода и Пскова съ нѣмцами, видно, что новгородскіе купцы торговали компаніями съ Ганзою и ливонцами, которые также составляли компаніи. Въ дѣлахъ, возникавшихъ между ними, сношенія дѣлались отъ цѣлой компаніи и всѣ члены, называвшіеся складчики, считались отвѣтственными по дѣламъ своего товарищества; напр., въ актѣ, относящемся до первыхъ годовъ XV-го вѣка, жалуются сыновья нѣсколькихъ отцовъ, предъявляя требованіе на внуковъ колыванскаго посадника въ 400 рубляхъ [1]). Не можетъ быть, чтобъ ивановское купечество составляло единственный, исключительный фактъ въ новгородской торговлѣ; есть больше вѣроятія думать, что, кромѣ ивановской, существовали и другія артели. Всеобщность этого способа торговли была слишкомъ развита въ тѣ времена и истекала не изъ прихоти какого-нибудь князя, а изъ духа времени. Подъ церковью св. Ивана-на-Опокахъ хранились товары ивановской компаніи; но из-

[1]) Сдѣсе намъ наша братья много жаловалѣся Игнатовѣ дѣти и Лентѣевѣ дѣти и Фоминѣ дѣти и Родивоновѣ на Кондрата на Колыванъского посадника и на Іеремѣіевыхъ дѣтей... чтобъ іеси повелѣлъ Кондратовымъ внучатамъ Колыванскаго Посадника Корту (Cord) и Инцѣ (Hinze) и складникомъ ихъ дати нашей братьи четыреста рублевъ чисто. (Bunge, IV. 3, 343).

Digitized by Google

вѣстно, что и подъ многими другими церквами хранились товары, напримѣръ, въ Успенской, Пятницкой, Дмитревской; тѣ купцы, которые такимъ образомъ повѣряли свои товары одному мѣсту, непремѣнно должны были имѣть между собою общую связь и признавать покровительство той церкви, гдѣ сохранялось ихъ достояніе. Притомъ же есть указаніе, что одну церковь, именно Пятницкую, строили купцы заморскіе, слѣдовательно и эта церковь имѣла одно значеніе для кружка купцовъ, посвятившихъ себя одной вѣтви торговли. Отъ этого-то иноземные торговцы и обязаны были давать даръ этой церкви: она была покровительною церковью той компаніи, которая вела съ ними преимущественно торговлю, покупала у нихъ товары. Также точно въ Русѣ построили церковь Бориса и Глѣба купцы-прасолы [1]). Такъ какъ эта церковь имѣла значеніе для прасоловъ, то, безъ сомнѣнія, и прасолы имѣли между собою связь, составляли товарищество. Церкви въ новгородскомъ мірѣ вообще имѣли торговое значеніе:— въ церковныхъ подвалахъ хранились товары; въ самыхъ церквахъ держались лари, гдѣ лежали книги, куда записывались торговыя сдѣлки, такъ что какъ скоро дѣлалось что-нибудь письменное, то одинъ экземпляръ оставался въ церкви, и въ случаѣ спора, служилъ доказательствомъ справедливости [2]). Эти товарищества и были причиною того, что въ Новгородѣ почти всѣ старыя церкви дѣлались съ подвалами, приспособленными къ храненію товаровъ.

Артельное устройство, соединявшее купцовъ, было также у промышленниковъ и ремесленниковъ. По извѣстію новгородской скры, лоцманы, проводившіе иноземныя суда, составляли артели и имѣли старосту, котораго нѣмцы

---

[1]) Новг. 1. 102.

[2]) Иск. Суд. грам. 7.

Digitized by Google

называютъ альдерманомъ. Одна такая артель занималась проводомъ судовъ по Невѣ, другая по Ладожскому озеру, третья по Волхову. Рыболовы составляли также товарищества, и это древнее обыкновеніе до сихъ поръ соблюдается у ильменьскихъ рыболововъ. Безъ сомнѣнія, поводомъ къ образованію товариществъ болѣе всего располагали опасности, которымъ подвергалась торговля повсюду. Выше было сказано, какъ часто нарушались дружелюбныя отношенія съ иноземными торговцами. Какъ только вспышка съ Орденомъ,—Ганза становится въ непріязненное отношеніе къ Новгороду: нѣмцы задерживаютъ новгородскихъ купцовъ, новгородцы то же дѣлаютъ у себя съ нѣмцами. Самая форма товариществъ въ торговлѣ, предохраняя отъ опасностей, служила имъ и поводомъ; напр. новгородцы по дѣлу частному за оскорбленіе купцовъ своихъ взыскивали на всѣхъ вообще нѣмецкихъ гостяхъ [1]). Дожидаясь, напр., пословъ съ Готланда, которые должны были уладить возникшіе споры, новгородцы задерживали купцовъ на нѣмецкомъ дворѣ [2]). Такъ же точно по какому-нибудь недоразумѣнію со стороны новгородцевъ или псковичей, нѣмцы арестовали и конфисковывали товары русскихъ людей, неприглашенныхъ вовсе къ дѣлу и непричастныхъ вовсе къ недоразумѣніямъ.

Плаваніе по Балтійскому морю не было безопасно отъ разбойниковъ. Иногда шайки ихъ, подъ предводительствомъ знатныхъ дворянъ, были до того сильны, что государства обращались съ ними, какъ-бы съ законною силою; такъ, въ 1382 году, Ганза заключила перемиріе на положенный срокъ съ морскими разбойниками [3]). Въ 1386 году королева датская Маргарита заключила съ ними че-

---

[1]) Bunge III, 7. 190. IV, 3. 343.
[2]) Bunge IV, 3; 348.
[3]) Bunge III, 4. 398.

Digitized by Google

тырехлѣтній миръ [1]); для поддержки на морѣ безопасности кораблей отъ разбойниковъ, приморскіе города собирали налоги и содержали на морѣ оборонительную стражу изъ судовъ: въ 1393 году употребили для этого сборъ съ новгородскихъ пошлинъ [2]). Потеря отъ разбоевъ на Невѣ, понесенная новгородскими торговцами и убійства ихъ разбойниками, были поводомъ притязаній къ нѣмецкимъ торговцамъ, и города старались оградить своихъ купцовъ отъ такихъ притязаній. Въ 1395 году ограблены были, какими-то братьями Виталіями, новгородскіе купцы (Ермилъ Карпинъ, Василій Юрьевъ, Павелъ Тимоѳеевъ, Иванъ Константиновъ, Трифонъ Нестеровъ, Кузьма какой-то, называемый въ нѣмецкихъ актахъ, Marckemin?). Нѣкто Якобъ Абрагамсонъ отнялъ у разбойниковъ ограбленное, и ихъ самихъ предалъ суду на смертную казнь, а русскихъ, взятыхъ разбойниками, привелъ въ Ревель.

Во Псковѣ, торговля подвергалась еще чаще такимъ внезапнымъ разореніямъ [3]).

Сѣверныя государства давали привелегіи на неприкосновенность торговцевъ во время войнъ только ганзейцамъ: это не простиралось на новгородцевъ, когда Швеція находилась во враждѣ съ Новгородомъ. Даже ганзейцамъ давались привилегіи съ ограниченіями: такъ, напримѣръ, изъ уваженія къ торговлѣ, шведскій король обѣщалъ не трогать нѣмецкихъ купцовъ, отправляющихся изъ Герма-

---

[1]) Ibid. 5. 124.

[2]) Bunge III, 5. 406: propter sustentare naves defensorias, quas in mari sub magnis expensis et sumtibus hoc anno tenuimus et adhuc tenemus. Supplicamus itaque, quod dignemini, cum ceteriscivitatensibus, quos concernit, sic disponere quod tallia Novgardiae concepta nobis istac per eos destinetur.

[3]) Напримѣръ, въ 1362 году, псковичи задержали нѣмецкихъ гостей, а нѣмцы—псковскихъ (Пск. II. 15). Въ 1446 г. псковичи задержали 24-хъ купцовъ нѣмецкихъ за то, что нѣмцы оскорбили псковичей (Пск. Л. I, 210).

Digitized by Google

ніи въ Новгородъ и обратно, и даже распространилъ это право на проводниковъ изъ русскихъ, сопровождавшихъ нѣмецкихъ купцовъ; но это право предохраняло ихъ только отъ умышленныхъ нападеній, а не отъ войска, если оно въ своемъ движеніи ихъ встрѣчало. Новгородскіе купцы не были ограждены ни въ какомъ случаѣ, и дѣйствительно, по поводу несогласій Новгорода съ шведами подвергались разграбленію и убійству. Въ 1317 году, обонежскіе купцы побиты нѣмецкими и шведскими разными людьми, вошедши въ Ладожское озеро. Въ 1338 году, въ Ладогѣ, погибли новгородскіе купцы отъ нѣмцевъ. Въ самое мирное время купцы могли подавать поводъ къ взаимнымъ ссорамъ и убійствамъ. Случаи, предупреждаемые въ договорныхъ грамотахъ съ иноземцами, уже черезъ то самое показываютъ, что они были явленіями не исключительными; напримѣръ, предупреждается, сколько брать вознагражденія, если купецъ оскорбитъ чужую жену или дочь, или собьетъ съ головы у женщины уборъ; изъ этого видно, какъ дерзки могли быть торговцы въ чужой странѣ. Разумѣется, договоръ о томъ, сколько слѣдуетъ платить въ такомъ случаѣ, не исполнялся, потому что нельзя было обязать закономъ мужа или отца довольствоваться пенею, и, конечно, были такіе, что вмѣсто того, чтобъ взять по суду сорокъ гривенъ кунами, да другіе сорокъ въ пользу оскорбленнаго лица женскаго пола, предпочитали лучше самому убить оскорбителя и заплатить десять гривенъ серебра, какъ въ томъ же договорѣ показано. Какъ всегда бываетъ въ обществѣ, гдѣ прочное сознаніе обоюдныхъ выгодъ не заставляетъ одного человѣка уважать другаго, торговецъ смотрѣлъ на чужаго торговца какъ на своего врага, котораго надобно обмануть. Въ томъ же договорѣ съ Ганзою, говорится о томъ, какъ поступать тогда, когда варягъ долженъ русскому или русскій варягу и станутъ запираться. Конечно, были случаи, что по поводу взаим-

Digitized by Google

ныхъ несправедливостей по торговлѣ, купцы развѣдывались сами собою, вмѣсто того чтобъ судиться. Мы уже изъ предъидущаго обзора видѣли, что вся исторія торговыхъ отношеній Новгорода и Пскова къ нѣмцамъ есть рядъ безпрерывныхъ, взаимныхъ недоразумѣній, въ силу которыхъ опасность, постигшая одного купца, переходила на всѣхъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ опасностей, сопровождавшихъ новгородца въ торговлѣ иноземной, его встрѣчали еще опасности отъ природы; плаваніе было мало ограждено отъ воздушныхъ перемѣнъ; искусство было мало развито, и если торговый плаватель избѣгалъ опасностей отъ людей, то могъ погибнуть отъ бурь.

Въ русскихъ странахъ новгородскій торговецъ не былъ изъятъ отъ повсемѣстныхъ опасностей. При распряхъ, возникавшихъ у Новгорода съ русскими князьями, за изгнаніе ихъ родственниковъ изъ Новгорода, часто терпѣли купцы, захваченные въ-расплохъ въ землѣ, недовольной на новгородскаго князя. Такъ въ 1215 году князь Ярославъ Всеволодовичъ задержалъ гостей новгородскихъ и ограбилъ ихъ. Въ 1273 году новгородскую волость воевалъ Святославъ съ тверичами и тогда у «гостинниковъ по Низовской Землѣ товары отымаша» [1]). Въ 1323 году, во время несогласія Новгорода съ Устюгомъ, устюжане ограбили новгородцевъ, ходившихъ въ Югру, конечно съ промышленною цѣлію [2]). Въ 1372 году во время войны Новгорода съ Михаиломъ тверскимъ, съ обѣихъ сторонъ пострадали торговцы. Новгородцы поймали, ограбили и нѣкоторыхъ перебили изъ тверскихъ торговцевъ, захваченныхъ въ Торжкѣ; а Михаилъ, взявъ Торжокъ, ограбилъ всѣхъ купцовъ новгородскихъ и новоторжскихъ [3]). Независимо

[1]) Новг. Л. I, 63.
[2]) Новг. Л. I, 73.
[3]) Соф. Врем. 232.

Digitized by Google

отъ того, что торговцы попадали въ ратное время къ непріятелю, они дѣлались жертвою и разбойниковъ; въ особенности въ XIV вѣкѣ замѣтенъ въ Русской Землѣ вкусъ къ разбоямъ. Такъ, въ договорѣ второй половины XIV вѣка, новгородцы жалуются, что ихъ купцы ограблены передъ Невою нѣмецкими разбойниками; изъ новгородцевъ самихъ были такіе же молодцы: охота ушкуйничать тогда была обычна. Когда одни ѣздили торговать, другіе гнались за торговцами и грабили ихъ. Все это заставляло купцовъ держать оружіе и отправляться въ торговый путь, какъ въ военный походъ. Купецъ новгородскій былъ вмѣстѣ и воинъ, и мы видимъ купцовъ вмѣстѣ съ боярами на сраженіи [1]).

Опасности не миновали купца и въ городѣ. Новгородъ и другіе торговые города сѣвера часто опустошались пожарами. Предохраненіемъ служили каменныя церкви, но и туда достигалъ огонь, особенно къ тѣмъ товарамъ, которые лежали въ самой церкви, а не въ подвалѣ. Такъ, въ 1299 году, сгорѣла церковь Іакова въ Неревскомъ концѣ и тогда погорѣло много товаровъ и въ другихъ церквахъ [2]). Часто, во время всеобщей суматохи, произведенной пожаромъ, въ церкви врывались молодцы и расхищали достояніе торговцевъ. Иногда же и безъ огня молодцы въ Новгородѣ составляли шайки и нападали на торговцевъ [3]).

Среди такого государственнаго склада, гдѣ личная свобода мало обуздывалась установившимся сознаніемъ святости опредѣленныхъ формъ, богатый и знатный человѣкъ, возвысившись надъ другими, легко могъ подвергнуться внезапной опасности и потерять все заразъ: такъ и купцы новгородскіе терпѣли во время народныхъ бѣдствій,

[1]) Новг. Л. I. 71.
[2]) Новг. Л. I, 66.
[3]) Новг. Л. I, 65.

Digitized by Google

когда масса злобствовала вообще на всѣхъ, кто не раздѣлялъ съ нею ея страданій; такъ, напримѣръ, во время голода, бѣдные грабили зажиточныхъ; тогда-то доставалось богатымъ торговцамъ.

VII.

ПРІЕМЫ И ХАРАКТЕРЪ МѢСТНОЙ ТОРГОВЛИ.

Артельное устройство торговли, вѣроятно, имѣло вліяніе на то, что въ Новгородѣ торговый механизмъ носилъ особый отпечатокъ, отличный отъ московскаго; въ Новгородѣ не было рядовъ въ томъ смыслѣ, какъ въ Москвѣ. Во Псковѣ, въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка, встрѣчается слово ряды, но это, кажется, означаетъ купеческія товарищества или артели, потому что ряды имѣли своихъ старостъ; купцы были подѣлены на ряды подъ начальствомъ старостъ [1]). Въ Новгородѣ въ первый разъ въ 1507 году московскій государь велѣлъ завести торговый рядъ по-московски [2]). Не упоминается и о лавкахъ, кромѣ нѣмецкаго двора. Герберштейнъ говоритъ, что въ его время волховскій мостъ былъ застроенъ лавками, и неизвѣстно: древній-ли это обычай, или онъ возникъ уже послѣ паденія независимости. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ неясныхъ извѣстій видно, что, въ древности, въ обычаѣ было въ удобныя для торговли мѣста въ городѣ ставить строенія и собираться въ нихъ съ товарами. Такъ въ 1371 году нѣмецкіе послы, предлагая новгородцамъ мирный трактатъ, требовали, чтобъ новгородскіе купцы не стояли на мосту (по рву) по обѣимъ сторонамъ нѣмецкаго двора, не вколачивали шестовъ въ заборъ (вѣрно, для вывѣски

[1]) Пск. Л. I, 284.
[2]) Новг. IV. 136.

Digitized by Google

товаровъ) и не ставили строеній на землѣ, принадлежащей нѣмцамъ по праву [1]). Дворы были какъ мѣстомъ жительства пріѣзжихъ, такъ и мѣстомъ торговли; кромѣ нѣмецкаго и готскаго дворовъ существовалъ еще плесковскій [2]), а въ XVI-мъ вѣкѣ упоминается тверской [3]). Такъ какъ намъ извѣстно, что дворы въ Новгородѣ существовали принадлежавшіе какому-нибудь одному краю, то, вѣроятно, тверской дворъ не былъ московскимъ изобрѣтеніемъ, а существовалъ еще и прежде. Должно думать, находились въ Новгородѣ также дворы и для торговцевъ другихъ земель. Для псковичей и тверичей пріѣзжавшихъ были свои дворы; но въ Новгородъ пріѣзжали и полочане и смольняне, какъ это видно еще въ XII-мъ вѣкѣ изъ грамотъ Всеволода; быть можетъ и они имѣли свои торговыя помѣщенія.

Въ дворахъ были лавки и амбары, какъ показываетъ устройство гостинаго двора въ XVI-мъ вѣкѣ. Хотя при московскомъ владычествѣ измѣнилось устройство торговыхъ мѣстъ, но въ то же время оставалось еще много особенностей, по которымъ можно нѣсколько угадывать старину. Дворы не были новымъ московскимъ учрежденіемъ, потому и устройство ихъ внутри могло оставаться по старинѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что описаніе новгородскаго двора въ XVI-мъ вѣкѣ представляетъ сходныя черты съ древнимъ устройствомъ нѣмецкаго.

На основаніи этихъ данныхъ можно представить себѣ, что такое были гостиные дворы. Это длинныя зданія съ отдѣленіями внутри, называемыми амбарами и лавками. Амбары

---

[1]) Und juwe koplude de en solen nicht stan up unser brugge to beidentsiden vor unseme hove, und en solen nene stocke in de plancken slaen und en solen nene husinge Setten up unse wort. Bunge, III, 3. 271.

[2]) Новг. Л. I, 108.

[3]) А. Эксп. I, 361.

Digitized by Google

были отдѣленія просторныя; тамъ помѣщалось нѣсколько пріѣзжихъ торговцевъ съ своими товарами; лавки были маленькія отдѣленія для одного или двухъ: товары лежали въ коробьяхъ, и висѣли на жердяхъ. Другіе амбары, обыкновенно внизу подъ описанными выше, назначались для громоздкихъ товаровъ: тамъ кучами лежали соль, сухая рыба, яблоки, шерсть въ рогозинахъ и пошевахъ, и прочая. Товары городскихъ купцовъ хранились въ церковныхъ подвалахъ, въ пристройкахъ около церквей, и даже въ самыхъ церквахъ; на это указываютъ разныя ниши и закоулки, до сихъ поръ существующіе въ новгородскихъ церквахъ. Въ-старину, хозяева пріобрѣтали въ домъ необходимое въ большихъ запасахъ на продолжительное время; не было такихъ каждодневныхъ потребностей, какъ теперь; не было нужды устроивать и мелочныхъ лавокъ; торговля не дробилась такъ, какъ теперь. Если кому нужно сдѣлать покупку, онъ отправлялся прямо къ купцу въ домъ; купецъ доставалъ ему товаръ или изъ своей домашней клѣти, или шелъ въ церковь и оттуда бралъ его. Нужды были не сложны, а раскошь обращалась къ немногимъ предметамъ, напримѣръ, посудѣ, платью; потребности комфорта неизмѣнялись быстро и часто: то, что̀ годилось отцу, годилось и сыну. Поэтому покупки большею частію были оптовыя. Хозяинъ скорѣе могъ обойтись безъ нѣкоторыхъ потребностей, чѣмъ удовлетворять ихъ мелочными покупками. Оттого-то, быть можетъ, и не видно существованія мелочныхъ лавокъ. Понятно, что гостиные дворы были необходимы въ торговомъ городѣ; пріѣзжій находилъ тамъ и пристанище своимъ товарамъ, и себѣ квартиру; а хозяинъ жившій своимъ домомъ могъ и торговать у себя въ домѣ, и лавка была у него скорѣе для храненія товара, чѣмъ для продажи. Съѣстные припасы и разныя мелкія хозяйственныя статьи вседневнаго обихода продавались на торгу обыкновенно съ возовъ и саней, на которыхъ пріі-

Digitized by Google

ѣзжали поселяне въ извѣстные недѣльные дни; городскіе прасолы выставляли свои снадобья на стольцахъ, скамьяхъ и носильцахъ. Хлѣбы продавали хлѣбники и калачники передъ своими пекарнями. Лѣтомъ съ обѣихъ сторонъ Волхова пригоняли въ городъ къ большому мосту плоты съ разными сельскими изведеніями: тутъ были разнаго рода зерновый хлѣбъ, толокно, сухая рыба, хмѣль, орѣхи, воскъ, медъ, соль, ягоды (особенно клюква и брусника), зола, солодъ [1]). Торгъ происходилъ на берегу; богатые купцы и хозяева закупали у поселянъ оптомъ и свозили себѣ по дворамъ; иногда же выгружали товары на берегъ, сваливали ихъ у церквей и тамъ происходила раскупка. Въ XVI-мъ вѣкѣ, когда вводились московскіе обычаи, было запрещено слѣдовать этому старому обыкновенію [2]). Въ ряду пригоняемыхъ по Волхову на продажу предметовъ важное мѣсто занималъ древесный товаръ. Отъ большихъ и частыхъ пожаровъ эта торговля была развита въ Новгородѣ. Приплавляли во множествѣ строевой лѣсъ, доски, брусья, тесъ, дрова, лучину, уголья, мохъ для конопаченья стѣнъ и, наконецъ, готовые срубы для хоромъ, повалушъ, горницъ и клѣтей [3]).

Въ Новгородской Землѣ обычнымъ временемъ торговли были ярмарки; ихъ было множество по пригородамъ и погостамъ, какъ это видно изъ актовъ XVI-го вѣка, когда хотѣли ограничить ихъ число, существовавшее изстари. Ярмарки отправлялись по поводу праздниковъ и продолжались по недѣлямъ и больше, смотря по важности торговаго пункта, такъ что купцу можно было цѣлый круглый годъ разъѣзжать по ярмаркамъ изъ одной жилой мѣстности въ другую; и это было въ обычаѣ у купцовъ. Близъ самаго Новгорода были ярмарки въ окрестныхъ

[1]) А. Арх. Экс. I, 404.
[2]) А. Арх. Экс. I, 301.
[3]) А. Арх. Экс. 326.

Digitized by Google

посадахъ: въ Липнѣ, въ Понедѣльсѣ, на Взводѣ; въ новгородской волости значительныя торжища были: въ Русѣ, Ладогѣ, Торжкѣ, Ямѣ, Орѣшкѣ, Корелѣ, въ Бронницахъ, въ Бѣжицахъ и въ Порховѣ. На всѣхъ этихъ торгахъ толпились купцы не только новгородскіе, и новогородскихъ пригородовъ и волостей, новоторжцы, ржевичи, бѣжичане, шелонцы, вожане, деревцы, но и другихъ земель: псковичи, москвичи, рязанцы, тверичане, бѣлозерцы, торопчане, смольняне и литвины [1]). Торжища собирались близъ разныхъ монастырей на ихъ храмовые праздники; поѣздки туда совершали вмѣстѣ и для торговли, и на богомолье. Всѣ эти торжки были въ тѣ времена сборнымъ мѣстомъ сношеній: туда пріѣзжали не только закупщики товаровъ и продавцы, но и хозяева для закупки домашняго обихода. Эти торжки были и мѣстомъ развлеченія:— тутъ заводились корчмы съ пьяными напитками и веселыми женщинами; тамъ скоморохи потѣшали народъ зрѣлищами. Поэтому, кромѣ тѣхъ, которые являлись туда наживаться, были и такіе, которые пріѣзжали туда проматывать состояніе: — одни Богу молиться, другіе бѣса тѣшить. Сообщенія происходили по рѣкамъ и потому торжки заводились въ такихъ мѣстахъ, которыя прилегали къ водному пути. Въ этомъ отношеніи новгородская волость представляла большія удобства, потому что изъ Новгорода во всѣ стороны развѣтвлялся водяный путь. Переѣзжали съ торжка на торжокъ на учанахъ, ладьяхъ, стругахъ; гребцы стекались толпами на работу къ пристанямъ: этотъ промыселъ питалъ значительную часть чернаго народа. Другіе держали сухопутныя подводы на волокахъ между рѣками. Такимъ образомъ, торговля имѣла странствующій характеръ и купецъ велъ подвижную жизнь, какъ воинъ.

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. I, 132—139.

Digitized by Google

VIII.

мѣры, вѣсъ, монета.

Мѣры и вѣсы въ Новгородской Землѣ были своеобразны, и даже послѣ паденія независимости долго оставались особенности, отличныя отъ обычаевъ другихъ земель. Старыя новгородскія единицы мѣръ и вѣса приблизительно видны изъ позднѣйшихъ извѣстій по ихъ отличію отъ московскихъ. Сыпучія тѣла измѣрялись коробьями, которые подраздѣлялись на зобни: каждый коробъ имѣлъ три зобня, зобень—два ползобня. Другія, болѣе массивныя, мѣры сыпучихъ тѣлъ были пузъ и пошевъ. Это были глазомѣрныя единицы. Болѣе опредѣленная мѣра была окова, дѣлившаяся на четыре четверти, а каждая четверть была болѣе московской и вѣсила до $8^1/_2$ пудовъ, тогда какъ москоская вѣсила отъ 5 до $6^1/_4$ п. Впрочемъ, и на Сѣверѣ были разныя четверти; такъ, напримѣръ, во Псковѣ была своя, больше новгородской; на Двинѣ была иная, еще больше псковской. Каждая четверть дѣлилась на двѣ осьмины. Соль продавалась пошевами. Для жидкихъ тѣлъ употреблялись бочки и ведра. Ведро дѣлилось на носатки. Для мѣры суконъ и матерій существовали локти, но эти товары чаще продавались кусками, носившими названіе матеріи; величина была разная. Вѣсъ въ Новгородѣ для тяжелыхъ товаровъ былъ кань—8 пудовъ ливонскихъ, а каждый пудъ ливонскій равнялся нашимъ $1^1/_2$ пудамъ. Другой, меньшій вѣсъ былъ пудъ. Еще меньшій—гривна, или фунтъ. Гривна новгородская была болѣе гривенъ другихъ земель русскихъ, потому что и впослѣдствіи новгородская гривна равнялась 92-мъ золотникамъ 92-мъ долямъ московской гривны [1]). Вѣсы назы-

[1]) Кильбургеръ, 205.

Digitized by Google

вались скалвы. Для предотвращенія недоразумѣній, въ Новгородѣ существовали скалвы, утвержденныя правительствомъ при церкви Іоанна на-Опокахъ. Была также и правительственная мѣра—локоть и находилась при той же церкви. Въ торговлѣ съ нѣмцами въ употребленіи былъ нѣмецкій вѣсъ, который принимали псковичи у себя, но новгородцы не охотно принимали его, и если случалось имъ продавать на него свои товары въ ливонскихъ городахъ, то оставались въ потерѣ. Такъ въ 1396 году возникли по этому поводу недоразумѣнія, и новгородцы присылали своихъ пословъ [1]); вообще, торгуя съ нѣмцами, новгородцы охотнѣе продавали и покупали неопредѣленными единицами, сообразными разнымъ товарамъ, напримѣръ, матеріи штуками (stucke) и терлинками (terlink), на которыя раздѣлялися штуки, питья—бочками, сукна — кусками (laken); но здѣсь уже по самой неопредѣленности нельзя было избѣгнуть недоразумѣній. Новгородцы жаловались иногда [2]), что нѣмцы привозятъ къ нимъ бочки маленькія или «лакены» короткіе, и уменьшая массу, или размѣръ товара, брали за него ту же цѣну, какъ прежде.

Мѣры и вѣсы вообще существовали собственно только для предотвращенія споровъ. Обыкновенно торговля въ Новгородѣ рѣдко происходила на вѣсъ и мѣру, а чаще всего на единицы, имѣвшія неопредѣленное значеніе, въ родѣ пуза, пошева, короба, зобня, вѣника—для сѣна и соломы. Когда одинъ покупалъ у другого, то размышлялъ, какой объемъ извѣстнаго товара можетъ удовлетворить его потребностямъ на извѣстное время и поэтому дѣлалъ покупку. Такъ, напримѣръ, соль продавалась пошевами. Хозяинъ зналъ, насколько ему, примѣрно, пойдетъ пошевъ и по-

[1]) Bunge, IV, 3. 270.
[2]) Bunge, IV, 4. 394.

Digitized by Google

купалъ такимъ образомъ. Вѣсу и мѣры для него не нужно было. Точно также и покупая тягучія тѣла, напримѣръ, сукно,—покупщикъ смотрѣлъ на кусокъ и соображалъ, что̀ изъ него можно сдѣлать.

О монетѣ въ древнія времена нашей исторіи есть достовѣрныя свѣдѣнія. Послѣ открытія нѣжинскаго клада, послѣ разработки этого вопроса нашими учеными, нѣтъ возможности въ настоящее время признавать старую гипотезу о томъ, что у насъ встарину звонкой монеты не было, а замѣняли ее кожанные лоскутки. Въ Новгородѣ приготовленіе звонкой монеты было тѣмъ возможнѣе, что новгородцы издавна получали слитки закамскаго серебра отъ Перми и Югры. Но несомнѣнно то, что до XV-го вѣка въ общественномъ понятіи представленіе цѣнности соединялось неразрывно не съ выраженіемъ ея посредствомъ монетныхъ знаковъ, а съ предметами, составлявшими дѣйствительно драгоцѣнную потребность жизни. Такими предметами преимущественно передъ другими были мѣха. Поэтому единица, выражавшая цѣнность, была куна, куница, т.-е. понятіе о цѣнности извѣстной вещи слагалось такъ, что за эту вещь можно пріобрѣсть столько-то куньихъ мѣховъ. Почему именно куница, а не другой мѣхъ получилъ это значеніе, указываетъ то, что куній мѣхъ былъ изъ всѣхъ мѣховъ средняго достоинства—не слишкомъ низкій, не слишкомъ высокій. Для означенія болѣе низкихъ цѣнностей, служили бѣлки или векши; то есть, примѣняя это названіе, выражали цѣнность вещи тѣмъ, что за нее можно пріобрѣсть бѣличій мѣхъ. Но мѣха цѣнились разно, по сорту, и оттого возникли цѣнности болѣе частныя, какъ ногата и мордка, то есть такія единицы, на которыя можно пріобрѣсть мѣхъ изъ ногъ или мордъ животнаго. Мѣха не составляли исключительнаго представленія цѣнности; оно соединялось также со скотомъ; скотъ означалъ вообще казну, сокровищницу, потому что въ древнѣйшія времена

Digitized by Google

скотъ составлялъ домашнее богатство хозяина. Въ скрахъ нѣмецкаго двора есть выраженіе цѣнности *говедо*, вѣроятно штука скота или кусокъ мяса. Еще выраженіемъ цѣнности служили хлѣбъ и медъ. Постановляли, что по такому-то поводу надобно заплатить столько-то хлѣбомъ и медомъ. Потребности были такъ немногосложны, что при покупкахъ сейчасъ же приходило въ голову количество, потребное для обычнаго домашняго обихода, предметовъ, усвоенныхъ въ жизни, такъ что количество монетъ прежде всего въ воображеніи представляло количество общеупотребительныхъ матеріаловъ. Теперь количество рублей не можетъ живо напомнить намъ всего, что на эти рубли можно пріобрѣсть, ибо наши потребности разнообразны, а въ юношескія времена общества это было возможно и удобно. Впрочемъ, всѣ эти предметы цѣнности уступали мѣхамъ, такъ что послѣдніе принимались для названій цѣнности. Но названіе мѣховъ для названія денегъ удерживалось даже и въ вѣка большого разнообразія житейскихъ потребностей, хотя уже утрачивало свое буквальное значеніе, такъ какъ и у насъ до сихъ поръ существуютъ рубли, хотя это уже нерубленые куски, каковы были тѣ, съ которыми первоначально соединялось значеніе этого слова.

Въ Новгородѣ не видно ни ногатъ, ни рѣзаней,—единицъ употребительныхъ въ другихъ земляхъ. Наибольшая монетная единица была гривна,—слово, первоначально означавшее опредѣленное металлическое шейное украшеніе, кольцо, потомъ вѣсъ и, наконецъ, монету по отношенію къ вѣсу. Гривной, въ монетномъ смыслѣ, назывался отрубокъ металла въ гривну вѣсомъ. [1]). Но гривна была двоякая: большая и малая—фунтъ и полфунта, потому и отрубки были двоякаго рода—гривна въ фунтъ (образчикъ

[1]) У нѣмцевъ русскія гривны назывались Stukke sulvers, Bunge V, I, 54.

Digitized by Google

найденъ въ Новгородѣ въ Прусской улицѣ) и гривна въ полфунта. Но фунтъ былъ двоякій: византійскій въ 72 золотника и западный въ 96 золотниковъ; поэтому встрѣчаются отрубки, соразмѣрные цѣльному и половинному вѣсу или немного больше и меньше цѣлаго фунта и половины его по византійскому и по западному пріему: одни около 73—96 золотниковъ, другіе около 36—38 золотниковъ. Эти половинные куски разрубались еще на половины и потому находили куски въ 22 и 21 золотникъ, и болѣе. Эти гривны, выражая вѣсъ, и повѣрялись вѣсомъ; для этого существовали при церкви св. Іоанна на-Опокахъ городскіе денежные вѣсы: *гривенка рублевая*, для взвѣса отрубковъ, называемыхъ, по причинѣ ихъ разсѣченія на части, «рублями». Какъ отрубки были разные, то за отрубками бо́льшей величины удержалось названіе рублей, а половины ихъ называли полтинами. Но такъ-какъ для удобства обращенія нужны были мелкіе кусочки, то эти послѣдніе, находясь въ обращеніи, подводились, по своей цѣнности, подъ цѣнность гривенъ и оттого-то гривна значила не только вѣсъ, но и количество мелкихъ монетъ, удерживая, однако, и прежнее свое значеніе вѣса. Это образовалось тѣмъ удобнѣе, что и въ отношеніи вѣса слово гривна употреблялось въ различныхъ значеніяхъ. Такъ составилось понятіе о гривнѣ кунъ, то есть цѣнности извѣстнаго количества мелкихъ монетныхъ единицъ. Сколько именно кунъ заключала въ себѣ гривна кунъ, трудно прослѣдить; да и въ этомъ отношеніи она была въ разное время неравномѣрна и въ разныхъ русскихъ земляхъ. Такъ необходимо значеніе гривны постепенно переходило отъ значенія вѣса къ значенію количества. Изъ многихъ попытокъ уловить это, ближе къ истинѣ предположеніе Карамзина, полагавшаго, что въ XII-мъ вѣкѣ въ гривнѣ было около двадцати-пяти кунъ. Дѣйствительно, въ «Вопросахъ Кирика», памятникѣ XII-го вѣка, опредѣлено слу-

Digitized by Google

жить панихиды на гривну пятью, а на шесть кунъ единою [1]). По этому разсчету въ гривнѣ должно выходить 30 кунъ; но Карамзинъ справедливо замѣтилъ, что если бы въ гривнѣ было тридцать кунъ, тогда бы не встрѣчалось выраженіе «шестьдесятъ кунъ», а писали бы вмѣсто того—двѣ гривны. Онъ полагаетъ, что въ разсчетѣ за панихиды сдѣлана уступка для бо́льшаго количества, и такимъ образомъ выйдетъ, что гривна кунъ содержала около 25-ти приблизительно. Должно быть, количество кунъ въ гривнѣ вертѣлось около этого числа и хотя видоизмѣнялось въ разныя времена, но не далеко удалялось отъ этой нормы. Такъ въ XV-мъ вѣкѣ куны были замѣнены шведскими ортугами, а въ Швеціи марка (равнявшаяся нашей гривнѣ по вѣсу) ортуговъ заключала въ себѣ ихъ двадцать четыре экземпляра. Такъ, впослѣдствіи, денегъ, замѣнившихъ куны, было въ гривнѣ 20, но въ Псковѣ, въ 1407 году, въ рублѣ, замѣнившемъ гривну, было 30 кунъ [2]). Но такъ какъ количественное значеніе слова «гривна» не изгнало совершенно вѣсоваго значенія и вѣсовой счетъ на гривны серебра оставался при большихъ отрубкахъ, то, при сравненіи гривны кунъ съ гривною серебра, т.-е. количественной гривны съ вѣсовою, происходило разнорѣчіе: надобно было нѣсколько гривенъ кунъ, чтобъ составить гривну серебра. Есть извѣстіе, что въ Новгородѣ семь гривенъ кунъ равнялись одной гривнѣ серебра [3]). Если положить гривну въ 25 кунъ, то, значитъ, въ гривнѣ серебра было приблизительно 175, слѣдовательно въ гривнѣ кунъ отъ $5^1/_7$ до $6^3/_7$ золотниковъ, а въ каждой кунѣ около 13 граммовъ;—такія монеты дѣйствительно и попадаются. Мелкой монеты отдаленной древности не найдено, но есть

[1]) Пам. XII в. 113.
[2]) Иск. Лѣтоп. 144.
[3]) Карамз. прим. 527.

Digitized by Google

мелкія монеты новгородскія уже XIV и XV в. Онѣ величиною въ гривенникъ, на одной сторонѣ изображеніе князя, сидящаго съ мечомъ въ рукѣ, а передъ нимъ стоящій человѣкъ подаетъ ему свитокъ; на иныхъ между ними крестъ; на нѣкоторыхъ встрѣчаются еще прибавленія, напримѣръ буква С или три точки надъ головою князя, или два обручика за подающимъ свитокъ. По всей окраинѣ кругомъ—точки. На другой сторонѣ надпись: *Великаго Новагорода*. Можно догадываться, что человѣкъ, подающій князю свитокъ, есть символическое изображеніе Новгорода, подающаго князю договорную грамоту.

Что касается до кожанныхъ денегъ, то существованіе ихъ въ Новгородѣ, не смотря на большое сомнѣніе, возбуждаемое представленіемъ о трудности обращенія такихъ знаковъ, подтверждается современными свидѣтельствами—извѣстіемъ Рубруквиса изъ XIII вѣка о всей Россіи вообще, извѣстіями Лянnуа въ XV вѣкѣ и Герберштейна XVI вѣка спеціально о Новгородѣ. Въ XIV столѣтіи мы встрѣчаемъ указаніе на какіе-то знаки въ торговлѣ, которыхъ не хотѣли принимать нѣмцы въ 1373 году [1]). Дѣйствительно, при существованіи монеты, мѣха не переставали иногда служить представителями платежа даже и въ болѣе позднее время, напримѣръ въ XVI вѣкѣ, когда изъ царской казны выдавались на жалованье и деньги, и мѣха. Во многихъ актахъ встрѣчаются случаи уплаты, когда при деньгахъ даются на придачу мѣха, напримѣръ, «*заложилъ полсела въ 10 рубляхъ, да въ трехъ сорокахъ бѣлки*» [2]). Употребленіе же значковъ кожанныхъ, дающихъ право на мѣха, вещь возможная и подтверждается нѣсколькими примѣрами изъ исторіи другихъ краевъ; напримѣръ, въ Ливоніи,—по

[1]) Und juwe brodere en solen nicht copslagen in unseme hove mit eren schiin secken und des gelikes op unser bruggen, dar wi dat sulver vore geven. Bunge, III, 3. 271.

[2]) Соловьевъ, IV, 281.

Digitized by Google

свидѣтельству одной ливонской лѣтописи [1]),—ходили бѣличьи ушки съ серебряными гвоздиками. То же было въ XIII вѣкѣ въ Италіи, гдѣ императоръ Фридрихъ пустилъ въ монетный оборотъ кожанные лоскутки съ серебряными гвоздиками и съ изображеніемъ государя [2]). При рѣдкости и малочисленности звонкой монеты въ то время, сообразно всеобщему обычаю, ходили и въ Новгородѣ такіе лоскутки и давали право на полученіе изъ новгородской казны мѣховъ. Они-то, вѣроятно, и назывались мордками.

IX.

НАРОДНОЕ ВОЗЗРѢНІЕ НА ЛИЧНОСТЬ КУПЦА. — САДКО БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

Купецъ въ народномъ воззрѣніи принималъ образъ эпическаго богатыря. Такимъ является онъ въ поэтическомъ типѣ, созданномъ народною фантазіею, въ пѣснѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ. То же удалое побужденіе, та же рѣшимость, та же борьба индивидуальной силы, поддерживаемой кружкомъ приверженцевъ противъ массы; тѣ же эпическія преувеличенія этой силы до области невозможнаго, какъ и въ богатырской пѣснѣ, но еще болѣе фантастической обстановки. Старинный языческій антропоморфизмъ явленій природы долго и послѣ усиленія христіанства былъ душою поэтическихъ образовъ, слагавшихся у народа въ послѣдующія времена, онъ переплетался въ его творческой фантазіи съ христіанскими вѣрованіями. Не много, однако, осталось народныхъ созданій, гдѣ-бы онъ являлся съ такою яркостію и очертанностію,

[1]) Карамзинъ, I, прим. 529.

[2]) Соловьевъ, IV, 283.

Digitized by Google

какъ въ пѣсняхъ о Садкѣ. Христіанское начало входитъ сюда слабо и притомъ такъ, что языческая подкладка ясно видна изъ-подъ новой одежды. Миѳъ о Садкѣ вѣроятно одинъ изъ самыхъ общихъ. Его варіанты различны, и несогласны между собою не только въ частностяхъ, но и въ существенныхъ пріемахъ; они имѣютъ одно общее настроеніе—представить силу купеческаго богатства, доведенную до чудесности, такъ точно, какъ въ Васькѣ Буслаевѣ изображается, въ гиперболическихъ образахъ, сила боярская. Историческая дѣйствительность проглядываетъ сквозь самую затѣйливую пестроту вымысла.

«Садко́, иначе Садке́ – былъ бѣдный гусляръ:—играть на почестныхъ пирахъ, тѣшить музыкой и пѣснью веселую бесѣду богатыхъ людей—то его хлѣбъ и его утѣшеніе. Однажды перестаютъ его звать на пиры. Проходитъ три дня. Пошелъ Садко́ къ Ильмень-озеру, сѣлъ на бѣлъ-горючь камень и заигралъ въ свои гусельки. Вдругъ вода заколебалась въ озерѣ. Садко́ изумился, пересталъ играть, ворочается въ городъ. Идетъ день за днемъ и прошло три дня. Садка не зовутъ на пиръ. Садко̀ съ тоски пошелъ къ озеру; и опять сталъ наигрывать на своихъ гуселькахъ; и опять видитъ—вода заколебалась въ озерѣ. Садко̀ опять изумляется, перестаетъ играть и ворочается въ Новгородъ. День прошелъ, другой прошелъ. Садко́ въ унынiи идетъ къ озеру и опять играетъ на гусельцахъ. По прежнему вода заколебалась: но либо горе было уже такъ велико у Садка̀, что онъ не испугался, либо явленіе послѣдовало сейчасъ за колебаніемъ воды, такъ что Садко́ не успѣлъ отойти отъ озера: только — выходитъ изъ озера молодецъ. Въ одномъ варіантѣ называется онъ царь морской; изъ другого видно, что это самъ Ильмень-озеро, божество озера. Молодцу Ильменю-озеру пришлась въ утѣху игра Садкова. Онъ хочетъ наградить его: онъ посылаетъ его въ Новгородъ — предложить богатымъ куп-

Digitized by Google

цамъ новгородскимъ удариться объ закладъ, что въ Ильмень-озерѣ есть рыба съ золотыми перьями. Купцы никогда не видывали такого дива и будутъ утверждать, что нѣтъ такой рыбы. Но на днѣ озера есть много диковинъ; никто ихъ не видитъ; ихъ откроетъ божество водное тому, кому само пожелаетъ открыть. Садко возвращается въ Новгородъ, и вдругъ его зовутъ на почестный пиръ; онъ гостей утѣшаетъ; они его угощаютъ виномъ. Когда Садко подгулялъ, сталъ онъ тогда говорить: «Я знаю чудо-чудное — золотоперую рыбу въ Ильмень-озерѣ». Купцы говорятъ ему: «Нѣтъ, и быть не можетъ такого чуда въ Ильменѣ-озерѣ!». Садко предложилъ закладъ. Самъ онъ бѣдный гусляръ—нечего ему ставить на закладъ, кромѣ буйной головы: онъ ее и ставитъ на закладъ. «Вы, купцы, люди богатые — говоритъ Садко — поставьте три лавки краснаго товара». Купцы такъ увѣрены, что золотоперой рыбки нѣтъ въ озерѣ, что согласились. Тогда Садко поѣхалъ съ ними на озеро; закинули неводъ — золотоперая рыбка; другой разъ закинули—другая золотоперая рыбка; закинули третій разъ—тоже. Купцы отдали ему три лавки съ краснымъ товаромъ. Съ тѣхъ поръ Садко сталъ торговать-расторговываться, получать барыши; и сталъ Садко изъ бѣднаго гусляра богатый гость новгородскій. Въ этомъ фантастическомъ построеніи представляется древній типъ гусляровъ. Гусляръ былъ необходимость для пира и веселья. Гусляры не были старцы и слѣпцы, ни на какую положительную работу неспособные, какъ было уже послѣ; встарину то были люди съ-молоду себя нарочно и исключительно посвящавшіе этому искусству. Сами бѣдные, они питались отъ своего искусства, но вмѣстѣ пользовались уваженіемъ. Въ общемъ понятіи народа ихъ даръ и умѣнье приближали ихъ къ таинственному міру чудеснаго; древнія божества откликались къ нимъ; гусляры даромъ пѣсни вызывали животворныя силы, скры-

Digitized by Google

тыя въ нѣдрахъ природы и добывали себѣ отъ нихъ значеніе и могущество. Съ другой стороны, богатство вообще часто пріборѣтается не-спроста. Садко̀ одинъ изъ множества богачей, которые наживаются чудеснымъ образомъ: такіе типы послѣдняго времени обыкновенно богатѣютъ при помощи чернокнижія или отдаютъ душу чорту. Въ болѣе отдаленныя времена, когда язы̀чество чище отражалось въ преданіяхъ, такимъ богачамъ помогаютъ существа болѣе добрыя и пріобрѣтеніе благъ міра сего не влекло за собою вѣчной погибели. Язычникъ и у насъ, какъ вездѣ, жилъ на землѣ, и только земнымъ образомъ мѣрялъ счастіе.

Другая пѣсня о Садкѣ можетъ считаться продолженіемъ его исторіи, хотя, съ другой стороны, можетъ быть она сложена тѣми, которые вовсе не знали и не слышали о похожденіяхъ Садка въ званіи гусляра. Садко̀ уже богатый купецъ. Онъ не въ Новгородѣ, а на Волгѣ, гдѣ дѣйствительно новгородскіе купцы находили себѣ поприще и откуда возвращались домой съ нажитыми богатствами. Садко гулялъ по Волгѣ уже двѣнадцать лѣтъ и не видалъ надъ собой никакой притки. Ему покровительствуетъ другой водяной духъ, духъ рѣки Волги—изображаемый въ женскомъ образѣ матушки-Волги. Послѣ многолѣтняго плаванія по Волгѣ захотѣлъ Садко въ Новгородъ. Вотъ онъ прощается съ Волгою и въ знакъ признательности отрѣзываетъ кусокъ хлѣба, посыпаетъ его солью и бросаетъ въ волны. Хлѣбъ-соль—символъ радушія, любви: Садко понимаетъ, что Волгѣ не надобно хлѣба и соли, да честь и спасибо ей дорого:

А спасибо тебѣ, матушка-Волга рѣка!
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой,
И во добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ.
А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.

Digitized by Google

Матушка-Волга проговариваетъ къ нему.

А и гой еси удалой доброй молодецъ!
Когда придешь ты во Новгородъ,
А станъ ты подъ башню проѣзжую,
Поклонися отъ меня брату моему
А славному озеру Ильменю.

Такимъ образомъ, водныя божества передаютъ Садка покровительству другъ друга. Когда онъ благополучно прибылъ къ Новгороду, сталъ надъ озеромъ Ильменемъ и передалъ ему челобитье отъ Волги-матушки, Ильменевой сестры. Изъ озера вышелъ удалъ-добрый молодецъ,—то былъ Ильмень-озеро, знакомый прежнему гусляру. «Почемъ ты знаешь сестру мою?» онъ спросилъ его. «Я—отвѣчалъ Садко—гулялъ по ней двѣнадцать лѣтъ; знаю ее съ вершины до устья».—Вотъ новый поводъ покровительствовать Садку. Ильмень-озеро сулитъ ему богатства:

Проси бошлыковъ въ Новѣгородѣ
Ихъ со тремя неводами,
И съ тѣми людьми со работными;
И заметывай ты неводы въ Ильмень-озеро.
И будетъ тебѣ Божья милость.

Это, между прочимъ, указываетъ, что рыбная торговля считалась вообще промысломъ выгоднымъ, приносившимъ скорое обогащеніе купцу. Какъ приказалъ Садку Ильмень-озеро, такъ и сдѣлалъ Садко. Первый разъ закинули нанятые работники невода,—вытащили много рыбы мелкой; второй разъ закинули—вытащили много рыбы красной; третій разъ закинули—вытащили рыбу бѣлую. Сложилъ Садко свою рыбку въ погребѣ на гостиномъ дворѣ; черезъ три дня онъ вошелъ въ погребъ. Гдѣ была рыба мелкая—деньги дробныя; гдѣ рыба красная, тамъ червонцы; гдѣ бѣлая рыба, тамъ серебряныя монеты. Садко, и прежде богатый, теперь уже сталъ несмѣтно: въ другой

Digitized by Google

разъ облагодѣтельствовалъ его добрый духъ озера. Но мало быть богатымъ:—однимъ богатствомъ въ Новгородѣ обойтись недостаточно. Нужно еще и умѣнье жить, обращаться съ новгородцами: народъ своевольный, капризный; богатство ему ни-по-чемъ;—только пусть богатый зазнается: и богатство его прахомъ пойдетъ, съ нимъ богачъ головы не снесетъ. И вотъ Садко идетъ опять къ Ильмень-озеру, просить, чтобъ научило его благодѣтельное существо, какъ жить ему въ Новгородѣ съ людьми новгородскими.

А и тутъ ему говоритъ Ильмень-озеро:
А и гой еси удалой-доброй молодецъ!
Поводись ты со людьми со таможенными,
А и только про ихъ ты обѣдъ доспѣй,
Позови молодцовъ посадскихъ людей,
А станутъ те знать и вѣдати.

Садко сдѣлалъ пиръ. Этого мало. Надобно еще богатому человѣку побрататься съ простыми небогатыми; иначе подумаютъ, что онъ считаетъ себя выше другихъ, угощаетъ другихъ съ-высока, хочетъ чтобъ они ему были за хлѣбъ-соль благодарны, а самъ въ ровню съ ними себя не ставитъ. Вотъ онъ приходитъ въ братчину-никольщину, покланяется, бьетъ челомъ новгородскимъ мужикамъ, проситъ, чтобъ его приняли въ братчину. Такъ—въ одномъ варіантѣ пѣсни; въ другомъ—дѣло происходитъ не въ братчинѣ, а въ почестномъ пиру, который задалъ новгородцамъ Садко: на пиру этомъ сидѣли и двое начальствующихъ лицъ, называемыхъ въ пѣснѣ *настоятельми новгородскими*; одинъ Ѳома Назарьевичъ, другой Лука Зиновьевъ; должно думать, что въ древнѣйшихъ варіантахъ нашей пѣсни это были посадникъ и тысячскій. По русскому нраву (въ Новгородѣ, вѣроятно, сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь) былъ обычай: какъ на пиру въ голову молодцамъ войдетъ хмѣль, такъ молодцы начинаютъ хвалиться, хвастаться, величаться. Вотъ какъ эта похвальба выражается въ пѣснѣ:

Digitized by Google

Одинъ хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой—удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ;
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой!

Садко велъ себя скромно. Но хмѣль взялъ свое. Когда настоятели новгородскіе стали ему замѣчать, отчего онъ ничѣмъ не похвалится, не похвастаетъ, Садко, въ упоеніи высокаго мнѣнія о своемъ богатствѣ, вызывается выкупить всѣ товары въ Новѣгородѣ, и худые, и добрые. Настоятели новгородскіе ударились объ закладъ на 30,000 денегъ. Послѣ пира—Садко собираетъ свою дружину: у богатаго купца, точно такъ же какъ и у боярина-удальца—своя дружина, подобранная изъ охотниковъ: она служитъ ему, онъ содержитъ ее и управляетъ ею. Садко распускаетъ свою дружину по всему городу, по торговымъ улицамъ—скупать товары. Самъ онъ идетъ въ гостиный рядъ. Садко съ дружиною скупаютъ всѣ товары новгородскіе. Каждый день они опустошаютъ такимъ образомъ новгородскую торговлю; ничего не остается въ Новгородѣ; а на другой день привозятъ новые товары и Садку приходится покупать снова. Въ двухъ варіантахъ этой пѣсни разница и противорѣчіе: по одному, Садко въ три дня выкупилъ всѣ товары въ Новгородѣ и на четвертый день зашелъ въ темный рядъ, гдѣ стоятъ «черепаны, гнилые горшки». Садко покупаетъ этотъ послѣдній товаръ и говоритъ съ насмѣшкою:

Пригодится ребятамъ черепками играть,
Поминать Садку, гостя богатаго,
Что не я, Садко, богатъ—богатъ Новгородъ
Всякими товарами заморскими,
И тѣми черепанами—гнилыми горшки!

Digitized by Google

Но въ другомъ варіантѣ, записанномъ Рыбниковымъ въ олонецкой губерніи, побѣда остается за Великимъ Новгородомъ: событіе представляется естественнѣе. Послѣ каждаго дня скупки товаровъ, привозили ихъ вдвое больше, и вотъ —

Подоспѣли товары московскіе,
На ту на великую славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
Не выкупить товара со всего бѣла свѣта.
Още повыкуплю товары московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новогородскій:
Побогаче меня славный Новгородъ!
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскимъ
Денежекъ со тридцать тысячей.

По нашему мнѣнію, оба окончанія пѣсни имѣютъ свой важный историческій смыслъ. Колебаніе между личною свободою, доходившею до владычества произвола и между строгимъ могуществомъ общины—составляетъ отличительную черту новгородской общественной жизни. Въ первомъ варіантѣ беретъ перевѣсъ первое, во второмъ другое. Немудрено, что поэтическій народный геній новгородскій далъ такіе различные исходы подвигамъ своего героя.

Но вотъ другая пѣсня о томъ же Садкѣ, уже совершенно фантастическая, съ затѣйливыми признаками языческаго міра. Садко отправляется за-море продавать новгородскіе товары.

Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова въ Ладожско,
А съ Ладожска въ Неву-рѣку,
А со Невы-рѣки въ сине море!

Далекій и невѣдомый путь, исполненный опасностей и чудесъ! Садку везетъ счастье; онъ подъ покровитель-

Digitized by Google

ствомъ могучихъ существъ, управляющихъ водами; Садко продавалъ новгородскіе товары въ чужихъ краяхъ, получалъ великіе барыши: при обычномъ въ пѣсняхъ способѣ преувеличеній, доходъ его изображается въ видѣ сороковокъ бочекъ злата и серебра. Но придетъ и ему роковой часъ. Своенравныя подводныя существа потребуютъ съ него непріятнаго разсчета за помощь, какую оказывали. Ему покровительствовали Ильмень-озеро и Волга-матушка; но есть надъ ними въ пучинахъ синяго моря водяной царь: слѣдовало и ему угодить. Садко плавалъ счастливо; а на возвратномъ пути вдругъ вздумалъ пошутить съ нимъ водяной царь. Поднимается непогода; волны бьютъ въ корабль; разрываетъ вѣтеръ паруса; корабль кружится по возмущенной пучинѣ. Садко догадался; говоритъ дружинѣ своей храброй: «Много мы по морю ѣздили, а царю морскому дани не плачивали: видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ». Велѣлъ онъ спустить въ море бочку съ деньгами—не утихаетъ непогода. Велѣлъ спустить другую —не успокоивается море. Знать морской царь требуетъ иной дани:—живой головы! Садко велитъ дѣлать жеребья; всякій долженъ подписать свое имя на жеребьѣ; чей жеребій на дно пойдетъ, тому идти въ синее море. Сперва сдѣлали жеребьи волженъ (изъ тавологи). Садковъ жеребій хмѣлево перо; жеребьи всѣхъ плывутъ; Садковъ идетъ ко дну. Тогда положили, что жеребьи тѣхъ, которымъ нужно оставаться на свѣтѣ, пусть потонутъ, а кого хочетъ взять къ себѣ морской царь, того жеребій пусть плыветъ по водѣ. Сдѣлали жеребьи ветляны: Садковъ жеребій булатный. Ветляные пошли ко дну; а Садковъ булатный плаваетъ по волнамъ. Садко понялъ, что водяной владыка требуетъ не другого кого, а именно его, Садка, себѣ въ жертву. «Знаю я теперь за что это—сказалъ Садко:—много лѣтъ я бѣгалъ кораблемъ по морю, а морскому царю не давалъ дани: не опускалъ хлѣба съ солью

Digitized by Google

на дно морское... За это вотъ на меня и смерть пришла!» Онъ пишетъ духовную: завѣщаетъ одну часть имѣнія Божіимъ церквамъ, другую—нищей братіи, третью—молодой женѣ, четвертую—дружинѣ своей. Это старинный способъ распоряжаться имуществомъ у богатыхъ и вліятельныхъ людей, поддерживавшихъ себя дружиною молодцовъ, привыкнувшихъ къ нимъ—будь это въ военномъ, будь это въ торговомъ и промышленномъ быту. Купецъ богатый, Садкò, все еще гусляръ; гусли ему богатство дали; гусли ему въ жизни были утѣшеніе; и, теперь, готовясь разстаться съ жизнію, онъ обращается къ своимъ гуслямъ.

Ай же братцы, дружина храбрая!
Давайте мнѣ гусельцы яровчаты,
Поиграть по имъ въ остатнее.
Больше мнѣ въ гусельцы не игрывати!
Али взять мнѣ гусли съ собой во сине-море?

Садкò любилъ роскошь, веселость, забавы. Любилъ онъ хорошо одѣваться, любилъ игрывать въ тавлеи (шахматы). Вотъ онъ и умирать собирается съ признаками своего веселаго житья-бытья. Онъ надѣваетъ на себя дорогую соболиную шубу, приказываетъ спустить на воду доску, кладетъ шахматницу съ золотыми тавлеями, самъ садится на нее, беретъ въ руки гусли... понеслись корабли по волнамъ, какъ черные вороны;—Садкò одинъ остался посреди морской пустыни... нѣтъ ни горы ни берега... По одному варіанту, вѣтеръ понесъ Садка, и принесъ къ какому-то далекому крутому берегу, гдѣ въ избѣ жилъ морской царь; по другому, онъ лишается чувствъ (засыпаетъ) отъ великаго страха, и проваливается въ морскую глубину. Тамъ

Сквозь воду увидалъ покучись красное солнышко,
Вечерню зорю, зорю утреннюю;
Увидалъ Садко во синемъ морѣ:
Стоитъ палата бѣлокаменная.

Digitized by Google

Въ эту палату входитъ Садко́. Тамъ живетъ водяной царь: голова у него что куча сѣнная. «А, Садко́, богатый гость! — говоритъ онъ ему: — долго ты разгуливалъ по синю-морю, а мнѣ дани не плачивалъ. Теперь самъ пришелъ ко мнѣ въ подарочкахъ. Говорятъ, мастеръ ты играть въ гусельки; поиграй-ка, мнѣ Садко́, въ гусельки яровчаты!»

Садко́ какъ заигралъ—такъ не утерпѣлъ царь морской, —сталъ плясать. Отъ этой пляски поднялась ужасная буря на морѣ; вода всколебалась, съ желтымъ пескомъ смутилась... разбивались корабли; много погибло купеческихъ сокровищъ; много потонуло невинныхъ душъ. А царь морской все пуще-и-пуще веселится, даетъ Садку́ питья веселаго; Садко́ пьетъ, и приходитъ въ большой восторгъ; и такъ тѣшилъ онъ царя, пока самъ отъ упоенія не упалъ и не заснулъ. Тутъ является къ нему старецъ сѣдовласый — пѣсня называетъ его Николою Можайскимъ; ему тогда взмолились несчастные пловцы... Но этотъ старецъ, вѣроятно (судя по общеязыческому колориту) передѣлался народнымъ вымысломъ въ Николая Чудотворца изъ какого-нибудь нашего языческаго древняго благодѣтельнаго существа. «Полно тебѣ играть, Садко́,—говоритъ онъ:—рви свои струны золотыя, бросай гусли звончатыя: царь у тебя сильно расплясался; море всколебалось; рѣки быстрыя разливаются; бусы и корабли тонутъ; много народа православнаго погибаетъ. Садко́ послушался, проснулся, изорвалъ свои струны. Тогда старецъ говоритъ ему: «Смотри же, Садко́: царь морской захочетъ тебя женить, и приведетъ тебѣ тридцать (по другому варіанту триста) дѣвицъ. Ты не бери хорошей, бѣлой, румяной; а возьми дѣвушку поваренную, что́ лицомъ похуже всѣхъ; да какъ положитъ тебя царь морской съ новобрачною, — не обнимай и не цѣлуй ея; а то быть тебѣ въ синемъ морѣ, и не быть тебѣ никогда въ Новѣгородѣ.» Какъ сказалъ ста-

Digitized by Google

рецъ такъ и сдѣлалось. Царь прежде всего хотѣлъ, чтобы Садко ему опять заигралъ; а Садко отговаривался, что у него струны порвались и шпенечки повыломались, а въ запасѣ у него нѣтъ ни того, ни другого. Тогда царь спрашиваетъ: не хочешь ли жениться на душечкѣ, на красной дѣвушкѣ? «У меня воля не своя въ синемъ морѣ»,—отвѣчалъ Садко. —Царь ведетъ къ нему дѣвицъ; Садко замѣчаетъ позади всѣхъ дѣвушку чернавушку, дѣвушку поваренную, лицомъ хуже всѣхъ: ту и взялъ онъ. Положилъ его царь на брачное ложе. Садко помнитъ наставленіе благодѣтеля; крѣпится Садко, рученьки къ своему сердцу прижалъ... но послѣ полуночи, въ-просоньѣ, невзначай, накинулъ онъ лѣвую ногу на ногу жены своей —и вдругъ—

Очутися подъ Новымъ-городомъ,
А другая нога въ Волхъ-рѣкѣ.

Между тѣмъ, плакала по немъ жена въ Новгородѣ; запоздалъ ея милый другъ: не бывать, видно, ему съ синяго моря! А дружина считаетъ его погибшимъ, поминаетъ Садка, плывя на его судахъ къ Новугороду. А стоитъ Садко надъ Волховымъ, на крутомъ берегу, встрѣчаетъ дружину свою, и ведетъ въ свои палаты въ Новгородѣ. Обрадовалась жена, за руки беретъ, цѣлуетъ Садка. Выгружаетъ дружина товары заморскіе, безсчетную казну денежную, а Садко въ память своего избавленія, строитъ въ Новгородѣ церковь Николы Можайскаго. Съ тѣхъ-поръ уже

Не сталъ больше ѣздить Садко на сине-море,—
Сталъ поживать въ Новѣ-городѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЦЕРКОВЬ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

СТРЕМЛЕНІЕ НОВГОРОДСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.—БОРЬБА СЪ МИТРОПОЛИТАМИ.

Христіанство въ Новгородѣ боролось съ упорною стихіею язычества болѣе, чѣмъ въ Южной Руси. Причиною этого была недостаточность древняго предварительнаго сближенія съ новою вѣрою, по отдаленности края; сверхъ того, быть можетъ, имѣло вліяніе и присутствіе литовской народности, которая вообще держалась упорнѣе, чѣмъ славяне, стараго язычества, когда его начинало вытѣснять христіанство.

О времени введенія христіанства въ Новгородѣ у потомковъ сохранялось преданіе, что посланные въ Новгородъ Владимиромъ новообращенные проповѣдники христіанскаго ученія должны были съ мечомъ и огнемъ посѣвать его спасительныя сѣмена. Миѳъ о томъ, что низвергнутый въ воду божокъ Перунъ показывалъ признаки жизни, образовался и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ; но въ Новгородѣ онъ выразился въ чертахъ болѣе рѣзкихъ, чѣмъ въ Кіевѣ: въ Кіевѣ Перунъ только выплывалъ изъ воды, а послѣдователи его кричали: «выдыбай, нашъ боже!» въ Новгородѣ, божокъ, плывя по Волхову, бросилъ на мостъ палку и завѣщалъ грядущимъ поколѣніямъ междоусобія и

Digitized by Google

драки, которыя должны были происходить на томъ самомъ мосту. То было какъ будто проклятіе отъ древней вѣры народу, который ее оставилъ и промѣнялъ на другую.

Не смотря на оффиціальное принятіе христіанства, Новгородскій край былъ въ XI-мъ вѣкѣ языческимъ. Лѣтописцы называютъ новгородцевъ этого времени людьми вновь крестившимися [1]).

Въ двѣнадцатомъ столѣтіи новгородская Церковь должна была бороться съ языческими вѣрованіями и привычками. Матери приносили своихъ больныхъ дѣтей не къ попамъ а къ волхвамъ—блюстителямъ языческихъ вѣрованій; религіозное чувство обращалось не къ обрядамъ христіанской Церкви, а къ языческому поклоненію роду и роженицѣ; семейная жизнь была подъ покровительствомъ не византійскихъ святыхъ, а домашнихъ прадѣдовскихъ божковъ, и женщины, чтобъ расположить къ себѣ мужчинъ, дѣйствовали на нихъ талисманами, получавшими силу отъ освященія посредствомъ языческой молитвы знахаря. Даже и впослѣдствіи, въ теченіи всей исторіи Новгорода, христіанство иногда казалось стихіею, противодѣйствующею жизненнымъ силамъ, почерпнувшимъ свои первоначальные соки изъ языческаго дѣтства. Еще въ темныя времена язычества возникли въ Новгородѣ начала той свободы, которая составляла господствующую черту его общественнаго быта; отъ язычества сохранился у новгородцевъ духъ свободы, междоусобицъ, удальства, предпріимчивости личнаго произвола. И здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, Церковь старалась измѣнить эти своенародныя славянскія свойства, дать обществу тяготѣніе къ власти и поставить идеаломъ гражданскаго порядка могущество единодержавія. Естественно, такое направленіе въ Церкви не могло идти непоколебимо, неуклонно и несложно; въ

[1]) Новг. Л. III, 210.

Digitized by Google

свою очередь новгородская Церковь не разъ и не въ одномъ случаѣ мирилась съ народными началами; духовные, прежде чѣмъ стали духовными, были новгородцы; старый духъ, переходя отъ предковъ къ потомкамъ съ семейными преданіями и понятіями, содѣйствовалъ своеобразному направленію самыхъ религіозныхъ побужденій.

Новгородская Церковь составляла часть общей русской Церкви; новгородскіе архіепископы зависѣли отъ кіевскаго митрополита, носившаго многозначительное названіе первопрестольника русскаго и намѣстника константинопольскаго патріаршества, въ послѣднемъ окончательно сосредоточивались всѣ нити сѣвернаго православія. Но уже съ ранняго времени въ Новгородѣ стало обнаруживаться стремленіе къ церковной самостоятельности, параллельно съ политическою: какъ въ политическомъ строѣ, Новгородъ, наравнѣ съ другими землями, не отлучаясь совершенно отъ федеративной связи съ русскимъ міромъ, и пребывая неотъемлемымъ членомъ состава обще-русской державы, хотѣлъ однако удержать ненарушимо свою самосущность, такъ и новгородская Церковь далека была отъ того, чтобъ отрѣзаться отъ обще-русской Церкви, но желала, чтобъ центральная церковная власть предоставила сколько возможно широкій кругъ дѣйствіямъ ея мѣстнаго управленія.

Въ XI-мъ вѣкѣ все для насъ темно по краткости дошедшихъ извѣстій; но можно навѣрное сказать, что церковная мѣстная самостоятельность меньше была развита, чѣмъ политическая. Первые владыки назывались епископами до 1168 года; съ этого времени стали именоваться архіепископами. Въ тотъ періодъ (епископскій) встрѣчаются случаи, когда митрополиты, первопрестольники русской церкви,—смѣло показывали свои права на подчиненность и подсудность новгородскихъ владыкъ. Одинъ изъ древнихъ новгородскихъ епископовъ Лука Жидята,

Digitized by Google

извѣстный между прочимъ своимъ поученіемъ, былъ оклеветанъ предъ митрополитомъ своимъ холопомъ Дудикомъ. Митрополитъ призвалъ его въ Кіевъ и, считая виновнымъ, держалъ его тамъ три года; потомъ нашелъ, что онъ невиненъ и отпустилъ; а доносчику Дудику велѣлъ отрѣзать уши и носъ за клевету. О преемникѣ епископа Луки, Стефанѣ, извѣстно, что онъ былъ удавленъ въ Кіевѣ въ 1068 г. [1]). Подробности этого событія неизвѣстны; но видно, что власть митрополита не ограничивалась тогда благословеніемъ и посвященіемъ владыкъ, какъ послѣ было. Владыка Лука, пробывши долго въ Новгородѣ на своей должности, ѣздилъ въ Кіевъ оправдываться передъ митрополитомъ по сдѣланному прежде доносу: такъ послѣ не дѣлалось до самаго начала XV вѣка, когда былъ подобный поступокъ съ Іоанномъ въ Москвѣ, но считаемъ былъ въ свое время исключительнымъ дѣломъ насилія. Слѣдовательно, новгородская епархія въ эти раннія времена находилась въ болѣе тѣсной зависимости отъ митрополіи, чѣмъ впослѣдствіи. То же видно изъ извѣстій о владыкѣ Германѣ; онъ умеръ въ Кіевѣ въ 1096. Слѣдовательно владыки ѣзжали въ Кіевъ по дѣламъ, какъ къ своему непосредственному начальству. Скудость извѣстій не даетъ намъ возможности сдѣлать точное заключеніе — были-ли еще въ XI и въ первой половинѣ XII-го вѣка владыки въ Новгородѣ выбираемы съ участіемъ народа, и потомъ уже ихъ только утверждали и посвящали митрополиты, какъ дѣлалось впослѣдствіи, или же тогда еще митрополиты ихъ прямо назначали. Два случая побуждаютъ склониться къ послѣднему предположенію: Никита и Нифонтъ прибыли въ Новгородъ изъ Кіева; ничто не указываетъ, чтобы эти лица были новгородскіе уроженцы. Въ послѣдующія же времена, владыки, напротивъ, всегда

[1]) Соф. I, 142.

Digitized by Google

избирались изъ новгородцевъ, а не изъ чужихъ. Но съ другой стороны уже первый епископъ новгородскій Іоаннъ указалъ по себѣ преемника въ особѣ Ефрема. Примѣръ назначенія себѣ преемника владыкою, оставляющимъ паству, впослѣдствіи часто повторяется въ исторіи новгородской Церкви,—это было однимъ изъ признаковъ ея независимости и самостоятельности: митрополитъ, въ такомъ случаѣ, утверждалъ и посвящалъ не того, кого самъ избиралъ, а того, кого ему представляли изъ Новгорода. Но въ отдаленныя времена могло быть, что въ такихъ случаяхъ уважалась болѣе воля завѣщателя, а не желаніе тѣхъ, кому завѣщалось. Причина — почему новгородскіе владыки въ древній періодъ новгородской исторіи находились въ болѣе тѣсной зависимости отъ митрополита, связуется съ малымъ участіемъ народа въ дѣлахъ Церкви, потому что масса народа была еще предана идолопоклонству, а тѣ, которые были крещены, большею частію были только по имени христіане: народъ, такимъ образомъ, не имѣлъ еще побужденій принимать къ сердцу интересы Церкви, и не перенесъ еще въ церковную сферу своихъ свободныхъ понятій; во всякомъ случаѣ, новгородская епархія, скоро послѣ ея основанія, получила въ ряду русскихъ епархій свою важность непосредственно послѣ митрополіи; естественно это было неизбѣжно, тогда какъ Новгородъ, въ политическомъ смыслѣ занималъ послѣ Кіева важнѣйшее мѣсто въ ряду русскихъ земель. Построеніе храма св. Софіи—премудрости Божіей, подобно какъ въ Кіевѣ, придавало новгородской Церкви особое значеніе и уподобляло ее кіевской.

Права, которыми пользовались іерархи по уставамъ Владимира и Ярослава, способствовали расширенію ихъ власти. Эти права, если и существовали въ другихъ мѣстахъ Руси, то въ Новгородѣ по своей приложимости должны были явиться значительнѣе. Грамота Всеволода о церковныхъ

Digitized by Google

судахъ вѣроятно не была первымъ дѣйствующимъ памятникомъ этого рода. Въ отношеніи судовъ, это—сколокъ съ грамоты Владимира. Вѣроятно, грамота Всеволода была подтвержденіемъ того, что существовало прежде какъ старый обычай, можетъ быть уже неоднократно и до того времени выражаемый грамотами, до насъ не дошедшими. Значительно было вліяніе, пріобрѣтенное владыками посредствомъ суда на множество обстоятельствъ семейной жизни; не малое дѣло былъ надзоръ надъ важнѣйшимъ отправленіемъ экономическаго быта—торговлею, все это давало имъ возможность показывать силу и власть помимо одной чисто духовной сферы. А все, что имѣло въ Новгородѣ власть, силу и вліяніе, окончательно, по исконному народному понятію, надлежало исходить изъ народной воли. И отсюда необходимость избранія владыки на вѣчѣ.

Объ Аркадіи, преемникѣ Нифонта, положительно говорится, что онъ былъ избранъ на вѣчѣ въ 1156 г., прежде чѣмъ получилъ посвященіе отъ митрополита [1]). Его преемникомъ былъ знаменитый Іоаннъ. Половина XII вѣка русской исторіи есть та эпоха, когда ослабѣло начало, связующее политическій составъ русскаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ расширялась и укрѣплялась самобытность земель и болѣе всего Новгорода. Іоаннъ былъ духовнымъ защитникомъ мѣстной самобытности. Не даромъ, по этому, и память его облеклась у новгородцевъ такими лучами славы. Личность его сдѣлалась эпическою; въ народномъ преданіи онъ сталъ покровителемъ Новгорода и его свободы. При духовной силѣ его молитвы, совершилось чудо Знаменской Богоматери надъ суздальцами,—событіе, которое и въ послѣдующіе вѣка оставалось живительнымъ воспоминаніемъ о древней народной славѣ и чести, вѣковѣчнымъ свидѣтельствомъ небеснаго благоволенія къ Вели-

[1]) Новг. I, 12.

Digitized by Google

кому Новгороду. Это событіе вмѣстѣ съ тѣмъ возвышало и достоинство владыкъ вообще: потому что Іоаннъ содѣйствовалъ славному чуду не только какъ лицо богоугодной жизни; молитва его была услышана и потому что онъ носилъ владычній санъ; и въ послѣдующіе вѣка вѣрили, что молитва и благословеніе владыки поддерживаютъ независимость и благополучіе Новгорода. Послѣ Іоанна не было примѣра, чтобы въ Новгородѣ кто-нибудь занималъ мѣсто владыки не по волѣ новгородской. По смерти Іоанна избранъ былъ его братъ, потомъ Мартирій изъ Русы. Послѣ своего избранія они были посвящаемы митрополитомъ. Послѣ Мартирія былъ избранъ въ 1201 г. Митрофанъ. Тотчасъ послѣ избранія онъ былъ введенъ во владычество и правилъ духовными дѣлами, прежде чѣмъ митрополитъ, пригласивъ его для посвященія, безспорно утвердилъ народный выборъ. Въ 1211 г. новгородцы изгнали этого владыку и избрали другаго, Антонія. Но потомъ составилось у нихъ двѣ партіи,—одна за стараго, другая за новаго владыку; споръ предоставили разрѣшенію митрополита, и первопрестольникъ русской Церкви рѣшилъ очевидно въ пользу (Митрофана) того, за кого было большинство (1220 г.). Въ Новгородѣ образовалось двѣ партіи; одна клонилась къ перевѣсу монархическаго принципа въ Церкви: она толковала о подчиненіи митрополиту; другая хотѣла, чтобъ церковное управленіе сообразовалось съ мѣстною гражданскою свободою и независимостію. Когда въ 1229 г. стали выбирать архіепископа, нѣкоторые выразились такъ: «кого дастъ намъ митрополитъ, тотъ намъ и отецъ» [1]). Однако все-таки взяла верхъ партія народная; митрополиту не предоставили назначать архіепископа по своему усмотрѣнію и митрополитомъ посвященъ тотъ, кто былъ избранъ по жребію на вѣчѣ. Послѣ татарскаго завоеванія, Новгородъ оста-

[1]) Новг. I, 45.

Digitized by Google

вался въ гораздо бо́льшей независимости отъ завоевателей, чѣмъ другія земли. При такомъ положеніи и достоинство его мѣстной Церкви возвысилось. Когда сами митрополиты и архіереи другихъ земель не разъ ѣздили къ ханамъ въ Орду испрашивать милостей и покровительства сильныхъ нехристей,—новгородскіе владыки ни разу не испытали на себѣ этой необходимости. Ихъ ограждала самостоятельность политическаго тѣла, гдѣ они правили духовной сферою. Достоинство архіепископа такъ поднялось, что вмѣсто того, чтобы владыкамъ по дѣламъ ѣздить къ митрополиту, митрополиты сами пріѣзжали въ Новгородъ. Такъ послѣ смерти владыки Спиридона, для посвященія Далмата, въ 1251 г. митрополитъ Кириллъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Это повторилось въ 1300 г.: митрополитъ Максимъ пріѣзжалъ въ Новгородъ для посвященія архіепископа Ѳеоктиста [1]). Впрочемъ эти посѣщенія митрополитовъ для новгородцевъ были тягостны и убыточны: надобно было содержать ихъ многочисленную свиту и дарить; а потому новгородцы не настаивали на эту честь, и, послѣ того, предпочитали отправлять новоизбраннаго владыку для посвященія туда, гдѣ находился митрополитъ. Такъ митрополитъ Ѳеогностъ, въ 1341 г. посѣтилъ Новгородъ, и лѣтописецъ замѣтилъ, что это посѣщеніе было тягостно для Новгорода [2]). Поѣздки нареченныхъ владыкъ къ митрополиту совершались только ради одного посвященія, а не для полученія права быть владыками: нареченный правилъ епархіею еще до посвященія, со дня своего избранія на вѣчѣ.

Когда въ XIV вѣкѣ стали возвышаться московскіе князья, митрополиты, помогавшіе всѣми силами своего духовнаго призванія этому возвышенію, стали въ то же время поку-

---

[1]) Новг. I. 54, 67.

[2]) Новг. I. 80—81.

Digitized by Google

шаться на подчиненіе своей власти новгородскихъ владыкъ. Въ качествѣ верховныхъ правителей всей русской Церкви, митрополиты домогались имѣть за собою право апелляціоннаго суда въ духовныхъ дѣлахъ надъ новгородскими владыками; съ своей стороны новгородскіе владыки старались удержать свою независимость и выхлопотать себѣ отъ константинопольскаго патріарха огражденіе вообще отъ такихъ покушеній митрополитовъ. Въ православной Церкви внѣшніе знаки всегда были важны для внутренняго значенія по своему символическому смыслу; тутъ являются у новгородскихъ владыкъ два отличія: крестчатыя ризы и бѣлый клобукъ. Къ сожалѣнію, извѣстія объ этихъ отличіяхъ очень сбивчивы и противорѣчивы. По одному лѣтописному извѣстію, владыка Моисей въ 1353 г. посылалъ къ патріарху пожаловаться на митрополита и получилъ отъ него грамоту за златою печатью и крестчатыя ризы. Мы не знаемъ обстоятельно, что заключалось въ патріаршей грамотѣ [1]); лѣтопись говоритъ только что въ ней были постановленія о посвященіи владыкъ, объ издержкахъ по этому поводу и пр. Важно, что крестчатыя ризы и грамота даны были новгородскому владыкѣ именно послѣ того, какъ онъ жаловался на митрополита: повидимому крестчатыя ризы, означая почетное отличіе, имѣли связь съ дѣломъ огражденія свободы новгородской Церкви отъ домогательствъ митрополита вмѣшиваться во внутреннее управленіе и судъ; а золотая печать при грамотѣ означала всегда, что грамота даруетъ какія-нибудь преимущества; и уже одно то, что патріаршая грамота была съ золотою печатью, заставляетъ предполагать, что въ ней заключались благопріятныя для владыкъ правила, при которыхъ они до извѣстной степени выигрывали предъ судомъ патріарха свое спорное дѣло съ митрополитомъ. Но съ дру-

[1]) Никон. Л. III, 206.

Digitized by Google

гой стороны, о крестчатыхъ ризахъ, которыхъ значеніе соединяется какъ-то тѣсно съ грамотою патріарха и съ свободою новгородской Церкви, представляется въ тѣхъ же лѣтописяхъ противорѣчіе и недоразумѣніе: говорится, что крестчатыя ризы даны въ первый разъ новгородскимъ владыкамъ—не Моисею, отъ патріарха Филоѳея, а митрополитомъ Ѳеогностомъ предшественнику Моисея, архіепископу Василію въ 1346 г. [1]). Что касается до бѣлаго клобука, то извѣстіе о немъ еще болѣе исполнено недоразумѣній. Оно сохранилось не въ древнихъ лѣтописяхъ, а въ особой повѣсти, которая дошла до насъ уже по поздней редакціи и самый древнѣйшій извѣстный намъ составъ ея относится къ концу XV вѣка. Сообразно этой повѣсти, бѣлый клобукъ данъ патріархомъ Филоѳеемъ владыкѣ Василію и съ тѣхъ поръ сдѣлался почетнымъ отличіемъ одежды новгородскихъ архипастырей [2]). Но ни эти отличія, ни временные успѣхи владыкъ предъ патріархами—не доставили однако полной независимости новгородской Церкви. По духу, господствующему въ православіи, патріархи держались за старину и не рѣшились нарушать древняго единства русской Церкви. Отдѣлить епархію, прежде зависѣвшую отъ другой старѣйшей, безъ важныхъ причинъ, было

---

[1]) Новг. Лѣтоп. I, 83.

[2]) Карамзинъ полагаетъ, что бѣлый клобукъ былъ ничто иное, какъ отличіе, означавшее, что носившій его архіерей былъ не монахъ, а посвященъ въ свой санъ изъ бѣлаго духовенства. Въ этомъ случаѣ историографъ ссылается на императора Кантакузена, извѣщающаго, что въ Константинополѣ патріархи не-монашескаго званія носили бѣлые клобуки и приводитъ въ подтвержденіе примѣры, что русскіе епископы ростовскіе—Леонтій и Исаія изображались въ бѣлыхъ клобукахъ; и туровскій епископъ Антоній носилъ бѣлый клобукъ, въ 1405 г. (т. IV, прим. 360). Но Василій, получившій первый изъ новгородскихъ владыкъ бѣлый клобукъ, былъ постриженъ въ монахи и, слѣдовательно, такое отличіе, если оно точно имѣло это значеніе, никакъ не идетъ къ нему.

Digitized by Google

бы фактомъ, нарушающимъ принципъ іерархической подчиненности, которая составляла сущность порядка перковнаго строенія. Вслѣдъ за Моисеемъ, преемнику его Алексію, патріархъ Филоѳей (который послѣ отсылки крестчатыхъ ризъ успѣлъ потерять, а потомъ снова пріобрѣсть свой санъ) писалъ, что знакъ отличія, данный Моисею, касается только лица этого архіепископа, а не составляетъ вообще преимущества сана новгородскихъ владыкъ.

Причины, побуждавшія владыкъ искать устраненія новгородской Церкви отъ власти московскихъ митрополитовъ, зависѣли отъ политическихъ отношеній Великаго Новгорода къ московскимъ князьямъ. Новгородская Церковь охотно и всегда готова была признать надъ собою первенство митрополита, если только онъ не станетъ вмѣшиваться въ управленіе, такъ какъ и Великій Новгородъ охотно и сознательно готовъ былъ признать надъ собою первенство великаго князя—верховнаго главы русскихъ земель,—съ тѣмъ, чтобы великій князь оставилъ ему старую свободу. Но владыки, какъ новгородцы по происхожденію, постоянно были участниками политическихъ дѣлъ, и поэтому должны были сочувствовать всякому патріотическому движенію своего края, благопріятствовать его самобытности; а между тѣмъ, митрополиты московскіе явно благопріятствовали стремленію великихъ князей подчинить единству верховной власти самостоятельность всѣхъ частей древней удѣльновѣчевой федераціи. Когда Великій Новгородъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ великими князьями,—и въ церковномъ отношеніи между владыкою и митрополитомъ согласіе не нарушалось. Такъ напримѣръ, когда Великій Новгородъ былъ въ союзѣ съ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ, и митрополитъ Алексій ладилъ съ новгородцами, — тогда избранный въ Западной Россіи въ митрополиты Кипріанъ присылалъ къ нимъ пословъ съ тѣмъ, что-бы послѣ смерти Алексія быть ему единымъ

Digitized by Google

первопрестольникомъ въ Россіи. Новгородцы отвѣчали, что они признаютъ митрополитомъ того, кого признаетъ великій князь московскій [1]).

Такъ-то епархія новгородская оставалась въ своей фактической независимости, признавая надъ собою старѣйшинство митрополита, но стараясь, чтобъ это старѣйшинство выражалось только тѣмъ, что новгородскій архіепископъ долженъ былъ посвящаться отъ московскаго митрополита и состоять подъ его благословеніемъ. Даже и по смерти митрополита Алексія въ 1377 г. новгородская Церковь пребывала въ добрыхъ отношеніяхъ къ Москвѣ. Въ 1380 г. владыка Алексій ѣздилъ въ Москву [2]) къ митрополиту Кипріану, хотя новгородцы вообще не любили Кипріана, такъ какъ и великій князь не любилъ его. Но тутъ сдѣлалось замѣшательство въ митрополіи: — великій князь московскій въ 1382 г. удалилъ отъ себя Кипріана; у Димитрія былъ другой претендентъ на митрополичій престолъ: Пименъ, который послѣ смерти митрополита Алексія ѣздилъ въ Царьградъ, съ умершимъ на пути кандидатомъ въ митрополиты протопопомъ Михаиломъ или Митяемъ. Онъ, какъ говорили, воспользовался въ Царьградѣ бумагами покойнаго и былъ посвященъ патріархомъ Ниломъ. Заточенный великимъ княземъ по своемъ возвращеніи, Пименъ по изгнаніи Кипріана получилъ управленіе съ честію, но вскорѣ великій князь сталъ имъ недоволенъ и просилъ патріарха посвятить въ митрополиты суздальскаго епископа Діонисія. Діонисій въ 1383 году былъ посвященъ, но на возвратномъ пути задержанъ въ Кіевѣ княземъ Владимиромъ Ольгердовичемъ, сторонникомъ Кипріана. Такимъ образомъ было разомъ три посвященныхъ митрополита всея Русіи, тогда какъ доженъ быть одинъ.

---

[1]) Новг. Л. I, 91.

[2]) Новг. Л. I, 91.

Digitized by Google

Діонисій скоро умеръ въ заточеніи; оставалось послѣ него все-таки двое. Въ это-то смутное время, новгородцы, поссорившись къ тому же съ великимъ княземъ, увидѣли случай утвердить свою церковную независимость и постановили правило—никогда уже не обращаться къ суду митрополита, чтобы новгородскій владыка имѣлъ право верховнаго суда безо всякой апелляціи и судилъ по номоканону [1]). По удаленіи владыки Алексія въ уединеніе (1388 г.), избраннаго на вѣчѣ въ санъ архіепископа Іоанна посвятилъ не Кипріанъ, а Пименъ въ Москвѣ. Власть послѣдняго была не тверда. Неудивительно, что, не желая потерять признанія своего сана Новгородомъ, онъ не изъявлялъ притязаній своихъ предшественниковъ. Оттого-то, изъ двухъ митрополитовъ, московскаго и западно-русскаго — новгородцамъ выгодно было признавать московскаго. Но Кипріанъ выигралъ наконецъ свое дѣло противъ всѣхъ претендентовъ, и въ 1389 г. сдѣлался единымъ митрополитомъ. Тогда-то, не забывая, конечно, нерасположенія, какое оказывали ему новгородцы, Кипріанъ энергически заявилъ права своего сана надъ новгородскою Церковью. Въ 1391 году онъ самъ прибылъ въ Новгородъ и потребовалъ, чтобы Великій Новгородъ уничтожилъ свою грамоту 1384 года, называлъ ее противозаконною, домогался, чтобъ новгородская Церковь подчинялась митрополичьей власти и признавала ея верховный судъ.—«Нѣтъ,—отвѣчали ему новгородцы,—мы уже крестъ цѣловали, какъ одинъ человѣкъ; мы написали и попечатали грамоту,—души свои запечатали!»—«Я съ васъ сниму крестное цѣлованіе—говорилъ имъ Кипріанъ:—самъ сорву у грамоты печати; я прощаю и благословляю васъ, а вы мнѣ дайте судъ, какъ было издавна при прежнихъ митрополитахъ». Новгородцы стояли упорно за независимость своей мѣст-

[1]) Новг. Л. IV, 92.

Digitized by Google

ной Церкви, и Кипріанъ уѣхалъ съ нелюбьемъ. Собственно на дѣлѣ подсудности митрополиту не было уже давно и до 1384 г. Постановленіемъ этого года хотѣли только освятить то, что̀ существовало прежде какъ обычай. Слѣдствіемъ отказа новгородцевъ исполнить волю митрополита было то, что поводъ къ возникшей послѣ того войнѣ великаго князя съ Новгородомъ былъ двойной: независимо отъ даней, которыхъ уплаты требовалъ великій князь московскій, война была объявлена и за права митрополита. Новгородцы, однако, уступили. Въ 1393 г. они отправили Кипріану свою цѣловальную грамоту и приняли отъ него благословеніе [1]). Они отказались отъ того, что дѣлали самовольно вопреки уставамъ Церкви, но думали-было поправить дѣло и выиграть его путемъ законнымъ: отправили къ патріарху Антонію пословъ просить утвержденія своей духовной независимости. Но патріархъ Антоній, какъ и предшественники его, не захотѣлъ нарушать единства русской Церкви; онъ объявилъ, что, по старинѣ и по церковнымъ правиламъ, Новгородъ долженъ состоять подъ властію общерусскаго первопрестольника [2]). Въ 1395 году вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ пріѣхалъ въ Новгородъ посломъ отъ патріарха виелеемскій епископъ и привезъ новгородцамъ назидательное поученіе о покорности митрополиту. Замѣчательно, что новгородцы, въ надеждѣ склонить патріарха, угрожали ему чрезъ свое посольство принять западную вѣру, если онъ не освободитъ ихъ Церковь отъ власти митрополита. Неизвѣстно въ какомъ тонѣ дана была эта угроза; вѣроятно только какъ опасеніе за самихъ себя, а не какъ рѣшимость поступить въ самомъ дѣлѣ такимъ образомъ. Но эта угроза не только не расположила патріарха дѣлать угодное Новгороду, а напротивъ,

[1]) Новг. Л. I, 96; Соф. Врем. I, 246.

[2]) Повинуйтеся митрополиту Рускому. Новг. Л. IV, 99.

Digitized by Google

должна была побудить самого патріарха быть настойчивѣе; въ противномъ случаѣ, исполняя волю Новгорода ради угрозы себѣ, онъ показалъ бы свою слабость. Въ 1401 г. Іоаннъ ѣздилъ къ митрополиту совѣтоваться о духовныхъ дѣлахъ, чего прежде не бывало: ни одинъ владыка до того времени не ѣздилъ въ Москву къ митрополиту иначе, какъ только для посвященія.

Такимъ образомъ, не отстоявши своей политической самобытности отъ притязаній московскаго великаго князя, Новгородъ не отстоялъ и церковной отъ московскаго митрополита: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣйствовало убѣжденіе въ необходимости сочетанія своей отдѣльной мѣстной самостоятельности съ единствомъ общаго русскаго отечества. Это убѣжденіе было слишкомъ сильно для того, чтобы дать перевѣсъ мѣстнымъ интересамъ.

Однако въ XV-мъ вѣкѣ раздѣленіе митрополитіи на восточную и западную дало-было новгородской Церкви временную независимость. Избранный владыка Евфимій II-й около пяти лѣтъ прожилъ безъ посвященія, не хотѣлъ принимать посвященія въ Москвѣ, и въ 1434 г., когда въ Москвѣ нареченный Іоаннъ былъ еще непосвященъ, принялъ посвященіе отъ митрополита западнаго, Герасима, въ Смоленскѣ. Непоставленный отъ московскаго митрополита, Евфимій считалъ себя неподлежащимъ его власти, и въ свое двадцатилѣтнее правленіе пребывалъ въ независимости; по крайней мѣрѣ не видно никакихъ отношеній подчиненности къ Москвѣ.

Но признаніе уніи съ римскою Церковью митрополитомъ Исидоромъ въ глазахъ русскихъ было нарушеніемъ древней святыни; видѣли наклонность къ папизму и въ преемникѣ Исидора—Григоріѣ. Это не дозволяло новгородской Церкви слѣдовать по пути, проложенному Евфиміемъ, и владыкамъ Новгорода казалось невозможнымъ болѣе принимать посвященія отъ западныхъ митрополитовъ. Самъ

Digitized by Google

Евфимій предъ смертію послалъ просить прощальной грамоты у московскаго митрополита. Преемникъ его Іона принялъ посвященіе въ Москвѣ. Этотъ владыка въ важныхъ дѣлахъ относился къ митрополиту московскому, какъ это показываетъ псковское дѣло: когда псковитяне хотѣли было отпасть отъ управленія и суда новгородскаго владыки, то тяжба ихъ съ владыкою была рѣшена митрополитомъ.

II.

СПОСОБЪ ИЗБРАНІЯ ВЛАДЫКЪ. — ИХЪ ПРАВА И ЗНАЧЕНІЕ.

Избраніе владыкъ зависѣло отъ вѣча; на этомъ вѣчѣ участвовали не одни духовные, но и всѣ міряне. Въ XIII-мъ столѣтіи на такомъ вѣчѣ участвовалъ и князь [1]); но съ конца этого столѣтія участіе князя совершенно отстраняется. Вѣче по этому поводу собиралось во дворѣ св. Софіи въ Дѣтинцѣ. Обыкновенно собравшись, начинали «гадать», то-есть разсуждать: кто достоинъ заступить мѣсто прежняго владыки. Всегда почти избирали трехъ кандидатовъ; жребій, какъ возглашеніе небесной воли, указывалъ: кто изъ трехъ долженъ получить архипастырскій санъ. Въ 1192 году при избраніи архіепископа Мартирія положили на трапезу три жребія и послали слѣпца взять одинъ изъ нихъ [2]). При избраніи Спиридона въ 1229 г. [3]) посылали брать жребій княжескаго сына.

Но были иногда случаи, когда прежде бывшій владыка предъ смертію или предъ добровольнымъ оставленіемъ

[1]) Новг. Л. I, 21, 25.
[2]) Новг. Л. I, 21.
[3]) Новг. Л. I, 45.

Digitized by Google

должности самъ указывалъ себѣ преемниковъ, изъ которыхъ новгородцамъ оставалось только выбрать. Такъ владыка Далматъ указалъ на двухъ духовныхъ лицъ. Новгородъ при жизни его выбралъ изъ нихъ одного, и владыка благословилъ преемника себѣ своею рукою [1]). Тогда изъ уваженія къ Далмату народный выборъ палъ на то лицо, которое было ближе къ нему, безъ жребія. Такъ точно и въ 1308 г., послѣ удаленія владыки Ѳеоктиста въ уединеніе, былъ, по его указанію, признанъ Новгородомъ и благословленъ его рукою его духовный отецъ Давидъ [2]). Въ 1330 г., послѣ перваго удаленія Моисея, не упоминается о жребіяхъ: новгородцы, оставленные безъ владыки, долго не могли рѣшиться, и восемь мѣсяцевъ епархія оставалась безъ владыки; наконецъ избранъ былъ Григорій Калѣка. Послѣ отшествія Моисея съ архіепископскаго престола въ 1359 году, положили на престолъ три жребія и говорили: «Не хотимъ избранія отъ человѣка, а желаемъ принять извѣщеніе отъ Бога,—кого Богъ захочетъ и св. Софія». Точно также поступили и послѣ удаленія Алексія при избраніи Іоанна въ 1388 г. [3]). Въ то время, когда три жребія лежали на алтарѣ, іереи соборомъ служили обѣдню, а новгородцы стояли вѣчемъ у св. Софіи; по окончаніи обѣдни, протопопъ выносилъ два жребія по-одиначкѣ одинъ за другимъ къ народу. Тотъ, чей жребій оставался на престолѣ послѣ выноса двухъ первыхъ, дѣлался владыкою. Тотъ же порядокъ выноса двухъ жребіевъ соблюдался и при избраніи Сампсона въ 1415 г. [4]), и Ѳеодосія въ 1421, и Евфимія въ 1423 и Евфимія втораго въ 1429 г. [5]).

При избраніи владыки не соблюдалась строгость іерар-

---

[1]) Новг. Л I, 63.
[2]) Новг. Л. I, 69.
[3]) Новг. Л. I, 94.
[4]) Новг. Л. I, 106.
[5]) Новг. Л. I, 110.

Digitized by Google

хическаго достоинства; необходимо было одно: чтобъ избираемое лицо было духовнаго званія; на степень его въ этомъ званіи не смотрѣли. О нѣкоторыхъ владыкахъ извѣстно, чѣмъ были они до избранія. Одинъ только Моисей былъ избранъ изъ архимандритовъ; другіе,— какъ напримѣръ, Климентъ, Ѳеоктистъ, Іоаннъ III-й, Ѳеодосій, Іона, Евфимій лисьегорскій—изъ игуменовъ; Давидъ, Ѳеофилъ—изъ іеромонаховъ; Спиридонъ— изъ іеродіаконовъ; Антоній, Арсеній, Алексій, Сампсонъ, Евфимій—первые изъ простыхъ чернецовъ, а Іоаннъ II-й и Василій—изъ бѣлаго духовенства. Званіе брата Іоаннова—Гавріила, неизвѣстно, но достойно замѣчанія, что онъ продолжалъ называться этимъ именемъ, и уже впослѣдствіи принялъ монашество и переименованъ Григоріемъ. Слѣдовательно, онъ былъ изъ бѣлыхъ. Василій былъ свѣтскій священникъ, но по нарѣченіи владыкою принялъ монашество и изъ Григорія переименованъ въ Василія: тогда уже составилось понятіе, что владыка долженъ быть монахъ. Избранные владыки были посвящаемы митрополитомъ послѣдовательно въ предшествовавшіе чины до іеромонаха включительно; а если кандидатъ былъ іеромонахъ, то не нуждался въ посвященіи прежде въ санъ игумена или архимандрита, а прямо посвящался въ санъ владыки. Такъ, напримѣръ, Сампсонъ въ 1416 г. поставленъ былъ отъ митрополита на второй недѣлѣ поста въ іеродіаконы, въ третью субботу поста въ іеромонахи, а въ средокрестопоклонную недѣлю, на другой день по рукоположеніи въ священство, хиротонисанъ въ архіепископа [1]). Владыка Алексій, простой чернецъ и не новгородецъ по происхожденію (шестникъ), былъ сначала рукоположенъ отъ тверского епископа въ іеродіакона и іеромонаха, а потомъ отъ митрополита во архіепископа [2]).

[1]) Новг. Л. I, 106.

[2]) Новг. Л. I, 87.

Digitized by Google

Большая часть владыкъ, если они были изъ монаховъ, оставалась съ тѣми же именами, какія они носили до своего поставленія; но нѣкоторые, принимая санъ владыки, перемѣняли ихъ, хотя уже и прежде были монахами и, слѣдовательно, носили до того времени не мірское, а монашеское имя. Такъ, чернецъ Емельянъ, послѣ своего поставленія, принялъ имя Евфимія; чернецъ Самсонъ переименованъ въ Симеона. Это не было правиломъ; предоставлялось поступать такъ и иначе.

Для управленія духовными дѣлами въ Новгородѣ, избраніе казалось важнѣе самого поставленія, и потому-то новоизбранный, какое бы званіе онъ ни носилъ, управлялъ Церковію и судилъ со дня своего избранія, нося имя «нареченнаго» владыки. Немедленно послѣ избранія, его возводили, что̀ означало порученіе ему духовнаго управленія; онъ въ то же время занималъ владычнія палаты. Архимандриты, игумены и все духовенство находились подъ его властію, хотя бы онъ былъ и ниже ихъ саномъ. Не было срока, въ который нареченный владыка непремѣнно долженъ быть посвященъ. Нѣкоторые пребывали въ такомъ положеніи нѣсколько мѣсяцевъ, какъ напр. Алексій и Іоаннъ—восемь; другіе до года, какъ Ѳеоктистъ, Моисей; иные болѣе года и по нѣскольку лѣтъ, напр. Аркадій, Митрофанъ, Далматъ, Климентъ—болѣе двухъ лѣтъ; а Евфимій второй правилъ Церковью безъ посвященія около пяти лѣтъ. Арсеній и Ѳеодосій остались непосвященными. Промежуточное время между смертью или удаленіемъ одного владыки и избраніемъ новаго иногда обнимало нѣсколько мѣсяцевъ, напр., по смерти Григорія до избранія Мартирія въ 1193 г. [1] — съ 24 мая по 1 сентября; при избраніи Василія (1330) [2] и Симеона (1415) [3]—

[1]) Новг. Л. I, 21.
[2]) Новг. Л. I, 75.
[3]) Новг. Л. I, 106.

Digitized by Google

восемь мѣсяцевъ, въ другихъ случаяхъ около трехъ мѣсяцевъ, а иногда тотчасъ избирали. Очевидно, что, во время длинныхъ вакансій, должны были происходить запутанности и упущенія въ дѣлахъ церковнаго управленія, особенно когда управленіе и судопроизводство владыки въ Новгородѣ касались разныхъ вѣтвей общественнаго порядка.

Почти у каждаго владыки былъ свой любимый монастырь: или тотъ, изъ котораго онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, или тотъ, который имъ самимъ основанъ во время своего владычества. Какъ на характеристическую черту новгородскихъ владыкъ, можно указать на то, что многіе изъ нихъ не умирали въ своихъ должностяхъ, но, чувствуя усталость отъ дѣлъ, удалялись добровольно въ любимый монастырь. Таковы были Іоаннъ Попинъ (1130), Ѳеоктистъ (1308), Моисей (1329 — 1359), Алексій (1388), Іоаннъ III-й (1414). Изъ нихъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна судьба Моисея. Пробывъ пять лѣтъ (1324—1329) [1]) въ санѣ архіепископа, онъ удалился въ Колмовскій монастырь, имъ сооруженный, а чрезъ двадцать три года опять вызванъ къ управленію Церковью и, правивши ею семь лѣтъ, снова удалился въ другой, имъ же основанный, монастырь на Сковородкѣ оканчивать въ уединеніи старческія лѣта.

Владыки, избираемые въ свой санъ по волѣ народа, тѣмъ самымъ уже, какъ и князья, зависѣли отъ народной воли; но исторія новгородской Церкви представляетъ только два примѣра изгнанія владыкъ. Въ 1211 году [2]) былъ изгнанъ Митрофанъ. Онъ былъ поставленъ съ согласія вѣча, но присланъ или рекомендованъ Всеволодомъ суздальскимъ. Потому выборъ его казался несвободенъ. Безъ сомнѣнія,

---

[1]) Новг. Л. I, 73, 75, 85—86.

[2]) Новг. Л. I, 31.

Digitized by Google

онъ держался суздальской партіи и потому навлекъ на себя нерасположеніе князя Мстислава Удалого. Его низложили съ владычества и сослали въ Торопецъ, Мстиславовъ наслѣдственный удѣлъ, а на мѣсто его избрали Добрыню Ядрейковича, подъ именемъ Антонія. Это былъ приверженецъ народной партіи, противной суздальскому вліянію; но когда Мстиславъ Удалой ушелъ въ Южную Русь, то суздальская партія подняла голосъ въ пользу Митрофана. Стало двое владыкъ; новгородцы не знали, какъ разрѣшить путаницу, которую надѣлало вмѣшательство духовныхъ дѣлъ въ дѣла политическія. Отдались на распоряженіе митрополита. Митрополитъ, чтобъ укротить вражду, утвердилъ Митрофана, какъ старѣйшаго и прежде посвященнаго, Антонію же далъ Перемышль; и Митрофанъ на челѣ своихъ сторонниковъ ѣздилъ просить у Юрія суздальскаго сына княземъ Новгороду. По смерти Митрофана, суздальская партія, не желая признавать Антонія, избраннаго своими соперниками, избрала Арсенія, монаха хутынскаго; но когда въ 1225 г. выбрали княземъ черниговскаго князя Михаила Всеволодовича изъ Ольговичей, Антоній за нимъ вслѣдъ явился въ Новгородъ, гдѣ у него были и приверженцы, и свойственники, какъ у новгородскаго уроженца. На его сторонѣ права было болѣе, чѣмъ на сторонѣ его противника, который еще оставался непосвященнымъ. Но какъ только Мстиславъ удалился, а вмѣсто него явился Ярославъ, подручникъ суздальскаго великаго князя въ Новгородѣ (1226 г.), Антоній долженъ былъ оставить владычество; онъ удалился въ Хутынь (1228). Арсеній снова вступилъ въ управленіе. Вслѣдъ за тѣмъ Ярославъ временно удалился изъ Новгорода,—тотчасъ его любимецъ, нареченный владыка Арсеній подвергся неблагорасположенію противной партіи. Осень была продолжительная: это считалось вреднымъ для урожая. «Вотъ отчего такъ долго стоитъ тепло»—говорили новгородцы:—

Digitized by Google

«Арсеній выпроводилъ владыку Антонія на Хутынь, а самъ усѣлся, давши мзду князю». Бросились толпами на владычнія палаты, выгнали Арсенія, какъ злодѣя, пихая за ворота; онъ могъ бы поплатиться и жизнію, еслибъ не успѣлъ укрыться въ стѣнахъ св. Софіи отъ народнаго волненія [1]). Другое изгнаніе постигло въ 1423 году игумена Ѳеодосія, избраннаго въ званіе архіепископа. Два года онъ правилъ Церковью, а потомъ спровадили его въ монастырь Клопскій, откуда онъ былъ взятъ. Этотъ человѣкъ былъ иноземецъ (шестникъ), а новгородцы предпочитали, чтобы владыка былъ у нихъ туземецъ [2]). Въ обоихъ этихъ случаяхъ, съ Арсеніемъ и Ѳеодосіемъ, изгнанные владыки были только нареченные; къ посвященнымъ народъ имѣлъ болѣе уваженія, хотя по правамъ своимъ во власти они не различались.

Владыки новгородскіе были верховными правителями церковнаго порядка и судьями въ духовныхъ дѣлахъ; они имѣли еще важное значеніе не только въ церковныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ. Опираясь на греческій номоканонъ и еще болѣе на уставы древнихъ русскихъ князей, содержавшіе не только въ сокращенномъ видѣ привилегіи изъ номоканона, но и нѣсколько новыхъ, владыки имѣли свое управленіе, свою сферу суда. Намъ остался, хотя въ позднѣйшихъ спискахъ, такой уставъ собственно для новгородской епархіи: его приписывали князю Всеволоду Гавріилу (XII вѣка) [3]). Подъ вѣдомствомъ архіепископа были всѣ люди церковные, принадлежавшіе непосредственно, по своимъ занятіямъ и образу жизни, къ церковному кругу; то были: монахи и монахини, попы, ихъ жены и дѣти, церковные служители—свѣщегасы, сторожа, люди, лишенные средствъ пропитанія по тѣлеснымъ недостаткамъ и

[1]) Новг. Л. I, 44.

[2]) Никон. Л. I, 81.

[3]) Мак. „Ист. Р. Цер". Т. II, прим. 46.

Digitized by Google

питавшіеся отъ христіанскаго милосердія —слѣпые, нѣмые, хромые, калѣки всякаго рода; къ тому же кругу церковныхъ людей причислялись задушники — отпущенные на волю рабы, монастырскіе работники и работницы съ ихъ семействами, и, наконецъ, изгои. Во Всеволодовомъ уставѣ это слово объясняется тройственнымъ значеніемъ — изгой можетъ быть или поповъ сынъ, неумѣющій грамотѣ, или задолжавшій безплатно купецъ, или холопъ, выкупившійся изъ холопства; но кромѣ этого рода изгоевъ, по извѣстію того же устава, къ изгоямъ причислялся и князь, если оставался сиротою. Однимъ словомъ, все, что̀ по своему положенію, требовало защиты, призрѣнія, попеченія, принадлежало вѣдомству владыки; къ его надзору относились гостинницы и странноприимницы, которыя въ тотъ вѣкъ содержались болѣе съ благочестивою цѣлью. Наконецъ, управленіе и духовный судъ владыки простирались на всю массу поселянъ—смердовъ, жившихъ въ софійскихъ и монастырскихъ имѣніяхъ: тогда былъ повсемѣстный обычай, что умирающіе думали избавиться отъ вѣчныхъ мукъ отдачею села по душѣ въ монастырь; селъ такихъ было много и управленіе владычнее имѣло большой объемъ. Всѣ поселяне, добровольно водворявшіеся на земляхъ монастырскихъ и софійскихъ, оставались подъ управленіемъ владыки по всѣмъ дѣламъ, пока жили на земляхъ церковнаго вѣдомства.

Независимо отъ того, что̀ непосредственно подлежало управленію и суду владыки, ему принадлежалъ судъ вообще надъ всѣми жителями Новгорода и Новгородской Земли въ нѣкоторыхъ гражданскихъ и домашнихъ дѣлахъ. Случаи эти опредѣляются уставомъ. Когда мужъ заспоритъ съ женою объ имѣніи,—рѣшеніе принадлежало церковному суду; владыка разбиралъ и рѣшалъ случаи развода; къ владыкѣ должны были относиться родственники, получившіе наслѣдство и не умѣвшіе раздѣлить его; суду его под-

Digitized by Google

лежали преступленія противъ семейнаго согласія:—оскорбленіе родителей дѣтьми, свекрови снохою, измѣна супружескому союзу, растлѣніе дѣвицъ,—противоестественные пороки, убійство, похуленіе святыни, ограбленіе мертвыхъ тѣлъ, чародѣяніе, волхвованіе; въ разрядъ его входило зелейничество — исканіе и употребленіе травъ (оно считалось тогда дѣломъ нечистымъ), — наконецъ, языческіе молитвы и обряды, наблюдаемые народомъ долго послѣ принятія христіанства, вопреки усиліямъ христіанскихъ пастырей. Изъ этого видно, что судъ владыки простирался вообще на всю семейную жизнь; такъ какъ владыка рѣшалъ дѣла о наслѣдствѣ, то понятно, что вліянію его непосредственно подчинялась важнѣйшая часть гражданскихъ дѣлъ. Всякое народное вѣрованіе и народная забава находили въ немъ судію и обвинителя. Наконецъ, къ довершенію важности и вліятельности владыки на мірскія дѣла, ему отдавалось право надзора надъ торговлею, жизненною стихіею Великаго Новгорода. Архіепископъ имѣлъ право каждый годъ повѣрять торговые вѣсы, пуды и скалвы, денежные вѣсы (рублевыя гривны); и когда оказывался обманъ, виновный судился какъ преступникъ противъ общества и подвергался потоку—казни всѣмъ Великимъ Новгородомъ; имущество его дѣлилось на три части, и одна изъ этихъ частей шла въ казну св. Софіи, другая слѣдовала церкви Іоанна-на-Опокахъ, третья — Великому Новгороду.

Доходы, которые шли владыкѣ, назывались казною св. Софіи. Это были доходы, получаемые съ софійскихъ имѣній, судебныя пошлины и конфискаціи и, наконецъ, добровольныя пожертвованія. Сверхъ того, въ древности отъ княжихъ судовъ отдавалась десятая часть судебныхъ пошлинъ. Но эта десятина была еще въ XII вѣкѣ замѣнена особою суммою, которую положено собирать съ опредѣленныхъ волостей Новгородской Земли. Такъ показываетъ

Digitized by Google

уставъ Святослава [1]). Неизвѣстно, какъ производился такой платежъ въ то время, когда уже великокняжескіе намѣстники, жившіе на Городищѣ, собирали княжескую часть судныхъ пошлинъ, и платился-ли тогда этотъ замѣнъ древней десятины. Сверхъ всего этого, софійская казна получала плату за антиминсы, раздаваемые по церквамъ новгородской епархіи, пошлину за посвященіе духовныхъ лицъ, называемую «благословенная куница», и пошлину съ браковъ, называемую «новоженный убрусъ», которую собирали съ мірянъ священники и препровождали чрезъ посредствующее начальство въ софійскую казну. Наконецъ, владыка имѣлъ обычай ѣздить во Псковъ и, кажется, вообще по своей епархіи; обозрѣвалъ управленіе, творилъ судъ въ такихъ дѣлахъ, которыя по чему-нибудь не рѣшались мѣстными духовными властями и требовали приговора главнаго начальника духовнаго суда. За это владыка бралъ сумму, которая называлась «подъѣздъ». Извѣстно, что владыка въ каждый пріѣздъ свой во Псковъ непремѣнно бралъ свой подъѣздъ со псковичей. Неизвѣстно, существовали-ли какія нибудь правила и сроки для поѣздки владыкѣ въ другія мѣста по епархіи или же это бывало по случаю и по произволу владыки. Правда, въ 1331 г., владыка Василій явился въ Торжокъ, но это могло быть и не съ цѣлію непремѣнно посѣтить Торжокъ по дѣламъ; владыка могъ тогда заѣхать туда проѣздомъ изъ Волыни, куда онъ ѣздилъ посвящаться отъ митрополита. Подъ 1364 г. [2]) встрѣчается извѣстіе, что владыка ѣздилъ въ Торжокъ: это было для посвященія церкви. Но въ 1446 году владыка ѣздилъ за Волокъ просто для того, чтобы благословить новгородскую отчину и свою архіепископію и своихъ дѣтей [3]).

[1]) Рус. достопамятности, т. I, стр. 82.
[2]) Новг. I, 88.
[3]) Н. IV, 125.

Digitized by Google

У владыки былъ свой штатъ—группа служилыхъ людей, называемыхъ софійскими боярами и дѣтьми боярскими, и множество прислуги изъ людей софійскихъ имѣній. Всѣ они носили прозваніе общее, какъ для большихъ, такъ и малыхъ — «софьяне». Бояре и дѣти боярскіе владѣли данными имъ въ кормленіе софійскими волостями. Изъ нихъ одни составляли собственный штатъ владыкъ, и нѣкоторые носили названія, подобныя тѣмъ, какія употребительны были при царствующихъ особахъ, напр. «стольники», «ключники» — завѣдывавшіе домашнимъ хозяйствомъ, «казначей» —лицо важное, сохранявшее софійскую казну. Другіе, «софійскіе дьяки»,—занимались дѣлопроизводствомъ. Третьи—«дѣтскіе»—были на посылкахъ. Боярамъ и дѣтямъ боярскимъ поручались софійскія имѣнія въ управленіе по волостямъ въ разныхъ сторонахъ Новгородской Земли. Изъ нихъ избирались владыкою «десятинники», которые ѣздили безпрестанно по епархіи и творили судъ и управу вмѣсто владыки. Сообразно этимъ должностямъ, и вся епархія раздѣлялась на десятины. Въ городахъ были соборные протопопы, имѣвшіе начальство надъ духовенствомъ. Иногда посылались такіе протопопы по дѣламъ отъ архіепископа, вмѣсто мірскихъ должностныхъ лицъ, особенно, когда дѣло было такого рода, что требовало богослуженія. Въ Новгородѣ было семь соборовъ. Во Псковѣ было четыре; въ 1461 г. основанъ былъ пятый.

Наконецъ, вліяніе владыки, независимо отъ суда, простиралось вообще на политическія дѣла Великаго Новгорода. Великій Новгородъ со всею землею состоялъ подъ покровительствомъ св. Софіи, былъ, такъ-сказать, въ нѣкоторомъ смыслѣ ея волостью, и новгородцы, вмѣсто того, чтобъ выразиться—«умремъ за отечество, за свою землю», говорили: «умремъ за св. Софію». Успѣхъ на войнѣ припи-

Digitized by Google

сывался силѣ св. Софіи [1]); военныя дѣйствія предпринимаемы были по благословенію владыки [2]). Владыка былъ, такъ-сказать, живымъ выраженіемъ этого отвлеченнаго понятія. Договоры и важныя постановленія заключались съ благословенія владыки и съ его совѣта. Въ особенности, владыка могъ повертывать дѣла Великаго Новгорода по своему желанію, если самъ былъ человѣкъ съ энергическимъ характеромъ. Владыки исполняли нерѣдко политическія дѣла за цѣлый Новгородъ, напр., ѣздили на челѣ посольства приглашать князей [3]), и по случаю разрыва условливались о мирѣ съ сосѣдями. Такъ, въ 1281 г., по поводу ссоры Новгорода съ княземъ Димитріемъ Александровичемъ, Новгородъ посылалъ къ нему на переговоры съ мольбою своего владыку, какъ представителя Новгородской Земли [4]). Въ 1333 г., владыка Василій отвозилъ великому князю Ивану Даниловичу выходъ и домогался отступленія присвоиваемыхъ московскимъ княземъ слободъ [5]). Въ 1386 г. владыка Алексій заключилъ миръ съ великимъ княземъ московскимъ Димитріемъ Ивановичемъ и отвозилъ ему 8,000 р. [6]). Въ 1397 г. по благословенію владыки Іоанна III-го заключено перемиріе со Псковомъ [7]). Тотъ же архіепископъ устраивалъ примиреніе съ великимъ княземъ: Великій Новгородъ уполномочилъ на это дѣло владыку отъ своего лица. На слѣдующій годъ, когда великій князь Василій Димитріевичъ стоялъ упорно за присвоеніе себѣ Двинской области, новгородцы, рѣшившись идти противъ него, испрашивали благословенія влады-

[1]) Новг. I. 53.
[2]) Новг. I. 99.
[3]) Новг. I. 9, 38, 53, 55.
[4]) Новг. I. 64.
[5]) Новг. I. 77.
[6]) Новг. Л. I. 94.
[7]) Новг. Л. 1. 97.

Digitized by Google

ки. Предъ послѣдней катастрофой новгородскій владыка Ѳеофилъ велъ сношенія съ великимъ княземъ отъ лица Великаго Новгорода.

Не только въ отношеніи великихъ князей, но и въ сношеніяхъ съ чужеземцами, голосъ владыки имѣлъ важность. Въ 1339 г., при заключеніи мира со шведами, вмѣстѣ съ новгородскими послами отправленъ былъ посолъ и отъ владыки [1]).

Владыки нерѣдко были укротителями внутреннихъ междоусобій и примиряли враждебныя партіи. Примѣръ этого является въ 1218 г. [2]), когда владыка умирилъ вражду князя Всеволода съ Твердиславомъ. Въ 1418 г. [3]) владыка Симеонъ остановилъ волненіе простого народа противъ бояръ.

Не одни владыки, но и другіе духовные сановники были призываемы на совѣтъ. Духовенству вообще поручали дѣла политическія, напр. въ 1134 г., игуменъ Исаія ходилъ посломъ въ Кіевъ [4]). Въ 1333 г., на челѣ посольства ко князю Ивану отправленъ былъ архимандритъ [5]). Архимандритъ юрьевскій, одинъ изъ всѣхъ монастырскихъ настоятелей носившій титулъ архимандрита, былъ первымъ лицомъ послѣ владыки, его помощникомъ.

Нравственное вліяніе владыкъ и вообще духовенства на общественныя дѣла увеличивалось еще и отъ того, что всѣ дѣла совершались по его благословенію и подъ присягами. Когда обстоятельства требовали измѣненія, тогда то, что̀ прежде утверждено было присягою, только владыка могъ разрѣшить и успокоить совѣсть [6]).

---

[1]) Новг. Л. I, 79.
[2]) Новг. Л. I, 38.
[3]) Новг. Л. I. 108.
[4]) Новг. Л. I. 6.
[5]) Новг. Л. I, 76.
[6]) А. И. I, 49.

Digitized by Google

III.

СПОРЫ НОВГОРОДСКИХЪ ВЛАДЫКЪ СО ПСКОВОМЪ.

Если въ Новгородѣ достоинство владыки имѣло значеніе самаго почетнаго и нерѣдко какъ-бы верховнаго лица всей земли, во Псковѣ видно постоянное стремленіе оторваться отъ власти новгородскаго владыки и безпрестанныя столкновенія какъ съ личностями владыкъ, такъ и съ механизмомъ ихъ управленія. Съ XIV-го вѣка является непрерывный рядъ недоумѣній и неудовольствій между Псковомъ и владыками. Въ 1307 году происходило немирье у псковичей съ Ѳеогностомъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Во время распри съ новгородцами за князя Александра Михайловича, владыка Моисей держалъ сторону своего города и не давалъ псковичамъ благословенія. Когда владыка Моисей удалился отъ дѣлъ, псковичи хотѣли воспользоваться временемъ: пока еще не было владыки, они выбрали себѣ особаго кандидата въ мѣстные епископы, Арсенія. Въ то время псковичи имѣли особаго князя и склонялись признавать покровительство Гедимина. Тогда новый новгородскій владыка отправился на Волынь къ митрополиту Ѳеогносту для посвященія. Явились и псковскіе послы съ своимъ Арсеніемъ, и просили митрополита посвятить его особо епископомъ въ одинъ Псковъ; но митрополитъ отказалъ. Открывается, что псковичи были недовольны тѣмъ, что владыка управлялъ во Псковѣ чрезъ своихъ подручниковъ; а когда пріѣзжалъ самъ во Псковъ, то бралъ подъѣздъ, и такіе поборы казались псковичамъ обременительными. Не такъ владыка, какъ окружавшія его лица, надоѣдали псковичамъ своими вымогательствами. Съ владыкою Василіемъ псковичи были долго въ очень дурныхъ отношеніяхъ: неудача посвятить себѣ особаго епископа раздражила обѣ стороны — и пско-

Digitized by Google

вичей, и новгородцевъ съ владыкою. Василій, по своемъ избраніи посѣтилъ Псковъ въ 1330 г. [1]); но потомъ семь лѣтъ не пріѣзжалъ владыка во Псковъ. Когда онъ прибылъ въ этотъ городъ въ 1337 и, по старымъ обычаямъ, потребовалъ суда, то псковичи отказали ему, и Василій проклялъ Псковъ [2]). Взаимное нерасположеніе продолжалось до 1352 года. Тогда сдѣлался моръ во Псковѣ, и псковичи отправили посольство звать Василія и просить его благословенія. Василій пріѣхалъ и благословилъ Псковъ. Пребывая долгое время безъ владыки, Псковская Земля въ это время должна была неизбѣжно терпѣть запутанность и остановки въ теченіи церковныхъ дѣлъ: въ поставленіи священниковъ, въ церковномъ управленіи и судопроизводствѣ.

Владыка былъ необходимъ для псковичей; и потому какъ ни упрямились псковичи, а всегда дѣло кончалось тѣмъ, что сдавались и просили благословенія. Такимъ образомъ Псковъ въ церковномъ вопросѣ занималъ такую-же роль въ отношеніи новгородскихъ владыкъ, какъ новгородскіе владыки въ отношеніи митрополитовъ. Какъ новгородскіе владыки напрасно хлопотали у патріарха о независимости новгородской архіепископіи отъ митрополита, такъ псковичи напрасно хлопотали у митрополита объ освобожденіи отъ новгородскаго владыки. Во время спора Новгорода съ митрополитомъ Кипріаномъ, въ концѣ XIV-го вѣка, псковичи склонялись къ митрополиту; и когда въ 1395 году, вмѣстѣ съ патріаршимъ посломъ, Кипріанъ во второй разъ посѣщалъ Новгородъ и оказывалъ неудовольствіе на владыку Іоанна и на всѣхъ новгородцевъ, то обошелся ласково съ послами отъ Пскова, которые привезли ему поминки, и благословилъ весь Псковъ. Тогда псковичи

---

[1]) Пск. I. 186.

[2]) Новг. Л. I, 78.

Digitized by Google

отправили своихъ священниковъ ставиться не къ новгородскому владыкѣ, а къ митрополиту, и митрополитъ исполнилъ ихъ желаніе [1]). Какъ новгородцы должны были покориться митрополиту, такъ и псковичи — новгородскому владыкѣ. Владыка продолжалъ управлять церковными дѣлами Пскова, но назначалъ своихъ намѣстниковъ и печатниковъ изъ природныхъ псковичей, а отнюдь не изъ новгородцевъ. При Евфиміѣ въ 1434 году произошла большая ссора у псковичей съ владыкою. Духовенство псковское на самомъ дѣлѣ присвоило себѣ право управляться независимо и дѣлать свои постановленія. Теперь владыка держалъ во Псковѣ своего намѣстника, новгородца, а не псковича,— который началъ придираться и находить незаконными разныя письменныя постановленія, составленныя во Псковѣ, и рядницы (договоры). Владыка прибылъ во Псковъ и потребовалъ подъѣзда; но псковичи жаловались, что онъ пріѣхалъ не въ свое обычное время, и не хотѣли давать ни суда, ни подъѣзда. Псковичи жаловались на намѣстника, а владыка находилъ его правымъ, и требовалъ подъѣзда съ поповъ. Дѣло дошло до драки: псковичи побились съ «софьянами», и Евфимій уѣхалъ изо Пскова, съ гнѣвомъ, не принявши даже поминка, который по обычаю подавался владыкѣ отъ города, во время его посѣщенія. Впослѣдствіи, когда Псковъ и Новгородъ сблизились, владыка Евфимій былъ во Псковѣ принятъ съ честію (1449), и получилъ свой подъѣздъ безпрекословно. Въ 1458 году онъ тоже былъ принятъ радушно.

При его преемникѣ, Іонѣ, Псковъ былъ чрезвычайно вооруженъ противъ своего владыки, и явились снова покушенія отторгнуться отъ новгородской епархіи. Въ 1464 году Псковъ отправилъ къ великому князю посольство, просить чтобъ онъ велѣлъ митрополиту поставить во Псковъ

[1]) Акт. Ист. Т. I, 17.

Digitized by Google

особаго владыку. «Это дѣло великое,—отвѣчалъ Иванъ:— мы будемъ мыслить о томъ съ нашимъ отцомъ митрополитомъ, а отецъ нашъ пошлетъ созвать нашихъ богомольцевъ, своихъ дѣтей – архіепископовъ и епископовъ; и если то дѣло будетъ подобно, а ваши послы у насъ честные люди будутъ, то мы и сдѣлаемъ вамъ, какъ пригоже будетъ». Однако, въ 1466 году, псковичи помирились со своимъ владыкою и постановили, чтобъ ему ѣздить по старинѣ во Псковъ и брать свою пошлину, т.-е. обычный поборъ. Владыка Іона прибылъ во Псковъ, взялъ свой подъѣздъ со священниковъ, пробылъ тамъ съ недѣлю и уѣхалъ честно. Но чрезъ три года неудовольствіе опять возобновилось. Уже давно Псковъ былъ городъ съ свободнымъ управленіемъ, но жалѣлъ о томъ, что остается безъ собственнаго епархіальнаго начальства: духовенство тамъ позволяло себѣ дѣлать самовольныя распоряженія, а мірская власть вмѣшивалась въ церковныя дѣла. Еще въ 1395 году митрополитъ Кипріанъ обличалъ псковичей, что міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещахъ. Судъ святителя былъ непостояненъ — случались отступленія отъ порядка, требующія немедленнаго распоряженія: тогда вѣче присвоивало себѣ право суда; — напримѣръ, нѣкоторые духовные, овдовѣвши, женились въ другой разъ и оставались на священствѣ: нельзя было признавать такихъ священниками, дожидаясь пріѣзда или рѣшенія владыки [1]). Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ вѣче присвоивало себѣ право отставлять ихъ отъ должности. Митрополиты запрещали такое вмѣшательство. Духовенство, оставаясь безъ собственнаго владыки, съ одной стороны роптало на его намѣстниковъ, на поборы и налоги, на недостатокъ правосудія; съ другой—на мірянъ, на вѣче, которое нарушало неприкосновенность правъ сосло-

[1]) Акт. Ист. Т. I, 18.

Digitized by Google

вія. Когда въ 1469 году случился неурожай и недостатокъ хлѣба, псковское духовенство рѣшилось устроить собственное самоуправленіе, и, собравшись со всѣхъ пяти соборовъ Пскова на вѣче, объявило такъ:—«Видите, сыны наши, что, по нашимъ грѣхамъ, Богъ посылаетъ намъ съ небеси, ожидая нашего обращенія! Мы теперь промежь себя хотимъ, по правиламъ св. отецъ и апостолъ, поддержать крѣпость во всемъ служеніи священниковъ и устроить свое управленіе,—какъ намъ священникамъ жить по номоканону; а вы, сыны, будьте намъ поборниками. Правителя въ нашей землѣ нѣтъ: намъ трудно держать промежь себя крѣпость; вы же, дѣти, вступаетесь въ церковныя дѣла міромъ—не по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; и теперь мы, сыны, хотимъ и противъ васъ поддержать духовную крѣпость». Вѣче имъ дало такой отвѣтъ:—«Вы про то вѣдаете, Божіе священство, а мы вамъ поборники». Тогда они составили грамоту о самоуправленіи, выписавши правила изъ номоканона: какъ слѣдуетъ управляться въ церковныхъ дѣлахъ, примѣняясь къ церковному законоположенію вообще. Грамота эта была положена въ ларь въ церкви. Выбрали двухъ правителей церковныхъ изъ священниковъ (одного изъ города, другого изъ Завеличья), какъ-бы сообразно двумъ посадникамъ, управлявшимъ гражданскими дѣлами. Но не было ни согласія, ни порядка. На одного изъ этихъ поставленныхъ церковныхъ правителей—священника Андрея Козу, поднялись клеветники, обвиняли его предъ вѣчемъ. Андрей Коза убѣжалъ ко владыкѣ въ Новгородъ и такимъ образомъ измѣнилъ затѣянному дѣлу при самомъ его началѣ. Владыка Іона прибылъ во Псковъ. Городъ долженъ былъ принять его съ честію. Сначала Іона былъ ласковъ, служилъ обѣдни у Троицы, читалъ синодикъ на поминовеніе усопшихъ; а потомъ сталъ призывать къ себѣ священниковъ, составлявшихъ грамоту, спрашивалъ также и посад-

Digitized by Google

никовъ. «Кто смѣлъ,—говорилъ онъ, — учинить это безъ моего вѣдома? Я самъ хочу судить здѣсь, а вы что выдумали? Раздерите эту грамоту».—«Ты самъ,—отвѣчали ему псковичи,—отче-владыко, вѣдаешь, что тебѣ здѣсь нельзя часто быть, а случаются дѣла, что тебѣ нельзя управить скоро; въ послѣднее время отъ того дѣлалось большое смущеніе церквамъ божіимъ и церковнымъ дѣламъ, и священникамъ, такъ что и сказать тебѣ нельзя всего; — тѣ, которые творили безстудства, сами то вѣдаютъ: потому-то мы выписали изъ номоканона грамоту и положили въ ларь, по вашему же примѣру, какъ ты, господинъ, и прежняя братія твоя, когда были въ дому св. Троицы, судили, повелѣвали и благословляли священниковъ всѣхъ пяти соборовъ, съ вашимъ намѣстникомъ править всякія священническія дѣла по номоканону».—«Я,—сказалъ владыка,—долженъ буду спросить объ этомъ митрополита Филиппа всея Русіи и тогда вамъ дамъ отвѣтъ, — какъ онъ повелитъ управить то дѣло. И самъ я слышу отъ васъ, дѣти, что это христіанству сильно и развратно, и Божіимъ церквамъ мятежно, а иновѣрнымъ радостно, и видя христіанъ живущихъ въ такой слабости, будутъ они чинить намъ укоры за наше небреженіе». Псковское духовенство, въ ожиданіи митрополичьяго рѣшенія, мирно разсталось со своимъ владыкою. Іона благословилъ Псковъ, и священники отдали ему требуемый подъѣздъ безъ отговорокъ.

Въ февралѣ 1469 года выѣхалъ владыка, а въ октябрѣ прислалъ во Псковъ грамоту отъ митрополита. Изъ нея видно было, что Іона жаловался на псковичей, какъ на непокорную свою паству. Вмѣстѣ съ грамотою первопрестольника русской Церкви пришло повелѣніе и отъ великаго князя. «Дѣти мои, священники и міряне-псковичи,—писалъ митрополитъ, — положите управленіе священническое на своего богомольца архіепископа; вашъ государь, великій князь это вамъ повѣствуетъ. и Филиппъ, митро-

Digitized by Google

полить всея Русіи, васъ, сыновей своихъ, весь Псковъ благословляетъ. Искони дѣло то предано управлять святителю, и вамъ архіепископъ шлетъ вмѣстѣ съ нашимъ человѣкомъ и своего, по имени Автонома, приказываетъ ему сказать вамъ тако: благословляю васъ—священство и весь Псковъ, своихъ сыновей! Если святительскія дѣла положите вы на мнѣ, то сами увидите, какъ я поддержу, лучше васъ, крѣпость церковнаго управленія и священниковъ!». Псковъ принялъ благословеніе митрополита вмѣстѣ съ благословеніемъ своего владыки, принялъ и слово своего господина великаго князя. Собралось вѣче; на немъ были всѣ священнослужители; они отложили все церковное и священническое управленіе по номоканону, 5-го января вынули изъ ларя положенную грамоту, составленную самовольно на основаніи номоканона, и разодрали ее. Одинъ годъ и два съ половиною мѣсяца лежала она въ ларѣ. И должны были псковичи отказаться отъ попытокъ управлять самобытно своею мѣстною церковью, такъ какъ за семьдесять пять лѣтъ передъ тѣмъ Новгородъ долженъ былъ отказаться отъ такихъ же попытокъ утвердить самобытность новгородской епархіи и независимость ея отъ первенства митрополита всероссійскаго. Послѣ торжества своего, новгородскій владыка Іона такъ круто повернулъ свое управленіе надо Псковомъ, что возбудилъ ропотъ, который отразился въ тонѣ Псковской Лѣтописи. Лѣтопись упрекаетъ его, что онъ, вопреки правиламъ номоканона, призывалъ къ себѣ изо Пскова вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, и, даромъ что прежде самъ вооружался противъ священнодѣйствія вдовцовъ, теперь сталъ давать имъ позволеніе священнодѣйствовать, а за то бралъ у нихъ по рублю отъ печати (которою укрѣплялась позволительная грамота). Вѣроятно, здѣсь лично былъ виноватъ не самъ владыка, а его должностныя лица—дьяки, потому что владыка былъ дряхлъ и уже приближался ко гробу. Тѣмъ не

Digitized by Google

менѣе, это обстоятельство послужило поводомъ, что личность Іоны совершенно иначе отпечатлѣлась въ воспоминаніяхъ новгородцевъ, чѣмъ у псковичей: у новгородцевъ онъ былъ святой мужъ, у псковичей сребролюбецъ и мздоимецъ. Послѣ паденія независимости Новгорода, у псковичей встрѣчаются прежнія черты посягательства мірского вѣча на неприкосновенность духовенства. Такъ, въ 1495—1496 г. получено требованіе отъ великаго князя, чтобы Псковъ помогалъ ему въ войнѣ съ нѣмцами. Псковское вѣче. приговоривъ съ десяти сохъ по одному конному человѣку въ рать, требовало того же съ земель, находившихся во владѣніи духовныхъ особъ; когда духовные стали сопротивляться, указывая, что по номоканону съ церковной земли не слѣдуетъ «рубить», тогда степенные посадники, Яковъ Аѳанасьевичъ Брюхатый да Василій Опимаховичъ, держали нѣкоторыхъ поповъ и дьяконовъ въ однѣхъ рубахахъ на вѣчѣ и даже грозили безчествовать ихъ кнутомъ, который тогда уже и во Псковѣ входилъ въ употребленіе [1]).

IV.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ЛИЧНОСТИ ИЗЪ НОВГОРОДСКИХЪ ВЛАДЫКЪ.

Нѣкоторыя изъ личностей владыкъ выказываются болѣе другихъ характерными чертами; они унесли съ собою въ потомство память объ особенномъ уваженіи къ нимъ народа. Таковы были изъ древнихъ епископовъ извѣстный своимъ поученіемъ Лука, Никита и Нифонтъ. Никита былъ вначалѣ инокъ печерскій. Откуда онъ былъ родомъ—неизвѣстно. Въ Печерскомъ монастырѣ онъ выдер-

[1]) Пск. Л. I, 269.

Digitized by Google

жалъ искушеніе отъ бѣсовъ, одно изъ самыхъ характеристическихъ. Сдѣлавшись новгородскимъ владыкою, кромѣ благочестиваго и строгаго житія, Никита прославился двумя чудесами. Было знойное лѣто; дождя ни капли не было. Земля была суха, какъ камень; былинки не выростало. Собрались новгородцы къ владыкѣ и стали просить его, чтобъ онъ помолился. Никита изрекъ имъ учительныя словеса о исправленіи житія, а потомъ воздвигъ руки горѣ,—и вдругъ дождь полился на землю. Въ другой разъ было такое чудо. Сдѣлался пожаръ. Сбѣжались люди гасить, но поднялся сильный вѣтеръ. Пламя разливалось во всѣ стороны. Люди были въ смятеніи, сами не зная куда дѣваться отъ угрожающаго огня. Слышался плачъ и рыданіе. Сказали объ этомъ Никитѣ. Никита помолился, и пламя внезапно угасло; и люди остались безъ вреда и прославили Бога. Никита ознаменовалъ себя и духовною браньею противъ враговъ Церкви, которые въ тотъ вѣкъ должны были быть не кто другіе, какъ сторонники язычества, еще неискорененнаго на сѣверѣ [1]).

Владыка Нифонтъ отличался своимъ энергическимъ характеромъ, показаннымъ тогда, когда, при избраніи въ санъ русскаго митрополита Клима Смолятича, безъ патріаршаго посвященія, защищалъ власть константинопольскаго іерарха надо всею русскою Церковью, противъ возникшаго стремленія утвердить независимость русской Церкви самобытно и отдѣльно.

Память Іоанна тѣсно соединилась съ эпохою славы Новгорода, съ чудомъ Знаменія Пресвятыя Богородицы и защитою свободы отъ покушенія раждающагося самовластія въ Восточной Руси. Какъ памятникъ его духовныхъ подвиговъ, переходила въ Новѣгородѣ изъ рода въ родъ легенда о борьбѣ его съ искусителемъ. Подражая древнимъ

---

[1]) Рум. Муз. Сборн. № 184.

Digitized by Google

аскетамъ, Іоаннъ изнурялъ себя молитвою и постомъ, запирался въ узкую впадину или чуланчикъ, гдѣ едва могъ поворотиться, и тамъ предавался богомыслію, презирая неудобства и томленія, которыя претерпѣвала его плоть. Бѣсъ, который, какъ извѣстно, всегда старается развлечь и отвлечь отъ молитвы благочестивыхъ тружениковъ, дѣлалъ ему разныя *спони* (помѣхи). Былъ у владыки круглый мѣдный сосудъ, съ двумя носками, висѣвшій на цѣпи въ маленькой впадинѣ съ внѣшнею щелью для стока воды. Этотъ сосудъ служилъ для владыки умывальникомъ. Впадина затворялась дверцами отъ холода, проникавшаго въ щель. Все это и теперь показывается въ Новгородѣ. Однажды, когда святой мужъ ночью стоялъ на молитвѣ, бѣсъ вошелъ въ сосудъ и началъ плескаться водою, чтобы перервать молитву старца праведнаго. Іоаннъ уразумѣлъ бѣсовскія козни, подошелъ ко впадинѣ и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ сосудъ; бѣсу некуда было выскочить; онъ пробилъ диру въ сосудѣ, но крестное знаменіе крѣпче мѣди: все-таки не выскочилъ бѣсъ и сталъ проситься; тяжело было отверженному духу подъ крестнымъ знаменіемъ. Іоаннъ потребовалъ, чтобъ онъ превратился въ коня и свозилъ его въ Іерусалимъ такъ скоро, чтобы въ одну и ту же ночь можно было воротиться въ Новгородъ. Велика была сила крестнаго знаменія у праведника. Бѣсъ повиновался. Онъ явился въ образѣ чернаго коня предъ келіею Іоанна. Владыка сѣлъ на него и помчался быстрѣе вѣтра по воздушному пространству. Онъ прибылъ въ Іерусалимъ къ церкви Воскресенія. Церковныя двери сами собою отворились; лампады сами собою зажглись во храмѣ; святой поклонился гробу Христову и прочей святынѣ, и опять сѣлъ на своего волшебнаго коня и на разсвѣтѣ конь принесъ его въ Новгородъ. Святой отпустилъ бѣса. «Смотри же, отче,—сказалъ бѣсъ — никому объ этомъ не разсказывай! А то я тебѣ великую пакость сочиню!» Вѣрно,

Digitized by Google

бѣсовское самолюбіе не могло выносить, какъ надъ нимъ духомъ гордыни, будутъ смѣяться и радоваться тому, что, онъ попался въ-просакъ. Однажды владыка былъ съ честными игуменами и священниками на бесѣдѣ и сказалъ: «Я зналъ единаго человѣка въ Великомъ Новѣградѣ, который въ одну ночь былъ во Іерусалимѣ, поклонился гробу Христову и воротился назадъ». Хотя онъ и не сказалъ, что это былъ онъ самъ, и ничего не упомянулъ о бѣсѣ, но лукавый и къ этому придрался, и сталъ творить великія пакости Іоанну. Стало новгородцамъ представляться, будто изъ келіи честнаго архіепископа выбѣгаетъ блудница; а нѣкоторымъ, когда приходили они въ келію владыки, воображалось то дѣвичье монисто, то башмаки и женскія одежды. Все это бѣсъ имъ въ мечтѣ показывалъ. Когда многіе видѣли подобное, и во всемъ Новгородѣ стали думать дурно о поведеніи владыки, новгородское вѣче рѣшилось наконецъ прогнать его. «Какъ можно — вопили новгородцы—на апостольскомъ престолѣ терпѣть блудника! Изгонимъ его!». Толпа съ такимъ намѣреніемъ бросилась ко владычному дому, а бѣсъ въ это самое время въ образѣ дѣвицы выбѣжалъ изъ дома. Народъ бросился въ погоню, но не догналъ; однако всѣ видѣли дѣвицу и этого казалось достаточно. Вытащили святаго мужа изъ келіи. Напрасно онъ въ недоумѣніи вопилъ: «Что это значитъ, дѣти мои?» Новгородцы поругались надъ владыкою и потомъ произнесли надъ нимъ такой приговоръ: «посадимъ его на плотъ и пустимъ по Волхову; пусть выплыветъ изъ города нашего внизъ по рѣкѣ, куда волна занесетъ его!». И вотъ владыку привели на большой (Великій) Волховскій мостъ, подогнали къ мосту плотъ и спустили его на плотъ. Бѣсъ былъ очень доволенъ. Владыка, ставши на плоту, поднялъ очи къ верху и произнесъ: «Господи, не поставь новгородцамъ этого въ грѣхъ: они сами не вѣдятъ, что творятъ»! Вдругъ плотъ понесло противъ теченія вверхъ по Волхову.

Digitized by Google

Какъ только увидали новгородцы такое чудо, тотчасъ и догадались, что Іоаннъ невиненъ, что все видѣнное ими есть одно бѣсовское мечтаніе. Толпа пошла къ св. Софіи и поручила всему освященному собору идти со крестами и образами по берегу Волхова за владыкою и просить его возвратиться на свой святительскій престолъ. Духовенство немедленно пошло со крестами и образами; несли икону Пресвятой Богородицы. Весь Новгородъ—старые и малые—выбѣжалъ на берегъ съ обѣихъ сторонъ. Новгородцы кричали: «Возвратись, честный отче, великій святителю, Иване! Возвратись на престолъ свой, не оставь сиротами чадъ своихъ, не поминай нашего согрѣшенія предъ тобою! «Плотъ, на которомъ стоялъ владыка, плылъ по водѣ тихо и торжественно въ уровень съ крестнымъ ходомъ. Напротивъ выходилъ другой крестный ходъ изъ Юрьева монастыря, гдѣ увидали грядущаго къ нимъ владыку и спѣшили съ честію встрѣчать его. Какой-то юродивый извѣстилъ о томъ архимандрита, прибѣжалъ къ нему и сказалъ: «Скорѣй ступай встрѣчать; святитель Божій Іоаннъ архіепископъ Великаго Новагорода и Пскова къ намъ плыветъ!». Плотъ остановился, не доходя до Юрьева у лѣваго берега. Духовенство и всѣ новгородцы стали просить усерднѣе, слезами омывали ноги его, брали въ руки концы одежды его и творили ими на себѣ крестное знаменіе. Святой былъ незлобивъ душею, простилъ всѣхъ и благословилъ всѣхъ. Послѣ того владыка отправился въ Юрьевъ монастырь со всѣмъ духовенствомъ, и весь народъ послѣдовалъ за нимъ. Тамъ совершилъ онъ молебствіе и воротился въ Новгородъ съ великою честію и славою. Тогда онъ разсказалъ передъ всѣмъ. новгородскимъ народомъ отъ начала до конца свою дивную исторію съ бѣсомъ и кончилъ разсказъ такимъ мудрымъ нравоученіемъ: «Чада! творите всякое дѣло съ испытаніемъ; да не будете прельщены діаволомъ, чтобы не судить добродѣтели по зависти злобы. Тогда и сами

Digitized by Google

будете повинны суду Божію; а впасть въ руки Бога живаго страшно!». Всѣ новгородцы приговорили на томъ мѣстѣ, гдѣ владыка на плоту присталъ къ берегу, поставить каменный крестъ на память грядущимъ поколѣніямъ. Радость была всеобщая, а бѣсу скорбь и безмѣрное посрамленіе.

Въ XIV-мъ вѣкѣ владыка Моисей пріобрѣлъ уваженіе современниковъ строгою жизнію, благочестіемъ, смиреніемъ и дѣятельностію. Родомъ онъ былъ новгородецъ. Получивъ въ дѣтствѣ книжное воспитаніе, которое располагало созерцательныя натуры къ монашеству—тогдашнему идеалу совершенства, онъ ушелъ изъ Новгорода въ Тверскую Землю и постригся въ Отрочѣ-монастырѣ въ Твери. Его родители и родные, узнавши, гдѣ онъ, убѣдили его перейти, по крайней мѣрѣ, хоть на родину. Моисей поселился въ Богородицкомъ монастырѣ на Коломцѣ, а потомъ перешелъ въ Колмово, гдѣ уже спасался его родной дядя, Макарій. Здѣсь Моисей положилъ начало Колмовской обители. Отсюда, за постническія добродѣтели, взяли его архимандритомъ въ Юрьевъ монастырь. Будучи архимандритомъ, Моисей былъ нелюбоначаленъ и склонялся къ уединенію и молитвѣ. По смерти архіепископа Давида его избрали владыкою. Его посвящалъ святой митрополитъ Петръ. По извѣстію жизнеописателя Моисеева, во время своего владычества, онъ нанималъ книжныхъ писцовъ переписывать священныя книги и распространялъ по церквамъ, созидалъ монастыри и церкви, надѣлялъ ихъ иконами и утварью, и въ то же время былъ помощникъ и заступникъ нуждающимся, не боялся говорить правду сильнымъ и богатымъ, и всѣхъ училъ пребывать въ мирѣ и единеніи. Въ 1329 г. Моисей отдался своей склонности къ созерцательной жизни, оставилъ престолъ св. Софіи и удалился въ Колмовскій монастырь. Мѣсто его заступилъ Василій Калѣка изъ бѣлыхъ священниковъ, принявшій

Digitized by Google

монашество уже послѣ своего избранія въ санъ владыки, человѣкъ дѣятельный, извѣстный тѣмъ, что построилъ каменный городъ около Дѣтинца. Чрезъ двадцать три года послѣ смерти Василія, Моисей снова призванъ былъ на престолъ св. Софіи. Маститый старецъ съ энергіею защищалъ свободу новгородской Церкви отъ притязаній московскаго митрополита. Ему не суждено было и онъ самъ не хотѣлъ окончить жизнь въ званіи владыки. Въ 1359 г. онъ снова удалился въ монастырь Михаила Архангела на Сковородкѣ и умеръ въ 1362 г. По смерти признали его святымъ. Оба раза, когда онъ покидалъ управленіе, новгородцы убѣдительно просили его остаться, и такъ дорожили имъ, что въ первый разъ послѣ его удаленія восемь мѣсяцевъ не рѣшались выбирать другого архіепископа.

Въ концѣ XIV-го и въ началѣ XV-го вѣка выдается рѣзко личность Іоанна III-го. Онъ былъ пастырь энергическій, имѣлъ вліяніе на политическія дѣла, защищалъ независимость новгородской Церкви и Великаго Новгорода и претерпѣлъ за то временное заточеніе въ Москвѣ. Великій князь злобился на него за благословеніе, дарованное новгородцамъ на войну противъ него.

Въ XV-мъ вѣкѣ свѣтлѣются, одна за другою, личности Евфимія II-го и Іоны. Эти личности замѣчательны для насъ и потому, что о нихъ сохранились довольно подробныя жизнеописанія, составленныя современникомъ Пахоміемъ Сербомъ, представляющія много интересныхъ подробностей о тогдашней жизни вообще.

Евфимій былъ сынъ новгородскаго служителя у церкви св. Ѳеодора—по имени Михея и жены его Анны. Рожденіе Евфимія описано въ его жизнеописаніи на подобіе многихъ древнихъ разсказовъ, гдѣ представляется, что богоугодившіе мужи раждаются отъ престарѣлыхъ родителей, и посылаются имъ, по силѣ ихъ моленій, отъ Бога, какъ милость. Михей и Анна дожили до старости и грустили,

Digitized by Google

что у нихъ нѣтъ дѣтей; они безпрестанно ходили просить о чадородіи Пресвятую Богородицу къ одному изъ образовъ ея въ своей церкви. По такимъ молитвамъ, Анна родила сына, окрещеннаго подъ именемъ Ивана. Родители принесли младенца въ ту церковь, гдѣ, до его рожденія, долго молились о его существованіи. Положили его предъ образомъ, отдавали его въ даръ Пресвятой Богородицѣ и такъ говорили: «Вотъ тебѣ, царица Владычица, то́, что́ ты намъ даровала, приносимъ тебѣ; какъ прежде мы изрекали устами нашими печаль свою предъ тобою, такъ теперь приносимъ тебѣ и радость нашу! Соблюди его». Черта эта, вѣроятно, указываетъ на существовавшій у благочестивыхъ людей обычай отдавать дѣтей Богу въ самомъ ихъ младенчествѣ. Бывало же, что родители продавали дѣтей въ рабство; послѣ того, они уже теряли надъ ними свои родительскія права. Подобное было и здѣсь: ребенокъ, положенный такимъ образомъ передъ иконою, не принадлежалъ болѣе своимъ родителямъ, а дѣлался собственностью того, кому власть родительская передавала свое естественное право надъ нимъ. Собственно родители, отдавши дитя свое Богу подобнымъ образомъ, не должны были уже и брать его назадъ; и потому жизнеописатель Евфимія счелъ нужнымъ пояснить, что младенецъ не могъ существовать безъ матери, и, слѣдовательно, только необходимость заставила родителей взять къ себѣ то, что́ уже было имъ болѣе не свое. Когда ребенокъ подросъ, родители отдали его въ ученіе. Чтеніе божественныхъ и церковныхъ книгъ было его исключительное духовное воспитаніе, такъ что онъ не читалъ ничего, кромѣ книгъ духовнаго содержанія, и ни въ чемъ болѣе не упражнялся, кромѣ такого чтенія и вообще занятій, ведущихъ къ богомыслію (обыче же во инѣхъ не упражнятися, развѣ еже въ божественная ведущихъ). Настроенный такимъ чтеніемъ, молодой Иванъ въ пятнадцать лѣтъ возраста по-

Digitized by Google

желалъ удалиться въ монастырь. Это было естественно, когда онъ съ нѣжнаго возраста долженъ былъ сродниться съ тою мыслію, что родители, тотчасъ послѣ рожденія, уступили его Богу, и онъ не могъ избрать никакого другого жизненнаго пути, кромѣ монашескаго, считавшагося наиболѣе богоугоднымъ. Жизнеописатель, для придачи своему святому большей степени небеснаго вліянія на его жизнь, говоритъ, будто онъ не зналъ о призваніи, приготовленномъ для него родителями во младенчествѣ.

Предъ тѣмъ не задолго какъ-то иноки Евфросинъ, Игнатій и Галактіонъ, по частому обычаю того времени, вышли изъ монастыря, гдѣ были, и основали пустыню или киновію въ Вяжищахъ посреди лѣсовъ и болотъ. Высшая сила руководила ими. Когда они пошли искать удобнаго мѣста для пустынножительства, то дали себѣ зарокъ, что будутъ странствовать, пока имъ не будетъ указано свыше, гдѣ имъ оставаться. И вотъ, проходя по лѣсу, ощутили они пріятный запахъ; то было имъ знаменіе, что въ этомъ самомъ мѣстѣ Богу угодно указать имъ пріютъ; тутъ скитальцы построили себѣ келью и часовню. Къ нимъ пришелъ священникъ, по имени Пименъ. Такъ какъ послѣ этого было кому у нихъ совершать богослуженіе, то деревянная часовня перестроена была въ церковь и посвящена во имя святителя Николая. Обыкновенно, вновь заводимыя уединенныя пустыни никакъ не укрывались отъ взоровъ человѣческихъ, какъ того хотѣли основатели. Напротивъ, туда-то народъ и приливалъ подъ впечатлѣніемъ тогдашней набожности, любившей новыя пустыни. Это было тѣмъ естественнѣе, что мѣсто, гдѣ они поселились, находилось въ двѣнадцати верстахъ отъ Новгорода. Этимъ четыремъ подвижникамъ жизнеописатель Евѳимія приписываетъ основаніе Вяжищенской обители; но изъ межевой границы Юрьевскаго монастыря 1321 г. [1]) существованіе Вя-

[1]) Вѣстн. Геогр. Общ. 1852 г., V, см. стр. 19—22.

Digitized by Google

жищенскаго монастыря видно еще въ XIV вѣкѣ, и слѣдовательно, если эти иноки дѣйствительно были основателями обители въ Вяжищахъ, то развѣ обители нѣкогда уже существовавшей, но разоренной или оставленной въ запустѣніи. Кругомъ были малыя поселенія и имѣнія новгородскихъ бояръ. Одинъ изъ такихъ бояръ, жившій въ своемъ селѣ, сталъ посылать братіи пищу; потомъ случился у него на тѣлѣ вередъ; онъ помолился Николаю чудотворцу,—вередъ прошелъ. Бояринъ пришелъ въ Вяжищенскую киновію,—а церковь въ ней посвящена св. Николаю. Бояринъ заключилъ, что онъ исцѣленіемъ своимъ обязанъ чудодѣйственному покровительству святого надъ этимъ храмомъ и записалъ въ монастырь свои села, прилегавшія къ мѣсту, гдѣ стояла обитель. Когда монастырь, такимъ образомъ, получилъ обезпеченіе, стали приходить въ него подвижники. Братія множилась. Туда-то пришелъ и молодой Иванъ (Евфимій). Пименъ, бывшій въ монастырѣ уже игуменомъ, постригъ его. Евфимій, живучи тамъ, скоро пріобрѣлъ извѣстность по своему уму и познаніямъ. Въ томъ вѣкѣ умственное дарованіе подъ монашескою рясою легче всего привлекало къ себѣ уваженіе, потому что всѣ интересовались тѣмъ, что происходило въ монашескомъ кругу необыкновеннаго. Достигла вѣсть о Евфиміи до владыки Симеона. Симеонъ потребовалъ его къ себѣ, полюбилъ молодого человѣка и сдѣлалъ его своимъ казначеемъ—званіе очень важное. До того времени, — говоритъ жизнеописатель, — званіе это давалось мірянамъ; а надъ Евфиміемъ былъ первый примѣръ, когда оно дано монаху. Послѣ смерти Симеона возведенъ былъ на архіепископство Евфимій Первый. Инокъ Евфимій, видно, не сошелся съ новымъ владыкою: онъ оставилъ должность и удалился въ Хутынскій монастырь; но чрезъ нѣсколько времени старцы монастыря на Лисьей Горкѣ пригласили его къ себѣ въ настоятели. Такіе примѣры призванія на игуменство изъ

Digitized by Google

чужаго монастыря были исключеніемъ изъ обычая, по которому игуменъ монастыря выбирался братіею изъ среды себя. Вѣроятно, Евфимій былъ приглашенъ или потому что личность его стала вездѣ извѣстною, или же оттого, что быть можетъ монастырь на Лисьей Горкѣ зависѣлъ отъ Хутынскаго. Пріобрѣвши уваженіе между новгородцами, какъ умный и ученый, по тогдашнимъ понятіямъ, духовный, по кончинѣ Евфимія I-го, игуменъ лисьегорскій поставленъ былъ въ число трехъ кандидатовъ на достоинство преемника умершему. По обыкновенному порядку, стали выносить изъ св. Софіи запечатанные жребіи; Евфиміевъ остался на престолѣ. Толпа народа съ духовенствомъ отправилась на Лисью Горку и съ торжествомъ привезла его во владычнія палаты. Евфимій отрицался, говорилъ, что недостоинъ такого высокаго сана. Это нравилось народу, считалось добродѣтелью; очевидно, каждый владыка долженъ былъ говорить такимъ тономъ.

Евфимій II былъ единственный владыка, избѣгнувшій посвященія отъ московскаго митрополита, съ тѣхъ поръ какъ московскіе митрополиты стали русскими первопрестольниками. Евфимій, какъ уже было сказано, посвящался въ Смоленскѣ отъ Герасима, кіевскаго митрополита. Во все время своего управленія, этотъ архіепископъ показывалъ умъ въ дѣлахъ и располагалъ народъ къ себѣ привѣтливостью и щедростью. Въ дѣлахъ политическихъ ничто безъ него не дѣлалось. Но ничѣмъ такъ не отличался Евфимій, какъ построеніемъ множества церквей въ городѣ. Жизнеописатель, восхищаясь этимъ, говоритъ: «Если ты хочешь видѣть нѣчто малое отъ великихъ, пріиди къ великой Софіи Премудрости Божіей и возведи окрестъ очи твои, и узришь пресвѣтлые храмы святыхъ, какъ звѣзды или какъ горы, имъ созданные; не голосомъ, но вещію вопіютъ они о Евфиміи; одинъ храмъ показываетъ красоту своей утвари и вѣщаетъ: это достояніе

Digitized by Google

архіепископъ Евфимій даровалъ мнѣ! Другой показываетъ благолѣпіе своего построенія и говоритъ: вотъ какъ онъ меня украсилъ! Третій же говоритъ: а меня отъ основанія воздвигъ! Св. Іоаннъ Златоустъ вѣщаетъ въ горнемъ мѣстѣ: онъ мнѣ храмъ создалъ на земли; а я умолю Творца даровать ему храмину на небеси! А великій храмъ Софіи Премудрости Божія стоитъ посреди храмовъ новгородскихъ, какъ градъ царя великаго; онъ обветшалъ отъ времени многовѣчный, а владыка Евфимій обновилъ его въ прежнее благолѣпіе и украсилъ многою добротою и иконами. Сей храмъ красотою своего созданія какъ-бы перстомъ указываетъ на него и говоритъ: се красота моя и похвала церкви—Евфимій великій! И похваляясь Богу о немъ, вѣщаетъ о себѣ и о церквахъ Великаго Новгорода къ Богу: «се азъ и дѣти, яже ми далъ еси!» — Кромѣ церквей, Евфимій состроилъ владычнія каменныя палаты, вмѣсто деревянныхъ, и при нихъ разныя каменныя службы, поварни, хлѣбныя сушильни, кельи для монаховъ и рукодѣльниковъ, а въ своемъ саду построилъ высокую башню съ часами, возбуждавшими удивленіе. Во всѣхъ этихъ постройкахъ дѣйствовалъ его казначей Ѳеодоръ, большой художникъ. Вспомнилъ онъ и свою Вяжищенскую пустынь, гдѣ протекла его юность; тамъ построилъ онъ каменную церковь и приказалъ расписать. Новгородцы, зная, что ихъ любимый владыка особенно расположенъ къ этой обители, содѣйствовали своими приношеніями ея благолѣпію. Уже къ старости въ Вяжищенскомъ монастырѣ владыка построилъ каменную трапезу, расписалъ ее и учредилъ, по случаю ея освященія, пресвѣтлый и многорадостный праздникъ; и никогда не видали его такимъ веселымъ, какъ въ этотъ день.

Въ числѣ заслугъ его, жизнеописатель ставитъ ему то, что онъ громилъ своимъ пастырскимъ словомъ гордость богатыхъ и сильныхъ, обличалъ ихъ неправду, останавли-

Digitized by Google

валъ ихъ несправедливыя дѣйствія, надзиралъ за святостію браковъ, преслѣдовалъ незаконныя совокупленія, и ни для какихъ просьбъ не измѣнялъ своихъ рѣшеній. Составилось о немъ такое вѣрованіе, что если кто его не послушаетъ, а онъ возложитъ судъ на Бога, то Богъ исполнитъ волю святителя,—непокорный понесетъ наказаніе.

Чрезъ годъ послѣ освященія трапезы въ Вяжищахъ Евфимій сталъ ослабѣвать. Было послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Въ вечерни собрался народъ: приходили по обычаю прощаться съ владыкою у св. Софіи. Попрощавшись съ нимъ, міряне, въ его присутствіи, цѣловались другъ съ другомъ: такъ наблюдалось тогда въ Новѣгородѣ. Послѣдній разъ прочиталъ имъ владыка обычное постовое поученіе о томъ, чтобы они во святые дни четыредесятницы соблюдали чистоту и удалялись пьянства, отъ него же все зло начинается. Покончивъ такое поученіе, благословилъ владыка паству, и поѣхалъ на Лисью Горку; народъ толпами провожалъ его. На Лисьей Горкѣ Евфимій въ тотъ же вечеръ учредилъ братіи трапезу, просилъ у всѣхъ прощенія, а потомъ удалился въ келью: тамъ онъ послѣ того пробылъ безвыходно недѣлю въ постѣ и бдѣніи. Отъ такихъ усиленныхъ трудовъ, старикъ, уже слабый здоровьемъ, впалъ въ недугъ и скончался 11-го марта въ 9 часовъ ночи, правивши паствою своею 29 лѣтъ и четыре мѣсяца. Онъ отошелъ отъ міра въ совершенной памяти, торжественно простился со всѣми и всему Великому Новгороду даровалъ свое предсмертное благословеніе. Уже тогда началась распутица; разлилась вода. Тѣло его привезли въ св. Софію на лодкѣ, а послѣ отпѣтія отвезли, по его завѣщанію, въ Вяжищенскій монастырь. Къ большему уваженію его памяти послужило то, что когда стали обмывать его тѣло, то нашли на немъ желѣзныя вериги. Онѣ были положены на его гробѣ.

Не задолго до смерти, Евфимій отправилъ священника

Digitized by Google

Евмена къ митрополиту просить отъ него прощальной грамоты. Можетъ быть тутъ дѣйствовало желаніе вполнѣ примириться для своихъ преемниковъ съ митрополитомъ московскимъ, отъ котораго онъ не получилъ посвященія, и отъ котораго, какъ кажется, во все время своего архіепископства, онъ почиталъ себя независимымъ. Евменъ привезъ желаемую грамоту уже шестнадцать дней спустя послѣ его погребенія. А между тѣмъ, прощальныя грамоты давались въ руки умершимъ, при положеніи въ гробъ. Рѣшились вскрыть гробъ владыки. Тѣло оказалось нетлѣннымъ, когда подняли крышку. Руки находились въ благословляющемъ положеніи. «Еще хранитъ Господь Великій Новгородъ!»—сказали тогда новгородцы. Прочитавши надъ мертвымъ прощальную грамоту, положили ее въ руку усопшему, опять закрыли гробъ и опустили снова въ землю. Съ тѣхъ поръ надъ этимъ гробомъ творились чудеса; а желѣзныя вериги, висѣвшія надъ гробомъ, исцѣляли отъ лихорадки тѣхъ, которые къ нимъ прикасались и возлагали ихъ на себя.

Преемникъ Евфимія, Іона, былъ родомъ изъ Новгорода. Біографъ его, подобно большей части изъ своей собратьи, старается указать, что въ дѣтствѣ своемъ Іона былъ предъ-избранъ къ своему поприщу. Еще дитятею онъ осиротѣлъ: какая-то вдовица взяла его на воспитаніе, обходилась съ нимъ какъ мать родная, и отдала дьякону для наученія священнымъ книгамъ. Іона былъ сирота, терпѣлъ бѣдность, былъ слабаго сложенія и часто хворалъ. Мальчикъ всегда кроткій и грустный, онъ не рѣзвился съ школьными товарищами: послѣ ученья ребятишки выходили тотчасъ играть на улицѣ, а онъ стоялъ-себѣ вдали отъ нихъ.

Однажды вечеромъ, когда дѣти играли на улицѣ, а сирота стоялъ вдали, и не принималъ участія въ играхъ сверстниковъ, проходилъ по улицѣ юродивый Михаилъ

Digitized by Google

Клопскій. Онъ творилъ свое первое шествіе по Новугороду. Ребятишки какъ только завидѣли, что идетъ по улицѣ какой-то чудакъ, стали надъ нимъ дурачиться, кидали ему соръ въ лицо, и катали камешки подъ ноги. Михаилъ, не обращая вниманія на шалуновъ, побѣжалъ къ углу улицы, гдѣ стоялъ сирота. «Дневной свѣтъ»— говоритъ жизнеописатель—«уже оскудѣвалъ; а внутреннія очеса Михаиловы были пресвѣтлы». Подошедши къ сиротѣ, юродивый взялъ его за волосы, поднялъ выше себя и закричалъ: «Иване! учи книги прилежно! Будешь архіепископомъ въ Великомъ Новѣгородѣ!» Потомъ онъ обнялъ его и ушелъ.

Грустная сиротская судьба, меланхолическое настроеніе нрава, наконецъ, быть можетъ, и пророчество юродиваго—все это расположило юношу сдѣлаться инокомъ. Онъ поступилъ въ Отенскій монастырь, верстахъ въ сорока пятй отъ Новгорода, неизвѣстно когда и какъ. Тамъ онъ былъ современемъ избранъ въ игумены, а послѣ смерти Евфимія нареченъ владыкою Великаго Новагорода и Пскова. Много лѣтъ прошло: Михаила юродиваго не было уже на свѣтѣ; мальчикъ-сирота сталъ старикъ; а пророчество юродиваго сбылось.

Какъ предшественникъ его Евфимій заботился о Вяжищенской обители, откуда былъ возведенъ въ архіепископскій санъ, такъ Іона любилъ и украшалъ Отенскую обитель: построилъ въ ней церковь, расписалъ ее, снабдилъ сосудами и книгами, купилъ ей рыбныя ловли и села. Онъ приказалъ себѣ заранѣе приготовить гробъ въ созданной церкви трехъ святителей. Жизнеописатель замѣтилъ, что онъ тратилъ на это не церковное имущество, необходимое для содержанія священниковъ и нищей братіи, а свое особное. При немъ-то и по его побужденію стали сочинять житія и службы разнымъ русскимъ святымъ. Такъ захожій Сербъ Пахомій написалъ житія св. Ольги,

Digitized by Google

Варлаама, архіепископа Моисея, митрополита Алексія, преподобнаго Саввы Вишерскаго и архіепископа Евфимія.

Чрезвычайно замѣчателенъ разсказъ о поѣздкѣ Іоны въ Москву. Князья Василій и Иванъ и митрополитъ потребовали къ себѣ архипастыря. Уже старъ и дряхлъ былъ Іона, тяжко было ему поднять долготу путную; но жалость надъ людьми своими побудила его все преодолѣть (видяше бо ковъ на люди своя, зависти ради). За три версты отъ Москвы его встрѣчали высланные великимъ княземъ бояре, а митрополитомъ—архимандриты и игумены. Въ Кремлѣ ему устроено было нѣсколько почетныхъ встрѣчъ, одна за другою—передъ великокняжескимъ дворомъ и потомъ внутри двора; на ступеняхъ великокняжескихъ хоромъ встрѣчали его княжескіе сыновья, а въ преддверіи самъ великій князь ввелъ его въ домъ свой. За архіепископомъ несли дары великому князю отъ Великаго Новагорода; митрополиту также привезены были дары. Несмотря на такія почести, архіепископъ скоро увидѣлъ, что великій князь не расположенъ къ Великому Новгороду. Его самого какъ будто задерживали въ Москвѣ. Московскіе бояре, приходя къ нему, жаловались, что Великій Новгородъ держитъ великокняжеское имя не по лѣпотѣ, и намекали, что великій князь хочетъ воздвигнуть руку свою на строптивый городъ. Однажды были всѣ вмѣстѣ:—и великій князь, и сынъ его, и митрополитъ Іона, и нашъ архіепископъ. «Я презираемъ отъ Новгорода!—сказалъ великій князь:—а мнѣ Богъ даровалъ власть великаго княженія надъ всѣми князьями русскими,—хочу поднять руки на Великій Новгородъ». Іона сталъ защищать новгородцевъ, но князь приходилъ отъ того въ пущую досаду и говорилъ съ сердцемъ. Тогда владыка, обратясь къ митрополиту, сказалъ: «Если ты не отведешь зависти отъ моего града, не преложишь вражды на любовь, презришь моленіе наше о градѣ нашемъ; если великій князь зане-

Digitized by Google

сетъ руку на кроткихъ людей, ничѣмъ его не обидѣвшихъ, то знай—зависть и раздѣленіе узрятся въ чадахъ его!» Обратясь къ великому князю, Іона сказалъ: «Нынѣ услыши молитву мою и избери благое; ты, князь, благочестивъ, силенъ, надъ князьями меньшими поставленъ, ты можешь добро творить; не воздвигай же неправды на праведныхъ, не довѣряй клеветѣ нечестивыхъ языковъ, взирай тихими очами на повинующихся тебѣ, и не покушайся порабощать свободныхъ! Тебѣ самому приближаются дни! Сыну твоему Ивану придется держать хоругви русскія; да не нарушитъ онъ свободы Великаго Новгорода, а я со всѣми своими буду молить за него всесильнаго Бога; я испрошу ему свободу отъ ордынскихъ царей за свободу града моего. Я буду молить Господа, да возвыситъ десницу сына твоего надъ всѣми, и покоритъ ему всѣхъ сопостатовъ его; да прославится онъ властію паче своихъ прародителей; да укрѣпится княженіе его въ рукахъ его, и да простретъся сила его надъ многими и приметъ онъ подъ власть свою великія страны; пусть только живетъ благочестно и смотритъ тихими очами на подвластныхъ». Великому князю очень понравилось обѣщаніе свободы сыну своему отъ ордынскихъ царей. Іона говорилъ такъ, что великій князь вѣрилъ его словамъ, или по крайней мѣрѣ боялся не повѣрить рѣчамъ старика святой жизни. И великій князь обѣщалъ архіепископу хранить свободу Великаго Новгорода, отложилъ гнѣвъ и даровалъ миръ, утвердилъ свое слово предъ митрополитомъ, и просилъ святителя помнить свое обѣщаніе. А Іона повторилъ свое обѣщаніе: за храненіе свободы Великаго Новагорода выпросить ему у Бога обѣщанную сыну его свободу отъ ордынскихъ царей и начальство надъ русскими хоругвями. Старецъ заплакалъ. Князь и митрополитъ удивились этому внезапному плачу. «Кто въ силахъ озлобить людей моихъ толикое множество? Кто можетъ смирить величество града

Digitized by Google

моего?»—сказалъ владыка:—«усобицы смятутъ ихъ; раздѣленіе между ними низложитъ ихъ; лесть неправды расточитъ ихъ, и неправда зависти развѣетъ ихъ! Но по крайней мѣрѣ я не увижу этого; во дни мои дастъ Богъ миръ и тишину, и благословеніе моимъ людямъ!» Онъ выпросилъ у князя судебную свободу своему монастырю отъ всякаго насилія. Такъ Іона, защищая свободу своего града, въ то же время заискивалъ покровительство великаго князя надъ своимъ любимымъ монастыремъ. «Онъ духомъ прозрѣвалъ, — говоритъ біографъ,—что недолго будетъ держаться свобода его града, ради множества неправды и насилій въ немъ, и потому-то выпросилъ на вѣки свободу своей Отенской пустыни». Василій съ радостію далъ ему грамоту; съ честію возвратился Іона, и исполнивъ обѣщаніе, данное имъ на пути въ Москву,—построилъ храмъ препод. Сергію. Чрезъ нѣсколько времени пришло ему письмо отъ митрополита; послѣдній просилъ архіепископа прибыть къ нему,—ибо самъ чувствовалъ себя нездоровымъ и хотѣлъ посовѣтоваться съ новгородскимъ владыкою о преемничествѣ по себѣ. Но архіепископъ отговорился болѣзнію и вскорѣ услышалъ, что митрополитъ скончался. Тогда онъ повелѣлъ своему монаху Пахомію, составителю житій, написать житіе и службу Іонѣ митрополиту.

Житіе говоритъ объ архіеп. Іонѣ, что его уважали не только князья московскіе, но и всѣ сосѣдніе—тверскіе, смоленскіе, полоцкіе, литовскіе, владѣтели нѣмецкіе. Всѣ сосѣди хранили союзъ съ Новгородомъ; глубокій миръ почивалъ на предѣлахъ его. Новгородскіе граждане, внимая поученіямъ своего архипастыря, воздерживались отъ междоусобій; плодороднѣе, чѣмъ въ прежніе годы, стали поля въ Новгородской и Псковской Земляхъ; изобиловала страна овощами; благодать почивала надъ нею молитвами архипастыря Іоны; радость, веселіе, тишина, миръ, любовь царствовали повсюду; не слышно было голоса вражды и

Digitized by Google

мятежа: таковы были лѣта его владычества. Однажды только постигла при немъ Новгородъ смертоносная болѣзнь. Тогда онъ утѣшалъ скорбящихъ людей своихъ златоустовскими словесами и такъ поучалъ ихъ: «язва сія постигла насъ за то, что мы упитались какъ тельцы и, живучи въ довольствѣ, забыли страхъ Божій. А все же и тутъ видна милость къ намъ Божія: не подвигъ на насъ Господь иноплеменниковъ, не отдалъ страны нашей на расхищеніе и плѣненіе; кого постигнетъ язва, все-таки тотъ умретъ въ дому своемъ на рукахъ ближнихъ своихъ и погребенъ будетъ руками священниковъ, и поминовеніе по немъ совершится священными службами. Прибѣгните къ покаянію, молитесь Богу и поступайте лучше. И Богъ вамъ дастъ здоровье». И люди, слушая своего владыку, крѣпились и съ твердостію переносили бѣдствіе.

Ослабѣвъ отъ старости и не владѣя уже ногами, Іона написалъ собственноручно завѣщаніе, просилъ новгородцевъ не оставлять Отенской пустыни, поручалъ ее въ защиту своимъ преемникамъ. Онъ скончался какъ праведникъ; его похоронили въ дубовомъ гробѣ—въ церкви Іоанна Предтечи, созданной имъ, и не посыпали его землею, до сорока дней, пока совершались по немъ обычныя панихиды. Во все это время его тѣло не издавало смрада. Замѣтивъ это и послѣ сорока дней, не стали засыпать гроба Іоны, а сдѣлали надъ нимъ деревянный досчатый склепъ. Годы проходили. Люди, приходившіе на молитву, стояли около его гроба. Случались лѣтомъ сильные жары. Никто не ощутилъ отъ гроба дурнаго запаха, и люди стали признавать его святымъ; толковали, что надъ гробомъ добродѣтельнаго новгородскаго архипастыря совершаются чудеса.

Открытіе мощей святителя Іоны, однако, относится къ XVI вѣку, времени, когда въ Новгородской области свирѣпствовали голодъ, опустошительные пожары и сильный моръ: погибло до семи тысячъ народа—по увѣренію

Digitized by Google

«Извѣстія о явленіи Іониныхъ мощей». Въ то же время, когда церковное единство разорвалось ересью и тайнымъ вліяніемъ реформатскихъ ученій, происходили, какъ разсказывали, странныя знаменія: въ церковь, во время пѣнія, врывались собаки и никакъ нельзя было ихъ выгнать. Эти таинственныя собаки знаменовали еретическія ученія, заражавшія не только мірянъ, но и самыхъ духовныхъ. Тогда въ Отенскомъ монастырѣ случился пожаръ въ дымницѣ хлѣботворника подъ трапезою. Сталось это во время заутрени. Двое мужчинъ, вспомнивъ, что тѣло Іоны осталось непогребеннымъ, а только заложено досками, бросились спасать гробъ, выхватили его и поставили посреди церкви. Пламя охватило церковь; стѣны ея сгорѣли; а рака съ тѣломъ осталась невредима. То было для многихъ явнымъ свидѣтельствомъ неба о святости архіепископа Іоны. По возобновленіи монастыря, совершено было открытіе мощей и архіепископъ причисленъ къ лику святыхъ. Возставалъ только одинъ архимандритъ и доказывалъ, что нетлѣнность не есть еще доказательство святости, и что, сверхъ того, тѣло Іоны оставалось незарытымъ въ землю совершенно неправильно. Но тотъ архимандритъ былъ преемникъ епископа Кассіяна-еретика и самъ такой же тайный еретикъ.

V.

МОНАСТЫРИ.

Первые ростки восточнаго аскетизма, посаженные на дѣвственной почвѣ береговъ Днѣпра, поднялись-было роскошно въ образѣ Печерскаго монастыря; но не дали ему ходу бурные перевороты южно-русской исторіи. Безопаснѣе стали возрастать его отпрыски, одни за другими, на суровой почвѣ сѣвера. Это строгое, грустное учрежденіе

Digitized by Google

какъ-то пришлось къ угрюмому климату. Едва-ли, въ какомъ нибудь углу Россіи возникало такое множество монастырей, какъ въ Новгородѣ и во всей Новгородской Землѣ. Они разростались до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Ледовитаго моря.

Монастыри Новгородской и Псковской Земли, какъ и вездѣ въ Россіи, возникали тремя способами: ихъ основывали или князья, или частныя лица по душѣ своей или, наконецъ, отшельники, побуждаемые желаніемъ созерцательной жизни: въ послѣднемъ случаѣ они возникали гдѣ-нибудь въ захолустьѣ; мало-по-малу, узнавши о ихъ существованіи, приходили туда любители молчанія и уединенія и водворялись тамъ. Такъ возникали новыя обители. Основанные такимъ способомъ монастыри особенно чествовались и уважались народнымъ благочестіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что монастыри въ Новгородѣ явились вмѣстѣ съ христіанствомъ, но, по недостатку точныхъ свѣдѣній, нельзя указать послѣдовательности ихъ устроенія и утвердить за какимъ-нибудь монастыремъ право первенства по времени. Къ самымъ древнѣйшимъ монастырямъ Великаго Новгорода преданіе относитъ Перынскій и Юрьевъ. Перынскій находился на лѣвой сторонѣ Волхова у его истока, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ истуканъ Перуна. Письменныхъ указаній о его построеніи нѣтъ, но преданіе о его древности достовѣрно, потому что вездѣ въ православномъ мірѣ былъ обычай, послѣ обращенія въ христіанство языческой страны, воздвигать церковь на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде находилась языческая святыня. Объ Юрьевѣ монастырѣ въ первый разъ письменное извѣстіе является подъ 1119 г. по случаю заложенія въ немъ каменной церкви [1]). Вѣроятно, монастырь существо-

[1]) Заложи Кюрьякъ игуменъ и князь Всеволодъ церковь каменный монастырь Св. Георгія... отъ града за три поприща во имя Св. Георгія сотвориша монастырь велій.

Digitized by Google

валъ и прежде съ деревянною церковію. Онъ посвященъ во имя Юрія (св. Георгія); это уже наводитъ на догадку, что его основалъ первоначально Ярославъ; имя это онъ носилъ при крещеніи, а въ то время обыкновенно монастырь посвящался во имя того святаго, который былъ ангеломъ основателя; и въ Кіевѣ построилъ Ярославъ церковь Юрія, и городъ въ Ливоніи назвалъ своимъ именемъ [1]). Татищевъ [2]), не извѣстно по какимъ источникамъ, указываетъ, что Ярославъ основалъ его въ 1030 году, тогда же какъ былъ заложенъ и городъ Юрьевъ.

Если Юрьевскій монастырь существовалъ и ранѣе, то въ XII вѣкѣ онъ получилъ новый видъ: построена была каменная церковь, а великій князь Мстиславъ даровалъ ему село Буицы съ данью, вирами и продажами, вѣно водское и 25 гривенъ осенняго полюдія, а сынъ, Всеволодъ, подарилъ на память блюдо, въ которое велѣлъ бить, когда братія обѣдаетъ. Юрьевъ монастырь имѣлъ значеніе княжескаго монастыря, и въ немъ одномъ изъ всѣхъ новгородскихъ монастырей, вмѣсто игумена, былъ архимандритъ.

Супрасльская Лѣтопись говоритъ о монастырѣ Десятинномъ, будто его построилъ епископъ Іоакимъ; но кто знаетъ, что̀ разумѣть подъ этимъ Десятиннымъ: можетъ быть тутъ говорится о Софійскомъ соборѣ, при которомъ жили чернецы, а Десятиннымъ онъ могъ быть названъ потому что князь назначилъ въ пользу его десятую часть доходовъ.

Вообще о монастыряхъ въ XI вѣкѣ нѣтъ положительныхъ извѣстій; зато съ XII-го вѣка они растутъ одинъ за другимъ въ городѣ и въ околодкѣ. О нѣкоторыхъ указано, когда они построены. На первомъ планѣ стоитъ Антоніевъ монастырь съ повѣстью о его основателѣ. Житіе

---

[1]) Нынѣ Дерптъ.

[2]) Кн. II, пр. 371.

Digitized by Google

Антонія указываетъ, въ 1106 г., появленіе этого святаго въ Новгородѣ. По лѣтописи, церковь въ Антоніевой обители была заложена въ 1117 г., а окончена 1119 г. [1]), во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а въ 1125 г. была расписана. Сказаніе приписываетъ основателю этой обители иноземное происхожденіе. Онъ былъ римлянинъ. Его дѣлаютъ поборникомъ старины, противникомъ измѣненій, допущенныхъ западной Церковью: онъ приверженецъ греческой стороны въ спорѣ, окончательно раздѣлявшемъ церкви. Русскіе думали встарину, что отложеніе западной Церкви было произвольное еретическое нововведеніе, и возбудило противъ себя недовольство приверженцевъ благочестивой и правдивой старины: за свою твердость въ истинѣ они потерпѣли гоненіе. Еретики принудили ихъ скрываться въ пещерахъ и разсѣлинахъ. Къ нимъ пришелъ Антоній, богатый юноша, восемнадцати лѣтъ отъ роду. Изучивъ писаніе, греческаго языка, прочитавъ со вниманіемъ священныя книги, юноша, получившій отъ родителей состояніе, проникся мыслію о ничтожествѣ земныхъ богатствъ: онъ сложилъ отцовскіе драгоцѣнные сосуды, много злата и сребра въ бочку и пустилъ ее по морю на волю Божію, а самъ обрекъ себя на отшельническое житіе. Двадцать лѣтъ пробылъ онъ въ пустыни, въ уединеніи. Старцы жили каждый самъ по себѣ и сходились только для богослуженія въ церковь по праздникамъ. Но папа и сильные Рима провѣдали о благочестивыхъ мужахъ и послали искать ихъ и приводить къ себѣ на истязанія. Здѣсь слагатель житія подражаетъ разсказамъ о мученикахъ и воображаетъ папу въ родѣ языческаго императора, какимъ послѣдніе изображаются въ житіяхъ. Старцы, убѣгая отъ преслѣдованій папы, скрывались въ непроходимыхъ мѣстахъ. Антоній нашелъ себѣ пріютъ на

[1]) Святыя Богородицы монастырь. (Новг. Л. I. 4, 5.).

Digitized by Google

скалѣ у моря и стоялъ тамъ день и ночь, углубясь въ молитву, вкушая пищу только однажды въ недѣлю. Такъ пробылъ онъ годъ и два мѣсяца.

Но Божія воля назначала ему иной жребій. 5-го сентября 6614 г. всталъ сильный вѣтеръ, всколыхались морскія волны, вырвали камень, на которомъ стоялъ подвижникъ и понесли съ неизреченною быстротою. Камень пролетѣлъ Гибралтаръ, понесся по Атлантическому океану прямо на сѣверъ; святой мужъ углубясь въ молитву ничего не слышалъ, ничего не замѣчалъ; камень проплылъ Балтику, вошелъ въ Неву, въ Ладожское озеро, понесся по Волхову противъ теченія и остановился у подгородняго села Волховскаго въ ту самую минуту, когда въ новгородскихъ церквахъ разнесся первый ударъ колокола, призывающій христолюбцевъ къ заутрени. Святой былъ до сихъ поръ въ божественномъ восторгѣ, объятый духовнымъ свѣтомъ, и только ударъ колокола вывелъ его изъ блаженнаго состоянія. Первая мысль, блеснувшая ему, была та, что вѣрно камень принесло къ Риму. Съ разсвѣтомъ собрались люди, смотрятъ на непонятное явленіе, начинаютъ разспрашивать незнакомца,—онъ имъ не отвѣчаетъ, потому что не понимаетъ чужаго языка. Наконецъ, онъ сходитъ съ камня и идетъ по городу. Какой-то купецъ, грекъ, зналъ по италіянски. Антоній зналъ по-гречески. Тогда они обьяснились; чудный пришелецъ узналъ гдѣ онъ, и опять удалился на свой камень. Народъ безпрестанно приходилъ къ нему. Онъ, по молитвѣ своей, Божіимъ промысломъ, чудодѣйственно постигъ русскій языкъ и сталъ говорить на немъ. Донесли епископу Никитѣ. Владыка позвалъ его и сталъ разспрашивать. Антоній долго не хотѣлъ ни за что говорить ему своей тайны, называя себя только просто грѣшникомъ. Наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ, сознался; святитель отъ изумленія благоговѣлъ предъ святымъ, сподобившимся такого чуда, и бросился

Digitized by Google

къ его ногамъ; Антоній палъ на землю предъ Никитою, отъ уваженія къ его сану; оба лежали другъ съ другомъ на землѣ и въ умиленіи плакали. Наконецъ, Никита объявилъ, что, въ ознаменованіе такого великаго чуда, на томъ мѣстѣ, куда присталъ камень, доставившій Антонія, долженъ быть построенъ монастырь Рождества Пресвятой Богородицы; ибо на предпразднество этого торжественнаго дня случилось прибытіе Антонія. По просьбѣ владыки посадничьи дѣти, которымъ принадлежало село Волховское, отвели на монастырь пятьдесятъ саженей.

Такъ заложенъ былъ монастырь; построена была деревянная церковь и близъ нея келья. Черезъ годъ близъ камня, на которомъ продолжалъ стоять чудотворецъ, рыбаки ловили рыбу и, протрудившись цѣлую ночь, ничего не поймали. «Дѣти!—сказалъ имъ преподобный—вотъ вамъ гривна серебра: закиньте сѣть; а что́ найдете, — то въ домъ Пресвятыя Богородицы». Рыболовы послушались и вытянули множество рыбъ, да деревянную бочку, окованную желѣзными обручами. «Благословляю вамъ—сказалъ Антоній—всю рыбу, а дому Пресвятой Богородицы бочка!». Но рыболовы хотѣли взять бочку себѣ и преподобный отправился съ ними къ судьѣ. Выиграть споръ было не трудно: Антоній зналъ что́ въ бочкѣ, и сказалъ судьѣ прежде, чѣмъ ее разбили. Слова его оправдались; было ясно, что бочка ему принадлежитъ. Сокровища, находившіяся въ бочкѣ, были употреблены на устройство монастыря и на покупку земли около него, а сосуды и иконы, взятыя оттуда, пошли на церковную утварь и на украшенія. По смерти Никиты, преподобный Антоній шестнадцать лѣтъ до своей кончины былъ игуменомъ созданной имъ обители. Во всю жизнь, онъ, кромѣ Никиты, никому не говорилъ о чудесномъ способѣ своего прибытія въ Новгородъ и сообщилъ уже предъ смертію священноиноку своего монастыря, Андрею, которому и при-

Digitized by Google

писываютъ составленіе житія, написаннаго будто бы по повелѣнію Нифонта. Камень, на которомъ святой приплылъ изъ Рима, тростниковая вѣтвь, которую онъ держалъ въ рукахъ, остались въ монастырѣ до сихъ поръ памятниками чуда, приводящаго въ умиленіе вѣрующихъ. Сосуды Иванъ Васильевичъ взялъ въ Москву; удержалось въ монастырѣ только паникадило, нѣсколько иконъ и колоколъ, висящій предъ камнемъ, на которомъ приплылъ Антоній.

За этими монастырями появляется рядъ монастырей, но основаніе многихъ изъ нихъ представляется намъ также темнымъ, какъ и исторія Юрьевскаго; въ лѣтописи упоминается подъ многими годами о построеніи каменныхъ церквей въ монастыряхъ, но когда начали существовать эти монастыри, неизвѣстно. Въ первой половинѣ XII вѣка существовали монастыри: женскіе — Воскресенскій близъ озера Мячина [1]), Варваринъ въ Людиномъ концѣ [2]) и Звѣринъ за Неревскимъ концомъ въ урочищѣ Звѣринцахъ [3]); тогда уже существовалъ Пантелеймоновъ монастырь за городомъ на южной сторонѣ въ полѣ близъ озера Мячина на урочищѣ Горкахъ. Этотъ монастырь надѣленъ былъ имѣніями отъ князя Изяслава Мстиславича. Князь этотъ носилъ христіанское имя Пантелеймона и можетъ быть онъ-то и построилъ самый монастырь [4]). Владыка Аркадій построилъ также на лѣвой сторонѣ въ полѣ, въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, монастырь, который до послѣднихъ дней своего существованія носилъ его

---

[1]) 1136 г. упом. по поводу пожара. Каменная церковь построена въ 1195 г. (Новг. I, 7).

[2]) 1138 г.; (Новг. I, 8). Каменная церковь построена въ XIII вѣкѣ, въ 1218 г.; въ другой разъ въ 1402 г.

[3]) 1148 г. (Новг. I, 10). Каменная церковь построена Моисеемъ въ 1335 г.

[4]) Истор. Рос. Іерарх. V, 454. VI, 774. — Каменная церковь построена въ 1207 г. (Новг. I, 30; II, 128). См. Макарія „Опис. новг. др." т. I, стр. 664.

Digitized by Google

на правой сторонѣ Волхова близъ Городища [1]). Монастырь давно не существуетъ, но каменная церковь сохранилась съ фресками въ свѣжемъ видѣ, какъ драгоцѣнный памятникъ стариннаго искусства и вкуса. Быть можетъ, существовалъ уже въ то время монастырь на Лисичьей Горкѣ, потому что въ немъ, по преданію, погребены были родители Варлаама: онъ находился въ трехъ верстахъ отъ Хутыня, на сѣверъ отъ Новгорода. Каменная церковь въ немъ поставлена въ 1393 году, а можетъ быть, до основанія каменной церкви была тамъ одна деревянная церковь, безъ монастыря.

Ни одинъ монастырь не имѣлъ такой громкой славы и значенія, какъ Хутынскій, на сѣверъ отъ Новгорода, въ десяти верстахъ, на правой сторонѣ Волхова. Его основателемъ былъ богатый новгородецъ, по имени Алексѣй Михайловичъ. Въ тотъ вѣкъ ходили изъ города въ городъ паломники и странники; они заходили въ дома, гдѣ ихъ принимали съ благоговѣніемъ; тамъ толковали они о предметахъ религіозныхъ, наставляли на путь спасенія и побуждали къ монашеству и аскетическому житію тѣхъ, въ комъ была природная или заранѣе развитая наклонность. Такіе странники зашли въ домъ родителей Алексія; отрокъ Алексій былъ одаренъ пылкимъ воображеніемъ, поэтическимъ чувствомъ: одинъ изъ такихъ странниковъ, Порфирій, своими восторженными разсказами настроилъ его къ созерцательной жизни. Думая угодить Богу воздержаніемъ, постомъ и угнетеніемъ плотскихъ пожеланій, Алексій началъ воздерживаться отъ сладкихъ яствъ, предпочитая грубую и скудную пищу; родители, не смотря на

---

[1]) Нов. Л. I, 24. Заложи церковь камяну князь великый Ярославъ сынъ Володимирь, внукъ Мьстиславль, во имя св. Спаса Преображенія, Новѣгородѣ, на горѣ, а прозвище Нередицѣ и начаша дѣлати мѣсяца іюня въ 8 день, на святаго Ѳедора и концяша мѣсяца сентября.

Digitized by Google

безпрестанныя проповѣди о постѣ и скудоядѣніи, не теряли старыхъ славянскихъ обычаевъ язычества — выказывать любовь свою тѣмъ, чтобъ накормить какъ можно лучше любимый предметъ,—печалились, боялись, чтобъ юноша не заболѣлъ; но Алексій болѣе и болѣе входилъ въ религіозное созерцаніе, и наконецъ оставилъ домъ и ушелъ въ монастырь. Тамъ онъ принялъ имя Варлаама. По одному преданію, первое его монашеское пристанище было въ Антоніевомъ, по другому—въ Лисьегорскомъ монастырѣ. Макарій, авторъ «Описанія церковныхъ новгородскихъ древностей», справедливо думаетъ, что онъ посвященъ въ послѣднемъ, потому что тамъ погребены были его родители, и тамъ была издавна церковь св. Варлаама. Но, по обычаю многихъ аскетовъ, Варлаамъ не удовольствовался монастырскою жизнію, хотѣлъ подвергнуть себя большимъ лишеніямъ и трудамъ, и ушелъ въ пустынное, дикое мѣсто надъ Волховомъ. Мѣсто это, по преданію, было страшное: тамъ гнѣздилась нечистая сила и пугала мимоходящихъ привидѣніями, такъ что его называли Худынь, т. е., худое мѣсто. Варлаамъ тамъ поселился, чтобъ выдержать искушенія отъ враговъ. Нѣсколько лѣтъ въ уединеніи, въ тѣсной кельѣ, сражался онъ съ бѣсами: надъ нимъ выкидывали всевозможнѣйшія проказы, являлись передъ нимъ въ образѣ чудовищъ, звѣрей... все вытерпѣлъ Варлаамъ при помощи молитвы и крестной силы. Такая борьба съ мечтательными видѣніями сходилась съ древними народными повѣрьями о добываніи сокровищъ, которыя можетъ достать только смѣльчакъ, способный выдержать различныя проказы враждебной силы. Такъ и Варлаамъ побѣдилъ терпѣніемъ бѣсовъ, недопускавшихъ его пріобрѣсть величайшее сокровище—духовное блаженство. Бѣсы увидѣли, что ничего съ нимъ не сдѣлаютъ, ничѣмъ не отвлекутъ его отъ богомыслія; энергія у нихъ упала. Побѣдитель заклялъ ихъ въ сосѣдненъ болотѣ; и съ тѣхъ поръ холмъ,

Digitized by Google

на которомъ жилъ св. мужъ, измѣнилъ свое зловѣщее названіе: его стали звать Хутынь, а не Худынь; но болото, гдѣ затоплены были бѣсы, заклятые Варлаамомъ, до позднѣйшаго времени называлось «видѣнь», потому что побѣжденные чудотворцемъ водяные бѣсы продолжали отсюда пугать мечтательными привидѣніями людей, въ безсильной злобѣ противъ тѣхъ, которые отражали ихъ козни крестнымъ знаменіемъ [1]). Скоро воздвигнута была церковь; одинъ за другимъ стали приходить къ Варлааму сподвижники; князья и бояре стали уважать отшельника и спрашивали у него совѣтовъ. Уже при жизни онъ творилъ чудеса. Варлаамъ предрекъ одному князю рожденіе сына, и князь записалъ въ монастырь сёла. Въ тотъ вѣкъ нерѣдко событія естественныя и простыя обращались въ чудо. Отрокъ, котораго везли къ Варлааму на исцѣленіе, лишился чувствъ на дорогѣ отъ сильнаго холода; принесли его въ теплую келью, отрокъ очнулся;—Варлаамъ запрещалъ отцу говорить, будто бы онъ воскресилъ его сына, даже угрожалъ ему, что онъ въ самомъ дѣлѣ лишится сына, если станетъ разсказывать [2]). Другой разъ плыли люди по Волхову; одинъ упалъ съ лодки въ воду: его вытащили; онъ былъ безъ чувствъ. Принесли утопленника къ чудотворцу; Варлаамъ помолился, и человѣкъ пришелъ въ себя: это прославило Варлаама. Рыболовы ловили для монастыря рыбу; утаили большую и отдали дробную. Варлаамъ обличилъ ихъ; и разнеслась молва о его прозорливости. Но самое величайшее его чудо было пророчество о снѣгѣ и морозѣ, даровавшее ему впослѣдствіи значеніе покровителя урожаевъ.

Вотъ какъ разсказывается это чудное событіе. Архіепископъ Антоній уважалъ святаго отшельника и водилъ

---

[1]) Церк. древн. 431.

[2]) Всяко себѣ отщетиши и сына конечно лишишися.

Digitized by Google

съ нимъ бесѣды о духовныхъ дѣлахъ. Однажды, при свиданіи съ нимъ, владыка пригласилъ его снова къ себѣ черезъ недѣлю. «Если Господь благословитъ,—сказалъ ему Варлаамъ:—буду у тебя на первой недѣлѣ Петрова поста и пріѣду на саняхъ». Архіепископъ пришелъ въ недоумѣніе отъ такого обѣщанія, но совѣстился спросить, что́ это значитъ. На первой недѣлѣ Петрова поста въ ночь съ четверга на пятницу выпалъ снѣгъ и сдѣлался морозъ. Утромъ въ пятницу Варлаамъ изъ своего Хутынскаго монастыря пріѣхалъ ко владыкѣ въ Новгородъ въ саняхъ. «Бѣда намъ,—сказалъ владыка: — «снѣгомъ и морозомъ рожь въ цвѣту прибило!»—«Не скорби, честный владыко—сказалъ Варлаамъ,—благодари Бога и Пречистую Богородицу! Еслибъ Господь Богъ не послалъ этого мороза, люди погибли бы отъ голода. За умноженіе нашихъ грѣховъ хотѣлъ Господь попустить на насъ голодъ, и завелись во ржи и во всякомъ произрастеніи черви; но молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ Господь даровалъ снѣгъ и морозъ: всѣ черви вымерзли и Божіимъ промысломъ и повелѣніемъ настанетъ теплота; снѣгъ этотъ вмѣсто дождя упоитъ землю и произраститъ земные плоды». Такъ и случилось, какъ пророкалъ Варлаамъ. Въ субботу снѣгъ растаялъ. Цвѣтъ на ржи остался незредимъ; и владыка съ удивленіемъ смотрѣлъ на сорванные колосья, гдѣ увидалъ множество погибшихъ отъ мороза червей. Въ память этого дивнаго событія архіепископъ Антоній установилъ крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ Хутынскій монастырь въ пятокъ на первой недѣлѣ Петрова поста. Этотъ обрядъ остался мѣстнымъ религіознымъ обычаемъ въ Новгородѣ до позднѣйшихъ временъ. Изобильны были нивы у тѣхъ, которые прибѣгали къ Варлааму, и напротивъ, по его гнѣву, неурожай постигалъ нивы тѣхъ, которые заслуживали казни своими прегрѣшеніями.

Въ 1192 г. сооружена была въ монастырѣ каменная

Digitized by Google

церковь, признакъ обогащенія и процвѣтанія обители. Но Варлаамъ не долго жилъ на землѣ послѣ обновленія своего созданія. Онъ скончался въ слѣдующемъ году. Память его засіяла лучезарнымъ сіяніемъ. Гробъ его былъ мѣстомъ чудесъ и исцѣленій. Въ вѣрованіяхъ новгородцевъ Варлаамъ остался покровителемъ урожая. Во время засухъ или, наоборотъ, сильныхъ дождей, мѣшающихъ правильному произрастенію травъ и хлѣба, къ нему обращались съ молитвами и совершали крестные ходы къ его гробу. Монастырь его пользовался особеннымъ уваженіемъ, и нѣсколько владыкъ новгородскихъ были избраны изъ тамошнихъ чернецовъ.

Когда великій князь Василій Васильевичъ посѣщалъ Новгородъ съ своими братьями, Андреемъ и Юріемъ, съ нимъ былъ одинъ изъ отроковъ, по имени Григорій; онъ страдалъ тяжкою болѣзнію. Много разъ бросался онъ съ постели, метаясь отъ боли, бился о деревянный навѣсъ надъ своимъ ложемъ; онъ не могъ ни ѣсть, ни пить, и въ такомъ недугѣ пострадалъ восемь дней; но потомъ вдругъ пересталъ метаться и притихъ... Сидѣвшіе около него думали, что онъ заснулъ; но вдругъ слышатъ—онъ съ кѣмъ-то говоритъ! Не видѣли, чтобы кто входилъ. «Съ кѣмъ ты это говоришь, Григорій?»—спрашиваютъ. Григорій молчитъ;—и нѣсколько разъ повторили ему вопросъ, — и не отвѣчалъ онъ. Потомъ, вдругъ, какъ будто встрепенувшись отъ сна, сказалъ: «Я лежалъ и думалъ, какъ бы мнѣ идти ко гробу св. Варлаама къ Спасу, и вдругъ услышалъ голосъ: «чудотворецъ идетъ къ тебѣ».—Кто чудотворецъ?—спросилъ я?—«Варлаамъ преподобный»,—былъ мнѣ голосъ. Я взглянулъ, и увидѣлъ идущаго ко мнѣ Варлаама съ крестомъ въ рукѣ. Приступивъ ко мнѣ, онъ сказалъ: «Григорій! Вижу, что ты немощенъ. Ты молишься св. Николѣ чудотворцу, а меня призываешь на помощь, и канонъ мой и житіе у себя держишь, и положилъ обѣтъ постричься въ

Digitized by Google

моемъ монастырѣ. Теперь видишь меня—будь же мнѣ вѣренъ, а я тебя избавлю отъ твоего недуга». И онъ благословилъ меня снова крестомъ, который держалъ въ рукѣ, и отошелъ». Болящій просилъ везти его къ Спасу на Хутынь: «если меня постигнетъ смерть, то утѣшеніемъ будетъ то, что положатъ меня въ монастырѣ». По его желанію, священники и діаконы помазали его масломъ, причастили св. Таинъ; потомъ приказницы положили его въ сани и повезли. За три версты до монастыря онъ испустилъ духъ. Везущіе его плакали; задумчиво останавливались надъ нимъ проходившіе мимо. Слуги думали-было везти его назадъ, но потомъ вспомнили его обѣщаніе и желаніе быть погребеннымъ въ монастырѣ и повезли далѣе. Когда они приблизились къ монастырю, вдругъ умершій оживаетъ. «Гдѣ я»?—спросилъ онъ. — Послѣ перваго испуга, везущіе сказали ему гдѣ онъ. «Я не вашъ»!—закричалъ кому-то отрокъ, и не могъ дать никакого отвѣта болѣе. Его привезли въ монастырь. Тамъ случились на то время юрьевскій архимандритъ Григорій и игумены Аркажа и Коневскаго монастырей, вмѣстѣ съ Хутынскимъ, Леонтіемъ. Имъ разсказали событіе; и они уразумѣли, что содѣялось чудо. Понесли ожившаго приложиться ко гробу чудотворца; отпѣли молебенъ; потомъ знаменали отрока воздвизальнымъ крестомъ св. Варлаама. Отрокъ не могъ ничего говорить. Игуменъ велѣлъ его вести въ келью. Болящій сталъ смотрѣть по иконамъ, желая видѣть образъ св. Варлаама, но не находилъ его; предстоящіе тогда догадались, чего онъ хочетъ, и принесли образъ св. Варлаама изъ храма. Еще съ образомъ не вошли они въ келью, а болящій приказалъ приподнять себя и самъ пошелъ къ двери. Когда образъ внесли въ храмину, больной приложился къ нему и закричалъ: «О господине святый, Варлааме чудотворче! нѣтъ другого мнѣ помощника, кромѣ тебя; ты милосердствуешь о мнѣ грѣшномъ»! И просле-

Digitized by Google

зился онъ; и всѣ плакали долгое время; а потомъ, повелѣли принести пищу: отрокъ сталъ ѣсть при всѣхъ, какъ здоровый. Игуменъ Леонтій и священники и старцы монастырскіе начали спрашивать его: «Какъ у тебя душа исходила изъ тѣла и какъ опять вошла? И что ты видѣлъ?»

«Я,—отвѣчалъ онъ,—самъ не знаю въ болѣзни своей, какъ у меня душа выходила, и какъ воротилась; а видѣлъ при ногахъ множество темныхъ. Одинъ изъ нихъ держалъ свитокъ огромный и говорилъ: «здѣсь написаны его злыя дѣла и помышленія». Я ничего не могъ сказать противъ нихъ; они прочитали и изгладили изъ написаннаго то, за что я приносилъ уже покаяніе; а иное было на свиткѣ. Тогда я увидалъ Николу чудотворца въ святительской одеждѣ; онъ держалъ свой посохъ прямо противъ нихъ концомъ (остномъ) и говорилъ: «вы, злые, темные, зачѣмъ пришли»? «Это нашъ!—говорили ему темные. Мы пришли за нимъ; здѣсь свитокъ его дѣлъ»! Святой сказалъ имъ: «Видите-ли, ангелъ хранитель его идетъ!» И вотъ: является ангелъ-хранитель съ малымъ свиткомъ въ рукѣ: на немъ были написаны добрыя дѣла, какія я содѣлалъ въ своей жизни. Никола сказалъ: «Хоть и мало добрыхъ дѣлъ, да въ мѣрилахъ превозмогутъ васъ, и еще есть у него отецъ духовный». Темнообразные, услышавъ это, исчезли. И тогда я узрѣлъ вокругъ себя множество мужей свѣтлыхъ въ бѣлыхъ одеждахъ; и сказали свѣтлые: «Вотъ ангелъ идетъ!» И разступились; и приходитъ ангелъ, и смотритъ на меня, и улыскается, и беретъ меня за плечо, и ведетъ на мѣсто веселое, гдѣ растутъ цвѣтущія деревья, и по землѣ множество цвѣтовъ; сажаетъ меня подъ деревомъ, ничего не говоритъ мнѣ, а самъ озирается; и я посмотрѣлъ туда, куда онъ озирался, и увидѣлъ св. Варлаама, идущаго съ посохомъ и въ одеждѣ, какъ онъ написанъ на иконѣ. И онъ сказалъ мнѣ:—«Григорій!

Digitized by Google

ты здѣсь! Я не успѣлъ придти къ тебѣ къ исходу души». И я сказалъ: — «Нынѣ хочу пребывать здѣсь». И сказалъ мнѣ Варлаамъ. — «Добро было бы тебѣ у насъ; но не хочу оскорбить родителей твоихъ; поиди къ родителямъ своимъ; не слези, но утѣшь ихъ плачь и рыданіе. Я же тебѣ помощникъ и заступникъ, и никто на тебя!» Варлаамъ взялъ меня за руку и повелъ; ангелъ шелъ впереди въ бѣлой одеждѣ. И мы прошли мимо множества деревъ красныхъ и цвѣтущихъ, и стали на одномъ мѣстѣ. И невидимъ сталъ ангелъ. Св. Варлаамъ знаменовалъ меня крестомъ нерукотворнымъ и образомъ св. Николы, и сказалъ: — «Молись, Григорій, св. Николѣ, а меня призывай на помощь; и я буду тебѣ помощникъ!» Онъ отошелъ мало отъ меня, и сказалъ: «По седми лѣтахъ будешь у меня...» И потомъ сталъ невидимъ. Когда же я былъ у чудотворца, и знаменовался честнымъ крестомъ, тогда увидѣлъ и узналъ тотъ самый крестъ, которымъ меня благословилъ св. Варлаамъ, когда я прежде видѣлъ его въ моей болѣзни». Между тѣмъ князь поѣхалъ въ монастырь, и увидѣлъ съ изумленіемъ, что отрокъ Григорій совсѣмъ здравъ; отрокъ встрѣчалъ князя у воротъ монастырскихъ. Узналъ о случившемся чудѣ и архіепископъ Іоаннъ, и повелѣлъ отроку Григорію разсказывать всѣмъ и каждому о своемъ чудномъ исцѣленіи. И отрокъ Григорій разсказывалъ о немъ при большомъ стеченіи народа [1]).

Св. Варлаамъ остался молитвенникомъ Великаго Новгорода и хранителемъ его цѣлости. Молитвы его не могли, однако, измѣнить небеснаго приговора, постигшаго Великій Новгородъ; но онъ устрашилъ чудеснымъ знаменіемъ убійцу новгородской вольности, Ивана Васильевича. Пришедши въ церковь, гдѣ стоялъ гробъ чудотворца, побѣдитель спросилъ игумена Наѳанаила: «Зачѣмъ не открываютъ раки чудотворца и не прикладываются къ мощамъ

[1]) Новг. Соф. Библ. рук. № 1389.

Digitized by Google

его? У насъ въ Москвѣ таковъ обычай, что ко всѣмъ мощамъ прикладываются и цѣлуютъ ихъ». — «Намъ невѣдомы мощи чудотворца Варлаама», — отвѣчалъ игуменъ: — «мы не знаемъ, гдѣ положены онѣ — на верху ли земли, или подъ землею; искони никто не смѣлъ видѣть чудотворцевыхъ мощей: ни князья, ни архіепископы, ни бояре; и такъ ведется до нашего времени, пока самъ Богъ не благословитъ, и чудотворецъ Варлаамъ самъ не явится и не повелитъ». Иванъ Васильевичъ хотѣлъ показать свою царственную власть и надъ покровителемъ Новгорода, какъ надъ самимъ Новгородомъ. Намекая на вѣрованіе, что Варлаамъ считается покровителемъ урожая и изобилія, московскій государь напомнилъ, что въ Царьградѣ, на праздникъ Рождества Іоанна Предтечи показывается всѣмъ рука Крестителя съ амвона. Если рука прострется, тогда Богъ даруетъ изобиліе, если же рука Предтечи согнетъ персты свои, тогда бываетъ скудость плодовъ и земное нестроеніе. Возраженія новгородскаго монаха привели его въ гнѣвъ. Онъ съ яростію — по выраженію легенды — приказалъ при себѣ раскопать могилу чудотворца. Но изъ могилы сталъ исходить дымъ; чѣмъ далѣе копали, тѣмъ дымъ выходилъ сильнѣе; наконецъ вырвался пламень... Испуганный князь закричалъ, чтобъ перестали копать, и, уходя изъ церкви, въ досадѣ и смятеніи ударилъ жезломъ своимъ въ помостъ, и на томъ мѣстѣ вырвался пламень; Иванъ въ другой разъ ударилъ на иномъ мѣстѣ въ землю — и тамъ явился и исчезъ пламень. Иванъ выбѣжалъ изъ церкви, ударилъ жезломъ въ землю на дворѣ. Пламень и здѣсь выскочилъ и исчезъ. Тогда великій князь бросилъ свой жезлъ и убѣжалъ изъ монастыря, понявши, что, за предѣлами земнаго строя Новгорода, который онъ сломилъ, есть еще древняя святыня духовной жизни вольнаго града, неподлежащая его скоропреходящей гордынѣ [1]).

[1]) Новг. Л. III. 242.

Digitized by Google

Число монастырей, о которыхъ первыя извѣстія являются въ XIII вѣкѣ, невелико. Къ нимъ принадлежитъ Павловъ Варецкій женскій въ Славенскомъ концѣ, основаный въ 1232 г. Въ 1266 г. ученикъ Варлаама, престарѣлый Ксенофонтъ, основалъ пустынную обитель въ 25-ти верстахъ отъ Новгорода, при рѣкѣ Робейлѣ, называемую Троицкимъ Ксенофонтовымъ монастыремъ. Деревянная церковь основана была въ 1418 г. [1]). За городомъ былъ основанъ монастырь Николы Липенскаго: о немъ въ лѣтописи упоминается по поводу построенія каменной церкви въ 1292 г; но монастырь могъ быть основанъ и прежде, и вѣроятно существовалъ еще сначала XII-го вѣка, потому что преданіе объ его основаніи отнесено къ послѣднему времени. Князь Мстиславъ, сынъ Мономаха,—гласитъ это преданіе,—сдѣлался боленъ. Во снѣ явился ему Николай чудотворецъ и велѣлъ ему отправить людей своихъ въ Кіевъ за своею иконою: святóй указалъ ему гдѣ найти ее, и какой она мѣры и какого вида. Князь отправилъ своего болярина со священникомъ и со слугами въ Кіевъ. Они поплыли въ ладьѣ по Ильменю. Но чудотворецъ, довольный вѣрою князя, сократилъ его людямъ путь и трудъ. На Ильменѣ поднялась противная буря, и загнала ихъ къ острову Липно, на восточномъ берегу озера, у истока Мсты, въ семи верстахъ отъ Новгорода. Тамъ стояли они трое сутокъ, ожидая погоды, какъ вдругъ по водѣ плыветъ образъ, точно такой, какой указано было имъ привезти. Съ этой иконой люди прибыли въ Новгородъ. Князь отправилъ весь священный соборъ встрѣтить съ торжествомъ чудотворную икону и привезти ее къ себѣ во дворъ. Когда совершено было водоосвященіе и священство окропило князя св. водою, омывшею образъ, болящій получилъ исцѣленіе и далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ во имя

[1]) Новг. Л. III. 237.

Digitized by Google

св. Николая на томъ мѣстѣ, гдѣ образъ присталъ къ берегу и былъ поднятъ княжескими людьми [1]). Но извѣстно, что храмъ Николая, построенный этимъ княземъ, находился на княжемъ дворѣ въ Новгородѣ: имъ ли былъ построенъ Липенскій монастырь, или кѣмъ другимъ,—объ этомъ не говорится въ современныхъ источникахъ. Въ настоящее время отъ него осталась церковь, сохранившая яркіе древніе памятники архитектуры и иконописи,—одни изъ немногихъ. такъ много говорящихъ о старинѣ нашей. Къ 1310 году, по соображеніямъ [2]), относится преданіе о построеніи Щилова монастыря. Основаніе его соединено съ такою легендою. Богатый посадникъ Щилъ нажилъ себѣ большое состояніе, между прочимъ, отдавая деньги въ ростъ, и хотя бралъ умѣренные проценты, все-таки и тѣмъ согрѣшилъ передъ Богомъ: всякій ростъ считался по нравственно-религіозному взгляду предосудительнымъ дѣломъ. Думая умолить Бога, Щилъ построилъ монастырь. Но когда пришелъ онъ къ владыкѣ просить объ освященіи построенной имъ церкви, и сказалъ какими средствами онъ нажилъ деньги, на которыя построилъ ее, владыка приказалъ ему лечь во гробъ въ непосвященной церкви, а священство должно было отслужить надъ нимъ обрядъ погребенія. Щилъ легъ во гробъ въ погребальныхъ одеждахъ. Священники стали отправлять погребеніе, и вдругъ Щилъ съ своимъ гробомъ провалился подъ землю, и на томъ самомъ мѣстѣ открылась бездонная пропасть. Владыка, пришедши на мѣсто, приказалъ иконописцамъ изобразить на стѣнѣ видѣніе, повѣдающее о печальной судьбѣ Щила, и запечатать церковь. Сынъ Щила явился ко владыкѣ просить совѣта, какъ пособить душѣ отца; тогда владыка приказалъ ему въ продолженіи сорока дней держать

---

[1]) Церк. древ., I, 249.

[2]) Новг. Л. I, 69; IV, 47.

Digitized by Google

строгій постъ, поручить попамъ служить у сорока церквей сорокоусты по душѣ отца, и въ то же время раздавать убогимъ милостыню. По окончаніи сорокоуста архидіаконъ, по приказанію владыки, пришелъ посмотрѣть гробъ и увидѣлъ изъ бездны голову мертвеца; а остальное тѣло было еще не видно. Владыка велѣлъ совершать другой сорокоустъ. По окончаніи его, архидіаконъ, вошедъ въ церковь, увидалъ все тѣло, но оно не дошло еще до земли. Владыка велѣлъ совершать третій сорокоустъ. По окончаніи его архидіаконъ увидѣлъ гробъ на землѣ; пропасть закрылась. Съ каждымъ сорокоустомъ на картинѣ дѣлались такія измѣненія съ изображеніемъ Щилова тѣла, какимъ подвергалось самое тѣло въ пропасти. Тогда Щила похоронили по христіанскому обряду; и владыка освятилъ церковь во имя Покрова Богородицы и устроилъ при ней монастырь [1]). Въ 1310 году юрьевскій архимандритъ Кириллъ построилъ каменную церковь Успенія въ Колмовѣ [2]) и основалъ при ней монастырь. Набожный владыка Моисей полюбилъ это мѣсто и пробылъ здѣсь въ уединеніи двадцать два года. Въ 1327 году, Моисей устроилъ женскій Десятинскій (на урочищѣ Десятинѣ) монастырь [3]) близъ того мѣста, гдѣ нѣкогда молитва владыки Іоанна и заступничество Знаменской иконы Богородицы спасли Новгородъ отъ суздальцевъ. Въ 1335 году Моисей основалъ Воскресенскій монастырь на урочищѣ Деревяницѣ и построилъ тамъ каменную церковь [4]). Современникъ Моисея, Акинеъ Жабинъ, въ 1345 году, построилъ каменную церковь въ Ковалевѣ и съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ этотъ монастырь;

---

[1]) Памятник. Стар. Русск. Литер. Т. I.

[2]) Новг. Л. I. 69. Въ двухъ верстахъ отъ Новгорода на сѣверъ на Софійской сторонѣ надъ Волховомъ.

[3]) Новг. Л. I. 74.

[4]) Новг. Л. I. 77. Въ четырехъ верстахъ отъ Новгорода на Торговой сторонѣ на сѣверъ надъ Волховомъ.

Digitized by Google

но тогда ли основанъ или прежде существовалъ—неизвѣстно [1]). Также неизвѣстно, былъ ли первымъ основателемъ монастыря Волотовскаго, во имя Успенія Богородицы Моисей, построившій тамъ каменную церковь въ 1352 году [2]) или, можетъ быть, монастырь существовалъ и прежде. Названіе Волотово поле — поле великановъ даетъ намекъ на древнее религіозное значеніе этой мѣстности въ языческія времена; притомъ же преданіе указываетъ здѣсь мѣсто погребенія Гостомысла; такъ какъ было въ обычаѣ строить храмы и монастыри на мѣстахъ древняго языческаго поклоненія, то очень можетъ быть, что Волотовскій монастырь существовалъ гораздо ранѣе Моисея. Въ 1355 году Моисей основалъ монастырь во имя архистратига Михаила на урочищѣ Сковородкѣ [3]), и построилъ тамъ каменую церковь. Сюда онъ удалился на покой. Тамъ скончался замѣчательный старецъ. Тамъ покоится онъ, уважаемый равно и по смерти, какъ былъ уважаемъ при жизни.

Въ XIV-мъ вѣкѣ упоминается въ первый разъ о нѣкоторыхъ монастыряхъ, о времени основанія которыхъ нельзя найти вѣрныхъ и точныхъ указаній. Такъ подъ 1386-мъ годомъ, въ числѣ сожженныхъ, по случаю нашествія Димитрія Донскаго, монастырей, упоминается Лазаревъ [4]). Онъ былъ женскій монастырь. О церкви на этомъ мѣстѣ упоминается прежде, именно подъ 1300-мъ годомъ [5]), по случаю построенія, и подъ 1339-мъ г. по

[1]) Новг. III. 225. Надъ р. Волховцемъ на Торговой сторонѣ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода.

[2]) На востокѣ отъ Новгорода влѣво отъ Ковалева. Новг. Л. I. 85.

[3]) Новг. Л. I. 86. На югъ отъ Новгорода въ 4 верстахъ на Торговой сторонѣ, въ небольшомъ отдаленіи отъ Волхова. Новг. Л. III. 228.

[4]) Новг. IV, 94. На Софійской сторонѣ, на сѣверъ отъ Новгорода, близъ Звѣринскаго, на берегу Волхова.

[5]) Новг. Л. I. 67.

Digitized by Google

случаю чуда отъ иконы Богородицы въ этой церкви: эта икона плакала [1]). Разомъ ли съ церковью возникъ монастырь, или церковь существовала прежде монастыря—неизвѣстно. Неизвѣстно также, когда основанъ Боголюбскій женскій монастырь въ Плотницкомъ концѣ, потому что мы узнаемъ только о построеніи его каменной церкви въ 1384-мъ году [2]). На югъ отъ Новгорода существовалъ въ XIV-мъ вѣкѣ монастырь св. Николы на-Лятскѣ; объ немъ узнаемъ мы изъ извѣстія, что въ 1357-мъ году въ немъ ушибло громомъ игумена [3]), но нѣтъ свѣдѣнія, когда и кѣмъ онъ основанъ. О Ситицкомъ монастырѣ мы узнаемъ въ первый разъ по извѣстію о построеніи въ немъ каменной церкви какою-то Натальею, въ 1371-мъ году [4]), но тогда монастырь уже существовалъ. Въ 1386-мъ году, по поводу нападенія на Новгородъ великаго князя московскаго Димитрія, упоминается о двадцати-четырехъ монастыряхъ сожженныхъ: изъ нихъ есть такіе, которые въ это время въ первый разъ появляются въ лѣтописяхъ, а именно: Николы-въ-Понедѣльѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Новгорода, близъ озера, Козмодемьянскій на Городищѣ, Николы Мостищенскаго на Софійской сторонѣ, верстахъ въ пяти отъ города, Борисоглѣбскій, бывшій при церкви, построенной въ 1300-мъ году, на ручьѣ Гзени—на Софійской сторонѣ, за валомъ въ Неревскомъ концѣ [5]). Тогда же первый разъ встрѣчается упоминовеніе о Рождественскомъ монастырѣ, о которомъ яснѣе говорится подъ 1388-мъ

---

[1]) Новг. I, 79.

[2]) Новг. I. 93. На устьѣ рѣчки Витки, за валомъ, на урочищѣ Радоковицахъ Новг. III, 232.

[3]) Новг. I, 86.

[4]) Новг. IV, 66.—Новг. II, 133.—Новг. III, 230. Церковь во имя Андрея Первозваннаго на югъ отъ Новгорода, на Торговой сторонѣ, въ полуверстѣ отъ Кириллова монастыря.

[5]) Новг. IV, 94.—Соф. лѣт. 124.

Digitized by Google

годомъ, по поводу избранія владыки [1]), хотя церковь существовала еще въ 1226-мъ году, а въ 1230-мъ устроена была при ней скудельница [2]). Въ 1389-мъ году основанъ былъ женскій Николаевскій монастырь на урочищѣ Соколья-Гора [3]); церковь, вѣроятно, существовала и прежде, потому что тамъ преданіе полагаетъ мѣсто погребенія братьевъ Анеаловыхъ, дѣтей посадниковъ, жившихъ, по преданію, въ XII-мъ вѣкѣ, мѣстно чтимыхъ святыми; впослѣдствіи, уже въ XVIII-мъ вѣкѣ, перенесены останки ихъ въ Антоніевъ монастырь. Въ 1390-мъ году построенъ былъ монастырь св. Николы на Софійской сторонѣ, между Люгощей и Чюдинцовой улицами на скудельницѣ [4]). Въ 1392-мъ году устроенъ въ Радоковицахъ, въ Плотницкомъ концѣ за валомъ, монастырь, близъ церкви, построенной Моисеемъ въ 1357-мъ году [5]). Въ 1395-мъ году, первый разъ упоминается о монастырѣ на Лисьей Горкѣ, какъ о новопостроенномъ [6]), но преданіе указываетъ тамъ мѣсто погребенія родителей Варлаама, слѣдовательно признаетъ этотъ монастырь существовавшимъ еще въ XII-мъ вѣкѣ. Можетъ-быть онъ уничтожился и былъ возновленъ въ XIV-мъ вѣкѣ. Въ 1394 году основанъ Спасскій монастырь въ Козмодемьянской улицѣ въ Неревскомъ концѣ [7]). Вяжищенскій монастырь существовалъ уже въ XIV-мъ вѣкѣ [8]);

---

[1]) Новг. IV, 95.

[2]) Новг. I. 42. 47. На Торговой сторонѣ въ Никитскомъ Заполѣ, на востокъ отъ города, на урочищѣ Колѣно, нынѣ Кладбищенская.

[3]) Новг. III, 232. На юговостокъ отъ Новгорода, на Торговой сторонѣ.

[4]) Новг. I, 86, 96.

[5]) Новг. I, 96.

[6]) Новг. III, 233. На Торговой сторонѣ, на сѣверъ, верстахъ въ 4-хъ отъ Новгорода.

[7]) Новг. I, 97.

[8]) Вѣстникъ Геогр. Общ. 1852 г. Смѣсь, 19 - 20.

Digitized by Google

но знаменитость свою пріобрѣлъ со времени архіепископа Евфимія. Почти то же можно сказать и о монастырѣ Клопскомъ, который сталъ извѣстенъ съ Михаила-юродиваго, но существовалъ и прежде въ 20-ти верстахъ отъ Новгорода и въ 3-хъ верстахъ отъ Ильменя, на берегу р. Веряжи [1]). Въ XV-мъ вѣкѣ при архіепископѣ Іоаннѣ явились монастыри: Никольскій, Порфиріевскій на Папоротнѣ, основанный въ 1403-мъ году Порфиріемъ Инамскимъ [2]), Спасскій Видогощенскій [3]) и Никольскій Верендскій или Перекомскій [4]) въ 1407-мъ году. Въ 1415-мъ году основанъ монастырь Воскресенія Христа на Красномъ Полѣ за Плотницкимъ концомъ [5]); въ 1417-мъ году построена была обыденная деревянная церковь св. Иліи; въ 1418-мъ году, на мѣстѣ томъ воздвигнута каменная, и тогда же основанъ былъ монастырь дѣвичій. Онъ находился въ Прусской улицѣ на Софійской сторонѣ [6]). Въ 1418 году основанъ былъ преподобнымъ Саввою Вишерскій монастырь, во имя Вознесенія Господня [7]). Въ 1420-мъ году въ первый разъ упоминается объ Отенской пустынѣ [8]), впослѣдствіи любимой святителемъ Іоною. Неизвѣстно время ея основанія.

Монастырь Клопскій получилъ свою извѣстность и значеніе въ ряду множества другихъ, съ прихода Михаила Клопскаго, котораго жизнь представляетъ любопытную

---

[1]) Пов. о Мих. Клопск. Пам. Старин. Русск. Лит. IV, 38.

[2]) Новг. III, 234.

[3]) Новг. III, 234.

[4]) Новг. I, 103. Новг. III, 234. Въ 25-ти верстахъ отъ Новгорода, близъ озера, на Софійской сторонѣ.

[5]) Новг. Л. I. 106. Новг. III, 236. На востокъ отъ Новгорода въ полуверстѣ. Каменная церковь построена въ 1418-мъ году.

[6]) Новг. I, 107. Новг. III, 237.

[7]) Новг. III, 237, въ 10-ти верстахъ отъ Новгорода, на сѣверовостокъ, при рѣкѣ Вишерѣ.

[8]) Новг. IV, 119,—въ 50-ти верстахъ отъ Новгорода на югъ.

Digitized by Google

картину религіозныхъ понятій и нравовъ вѣка. Но житіе его, по доставшейся намъ редакціи, никакъ не можетъ считаться произведеніемъ стараго Новгорода,—напротивъ, написано уже послѣ его паденія и, конечно, москвичемъ или приверженцемъ московскаго самовластія.

Троицкій Клопскій монастырь много лѣтъ уже существовалъ за пятнадцать верстъ отъ Новгорода, на рѣкѣ Веряжи,—почти въ неизвѣстности (не многими знаемъ бѣ), незначительная, бѣдная обитель. Въ началѣ XV-го вѣка игуменомъ въ немъ былъ Ѳеодосій,—тотъ самый, который впослѣдствіи былъ нареченъ владыкою, для того, чтобъ сдѣлаться игрушкою партій и безъ посвященія удалиться въ прежнее уединеніе. Былъ между братіею одинъ священноинокъ, по имени Макарій. Его келья стояла близь самой церкви въ монастырскомъ дворѣ. Однажды, 1408 года, іюня 23-го, этотъ Макарій служилъ заутреню. Когда пѣли девятую пѣснь канона, Макарій началъ кадить по церкви; и вздумалось ему выйти и покадить въ своей кельѣ,—это было удобно по близости. Подошелъ онъ съ кадиломъ къ двери, и изумился. Онъ затворилъ двери, когда уходилъ; а теперь двери стояли отворенныя. Макарій входитъ, и видитъ: сидитъ неизвѣстный человѣкъ и пишетъ; передъ нимъ свѣча говоритъ. Глянулъ Макарій: онъ пишетъ Дѣянія св. Апостолъ. Ужасъ объялъ Макарія. Вѣроятно, первая мысль, какая ему пришла, была та, что ужъ не пришлецъ ли это съ того свѣта. Макарій воротился въ церковь и сказалъ игумену. Заутреню кончили. Игуменъ также въ недоумѣніи, беретъ крестъ и кадило; вся братія съ трепетомъ и надеждою увидѣть какое-нибудь знаменіе, идетъ за нимъ; вышли изъ церкви. Келья теперь была затворена, когда на этотъ разъ хозяинъ оставилъ ее отворенною. Попробовали отворить: оказалось, что она заперта изнутри. Стали стучаться: не отворяютъ и отвѣта не даютъ. Игуменъ приказалъ разо-

Digitized by Google

брать пристроенный предсѣнокъ; но оказалось, что и двери въ келію также заперты. Стучатся; но двери не отворяются, нѣтъ отвѣта. Игуменъ приказалъ выломать дверь. Незнакомецъ сидѣлъ, писалъ, и не обращалъ ровно никакого вниманія на то, что̀ около него происходило. Игуменъ въ ужасѣ вскрикнулъ: «Говори, кто ты: человѣкъ или духъ?»—Незнакомецъ точно такимъ же голосомъ, какимъ спрашивалъ игуменъ, вскрикнулъ: «говори, кто ты,—человѣкъ или духъ!»—Игуменъ началъ творить молитву, думая, вѣроятно, что видѣніе исчезнетъ, если это быть можетъ недоброе навожденіе; незнакомецъ началъ читать ту же самую молитву, тѣмъ же тономъ. Игуменъ началъ его знаменовать крестомъ и махать передъ нимъ кадиломъ; незнакомецъ также сталъ знаменовать крестомъ, а отъ кадила уклонялся. Тогда игуменъ и вся братія оставили его, увѣрившись, что кто бы это ни былъ, но во всякомъ случаѣ не бѣсъ, когда самъ молитвы читаетъ и крестное знаменіе творитъ. Началась обѣдня. Когда клиръ готовился пѣть «Единородный Сыне» незнакомецъ взошелъ на клиросъ и вмѣстѣ съ прочими сталъ пѣть; потомъ, когда пришла пора читать Апостолъ, онъ взялъ книгу и исполнилъ чтеніе такъ хорошо, что игуменъ сказалъ, что изъ устъ его исходятъ рѣки воды живой. Ужасъ премѣнился въ радость. Всѣ были увѣрены, что къ нимъ пришелъ святой мужъ. Послѣ обѣдни, по обычаю, братія отправилась въ трапезу, — и незнакомецъ за ними. Игуменъ велѣлъ ему читать, какъ слѣдовало, во время трапезы, житіе того святаго, котораго память праздновалась въ тотъ день. Незнакомецъ съ такимъ выраженіемъ читалъ, что вся братія заслушалась и ѣсть не захотѣла; и всѣ говорили: «Какая благостыня исходитъ изъ устъ его!» По окончаніи трапезы игуменъ взялъ его за руку, ввелъ въ келью и тамъ назначилъ пребываніе новому товарищу. И сталъ онъ жить въ монастырѣ. Онъ ѣлъ только

Digitized by Google

однажды въ недѣлю, и то одинъ хлѣбъ; а запивалъ его водою. Не было у него въ кельѣ постели; спалъ онъ на голой землѣ, а укрывался рогожею, и отъ поста и трудовъ былъ болѣе похожъ на тѣнь, чѣмъ на живаго человѣка. Напрасно хотѣли узнать, кто онъ: онъ молчалъ или дурачился [1]).

Поссорившись съ своимъ братомъ, вел. кн. Василіемъ Димитр., князь Константинъ Димитріевичъ искалъ убѣжища въ гостепріимномъ для изгнанниковъ Новгородѣ. Въ храмовой праздникъ Троицы, этотъ князь пріѣхалъ въ Клопскій монастырь; это было сдѣлано отъ того, что игуменъ Ѳеодосій, родомъ не новгородецъ, былъ нѣкогда духовнымъ отцомъ этого князя. Князь съ своею женою выслушалъ литургію, причастился св. Таинъ; а между тѣмъ его люди устраивали въ трапезѣ обѣдъ для братіи. Обѣдня кончилась. Всѣ пошли въ трапезу. Игуменъ велѣлъ неизвѣстному пришельцу читать книгу многострадальнаго Іова. Но только что неизвѣстный произнесъ нѣсколько словъ, какъ князь смотритъ на него во всѣ глаза съ изумленіемъ, подходитъ къ нему и говоритъ: «Это Михаилъ, сынъ Максимовъ!» — «Одинъ создавшій меня,—отвѣчалъ тотъ,—знаетъ, кто я!» Игуменъ, обратясь къ нему, сказалъ: «Зачѣмъ, чадо, не повѣдалъ намъ своего имени?»—«Теперь знайте—отвѣчалъ Михаилъ,—что я точно Михаиломъ зовусь!» -«Знайте же и то,—сказалъ князь, — что этотъ старецъ въ союзѣ родства съ нами!» Всѣ изумились. Открылось, что юродивый былъ княжескаго рода. И всѣ братія стали съ тѣхъ поръ пуще уважать его; а онъ не принималъ никакой чести, и еще болѣе сталъ прикидываться дуракомъ.

Прибытіе князя Константина Михаилъ обратилъ на пользу обители, гдѣ тотъ нашелъ пріютъ. Изгнаніе и ли-

---

[1]) Яко похабъ творяшеся.

Digitized by Google

шеніе волости тяготило Константина. Михаилъ увѣрилъ его, что Богъ возвратитъ ему все утраченное, если онъ построитъ каменную церковь въ монастырѣ. Въ Клопскомъ монастырѣ, по его бѣдности и незначительности, не было еще и каменной церкви. «Не скорби,—говорилъ изгнаннику юродивый его родственникъ: — вѣруй во св. Троицу, воздвигни каменный храмъ Живоначальной Троицѣ,—и не токмо на своемъ отечествѣ будешь, но и небесные кровы наслѣдиши!» Князь, какъ видно, успѣлъ захватить денегъ съ собою. Онъ увѣровалъ обѣщанію человѣка, котораго считалъ угодникомъ, и поручилъ ему призвать мастеровъ. Ихъ было много въ Новгородѣ, гдѣ безпрестанно строились каменныя церкви. Разомъ договорили мастеровъ [1]), и начали возить камень изъ-за озера на судахъ и стѣны возводить. Тутъ лукавый бѣсъ, которому, какъ извѣстно, бываетъ не по вкусу, когда строятся церкви, поднялъ такую бурю на озерѣ (вопреки ученію нѣкоторыхъ мудрецовъ, что бѣсъ не можетъ ничего творить, а только мечтами искушаетъ и прельщаетъ людей), что не только лодки съ каменьемъ не могли поспѣвать, но и рабочіе не въ силахъ были держаться на стѣнахъ, уже начатыхъ. «Дѣло наше станетъ», — сказали мастера юродивому.—«Не скорбите, братія,—отвѣчалъ Михаилъ:— Богъ невидимо споспѣшествовать можетъ совершенію дѣла». Помолился блаженный; козни діавольскія стали безсильны: воздухъ повиновался благодатной силѣ Михаиловой молитвы. Съ тѣхъ поръ — поплывутъ лодки за каменемъ, дуетъ имъ попутный, тихій вѣтеръ; а ворочаются съ тяжелымъ грузомъ, — и вѣтеръ перемѣнится и дуетъ сильно съ другой стороны, помогая скорому плаванію. Итакъ, при содѣйствіи молитвы святаго мужа, дѣло постройки скоро подвигалось, и въ 6927-е лѣто 24-го сен-

[1]) Призваны были три, по имени Иванъ, Климентъ и Алексѣй.

Digitized by Google

тября, князь-строитель прибылъ въ монастырь на освященіе оконченнаго храма. И первая рѣчь его къ игумену и Михаилу была такая: — «Вашими молитвами, братья прислали ко мнѣ:—зовутъ меня на свою отчину».—«Иди, княже, съ миромъ»,—сказалъ ему святый;—«но не забывай домъ святой Троицы!»

Уже при жизни Михаилъ творилъ чудеса. Въ Новгородской Землѣ сдѣлалась страшная засуха — такая, что даже рѣки и источники высыхали. Рѣка Веряжка, протекавшая близъ монастыря, почти высохла; голый песокъ покрывалъ ея русло. Пошелъ пономарь собирать капли оставшейся воды; и видитъ пономарь: Михаилъ сидитъ и пишетъ перстомъ на пескѣ. По окончаніи литургіи, самъ игуменъ пошелъ посмотрѣть туда же, и читаетъ слова, написанныя на пескѣ: «Чашу спасенія пріиму и имя Господне призову». Игуменъ Ѳеодосій призвалъ блаженнаго и, указывая на письмена, спрашиваетъ его: «Что значатъ, чадо, словеса, которыя ты написалъ? Какую силу имѣютъ онѣ?»—На семъ мѣстѣ,—отвѣчалъ блаженный,—изыдетъ источникъ непресыхающей воды». — «Помолись, блаженный, — сказалъ игуменъ: — да будетъ по молитвѣ твоей!» Михаилъ сталъ на колѣни; игуменъ вмѣстѣ съ нимъ молился; и вдругъ содрогнулось мѣсто, гдѣ были письмена, и вода трубою вырвалась изъ-подъ земли.

Вслѣдъ затѣмъ другое чудо ознаменовало благоволеніе Божіе къ угоднику. Если богатые люди, ради спасенія душъ своихъ, надѣляли монастыри сокровищами и имѣніями,- зато, во времена народныхъ бѣдствій, страдальцы толпами искали въ нихъ помощи и облегченія. Такъ, когда послѣ бездождія и засухи народную массу постигъ голодъ, толпы бѣдняковъ приходили въ монастыри просить хлѣба. Но въ Клопскомъ было такъ мало запасовъ, что самой братіи едва доставало. Михаилъ припомнилъ игумену о чудѣ Христа-Спасителя съ пятью хлѣбами. «Велите не-

Digitized by Google

возбранно, — говорилъ онъ, — давать всѣмъ приходящимъ вареное жито». Игуменъ, по опыту уже вѣровавшій въ силу святого, исполнялъ его приказаніе, и вскорѣ запасъ истощился. Братія роптала и на игумена и на Михаила. Блаженный мужъ зоветъ игумена и братію съ собой въ житницу. Пришли, — и увидали, что жита такое количество, какое было прежде до раздачи бѣднымъ: какъ будто бы ни одно зерно не было взято оттуда!

Хранитель монастыря отъ естественныхъ невзгодъ, Михаилъ охранялъ его и отъ людской злобы. Сосѣдній боляринъ не давалъ монастырскимъ рыбакамъ ловить рыбу въ водахъ, которыя считалъ своими; и пастухамъ не дозволялъ пасти стадъ на своихъ поляхъ. Святой мужъ предрекъ ему, что если онъ будетъ творить пакости честной обители, то за это пострадаетъ: ни руками, ни ногами не двинется, и въ рѣкѣ чуть-чуть не утонетъ. Послѣ того Михаилъ самъ послалъ ловить рыбу туда, гдѣ не велѣлъ боляринъ. Боляринъ разсердился, что монастырь ставитъ ни во что его приказаніе, наскочилъ на монастырскихъ рыболововъ, и одного изъ нихъ началъ бить, — но въ то же время упалъ въ воду и съ тѣхъ поръ не могъ пошевелить ни однимъ составомъ тѣла. По силѣ раскаянія виновнаго, блаженный упросилъ Бога снова возвратить ему здравіе. Но когда боляринъ, въ благодарность, учредилъ трапезу всей братіи Клопской обители, то Михаилъ отказался вкусить его хлѣба-соли и сказалъ ему: «Лучше ѣсть нетлѣнную пищу, уготованную Богомъ любящимъ его».

Одаренный заживо даромъ чудотвореній, Михаилъ сподобился и духа пророчества: онъ предрекъ своему игумену Ѳеодосію, что его изберутъ владыкою, но онъ посвященъ не будетъ, и когда такъ случилось, утѣшалъ благочестиваго своего начальника. Многознаменательнѣе было приписываемое ему пророчество о паденіи Новгорода.

Біографъ показываетъ, будто при своемъ характерѣ

Digitized by Google

аскета, чуждаго міру, и подъ рубищами юродиваго, у Михаила остались княжескія понятія; долгое пребываніе въ Новгородской Землѣ не сдѣлало Новгорода его отечествомъ и не изгладило въ немъ понятій москвича. Михаилъ, какъ юродивый, не сидѣлъ постоянно въ обители, а ходилъ по городу и по монастырямъ. Однажды пришелъ онъ въ Вяжищенскій монастырь; на ту пору случился архіепископъ Евфимій въ своей любимой обители. Михаилъ встрѣтилъ идущаго владыку. «Нынѣ въ городѣ Москвѣ радость!» — закричалъ онъ.—«Какая?» спросилъ владыка.— «Родился у великаго князя Василія сынъ, и дано ему имя Тимоѳей; и назовется онъ Иванъ: страшенъ будетъ всѣмъ странамъ, и Великій Новгородъ возьметъ, и всѣ ваши обычаи измѣнитъ, и злато, и сребро отъ васъ отыметъ и васъ въ свои земли *загонитъ*!» Много лѣтъ протекло послѣ того; Иванъ уже страшнымъ пугаломъ сталъ для Новгорода; патріоты собирались отдаться королю Казимиру, и ждали къ себѣ Михаила Олельковича. Тогда блаженный встрѣтилъ одного изъ патріотовъ — боярина Григорія Немиру. «Благослови,—сказалъ Немира,—и помолись о насъ. Князь великій хочетъ идти войною на Великій Новгородъ, а у насъ теперь есть князь Михайло Александровичъ.»— «Вы, безумные, какъ пьяные, мятетесь,—отвѣчалъ юродивый: — если не утолите гнѣва доброчестиваго царя великаго князя Ивана Васильевича, то многія бѣды примете; придетъ онъ на васъ за неисправленіе ваше, станетъ на берегахъ вашихъ и покажетъ великую побѣду надъ вами; плѣнитъ страну вашу; многихъ боляръ предастъ посѣченію, а другихъ въ плѣнъ отведетъ, и много злата у плѣнныхъ отниметъ. Князь, на котораго вы надѣетесь, не только вамъ—и самъ себѣ не поможетъ, и убѣжитъ отъ васъ; а Иванъ Васильевичъ въ другой разъ придетъ, и тогда всю волю свою сотворитъ надъ вами. Какъ можете

Digitized by Google

противиться безумцы, когда еще прежде рожденія сказано о немъ: перемѣнитъ онъ обычаи ваши!»

Юродивый прожилъ въ обители, куда такъ странно вошелъ, сорокъ-четыре года, и преставился, самъ себѣ указавши могилу тѣмъ, что незадолго до смерти не входилъ въ церковь, а стоялъ подлѣ ея стѣны: когда онъ умеръ, тогда была зима и морозъ; стали копать могилу — вездѣ земля была тверда, а на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ стаивалъ,—земля оказалась рыхла, какъ середи лѣта. По смерти онъ облекся святостію; разсказывали о многихъ чудесахъ, совершавшихся надъ тѣми, кто съ вѣрою призывалъ въ помощь почившаго святаго.

Другой подвигоположникъ, прославившійся въ XV-мъ вѣкѣ, основатель Вишерскаго монастыря, былъ тверитянинъ боярскаго званія, по фамиліи Бородa. Настроенный съ дѣтства къ набожности, онъ началъ молиться и—что называется — монашить. Родственники не благоволили къ нему; знакомые смѣялись надъ нимъ. Вѣроятно, въ его благочестіи было что-то такое, что возбуждало насмѣшки. Онъ ушелъ въ чужую землю, въ видѣ нищаго пришелъ въ Новгородъ и, скитаясь по окрестностямъ, выбралъ себѣ мѣсто для отшельническаго поселенія, и построилъ хижину на берегу рѣки Вишеры. Но какъ только гдѣ проявится пустынникъ, народъ сейчасъ начинаетъ ходить къ нему, — кто изъ любопытства, а кто изъ набожности. То же случилось съ Саввою—такъ звали его. Онъ ушелъ на рѣку Сосницу, и тамъ поселился; но и тамъ его узнали и донесли владыкѣ. Владыка считалъ себя блюстителемъ нетолько монаховъ, но и всякаго проявленія благочестія, и послалъ къ нему сказать: какъ онъ смѣлъ поселиться безъ благословенія владыки. Вѣроятно, тогда были пустынники, которые подъ видомъ благочестія скрывали дурныя намѣренія, и вообще обманывали народъ своимъ пустосвятствомъ. Пустынникъ въ отвѣтъ велѣлъ сказать владыкѣ

Digitized by Google

притчу о двухъ дѣвицахъ: одна изъ нихъ сидѣла у окна и смотрѣла на позорище, а другая берегла съ благоговѣніемъ и въ тишинѣ свое дѣвство и чистоту, и заключилъ, что первая не сохранитъ, а другая сохранитъ свою чистоту. «Подобно послѣдней дѣвицѣ, и я удаляюсь отъ міра», прибавилъ онъ. Разсказъ о пустынникѣ и его отвѣтъ возбудили во владыкѣ любопытство; онъ самъ поѣхалъ къ нему; Савва, услышавъ, что къ нему ѣдетъ такой сановникъ, предупредилъ его, — пошелъ къ нему на встрѣчу и кланялся ему до земли. Владыка благословилъ его, поговорилъ съ нимъ и, увѣрившись въ его непорочности, позволилъ ему принимать къ себѣ товарищей и заводить монастырь. Какъ только услыхали, что будетъ основана новая пустынь, сейчасъ нашлись благочестивые, пожелавшіе спасать свои души вмѣстѣ съ новоявленнымъ отшельникомъ; но земля, на которой они поселились, принадлежала монастырю на Лисьей-Горкѣ. Монастырь сталъ сгонять его, монахи предвидѣли, что если Савва утвердится и заведетъ новый монастырь, то можетъ этимъ присвоить себѣ землю, которою пользовался Лисьегорскій монастырь. Савва отправилъ ученика своего и сподвижника Ефрема въ Новгородъ и выпросилъ отъ вѣча грамоту на мѣсто надъ Вишерою. Тамъ труженики построили церковь Вознесенія и кельи. Самъ Савва соорудилъ себѣ столпъ, и сидѣлъ на немъ съ понедѣльника до субботняго вечера, каждую недѣлю: въ воскресенье сходилъ оттуда, обѣдалъ съ братіею, поучалъ ее всему полезному, а потомъ опять отправлялся на столпъ. Земныя плотскія связи для него уже не существовали. Его родной братъ, услышавъ о его судьбѣ, пришелъ нарочно изъ Твери повидаться и побесѣдовать съ нимъ. Савва ни за что не хотѣлъ ни видѣть его, ни говорить съ нимъ, и только послѣ усильныхъ просьбъ, сошелъ со столпа, благословилъ его не какъ роднаго брата, а какъ пришельца, какихъ много къ нему при-

Digitized by Google

ходило, и возвратился на свой столпъ, не сказавши ему ни слова. Уже при жизни онъ творилъ чудеса. Разбойники боялись его. Однажды, когда онъ строилъ церковь, явились къ нему удалые: не по своему побужденію пришли они, а бѣсъ привелъ ихъ, чтобъ святому сочинить пакость. «Дѣтки, — сказалъ Савва: — помогите мнѣ поднять дерево на стѣну. Возьмите бревно за тонкій конецъ». Разбойники, пораженные такимъ безстрашнымъ обращеніемъ, всѣ схватились за дерево и не могли поднять его; а Савва, при Божіей помощи, ощутилъ въ себѣ такую силу, что самъ одинъ поднялъ дерево и положилъ его на стѣну. Какъ увидали это разбойники, то переглянулись между собою, убѣжали, разсудивъ, что съ такимъ силачомъ плохія шутки. Другой разъ, когда уже монастырь имѣлъ достояніе, принесенное разными христолюбцами, удалые собрались его ограбить, но только что подошли къ монастырю, какъ Савва, сидя на своемъ столпѣ, ударилъ жезломъ: разбойникамъ почудился громовой ударъ и они побѣжали назадъ безъ оглядки. Ему повиновались дикія животныя. Однажды выпустилъ онъ лошадь свою за монастырскую ограду: медвѣдь съѣлъ ее. Савва пріобрѣлъ другую лошадь. Но медвѣдь и ту съѣлъ. Тогда Савва связалъ молитвою звѣря, то есть заставилъ себѣ повиноваться и повелъ его за собою въ Новгородъ къ судьямъ. «Вотъ,—говорилъ онъ,—этотъ медвѣдь два раза меня обидѣлъ; первый разъ я ему простилъ; а онъ не чувствуетъ этого, да и другую лошадь мою съѣлъ. Я пришелъ требовать съ нимъ суда». Судьи отвѣчали: «Отче, поступай съ нимъ какъ знаешь!» «Пусть же,—сказалъ Савва,—онъ поработаетъ на монастырь за ту лошадь, что съѣлъ». И нѣсколько времени, медвѣдь, запряженный Саввою вмѣсто лошади, возилъ деревья, работалъ на монастырь, отбывая достойное наказаніе за свое преступленіе. Огонь не трогалъ отшельника: сдѣлался въ обители пожаръ, кельи сго-

Digitized by Google

рѣли, а церковь и столпъ, гдѣ святой спасался, остались цѣлы. При жизни онъ имѣлъ даръ исцѣленій: у одного купца сынъ упалъ съ высоты и не убился по молитвамъ Саввы. Послѣ блаженной его кончины къ его гробу приходили страждущіе лихорадкою и по вѣрѣ избавлялись отъ болѣзни.

Обитель Саввы Вишерскаго дала начало другой обители—Перетомской, или Перекомской. Ученикъ Саввы, Ефремъ, подобно Саввѣ, былъ чужеземецъ, родомъ изъ Капина, родителей торговаго званія; сначала постригся въ Калязинѣ; потомъ, внимая голосу свыше, отправился къ Новугороду и спасался въ Вишерскомъ монастырѣ Саввы. Но желая предать себя безмолвію и большему истязанію, Ефремъ удалился въ пустыню на берегъ Веренды, и тамъ нѣсколько лѣтъ питался, какъ звѣрь, быліемъ. Какъ онъ послѣ сознавался, ужасный гладъ мучилъ его, и онъ отъ мученія метался по землѣ. Но какой то свѣтлый мужъ, явившись предъ нимъ, избавилъ его отъ этого страданія своимъ прикосновеніемъ. Скоро разнеслась вѣсть о новомъ отшельникѣ и къ нему стали собираться сподвижники. Явился какой-то Ѳома, обложенный веригами; явилось много другихъ. Составилась благочестивая община. Ефремъ былъ посвященъ во іереи. Ефремъ съ братіею прокопалъ каналъ мимо обители своей изъ Веренды въ Ильмень; и оттого обитель названа Перекомскою, или Перекопомъ. Ефремъ пережилъ паденіе Великаго Новгорода и умеръ въ 1487 г.

Во всей Новгородской Землѣ разсѣяно было множество монастырей; изъ нихъ многіе пріобрѣли значеніе и вліяніе на религіозное чувство, и потому имѣютъ историческій смыслъ въ народной жизни. На Ладожскомъ озерѣ, на пустынной скалѣ, стоялъ Валаамскій монастырь. Основаніе его кроется въ неизвѣстности. Преданіе приписываетъ ему сѣдую древность. Въ житіи Авраамія Ростовскаго,

Digitized by Google

существованіе его отнесено еще къ эпохѣ св. Владимира. Но это извѣстіе не выдерживаетъ критики уже и потому, что Аврааміево житіе носитъ несомнѣнные признаки поздняго составленія. Въ одномъ изъ позднихъ списковъ Софійскаго Временника указывается на 1163-й г., какъ на время обрѣтенія мощей Сергія и Германа и перенесенія ихъ въ Новгородъ. Существуетъ рукописное сказаніе о перенесеніи ихъ обратно изъ Новгорода на Валаамъ [1]). Всему этому противорѣчитъ извѣстіе, записанное въ древней новгородской Кормчей, гдѣ сказано, что въ 1329 г. «нача жити на Валаамскомъ озерѣ Ладожскомъ старецъ Сергій»; слѣдовательно начало этой обители, которая—по всеобщему признанію—создана была Сергіемъ и Германомъ, относится къ XIV-му вѣку.

Съ Валаамскимъ монастыремъ тѣсно соединена легенда о Магнусѣ, королѣ шведскомъ. Она не имѣетъ никакого фактическаго основанія, кромѣ того, что Магнусъ, когда воевалъ противъ новгородцевъ, былъ разбитъ. Легенда эта говоритъ, будто шведскій король Магнусъ, преслѣдуемый Богомъ за свою гордыню, навлекъ небесный гнѣвъ на свое государство, и подданные засадили его въ тюрьму. Тутъ, дѣйствительно, есть историческое основаніе; потому что Магнусъ точно былъ лишенъ престола, и дѣло новгородской войны было, между прочимъ, поводомъ къ неудовольствію противъ него. Магнусъ,—говоритъ легенда,—былъ освобожденъ изъ темницы своимъ сыномъ, прибывшимъ изъ Мурманской Земли. Сынъ хотѣлъ его перевезти изъ Швеціи въ Мурманскую Землю на кораблѣ; на морѣ постигла ихъ буря; три дня качались они по волнамъ. Наконецъ, буря занесла ихъ въ Полную рѣку—къ монастырю св. Спаса, и Магнусъ далъ рукописаніе, въ которомъ изложилъ свою печальную судьбу, признавалъ свои бѣд-

[1]) Ист. Р. Ц. I, 154.

Digitized by Google

ствія Божьимъ наказаніемъ за то, что покушался на Новгородъ, и завѣщалъ своимъ потомкамъ и преемникамъ никогда не трогать войною русскихъ. Легенда эта есть плодъ національнаго чувства новгородцевъ, одержавшихъ побѣду надъ шведами. Понятно, какъ она составилась. Магнусъ, въ порывѣ своего рыцарскаго благочестія, вызвалъ новгородцевъ на войну за вѣру: чья вѣра одержитъ побѣду, на сторонѣ того и справедливость. Очень логически было заставить Магнуса исполнить договоръ, принять православіе и осудить себя на монашеское покаяніе за прежнюю дерзость. Въ концѣ XIV-го вѣка, Сергіева Валаамская обитель дала происхожденіе другимъ тремъ монастырямъ, имѣвшимъ важное значеніе: — Коневскому, Свирскому и Соловецкому.

Арсеній, родомъ новгородецъ, ремесломъ мѣдникъ, сначала поселился на Лисьей-Горкѣ; потомъ сдѣлался паломникомъ и прожилъ три года на Аѳонской горѣ. Захотѣлось ему снова на родину. На Аѳонѣ, прозорливый мужъ игуменъ—провидѣлъ, что русскій пришелецъ будетъ основателемъ иноческой обители въ своемъ отечествѣ, и благословилъ его иконою Владычицы на одной, а Нерукотвореннаго Образа—на другой сторонѣ, и отпустилъ его во-свояси. Прибывши въ Новгородъ, странникъ получилъ отъ архіепископа Іоанна благословеніе на заведеніе обители. Арсеній поселился сначала на Валаамѣ, потомъ сталъ искать уединенія и безмолвія и поселился на островѣ Коневскомъ, гдѣ сосѣдніе язычники имѣли свою святыню. Это былъ огромный камень, называемый Конемъ; на этомъ камнѣ приносили въ жертву лошадей невидимому духу, который за то охранялъ скотъ. Жертвоприношенія эти совершались такъ, что приводившіе коня оставляли его на пустой скалѣ. Конь исчезалъ, и всѣ были увѣрены, что божество его принимало и пожирало. Арсеній покропилъ камень св. водою, и духи, въ видѣ вороновъ, разлетѣлись на рыбарскій

Digitized by Google

берегъ и поселились въ заливѣ, который потомъ сталъ называться Чортова-Лахта. Освященное мѣсто дѣлалось предметомъ христіанскаго религіознаго уваженія.

Уже при жизни самого основателя, обитель Конева острова сдѣлалась общеизвѣстною и пользовалась уваженіемъ. Благочестивые новгородцы стали посѣщать ее и прилагать свои пособія. Какой-то бояринъ новгородецъ Михей Кобылка одарилъ братію богатою милостынею. А лѣтописи замѣчаютъ, что Арсеній исполнялъ законъ странноприимства, угощалъ съ радушіемъ въ своей келіи приходившихъ на богомолье новгородцевъ. Но какой-то суровый и прозорливый Симонъ, изъ товарищей Арсенія, объявилъ ему: бѣсы радуются, когда игуменъ угощаетъ у себя мірянъ; и преподобный мужъ не велѣлъ дѣлать особыхъ трапезъ, а угощалъ приходящихъ скудною трапезною пищею вмѣстѣ съ братіею. Въ числѣ посѣщавшихъ его обитель былъ и владыка Евфимій, который зналъ Арсенія во времена юности, когда они были вмѣстѣ на Лисьей-Горкѣ. Евфимій даровалъ обители имѣнія и оставилъ въ знакъ духовной дружбы монастырю свой ветхій клобукъ. Любовь къ странствованіямъ, столь привлекательная, пробудила силы въ Арсеніѣ и еще разъ онъ ходилъ на святую Гору и благополучно воротился назадъ. Онъ умеръ въ глубокой старости.

Александръ Свирскій, родомъ изъ Ояти, получилъ настроеніе къ иноческимъ подвигамъ отъ странствующихъ старцевъ; на Валаамѣ настроили его мысль о блаженствѣ и превосходствѣ отшельнической жизни. Возвратившись къ отцу своему, онъ увидѣлъ, что родители его не внимаютъ ни увѣщаніямъ старца, ни его собственымъ моленіямъ. И такъ ушелъ онъ изъ родительскаго дома и проходилъ свое первое поприще въ Валаамѣ. Тамъ убѣдилъ пришедшаго къ нему отца вступить въ монастырь, а потомъ, по примѣру отшельниковъ, рѣшился основать новый монастырь. Онъ основалъ

Digitized by Google

его въ половинѣ XV вѣка на истокѣ рѣки Свири, на озерѣ Рощинскомъ.

Другой послушникъ Валаамской обители, пришедшій туда изъ Бѣлозерскаго монастыря, Савватій, ушелъ для основанія новой монастырской жизни и сначала поселился на Вагѣ, гдѣ нашелъ себѣ товарища, старца Германа, потомъ съ нимъ вмѣстѣ ушелъ на Бѣлое море, на островъ Соловки, и положилъ основаніе Соловецкому монастырю (1429 г.). Савватій скончался на Вагѣ, куда приходилъ ради причащенія святыхъ Таинъ. Германъ остался одинъ на пустынномъ островѣ Соловкахъ; тогда пришелъ къ нему въ товарищи Зосима, поселянинъ изъ села Толвуева на побережьѣ Онежскаго озера, и оба рѣшились жить въ Соловкахъ. Это было уже въ 1430 году. Мало-по-малу, стали приходить къ нимъ отшельники и такъ составили монастырь, и воздвигнутъ былъ храмъ во имя Преображенія Господня. Когда Зосима отправилъ къ архіепископу Іонѣ одного изъ своихъ братій просить антиминса, Іона удивился, какъ люди могли поселиться въ такой суровой и отдаленной странѣ; онъ послалъ имъ игумена Павла. Впослѣдствіи, самъ Зосима, послѣ того, какъ и Павелъ, и другой присланный изъ Новгорода игуменъ Ѳеодосій, не могли вынести тягостной жизни въ такой суровой и холодной пустыни, былъ посвященъ во игумена. Пустынный островъ получилъ съ тѣхъ поръ болѣе жизни. Уже и прежде новгородскіе промышленники посѣщали его для промышленныхъ цѣлей. Монастырь былъ истиннымъ благодѣяніемъ для такихъ гостей, потому что доставлялъ имъ пріютъ. Бояре новгородскіе, поражаемые трудностью подвига, начали юный монастырь надѣлять селами и богатствами. Уваженіе къ нему еще болѣе возвысилось, когда Зосима и Германъ съ братіею перенесли туда съ Ваги мощи св. Савватія; тогда толпы благочестивыхъ стали ходить въ Соловки для богомолья. Слава, распространившаяся о немъ въ Новгородѣ, обогащала его бо-

Digitized by Google

лѣе и болѣе. Это возбудило зависть и неудовольствія: промышленники жаловались, что новый монастырь захватилъ себѣ всю рыбную ловлю. Зосима долженъ былъ сходить еще разъ въ Новгородъ и выпросить себѣ отъ вѣча грамоту на полное владѣніе всѣмъ Соловецкимъ островомъ. Тогда-то предсказалъ святой прозорливый отшельникъ паденіе великаго Новгорода. Онъ дожилъ до него, но былъ чуждъ земныхъ волненій, и скончался въ 1478 году, когда сбылись его зловѣщія предсказанія. Скоро пріобрѣлъ онъ славу чудотворца; обитель возрастала, обогащалась и впослѣдствіи сдѣлалась одною изъ важнѣйшихъ святынь всей Земли Русской.

Около Каргополя возникали одинъ за другимъ монастыри. Древнѣйшій изъ нихъ, и теперь еще существующій, Челмогорская пустыня, основанъ, по преданію, еще въ XI вѣкѣ, какимъ-то преподобнымъ Кирилломъ. Въ XIV-мъ вѣкѣ, близъ самаго города, поселился отшельникъ Іоаннъ, прозванный Волосатый, и на мѣстѣ его подвиговъ былъ потомъ основанъ Успенскій монастырь. Ручей, близъ котораго жилъ пустынникъ, получилъ въ народномъ вѣрованіи чудодѣйственную силу исцѣленія отъ болѣзней. Въ концѣ XIV-го вѣка, отшельникъ, по имени Куріакъ, основалъ Успенскій Сыльвинскій или Сыренскій монастырь, теперь уже не существующій. Около того же времени возникъ монастырь Преображенскій. Въ 1465 г. отшельникъ Александръ основалъ въ 44-хъ верстахъ отъ Каргополя, на берегу рѣки Чурьяги, Успенскій монастырь, называемый Ошевенскимъ, по имени основателя, который по отцу носилъ прозвище Ошевень и былъ родомъ изъ Бѣлозерской Земли. На островахъ, разсѣянныхъ по Онежскому озеру, было нѣсколько монастырей. Въ XIV вѣкѣ, на островѣ, называемомъ Мурманскій, — въ разстояніи 50 верстъ отъ Пудожа и 70 отъ Вытегры, — былъ нѣкогда монастырь Успенскій-Мурманскій, основанный преподобнымъ Лаза-

Digitized by Google

ремъ; давно уже этого монастыря нѣтъ; осталась отъ него приходская церковь и въ этой церкви есть списокъ съ завѣщанія основателя; въ завѣщаніи описана любопытная его біографія. Родомъ онъ былъ съ православнаго Востока, носилъ уже тамъ монашеское званіе и посланъ былъ къ новгородскому владыкѣ, Василію, отъ неокесарійскаго епископа, также Василія. Въ то время, какъ посолъ былъ въ Новгородѣ, Василій новгородскій скончался. И неокесарійскій Василій также скончался. Лазарю является ночью Василій новгородскій и велитъ идти на Онежское озеро и тамъ построить обитель на Мурманскомъ островѣ. Потомъ является ему другой умершій Василій, неокесарійскій епископъ, и повелѣваетъ то же самое, что и новгородскій. Послѣ такихъ видѣній, Лазарь обратился къ посаднику Ивану Захарьевичу, которому принадлежалъ островъ, и просилъ отдать его подъ монастырь, который основать повелѣваютъ ему пришельцы изъ загробнаго міра. Посадникъ не отвѣчалъ ему ни да, ни нѣтъ. Повторилось нѣсколько такихъ просьбъ и неудовлетворительныхъ отвѣтовъ. Наконецъ, самому посаднику является усопшій новгородскій владыка и объявляетъ, что Богу угодно, чтобъ на островѣ, принадлежащемъ посаднику, была обитель для прославленія имени Божіей Матери. При этомъ владыка и пригрозилъ посаднику чѣмъ-то, если онъ не исполнитъ высшей воли. Тогда посадникъ самъ призвалъ Лазаря и подарилъ ему островъ. Съ величайшими затрудненіями добрался Лазарь до острова и построилъ тамъ часовню и хижину. Жившіе около озера язычники, Чудь, стали заводить на островѣ поселенія и хотѣли прогнать отшельника, такъ что онъ, наконецъ, потерпѣвъ отъ нихъ побои, ушелъ въ глубину лѣсовъ. Здѣсь явилось ему видѣніе. Онъ узрѣлъ Пресвятую Дѣву, которой поклонялись какіе-то святые; на мѣстѣ видѣнія онъ основался, построилъ себѣ тутъ хижину, выкопалъ пещеру и на деревѣ поста-

Digitized by Google

вилъ образъ. Немного времени спустя, пришелъ къ нему старшина лопарей и просилъ исцѣлить слѣпорожденнаго сына. Лазарь помолился передъ своимъ образомъ, покропилъ слѣпого св. водою, поднесъ его къ образу и слѣпой прозрѣлъ. Это событіе распространилось между лопарями и они стали приносить ему одежды и пищу. Черезъ нѣсколько времени, старшина крестился съ своею семьею. Какъ всегда бывало, къ отшельнику стали сходиться желающіе уединенія и такимъ образомъ основали обитель. Лазарь отправился въ Новгородъ и получилъ отъ владыки Моисея антиминсъ, сосуды и благословенную грамоту, а отъ сына посадника Ивана Захарьевича уже тогда умершаго, Ѳедора, отцовское завѣщаніе, въ которомъ умиравшій отдалъ Лазарю и его чернецамъ весь островъ, называемый Мучь, на вѣчныя времена. Такъ какъ Лазарь отправился на Онежское озеро первый разъ послѣ смерти Василія, а въ другой разъ посѣтилъ Новгородъ еще при Моисеѣ, то значитъ это событіе произошло между 1351—1359 годами. Съ тѣхъ поръ умножилось число чернецовъ въ обители. Замѣчательно, что туда приходили издалека: двое старцевъ, Іона и Евфросинъ, пришли изъ Кіева, третій Ѳеодосій, носившій Христа ради тяжелыя вериги, со Святой Горы. Лазарь умеръ въ глубокой старости на 105 году возраста, въ 1391 году. Передъ кончиною снова явился ему владыка Василій и предрекъ ему скорое оставленіе міра. Въ приходской церкви, оставшейся отъ монастыря, почиваютъ подъ спудомъ мощи преподобнаго основателя.

На другомъ островѣ того же озера, Климецкомъ, былъ основанъ, неизвѣстно когда, монастырь Нятинъ, уже въ XV-мъ вѣкѣ несуществовавшій; вмѣсто него, на томъ же островѣ, сынъ новгородскаго посадника основалъ, въ трехъ верстахъ отъ прежняго, монастырь Климецкій. Основатель торговалъ солью, и однажды, плывя по Онежскому озеру

Digitized by Google

въ Повѣнецъ, былъ застигнутъ бурею и началъ усердно молиться; волна прибила его къ острову: на берегу увидѣлъ онъ на деревѣ икону Божіей Матери. Это событіе такъ подѣйствовало на него, что онъ въ ту же минуту далъ обѣтъ оставить міръ и поселиться на этомъ мѣстѣ. Онъ поставилъ своимъ иждивеніемъ двѣ церкви и устроилъ келіи, и къ нему перешли иноки изъ Нятина монастыря [1]).

Святыня Тихвинскаго монастыря уже процвѣтала съ XVI вѣка, но сказаніе объ обрѣтеніи иконы Тихвинской Богоматери относитъ это событіе, послужившее поводомъ къ основанію монастыря, ко второй половинѣ XIV-го вѣка, (1383 г.), именно ко времени, когда новгородскимъ владыкою былъ Алексій. Трудно рѣшить, что въ этомъ сказаніи можетъ считаться творчествомъ древняго народнаго благочестія. Содержаніе этой повѣсти состоитъ въ томъ, что надъ Ладожскимъ озеромъ и его берегами стала носиться по воздуху икона Богоматери, перемѣняя мѣсто.

---

[1]) Трудно рѣшить, существовали ли во времена независимости Великаго Новгорода въ этомъ краю тѣ монастыри, о времени основанія которыхъ нельзя сказать ничего точнаго. Палеостровскій, прославленный впослѣдствіи трагическимъ самосожженіемъ раскольниковъ, основанъ былъ какимъ-то преподобнымъ Корниліемъ, но неизвѣстно когда; также неизвѣстно, когда возникли давно уже несуществующіе монастыри: женскій Крестовоздвиженскій въ Онегѣ, Машезерскій въ 20-ти верстахъ отъ Петрозаводска, Бруссенскій-Николаевскій на Бруссенскомъ островѣ Онежскаго озера, женскій Соминскій, на скалѣ, при соединеніи Логмозера съ Онежскимъ озеромъ, Введенскій на Ояти, Муезерскій, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, Троицкій-Юрьевскій, Вертьевская пустынь и Спасскій Кожеозерскій. На берегу Ладожскаго озера, недалеко отъ Свирскаго монастыря, нѣкто преподобный Кипріанъ, основалъ монастырь Сторожевскій, по имени урочища Сторожка; монастырь давно уже не существуетъ, а въ приходской церкви покоятся подъ спудомъ мощи Кипріана; но когда жилъ Кипріанъ, — никто не скажетъ, какъ равно о многихъ отшельникахъ, нѣкогда подвизавшихся въ этихъ негостепріимныхъ краяхъ.

Digitized by Google

Слухъ объ этомъ переходилъ изъ устъ въ уста; стерегли ее люди, нѣсколько разъ видѣли тамъ и сямъ и не могли взять, пока, наконецъ, она сама не далась въ руки тамъ, гдѣ ей угодно было остановиться. Сначала она показалась рыболовамъ надъ волнами Ладожскаго озера, поплыла по воздуху и исчезла изъ виду; потомъ она остановилась на воздухѣ надъ рѣкою Оятью, на мѣстѣ, называемомъ Смолковъ въ 10-ти верстахъ отъ Тихвина. Народъ видѣлъ ее: въ глазахъ людей постоявъ нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, она удалилась; и на этомъ мѣстѣ поставили часовню. Она явилась и остановилась надъ рѣкою при селѣ Имогенцахъ, удалилась оттуда и парила надъ горою Куковой, за 20 верстъ отъ Тихвина: *и стекошася тамо православніи людіе, зряще чюдная икона владычицы предъстоящу на воздуху и пресвѣтло сіяющу.* Одинъ часъ пребыла она недвижно въ воздушномъ пространствѣ, потомъ двинулась и снова исчезла изъ глазъ, и явилась надъ той же рѣкой; наконецъ, стала на воздухѣ надъ Тихвиномъ и далѣе не шла. Народъ, уже знавшій о путешествіи иконы, сталъ молиться и просить икону Богородицы, чтобы даровала имъ благодать и оставила у нихъ свое изображеніе. Тогда икона спустилась по воздуху на землю. Люди стали къ ней прикасаться и получать исцѣленія. Это было 26 іюня и тогда положено навсегда въ этотъ день праздновать память чуднаго благодатнаго событія, построить церковь на этомъ мѣстѣ и тамъ хранить св. икону. Но когда сдѣлано было основаніе и возведены три вѣнца, ночью, на сторожей, оставшихся при постройкѣ, нашелъ сонъ, и на утро вся постройка очутилась на другой сторонѣ рѣки Тихвинки, надъ болотнымъ мѣстомъ. Люди сошлись, пораженные чудомъ, и стали молиться; тогда все строеніе съ деревомъ, приготовленнымъ для дальнѣйшей постройки, опять перенеслось на прежнее мѣсто. Тихвинцы сообщили объ этихъ чудесахъ владыкѣ Алексію. Онъ послалъ новой

Digitized by Google

церкви антиминсъ, назначилъ туда священника съ діакономъ, прислалъ изъ Новгорода утварь и книги. Но когда церковь была совсѣмъ готова и устраивался праздникъ освященія, одинъ сельнянинъ былъ отправленъ скликать людей на праздникъ; шедши черезъ лѣсъ, онъ увидѣлъ на камнѣ сидящую Богородицу съ краснымъ жезломъ въ рукѣ, и передъ нею Николая чудотворца. Богородица сказала, чтобъ онъ возвѣстилъ всѣмъ людямъ ея волю; чтобъ на ея церкви стоялъ не желѣзный, а деревянный крестъ. Сельнянинъ пересказалъ приказаніе Богородицы во всеуслышаніе всѣмъ; люди не повѣрили ему и велѣли ставить желѣзный крестъ. Вдругъ поднялась буря; мастера снесло, тихо поставило на землю; тогда всѣ увѣрились, что сельнянинъ говорилъ правду и поставили деревянный крестъ. Два раза послѣ того церковь горѣла, но чудотворная икона и крестъ оставались невредимыми отъ огня и были находимы въ можжевельникѣ. Монастырь былъ основанъ уже послѣ паденія Великаго Новгорода при Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1560 году.

Въ каждой изъ новгородскихъ волостей были свои монастыри и свои мѣстныя святыни, съ которыми соединялись благочестивыя и священныя для народа преданія. Патрономъ Торжка и основателемъ иноческаго благочестія въ Новоторжскомъ краѣ былъ Ефремъ. Исторія его очень темна. По преданію, онъ жилъ въ XI вѣкѣ, былъ родомъ угринъ и братъ Георгія, убитаго вмѣстѣ со св. Борисомъ, и Моисея, одного изъ печерскихъ чудотворцевъ. Когда Борисъ съ его братомъ отправился въ Кіевъ и въ дорогѣ былъ убитъ, Ефремъ оставался въ Ростовѣ; услышавъ о смерти брата, отправился искать его тѣло, нашелъ его отрубленную голову, и, взявъ съ собою, удалился на сѣверъ, и на мѣстѣ нынѣшняго Торжка основалъ монастырь во имя Бориса и Глѣба; вмѣстѣ съ тѣмъ, Ефремъ устроилъ странноприимницу или гостинницу. Это преданіе показываетъ, что мо-

Digitized by Google

настырь имѣлъ вмѣстѣ и практическую цѣль. Заложеніе монастыря было началомъ поселенія. Говорятъ, что существовало житіе Ефрема и исторія его обители; но эта рукопись была увезена въ Тверь въ XIV-мъ вѣкѣ, въ ту печальную годину, когда Торжокъ былъ раззоренъ тверичами и обитель Ефремова была вырѣзана и запустѣла. Впослѣдствіи, будто бы тверской князь Михаилъ Александровичъ продавалъ эту рукопись обратно монастырю, но чернецы, вновь населившіе раззоренный монастырь, были безграмотны и бѣдны, не могли ни прочитать рукописи, ни заплатить за нее, и она сгорѣла въ тверской церкви Спаса, когда Тверь испытала пожаръ въ возмедіе за бѣдствіе Торжка. Уже впослѣдствіи сочинили снова, по преданію, житіе Ефрема; но какъ позднѣйшее — оно не можетъ служить образцомъ прежней литературы и прежнихъ преданій; вѣроятно, главныя начала разсказа перешли изъ старины по изустнымъ вѣстямъ, но редакція была новая, съ добавленіями. Память Ефрема хотя издавна и была священна въ Торжкѣ, но мощи его были открыты уже въ XVI-мъ вѣкѣ, а потому и трудно рѣшить степень значенія этого святого и важность обители его для народа. Въ Бѣжицахъ въ XV-мъ вѣкѣ (1461 г.) отшельникъ Антоній основалъ обитель въ 30-ти верстахъ отъ Бѣжецка [1]). Въ Демани на посадѣ въ XV-мъ вѣкѣ существовалъ Успенскій монастырь [2]). Въ Русѣ былъ патрономъ монашества Мартирій, бывшій въ XIII-мъ в. сначала игуменомъ, потомъ новгородскимъ владыкою. Имъ основанъ монастырь Преображенскій, ставшій пріютомъ благочестія для пригорода и его волости. Въ трехъ верстахъ отъ Русы въ XIII-мъ вѣкѣ основана была ученикомъ св. Варлаама Константиномъ и его товарищемъ Космою

[1]) Истор. Свѣд. о монаст. 511.

[2]) Писц. кн. 2 т. Дер. Пят. 499.

Digitized by Google

Николаевская пустынь, названная Косинскою, потому что стоитъ на косѣ между рѣками Полистою и Снѣжною. На устьѣ Волхова находился Медвѣдицкій монасырь; въ Ладогѣ на посадѣ Никольскій монастырь [1]); когда они построены, неизвѣстно [2]). Въ 1446 г. владыка Евфимій устроилъ монастырь около древней патрональной церкви св. Георгія въ срединѣ города. Въ двадцати верстахъ отъ пригорода Луги, неизвѣстно кѣмъ и когда, основанъ Черменецкій монастырь во имя Іоанна Богослова, на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась икона этого апостола. Монастырь стоялъ на островѣ. Въ волости пригорода Порхова существовало два мужскихъ монастыря: Демьянскій при впаденіи въ Шелонь рѣчки Демьянки, неизвѣстно кѣмъ и когда основанный, и другой въ 65 верстахъ отъ Порхова, основанный въ XIV вѣкѣ при впаденіи рѣчки Омучи въ Шелонь иноками Ѳеофиломъ и Іаковомъ. Онъ назывался Ѳеофилова Успенская-Коневская пустынь [3]).

Въ Вологдѣ и въ ея окрестностяхъ составилась цѣлая группа монастырей и мѣстныхъ святыхъ съ благочестивыми легендами и преданіями. Древнѣйшимъ подвижникомъ и начальникомъ монашескаго житія былъ преподобный Герасимъ, въ XII-мъ вѣкѣ. Онъ заложилъ монастырь во имя св. Троицы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Вологды, въ 1143 году. Неизвѣстно съ какого времени основанъ и существовалъ въ древности въ XIV вѣкѣ Спасо-Каменскій Духовъ монастырь въ самой Вологдѣ. Развитіе монашества совершилось здѣсь въ XIV и XV вѣкахъ. Но такъ какъ тутъ кончались предѣлы новгородскихъ владѣній, и отшельники, основывавшіе обители, получали благослове-

[1]) См. Вотс. Пят. перен. окл. кн. 7000 г. Врем. XI.

[2]) Нельзя сказать ничего положительнаго, существовали ли во время независимости Новгорода ладожскіе монастыри, женскій Успенскій и мужской Ивановскій въ Застѣньи.

[3]) Истор. Свѣд. о Монаст. 456.

Digitized by Google

ніе не отъ новгородскихъ владыкъ, а отъ ростовскихъ епископовъ, и притомъ сами были большею частію не новгородцы, то и не мѣсто здѣсь распространяться о нихъ.

Заволочье и берегъ Ледовитаго моря были также мало-по-малу населяемы обителями. На мѣстѣ нынѣшняго Архангельска, по преданію, существовалъ, съ XII вѣка, построенный при архіепископѣ Іоаннѣ, монастырь Архангельскій, даровавшій впослѣдствіи имя городу [1]). Въ 1419 г. его разорили норвежцы. Близъ самаго устья Двины въ XV вѣкѣ основанъ былъ монастырь Никольскій Корельскій, по преданію, Маѳою морецкою, въ память своихъ сыновей, Антонія и Феликса, которые поѣхали для осмотра вотчинъ и утонули. Въ Шенкурскѣ былъ въ древности монастырь Троицкій; а въ окрестностяхъ его въ 15-ти верстахъ въ 1460 г. посадникъ Василій Своеземцевъ построилъ монастырь Богословскій, самъ уединился здѣсь и впослѣдствіи былъ почитаемъ за святого. На Кокшенгѣ упоминается въ XV вѣкѣ монастырь св. Ѳеодора [2]). Вообще въ этой сторонѣ было много монастырей, но о точномъ времени ихъ основанія нельзя сказать ничего положительнаго: даже, неизвѣстно, когда они уничтожены. Таковы, напр. у Кандалакской губы мужскіе монастыри—Богородицкій и Кокуевъ при устьѣ рѣки Порьи, Никольскій Яренскій, Заволочскій въ холмогорскомъ уѣздѣ, нѣкогда богатый монастырь на Двинѣ, Моржевскій, Кривецкій, тамъ же Николаевскій на Двинѣ, и два женскихъ монастыря Емецкихъ при рѣкѣ Емцѣ, въ мезенскомъ уѣздѣ Чирцова пустынь, Кенскій или Кяндскій въ онежскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Кенѣ, неизвѣстно когда основанный инокомъ Пахоміемъ, но существовавшій въ концѣ XV вѣка [3]).

---

[1]) Новг. Л. 1, 109.

[2]) Акт. юрид. 273.

[3]) Истор. Свѣд. о монаст. 1—17

Digitized by Google

И Псковская Земля усѣяна была монастырями.

Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ монастырей самаго города Пскова—Спасо-Мирожскій на устьѣ рѣчки Мирожи, впадающей въ Великую на Завеличьѣ. Онъ основанъ въ 1156 г. Нифонтомъ, епископомъ новгородскимъ [1]), построившимъ въ немъ каменную церковь. Въ этомъ монастырѣ привлекала благочестивыхъ чудотворная икона Знаменія Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ на ней князя Довмонта и его супруги. Два настоятеля монастыря, Авраамій, первый поставленный основателемъ Нифонтомъ, и Василій, умерщвленный литовцами, сдѣлавшими набѣгъ на Завеличье въ 1299 году, почитались божіими угодниками, хотя мощей ихъ не чтили. Храмъ Мирожскаго монастыря—одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ Россіи древнихъ зданій, какъ по архитектурѣ, такъ и по старинным фрескамъ, украшавшимъ стѣны, но теперь заштукатуреннымъ по невѣжеству и извѣстнымъ только по отрывкамъ на алтарной стѣнѣ. Въ XIII вѣкѣ явился Іоанно-Предтеченскій женскій монастырь, также на Завеличьѣ. Онъ основанъ Евпраксіею, супругою князя Ярослава Владимировича, того самаго, который продавалъ свое отечество нѣмцамъ. Она была убита своимъ пасынкомъ въ Оденпе. Тѣло ея было привезено во Псковъ и погребено въ основанномъ ею монастырѣ. 18-го мая 1243 года надъ ея гробомъ произошло чудо отъ иконы св. Спаса: текло мyро впродолженіи двѣнадцати дней и набрали этого чуднаго мyра двѣ восчаницы: одну во Псковѣ оставили, а другую въ Новгородъ отослали. Кромѣ Евпраксіи, въ монастырѣ погребены княгиня Марія, супруга Довмонта, и какая-то княгиня Наталія; по преданію—онѣ жили вмѣстѣ, и на хорахъ показываютъ углубленія въ каменной стѣнѣ, гдѣ эти княгини-отшельницы стояли во время богослуженія.

[1]) Новг. IV, 10.

Digitized by Google

Съ ними погребена ихъ келейница и подруга Сандулія. Монастырь этотъ былъ мѣстомъ погребенія многихъ княгинь, скончавшихся во Псковѣ. Его каменная церковь, построенная въ XIII вѣкѣ изъ плитняка съ примѣсью кирпича, треснувшая въ нѣсколькихъ мѣстахъ, существуетъ до сихъ поръ. Въ концѣ XIII вѣка былъ основанъ монастырь Снятогорскій (или Снѣтогорскій) на Снятной горѣ, надъ рѣкою Великою, въ четырехъ верстахъ отъ Пскова, на другой сторонѣ этой рѣки. Основателемъ былъ преподобный Іосифъ, убитый вмѣстѣ съ семнадцатью монахами набѣжавшими на окрестности Пскова литовцами въ 1299 г. [1]). Каменная церковь въ немъ, существующая до сихъ поръ, построена въ началѣ XIV вѣка. Въ 1310 г. построена была каменная церковь Богородицы на Горѣ, и такъ какъ лѣтопись по этому поводу прибавляетъ: при игуменѣ Іовѣ; то изъ этого можно заключить, что тамъ былъ монастырь [2]).

Изъ существовавшихъ во Псковѣ и во Псковской Землѣ монастырей, о большей части нельзя сказать, когда они построены, потому что о нихъ упоминается бо́льшею частію случайно. Несомнѣнно существовали во времена независимости Пскова слѣдующіе монастыри: Пантелеймоновскій дальній на Черехѣ, упоминается въ первый разъ въ 1341 г. [3]); Пантелеймоновскій ближній на Красномъ дворѣ. Каменная церковь въ немъ построена въ 1468 г., но, конечно, онъ существовалъ и въ 1341 г.; когда былъ дальній, то долженъ былъ существовать и ближній [4]). Рождества Христова на Полонищѣ, упоминаемый какъ монастырь въ 1466 г. [5]), а какъ церковь еще въ 1388 г.

[1]) Пск. Л. I, 192.
[2]) Пск. I, 184.
[3]) Пск. I, 186.
[4]) Пск. I, 231.
[5]) Пск. I, 230.

Digitized by Google

Николаевскій монастырь на Волкѣ упоминается основанным въ 1395 г. [1]). Михайловскій женскій въ Полѣ, упоминается первый разъ въ 1398 г. по поводу построенія въ немъ каменной церкви [2]). Великая Пустынь (за 60 верстъ отъ Пскова), упоминается подъ 1404 годомъ [3]). Никитская Пустынь въ окрестности Пскова на Многѣ рѣкѣ, упоминается подъ 1442 г. [4]). Благовѣщенскій женскій на Пескахъ основанъ въ 1421 г. [5]). Воскресенскій на Запсковьѣ, упоминается подъ 1458 годомъ [6]). Николаевскій на Завеличьѣ упоминается подъ 1463 годомъ [7]). Покровскій на Полонищѣ, упоминается подъ 1465 г. [8]). Никитскій въ городѣ упоминается подъ 1470 г. [9]). Глинскій Святого Духа на Завеличьѣ, упоминается подъ 1484 г. [10]). Въ пригородѣ Вельѣ былъ монастырь св. Спаса, упоминаемый подъ 1459 годомъ [11]). Въ пригородѣ Выборѣ были, по преданію, монастыри Воздвиженскій при главной церкви и Варваринскій женскій, во Вревѣ два: Ильинскій мужескій и Покровскій женскій; въ окрестностяхъ Изборска Богородицкій, основанный преподобнымъ Онуфріемъ въ XV вѣкѣ. Болѣе всѣхъ получили историческо-жизненное значеніе монастыри Трехсвятительскій Елизарьевъ, Крипецкій и Псково-Печерскій.

Первый изъ этихъ трехъ былъ основанъ въ первой половинѣ XV-го вѣка Елизаромъ, въ монашествѣ Евфро-

---

[1]) Пск. I, 194.
[2]) Пск. I, 195.
[3]) Псковск. II. 18.
[4]) Пск. I, 212.
[5]) Пск. II, 23.
[6]) Пск. I, 217.
[7]) Пск. I, 224.
[8]) Пск. I, 229.
[9]) Пск. I, 235.
[10]) Пск. I, 266.
[11]) Пск. I, 218.

Digitized by Google

синомъ. Осталось подробное его житіе, сочиненное въ XVI-мъ вѣкѣ священникомъ Василіемъ; въ немъ много выдуманнаго, но есть историческая основа, тѣмъ болѣе, что авторъ пользовался прежнимъ житіемъ, до насъ недошедшимъ.

Святой Евфросинъ былъ родомъ псковитянинъ, поселянинъ изъ деревни Виделебской, верстахъ въ тридцати ото Пскова. Родители отдали его учиться грамотѣ; юноша вчитался въ божественныя книги; у него было пылкое воображеніе; онъ покинулъ родительскій домъ и постригся въ монахи въ Снятогорскомъ монастырѣ. Настроивъ себя чтеніемъ о подвигахъ пустынниковъ, онъ оставилъ монастырь и поселился въ двадцати восьми верстахъ отъ Пскова недалеко рѣки Толвы, гдѣ построилъ себѣ хижину. Чрезъ нѣсколько времени стали сходиться къ нему такіе же отшельники, и возникъ монастырь. Построена была церковь Трехъ Святителей на берегу пруда, въ лѣсу. Въ числѣ приходившихъ къ нему было цѣлое семейство. Три брата родные—Игнатій, Харлампій и Памфилъ поселились у него одинъ за другимъ; Игнатій посвященъ въ іерейскій санъ. Пришелъ потомъ и четвертый братъ, Мартирій; онъ былъ женатъ, но примѣръ братьевъ такъ настроилъ его, что онъ бросилъ жену и пришелъ въ новый монастырь. Жена поплакала и также пошла въ женскій монастырь. Наконецъ, пришелъ къ Евфросину и поселился въ монастырѣ съ четырьмя братьями и старый ихъ родитель. Пришелъ къ Евфросину и одинъ богачъ по имени Кононъ—принесъ къ нему серебро и пожертвовалъ на обитель. Евфросинъ, разумѣя, что у пришедшаго вѣры мало, сказалъ ему: «Положи предъ алтаремъ; Богу отдай!» Тотъ сдѣлалъ такъ; но чрезъ нѣсколько времени соскучился въ монастырѣ, захотѣлъ въ міръ и началъ требовать назадъ свое серебро. Евфросинъ сказалъ, что онъ отъ него не бралъ; оно Богу отдано. Кононъ—такъ звали

Digitized by Google

богача—затосковалъ о своемъ серебрѣ до безумія и, напавши на Евфросина въ лѣсу, куда тотъ удалялся для молитвы, хотѣлъ-было изрубить его топоромъ; но спокойный и кроткій видъ Евфросина обезоружилъ его. Преподобный обѣщалъ ему воротить серебро и скрыть его преступленіе отъ братіи. Пришедши съ нимъ въ монастырь, немедленно отдалъ ему его серебро. Кононъ, вышедши изъ монастыря, вдругъ ослѣпъ на оба глаза и, воротившись назадъ, сталъ каяться и просить прощенія. Евфросинъ помолился о немъ; Кононъ прозрѣлъ и снова остался навсегда въ монастырѣ, а серебро отдалъ на церковь.

Евфросинъ завелъ въ своемъ монастырѣ суровые обычаи. Братія должна была находиться въ работѣ или на молитвѣ, скудно ѣсть, мало спать, питаться и содержать себя отъ своихъ рукъ: иноки сами рубили дрова, пахали землю, сѣяли хлѣбъ, ловили рыбу. Богослуженіе въ церкви было чрезвычайно продолжительно, особенно всенощныя по скитскому уставу. Какой-то новгородскій священникъ, услышавъ о новозаведенной обители, вздумалъ посѣтить ее и подвергнуться всѣмъ трудамъ, опредѣленнымъ братіи. Пришла всенощная подъ праздникъ. Уже наступала полночь. Священникъ утомился, хотѣлъ спать и съ безпокойствомъ спрашивалъ: когда это кончится? Ему отвѣчали, что всенощное бдѣніе у нихъ прекращается съ окончаніемъ перваго часа дня. Тогда священникъ снялъ съ себя поясъ, зацѣпилъ за крюкъ, повѣсилъ себя подъ пазуху и такъ продержался въ чрезвычайномъ истомленіи. Возвратившись въ Новгородъ, онъ всѣмъ съ удивленіемъ разсказывалъ о подвижничествѣ въ Евфросиновомъ монастырѣ. «Вообразите себѣ присно-стоящее дерево,—говорилъ онъ,—не требующее ни сна, ни дремленія, ни успокоенія; таковъ онъ съ братіею... желѣзный съ желѣзными!».

За свою святую жизнь, Евфросинъ при жизни, молитвами своими низводилъ Божію благодать на природу.

Digitized by Google

Близъ монастыря есть озеро: оно и теперь богато рыбой. Но встарину было оно не такое. Случилось однажды въ храмовой праздникъ обители Трехъ Святителей оскудѣніе рыбное. Рыболовы, посланные на Великое Озеро, ничего не принесли съ собою. Братія стала скорбѣть. Тогда Евфросинъ сказалъ: «не скорбите, уповайте и вѣруйте; вѣрующему все поспѣетъ во благое; Моисей препиталъ же манною израильскихъ людей въ пустыни и воду имъ источилъ изъ камня: и насъ убогихъ Господь можетъ препитать и все христолюбивое множество народа, приходящаго изъ города праздника ради». Онъ пошелъ въ церковь и сталъ усердно молиться, а потомъ взялъ съ собой любимаго ученика Меркурія, просіявшаго уже довольно въ постническихъ добродѣтеляхъ, и нѣкоторыхъ изъ братій и отправился къ озерцу: помолился, закинулъ сѣть и вытащилъ такое множество рыбы, что чуть сѣть не прорвалась. Съ тѣхъ поръ озеро близъ монастыря до сихъ поръ въ изобиліи даетъ хорошую рыбу.

Но чѣмъ особенно прославился Евфросинъ — это его споръ за сугубое аллилуйа. Къ сожалѣнію, разсказъ, сообщаемый жизнеописателемъ его, Василіемъ, именно въ этомъ мѣстѣ находится слишкомъ подъ вліяніемъ пристрастія къ сугубому и злобы къ трегубому аллилуйа, а потому не иначе какъ въ общихъ чертахъ можетъ быть вѣроятенъ. Вопросъ о томъ—какъ читать аллилуйа—должно быть, давно уже возбуждалъ пренія мѣстныхъ философовъ; и еще въ 1419 году митрополитъ Фотій писалъ ко псковичамъ посланіе и, между прочимъ, отвѣчалъ имъ на вопросъ объ аллилуйа, повелѣвая его троить [1]). Обычай троить—былъ

[1]) Что ми пишете объ аллилугіи и на славахъ сице глаголи Слава Отцы и Сыну и Святому Духу і нынѣ и присно в вѣка вѣковъ аминь; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа Слава Тобѣ Боже, аллилуіа, аллилуіа, Слава Тобе Боже, аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа Слава Тобе Боже. (Духовн. Вѣстн. 1862 г. Мартъ, VII, 52).

Digitized by Google

древній и употребительный въ церкви; двоили немногіе вольнодумцы. По извѣстію Евфросинова жизнеописателя Василія, Евфросинъ сталъ также двоить и убѣждать другихъ къ двоенію. Это случилось, какъ повѣствуетъ Василій, послѣ путешествія въ Цареградъ, которое предпринято было Евфросиномъ со спеціальною цѣлію разъяснить вопросъ объ аллилуйа. Что Евфросинъ путешествовалъ въ Цареградъ—это естественно; такія путешествія были въ обычаѣ и въ духѣ времени; но жизнеописатель Василій погрѣшаетъ противъ истины, увѣряя, что патріархъ повелѣлъ Евфросину двоить аллилуіа; этого никакъ не могло случиться, потому что на Востокѣ, также какъ и въ Россіи, сохранялся древній обычай троить. Какъ бы то ни было, только, по извѣстію того же Василія, въ монастырѣ Евфросиновомъ стали употреблять сугубое аллилуіа. Слухъ объ этомъ разошелся во Псковѣ. Былъ тогда въ городѣ нѣкто священникъ Іовъ, пріобрѣвшій репутацію глубокаго знатока св. Писанія и божественныхъ книгъ; священники обращались къ нему съ вопросами о спорныхъ предметахъ; приходили къ нему и міряне за совѣтами въ дѣлахъ закона: былъ онъ, въ глазахъ всего Пскова, большой философъ и прозвали его «столпъ». Чтобы очернить его, жизнеописатель увѣряетъ, будто онъ, по смерти жены, «распопился», и женился на другой; но это не умалило его достоинства предъ псковичами. Также точно о его другѣ и соумышленникѣ Филиппѣ разсказывается, что онъ былъ дьяконъ, но по смерти жены, «раздьяконился», чтобъ жениться на другой. Оба владѣли хорошо рѣчью и стали коноводами кружка мыслителей, вооружившихся за трегубое аллилуіа противъ Евфросина. Сначала они предложили Евфросину диспутъ и послали къ нему изъ среды себя ученыхъ, на челѣ которыхъ былъ Филиппъ. Евфросинъ принялъ ихъ радушно, угостилъ трапезою, потомъ пригласилъ къ себѣ въ келію для состязанія. Защитники трегу-

Digitized by Google

баго доказывали, что тройное аллилуіа поется въ честь св. Троицы, и двоить его — значитъ умалять божество. Евфросинъ возражалъ, что человѣкъ не въ силахъ ни умножить, ни умалить божество и опирался на то, что въ Константинополѣ ему приказали двоить аллилуіа. Въ спорѣ онъ разгорячился до того, что когда ему подали писаніе, составленное Іовомъ, котораго звали столпомъ, то онъ сказалъ: «какой это столпъ? Это мотыльный [1]) столпъ». Самимъ своимъ противникамъ онъ сказалъ, что они мудрствуютъ «по-свински!» Когда посланные, воротившись во Псковъ, разсказали Іову, какъ Евфросинъ изъяснялся о его личности, философъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, сталъ сильнѣе проповѣдывать противъ Евфросина и чрезвычайно озлобилъ противъ него псковичей. Когда изъ Евфросинова монастыря приходили братья въ городъ за покупками, псковичи оскорбляли ихъ, не считали за иноковъ; а если кто приглашалъ ихъ къ себѣ въ домъ и угощалъ, того бранили и укоряли. Ожесточеніе ихъ дошло до того, что если кто проѣзжалъ мимо Евфросиновой обители, то не снималъ шапки, какъ слѣдовало передъ церковью, и говорилъ: здѣсь еретикъ живетъ; онъ двоитъ пресвятое аллилуіа! Евфросинъ жаловался архіепископу Евфимію. Тотъ сознался въ своей немощи разрѣшить такой важный вопросъ, но предоставлялъ ему поступать такъ, какъ благословилъ его патріархъ, если онъ былъ у патріарха и принялъ отъ него повелѣніе, но, съ другой стороны, не обязывалъ и псковичей слѣдовать введенному Евфросиномъ обычаю и не остановилъ ихъ злобы, которая продолжалась до самой смерти Евфросина, случившейся въ 1481 году. За то, послѣ блаженной кончины его, наказаніе постигло философа Іова. Напала на него такая болѣзнь, что все тѣло его покрылось червями и отъ

---

[1]) Мотыла—калъ.

Digitized by Google

него исходилъ такой смрадъ, что никто не могъ приблизиться къ нему. Въ унынiи онъ поступилъ въ иноческiй чинъ и постригся въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ. Но болѣзнь не оставляла его. Не даромъ Евфросинъ нарекъ его мотыльнымъ столпомъ. Два года пострадалъ онъ такимъ образомъ и наконецъ вышла душа его изъ тѣла съ великимъ страданiемъ. И когда зазвонили къ погребенiю его, сошлись братiя дать усопшему послѣднее цѣлованiе и проводить его въ могилу, — никто не могъ приступить къ его трупу, и отъ нестерпимой вони держали себя за носы честные иноки; и такъ скрыли его тѣло въ оградѣ Спасо-Мирожскаго монастыря.

«Видите ли, братiя, восклицаетъ жизнеописатель Евфросина: какова месть Божiя и прещенiе пресвятыя ради аллилуiа» [1]).

Церковь считаетъ недостовѣрнымъ весь разсказъ Василiя объ участiи Евфросина въ дѣлѣ объ аллилуiа; тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ для насъ значенiя, какъ образчикъ старинныхъ понятiй, выказавшихся въ описанiи событiя; если даже это событiе въ сущности вымыселъ, то имѣетъ для потомства важность исторической истины извѣстнаго склада понятiй и воззрѣнiй.

До сихъ поръ, близъ Евфросинова монастыря, въ рощѣ, недалеко пруда, благословеннаго святымъ мужемъ на рыбное обилiе, показываютъ дупло, обгрызенное зубами благочестивыхъ богомольцевъ. Тамъ часто сидѣлъ Евфросинъ, предаваясь богомыслiю. Вокругъ разбросаны разной величины каменья, которыя онъ таскалъ на головѣ труда ради. Есть вѣрованiе, что если у кого болитъ часто голова, надобно трижды обнести на головѣ одинъ изъ камней вокругъ дупла, и болящiй получитъ исцѣленiе.

Евфросиновъ монастырь далъ основанiе Крыпецкому,

---

[1]) Пам. Стар. Р. Лит., IV. 101.

Digitized by Google

верстахъ около 18-ти отъ Евфросинова въ болотномъ и лѣсистомъ мѣстѣ. Былъ у Евфросина въ обители пришлый съ Востока братъ, по имени Савва. Думаютъ, что онъ былъ по происхожденію сербъ. Поживши въ монастырѣ, онъ пошелъ изъ него въ пустыню и поселился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится его монастырь, на берегу небольшаго озерца. Въ этомъ пустынномъ болотѣ проживали бѣсы. Имъ не понравилось, что тамъ явился святой отшельникъ, который своими молитвами ихъ прогонитъ. Они стали представлять ему разныя пугала и привидѣнія,—но святой выдержалъ эти искушенія; молитвою и постомъ изгналъ ихъ; и сталъ онъ жить безмятежно, питаясь хлѣбомъ и водою. Скоро, однако, узнали во Псковѣ, что явился новый пустынникъ и стали къ нему приходить, и просить духовныхъ совѣтовъ: онъ всѣхъ принималъ. Посѣщали его и бояре, и посадники, и знатные, и незнатные. Всѣмъ онъ давалъ благія нравоученія, а въ особенности совѣтовалъ воздерживаться отъ блуда и прославлялъ дѣвственную чистоту. Тогда нашлись и такіе, что, подобно ему, рѣшились оставить мірскую суету и поселились съ нимъ вмѣстѣ. Такъ возникла обитель и была построена деревянная церковь во имя Іоанна Богослова. Богатые христолюбцы жертвовали на новый монастырь свои вклады. Савва все отдавалъ на церковь и на братію, самъ жилъ очень скудно, и уклоняясь отъ любоначалія, не принялъ на себя игуменскаго сана, а поручилъ его другому иноку Кассіяну. Его ревность къ чистотѣ простиралась до того, что Савва запрещалъ входить въ монастырь женскому полу, по аѳонскому образцу. Однажды, пріѣхалъ къ нему князь Ярославъ, который много жертвовалъ на монастырь и часто туда ѣздилъ: на этотъ разъ онъ прибылъ съ женою, которая была больна и искала исцѣленія. Савва недопустилъ княгиню въ обитель, но по просьбамъ князя вышелъ къ ней за ворота и отслужилъ ей молебенъ, послѣ

Digitized by Google

чего она выздоровѣла. Въ память этого событія и въ благодарность за исцѣленіе жены, Ярославъ построилъ длинный деревянный мостъ черезъ болото, окружающее монастырь, и подарилъ, съ согласія псковскаго вѣча, монастырю волость.

Савва умеръ въ старости въ 1495 году. Его мощи были уже открыты послѣ паденія независимости Пскова. Тогда же была построена и каменная церковь вмѣсто деревянной.

Псково-Печерскій монастырь, находящійся верстахъ въ пятидесяти отъ Пскова близъ ливонской границы въ ущельѣ песчанныхъ горъ, на берегу ручья Каменца, получилъ свое важное значеніе уже въ XVI-мъ вѣкѣ, но его начало восходитъ ко второй половинѣ XV-го. Однажды изборскіе охотники по прозвищу *сельди*, отецъ съ сыномъ, гонялись за звѣрьми въ лѣсистой пустынѣ и, дошедши до того мѣста, гдѣ потомъ возникъ монастырь, услышали церковное пѣніе. Они приняли это пѣніе за пѣніе ангеловъ, заключили изъ этого, что мѣсто, на которомъ имъ послышалось пѣніе—свято, разсказали своимъ товарищамъ, и всѣ, по общему совѣту, обратились ко псковскому вѣчу и выпросили себѣ на поселеніе то мѣсто, на которое указывали *сельди*. Получивъ землю во владѣніе, они подѣлили ее между собою: одному изъ нихъ досталось по раздѣлу мѣсто недалеко нынѣшней пещерной горы; звали его Иванъ Дементьевъ. Одинъ разъ онъ пошелъ рубить на домашній обиходъ дерево на ту гору, гдѣ *сельдямъ* было слышаніе. Срубленное на краю горы дерево повалилось внизъ, захватило съ собой другіе деревья и кустарники; оторвалась часть земли и открылась пещера съ надписью: «Богомъ-зданная пещера». Тогда оказалось, что *сельди* слышали пѣніе не ангеловъ, но отшельниковъ. Но ихъ тамъ не было; не было ихъ вѣроятно и въ живыхъ, и уже пещера завалилась землею. Преданіе приписываетъ первое копаніе пещеры какому-то Марку.

Digitized by Google

Когда пещера была открыта, во Псковѣ жилъ священникъ именемъ Іоаннъ, бывшій прежде въ Юрьевѣ ливонскомъ, но удалившійся оттуда по причинѣ гоненій отъ нѣмцевъ. Онъ поселился во Псковѣ, гдѣ былъ чужой — «шестникъ», родомъ онъ былъ москвичъ. Услышавъ объ открытіи пещеры, отправился онъ туда на мѣсто, тамъ поселился, и близъ пещеры выкопалъ въ той же песчаной горѣ церковь. Жена его, по имени Васса, постриглась въ монахини и скоро умерла. Мужъ и другой священникъ хотѣли ее похоронить въ землѣ въ пещерѣ, но гробъ три раза чудесно выходилъ изъ земли, какъ бы во знаменіе, что Богу не угодно, чтобъ она была зарыта. Гробъ поставили въ сдѣланномъ нарочно углубленіи.

По смерти Вассы, Іоаннъ принялъ имя Іоны и постригся въ монахи. Церковь была имъ окончена; противъ нея на столбахъ онъ построилъ двѣ келіи. Псковское духовенство, соблазняясь такимъ оригинальнымъ построеніемъ церкви, не хотѣло ее освящать. Іоаннъ обратился къ архіепископу Ѳеофилу. Тотъ согласился; и, по его благословенію, была освящена сдѣланная въ горѣ церковь во имя Успенія Богородицы. Это случилось въ 1473 году. Дементьевъ, открывшій случайно пещеру, подарилъ новому монастырю землю около него подъ устройство. Такъ положено было основаніе этой обители. Преемникъ Іоны, Михаилъ, устроилъ на горѣ другую церковь во имя кіево-печерскихъ чудотворцевъ Антонія и Ѳеодосія. Но обитель, построенная на границѣ, вскорѣ была разорена ливонцами, и хотя опять возстановлена, но была бѣдна и незначительна. Уже послѣ паденія Пскова, сначала дьякъ Мисюрь, а потомъ знаменитый Корнилій изъ боярскаго рода, бывшій тамъ игуменомъ, возвысили ее. Пещеры распространились и сдѣлались мѣстомъ погребенія.

Digitized by Google

VI.

УПРАВЛЕНІЕ И УСТРОЙСТВО МОНАСТЫРЕЙ.

Монастыри управлялись на основаніи общихъ правилъ, укорененныхъ обычаемъ подъ верховною властію новгородскихъ святителей. Невидно, чтобъ въ древности существовали для монастырей какія нибудь привиллегіи, какъ впослѣдствіи, освобождавшія ихъ отъ суда и непосредственной власти владыкъ. Въ грамотѣ митрополита Кипріана (1391 — 1395) говорится: «монастыреве игумены и чернецы, попы, дьяконы и всякъ церковный человѣкъ ти вси подъ властію въ послушаніи святителю; никто же не смѣетъ ии одинъ крестьянинъ, ни малъ ни великъ, вступатися въ тая дѣла. Аще ли который отъ тѣхъ игуменъ или попъ, или чернецъ имать отъиматися мірскими властелины отъ святителя, такового божественная правила извергають и отлучають... да елико есть монастыревъ, игумены да будутъ у него (у новгородскаго владыки) въ покореньи и въ послушаніи и весь чинъ священническій». Внутреннее управленіе основывалось на выборѣ. Игуменъ избирался братіею, а утверждался владыкою; а иногда избиралось нѣсколько кандидатовъ и владыкѣ предоставлялось утвердить одного изъ нихъ по своему усмотрѣнію. Кромѣ игумена избирался келарь (казначей) и ключникъ (экономъ). Нѣсколько старцевъ протоіереевъ составляли соборъ или совѣтъ около игумена и назывались соборными старцами. Этому собору старцевъ и игумену, какъ предсѣдателю совѣта, принадлежалъ судъ и управа надъ всѣми живущими въ обители и внѣ стѣнъ ея надъ всѣми тѣми, которые къ ней приписаны [1]). Верховный судъ и власть владыки надъ монастыремъ совершались чрезъ по-

[1]) Акты Ист. 1. 50.

Digitized by Google

средство посылаемыхъ десятильниковъ. Монастыри для владыки имѣли значеніе какъ-бы доходныхъ статей. Они платили ему судныя пошлины и откупъ (вѣроятно послѣдній за право внутренняго самоуправленія и расправы), сверхъ того владыки, какъ предполагалось, должны были ѣздить по монастырямъ съ цѣлію суда, и слѣдовательно имѣли право ставить въ монастыряхъ лошадей и брать кормъ на себя и на свой дворъ. Но такъкакъ многіе владыки не ѣздили постоянно по монастырямъ съ этой цѣлію, то необходимыя издержки въ пользу владыкъ, въ случаѣ поѣздокъ, обратились въ постоянныя доходныя статьи: монастыри должны были платить владыкѣ, вмѣсто того, чтобъ содержать его въ случаѣ пріѣзда. Но если не ѣздили по монастырямъ сами владыки, то ѣздили ихъ десятильники съ цѣлію суда и получали въ монастыряхъ подводы, проводниковъ и содержаніе. Такимъ образомъ выходило, что монастыри вдвойнѣ отбывали одну и ту же повинность— издержки на судопроизводство надъ собою и деньгами и натурою. Сверхъ того, монастыри, находившіеся въ самомъ Новѣгородѣ и въ окрестностяхъ его, служили предметомъ поживы для софійскихъ поповъ, причта и архіепископскихъ чиновниковъ: когда наступалъ въ монастырѣ престольный праздникъ, непремѣнно звали къ себѣ служить софійскихъ поповъ и платили имъ за это. Нѣкоторые ѣздили по монастырямъ только просить и назывались попрошатаи (попрошатаи владычни люди въ монастыри по волости у нихъ просити не ѣздять). Отъ такихъ поборовъ нѣкоторые новгородскіе монастыри освобождались уже послѣ паденія новгородской независимости, когда вошло въ обычай раздавать несудимыя грамоты, составлявшія привиллегіи нѣкоторыхъ монастырей.

Въ древнемъ Новгородѣ и по Новгородской Землѣ въ монастыряхъ рѣдко соблюдалось общинное житіе; издревле оно существовало только въ нѣкоторыхъ. Такъ подъ 1169 г.

Digitized by Google

упоминается въ лѣтописи, что архіепископъ Іоаннъ построилъ Бѣло-Николаевскій монастырь, и устроилъ въ немъ общину. Какъ образчикъ общиннаго устройства, можетъ служить монастырь Снѣтогорскій, близъ Пскова, о которомъ сохранились довольно подробныя извѣстія начала XV-го вѣка. Братія вносили вклады и дѣлались членами общины. Разъ внесенное уже никогда не возвращалось. Въ случаѣ смерти чернеца, наслѣдники не имѣли права на полученіе внесеннаго. Равнымъ образомъ, если бы чернецъ вышелъ изъ послушанія игумену и соборнымъ старцамъ, и былъ за это изгнанъ—вкладъ его не возвращался. Однимъ словомъ, родъ и племя теряли всякое право на это достояніе. Наказаніе изгнаніемъ употреблялось только въ крайнемъ случаѣ; обычное наказаніе было — заключеніе въ темницу. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и теперь остались въ церквахъ чуланы, иногда совсѣмъ темные, иногда съ маленькимъ окошечкомъ: туда сажали провинившихся. Безъ разрѣшенія игумена, монахи не могли выходить изъ своего монастыря. Никто не могъ имѣть своей пищи: всѣмъ завѣдывали ключникъ и келарь; а еслибы кому-нибудь понадобилось съѣстное или питное, келарь долженъ былъ доложить объ этомъ игумену. Никто не долженъ имѣть на собственный счетъ пріобрѣтенной одежды, а получалъ ее изъ монастырскаго запаса. Въ уставной грамотѣ Снятогорскому монастырю, между прочимъ, находится предостереженіе — не покупать одежд нѣмецкаго покроя. Никто не могъ сказать въ общинномъ монастырѣ: «это мое, а это твое». Житіе въ монастырской общинѣ должно быть подобіемъ первыхъ христіанскихъ общинъ, какія существовали во времена апостольскія, когда у многочисленнаго общества послѣдователей Распятаго Іисуса была душа едина. Игуменъ имѣлъ право отнять стяжаніе которое монахъ пріобрѣлъ себѣ, и обратить его въ собственность монастыря, куда этотъ монахъ

Digitized by Google

вступилъ. Неизвѣстно, въ какихъ именно монастыряхъ въ Новгородѣ было общинное устройство. Быть можетъ, оно возникало и исчезало въ однихъ и тѣхъ же. Въ XVI в. при Макаріи, когда въ 1528 г. этотъ владыка убѣдилъ новгородскіе монастыри принять общиное устройство, оказалось, что, до того времени, только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ была община, и именно въ великихъ; но какіе то были великіе—не говорится. Между тѣмъ, въ Антоніевскомъ, очень важномъ монастырѣ, который по всему долженъ былъ бы включаться въ число великихъ, не было общины. Тогда въ новгородскихъ монастыряхъ вообще монаховъ было мало: въ нѣкоторыхъ человѣка по два или по три; а гдѣ семь или восемь человѣкъ, тотъ монастырь считался уже большимъ. Нѣкоторые мужскіе и женскіе монастыри помѣщались въ одной оградѣ. Однако по этимъ извѣстіямъ XVI вѣка нельзя вполнѣ заключить о состояніи монастырей во времена независимости Великаго Новгорода: потому что со времени переселенія должно было измѣниться и устройство монастырской жизни. Вообще, какъ кажется, новгородскіе монастыри не были чужды духа свободы, господствовавшаго въ новгородскомъ мірѣ. Новгородецъ, переходя изъ своего буйнаго города въ стѣны обители, приносилъ съ собою прежній нравъ. Монахи часто тяготились духовнымъ деспотизмомъ своихъ начальниковъ и искали противъ нихъ опоры у свѣтскихъ властей. Новгородскіе и псковскіе посадники вмѣшивались въ монастырскія дѣла, принимали подъ свое покровительство недовольныхъ, часто съ корыстною цѣлію; отъ этого возникали споры у духовенства со свѣтскими властями. Мы встрѣчаемъ неоднократно указанія на то, что, вопреки особности и неприкосновенности для мірянъ церковнаго управленія, которое хотѣли незыблемо сохранить владыки, міряне оказывали такое вмѣшательство. Къ этому располагало то, что многіе монастыри устроены были частными лицами;

Digitized by Google

основатели домогались удерживать надъ ними право и передавать его своимъ потомкамъ. Изъ приведенной выше грамоты Кипріана видно, что обращеніе недовольныхъ своимъ начальствомъ чернецовъ ко свѣтскимъ властямъ случалось нерѣдко въ Новгородѣ, еще чаще во Псковѣ: тамъ постоянное отсутствіе святителя подавало мірянамъ поводъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла, судить и казнить поповъ и чернецовъ [1]). Въ грамотѣ архіепископа Симеона въ Снятогорскій монастырь (1416—1421) говорится: *и тыя черньци да изъ вашего монастыря вышедше вонъ да подъимаютъ мірскыя люди и мірскыя судья на игумена и на старцевъ вашею монастыря, и тыя мірьскыя судья и міряне да судятъ васъ мірьскымъ обычаемъ* [2]). Въ 1471 г. мы имѣемъ примѣръ суда Новгорода надъ духовнымъ лицомъ. Великій Новгородъ осудилъ владычняго ключника, обвиняемаго въ растратѣ софійской казны. Это примѣръ, показывающій, что вѣче считало себя въ правѣ контролировать духовное вѣдомство въ финансовыхъ отношеніяхъ. Въ 1463 г. митрополитъ Ѳеодосій говоритъ архіепископу Іонѣ: «никто же да не смѣетъ ни единъ христіанинъ ни малъ ни великъ въ та дѣла вступатись аще ли который отъ тѣхъ игуменъ или попъ или чернецъ иметь отъиматися мірскими властелины отъ святителя, таковаго божественаа и священнаа правила извергаютъ и отлучяютъ». Онъ предостерегалъ, чтобъ посадники и тысяцкіе и бояре Великаго Новгорода не вступались въ села, земли и выходы и пошлины церковныя [3]). Въ XV вѣкѣ, какъ кажется, особенно развился неладъ между духовными и свѣтскими властями, и уже въ умахъ слагались понятія враждебныя противъ неприкосновенности правъ лицъ и имуществъ духовнаго вѣдомства. Такъ, въ посланіи мит-

[1]) Ак. Ист. I, 18.
[2]) Ак. Ист. I, 50.
[3]) Ак. Ист. I, 126.

Digitized by Google

рополита Филиппа къ новгородскому архіепископу Іонѣ, 1467 года, говорится, что многіе по грамотамъ завѣщали въ монастыри свои имѣнія, но посадскіе и тысячскіе и вообще новгородцы дозволяютъ себѣ непріязненныя толкованія и посягаютъ на отданныя въ монастыри имѣнія: «которые людіе православніи, отходя сего свѣта, помогали собѣ и своимъ душамъ, и писали свои грамоти духовныи, а подавали своя села и своя имѣнія въ соборну церковь дому святѣй Софіи Божіи Мудрости и по всѣмъ святымъ церквемъ и по монастыремъ на очищеніе своимъ грѣхомъ, и на поминокъ единородныхъ и безсмертныхъ своихъ душъ и всего роду своего.... и нѣкоторые посадници и тысятцкіи, да и отъ Новогородцовъ мнози въставляютъ нѣкая тщетнаа словеса, мудръствующе себѣ плотскаа, а не душевнаа и яко забывше Божіа страха и казни Его и непщуя ничтоже, ни поминающе скоръбныхъ и печалныхъ, еже имъ бывшимъ во время се, мнящеся сами, яко безсмертни суще; да хотятъ грубость чинити св. Божіей церкви и грабати святыа церкви и монастыри; имъ же си кто стяжаніемъ бѣдную свою душю хотячи искупити, отъ вѣчнаго оного мученія, да отдалъ свое любострастное имѣніе и села святымъ Божіимъ церквамъ и монастыремъ, измоленіа ради отъ вѣчныхъ мукъ и помяновеніи своеа душа и своего роду, и дѣти твои дей нѣкоторіи Новогородци тѣхъ имѣнія церковныя и села данаа хотятъ имати собѣ, а приказъ и духовныя ихъ грамоты рудятъ, а церкви Божіа грабячи да сами тѣмъ хотятъ ся корыстовати» [1]).

VII.

ЮРОДИВЫЕ И ПАЛОМНИКИ.

Кромѣ монашества, способы выраженія особаго благочестія и исключительной преданности религіи были юрод-

[1]) Ак. Ист. I, 131—132.

Digitized by Google

ство и паломничество. Юродивые имѣли общественное значеніе. Они были нерѣдко сатириками общества, и, прикидываясь дураками, своими фарсами преподавали народу нравственные уроки и заставляли оглянуться на собственныя слабости. Осталось въ Новгородѣ преданіе о двухъ юродивыхъ въ XIV-мъ вѣкѣ: одинъ, по имени Николай, жилъ на Софійской сторонѣ, второй—по имени Ѳедоръ, на Торговой сторонѣ. Оба они вели убогую жизнь: держали строгій постъ, ходили босикомъ, даже по морозу, и отпускали предъ толпою разныя странности, навлекавшія на нихъ посмѣяніе, а иногда даже и побои. Между прочимъ, въ укоръ новгородцамъ, они пародировали ихъ усобицы, происходившія между Софійской и Торговой сторонами города. Они не пускали другъ друга на противную сторону, и если Ѳедоръ явится на Софійской, то Николай его прогоняетъ, а если Николай зайдетъ на Торговую сторону, то Ѳедоръ бросается на него и гонитъ прочь. Такъ какъ за свою святую и постническую жизнь они сподобились дара чудотвореній, то эти путешествія съ одной стороны на другую совершались не по мосту, а прямо по водѣ, какъ по-суху. Люди смотрѣли съ удивленіемъ, какъ Николай, стоя посреди Волхова на водѣ, бросалъ въ своего соперника кочанами капусты, и за это прозвали его Никола Качановъ. Такихъ юродивыхъ ласкали богачи и бояре. Разсказываютъ, что какой-то бояринъ давалъ пиръ у себя въ домѣ, и, встрѣтивъ юродиваго на улицѣ, поклонился ему до земли, просилъ его сотворить любовь—придти къ нему на пиръ хлѣба есть. Блаженный отвѣчалъ: Какъ Богъ хочетъ, такъ и будетъ. Онъ пришелъ къ боярину рано, когда еще не только гости не сходились, но и самъ хозяинъ, не ждавши къ себѣ приглашенныхъ, вышелъ изъ дома. Прислуга начала издѣваться надъ юродивымъ: одни толкали его; другіе ругались надъ нимъ. Николай вышелъ изъ дома. Когда пришло время, гости собрались

Digitized by Google

на пиръ; хозяинъ приказалъ своимъ паробкамъ принести вина, меду и всякаго питія. Паробки пошли съ сосудами къ бочкамъ, и не нашли ни капли ни въ одной бочкѣ; а передъ тѣмъ онѣ были полны. Господинъ, когда ему донесли о такомъ непонятномъ приключеніи, самъ осмотрѣлъ бочки и не нашелъ ни капли. Нечего было дѣлать—гости были созваны, безъ вина оставаться было нельзя; хозяинъ рѣшился посылать за винами на варяжскій (нѣмецкій) дворъ, но потомъ вспомнилъ о Николаѣ и спросилъ: былъ ли здѣсь блаженный? «Былъ—отвѣчали ему:—да невѣгласы прогнали его».—Хозяинъ избралъ изъ своихъ слугъ степенныхъ и добрыхъ, и послалъ искать Николая и умолять его, чтобъ онъ простилъ оказанное ему оскорбленіе и пришелъ къ нему въ домъ. Блаженный не ослушался, пришелъ. Бояринъ посадилъ его на первое мѣсто, кланялся передъ нимъ и говорилъ: «отдай мнѣ согрѣшеніе моихъ слугъ, и благослови внести питіе.» — «Будетъ тебѣ, какъ ты хочешь», сказалъ Николай. Самъ хозяинъ отправился со слугами въ подклѣть къ бочкамъ и нашелъ, что все вино цѣло. Уклоняясь отъ почестей, которыя его ожидали, Николай ускользнулъ послѣ того изъ боярскаго дома.

Путешествія къ святымъ мѣстамъ считались постоянно богоугоднымъ дѣломъ, искупляющимъ житейскіе грѣхи. Толпы народа собирались повсюду, гдѣ только являлась какая-нибудь репутація святости: предъ иконами, о которыхъ расходилась молва, что онѣ творятъ чудеса и исцѣленія; у гробовъ признаваемыхъ святыми и праведниками; предъ уединенными келіями отшельниковъ, отъ которыхъ ожидали пророчества о будущемъ; и вообще ходили въ монастыри и пустыни въ храмовые праздники по обѣту, къ которому прибѣгали всегда въ несчастіяхъ и болѣзняхъ, и считали потомъ себя обязанными исполнить обѣщаніе —сходить туда, помолиться. Новгородцы ходили на Востокъ, въ Царьградъ, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ. Послѣд-

Digitized by Google

няго рода путешествіе считалось особенно богоугоднымъ по своей трудности и продолжительности. Часто поводомъ къ такимъ подвигамъ было раскаяніе о прежней жизни, проведенной неблагочестиво. Такъ Василій Буслаевичъ отправился въ Іерусалимъ, потому что съ-молоду было много бито-граблено, подъ старость надобно душу спасти. Въ подобныя далекія путешествія отправлялись ватагами, товариществами. Въ пѣснях, паломники, пилигримы называются калики перехожіе, и будучи богомольцами, подчасъ являются и могучими удальцами, воинами. Отъ древняго Новгорода осталось два описанія путешествій въ Царьградъ: Стефана и Добрыни Ядрейковича, бывшаго потомъ новгородскимъ владыкою подъ именемъ Антонія. Владыка Василій путешествовалъ въ Іерусалимъ; онъ указываетъ на это въ своемъ посланіи къ тверскому владыкѣ Василію, говоря, что видѣлъ врата, затворенныя Христомъ, мѣсто, гдѣ Христосъ постился и финиковыя деревья, насажденныя Его руками. Возвратившись въ отечество, новгородскіе паломники любили разсказывать всякія дивы и небылицы про дальнія страны и про свои приключенія въ этихъ странахъ. Такимъ образомъ, въ томъ же посланіи, владыка Василій говоритъ, что новгородецъ Мойславъ и сынъ его Яковъ, путешествуя по Востоку на морѣ, заѣхали къ раю. Было у нихъ три юмы [1]) (судна), долго ихъ носило вѣтромъ; одна погибла, а двѣ прибило къ высокимъ горамъ. Они увидали, что на горѣ былъ написанъ деисусъ удивительно красиво: такъ и видно, что не человѣческія руки его творили; а свѣтъ на томъ мѣстѣ былъ самосіянный, такой свѣтъ, что и разсказать человѣку невозможно; солнца не видали, а свѣтлѣе солнца было на томъ мѣстѣ. И слышали новгородцы изъ-за горъ ликованія и веселыя пѣсни. Вздумали они по щеглѣ (по

[1]) Не сумы ли?

Digitized by Google

мачтѣ) взобраться на гору. Взобрался первый—глянулъ, всплеснулъ руками, засмѣялся и побѣжалъ за гору. Послали новгородцы другого. «Смотри, говорили ему—не убѣгай; воротись и намъ разскажи, что̀ тамъ такое». Но и другой, какъ только взошелъ на гору, не захотѣлъ ворочаться къ своимъ, а обрадовался чему-то и удалился за гору. «Ну, хоть бы намъ смерть приключилась»—сказали тогда новгородцы—«а ужъ увидимъ свѣтлость этого мѣста, узнаемъ, что̀ тамъ такое». Послали они третьяго на гору, и привязали веревками за ноги, чтобъ не ушелъ. Но и тотъ, какъ только взошелъ на гору, какъ только глянулъ за гору, всплеснулъ въ радости руками, забылъ, что привязанъ за ноги, пустился бѣжать... товарищи дернули за веревку, потянули его назадъ, а онъ тутъ и духъ испустилъ. «Видно», сказали тогда паломники,—«не дано намъ видѣть неизреченнаго веселія и свѣтлости мѣста сего». То былъ рай земной. Не можетъ человѣкъ посмотрѣть на него и захотѣть воротиться въ этотъ исполненный печалей и несовершенствъ міръ. За то другіе новгородцы, ѣздившіе на Западъ, разсказывали, что доходили до ада, видѣли истекающую изъ преисподней молнійную рѣку Моргъ; видѣли на дышущемъ морѣ червь неусыпающій; слышали скрежетъ зубный грѣшниковъ. Охота къ паломничеству доходила до злоупотребленій, и благочестивые пастыри должны были говорить противъ такихъ путешествій; потому что иногда, подъ видомъ благочестія, укрывалось побужденіе къ лѣни, праздношатанію и бродяжничеству.

VIII.

ОСОБЕННОСТИ НОВГОРОДСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ Церкви новгородской существовали нѣкоторыя особенности, которыя виднѣются въ современныхъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи Вопросы Кириковы и прило-

Digitized by Google

женныя при нихъ правила архіепископа Иліи (Іоанна), представляютъ замѣчательныя черты. Нѣкоторыя правила, относящіяся до богослуженія, показываютъ, что тогда уже возникали вопросы относительно такого или другого исполненія обрядовъ. При толкахъ объ обрядѣ крещенія возникалъ вопросъ о крещеніи взрослаго человѣка; изъ чего видно, что язычество было еще сильно, и многіе принимали крещеніе въ зрѣломъ возрастѣ. Взрослый человѣкъ долженъ былъ проходить искусъ оглашенія; время для этого было различное: для болгарина (волжскаго), чудина и половчина сорокъ дней, а для славянина только восемь. Вѣроятно, такое различіе во времени принято оттого, что славянинъ имѣлъ возможность научиться скорѣе, бесѣдуя со священникомъ на своемъ языкѣ, тогда какъ иноплеменники должны были быть поучаемы или чрезъ переводчиковъ, или сами прежде нѣсколько научившись языку. Извѣстный обрядъ отреченія отъ сатаны совершался нѣсколько пространнѣе, чѣмъ теперь: поднявъ руки вверхъ, слѣдовало произносить, обращаясь къ бѣсовскому владыкѣ: «нѣтуть твоего зла, ни что же скрыто у мене, ни гдѣ же не держю ни таю.» Здѣсь нельзя не видѣть матеріальнаго понятія о невещественномъ злѣ, отъ котораго отрекаются. Въ народѣ такъ еще мало было сознанія христіанства, что возникалъ вопросъ: какъ поступать съ такимъ, который самъ не знаетъ, крещенъ ли онъ, или нѣтъ; и вопросъ этотъ разрѣшался такъ, что надобно спрашивать свидѣтелей, и если не найдутся свидѣтели, то крестить его. Случалось, что католики принимали православіе; возникъ вопросъ,—какъ поступать въ такомъ случаѣ, и разрѣшался такъ: онъ долженъ ходить семь дней въ церковь; священникъ въ это время наречетъ ему имя и будетъ читать надъ нимъ четыре молитвы, по десяти разъ каждую сряду; оглашенный долженъ воздерживаться отъ мяса и молока. Въ восьмой день, вымывшись, онъ

Digitized by Google

долженъ былъ приходить къ священнику, который, помолившись надъ нимъ, одѣвъ его въ чистыя одежды, и самъ надѣвъ на себя крестныя ризы, возложитъ ему на голову вѣнецъ, помажетъ св. мѵромъ и на литургіи причаститъ св. Таинъ.

Но съ другой стороны народъ мало понималъ различіе вѣроисповѣданія: ибо въ тѣхъ же вопросахъ есть извѣстіе, что матери носили крестить дѣтей своихъ къ варяжскому (римско-католическому) попу.

Покаяніе въ грѣхахъ сопровождалось епитиміями. Онѣ состояли въ постѣ и сухояденіи и, вѣроятно, въ поклонахъ. За важные грѣхи налагалось по десяти лѣтъ поста, иногда по три года, по два года; въ эти сроки кающійся грѣшникъ не долженъ былъ ѣсть мяса и пить меда. Тѣ, которыхъ грѣхи вынуждали болѣе строгую епитимію, не могли разрѣшать даже на Великій День. На иныхъ налагался, въ продолженіи опредѣленныхъ лѣтъ, постъ сплошной, исключая воскресенья, субботы и господскихъ праздниковъ. Для другихъ епитимія состояла въ томъ, что, кромѣ постовъ, опредѣленныхъ для всѣхъ церковью, назначался имъ, въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, постъ въ скоромные дни на извѣстное число дней, напр. сорокадневный постъ. Нѣкоторые добровольно налагали на себя за грѣхи воздержаніе. Священникъ, исповѣдуя грѣшника, при назначеніи епитиміи, принималъ во вниманіе количество грѣховъ и назначалъ нѣсколько епитимій, но не всѣ разомъ, а одну за другою, чтобъ не отягчить человѣка избыткомъ епитимій. Если кающійся отправлялся въ войско, то епитимія снималась прежде срока. Для спасенія души и умилостивленія Бога, считался дѣйствительнымъ приносъ какого-нибудь дара въ церковь, и церковный судъ не дозволялъ принимать приноса отъ тѣхъ, которые своими грѣхами заслуживали такое исключеніе. Приносъ, будучи богоугоднымъ дѣломъ, долженъ даваться чистымъ и пра-

Digitized by Google

веднымъ человѣкомъ [1]). Духовенство, назначая епитиміи, не препятствовало нести ихъ за другихъ, по слову апостола: другъ другу тяготы носите. Тогда въ Новгородѣ возникло вѣрованіе, что тягость покаяннаго поста можетъ быть замѣнена служеніемъ заказныхъ обѣдень; такъ напр. десять литургій избавляли отъ трехъ мѣсяцевъ времени епитиміи; двадцать обѣдень равнялись восьми мѣсяцамъ, а тридцать приравнивались къ цѣлому году. Это мнѣніе, распространенное въ народѣ, однако, не одобрялось ревнителями строгости церковныхъ уставовъ.

Въ понятіе о духовномъ отцѣ входило нѣчто такое, что представляло неизмѣнную связь его съ духовными дѣтьми, а потому и возникъ вопросъ: можно ли переходить отъ одного духовнаго отца къ другому? Епископъ разрѣшилъ этотъ вопросъ: дозволительно, потому что *покаяніе вольно есть*; но для уваженія къ прежнему духовному отцу, въ такомъ случаѣ правило архіепископа Иліи повелѣваетъ непремѣнно отпроситься у него и дать ему *дарокъ*.

Причащались гораздо чаще чѣмъ теперь, нѣсколько разъ въ годъ. На пасху, по древнему обычаю, еще непришедшему въ забвеніе, причащались всѣ, исключая тѣхъ, на комъ лежала епитимія. Дѣтей въ этотъ праздникъ причащали тотчасъ послѣ заутрени, сохраняя для этого св. дары отъ великосубботней обѣдни. Строгое соблюденіе правила не ѣсть до причастія распространялось

---

[1]) Не пріемли приноса въ Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ ни отъ еретикъ, ни отъ блудникъ, ни отъ татей, ни отъ разбойникъ, ни отъ грабитель, ни отъ властей немилосердыхъ, ни отъ корчемникъ, ни отъ ротникъ, ни отъ поклепникъ, ни отъ лжива послуха, волхва и потворника, или кто томитъ челядь свою гладомъ и жаждою, ранами и наготою, и кто будетъ отъ таковыхъ не покается, не пріемли у нихъ приноса. (Изъ Сборн. XV. в. Прин. Кирил. Бѣлоз. Библ.).

Digitized by Google

даже на прикосновеніе скоромнаго къ зубамъ, какъ могло случиться съ ребенкомъ: возникалъ вопросъ о томъ, можно ли причащаться, если кто постучитъ въ зубы яйцомъ. Вопросъ этотъ разрѣшался такъ: дитяти можно; а взрослому дозволяется только тогда, когда онъ одинъ разъ постучитъ, а если нѣсколько разъ, то нельзя [1]). Старинный обычай причащаться нѣсколько разъ въ годъ, поддерживался постоянно въ теченіи вѣковъ; въ концѣ XIV вѣка церковная власть хотѣла установить особыя, приличныя для этого, времена въ году. Такимъ образомъ тогда совѣтовали причащаться около Великаго Дня, Рождества Христова и въ другіе великіе праздники, непремѣнно съ тѣмъ условіемъ, чтобъ приходить къ св. причастію подпоясавшись. Для избѣжанія соблазна, мужчины причащались у средняго, а женщины у лѣваго алтарнаго входа, что́ противъ жертвенника.

Изъ правилъ, относящихся до погребенія и до поминовенія мертвыхъ, замѣчательно, что Церковь предписывала хоронить усопшихъ непремѣнно до заката солнца, чтобъ дневное свѣтило послѣдній разъ озаряло отходящаго въ могилу, который не увидитъ его до общаго воскресенія. Кто умеръ безъ покаянія, надъ тѣмъ хотя служили погребальное послѣдованіе, но безъ церковнаго облаченія. Въ XV вѣкѣ не всегда, какъ видно, соблюдалось правило не хоронить самоубійцъ по христіанскому обряду, и, съ другой стороны, не всегда различались самоубійцы отъ умершихъ нечаянно, или насильственною смертью, ибо митрополитъ Фотій долженъ былъ объ этомъ напоминать въ своей грамотѣ. Литургіи за упокой служились непремѣнно на трехъ просфорахъ: одна называлась великая,— при изъятіи изъ ней частицъ не поминался мертвый; двѣ другія были за упокой. Сами собою, безъ церковнаго пра-

[1]) Памятн. Росс. Словесн. XII в., стр. 155.

Digitized by Google

вила, составлялись въ народѣ нѣкоторыя правила, то воспрещаемыя, то дозволяемыя; напр. въ язычествѣ хоронили мертвецовъ всегда съ какими-нибудь вещами; христіане перенесли этотъ языческій обычай и въ христіанское погребеніе и стали класть съ погребеннымъ иконы. Кирикъ дѣлалъ вопросъ: можно ли это? Епископъ въ отвѣтъ не велѣлъ выгребать положенныя иконы; но этимъ уже показывается, что прежде бывали случаи, когда ихъ выгребали, считая это дѣломъ непозволительнымъ. Такъ какъ при послѣдованіи погребенія молились объ отпущеніи грѣховъ усопшаго, то возникалъ толкъ, будто оно совершается во очищеніе грѣховъ покойника, слѣдовательно, надъ младенцами безгрѣшными не слѣдуетъ пѣть, какъ и надъ святыми. Обычный день для поминовенія былъ суббота, и самъ собою образовался въ этотъ день обычай класть поклоны за умершихъ; они назывались заупокойные поклоны. Епископъ воспрещалъ это, толкуя, что надобно класть такіе поклоны въ пятницу, а никакъ не въ субботу.

Подобно какъ и теперь, ставили въ знакъ поминовенія усопшихъ кутью и служили сорокоусты; и епископы, вѣроятно, чтобъ предупредить произволъ и недоразумѣнія, постановляли плату за сорокоустныя поминовенія, по числу ихъ. Но въ этомъ существовали нѣкоторыя особенности, которыхъ нѣтъ теперь; напримѣръ: сорокоусты правились не только по мертвомъ, но и по живомъ, ради будущаго спасенія души. Епископы не воспрещали этого обычая, самовольно вкравшагося въ народное благочестіе, но приказывали священникамъ произносить тому, за кого служился сорокоустъ: «брате! не согрѣшай больше! мертвецъ не согрѣшаетъ!» Ставленіе кутьи не было исключительнымъ обрядомъ поминовенія; но кутья ставилась и за здравіе живущаго.

Въ молодомъ христіанскомъ народѣ явилось тогда желаніе все освящать церковными молитвословіями и обря-

Digitized by Google

дами; такимъ образомъ, приносили въ церковь для освященія всевозможныя произрастенія: горохъ, чечевицу, пшеницу, коноплю, также сосуды, и пр. Страхъ бѣса пугалъ тогда фантазію и располагалъ къ тому, чтобъ ограждать вліяніемъ и благословеніемъ религіи все, что служило для обыденной жизни. Вещи, по понятіямъ времени, часто дѣлались скверными отъ разныхъ причинъ; только чрезъ посредство освященія имъ возвращалась возможность безукоризненно быть употребляемыми. Церковь ввела различіе между чистыми и нечистыми, употребительными и неупотребительными въ пищу, животными; но вообще со снисходительностію дозволяла, по возможности, нѣкоторыя мѣстныя привычки; такъ напр. позволялось ѣсть бѣлокъ, лишь бы онѣ не были удавлениною. Держась словъ апостола, только удавленину и кровь преслѣдовали безусловно.

По мѣрѣ того какъ усиливалось въ духовенствѣ нерасположеніе къ западной Церкви, церковныя власти начали смотрѣть, какъ на нечистое, на все, что исходитъ изъ рукъ западныхъ христіанъ. Такъ митрополитъ Фотій приказывалъ освящать овощи, вино и вообще все съѣстное, получаемое изъ-за границы.

Изъ многихъ мѣстъ Кириковыхъ Вопросовъ видно, какъ подъ вліяніемъ церковныхъ воззрѣній образовалось у новгородцевъ и псковичей понятіе о нечистотѣ женщины, переходившее даже и въ ту сферу, въ какой Церковь не соглашалась признавать въ ней такое качество. Такимъ образомъ, возникъ вопросъ: можно ли служить священнику въ ризахъ, въ которыя вшитъ женскій платокъ, и на это епископъ отвѣчалъ: «развѣ женщина поганая?» Но по другимъ случаямъ, женщина признавалась такою со стороны церковныхъ представителей. Такъ родильницѣ не только въ продолженіи сорока дней не дозволялось ходить въ храмъ, какъ дѣлается и теперь, но изба, гдѣ родилось дитя, въ продолженіи трехъ дней считалась осквер-

Digitized by Google

ненною, и духовные не могли въ нее входить; а по прошествіи трехъ дней ее вымывали и освящали. Если бы случилось родильницѣ умереть, то для того, чтобъ дать ей предсмертное причастіе, нужно было ее вынести изъ того покоя, гдѣ она лежала, въ другой, и тамъ уже причастить. Женщина считалась недостойною печь просфоры. Эти понятія необходимо должны были имѣть вліяніе на образованіе презрительнаго взгляда на женщину вообще. Это несходилось съ коренными понятіями славянскаго племени.

Христіанство должно было заботиться о поддержаніи правильныхъ браковъ, и долго еще боролось со старыми языческими привычками: нѣкоторые жили съ женщинами не вѣнчаясь, другіе находились въ связяхъ со своими рабынями, не подозрѣная тутъ предосудительнаго. Вообще, въ Новгородѣ на брачныя связи смотрѣли легко, даже и въ позднія времена; и такъ постоянно духовенство старалось искоренять браки безъ вѣнчанія, которые, однако, по народному понятію, почитались настоящими браками. Причина, почему избѣгали вѣнчанія, была та, что въ старой жизни укоренились частые разводы: были нерѣдко примѣры, что мужъ передавалъ свою жену другому, другой третьему, и женщина оставляла мужа и переходила изъ рукъ въ руки. Съ невѣнчанными можно было и при христіанствѣ соблюдать обычай языческихъ нравовъ. Самое вѣнчаніе не уничтожало разводовъ, и жены вѣнчанныя также разлучались съ мужьями и сходились съ другими. Нерѣдко супруги расходились добровольно, по недостатку средствъ жизни. Всѣ возникавшія по этому поводу дѣла принадлежали суду Церкви, и владыки старались постановить правила, предупреждавшія эти случаи, но принуждены бывали поневолѣ оказывать иногда снисходительность къ народнымъ обычаямъ. Такимъ образомъ, дозволялось мужу отпустить жену, которую онъ считалъ виновною въ нарушеніи супружеской вѣрности, и даже такой мужъ

Digitized by Google

могъ послѣ того принимать священство. Вообще, церковные судьи, руководствуясь византійскими понятіями, были строже къ женщинѣ, чѣмъ къ мужчинѣ. Такъ, и въ отвѣтѣ Кирику, епископъ, на основаніи правила св. Василія, даетъ свободу мужу, лишая этой свободы жену: «ни по коей же винѣ женѣ не отлучатися мужа своего»; напротивъ—«аще жена отъ мужа со инымъ, то мужъ не виноватъ пуская ю».

Тогда какъ строгая византійская нравственность порицала троеженство (хотя и допускала въ крайности), и даже на самое второбрачіе смотрѣла неблагосклонно, русскіе безпрестанно разводились,—даже въ XV вѣкѣ Фотій долженъ былъ научать новгородцевъ и псковичей, чтобъ они не давали должности церковныхъ старостъ разведшимся съ женами, какъ и второбрачнымъ.

Нѣкоторыя особенности въ богослуженіи и въ церковныхъ требахъ, сохранялись въ Сѣверной Руси въ XIV и XV вѣкахъ, отчасти дозволяемыя, отчасти воспрещаемыя властями. Видно, что, въ древнія времена, отъ недостатка научнаго образованія, духовенство путалось во множествѣ сложныхъ обрядовъ, и возникали разные вопросы о богослужебномъ порядкѣ и о требахъ; эти вопросы разрѣшались иногда духовенствомъ самовольно, противно церковнымъ правиламъ; для возстановленія правильности богослуженія слѣдовало спрашивать владыку и даже митрополита. Напр., митрополитъ долженъ былъ объяснять, когда надобно было въ церковномъ чинѣ служить обѣдню св. Василія вмѣсто Златоустовой. Богослуженіе на страстной недѣлѣ, когда, по церковному уставу, вводятся значительныя отличія противъ обычнаго вседневнаго, было предметомъ особыхъ вопросовъ. Такъ въ XIV вѣкѣ, въ великую субботу, пѣли ееимоны, что̀ запрещено было митрополитомъ, когда объ этомъ его спросили. Духовенство не вполнѣ сознавало значеніе церковныхъ сановъ, ибо дѣлало воп-

Digitized by Google

рось митрополиту Кипріану: если гдѣ нибудь нѣтъ діакона, то можетъ ли священникъ служить за діакона? Отвѣтъ былъ, разумѣется, отрицательный. Въ соблюденіи постовъ вкрались произвольныя отмѣны, напр. не постились въ Преполовеніе, которое всегда бываетъ въ среду, и въ Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи; а постъ праздника Воздвиженія соблюдали два дня: канунъ праздника и самый праздникъ. При совершеніи крещенія въ Новгородской и Псковской Землѣ вкрался обычай обливанія вмѣсто погруженія. Трудно рѣшить, заимствованъ ли этотъ обрядъ съ Запада, или самъ собою образовался; вѣроятнѣе послѣднее, ибо естественно въ древности могла возникнуть эта замѣна по удобству при крещеніи взрослыхъ. Митрополитъ Кипріанъ запрещалъ творить обливаніе, повелѣвалъ также не присутствовать при крещеніи младенца куму и кумѣ вмѣстѣ, но одному какому-нибудь лицу: или мужскаго, или женскаго пола. Наружный видъ служенія литургіи въ древности имѣлъ нѣкоторыя отмѣны и отличія въ сравненіи съ нынѣшнимъ порядкомъ, какъ это видно изъ старинныхъ пергаментныхъ служебниковъ. Изъ книги Зиновія противъ Косаго видно, что въ-старину не пѣли «Вѣрую во единаго Бога» и «Отче нашъ», но читали, и обычай пѣть осуждался какъ нововведеніе, возникшее первоначальнно во Псковской Землѣ.

Въ сравненіи съ Восточною Русью, сѣверный край все-таки былъ книжнѣе и образованнѣе. Въ Новгородѣ были школы, гдѣ учили дѣтей грамотѣ и письму. Такъ, въ житіи Іоны говорится о школѣ, въ которой учились дѣти. Были школы и по селамъ. Это видно изъ житія Антонія Сійскаго. Родомъ поселянинъ, онъ былъ отданъ въ сельскую школу. Въ Новгородѣ и Псковѣ всегда находились такъ-называемые философы, люди, занимавшіеся чтеніемъ писанія и церковныхъ книгъ и любившіе словопренія и благочестивые разговоры. Къ такимъ-то принадлежали тѣ,

Digitized by Google

о которыхъ упоминается въ житіи Евфросина Псковского, и тѣ, о которыхъ говорится въ Новгородской Лѣтописи, по поводу вопроса о «Господи помилуй» [1]). Въ 1471 г. митрополитъ Филиппъ, уговаривая новгородцевъ не отдаваться латинскому королю, говоритъ: «вѣмъ, яко книжнѣй мудрости сами разумни есте» [2]). Отъ такихъ-то любителей мудрованія, конечно, пошли и вольнодумныя идеи, положившія въ этой странѣ начатокъ тому раскольническому движенію, которое проходитъ чрезъ всю нашу исторію, и которое, въ отличіе отъ обряднаго, мы назовемъ реформаціоннымъ.

IX.

ЦЕРКВИ.

Множество церквей было характеристической особенностію нашихъ сѣверныхъ городовъ. Однѣ изъ нихъ строились обществомъ, другія владыками изъ своей казны, иныя частными людьми. Когда строило общество—это называлось строить *пометомъ*, т. е. складчиною. Иногда строила церковь цѣлая улица, т.-е. имѣющіе дома на улицѣ, гдѣ ставилась церковь; иногда основывалась церковь торговою корпораціею: такъ, построена была св. Пятница заморскими купцами, а въ Русѣ построили церковь купцы прасолы. Во время моровыхъ повѣтрій ставили обыденныя церкви, которыя слѣдовало въ одинъ день и поставить и освятить. Частные люди по какимъ-нибудь случаямъ въ жизни давали обѣты поставить церковь, и такія церкви назывались обѣтныя. Это бывало такъ, что когда угрожаетъ опасность, то даютъ обѣщаніе построить

[1]) Новг. IV. 130.
[2]) А. И. I. 518.

Digitized by Google

церковь, если Богъ поможетъ избавиться отъ опасности, и, когда опасность минетъ, ставятъ церковь въ благодарность Богу. Другіе, чувствуя за собой грѣхи, думали загладить ихъ передъ Богомъ построеніемъ церкви.

Построеніе церквей въ Новгородѣ началось съ самаго появленія христіанства. Еще до общаго крещенія Новгорода и истребленія идоловъ, по извѣстію Іоакимовской Лѣтописи, существовала въ Новгородѣ церковь Спаса Преображенія, можетъ быть, на томъ мѣстѣ на Торговой сторонѣ, гдѣ была такая же церковь впослѣдствіи и гдѣ существуетъ она подъ тѣмъ же названіемъ и теперь. Въ концѣ X-го вѣка построена въ Дѣтинцѣ деревянная церковь во имя Софіи Премудрости Божіей о тринадцати верхахъ, а въ XI-мъ вѣкѣ, на другомъ мѣстѣ, въ томъ же Дѣтинцѣ, сооружена каменная церковь св. Софіи. Она строена пять лѣтъ (1045—1050). Для расписки стѣнъ ея призваны греческіе художники. Объ этомъ событіи сохранилась такая легенда. Иконописцы писали образъ Спасителя на куполѣ, по обыкновенію, съ благословляющею рукою. Но черезъ ночь написанный ими образъ оказывался не съ благословляющею, а со сжатою рукою. Иконописцы поправили по своему; черезъ ночь у нарисованнаго Спасителя рука снова была сжата. И еще разъ поправили иконописцы; и еще разъ увидали поутру сжатую руку. Наконецъ, на четвертое утро, иконописцы услышали гласъ:—«Писари, писари, о писари! Не пишите меня съ благословлящею рукою, а со сжатою! Я въ этой рукѣ держу Великій Новгородъ, а когда Моя рука разожмется, тогда будетъ граду сему скончаніе!» О другомъ мѣстномъ образѣ Спасителя сохранилась такая легенда: образъ этотъ привезенъ изъ Греціи, и писанъ когда-то греческимъ царемъ Эммануиломъ. Однажды, этотъ царь хотѣлъ наказать священника. Тогда ночью явился ему Спаситель въ томъ видѣ, въ какомъ былъ имъ изображенъ на иконѣ, и

Digitized by Google

сказалъ: «Зачѣмъ восхищаешь ты святительскій судъ? Тебѣ дано начальство надъ людьми,—твое дѣло оборонять ихъ отъ враговъ,—а духовно вязать и рѣшать поручено святителямъ.» Явились и ангелы; Спаситель протянулъ перстъ и приказывалъ имъ нанести удары царю. Когда царь проснулся, то почувствовалъ на тѣлѣ боль отъ ударовъ и увидѣлъ, что на иконѣ у Спасителя перстъ былъ протянутъ. Тогда царь понялъ, что не слѣдуетъ свѣтскимъ властямъ судить духовныхъ особъ. Этотъ образъ былъ патрональнымъ для владыки и всего новгородскаго духовенства, потому что съ нимъ соединялось преданіе, охранявшее Церковь отъ своевольства новгородцевъ. Послѣ паденія Новагорода, онъ былъ отвезенъ въ Москву и поставленъ въ Успенскомъ соборѣ.

Церковь св. Софіи имѣла до послѣдняго времени патрональное значеніе для Новгорода и всей его Земли. Тамъ хоронили владыкъ, иногда князей, и тѣхъ гражданъ, которые особенными подвигами и услугами отечеству удостоивались по смерти такой чести, преимущественно, когда они положили головы въ бою за вѣру и новгородскую свободу. Быть погребеннымъ во храмѣ св. Софіи считалось самою высокою честью. Въ XI-мъ вѣкѣ почти не упоминаютъ лѣтописи о построеніи церквей въ Новгородѣ, кромѣ Софіи, и Бориса и Глѣба, построеннаго на мѣстѣ прежней Софіи въ 1050 году. Несомнѣнно, однако, что существовала церковь Иліи въ Славнѣ, упоминаемая какъ существующая въ 1105 году, и Спасопреображенская, первая, какъ можно думать, христіанская церковь въ Новгородѣ. Къ этому времени можно отнести и первое построеніе Михайловской церкви на Софійской сторонѣ на Прусской улицѣ, если только по Новгородской Лѣтописи ее надобно разумѣть подъ освященною 1088 года церковью св. Михаила [1]). Вообще въ этотъ вѣкъ не могло

[1]) Новгор. Л. I, 3.

Digitized by Google

быть такого обилія церковныхъ построекъ, какъ въ послѣдующіе вѣка, потому что тогда христіанство не успѣло привиться и войти въ плоть и кровь новгородскаго народа.

Въ XII-мъ вѣкѣ упоминается о тридцати-двухъ церквахъ и сверхъ того о восьми деревянныхъ, погорѣвшихъ въ Славенскомъ концѣ, изъ которыхъ двѣ оказываются въ числѣ выше поименованныхъ. На Торговой сторонѣ были, каменныя: Николая Чудотворца на Ярославовомъ Дворищѣ (1113), Іоанна-на-Опокахъ, построенная Всеволодомъ Мстиславичемъ (1127—1130), Успенія Богородицы на Козьей-Бородкѣ (1135 — 1144), Климента на Иворовой улицѣ (1153), Пятницы на Торгу (1156), св. Отецъ на Дворищѣ (1182), Іоанна Предтечи на Дворищѣ (1184): всѣ онѣ въ Славенскомъ концѣ; деревянныя: Георгія (1133), Иліи (упоминается въ 1146 году—старая церковь), Петра и Павла на Холмѣ (1146), Михаила Архангела (сгорѣла 1152 года), Іоанна Ищькова (1181), Ипатія на Рогатицѣ (1183), Спасопреображенская (упоминается 1169 г. —старая церковь). Изъ каменныхъ церквей: Успенія на Козьей-Бородкѣ прежде была деревянная, а потомъ на ея мѣстѣ построена каменная. Церковь Пятницы заложена была заморскими купцами въ 1156 году, но она, какъ видно, не была достроена, и въ 1191 г. сдѣлана деревянная, а каменная совершена уже въ 1207 году. На Софійской сторонѣ было восемнадцать церквей; изъ нихъ каменныя: Николая въ Неревскомъ концѣ на Яковлевой улицѣ (1136), Саввы Преждеосвященнаго въ Саввиной улицѣ, въ Неревскомъ концѣ (1154), Бориса и Глѣба, построенная Садкомъ Сытиничемъ въ Дѣтинцѣ (1167), Іакова въ Неревскомъ концѣ (1172), Вознесенія (1191 г. свершена въ 1211), Сорокъ Мучениковъ (1199). Изъ нихъ церковь Вознесенія была прежде деревянная. Деревянныя: въ Неревскомъ концѣ, Ѳеодора Тирона (1115), Ѳеодора

Digitized by Google

Стратилата (1118), Космодемьянская на Холопьей улицѣ (1143), Василія въ Людинѣ концѣ (1151), Константина и Елены въ Неревскомъ концѣ (1151), Троицы въ Щитиницѣ, въ Людиномъ концѣ (1165), Михаила Архангела на Прусской улицѣ (упомин. сгорѣвшею въ 1175 г.—старая перковь), Іоанна Усѣкновенія на Чюдинцевой улицѣ (1176), Іакова на Добрынѣ улицѣ въ Людиномъ концѣ (1181), Власія въ Людиномъ концѣ (1184), Срѣтенія на Владычнемъ дворѣ, въ Дѣтинцѣ (1191). Сверхъ того, неизвѣстно гдѣ находилась церковь Трехъ Отроковъ на Житуни: Макарій думаетъ, что это мѣсто на Прусской улицѣ.

Въ XIII-мъ вѣкѣ, нѣкоторыя изъ церквей, бывшія въ предыдущемъ столѣтіи деревянными, стали каменными: на Торговой сторонѣ церковь Иліи на Холмѣ въ 1202 г. и Луки Евангелиста, которая была прежде на Колѣнѣ (слѣд. существовала еще въXII-мъ вѣкѣ), а въ 1207 перенесена на улицу Лубяницу; на Софійской сторонѣ Сорока Мученикъ (1211), Іакова въ Неревскомъ концѣ—бывъ прежде каменною, вѣроятно обвалилась и вновь была отстроена (1229), —Ѳеодора Стратилата (1294). Вновь упоминаются деревянныя церкви на Торговой сторонѣ: Рождества на Колѣнѣ въ Запольи за Плотницкимъ концомъ (1226), Димитрія на Славковой улицѣ (1262—сгорѣла), Бориса и Глѣба (1262), Женъ Мvроносицъ (1299). На Софійской: Двѣнадцать Апостоловъ между Прусскою и Чюдинцевой (1230); Луки въ Людиномъ концѣ (упомин. сгорѣвшею въ 1234), Саввы въ Неревскомъ концѣ (1271 г.—неизвѣстно какая), Рождества во Владычнѣ дворѣ въ Дѣтинцѣ (1290 упоминается).

Въ XIV-мъ вѣкѣ строилось много церквей; нѣкоторыя каменныя на мѣсто деревянныхъ; другія вновь заложены каменными. На Торговой сторонѣ, вмѣсто деревянныхъ, отстроены каменныя: Михаила Архангела (1302), Бориса и Глѣба (1300—1308; деревянная оставалась и сгорѣла въ

Digitized by Google

1311 г.), св. Отецъ 1318, на Княжѣ дворѣ, т.-е. на Ярославовомъ дворищѣ (1310 г.) Христова (1324; дерев. упомин. сгорѣвшею въ 1311 году), Георгія на Лубяницѣ (1356), Прокопія (1359; упоминается сгорѣвшею въ 1311 г.), Ѳеодора Стратилата въ Плотницкомъ концѣ (1359 г., упоминается деревянн. подъ 1329 г.), Ипатія на Рогатицѣ (1369 — 1370), Спаса Преображенія на Ильиной улицѣ (1374), Димитрія на Славковой улицѣ (1381—1382), Рождества въ Полѣ (1382), Климента на Иворовой улицѣ (1386). Вновь каменныя: Знаменская (1355), Іоанна у Нѣмецкаго двора (1359), Благовѣщенская на Михайловской улицѣ въ Славенскомъ концѣ (1362), Петра и Павла въ Славномъ (1367), Бориса и Глѣба въ Плотницкомъ концѣ на Запольской улицѣ (1377), Филиппа на Нутной улицѣ (1383), Іоанна Богослова въ Радоковицахъ (1383). Деревянныя: Димитрія на Боянѣ Улкѣ (1300), Екатерины на Торгу (упомин. сгорѣвшею въ 1311), Спаса на Лубяницѣ (упомин. сгорѣвшею въ 1329 г.), Никиты въ Плотницкомъ концѣ (1398). Сверхъ того, упоминается о 22 церквахъ, сгорѣвшихъ въ 1399 г. Прежде каменныя вновь перестроены: Пятницы (1345), Успенія (1388). На Софійской сторонѣ, въ Дѣтинцѣ: — каменныя: Владимира на Воротахъ, отъ Прусской улицы (1311), Входъ въ Іерусалимъ, близь Софіи (1336), Іоанна Златоустаго (1351), вмѣсто деревянной, каменная Рождества Христова, на-Сѣняхъ (1362); вмѣсто старыхъ каменныхъ: Покрова Пресвятыя Богородицы у Прусскихъ воротъ (1389 г.; прежняя каменная упоминается въ 1305 году), Бориса и Глѣба (1351), деревянная Аѳанасія и Кирилла обѣтная (1390); неизвѣстно какая Богородицы (1351). На Софійской сторонѣ, за Дѣтинцемъ: каменныя вмѣсто деревянныхъ: Троицы въ Редятинѣ улицѣ въ Людинѣ концѣ (1366), Василія на Ярышевой улицѣ, въ Людинѣ концѣ (1370), Флора и Лавра на Людгощѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1379), Константина и Елены

Digitized by Google

на Росткинѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1390), Димитрія на Даниславлѣ улицѣ въ Людиномъ концѣ (1394, о дерев. упом. въ 1390 г.). Каменныя вновь: Николы въ Неревскомъ концѣ (1313), Богородицы на Прусской улицѣ (1348 г. упом. сгорѣвшею); Нерукотвореннаго Образа въ Людиномъ концѣ на Добрыни улицы (1378), Симеона на Чюдинцевой улицѣ (1392), Константина и Елены на Яневой улицѣ (1400); возобновлены прежнія каменныя: Космы и Даміана (1350, потомъ перестраивалась въ 1375); Сорока Мученикъ (1356); деревянныя: Лазаря въ Звѣринцахъ (1300), Георгія на Борковой улицѣ (1302), Николы на Яковлевѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1356), Петра въ Неревскомъ концѣ (1384), св. Мины въ Людиномъ концѣ (1385 г., упомин. сгорѣвшею), Алексія въ Людиномъ концѣ (1391 г., упоминается прежде въ 1340 г.), Введенія на Прусской улицѣ (1391). Неизвѣстно какія: Владимира на Побережьи близъ Дѣтинца, давшая названіе Владимирскому берегу (1331), Ипатія на Щирковой улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1396).

Въ XV-мъ вѣкѣ были построены на Торговой сторонѣ, вновь каменныя: Алексія Человѣка Божія близъ Успенія (1409), Андрея Первозваннаго на Щитной улицѣ, въ Плотницкомъ концѣ (1417). Каменныя вмѣсто деревянныхъ: Никиты въ Плотницкомъ концѣ (1406), Луки на Лубяницѣ (1424); каменныя вмѣсто прежнихъ каменныхъ: Св. Отецъ на Торгу (1430); Михаила Архангела на Михайловкѣ (1454), Иліи въ Славномъ (1455), Успенія на Торгу (1458), Димитрія на Славковой улицѣ (1463); неизвѣстно какая: Николы въ Никольскомъ концѣ за Плотницкимъ. На Софійской въ Дѣтинцѣ каменныя вновь: Гурія, Самона и Авива у Софіи, со Владычня двора, поставленная въ память знаменія, совершеннаго отъ иконы этихъ святыхъ во храмѣ св. Софіи (1410), Петра митрополита на Воротахъ, отъ Неревскаго конца (1416), Николы у св. Софіи

Digitized by Google

(1442); каменныя вмѣсто деревянныхъ: Аѳанасія и Кирилла (1416), Милостиваго Спаса на Воротахъ (1426, упоминается 1424 г.), Анастасіи (1440; упоминается деревян. 1417). Вмѣсто прежнихъ каменныхъ: Іоанна Златоуста (1434—1437), Петра на Воротахъ владычнихъ (1438), Бориса и Глѣба (1441). За Дѣтинцемъ, каменныя вновь построенныя: Архангела Гавріила на Хревковой улицѣ (1413), Воздвиженія въ Людинѣ концѣ (1415), Николы на Холопьей улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1417), Всѣхъ Святыхъ на Черничиной улицѣ въ Людиномъ концѣ (1418), Спаса Преображенія на Розвяжи въ Неревскомъ концѣ (1421), Іоанна Милостиваго на Людгощѣ въ Неревскомъ концѣ (1422); каменныя вмѣсто деревянныхъ: Усѣкновенія на Чюдинцевой улицѣ (1402), Петра и Павла въ Неревскомъ концѣ (1406), Апостола Луки въ Людиномъ концѣ (1416), Николы на Яковлевой улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1417), св. Мины на Даньславлѣ улицѣ, въ Людиномъ концѣ (1417), Іакова на Добрыни улицѣ въ Людинѣ концѣ (1428), Георгія на Борковѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ (1434), Введенія на Прусской улицѣ (1455); каменныя вновь возобновленныя: Космы и Даміана въ Неревскомъ (1403), Саввы въ Неревскомъ концѣ (1418). Деревянныя на прежнемъ мѣстѣ: 12-ти Апостоловъ между Чюдинцевой и Прусской улицами на Скудельницѣ (1432). На Городищѣ была церковь Благовѣщенская, построенная первый разъ княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ въ 1102 году и потомъ перестроенная вновь Симеономъ Ивановичемъ въ 1342 г.—каменная; кромѣ-того, въ 1401 году, упоминается сгорѣвшею отъ грома церковь св. Николы, построенная въ 1191 году.

Древнѣйшая изъ церквей псковскихъ была церковь св. Троицы, патрональный храмъ Пскова и его Земли. Она имѣла то же значеніе во Псковѣ, что св. Софія въ Великомъ Новгородѣ; псковичи жили подъ ея благословеніемъ,

Digitized by Google

считали своихъ враговъ врагами св. Троицы, шли сражаться и умирать въ бою за св. Троицу. Церковь эта построена была Всеволодомъ Мстиславичемъ, который съ тѣхъ поръ и остался патрономъ Пскова [1]). О построеніи прочихъ церквей въ XII и XIII вѣкахъ не говорится въ лѣтописяхъ, хотя видно, что при Довмонтѣ существовала церковь Петра и Павла на берегу, гдѣ Довмонтъ разбилъ нападавшихъ на Псковъ ливонскихъ нѣмцевъ. Упоминанія о церквахъ встрѣчаются гораздо чаще съ XIV-го вѣка. Съ половины этого столѣтія до конца независимости Пскова, по лѣтописямъ извѣстны слѣдующія церкви во Псковѣ: Архангела Михаила и Гавріила (залож. 1340), Іоанна Богослова на дворѣ Снѣтогорскихъ чернецовъ (1365), Георгія на Болотѣ (начата 1370), Николы у Вопоки (свершена 1371), Петра и Павла (перенесена на иное мѣсто 1373), св. Власія (перенесена на другое мѣсто 1373); Кирилла у Смердья моста (постав. 1373), Тимоѳея-Довмонта (пост. 1373). Василія на Горкѣ (упоминается 1377), Космы и Даміана на Гремячей горѣ (основ. 1383), Николы Новаго (основ. 1383), Св. Духа за-Стѣною (основана 1383), Св. Спаса у Стараго-Костра (основ. 1384), Воздвиженія на Княжемъ дворѣ (основ. 1384), св. Ѳеодора за-Стѣною (основ. 1385), Рождества Христова за-Стѣною (основ. 1388), Воскресенія за Довмонтовою Стѣною (построена 1395), Богоявленія (поставл. 1397), Покрова Богородицы (постав. 1398), Николы на Звозѣ (1404), Софіи за Домонтовой-Стѣною (перестроена 1416), Варвары на Усохѣ (поставл. 1421), Благовѣщенія на Пескахъ (пост. 1421), Знаменія у Стараго Вознесенія (пост. 1421), Старое Вознесеніе (существ. прежде 1421), Бориса и Глѣба возлѣ Петра и Павла (постав. 1434), Всемилостиваго Спаса на Торгу (пост. 1434), Похвалы Богородицы на Романовой горѣ (пост. 1441, ка-

[1]) Пск. Л. I, 177.

Digitized by Google

мен. постр. 1466), Успенія на Завеличьи (пост. 1444), Богоявленія на Бродахъ (пост. 1444), Димитрія въ Довмонтовой Стѣнѣ (упомин. 1451), Космы и Даміана на Запсковьѣ (дерев. упомин. въ 1458 г., каменная построена въ 1462), Воскресенія на Полонищѣ (деревян. упом. 1458), Вознесенія на Полонищѣ (1467), Николы на Волку (1483), Аѳанасія (1483), Георгія въ Печки (1483), Нерукотвореннаго образа на Запсковьи (1487), Анастасіи на Полонищѣ, (1487), Алексія святаго за Довмонтовою Стѣною (1508).

Вездѣ въ пригородахъ, какъ новгородскихъ, такъ и псковскихъ, были главныя патрональныя церкви, стоявшія посреди укрѣпленія: имъ приписывалось покровительство и надъ городкомъ, и надъ волостью, къ нему тянувшею. Такъ, въ Ладогѣ была церковь Великомученика Георгія, въ Русѣ Преображенія, въ Порховѣ Николая, въ Городцѣ св. Лазаря, въ Деманѣ св. Георгія, въ Торжкѣ св. Спаса, въ Изборскѣ-Старомъ св. Николая, а въ Новомъ—св. Спаса, въ Вельѣ св. Михаила, въ Выборѣ Воздвиженія Креста, въ Опочкѣ св. Спаса, въ Вороночѣ св. Георгія, во Владимирцѣ св. Николы, въ Вышгородѣ псковскомъ Бориса и Глѣба, въ Кобыльемъ городкѣ Архангела Михаила, въ Красномъ Георгія, въ Навережской губѣ св. Николы [1]).

Обыкновенная архитектура новгородскихъ и псковскихъ церквей такова: внутри куполъ на четырехъ столпахъ, два отдѣляютъ алтарь отъ трапезы и образуютъ въ алтарѣ своды, соединяясь со внѣшнею алтарною стѣною; часто же идутъ стѣною до внѣшней алтарной стѣны, и въ этой поперечной стѣнѣ (т.-е. отъ столбовъ до внѣшней стѣны) сдѣланы полукруглые входы изъ боковыхъ частей алтаря въ главную. Алтарь всегда троечастный, части полукруглыя;

[1]) Велми преудивлену и чюдну: таковѣ не было во всей Псковской волости о полътретьюдесяти углахъ (Пск. Л. I, 240).

Digitized by Google

главная средняя больше боковыхъ; напротивъ престола окно, въ лѣвой боковой части алтаря обыкновенно жертвенникъ, устроенный на каменномъ выступѣ, и близъ него часто углубленіе для огня и воды. Въ правой боковой части діаконикъ, иногда съ маленькимъ оконцемъ. Задніе столпы также часто продолжаются поперечною стѣною до задней внѣшней стѣны, а надъ нею полукруглыя арки; въ этихъ аркахъ къ южной и сѣверной внѣшнимъ стѣнамъ приставляются раки; а иногда чрезъ раки входъ въ боковые придѣлы, пристроенные къ срединѣ церкви. Иногда на верху между задними столпами устроивались каменные хоры съ узкими ведущими на нихъ лѣстницами въ стѣнѣ, а на хорахъ на обѣихъ сторонахъ, въ стѣнѣ, а иногда только на одной сторонѣ, дѣлались углубленія и чуланы. Стѣны и столпы расписывались. Иконостасовъ въ старыхъ церквахъ не было; это видно изъ того, что фрески по алтарнымъ столбамъ доходили до-низу. Церкви дѣлались не велики: оттого ихъ было очень много. Снаружи церковь представляла четвероугольное зданіе съ тремя полукруглыми выпуклостями съ восточной стороны и съ фонаремъ на верху, уставленнымъ кругомъ узкими оконцами съ полукруглыми верхами. Колокола вѣшались въ продолговатыхъ двухъ или трехъ аркахъ, часто пристроенныхъ къ церковнымъ стѣнамъ, какъ это сохранилось до сихъ поръ особенно во Псковѣ.

XI.

ЕРЕСИ.

Греческая Церковь рѣзко отличалась отъ Западной своимъ сознаніемъ словъ Христа: «царство мое не отъ міра сего» и, вслѣдствіе этого, невмѣшательствомъ въ политическія дѣла и согласіемъ со свѣтскими властями. Въ

Digitized by Google

ея исторіи не представляется той борьбы духовной власти со свѣтскою, какою отличается исторія западнаго христіанства, и поэтому явленія, вполнѣ сходныя, открывали тамъ и здѣсь рядъ несходныхъ между собою послѣдующихъ явленій. Греческая Церковь уживалась со всякимъ мірскимъ порядкомъ, всегда проповѣдывала покорность всякой власти, даже и неправедной. Она всегда имѣла въ виду тотъ главный принципъ христіанства, что мы живемъ не для здѣшняго, а для будущаго міра. Церковь не есть устроительница земнаго счастія, а путеводительница къ вѣчному блаженству. О благосостояніи на землѣ заботиться и прилагать большое стараніе—нечего: мы на землѣ —гости, странники; отечество наше — за гробомъ! Прося Бога о благораствореніи воздуховъ и изобиліи плодовъ земныхъ, объ избавленіи отъ труса, огня, меча и нашествія иноплеменниковъ, Церковь въ то же время утѣшаетъ человѣка тѣмъ, что претерпѣвшій съ твердостью эти бѣдствія тѣмъ удобнѣе входитъ въ царство небесное. Вѣрная этой основной идеѣ, православная Церковь, по духу любви Христовой, желаетъ и на землѣ тишины, мира, спокойствія, счастія, но предоставляетъ устройство всего этого Богу, и только проситъ о томъ въ непрестанно-возсылаемыхъ къ небу молитвахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она учитъ терпѣливо переносить и всякое зло, и бѣдствіе, принимая его съ благодарностію отъ руки Божіей. Движенія политическія и гражданскія, какъ земныя, не могутъ быть цѣлью ея дѣятельности, хотя бы и казалось, что они ведутъ ко благу человѣчества. Церковь сознаетъ, что полнаго блага на землѣ не можетъ быть, и искать его не слѣдуетъ: это отвлекаетъ отъ главнѣйшей цѣли—небеснаго житія. Все на землѣ суета, все прахъ, все тлѣнь—все, кромѣ того, что непосредственно ведетъ къ небу; а къ нему ведетъ узкій тернистый путь. Страданіе, самоотверженіе, самопроизвольное терпѣніе и лишеніе земныхъ благъ, составляютъ высокое достоин-

Digitized by Google

ство воинствующаго христіанина. Вѣрные находятся въ постоянной борьбѣ съ невидимыми полками духовныхъ враговъ, которые стараются прельстить, обмануть, погубить христіанина, завлекая его въ сладости міра. Только мужественное отраженіе ударовъ и козней этихъ непріятелей и презрѣніе обманчивыхъ благъ, куда обращаютъ они наши стремленія, составляетъ доблесть, добродѣтель, святость. Отъ этого собственно самое спокойствіе и благосостояніе человѣка на землѣ, — подъ церковнымъ взглядомъ,—желательно въ той только мѣрѣ, чтобы человѣкъ не упалъ подъ искушеніями, чтобъ могъ вынесть бремя жизни. Съ такимъ основнымъ взглядомъ, естественно, Церковь можетъ сживаться со всякою властію, и кротко сносить тиранство самаго жестокаго произвола. Даже противъ иноземнаго и иновѣрнаго завоеванія Церковь православная только тогда освящаетъ борьбу, когда еще существуетъ законная, прежде признанная ею, власть, вмѣстѣ съ народомъ ополчающаяся за дѣло собственной свободы. Но какъ скоро эта власть исчезла, какъ скоро разъ народъ призналъ власть побѣдителей, Церковь повелѣваетъ покоряться и терпѣть до тѣхъ поръ, пока народныя побужденія, дѣйствуя хотя не всегда одобрительно со стороны Церкви, добьются снова чего-нибудь, имѣющаго значеніе власти и потому пріобрѣтающаго церковное освященіе. Такъ Церковь не благословляла и не ободряла новгородскаго сопротивленія противъ татарской переписи, такъ жестоко наказаннаго Александромъ, но въ особѣ Вассіяна ростовскаго ободряла и побуждала Ивана III-го московскаго къ сверженію татарскаго ига, когда уже, съ одной стороны, татарскіе ханы потеряли свой прежній страшный авторитетъ, а съ другой — московскіе великіе князья получили царственное значеніе. Православіе всякую власть —и добрую и злую—считаетъ исходящею отъ Бога:—первую какъ милость, вторую какъ наказаніе. Церковь не

Digitized by Google

хочетъ даже разсматривать, оправдывать или не оправдывать вступленіе этой власти, коль скоро она разъ признана; какимъ бы путемъ она достигнута ни была, довольно того, что ее признали за власть, и Церковь учитъ ей покоряться; потому что, собственно, по ея высшему разумѣнію, всякая власть, какъ принадлежность земнаго, какъ скоропреходящее, не имѣетъ предъ вѣчностью столько важности, чтобъ заботиться о ея измѣненіи, какъ бы она ни была тягостна. Отъ этого-то исключительнаго предпочтенія небеснаго земному, отъ этого исходнаго презрѣнія къ земной жизни, которое выражается постоянно во всѣхъ поученіяхъ, молитвахъ, пѣснопѣніяхъ восточной Церкви, она терпѣливо сносила, какъ въ Византіи императоры другъ-друга свергали, другъ-другу выкалывали глаза, отравляли другъ-друга ядомъ и дѣлали всевозможнѣйшія беззаконія. Церковь кротко все терпѣла и поучала повиноваться, помня, что царство Христово есть царство не отъ міра сего. Очень естественно, что такая кротость часто переходила въ самопорабощеніе и одинъ изъ византійскихъ историковъ XII-го вѣка выразился такъ: «императоры, не довольствуясь тѣмъ, что властвовали надъ свободными, какъ надъ рабами, въ дѣлахъ гражданскихъ, хотѣли быть догматиками и законодателями, и присвоивали себѣ судъ въ божественныхъ, какъ и въ человѣческихъ дѣлахъ!»

Презирая все земное, православная Церковь обходила въ умственной жизни все, что ведетъ къ цѣлямъ земнаго счастія, обращала умственный трудъ на высокіе предметы богословія. Древнее процвѣтаніе свѣтской литературы мало-по-малу исчезло: осталась только старинная греческая страсть къ діалектикѣ и перешла на богословское поле. Предметы чисто догматическіе, безъ отношеній къ вопросамъ общественной жизни, волновали умы. Свѣтская власть овладѣла и этою стороною. Какъ-бы помогая чистотѣ Цер-

Digitized by Google

кви, какъ-бы для предостереженія, чтобъ такія богословскія пренія не перешли границъ и не дошли до оппозиціи противъ Церкви и власти, императоры помогали свѣтскою властью духовной власти и съ патріархами преслѣдовали мірскими средствами споры, коль скоро они показывались опасными. Запрещалось мірянамъ и даже простымъ духовнымъ толковать о религіи, а велѣно было повиноваться и вѣрить толкованіямъ учителей Церкви. О существѣ Божіемъ—говоритъ Киннамосъ,—дозволено толковать единственно учителямъ, владыкамъ, знатному духовенству, императору и тѣмъ, кому они дозволятъ по достоинству.

Въ какомъ видѣ выражалась эта власть свѣтскаго могущества надъ духовными дѣлами и на какіе предметы обращалась мысль, показываетъ возникшій при императорѣ Мануилѣ Комненѣ споръ о принесеніи жертвы Іисусомъ Христомъ. Этотъ императоръ составилъ такую формулу: вочеловѣчившійся Богъ, въ произвольномъ принесеніи себя въ жертву, былъ вмѣстѣ и приноситель, и приносимый. Императоръ созвалъ синодъ въ Константинополѣ съ цѣлію, чтобъ эта формула была утверждена соборнѣ. Нѣкоторые изъ епископовъ воспротивились, хотѣли-было защищать самостоятельность Церкви и—потеряли свои мѣста. Споръ распространился въ публикѣ, сначала въ высшей, придворной, потомъ—въ городской. Императоръ требовалъ, чтобы всѣ признавали такъ, какъ онъ положилъ, и кто сопротивлялся, кто находилъ, что формула составлена неправильно, или задумывалъ что-нибудь измѣнить въ ней, тому грозила высочайшая немилость: одни теряли свои мѣста, другихъ постигало изгнаніе или ссылка. Для всенароднаго вѣдѣнія государь повелѣлъ начертать свое премудрое изреченіе на каменной доскѣ и повѣсить доску въ Софійской церкви.

Столь же характеристичнымъ было другое богословское дѣло въ царствованіе того же Мануила Комнена. Для об-

Digitized by Google

ращающагося изъ магометанства въ христіанство существовала формула: «богу Магометову—анаѳема!» Императоръ нашелъ, что эта формула, въ обширномъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ богохульство, ибо Магометъ признавалъ единаго Бога. Собранъ былъ синодъ. Императору возразили, что Магометовъ богъ есть ложный богъ. Досадуя, что духовные ему сопротивляются, императоръ собралъ другой синодъ въ Скутари, но не явился на него самъ лично, а чрезъ посредство своего секретаря настоятельно требовалъ снять анаѳему съ Магометова бога. Когда духовные все-таки упорствовали и доказывали, что Магометовъ богъ совсѣмъ другой, чѣмъ Богъ христіанскій, секретарь именемъ государя угрожалъ, что это дѣло представится на собраніе подъ предсѣдательствомъ папы. Духовенство страшилось папской власти: въ немъ укоренилось омерзѣніе къ западному христіанству. Папою умѣли запугать непокорныхъ. Послѣ долгихъ преній, вмѣсто прежней формулы: «Богу Магометову—анаѳема», написали: «Магомету съ его ученіемъ и со всѣми его послѣдователями—анаѳема!»

Въ XIV-мъ вѣкѣ возникъ въ греческой Церкви споръ по поводу понятія о Ѳаворскомъ свѣтѣ; сущность его состояла въ томъ, — былъ-ли это свѣтъ существенный, или отраженіе.

Споры съ латинскою Церковью, дошедшіе въ послѣдней половинѣ XI-го вѣка до раздѣленія, усиливали вражду по мѣрѣ каждой новой попытки къ сближенію Церквей. Изъ многихъ такихъ попытокъ замѣчательно бывшее при Іоаннѣ II-мъ Комненѣ состязаніе Ансельма гавельбергскаго съ епископомъ никомидійскимъ, Никитою. Разумѣется, главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ о Духѣ Святомъ: греческая сторона опиралась на тексты св. писанія, западная—на прогрессивное движеніе явленія св. Духа, посредствомъ котораго то, что лежало въ зародышѣ ученія, впослѣдствіи, явилось въ разнообразныхъ прило-

Digitized by Google

женіяхъ, и послѣдующіе вѣка, сообразно возникающимъ потребностямъ, дополняли то, что сдѣлали предъидущіе. Въ этомъ пониманіи отразился характеръ обѣихъ Церквей. Греческая постоянно стремилась удержать неподвижно разъ сложенный составъ; Западная допускала развитіе въ Церкви; первая хотѣла сохранить незыблемо старину, почитая ее совершенною и неизмѣнною святыней; вторая допускала возможность измѣненій. Кромѣ спора о св. Духѣ, происходилъ споръ о Евхаристіи. Никита призналъ, что приготовленіе хлѣба для Евхаристіи — изъ кваснаго или изъ прѣснаго тѣста—не составляетъ существеннаго различія Церквей. Но патріотизмъ грека высказался у него, когда противникъ его доказывалъ, что благодать Божія и небесное благоволеніе явно почіютъ надъ римскою Церковью: ибо она едина, а греческая была обуреваема ересями. Греческій архіерей представилъ, что въ греческомъ мірѣ дѣйствительно много было ересей, но это отъ образованности и ученаго воспитанія. «Ереси,—говорилъ онъ,—служатъ только къ укрѣпленію вѣры, и всегда побѣждаются православіемъ. Напротивъ, латины, въ своемъ невѣжествѣ, не могутъ сказать ни хорошаго, ни дурнаго, въ дѣлахъ вѣры». Состязаніе это не кончилось ничѣмъ; и другія, послѣдующія попытки, возстановить разорванное единство Церквей, ничѣмъ не кончились.

Эти богословскія и діалектическія состязанія были единственнымъ признакомъ умственнаго движенія въ Церкви. Вся религіозность массы обращалась ко множеству обрядовъ и къ исполненію аскетическихъ правилъ. Монашество было прямымъ явленіемъ религіознаго взгляда. Монашество, слѣдуя коренной идеѣ Церкви—отчужденія религіи отъ мірскихъ цѣлей, устроено было единственно на этой идеѣ. Собственно вся Церковь сохраняла отшельническій характеръ; инокъ, естественно, былъ почетнымъ лицомъ, по превосходству принадлежалъ Церкви. Гречес-

Digitized by Google

кій инокъ заботился единственно о спасеніи души, которое достигалось наибольшимъ удаленіемъ отъ людскаго сообщества. На Западѣ возникали монашескіе ордена, получавшіе свое названіе отъ извѣстнаго рода занятій, которымъ посвящали свою дѣятельность. На Востокѣ, въ Греціи, напротивъ, монахи отличались одни отъ другихъ по способу самоумерщвленія. Одни жили въ пещерахъ и назывались пещерники (σπηλαρῶτας отъ σπηγυξ пещера); другіе жили въ дуплахъ и назывались дендриты (οι δενδρίται), —другіе на столбахъ — столпники (στυλιται), нѣкоторые обрекали себя ходить нагими (οι χαμνιται), другіе—лежать на землѣ (οι χαηευναι), третьи—всегда молчать, и назывались молчальники (οι σεχῶγτες); иные давали зарокъ никогда не мыть ногъ и назывались нечистоногими (ανιπτοποδες), а нѣкоторые для большей святости проживали въ постоянной нечистотѣ (σι ροπυντες), и очень многіе оковывали себя желѣзными веригами и назывались желѣзоносители (οιδηρομενος). Эти отшельники не оставались безъизвѣстными; слухъ о появленіи ихъ распространялся быстро, и народъ толпами приходилъ къ нимъ брать отъ нихъ благословеніе и просить о себѣ молитвъ.

Но, разумѣется, не мало было монаховъ, которые только носили наружность отшельниковъ. Писатель XII-го вѣка, Евстаѳій, оставилъ намъ описаніе тогдашней монастырской жизни и религіозности. Въ многочисленномъ монашескомъ классѣ было развито суевѣріе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, лицемѣріе и обманы. Монастыри соперничали другъ предъ другомъ, вымышляли чудеса, создавали разныя вещи, которымъ приписывали мнимую святость, и привлекали суевѣрную толпу. Въ монастыряхъ толпились лѣнивцы, нищіе, тунеядцы, безнравственные люди, убѣгавшіе отъ преслѣдованія закона, съ видомъ наружнаго поста и святости—шли въ монахи, чтобы хорошо и спокойно жить. Любовь къ невѣжеству, ненависть къ просвѣщенію, были

Digitized by Google

господствующими качествами греческихъ монастырей; монахи съ намѣреніемъ истребляли богатѣйшія библіотеки, сохранявшія отъ древнихъ временъ драгоцѣнныя произведенія старой литературы. Человѣкъ съ образованіемъ, вступивъ въ монастырь, навлекалъ на себя зависть, клеветы, гоненія; невѣжды досадовали, зачѣмъ онъ попалъ къ нимъ; оскорблялись тѣмъ, что онъ выше ихъ, и думали, что онъ загораживаетъ имъ дорогу. Между тѣмъ, набожность вѣка скопляла въ монастыри богатства; монастыри извлекали изъ своихъ имѣній доходы, устроивали промыслы и вели торговлю. Обогащеніе монастырей возбуждало зависть. Дѣйствовали противъ нихъ и на императоровъ. Императоръ Мануилъ Комненъ, добивавшійся поработить Церковь своей волѣ во всѣхъ видахъ, задумалъ стѣснить и свободу монастырей, и опредѣлилъ свѣтскихъ начальниковъ въ монастырскія имѣнія, съ тѣмъ, чтобъ они сбирали доходы и отдавали въ монастырь; этимъ императоръ хотѣлъ избавить монаховъ отъ несвойственныхъ ихъ званію мірскихъ упражненій. Сверхъ того, чтобъ возвратить монашество къ прежней скромности и евангельской нищетѣ, тотъ же императоръ положилъ новозаложеннымъ монастырямъ вовсе не давать вкладовъ, а опредѣлилъ выдавать имъ потребное изъ императорской казны.

Не смотря на религіозно-церковный духъ вѣка,— по извѣстію Евстаѳія,—многочисленное духовенство въ Византійской имперіи уже перестало пользоваться тѣмъ суевѣрнымъ уваженіемъ, какое было къ нему прежде; и въ то же время, когда одни благочестивые, искавшіе утѣшенія во внѣшности церковной, надѣляли монастыри и располагали движенія своей жизни по наставленію монаховъ и поповъ, другіе распускали надъ духовными насмѣшки и пошлости, которыя съ жадностію ловились и повторялись въ народѣ. Думали отдѣлить понятіе о духовенствѣ отъ понятія о са-

Digitized by Google

мой Церкви; но болѣе смѣлыя головы доходили въ дѣлѣ вѣры до вольнодумства. Такимъ образомъ Евстаѳій въ своихъ проповѣдяхъ вооружается и противъ *атеистовъ*. Самъ Евстаѳій, не смотря на свое безукоризненное православіе, показываетъ недовольство существующимъ порядкомъ Церкви, и невольно провозглашаетъ начала, которыя ведутъ къ реформаціоннымъ попыткамъ. Евстафій, въ своихъ проповѣдяхъ, хочетъ возбудить духовную сторону христіанскаго благочестія, подавленную излишнею обрядностію. Онъ безпрестанно напоминаетъ, что любовь есть главное въ дѣлѣ вѣры христіанской, источникъ всѣхъ добродѣтелей, а церковная обрядность должна служить только внѣшнимъ выраженіемъ духовнаго содержанія. «Не спасешься многими поклонами — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей:—спасешься только однимъ тѣмъ, что эти наружные поклоны знаменуютъ—сокрушеніемъ сердца предъ Богомъ. Прямое стояніе Богу не менѣе пріятно, какъ и колѣнопреклоненіе, да и для труда удобнѣе». Нѣкоторые аскеты говорили, что надобно у Бога просить источникъ слезъ. Евстаѳій говоритъ, что «лучше такихъ отшельническихъ слезъ — любовь, оказанная несчастнымъ и нуждающимся». Въ этомъ протестѣ содержанія противъ внѣшности, любви и дѣла противъ аскетическаго уединенія и бездѣйственнаго самоистязанія, нельзя не видѣть той стихіи, которая, обращая христіанство къ практической жизни, въ дальнѣйшемъ развитіи мысли становится современемъ въ оппозицію къ Церкви. Когда Евстаѳій вооружался противъ преобладанія внѣшности надъ духовностью и аскетизма надъ любовію, оставаясь строго православнымъ, нашлись такіе, которые смѣлѣе коснулись, вмѣстѣ съ злоупотребленіями, самаго содержанія. Таковъ былъ Хризомолъ, осужденный синодомъ въ 1171 г., при императорѣ Мануилѣ Комненѣ, по обвиненіи въ причастіи къ богумильской ереси. Воспользовались нѣкоторыми кажущимися сходствами; но

Digitized by Google

въ самомъ дѣлѣ то, что̀ проповѣдывалъ этотъ осужденникъ, относилось къ кругу повторяющагося много разъ въ восточной Церкви стремленія къ торжеству духовности надъ обрядностію. Хризомолъ училъ, что, для человѣческаго возрожденія и спасенія души, недостаточно обрядовъ и таинствъ: необходимы духовная жизнь, духовное созерцаніе, которое онъ противополагалъ мертвой учености буквы. Онъ посягнулъ на достаточность дѣтскаго крещенія самого по себѣ: тѣ,—говорилъ онъ,—которые крещены во имя Христово безъ вѣроученія, не могутъ еще назваться истинными христіанами потому только, что они крещены. Если они, не зная Христова ученія, и дѣлаютъ достойныя дѣла, то все-таки они не христіане, а добродѣтельные язычники. Пѣніе и молитва, присутствіе при богослуженіи и даже самое изученіе св. писанія недостаточны безъ внутренняго перерожденія, освобождающаго насъ отъ власти злаго духа:—все это безъ такого перерожденія мертво и ничтожно. Выучи хоть наизусть все св. писаніе, и другихъ начни учить, но если ты предашься прихотямъ, высокомѣрію, то тебѣ не принесетъ пользы твое знаніе. Ты долженъ преобразовать свою душу и достигнуть внутренняго созерцанія божественныхъ предметовъ. Этотъ мыслитель, подобно позднѣйшимъ западнымъ протестантамъ, отвергалъ силу добрыхъ дѣлъ самихъ по себѣ, безъ внутренняго, руководящаго человѣческими поступками настроенія, иначе—безъ вѣры. Человѣкъ долженъ быть способенъ къ истинной добродѣтели, прежде чѣмъ покажетъ въ своихъ дѣлахъ добродѣтель. Тѣ, которые не достигли этой высоты воззрѣнія, скажутъ, что они дѣлаютъ добро для Бога; но они дѣлаютъ это по естественному побужденію, а не по разумному убѣжденію. Для христіанина недостаточно творить добро и избѣгать зла, хотя бы и изъ угодности Богу, если онъ не достигъ духовнаго чувства присутствія въ себѣ божественнаго духа, творящаго въ насъ добро безъ принужденія

Digitized by Google

и, по существу своему, неподатливаго никакому искушенію отъ зла. Христіанинъ, достигнувъ христіанской зрѣлости, находится внѣ закона; Божія сила производитъ въ немъ все, что законъ предписываетъ.

Хризомолу и его послѣдователямъ дѣлали упреки въ томъ, что они отвергали святость свѣтской власти. Нѣкоторыя мѣста его ученія дѣйствительно нѣсколько темны; но, кажется, у Хризомола, вмѣстѣ со стремленіями одухотворить Церковь, возникало желаніе сдѣлать разумнымъ повиновеніе свѣтской власти. Хризомолъ порицалъ знаки раболѣпства, оказываемые царямъ, и византійскую придворную обрядность. Духовное толкованіе церковной буквы переходило само собою, по аналогіи, на букву политическую, какъ это часто случалось въ исторіяхъ ересей, начинавшихся оппозиціею существующимъ церковнымъ обычаямъ.

Дальнѣйшее поступленіе того же стремленія къ господству духовности надъ обрядностью, содержанія надъ внѣшностью, представляетъ ученіе монаха константинопольскаго, Нифонта. Одаренный бѣглымъ умомъ, изучивши отлично св. писаніе, этотъ человѣкъ оказалъ на своихъ слушателей большое вліяніе и пріобрѣлъ много поборниковъ. Его проповѣдь возвѣщала освобожденіе Церкви отъ внѣшнихъ узъ, перевѣсъ духа надъ внѣшностью. При патріархѣ Михаилѣ собрано было нѣсколько синодовъ съ цѣлію преслѣдовать и опровергнуть это направленіе, угрожавшее между прочимъ авторитету духовенства. Духовные были раздражены противъ Нифонта за смѣлыя обличенія своихъ пороковъ, силились обвинить его въ ереси и найти въ его поученіяхъ подобіе ненавистнаго богумильства; они вывели изъ его словъ, что онъ не признаетъ еврейскаго Бога тѣмъ истиннымъ Богомъ, котораго проповѣдалъ Іисусъ Христосъ. Нифонтъ имѣлъ столько вліянія, что каппадокійскіе епископы приняли его сторо-

Digitized by Google

ну и, вмѣстѣ съ нимъ, были обвинены въ отклоненіи отъ православія: ихъ укоряли, что они сомнѣваются въ дѣйствительности крещенія младенцевъ, когда получившіе это крещеніе впадутъ въ пороки или когда воспріемники— сами порочные люди. Это сомнѣніе въ дѣйствительности крещенія младенцевъ часто овладѣвало вольнодумцами, нападавшими на обрядность, потому что здѣсь признается сила обряда самого-по-себѣ: съ одной стороны не возможна передача христіанскаго ученія тому, кто получаетъ крещеніе; съ другой, получающій его не въ состояніи возвыситься до того духовнаго благочестиваго настроенія, въ которомъ вольнодумцы видѣли исключительно сущность религіи. Нифонта и его послѣдователей обвинили, будто они требовали втораго крещенія въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Если это было въ самомъ дѣлѣ, то другое обвиненіе, которое на нихъ взводили, обвиненіе въ богумильскихъ идеяхъ, противорѣчитъ первому, потому что богумилы не признавали никакого видимаго крещенія. Сверхъ того, имъ ставили въ вину то, что они не хотѣли поклоняться всякому кресту, а только такому, на которомъ было написано: Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій; то есть—хотѣли поклоняться тому, что представляетъ прямое выраженіе смысла, а не намекъ на смыслъ. Нифонтъ былъ осужденъ на тюремное заключеніе. Обвиненіе въ ереси могло быть неправильно: патріархъ Косьма, человѣкъ высокой христіанской нравственности и благочестія, взялъ Нифонта къ себѣ и сдѣлалъ своимъ другомъ и довѣреннымъ. Когда по этому поводу состоялся синодъ, патріархъ отстаивалъ его и открыто признавалъ святымъ человѣкомъ. За это онъ самъ лишился сана. Кажется, Нифонтъ съ своими приверженцами не принадлежалъ ни къ какой противной православію сектѣ, а ратовалъ противъ безнравственности и невѣжества духовенства и признавалъ потребность возрожденія

Digitized by Google

Церкви въ духѣ, въ противоположность мертвой буквѣ и безжизненной обрядности.

Такія явленія происходили въ греческой Церкви въ вѣка сильнѣйшаго духовнаго и церковнаго господства Византіи надъ русскимъ міромъ.

На Руси византійская наклонность къ догматическимъ спорамъ не имѣла мѣста. Нѣсколько переводовъ такого рода сочиненій не оставили жизненнаго вліянія на умственное развитіе; они оставались исключительною принадлежностью книжнаго міра, интереснаго только для немногихъ тогдашнихъ ученыхъ. На Руси, какъ мы видѣли, явились другого рода состязанія—о буквѣ и обрядахъ: они-то составили характеристическую черту церковнаго умствованія. За то монашество, вмѣстѣ съ аскетическимъ воззрѣніемъ на христіанскую нравственность вообще, принялось въ русскомъ мірѣ во всей полнотѣ. Наиболѣе распространенныя и любимыя сочиненія на Руси были тѣ, гдѣ преобладалъ грустный взглядъ на жизнь, гдѣ возбуждалась охота къ уединенію, къ презрѣнію мірской дѣятельности, трудность и необходимость безпрестанной борьбы со злыми духами. Но съ другой стороны, съ того же Востока, откуда къ намъ пришли и усвоивались эти аскетическія понятія, заносились и отчасти переработывались на туземный ладъ противныя понятія, клонившіяся къ самодѣятельности, къ перевѣсу духовности надъ обрядностью, содержанія надъ формою. Хотя онѣ составляютъ въ нашей литературѣ исключеніе, но все таки показываютъ, что у насъ въ Церкви возникала потребность иного рода благочестія. Обычное, проповѣдуемое вѣроучителями и принимаемое всеобщимъ народнымъ сознаніемъ, понятіе о грѣхѣ и злѣ было таково, что человѣкъ вводится въ грѣхъ діавольскимъ искушеніемъ. Человѣкъ казался почти лишеннымъ внутренняго начала своихъ поступковъ и представлялся существомъ страдательнымъ, такъ что вся

Digitized by Google

заслуга его состоитъ не въ разумномъ отвращеніи отъ порока, а въ неподатливости бѣсовскимъ продѣлкамъ; не любовь къ добру, не сознаніе его превосходства, а покорность Божію внушенію составляетъ добродѣтель человѣка. Человѣкъ какая-то машина, на которую дѣйствуютъ двѣ силы—добрая и злая:—ангелъ на правомъ плечѣ, а бѣсъ на лѣвомъ. Таково было всеобщее вѣрученіе, пустившее корень въ глубину народнаго воззрѣнія. Оно проявлялось въ разнообразныхъ вѣрованіяхъ. Но вотъ, въ видѣ отклоненія отъ такого взгляда, въ одномъ древнемъ сочиненіи подъ названіемъ «Воспоминаніе къ своей душѣ» [1]), утверждается, что слѣдуетъ приписывать доброе Богу, а злое не дьяволу, но человѣческой волѣ. Въ другомъ древнемъ словѣ св. Отецъ, по всему русскомъ сочиненіи (тѣмъ болѣе, когда оно озаглавлено неточно), говорится: «Все въ человѣкѣ—и добро, и зло; хочешь добра,—добро будешь дѣлать; хочешь зла, — зло будешь творить. Богъ не принуждаетъ ни къ добру, ни къ злу; Богъ сотворилъ человѣка самовластнымъ, дабы онъ свободно творилъ и добро, и зло. Діаволъ не можетъ отвесть человѣка отъ добраго дѣла, ни привлечь на зло; но самъ человѣкъ, когда хочетъ, — дѣлаетъ доброе дѣло, а Богъ ему помогаетъ, и діаволъ не можетъ добро творить; а когда человѣкъ хочетъ зло дѣлать, тогда дьяволъ ему помогаетъ» [2]).

---

[1]) Погод. Сб. Публ. Библ. № 1848. Никто же есть виновенъ погибели его, развѣ своя воля; спасеніе же Богъ дарова вамъ, еже быти и еже добро быти, разумъ же и силу, яже не можетъ имѣти человѣкъ безъ благодати Божія; но ниже діаволъ можетъ что дати на погибель, сирѣчь изволеніе сопротивно, или изнеможеніе, или невольное неразуміе, или лѣность: отнюдь еже (ниже) нудитъ человѣка, токмо память злому предлагаетъ; дѣлаяй оубо благое, долженъ есть Богу благодать написовати; творяй же сопротивное, себе токмо виновна творить.

[2]) Все въ человѣцѣ есть добро или зло, да егда хощетъ добра, то добро дѣетъ, а иже хощетъ зло творити, то зло дѣетъ: Богъ же ни

Digitized by Google

Несмотря на безпредѣльное уваженіе и благоговѣніе къ обряду самому-по-себѣ, встрѣчаются мѣста, гдѣ возстаютъ противъ безсмысленнаго исполненія обряда, противъ буквы безъ содержанія. «Что изъ этого пользы — говоритъ то же «Воспоминаніе къ душѣ» — «что ты молишься: воздуху молишься, а не Богу; Богъ внимаетъ уму, а не словамъ, не бесѣдѣ, какъ люди» [1]). Въ противоположность всеобщему уваженію къ строгости наружнаго поста, являются въ древности поученія, вызывающія разсужденія о тщетѣ наружнаго поста безъ добрыхъ дѣлъ. «Что пользы отъ того — что ты не ѣшь мяса и не пьешь питій? Вѣдь и скотъ не ѣстъ мяса и не пьетъ питій. Зачѣмъ хвалишься, что лежишь на голой землѣ безъ постели? Скотъ также безъ постели спитъ и никто ему не стелетъ! Ты хуже скота, когда при всемъ этомъ, злобу держишь и зло мыслишь» [2]).

Въ одной старой проповѣди объ алчбѣ [3]), проповѣдникъ вооружается противъ наружнаго поста, предпочитая ему добрыя дѣла. Замѣчательно, что при этомъ ссылаются на 28 гл. Исаіи о постѣ, которая постоянно служила подкрѣпленіемъ реформаціонннымъ выходкамъ противъ поста.

добру нудить, ни къ злу влечеть; но самовластьна сотвори Богъ человѣка, да по самовластію створить добро или зло, ни діаволъ можеть отвести отъ добра дѣла, ни ко злу приволочить, но егда хощеть что добро дѣяти, то Богъ ему помогаетъ и дьяволъ не можетъ что добро створити, да егда же человѣкъ хощеть зло дѣяти что, то тогда діаволъ ему помогаеть (Златая Матица, Рум. Муз. 181).

[1]) Иже оусты точію моляся, въздуху молится, а не Богу: Богъ бо уму внимаетъ, а не бесѣдѣ, якоже человѣцы.

[2]) Аще бо кто не пьеть питья и мясъ не ѣсть, и всяку злобу держить, то не хуже ли есть скота; всякъ бо скотъ ни ясть мясъ, ни питья піетъ. Аще ли кто на голѣ земли лежить, а зло мыслить на друга, то ни тако хвалися, скотъ бо постели не требуеть, ни постеляющаго имать. Сборн. Румянц. № 186.

[3]) Пог. Сб. 1024.

Digitized by Google

«Что же пророкъ глаголетъ Іудеомъ? Не такова поста азъ избрахъ, глаголетъ Господь»... «Какая польза, что ты плоть свою моришь голодомъ, а дѣлъ не дѣлаешь? Какая тебѣ изъ того польза, что ты не моешься, а нагаго не одѣваешь? Какая польза изъ того, что ты плоть свою изсушаешь, а голоднаго не кормишь? Члены свои изнуряешь, а вдовицамъ не оказываешь помощи? Какая польза изъ того, что ты самъ произвольно томишься, и не избавляешь сиротъ отъ томленія?» [1]).

Въ другомъ старомъ словѣ о внутреннемъ постѣ доказывается, что внѣшній постъ ровно ничего не пользуетъ безъ внутренняго [2]). Въ этомъ словѣ доказывается, что постъ не состоитъ въ удаленіи отъ той или другой пищи, а въ воздержаніи и умѣренности и удаленіи отъ грѣха [3]). Лучше, говоритъ оно—съѣшь кусокъ сухого мяса, примѣшавши къ водѣ и зелью, чѣмъ, въ тщеславіи, гордясь тѣмъ, что не вкушаешь мяса, искать другихъ приличнѣйшихъ яствъ [4]). Такой переборъ яди называется жидовствомъ [5]).

[1]) Кый оуспѣхъ оубо человѣку алкати плотію, и дѣлы разоряюще; кая оубо полза немыющемуся, а нагого не одѣжюще; кая полза есть плоть свою изсушающему, а не кормяще алчьнаго; кый успѣхъ есть оуды скрушити, а вдовиць не миловати; кый оуспѣхъ есть самому томитися, а сироть томимыхъ не избавляти.

[2]) Не точію отъ брашенъ поститися по внѣшнему образу, но паче да нудится кождо внутренняго поста хранити.... Якоже тѣло кромѣ духа мертво есть, сице и внѣшнее образа дѣланіе человѣку, кромѣ внутренняго храненія и съблюденіа, мертво есть (Рук. Волоколамской библіотеки, № 333.)

[3]) Брашномъ бо различіе никако же искати долженъ есть постникъ: се бо възбраненіе общаго благочинія есть и съблазномъ вина.

[4]) Аще и вареное сіе сухое мясо, еже отъ святыхъ отецъ отреченное, нынѣ вмѣсто иного коего застроенія въ брашно вложити смѣшено къ прочей снѣди воды и зелія есть, да не виною негли тще славнаго своеволнаго благоговѣнія яко мяса отрицаяся, взыщемъ снѣдей чеснѣйшая и благопотребнѣйшая.

[5]) Таковая не презирати преподобія есть постнику наслажденіе, сытости бѣгающе, не бо жидовствующе удаляемся таковыхъ.

Digitized by Google

Рядомъ съ ученіемъ о спасеніи души чрезъ подачу въ монастыри по душѣ, чрезъ приготовленіе себѣ ходатаевъ и молитвенниковъ, являлось иное, отвергавшее то и другое, притомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Такъ, въ одномъ древнемъ памятникѣ, подъ названіемъ «Поученіе, како подобаетъ задоушье имати и милостыня творити», раздача имѣній въ монастыри представляется дѣломъ не только не богоугоднымъ, но заслуживающимъ неблагословеніе и немилость. Нѣкій святой мужъ сидѣлъ съ своими учениками, и его пришли извѣстить о кончинѣ какого-то христолюбца. Ученики заранѣе считали покойника спасеннымъ, ибо онъ записывалъ въ монастыри села; но святой мужъ объявилъ, что ему было видѣніе въ нощи, показывавшее, что умершій братъ осужденъ на мученіе именно за то, что раздавалъ въ монастыри имѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивый проповѣдникъ объявилъ, что нельзя спастись одною только раздачею милостыни—чрезъ ходатаевъ, ибо это дѣлается ради самовеличанія [1]).

Слово, приписываемое валаамскимъ чудотворцамъ, Сергію и Герману, вооружается противъ отдачи въ монастыри имѣній [2]).

---

[1]) Аще-ли кто дасть монастыреви село,—въ пагубу есть души; въ минувшую бо нощь о братѣ томъ умершемъ, о немъ же и вы глаголете, яко душа его стояше предъ Богомъ на соудѣ, и осоужена быстъ доуша его моучитися села того ради, и молящеся святѣй Богородици и Предтечи Іоанну о души той, и слышахъ гласъ глаголющь: Кто дасть село, да отпустять село отъ монастыря; тогда душа та отлучена будеть отъ муки. И рече святый отець: аще кто дасть село монастыреви, на пагубу своей души дасть, и пріемлющимъ нѣсть спасенія! Тако же кто дасть милостыню ходатаемъ, таковый не милостыню творить, но величается, таковый не пріиметь мзды (Сборн. XIV в. Рум. Муз.).

[2]) Вотчины и волостей съ христіаны не подобаетъ въ монастыри давати, и пріимати: то есть царское ко инокомъ немилосердіе и душевредство, и безконечная гибель. Пог. Сборн. 1316.

Digitized by Google

Въ то время, когда одни учили, что надобно, для умилостивленія Бога и отпущенія грѣховъ, строить церкви, и богатые и знатные спѣшили этимъ способомъ избавить себя отъ угрызеній совѣсти за насилія и угнетенія слабыхъ, другіе объясняли, что церковь, построенная на богатства, собранныя неправедно, есть мерзость и скверна предъ Богомъ [1]). Въ другомъ словѣ [2]) предпочитаются дѣла милосердія постройкамъ и украшенію церквей [3]).

Тогда какъ благочестіе укоренило въ народѣ понятіе о томъ, что раздача милостыни даетъ человѣку возможность спасенія, искупаетъ грѣхи, очищаетъ совѣсть, писались проповѣди, которыя заставляли обратиться внутрь своей совѣсти поглубже, сознать безполезность милостыни, если она дается отъ неправеднаго стяжанія, и что суетна бываетъ надежда тѣхъ, которые думаютъ безъ самоисправленія загладить свои пороки раздачею нищимъ денегъ или съѣстного [4]).

Между князьями и сильными земли вошло въ обычай вѣрить, что раздача милостыни и вклады въ монастыри заглаживаютъ грѣхи. Противъ этого вооружается одинъ проповѣдникъ, въ сочиненіи, очевидно, русскомъ (хотя оно приписывается Іоанну Златоусту) [5]). Тѣхъ, которые думали

---

[1]) Неправдою зиждены церкви, якоже повѣдаютъ, хытростьми оукрашены вельми неправдами и порабощеніемъ сиротъ и убогихъ насильемъ, скверно еже здати. Рук. XV вѣка П. Б. № 204.

[2]) Волокол. библ. № 565.

[3]) Иже богатыя церкви приносити, кая се польза; во многихъ бо церквехъ собраная или отъ татей украдено, или отъ ратникъ, или огнемъ сгорѣ; еже церкви утваряти никому незапрещено, а еже убогыхъ не миловати родство огнено обѣщано.

[4]) Кая есть вамъ помощь, еже чюжимъ милостиню творити; нѣсть бо та на ползу вамъ; и чюжимъ милостиня творити отъ неправеднаго собранія—не спастися никомуже. Рук. XV вѣка, П. Б. № 209.

[5]) Князь или богатый и въ ересь вошли, быша съгрѣшающе и даяли быша за ся, а сами не трудящеся, и ходити къ церкви лѣня-

Digitized by Google

спасти себя милостынею, и въ то же время угнетали рабовъ своихъ, проповѣдники обращали къ обязанностямъ человѣколюбія въ отношеніи послѣднихъ и выставляли тщету ихъ милостыни [1]).

Въ переводахъ изъ греческихъ отцевъ сохранились рѣзкія обличенія лицемѣровъ-монаховъ, которые могли повсемѣстно возбуждать наклонность къ порицанію монастырской жизни. Иноковъ укоряли въ любостяжаніи и сластолюбіи. Такъ у св. Исаакія, вообще прославляющаго иноческое житіе, находятся мѣста, осуждающія недостойныхъ иноковъ; а такихъ можно было повсюду встрѣтить [2]).

щеся, а всегда въ объяденіи, и въ пьянствѣ, и во блуженіи пребывающе день и нощь, то ни на кій успѣхъ такихъ милостыни есть, таковыхъ приносы гнюсны есть Богу, и скаредни, иже оскорбляютъ вдовицы и насиліе творятъ сиротамъ.

[1]) Милостыню далъ еси оубогому, богатый, и добрѣ сотворп, но инде рабы твои, пасуще стада воловъ твоихъ, потравиша ниву худыхъ сосѣдъ твоихъ, ихже ты примучи злымъ томленьемъ и казньми неправедными въ работу себѣ; да луче бы ти, безумне, помиловати домочадца твоего, да не скорбяще ходятъ, и остатися отъ насилья и томленья, нежели дарити безумно томленьемъ неправеднымъ. Рум. Муз. № 186.

[2]) Начнетъ злато совокупляти, дондеже сведутъ его бѣсове въ ровъ сребролюбія; да еще прежъ принесетъ ему нѣкто нѣчто мало, отвращается, то глаголя: не хощу сіе, не бо пріемлю что отъ кого; тоже аще паки принесутъ ему злато или сребро, или одѣяніе, или что угодно ему: съ радостію то пріемлетъ и, поставь трапезу, начнетъ ясти съ ними, убогы же, паче же Христосъ внѣ вратъ его стоя моляся и никто же милуя. Въ мірѣ молчаливъ языкомъ, постяся, смиреніе показуя, дондеже познанъ будетъ, и начнутъ хвалити его, яко онсица мнихъ, рабъ Божій; и абіе вложитъ діаволъ нѣкимъ отъ мірскихъ приносити ему всякую потребу: вино и масло и златники, и начнутъ глаголати: свять инокъ есть, якоже обычай есть тщеславію. Егда же слышитъ, яко свять инокъ есть, возгордится окаянный и абіе начнетъ сѣдѣти съ мірскими на трапези, ядый, и пія, и оупиваяся и прочее возвышая гласъ свой на пѣніе, дондеже рекутъ міряне, яко онсица мнихъ добре поетъ и бдитъ. Онъ же, слышавъ, возносится: и абіе отходитъ отъ него и малое смиреніе.

Digitized by Google

У другого отца церкви — Ѳеодора-Студита, составителя устава иноческаго, представляется, въ обличеніе, монахъщеголь [1]).

Въ то время, когда духовные проповѣдовали безусловную вѣру къ священнымъ книгамъ, появлялись намеки, которые заронили подозрѣніе къ справедливости всего, вошедшаго въ громадную массу церковной письменности. Такъ, въ бесѣдѣ, приписываемой валаамскимъ чудотворцамъ, говорится: «Цари того не знаютъ и не внимаютъ, какъ многіе книжники иноки, по діавольскому умышленію, выписываютъ мѣста изъ божественныхъ книгъ и изъ житій святыхъ, и выкрадываютъ изъ книгъ преподобныхъ отецъ и вмѣсто ихъ вписываютъ то, что для себя считаютъ лучшимъ и полезнымъ, и увѣряютъ, что это подлинныя писанія святыхъ отецъ» [2]).

Обыкновенно, чудеса и знаменія составляли главный признакъ святости явленія божественной силы. Вѣра въ сверхъестественное поддерживала религіозное благоговѣніе и держала чувство и воображеніе въ сферѣ страха всеприсущихъ таинственныхъ силъ. Одно изъ старинныхъ словъ [3]) остерегаетъ христіанъ, чтобъ не считали чудеса,

---

[1]) Видѣхомъ мниха, въ добрыхъ ризахъ ходяща, и въ красная одѣяна, и безъ насыщенія ядуща, и въ измечтанныхъ сапозѣхъ и оубруснахъ испещренныхъ, при поясѣ имуща доброутворены и златокованы ножи и симъ подобная, паче же ѣздящихъ на коняхъ и месках упитанныхъ, и доброхотныхъ и многоцѣнныхъ, и та вся благоутворена и съ уздами измечтанными. Рук. XV вѣка, Волок. 442.

[2]) А сего цари не вѣдаютъ и не внимаютъ, что мнози книжницы во иноцѣхъ по діавольскому и лестному оумышленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и съ праведныхъ житій выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе; иноже мѣсто въ тѣ же книги приписываютъ, луччая и полезная собѣ вносятъ на собраніе свидѣтельства быти се подлинно святыхъ писаніе. Пог. Сб. № 1316.

[3]) Рук. XV вѣка, Волок. сб. № 497.

Digitized by Google

знаменія и пророчества свидѣтельствомъ святости, что многіе недостойные и еретики творили знаменія по нѣкоторому смотрѣнію, и что святость и добродѣтель познается отъ плодовъ добродѣтели [1]). Плодами же духовными называются: любовь, кротость, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, благостыня, вѣра, воздержаніе [2]). Хотя такое толкованіе и не противно духу православія, но у нѣкоторыхъ вольнодумцевъ оно легко приводитъ къ противоположности съ тѣми доказательствами, которыми издавна привыкли подкрѣплять истину откровенія священной и церковной исторіи, указывая на творимыя Христомъ и святыми мужами чудеса. Въ томъ же словѣ проводится мысль, которая сопровождала повсемѣстно и всегда реформаціонныя умствованія о недѣйствительности заступленія святыхъ и о предпочтеніи собственнаго покаянія и собственнаго труда въ области добрыхъ дѣлъ [3]). Путемъ такого размышленія начинали и реформаты и приходили къ отверженію святыхъ вообще.

Такъ, указывая на недостаточность видимыхъ обрядовъ безъ внутренняго содержанія, пропов'ѣдники сравнивали

---

[1]) Не достоитъ бо православна мужа искусити отъ знаменій и пророчествъ, яко святъ есть, но о жительствѣ его: мнози бо многажды не токмо православніи грѣшницы, но и еретици невѣрніи знаменіа сотвориша и пророчествоваша по нѣкіихъ смотрѣніяхъ. . . . . Не достоитъ отъ таковыхъ вещей искушати кого, аще святъ есть, но отъ плодъ ихъ, якоже рече Господь: отъ плодъ ихъ познаете ихъ.

[2]) Аще оубо таковые плоды стяжитъ человѣкъ, или творитъ знаменія, или не творитъ, явленъ есть таковый, яко святъ есть и Божій другъ.

[3]) Аще человѣкъ не сътворитъ, и молитва святыхъ ничтоже пользуетъ молящимся святымъ о немъ; аще же въздржаются и молятся о немъ, самъ же и обіадается, оупивается или безчинуетъ; что пользуетъ моленіе ихъ о немъ, ту бо исполняется реченное: единъ зиждяй, другій раззоряяй.

Digitized by Google

съ безплоднымъ деревомъ тѣхъ, которые ограничивали одними обрядами свое благочестіе [1]).

Всѣ такія идеи, брошенныя въ умы, хотя бы въ строгомъ кругу православія, у другихъ, болѣе свободно-мыслящихъ, переходили за границы и оказывались противными православію; такъ что тѣ же проповѣдники должны были брать другую сторону предмета. Когда благочестивые мужи обличали лицемѣрство монаховъ, требуя отъ нихъ жизни, сообразной съ принятымъ на себя званіемъ, находились смѣлые, которые начали толковать, что монашество вовсе не угодно Богу; и православные должны были ратовать за учрежденіе монашества [2]). Здѣсь уже ясно, что мысль стала на точку, совершенно противную тому, что составляло сущность религіознаго взгляда въ продолженіи вѣковъ.

Трудно рѣшить, проникала-ли къ намъ и въ какой степени секта богумиловъ. Несомнѣнно, однако, что апокрифическія книги, уважаемыя богумилами, у насъ были въ ходу наравнѣ съ другими подобными. Вскорѣ послѣ принятія вѣры Владимиромъ, въ 1004 году явился въ Кіевѣ какой-то Адріанъ скопецъ, и сталъ хулить церковь, ея уставы, іерархію и обряды. Митрополитъ Леонтій заключилъ его въ темницу; еретикъ раскаялся. Его, обыкновенно, почитаютъ богумиломъ. Дѣйствительно, есть вѣроятіе, и преимущественно въ томъ, что онъ самъ былъ скопецъ; но несомнѣнно нельзя признать, что онъ не могъ

---

[1]) Человѣкъ, иже внѣшняго дѣланіе проходя, кромѣ внутренняго храненіа, подобенъ есть древу, имуща листіе зелено и красно, отъ плода же праздно есть (Рук. XV в. Волокол. Библ. 565).

[2]) Глаголютъ пѣцыи: аще бы было иноческое жительство угодно Богу, былъ бы убо и самъ Христосъ и божественные апостолы во иноческомъ образѣ; нынѣ же видимъ Христа написана, тако же и святыхъ апостолъ, въ мірскомъ образѣ, а не въ иноческомъ (Волоколамск. № 520).

Digitized by Google

проповѣдовать того же, что говорили богумилы, изъ другихъ побужденій. Притомъ, нельзя вполнѣ довѣрять обвиненіямъ на еретиковъ: часто случалось, что человѣка обвиняли въ совершенной ереси, когда онъ, въ самомъ дѣлѣ, только дозволялъ себѣ умствовать. Въ XII вѣкѣ является въ Кіевѣ при Мономахѣ какой-то Димитрій, который тоже началъ порицать церковные уставы. Митрополитъ Никита, по совѣту съ Мономахомъ, послалъ его въ заточеніе въ городокъ Синелецъ на Сулѣ. Извѣстія объ этихъ двухъ явленіяхъ такъ кратки, что нельзя извлечь изъ нихъ никакихъ заключеній, кромѣ того, что, въ первые вѣка послѣ принятія православія, къ намъ вошла и оппозиція противъ православія, искавшая явленія христіанства въ другихъ формахъ; но мы не можемъ показать ея сущности, и еще менѣе степени того вліянія, какое она имѣла, и въ какихъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ книгами св. писанія и переводами св. отцевъ, къ намъ вошли въ переводахъ всевозможнѣйшія апокрифическія, такъ называемыя ложныя или отреченныя церковью, книги [1]).

Между прочимъ, предки наши познакомились, какъ ка-

---

[1]) Между ними были въ ходу сочиненія болгарскаго попа Іереміи: о древѣ крестномъ, о поставленіи Іисуса Христа въ попы, о братствѣ, о Соломонѣ и Китоврасѣ, разныя фальшивыя книги ветхаго и новаго завѣта (Адамъ, Енохъ, Ламехъ, Патріаршіе завѣты, Іосифова молитва, Моисеевъ завѣтъ, Соломоновы пѣсни, Іоанново обавленіе — что восходилъ на небеса и видѣлъ различныя видѣнія, — Іаковлева апостольская повѣсть, Петрово обавленіе, Павлово обавленіе, Варнавино посланіе, разныя апокрифическія евангелія Ѳомы, Варнавы, Никодима, и другія); вопросы Іоанна Богослова, вопросы Варѳоломеевы къ Богородицѣ, хожденіе Богородицы по мукамъ, Лобъ Адамль —что семь царей подъ нимъ сидѣли,—имена ангеловъ о службѣ Христовыхъ таинъ — что опоздять обѣдню, врата небесная затворятся. ангели попа кленуть, — прѣніе діавола со Христомъ, разныя апокрифическія житія и подвиги святыхъ и проч.; въ числѣ ихъ были „ложныя писанія, насѣянныя отъ еретикъ на пакость невѣждамъ".

Digitized by Google

жется, съ сохранившимися отъ временъ Оригена мыслями о несообразности вѣчнаго мученія грѣшниковъ съ безпредѣльнымъ милосердіемъ Божіимъ, какъ это показываетъ одно слово, обращенное къ тѣмъ, которые отрицаютъ вѣчную муку [1]). Только чрезъ критическое разсмотрѣніе, какія именно подобныя сочиненія ходили у насъ въ древности, можно приблизительно добиться, какого рода стихіи, противныя церкви, вмѣстились въ русскую умственную религіозную жизнь.

Когда въ самой православной философіи заключались такія сѣмена противодѣйствія общепринятому и усвоенному вѣками порядку понятій и благочестивой дѣятельности, злоупотребленія въ іерархіи всегда могли возрастить эти сѣмена и дать имъ развитіе. Нигдѣ такъ легко не могла прорваться явная оппозиція, какъ во Псковѣ. Мы видѣли, что, сознавая свою отдѣльность и самобытность отъ Новгорода въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи, онъ тяготился зависимостію отъ новгородскаго владыки по церковному управленію и суду. Желаніе имѣть своего владыку осталось безуспѣшно. Отсутствіе епархіальнаго начальника лишало правильнаго надзора сферу благочестія. Тамъ свободнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, могли воспитаться идеи оппозиціи противъ существующаго порядка; а между тѣмъ, непрестанныя столкновенія между духовенствомъ и мірянами могли ихъ и возбуждать, и поддерживать. Мы видѣли, какъ съ одной стороны духовенство роптало на вмѣшательство вѣча въ церковныя дѣла, — вмѣшательство, которое иногда происходило по необходимости, по поводу отсутствія церковной іерархической вла-

[1]) Глаголять, яко нѣсть вѣчной муки: Како глаголете, яко милостивъ Богъ — не моучитъ грѣшныя христіане; . . . . вѣруйте, братія, истинно, яко истинно есть грѣшнымъ мука: и жидовъ вопросите, и еретиковъ, и еще самѣхъ бѣсовъ: вси отвѣщаваютъ ти единогласно: есть соудъ и мука. Публ. библ. № 203, рук. XV вѣка.

Digitized by Google

сти. Съ другой стороны, владыка и его софійскій дворъ, подававшіе постоянно поводы къ жалобамъ на свою бездѣйственность и медленность по управленію и суду во Псковской Землѣ, въ то же время старались неослабно и бдительно поддерживать свои права на собраніе пошлинъ: такимъ образомъ, казалось, что Псковская Земля въ церковномъ отношеніи была какою-то оброчною статьей новгородскаго церковнаго управленія. Издавна въ христіанской Церкви посвященіе въ церковный санъ за деньги, вслѣдствіе подкупа, считалось въ высшей степени богопротивнымъ дѣломъ, достойнымъ порицанія. На это указывала грамотнымъ людямъ и Кормчая, бывшая тогда однимъ изъ обычныхъ предметовъ чтенія. Ничего не могло быть естественнѣе, если реформаціонная оппозиція противъ Церкви уцѣпилась, такъ-сказать, за эту тонкую струну. Духовные, посвящаясь въ санъ, и получая мѣста, платили пошлины. Прежде посвященія, кандидатъ на священническое мѣсто долженъ былъ искать его чрезъ посредство архіепископской канцеляріи (софійской палаты); не обходилось безъ подарковъ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ нерѣдко пролагало путь къ мѣсту болѣе хорошее отношеніе къ софійскому двору, чѣмъ собственное достоинство. Да вообще и безъ этого, могло случиться, что человѣкъ, вполнѣ достойный по своимъ качествамъ и способностямъ, приготовленный къ духовному званію, не получалъ мѣста единственно потому, что не могъ заплатить пошлины; тогда какъ другой скорѣе получалъ его, единственно потому, что имѣлъ состояніе для потребной платы. Такимъ образомъ, нападки на эти пошлины, упреки, что духовное управленіе нарушаетъ уставы Церкви, посвящая священнослужителей по мздѣ, послужили началомъ возникшей ереси, извѣстной подъ названіемъ Стригольнической.

Время ранняго явленія этой ереси неизвѣстно, какъ

Digitized by Google

равно и предварительныя обстоятельства, служившія къ ея появленію ближайшими поводами: ибо мы достовѣрно знаемъ только время казни ересеначальниковъ въ 1374 году. Ихъ было трое: какой-то неизвѣстный по имени, діаконъ Никита и Карпъ, котораго Софійская лѣтопись называетъ простцемъ, а Супрасльская также діакономъ. Вѣрность послѣдняго извѣстія подтверждается и посланіемъ патріарха Антонія, гдѣ говорится, что Карпъ былъ отставленъ отъ службы, слѣд. былъ прежде духовнымъ лицемъ. Въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго, Карпъ названъ художествомъ стригольникъ. Что такое стригольникъ — неизвѣстно; но это извѣстіе не противорѣчитъ первому о духовномъ санѣ Карпа. Будучи дьякономъ, могъ онъ заниматься ремесломъ, а можетъ быть принялся за ремесло, лишившись сана. Проповѣди ересіарховъ возбудили противъ нихъ преслѣдованіе во Псковѣ. Они бѣжали въ Новгородъ, продолжали тамъ свою проповѣдь, нашли послѣдователей, но вооружили противъ себя народъ. Въ 1374 году, ихъ сбросили съ моста въ Волховъ. Однако насѣянное ими сѣмя не пропало: изъ него пошло свѣжее дерево.

Два посланія патріарха Антонія объ этой ереси, дошедшія до насъ, писаны уже по смерти ересеначальниковъ: — первое въ 1388, второе послѣ 1388-го года [1]). Изъ этихъ посланій видно, что еще прежде патріархъ Нилъ посылалъ на увѣщаніе стригольниковъ Діонисія, архіепископа суздальскаго, возведеннаго въ митрополиты —это должно было случиться около 1382 года, сообразно лѣтописи [2]).

---

[1]) Митрополитъ Евгеній (Истор. княж. Псковск. ч. III, 22—25) думаетъ, что раньше Антонія были посланы на Русь три патріаршія грамоты по этому поводу: одна отъ Патріарха Филоѳея въ 1374 г., а двѣ отъ преемника его Нила.

[2]) Прiиде изъ Царегорода въ Новгородъ Великій Діонисій отъ

Digitized by Google

Ни казнь трехъ философовъ, ни патріаршескія посланія, не истребили ереси: она распространялась и въ XV вѣкѣ, и митрополиты должны были писать не одно посланіе, убѣждая православныхъ преслѣдовать лжеученіе. Сильнѣйшее изъ такихъ посланій, извѣстное намъ, было отправлено митрополитомъ Фотіемъ въ 1427 году, послѣ того какъ псковичи писали объ этомъ къ митрополиту съ своимъ посадникомъ Ѳедоромъ. Передъ тѣмъ многіе изъ еретиковъ были умерщвлены, другіе заточены въ тюрьмы, третьи разбѣжались. Фотій похвалялъ ревность преслѣдователей, не одобрялъ, однако, смертной казни и совѣтовалъ лучше употреблять наружныя наказанія и заточеніе въ тюрьму. Православные, по убѣжденію митрополита, должны были остерегаться ѣсть и пить съ тѣмъ, кто уличался въ ереси. Эта секта, какъ видно, тогда была не на столько многочисленна, чтобъ дать отпоръ гоненію, но и не такъ ничтожна, чтобъ отъ этого гоненія исчезнуть совершенно. Какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, она продолжала существовать въ XV вѣкѣ, потому что въ 1496 г. архіепископъ Геннадій писалъ къ митрополиту Зосимѣ, убѣждая его защитить его отъ какого-то чернеца-стригольника [1]). Притомъ, разбѣжавшіеся отъ преслѣдованія изъ родины разнесли свое ученіе по Руси, и способствовали повсемѣстно дальнѣйшему развитію реформаціонныхъ зачатковъ.

Еретическое направленіе увлекло образованнѣйшихъ людей во Псковѣ, такъ-называемыхъ, по выраженію того вѣка, филозѳфовъ. Патріархъ, обличая ихъ, сравниваетъ ихъ съ книжниками евангелія и укоряетъ въ высокоу-

---

патріарха Нила съ благословеніемъ и съ грамоты, въ нихъ же писано о проторехъ иже на поставленіе, укрѣпляя отъ соблазнъ и отъ ереси стригольниковъ (Карамз. т. V, примѣч. 124).

[1]) Акт. Арх. Эксп. I, 482.

Digitized by Google

міи [1]). Самъ Карпъ былъ литераторъ: онъ составилъ сочиненіе, гдѣ доказывалъ свои положенія [2]). Собственно эта оппозиція была вполнѣ критикою духовенства и церковнаго порядка. Подвергнутъ порицанію обычай при посвященіи платить пошлины, что давало видъ посвященія въ санъ за деньги. Ересіархи, вооружаясь на это, нападали на богатства духовенства, указывали въ противоположность на евангельскую нищету и приводили въ свидѣтельство тексты [3]). Образъ поведенія святительскаго и образъ жизни въ монастыряхъ подверглись равно ихъ критикѣ; они говорили: «се многа собираете имѣнія». Они укоряли священниковъ въ жадности и корыстолюбіи въ такихъ же выраженіяхъ, какія до сихъ поръ можно услышать въ народѣ. «Что это за учители! — говорили они:—пьютъ съ пьяницами, взимаютъ съ нихъ золото и серебро, и порты отъ живыхъ и мертвыхъ!» Невольно явилась, общая вездѣ всѣмъ реформаціоннымъ движеніямъ, мысль о превосходствѣ прямаго нравственнаго человѣческаго достоинства предъ всякими символическими знаками, которымъ приписывается таинственное воздѣйствіе на человѣческое существо. Смыслъ ихъ толкованій былъ таковъ, что дары Духа Святаго, раздаваемые духовными, — недѣйствительны, когда духовное лицо не соотвѣтствуетъ своимъ нравственнымъ совершенствомъ возложенному на него сану. Ни Карпъ, ни его товарищи и послѣдователи вначалѣ не показывали явнаго охужденія того, что составляетъ сущность Церкви, но добираясь до этой сущности и находя несообразнымъ съ нею то, что дѣлалось и

---

[1]) А. И. I, 13, Изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати христіаномъ, и поставистеся учители народомъ.

[2]) Показа имъ писаніе книжное, еже списа на помощь ереси своей, стр. 11.

[3]) Не имайте влагалища, ни мѣди при поясахъ вашихъ.

Digitized by Google

допускалось въ Церкви,—они въ то же время подрывали все видимое зданіе Церкви [1]).

Въ дѣлѣ размышленія о дѣлахъ религіи всегда бываетъ такъ, что какъ скоро въ головѣ мыслителя духовенство не выдерживаетъ критики, то вслѣдъ затѣмъ подвергаются обсужденію и уставы, и шагъ за шагомъ мысль идетъ къ дальнѣйшему разрыву со всѣмъ, что принималось по авторитету. Какъ-скоро въ глазахъ стригольниковъ духовенство потеряло къ себѣ высокое уваженіе, находили въ немъ пороки, и какъ скоро нашли неправильность въ полученіи духовными сана: то естественно, возникла мысль, что нельзя приходить къ нимъ для отправленія таинствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и таинства, совершаемыя недостойными людьми,—недѣйствительны [2]). Но критика не ограничилась современнымъ духовенствомъ. Люди книжные, ученые, стригольники, принялись и за церковную исторію, и увидѣли, что и прежде посвященіе совершалось такъ же. Такимъ образомъ, на основаніи признанія недостоинства духовныхъ, посвященныхъ съ дарами, размышленіе должно было доходить до признанія недостойнымъ всего существующаго и существовавшаго духовенства [3]).

Естественно, что и вселенскіе соборы, съ постановлені-

---

[1]) Патріархъ, въ своемъ посланіи, выражается объ этомъ такъ: Нѣцыи отъ васъ извѣтомъ благочестія, еже мнѣтися хранити Божественная писанія и священныхъ канонъ извѣстія, отлучишася соборныя церкви, вся еретики мняще: святителя и священники и вся клирики и вся протчая люди христіаны. А. И. 1, 5.

[2]) Недостойни суть пресвитери, по мьздѣ поставляеми; недостойно отъ нихъ причащатися, ни каятися къ нимъ, ни крещеніа отъ нихъ пріимати. А, И. 1. 9.

[3]) Аще глаголете: недостоинъ есть патріархъ и недостойни суть митрополити; то по вашему нынѣ слову ни единого нѣсть попа на земли, аще бы который нищеты дѣля, позна себе безъ даровъ церковныхъ поставленъ есть. А. И. I, 12.

Digitized by Google

ями которыхъ оказывалось согласнымъ то, что въ современномъ своемъ приложеніи соблазняло стригольниковъ, должны были подвергаться осужденію [1]). Чрезъ такой логическій переходъ мысли отъ одного предмета къ другому, все церковное зданіе падало и теряло свою святость въ умахъ еретиковъ. Антоній, въ своемъ обличительномъ посланіи, задаетъ стригольникамъ такой вопросъ, который долженъ былъ неминуемо имъ самимъ придти въ голову еще прежде: «вамъ же гдѣ поставити попа по своей окаянной вѣрѣ? Не приде бо Христосъ второе въплотитися на землю, ни снидетъ ангелъ освятити вамъ попа» [2]). Очевидно, положеніе стригольниковъ должно было нѣсколько времени походить на положеніе нынѣшней безпоповщины. Признавая Церковь и всѣ ея уставы и обряды, безпоповцы не пользуются ими за неимѣніемъ, по ихъ мнѣнію, лицъ, которыя были бы достойны принять санъ, дабы соблюдать и совершать возложенное на этотъ санъ Церковью. Но расколъ, послѣ Никоновой реформы, имѣлъ корень въ буквѣ, и приверженность послѣдователей обращалась къ неизмѣнности буквы: слѣдовательно, положеніе, въ какое пришли безпоповцы, не могло повести ихъ къ установленію чего-нибудь особаго, отдѣльнаго, новаго. Для безпоповцевъ, съ нарушеніемъ буквы, духовенство, дозволившее себѣ это нарушеніе, перестало быть духовенствомъ, и Церковь, которую признавало это духовенство, не была Церковь; но для нихъ продолжала неизмѣнно существовать

---

[1]) Нынѣ же отъ службы отлучена и отъ церкви изгнана стригольника въздвиже на правовѣрную вѣру (діаволъ), и оклеветалъ весь вселенскій съборъ патріарховъ, и митрополитовъ и епископовъ, и игуменовъ и поповъ и весь чинъ священны, и глаголетъ,—яко не по достоянію поставляеми и таковою виною прельщаху худоумныя, отлучаху отъ причастія святыхъ, пречистыхъ животворящихъ таинъ Христовыхъ. А. И. I, 10.

[2]) Акт. Ист. I, 12.

Digitized by Google

Церковь старая,—Церковь, лишенная духовенства: безпоповцы очутились въ такомъ положеніи, въ какомъ бы находились и православные, если бы судьба бросила ихъ въ землю, гдѣ нѣтъ духовенства. Тогда мірянинъ исполнялъ бы то, что дозволено Церковью исполнять мірянину, и съ соболѣзнованіемъ долженъ былъ бы лишаться того, что могъ, по уставу Церкви, получить единственно отъ духовнаго лица. Очень понятно, что мысль безпоповца могла оставаться въпродолженіи вѣковъ въ такой парализаціи. Но стригольники не съ того начали; ихъ вопросъ касался не буквы, а сущности порядка и нравственности. Не какое-нибудь нововведеніе возбудило стригольниковъ, а приложеніе къ дѣлу того, что, какъ они доискались, всегда существовало въ восточной Церкви. Поэтому стригольнику легче было, чѣмъ безпоповцу позднѣйшихъ временъ, перейти отъ недовольства существующимъ къ установленію чего-нибудь своеобразнаго. Послѣ отверженія священства и всей іерархіи, естественно было возникнуть мысли о возможности учить и совершать богослуженіе и не-священнику. Они ссылались на апостола Павла [1]). Достойно замѣчанія, что патріархъ, въ своей грамотѣ, въ опроверженіе ихъ приводитъ такія доказательства, которыя стригольники могли обратить въ свою пользу [2]): еретики потому-то и пришли къ необходимости учить вмѣсто священниковъ, что считали послѣднихъ невѣрными (недостойными). Взявъ на себя роль народоучителей, еретики естественнымъ путемъ принялись за критику того, что было тѣсно связано съ корыстолюбіемъ, въ которомъ они обвиняли духовенство, именно за вклады по душамъ, поминовенія и вообще за все, что выражалось на благочестивомъ языкѣ понятіемъ *строить душу*, и дош-

[1]) Вы же стригольници глаголете, еже Павелъ и простому человѣку повелѣ учити (Ак. Ист. I, 14).

[2]) Тогда бо (т-е. когда Павелъ такъ говорилъ) вси невѣрни быша, а не вамъ, еретикомъ, то речено бысть.

Digitized by Google

ли такимъ образомъ до отверженія религіозныхъ понятій и обрядовъ, относящихся къ идеѣ умилостивленія Божества за умершихъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ начали отвергать исповѣдь: вмѣсто исповѣди священнику, можно—говорили они—каяться, припадая къ землѣ [2]). Можетъ быть, въ этомъ обрядѣ, неясно выраженномъ для насъ, дѣйствовало, по привычкѣ, древнее языческое олицетвореніе земли. Вѣроятно, этотъ обрядъ означалъ тайную исповѣдь къ Богу, а припаданіе къ землѣ совершалось для того, чтобъ имѣть возможность сосредоточиться въ себѣ самомъ. Понятія о причащеніи, какія у нихъ были послѣ отпаденія отъ Церкви, выражаются неясно въ обличеніи; но видно, что они ужъ какъ-то иначе растолковали и объяснили себѣ смыслъ таинства Евхаристіи [3]).Патріархъ счелъ нужнымъ приводить по этому поводу мѣста изъ евангелія о Тайной Вечери; это заставляетъ предполагать, что стригольники стали отвергать видимое таинство причащенія, вѣроятно, толкуя его духовно, какъ это дѣлали многіе еретики и въ томъ числѣ наши молоканы. Но, подобно послѣднимъ, стригольники не отвергали поста и воздержанія, напротивъ, уважали произвольный постъ и требовали не наружности, но дѣйствительнаго суроваго поста—и духовнаго, и тѣлеснаго, —и, вѣроятно, обрекали себя въ два постные недѣльные дня совершенному неядѣнію [4]). Но такой постъ,—по замѣчанію патріарха,—не могъ быть поставленъ имъ въ заслугу, ибо и «*бесермене постятся*». Какъ вообще еретики,

[1]) Недостоитъ надъ умершими пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвыя приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душю умершаго (Акт. Ист. I, 14).

[2]) Еще же и сія ересь прилагаете, стригольници:—велите къ земли каятися человѣку, а не къ попу.

[3]) Стригольници же противници Христу повелѣваютъ, яко отъ древа животнаго отъ причащенія удалятися. А. И. I, 11.

[4]) Фарисеи таци же бѣша: постишася двожды на недѣли, весь день не ядуще.

Digitized by Google

они отличались скромнымъ видомъ, суровымъ воздержаніемъ, молитвою и книжностію, безпрестанно приводили тексты св. писанія, толковали о религіозныхъ и нравственныхъ предметахъ [1]).

Пробужденное свободомысліе не оставалось на одномъ пунктѣ; загорѣлось умственное движеніе въ разныхъ видахъ. Въ XV вѣкѣ, обличая стригольниковъ, митрополитъ Фотій выказываетъ такія противоположныя между ними черты, которыя указываютъ, что, подъ общимъ именемъ стригольниковъ, онъ разумѣлъ различные толки, возникшіе въ сѣверной странѣ. Видно, что въ умахъ мѣстныхъ философовъ господствовало разнообразное волненіе. Одни, такъ-сказать, смахивая на стригольниковъ, въ то же время не расходились съ Церковью, и Фотій предписываетъ духовнымъ не брать отъ нихъ приношеній. Очевидно, эти были отличны отъ тѣхъ, которые еще прежде пришли къ отверженію всякаго приноса въ Церковь и расторгнули съ нею связь. Къ тѣмъ, которые только расходились съ Церковью, соблазняясь способомъ поставленія духовенства, Фотій обращаетъ такія выраженія: «а вѣсте еже не ангелы Богъ сведе роду человѣческому на исправленіе, но человѣкъ достовѣрныхъ святителей и архіереевъ постави и іереи, и свою власть отъ апостоловъ тѣмъ дарова» [2]). Нѣкоторые, недовольные Церковью, оторвавшись отъ нее, чувствовали необходимость богослуженія—образовали собственное. Митрополитъ Фотій приводитъ, въ обличеніе такихъ, правило вселенскихъ соборовъ, воспрещающее даже пресвитерамъ воздвигать особенный жертвенникъ и творить службу [3]). Неизвѣстно, какого рода было это богослуженіе,

---

[1]) Таковы бо быша и вси еретицы—постницы, молебницы и книжницы... Или бы не отъ книжнаго писанія глаголали, кто бы послушалъ ихъ? А. И. I, 15.

[2]) А. И. I, 66.

[3]) Аще священническому чину възбраняютъ правила святыхъ

Digitized by Google

а равнымъ образомъ, какое соотношеніе было между учреждавшими собственное богослуженіе, и, по извѣстію митрополита Фотія, отвергавшими даже коренные церковные уставы и преданія. Еретики, которыхъ Фотій обличаетъ подъ общимъ именемъ стригольниковъ, доходили уже до чистаго деизма, нарицали себѣ отцомъ Бога небеснаго и отвергали не только соборы, преданія церковныя, но и евангельскія и апостольскія [1]). Вѣроятно, эти «помраченные» составляли дальнѣйшее развитіе ереси. О разности, которая тогда возникла въ еретическихъ ученіяхъ, можно ясно видѣть изъ того, что Фотій въ томъ же посланіи громитъ явно два толка, изъ которыхъ одинъ отвергаетъ священство и иночество, а другой доходитъ до отрицанія воскресенія мертвыхъ, подобно саддукеямъ [2]). Здѣсь ясно различаются два еретическія ученія, и послѣднее показываетъ уже матеріализмъ.

Такое броженіе умовъ господствовало въ XV вѣкѣ въ сѣверной Руси, когда, предъ паденіемъ Новгорода, зане-

---

апостолъ и вселенстіи святіи соборы и проклятью предаютъ; кольми же паче мірьскаго человѣка възбраняти повелѣваютъ не смѣяти таковая дьрзнути замышленія. А. И. I, 43.

[1]) А какъ ми пишете о тѣхъ помраченныхъ, что какъ тіе стригольници отпадающе отъ Бога и на небо взирающе бѣху, тамо Отца собѣ наричаютъ а понеже бо самыхъ тѣхъ истинныхъ еуангельскыхъ благовѣстей и преданей апостольскыхъ и отеческыхъ невѣрующе, но како смѣютъ, отъ земля къ въздуху зряще, Бога Отца себѣ нарицающе и како убо могутъ Отца собѣ нарицати. А. И. I, 66.

[2]) Слышаніе мое сынове: еже въ презначалныхъ жителствъ вашихъ православныхъ, еже между васъ богоизбраннаго Христова стада, сущихъ нынѣ нѣкоторыхъ нововъзмущенныхъ отъ пропинаемыхъ діавольскыхъ сѣтей, и того яда отрыгновеніемъ слышу тѣхъ нѣкоторыхъ, яко отступлены отъ Бога о своемъ хрестьанствѣ небрегуще, но и чинъ великаго Божіа священьства и иночьства яко ни во что полагающе, но и умаляюще, и тѣхъ по слышанію слышу, иже яко садукѣемъ онѣмъ проклятымъ подражающе суть, еже яко и въскресенію ненадѣюще быти мняху (А. И. I. 63).

Digitized by Google

сена была ересь раціональнаго жидовства. Вмѣстѣ съ княземъ Михайломъ Олельковичемъ, призваннымъ новгородцами въ 1471 г., пріѣхалъ изъ Кіева ученый іудей Схарія и началъ распространять еще новое ученіе. Онъ нашелъ готовый матеріалъ въ умахъ тѣхъ, у которыхъ цѣлость православной вѣры была потрясена, но они еще не успѣли прочно утвердиться ни въ какой новой теоріи. Извѣстія объ этой ереси показываютъ, что разбившееся на толки стригольничество представляло такія ученія, которыя были сходны съ разными еретическими ученіями древности. Іосифъ Волоцкій, ратуя собственно противъ ереси жидовствующихъ, говоритъ, что многіе втайнѣ придерживались саддукейской и массаліанской ереси [1]). Подъ саддукейскою разумѣлся, конечно, матеріализмъ, отвергающій будущую жизнь, или, по крайней мѣрѣ, изъявляющій сомнѣніе въ ней. Мы видѣли, что митрополитъ Фотій упрекалъ въ этомъ стригольниковъ въ эпоху ихъ разложенія на толки. Древняя массаліанская ересь имѣла тѣ же основанія, какъ и богумильская. Вѣроятно, были въ Новгородской и Псковской Землѣ и такіе, что признавали твореніе міра дѣломъ злаго духа. Можетъ быть, это представленіе зашло въ древности чрезъ бывшее вліяніе богумиловъ; но могли образоваться также толки и самобытно, во всеобщемъ броженіи умовъ, особенно когда и древнія языческія вѣрованія, и кое-что изъ народныхъ суевѣрныхъ мнѣній, доставляли для этого готовые матеріалы. Едва ли подъ словомъ «ересь» у Іосифа слѣдуетъ разумѣть замкнутыя, уже вполнѣ сформировавшіяся, секты: тогда господствовало скептическое направленіе; стригольническое движеніе пробудило мыслительность; не образуя еще опредѣленнаго вѣроученія, люди грамотные,

[1]) Инніи мнози иже втайнѣ держаша ереси многія, таже которые и саддукейскую и массаліанскую ересь держали.

Digitized by Google

склонные къ размышленіямъ и критикѣ, обратились смѣло на церковное ученіе, на церковный порядокъ и на толкованіе священнаго писанія. Религіозныя пренія сдѣлались публичнымъ препровожденіемъ времени [1]). Въ этомъ хаосѣ толковъ, іудей Схарія пустилъ свою пропаганду. Онъ совратилъ сначала одного попа, по имени Дениса, потомъ попъ привелъ къ нему другого попа, по имени Алексѣя, бывшаго въ приходѣ на Михайловской улицѣ. Это были люди мыслящіе и просвѣщенные по тогдашнему времени; ихъ семейства послѣдовали ихъ примѣру. Увидавъ, что пропаганда можетъ пойти успѣшно, Схарія пригласилъ товарищей ереси—одного по имени Іосифа Шмойла Скаряваго, другого Моисея Хапуша. Денисъ и Алексій хотѣли-было предать себя обрѣзанію, но ихъ наставники не дозволили и совѣтовали держать жидовство втайнѣ, а явно показываться христіанами. Эти прозелиты, вмѣстѣ съ іудеями, распространяли жидовство: и начали совращаться другіе, и міряне, и попы. Замѣчательно, что духовенство, болѣе книжное и прежде приготовленное къ религіознымъ вопросамъ, но не имѣвшее строгаго научнаго образованія, легче чѣмъ міряне, подвергалось вліянію пропаганды. Когда Иванъ III былъ въ Новгородѣ, то взялъ Алексія и Дениса къ себѣ въ Москву; люди книжные и смышленые, они тотчасъ получили тамъ отличія: первый сдѣланъ былъ протопопомъ въ Успенскомъ соборѣ, второй у Архистратига Михаила. Никакъ нельзя было подозрѣвать въ нихъ и тѣни какого бы то ни было неправовѣрія. Они были жизни благочестивой и воздержной, кротки, степенны, казались толпѣ ревностными христіанами, а втайнѣ начали распространять ересь. Пропаганда ихъ въ Москвѣ была такъ счастлива, что они, кромѣ другихъ, совратили любимца

---

[1]) Научились укоряти Писаніа Божественная, и на торжищахъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопренія творяху.

Digitized by Google

великаго князя, дьяка Ѳедора Курицына, двухъ крестовыхъ дьяковъ, Истому и Сверчка, и архимандрита Зосима. Этотъ Зосима, сообразно наставленіямъ своихъ учителей, умѣлъ такъ искусно скрывать свою ересь, что сохранялъ репутацію святого мужа и былъ избранъ митрополитомъ. Торжество еретиковъ казалось послѣ этого надолго упроченнымъ.

Но не такъ легко было поколебать православіе, давно уже ставшее душою всей Руси. Еретическія попытки, какъ ни хитро, какъ ни искусно были ограждены, какъ ни ловко избраны были для нихъ вѣрные и выгодные пути, разбились о непоколебимую приверженность русскаго народа къ отеческой вѣрѣ. Дальнѣйшая судьба жидовствующей ереси не принадлежитъ уже спеціальной новгородской исторіи. Когда архіепископъ Геннадій, съ фанатическою ревностію, устраивалъ по новгородскимъ улицамъ тріумфальный поѣздъ еретиковъ въ берестяныхъ шлемахъ съ соломенными вѣнцами, которые приказалъ зажечь на головахъ вольнодумцевъ, — Великаго Новгорода уже не стало; въ его стѣнахъ жили другіе люди, съ другими нравами и понятіями, а его прежнія дѣти умирали въ чужихъ земляхъ, оставляя потомству удѣлъ — забывать прошлое...

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Аа, р. см. Гойва.
Абакумъ (см. Оваке), новг. купецъ, II, 198.
Абдулъ-Летифъ, крымскій царевичъ, I, 298.
Або, гор. I, 364.
Абрагамсонъ, Якобъ, II, 216.
Авдова гора, урочище, I, 89.
Авдотья Ивановна, жена гостя Терентьища, II, 155.
Авиньонъ, гор. I, 364.
Авраамій, настоятель Спасо-Мирожскаго мон. II, 350.
Авраамій Ростовскій, св. II, 336, 337.
Авраамъ, новг. тысячскій, I, 115, 257, 366.
Авсхарій св. I. 25.
Автономъ, посланецъ архіеп. Іоны, II, 281.
Агнесса Эстонская, II, 174.
Адамъ бременскій, историкъ, I, 25; II, 170.
Адріанъ, еретикъ, II, 413.
Аигустъ, кн. псковскій, I, 255.
Акилы апост. храмъ въ Москвѣ, I, 187.
Александръ Абакумовичъ, воевода торжков. I. 119.
Александръ Абакумовичъ, новг. бояринъ, II, 114.
Александръ Васильевичъ, кн. пск., I, 266.
Александръ Владимировичъ (ростовскій), кн. пск., I, 296, 297.
Александръ Всеволодовичъ, кн. пск., I, 260.
Александръ Ивановичъ, кн. псков., правнукъ Ольгерда, I, 266.
Александръ Игнатьевичъ, посолъ новгор., I, 270.
Александръ, кн. новг., сынъ кн. Наримунта-Глѣба, I, 114.
Александръ, кн. псков., I, 264.
Александръ Михайловичъ, князь тверской, I, 110 вел. князь, бѣжалъ во Псковъ, 111, 112, 257—259 умерщвленъ въ Ордѣ; II, 275.
Александръ Поповичъ, славн. витязь, I, 91, 93.
Александръ, по прозвищу Ошевень, основатель Ошев. Усп. мон, II. 341.
Александръ (Свирскій), основатель Свирскаго монаст., II, 339.
Александръ III, папа, I, 324.
Александръ IV, папа, I, 357, 358.
Александръ (Ярославовичъ) Невскій, кн. новг. впосл. вел. князь, I, 47, 99—102, 252—254, 349—357 война со шведами и нѣмцами, 369, 390; II, 62, 103 — 105 съ татарами въ Новг., для переписи, 150, 195, 204, 393.
Александръ Ѳедоровичъ, кн. псков., I, 266, 267.
Алексинъ, гор., I, 243.
Алексій, владыка новг., I, 124, 125; II, 111, 257 — 259 удалился въ уединеніе, 263—266, 344, 345.

Digitized by Google

Алексій, митроп. моск., II, 257, 258, 297.
Алексія св. церковь XIV в. въ Новгородѣ, II, 387.
Алексія св. церковь XVI в. во Псковѣ, II, 390.
Алексія Человѣка Божія церковь XV в. въ Новг., II, 387.
Алексѣй Михайловичъ, основатель Хутынскаго монастыря, II. 310, 311, см. Варлаамъ св.
Алексѣй, попъ стригольникъ, II, 427.
Алентакенъ, гор., I. 382.
Альбертъ (см. Мейнгардъ), епископъ рижскій, I. 324—326, 328, 332, 339; II. 194.
Альппеке, писатель, I. 348.
Альта, р., I. 43.
Ананій, кп. новг., I. 108, 109.
Ананій Константиновичъ, новг. тысячскій, I. 132.
Ананій, посадникъ новгор. II, 40, 104.
Ананьинъ, Василій, посадникъ новг., I. 157, 158, 196, 198, 200, 205.
Анастасіи св. церковь XV в. во Псковѣ, II. 390.
Анастасіи св. церковь XV. в. въ Новгородѣ, II. 388.
Анастасъ, грекъ. I. 35.
Англія, II. 208.
Андрей Албердовичъ, боярипъ, I. 129, 131.
Андрей Александровичъ, кн. новг. (сынъ Александра Невскаго), I. 104, 105, 255; II. 49, 79, 209.
Андрей (Васильевичъ), князь, братъ вел. кн. моск. Вас. Вас., II. 314.
Андрей (Васильевичъ), кн., сынъ вел. кн. моск. Вас. Вас., I. 143.
Андрей (Васильевичъ), моск. князь, братъ вел. князя моск. Ивана Вас., I. 175, 207, 223, 293.
Андрей Воротиславичъ, кн. новг., I. 255.
Андрей Захарьиничъ, новг. посадникъ, II. 110.
Андрей (Ивановичъ), князь, братъ вел. кн. моск. Вас. Ив., II. 298.
Андрей, инокъ, II. 306.
Андрей, кн. суздал. и новг. (братъ Юрія суздал.), впосл. вел. кн., I. 58, 67, 70—72, 234, 249.
Андрей (Ольгердовичъ), кн. пск., I. 261, 262.
Андрей Станиславовичъ, боярипъ, I. 88.
Андрей (Ярославовичъ), кн. братъ Александра Невскаго, I. 352, 354.
Андрея Первозваннаго церковь XV в. въ Новг., II. 387.
Андріановъ, Кирилло, новг. посолъ, II. 201.
Анзерскій островъ, II. 66.
Анна, мать новг. владыки Евфимія II-го, II. 288, 289.
Ансельмъ гавельбергскій, II. 396.
Антоніевъ монастырь Рожд. Пресв. Богор. близъ Новгорода, II. 11, 303, 304, 306, 311, 324, 365.
Антоній, архіеп. новг. (см. Добрыня Ядрейковичъ), II. 165, 253, 264, 267 удалился на Хутынь, 268, 312, 313.
Антоній, основатель Бѣжицкаго мон., II. 347.
Антоній, патріархъ констант., II. 260, 417, 421.
Антоній св. Сійскій, основатель Антоніев. обители, I. 26; II. 304—307, 380.
Антоній, сынъ Марѳы Борецкой, II. 349.
Антонія и Ѳеодосія св. церковь въ Псково-Печерс. мон., II. 361.
Анфаловы братья, II. 324.
Анфалъ, боярипъ новг., I. 132, 134; II. 118 предвод. ушкуевъ.
Аппельдернъ (фонъ), Іоаннъ, братъ еписк. Германа, I. 341.
Аравія, I. 407.
Арбузьевъ (Арзубьевъ), Кипріанъ, новг. патріотъ, I. 188 казненъ.
Арбузьевы, фамилія, I. 155.
Арзубьевъ, новг. патріотъ, I. 222.
Аристотель, нач. артил. у моск. вел. кн. Ив. Вас., I. 224.
Аркадій, епис. новг., основ. мон. Аркажъ, II. 252, 265, 307.
Аркажъ, монастырь близъ Новгорода, I. 210; II. 11, 308, 315.
Арменія, I. 407.
Арсеній, архіеп. новг., II. 98, 264, 265, 267, 268.
Арсеній, кандидатъ въ епис. псков., I. 258; II. 275.

Digitized by Google

Арсеній, основатель Коневс. мон., II. 338, 339.
Арская Земля, II. 118.
Арскіе, вотяцкіе князья, I. 243.
Архангельскій монастырь, II. 349.
Архангельскъ, гор., II. 349.
Аршо, озеро, II. 62.
Аскольдъ, кн., I. 7, 20.
Астрахань, гор., I. 18; II. 117.
Асыка, вогульскій кн., I. 409.
Атлантическій океанъ, II. 305.
Ауралайсеть, финс. народность, I. 391.
Аурепе, провинція, I. 363.
Ахиллъ, II. 121.
Ахмылъ, Ѳедоръ, посадникъ новг., II. 110.
Аѳанасій Астафьевичъ, посадникъ новг., I. 166.
Аѳанасія и Кирилла, церковь XIV в. въ Новг., II. 386, 388.
Аѳанасія св. церковь XV в. во Псковѣ, II. 390.
Аѳанасьевъ, Алферій, новгородскій патріотъ, I. 200.
Аѳанасьевъ, Иванъ, новг. патріотъ, I. 198, 200.
Аѳанасьевы, фам., I. 155, 197.
Аѳетъ, ветхоз., I. 4.
Аѳонская гора, Аѳонъ, II. 338, 369.

Б.

Балтійское море, Балтика, I. 22, 25, 54; II. 171, 174, 215, 305.
Басенокъ, Ѳедоръ, моск. воевода, I. 142, 143.
Батый, ханъ, I. 101, 336; II. 206, 210.
Бекбутъ, татар. царевичъ, I. 238.
Бельская губа, край, II. 74.
Бергенъ, гор., II. 184.
Березай, р., II. 64.
Березовская волость, I. 373, 374; II. 74.
Берестье, I. 64.
Берманъ, писатель, II. 170. 171.
Бернгардъ фонъ-деръ-Борхъ, мейстеръ Ордена, I. 379.
Биргеръ, управ. дѣлами и нач. войскъ Швеціи, I. 348, 349, 351, 352, 356.
Биргеръ, король швед., II. 196, 208.
Бискупляя улица въ Новгородѣ, II. 3.
Біармія, Біармосъ (Перемь, Пермскій край, Пермь), I. 403, 407.
Біорне, гор., I. 363.
Благовѣщенія на Пескахъ церк. XV в. во Псковѣ, II, 389.
Благовѣщенская церк. XII в. въ Новг., II. 388.
Благовѣщенская церк. XIV в. въ Новг., II. 386.
Благовѣщенскій мон. въ Новг., II. 11, 308.
Благовѣщенскій мон. женскій во Псковѣ, II. 352.
Блунковичъ, Якимъ, новг., II. 110.
Богданъ Абакумовичъ, новг. посолъ, I. 129.
Богданъ, псков. гонецъ, I. 289.
Богемія, II. 208.
Боголюбскій женс. мон. въ Новг., II. 323.
Богородицкій мон. близь Изборска, II. 352.
Богородицкій мон. на Коломцѣ, II. 287.
Богородицкій мужск. мон. у Кандалакской губы, II. 349.
Богородицы на Горѣ, церк. XIV в. во Псковѣ, II. 351.
Богородицы церкви XIV вѣка въ Новг., II. 386, 387.
Богословскій мон. близъ Шенкурска, II. 349.
Богоявленія церк. въ Новг., II. 4.
Богоявленія церковь XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Богоявленія церковь XV вѣка во Псковѣ, II. 390.
Богоявленскій конецъ, часть Пскова, II. 14.
Богумилъ, по прозвищу Соловей, жрецъ въ Новг., I. 37.
Божинъ, Данило Ивановичъ, новг. бояринъ, II. 107, 108, 151.
Болванскій городокъ, I. 234—236.
Болгары, гор., I. 407; II, 114—116, 118.
Болеславъ, кор. польс., I. 42.
Боловина Лавица, ч. Пскова, II. 14.
Боловинскій конецъ, во Псковѣ, II, 14.
Большая Орда, I. 223.

Digitized by Google

Большой городъ, ч. Пскова, I, 310. 313.
Борецкая, Марѳа, вдова новг. посадника, I. 154, 155, 161—163, 166, 168, 173, 187—189, 197, 200. 222; II, 349.
Борецкіе, фам., I. 155, 171; II, 148.
Борецкій, Димитрій, сынъ посадницы Марѳы, I. 154, 155, 188 казненъ.
Борецкій, Исаакъ, порховецъ, I. 138, 154.
Борецкій, Ѳедоръ, сынъ посадницы Марѳы, I. 154, 197, 200 отправ. въ Москву.
Бориса и Глѣба мон. на мѣстѣ Торжка, II. 346.
Бориса и Глѣба церкви въ Новгородѣ, II. 4, 383—386, 388.
Бориса и Глѣба церковь въ Вышгородкѣ псковскомъ, II. 390.
Бориса и Глѣба церковь во Псковѣ, XV в., II. 389.
Бориса и Глѣба церковь въ Русѣ, II. 214.
Борисоглѣбскій мон. въ Новг., II. 323.
Борисъ и Глѣбъ, св., I. 234—236.
Борисъ, кн. братъ вел. кн. моск. Ив. Вас, I. 175, 223, 293.
Борисъ, кн. псковскій, I. 250.
Борисъ, новг. тысячскій, I. 344.
Борисъ, посадникъ новгор., I. 52.
Борисъ, посадникъ пск., II. 12.
Борисъ св., I. 350, 355; II. 346.
Борисъ, тверской вел. кн., II. 37, 68.
Боркова Лавица, ч. Пскова, II. 14.
Боркова улица въ Новг., I. 155; II 387, 388.
Борнгольмъ, островъ, II. 171.
Боровскъ, гор., I. 123, 243.
Бородатый, Степанъ, дьякъ архіеп. I. 177, 187.
Борозда (Савва), основатель Вишерскаго мон., II. 333—336 см. Савва Вишерскій.
Братошичъ, Зиновій, посолъ лит. кн. Витовта, I. 135.
Бригитта, сестра шв. кор. Магнуса, I. 365.
Броди, уроч., I. 385.
Бронницы, гор., I. 224; II, 224.
Бруно св., I. 26.
Брунслаке (фонъ), Іоганнъ, купецъ, II. 198.
Брюгге, гор., II. 177, 192.
Брюхатый, Яковъ Аѳанас., степенный посадникъ пск., II. 282.
Брячиславъ, кн. полоцкій, I. 57, 72.
Брячиславъ, кн. полоц., тесть Алекс. Невск., II. 150.
Бугъ, р., I. 42.
Будиволна, Василій, кн. псков., I. 264.
Будкинская волость, II. 72.
Буицы, село, I. 166; II. 303.
Булгакъ, Иванъ, моск. воевода, I. 378.
Бурматъ, пермс. воев., I. 408.
Буслаевъ, Василій (Васька Буслаевичъ), II. 118—140, 233, 370.
Буслай, старый, II. 118, 119.
Бухарія, I. 407.
Быстрокурья, селеніе, II. 65.
Бѣжецкій-Верхъ, Бѣжецкъ, гор., I. 111, 123, 127, 130, 132, 139, 141; II. 64, 67, 68, 115, 224, 347.
Бѣжицкій край, (земля) Бѣжицы, II. 64, 67, 224 347.
Бѣлое море, I. 402, 414; II. 66, 340.
Бѣлое озеро, Бѣлоозеро, I. 6, 13, 15, 17, 257, 399.
Бѣлозерская Земля, область, I. 141, 163; II. 64, 114, 341.
Бѣлозерскій мон., II. 340.
Бѣлозерскъ, гор., I. 123.
Бѣлоникольскій, или Николы Бѣлаго, монастырь, II. 308, 364.

В.

Вага, р., I. 410; II. 65, 209, 340.
Вагія, провинція, I. 327.
Ваймуга, сел., II. 65.
Валаамскій Сергіевскій монастырь, II. 336—340.
Валаамъ, островъ, II. 337—339.
Валкъ, мейстеръ Ордена, I. 354.
Ваная, гор., I. 362.
Варболе, иначе Воробинъ, Чудская крѣпость, I. 327, 338.
Варваринскій жен. мон. въ пригор. Выборѣ, II. 352.
Варваринъ мон. женс., въ Новг. II. 307.

Digitized by Google

Варвары на Усохѣ, цер. XV в. во Псковѣ, II. 389.
Варграббе, нач. латышей, I. 334.
Варлаама св., церковь въ Лисьегор. мон., II. 311.
Варлаамъ, архиманд. новг., II. 108.
Варлаамъ св. (См. Алексѣй Мих.), II. 165, 297, 310 основ. Хутын. мон., 311—319, 324, 347.
Варсонофій, духовникъ архіеписк. Іоны, I. 161.
Варяги Русь, народъ, I. 18, 19, 23.
Варяжская, иначе Варецкая улица въ Новг., II. 6, 157 пожаръ.
Варяжскій (Нѣмецкій) дворъ въ Новг., II. 6.
Варяжское (Балтійское) море, I. 7, 22, 23, 25; II. 135.
Варяжье, край, I. 323.
Варѳоломей, посадникъ новг., II. 106.
Варѳоломей Юрьевичъ, новг. посолъ, I. 113.
Василій (Александ.), князь, сынъ Алекс. Невск., I. 100; II. 104.
Василій Васильевичъ, вел. кн. моск., I. 139, 140, 143, 151, 152, 162, 167, 176, 192, 239, 274; II. 71, 314.
Василій Васильевичъ, кн. пск., I. 273, 288; II. 43.
Василій Гребенка, изъ сузд. князей, I. 141, 142 предв. новгор. ополченія.
Василій Даниловичъ, новгородецъ, I. 117.
Василій Димитріевичъ, вел. кн. моск., I. 127, 130, 132, 135, 138, 263, 372; II. 67, 273, 328, 332.
Василій, епископъ тверской, II. 370.
Василій (Ивановичъ), вел. кн. моск., I. 296. 297, 299, 303, 307, 311, 315; II. 297, 299.
Василій Ивановичъ., кн. смоленскій, I. 126.
Василій Казимеръ, новгор. почет. житель, I. 199.
Василій (Калѣка), архіеп. новг., I. 111, 115, 258, 259; II. 4, 256, 264, 265, 271, 273, 275, 276, 287, 288, 342, 343, 370. См. Григорій Калѣка.
Василій Косой, кн., I. 139, 239.
Василій, настоятель Спасо-Мирожс. мон., II. 350.
Василій, неокесарійскій еписк., II. 342.
Василій Опимаховичъ, пск. степ. посадникъ, II. 282.
Василій св., II. 379.
Василій, священникъ, жизнеопис. Евфросина, II. 353, 355, 356, 358.
Василій Синча, нач. новг. ополченія, I. 131.
Василій (Шуйскій), кн. изгнанникъ сузд., I. 194.
Василій (Шуйскій), кн. псков., I. 291—293, 378.
Василій Ярославичъ, боровскій кн., I. 191.
Василій Ярославичъ, костромской князь, I. 102, 104 вел. кн.
Василій Ѳедоровичъ, кн. копорскій, I. 126.
Василій (Ѳедоровичъ), кн. псков., сынъ пск. кн. Ѳед. Юрьев., I. 181, 296.
Василій Ѳедоровичъ, кн. устюжскій, I. 174.
Василій Ѳедоровичъ, новг. бояринъ, II. 114.
Василія на Горкѣ, церковь XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Василія св. церкви въ Новгородѣ XII и XIV в., II. 4, 385, 386.
Василь, посадникъ во Влад. Волын., II. 39.
Васса, жена священника, II. 361.
Вассіянъ ростов., II. 393.
Вахъ, р., I. 405.
Введенія церкви XIV и XV в., въ Новг., II. 387, 388.
Велейщина, волость, II. 74.
Великая Курья, селеніе, II. 66.
Великая Пустынь, мон. близь Пскова, II. 352.
Великая, р., I. 237, 369, 383; II. 11—13, 62, 74, 78, 350, 351.
Великій День (праздн. Воскр. Хр.), II. 375.
Великій Новгородъ, см. Новгородъ, Господинъ Великій Новгородъ.
Великій, Петръ Васильевичъ, окольничій, I. 300.
Великія ворота во Псковѣ, II. 13.
Великія Луки, гор. и волость, I. 166, 216, 293; II. 55, 63.
Великое Озеро, II. 355.
Великолуцкая волость, II. 63, 68.

Digitized by Google

Велье, село, пригородъ Пскова, I. 372; II. 77, 352, 390.
Вель, р., II. 65; на Вели, волость новг. I. 131.
Вельскъ, гор., II. 65.
Вельядъ, лѣтоп. назв. нѣм. города, I. 379.
Венгрія, II. 85.
Венденъ, гор., (Кесь, Пертуевъ тожъ), I. 336, 344.
Веренда, р., II. 336.
Верхняя Пермь, I. 407, 408.
Верхняя Тойма, р., II. 65.
Веряжа, р., II. 325, 326, 330.
Вессерасъ, Петръ, еписк. швед., I. 360.
Весская Земля (Весь, Бѣлозерская земля), I. 13, 15, 17, 18, 163.
Весь, народъ, I. 6, 7, 15, 16, 18, 19.
Ветлуга, р., II. 115.
Вибертъ, жизнеоп. св. Бруно, I. 26.
Виделебская деревня, II. 353.
Византійская имперія, Византія, I. 21; II. 394, 404.
Вилеенде, гор., Феллинъ тожъ, I. 338.
Вильно, гор., I. 116.
Вира, провинція, I. 338.
Вирландія, край, I. 346.
Вирландъ, гор., I. 382; II. 182.
Висби, гор., II. 172—175, 185—187, 199.
Виталій, братья, II. 216.
Витебскъ, гор., I. 261.
Витка, ручей, II. 9.
Витовтъ, литов. вел. кн., I. 128, 135—138, 267—271; II. 53—55, 76.
Вишера, р., II. 333, 334.
Вишерскій (во имя Возн. Госп.) монастырь, II. 325, 333, 336.
Владимира св. церкви XIV в., въ Новг., II. 386, 387.
Владимирецъ, пригор. пск., II. 75, 390.
Владимиръ Андреевичъ, кн. псков., I. 276.
Владимиръ, кн. полоцкій, I. 325, 328—330.
Владимиръ, кн. псковс., братъ Давида торопецкаго, I. 250, 251, 253, 327—333, 344.
Владимиръ Мономахъ, кн. кіевс. I. 50—52, 58, 63, 65, 78; II, 39. См. Мономахъ.
Владимиръ Ольгердовичъ, кн. кіевс., II. 258.
Владимиръ (Святославичъ), св. кн. новг., потомъ кіевс., I. 33, 34, 36, 37, 40, 41, 44, 45, 163, 322; II. 122 Красное Солнышко 247, 251, 252, 337, 413.
Владимиръ (Ярославичъ), кн. новг., I, 48.
Владимиръ (Ярославичъ), кн. пск., братъ Мст. Уд., I. 84, 87, 91.
Владимірская Земля, область, II. 57, 210.
Владимірскій берегъ въ Новг., II. 387.
Владиміръ-Волынскій, гор., I. 51, 59; II. 39.
Владиміръ, гор., на Клязьмѣ, I. 53, 82, 85, 87, 90, 93—95, 176, 226, 287, 336; II. 206.
Владычній дворъ въ Новг., II. 385, 387.
Власія св. церкви въ Новгор., II. 6, 385 XII в.
Власія св. церковь XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Вогулка, р., I. 407.
Водла, р., II. 64.
Водовикъ, посадникъ новг., II. 109, 110.
Водса, селеніе, I. 400.
Водская Земля, Водская пятина, Водь, I. 83, 349, 352, 353, 356, 366, 389—391; II. 35, 60, 61, 162.
Водь или Воть, слово, I. 391 его происхожденіе.
Водь, народъ, I. 346, 357, 389—391, 393.
Воепала, селеніе, II. 65.
Вожболь, р., II. 65.
Вожe, озеро, I. 399.
Воздвиженія Креста, церковь въ Выборгѣ, II. 390.
Воздвиженія цер. въ Вяткѣ, I. 235.
Воздвиженія цер. XV в. въ Новг., II. 388.
Воздвиженія цер. XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Воздвиженскій мон. въ Выборгѣ, II. 352.
Вознесенія цер. XII в. въ Новг., II. 384.
Вознесенія цер. при Вишерс. мон., II. 334.
Войшелгъ, кн. лит. I. 253.

Digitized by Google

Волга, р., I. 59, 65, 73, 80, 85, 86, 117, 121, 125, 234, 236, 238, 239, 407; II. 63, 114—118, 135, 136, 206, 235, 236, 240.
Волквинъ, магистръ Ордена, I. 331.
Волковскій погостъ, I. 236.
Волнинъ, Григ., моск. дьякъ и посолъ, I. 290.
Вологда, гор., I. 123, 127, 129—132, 174; II. 65, 67, 209, 211, 348.
Вологда, р., I. 400; II. 65.
Володимиръ Даніиловичъ, кн. пск., I. 266.
Володимиръ Рюриковичъ, кн. смоленскій, I. 84, 91, 94.
Володимиръ, упом. для сравн., I. 65.
Володиславъ, посадникъ ладожскій, I. 394.
Волоколамская Земля, I. 123; II. 68.
Волокъ-Ламскій, гор. I. 87, 123, 127, 129, 132, 149, 176, 177, 197; II. 57—59, 63, 67, 271.
Волосова улица въ Новг., II. 6.
Волосъ (Блуковичъ), новг., II. 110.
Волосъ, языч. бож., II. 6.
Волотово поле, I. 7; II. 322.
Волотово, посадъ, I. 211; II. 11.
Волотовскій мон., II. 11, 322.
Волочекъ, гор., I. 175, 207.
Волхвъ, Волховецъ, сынъ Словена, I. 5, 8, 11, 12.
Волховецъ, протокъ Волхова, II. 309.
Волховская станція, II. 10.
Волховскій большой мостъ (Великій), II. 285.
Волховское село, II. 305, 306.
Волховъ, Волховь, р. (Мутная), I. 4, 5, 7, 8, 12, 13, 37, 39, 134, 178, 211, 302, 349; II. 3, 8, 9, 28, 60, 61, 96, 100, 106, 120, 129, 158, 179, 180, 215, 223, 239, 243, 247, 285, 286, 302, 305, 309—312, 348, 368, 417.
Волынская Земля, Волынь, I. 111; 258; II. 207, 271, 275.
Волынская лѣтопись, I. 22.
Вольдемаръ, герцогъ ютландскій, II. 174.
Вольдемаръ, кор. датскій, I. 346; II. 172.
Вольдемаръ, кор. дат., II. 174.
Вопросы Кирика, соч., II. 32, 229, 371, 377. См. Кирикъ.
Вороній Камень, скала, I. 354.
Вороночская волость, I. 262; II. 53.
Вороночъ, гор., I. 267, 269; II. 53, 75, 390.
Воскресенія церкви XIV и XV в. во Псковѣ, II. 389, 390.
Воскресенія церковь въ Іерусалимѣ, II. 284.
Воскресенія церковь XIII в. въ Новгор. II. 4.
Воскресенія Христа церковь и монастырь въ Новг. на Красномъ Полѣ, II. 11, 325.
Воскресенскій женск. мон. близъ озера Мячина, II. 307.
Воскресенскій мон. въ Новг. на Деревяницѣ, II. 11, 321.
Воскресенскій мон. на Запсковьѣ, II. 352.
Воскресенскій списокъ лѣтописи, I. 253.
Востокъ, II. 203, 206, 342, 359, 369, 370, 399, 404.
Восточный океанъ, I. 411.
Вошка, р., I. 403.
Вревъ, гор., I. 270; II. 75, 76, 352.
Вробердрункенъ, нѣм. II. 198.
Всеволодъ Борисовичъ, псков. кн., I. 250.
Всеволодъ (Борисовичъ), удѣльный латыш. кн. I. 325—327.
Всеволодъ, кіевс. вел. кн., I. 49, 51.
Всеволодъ Мстиславичъ (Всеволодъ-Гаврінлъ, Мономаховичъ), кн. новг. потомъ пск., I. 45, 47, 48, 51, 58—61, 64, 149, 248, 249, 392, 396; II. 36, 47, 50, 97, 101, 211, 212, 221, 251, 268, 269, 303, 384, 389; постр. св. Троицу во Псковѣ.
Всеволодъ Мстиславичъ, кн. новг. сынъ Мст. Ром., I. 86, 97, 332, 334; II. 274.
Всеволодъ (Ольговичъ), кн. черниг. I. 61, 62 вел. кн. кіевск., 63, 64.
Всеволодъ Черный, вел. кн. кіевск., I. 78, 79 изгнанъ.
Всеволодъ Юрьевичъ, вел. кн. суздл., I. 73—80, 82, 84; II. 48, 266.
Всеволодъ Юрьевичъ, кн. новг. (сынъ суздальск.), I. 97, 98, 144, 335, 337.

Digitized by Google

Всемилостиваго Спаса на Торгу, цер. XV в. во Псковѣ, II. 389.
Всеславъ, кн. полоц., I. 57, 72, 389.
Всѣхъ Святыхъ, цер. XV в. въ Новг., II. 388.
Вуллентунъ, Генрихъ, посолъ любек., II. 177.
Входъ въ Іерусалимъ, цер. XIV в. въ Новг., II. 386.
Въ Озеровахъ, уроч., I. 384.
Въ Полѣ, уроч., II. 352, 386.
Въ Устьяхъ, I. 58.
Выборгъ, гор., I, 360, 362, 363, 367, 399; II. 87, 195.
Выборъ, пригор. вмѣсто Котельны, II. 76, 352, 390.
Выбутъ погостъ пск., I. 383.
Вымь, р., I. 6, 242, 409.
Высокое, пригор. новг., II. 58, 62.
Вытегра, р., II. 64, 341.
Вычегда, р., I. 403, 404.
Вышата Васильевичъ, предв. удальцовъ, I. 393.
Вышгородъ, пригор. новгор., I. 72, 181; II. 74.
Вышгородъ, пригор. псков., иначе Вышгородокъ, I. 376; II. 78, 390.
Выя, р., II, 66.
Вѣнецъ Земли (Ляндскроне), гор., I. 361, см. Ляндскроне.
Вяжищенскій мон. Вяжищи, уроч. и монастырь, II. 290—294, 296, 324, 332.
Вятка, гор. и область, I. 134, 174, 233—235, 237—241, 243; II. 115.
Вятка, р, I. 235, 236; II. 118.
Вятская земля, I. 163, 233, 241—243; II. 66.
Вячеславъ, Вячко, латыш. уд. кн., I. 325, 338—341 убитъ.
Вячеславъ, кн., дядя Юрія суздал., I. 59.

Г.

Гаврила Олексичъ, новг., I. 351.
Гаврила, посадникъ псков., I. 293.
Гавріила Архан. цер. XV в. въ Новг., II. 388.
Гавріилъ, Гаврила, братъ архіепископа новг. Іоанна, въ монаш. Григорій, владыка новг., II. 264, 308. См. Григорій.
Галактіонъ, инокъ, II. 290.
Галичъ, гор., I. 96, 123.
Гальфдангъ, сканд., II. 170.
Ганза, Ганзейскій Союзъ, II. 184—186, 197, 199, 201—205, 208, 213, 215, 217.
Ганъ, р., I. 405.
Гаральдъ Гаарфагеръ, кор. норвеж., II. 170.
Гаральдъ Гардраде, норвеж. принцъ, I. 21.
Гаральдъ Гильдетанъ, сканд., II. 170.
Гарды, II. 169.
Гаррія, провинція, I. 327, 331, 332, 338, 339, 346, 347.
Гатебн, гор., II. 170.
Гаукъ Габрокъ, посланецъ норвеж. кор., II. 170.
Гдовъ, гор., I. 267, 376, 381; II. 75.
Гедеонъ, I. 184.
Гедиминъ, вел. кн. лит., I. 111—113, 116, 126, 256, 258, 259; II. 275.
Геймскрингла, соч. Сн. Стурлезона, II. 170.
Гельменъ, гор., I. 382.
Геннадій, архіеп. новг., II. 418, 428.
Геннингъ, епископ. абовск., I. 364.
Генрихъ, еписк. эзельск., I. 353.
Генрихъ-Левъ, герцогъ, II. 172.
Генрихъ, хроника его, I. 251, 327, 334.
Георги, ученый, I. 404.
Георгій, братъ Ефрема, основ. Борисоглѣб. мон., II. 346.
Георгій великом., Георгій Храбрый, св., I. 176, 236, 383.
Георгія великом. цер. въ Ладогѣ, II. 390.
Георгія св. церкви XII, XIV и XV в. въ Новгородѣ, II. 348 съ монаст., 384, 386—388.
Георгія св. церкви XIV и XV в. во Псковѣ, II. 389, 390.
Георгія св. церк. въ Вороночѣ, II. 390.
Георгія св. церк. въ Деманѣ, II. 390.
Георгія св. церк. въ Красномъ, II, 390.
Герасимъ, бояринъ новг., I. 132, 134.
Герасимъ, митроп. литовскій и кіев., I. 164; II. 261, 292.

Digitized by Google

Герасимъ, препод., основ. Троицкаго мон., II. 348.
Герберштейнъ, путеш., I. 316, 410; II. 141, 231.
Герва, провинція, I. 327.
Геркулесъ, II, 121.
Германія, I. 339, 340, 348; II. 173, 216.
Германъ, епископ. дерптскій, I. 339, 347.
Германъ, епископ. новг., II. 250.
Германъ, св.. II. 337, 340, 408.
Геронтій, митроп. москов., I. 227, 240.
Герполтъ (?) князь пск., I. 348.
Герсеке, нѣм. назв. Городища, I. 325, 327.
Гза, р., I. 86, 87.
Гзень, ручей, II. 9, 323.
Гибралтаръ, прол., II, 305.
Гледенъ, гор., I. 238.
Глинскій св. Духа мон. во Пск., II. 352.
Глухой Костеръ во Пск., II. 13.
Глѣбъ, кн. новг., I. 400.
Глѣбъ, св., I. 350, 355.
Глѣбъ (Святославичъ), кн. новг., I. 49, 57, 400, 401; II. 100.
Гойва (Аа), р., I. 333, 334, см. Аа.
Голино, I. 390.
Голіаѳъ, I. 176, 177, 184.
Гольмгардъ (Новгородъ), I. 24.
Гонорій, папа, I. 335, 348.
Гончарскій конецъ, Людинъ тожъ, въ Новг., II. 28, см. Людинъ конецъ.
Горбатый, кн. Иванъ, военач. и намѣстникъ во Пск., I. 239, 383.
Горки, урочище, II. 307.
Городецкій конецъ, часть Пскова, II. 14.
Городецъ, гор., I. 95, 123; II. 63, 390.
Городище, на р. Сарѣ, I. 86.
Городище, близь Новг., I. 81, 99, 103, 114, 115, 121, 122, 146, 149, 156, 165, 198, 199, 201, 202, 206, 208, 211, 253; II. посадъ, 17, 80, 105, 157, 271, 310, 323, 388.
Гостинополье, пристань, II. 180.
Гостомыслъ, кн. старѣйшина новг., I. 7, 30, 31; II. 322.
Готландъ, гор., II. 200, 204.
Готландъ, остр., II. 169, 171—174, 215.
Грамоты Ярославовы, I. 145.
Гремячая гора, урочищ., II. 389.
Гремячія ворота во Пск., II. 13.
Греція, I. 21, 35, 48, 322; II. 170, 382, 398.
Григорій, владыка новг. см. Гавріилъ, братъ архіеп. Іоанна.
Григорій IX, папа, II. 194.
Григорій Евстафьевичъ, пск. кн., I. 265, 266.
Григорій Калѣка, избр. архіеп. новг., II. 263. См. Василій Калѣка.
Григорій, митрополитъ литовскій, I. 153, 161, 163, 164; II. 261.
Григорій, новгор., I. 182.
Григорій, отрокъ, II, 314, 316, 317.
Григорій, юрьевск. архим., II. 315.
Григоровичева, Настасья, новг. боярыня, I. 154, 226.
Григоровичевы, фам., I. 155.
Григоровичъ, Степанъ, новг. посолъ, I. 154.
Гудлейкъ, купецъ въ сагѣ Олафа, II. 169.
Гурія, Самона и Авива икона, II. 90, церковь XV в. въ Новг., II. 387.
Гъте (варяги), I. 23.
Гюрата Роговичъ, новгородецъ, I. 405.

Д.

Давидъ, архіеп. новг., II. 263, 264, 287.
Давидъ Игоревичъ, кн. во Владим. Волын., II. 39.
Давидъ, кн. псков. изъ Литвы, I. 256.
Давидъ, кн. смоленск., I. 50 новг.
Давидъ. кн. торопецкій, I. 327, 342 убитъ.
Давидъ, новг. житой чел., I. 132.
Давидъ (Ростиславичъ), кн. новг., I. 66.
Давидъ, царь іуд., I. 176, 184, 356.
Далматовъ, Василій, дьякъ, I. 203 посолъ вел. кн. моск.
Далматъ, епископ. новг, II. 254, 263, 265.

Digitized by Google

Даміанъ Касимовичъ, царь касим. татаръ, I. 176.
Данило Александровичъ, кн. псков., I. 265, 266; II, 98.
Данило Пенка, кн. предв. полка тверичей, I. 381.
Данило Щеня, кн. предвод. моск. рати, I. 241.
Даніилъ, посадникъ новг., I. 52.
Даніилъ Холмскій, кн., предв. моск. войска, I. 376; II. 149. См. Холмскій.
Данія, I. 332; II. 205.
Даньславля (Даниславa) улица въ Новг., II. 387, 388.
Даньславъ, I. 51.
Даньславъ Лазутиничъ, предвод. новгор., I. 67.
Даньяры, татар. царевичи, I. 175.
Двина, р., I. 19, 21, 117, 127—129, 131, 133, 174, 194, 324, 336, 399—401, 407; II. 65, 66, 106, 206, 209, 255, 349.
Двинская земля, волости на Двинѣ, I. 67, 105, 129, 131, 132, 134, 194, 219, 238; II. 65, 93, 273.
Дворянинцевъ, Евстафій, новг. посадникъ, I. 116.
Двѣнадцати Апостоловъ церкви XIII и XV в. въ Новг., II. 385, 388.
Деманъ, Демань, гор., I. 140, 207; II. 63, 347, 390.
Дементьевъ, Иванъ, II. 360, 361.
Демьянка, рѣчка, II. 348.
Демьянский муж. мон., II. 348.
Денисъ, попъ-стригольникъ, II. 427.
Дерева, Деревская земля, II. 63.
Деревяницы, монас., посадъ и урочище, I. 211; II. 11, 321.
Дерптская Земля, I. 382.
Дерптскій Совѣтъ, II. 193, 198.
Дерптское епископство, II. 200.
Деритъ, гор. (Юрьевъ тожъ), I. 326, 337—342, 376, 377; II. 196—19², 201. См. Юрьевъ ливонскій.
Десятина, уроч. въ Новг. II. 321.
Десятинный мон., II. 303.
Десятинскій жен. мон., II. 321.
Дидманъ, швед. предвод., I. 357.
Димитрій Александровичъ, кн. новг. (сынъ Алекс. Невск.), I. 101, 104 переясл., 254, 255 псков., 358; II. 61, 273.
Димитрій Александровичъ, кн. псковс. (сынъ Алекс. Өед.), I. 267.
Димитрій (Борецкій), сынъ Марѳы посадн. I. 166.
Димитрій Владимировичъ (ростовскій), кн. псков. I. 297.
Димитрій, еретикъ, II. 414.
Димитрій Ивановичъ Донской, вел. кн. моск. I. 117, 119—127, 141, 177, 207, 371; II, 8, 67, 115, 117, 257, 258, 273, 322, 323.
Димитрій Константиновичъ (суздал.), вел. кн. I. 117 кн. новг., 272.
Димитрій (Михайловичъ), кн. тверской, сынъ Мих. Яросл., I. 110 вел. кн.
Димитрій, новгородецъ, II. 95.
Димитрій Патрикѣевичъ, псковск. сотникъ, I. 159.
Димитрій, псков. посолъ, II. 201.
Димитрій Селунскій, св., I. 171.
Димитрія св. церкви XIII и XIV в. въ Новг., II. 214, 385—387.
Димитрія св. церковь XV в. во Псковѣ, II. 390.
Диръ, кн., I. 7, 20.
Діонисій, архіепископ. суздал., II. 258 посвящ. въ митроп. моск. и задержанъ въ Кіевѣ, 259, 417.
Дмитровскъ, гор., I. 123.
Дмитровъ, гор., I. 243; II. 161.
Дмитро, посадникъ новг., I. 77.
Днѣпръ, р., I. 21; II. 210, 301.
Добрынина улица въ Новг., I. 68; II. 385, 387, 388.
Добрыня, дядя кн. Владим., I. 33, 35—39, 322.
Добрыня Резаничъ, витязь, по прозванію Золотой поясъ, I. 91.
Добрыня Ядрейковичъ, посв. въ архіеп. новг. подъ именемъ Антонія, I. 79; II. 267, 370, см. Антоній.
Довмонтова Стѣна во Псковѣ, I. 314; II. 13, 389, 390.
Довмонтъ или Даумонтъ, кн. литовскій, затѣмъ псков., I. 253—255, 358, 359, 377, 378; II. 12, 14, 81, 350, 389.
Дрянь, р., I. 183.
Дубна, городокъ, I. 86.
Дубровна, мѣст., I. 61; II. 74.
Дудикъ, холопъ еписк. Луки Жидяты, II. 250.

Digitized by Google

Дунай, р., I. 4, 12, 19; II. 39.
Духа св. монастырь въ Новгородѣ, II. 308.
Душильца, староста липнинск., II, 49.
Дѣтинецъ во Псковѣ, I. 310; II. 11—13, 38.
Дѣтинецъ въ Новгородѣ, II. 3—5, 38, 158 пожаръ, 262, 382, 384—388.
Дятлевъ, Василій, воевода, I. 291.

Е.

Евменъ, священникъ, II. 295.
Евпраксія, кн. супруга Яросл. Владимиров., II. 350.
Европа, I. 22, 54, 366, 368, 404; II. 121, 164, 172, 208, 213.
Евстафій, кн. псковск., I. 256, 264.
Евстафій, писатель XII в., I. 398—400.
Евстафій, псковск. сотскій, I. 307.
Евфиміевская паперть, I, 228.
Евфиміевъ жен. мон. въ Новг., II. 308.
Евфимій I-й, архіеп. новг., I. 138; II. 263 — 265, 291, 292, см. Емельянъ.
Евфимій II-й, архіеп. новг., I. 140, 142, 164, 271, 274, 277; II. 43, 261—265, 277, 288—297, 325, 332, 339, 348, 357, см. Иванъ.
Евфросинъ, инокъ, II. 290.
Евфросинъ, старецъ Мурм. монаст., II. 343.
Евфросинъ св. псковск. основ. Елизарск. мон., II. 352—359, 381. См. Елизаръ.
Егрипа, край, I. 368.
Екатерины св. церковь XIV в. въ Новг., II. 386.
Елизаръ, въ мон. Евфросинъ, см. Евфросинъ св.
Елизарьева пустынь, тожъ Трехъсвятит. Елизар. мон., II. 154.
Емельянъ, впосл. Евфимій I. владыка новг.; см. Евфимій I.
Емецкіе монастыри, II. 349.
Емецъ, Емца, гор., I. 135, 401; II. 65.
Емецъ, р., II. 65, 349.
Емь, народъ, I. 48, 323, 343, 360, 389—394, 397, 398, 402.
Емьская земля, I. 393.
Енисей, р., I. 406; II. 209.
Ерданъ-рѣка въ сказкѣ о Вас. Буслаевѣ, II. 139.
Ерева, провинція, I. 338, 339.
Ерлитъ Вадкунсонъ, правит. Норвегіи, I. 363.
Ерусалимъ (Іерус.) гор., II. 135—139 въ пѣснѣ о Вас. Буслаевѣ.
Еруславъ Лазаревичъ, сказочн. богатырь. II. 120.
Есиповъ, Богданъ, новг., I. 200.
Есипъ, архим. новг., II. 33, 111.
Есипъ Вареоломеевичъ, новг. боярынъ, II. 114.
Есипъ Захарьинъ, посадникъ новг., II. 33.
Есифъ, новг. подвойскій, I. 273.
Ефремъ, новг. еписк., II. 251.
Ефремъ, основатель мон. Бориса и Глѣба въ Торжкѣ, II. 346, 347.
Ефремъ, сподвижникъ Саввы Вишер., II. 334, 336.
Ефремъ, степ. посадникъ псковск., II, 42.

Ж.

Жабинъ, Акинеъ, II. 321.
Жабна, I. 166.
Жабья Лавица, ч. Пскова, II. 14.
Жданова гора, уроч., I. 60.
Ждановская битва, I. 70.
Желѣзныя Врата, уроч., I. 400.
Женъ Мироносицъ церк. XIII в. въ Новг., II. 385.
Жеребецъ, Ѳедоръ, серебр. ливецъ, II. 97.
Живоначальная Троица, патр. церк. во Псковѣ, II. 12, 13, 87.
Жидическое озеро, II. 9.
Жидята, Лука, новг. епископъ, II. 249, 250, 282.
Жилотугъ, протокъ, ручей, I. 12, 124; II. 9, 80.
Жилотугъ, сынъ Волховца, I. 5.
Жироха, новг. тысячскій, II. 104.
Жукотинъ, гор., II. 114, 117, 118.

З.

Заболоцкій-Бражникъ, Васил. Ивановичъ, моск. военач., I. 410.
Заборовье, край, I. 141; II. 63.

Digitized by Google

Заведичье, посадъ подъ Псковомъ, I. 359, 377, 383; II. 13, 14, 279, 350, 352, 390.
Заволочье, Заволочьская Земля, I. 49, 67, 110, 113, 114, 130—135, 175, 197, 207, 219, 257, 399—401, 403, 405, 407; II. 62, 65—67, 113, 205, 209, 349.
Заволочьская Чудь, народъ, I. 389, 400, 401.
Заволочьскій монастырь, II. 349.
Загородный конецъ, часть Новг., I, 68, 70; II, 5, 6, 10, 102, 108.
Загряжье, селеніе, I. 310.
Закамская Земля, I. 111.
Замятня, моск. посланный, I. 187.
Заостровье, селеніе, II. 65.
Западъ, I. 80; II. 205, 206, 371, 380, 398.
Заполье, часть Новг., II. 385.
Запольская улица въ Новг., II. 386.
Запсковье, посадъ Пск., I. 294, 371, 377; II. 12—14, 352, 390.
Заръ-Данъ, сказочный потомокъ Аѳета, I. 4.
За Стѣною, Застѣнье, часть Пскова, I. 313; II. 389.
Засурье, II, 115.
Захарій Костромининчъ, посадникъ псковск., II. 41, 43, 44.
Захарія Михайловичъ, посадникъ новг., II. 110.
Захаръ, дьякъ новг. вѣча, I. 203, 204, 208, 211.
Званая, р., II. 64.
Звѣринцы, посадъ и монаст. близъ Новг., II. 10, 307, 387.
Звѣринъ монастырь въ Новг., II. 307.
Зильма, р., I. 403.
Зимегола (Литовск. край), I. 30, 31.
Зиновій (книга противъ Косого), II. 380.
Зиновій Михайловичъ, посадникъ пск., II. 44.
Зиновьевъ, моск. бояринъ, I. 180.
Златоустъ Іоаннъ св., II. 379, 409.
Знаменія, церк. XV в. во Псковѣ, II. 389.
Знаменская икона Богородицы, II. 321, 350.
Знаменская церк. XIV в. въ Новг., II. 386.
Золотая Баба, идолъ, I. 404, 411.
Золотая Орда, I. 105, 226, 236.
Зосима, митроп. моск., II. 418, 428.
Зосима, преподобн. соловецкій, I. 173, 174; II. 340, 341.
Зубцовъ, гор., I. 85.
Зыранъ, пермск. воевода, I. 408.

И.

Ибрагимъ, казанск. царь, I. 239.
Иванко Тимошкиничъ, II. 109, 110.
Ивановское купеческое товарищество, II. 212.
Ивановъ день (24 іюня), II. 198.
Иванъ Александр., кн. псковск., I. 276; II. 43.
Иванъ Андреевичъ, кн. псковск., I. 265.
Иванъ Андреевичъ (литовскій), кн. пск., I. 267.
Иванъ Баба (литовскій), кн. пск., I. 267.
Иванъ Бабичъ, кн. пск., I. 279.
Иванъ, боярин новг., I. 132.
Иванъ (новг. владыка Іона), II. 296. См. Іона.
Иванъ Васильевичъ, вел. кн. моск. (Иванъ, Іоаннъ III), I. 143, 157, 158, 162, 163, 167, 169, 171, 176—179, 183 Шелонская битва, 187, 190—194, 196—201, 205—207, 213—215, 218—220, 222, 225—227, 233, 240—243, 275, 276, 278, 279, 281, 283, 287, 288, 293, 297, 299, 315, 380, 408, 409; II. 25, 49, 68, 141, 148, 151, 165, 203, 278, 297, 298, 307, 317, 318, 332, 393, 427.
Иванъ Васильевичъ, Грозный, (Іоаннъ IV), царь и вел. князь моск., I. 385; II. 346.
Иванъ Васильевичъ, посадникъ въ Русѣ, II. 53.
Иванъ Владимировичъ, кн. литовск. дома, I. 140, 288.
Иванъ-городъ, I. 381.
Иванъ Даниловичъ (Калита), вел. кн. моск., I. 110—114, 176, 258—260; II. 45, 66, 273, 274.
Иванъ Захарьевичъ, посадникъ новг., II. 342, 343.
Иванъ Ивановичъ (суздальскій), кн. псковск., I. 297.

Digitized by Google

Иванъ, кн. можайскій, сынъ Шемяки, I. 191; II. 67.
Иванъ, кн. москов., сынъ Ивана III, Васильевича, I. 175.
Иванъ, кн. начальн. войска Ольгерда, I. 370.
Иванъ Константиновъ, купецъ, II. 216.
Иванъ Михайловичъ Оболенскій, кн. псковск., I. 297, 299, 300, 302.
Иванъ, новг. воевода, I. 129, 131, 132.
Иванъ Сидоровичъ, степ. посадникъ пск., II. 42.
Иванъ, см. Евфимій II-й, владыка новгородскій.
Иванъ Стрига, кн., I. 277, 279.
Иванъ Юрьевичъ, кн. (Патрикѣевъ), I. 220. См. Патрикѣевъ.
Иванъ Ѳедоровичъ, кн. конорскій, I. 126.
Иворова улица въ Новгородѣ, II. 384, 386.
Игнатій, инокъ, II. 290, 353.
Игнатій Логвиновичъ, посадникъ пск., II. 43.
Игорь, кн. кіевск., I, 20, 22, 27, 32.
Идумейская провинція, I. 334.
Ижемское селеніе, II. 65.
Ижора, Ижорская земля, I. 353, 365; II. 61, 181.
Ижора, народъ, I. 353, 357, 365, 366, 389, 391, 398; II. 79, 82.
Ижора, р., I. 349; II. 61.
Изборскъ, гор., I. 17, 247, 253, 256, 261—263, 345, 347, 371, 372, 375, 377, 381, 383; II. 26, 74, 148, 199, 352.
Изборскъ-Новый, гор., II. 390.
Изборскъ-Старый, гор., II. 390.
Изяславъ Мстиславичъ, кн. новг., потомъ вел. кн. кіевск. (Пантелеймонъ при св. крещ.), I. 58, 59, 65, 66, 249, 397; II. 78, 148, 307.
Изяславъ Ярославичъ, кн. новг. и кіевск. вел. кн., I. 48, 49, 53.
Иліи св. церкви XII и XV в. въ Новг., II. 9, 325, 383—385, 387.
Илія, см. Іоаннъ, архіеп. новг.
Ильина улица въ Новг., I. 68; II. 386.
Ильинскій муж. мон. во Вревѣ, II. 352.
Ильменское побережье, I. 195.
Ильмень (Ильмерь) озеро, (прежде Мойско озеро), I. 4, 5, 7, 8, 10, 12, 41, 175, 178, 179, 190, 194, 207, 210; II. 3, 28, 62, 135, 136, 148, 210, 233, 234, 236, 237, 240, 319, 325, 336.
Имогенцы, село, II. 345.
Ингигерда, швед. княжна, I. 323 жена Яросл. новг.
Индія, I. 407.
Ипатія св. церкви XII и XIV в. въ Новг., II. 384, 386, 387.
Иртышъ, р., I. 409.
Исаакій св., II. 410.
Исаія, волостель владыч. имѣнія, I. 131.
Исаія, игуменъ новг., II. 274 посолъ въ Кіевъ.
Исаковъ, Лука, новг., I. 209.
Исидоръ, игуменъ св. Троицы пск., I. 359.
Исидоръ, митроп. западный, I. 161, 164; II. 261.
Искоръ, гор., I. 407, 408.
Испанія, II. 208.
Истома, крестовый дьякъ, II. 428.
Исупъ Глазатый, вятскій посолъ, I, 242.
Италія, II. 232.
Ишма, р., I. 403.

I.

Іакинфъ, новг. патріотъ, I. 222.
Іакова св. церкви XII, XIII и XV в. въ Новг., II. 219, 384, 385, 388.
Іаковъ, основ. Ѳеоф. Успен. Коневской пустыни, II. 348.
Іаковъ, посолъ любекскій, II. 177.
Іевъ Поповичъ, новг. богатырь, I, 93.
Іерусалимъ, гор. II. 284, 285, 369, 370.
Іоакимовская Лѣтопись, I. 30, 35, 38, 39; II. 382.
Іоакимъ, еписк. новг., II. 303.
Іоанна Богослова церкви XIV в. въ Новгородѣ, II. 386, и во Псковѣ 389; при Крыпецкомъ мон. 359.
Іоанна Злат. церкви XIV и XV в. въ Новг., II. 386, 388.

Digitized by Google

Іоанна Ищькова церк. XII в. въ Новг., II. 384.
Іоанна Милост. церк. XV в. въ Новг., II. 388.
Іоанна (Ивана) на Опокахъ, церк. въ Новг., I, 149; II. 47, 49, 50, 178, 212, 213, 226, 229, 270, 384.
Іоанна Предтечи жен. монастыри: во Псковѣ II. 350, и въ Новг., именуемый Росткинъ 308.
Іоанна Предтечи церк. въ Отенскомъ мон., II. 300.
Іоанна Предтечи церк. XII в. въ Новг, II. 384.
Іоанна св. церкви въ Новг., I. 83; у Нѣмецкаго двора XIV в. II. 386.
Іоанна Усѣкновенія цер. XII в. въ Новг., II. 385.
Іоаннъ, епископъ, назначенный въ Новг. укрѣплять христіанство въ 992 г., I. 35.
Іоаннъ I, Попинъ, епископъ новг., II. 251, 266.
Іоаннъ II, въ мірѣ Илія, первый новг. архіепископъ, I. 68, 178, 228; II. 4, 252, 253, 264, 283—286, 308, 321, 349, 364, 372, 374. См. Илія.
Іоаннъ III, архіеп. новг., I. 129, 133 заточенъ въ Москвѣ; II. 90, 250, 259, 261, 263—266, 273, 276, 317, 325, 338.
Іоаннъ Безземельный, англ. кор., II, 172.
Іоаннъ (Іоанновичъ) моск. кн., I. 117 вел. кн.
Іоаннъ II, Комненъ, имп., II. 396.
Іоаннъ, митроп. москов., II. 261.
Іоаннъ, прозван. Волосатый, отшельникъ, II. 341.
Іоаннъ, священникъ, въ монаш. Іона, II. 361, см. Іона, монахъ.
Іовъ, игуменъ, II. 351.
Іовъ, многостр., II. 328.
Іовъ, священникъ, II. 356, 357.
Іола, праздникъ въ сагѣ Олафа (Коляда), I. 33.
Іолъ, II. 121.
Іона, архіеп. новг. святитель, I. 143, 155, 158, 160—162, 164, 277, 278, 404; II. 262, 264, 277—282, 288, 295—301, 325, 340, 366, 367, 380.
Іона, митр. моск., II. 112, 297, 299.
Іона, монахъ, бывшій священникъ Іоаннъ, см. Іоаннъ.
Іона, старецъ Мурманскаго мон., II. 343.
Іосифъ Волоцкій, II. 417, 426.
Іосифъ, патріархъ конст., I. 168.
Іосифъ, препод., основ. Сиятогорскаго мон., II. 351.

К.

Кавгала, р., I. 362.
Казань, гор., I. 240; II. 118.
Казимиръ, вел. кн. лит. кор. польскій, I. 141, 152, 154—156, 163—166, 169, 171, 182, 186—189, 191, 197, 206; II. 29, 30, 48, 332.
Калязинъ, гор., II. 336.
Кама-Мортъ, или Кама-Ясь, названіе пермяковъ и зырянъ, I. 403.
Кама, р., I. 113, 234—236, 238, 403, 404, 407; II. 118, 208.
Каменецъ, ручей, II. 360.
Каменный мостъ въ Москвѣ, I. 193.
Камень (Уральскій хребетъ), I. 410.
Кандалакская губа, II. 349.
Карамзинъ, истор., II. 229, 230.
Каргополь, гор., II. 65, 341.
Карелія, I. 24.
Кариль, холмъ, I. 400.
Каркусъ, лѣтописное названіе нѣм. города, I. 379.
Карпинъ, Ермилъ, новг. купецъ, II. 216.
Карпъ, ересенач. стригольникъ, II. 417, 419.
Каршаровъ, иначе Котельничъ, гор. I. 235, см. Котельничъ.
Каспійское море, I. 407.
Кассіянъ, епископъ-еретикъ, II. 301.
Кассіянъ, игуменъ, II, 359.
Кастренъ, ученый, I. 405, 407.
Качанимъ, воевода пермскій, I. 408.
Качановъ, Никола, II. 368, 369, см. Николай, юродивый.
Кашинъ, гор., II. 336.
Кашубъ, кн. фамилія, I. 22.
Квина, р., I. 402.
Кегролъ, селеніе, II. 66.
Кегъ—островъ, II. 66.
Кема, р., II. 64.
Кена, р., II. 349.
Кенскій или Кяндскій мон., II. 349.
Кестутій, Кестутъ, братъ вел. кн. лит. Ольгерда, I. 115, 116, 118, 261.

Digitized by Google

Кесь (Венденъ), Пертуевъ тожъ, гор., I. 333, 334, 336.
Кехта, селеніе, II. 65.
Киннамосъ, II. 395.
Кипріановъ, Григ., новг., I. 209.
Кипріановъ, Ефремъ, воевода новг., I. 181.
Кипріанъ, митрополитъ въ Запад. Россіи, II. 257.
Кипріанъ, митроп. московскій, I. 130, 133, 264; II. 258—260, 276, 278, 362, 366, 380.
Кирика и Улиты память 15 іюля, I. 349.
Кирикъ, его „Вопросы", II. 376, 379, см. Вопросы Кирика.
Кирилла св. церкви во Псковѣ, II. 12, 389 XIV вѣка.
Кирилловскій мон. въ Новг. съ посадомъ, II. 11, 72, 130, 309.
Кириллъ Димитр., новг. посолъ, I. 130.
Кириллъ, митроп. моск., II. 254.
Кириллъ, преподоб., основ. Челмогорской пустыни, II. 341.
Кириллъ, юрьевскій архимаид., II. 321.
Кіріакъ, основ. Успен. Сыльвинскаго или Сыренскаго мон., II. 341.
Кирьигоры, селеніе, II. 65.
Кирьянига (Киремпе), нѣм. гор., I. 371.
Кіама, р., II. 64.
Кіевская Земля, I. 32, 40, 54.
Кіевская Лѣтопись, II. 38.
Кіевъ, гор., I. 7, 23, 33—36, 40—52, 55—58, 62—64, 66, 67, 73, 78, 79, 161, 171, 322, 323, 329; II. 49, 162, 207, 247, 250, 251, 258, 274, 303, 319, 343, 346, 413, 414, 426.
Кіевъ, Прокофій, новгор., I. 117.
Кій, кн. кіев., I. 7, 12.
Клапротъ, ученый, I. 405.
Клементьевъ, Лука, новг. посланный къ моск. вел. кн., I. 182, 183.
Климента св. церк. XII и XIV в. въ Новг., II. 384, 386.
Климентъ, архіеп. новг., II. 4, 264, 265.
Климентъ VI, папа, I. 364.
Климецкій монастырь, II. 343.
Климецкій островъ, II. 343.
Климъ Смолятичъ, рус. митроп., II. 283.
Клинъ, гор., I. 345.
Кличинъ, бывш. гор., I. 127.
Клопскій Троицкій монастырь, II. 268, 325, 326, 328—331.
Клязьма, р., I. 336.
Княжій дворъ во Псковѣ, II. 389.
Княжь-островъ, селеніе, II. 66.
Кобожа, р., II. 64.
Кобыла, гор., Кобылій городокъ, I. 377; II. 75, 78, 390.
Кобылка, Михей, новг. боярипъ, II. 339.
Ковалево, посадъ новг., I. 211; II. 10, 321.
Ковалевскій монастырь, II. 11.
Кодима, р., II. 65.
Коза, Андрей, священникъ, II. 279.
Козмодемьянская улица въ Новг., II. 108, 324.
Козмодемьянскій монастырь, II. 323.
Койдокурья, сел., II. 65.
Кокуевъ муж. мон., II. 349.
Кокшенга, р., II. 65, 349.
Кокшинская волость, II. 56, 74.
Колва, р., I. 407, 408.
Колея, селеніе, II. 65.
Колмово, село, Колмовскій монастырь, II. 11, 266, 287.
Коложе, гор., II. 76, 78, 267, 268.
Колокша, р., I. 92.
Коломцы, посадъ, II. 11, 287.
Колпино, село, I. 375.
Колпь, р., II. 64.
Колуй, р., II. 65.
Колывань (Ревель), гор., I. 343, 369.
Коневскій, Коневъ островъ, Конь, на Ладожск. озерѣ, II. 338, 389.
Коневскій монастырь, II. 315, 338.
Коневъ островъ, погостъ на Двинѣ, II. 66.
Конечный погостъ, II. 66.
Кононъ, богачъ, II. 353, 354.
Кононъ, новг. воевода, I. 129, 131, 132.
Константина и Елены церкви XII и XIV вв. въ Новг., II. 385—387.
Константинополь, Царьградъ, гор., I. 168; II. 395.

Digitized by Google

Константинъ, бѣлозерскій кн., I. 126 въ Новг.
Константинъ (Всеволодовичъ), кн. ростов., I. 76, 84, 86—89, 91, 94—96.
Константинъ Димитріевичъ, братъ вел. кн. мос. Вас. Дим., I. 138, 265, 266, 372; II. 328, 329.
Константинъ, основ. Николаевской Косинской пустыни, II. 347.
Копань, р., II. 9.
Копорка, р., II. 61.
Копорье, гор., I. 112, 126, 352, 353, 360; II. 57, 58, 61, 106.
Копыла, Юрій, пск. посадникъ, I. 301.
Корбала, селеніе, II. 65.
Корела Городецкая, шведская, народъ, I. 399.
Корела, Корельскій городъ, Корельскъ, нынѣ Кекгольмъ, I. 112, 362, 398; II. 57, 58, 61, 224.
Корела, Корелія, Корельская земля, I. 112, 257, 353, 360, 361, 363, западная, 368, 397, 398; II. 53, 61, 62, 181, 206, 211.
Корела, народъ, I. 353, 357, 360,—364, 389, 390, 393, 394, 397—399; II. 64, 79, 82, 114.
Корела нѣмецкая, народъ, I. 398.
Корела Обонежская, народъ, I. 399.
Кормчая новг., II. 337, 416.
Корнилій, игуменъ, II. 361.
Коробьинъ, боярин, I. 181.
Коростынскій мир. договоръ, I. 408.
Коростынь, селеніе, I. 179, 182, 183, 190, 206; II. 63.
Корсунъ, (Херсонесъ), I. 35.
Коры, народъ, I. 25.
Коскошино, селеніе, II. 65.
Косма, одинъ изъ основ. Николаев. Косинс. мон., II, 348.
Космы и Даміана церкви XIV и XV вв. во Псковѣ, II. 12, 389, 390.
Космы и Даміана церкви XII, XIV и XV в. въ Новг., II. 385, 387, 388.
Коснятинъ, гор., I. 86.
Коснятинъ Микуличъ, сынъ Добрыни, I. 43, 60.
Косой, II. 380.
Кострома, гор., I. 123, 225; II. 114—117.
Кострома, р., II. 116.
Костя Новоторженинъ, II. 124.
Косьма, патріархъ константин., II. 403.
Котелинскій обрубъ, II. 75.
Котельна, Котельно, потомъ Выборъ, I. 270; II. 75, 78. См. Выборъ.
Котельничъ, гор. бывшій Каршаровъ, I. 235, 237, 239, см. Каршаровъ.
Котлинъ, островъ, II. 179.
Коша, р., II. 53.
Кошкинъ, пригор. новг., II. 58, 64.
Красное поле, уроч., II. 11, 325.
Красногородчина, волость, II. 74.
Красный дворъ во Псковѣ, II. 351.
Красный, пригор. псков., I. 382; II. 76, 390.
Кременецъ, гор., I. 243.
Кремль въ Москвѣ, II. 297.
Кривецкій монастырь, II. 349.
Кривская (Полоцкая) земля, I. 163; II. 63.
Кромъ во Псковѣ, I. 313, 378, 380, 383; II. 12, 13, 38.
Крымъ, страна, I. 18.
Крыпецкій монастырь, II. 352, 358.
Ксеніи св. церк. во Псковѣ, I. 314.
Ксенофонтъ, основ. обители, II. 319.
Кубенское озеро, I. 399.
Кузьма, новг. купецъ, II, 216.
Кузьма Твердиславичъ, новг. боярин, I. 365.
Кузьминъ, Иванъ, новг., I. 202.
Кукенойсъ, I. 325, 334, 338.
Куклина Лавица, ч. Пскова, II. 14.
Куковая, р., II. 345.
Куликовская побѣда, I. 121.
Кулой, р., II. 66.
Кумины ворота во Псковѣ, II. 13.
Кумчезеро, озеро, II. 64.
Купала, яз. праздн., II. 153.
Купецкая, р., I. 361.
Курбскій, кн. Семенъ Ѳед., моск. военач., I, 410.
Курбскій-Черный, кн. Ѳедоръ, моск. военач., I. 409.
Курицынъ, Ѳедоръ, дьякъ, II. 428.
Курляндія, I. 24.
Курскъ, приг., II, 63.
Курь-островъ, селеніе, II. 65.
Кутекрома, костеръ во Псковѣ, II. 13.
Кутній костеръ во Псковѣ, I. 380; II. 13.
Кучезеро, озеро. II. 64.

Digitized by Google

Л.

Лаврентій, архиман. новг., I. 112.
Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, I. 49.
Ладога, гор., I. 45, 59, 109, 112, 122, 133, 150, 323, 343, 349, 362, 364, 366, 392—394, 405; II. 52, 57, 58, 61, 63, 79, 82, 157, 161, 179, 180, 211, 217, 224, 348, 390.
Ладожское озеро, I. 360—362, 397; II. 61, 64, 215, 217, 239, 305, 336, 337, 344, 345.
Лазаревъ женс. монастырь, II. 322.
Лазаревъ, Пахомій, вятч., I. 242.
Лазарь Моисеевичъ, новг. посолъ, I. 102.
Лазарь преподоб., основ. Успенс. Мурманс. мон., II. 342, 343.
Лазаря св. церк. во Псковѣ, I. 378.
Лазаря св. церк. въ Городцѣ, II, 390.
Лазаря св. церк. XIV в. въ Новг., II. 387.
Лансъ, гор., I. 382.
Ламбитъ, начальникъ эстовъ, I. 332.
Ларіонъ, новг. сотскій, I. 87.
Латышская земля, I. 324, 325, 328, 335, 336, 370.
Лаче, озеро, II, 64, 65.
Лашневъ, Прокша, новг., II, 110.
Левошня, протокъ Волхова, II, 309.
Ледовитое море, I. 6, 407; II. 209, 302, 349.
Лежень, смердъ пск., I. 295.
Леонтій, игуменъ Хутынскаго мон., II. 315, 316.
Леонтій Макарьевичъ, посадникъ пск., II. 43.
Леонтій, митроп. кіевс., 35; II. 413.
Леонтій, псков. посадникъ, I. 301.
Лербергъ, ученый, I. 404.
Летигола (латыши), I. 324.
Ливонія, Ливонскаго Ордена земля, Ливонская, Лифляндія, I. 17, 187, 251, 252, 256, 324—330, 332, 334, 335, 337, 339, 343, 346, 348, 368—370, 375, 378, 379, 382, 385, 394, 397; II. 60, 194, 197, 199, 231, 303.
Либь, ливы, народъ, I. 252, 326.
Ливонская Чудь, народъ, I. 346.
Линдозеро, озеро, II. 64.
Линь-островъ, селеніе, II. 66.
Липица, р., I. 87, 89.
Липицы, уроч., I. 88, 90.
Липна, посадъ, II. 11, 49, 224.
Липно, островъ, II. 319.
Лисичъ Островъ, селеніе, II. 66.
Лисичья Горка, Лисья Горка, уроч. и потомъ мон., I. 210; II. 11, 291, 292, 294, 310, 324, 334, 338, 339.
Лисьегорскій монастырь, II. 11, 311, 334.
Литва, Литовс. держава, Земля, Вел. кн. Литовское, I. 110, 111, 113, 114, 135—137, 152, 153 Литов.-Рус. гос., 165, 166, 171, 188, 189, 206, 227, 250, 253, 256—258, 262, 263, 268, 275, 289, 308, 309, 335, 358, 369, 371; II. 62, 63, 68, 74, 164, 207.
Литва (латыши), I. 337, 342, 344, 345, 357; II. 82.
Лифляндія, см. Ливонія.
Личко, рыбникъ, II. 107.
Ловать, на Ловати, р., I. 256; II. 62, 63, 210.
Лодинъ, купецъ, II. 170.
Лода, р., II. 56.
Лондонъ, гор., II. 177, 184.
Лопатицы, I. 166.
Лопь, лопари, I. 403; II, 64.
Лотыгола, нар., I. 252, 356.
Лошинскій, новг., I. 200, 210 его имѣніе.
Лоянская волость, I. 402.
Лубяница, на Лубяницѣ, въ Новг., II. 385, 386.
Луга, гор., I. 352, 356; II. 21, 60, 61, 348.
Луга, р., I. 33, 116; II. 61.
Лугота, новг. I, 81.
Лужская волость, II. 53.
Лужскія ворота во Псковѣ, I. 314; II, 13.
Лука Варѳоломеевъ, предв. ушкуевъ, I, 401 основ. гор. Орлеца; II. 106, 113, 117.
Лука Зиновьевъ, лицо изъ пѣсни, II. 237.
Луки апост. и еванг. церкви XII, XIII и XV в. въ Новг. II. 385, 387, 388.
Луки (Великія), гор., I. 250, см. Великія Луки.
Лукинъ, Онцыфоръ, новг. предвод., I. 365.
Лукоморье, I. 411.

Digitized by Google

Лыбедь, р., I. 12.
Любекъ, гор., II. 171, 173, 174, 185—187, 197, 199 Совѣтъ Люб., 204.
Любни, I. 344.
Люгощая, Людгоща улица въ Новг., II. 324, 386.
Людинъ-Кели, народъ, I. 402.
Людинъ Конецъ, см. Гончарскій въ Новг., II. 4—6, 8—10, 107, 156, 158 пожары, 307, 385—388.
Людовль, гор., I. 364.
Людольфъ, любек. посолъ, II. 177.
Ляндскроне (Вѣнецъ Земли), гор., см. Вѣнецъ Земли.
Ляннуа, писатель, II. 40, 148, 152, 231.
Ляпинъ, гор., I. 410.
Ляпунъ, новг., I, 133.
Лятскій монастырь и посадъ, II. 11.

М.

Магнусъ, кор. швед., I. 363—368, 390; II. 114, 337, 338.
Магометъ, II. 396.
Макарій, авторъ Описанія церк. новг. древностей, II. 311, 385.
Макарій, архіеп. новг., II. 365.
Макарій, дядя владыки новг. Моисея, II. 287.
Макарій, инокъ Клопс. мон., II. 326.
Максимъ Ларіоновичъ, посадникъ псков., II. 43. 44.
Максимъ, митроп., II. 254.
Максимъ, представитель партіи въ Торжкѣ, I. 127.
Малуша, ключница Святослава, I. 33.
Малый Волховецъ, ручей, протокъ, I, 12; II. 9.
Малыя ворота во Псковѣ, II, 13.
Мануилъ Комненъ, импер., II. 395, 399, 400.
Манухинъ, Онисимъ, пск. купецъ, I, 305, 306.
Маргарита, королева датская, II. 215.
Маріенбургъ, гор., I. 382.
Марія, кн. супруга Довмонта, II. 350.
Маркваштъ, II. 115.
Маркъ, пещерникъ, II. 360.
Мартирій, колом. епископъ, I. 298.
Мартирій, архіеп. новг., II. 253, 262, 265, 347 основ. Преображ. мон.
Мартирій, одинъ изъ сподвиж. св. Евфросина, II. 353.
Марѳа (Борецкая), посадница, см. Борецкая, Марѳа.
Матвѣй Душильцовичъ, II. 103.
Матеій, кн. пск., I. 265.
Матеій, король венг., I. 165.
Матигоры, селеніе, II. 65.
Меда, р., II. 74.
Медвѣдевъ, Ефимъ, новг. посадникъ, I. 225.
Медвѣдица, р., II. 64.
Медвѣдицкій монастырь, II. 348.
Медвѣжья-Голова (Одение), гор., I. 250, 326, 327, 329—331 осада, 335, 338, 339, 344, 396 взятъ Мстиславомъ, 397 взятъ Чудью. См. Одение.
Мезень, р., II. 65, 66.
Мейнгардъ, миссіонеръ, I. 324.
Мелетовъ, I. 260.
Мелеча, волость, II, 64.
Мелечь, р., II. 64.
Мелюке, начальникъ латышей, I. 334.
Меркурій, ученикъ св. Евфросина, II. 355.
Меря, земля ростовская, I. 15, 17.
Меря, народъ, I. 7, 15, 16, 18, 19.
Мехренга, р., II. 65.
Мещера, гор., I. 123.
Микола, нѣмчинъ мастеръ, I. 137.
Микулинъ, Захаръ, новг. посолъ, II. 201.
Миллеръ, ученый, I. 404.
Милостиваго Спаса церк. XV в. въ Новг., II. 388.
Миндовгъ, кн. литовс., I. 253.
Мины св. церкви XIV и XV в. въ Новг., II. 387, 388.
Мирожскій, Спасо-Мирожскій монастырь, II. 350.
Мирожъ, р., II. 350.
Мирославъ, кн. псков., I, 248.
Мирошка, псковичъ, II. 95.
Мирошки, фамилія, Мирошкина чадь, I. 75, 77.
Мисюрь, дьякъ, II. 361.
Митрофанъ, архіеп. новг., I. 79; II. 253, 265, 266 изгнанъ, 267 умеръ.
Митяй, II. 258.

Digitized by Google

Михаила Арханг. и Гавріила церк. XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Михаила Арханг. монас. въ Новг., II. 288, 322.
Михаила Арх. церковь въ Кобыльемъ городкѣ, II. 390.
Михаила Арх. церковь въ Новг., II, 383—385, 387.
Михаила Архистр. церковь въ Москвѣ, I. 176; II, 427.
Михаила св. соборъ, церковь въ Аркажѣ мон., II. 308.
Михаила св. церковь въ Кіевѣ, II. 207.
Михаила св. церковь въ Озолицѣ, I, 373.
Михаила св. церковь въ пригородѣ Вельѣ, II. 390.
Михаилъ Александровичъ, кн. тверской, I. 118—120, 141; II. 67, 82, 218, 347.
Михаилъ Александр. Олельковичъ, кн. новг., I. 154, 156, 164, 171; II. 332, 426.
Михаилъ Андреевичъ, кн., двоюр. братъ вел. кн. моск. Ив. Вас., I. 175
Михаилъ Всеволодовичъ (изъ Ольговичей), кн. черниговскій, I. 98 кн. новг., 99, 145; II. 207.
Михаилъ Клопскій, юродивый, I. 152; II. 295, 296, 325.
Михаилъ, кн. пермскій, I. 408, 409.
Михаилъ, одинъ изъ устроителей Псково-Печер. мон., II. 361.
Михаилъ, патріархъ констант., II. 402.
Михаилъ, первый рус. митрополитъ, I. 35, 37, 59.
Михаилъ, протопопъ, II. 258.
Михаилъ Ярославичъ тверской, вел. кн., I. 107—109 казненъ въ Ордѣ, 110, 390; II. 195.
Михаилъ Ѳедоровичъ, посадникъ новг., II. 104.
Михайловка, въ Новг., II. 387.
Михайловская улица въ Новг., II. 386, 427.
Михайловскій женс. мон. во Псковѣ, II, 352.
Михалицкій монастырь на Молотковѣ, II. 308.
Михалка, посадникъ новг., II. 104 убитъ.
Михей, отецъ архіеп. Евфимія II-го, II. 288.
Мичкинъ, пермскій воевода, I. 408.
Миша, новгор., I. 351.
Миша, посолъ новг. кн. Ярослава, I. 251.
Многа, р., II. 352.
Можайскъ, гор., I. 123.
Моисей, архіеп. новг., I. 228, 257, 258; II. 255—257, 263—266 удалился въ монастырь, 275, 287 основ. Колмовс. обитель, 288, 297, 321, 322, 324, 343.
Моисей, ветхоз., II. 355.
Моисей, новг. купецъ, II. 200.
Моисей, печерскій чудотв., II. 346.
Мойславъ, новг. путешественникъ, II. 370.
Мойско, озеро, см. Ильмень.
Молвотицы, село, I. 166.
Молданъ, югорскій кн., I. 409.
Молога, гор., I. 123.
Молога, р., II. 64.
Молотково, уроч. и монастырь, II. 308.
Мономаховичи, кн., I. 57, 58, 60—64, 104.
Мономахъ, кн. Владиміръ, I. 50—52, 58, 63, 65, 396; II. 319, 414.
Моргъ, фантастич. рѣка, II. 371.
Морево, погостъ, I. 166, 344.
Моржевскій монастырь, II. 349.
Моржегоры, селеніе, II. 65.
Морозовъ, Григорій, предвод. моск. рати, I. 241.
Москва, гор., I. 53, 115—117, 121, 123—125, 140, 141, 157, 158, 160, 162—165, 171, 175, 176, 178, 186, 187, 191, 193, 196, 200, 202—208, 210, 211, 222, 223, 225, 226, 228, 259, 263, 266, 267, 272, 276, 277, 279, 280, 284, 285, 287—289, 292—295, 298, 308, 312, 314, 380, 384, 385, 409, 410; II. 28, 31, 34, 41, 118, 203, 220, 250, 288, 297, 299, 313, 332, 383, 427.
Москва, Московская земля, Моск. государство, Московія, Московщина, I. 113, 115, 121, 123, 127, 128, 151—154, 161, 164, 178, 183, 185, 187, 189, 193, 206, 211, 212, 214, 216, 220, 223, 225, 226, 239, 243, 259, 263, 272, 276, 280, 312—314, 380, 384, 385, 409, 411; II. 25, 31, 202, 258, 259, 261, 262.

Digitized by Google

Москва, ясакъ моск. рати, I. 184, 186.
Мостищенскій монастырь, I. 210.
Мостище, посадъ, II. 10.
Мста, р., I. 33, 75, 139, 175, 194; II. 63, 64, 319.
Мстиславичи, кн., I. 57, 66.
Мстиславъ Владимировичъ, Мономаховичъ (Великій), кн. новг.. I, 46, 47, 50—52, 55, 58, 65, 73, 74, 396 взялъ Оденпе; II. 6, 319, 388.
Мстиславъ Изяславичъ, вел. кн. кіев., I. 66; II. 39, 303.
Мстиславъ, кн. владимір., II. 57.
Мстиславъ (Мстиславичъ) Удалой, кн. торопецкій, I. 46, 77 кн. новг., 78—81, 83—85, 87, 89—97 битва на Липицѣ, 107, 250, 326, 327, 329; II. 162, 190, 267.
Мстиславъ Романовичъ, кн. кіев., I. 79, 97.
Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый, кн. смол. и новг., I. 46, 67, 72, 77, 250, 396.
Мстиславъ Юрьевичъ (изъ суздл.), кн. новг., I. 66; II. 102.
Мурманская земля, Мурманъ (Норвегія), II. 113, 114, 337.
Мурманскій островъ, II. 341, 342.
Мурома, народъ, I. 16.
Муромская земля, I. 163.
Муромъ, гор., I. 123, 222, 225.
Мусцы, селеніе, I. 183.
Мутная, р., потомъ Волховъ, см. Волховъ.
Мучь, островъ, II. 343.
Мячино, озеро, II. 307, 308.

Н.

На Болотѣ, уроч. во Псковѣ, II. 389.
На Бору, уроч., I. 396.
На Бродахъ, уроч. во Псковѣ, II. 390.
На Вагѣ, край, II. 35.
Набережская губа, край, I. 181; II. 62, 74, 390.
На Власьевой Горкѣ, костеръ во Псковѣ, II. 13.
На Влицахъ, селеніе, II. 72.
На Волку, уроч. во Псковѣ, II. 352, 390.
На Горкѣ, уроч. во Псковѣ, II. 389.
На Двинѣ, Двинская Земля тожъ, II. 35, 36, 48, 49, 52. См. Дв. Земля.
Надимъ, р., I. 405.
На Житуни, уроч. въ Новгор., II. 385.
Назаръ, новг. подвойскій, I. 203, 204, 208, 211.
На Звозѣ, уроч. во Псковѣ, II. 389.
На Козьей Бородкѣ, уроч. въ Новг., II. 384.
На Колѣнѣ, ур. въ Новг., II. 163, 385.
На Лисьей Горкѣ, посадъ и монастырь, II. 11, см. Лисичья Горка.
На Лубяницѣ, уроч. въ Новгородѣ, II. 387.
На Людгощѣ, въ Новг., II. 388, см. Людгощая.
На Незнановѣ-Горѣ, костеръ во Псковѣ, II. 13.
На Персяхъ, костеръ во Псковѣ, II. 13.
На Пескахъ, часть Пскова, II. 352, 389.
Нарва, гор., II. 182, 199, 202.
Нарва, р., I. 357.
Наримунтъ-Глѣбъ, кн. новг., сынъ Гедимина литовск., I. 112, 113, 116, 259, 266, 363; II. 57, 58.
Нарова, р., I. 187, 207, 357, 359, 370, 372, 373 миръ псковичей съ нѣмцами; II. 6, 59, 60, 74, 182.
Наровская губа, край, I. 296; II. 59, 74.
На Рогатицѣ, уроч. въ Новгор., II. 384.
На Розважи, уроч. въ Новг., II. 388.
На Сковородкѣ, монастырь, II. 266.
На Скудельницѣ, уроч. въ Новгор., II. 388.
Насоновъ, Никита, пск. посолъ, I. 159.
На Сѣняхъ, уроч. въ Новгор., II. 386.
Наталія, княгиня, II. 350.
Наталія, строительница церкви въ Ситецкомъ мон., II. 323.
На Торгу, во Псковѣ, II. 389.
На Торгу, въ Новг., II. 384, 386, 387.
На Холмѣ, уроч. въ Новг., II. 384, 385.

Digitized by Google

На Цеблѣ, селеніе, II. 72.
На Черехѣ, уроч. во Псковѣ, II. 351.
Наоанаилъ, игуменъ, II. 317.
Нева, р., I. 349, 352, 353, 362, 363, 369, 390; II. 61, 62, 179, 180, 195, 196, 200, 208, 215, 216, 219, 239, 305.
Невельскія волости, II. 63.
Неволинъ, писатель, II. 70.
Нейгаузенъ, гор., II. 73, см. Новгородокъ.
Нелидовъ, Гаврила, моск. военач., I. 408.
Немира, Григорій, бояринъ новг., II. 332.
Немиръ, посолъ лит. кн. Витовта, I. 135.
Немиры, фамил. новг., I. 155.
Немюга, р., II. 66.
Ненокса, селеніе, II. 66.
Неревскій конецъ, часть Новг., I. 155; II. 5, 6, 9, 10, 98, 102, 109, 156—158 пожары, 219, 307, 308, 323, 324, 384—388.
Нередицы, посадъ новг., II. 11.
Нерукотвореннаго Образа церковь XV в. во Псковѣ, II. 390.
Нерукотвореннаго Образа церковь въ Новг., II. 387.
Нестеровъ, Трифонъ, новг. купецъ, II, 216.
Несторова лѣтопись, I. 14.
Несторъ, лѣтописецъ, I. 23.
Несторъ, слуга богатыря Іева Поповича, I. 93.
Нетимеръ, король, I. 26.
Нефедій Дикунъ, витязь, I. 91.
Нижній Иртышъ, р., I. 405.
Нижній Новгородъ, гор., I. 123, 128, 225, 226; II. 114, 116.
Нижняя Пермь, I. 407, 408.
Нижняя Тойма, сел., II. 65.
Низовская Земля, Низъ, I. 212, 215, 226; II. 115, 206, 218.
Никита, діаконъ, ересеначальникъ, II. 417.
Никита, епископъ никомидійскій, II. 396, 397.
Никита, епископъ новгор., II. 250, 282, 283, 305, 306.
Никита Ларіоновичъ, посолъ новг., Ларіоновъ тожъ, I. 162, 163.
Никита, митрополитъ кіевск., II. 414,
Никита, посолъ вел. кн. Дим., I. 371.
Никитина, Никитская улица въ Новг., I. 174, 197, 199, 209.
Никитинъ, Иванъ, I. 131.
Никитская пустынь, близь Пскова, II. 352.
Никитскій монастырь во Псковѣ, II. 352.
Никиты св. церкви XIV и XV в. въ Новг., II. 386, 387.
Николаевская Косинская пустынь, II. 348.
Николаевскіе монастыри на Волкѣ и на Завеличьѣ во Псковѣ, II, 352.
Николаевскій жен. мон. въ Новг., II. 324.
Николаевскій мужск. монастырь на Двинѣ, II. 349.
Николай юродивый, см. Качановъ Николай.
Никола св. Можайскій, церк. въ Новг., II. 242, 243.
Николая святителя церк. въ Вяжищахъ, II. 290, 291.
Николая св. (Николы) церкви въ Новг., II. 103, 111, 124, 320, 384, 387, 388.
Николая св. церк. въ Изборскѣ Старомъ, II. 390.
Николы въ Понедѣльѣ монастырь, II. 323.
Николы Качанова церк. въ Новг., II. 146.
Николы Липенскаго монастырь, Липенскій мон. тожъ, II. 319, 320.
Николы Липенскаго церковь въ Новг., II. 10.
Николы Мостищенскаго монастырь въ Новг., II. 11, 323.
Николы на Волку, церк. XV в. во Псковѣ, II. 390.
Николы на Звозѣ, церк. XV в. во Псковѣ, II. 389.
Николы Новаго, церк. XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Николы св. домъ въ гор. Островѣ, I. 382.
Николы св. монастыри новгород. (Никольскіе), II. 108, 323—325.
Николы св. патрон. церк. въ Порховѣ, I. 137; II. 53, 390.

Digitized by Google

Николы св. церк. во Владимирцѣ, II. 390.
Николы св. церк. въ Навережской губѣ, II. 390.
Николы у Вопоки, церковь XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Никольскій Верендскій или Перекомскій мон., II. 325.
Никольскій конецъ и посадъ въ Новг., II. 11, 387.
Никольскій Корельскій мон. близь устья Двины, II. 349.
Никольскій мон. въ Ладогѣ, II. 348.
Никольскій Яренскій мон., II. 349.
Никольщина-братчина, II. 124.
Никоновская лѣтопись, I. 93, 125, 261, 262.
Никонъ, патріархъ, II. 421.
Никулицынъ, бывш. Болванскій городокъ, I. 234, 236, 237.
Нилъ, патріархъ константин., II. 258, 417.
Нифонтъ, монахъ конст., II. 402, 403.
Нифонтъ, новг. епископъ, II. 250, 252, 282, 283, 307, 350 основ. Спасо-Мирожс. монастыря.
Новгородокъ (Нейгаузенъ), I. 371 миръ псковичей съ нѣмцами, 372, см. Нейгаузенъ.
Новгородская Земля, край, волость, I. 11, 16, 18, 22, 32—34, 40, 45—47, 54, 57—60, 67, 69—75, 78, 80—83, 85, 86, 96—115, 118, 120—123, 126, 134—138, 142, 156, 165, 166, 172, 173, 175, 178, 179, 191, 195, 198, 207, 212—215, 240, 248—250, 253, 257, 284, 301, 310, 342, 360, 389—395; II. 5, 10, 20, 21, 25, 26, 32, 35, 48, 58—60, 73, 74, 82, 87, 113, 117, 161, 164, 179, 181, 194, 200, 206, 210, 211, 223, 225, 248, 270, 272, 273, 299—302, 330, 332, 336, 363, 380, 383, 426.
Новгородская лѣтопись, I. 44, 49, 70, 113, 128, 247, 254—256, 260, 334, 337, 341, 342, 358, 359, 367; II. 383.
Новгородъ, Великій Новгородъ, I. 4, 7, 11, 13, 15, 22, 24, 27—68, 87, 96—147, 149—167, 169, 171—178, 181—183, 185, 186, 198—218, 220—229, 233—238, 240—274, 276—281, 286—292, 296—302, 305—307, 309, 313, 315, 321—324, 326, 327, 335—340, 342—346, 348, 349, 352—360, 363—374, 378, 380, 389—405, 407—409; II. 3, 5—11, 17—21, 25—42, 44, 45, 47, 49, 51—60, 62—68, 70—73, 78—85, 88—94, 96, 99, 102—106, 109, 111—113, 115, 117, 122, 123, 126, 127, 130, 131, 135, 136, 140—142, 146—148, 150—154, 156, 159—162, 164—166, 170—181, 184, 185, 189—211, 213—221, 223—239, 242, 243, 247—254, 257, 259—267, 269—277, 279—288, 290, 293—302, 304, 306—310, 313, 317—321, 323—326, 328—338, 340—343, 346, 350, 354, 363—366, 368, 370, 374, 378, 380—383, 388, 415—418, 425—428.
Новоторжская область, Земля, I. 82, 142; II. 53, 59, 68, 346.
Новый Бѣлозерскій городокъ, I. 131.
Новый городъ (на Волховѣ), I. 13, 375.
Новый Торгъ, Торжокъ, гор., I. 73, 75, 77; II. 52—54, 57—59, 211.
Ногайская татар. Орда, I. 236.
Ногай, ханъ, I. 104.
Ноздрьчю, новгор., I. 51.
Норвегія, I. 360, 363; II. 170, 171, 205.
Нутная улица въ Новг., II. 386.
Нѣжата, ладож. посадникъ, II. 52.
Нѣлезинъ, островъ, II. 309.
Нѣманъ, р., I. 25, 26.
Нѣмецкая Ганза, II. 173—175, см. Ганза.
Нѣмецкая Земля, I. 354, 374, 375, 377, 379, 381.
Нѣмецкій дворъ въ Новг., II. 386.
Нѣмецкій Орденъ, I. 347.
Нятинъ монастырь, II. 343, 344.

О.

Обдорская Земля, I. 410.
Оберпаленъ, гор., I. 382.
Оболенскій, Александръ, кн., предв. моск. войска, I. 382 убитъ.
Оболенскій Стрига, князь Василій Иванов., нач. моск. отряда, I. 175.

Digitized by Google

Оболенскій, Ярославъ, моск. воевода, I. 378.
Обонежская Корела, II. 64.
Обонежье, край, I. 399; II. 64.
Образецъ, Вас. Өед., предвод. моск. рати, I. 174.
Обуховъ, II. 115.
Обь, р., I. 405, 409.
Оваке, новг. купецъ (вѣроятно Абакумъ), II. 198.
Овиновъ, Захарія, новг., I. 203, 205.
Овиновъ, Кузьма, новг., I. 205.
Овстратъ, новг., I. 81.
Оденпе, городъ, I. 344; II. 350, см. Медвѣжья Голова.
Одигитріи устюжс. икона, I. 133.
Одинецъ, моск. подъячій, I. 218.
Озеро (на Псадѣхъ и Олоньѣ), I. 394.
Озолица, уроч., I. 373.
Ойять, Оять, р., I. 402; II. 64, 339, 345.
Околотокъ, ч. Новг., I. 219; II. 5.
Олафъ, св., I. 24, 33; II. 169, 171.
Олегъ, кн. кіевс., I. 20, 22—24, 27, 31, 32, 247, 321, 323.
Олегъ, сынъ кіев. кн. Святослава, I. 34.
Олекса Сбыславичъ, II. 98.
Олельковичи, кн., I. 157.
Олонецкая Корелія, I. 402.
Олонецъ, р., II. 64.
Ольга, кн. св., I. 32, 247, 248; II. 296.
Ольгердъ, вел. кн. литов., I. 115—117, 137, 261, 262, 266; II. 207.
Ольговичи, кн., I. 57—62, 65, 73, 74, 78, 104.
Омовжа, р., I. 345, 370.
Омучь, р., II. 348.
Онега, р., I. 399, 400; II. 64, 65, 206, 211.
Онежское озеро, I. 362, 367, 402; II. 64, 340—343.
Оникіевъ, Иванъ, вятчанинъ, I. 242.
Онисифоръ Лукичъ, воевода и посадникъ новг., II. 35.
Онуфрій, преподоб., основ. Богород. мон. близь Изборска, II. 352.
Опока, бывшій гор. на Шелони, II. 62.
Опоцкій конецъ во Псковѣ, II. 14.
Опочка, городъ, I. 258, 268, 269, 372; II. 56, 76, 390.
Орда татарская, I. 104, 105, 109—111, 113, 116, 117, 255—257, 259, 260, 403, 407; II. 106, 206, 254.
Орденъ Меченосцевъ и Нѣмецкій, Ливонскій Орденъ, I. 110, 135, 136, 324, 346—348, 368—370, 373, 375, 376, 380, 385; II. 181, 191, 194—197, 199, 200, 202, 215.
Орестъ, II. 121.
Оригенъ, II. 415.
Орлецъ, гор., I. 131, 132, 401; II. 65, 106.
Орловъ, пригор. Вятки, I. 237, 239.
Ортемьинъ, Климентій, новг., II. 109.
Орѣховецъ, Орѣховскій гор., Орѣшекъ, Орѣховъ, I. 112, 114, 365, 367, 370; II. 57, 58, 61, 224.
Орѣховъ островъ, II. 61, 362.
Осиновецъ, городокъ, I. 240.
Оспиъ Захарьевичъ, новг. посадникъ, I. 132.
Остзейскій край, I. 324; II. 194.
Островъ, гор., I. 270, 370, 380 взятъ нѣмцами; II. 55, 77.
Острогардъ, такъ называемый рус. гор., II. 171.
Остромиръ, новг. посадникъ, I. 46, 48.
Острыя Лавицы, конецъ во Псковѣ, II. 14.
Отенская пустынь и мон., II. 296, 299—301, 325.
Отеръ, путешественникъ, I. 403.
Отрочъ-монастырь, II. 287.
Охта, р., I. 361.
Очела, гор., I. 396.

II.

Павелъ, апостолъ, II. 422 ссылка на него стригольниковъ.
Павелъ, игуменъ соловец., II. 340.
Павелъ, посадникъ ладож., II. 61.
Павла св. церк. въ Новг., II. 9.
Павловъ Варецкій женс. мон., II. 319.
Паденгскій погостъ, II. 65.
Палеологъ, Софія, невѣста вел. кн. моск. Ив. Вас., I. 280.
Палестина, I. 368.

Digitized by Google

Палицъ или Палецъ, гор., II. 64, нынѣ деревня Пальцова.
Палка Богодайщиковъ, вятч., I. 242.
Палласъ, уч., II. 209.
Памфилъ, новг. бояринъ, I. 173.
Памфилъ, игуменъ, II. 154, 353 сподвижникъ св. Евфросина.
Панкратъ, новг. подвойскій, I. 290.
Пантелеймоновскіе ближній и дальній монастыри во Псковѣ, II. 351.
Пантелеймоновъ монастырь въ Новгор., I. 210 занятъ моск. воеводами; II. 11, 307.
Панфилъ, Панфильевъ, Маркъ, новг. купеч. староста, I. 197, 222.
Паозерье, край, I. 10.
Пареній, новг. архимандр., I. 132.
Патрикій Наримунтовичъ, кн. новг., I. 122, 126; II. 33, 36, 54, 58.
Патрикѣевъ, кн., нач. моск. отр., I. 239.
Патрокъ, II. 121.
Пахомій, инокъ, основ. Кенскаго мон., II. 349.
Пахомій Сербъ, жизнеописатель разн. святыхъ, II. 288, 296, 299.
Паша, р., II. 64.
Пежма, р., II. 65.
Пекернема, селеніе, II. 66.
Пелгусій, Филиппъ, нач. морской стражи, I. 350.
Пельша, р., I. 409.
Пенковъ, Вас. Никиф., посадникъ новг., I. 202, 205.
Перемышль, гор., II. 267.
Перетомскій или Перекомскій мон., Перекомъ, II. 336, см. Никольскій Верендскій.
Переяславль-Залѣсскій, гор., I. 58—60, 86, 93, 95, 97, 98, 112, 225, 343, 345.
Пермь, гор., I. 403; II. 206, 209, 211, 227.
Пермь, народъ, I. 389, 403, 404, 407, 408.
Пермь, Пермская Земля, Пермская Закамская Земля, I. 400, 407—409; II. 66, 73, 209, 211, 227.
Перна, р., I, 362.
Перновъ, гор., II, 181, 182, 198, 201.
Персія, I. 407.
Перунъ, яз. бож., I. 5, 8, 39; II. 100, 247, 302.
Перхушковъ, Григорій, I. 239.
Перынскій монастырь, Перынь, II. 10, 11, 302.
Перыня, сказоч. городокъ, I. 5.
Петра и Павла монастырь въ Новг., II. 11.
Петра и Павла церкви XII, XIV и XV в. въ Новг., II. 384, 386—388.
Петра и Павла церковь во Псковѣ, I. 359; II. 389.
Петра митрополита церк. XV в. въ Новг., II. 387.
Петра св. церковь нѣмецкаго двора въ Новг., II. 186, 189, 191, 213.
Петропавловскій дѣвичій мон. бл. Новг. на Синичей Горкѣ, II. 309.
Петръ Васильевичъ, кн. псков., I. 297.
Петръ, вымскій князь, I. 409.
Петръ дюисбургскій, историкъ, I. 25.
Петръ, св., митроп. моск., II. 287.
Петръ Өед., царевичъ, зять вел. кн. моск. Ив. Вас., I. 298.
Пецкая губа, край, II. 59, 74.
Печерская обитель въ Кіевѣ, I. 156; II. 301.
Печора, народъ, I. 389, 403, 405, 407.
Печора, Печорская земля, I. 400, 405, 406; II. 66, 73, 209.
Печора, р., I. 6, 403, 404, 407, 410.
Пещерда (Нещерда), озеро, I. 371.
Пидьба, р., I. 39, 210; II. 10.
Пиладъ, II. 121.
Пильгоры, селеніе, II. 66.
Пименъ, ключникъ еписк. Іоны, I. 155, 161, 162.
Пименъ, митроп. моск., II. 258, 259.
Пименъ, священникъ, II. 290, 291.
Пингишъ, селеніе, II. 65.
Пинега, р., II. 66.
Пинежка, р., II. 66.
Пинемскій волокъ, II. 66.
Пинскъ, гор., I. 116.
Пиритой, II. 121.
Писцовъ, Данило, II. 97.
Пишма, р., I. 403.
Плеттенбергъ, мейстеръ Ордена, I. 381.
Плещеевъ, костром. воевода, II. 116.
Плоская, I. 78.
Плотницкій конецъ, ч. Новг., II. 5, 9, 11, 158, 308, 323—325, 385—387.

Digitized by Google

Плошкино, село, I. 198.
Плюса, р., II. 60, 73.
Пнисаде, I. 338.
Побережье, ч. Новг., I. 155; II. 387.
Поволжье, край, I. 86, 104; II. 116, 206, 210.
Повѣнецъ, гор., II. 344.
Погодинъ, историкъ, II. 18,
Подвига или Подюга, р., II. 65.
Поклончеевъ, Иванъ, новг. посолъ, I. 289.
Покрова Богородицы церкви въ Новг.: II. 321 при Щиловс. мон., 386—XIV в. у Прусс. воротъ.
Покрова Богородицы церк. XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Покровскій женск. мон. во Вревѣ, II. 352.
Покровскій мон. во Псковѣ, II. 352.
Пола, р., II. 63.
Полинарьины, бояре, I. 197.
Полиста (имя сестры Руса), р., 5; II. 62, 348.
Полная, р., II. 337.
Полонище, посадъ, часть Пскова, I. 294, 377, 383, 385; II. 12, 351, 352, 390.
Полота, р., I. 19.
Полоцкая земля, I. 17, 371; II. 62, 68.
Полтескъ, Полоцкъ., гор., I. 19, 20, 47, 54, 72, 262, 324—326, 349; II. 150, 189.
Польша, I. 135, 136, 153, 165.
Померанія, II. 170.
Поморская Чудь, нар. I. 250, 397.
Понедѣлье, посадъ, I. 125; II. 224.
Поповичъ, Филиппъ, пск. купецъ, I. 306.
Поромоня, новг., I. 41.
Порусія, р. (по имени жены Руса), I. 5, 12; II. 62.
Порусія, страна, I. 26.
Порфиріевскій на Папоротнѣ монастырь, II. 325.
Порфирій Инамскій, основ. Порфир. мон., II. 325.
Порфирій, странникъ, II. 310.
Порховщина, волость, II. 74.
Порховъ, гор., I. 116, 137, 138, 181, 271; II. 52, 55, 58, 62, 161, 224, 348, 390.
Порхъ, нѣм. гор., I. 372.
Порья, р., II. 349.
Посахно, Григорій Кирил., порховскій посадникъ, I. 138.
Потанюшка Хроменькій, пѣсен., лицо, II. 124.
Похвалы Богородицы церк. XV в. во Псковѣ, II. 389.
Поццо, озеро, II. 62.
Почка, гор., I. 409.
Почка, р., I. 408.
Правда и Уставъ, грам. Ярослава, I. 44, 47, 48.
Преображенія Господня церк. на Соловкахъ, II. 340.
Преображенія, патр. церк. въ Русѣ, II. 53, 390.
Преображенія церк. въ Новг. X в. I. 37, 38; II. 4, XIII вѣка.
Преображенскіе монастыри, II. 341 около Каргополя и въ Русѣ—347.
Преполовеніе, II. 380.
Прилуцкое, селеніе, II. 65.
Приморская Гаррія, край, I. 397.
Прокопій, воевода ушкуевъ, II. 116.
Прокопій, судья пск., II. 87.
Прокопія св. церк. XIV в. въ Новг., II. 386.
Протасьевъ, Лука, княж. посолъ, I. 257.
Пруссія, Прусск. Земля (Самбія) Пруссы, I. 7, 8, 26, 28, 152; II. 184.
Прусская улица въ Новг., I. 27, 68, 81; II. 6, 102, 106—108, 157 пожаръ, 163, 229, 325, 383, 385—388.
Прусскія ворота въ Новг., II. 6, 386.
Прусы, обитатели Прус. улицы въ Новг., II. 6.
Пскова, р., II. 11—13.
Псково-Печерскій монастырь, II. 282, 352, 360.
Псковская Земля, область, I. 11, 17, 98, 207, 249, 253, 260, 262, 264, 269, 270, 273, 284, 291, 295, 302, 305—307, 313, 314, 334, 336, 371, 372, 375, 376, 381, 382, 384, 394; II. 30, 53, 55, 56, 59, 60, 62, 73, 74, 82, 85, 117, 142, 161, 209, 276, 299, 302, 350, 351, 380, 388, 416, 426.
Псковская Лѣтопись, I. 205, 256, 260—262, 264, 270, 348, 359, 367, 382, 384, 385; II. 62, 159, 160, 281.

Digitized by Google

Псковская судная грамота, II. 46, 49, 51, 87, 88, 94.
Псковское озеро, I. 354; II. 73.
Псковъ, гор. (Плесковъ, Пльсковъ), I. 11, 16, 32, 59—61, 109, 110, 112, 126, 158—160, 162, 165, 168, 172, 175, 178, 180, 181, 207, 247—316, 321, 332, 334—336, 341—344, 346—348 сданъ Ордену, 352, 354, 356 — 359, 369 — 375 перемиріе съ нѣмцами псковичей, 376—381, 383, 385, 394, 396, 397; II. 11, 13, 14, 17, 19, 26, 37—39, 41—43, 45—48, 50, 54, 56, 60, 75, 78, 79, 82, 85, 86, 89, 91, 93, 94, 98, 112, 113, 117, 118, 123, 142, 146, 151, 156, 159—161, 163, 164, 166, 181, 182, 189, 196, 197, 202, 213, 216, 218, 220, 225, 230, 271—273, 275—282, 286, 350, 353, 356, 357, 359—361, 364, 366, 380, 388, 389, 391, 415, 417, 418.
Пудога, нынѣ Пудожъ, гор., II. 65, 341.
Путята, тысячскій, I. 36—39.
Мшага, р. (Мшага), I. 116; II. 62.
Пятницы св., церкви XII и XIV в. въ Новг.; II. 180, 214, 381, 384, 386.
Пятницы св. церковь въ Красномъ, I. 383.

Р.

Рагнвальдъ, шведъ, I. 45, 323.
Радоковицы, уроч., II. 324, 386.
Радуницы, празднество, II. 153.
Ракомъ, посадъ, I. 41; II. 11.
Раскильдія, край, II. 170.
Расмуссенъ, писатель, II. 170.
Ратимиръ, пѣшій слуга, I. 351.
Ратьшиничъ, Самойло, новг. боярин, II. 106.
Рауна, р., I. 334.
Ревель (Колывань), гор., I. 327, 332, 338, 344, 346, 380; II. 197, 201, 203, 216.
Ревельскій Совѣтъ, II. 198, 199.
Редятина улица въ Новг., II. 386.
Решеховъ, Юрій, новг. патріотъ, I. 222.
Рессо, озеро, II. 62.
Ржева, Пустая, гор. и волость, I. 166, 216; II. 55, 62.
Ржевская волость, II. 62, 63, 68, 72.
Ржевъ, гор., I. 123.
Рига, гор., I. 251, 252, 324—327, 330, 342, 343, 372, 374, 376, 379; II. 87, 190, 201.
Ризенкампфъ, писатель, II. 175, 187.
Римъ, гор., II. 41, 304, 305, 307.
Ринбертъ, жизнеописат. св. Ансхарія, I. 25.
Ричардъ, антл. кор., II. 172.
Робейля, р., II. 319.
Рогатица, улица, II. 120.
Роденштейнъ, (фонъ), Отто, ливонскій ландмейстеръ, II. 177.
Родіонъ, новг. боярин, I. 132, 134.
Родіонъ, стольникъ владычный, I. 159.
Рождества Пресв. Богородицы церковь Антоніевомъ мон., II. 304.
Рождества Христова церкви во Псковѣ, II. 351, 389.
Рождества Христова церкви XIII и XIV в. въ Новг., II. 10, 11, 385, 386.
Рождественскій мон. въ Новг., II. 323.
Розважая улица въ Новг., I. 155.
Романова Гора, уроч. во Псковѣ, II. 389.
Романъ, кн. новг., сынъ Мстислава Изясл., I. 66, 71.
Романъ, посадникъ пск., II. 41.
Романъ (Ростиславичъ), кн. смол., I. 67.
Романъ Сидоровъ, пск. посолъ, II. 201.
Романъ Юрьевичъ, кн. въ Новг., I. 126.
Ромуальдъ, св., житіе, I. 26.
Роната Лавица, часть Пскова, II. 14.
Россія, Рус. Земля, Русь, I. 7, 11, 21, 24, 25, 30, 31, 35, 45, 46, 52, 53, 55 — 59, 65, 71, 76, 79, 80, 101, 103—107, 115, 122, 163, 164, 176, 179, 190, 207, 220, 222, 259, 267, 357, 358, 379; II. 19, 25, 29, 32, 39, 69, 105, 113, 124, 139, 152, 160, 162, 164, 169—171, 197, 205, 207—210, 219, 231, 248, 251, 257, 280, 281, 302, 341, 350, 404, 418, 425, 428.
Ростиславъ (Мстиславичъ), кн. новг., I. 65, 66, 78, 79.

Digitized by Google

Ростиславъ, (сынъ Юрія суздальс.), кн. новг., I. 62, 64.
Росткина улица въ Новг., II. 387.
Ростовская Земля, I. 50, 141.
Ростовъ, гор., I. 15, 17, 36, 50, 59, 69, 82, 86, 91, 123, 225; II. 346.
Рощинское озеро, II. 340.
Рубруквисъ, писатель, II. 231.
Русь, гор., I. 5—7, 102, 109, 122, 142, 143, 150, 171, 174, 175, 178—180, 187, 190, 195, 196, 273, 342, 345; II. 18, 21, 36, 52, 53, 55, 58, 62, 63, 82, 157 пожаръ, 161, 211, 214, 224, 253, 347, 381, 390.
Руссія, названіе у древн. писателей, I. 25, 26, 384 (Русь).
Русская Правда, II. 84.
Руссовъ, ливонскій историкъ, II. 203.
Русь, сказочн. предводитель народа, I. 4—6.
Русь, устье р. Нѣмана, I. 25.
Русь Восточная, I. 56, 69, 80, 81, 86, 172, 258; II. 32, 208, 209, 283, 380.
Русь, древнее названіе принѣманской страны, I. 26.
Русь кіевская, I. 12, 69, 80.
Русь (названіе варягъ), I. 23—26; II. 6.
Русь (поляне), I. 42.
Русь, р., I. 26.
Русь Сѣверная, I. 3, 24, 172, 346; II. 379.
Русь Южная, I. 45, 53, 55, 56, 58, 60, 72—74, 78, 80, 85, 96, 99; II. 206, 210, 247, 267.
Рыбниковъ, собир. народ. пѣсенъ, II. 239.
Рюрикъ, кн. (домъ его), I. 8, 19, 31, 46, 126, 163, 167, 254; II. 19.
Рѣдья, р., II. 62.
Рязанская Земля, I. 76.
Рязанъ, воевода ушкуевъ, II. 118.
Рязань, гор., I. 151.
Ряполовскій, кн., моск. военачальн., I. 239.

С.

Савакоть, финс. народность, I. 391.
Савва Вишерскій, св., II. 60, 297.
Савва, новгородецъ, I. 351.
Савва, иск. подвойскій, I. 172.
Савва, основ. Ермпецкаго мон., II. 359, 360.
Савватій, основ. Соловецкаго мон. II. 340.
Саввина улица въ Новг., II. 384.
Саввы св., церкви XII, XIII и XV в. въ Новг., II. 384, 385, 388.
Савелковъ, Иванъ, новг. патріотъ, I. 222.
Савка, новгородецъ, I. 406.
Саволаксъ, провинція, I. 363, и Саволаксъ Малый, 368.
Садко, сказ. богатырь, II. 148, 211, 232—243.
Садко Сытиничъ, строитель новг. церкви Бориса и Гл., II. 384.
Саккала, провинція, I. 331, 332, 337, 338.
Саксонъ Грамматикъ, II. 170.
Салчій, татар. кн., II. 117.
Самоѣдь, народъ, I. 405.
Сампсонъ, чернецъ, впосл. владыка новг. Симеонъ, II. 263—265, см. Симеонъ.
Самуилъ, царь іуд., I. 176.
Сандулія, келейница, II. 351.
Сара, р., I. 86.
Сарай, татар., I. 239; II. 115.
Сбродовичи, братья, II. 124.
Свентъ Естритсенъ, кор., II. 170.
Сверчокъ, крестовый дьякъ, II. 428.
Свирскій монастырь, II. 338.
Свирь, р., II. 64, 340.
Свое, (варяги), I. 23.
Своеземцевъ, Василій, посадникъ, II. 349.
Святая Гора (Аѳонъ), II. 343, см. Аѳонская Гора.
Св. Духа, церк. XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Святополкъ (Владимировичъ), вел. кн. кіевс., I. 41—44, 355; II. 39, 49.
Святополкъ (Изяславичъ), кн. новг., I. 49—51, 53.
Святополкъ (Мстиславичъ), кн. во Псковѣ, I. 61, 64 въ Новгор., 65 въ Берестьѣ, 249.
Святославъ Всеволодовичъ, изъ рода Ольговичей, вел. кн. кіев., I. 73, 74; II. 271.

Digitized by Google

Святославъ (Всеволодовичъ), кн. новг., (сынъ Всеволода суздал.), I. 75, 77, 78.
Святославъ (Игоревичъ), кн. кіевс., отецъ Влад. св., I. 33, 34.
Святославъ, кн. кіевс., сынъ Ярослава, отецъ Глѣба, убитаго въ Заволочьѣ, I. 49.
Святославъ, кн. псковс., I. 254,
Святославъ (Мстиславичъ), кн. новг., сынъ Мст. Роман., I. 97.
Святославъ Ольговичъ, кн. новгор., I. 60—63.
Святославъ Ростиславичъ, кн. новг., I. 66, 67, 324.
Святославъ (Юрьевичъ), кн. изъ суздальс., I. 335.
Святославъ (Ярославичъ), кн., племян. Ал. Невскаго, I. 102.
Святыхъ Отецъ церкви XII, XIV и XV в. въ Новг., II. 384, 386, 387.
Сегозеро, озеро, II. 64.
Селезневъ-Губа, Василій, новг. патріотъ, I. 188 казненъ.
Селезневы, фамилія изъ политич. партіи въ Новг., I. 155, 197.
Селиванъ, бояринъ, посолъ моск., I. 159.
Селиверстъ Леонтьевичъ, пск. посадникъ, II. 42.
Селигеръ или Серегеръ, озеро, I. 344; II. 63.
Селога, пск. посадникъ, I. 258; II. 43.
Семенъ Борисовичъ, бояринъ Водовикъ, II. 95, 110.
Сергій, архіеп. новг., бывшій моск. протопопъ Симеонъ, I. 228, 229, см. Симеонъ, моск. прот.
Сергій, св. валаам., II. 337, 408.
Сергія препод., храмъ, постр. Іоною, влад. новг., II. 299.
Середній городъ, часть Пскова, I. 310, 313, 314; II. 12.
Серпуховъ, гор., I. 123.
Сестра, р., I. 368; II. 61.
Сибирь, I. 17, 406, 407.
Сителакке, швед. военач., I. 360.
Ситгуна, гор., Ситгунъ, II. 170.
Сизма, р., I. 399.
Сильвестровская Лѣтопись, I. 35 Никон. списокъ, 36.
Сильвестръ Леонтьевъ, новг. посадникъ, II. 110.
Симеона св. церк. XIV в. въ Новг., II. 387.
Симеонъ, архіеп. новг., бывшій чернецъ Самсонъ, II. 108, 265, 274, 291, 366. См. Самсонъ.
Симеонъ Ивановичъ, вел. кн. моск., I. 114—117, 366; II. 388.
Симеонъ, москов. протопопъ, I. 227 посвященъ въ еписк. новг., подъ именемъ Сергія. См. Сергій.
Симеонъ Олельковичъ, кіевск. кн., I. 156, 171.
Симеонъ Ольгердовичъ, литов. кн., I. 126 въ Новг., 135, 136, 140; II. 58.
Симеонъ Романовичъ, кн. псков., I. 296.
Симеонъ, товарищъ Арсенія, основ. Коневс. мон., II. 339.
Симундъ, купецъ, II. 170.
Синелецъ, городокъ, II. 414.
Синеусъ, кн., I. 31.
Синкиницъ, Кирило, новг., I. 345.
Синя, Синяя, р., I. 382; II. 77.
Синячая Горка, уроч. и мон., II. 309.
Сирица, р., I. 384 битва русскихъ съ нѣмцами.
Ситицкій мон. и посадъ, II. 323.
Скандинавія, I. 34; II. 170, 171.
Скарявый, Іосифъ Шмойла, еретикъ, II. 427.
Скифъ, сказ. потомокъ Асета, I. 4.
Сковородка, уроч. въ Новг., I. 211, 228; II. 322.
Славенскій конецъ, часть Новг., I. 226; II. 5—9, 60, 109—111, 158, 319, 384, 386.
Славенскъ, гор., Изборскъ тожъ, I. 7.
Славкова улица въ Новг., I. 197, 199; II. 385—387.
Славно, уроч., II. 383, 386, 387.
Слободской гор., пригородъ Вятки, I. 237.
Словене, по лѣтоп. новгородцы, I. 32, Словени (Русь), I. 24.
Словенская Ильмерская Земля, I. 163.
Словенскъ, сказ. гор., I. 6, 7, 13.
Словенъ, сказоч. предвод., I. 4—6.
Словенъ, сынъ Гостомысла, I. 7.
Словянская Земля, I. 6.
Смердій мостъ во Псковѣ, II. 12, 389.

Digitized by Google

Смердьи ворота во Псковѣ, II. 13.
Смоленская Земля, I. 54, 72; II. 63, 68, 116.
Смоленскъ, гор., I. 50, 54, 78, 116; II. 261, 292.
Смолково, уроч., II. 345.
Смольнянинъ, воевода ушкуевъ, II. 116.
Снѣжная, р., II. 348.
Снѣтогорское подворье, дворъ мон. во Псковѣ, I. 309; II. 389.
Снѣтогорскій (Снятогорскій) мон. близъ Пскова, I. 359; II. 351, 353, 364, 366.
Снятная гора, уроч., II. 351.
Совѣтъ Управленія на Висби, II. 172, 199.
Соколья Гора, уроч., II. 324.
Солза, р., II. 66.
Солза, селеніе, II. 66.
Соловецкій монастырь, I. 173; II. 338, 340.
Соловки, островъ, Соловецкій, II. 66, 340, 341.
Соловьевъ, историкъ, I. 41, 47.
Соломбала, селеніе, II. 66.
Солтыкъ-Травинъ, моск. военач., I. 409.
Сольца, Сольцы, селеніе, I. 183, 263.
Сороть, р., I. 267; II. 76.
Сорокъ Мучениковъ, цер. XII и XIV в. въ Новг., II. 384, 385, 387.
Сорочинская Гора (въ пѣснѣ о Буслаевѣ), II. 137.
Сосницкій погостъ, II. 10.
Сосница, р., II. 333.
Софійская Лѣтопись, II. 417.
Софійская Сторона, иначе Владычняя, въ Новг., I. 155, 210, 223; II. 3, 5, 8, 10, 11, 102, 108, 110, 111, 156—158 пожары, 323—325, 368, 383—387.
Софійская церковь въ Константинополѣ, II. 395.
Софійскій Временникъ, I. 44, 49; II. 337.
Софійскій дворъ въ Новг., I. 161, 220; II. 33, 38.
Софія св., соборн. патр. церковь въ Новг., I. 48, 72, 77, 83, 84, 96, 98, 102, 113, 130, 131, 140, 147, 156, 161, 174, 185, 198, 215, 222, 225, 228, 259, 271, 273, 302, 349, 355, 373; II. 3, 38, 59, 81, 90, 105, 106, 108, 158, 251, 262, 263, 268, 270, 272, 273, 286—288, 292—294, 303, 313, 382, 383, 386—388.
Софія св., церковь XV в. во Псковѣ, II. 389.
Спаса Преображенія церкви XIV и XV в. въ Новг., I. 68, 69; II. 382, 384, 386, 388.
Спаса св. монастырь въ пригор. Вельѣ, II. 352.
Спаса св. мон. въ Русѣ, I. 345.
Спаса св. мон. на Полной рѣкѣ, II. 337.
Спаса св. церкви во Псковѣ, I. 378; II. 389.
Спаса св. церковь въ Изборскѣ-Новомъ, II. 390.
Спаса св. церковь патрон. въ Новомъ-Торгу, I. 119; II. 53, 390.
Спаса св. церковь въ Опочкѣ, II. 390.
Спаса св. церковь въ Твери, II. 347.
Спаса св. церковь въ Хутынскомъ мон., I. 174; II. 315.
Спасо-Каменскій Духовъ мон. въ Вологдѣ, II. 348.
Спасо-Мирожскій мон., II. 14, 350, 358.
Спасо-Нередицкій мон., II. 309.
Спасская губа, край, II. 59.
Спасскій Видогощенскій мон., II. 325.
Спасскій мон. во Псковѣ, I. 359.
Спасскій мон. въ Новг., II. 324.
Спиридонъ, архіеп. новг., I. 349; II. 254, 262 избранъ, 264.
Спиридонъ, воевода новг., I. 351.
Срѣтенія церковь XII в. въ Новг., II. 385.
Ставръ Годиновичъ, боярин, I. 51
Ставръ, новг. сотскій, I. 51.
Стародубъ, гор., I. 123.
Старое Вознесеніе, церковь XV в. во Псковѣ, II. 389.
Старый Бѣловерскій городокъ, I. 131.
Старый костеръ во Псковѣ, II, 13.
Стенъ, шведс. воевода, I. 364.
Степанко, новгор., II. 107, 108 волненіе въ Новг. изъ за него.

Digitized by Google

Степанъ Твердиславичъ, посадникъ новг., II. 109, 110.
Стефанъ, епископъ нов., II, 250.
Стефанъ, описатель путешествія въ Царьградъ, II. 370.
Стефанъ св., I. 404.
Стехна, смердъ пск., I. 295.
Столпъ, вершина Уральс. хребта, Камня, I. 410.
Стрига, князь, моск. воевода, I. 142.
Стригольническая ересь, II. 416.
Суболическій берегъ, I. 355.
Суда, р., II, 64.
Судила, посадникъ, I. 63, 64.
Суздаль, гор., I. 59, 62, 82, 93, 123; II, 206.
Суздальская лѣтопись, I. 47, 70, 75.
Суздальская земля, Сузд. край, I. 59, 62, 64, 69, 72—75, 82, 84—88, 91, 96, 97, 99, 121, 128, 349; II. 206.
Суздальско-Ростовская земля, I. 69, 70, 104.
Сула, р., II, 414.
Супрасльская лѣтопись, II. 303, 417.
Сухловъ, Гаврило, пск. посолъ, II. 201.
Сухона, р., I. 134; II. 65.
Сухощекъ, Іеремія, новгор. патріотъ, I. 188 казненъ.
Схарія, ученый іудей, II. 426, 427.
Сырня, смердъ псков., I, 295.
Сысва, р., I. 407.
Сысоевы ворота во Псковѣ, II. 13.
Сысой, посадникъ псков., II, 41.
Сысола, р. I. 242, 403.
Сытинскій погостъ, I, 207.
Сѣверное море, I. 409.
Сѣверъ, II, 206, 225.

Т.

Таваста, нар., I. 355.
Тавда, р., I, 409.
Тарвастъ, назв. города по нѣмец. лѣтоп., I. 379, 382.
Тарентъ, (басня о его основаніи), I. 233.
Татищевъ, историкъ, I. 30, 79; II. 303.
Твердило Ивановичъ, псков. посадникъ, I. 253, 348.
Твердиславъ, новг. посадникъ, I. 79, 330; II, 102, 103, 274 его ссора съ новг. княземъ Всеволодомъ.
Тверская земля, I. 123, 177; II. 287.
Тверца, р., I. 84, 85, 119.
Тверь, гор., I. 81, 85, 107, 109, 110, 117, 120, 121, 123, 151, 207; II. 116, 161, 287, 334, 347.
Тевтонскій Орденъ, I. 25, 324.
Тезей, II. 121.
Темное озеро, I. 6.
Теншинъ, Иванъ, псков. посадникъ, I. 381.
Теодорихъ, братъ епис. латышск. Альберта, I. 328, 331.
Терентьище, изъ новг. пѣсни, II 155, 156.
Терминга, р., II. 65.
Терминскъ, посадъ, II. 65.
Терпиловскій, Терпиловъ погостъ, II. 45, 66.
Терскій берегъ, Тре, Теръ, Тигръ тожъ, новг. волость, I. 400, 402; II. 66.
Тиверскій городокъ, II, 58, 62.
Тимофеевъ, Павелъ, новг. купецъ, II. 216.
Тимофей Васильевичъ, псков. посадникъ, II. 43.
Тимофей (Иванъ), сынъ вел. кн. моск. Вас. Дим., II. 332 см. Иванъ Васильевичъ, вел. кн. моск.
Тимофей Юрьевичъ, нач. новг. ополченія, I. 131.
Тимофея Довмонта церк. XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Титмаръ, писатель, I. 26.
Тихвинка, р., II. 345.
Тихвинскій монастырь, II. 344.
Тихвинъ, гор., II, 345.
Тма, р., II. 63.
Тмутаракань, край, I. 16.
Товарковъ, Иванъ Өед., посолъ вел. кн. Ив. Вас., I. 169.
Товтивалъ, кн. полоцкій, I. 358.
Толва, р., II. 353.
Толвуево, село, II. 340.
Торгѣтъ, лицо изъ Саги Олафа, II. 169.
Торгнй, шведъ, I. 24.
Торговая сторона въ Новг., иначе Купецкая, I. 37, 210, 223; II. 3, 5, 7—11, 33, 38, 102, 108, 110,

Digitized by Google

156—159 пожары, 368, 382, 384, 385, 387.
Торговище, Торгъ, рынокъ во Псковѣ, I. 310; II. 13.
Торговый конецъ во Псковѣ, II. 14.
Торгъ, рынокъ въ Новг., II. 7.
Торжковская земля или Новоторжская волость, I. 114, 115, 123, 216; II. 63.
Торжокъ, см. Новый Торгъ, гор., I. 81—85, 101, 104, 108, 111, 112, 114, 118—120, 123, 127—130, 132, 134, 141, 142, 149, 174, 175, 177, 180, 181, 194, 207, 342; II. 8, 36, 63, 67, 82, 109, 115, 161, 162, 218, 224, 271, 346, 347, 390.
Торкель Кнутсонъ, правитель Швеціи, I. 360.
Торопецкая волость, I. 345; II. 63.
Торопецъ, гор., I. 79, 337; II. 180, 267.
Торопъ, слуга витязя, I. 91.
Торческъ, гор., II. 39.
Тохтамышъ, ханъ, I. 121, 238.
Тренденъ, гор., I. 334.
Третьякъ Далматовъ, моск. дьякъ, I. 300, 305—309.
Трехъ Святителей церковь и монастырь, иначе Елизарьевъ монастырь, II. 352, 353, 355, см. Елизарьева пустынь.
Трехъ Отроковъ церк. XII в. въ Новг., II. 385.
Триката, гор., I. 382.
Троицкій монастырь въ Новг., Ксенефонтовъ Троицкій, I. 228; II, 73, 319.
Троицкій монастырь въ Шенкурскѣ, II. 349.
Троица, лавра близъ Москвы, I. 207.
Троицы Живоначальной домъ во Псковѣ, I. 291, 296, 298, 304, 308—310.
Троицы св., монастырь близъ Вологды, II. 348.
Троицы св., патрон. церковь во Псковѣ. I. 249, 262 крещенъ кн. Андрей, сынъ Ольгерда, 268, 273, 275, 277, 359, 373, 376, 383; II, 279, 280, 388, 389.
Троицы св. церковь XII в. въ Новг., II. 385, 386.
Труворъ, кн., I. 31, 247,
Тунегъ, ручей, I. 89.
Туровская волость, II. 72.
Туровъ, гор., I. 49, 50, 59.
Тучковъ, Иванъ, боярин, посолъ моск., I. 208.
Тюмень, р., I. 409.
Тютчевъ, Борисъ Матв., моск. военачальникъ, I. 174.

У.

У Вопоки, во Псковѣ, II. 389.
Уггеноисъ, край, I. 326, 332, 336, 338, 339, 395, 396.
Угличъ, гор., I, 123.
Угоняй, новг. тысячскій, I. 37.
Угра, р., I, 268.
Узбекъ, царь, I. 114.
Узерва, р., I. 361; II. 61.
Узмень, I. 354.
Умила, дочь Гостомысла, I. 30, 31.
Умылъ-Бородка, Григорій, псков. посолъ, I. 280.
Уна, селеніе, II. 66.
Упадышъ, новгор., I. 188, 189.
Уралъ, р, I. 404.
Уральскій хребетъ, I. 405, 407.
Урмяне (варяги), I. 23.
Урось, гор., I, 407.
Усвятскія волости, на Усвятѣ, I. 342; II. 63.
Успенія Богородицы церкви, во Псковѣ II. 390, и во Псково-Печер. мон. 361.
Успенія Богор. церковь въ Устюгѣ, I. 133.
Успенія въ Колмовѣ, церковь и мон. близъ Новгор., II, 321.
Успенія церкви XII, XIV и XV вѣка въ Новгор., II. 214, 384, 386, 387.
Успенская церковь, Успенскій соборъ, въ Москвѣ, I. 176; II, 383, 427.
Успенскій Деманскій монастырь, II. 347.
Успенскій мон. близъ Каргополя, II. 341.
Успенскій Мурманскій монастырь, II. 341.
Успенскій Ошевенскій монастырь, II. 341.
Успенскій Сыльвенскій или Сыренскій мон., II. 341.

Digitized by Google

У Стараго Костра, ур. во Псковѣ, II. 389.
Устьсысольскъ, гор., I, 400.
Устюгъ, гор., I. 123, 127, 131—133, 135, 236, 238, 240; II. 218.
Устюжна, гор., I. 127; II. 114.
Успѣновенія церковь XV в. въ Новг., II. 388.
Ухть-островъ, селеніе, II. 66.
Ушатый, кн. Петръ Өед., моск. военачальникъ, I. 410.

Ф.

Феликсъ, сынъ Маріы посадницы, II. 349.
Феллинъ, гор., Вилеенде тожъ, I. 332, 337, 338, 379, 382.
Филиппа св. церковь XIV в. въ Новг., II. 386.
Филиппъ, діаконъ, II, 356.
Филиппъ, митроп. моск., I, 162, 164, 167, 169, 176, 190, 193; II. 280, 367, 381.
Филоѳей, патріархъ, II. 256, 257.
Филоѳей, пермскій владыка, I. 410.
Финляндія, I. 24, 323, 343, 348, 355, 357, 361, 365, 391, 392, 402.
Финляндія шведская, II. 61.
Фишеръ, ученый, I. 404.
Фландрія, II. 206.
Флора и Лавра церк. XIV в. въ Новг., II. 386.
Фонъ-деръ Гейде, Даніель, посолъ Ганзейскій, II. 197.
Фотій, митрополитъ моск., II. 355, 375, 377, 379, 418, 424—426.
Фридрихъ I. нѣм. импер., II. 171, 173, 204, 232.

Х.

Хаврыгоры, селеніе, II. 65.
Хазарская держава, II. 206.
Хапутъ, Моисей, еретикъ, II. 427.
Харитина, игуменья, II. 309.
Харламній, сподвижникъ св. Ефросина, II. 353.
Хидырь, ханъ, II. 114.
Хлыновица, р., I. 235.
Хлыновъ, гор., нынѣ Вятка. I. 235—237, 239, 242. См. Вятка.
Ходнице, урочъ., I. 7.
Холмовскій погостъ, I. 166.
Холмогоры, гор., I. 135, 194, 407; II. 65.
Холмскій, кн. Даніилъ Дмитр., начальникъ москов. отряда, I. 175, 178, 179, 182—187. См. Даніилъ Холмскій.
Холмъ, гор., II, 63.
Холова, р., I. 197.
Холопья улица въ Новг., II. 385, 388.
Хомушка Горбатенькій (изъ пѣсни о Буслаевѣ), II. 124.
Хоревъ, братъ кіевскаго кн. Кія, I. 12.
Хотъ Григоровичъ, княж. намѣстникъ въ Новг., I. 81.
Хоченема, селеніе, II. 65.
Хревкова улица въ Новг., II. 388.
Хризомолъ, грекъ, II. 400—402.
Христова Воскресенія церковь въ Москвѣ, I. 186.
Христова церковь XIV в. въ Новг., II. 386.
Хутынскій монастырь близъ Новг., II. 11, 267, 288, 291, 292, 310, 313.
Хутынь, посадъ, прежде Худынь, мѣсто избр. для монастыря, II. 10, 11, 310—312, 315.

Ц.

Цареградъ, Царьградъ, гор., I. 365; II. 258, 318, 356, 357, 369, 370.

Ч.

Чаколъ, селеніе, II. 66.
Челмахта, селеніе, II. 65.
Челмогорская пустынь, II, 341.
Чепецъ, р., I. 234.
Чердынь, гор., I. 407.
Черемененцкій Іоанна Богослова монастырь, II. 348.
Черная, р., I. 361, 408.
Черниговская земля, область, I. 54; II. 207.
Черниговъ, гор., I. 45, 79, 98, 99; II. 207.
Черничина улица въ Новг., II. 388.
Черное море, II. 206.
Черторизскій, Александръ Васил., кн. псковс., I. 273—275, 373 предводитель новгор. войска, 374.
Чиглонимъ, посадъ, II. 65.
Чирцова пустынь, II. 349.
Чортова Лахта, заливъ, II. 339.

Digitized by Google

Чудовъ мон. въ Москвѣ, I. 133, 226.
Чудская земля, Чудь, Изборская земля тожъ, I. 7, 11, 17, 63, 72, 327, 394—397; II. 93.
Чудское озеро, I. 17, 253, 326, 354.
Чудь-Ерева, край, I. 327, 338.
Чудь (Ливонія), I. 394—396.
Чудь, народъ, I. 7, 11, 15, 17—19, 78, 100, 250—252, 324, 326, 354, 355, 389, 391, 394—397; II. 64, 79, 342.
Чурьяга, р., II. 341.
Чюдинцева улица въ Новг., II. 108, 163, 324, 385, 387, 388.
Чюкчелема, селеніе, II. 65.
Чюкчинъ конецъ, посадъ, II. 65.
Чюшола, селеніе, II. 66.

Ш.

Швеція, I. 323, 348, 359, 360, 363, 399; II. 200, 205, 208, 216, 230, 337.
Шегренъ, ученый, I. 397, 399, 400, 402, 403.
Шексна, р., I. 400.
Шелонская битва, II. 165.
Шелонь, вм. Шелонская пятина, земля, II. 60, 62.
Шелонь, гор., II. 62.
Шелонь, имя жены Словена, I. 5.
Шелонь, р., I. 5, 11, 116, 126, 182—185, 188, 190, 194; II. 62, 348.
Шемяка, кн. Димитрій, вел. кн. моск., I. 139, 140 въ Новг., 239; II. 67.
Шенкурскъ, гор., II. 65, 349.
Шепенштеде, Іоганнъ, посолъ ганзейскій, II. 197.
Шесна, I. 86.
Шестакъ-Кутузовъ, моск. военач., I. 241.
Шестозеро, селеніе, II. 65.
Шлезвигъ, страна, II. 170.
Шлецеръ, ученый, I. 404.
Шоноша, р., II. 65.
Шуезеро, озеро, II. 64.
Шуйскій-Гребенка, кн. Василій Васильевичъ (изъ суздальск.), I. 175 предв. новг. войска, 197, 198, 202, 215 отдался моск. вел. кн. Ив. Вас., 377 намѣстникъ Пскова, 381 военач. моск., 384.
Шулонема, селеніе, II. 66.

Щ.

Щекъ, братъ кіевс. кн. Кія, I. 12.
Щеня, кн. Данило, военач. моск., I. 383.
Щенятевъ, кн. Мих. Даніл., I. 313.
Щиловъ монастырь, II. 320.
Щитъ, новг. посадникъ, II. 320, 321.
Щиркова улица въ Новг., II. 387.
Щитинница, уроч., II. 385.
Щитная улица въ Новг., II. 387.

Э.

Эвксипонтъ, I. 4.
Эдмундъ, кор. шв., I. 24.
Эзель, островъ, I. 331.
Эйвандъ, упом. въ сагѣ Олафа, II. 169.
Эмайовки, р., Эмбахъ тожъ, I. 332, 395; II. 182, 198.
Эммануилъ, греч. царь, II. 382.
Эрикъ, сынъ Эдмунда, кор. шв., I. 24.
Эрикъ Эриксонъ, кор. шв., I. 348; II. 174.
Эрмисъ, гор., I. 382.
Эрнстъ, архіеп. рижскій, II. 195.
Эстляндія, Эстонія, Эст. земля, I. 24, 327, 331, 337—339, 394; II. 170, 174.

Ю.

Югра, край, Югорская земля, I. 257, 400, 404—406, 409, 410; II. 66, 73, 97, 209, 218, 227.
Югра, народъ, I. 389, 403, 407, 408.
Юлинъ, гор., II. 170, 171.
Юмышъ, селеніе, II. 65.
Юрій Александровичъ, корм. кн. новг., I. 103.
Юрій (Андр.) кн. новг., сынъ Андрея суздальск., I. 71.
Юрій (Васил.), кн., братъ вел. кн. моск. Вас. Вас., II. 67, 314.
Юрій (Васильев.) кн., сынъ вел. кн. моск. Вас. Вас., I. 143, 175, 275.
Юрій Витовтовичъ, воевода кн. Ольгерда, I. 261.
Юрій Всеволодовичъ, кн., сынъ Всев. Юрьев. суздальскаго, I. 84 во Владимірѣ, 86—88, 90, 92—95 удалился въ Городецъ, 97, 98, 144 вел. кн. суздальскій; II. 267.

Digitized by Google

Юрій Димитріевичъ, нач. новг. ополченія, I. 131.
Юрій, кн. моск., I. 108, 109 вел. кн., 110 въ Новгор. и потомъ убитый въ Ордѣ Дим. тверскимъ, 146, 256, 403, 407.
Юрій, кн. псковс., I. 252.
Юрій, кн. суздал., братъ Андрея, I. 57—59, 62, 63, 65, 66, кн. кіевскій.
Юрій Мишиничъ, новг. посадникъ, II. 106.
Юрій Онцифоровичъ, новг. посадникъ, II. 40.
Юрій Святославичъ, кн. смоленскій, I. 135 въ Новг.; II. 58.
Юрій, священникъ новг., I. 89.
Юрій (Симеоновичъ), кн. литовс., сынъ Сим. Ольгерд., I. 140 въ Новг.
Юрій Тимоѳеевичъ, пск. посадникъ, II. 42—44.
Юрій Филипповичъ, пск. степен. посадникъ, II. 41.
Юрія св. церковь въ Кіевѣ, II. 303.
Юролъ, селеніе, II. 66.
Юрьева гора, I. 89.
Юрьевская слобода близъ монастыря, II. 155.
Юрьевскій монастырь (Юрьевъ мон.) въ Новг., I. 140, 210; II. 11, 155, 286, 287, 290, 302, 303, 307.
Юрьевъ, Василій, новг. купецъ, II. 216.
Юрьевъ, гор. (владим.), I. 87, 93, 123, 225.
Юрьевъ, гор. (Дерптъ), I. 326, 339—342, 345, 347, 368, 370, 371, 374, 375, 377, 379, 395—397; II. 197, 303, 361.
Юрьевъ день, I, 411; II. 29.
Юшманъ, сынъ вогульскаго кн. Асыки, I. 409.

Я.

Явнута, братъ Ольгерда лит., I. 116.
Явольдъ, смоленс. боярин., I. 85.
Явонь, р., II. 63.
Ягелло, кор. польс., I. 136.
Ядрей, новг. воевода, I. 406.
Яжелбицы, столица вел. кн. моск. Вас. Вас. съ войскомъ, I. 142, 187, 207.
Якова св. церк. въ Новг., II. 98.
Яковлева Курья, селеніе, II. 66.
Яковлева улица въ Новг., II. 384, 387, 388.
Яковъ, дьякъ моск., I. 172.
Яковъ Захарьичъ, великокняж. намѣстникъ въ Новг., I. 226.
Яковъ Полочанинъ, княж. ловчій, I. 351.
Яковъ Прокшиничъ, новг. посланный, I. 406.
Яковъ, сынъ путешеств. Моислава, II. 370.
Якуновичъ, новг. посадникъ, I. 125.
Якунъ Зоболомица, новгор., I. 81.
Якунъ, посадникъ новг., I. 63, 396 сосланъ въ Чудь; II. 93, 96.
Якунъ, тысячскій новг., I. 81.
Яма, гор., II. 61, 224.
Ямалайсеть, языкъ финск. племени, I. 402.
Янева улица въ Новг., II. 108, 387.
Ярополкъ (Владимировичъ), кн. новг., преемникъ Мстислава новг., I. 58, 59 вел. кн. кіевс., 62.
Ярополкъ (Ростиславичъ) владим. князь изгнанникъ, II. 57 въ Новомъ Торгу, потомъ въ Новгородѣ.
Ярополкъ (Святославичъ), кн. кіевс., братъ св. Владимира, I. 34, 41, 322.
Ярославль, гор., I. 65, 123; II. 115.
Ярославово Дворище, Ярославовъ или Княжъ-дворъ въ Новг., I. 45, 83, 84, 96, 204, 206, 218, 219, 221, 223; II. 8, 33, 38, 60, 94, 106, 109, 110, 384, 386.
Ярославъ (Васильевичъ), кн. пск., братъ князя Стриги, I. 279, 281—283, 285—288; II. 360.
Ярославъ Владимировичъ, кн. намѣстникъ псковс., I. 293—295 (1483 г.).
Ярославъ Владимировичъ, кн. новг., внукъ Мстислава Великаго, I. 74, 75, 82, 250; II. 57, 309 (1199 г.).
Ярославъ Владимировичъ, кн. псков. сынъ Владимира псковс., I. 253, 338—345 присталъ къ нѣмцамъ и за то въ плѣну у псковичей, 347; II. 57, 350 (XIII в.).
Ярославъ Владимировичъ, сынъ кіев. кн. св. Владимира, внукъ св. Ольги, I. 40—48 вел. кн. кіевс.

Digitized by Google

и кн. новг., 50 его грамоты, 52, 56, 99, 112, 114, 145, 322, 323, 355, 395, 396, 400; II. 4, 49, 171, 251, 303 (X—XI в.).
Ярославъ Всеволодовичъ, сузд. кн., сынъ вел. кн. Всеволода Юрьевича, отецъ Ал. Невс., I. 47, 80 кн. новг., 81—85 въ Торжкѣ, 86 война съ Мст. Уд. и бѣгство во Владиміръ, 87—88 бой на Липицѣ, 91—93 бѣгство, 95—98 въ Переяславлѣ, 145, 250—252 въ Новг., 342—345 вражда съ нѣмцами и со псковичами, 352 вел. кн., 393, 394; II. 39, 162, 218, 267.
Ярославъ (Изяславичъ), кн. новг., сынъ Из. Мст., I. 65.
Ярославъ (Юрьевичъ) кн. новг., преемникъ Всеволода, I. 337, 338.
Ярославъ Ярославовичъ, братъ Александра Невскаго, кн. новг. и вел. кн., I. 100—104, 254, 255, 390, 398; II. 47, 80, 103, 104, 106, 177, 195.
Ярунъ, нач. отряда новг., I. 85.
Ярышева улица въ Новг., II. 386.
Яскисъ (Ескисъ) провинція, I. 363, 368.

Ѳ.

Ѳаворскій свѣтъ, II. 396.
Ѳедоровская, Ѳедорова ул. въ Новг., I. 174, 197.
Ѳедоровскій ручей въ Новг., II. 9.
Ѳедоровъ, Лука, новг. посолъ, I. 208.
Ѳедоръ Александровичъ, кн. пск., I. 266.
Ѳедоръ Давидовичъ, моск. бояринъ, I. 175 военач., 193, 203.
Ѳедоръ Данил., посадникъ новг., II. 107.
Ѳедоръ, казначей владыки Евф., II. 293.
Ѳедоръ, кн. новг., братъ моск. Юрія, I. 108.
Ѳедоръ Никифор., степ. посадникъ пск., II. 44.
Ѳедоръ Патрикѣевичъ, кн. пск. (внукъ Наримунта), I. 266.
Ѳедоръ Патрикѣевичъ, степ. посадникъ пск., II. 43, 44.
Ѳедоръ Пестрый, кн. воевода, I. 408.
Ѳедоръ, посадникъ гор. Русы, I. 342.
Ѳедоръ, посадникъ новг., I. 257.
Ѳедоръ, посадникъ пск., II. 418.
Ѳедоръ, ростовскій кн., воевода на Двинѣ, I. 131, 132.
Ѳедоръ Студитъ, II. 411.
Ѳедоръ, сынъ новг. посадника, II. 343.
Ѳедоръ, юродивый, II. 368.
Ѳедоръ (Юрьевичъ), кн. въ Новг., сынъ Юрія Свят. смоленскаго, I. 135, 136.
Ѳедоръ Юрьевичъ, кн. псков., I. 277, 279.
Ѳеогностъ, архіеп., новг., II. 275.
Ѳеогностъ, митр. запад., I. 111.
Ѳеогностъ, митр. москов., I. 257, 258; II. 254, 256.
Ѳеодора св. монастырь на Кокшенгѣ, II. 349.
Ѳеодора св. церкви въ Новг., II. 288, Ѳеодора Тирона XII в. 384, Ѳеодора Стратилата XII, XIII и XIV в. 384—386.
Ѳеодора св. церковь XIV в. во Псковѣ, II. 389.
Ѳеодоръ, кн. вымскій, I. 409.
Ѳеодоръ, кн., сынъ тверск. князя Александра Мих., I. 259 убитъ въ Ордѣ.
Ѳеодосій, архіеп. новг., прежде игуменъ Клопс. мон., II. 263—265 избранъ, 268 изгнанъ, 326, 328, 330, 331.
Ѳеодосій, игуменъ на Соловкахъ, II. 340.
Ѳеодосій, митроп. моск., II. 366.
Ѳеодосій, старецъ со Святой Горы, II. 343.
Ѳеоктистъ, архіеп. новг., II. 254, 263—266 удалился въ монастырь.
Ѳеофилактъ, новг. посадникъ, I. 211.
Ѳеофилова Успенская Коневская пустынь, II. 348.
Ѳеофилъ, архіеп. новг., I. 161 избранъ, 162, 164, 178, 196—198, 200, 204, 220, 225 заточенъ въ Чудовомъ мон., 227; II. 264, 274, 361.
Ѳеофилъ, инокъ, основ. Усп. Коневс. мон., II. 348.
Ѳома Доброщаница, новоторж. посадникъ, I. 81.
Ѳома Назарьевичъ, изъ пѣсни о Садкѣ, II. 237.
Ѳома, сподвижникъ Ефрема на Верендѣ, II. 336.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

стр.

Описаніе Великаго Новгорода и Пскова.

I. Великій Новгородъ 3
II. Псковъ 11

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общественная жизнь и нравы Великаго Новгорода и Пскова.

I. Сословія. 17
II. Вѣче 32
III. Должностныя лица. 38
IV. Пригороды и волости. 52
V. Военная сила. 78
VI. Судъ 82
VII. Усобицы. 99
VIII. Ушкуйники. 113
IX. Новгородскій удалецъ по народному воззрѣнію *(Василій Буслаевичъ)*. 118
X. Частная жизнь 141
XI. Общественныя бѣдствія 156

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Торговля.

I. Древнія извѣстія о торговлѣ Новгорода съ Западомъ.—Готландъ.—Любекъ.—Иноземные дворы въ Новгородѣ . 169
II. Договоры съ Ганзою и права нѣмецкихъ торговцевъ въ Новгородѣ. 175
III. Устройство нѣмецкаго торговаго двора 182

Digitized by Google

IV. Предметы, способы и характеръ торговли съ нѣмцами. . 190
V. Торговля Новгорода съ русскими землями. Предметы торговли 205
VI. Новгородское купечество. — Товарищества. — Опасности, ихъ вызывавшія. 212
VII. Пріемы и характеръ мѣстной торговли 220
VIII. Мѣры, вѣсъ, монета 225
IX. Народное воззрѣніе на личность купца. *(Садко богатый гость).* 232

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Церковь.

I. Стремленіе новгородской Церкви къ самостоятельности.— Борьба съ митрополитами 247
II. Способъ избранія владыкъ.—Ихъ права и значеніе . . 262
III. Споры новгородскихъ владыкъ со Псковомъ 275
IV. Замѣчательныя личности изъ новгородскихъ владыкъ 282
V. Монастыри 301
VI. Управленіе и устройство монастырей 362
VII. Юродивые и паломники 367
VIII. Особенности новгородской Церкви 371
IX. Церкви 381
X. Ереси 391

Digitized by Google

ОШИБКИ и ОПЕЧАТКИ

ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
4	21	Богоявленія	Воскресенія
8	31	90	93
—	33	Н. I 98	Новг. IV. 98.
12	11	Домонтомъ	Довмонтомъ
18	34	Н. IV. 120	Новг. IV. 30.
19	33	251	253
56	10	Пзковъ	Псковъ
80	8	Іоанна II	Іоанна III
118	13	воззрѣнію.	воззрѣнію. (Василій Буслаевичъ).
169	2	Готландъ, Любекъ,	Готландъ. — Любекъ.—
262	21	1192	1193
341	7	великаго Новгорода	Великаго Новгорода.
349	8	городу. [1]) Въ	городу. Въ
—	9	норвежцы	норвежцы. [1])

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned
the Library on or before the last d
stamped below.

A fine of five cents a day is incurr
by retaining it beyond the specifie
time.

Please return promptly.

CANCELLED

JAN 27 '6 H

150

CANCELLED
APR 2 1990

STALL STUDY
CHARGE

CANCELLED

6 7 53426
APR 1 1990

Digitized by Google